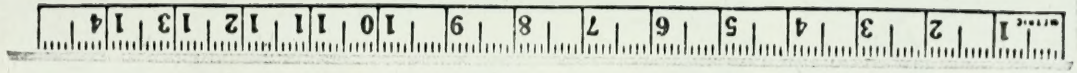
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00358549 4

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1963

PHOTODUPLICATION SERVICE
WASHINGTON 25, D. C.



2
576

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВѢКА

1890 – 1910

ОР. 8124

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ПРОФ.
С. А. ВЕНГЕРОВА

ИЗД.
Т-ВА „МІРЪ"
МОСКВА

А. Аркштамъ

Vengerov, Semen Afanas'evitch.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

XX ВѢКА

(1890—1910).

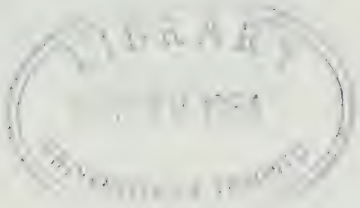
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

профессора С. А. ВЕНГЕРОВА.

При участіи: Н. Л. Абрамовича, прив.-доц. С. А. Адріанова, проф. Е. В. Аничкова, В. А. Базарова, проф. Ѳ. Д. Батюшкова, В. Я. Брюсова, проф. С. А. Венгерова, А. Е. Грузинскаго, А. Г. Горнфельда, Л. Я. Гуревичъ, А. Б. Дермана, А. С. Долинина, проф. Ѳ. Ѳ. Зѣлинскаго, Р. В. Иванова-Разумника, прив.-доц. П. С. Когана, Л. С. Козловскаго, Е. А. Колтоновской, Н. И. Коробки, В. П. Кранихфельда, проф. П. П. Митрофанова. Н. О. Лернера, В. Л. Львова-Рогачевскаго, М. Н. Невѣдомскаго, прив.-доц. Н. Х. Пиксанова, Г. А. Полонскаго, Э. Л. Радлова, проф. П. Н. Сакулина, Д. В. Философова, А. Г. Фомина, Г. А. Чулкова и др.

Изданіе Т-ва „МІРЪ“.
МОСКВА.

PG
3016
V46
t.2



588031

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1915.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

XX ВѢКА

(1890—1910).

Часть I.

(Окончаніе).

Томъ II.

ПЕРЕОЦѢНКА ВСѢХЪ ЦѢННОСТЕЙ.

(1890-ые гг.).

(Окончаніе).

Біографическая справка

Анастасіи Чеботаревской.

Ѳедоръ Кузьмичъ Тетерниковъ (псевдонимъ Ѳедоръ Сологубъ родился 17 февраля 1863 г. въ Петербургѣ, въ семьѣ бѣдной, чисто-пролетарской. Отецъ—петербургскій ремесленникъ, портной, родомъ изъ Полтавской губ.; черезъ 4 года послѣ рожденія сына скончался отъ чахотки, оставивъ еще дочь Ольгу, 2-хъ лѣтъ. Мать Ѳ. К.—крестьянка Петербургской губ. Послѣ смерти мужа держала нѣкоторое время прачечную; потомъ долго служила „одной прислугой" на одномъ и томъ же мѣстѣ, у Агаповыхъ, до 1882 г., пока сынъ всталъ на ноги. Умерла въ 1894 г.

Агаповы, въ семьѣ которыхъ протекло дѣтство Ѳ. К., были люди интеллигентные, интересующіеся театромъ и музыкой; отношенія съ ними были сердечныя; мальчика Ѳедора крестила сама старушка Агапова, которую ребенокъ называлъ „бабушкой". Въ ихъ домѣ приходилось слышать много разсказовъ о петербургской старинѣ, начиная съ 20-ыхъ годовъ; разсказывала старушка Галина Ивановна Агапова. Часто слушалъ музыку—приходили пѣвцы,—какой-то итальянецъ изъ знаменитыхъ—не то Угетти, не то еще кто-то. Брали въ театръ; у Агаповыхъ былъ абонементъ въ оперу, хотя и наверху, и мальчику часто давали билетъ, если кто-либо изъ семьи не могъ пойти. Такимъ образомъ, 10-лѣтній Сологубъ слушалъ Патти, пѣніе которой произвело на него неотразимое впечатлѣніе,—не-то чтобы понравилось, но звукъ, тембръ голоса, какъ необычное, чудесное явленіе искусства, врѣзался неизгладимо, на всю жизнь. Сынъ Агаповыхъ, Мих. Мих., былъ недурной музыкантъ, часто игралъ; къ барышнямъ Агаповымъ нерѣдко наѣзжали гости. Одна изъ дочерей вышла за Витберга, сына знаменитаго архитектора; ребенкомъ Сологубъ гостилъ у четы Витберговъ въ Гатчинѣ, по лѣтамъ, и здѣсь присутствовалъ при бесѣдахъ историко-художественнаго характера, читалъ историческія книги. Дружескія отношенія съ семьей Агаповыхъ продолжались до самаго отъѣзда изъ Петербурга въ 1882 г. Тамъ же,

у Агаповыхъ, сталъ доставать книги, журналы, „Библіотеку для Чтенія“. Вообще читалъ много и разно. Изъ первыхъ прочитанныхъ книгъ совершенно исключительное впечатлѣніе произвели „Робинзонъ“, „Король Лиръ“ и „Донъ-Кихотъ“. Не только они были прочитаны множество разъ, но буквально изучены, строка за строкою, а пьеса разыграна, конечно, однимъ дѣйствующимъ лицомъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что эти три книги были для Сологуба своего рода Евангеліемъ. Отсюда же, вѣроятно, получили свое начало такъ развившіеся впослѣдствіи фантастика, любовь къ театру и творческій идеализмъ. Вообще въ этой странной „двойной“ жизни, въ наблюденіяхъ съ первыхъ лѣтъ отношеній „господъ и слугъ“, богатыхъ и бѣдныхъ, таилось немало психологическаго матеріала, послужившаго впослѣдствіи для изображенія быта городской бѣдноты, навсегда опредѣлились демократическія симпатіи Сологуба. Учиться началъ въ уѣздномъ училищѣ, затѣмъ окончилъ курсъ въ петербургскомъ учительскомъ институтѣ. Учился хорошо, легко; больше читалъ. Спѣшилъ окончить ученіе, чтобы дать отдохнуть матери и помочь сестрѣ. Тотчасъ по окончаніи учительскаго института (1882) получилъ должность учителя въ г. Крестцахъ, Новгородской губ., и 19-ти лѣтъ отправился на мѣсто служенія съ сестрой и матерью.

Первые стихи написалъ въ 1875 г., 12-ти лѣтъ отъ роду. Въ 1879 г. началъ писать романъ, оставшійся неоконченнымъ. Романъ долженъ былъ охватить жизнь трехъ поколѣній одной семьи, отъ 30-хъ годовъ до современности. Тогда же началъ писать теоретическое изслѣдованіе о формѣ романа. Надо прибавить, что уже въ эти годы въ юномъ поэтѣ созрѣла твердая увѣренность въ своемъ призваніи, въ заложенныхъ въ него поэтическихъ возможностяхъ. Эта вѣра въ то, что онъ долженъ создать нѣчто значительное, давала Сологубу возможность при всѣхъ житейскихъ невзгодахъ не гнаться за заработкомъ, сосредоточивать свои силы на служеніи искусству, верховную роль котораго въ жизни уже тогда онъ признавалъ. Усиленно работалъ все это время, писалъ стихи, переводилъ нѣмецкихъ поэтовъ,—Гете и Гейне, но никому не показывалъ и никуда не посылалъ.

Въ Крестцахъ прожилъ 3 года, получая жалованья 50 р. въ мѣсяцъ. Жизнь сложилась непріятно; извѣстенъ инцидентъ съ учителемъ Молинымъ, описанный въ романѣ „Тяжелые сны“, явившемся вообще отраженіемъ этой ранней провинціальной полосы жизни Ѳ. К. Городокъ Крестцы въ это время представлялъ собою подлинный типъ „медвѣжьяго угла“, гдѣ изъ каждаго дома видно поле, въ темные вечера ходятъ по улицамъ съ собственными фонарями, рискуя утонуть въ невылазной грязи, а колбасу и консервы лавочники получаютъ 1 разъ въ годъ. Приблизительно въ это же время Ѳ. К. началъ посылать свои произведенія въ журналы, но долгое время нигдѣ ничего не принимали. Въ этомъ отношеніи

Сологубъ прошелъ суровую школу, совершенно незнакомую современнымъ поэтамъ. Первое стихотвореніе напечатано въ журнальчикѣ „Весна“ 1884 г. Изъ Крестцовъ перевелся въ Великіе Луки, гдѣ прожилъ 4 года, учительствуя и изучая провинціальный бытъ. Здѣсь задуманъ романъ „Мелкій бѣсъ“, многіе образы котораго взяты съ „натуры“. Жизнь въ Великихъ Лукахъ сложилась нѣсколько удачнѣе жизни въ Крестцахъ, но, вспоминая нравы провинціальныхъ болотъ того времени, гдѣ заурядным явленіемъ были принудительная выдача замужъ дѣвушекъ изъ матеріальныхъ соображеній, дикое пьянство и озорство, Сологубъ находитъ, что онъ значительно смягчилъ краски „Мелкаго бѣса“; были факты, которымъ никто бы все равно не повѣрилъ, если бы ихъ описать. Учительствовалъ все время усердно, не пропуская ни одного урока, но столкновенія съ начальствомъ бывали нерѣдки, на почвѣ принципіально-этическихъ разногласій. Въ 1889 г. перевелся въ г. Вытегру, въ учительскую семинарію; пробылъ тамъ 3 года; слѣдя по журналамъ за новинками современности, много занимался поэзіей; началъ переводить Верлэна. Въ 1891 году сестра Ѳ. К. поѣхала въ Петербургъ на фельдшерскіе курсы; Ѳ. К. отправился ее проводить и осуществить назрѣвшее въ немъ желаніе познакомиться съ писателями Мережковскимъ и Минскимъ, произведеніями которыхъ (особенно „Бѣлыми ночами“ Минскаго) въ то время онъ сильно увлекался. Минскій отнесся къ молодому поэту съ чрезвычайной сердечностью, и знакомство съ нимъ оказало на Сологуба значительное вліяніе. При свиданіи много бесѣдовали объ искусствѣ, поэзіи, новыхъ теченіяхъ въ западной литературѣ.

Въ 1892 г. Сологубъ возвратился уже на постоянное жительство въ Петербургъ. Въ этомъ же году познакомился съ Мережковскимъ и З. Гиппіусъ, и былъ привлеченъ къ сотрудничеству въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, редактировавшемся Л. Гуревичъ и А. Волынс. мъ; въ журналѣ ихъ печаталъ стихи, первый свой разсказъ „Тѣни“ и романъ „Тяжелые сны“. Въ этой же редакціи, съ которой Ѳ. К. состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ, придумали ему псевдонимъ Сологубъ. Въ этотъ періодъ, кромѣ учительства, писанія стиховъ и романа, Сологубъ работалъ также въ журналистикѣ; такъ, въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ и газетѣ „Новости“ напечаталъ множество рецензій, замѣтокъ и статей. Къ этому же времени относятся дружба съ петербургскими поэтами символистами Владиміромъ Гиппіусомъ, Ал. Добролюбовымъ и др,. частые споры на тему о томъ (мнѣніе Сологуба), что искусство на своей зримой поверхности должно быть общепонятно и прозрачно. Въ 1899 г. назначенъ инспекторомъ Андреевскаго городского училища. Постепенно познакомился со многими петербургскими поэтами и литераторами Г. Чулковымъ, А. Ремизовымъ, А. Блокомъ, А. Кондратьевымъ и др., которыхъ собиралъ у себя по воскресеньямъ; на этихъ собраніяхъ обычно читали чье-либо новое произведеніе, подвергая его все-

общему обсужденію. Здѣсь Сологубомъ были прочитаны „Мелкій бѣсъ“, „Литургія мнѣ“, разсказы, стихи и пр. Къ этому времени основался журналъ „Новый Путь“ религіозно-философскаго направленія; Сологубъ былъ приглашенъ сотрудничать какъ въ „Новомъ Пути“, такъ и въ „Вопросахъ Жизни“, смѣнившихъ прекратившійся „Новый Путь“. Незадолго до этого Сологубъ началъ сотрудничать въ „Мірѣ Искусствъ“, „Вѣсахъ“, „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“, „Перевалѣ“ и „Золотомъ Руномъ“. Въ годы освободительнаго движенія принималъ участіе въ журналахъ и газеткахъ политико-сатирическаго направленія „Зритель“, „Сигналъ“, „Пламя“, „Вольница“, „Молотъ“, „Зеркало“, „Свѣтаетъ“, „Адская Почта“ и „Ярославская Колотушка“; Въ 1906 г., озабоченный пошатнувшимся здоровьемъ сестры, отправился съ нею на кумысъ въ Уфимскую губ., гдѣ написалъ трагедію „Даръ мудрыхъ пчелъ“. Въ томъ же году вошелъ въ сношенія съ вновь возникшимъ издательствомъ „Шиповникъ“, издалъ у него „Политическія сказочки“, а въ слѣдующемъ 1907 г. „Мелкій бѣсъ“; только въ этомъ году опредѣляется настоящій литературный успѣхъ Сологуба, до сихъ поръ подвергавшагося исключительному невниманію и неодобренію критики. Этотъ же 1907 г. явился поворотомъ и въ смыслѣ служебной дѣятельности Сологуба; по выслугѣ 25-лѣтней пенсіи онъ былъ уволенъ въ отставку и уже всецѣло и окончательно предался литературѣ. Въ 1907 г. Сологубъ лишился любимой и единственной сестры, скончавшейся лѣтомъ въ Финляндіи, отъ наслѣдственной чахотки. Памяти ея посвящена написанная непосредственно вслѣдъ за ея смертью трагедія „Побѣда смерти“, поставленная въ томъ же году режиссеромъ Мейерхольдомъ въ театрѣ Коммиссаржевской, группировавшемъ въ это время сторонниковъ новаго искусства. Вовлеченіе въ сферу театральныхъ интересовъ, которымъ Сологубъ предался, горячо отстаивая идеи „новаго театра“, совпало со знакомствомъ съ В. Э. Мейерхольдомъ, которому Сологубъ неоднократно довѣрялъ постановки своихъ пьесъ, основываясь на идейномъ единомысліи Вслѣдъ за „Побѣдой смерти“ написаны двѣ пьесы-буффонады: „Ванька Ключникъ“ и „Ночныя пляски“, поставленныя тоже единомышленникомъ—режиссеромъ Евреиновымъ на петербургскихъ сценахъ. Приблизительно около этого же времени Сологубъ передѣлалъ „Мелкій бѣсъ“ въ пьесу того же названія, поставленную на многихъ столичныхъ и провинціальныхъ сценахъ. Въ томъ же 1907 году началъ писать романъ „Навьи чары“, а съ 1910 г.—издавать въ издательствѣ „Шиповникъ“ собраніе сочиненій, перешедшее затѣмъ къ из—ву „Сиринъ“ (вышло 20 том.). Прилежная работа надъ стилемъ и языкомъ склоняла Сологуба не отказываться также отъ переводной работы. Въ разное время онъ занимался переводами изъ Верлэна, Вольтера, Мопассана, Бодлэра, Т. Готье, Гер. Банга, Стукена и Клейста. Въ 1908 г.—знакомство съ Анас. Ник. Чеботаревской, становящейся дѣятельной сотрудницей Сологуба. Въ 1909 году впервые посѣтилъ заграницу, главнымъ

образомъ, Парижъ. Въ 1912—13 гг. Сологубъ совершилъ рядъ поѣздокъ по провинціи, съ лекціей „Искусство нашихъ дней", гдѣ излагалъ свое credo поэта-символиста. Въ это же время имъ написаны пьессы „Любовь надъ безднами" и „Заложники жизни", шедшія въ Александринскомъ театрѣ. Подводя итоги 50-тилѣтней жизни Сологуба, можно сказать, что эта жизнь, богатая трудомъ, уединеніемъ и лишеніями, посвящена была исключительно творчеству и служенію Искусству и Мечтѣ, которыя Сологубъ не даромъ ставитъ выше Реальности. Было бы весьма несправедливо охарактеризовать творчество Сологуба въ цѣломъ какъ пессимистическое, ибо наряду съ указаніемъ несовершенствъ жизни и соціальныхъ отношеній („Творимая легенда") поэтъ постоянно призываетъ къ преображенію звѣринаго быта путемъ Мечты и Подвига.

Ѳедоръ Сологубъ.

А. Г. Горнфельда.

I.

Въ исторіи того литературнаго движенія, къ которому принято относить творчество Ѳедора Сологуба, онъ занимаетъ совершенно исключительное мѣсто. Обыкновенно литературную школу не только скрѣпляетъ ея идеологія, но и вообще раціональные элементы играютъ въ ея созданіи громадную роль. Часто поэтика школы предшествуетъ ея поэзіи, и въ этомъ отношеніи такъ называемое декадентство въ Россіи не только не было исключеніемъ, но, наоборотъ, скорѣе можетъ считаться образцомъ литературнаго направленія, порожденнаго теоретическими предпосылками. Извѣстно, что, даже отойдя отъ этой первоначальной разсудочности, оно до сихъ поръ запечатлѣно ея слѣдами. Теоретиками по преимуществу были русскіе декаденты перваго призыва, какъ Минскій и Мережковскій: ихъ поэзія по существу принадлежитъ старой школѣ, изъ которой они вышли, но отъ которой не сумѣли уйти, ихъ „модернизмъ"—не ихъ, а чей-то чужой; надуманными и подражательными кажутся подчасъ и произведенія символистовъ слѣдующаго поколѣнія. Болѣе, чѣмъ какое-либо литературное движеніе, было космополитично первоначальное декадентство. Романтизмъ съ его культомъ возвращенія къ первоисточникамъ народной поэзіи былъ пропитанъ національными элементами; реализмъ, всемірный какъ стиль, былъ насквозь народенъ по матеріалу, потому что тѣснѣйшимъ образомъ былъ связанъ съ бытомъ. Декадентство было всеобще-единообразно, какъ только можетъ быть индивидуалистическая лирика, и первыя его проявленія у насъ не только были навѣяны Западомъ, точнѣе—Франціей, но казались въ высшей степени несамостоятельными подражаніями. Были индивидуальные поэты, не было индивидуальнаго направленія, не было самобытнаго русскаго „декадентства".

Въ эту пору Сологубъ уже былъ тѣмъ Сологубомъ, какого узнали потомъ: поэтической величиной, уже глубоко запечатлѣнной всѣми особенностями того, что мы теперь называемъ декадентствомъ, символизмомъ, модернизмомъ. Въ противоположность Мережковскому и Минскому, декадентамъ по идеямъ, усвоившимъ своей старомодной

поэзіи темы и настроенія новой школы, все въ Сологубѣ было первично и своеобразно; пользуясь шиллеровской терминологіей, надо сказать, что въ Сологубѣ было наивно то, что въ декадентствѣ было сантиментально. Декадентство было прежде всего школой; она имѣла канонъ и искала его воплощенія, „искала натуры". Въ Сологубѣ же именно школы не чувствовалось,—не только декадентской, но и никакой: онъ былъ внѣ направленія, онъ былъ весь натура,—и какая печальная, какая трагически-извращенная, какая правдиво-изломанная натура. Декадентомъ онъ упалъ съ неба, и кажется иногда, что онъ былъ бы декадентомъ, если-бы не было не только декадентства, но и литературы, если бы міръ не зналъ ни Эдгара По, ни Рихарда Вагнера, ни Верлэна, ни Малармэ, если бы не было на свѣтѣ никого, кромѣ Ѳедора Сологуба.

Біографія его говоритъ какъ будто противное. Она сообщаетъ намъ о „значительномъ вліяніи", оказанномъ на него знакомствомъ съ Н. М. Минскимъ, при свиданіи съ которымъ въ 1891 г. „много бесѣдовали объ искусствѣ, поэзіи, новыхъ теченіяхъ въ западной литературѣ"; глубокъ и очень серьезенъ слѣдъ, оставленный въ немъ въ 1892 г. знакомствомъ съ Мережковскими и особенно бесѣдами съ З. Н. Гиппіусъ. Но достаточно войти въ міръ поэзіи Сологуба, въ ея стихійность, въ ея первичность, въ ея неподвижность, чтобы понять всю незначительность „вліяній", которыя выдвигаетъ Сологубъ. Онъ,—воплощеніе самомнѣнія,—не боится этихъ признаній и, играя ими, наружно переоцѣниваетъ эти вліянія. Они, конечно, могли только психологически поддержать, теоретически закрѣпить, идеологически оправдать то, что жило въ Сологубѣ до нихъ и сильнѣе ихъ.

До чрезвычайности разнообразно содержаніе, связываемое съ терминомъ декадентство, но, съ какой стороны ни подойти къ нему, приходится признать, что въ Ѳедорѣ Сологубѣ это литературно-общественное направленіе нашло, быть можетъ, наиболѣе глубокое, наиболѣе естественное и, во всякомъ случаѣ, наиболѣе разнообразное выраженіе. Такова иронія исторіи: сынъ полтавской крестьянки, внѣисторическій Сологубъ оказался стихійнымъ воплощеніемъ того новаго теченія, которое признавалось проявленіемъ болѣзненнаго усложненія жизни, ея сверхкультурной утонченности.

Однѣ характеристики имѣютъ въ виду только технически-литературную сторону декадентства; другія подходятъ къ нему съ общеэстетической точки зрѣнія, третьи видятъ въ немъ прежде всего міровоззрѣніе. Но, какое опредѣленіе декадентства ни принять, Ѳедоръ Сологубъ окажется, во всякомъ случаѣ, его выразительнѣйшимъ и раціональнѣйшимъ проявленіемъ. Давно намѣчено и названо то новое начало, къ которому, какъ къ основной идеѣ, могутъ быть сведены многообразнѣйшія произведенія такъ называемаго декадентства: это начало—индивидуализмъ. Но если декадентство, какъ міровоззрѣніе, есть индивидуализмъ, то кто имѣетъ большее право на

названіе декадента, чѣмъ Ѳедоръ Сологубъ? Декадентство асоціально, а Ѳедоръ Сологубъ ставитъ себя прежде всего не только внѣ общества, но и внѣ міра: онъ вѣдь его создатель, онъ его законодатель. Декадентство имморально,—а вѣдь во всей всемірной литературѣ едва ли найдется болѣе непреходящее, болѣе всеобъемлющее, болѣе убѣдительное признаніе въ порочности, чѣмъ поэзія Ѳедора Сологуба. Anima naturaliter pagana, онъ этими потрясающими признаніями не кается въ своихъ порокахъ, не поднимается надъ бездной своихъ паденій; онъ воетъ на днѣ ихъ—и не хочетъ подняться. Декадентство было въ искусствѣ реакціей реализму; Сологубу дѣйствительность является обычно преображенной до полнаго разрыва съ принятыми формами ея воспріятія: то романтически-идеализованной, то каррикатурно-извращенной. Декадентство изъявляло притязанія не на просто обобщенное изображеніе міра, но на мистическое познаніе его сущности при помощи символовъ; все устремленіе поэзіи Сологуба—въ основныхъ вопросахъ бытія; съ самаго начала его лирика и его разсказъ не только символичны, но подчасъ и аллегоричны. Декадентство эротично,—надо ли напоминать о демонѣ неукротимо похоти, владѣющемъ поэзіей Сологуба; надо ли напоминать о мрачныхъ тайникахъ этой всепоглощающей чувственности, объ ея маніакальномъ характерѣ, объ ея извращеніяхъ? Съ искренностью и простотой разрывало декадентство; оно усложняло простую искренность, оно хотѣло быть искреннимъ въ манерности, правдивымъ въ условности, оно отстаивало права „кривлянія". Отъ Сологуба съ самаго начала отскакивали всѣ старыя требованія правдивости; иначе какъ сквозь „личины" онъ не могъ быть самимъ собой; онъ могъ быть правдивымъ лишь въ извращеніи обычныхъ отношеній къ дѣйствительности, онъ нуждается въ манерности для выраженія своей личности. Та нарочитость, которую декадентство возвело если не въ законъ, то въ обычай, была атмосферой творчества Сологуба; онъ съ самаго начала и неизмѣнно слишкомъ далекъ былъ,—точно на другой планетѣ,—отъ своего читателя, чтобы говорить съ нимъ просто и ясно, какъ говорила до тѣхъ поръ русская литература.

И, однако, не разрывомъ съ русской стихіей былъ Сологубъ, а скорѣе наоборотъ. Конечно, не деревенская Россія нашла въ немъ выразителя, не барская и не крестьянская, но Россія городская, мѣщанская, разночинная, Россія уличная, столь же подлинная, столь же народная. Намъ, по цѣпкой традиціи, все рисуется какой-то единый, общій всерусскій типъ, къ которому мы подъ сознаніемъ сводимъ, въ сущности, всѣхъ: и крестьянина, и барина, и Ленскаго, и Обломова, и Лизу Калитину, и Любима Торцова, и Платона Каратаева, и, пожалуй, даже всѣхъ къ нѣкоторому всеобъятному Платону Каратаеву. А вѣдь есть другіе: Русь не только Ларинская, но и Русь Карамазовская, не простая, первобытная, здоровая, а сложная, противорѣчивая, нами пока воспринимаемая какъ нѣчто болѣзненное, упадочное, разлагающееся Такъ оно или не такъ,—неподражаемаго

лирика этой душевной усложненности нашла русская литература въ Ѳедорѣ Сологубѣ. Его языкъ, его словарь, его стиль словесный и стиль конструктивный, его фантастика и его гротески носятъ какой-то неопредѣленно-русскій характеръ, несмотря на его потребность въ сочиненныхъ варваризмахъ, несмотря на его заморскую терминологію. Онъ не только самый настоящій декадентъ среди русскихъ, но онъ и самый русскій среди декадентовъ.

Онъ, конечно, искалъ своей среды, искалъ сочувствующихъ, искалъ школы: ему надо было на кого-нибудь опереться,—человѣкъ вѣдь онъ. Но эта естественная слабость не затрагивала его творчества, глубинъ его угрюмой, отъединенной, самомнительной души. Онъ былъ самъ по себѣ и весь для себя, и—самое главное—онъ былъ дѣйствительно декадентъ, упадочникъ, духъ больной и напряженно-противорѣчивый, легко и безболѣзненно совершившій то, что для другого было бы рокомъ и трагедіей,—нечувствительно порвавшій въ себѣ и для себя всякую культурную традицію: художественную и общественную, моральную и умственную. Поэтому въ Сологубѣ декадентство,—русское декадентство,—получало свое оправданіе, свое утвержденіе. Не Ѳедоръ Сологубъ шелъ къ декадентству, какъ можетъ,—и не безъ нѣкотораго видимаго основанія,—казаться внѣшнему наблюденію: новое литературное направленіе шло къ нему, съ нимъ, за нимъ, хотя онъ меньше, чѣмъ кто-либо, годится въ вожаки. Въ Сологубѣ русское декадентство находило себя, свое подлинное лицо, свое оправданіе. Оно, очевидно,—не прихоть теоретизирующихъ литераторовъ, не бутада поэтизирующихъ и позирующихъ книжниковъ, не изобрѣтеніе эстетическихъ спекулянтовъ; если у него есть и могутъ быть такіе воплотители, можно сказать, отъ земли взятые, самобытные, простодушные: какимъ парадоксомъ дышитъ послѣдній эпитетъ въ примѣненіи къ Сологубу, и однако, какая это правда. Ибо простодушіе есть главная, быть можетъ, единственная сила Сологуба; ибо только простодушнымъ, наивнымъ, первичнымъ можетъ быть то изступленное страданіе, которое составляетъ единственный предметъ поэзіи Сологуба.

Сологуба надо принять цѣликомъ или цѣликомъ отвергнуть. Изъ него нельзя ничего выбирать—одно одобрить, другое откинуть, здѣсь порадоваться, тамъ съ брезгливостью, съ ужасомъ, съ отвращеніемъ отпрянуть отъ этого неразрѣшимаго сплетенія другъ друга поглощающихъ, уносящихъ, уничтожающихъ душевныхъ теченій. Надо принять Сологуба, надо сочувственно въ мысли пережить бездны его паденій, его недужныя скитанія, его садическое изступленіе, его презрительную и злую тоску,—чтобы понять его, понять какъ чужого, но нужнаго. Не такъ ли мы понимаемъ и Достоевскаго? Въ противорѣчіяхъ смѣшно упрекать его. Сологубъ это какое-то всеобъемлющее вмѣстилище противорѣчій. Громадное множество антиномическихъ терминовъ прилагается къ нему безъ натяжки и безъ всякаго иного примиренія, кромѣ того психологиче-

скаго синтеза, какой способна дать номинальнымъ противорѣчіямъ только живая личность.

Сложный, онъ единъ; грубо реалистичный, онъ идеалистъ; изломанный, онъ простъ; понятный, онъ загадоченъ. Онъ жалокъ и страшенъ; онъ говоритъ правду, когда кривляется; онъ отталкиваетъ, но что-то влечетъ къ нему; его „демократическія симпатіи“ столь же несомнѣнны, сколько его безграничное презрѣніе къ человѣчеству, включающему демосъ. Въ нашей литературѣ нѣтъ образа, воплотившаго столько загадокъ и ужаса,—а взгляните на его портретъ—почтенный старичекъ, спокойный и важный. Онъ съ камнемъ за пазухой, этотъ безобидный; и его книги—тоже. Психологически-многообразный, онъ какъ-то напряженно цѣленъ въ своемъ творчествѣ. Нѣтъ у него никакой мелочи, которая не говорила бы о немъ рѣзко, настойчиво, повелительно. Какъ въ Лирѣ каждый дюймъ—король, такъ въ Сологубѣ каждая строчка, каждое слово—Сологубъ.

II.

Въ одномъ сборникѣ своихъ стихотвореній Сологубъ попытался систематизировать себя, и трудно придумать болѣе выразительное названіе для этой новой лирической „системы міра“, чѣмъ это сдѣлалъ авторъ. „Пламенный кругъ“—это „De rerum natura“—и въ то же время это замѣчательный портретъ, мрачный и убѣдительный. Мы вѣримъ въ его сходство, не зная оригинала. Темна была намъ эта душа, угрюмая, горделивая, порочная и творческая; нельзя было повѣрить, что она здѣсь, рядомъ съ нами, среди безконечно чуждой и безконечно близкой ей современности. „Пламенный кругъ“ поэзіи Сологуба раскрываетъ намъ яснѣе высоты ея созиданія и бездны ея паденій. Страшенъ и тѣсенъ его міръ, но выраженъ въ немъ отчетливо и поучительно.

Это именно кругъ и именно пламенный кругъ. Безумствующій Сологубъ страшно сознателенъ и ничего не дѣлаетъ случайно: каждое его слово осмысленно, каждое должно занять свое мѣсто. Онъ можетъ противорѣчить себѣ, ибо противорѣчіе законъ его существа; но нѣтъ противорѣчія, ибо это именно законъ; въ его высказываніяхъ можетъ быть логическое противорѣчіе, но нѣтъ психологическаго разногласія; онъ единъ и едино его творчество. И его поэзія есть его система: циклъ, планъ, кругъ. Это кругъ, потому что начало здѣсь сходится съ концомъ и потому, что всѣ переживанія, въ немъ вмѣщенныя, тяготѣютъ къ центру и уравновѣшиваютъ другъ друга. И центръ этотъ—единое, всемогущее, всесоздавшее, все вмѣщающее *Я* поэта: hen kai pan. „Ибо все и во всемъ—*Я*, и только *Я*, и нѣтъ иного, и не было, и не будетъ“.

И это именно пламенный кругъ, не холодный, не теплый, не абстрактный и не матеріальный, а пламенный, изъ живого пламени. Кругъ есть система, законченность, ratio; но поэзіи чуждо то, что

исчерпывается въ системѣ, въ разсудкѣ, въ конечномъ. Поэзія, какъ и ея прообразъ, ячейка и вмѣстилище, языкъ—есть не созданное, но создаваніе, не ergon, а energeia; поэзія есть вѣчное становленіе, вѣчная безконечность, подлинная, а не „дурная безконечность", каковую представляетъ собой геометрическій кругъ. Кругъ поэзіи долженъ быть кругомъ пламеннымъ; міровоззрѣніе, представленное въ лирикѣ, должно быть свидѣтельствомъ живого исканія, живого горѣнія. Какъ правильный шаръ расплавленнаго солнца окруженъ пылающей фотосферой, такъ замкнутый циклъ раціональныхъ воззрѣній поэта долженъ быть охваченъ дрожащимъ контуромъ раскаленной атмосферы его чувства. Въ этомъ смыслъ поэзіи,—иначе она была бы только раціональна, то-есть дурно исполняла бы то великое дѣло, которое безъ ея дѣтски-безтолковыхъ услугъ хорошо дѣлаетъ раціональная мысль. Раціональная система тверда, устойчива и холодна. А творчество поэзіи эмоціонально и въ важнѣйшей своей долѣ подсознательно, и оттого она—по ей доступному пути—предшествуетъ разуму науки; оттого она воспламеняетъ насъ, оттого вовлекаетъ въ свой могучій бѣгъ.

* * *

Для того, чтобы приблизиться къ Ѳедору Сологубу, прежде всего приходится твердо отказаться отъ различенія міра дѣйствительнаго и недѣйствительнаго. Нѣтъ вопроса: было это или не было, могло быть или не могло. Только что это былъ реальнѣйшій въ своей гнусности Передоновъ: русскій захолустный учитель; черезъ мгновеніе сидитъ передъ нимъ нечистая сила. И не надо говорить себѣ, что это бредъ сумасшедшаго Передонова, что это ему только кажется, а намъ не кажется. Нѣтъ, это міръ, сотворенный Сологубомъ—и надо его брать всерьезъ, цѣликомъ, какъ онъ есть. Міръ, созданный поэтомъ, есть его міровоззрѣніе, его планъ дѣйствительности: изъ него ничего нельзя выкинуть; въ немъ нѣтъ ничего болѣе дѣйствительнаго и менѣе дѣйствительнаго: все на однихъ подмосткахъ, и подмостки эти воплощаютъ міръ. Иногда поэтъ—нашъ раціональный единомышленникъ—самъ отличаетъ реальное отъ нереальнаго. Но это его право—и рѣдкій писатель съ большимъ пренебреженіемъ относится къ этому праву, чѣмъ Ѳедоръ Сологубъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ разумная мысль отвергла миѳическое міровоззрѣніе, въ литературѣ культурныхъ народовъ не было поэта, менѣе отдѣляющаго міръ дѣйствительности отъ міра мечты, чѣмъ Ѳедоръ Сологубъ. Миѳъ и поэзія раздѣляются логически; исторія мысли указываетъ намъ на переходъ отъ мышленія миѳологическаго къ поэтическому. И то и другое объясняетъ міръ познающему человѣку; но разница заключается въ отношеніи къ тому явленію, посредствомъ котораго объясняется непонятное. Первобытная миѳологическая мысль объясняетъ все тѣми близкими, понятными ей существами, которыя она наблюдаетъ вокругъ въ самой реальной формѣ.

Небо есть сверхчеловѣкъ, то-есть все-таки человѣкъ; громъ есть подлинный грохотъ его колесницы. Поэзія сохраняетъ миѳологическіе пріемы объясненія, но кореннымъ образомъ мѣняетъ отношеніе къ дѣйствительному существованію тѣхъ человѣкообразныхъ созданій мысли, которыя привлекаются къ объясненію. Когда весенняя гроза становилась загадкой передъ первобытной мыслью, мыслитель-миѳотворецъ говорилъ себѣ: это они на небѣ ѣздятъ, гремятъ и воду льютъ. И онъ вѣрилъ въ то, что это настоящая вода, пролитая кѣмъ-то. Когда „гроза въ началѣ мая" останавливаетъ вниманіе современнаго поэта, онъ тоже считаетъ возможнымъ, что это

вѣтреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящій кубокъ съ неба,
Смѣясь, на землю пролила.

Но у него нѣтъ вѣры въ дѣйствительность Гебы, орла и кубка—это не миѳъ, а поэзія; не научное объясненіе, а метафора.

Такъ оно въ раздѣляющемъ понятія разумѣ; но не совсѣмъ такъ въ живой творящей душѣ поэта: здѣсь все еще связано, смутно, сплетено. Здѣсь реальное и нереальное еще не отдѣлились другъ отъ друга, какъ твердь отъ суши. Поэтъ не отожествляетъ природу съ прекрасной женщиной, когда въ его мысли она дремлетъ и улыбается,—когда

Съ улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года.

Но нѣтъ и полнаго отрицанія; категорія субстанціи не вытѣснена категоріей процесса; нѣтъ всепроникающаго ощущенія движенія и только движенія, а вѣдь жизнь есть только движеніе—и ни мига остановки. Наоборотъ, есть олицетвореніе, просто немыслимое безъ нѣкотораго смутнаго ощущенія, что природа есть все-таки нѣкое существо. И если нуженъ примѣръ поэта, въ душѣ котораго еще живы могучіе остатки миѳологіи или, вѣрнѣе, у котораго напряженность поэтическаго олицетворенія доходитъ до реальности почти миѳологической, то это, конечно, Тютчевъ. Когда у него „демоны глухонѣмые ведутъ бесѣду межъ собой", когда „жалкое безумье",

Подъ раскаленными лучами
Зарывшись въ пламенныхъ пескахъ,
(Оно) стеклянными очами
Чего-то ищетъ въ небесахъ,—

то самъ содрогаешься отъ реальности этихъ видѣній и чувствуешь, что для поэта они не только поэзія.

Но не было поэта, для котораго его видѣнія такъ мало были бы поэзіей, какъ для Ѳедора Сологуба. Для него нѣтъ вопроса о томъ, что было и чего не было: было все, что было въ его мысли; есть все, чѣмъ онъ воспользовался, какъ категоріей, уясняющей міръ. Наоборотъ, существованіе этого дѣйствительнаго міра—внѣ Соло-

губа; есть ли этотъ міръ или не есть—ему все равно; дѣйствительность призрачна для Сологуба и призраки дѣйствительны.

„Беру кусокъ жизни... и творю изъ него сладостную легенду, ибо я поэтъ". Въ мірѣ легенды—не всегда, однако, сладостной, чаще невыносимо-тоскливой—проходитъ вся душевная дѣятельность Сологуба. Ирреально онъ мыслитъ, ирраціонально чувствуетъ, и всякій упрекъ въ этомъ отношеніи идетъ мимо него. Нѣтъ доводовъ отъ разума противъ этого насквозь внѣразумнаго мироощущенія; безсиленъ даже единственно возможный здѣсь разумный доводъ о внутреннихъ противорѣчіяхъ этой системы.

III.

Въ основѣ ея—отрицаніе жизни, ея строя, ея смысла. Жизнь есть „земное затменіе": жизнь есть страданіе, безуміе и жестокость. И не устаетъ Сологубъ возносить проклятіе всему, что есть причина и образъ жизни, прежде всего тому, кто для него есть видимый символъ расцвѣта земной жизни. Это

Змій, парящій надъ вселенною,
Весь въ огнѣ, безумно злой,—

это—наше свѣтило, наше солнце; для Сологуба это только „губитель".

И ползущихъ и летающихъ
Ты воззвалъ на краткій срокъ.
Сознающихъ и желающихъ
Тяжкой жизни ты обрекъ.

И ясно, чѣмъ прежде всего тяжка жизнь для всѣхъ „сознающихъ". Тѣмъ, что она безпредѣльная загадка, что смысла ея мы не знаемъ.

Злое земное томленье,
Злое земное житье,
Божье ли ты сновидѣнье,
Или ничье?

Надо искать отгадки; надо искать „просвѣты въ область нетлѣннаго дня", но раньше вѣдь надо справиться съ вопросомъ: да есть ли гдѣ-нибудь эта отгадка? есть ли гдѣ-нибудь въ нашемъ ли или иномъ мірѣ пути къ истинѣ или намъ надо жить въ тупой покорности безсмыслицы, въ „безплодномъ томленіи"?

Кто же внесетъ въ затменье земное
Свѣточъ, пугающій тьму?
Скоро ль безсмертное, сердцу родное
Въ свѣтѣ его я пойму?

Или навѣкъ нерушима преграда
Бѣлой, обманчивой тьмы,
И безконечно томиться мнѣ надо,
И не уйти изъ тюрьмы?

А, между тѣмъ, вѣдь мы вѣримъ въ осмысленность жизни, вѣримъ въ ея закономѣрность, въ ея „грани“, и тяжко намъ жить безъ ясности знанія, въ смутности неопредѣленной вѣры. И нѣтъ иного пути. Хочешь знать истину?

Вѣришь въ грани? Хочешь знать?
Полюбилъ Ее,—святую, дѣвственную Мать?
Боль желаній утоли.
Не узнаешь, не достигнешь здѣсь, во мглѣ земли...

А если и есть эта закономѣрность бытія, если все разумно, все упорядочено, все предопредѣлено, то тѣмъ хуже: „сердце сказки хочетъ и не хочетъ были“, страшно ему „мертвыя видѣть повсюду слова, прекрасная сказка навѣки мертва“. Душѣ человѣческой, испуганной и измученной „безлѣпицей житія“, нужно что-нибудь выше рабства закономѣрности. Она хочетъ чуда, она молитъ о немъ:

Господи, если я рабъ,
Если я бѣденъ и слабъ...
Дай мнѣ въ одну только ночь
Слабость мою превозмочь.

Какъ, между прочимъ, характерно для Сологуба, что просимое имъ чудо должно проявиться прежде всего въ небываломъ и единомъ подъемѣ чистоты и творчества!

Но некому молиться, незачѣмъ молиться; здѣсь вѣчная антиномія: если есть Существо, которое можно молить о чудѣ, то Оно есть высшій смыслъ, высшій законъ, и чуда не можетъ быть:

Ликуетъ Богъ въ надзвѣздномъ градѣ,
А мой удѣлъ—унылый плѣнъ.

Напрасно въ тяжеломъ холодѣ сумрачнаго храма душа, тоскуя, „стоитъ и плачетъ и дрожитъ“. Книги завѣта это—безнадежныя гробницы:

О, для чего въ усердьи богомольномъ
Она спѣшила въ храмъ идти?
Какъ вознести мольбы о дольномъ?
Всему начертаны пути.

Надо идти по этимъ „начертаннымъ путямъ“; надо „медленно“ жить „жизнью скучной и нелѣпой“, не ропща на свирѣпый рокъ. Во имя чего? „Такъ надо, такъ надо“—твердитъ вѣщій воронъ державныхъ боговъ, властителей радостныхъ странъ; будетъ время—они вознаградятъ усталаго путника: въ ихъ небесныхъ чертогахъ ждетъ его награда „за трудъ и за муки, за боль и за стыдъ“. Но рабъ и въ рабствѣ своемъ негодуетъ; онъ покорился силѣ, онъ идетъ туда, куда его гонятъ: пусть же не говорятъ ему о наградѣ:

Меня бы спросили,
Хочу ли отъ васъ я вѣнца?

И вершины злостнаго, самобичующаго сарказма достигаетъ это настроеніе въ извѣстномъ признаніи:

Мы—плѣненные звѣри,
Голосимъ, какъ умѣемъ.
Глухо заперты двери,
Мы открыть ихъ не смѣемъ.

Только злобно издѣваться надъ собой—вотъ единственное утѣшеніе, которое осталось намъ въ нашемъ рабствѣ:

Если сердце преданіямъ вѣрно,
Утѣшаяся ласмъ, мы ласмъ.
Что въ звѣринцѣ зловонно и скверно,
Мы забыли давно, мы не знаемъ.

Между тоскливымъ вопросомъ и злобствующимъ отчаяніемъ, между скорбной мольбой и сознаніемъ полной безнадежности мечется здѣсь душа поэта. Нельзя не дѣлать, ибо вложена въ насъ „воля къ жизни, воля злая“ и „направляетъ пылкій токъ“, но нельзя и дѣлать въ сознаніи безконечной безплѣницы, безплодности, тщеты всякаго дѣланія. И поэтъ только спрашиваетъ, кто виновникъ этого безчеловѣчно-мучительнаго противорѣчія:

Чьимъ же хотящимъ твореніемъ
Нераздѣлимо слита
Съ неутомимымъ стремленіемъ
Міра тщета?

Съ этимъ неразрѣшеннымъ вопросомъ надо пройти подневольную жизнь:

Я изгнанникъ—всѣ обиды
Долженъ я перенести.
. . . . . .
Жизнью скучной и нелѣпой
Надо медленно мнѣ жить,
Не роптать на рокъ свирѣпый
И о тайномъ ворожить.

Да, надо „ворожить о тайномъ“; тайное такъ всеобъемлюще, такъ первично въ сопоставленіи съ ничтожнымъ островкомъ яснаго, понятнаго, извѣстнаго намъ, что просто невозможно жить, не ворожа объ этомъ неотступномъ, неотвратимомъ, тайномъ. Каждый нашъ шагъ есть напоминаніе о немъ, ибо въ концѣ-концовъ къ чему же мы идемъ, какъ не къ познанію этой тайны, этой тьмы, изъ которой мы вышли и въ которую уйдемъ? Да и уйдемъ ли? Непобѣдимая необходимость не есть ли уже самый уходъ?

Живы дѣти, только дѣти,—

(ибо они не знаютъ еще неотвратимости смерти):

Мы мертвы, давно мертвы.
Смерть шатается на свѣтѣ
И махаетъ, словно плетью,
Уплетенной туго сѣтью
Возлѣ каждой головы.

IV.

Еще при жизни, въ расцвѣтѣ лѣтъ уловленъ Сологубъ этой „сѣтью смерти".

Нельзя назвать отношеніе его къ смерти однотоннымъ. Подчасъ ея неизбѣжность вызываетъ въ немъ только тихую резиньяцію. Въ тревогахъ дня, поглощенные земнымъ, мы не думаемъ о ней:

Забывъ о родинѣ своей,
Мы торжествуемъ новоселье,—
Какое буйное веселье!
Какое пиршество страстей!

Новоселье—это тотъ новый человѣческій обликъ, который мы обрѣтаемъ въ новомъ нашемъ преображеніи; и мы забываемъ о родинѣ—о первичномъ небытіи, изъ котораго вышли... Но проходитъ молодость, проходитъ буйное веселье и пиршество страстей; гаснутъ страсти, и веселость становится скучной; „сѣдинъ серебряный вѣнецъ" говоритъ о неизбѣжномъ исходѣ, и мы съ сладостнымъ успокоеньемъ ждемъ его:

Все чаще станемъ повторять
Судьбѣ и жизни укоризны,
И тихій міръ своей отчизны
Намъ все отраднѣй вспоминать...

Но это рѣдкій моментъ свѣтлаго примиренья. Самая неотвратимость смерти, ея абсолютно внѣ насъ лежащая неизбѣжность врывается въ самыя увлекательныя минуты нашего бытія, разрушаетъ ихъ цѣльность, отравляетъ опьяненную жизненнымъ токомъ душу. Пламенемъ наполнены жилы жизненнаго человѣка, знойно его сердце и полно огнемъ, „въ тѣлѣ солнце непомѣрной силы и душа, насквозь пронизанная днемъ". Но ничтожно это „безумное ликованье", эта безцѣльная и сладостная игра жизненныхъ силъ:

Бездна ждетъ, и страшенъ ревъ ея глухой.
Въ озареніи, сверканьи и сгораньи
Не забыть ея, извѣчной, роковой...

„Чортовы качели"—вотъ что такое это предвкушеніе ревущей бездны, заполняющее нашу жизнь.

Посадилъ меня чортъ на скрипучія качели, раскачиваетъ ихъ мохнатою рукой и издѣвается:

Держусь, томлюсь, качаюсь,
Впередъ, назадъ,
Впередъ, назадъ,
Хватаюсь и мотаюсь,
И отвести стараюсь
Отъ чорта томный взглядъ.

Но чортъ только исполнитель; онъ не броситъ стремительной доски, пока грозная рука не скоситъ сидящаго на ней. И у того,

кому принадлежитъ эта рука, тоже нѣтъ ничего, кромѣ издѣвательства:

Надъ верхомъ темнымъ ели
Хохочетъ г о л у б о й:
— Попался на качели,
Качайся, ч о р т ъ с ъ т о б о й.

(Отмѣтимъ мимоходомъ, какъ удачно здѣсь вышедшая изъ миѳологіи метафора вновь возвращена миѳу).

Надо качаться—и ждать неизбѣжнаго:

Торопись дышать сильнѣе,
Жди,—придетъ и твой чередъ.
Задыхайся, цѣпенѣя,
Леденѣя передъ нею.
Срокъ пройдетъ, – подставишь шею,—
День, недѣля или годъ.

Въ теоріи, въ абстрактной возможности есть у Сологуба какъ будто спасеніе отъ этого ужаса смерти, есть просвѣты въ жизнь. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ—красота. И она тлѣнна, и она покорна общему закону:

Судьба безжалостная лѣпитъ
Земные суетные сны,
Зарю надеждъ, желаній лепетъ,
Очарованія весны,
Цвѣты и пѣсни, и лобзанья,—
Все, чѣмъ земная жизнь мила,—
Чтобъ кинуть въ пламя умиранья
Людей и вещи и дѣла.

Непонятнымъ кажется Сологубу это „умиранье“: такъ ужъ онъ вѣритъ въ красоту; такъ вѣчны для него въ идеѣ „заря надеждъ“, и „желаній лепетъ“, и „очарованія весны“—„все, чѣмъ земная жизнь мила“,—что онъ не понимаетъ этой смерти, что онъ даже спрашиваетъ себя объ ея смыслѣ:

Зачѣмъ же блещетъ передъ нами
Ничтожной жизни красота,
Недостижимыми струями
Маня молящія уста?

Отвѣтъ ясенъ: потому что въ красотѣ ничтожной жизни не только преходящіе феномены, но и отблескъ вѣчныхъ нуменовъ:

Безумень ропотъ мой надменный,
Мнѣ тайный голосъ говоритъ,
Что въ красотѣ, земной и тлѣнной,
Высокій символъ намъ открытъ.

Въ этомъ символѣ—утѣшеніе Сологуба: здѣсь онъ находитъ оправданіе бытія, побѣду надъ „земнымъ заточеніемъ“ и просвѣтленіе отъ скверны своихъ паденій. И торжественно звучатъ его радостные стихи:

И вотъ надъ мутнымъ колыханьемъ
Порабощенной суеты
Встаетъ могучимъ обаяньемъ
Святыня новой красоты.
Освобожденья призракъ дальній
Горитъ надъ дѣвственнымъ челомъ,
И часъ творенья, часъ печальный,
Сіяетъ кроткимъ торжествомъ.

Только недостаточно этой красоты символа такъ много требующему отъ красоты человѣку. Вѣдь символъ есть только созданіе нашего обобщающаго творчества. Это недоразумѣніе: не красота символа нужна Сологубу, а живая, воплощенная въ жизни красота. Не о символѣ говоритъ Сологубъ, когда видитъ въ нашей жизни „могилу красоты"; не о символѣ жалѣетъ, когда мечется съ скорбнымъ вопросомъ о томъ, гдѣ же дѣлась несказанная тайна жизни, красота:

Гдѣ твоя благоуханная,
Чистымъ свѣтомъ осіянная
Радость взоровъ, нагота?

Гдѣ дѣлась, куда скрылась? Это ясно,—въ передоновщину, въ сологубовщину. Вотъ та пучина, гдѣ—къ ужасу Сологуба—гибнетъ красота, воплощенная въ наготѣ, въ живомъ и прекрасномъ человѣческомъ тѣлѣ. Характерно, что такъ бѣдны для него иныя воплощенія, что онъ такъ сосредоточился на обнаженномъ тѣлѣ. Мало раздѣть это тѣло,—надо имѣть силу смотрѣть на него, какъ на красоту. Красота есть напряженіе нашего художественнаго чувства, красота есть творческое обобщеніе, красота есть цѣлесообразность безъ цѣли; и только такая красота есть достиженіе высшихъ цѣлей. Красота должна быть извлечена изъ наготы, отвлечена—силой мысли—отъ наготы и, такъ очищенная, перейти въ чувство. И тамъ, гдѣ насквозь духовное, обобщающее, эстетическое возбужденіе затуманено активностью иного порядка, тамъ, гдѣ дѣятельность головного мозга подавлена энергіей мозга спинного,—тамъ изсякла просвѣтляющая красота. Вотъ одинъ изъ моментовъ самоистязаній и самообличеній Ѳедора Сологуба: для того, чтобы принять жизнь, ему необходима красота; онъ же при всякой попыткѣ придти съ ней въ живое отношеніе видитъ только наготу. Безумно хочетъ онъ очистить, одухотворить эту наготу, отвлечь отъ нея красоту,—но не дается ему эта тайна, и терзается онъ, и бичуетъ себя, и обличаетъ въ порочности:

Не можетъ Ѳедоръ Сологубъ выскочить изъ своего *я*, не можетъ нарисовать необходимую ему чистую красоту. Подозрѣніемъ обвѣяна она, самъ онъ заподозрилъ ее, и сомнительной, не до конца безпорочной изобразилъ.

Я зналъ святое превосходство
Первоначальной чистоты,
Но въ жизни воплотилъ уродство
Моей отравленной мечты.

Любовно и нѣжно подходитъ онъ къ человѣческому тѣлу, съ трепетной надеждой на очищающее откровеніе приподымаетъ покровы, хочетъ быть вдохновеннымъ, зиждущимъ, мыслящимъ, хочетъ здѣсь найти отгадку міровыхъ тайнъ. Но нѣтъ, нѣтъ: не коснется онъ земли обѣтованной, хотя провидитъ ее съ нечеловѣческимъ напряженіемъ: заклекотала его „растлѣнная кровь", грязнымъ вожделѣніемъ взыграли „порочныя мечты"; и „безстыдная любовь" не принесла ничего, кромѣ дикой, безумной радости:

Къ тебѣ подъемля руки,
Зову твою любовь.
Въ мечтаньяхъ яркихъ—муки,
Нагое тѣло, кровь.
. . . . . .
Минуты безпощадно
Сверкаютъ, какъ мечи,
Лобзаютъ тѣло жадно
Свистящіе бичи...

Изступленное вожделѣніе, не находящее удовлетворенія въ простомъ, ищущее новыхъ, изысканныхъ возбужденій, кровь и истязанія, грязь, дурманъ колдовства: въ дикой пляскѣ кружится этотъ темный міръ,—и гибнетъ отъ одного дыханія гнусной недотыкомки красота, эта подлинная царевна-недотрога, даже въ царственномъ своемъ величіи робкая, пугливая, меркнущая отъ нечистаго прикосновенія, отъ нечистаго помышленія.

Оттого тѣснѣе, чѣмъ у кого-либо, слита у Сологуба жалоба на міръ съ жалобой на себя. Я дуренъ потому, что міръ плохо устроенъ, и я вижу міръ дурнымъ потому, что я плохъ—и какъ можетъ быть міръ хорошъ, если онъ меня сдѣлалъ дурнымъ?—

Я злой, больной, безумно-мстительный,
Зато томлюсь и самъ.
Мой тихій стонъ, мой вопль медлительный—
Упреки небесамъ.

Не борьба, а „тихій стонъ". Такъ изуродовало коварное мірозданіе своего раба, что ничѣмъ, кромѣ злого сознанія, онъ и отвѣтить не можетъ:

Многоцвѣтная ложь бытія,
Я отравленъ дыханьемъ твоимъ.

И только въ сознаніи, только въ помыслахъ творится этотъ страшный по размаху и ничтожный по угрозѣ „бунтъ на колѣняхъ":

Въ его устахъ двусмысленны слова
И на устахъ двусмысленны улыбки.
Его душа безсильна и мертва,
А помыслы стремительны и зыбки.
Его любить никто не захотѣлъ,
Никто не могъ его возненавидѣть,
Неузнаннымъ пребыть—его удѣлъ,
Не дѣйствовать, не жить, а только видѣть.

V.

Оттого рыцарь Сологуба, вдругъ оставивъ латы и мечъ, забывъ вино и веселье, уходитъ въ темное подземелье, сидитъ тамъ, не зажигая огня, и разсматриваетъ странные знаки, понемногу выступающіе на сводахъ, стѣнахъ и полу:

Онъ долго глядитъ на сплетенье
Непонятыхъ знаковъ и ждетъ,
Что взорамъ его просвѣтленье
Всезрящая смерть принесетъ.

Напрасно ждетъ рыцарь или не напрасно? За гранью здѣшней жизни не будетъ, конечно, того вожделѣннаго и уже неизмѣннаго исхода, котораго ждетъ всякій вѣрующій. Въ день Воскресенія Христова, которое должно быть общимъ воскресеніемъ, поэтъ пришелъ на кладбище—и тамъ раскрыты склепы, чтобы снова сіяло солнце мертвецамъ. Но смрадъ воздымаютъ могилы въ святыню праздничнаго дня—и нѣтъ чуда, нѣтъ вожделѣннаго:

Томительно молчитъ могила.
Раскрытъ напрасно смрадный склепъ,—
И мертвый ликъ Эмануила
Опять ужасенъ и нелѣпъ.

И мыслящій не хочетъ воскресенья, не проситъ рая:

Не опечалюсь, умирая,
И никуда я не взлечу.

Другое ждетъ его: преображенная жизнь, ничѣмъ, ничѣмъ не соединенная съ мечтами, которыя могутъ быть созданы изъ здѣшняго существованія. Это будетъ жизнь и не жизнь; ничто не можетъ уяснить и высказать ее:

Я погашу мои свѣтила,
Я затворю уста мои
И въ несказанномъ бытіи
Навѣкъ забуду все, что было.

Такъ было, такъ будетъ: бытіе личности есть рядъ преображеній, нынѣшняя жизнь есть одно изъ такихъ преображеній. Надо ее прожить, надо сотворить себѣ эту жизнь, надо исполнить ея законъ, котораго не прейдешь. И первый законъ: безпредѣльное одиночество. „Мечтатель странный міру, всегда для всѣхъ чужой“, неожиданный и своеобычный, тайной завѣсившій игру своихъ страстей, порой веселый у гроба и мрачный на пиру—вотъ первый обликъ мыслящаго о жизни, творящаго жизнь:

Кому-то дымный ладанъ
Онъ жжетъ, угрюмъ и строгъ,
Но міромъ не разгаданъ
Его суровый богъ.

Дымный ладанъ. Въ этомъ названіи удачно воплощено мечтательное, молчаливое одиночество его создателя, то тягостное, то сладостное, порою безвольное, порою зиждущее. Иногда поэтъ говоритъ какъ будто не о себѣ—онъ разсказываетъ о комъ-то блѣдномъ и маленькомъ, который не хотѣлъ принять легкой жизни, не хотѣлъ понять, что легче и проще жить насущнымъ, безъ неба, а рвался къ небесамъ, мечталъ о пресвятой звѣздѣ, „какой не отыскать нигдѣ,—увы,—нигдѣ“:

Дороги къ небесамъ
Онъ отыскать не могъ
И тихо умеръ самъ,
Но умеръ онъ какъ богъ.

Или другой,—а, можетъ быть, другой образъ того же—порочный отрокъ: онъ жилъ одинъ; его душа цвѣла въ мечтахъ и сказкахъ; а ночная мгла, его единственная подруга въ туманной тоскѣ больныхъ долинъ, вплетала въ его мечты и зной, и холодъ—отраву злыхъ болотъ. Или еще одна—Богъ знаетъ, кто она—людская душа или лѣсная тѣнь, или дріада, зачѣмъ-то не погибшая вмѣстѣ съ радостнымъ міромъ великаго Пана и дожившая невѣдомымъ чудомъ до нашихъ дней, чтобы въ нашей жестокой жизни—какая иронія рока,—искать спасенія отъ ужаса одиночества и найти неизбѣжную гибель да вызвать безконечно трогательное ея изображеніе:

Въ село изъ лѣса она пришла,—
Она скучала, она звала.
Ее страшила ночная тьма,
Но не пускали ее въ дома.
И долго, долго брела она,
И темной ночью была одна,
И не пускали ее въ дома.
И угрожала ночная тьма.
Когда-жъ, ликуя, заря взошла,
Она упала,—и умерла.

Эта судьба невѣдомаго существа, чуждаго нашей жизни, есть, однако, наша общая судьба: всѣ мы жаждемъ общности и всѣ живемъ въ душевномъ одиночествѣ. Вдвоемъ, въ любви мы также одиноки—вѣдь и „лобызая милый ликъ“, мы видимъ надъ собою жало смерти; а умирать можно только въ одиночествѣ, и жизнь, которая отожествилась со смертью, есть неизбѣжно одинокая жизнь. И любящая, которая не можетъ оторваться отъ любимаго, не хочетъ быть счастливой, идти къ другимъ, а останется съ нимъ „въ тоскѣ пугливой, съ больнымъ и злымъ“, она лишь сильнѣе прочувствуетъ эту тоску одиночества и воспримете ее:

Предъ тобой въ нѣмомъ томленьи
Сгораю я.
Въ твоемъ печальномъ заточеньи
Вся жизнь моя.

Ходитъ, ходитъ за нами призракъ нашего одиночества,—то печальный „безмолвный нелюдимъ", то „сладкій и радостный другъ, ангелъ благого молчанія, тихій смиритель страстей", прохладною тѣнью крылъ заслонившій „безумно-мятежный вѣкъ" страждущаго человѣка отъ толпы, отклонившій его помышленія отъ недоступныхъ дорогъ. И бываетъ тягостно и мрачно въ этомъ одиночествѣ:

Я живу въ темной пещерѣ,
Я не вижу бѣлыхъ ночей.
Въ моей надеждѣ, въ моей вѣрѣ
Нѣтъ сіянья, нѣтъ лучей...
Въ моей пещерѣ тѣсно и сыро
И нечѣмъ ее согрѣть.
Далекій отъ земного міра—
Я долженъ здѣсь умереть.

Но есть и отрада въ одиночествѣ, есть „утѣшеніе тишины". Порой забудешься въ лѣсной тѣни, дрема обвѣетъ тебя обманчивымъ сномъ:

Чего не было никогда,
Что пожрали года,
Что мечтается иногда,—
Снова молодо, снова здѣсь,
Станешь радостенъ весь,
Въ позабытую впадешь весь.

И подчасъ поэту—какой самообманъ—чудится, что это одиночество—скорбное, сознанное и легкое—есть не общій удѣлъ, а его индивидуальная удача: онъ не приневоленъ къ счастью, не опьяненъ нѣгой, онъ не знаетъ безумныхъ радостей страсти:

И легко мнѣ: я живу печаленъ,
Я суровой скорби въ жертву данъ.
Никакимъ желаньемъ не ужаленъ,
Ни въ какой не вдался я обманъ.

И уединенная жизнь его, „легкая какъ сонъ, подобна всемірному томленію"—въ сущности, вливается въ это всемірное томленіе. Въ концѣ-концовъ поэтъ уже не только называетъ или опредѣляетъ одиночество какъ общій удѣлъ—онъ посылаетъ въ одиночество. Изъ факта оно становится нормой, повелительной необходимостью.

По тѣмъ дорогамъ, гдѣ ходятъ люди,
Въ часы раздумья не ходи,—
Весь воздухъ выпьютъ людскія груди,
Проснется страхъ въ твоей груди.
Оставь селенья, иди далеко,
Или создай пустынный край,
И тамъ безмолвно и одиноко
Живи, мечтай и умирай.

Ибо иначе жить нельзя.

VI.

Да, съ точки зрѣнія статической—нельзя. Если жизнь есть неподвижный моментъ, уже воплотившій въ себѣ свой конецъ, то остается заползти отъ нея въ свою дыру и тамъ „живи, мечтай и умирай“. Но жизнь есть еще динамика, жизнь есть процессъ, и въ этомъ процессѣ есть переживанія несказанной сладости. Есть душевныя „преображенія“, которыя неизбѣжно вытекаютъ изъ нашей жизни въ земной природѣ и которыя не метафизически, то-есть не сверхъ-природно, не сверхъ-естественно, но психологически, въ предѣлахъ природы, мирятъ насъ съ землею, преклоняютъ предъ нею наши колѣни. Природа скудна и мертвенна,—но есть надъ нею нѣкая чудная власть, и нѣкое духовное единство связуетъ творчествомъ безжизненный міръ природы и живой міръ души.

И въ этотъ краткій срокъ земной.
Изъ вещества сложась земного,
Какъ могъ обрѣсть я мысль и слово
И міръ создать себѣ живой?

Очевидно, есть трещина въ теоріи—или, по крайней мѣрѣ, противорѣчіе между воззрѣніемъ и ощущеніемъ. И оттого рядомъ вопросовъ заполнено это захватывающее стихотвореніе, какимъ-то предѣльнымъ камнемъ означающее одну изъ граней міровоззрѣнія Сологуба. Жизнь детерминирована, „я вижу вѣчную природу подъ неизбѣжной властью силъ“,—но я чувствую въ бытіи и вдохновенье и свободу; откуда они?

И не понять мнѣ, отчего
Въ природѣ мертвенной и скудной
Возсоздается властью чудной
Духовной жизни торжество.

И въ этомъ сверхъ-натуральномъ, сверхъ-матеріальномъ, насквозь духовномъ міроощущеніи можно принять жизнь, и даже весьма реальную, можно жить. Можно различать тьму и холодъ былого отъ зари будущаго, можно радоваться веснѣ, можно проникнуться ощущеніемъ прихлынувшей силы. Знакомо и сладостно это преображеніе душѣ, отвергнувшей міръ,—и она признаетъ его. Поэтъ радуется. Преодолѣлъ онъ дикій холодъ земныхъ страданій и невзгодъ, и снова непорочно молодъ, какъ въ первозданный майскій годъ:

Вернувшись къ ясному смиренью,
Чужіе лики вновь люблю,
И снова радуюсь творенью,
И все живое вновь люблю.
Привѣтъ вамъ, небеса и воды,
Земля, движенье и слѣды,
И краткій, сладкій мигъ свободы,
И неустанные труды.

И „сладкаго, безумнаго огня“ полна душа поэта. Въ безуміи, въ экстазѣ онъ принялъ міръ—въ радостномъ безуміи творчества, въ сладостномъ безуміи любви, въ благостномъ безуміи вещняго сліянія съ природой. Здѣсь любовь уже не является лишь злымъ усложненіемъ одиночества, мрачнымъ сологубовскимъ сладострастіемъ; здѣсь раздаются иные призывы, иныя моленія: люби меня ясно, какъ любитъ луна...

Люби меня просто, какъ любитъ ручей,
Звеня и цѣлуя, и мой, и ничей.
Прильни, и отдайся, и дальше бѣги.
Разлюбишь, забудешь,—не бойся, не лги.

Неожиданной, пожалуй, даже непонятной въ этомъ мірѣ злой госки и злой паучьей похоти, тихой нѣжностью звучатъ здѣсь напѣвы ясной, солнечной любви. Тамъ напрасно въ день воскресенія Христова раскрывались склепы; тамъ никли гробы во тьмѣ всесильной, своихъ покойниковъ храня и воздымали смрадъ могильный въ святыню праздничнаго дня. Здѣсь—въ планѣ утверждаемой жизни и утверждающей жизнерадостности—прямое и едва ли случайное противоположеніе,—если, впрочемъ, это не эзотерическая терминологія, въ которой все читается наоборотъ.

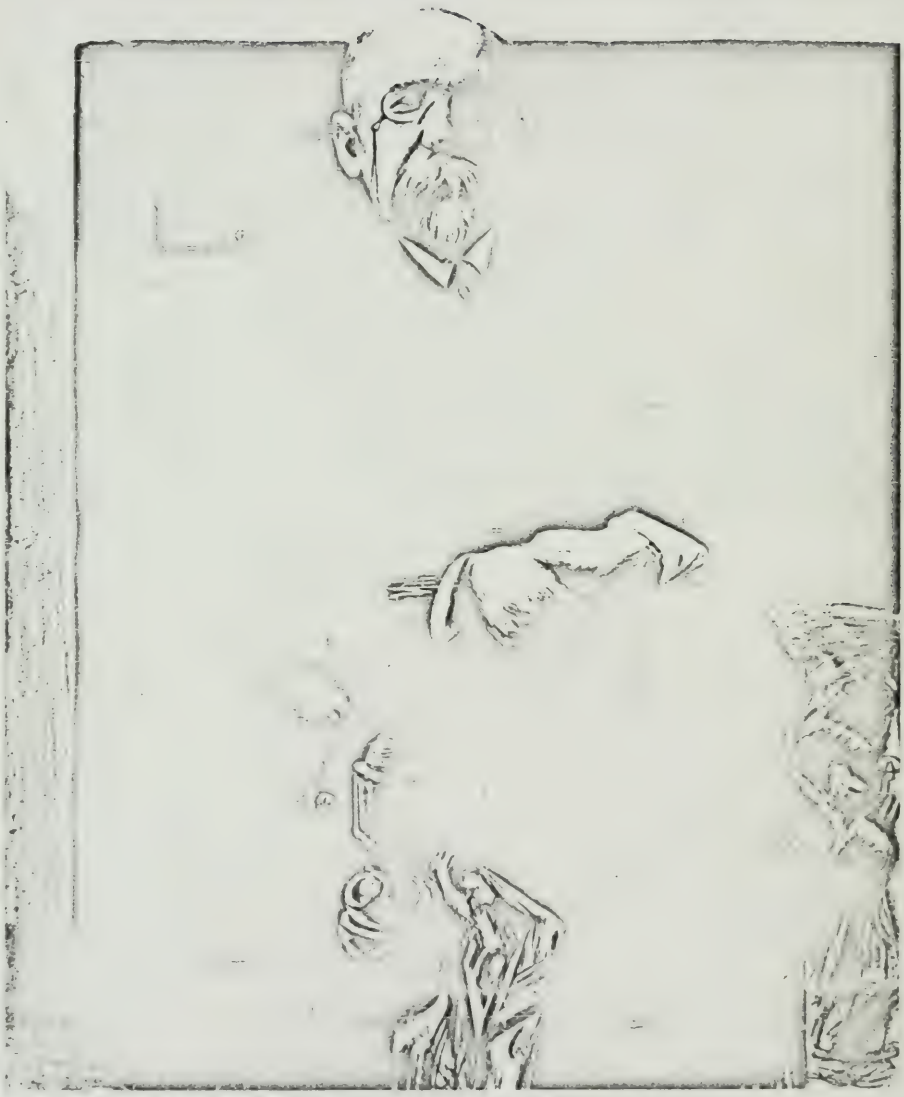
Въ свѣтлый день похоронили
Мы склонившуюся тѣнь.
Кто безгласенъ былъ въ могилѣ,
Тотъ воскресъ въ великій день,—
И свѣтло ликуетъ съ нами,
Кто прошелъ сквозь холодъ тьмы,
Кто измученъ злыми снами
Въ темныхъ областяхъ зимы.

Когда тихая, незамѣтная страдалица, которая „не сіяла и не жгла и не могла благоухать, какъ незажженное кадило“,—въ концѣ земныхъ страданій загорѣлась и зажглась, какъ ясный свѣточъ: поэтъ видитъ въ этомъ „предвѣщанье иной, нездѣшней красоты“. Онъ дышитъ дыханьемъ майскихъ розъ, онъ ждетъ „какихъ-то новыхъ дней“ и „возстановленья силы“, онъ принимаетъ городъ, и борцовъ, дерзнувшихъ спорить съ судьбой, и къ боевому, восторженному пѣснопѣнію призываетъ свое вдохновеніе:

Для камней, заборовъ и пыли
Найдемъ звенящіе куй,
Забудь про печальныя были,—
О, муза, хвали и ликуй!

И, наконецъ, въ экстазѣ признанія жизни, онъ склоняется къ Матери-Землѣ, и внемлетъ ея голосу, и цѣлуетъ ее:

О, приникну, приникну всѣмъ тѣломъ
Къ святому материнскому тѣлу,
Въ озареньи свѣтомъ и бѣломъ



Ѳ. К. Сологубъ. Съ портрета Б. Кустодіева.

Къ послѣднему склонюсь предѣлу,—
Откуда вышли цвѣты и травы,
Откуда вышли и вы, сестры и братья.

И законнымъ отпечаткомъ этого лирическаго оправданія жизни является ея юмористическое изображеніе, гдѣ признаніе и отрицаніе сплетаются въ вихрѣ насмѣшливыхъ черточекъ обыденности. Обыденность пріемлетъ себя, какъ вѣчность, бытъ является самому себѣ символомъ, случайность притворяется необходимостью—и Сологубъ, трагически-серьезный, когда онъ отвергаетъ жизнь, забавляется надъ собою и своими притязаніями.

Трава шептала сонно зеленыя слова,
Лягушка увѣряла, что надо квакать ква,
Кукушка повторяла, что гдѣ-то есть ку-ку,
И этимъ нагоняла на барышень тоску.
И, пачкающій лапки играющихъ дѣтей,
Побрызгалъ дождь на шапки гуляющихъ людей.
И красили ужъ небо въ берлинскую лазурь,
Чтобъ дѣти не боялись ни дождика, ни бурь,
И я, какъ прежде думалъ, что я—большой поэтъ,
Что міру будетъ явленъ мой незакатный свѣтъ.

Все это—пошлое, жалкое, мелкое, не настоящее — настолько поддѣльное, что даже небо красятъ въ берлинскую лазурь—все же находитъ утвержденіе въ иронiи поэта. Но эта иронія—только „свѣтлый промежутокъ". Сологубъ не смѣется; не только на барышень нагоняетъ тоску кукушка, повторяющая, что гдѣ-то есть ку-ку: не даромъ поэтъ высочайшія мечтанія своей горделивости вплетаетъ въ эту пошлость земли и неба. И его основное ощущеніе — тоска, ибо его основная мысль—безнадежность.

Можно жить такъ или иначе, можно брать у жизни „фрагменты счастья" и тѣмъ оправдать фрагменты жизни. Она сверкаетъ, когда она въ осколкахъ, но ясенъ, понятенъ и безотраденъ ликъ ея, когда она — цѣльное, холодное, безсодержательное зеркало. Страшна и безсмысленна жизнь въ ея цѣломъ:

Жизнью скучной и нелѣпой
Надо медленно мнѣ жить,
Не роптать на рокъ свирѣпый
И о тайномъ ворожить.

VII.

Что значитъ это „о тайномъ ворожить"? О, много, слишкомъ много на это отвѣтовъ у Ѳедора Сологуба. Въ ихъ сложности вся его сложность. Въ мірѣ тайной ворожбы онъ живетъ, и, въ сущности, не переступаетъ ея предѣловъ; здѣсь вѣчно — не паритъ — мечется и падаетъ душа его отъ бѣлоснѣжныхъ вершинъ настоящаго поэтическаго созиданія до грязнѣйшихъ проваловъ мерзкой чертовщины. Не богатъ, не разнообразенъ міръ сологубовой „творимой легенды",

но сплетенъ изъ противоположностей, у которыхъ одинъ общій законъ: небывалое. Къ низамъ этой „тайной ворожбы“ приводятъ насъ „Волхвованія“.

Въ странѣ безвыходной безсмысленныхъ томленій
Влачился долго я безъ грезъ, безъ божества,
И лишь порой для дикихъ вдохновеній
Я находилъ безумныя слова.
Они цвѣли во мглѣ полночныхъ волхвованій,
На зломъ пути цвѣли,—и мерзла луна:
Прохладный ядъ несбыточныхъ желаній
Вливала въ нихъ, ясна и холодна.

Слишкомъ тяжела жизнь; не снести ее безъ темной силы, безъ вихря забвенія, безъ вѣры въ нѣчто внѣ ея стоящее, хоть порочное, хоть позорное, хоть страшное. Но есть же темныя, сумрачныя души, которымъ это нужно, которымъ это можно. Намъ, нормальному разуму вѣрящимъ и въ разумѣ—по мѣрѣ слабыхъ силъ—живущимъ, безконечно чужда, враждебна, часто мерзостна эта ночная жизнь бытія. Мы отвергаемъ ее, мы не только не знаемъ ея, мы знаемъ, что ея нѣтъ. Вмѣстѣ съ великимъ поэтомъ-мыслителемъ мы ясно сознали, что есть тайны, но нѣтъ чудесъ; мы говоримъ „чудеса“, но имѣемъ въ виду не миѳы, а метафору; признаемъ непознанное, но не признаемъ внѣ-законнаго; и только въ этомъ спокойномъ и твердомъ сознаніи мы можемъ приблизиться къ міру сологубовскихъ волхвованій,- чтобы увидѣть въ нихъ любопытнѣйшія проявленія его существа. Нѣтъ нужды принимать или отвергать міра сологубовой „дѣйствительности“, имъ самолично созданной: но стоитъ понять всего Сологуба въ гнуснѣйшихъ для насъ созданіяхъ его бытія. „Прикинувшись котомъ“, мечется вокругъ него „испуганная нежить“, мучаетъ его и издѣвается надъ нимъ, вѣдьмы являются къ нему по его зову,—и въ дикомъ шабашѣ распутства и недоумѣвающаго страданія сплетаются съ нимъ — или въ немъ. Мы знаемъ, что нѣтъ чертей — но развѣ это важно? Мефистофеля тоже нѣтъ, и старики не становятся молодыми по слову дьявола—но вотъ Мефистофель перерождаетъ Фауста, и мы не протестуемъ противъ этого. Скажутъ: „да, но у Гете Фаустъ уже созданіе поэтическаго вымысла, и мы знаемъ, въ какой области мы въ каждый данный моментъ находимся. Мы не вѣримъ въ превращенія, но принимаемъ, какъ символъ, тотъ условный міръ, въ которомъ возможны и дѣйствительны превращенія. Недотыкомка Передонова реальна потому, что онъ сумасшедшій и она есть его бредъ. А съ чертовщиной сологубовой лирики намъ некуда дѣваться, потому что Сологубъ не хочетъ идти въ сумасшедшіе и выдаетъ своихъ вѣдьмъ за подлинную дѣйствительность“.

Все это безспорно, но и не вѣрно. Въ мірѣ сологубовской чертовщины мы, несомнѣнно,—въ области нѣкоторой двойственности. Вѣритъ Сологубъ въ свою чертовщину или не вѣритъ? Не все ли

равно?—вѣрно и то, и другое; вѣрно, и кривляется, и отвергаетъ, и вѣритъ: все вмѣстѣ; и возможно даже, что гораздо больше не вѣритъ, чѣмъ вѣритъ. Да и можемъ ли мы себѣ представить нормальнаго современнаго европейца, петербуржца, сотрудника либеральнѣйшихъ изданій, вѣрящаго въ чертей? Днемъ получаетъ гонораръ—а „въ тихій чуткій часъ ночной"—идетъ на перекрестокъ, взываетъ къ демонамъ, силой знаемыхъ имъ заклятій требуетъ къ себѣ вѣдьму—и вотъ:

Мелькаетъ бѣлая рубаха,—
И по травѣ, какъ снѣгъ блѣдна,
Дрожа отъ радостнаго страха,
Идетъ она.

И, какъ полагается у вѣдьмъ и у Сологуба,—рубаха падаетъ.

И предо мной обнажена,
Дрожа отъ страсти и отъ страха,
Стоитъ она.

Ну, конечно, ничего этого не было. Но не это важно. Въ „свѣтлые" промежутки, полагаемъ, вѣдьмы для разума разсудительнаго Сологуба не многимъ болѣе дѣйствительны, чѣмъ Мефистофель для Гёте. Но видитъ и ощущаетъ вѣдьмъ и нетопырей и недотыкомку и прочую нежить эмоціональная душа Сологуба, и въ этихъ видѣніяхъ отражается и посредствомъ этихъ реальныхъ или ирреальныхъ призраковъ выражается—и это важно. Важно намъ знать и чувствовать, какіе глухіе углы, какіе темные закоулки, какіе смрадные тупики есть еще долго будутъ—въ душѣ современнаго человѣка, раціональнаго, просвѣщеннаго. Эту нечисть раскрываютъ нежити Сологуба, и такъ глубоки бездны паденія, раскрытыя имъ, что онѣ кажутся извѣчными, и смѣшными представляются напоминанія о томъ, что „даже" современный раціональный и просвѣщенный интеллигентъ не убережся отъ нихъ. Слишкомъ тяжело жить человѣку, слишкомъ страшными загадками обступила его жизнь, слишкомъ мрачно то единственное рѣшеніе, которое она предлагаетъ въ концѣ. Да и рѣшеніе ли это? Aber ist das eine Antwort? Не мудрено, что человѣкъ—и не изъ самыхъ слабыхъ—ушелъ въ чертовщину.

Страшенъ навій слѣдъ, но въ немъ забвеніе,
Горекъ омегъ твой, но въ немъ веселіе,
Мертвыхъ устъ отрадно дуновеніе,—
Принеси-жъ мнѣ, вѣдьма, злое зеліе.

Ну, конечно, живой Сологубъ предпочитаетъ „дуновенію мертвыхъ устъ" уста живыя—онъ самъ говоритъ объ этомъ часто, слишкомъ часто—но что-же дастъ намъ представленіе о предѣлахъ его угрюмой скорби, его „сѣрой тоски", какъ не тѣ отравы душевныя, въ которыхъ ищетъ онъ забвенія? Ядомъ поитъ его вѣдьма и неизмѣнно увѣряетъ, что есть великая безсмертная отрада въ отравленномъ огнѣ ея напитка; боль онъ несетъ съ собою, вопли и корчи, и разлуку со многимъ,—но зато новую силу даетъ.

Кое-что умретъ, конечно,
У тебя внутри,—такъ что-жъ?
Что имѣешь, то навѣчно
Все равно не сбережешь.
Но зато, смертельнымъ ядомъ
Весь пропитанъ, будешь ты
Поражать змѣинымъ взглядомъ
Неразумные цвѣты.
Будешь мертвыми устами
Ты метать потоки стрѣлъ,
И широкими путями
Умерщвлять ничтожность дѣлъ.

Въ чемъ „смертельный ядъ" вѣдьмы—это ясно; это—неизмѣнная панацея Сологуба, это—безконечное безразличіе, это—всеобъемлющая пассивность. Мѣсто дѣйственной мысли, мѣсто осмысленнаго дѣйствія занимаетъ игра фантазіи.

Хочу конца, ищу начала,
Предвижу роковой предѣлъ,—
Противорѣчій я хотѣлъ,
Мечта владычицею стала.

И поистинѣ страшно это безпредѣльное владычество мечты, смѣнившей всякое реальное отношеніе къ міру:

Въ жемчуги, злато и виссонъ,
Прелестница безумно-злая,
Она рядитъ, не устава,
Земной таинственный мой сонъ.

И, очевидно, только злобой подсказаны насмѣшливыя поученія безумно-злой прелестницы-мечты, которая сходитъ порой къ людямъ „для торжественной забавы", ворожитъ надъ людскими травами и варитъ изъ нихъ отравы:

Мой напитокъ пей до дна,
Въ немъ забвенье всѣхъ томленій,
Глубина его ясна,
Но великихъ утоленій
Преисполнена она.

Вспомни, какъ тебя блаженно
Забавляли въ жизни сны.
Все иное—неизмѣнно.
Нѣтъ спасенья, нѣтъ вины,
Все легко и все забвенно.

VIII.

И жадно, не отрываясь, пьетъ Сологубъ напитокъ вѣдьмы. Въ чаду ея очарованій онъ ничего не ищетъ, и ничего не находитъ кромѣ забвенія. Въ „тихой долинѣ", гдѣ нѣтъ ничего кромѣ природы и любимаго существа, Сологубъ сливается съ тѣмъ и другимъ. Можно жить. Пусть въ концѣ смерть, но въ серединѣ есть забве-

ніе. Злой мальчишка пронзилъ ножомъ кору березы—она обречена на смерть, и слезы жизненнаго сока текутъ изъ дерева прозрачною струей. Но оно еще живо—созидающая сила не спѣшила изникнуть изъ зеленѣющихъ вѣтвей.

Онѣ, какъ прежде, колыхались
И такъ же нѣжно улыбались
Привѣту солнечныхъ лучей.

И это не только указаніе на фактъ: въ жизни дѣйственной, въ радости бытія, въ стихійности мысли, чувства и дѣйствія Сологубъ видитъ какъ бы нѣкоторое освобожденіе отъ неизбѣжнаго:

Научитесь хотѣнью упорному,
Наберитесь ликующихъ силъ,
Чтобъ зовущій къ пристанищу черному
Васъ косой не скосилъ.

Рѣдко это повелительное наклоненіе у Сологуба; онъ рѣдко учитъ—и неожиданнѣе всего оно здѣсь, въ этомъ сплошномъ столкновеніи между дѣйствіемъ и безконечной пассивностью, доходящей до полнаго растворенія въ природѣ. Въ неудачномъ стихотвореніи, отягощенномъ прозой, это состояніе выражено съ опредѣленностью, немножко забавной:

Солнцемъ на небѣ сердце горитъ,
И расширилась небомъ душа,
И мечта моя вѣтромъ летитъ,
Въ запредѣльныя страны спѣша.
И на небѣ моемъ облака
То растаютъ, то катятся вновь.
Позабылъ, гдѣ нога, гдѣ рука.
Только въ жилахъ торопится кровь.

Самая простота и ясность жизни природы служитъ для Сологуба утѣшеніемъ. Въ безжизненномъ бытіи природы—по какому-то чуду—есть „соотвѣтствія", есть если не отвѣты на роковые вопросы души человѣческой, то какъ бы возможность устранить эти вопросы:

Есть соотвѣтствія во всемъ,—
Не тщетно простираемъ руки:
Въ отвѣтъ на счастье и на муки
И смѣхъ, и слезы мы найдемъ.

Гдѣ?—Конечно, не въ людяхъ.

И если жаждешь утѣшенья,
Бѣжишь далеко отъ людей,
Среди лѣсовъ, среди полей —
Покой, безмысліе, забвенье.

Здѣсь все правдиво, все чисто и справедливо:

Вѣтвями вѣтеръ шелеститъ,
Трава травою такъ и пахнетъ.

Не то, что люди, которые у Сологуба такъ часто пахнутъ не собою, а то псиной, то корилопсисомъ. Природа „человѣчнѣе“ людей:

Никто въ изгнаніи не чахнетъ,
Не презираетъ и не метитъ
Такъ, довѣряяся природѣ
Наперекоръ судьбѣ, во всемъ
Мы соотвѣтствіе найдемъ
Своей душѣ, своей свободѣ.

Въ этомъ чуть не противоестественномъ („наперекоръ судьбѣ“!) довѣріи природѣ гаснетъ обычная тоскливая угрюмость Сологуба. Ночь—его „безмолвная защита отъ суеты“—покрываетъ его своей „успокоительной сѣнью“, волны лепечутъ ему о радостяхъ свѣтлаго мая:

Едва колышется въ рѣкѣ волна,
И сладко дышится, и тишина,
И кто-то радостный несетъ мнѣ вѣсть,
Что подвигъ сладостный и свѣтлый есть.

Чуть не Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ:

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный,
Зовутъ ко всенощной,
Къ молитвѣ благостной...

И любовь приходитъ. И похоть еще не омрачаетъ ея: есть налетъ чувственности, навязчивый образъ Сологуба — женскія босыя ноги—мелькаетъ слишкомъ часто. Но еще чиста, ясна и человѣчна эта чувственность; нѣтъ въ ней истязаній, извращеній и изнеможеній, нѣтъ грязи, нѣтъ передоновщины. Однако любопытно, что эту безпорывную любовь не включилъ Сологубъ въ число тѣхъ „маленькихъ кусочковъ счастья“, которые онъ взялъ отъ жизни.

Древнія и мудрыя книги,
Таинственныя очарованія музыки,
Умилительныя молитвы,
Невинныя, милыя дѣтскія лица,
Сладостныя благоуханія,
И звѣзды,—недоступныя, ясныя звѣзды...

Вотъ и все: любви къ женщинѣ, любви къ людямъ нѣтъ среди этихъ „фрагментовъ счастья“. Среди испытаній боли — которая у Сологуба часто близка наслажденію — есть и женская любовь. Но любовь къ людямъ, къ живымъ, къ отдѣльнымъ — внѣ Сологуба: толпу онъ хоть ненавидитъ; людей просто не видитъ.

Такъ или иначе—этому фрагментарному, сомнительному счастью предреченъ конецъ. Мыслитель мирится съ неизбѣжнымъ или ни съ чѣмъ не мирится: переносится въ міры внѣ-временные и все отвергаетъ, всю жизнь съ ея обманными радостями, съ ея обманной свободой. Но сердце, простое человѣческое сердце не знаетъ метафизическихъ рѣшеній, не умѣетъ ни примириться, ни отвергнуть.

Оно только ропщетъ, что краткимъ обманомъ промчалась жизнь, и ея нѣтъ.

О, смерть! я твой. Повсюду вижу
Одну тебя,—и ненавижу
Очарованія земли.
Людскіе чужды мнѣ восторги,
Сраженья, праздники и торги,
Весь этотъ шумъ въ земной пыли.
Твоей сестры несправедливой,
Ничтожной жизни, робкой, лживой,
Отринулъ я издавна власть.
Не мнѣ, обвѣянному тайной
Твоей красы необычайной,
Не мнѣ къ ногамъ ея упасть.

Неизбѣжное вызывало въ Сологубѣ всю ярость отрицанія, только пока было неизбѣжно. Неизбѣжность смерти терзаетъ его, но не сама смерть; ея необходимость лишаетъ жизнь смысла, но вотъ, она пришла—и въ ней „послѣднее утѣшеніе". Нѣтъ въ ней ничего злого, тягостнаго, даже болѣзненнаго нѣтъ. Тяжела была жизнь, но смерть „томная", смерть „подруга"—она всегда легка и радостна, и „сладко ранитъ" ея стилетъ.

Туманъ восходитъ,—и она
Идетъ, такъ тихо, тихо въ полѣ
Поетъ,—мнѣ пѣснь ея слышна,
Поетъ о волѣ.

Неизмѣнно и необходимо у Сологуба это ощущеніе связи смерти и свободы. Оно и понятно: если жизнь есть только тюрьма, звѣринецъ, заточеніе, то чѣмъ же можетъ быть ея конецъ, какъ не освобожденіемъ? Вѣдь смерть—освобожденіе не только отъ процесса существованія: это и прекращеніе сознанія, прекращеніе мысли. А мысль, всюду наталкивающаяся на „грани бытія", есть подлинный источникъ земныхъ страданій Сологуба. Именно освобожденіе отъ категорій мысли воспѣваетъ Сологубъ въ экстатическомъ призывѣ къ усопшей Елисаветѣ, гдѣ напряженіе познанія смѣшивается съ напряженіемъ эротики, и философская мистика сближается съ чѣмъ-то вродѣ хлыстовскаго радѣнія. Страстно зоветъ онъ изъ „страны отцовъ" эту далекую любимую, эту воплощенную смерть:

Расторгнуть бремя, расторгнуть бремя
Пора пришла,
Земное злое растаетъ бремя,
Какъ сонъ, какъ мгла.
Земное бремя—пространство, время,
Мгновенный дымъ.
Земное, злое расторгнемъ бремя,
И побѣдимъ!

Только-что Сологубъ говорилъ о побѣдѣ смерти; теперь онъ говоритъ о побѣдѣ надъ смертью. Но это только словесное противорѣчіе: это одно и то же. Ибо смерть для него есть преображеніе,

есть возрожденіе къ одной изъ новыхъ формъ, изъ безконечной вереницы и повтореній которыхъ состоитъ наше „индивидуальное“ бытіе:

Что было, будетъ вновь,
Что было, будетъ не однажды.

Жизнь есть поэтому творческая игра,—и ничего больше. Элементы даны, даны и возможности ихъ сочетаній—и человѣкъ, творецъ и рабъ этихъ возможностей, можетъ только создавать,—если эта безконечная игра заслуживаетъ имя созданія.

И среди нѣмыхъ раздолій,
Гдѣ царилъ нѣмой хаосъ,
Это я своею волей
Жизнь къ сознанію вознесъ.

IX.

Такъ возникаетъ одно изъ основныхъ представленій Сологуба—представленіе „единой воли“—воли Единственнаго, создающаго для себя міръ. Неистребимо въ СологубѢ это сознаніе, что существуетъ только его Я и что все остальное—его твореніе:

Въ темномъ мірѣ неживаго бытія
Жизнь живая, солнце міра—только Я.
. . . . . .
Воззвавъ къ первоначальной силѣ,
Я бросилъ вызовъ небесамъ,
Но мнѣ свѣтила возвѣстили,
Что я природу создалъ самъ.
. . . . . .
Единая воля повсюду,
И къ чему мои размышленья?
Надо повѣрить чуду
Единаго въ мірѣ хотѣнья.

Вотъ это противопоставленіе чуда размышленію нарушаетъ цѣльность ощущенія Сологуба. Это именно только ощущеніе, а еще далеко не „солипсическая теорія“: это только жажда вѣры въ чудо, но еще не твердое убѣжденіе, еще не ясное сознаніе, еще не теорія. Сологубъ твердъ, пока въ „неожиданномъ, случайномъ“ разбросанномъ вокругъ, узнаетъ свои порывы. Осмысливая, онъ создаетъ; воплощая, изводитъ изъ тьмы бытія.

Въ безпредѣльности стремленья
Воплотить мои мечты,
Не ушелъ я отъ творенья,
Поднялъ бремя воплощенья,
Сталъ такимъ же, какъ и ты.

Но, когда онъ всматривается въ единство существующее, въ свое Я, сомнѣніе охватываетъ его: онъ нашелъ „ключи отъ кладезей“, онъ слилъ въ единство „неслитные лучи“, онъ уяснилъ и упо-

рядочилъ въ себѣ разрозненность хаоса. Онъ Богъ. Но, увы, онъ Богъ деизма и потому онъ только Богъ. За гранью сегодняшняго бытія—такъ онъ мечтаетъ—онъ освободится отъ пространства и времени, но онъ не умѣетъ уйти отъ своего созданія, отъ категоріи причинности:

Я—только Богъ. Но я и малъ, и слабъ.
Причины создалъ я.
Въ путяхъ моихъ причинъ я вѣчный рабъ
И плѣнникъ бытія.

И порабощенный своимъ твореніемъ творецъ остается „въ смятеньи чрезвычайномъ“ съ недоумѣннымъ вопросомъ:

Стремлюсь ли я своей свободой,
Или игрой мнѣ чуждыхъ силъ?

Впрочемъ, все равно: что бы ни встрѣтило меня „за гранью жизни краткой“, жизнь моя „горитъ одной молитвой сладкой, дыханьемъ бытія“. Пожалуй, и эти радости также мало созданы мною, какъ и „послѣднее утѣшеніе“ отъ радостей жизни. „Нѣтъ разныхъ людей,—есть только одинъ человѣкъ, одинъ только Я во всей вселенной, волящій, дѣйствующій, страдающій, горящій на неугасимомъ огнѣ, и отъ неистовства ужасной и безобразной жизни спасающійся въ прохладныхъ и отрадныхъ объятіяхъ вѣчной утѣшительницы—Смерти“.

Да, въ Смерти творчество единаго Я неповинно. Смерть есть та „непреклонная воля“, которая „родилася во тьмѣ“, то-есть внѣ меня. Съ смертью, какъ съ причинностью, не совладалъ эгоцентризмъ Сологуба.

Только выбрана доля—
Та иль эта—въ умѣ,
Но темна непреклонная воля.

Выбирать себѣ доли, маски, личины—это мы можемъ, и въ этомъ творчество человѣка; своей волей онъ создастъ себѣ міръ, но темной, чужой непреклонной волей онъ принужденъ отъ одной комбинаціи своихъ мнимыхъ „созданій“ перейти чрезъ неминуемыя врата смерти къ другой:

Онъ не знаетъ, но хочетъ,
И покорно умретъ.

Оттого лучше, чѣмъ кто-нибудь, знаетъ Сологубъ цѣну своему созданію. Много гордыхъ словъ скажетъ онъ въ преддверіи смерти о своемъ предстоящемъ созданіи, но нечѣмъ ему гордиться...

Настало время чудесамъ.
Великій трудъ опять подъемлю.
Я создалъ небеса и землю,
И снова ясный міръ создамъ.
Настало творческое время.
Земное бремя тлѣетъ вновь.

Моя мечта, моя любовь
Возставить вновь иное племя.
Подруга-смерть, не замедляй,
Разрушь порочную природу.
И мнѣ опять мою свободу
Для созиданія отдай.

Какая ужъ это свобода—изъ рукъ другихъ... Свободу имѣетъ только тотъ, кто каждый день ее завоевываетъ, а не тотъ, кто въ своемъ рабствѣ утѣшается тѣмъ, что создаетъ небеса и землю. И для чего создаетъ? Для того, чтобы признать, что это преходящія небеса, что придетъ черный день—и надо будетъ разстаться съ этой ужасной, безобразной, однако милой, жизнью, съ свѣтлыми „осколками земного счастья", съ цѣлуемой землей и сладостнымъ подвигомъ. Стать центромъ міросозданія—чтобы творить не вѣчное, стать Богомъ, чтобы почувствовать себя плѣнникомъ: какая это была бы трагедія, если бы для Сологуба здѣсь были трагедіи, если бы онъ, онъ, какъ характеръ, былъ равенъ своимъ требованіямъ, если бы не были слишкомъ легки ему утѣшенія. Но онъ арена трагедій, а не ихъ герой. Онъ возбужденъ, онъ изстрадался, онъ въ экстазѣ вдохновенія, но онъ и спокоенъ. Все это не такъ страшно, все это не серьезно, sub specie aeternitatis: вѣчность принесетъ новыя формы, новыя преображенія. Опять Сологубъ воззоветъ жизнь къ сознанію, опять воздвигнетъ несмѣтные пути, опять воскреситъ міръ и увѣнчаетъ его и себя терновымъ вѣнцомъ. Колючи эти тернія, конечно, но нѣтъ въ нихъ послѣдняго ужаса, ужаса безнадежности: что было, будетъ не однажды; все—только игра.

Я влюбленъ въ мою игру,
Я играя самъ сгораю
И безумно умираю,
И умру, совсѣмъ умру.

Совсѣмъ-ли? Въ томъ-то и дѣло, что не совсѣмъ:

Умираю отъ страданій,
Весь измученный игрой
Чтобы новою зарей
Вывесть новый рой созданій.
Снова будутъ небеса,—
Не такія же, какъ ваши,—
Но опять изъ полной чаши,—
Я разсѣю чудеса.

Чѣмъ на этотъ разъ явится себѣ Сологубъ? „Рожденный не въ первый разъ—говоритъ предисловіе къ „Пламенному кругу"—и уже не первый завершая кругъ внѣшнихъ преображеній, я спокойно и просто открываю мою душу. Открываю,—хочу, чтобы интимное стало всемірнымъ". Это ясно—это желаніе поднять интимное до всемірности есть основа всякой лирики: сказано „хочу",—но это не только желаніе: это необходимость. „Тонкая земная душа человѣка

пламенѣетъ сладкими и горькими восторгами, истончается, и восходитъ по нескончаемой лѣстницѣ совершенствъ въ обители навѣки недостижимыя и вовѣки вожделѣнныя". Уже не оводомъ, Адамомъ, царевичемъ, собакой, палачемъ, Фриной, убійцей Нерона, любящей матерью сознаетъ себя Сологубъ; новые образы болѣе высокаго совершенства станутъ воплощеніемъ его мучительской измученной души.

Я—царевичъ съ игрушкой въ рукахъ,
Я—король зачарованныхъ странъ,
Я—невѣста съ тревогой въ глазахъ,
Богомолкой бреду я въ туманъ.

Новая вереница преображеній начнется, чтобы—періодически пресѣкаемая смертью—продолжаться въ безконечности. Но это—во времени; въ системѣ же завершенъ „пламенный кругъ" сологубовой лирики.

Можно восполнять ея толкованіе образами, взятыми изъ драмъ, романовъ и разсказовъ Сологуба, разсужденіями, заключенными въ его воинствующихъ предисловіяхъ и статьяхъ. Но центромъ творчества Сологуба, кодексомъ его міровоззрѣнія, основой его литературной значительности остается его лирика—пожалуй, можно сказать, стихотворная лирика въ противоположность иной, размѣромъ не связанной. Ни о чемъ кромѣ себя онъ не умѣетъ писать; изрѣдка хочетъ, почти никогда это ему не удается, но единственный его герой, единственный для него вопросъ это онъ самъ. Прочіе вопросы онъ рѣшилъ; можно книгу написать о томъ, какъ Сологубъ на нихъ смотритъ, но эта книга важна только для пониманія Сологуба, а не для углубленія затронутыхъ имъ вопросовъ. Онъ внѣ себя не ищетъ, онъ уже все знаетъ: онъ хочетъ знать о себѣ и бьется надъ этой загадкой. Кто остается въ памяти изъ созданныхъ имъ людей, въ которыхъ нельзя найти его признаній? Что останется въ общей мысли изъ его дѣйствительно эпическихъ, объективныхъ образовъ? Ничто. Останется только лирика: лирика стиховъ, лирика драмъ, лирика романовъ, лирика статей.

Все это—за исключеніемъ развѣ „Мелкаго бѣса" и немногихъ разсказовъ—безконечно менѣе значительно, чѣмъ стихи Сологуба и цѣнно по преимуществу въ качествѣ комментарія къ послѣднимъ. Какъ объ идеологическихъ схемахъ, какъ объ аллегоризованныхъ теоріяхъ, какъ объ отвлеченныхъ символахъ, можно говорить о всѣхъ герояхъ Сологуба, о Лигинѣ и о Триродовѣ, о Лилитъ и о королевѣ Альгистѣ, о Реатовѣ и Соннольевѣ и множествѣ другихъ, разсѣянныхъ въ разсказахъ, драмахъ, романахъ. Они не только не реальны въ обычномъ смыслѣ, они не только причудливы, фантастичны, романтичны: часто они исполнены внутреннихъ противорѣчій; они въ разладѣ не только съ законами естества, съ опытомъ исторіи, съ несомнѣнностью быта—они нарушаютъ гармонію того міра, въ который ввела ихъ фантазія поэта, они противорѣчатъ и

ему и себѣ. Ихъ стиль—гротескъ. Но и въ этомъ—эстически-несовершенномъ—видѣ они имѣютъ психологическій интересъ; они—необходимыя части теоріи Сологуба, они восполняютъ другъ друга; они объясняютъ автора, они сливаются въ немъ; они не только аллегоричны, но и автобіографичны; въ нихъ не только сологубова идеологія, но и сологубова психологія—и въ этомъ смыслѣ они важны. Но только въ этомъ смыслѣ; для насъ они не стали и, вѣрно, ужъ не станутъ образами, объясняющими міръ.

X.

Широкое значеніе изъ всѣхъ человѣческихъ фигуръ, созданныхъ Сологубомъ, получилъ только образъ Передонова. Онъ не умретъ въ русской литературѣ; онъ ужъ сталъ обиходнымъ въ русскомъ языкѣ, сталъ необходимымъ опредѣленіемъ явленія, стараго конечно, въ быту и въ психикѣ, но новаго для сознанія. Было что-то, что требовало художественной формулы, и оно нашло ее въ Передоновѣ, и уже теперь, люди, быть можетъ, даже не читавшіе „Мелкаго бѣса", пытаясь осознать и назвать что-либо противно-лицемѣрное, патологически-хамское, говорятъ: это передоновщина. Какъ-новый оттѣнокъ гнусности, загадочно-извращенной, пошлости, доходящей до трагическаго уродства, уже стала рядомъ съ Іудушкой Головлевымъ, съ старикомъ Карамазовымъ и его незаконнымъ сыномъ эта отчетливая, выразительная и страшная фигура.

Едва ли во всей всемірной литературѣ есть созданіе болѣе нелѣпое, болѣе уродливое и отвратительное, болѣе недѣйствительное при всей своей повседневности, чѣмъ этотъ гимназическій учитель средняго русскаго провинціальнаго города. Совершенно невозможно въ короткой характеристикѣ изобразить всю силу пошлости, составляющей основной тонъ натуры Передонова. Есть что-то большое въ этой необъятной и всеобъемлющей мелкости, что-то сатанинское въ мерзости ничтожества. Его угрюмое самодовольство, его беззавѣтный эгоизмъ, его трусливая подлость, его подозрительная запуганность, его неотступное и вмѣстѣ дряблое сладострастіе, его суевѣріе и его цинизмъ съ самаго начала складываются въ живой образъ, который чѣмъ дальше, тѣмъ больше поражаетъ удивительнымъ сочетаніемъ ошеломляющей невозможности и художественной убѣдительности. Возможно, что Передонова нѣтъ; но если его нѣтъ, то его надо выдумать. И Сологубъ его выдумалъ—или списалъ съ натуры: съ себя или съ насъ всѣхъ. Ибо, если бы то въ томъ, то въ иномъ изъ насъ не сидѣлъ Передоновъ въ такой же степени, какъ сидитъ въ насъ Фаустъ, Прометей или Хлестаковъ, то ихъ не стоило бы изображать.

Романъ даетъ послѣдовательную картину роста безумія въ Передоновѣ. По началу онъ только безконечно пошлъ и злобенъ это основной фонъ его натуры. „Медленны и тупы его воспріятія".

Онъ равнодушно плюнетъ въ лицо своей сожительницѣ, онъ пачкаетъ и рветъ въ своей квартирѣ обои на зло хозяйкѣ, онъ украдетъ у своей кухарки фунтъ изюма, съѣстъ его втихомолку и обвинитъ кухарку въ кражѣ. Онъ прожорливъ, похотливъ, безсмысленно и безпредѣльно подлъ въ дѣланіи карьеры; но его трагедія есть трагедія изступленнаго эгоизма: по существу ничто его не занимаетъ, ничто ему не нужно. Каждое его движеніе, каждое помышленіе, съ отвратительной реальностью изображенныя въ романѣ, подтверждаютъ его общую характеристику: „Его чувства были тупы, и сознаніе его было растлѣвающимъ и умерщвляющимъ аппаратомъ. Все доходящее до его сознанія претворялось въ мерзость и грязь. Въ предметахъ ему бросались въ глаза неисправности и радовали его... Онъ смѣялся отъ радости, когда при немъ что-нибудь пачкали. Чисто вымытыхъ гимназистовъ онъ презиралъ и преслѣдовалъ. Онъ называлъ ихъ ласкомойками. Неряхи были для него понятіе. У него не было любимыхъ предметовъ, какъ не было любимыхъ людей,—и потому природа могла только въ одну сторону дѣйствовать на его чувства, только угнетать ихъ. Также и встрѣчи съ людьми. Особенно съ чужими и незнакомыми, которымъ нельзя сказать грубость. Быть счастливымъ для него значило ничего не дѣлать и, замкнувшись отъ міра, ублажать свою утробу".

Устойчивымъ это состояніе не можетъ быть. Постепенно—и эта постепенность хорошо выражена въ романѣ—вся дѣйствительность заволакивается передъ Передоновымъ „дымкой противныхъ и злыхъ иллюзій". Сперва онъ подозрѣвалъ въ нелѣпыхъ злокозненностяхъ всѣхъ людей: заподозрѣлъ хорошенькаго гимназистика въ томъ, что онъ дѣвочка, ходитъ съ доносами къ жандарму, доноситъ объ учительницѣ, которая носитъ красную кофточку. Но дальше хуже: міръ вещей одухотворяется, и предметы становятся личными врагами безумнаго. Карточнымъ фигурамъ онъ выкололъ глаза, чтобы онѣ не подсматривали, но короли и валеты вертятся вокругъ него и дѣлаютъ ему рожи. „Передоновъ видѣлъ, что они всѣ маленькіе и проказливые, что они его не убьютъ, а только издѣваются надъ нимъ, предвѣщая недоброе. Но ему было страшно,—онъ то бормоталъ какія-то заклинанія, отрывки слышанныхъ имъ въ дѣтствѣ заговоровъ, то принимался бранить ихъ и гнать ихъ отъ себя". Весь міръ для него—овеществленный бредъ. Онъ лжетъ и вѣритъ себѣ и борется съ міромъ дикихъ грезъ, имъ сочиненныхъ.

Ихъ центръ—недотыкомка: та самая, о которой, какъ о своемъ собственномъ навожденіи, разсказалъ раньше въ своей лирикѣ самъ творецъ Передонова.

Недотыкомка сѣрая
Истомила коварной улыбкою,
Истомила присядкою зыбкою,—
Помоги мнѣ, таинственный другъ.
Недотыкомку сѣрую
Отгони ты волшебными чарами:

Иль наотмашь, что ли, ударами,
Или словомъ завѣтнымъ какимъ.
Недотыкомку сѣрую
Хоть со мной умертви ты ехидную,
Чтобъ она хоть въ тоску плюгавую
Не ругалась надъ прахомъ моимъ.

Теперь не Сологуба, а его героя терзаетъ эта сѣрая, неуловимая, страшная въ своей безформенной призрачности нежить. „То дымная и синеватая", то „грязная, вонючая и страшная" то „злая, безстыжая", то „кровавая и пламенная", она дразнитъ и терзаетъ его. „Уже ясно было, что она враждебна ему и прикатилась именно для него, а что раньше никогда и нигдѣ не было ея. Сдѣлали ее и наговорили. И вотъ живетъ она ему на страхъ, и на погибель, волшебная, многовидная,—слѣдитъ за нимъ, обманываетъ, смѣется,—то по полу катается, то прикинется тряпкой, лентой, вѣткой, флагомъ, тучкой, собачкой, столбомъ пыли на улицѣ и вездѣ ползетъ и бѣжитъ за Передоновымъ,—измаяла, истомила его зыбкою своей пляской". Безсмысленные планы смѣняютъ другъ друга въ опустошенной головѣ Передонова—то онъ ведетъ кота обрить къ парикмахеру, то вмѣсто обручальныхъ колецъ хочетъ заказать обручальные браслеты, то, запершись въ спальнѣ, рисуетъ у себя по всему тѣлу чернилами букву П,—чтобы его не подмѣнили. Ужасъ преслѣдованія овладѣлъ имъ—онъ уже чувствуетъ себя преступникомъ, въ немъ и въ самомъ дѣтѣ зрѣетъ готовность къ ненужному преступленію. Послѣдній толчекъ даетъ бѣшенная ярость: Передоновъ узналъ, что его любовница заставила его жениться на себѣ посредствомъ наглаго обмана. И онъ перерѣзалъ горло пріятелю, совершенно не причастному обману.

Исторія Передонова складывается вокругъ его безумія—но не надо преувеличивать смыслъ этой болѣзненности. Сумасшедшій,—да: но что же изъ этого слѣдуетъ? Офелія и Донъ-Кихотъ, „Идіотъ" и герой „Краснаго цвѣтка" тоже сумасшедшіе. Но они безумны *для того*, чтобы воплотить въ нихъ творческій замыслъ, который иному изображенію не поддавался. Не за тѣмъ ихъ, конечно, рисуютъ художники, чтобы сказать: вотъ какіе бываютъ сумасшедшіе; нѣтъ, изъ всей громадной галлереи безумныхъ, представленныхъ намъ всемірной литературой, прежде всего одинъ общій выводъ: вотъ какіе бываютъ здоровые. Относительное есть форма безусловнаго, идеализація есть пріемъ мысли о дѣйствительномъ, карикатура есть указаніе на норму. Передоновъ есть борьба съ передоновщиной—и для тѣхъ, кто знакомъ съ литературными признаніями автора, совершенно ясно, гдѣ Сологубъ ощутилъ ее всего больнѣе и всего страшнѣе: въ себѣ самомъ.

Нѣтъ нужды знать лично того человѣка, произведенія котораго появляются подъ псевдонимомъ Ѳедора Сологуба; достаточно знать эти произведенія, чтобы было ясно: Ѳедоръ Сологубъ—это

осложненный мыслью и дарованіемъ Передоновъ. Передоновъ это Ѳедоръ Сологубъ, съ болѣзненной страстностью и силой изображенный обличителемъ того порочнаго и злого, что онъ чувствуетъ въ себѣ.

Передъ нами прошла лирика Сологуба,—и мы уже знаемъ, что это—признанія большого духа, одержимаго „мелкимъ бѣсомъ". Съ ужасомъ разсказалъ онъ о власти Лиха, въ которой онъ самъ повиненъ:

Лихо ко мнѣ привязалось давно, съ колыбели,
Лихо за мною идетъ неотступною тѣнью...
Лихо ужасное, врагъ и любви и злобенью,
Кто тебѣ далъ эту силу?

Съ надрывомъ, въ сравненіи съ которымъ безсильны всѣ пылкія самообличенія поэтовъ, онъ изступленно говоритъ о своихъ порокахъ, и о всеобъемлющемъ злѣ, вдохновляющемъ жизнь. „Ангелъ мечты полуночной", врагъ порока явился къ поэту, но чѣмъ же онъ встрѣтилъ его, какъ не скорбнымъ вопросомъ:

Я ли постигну, порочный,
Рабъ вожделѣнья больного и злого,
Радость въ наивномъ твоемъ полуснѣ?

И лирика его—съ начала до конца—сплошное признаніе въ порокѣ и болѣзни духа. О, конечно, „она не рождена притворствомъ", въ этомъ всѣ повѣрятъ поэту:

Ея зародыши глубоки,
Ее засѣяли пороки
И скорбь слезами облила.

Его влекла не любовь, не жажда подвига; „мнѣ наслажденіе сулила царица радостнаго зла",—и злой духъ движущій его жизнью и творчествомъ:

И лишь позоръ нагого преступленья
Заманчивъ, какъ всегда,
И сладко намъ нѣмое изступленье
Безумства и стыда...

И Передонову оно сладко, и сладко чуть не всѣмъ уродамъ, въ средѣ которыхъ пышно зрѣетъ его безуміе. Невѣроятно чудовищна эта галлерея; „мертвыя души" русской провинціи, въ карикатурѣ изображенныя Гоголемъ—возвышенныя созданія въ сравненіи съ удивительно мерзостными и нелѣпыми призраками, которыми населилъ свой городъ Сологубъ. Они смѣются надъ Передоновымъ, но они плоть отъ плоти его; они такъ же безсмысленны, похотливы, грубы, гнусны и безконечно циничны, какъ и онъ. То, что три барышни Рутиловы, правда, извращенно порочныя, но умныя, образованныя и красивыя, поочередно надѣваютъ одинъ вѣнчальный нарядъ, чтобы сейчасъ же идти вѣнчаться съ презрѣннымъ Передоновымъ, котораго насильно притащилъ къ нимъ для этого ихъ братъ,—это такъ нелѣпо и несвязно, что только Передоновъ могъ смотрѣть на это серьезно. Между тѣмъ этому вѣритъ самъ Соло-

губъ,—и не разъ кажется, что весь романъ о „Мелкомъ бѣсѣ" сочиненъ въ дикомъ бредѣ самого Передонова. „Все доходящее до его сознанія претворялось въ мерзость и грязь", - говоритъ о немъ авторъ: и право, надо имѣть нѣчто отъ такого сознанія, чтобы такъ взглянуть на міръ, какъ онъ отраженъ въ „Мелкомъ бѣсѣ". И нельзя не вспомнить, что Сологубъ въ своихъ критическихъ работахъ предложилъ видѣть въ Пушкинѣ раба (Савельича), а въ Грибоѣдовѣ—Молчалина.

Одинъ эпизодъ представляется особенно любопытнымъ и выразительнымъ: задуманный какъ антитеза исторіи Передонова, но почти несвязанный съ нею протяжный и обстоятельный разсказъ о томъ, какъ одна изъ барышенъ Рутиловыхъ ведетъ любовную игру съ хорошенькимъ мальчуганомъ, гимназистомъ Сашей. Божественная красота двухъ прекрасныхъ юношескихъ тѣлъ, нѣжно и сладостно восполняющихъ другъ друга, должна была здѣсь послужить противовѣсомъ чудовищной половой грязи передоновскаго міра и міровоззрѣнія. Но что же вышло? Посмѣялась злая недотыкомка надъ бѣднымъ Сологубомъ,—и вмѣсто чистой красоты получилось изступленное полевое напряженіе такой глубокой, всепроникающей порочности, въ сравненіи съ которой чахлы и позорно-непорочны всѣ порнографическія измышленія нашихъ половыхъ сочинителей. Вотъ гдѣ трагедія: хотѣлъ воплотить высоты прекрасной наготы въ невинномъ миленькомъ Сашѣ, а создалъ маленькаго Передонова, хотѣлъ показать въ Людмилѣ подлинную язычницу, чистую и смѣлую въ преклоненіи передъ красотой, а показалъ demi-vièrge, гармонично сливающуюся съ гнуснымъ міромъ безпредѣльной пошлости, окружающимъ ее. Саша и Людмила остаются физически невинными—но тѣмъ болѣе ошеломляетъ эта безпредѣльная извращенность. Передоновъ давно и безсмысленно подозрѣваетъ Сашу Пыльникова въ этой извращенности: Сологубъ подтвердилъ его больныя подозрѣнія. Съ страдальческой и злобной тоской онъ взглянулъ на жизнь и отвратительно исковерканной изобразилъ ее въ своемъ замѣчательномъ романѣ. Это поистинѣ тѣ „злыя видѣнія раненой жизни", въ которыхъ сознавался Сологубъ за много лѣтъ до своего романа и которыя могли быть просвѣтлены только творчествомъ. Ибо только воплощеніе, объектированіе могло спасти страждущаго человѣка отъ ихъ проклятія. Но Сологубъ пошелъ еще дальше. Для того, кто черезъ Передонова хочетъ понять Сологуба, страшнѣе всего не моральная уродливость Передонова, не сверхчеловѣческая пошлость, не трагическое безуміе: страшнѣе всего столь законныя и столь понятныя попытки автора оправдать своего героя, идеализировать Передонова. „Не все же кажется,—тоскливо бормоталъ Передоновъ—есть же и правда на свѣтѣ". И авторъ поясняетъ: „Да, вѣдь и Передоновъ стремился къ истинѣ, по общему закону всякой сознательной жизни, и это стремленіе томило его. Онъ и самъ не сознавалъ, что тоже, какъ и всѣ люди, стремится

Дети радостей и света,
Нет границ вашим, нет завета;
Нет полей, —
Вы и в городе храните,
На асфальте, на граните
Резвый смех.

Посреди толпы болтливой
Вы с улыбкою счастливой
Надо мной,
И за вашею оградой
К шумной жизни иду с отрадой
Неземной.

Ф. Сологубъ

Автографъ Ѳ. Сологуба.

къ истинѣ, и потому смутно было его безпокойство. Онъ не могъ найти для себя истины и погибалъ".

Tua res agitur: Сологубъ это подчеркиваетъ, и лишь издѣвательствомъ надъ читателемъ звучатъ его отрицанія; болѣе автобіографическаго создателя „объективнымъ" образомъ нѣтъ во всемірной литературѣ. Растетъ разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ реальной жизни, но неизмѣнной остается ихъ автопортретность.

Но, конечно, лишь одну грань своего существа отразилъ Сологубъ въ своемъ кошмарномъ созданіи. Онъ давно сравнивалъ свою душу съ зыбкими качелями, которыя поперемѣнно переносятся то въ свѣтъ, то къ тѣнь:

Печали ветхой злою тѣнью,
Моя душа полуодѣта,
И то стремится жадно къ тлѣнью,
То ищетъ радостей и свѣта.

XI.

Объ этихъ колебаніяхъ своей психики, о тоскѣ и порывахъ своей поздней молодости разсказалъ Сологубъ въ другомъ, первомъ по времени своемъ большомъ романѣ — „Тяжелые сны". Въ значительной степени это—предвосхищеніе „Мелкаго Бѣса", растянутый, неопредѣленный эскизъ того, что въ послѣдствіи было сжато, оформлено и воплощено въ романѣ о Передоновѣ. И въ бытовомъ матеріалѣ, и въ идеологіи, и въ психологическихъ мотивахъ, и въ мелочахъ манеры здѣсь какъ бы нагромождены безпорядочно, тѣ матеріалы, которые въ усиленномъ до карикатуры видѣ были перелиты въ новую стройную художественную форму въ „Мелкомъ Бѣсѣ". Здѣсь еще не окончательно порвана связь съ бытовымъ реализмомъ, отсутствіе которой дѣлаетъ изъ Передонова и среды его окружающей, откровенное и реальное созданіе не то карикатуры, не то аллегоризма. Герой романа Логинъ,—въ извѣстной степени прототипъ Передонова, несмотря на то, что образъ его, идеалистически противопоставленный сплошной грязи, характеризующей окружающее его провинціальное общество, осложненъ положительными чертами. Но изначальнымъ порокомъ глубоко поражена и его душа, психическое здоровье ему также чуждо, также преслѣдуетъ его злобная нежить—только здѣсь недотыкомка называется морокой—также совершаетъ онъ въ заключеніе безсмысленное убійство; даже должность гимназическаго учителя объединяетъ Логина и Передонова. Передоновъ сосредоточеннѣе и глубже, Логинъ автобіографичнѣе; но эта біографичность только показываетъ, въ какой громадной степени образъ Передонова есть признаніе. Не много новаго даетъ біографія Сологуба тому, кто уже въ „Тяжелыхъ снахъ" вмѣстѣ съ Логинымъ проходилъ мыслью его дѣтство „вдали отъ природы, среди кирпичныхъ стѣнъ столицы. Вялы и нерадостны

были дни, городскою пылью дышала грудь, суетныя желанія томили, раздражительна была ложная стыдливость, порочныя мечты рано стали волновать воображеніе". И какъ бы сологубовскими стихотвореніями, переложенными въ прозу, кажутся всѣ размышленія и рѣчи Логина—такія, напримѣръ: „Въ жизни должно быть невозможное, и только оно одно имѣетъ цѣну... Ну, а возможное... Я ходилъ по всѣмъ путямъ возможнаго въ жизни, и вездѣ жизнь ставила мнѣ ловушки. Красота приводила къ пороку, стремленіе къ добру заставило дѣлать глупости и вносить къ людямъ зло, стремленіе къ истинѣ заводило въ такія дебри противорѣчій, что не зналъ какъ и выйти. Безвѣріе, порокъ мелкій, трусливый, потаенный, разочарованіе въ чемъ-то,—и безсиліе. Есть запрещенное—къ тому и тянешься... Манятъ услады сверхъестественныя... пусть даже противоестественныя. Мы слишкомъ рано узнали тайну, и несчастны... Мы обнимали призракъ, цѣловали мечту. Мы въ пустоту тратили пылъ сердца... сѣяли жизнь въ бездну, и жатва наша—отчаяніе. Насъ и воспитывали диковинно: дерзновеніе отрока умерщвляли въ насъ, чтобы не вышло изъ среды нашей мужа". Или: „Мысль отвергаетъ плотскую любовь и всякое вожделеніе. Всѣ желанія имѣютъ одинаково незаконную природу,—и тайныя. Всѣ они возникаютъ изъ суетнаго стремленія къ расширенію своей личности, призрачной, вѣчно текущей и обреченной на уничтоженіе". „Тяжелые сны"—въ сущности, первое произведеніе Сологуба—романъ начатъ въ 1883 году и, несмотря на то, что авторъ въ теченіе многихъ лѣтъ впослѣдствіи перерабатывалъ его, носитъ несомнѣнный отпечатокъ раннихъ впечатлѣній автора. Одно слово, неизмѣнно въ разнообразнѣйшихъ сочетаніяхъ повторяющееся на страницахъ „Тяжелыхъ сновъ", опредѣляетъ эти впечатлѣнія; это слово—угрюмость. Угрюмо смотритъ и говоритъ самъ герой романа (стр. 16, 109, 303 и др.), угрюмо лицо служанки (стр. 23) и Дубицкаго (стр. 85), угрюма рѣчь Молина (стр. 369) и взглядъ Шестова (стр. 376), угрюмо стоятъ домишки (стр. 60), угрюмо гуляютъ рабочіе (стр. 112), угрюма толпа мѣщанъ (стр. 284), угрюмо высшее провинціальное общество (стр. 307); вокругъ этой угрюмости — конечно, соотвѣтственные спутники-синонимы: злость, коварство, мракъ, грязь, ужасъ, раздраженіе, безуміе и такъ далѣе.

Ясенъ источникъ этой всепоглощающей угрюмости: это взглядъ автора на жизнь, неподвижный, навѣки омраченный, навсегда предопредѣленный, всѣ его помыслы поглотившій мыслью о неизбѣжности смерти. Смерть—сладостная мечта о покоѣ, но она же—„печали ветхой злая тѣнь", которою полуодѣта душа Сологуба. Вотъ улыбнулась Логину любимая дѣвушка; „радостью и счастьемъ вѣяло отъ довѣрчивой улыбки, а она сулила блаженство и погружала душу въ тихій покой самозабвенія. Логину казалось, что душа растворяется въ этомъ вѣяніи юной радости". Но это одно мгновеніе—Логинъ уже понялъ, что обаяніе, владѣющее имъ—одна изъ лову-

шекъ, разставленныхъ жизнью. Любимая дѣвушка умретъ—„острыя струи жалости, ужаса и недоумѣнія пробѣжали въ его душѣ. Онъ почувствовалъ, какъ погибло то молодое, счастливое, что трепетало сейчасъ въ его сердцѣ".

Если есть возможность говорить о какомъ-либо движеніи, какой-либо душевной біографіи Сологуба, то именно развѣ лишь о гибели этого „молодого и счастливаго", что недолго трепетало въ далекомъ прошломъ въ его сердцѣ. „Тяжелыми снами" показались ему въ дальнѣйшемъ первые шаги его самостоятельной жизни, и онъ разсказалъ въ этомъ романѣ, какъ смяла „дебелая бабища жизнь" его первыя попытки преодолѣть себя, свою отъединенность и угрюмость. Намъ теперь, конечно, видно, что смѣшно было лѣчить этотъ порокъ извѣчнаго одиночества опытомъ россійской общественности; но опытъ этотъ былъ—въ замыслѣ, по крайней мѣрѣ—продѣланъ; въ результатѣ отъ Логина остался одинъ Передоновъ.

* * *

Логинъ былъ для Сологуба реальностью исторіи, реальностью пережитаго; реальностью настоящаго оказался Передоновъ; но есть и реальность будущаго, реальность мечты. Ее воплотилъ Сологубъ въ третьемъ своемъ „автобіографическомъ" образѣ, въ Триродовѣ, героѣ романа „Навьи чары", распадающемся на рядъ романовъ: „Творимая легенда", „Капли крови", „Королева Ортруда", „Дымъ и пепелъ". Художественно это одно изъ слабѣйшихъ произведеній Сологуба. Автору ни въ малой степени не удалось быть убѣдительнымъ въ этомъ несвязномъ хитросплетеніи отвлеченнѣйшей фантастики съ грубѣйшей реальностью, романтическихъ вымысловъ съ насущной современностью, „научной" утопіи съ метафизической мечтой; но, какъ коментарій къ Сологубу, романъ Триродова не лишенъ интереса и кое-что намѣчаетъ отчетливѣе, чѣмъ это было сдѣлано въ предшествующихъ произведеніяхъ. Логинъ—это сопоставленіе тѣхъ возможностей, которыя даны въ Сологубѣ; Передоновъ это то, чѣмъ онъ не хочетъ быть; Триродовъ то, чѣмъ онъ хотѣлъ бы быть. „Коснѣй во тьмѣ—гласитъ часто цитируемое начало романа „Навьи чары",—тусклая, бытовая, или бушуй яростнымъ пожаромъ,—надъ тобою, жизнь, я, поэтъ, воздвигну творимую мною легенду объ очаровательномъ и прекрасномъ".

Конечно, не только какъ мечту, не только какъ поэтическій идеалъ воздвигаетъ Сологубъ свою легенду надъ жизнью: для этого онъ слишкомъ миѳологиченъ. Оттого онъ называетъ ее не сотворенной, а творимой легендой; онъ даетъ ее читателю im Werden, ибо она есть подлинная надстройка надъ жизнью, продолженіе жизни, а сама жизнь никогда не бываетъ завершена: закончены могутъ быть лишь ея теоретическія раздѣленія, ея обобщенія, научныя или художественныя. Таковъ переведенный изъ царства смутныхъ восклицаній въ область доступнаго пониманію замыселъ Сологуба. Насъ, однако,

должна здѣсь занимать не столько осуществимость, сколько содержаніе мечтаній Сологуба. „Никто не знаетъ предѣловъ своего господства—говорится на первой страницѣ романа,—но блаженны утверждающіе свое облаланіе, свою власть": этотъ тусклый афоризмъ бросаетъ свѣтъ на мечты, которыя вопытался воплотить Сологубъ въ романѣ Триродова. Въ своемъ реальномъ элементѣ онъ такъ же связанъ съ дѣйствительной жизнью Сологуба, и его индивидуальностью, какъ и прежніе романы. И здѣсь дѣйствіе происходитъ въ русской провинціи, и здѣсь вокругъ героя фантастически уродливое провинціальное общество, и здѣсь герой—педагогъ, и здѣсь онъ убійца. Триродовъ еще и поэтъ и характеристика его творчества, данная Сологубомъ есть явное изображеніе мыслей Сологуба о себѣ. Съ обычной грубостью намека разсказываетъ Сологубъ о своемъ героѣ, что „праздникомъ было ему уединеніе и молчаніе", что „значительны казались ему одинокія его переживанія", и сладка была „влюбленность въ мечту", что „не то во снѣ, не то на яву были дивныя явленія"... Они сожигали тоску... „Тоска была привычнымъ состояніемъ Триродова. Только въ писаніи стиховъ и прозы зналъ онъ самозабвеніе... Писалъ много, печаталъ мало. Извѣстность его была очень ограничена, мало кто читалъ его стихи и прозу, изъ читателей мало было признававшихъ его талантъ. Его сочиненія,—новеллы и лирическіе стихи,—не отличались ни особою непонятностью, ни особыми декадентскими вычурами. Но они носили на себѣ печать чего-то несомнѣнно - страннаго и болѣзненнаго. Надо было имѣть особый строй души, чтобы любить эту простую съ виду, но столь пряную поэзію. Для иныхъ, знавшихъ его, казалась странною его неизвѣстность. Казалось, что способности его были достаточны для того, чтобы привлечь къ нему вниманіе толпы. Но онъ нѣсколько презиралъ людей, слишкомъ можетъ быть, увѣренный въ своей геніальности,—и никогда не сдѣлалъ движенія, чтобы угодить, или понравиться".

Заключеніе есть очевидный переходъ отъ дѣйствительности къ мечтѣ. Мечта о силѣ, мечта о власти, мечта о гордомъ всемогуществѣ—такова мечта воплощенная въ Триродовѣ. Этотъ соціалистъ—такъ увѣряетъ Сологубъ, едва ли кому внушая вѣру—становится королемъ острововъ Балеарскихъ и Питіузскихъ, этотъ отставной коллежскій ассесоръ умѣетъ устранять своихъ враговъ, спрессовывая ихъ тѣла въ кубы и призмы, и эти геометрическія тѣла стоятъ на его столѣ въ ожиданіи возврата въ мірѣ живыхъ, этотъ магистръ химіи не только получаетъ отношенія отъ дирекціи народныхъ училищъ, но и стоитъ въ связи съ силами черной магіи. Уродливо, нелѣпо, безъ художественной цѣлостности, безъ человѣческой убѣдительности, безъ моральной необходимости воплотились въ Триродовѣ безпредѣльно-властныя мечты безпредѣльно униженнаго, озлобленнаго человѣка. Обида—вотъ основная біографическая черта Сологуба, ставшая основой его лирической философіи: и въ

безмѣрности мечты ищетъ онъ возмѣщенія за безмѣрность обиды. Обида отъ людей оплатится тѣмъ, что Триродовъ станетъ королемъ надъ ними, обида отъ земли—тѣмъ, что онъ отдѣлится отъ нея въ построенной имъ самимъ хрустальной планетѣ, обида отъ природы—тѣмъ, что онъ возвысится надъ ея законами, обида отъ навязчиво-требовательной и ему чуждой морали—тѣмъ, что карикатурой представится ему ея христіанское воплощеніе (образъ Эммануила Іосифовича Давыдова). И исконная вѣковѣчная обида была бы не только оплачена, но совершенно устранена, еслибы Триродовъ былъ до конца всемогущъ, если бы онъ могъ стать Богомъ. Но, какъ извѣстно:

> Въ путяхъ моихъ причинъ я вѣчный рабъ
> И плѣнникъ бытія.

И Триродовъ „многими силами владѣлъ, расторгающими узы пространствъ и временъ... Если же не зналъ онъ того, что наиболѣе надо знать человѣку, то не въ этомъ ли роковомъ незнаніи и лежитъ проклятіе для всякой человѣческой мудрости?“

* * *

Такова лирика, воплощенная въ Триродовѣ; пріемлемымъ какъ цѣлое, какъ образъ, она его, конечно, не дѣлаетъ. Въ воображеніи читателей Сологуба Триродовъ не существуетъ. Гораздо больше удались Сологубу образы его четвертаго—насквозь реальнаго романа „слаще яда“. И ясенъ, и трогателенъ и живъ въ своей любовной обреченности образъ „мѣщаночки“ Шани, тоже носительницы мечты „слаще яда“—всепоглощающей, неистребимой, уничтожающей мечты любви. Конечно, въ сознательности этой уѣздной дѣвочки, отдавшей всю свою душу, тѣло и жизнь безстыдному, бездушному, подленькому дворянскому недорослю, есть нѣчто отъ Сологуба—и едва ли Шаня нуждалась въ идеологическомъ оправданіи любви; вѣрнѣе, самому Сологубу любовь представляется какъ бы вѣчно обманывающимъ средствомъ отъ роковой ограниченности человѣческаго существа во времени и въ пространствѣ: „Надобно влюбиться. Только въ этомъ счастье и правда жизни... Такъ всей и влѣзть въ него и овладѣть, и не отпускать“... „Зачѣмъ?“... „Какъ зачѣмъ?.. Ну, если ты одинъ, ну, это хорошо, положимъ,—вотъ, и рѣка, и жаворонки, и поле, и пахнетъ такъ. Такъ бы вся и вникла въ землю. Ну, такъ что же? Такъ и умереть? Пойми: одинъ—это умереть, два—жить. Глаза въ глаза, и сказать другъ другу самое послѣднее“. Такимъ образомъ связана мечта любви съ послѣдними вопросами бытія—и если не удалась мечта любви, и, поднявшись до звѣздъ, падаетъ безсильно на землю, то значитъ „нѣтъ связной жизни, нѣтъ единаго мірового устремленія“. И Шаня „молилась и плакала. И потомъ думала долго, и казалось ей, что такъ и должно быть, что въ планъ міровой трагедіи вкралась роковая премірная ошибка и потому мечта о солнечно-ясномъ героѣ все не оправдана, и бѣдное сердце, отра-

вленное высокой мечтою, должно вѣчно творить прекрасныхъ кумировъ изъ слишкомъ низменнаго матеріала". И Шанина трагедія становится всемірной, вѣчной: „во всѣ времена была бѣдная, глупая Шанька, влюбленная въ героя, вѣнчающая его славою. А герой Шанькинъ всегда былъ маленькій и ничтожный". Но даже ужасъ и отвращеніе предъ живымъ воплощеніемъ высокой мечты не убиваютъ ея—и Шаня должна погибнуть не потому, что она пережила свою мечту, но потому, что слишкомъ земная была ея мечта. Любовникъ прогналъ ее,—вотъ и все; и если бы о содержаніи мечты шла рѣчь, то любовь Шани и не привлекла бы насъ. Но паѳосъ ея—настоящій, наростаніе ея отъ дѣтской невинности до чувственной зрѣлости послѣдовательно и вѣско; въ свой трагическій круговоротъ она захватываетъ читателя, который не забудетъ нѣжнаго образа Шани, столь стихійной въ своихъ порываніяхъ, столь тонкой въ своей мѣщанской грубоватости. Образъ ея былъ бы еще убѣдительнѣе, если бы ея душевное изящество не стремилось иногда выразиться въ бытовыхъ мелочахъ, не всегда кажущихся правдоподобными. Но и въ этомъ видѣ Шаня жива, правдива и автобіографична. Ибо надо помнить—Сологубъ не только главныхъ трехъ героевъ своихъ трехъ романовъ нашелъ въ себѣ: и другія дѣйствующія лица повторяютъ подчасъ его; художникъ, сосредоточенный на себѣ самомъ, нелюбопытствующій созерцатель бытовой дѣйствительности, воспринимающій ее эстетически съ болѣзненной чувствительностью, но художественно съ пассивнымъ безразличіемъ, онъ питаетъ множество своихъ образовъ своимъ я—своими воззрѣніями, своими настроеніями, своими мечтами. Отъ его имени говорятъ нерѣдко и Нюта Ермолина, и Людмила Рутилова, и то сочетаніе мѣщанской грубоватости съ душевной утонченностью, низости окружающей бытовой обстановки съ напряженностью мечты, которое такъ опредѣлительно для образа Шани, есть одно изъ многихъ среди „признаній" Сологуба.

XII.

Связанными между собой звеньями этой цѣпи признаній являются многочисленные разсказы Сологуба. Какъ и слѣдовало ожидать, они въ то же время тѣсно примыкаютъ къ его романамъ—даже внѣшнимъ образомъ: разсказъ „Задоръ" есть часть „Тяжелыхъ сновъ", разсказъ „Женя и Шаня" выросъ въ романъ „Слаще яда", въ разсказѣ „Конный стражникъ" нелѣпый учитель Переяшинъ есть явное повтореніе Передонова, полуреальные и не реальные образы „Навьихъ чаръ" варіируются въ разсказахъ неоднократно, и у Пусторослева („Рождественскій мальчикъ"), какъ у Триродова, есть „тихій мальчикъ Гриша", то ли пріемышъ, то ли призракъ. Не только въ планѣ систематическаго изученія, но и для непосредственнаго, чисто читательскаго отношенія недостаточнымъ, неполнымъ кажется обсужденіе каждаго отдѣльнаго изъ разсказовъ. Всѣ они, подобно лирикѣ

Сологуба, составляютъ одно цѣлое, повторяя и дополняя другъ друга, смыкаясь въ одну систему образовъ, идеологическихъ, схематическихъ, мало живыхъ, но задѣвающихъ поставленными въ нихъ вопросами, необходимыхъ автору для уясненія его міровоззрѣнія. Можно, пожалуй, сказать даже, что въ разсказахъ Сологубъ отчетливѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, кромѣ развѣ его драмъ, гдѣ онъ, если возможно, по-своему еще тенденціознѣе. Сплошь и рядомъ мы находимъ въ разсказахъ подчеркнутымъ, оголеннымъ, огрубленнымъ то, что окруженное волнующейся дымкой поэтичности, представлялось въ лирикѣ Сологуба неяснымъ, живымъ, музыкальнымъ и многозначнымъ. Въ лирикѣ Сологубъ говоритъ о себѣ, говоритъ съ захватывающей искренностью, съ волнующей силой, и оно вовлекаетъ въ свой пламенный кругъ. Пламени нѣтъ въ кругѣ разсказовъ, застывшемъ и правильномъ; есть среди нихъ очень удачные и всѣ они очень интересны,—ибо что можетъ быть интереснѣе комментарія къ Сологубу,—но. написанные въ прохладной манерѣ, они оставляютъ холоднымъ. Въ нихъ Сологубъ разсказываетъ какъ будто о другихъ—и онъ не смогъ, да оно и невозможно, заставить насъ повѣрить въ множество этихъ разнообразныхъ маленькихъ фрагментарныхъ Сологубовъ. Какъ схемы, какъ носители свойствъ, судебъ и воззрѣній, они имѣютъ значеніе; какъ поэтически воплощенныя индивидуальности, они подобны „тихимъ мальчикамъ“. Но общій колоритъ ихъ безспоренъ, общее настроеніе они создаютъ.

Невыразимо тягостно это общее настроеніе, невыразимо мраченъ этотъ колоритъ. Душно и страшно въ разсказахъ Сологуба—и недаромъ самый, быть можетъ, удачный изъ нихъ—„Въ толпѣ“—разсказъ, подсказанный Ходынской катастрофой: разсказъ о томъ, какъ лелѣяли дѣти сладостную мечту и какъ погибли, раздавленныя въ жестокой, несчастной, безсмысленной толпѣ; здѣсь какъ бы сосредоточены излюбленные мотивы разсказовъ Сологуба: и дѣти въ качествѣ героевъ повѣствованія, и мечта, какъ его исходный пунктъ, и звѣрство жизни, и среда, гдѣ извращается и гибнетъ всякое божественное порываніе, и заключительная страдальческая смерть дѣтей. Нѣтъ здѣсь только еще одного необходимаго мотива разсказовъ Сологуба: нѣтъ элемента миѳологическаго, нѣтъ того неуловимаго перехода отъ бытовой дѣйствительности къ міру привидѣній, который такъ характеренъ именно для разсказовъ Сологуба. Нежити, преслѣдующія Передонова и Логина, могутъ быть истолкованы какъ болѣзненное навожденіе. Триродовская некромантія остается въ романѣ такой же условной ложью, какъ и романтика балеарской революціи и утопическія чудеса изобрѣтательской техники; всѣ эти не реальные элементы такъ и остаются инороднымъ тѣломъ въ ткани романовъ. Наоборотъ, въ разсказахъ достигнута полная неуловимость перехода отъ дѣйствительности къ несуществующему; какъ бы легкимъ прикосновеніемъ волшебной палочки, читатель переносится изъ Эвклидовскаго міра въ пространство четырехъ измѣреній—и, побѣжден-

ный, пріемлетъ эту убѣдительную недѣйствительность, и предъ нимъ не становится уже ненужный ему вопросъ: было это или не было? Уходилъ маленькій Готикъ къ нѣжной лунной царевнѣ Селенитѣ или это горничная Настя бѣгала на свиданія въ его костюмчикѣ, живую дѣвушку встрѣтилъ Резановъ, искавшій смерти по объявленію или воплощенную смерть, стала ли вторая жена Скоромыслина его незабвенной первой любовью Иришушкой или ему надо принять брому, который прогонитъ эту иллюзію,—не все ли равно? Каждый разсказъ Сологуба перенесетъ читателя въ эту атмосферу иного міра.

Но легче ему отъ этого не станетъ. Страшна „дебелая бабища жизнь", нашедшая въ разсказахъ десятки воплощеній, десятки удручающихъ образовъ, но столь же страшенъ тотъ міръ нежитей, который Сологубу представляется какъ бы необходимымъ привѣскомъ къ міру земной дѣйствительности. Темно и душно какъ въ погребѣ и тамъ и здѣсь. И Сологубъ, по естественному движенію мысли, не нашелъ лучшаго носителя этой невыразимой и безвыходной земной тяготы, чѣмъ дѣтей. Дѣтямъ посвящено множество разсказовъ Сологуба, однако, нельзя сказать, чтобы въ нихъ дано было много различныхъ дѣтскихъ образовъ: всѣ они въ сущности сливаются въ одинъ образъ, и не столько образъ человѣка, сколько образъ судьбы,—необходимаго вывода изъ представленія о жизни. Жизнь есть Ходынка—и дѣти должны быть раздавлены или изуродованы ею: и цѣлый рядъ разсказовъ Сологуба заканчивается дѣтскимъ самоубійствомъ или дѣтской гибелью; а если и не смерть, то вѣдь сплошь и рядомъ они уже лишены жизнью дѣтскаго, а то и просто человѣческаго облика; они не кажутся дѣтьми даже тамъ, гдѣ должны быть подлинными „сосудами Божьей радости"; Сологубъ только хочетъ вѣрить въ нихъ, но не можетъ ни до конца повѣрить, ни убѣдительно изобразить. Онъ любитъ свою мечту о дѣтяхъ, онъ хочетъ дѣтьми восполнить себя; нерастлѣнна ихъ плоть, непорочна ихъ кровь; онъ ищетъ ихъ въ жизни или въ своемъ вымыслѣ,—чтобы сказать себѣ: есть на землѣ красота, есть воплощенная, не символическая, дающая если не полное оправданіе жизни, то хоть силу жить:

И первое чудо на свѣтѣ,
Великій источникъ утѣхъ—
Блаженно-невинныя дѣти,
Ихъ сладкій и радостный смѣхъ.

И вотъ предъ нами дѣти разсказовъ Сологуба. Одинъ по-сологубовски мечтаетъ объ „иной жизни, ночной, дивной, похожей на сказку", другому, высѣченному Митѣ, неземная Рая въ алмазномъ вѣнцѣ говоритъ „о новыхъ небесахъ—тамъ, за этими истлѣвающими, страшными", третій—пріемышъ Гриша—спрашиваетъ: „Почему, скажи, за что намъ такое житье собачье? Развѣ для того мы на землѣ живемъ, чтобы другъ друга поѣдомъ ѣсть? За что? И если онъ насильничаетъ, такъ все и терпѣть безъ конца?" Свои вопросы вла-

гаетъ Сологубъ дѣтямъ въ уста,—и кто-же какъ не Сологубъ, любя дѣтей, почувствуетъ необходимость изобразить, какъ мальчикъ учитъ другого противоестественному пороку? „Бѣленькій и маленькій Душицынъ свѣжимъ и нѣжнымъ голосомъ говорилъ ругательныя слова, сохраняя на лицѣ невинное и кроткое выраженіе“: вотъ типичный ребенокъ Сологуба. Съ удивительнымъ постоянствомъ рисуетъ Сологубъ не дѣтей, а преждевременныхъ взрослыхъ, подростковъ, чуточку тронутыхъ жизнью, чуточку перешедшихъ свой возрастъ, все дѣтское въ нихъ уже подъ сомнѣніемъ. „Живы дѣти, только дѣти“,—но непремѣнно Сологубъ рисуетъ процессъ ихъ умиранія, вызываетъ ихъ образы затѣмъ, чтобы сказать, что и они обречены.

Обреченность—атмосфера разсказовъ Сологуба; въ мистической ли „странѣ, гдѣ воцарился звѣрь“, въ поэтической ли романтикѣ, въ современной ли Россіи или внѣ времени и пространства,—вездѣ, всегда его герой—рабъ: рабъ страха, рабъ навожденія, рабъ строя, рабъ голода, рабъ рока, рабъ чародѣйства, рабъ жизни, рабъ смерти. Поистинѣ Сологубъ тоже поэтъ униженныхъ и оскорбленныхъ, съ тою только разницей, что у него страданіе сочувствія идетъ рядомъ съ презрѣніемъ къ слабому. Онъ жалѣетъ своихъ обиженныхъ героевъ, какъ себя, онъ презираетъ ихъ какъ себя, ибо ту вѣковѣчную, изначальную обиду, которая есть вѣчный, неизмѣнный замыселъ его произведеній, онъ на себѣ пережилъ, въ себѣ ощутилъ, въ себѣ выростилъ.

* * *

Это ощущеніе могло бы быть почвой для трагедіи: но въ наше время невозможна трагедія рока, а трагедія характеровъ невозможна для Сологуба: этой трагичности не ощутилъ онъ ни въ себѣ самомъ, ни въ окружающемъ мірѣ. Трагедія предполагаетъ борьбу, трагическая борьба предполагаетъ силу, а сологубовское ощущеніе обреченности рождается прежде всего изъ чувства полнаго безсилія. Колеблется ли Сологубъ—употребимъ его терминологію—между лирическимъ непріятіемъ міра или ироническимъ признаніемъ его пріемлемости,—неизмѣнной остается для него аксіома безпредѣльнаго человѣческаго безсилія. Все лжетъ—только смерть не обманываетъ; бороться не съ кѣмъ и не изъ-за чего: ясно, что въ такомъ мироощущеніи не можетъ зародиться подлинная драма. Вотъ почему драматическія произведенія Сологуба—драмы только по названію, по діалогической формѣ, подчасъ дѣлающей возможной ихъ сценическую реабилитацію. Но по существу это смѣсь лирическихъ признаній и теоретическихъ заявленій; лирическія признанія въ этой комбинаціи много теряютъ оттого, что на этотъ разъ мы слышимъ ихъ не изъ устъ самого Сологуба, а отъ его мертвенно-условныхъ героевъ и героинь; теоретическія заявленія, не облекшись здѣсь въ поэтическую форму, остаются столь же мало убѣдительными въ многократныхъ повтореніяхъ. Неустанно твердитъ въ своихъ драмахъ Сологубъ о противоположности двухъ міровъ—мечты и дѣй-

ствительности, Земли и Ойле, Альдонсы и Дульцинеи: на этомъ противоположеніи построены и „Побѣда смерти“, и „Заложники жизни“, и „Даръ мудрыхъ пчелъ“, „Ночныя пляски“. Но неизмѣнно изъ борьбы противоположныхъ началъ не выходитъ ничего, ибо нѣтъ ихъ достойныхъ воплотителей; достойныхъ же ихъ воплотителей не можетъ быть потому, что нѣтъ исчерпывающей вѣры въ свою мечту у самого Сологуба. Какъ ни забавно звучитъ такое „обличеніе“ по отношенію къ Сологубу, надо сказать: какъ разъ въ той области, гдѣ онъ наиболѣе самобытенъ, у него нѣтъ убѣжденій. Не даромъ такъ легко полу-произвольно онъ сбивается на гротескъ, не даромъ онъ склоненъ къ „личинамъ“, къ маскамъ—прибѣжищу слабыхъ, самозащитѣ тѣхъ, кто не смѣетъ, кто несмѣлъ. Не съ трусами, конечно, надлежитъ сравнивать такихъ, какъ Сологубъ, и не въ повышенныхъ требованіяхъ дѣло, которыя нѣтъ смысла предъявлять: но кто хочетъ понять творчество Сологуба въ его сущности, тотъ долженъ учесть и эту половинчатость „все“ отвергшаго, тотъ не смѣетъ забыть окончательной редакціи драмы „Любви“, гдѣ дочь, вступающая въ связь съ отцомъ, оказалась—въ противорѣчіи съ первоначальнымъ варіантомъ лишь пріемной его дочерью. Разоблаченной Альдонсой оказывается мечта Сологуба—и не возноситъ ни его, ни его читателя; а сама проваливается въ душевную преисподнюю. И только потрясающій ужасъ криковъ, доносящихся изъ этой бездны паденія, дѣлаетъ для насъ изъ Сологуба замѣчательнаго, въ своемъ родѣ единственнаго поэта.

XIII.

Этотъ ужасъ заражаетъ—и сила этого зараженія есть исходный пунктъ въ оцѣнкѣ поэта. Можно многія страницы заполнить указаніями на недостатки поэзіи Сологуба, и указанія эти не лишены значенія въ характеристикѣ; но надо помнить, что роль ихъ въ оцѣнкѣ незначительна. Иначе изъ-за деревьевъ можно не увидѣть лѣса.

Безвкусіе Сологуба бросается въ глаза: даже въ той уклончивости, которую отмѣчали не разъ въ его „смѣлыхъ“ заявленіяхъ, наиболѣе характерна не столько ея сущность, сколько ея мелкій пошловатый характеръ. Это безвкусіе заканчиваетъ психологическій образъ; не случайно, но важно то, что поэтъ-Сологубъ не герой, что мыслитель-Сологубъ неувѣренъ, что словесно онъ притязателенъ, но внутренно неустойчивъ: и этому соотвѣтствуетъ его литературное безвкусіе. Онъ любитъ маску ироніи,—ему нужна эта неустойчивая форма, гдѣ можно не раскрыть картъ до конца, гдѣ остается неяснымъ, надъ кѣмъ издѣвается авторъ—надъ мірозданіемъ или надъ россійскимъ буржуемъ, надъ читателемъ или надъ Господомъ Богомъ, надъ пошлымъ мѣщанствомъ или надъ самимъ собою. Но онъ и самъ никогда до конца не знаетъ—и не умѣетъ скрыть неувѣренности, и не можетъ обмануть надолго своей настойчивостью. Когда „веселая дѣвица“ въ средневѣковомъ французскомъ кабакѣ говоритъ

пажу Жеану: „ну и коснѣй въ своемъ индивидуализмѣ; а у насъ — веселая соборность“,—то слишкомъ очевидно, что въ этой бутадѣ нѣтъ не только содержанія, но и твердости стиля и вкуса. И эта развязная нарочитость лѣзетъ изъ тенденціонныхъ образовъ, изъ беллетристической публицистики Сологуба. Въ его трагедіи изъ древне-греческой жизни богиня Афродита произноситъ такія тирады: „Безрадостно и пустынно томится древній Хаосъ, и не было ничего въ мірѣ явленій, и вѣчныя тосковали матери въ довременной своей могилѣ, скованныя ледянымъ сномъ. Но въ холодномъ сердцѣ Хаоса, которому даютъ мудрецы имя Логоса, возникла *Я*. И, умирая, умеръ безсильный, истлѣла безумно-искаженная личина, и проснулись вѣчныя, и зажглись неисчислимыя молніи изволеній и устремленій“. И тянется эта сологубовщина, напередъ извѣстная, опошленная самимъ Сологубомъ, прѣсная въ своей пряности. Неизмѣнно сопутствующія его мечтаніямъ босыя женскія ноги подъ конецъ такъ же навязчивы и непріятны, какъ его претенціозная философская терминологія съ Айсой и Ойле, съ альдонсированной Дульцинеей и дульцинированной Альдонсой, какъ условно-архаистическій порядокъ словъ—(„въ грустномъ Саша сидѣлъ раздумьи“), какъ чудныя излюбленныя словечки—солнце-Змій или Драконъ, жизнь—дебелая бабища и т. п. Любопытно, что изъ всѣхъ этихъ неустанно повторяемыхъ словечекъ и оборотовъ ничто не осталось въ обиходѣ; и, наоборотъ, внѣдрилось въ обиходъ слово, Сологубу своимъ бытіемъ обязанное, но не Сологубомъ выкованное — „передоновщина“.

Ибо ни одинъ романтико-символическій, идеалистически-схематическій образъ не удался Сологубу. Въ чистой лирикѣ онъ силенъ тамъ, гдѣ является идеологомъ, воплотителемъ своей особенной философіи; наоборотъ, въ эпосѣ у него слабѣе всего его идеологическія созданія. Совершенно не видны всѣ эти Альгисты, Маріанны, Лилитъ, Ортруды, всѣ эти геометрическія построенія въ костюмныхъ роляхъ, въ одеждахъ мужскихъ и женскихъ, средневѣковыхъ и современныхъ, а то и безъ всякихъ одеждъ. Человѣческими фигурами, доступными читательскому воображенію являются у Сологуба образы—если не вполнѣ реальные—ибо подчасъ чудовищное преувеличеніе отнимаетъ у нихъ характеръ дѣйствительности,—то съ несомнѣннымъ и очевиднымъ устремленіемъ къ реальности.

XIV.

Но не здѣсь,—мы это знаемъ—блистательнѣйшія художественныя побѣды Сологуба, а въ его лирикѣ. Живое чувство бьется въ ней и вовлекаетъ въ чуждый кругъ идей и заражаетъ чувствомъ. Сѣры эти стихи и расплывчаты; нѣтъ въ нихъ ни чеканной формы, ни многоцвѣтной яркости, ни подкупающей сочности. Но въ этой сѣрой неподвижности грохочутъ громы и сверкаютъ молніи. Угрюмую, незнакомую, чудовищно-высокомѣрную и порочную душу стараются

открыть эти лирическія строфы—и это тоже не подкупаетъ читателя, который вѣдь хочетъ, чтобы ему говорили о томъ, что онъ уже знаетъ, но такъ говорили, какъ будто онъ узнаетъ новое. Что-то мглистое и однообразное есть въ лирикѣ Сологуба; и трудно понять, откуда она беретъ убѣждающую силу, отчего въ этой свинцовой мглѣ есть жаръ.

Ясенъ, такъ сказать, техническій источникъ этого впечатлѣнія мглы, этой внѣшней холодности, этой настойчивой безцвѣтности; это—отвлеченность поэтическаго переживанія. Аффективная память Сологуба типа абстрактнаго—и абстракція матовымъ стекломъ стоитъ въ процессѣ его творчества между пережитымъ и изображаемымъ. Въ противоположность, напримѣръ, стихамъ Фета—лишь рѣдкое лирическое произведеніе Сологуба кажется „стихотвореніемъ на случай". Случай былъ, конечно, но слѣды его затеряны; затеряна самая связь съ конкретной дѣйствительностью.

Подъ черемухой цвѣтущей
Я лежалъ въ іюльскій зной,
И вероники ползущей
Цвѣтъ увидѣлъ голубой.
Стало весело. На небѣ-ль,
На землѣ-ли я, не зналъ.
Я сорвалъ цвѣтущій стебель
И цвѣтокъ поцѣловалъ.

Это пережито, въ обоняніи, зрѣніи, осязаніи — это чувствуешь. Но такое Gelegenheitsgedicht — исключеніе. Чаще въ пейзажѣ, въ вещественномъ эпитетѣ Сологуба чувствуется отвлеченность, условность, традиція; онъ могъ бы описать, конечно: но ему это не важно; для его цѣлей это не нужно. Въ этомъ отношеніи онъ прямая противоположность поэтамъ той школы, къ которой онъ принадлежитъ. Извѣстны ихъ реалистическія напряженія, ихъ погоня за нюансомъ, ихъ стремленіе отмѣтить въ ощущаемой дѣйствительности новыя краски и дать имъ выраженіе въ словѣ. Этой жажды эпитета чуждъ Сологубъ; лишь обонятельныя ощущенія онъ охотно вводитъ въ кругъ лирическаго переживанія и старается найти для нихъ индивидуальныя опредѣленія: „Горько пахнетъ известкою въ переулкѣ моемъ", „хмельный, ельный запахъ смолъ на дорогу вновь прольется"; онъ—какъ его героини—любитъ запахи, но даже для голаго тѣла, столь задѣвающаго его воображеніе, онъ не ищетъ новыхъ красокъ на палитрѣ. Его пафосъ глубинный, и рѣдко у него такое стихотвореніе, какъ „Елисавета", гдѣ чувственный экстазъ переданъ съ неподражаемой силой, не только заражающей читателя, но и до конца очищающей чувственность. Обычно—нѣтъ въ стихотвореніи Сологуба этого пафоса, характернѣе для него настроеніе пассивной обиды, и эта безпорывная обреченность находитъ выраженіе въ тихой сосредоточенности. О прочувствованномъ говоритъ Сологубъ послѣ того, какъ оно продумано. И, однако, это не проза, а чистѣйшая поэзія;

въ этомъ высокое искусство Сологуба: онъ часто на границѣ прозаизма—вотъ вотъ man merckt die Absicht; но никогда онъ не переступаетъ этой границы—и если подчасъ man wird verstimmt—то по инымъ поводамъ. И дѣло не въ томъ, что онъ вводитъ новыя мысли въ умственный оборотъ,—этого и нѣтъ—а въ томъ, что онъ ихъ вводитъ въ оборотъ поэзіи, въ томъ, что онъ создаетъ въ лирикѣ новую эмоціональную индивидуальность. И, такъ какъ этой творческой индивидуальностью запечатлѣно каждое его слово, то мы неизмѣнно ощущаемъ въ его стихотвореніи его стиль. Любитель и страдалецъ личинъ, онъ только и дѣлаетъ, что проявляетъ свое подлинное лицо. Онъ слишкомъ индивидуаленъ, чтобы теперь-же создать школу—ибо въ предѣлахъ его вліянія школа могла бы оказаться лишь перепѣвомъ. Быть можетъ, онъ останется единственнымъ представителемъ своего стиля, но стиль этотъ невозможно отрицать. Точное опредѣленіе его техническихъ формъ принадлежитъ будущему филологическому изслѣдованію.

Нѣтъ у Сологуба ни чеканныхъ стиховъ, ни звонкихъ рифмъ, ни блестящихъ сравненій, ни остроумныхъ изобрѣтеній, но есть особая глубина и нѣжная интимность мысли, своеобразная и единственная въ русской литературѣ. У него есть выразительныя стихотворенія, есть сильныя слова и остающіеся въ памяти образы; у него свой языкъ, ясный и много говорящій въ своей изысканной безыскуственности. Его словарь значителенъ, но не богатъ; иногда онъ удачно пользуется не вошедшими въ литературный обиходъ областными, народными,—чаще городскими—словами. Обороты мѣщанскаго острословія, архаизмы народной демонологіи, крестьянская ботаническая терминологія, увы, вытѣсненная изъ нашего сознанія мертвыми обозначеніями естественныхъ наукъ, полные подсказывающей и увлекающей содержательности намеки, собственныя имена, колоритныя воспоминанія и экзотическіе образы изъ открытыхъ поэту сокровищницъ всемірно-историческихъ сказаній,—все это дало свои краски на лирическую палитру Сологуба, и онъ пользуется этими богатствами охотно, однако, сдержанно и въ общемъ все-таки тактично. Но онъ такъ замкнутъ въ своей душевной жизни, что и въ словарѣ его можно замѣтить однообразіе. Новообразованія его не всегда удачны („лобзальныя дѣвы", „некошный", „ересный", глагольныя формы: „иденъ, велѣнъ", „лобызая" и т. д.). И, конечно, если бы былъ составленъ словарь языка Сологуба, то было бы видно, что словарь этотъ очень неровенъ по составу: съ одной стороны, онъ довольно богатъ новыми для литературы словами, а съ другой, онъ очень узокъ въ своей основѣ, въ томъ фондѣ, которымъ пользуется Сологубъ. Тоска, печаль, усталость, жестокость, боль, злоба, угрюмость: какъ часты, какъ неотвязны эти слова у Сологуба. Ни у одного лирика нѣтъ этого тоскливаго воспроизведенія одного эпитета, въ самой неотвязности котораго звучитъ какая-то изнуряющая злобная тоска. Бываютъ однотонныя настроенія, но нѣтъ необходимости, чтобы выраженіемъ

ихъ служило это однообразіе языка. Во всякомъ случаѣ это однообразіе языка не есть достоинство формы. Оно интересно и показательно, оно искупается кой-чѣмъ; но ему нуженъ противовѣсъ. Ну, конечно:

Къ повтореніямъ сердце привычно,—
Однозвучно и скучно кукуемъ
Мы плѣненные звѣри,
Голосимъ какъ умѣемъ.

и это неумѣлое однозвучіе,—честно признанное самимъ Сологубомъ, наряду однако съ горделивымъ возгласомъ: „развѣ стихи мои не прекрасны"?—не краситъ эти стихи, прекрасные рѣже, чѣмъ это кажется автору. И безъ тягостнаго однозвучія была бы очевидна односоставность, цѣльность Сологуба, столь существенная въ его общей оцѣнкѣ.

XV.

Сологубъ сложенъ, но не многосложенъ. Изъ немногихъ и довольно опредѣленныхъ идей сложилось его міровоззрѣніе; онъ часто возвращается къ нимъ, часто повторяется, всегда говоритъ объ одномъ,—и кто знаетъ два-три его произведенія, приметъ остальныя, какъ знакомое, понятное, необходимое. Сложность Сологуба не столько идейная, сколько эмоціональная. Движенія его души какъ будто непослѣдовательны, но сосуществуютъ, и оттого каждое его произведеніе кажется какимъ-то легкимъ покровомъ, подъ которымъ живетъ сумбуръ, дикій, страшный и безумный. Какъ земная кора есть только тонкая оболочка, облекающая расплавленное ядро, такъ видимый міръ созданій Сологуба есть лишь слабое свидѣтельство о той безобразной массѣ, изъ которой, охлажденный, міръ выдѣлился. Здѣсь, снаружи, суша отдѣлена отъ моря, все индивидуализировано, все — вплоть до послѣдней былинки — имѣетъ свое лицо; тамъ—все въ смѣшеніи, все въ бурленіи, въ безпорядкѣ, все чревато взрывомъ.

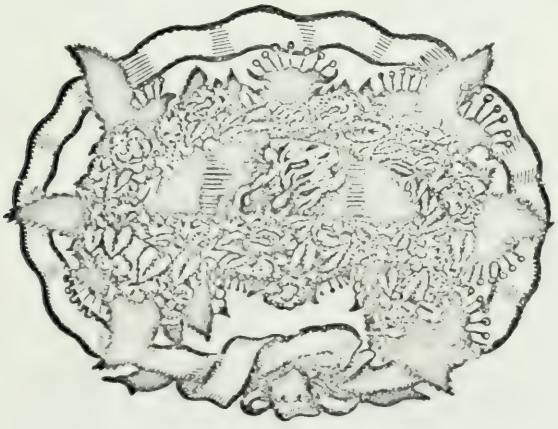
Такъ копошится огромный, мрачный, безобразный, напряженно-неистовый міръ душевнаго хаоса подъ выкристаллизовавшимся изъ него образами Сологуба и чувствуется въ нихъ. Страшное что-то есть въ его обликѣ, безотрадное, отталкивающее и страдальческое. И это самое цѣнное въ его творчествѣ. Какое мѣсто займетъ Сологубъ въ исторіи литературы? Большой онъ поэтъ? Трудны эти оцѣнки для современника и похожи на лотерею. Но пусть онъ не вѣченъ, онъ, несомнѣнно, долговѣченъ. Онъ самъ, какъ личность, значительнѣе своей поэзіи—онъ выходитъ за ея предѣлы. Мыслитель онъ не сильный. Онъ самомнителенъ въ философскихъ притязаніяхъ, но не глубокъ, и въ своей искусственности нерѣдко наивенъ. Но исторія культуры, исторія душевной жизни не обойдется безъ его книгъ, безъ его личности, ибо ни о чемъ кромѣ себя онъ не пишетъ, не хочетъ и не умѣетъ писать. Всѣ его произведенія—одно произведе-

ніе, и даже сюжета, исторіи въ нихъ нѣтъ, а есть только одинъ образъ, одинъ портретъ, одно лицо, искаженное и спокойное, истерзанное и благодушное. Это лицо въ своемъ уродствѣ кажется намъ чѣмъ-то необычайнымъ, болѣзненнымъ, исключительнымъ; но оно въ то же время возможно типично, всеобще. И оттого—пусть чуждъ и враждебенъ намъ Сологубъ. Важно то, что онъ съ чрезвычайной силой выразилъ себя,—большей заслуги нѣтъ у художника. Этимъ онъ завоевываетъ насъ. Какъ настоящая сила, онъ не приспособляется къ намъ, онъ заставляетъ насъ занять опредѣленную позицію по отношенію къ нему. Онъ заставляетъ насъ знать его, понять его. Пусть мы потомъ проклянемъ его—все равно: лишь бы не были равнодушны. Все, что не есть равнодушіе, есть уже побѣда поэта: проклинаютъ только силу, и значеніе поэта только въ его индивидуальной силѣ. И, какъ всякое творчество, благотворна сила Сологуба не тѣмъ, что побѣждаетъ насъ, а тѣмъ, что убѣждаетъ: не ассимилируетъ, а индивидуализируетъ, заставляетъ не принять міръ, имъ познанный, то-есть созданный, но пройти чрезъ его міръ и — создать иной. Ищущая мысль читателя оживляетъ и оплодотворяетъ формы, данныя поэтомъ. Пусть для него это были формы, заполненныя его мыслью, для насъ онѣ будутъ пусты и мертвы, если мы ихъ не заполнимъ, не оживимъ своей работой мысли. Всякая творческая мысль цѣнна постольку, поскольку вовлекаетъ въ мышленіе: внѣ этого процесса она не существуетъ. Ибо истина не въ конечной формулѣ, а въ томъ пути, который каждый по-своему д о л ж е н ъ пройти, чтобы уяснить ее. Мы напомнили слова поэта, что лишь тотъ добываетъ себѣ жизнь и свободу, кто ежедневно беретъ ихъ съ бою. И это глубочайшее изреченіе во всей полнотѣ относится также къ истинѣ. Ея нѣтъ въ тѣхъ формулахъ, которыя взяты на вѣру. И истиной владѣетъ лишь тотъ, кто ежедневно беретъ ее съ бою. Выводы служатъ лишь символомъ пройденнаго пути; истина же въ движеніи по пути, въ динамикѣ мышленія, въ доводахъ.

Съ этой высоты надо цѣнить поэта. Слишкомъ легко отвергнуть Сологуба на сегодня за его „садизмъ“, за его „солипсизмъ“, за его жестокость, за его ломанія, за его непонятность, за его непристойность, за его противообщественность, за его безумства, за его кощунства. Мы многихъ такъ отвергали—слишкомъ рано и слишкомъ поверхностно. Отвергнуть можно, отвергнуть должно,—только вовремя: послѣ того, какъ пройденъ путь поэта, послѣ того, какъ охваченъ пламенный кругъ его переживаній. И, разумѣется, послѣ этого пути самая формула отверженія ничѣмъ не будетъ похожа на первоначальную кургузую формулу безсодержательнаго отрицанія. И здѣсь существенными окажутся не выводы, а доводы. Формула усложнится. Никто не скажетъ: Сологубъ — декадентъ, садистъ, кривляка, психопатъ — вотъ и все. Это говорили о Достоевскомъ и похуже говорили; теперь говорятъ иное. Скажутъ: быть можетъ, Сологубъ нашъ врагъ, быть можетъ, Сологубъ намъ чуждъ; но въ то

же время онъ нашъ, страшно нашъ, и мы—его, и онъ нуженъ намъ и важенъ для насъ. Онъ создалъ и создаетъ цѣлый міръ, котораго мы не знали бы безъ него; и эта „творимая легенда“ при всей фантастичности, извращенности, причудливости, непонятности—подчасъ просто возмутительной, ибо намѣренной, темноты своихъ формъ,—есть все-таки настоящая, подлинная реальность. Ибо безъ этой сумбурной фантастики, этой нелѣпицы притязательнаго эгоцентризма, этихъ кривляній прикрытаго сумбуромъ наивнаго реализма мы такъ и не узнали бы одной важной и нужной для насъ реальности: души Сологуба. Вѣдь вотъ среди насъ возможны такіе люди; среди насъ живетъ и творитъ душа, которая не можетъ выразиться безъ чертовщины, безъ недотыкомки, которая воплощается въ Передоновѣ—и насъ угрюмо вмѣстѣ съ собою обличаетъ въ передоновщинѣ, скажемъ прямо—въ сологубовщинѣ, и мы чувствуемъ, что здѣсь есть правда.

Развѣ это не страшно важно, развѣ это не захватывающе интересно? Развѣ это не рѣшаетъ вопроса объ оцѣнкѣ? Пусть чуждъ мнѣ міръ его чувствъ, слишкомъ враждебенъ его міръ, какъ цѣлое. Онъ не учитель жизни; если выбирать изъ крайностей, то онъ скорѣе бѣдный обиженный Prügelknabe жизни. Она сѣчетъ и унижаетъ его, дѣлаетъ изъ него самомнительнаго шута и разоблачаемаго кривляку—намъ на поученіе. Но учиться у него можно, ибо кой-что въ насъ ему понятнѣе, чѣмъ намъ самимъ. И не только понятнѣе, но и ближе.



Е. ЧИПРИКОВЪ

Въ архивѣ моего „Критико-біографич. Словаря“ имѣются двѣ любезно присланныя Е. Н. автобіографическія справки.

I.

Родился въ г. Казани въ 1864 году, 24 іюля. Мать—Феоктиста Степановна, урожденная Котицкая, дочь чиновника, отецъ—Николай Андреевичъ Чириковъ, потомственный дворянинъ Симбирской губерніи, офицеръ, вскорѣ послѣ женитьбы вышедшій въ отставку и служившій становымъ и помощникомъ исправника въ разныхъ уѣздахъ Казанской и Симбирской губерній. Дѣтство, до гимназіи, прошло въ разныхъ селахъ, затѣмъ въ уѣздныхъ городкахъ. Учился въ Казани, сперва въ 3-й классической гимназіи, затѣмъ въ мѣстномъ университетѣ, гдѣ пробылъ около 5-ти лѣтъ: одинъ годъ—на юридическомъ факультетѣ и остальное время—на математическомъ, по разряду естественныхъ наукъ. Въ 1887 году въ декабрѣ былъ исключенъ съ 4-го курса за участіе въ безпорядкахъ, высланъ изъ Казани въ Нижній, гдѣ, спустя недѣлю, попалъ въ тюрьму по обвиненію въ организ[illegible] безпорядковъ, участіи въ преступномъ сообществѣ и сочиненіи „оды“, оскорбляющей очень высокое лицо. Черезъ два съ половиною мѣсяца былъ освобожденъ за недостаточностью уликъ съ отдачей подъ надзоръ на три года и съ воспрещеніемъ жить во всѣхъ университетскихъ городахъ и крупныхъ центрахъ. Предоставили выбрать жительство. Избралъ за компанію съ друзьями г. Царицынъ на Волгѣ, гдѣ служилъ смотрителемъ керосиновой станціи о-ва „Лебедь“. Отсюда въ началѣ 1889 г. переѣхалъ въ Астрахань и работалъ въ новой мѣстной газетѣ, „Вѣстникѣ“, затѣмъ въ „Листкѣ“. Желая сдать окончательный экзаменъ и получить необходимое для этого свидѣтельство о благонадежности, при помощи пріобрѣтенныхъ въ городѣ знакомствъ, зачислился сверхштатнымъ чиновникомъ особыхъ порученій при управляющемъ калмыцкимъ народомъ. Но только что это свершилось и меня пропечатали въ мѣстныхъ „Губ. Вѣдом.“, какъ—обыскъ, арестъ и привлеченіе къ новому полит. дѣлу (Процессъ молодыхъ народовольцевъ Сабунаева). Просидѣлъ полгода въ тюрьмѣ (казанской) и затѣмъ отданъ на по-

руки матери. Въ Казани былъ секретаремъ и ближайшимъ сотрудникомъ газеты „Волжскій Вѣстникъ“, но недолго: въ 1892 г., спустя два мѣсяца послѣ женитьбы, былъ высланъ изъ Казани за фельетонъ въ газетѣ, вызвавшій волненія среди студентовъ, направленныя противъ профессора Осокина, послѣ чего попалъ въ уѣздный городокъ Алатырь, Симб. губ. счетоводомъ на постройку желѣзной дороги. Отсюда перебрался въ Самару и одновременно работалъ въ мѣстныхъ газетахъ и служилъ въ контролѣ желѣзной дороги. Въ Алатырѣ написалъ первые разсказы, попавшіе въ толстые журналы: „Ранніе всходы“—въ „Міръ Божій“ и „Бродячій мальчикъ“ и „Гаудеамусъ“—въ „Русск. Богатст.“ Въ 1895 г. переѣхалъ въ г. Минскъ, гдѣ, продолжая сотрудничество въ журналахъ, служилъ секретаремъ въ контролѣ Либаво-Роменской ж. дороги. Къ этому времени относится мое сотрудничество въ журналѣ „Жизнь“, гдѣ, кромѣ разсказовъ, я писалъ ежемѣсячные фельетоны—„Провинціальныя картинки“ („Чужестранцы“, „Инвалиды“). Въ 1898 г. появилась первая книжка моихъ разсказовъ въ изданіи Чарушникова и Дороватовскаго. Въ Минскѣ я уже числился на государственной службѣ, получилъ чинъ губернскаго секретаря и орденъ Станислава 3-й ст. Это дало мнѣ смѣлость бросить службу и перебраться въ Петербургъ, чтобы плотнѣе примкнуть къ литературѣ вообще, къ журналу „Жизнь“ въ особенности, что я и исполнилъ въ 1902 г. Не прошло три недѣли и я попалъ въ исторію на Казанской площади, гдѣ били не только студентовъ, но и литераторовъ (Н. Ф. Анненскій), участвовалъ въ составленіи воззванія литераторовъ къ обществу всѣхъ странъ и за это былъ снова высланъ изъ Питера, оставшись при Станиславѣ 3 ст. съ грамотой „Нашему кавалеру“ и со званіемъ старшаго таксатора лѣсного департамента, куда я причислился для болѣе основательной крѣпости въ столицѣ. Съ тѣхъ поръ ни чиновъ, ни орденовъ не имѣлъ и, проживая сперва въ Ярославлѣ, затѣмъ въ Нижнемъ, служилъ ревизоромъ въ о-вѣ „Надежда“ и сотрудничалъ въ толстыхъ журналахъ и газетахъ. Въ 1904 г. окончательно бросилъ всякую службу и занялся исключительно литературнымъ трудомъ. Въ томъ же году перебрался въ Москву и вскорѣ послѣ 17 октября 1905 г. и дарованія всѣхъ свободъ попалъ въ Таганскую тюрьму по обвиненію въ принадлежности къ Крестьянскому Союзу, около котораго терся тогда, но въ которомъ непосредственнаго участія не принималъ. Спустя три недѣли недоразумѣніе разъяснилось, и меня выпустили. Но черносотенцы приговорили меня къ смерти и сдѣлали однажды попытку привести приговоръ въ исполненіе. Послѣ этого я, по настоянію родныхъ, бѣжалъ въ Питеръ, гдѣ до сей поры благополучно пребываю.

О первыхъ литературныхъ шагахъ, литературныхъ встрѣчахъ—въ моихъ юбилейныхъ замѣткахъ и статьяхъ, а также въ изданномъ Ф. Ф. Фидлеромъ сборникѣ „Первые шаги“. Къ этому остается только добавить о театрѣ. Началъ писать пьесы послѣ того, какъ

впервые побывалъ въ Художественномъ театрѣ на „Дядѣ Ванѣ“. Въ рождественскомъ номерѣ „Театра и Искусство“ года три тому назадъ была моя статья „Какъ я сдѣлался драматургомъ“.

1913.

II.

Въ посылаемыхъ при семъ номерахъ журналовъ: „Нашъ Журналъ“ и „Солнце Россіи“ вы найдете мои личныя воспоминанія о началѣ моей литературной дѣятельности. Добавленіемъ къ сему можетъ быть статейка въ изданной Ф. Ф. Фидлеромъ книгѣ „Первые шаги“. Въ названныхъ замѣткахъ имѣется и краткая біографія.

Мои первые разсказы въ толстыхъ журналахъ появились въ 1893 г. сразу въ двухъ: „Русскомъ Богатствѣ“ и „Мірѣ Божьемъ“—„Гаудеамусъ игитуръ“ и „Ранніе всходы“. Покойные Н. К. Михайловскій и А. А. Давыдова прислали мнѣ теплыя письма и пригласили быть сотрудникомъ. Скитаясь послѣ изгнанія изъ университета (въ 1887 г.) по провинціи, главнымъ образомъ въ Поволжьи, я работалъ въ газетахъ и продолжалъ писать въ журналахъ, выше названныхъ. Въ 1894 г. въ г. Самарѣ сгруппировался кружокъ новыхъ интеллигентскихъ „сектантовъ“—марксистовъ около газеты „Самарскій Вѣстникъ“ и началась диффузія двухъ средъ: народнической и марксистской: начался мой душевный переломъ, послѣдствіемъ котораго явилось мое сотрудничество въ журналѣ „Новое Слово“—гдѣ въ 1897 г. появилась моя повѣсть „Инвалиды“, повлекшая за собой рѣзкій разрывъ съ „Русскимъ Богатствомъ“ и свирѣпое нападеніе народнической критики (прилагаю два уцѣлѣвшихъ у меня отзыва Скабичевскаго и Скрибы). Съ реформированіемъ журнала „Жизнь“ В. А. Поссе я дѣлаюсь его усерднѣйшимъ сотрудникомъ и пишу тамъ не только разсказы и повѣсти, но еще и общественныя замѣтки подъ заглавіемъ „провинціальныя картинки“, имѣвшія огромный успѣхъ у читателей (изд. отдѣльной книгой—„Тихій омутъ“). Моя первая и вторая книги разсказовъ были изданы Чарушниковымъ и Дороватовскимъ въ 1898 и 1907 г.г.

Третій томъ появился въ изданіи О. Н. Поповой въ 1902 г. Отзывовъ о книгахъ не хранилъ и самъ не зналъ, ибо жилъ все въ провинціи и не всегда могъ знать и отыскать ихъ (помню, что были въ „Мірѣ Божьемъ“).

Отдѣльные разсказы переведены на нѣмецкій, французскій, чешскій, латышскій, еврейскій, малорусскій, польскій языки.

Новое собраніе сочиненій теперь печатаетъ „Московское книгоиздательство“. Прилагаю списокъ книгъ. Много выкинувъ, я теперь сгруппировалъ свои произведенія не по порядку ихъ появленія, а по темамъ.

Дѣтство, разсказы изъ жизни дѣтей разныхъ слоевъ общества—книга „Ранніе всходы“.

Интеллигенція—книга „Чужестранцы“.

Молодежь—книга „Цвѣты воспоминаній".

Провинціальное захолустье—книга „Житье-бытье" и „Студенты пріѣхали".

Погибшія женщины. Книга „Марька изъ Ямъ" (нап. въ 1904 г.).

Герои мои разнообразны: дѣти, студенты, интеллигенты въ ковычкахъ, чиновники, попы, мужики, гимназисты и гимназистки, барыни, бабы, солдаты.

Написалъ много, прочитать не успѣете всѣ книги. Но я просилъ бы васъ перечитать типичные разсказы:

„На порогѣ жизни".

„Чужестранцы".

„Фаустъ". „На стоянкѣ". „Товарищъ". „Сердянская республика". „Соломонъ и Розалія".

„Цвѣты воспоминаній".

Романы „Юность" и „Изгнаніе", представляющіе собой двѣ изъ задуманныхъ трехъ частей большой трилогіи „Жизнь Тарханова".

6 марта 1913.

III.

Въ книгѣ Ф. Ф. Фидлера, на которую Е. Н. ссылается во II-й автобіографической справкѣ, онъ сообщилъ о себѣ слѣдующее:

Родился въ г. Казани въ 1864 г., 24 іюля. Родословной никогда не интересовался и не знаю, были ли въ числѣ родственниковъ литераторы, или ихъ не было. Не слыхалъ что-то... Изъ родителей—мать очень любила книги и читала ихъ запоемъ. До поступленія въ гимназію жилъ по селамъ и уѣзднымъ городамъ, и товарищами дѣтства были крестьянскія ребятишки и дѣти очень бѣдныхъ людей. Сказки Андерсена и Гримма были любимыми въ раннемъ дѣтствѣ Очень любилъ ходить на рыбную ловлю и на охоту со старшимъ братомъ. Эти первыя путешествія развивали любовь къ природѣ и давали богатую пищу дѣтской фантазіи. Десяти лѣтъ влюбился въ подругу сестры и началъ царапать стихи и рѣзать вензеля на деревьяхъ. Съ 11 лѣтъ жилъ въ г. Казани, гдѣ учился въ гимназіи и университетѣ, только на рождественскія, пасхальныя и лѣтнія каникулы пріѣзжая домой. Въ гимназіи былъ надзиратель Н. Н. Шестаковъ, и ему особенно обязанъ я любовью къ книгамъ и литературѣ: онъ завѣдывалъ библіотекой, руководилъ нашимъ чтеніемъ и всѣ „пустые уроки" читалъ намъ шедевры русскихъ классиковъ и бесѣдовалъ съ нами о прочитанномъ. Въ гимназіи тогда даже въ старшихъ классахъ проходили только до Гоголя, а Н. Н. Шестаковъ читалъ намъ и Пушкина, и Гоголя, и Некрасова, а изъ иностранной литературы—Шиллера, Гете, Диккенса. Въ IV классѣ гимназіи мы издавали рукописный журналъ „Гимназистъ", и здѣсь я писалъ очерки и сатирическіе стихи на учителей.

Пушкинъ, Гоголь, Некрасовъ, Тургеневъ—изъ русскихъ, Гюго и Диккенсъ—изъ иностранныхъ писателей—были любимыми моими

въ среднихъ классахъ гимназіи. Въ старшихъ классахъ мы уже группировались въ „кружки саморазвитія“ и, подчиняясь революціонному духу того времени, читали Михайловскаго, Шелгунова, Миртова, Чернышевскаго, Писарева и обязательную, такъ сказать, для всякаго мыслящаго гимназиста беллетристику: Омулевскаго „Шагъ за шагомъ“, Мордовцева „Знаменія времени“, „Что дѣлать?“ Чернышевскаго, „Эмма“ Швейцера, „Между молотомъ и наковальней“ Шпильгагена, „Кто виноватъ?“ Герцена и др. Ходившая въ то время въ изобиліи „нелегальщина“ уже частенько попадала въ наши „кружки“, которые въ университетѣ уже формировались постепенно въ первыя ступени къ революціонной дѣятельности, завязывая знакомства съ революціонерами...

Съ 1882 г. писалъ тенденціозные стихи подъ Некрасова и любовные отъ собственнаго сердца, но держалъ ихъ въ тайной тетрадкѣ. Въ 1883 г. послалъ нѣсколько стихотвореній въ газету „Волжскій Вѣстникъ“, но стихи не появлялись, а итти спрашивать о судьбѣ ихъ было очень стыдно и страшно. Осенью 1885 г., вернувшись съ каникулъ, былъ пораженъ вопросомъ товарища: „Не твои ли стихи напечатаны въ „Сборникѣ Волжскаго Вѣстника?“ Покраснѣлъ, замеръ сердцемъ, отрекся, а затѣмъ побѣжалъ въ публичную библіотеку и разъ 20 перечиталъ свои стихи, находя ихъ прекрасными... Скоро, однако, разочаровался,—кто-то мнѣ указалъ на ошибки противъ ямба и хорея, и я бросилъ писать стихи. Въ 1886 г., 7 января—день, который я считаю, собственно, началомъ литературной дѣятельности, появился въ „Волжскомъ Вѣстникѣ“ мой фельетонъ „Рыжій“ (онъ вошелъ въ „Мою книгу“ дѣтскихъ разсказовъ). Нужда была у меня тогда огромная: я ходилъ зимою въ лѣтнемъ пальто и въ одѣялѣ вмѣсто пледа.

— Поди за гонораромъ!—убѣждали товарищи.

Долго не рѣшался. Брался за ручку двери въ редакціи и отходилъ. Не на что было обѣдать,—опять пошелъ.

— Что вамъ угодно?

— Принесъ еще разсказъ... Одинъ мой разсказъ вы напечатали...

— Какой?

— „Рыжій“.

— А-а-а! Давайте! „Рыжій“ намъ понравился... Получите гонораръ!

Стою съ краснымъ лицомъ у кассы, не считая кладу въ карманъ гонораръ и выбѣгаю вонъ...

Получилъ первый гонораръ по 2 к. за строчку, 14 съ чѣмъ-то рублей!

Съ этого дня писательскій зудъ, съ одной стороны, а съ другой—крайняя нужда сдѣлали изъ меня постояннаго сотрудника „Волжскаго Вѣстника“ и другихъ поволжскихъ газетъ. Писалъ подъ полнымъ именемъ и фамиліей.

Въ 1887 г. лѣтомъ былъ въ г. Екатеринбургѣ на выставкѣ корреспондентомъ и познакомился съ первымъ настоящимъ писате-

лемъ, С. Каронинымъ (Н. Е. Петропавловскій), съ которымъ потомъ сошелся очень близко. И какъ человѣкъ и какъ писатель это былъ прямо святой подвижникъ: онъ внушилъ мнѣ благоговѣніе къ литературѣ и писателямъ, ибо тогда, издали, они всѣ мнѣ представлялись именно такими „святыми".

Въ 1888 г. напечаталъ очеркъ „Свинья" въ Гайдебуровскихъ „Книжкахъ Недѣли". Въ этомъ году я переѣхалъ волею судебъ и администраціи въ г. Астрахань и здѣсь удостоился узрѣть воочію Н. Г. Чернышевскаго. Онъ часто заходилъ въ редакцію „Астраханскаго Вѣстника", гдѣ я тогда работалъ.

— Это вы написали „Свинью"?—спросилъ онъ однажды при встрѣчѣ въ редакціи.

Я побагровѣлъ отъ смущенія и радости, набралъ въ грудь побольше воздуха и отвѣчалъ:

— Я, Николай Гавриловичъ!..

— Что же, и про свинью надо писать!..

— Плохо, Николай Гавриловичъ?..

— По-моему, недурно... Про свинью лучше нельзя!.. Пишите, дарованіе есть... Темы придутъ...

Я стоялъ передъ человѣкомъ, на котораго молился въ гимназіи, и вы можете себѣ представить, какъ оглушила меня радость отъ этихъ словъ Н. Г.!!.

Да простится мнѣ маленькое отступленіе: не могу не записать небольшого эпизода, случившагося при одной изъ встрѣчъ съ Н. Г. Чернышевскимъ. Зашла рѣчь объ интеллигенціи и народѣ. Какъ же не спросить автора „Что дѣлать?"—что дѣлать теперь съ народомъ?.. Не удержался,—спросилъ, и вотъ что сказалъ Н. Г. Чернышевскій:

— Однажды, когда я жилъ въ Петербургѣ и тоже очень желалъ помочь народу, поднимаюсь къ себѣ на квартиру по лѣстницѣ, а впереди идетъ дворникъ съ вязанкою дровъ за спиной. Вижу я, что дрова того, и гляди, развалятся. Какъ же не помочь?.. Вотъ я на ходу и давай поправлять вязанку... Разсыпались дрова-то, а дворникъ меня сталъ ругать!..

Въ 1892 г. послалъ въ „Русскую Мысль" разсказъ изъ дѣтской жизни „Ранніе всходы". Получилъ отъ г. Лаврова отвѣтъ: „Написано съ несомнѣннымъ дарованіемъ, но мы не можемъ занимать нашихъ читателей героями такого возраста. Сдѣлайте вашихъ героевъ болѣе взрослыми и тогда милости просимъ!" Этотъ же разсказъ, посланный затѣмъ въ „Міръ Божій", гдѣ и былъ въ 1893 г. напечатанъ, былъ встрѣченъ болѣе чѣмъ радушно покойной Александрой Аркадьевной Давыдовой, письма которой страшно ободряли меня и окончательно привязали къ серьезной работѣ. Въ томъ же году въ „Русскомъ Богатствѣ" появился мой разсказъ „Въ лѣсу". И съ этого времени я окончательно перебрался изъ провинціальной газетной прессы въ толстые журналы. Первые критическіе отзывы появились

въ журнальныхъ обозрѣніяхъ 1893 г. Помню, что очень огорчилъ меня критикъ „Недѣли", гдѣ нашла когда-то пріютъ моя „Свинья": критикъ нашелъ мои „Ранніе всходы" безнравственными!.. Я жилъ тогда въ уѣздномъ городишкѣ Алатырѣ, недавно женился, разсказъ посвятилъ, конечно, женѣ и вдругъ! Мы читали и оба плакали..."

IV.

Кромѣ сборника Фидлера, Е. Н. ссылается во II замѣткѣ еще на автобіографическія замѣтки свои въ „Нашемъ Журналѣ" и „Солнцѣ Россіи". Въ „Солнцѣ Россіи" (1911, № 10) нѣтъ почти ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что есть въ справкахъ моего архива и въ сборникѣ Фидлера. Но въ статейкѣ „Воспоминанія" въ „Нашемъ Журн." (1911, № 2), авторъ сообщаетъ кое-что новое о своемъ дѣтствѣ и студенчествѣ:

„Не помню, какъ я родился. Однако, это случилось 24 іюля 1864 года, въ г. Казани. Отецъ мой, безземельный дворянинъ Симбирской губерніи, былъ молоденькимъ офицеромъ, при этомъ еще носилъ адъютантскіе аксельбанты и былъ довольно красивъ, такъ что когда онъ влюбился въ дѣвицу Котицкую, она была давно уже влюблена въ него, и очень быстро состоялось бракосочетаніе, повлекшее за собой одиннадцать ребятишекъ, вторымъ изъ которыхъ былъ вашъ покорнѣйшій слуга, Евгеній Чириковъ.

Оставивъ военную службу, отецъ поступилъ въ акцизъ, и началось наше кочеваніе по разнымъ уѣзднымъ городамъ Казанской и Симбирской губерній. Потомъ онъ сдѣлался становымъ приставомъ, помощникомъ исправника, и это еще болѣе увеличило нашу перекочевку „для пользы службы" по селамъ и городкамъ приволжскихъ губерній. Все дѣтство мое прошло въ селахъ и захолустныхъ городкахъ. У отца я былъ любимымъ сыномъ и много и часто разъѣзжалъ съ нимъ по деревнямъ и селамъ „по дѣламъ службы". Друзьями моего дѣтства были исключительно крестьянскіе ребятишки, которые и преподали мнѣ первые уроки равноправія и пренебреженія къ узкимъ рамкамъ сословности; съ десяти лѣтъ я уже въ деревнѣ сталъ гостемъ и появлялся только на лѣтнихъ каникулахъ, на рождественскихъ и пасхальныхъ праздникахъ: меня отправили въ Казань, опредѣлили въ классическую гимназію и отдали жить „на хлѣба". Учился я неровно: то очень хорошо, то неособенно, то получалъ награды, то „списывалъ" и переваливалъ безъ всякихъ отличій. Въ гимназіи былъ надзирателемъ, покойный уже теперь, Николай Николаевичъ Шестаковъ, который завѣдывалъ классной библіотекой. Онъ любилъ литературу и умѣлъ внушать любовь къ книгѣ намъ, гимназистамъ; отлично читалъ вслухъ и умѣлъ передать намъ благоговѣйное отношеніе къ писателямъ. Подъ его руководствомъ я проглотилъ много книгъ и въ пятомъ классѣ, въ преступномъ сообществѣ съ нѣсколькими товарищами, уже принималъ уча-

стіе въ тайномъ гимназическомъ журналѣ, гдѣ писалъ сатиры на учителей и воспѣвалъ въ стихахъ и прозѣ родную Волгу. Когда я былъ въ седьмомъ классѣ, на семью обрушилась катастрофа; отецъ оставилъ службу и семью, на рукахъ матери осталось пять человѣкъ дѣтей, и мнѣ пришлось заботиться не только о самомъ себѣ, но и о матери съ братьями и сестрой. Мать поступила тапершей въ клубъ уѣзднаго городка на Волгѣ—Сенгилея, а я началъ бѣгать по урокамъ, собиралъ пятишницы и посылалъ подкрѣпленіе домой. Черезъ два года я перетащилъ всю семью въ Казань и вступилъ въ отправленіе родительскихъ обязанностей. Я уже былъ студентомъ перваго курса на юридическомъ факультетѣ. Бѣдность была ужасная: случалось, что на двухъ братьевъ были одни только сапоги. Мать и сестра вязали на продажу шапки, я бѣгалъ по урокамъ или сидѣлъ надъ перепиской литографскими чернилами лекцій, одинъ братъ служилъ хористомъ въ опереткѣ, другой готовился на вольноопредѣляющагося, третій, убитый въ прошлую японскую войну, благодаря неусыпнымъ хлопотамъ матери, попалъ на дворянскую стипендію въ „Ярославскую военную школу для исправляющихся“, хотя ни въ какомъ исправленіи не нуждался. Все это не помѣшало мнѣ примкнуть къ передовому студенчеству и закружиться въ разныхъ полулегальныхъ организаціяхъ и кружкахъ „саморазвитія“, заниматься тайнымъ гектографированіемъ и горѣть жаждой гражданскихъ подвиговъ. На первомъ же курсѣ я написалъ такую „Оду“, за которую потомъ пришлось отсиживать въ тюремномъ заведеніи. Въ это время я вообще сочинялъ и выпускалъ въ свѣтъ съ помощью гектографа „нелегальныя произведенія“. На юридическомъ не понравилось: много франтовъ и мало единомышленниковъ. Перешелъ на математическій по разряду естественныхъ наукъ: здѣсь, какъ и на медицинскомъ, всего больше было долговолосыхъ, съ дубинками, съ пледами на плечахъ, таинственно-угрюмыхъ, идейныхъ студентовъ, къ которымъ меня тянуло еще съ седьмого класса гимназіи. Кстати, изученіе химіи приближало къ цѣли, ибо давало возможность сдѣлаться современемъ Кибальчичемъ. Естественныя науки пришлись по сердцу вообще, а химія сдѣлалась любимой. Только химія отрывала меня отъ политики. Уже въ лабораторіи было нѣсколько загадочныхъ взрывовъ. Перешелъ на второй курсъ. „Письма Миртова“ были моимъ евангеліемъ. Я—уже сознательная личность, несущая на плечахъ сознаніе неоплатнаго долга передъ народомъ. Косвенно, сбоку, черезъ какія-то тайныя нити, я уже въ связи съ группой студенческой „Народной Воли“. Горю жаждой увидать и сойтись съ настоящимъ живымъ народовольцемъ, изъ тѣхъ, карточки которыхъ „совершенно секретно“ присылались къ отцу, когда онъ былъ становымъ приставомъ. Внѣшній видъ у меня довольно нелегальный: волосы до плечъ, очки, одѣяло на плечахъ вмѣсто пледа, подъ мышкой всегда книги „соціальнаго характера“, на студенческихъ вечеринкахъ я мастеръ пѣть нелегальныя пѣсни, пытаюсь говорить „возмутитель-

ныя рѣчи", къ танцамъ питаю презрѣніе, напитанъ конспиративностью. Среди товарищей пользуюсь большимъ почетомъ и популярностью, курсистки говорятъ со мной только объ умныхъ и серьезныхъ дѣлахъ. Всегда влюбленъ, но страдаю втайнѣ и отвожу душу на совмѣстномъ чтеніи „Писемъ" Миртова, „Прогресса" Михайловскаго, Милля съ примѣчаніями Чернышевскаго, Бокля и пр. Бывало ноетъ сердце отъ невысказанной любви, теряешь нить спора, растворяясь въ любимыхъ глазахъ, а лицо строгое, вдумчивое, полное глубокихъ мыслей и затаенныхъ думъ. Тянуло писать стихи о любви, о лунѣ, о звѣздахъ... Ихъ пописывалъ тайно. Но вотъ, какъ-то, на рождественскихъ праздникахъ въ 1886 г., возмущенный преимуществами богатыхъ дѣтей, сѣлъ и горячо записалъ... не думая, зачѣмъ и для какой цѣли. Можетъ быть, выйдетъ нелегальный разсказъ. Въ беллетристикѣ т а м ъ—большой недостатокъ. Написалъ про нищаго мальчика очень трогательную мелодраматическую исторію, съ идейными нападками по адресу „сытыхъ". Назвалъ „Рыжій". Когда перечитывалъ, проливалъ слезы. Хорошо... Собственно ничего нелегальнаго не вышло. Гм... А что, если послать въ редакцію мѣстной газеты „Волжскій Вѣстникъ"? Идти самому стыдно, но можно послать по почтѣ... Пошлю. Послалъ и нѣсколько дней смотрѣлъ въ публичной библіотекѣ: не напечатали-ли... Нѣтъ... Ну, и чертъ съ вами,—издамъ нелегально, на гектографѣ... Прошли праздники. Въ Крещеніе библіотека была заперта, номера газеты не видалъ. Въ понедѣльникъ иду въ университетъ, а навстрѣчу—товарищъ:

— Это не твой фельетонъ напечатанъ въ „Волжскомъ Вѣстникѣ"?

— Какъ называется?

— „Рыжій".

— А-а, мой...

Скрылся отъ товарища, купилъ номеръ у разносчика, укрылся отъ людей и не могъ начитаться. Разъ десять подрядъ прочиталъ свое произведеніе, и все еще оно казалось мнѣ недостаточно старымъ. Всматривался въ заглавіе, въ подпись: „Е. Ч."! Какъ настоящій писатель. Неужели это именно я—„Е. Ч."? Странно... Въ большомъ возбужденіи ходилъ по комнатѣ, гладилъ свои волосы и повторялъ:

— Евгеній Чириковъ... Евгеній Чириковъ... Писатель Евгеній Чириковъ.

Ходилъ мимо редакціи, но зайти боялся: словно совершилъ что-то очень предосудительное... А вѣдь надо. Надо добыть хотя десять, двадцать номеровъ. У разносчиковъ уже нѣтъ крещенскаго номера. Навѣрно, это изъ-за моего разсказа. Хорошій разсказъ, чертъ меня побери. Молодчина, Евгеній Чириковъ...

— Страшно... А, впрочемъ, чего я боюсь?.. Зайду въ контору и:—Позвольте десять номеровъ вчерашняго номера...

Постоялъ въ нерѣшительности у двери, съ замираніемъ духа прислушался къ таинственнымъ звукамъ за завѣтной дверью и... отворилъ... Ничего страшнаго: стоитъ конторщикъ и щелкаетъ на счетахъ.

— Что вамъ угодно?

— Десять номеровъ... съ моимъ фельетономъ...

— Десять... Съ какимъ?.. Какъ называется вашъ фельетонъ?

— „Рыжій“...

— Ахъ, „Рыжій“... Сейчасъ... Присядьте.

Изъ редакціи вышелъ секретарь, В. Н. Полякъ.

— Вы—авторъ „Рыжаго“?

— Я.

— Позвольте познакомиться... Александра Петровна, — идите, пришелъ авторъ.

Вышла высокая дѣвушка въ пенснэ. Я—какъ маковъ цвѣтъ. Не знаю, куда дѣвать глаза, руки, ноги.

— Прекрасно... Вамъ надо писать... Непремѣнно. Будьте нашимъ постояннымъ беллетристомъ... Николай Павловичъ, онъ пришелъ...

Кто еще, этотъ онъ?.. Профессоръ Н. П. Загоскинъ...

Не помню, о чемъ еще говорили, но когда я, попрощавшись, сталъ пятиться къ дверямъ, Николай Павловичъ крикнулъ:

— Выдайте гонораръ.

Сперло духъ отъ переживаемаго волненія. Стою, сердце колотится, потъ катится со лба на щеки.

— Получите. Распишитесь... 14 р. 70 к.

На улицѣ. Въ карманѣ бренчитъ мелочь. Не могу понять, какъ все это случилось, что теперь дѣлать и куда идти?

— Въ „Фатерляндъ“... Тамъ всегда студенты...

Такъ началась моя литературная работа двадцать пять лѣтъ тому назадъ...“

Е. Н. Чириковъ.

А. Дермана.

I.

Начало литературной дѣятельности Евгенія Николаевича Чирикова восходитъ ко второй половинѣ 80-хъ годовъ и протекло въ болѣе или менѣе глухой провинціи. Оба эти момента находятъ отраженіе въ первоначальномъ творчествѣ Чирикова: оно почти цѣликомъ посвящено изображенію русскаго провинціальнаго человѣка, и въ психологіи послѣдняго мы безъ труда обнаруживаемъ признаки опредѣленной эпохи, осложняющіе (по большей части подчеркивая и усиливая ихъ), такъ сказать, внѣвременныя черты быта провинціальнаго жителя. Гнетущая реакція 80-хъ годовъ была сугубо тяжела и безпросвѣтна въ провинціи, съ ея почти полнымъ отсутствіемъ умственныхъ запросовъ или возможностей удовлетворенія послѣднихъ, съ ея безпорывностью и способностью сносить безъ протеста всякій ущербъ, наносимый правамъ человѣка и его личному достоинству, съ грубыми и жестокими формами, въ какія здѣсь отливается несправедливость и неблагородство. Съ особенной наглядностью всѣ темныя стороны провинціальнаго быта проявляются на „интеллигентѣ", у котораго въ прошломъ все-таки есть какая-то, хотя и очень слабая, полоска болѣе разумнаго, свѣтлаго и праведнаго существованія—студенческіе годы, мечты юности и молодости,—для котораго погруженіе въ тину провинціальнаго прозябанія является чѣмъ-то въ родѣ измѣны прошлому, своей чистотѣ, своему достоинству.

Къ этому провинціальному человѣку (т.-е. къ нему преимущественно) Чириковъ подошелъ съ опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ, которое, разумѣется, помогло ему разобраться въ мглистой толщѣ провинціальной психологіи и провинціальнаго быта. Его писательскія цѣли—всегда ясны, ибо онъ изображаетъ не только изъ художнической потребности, но также и главнымъ образомъ изъ чисто-публицистическихъ побужденій: обличать зло. Онъ принадлежитъ къ разряду писателей-популяризаторовъ, которые заботятся не столько о глубинѣ и законченности своихъ образовъ и которыхъ въ жизни привлекаетъ не то, что ново и еще не изслѣдовано, но

которые стремятся болѣе или менѣе готовымъ жизненнымъ обобщеніямъ придать наиболѣе наглядный и доступный характеръ. Вотъ почему Чириковъ особенно часто останавливается въ своихъ изображеніяхъ на фигурахъ и положеніяхъ извѣстныхъ, на мотивахъ знакомыхъ, на формулахъ, созданныхъ до него. Его произведенія ничего или почти ничего не дадутъ для познанія, но ихъ популяризаторское значеніе—несомнѣнно.

II.

Изъ такихъ, хорошо знакомыхъ, мотивовъ на первомъ мѣстѣ, по удѣляемому Чириковымъ вниманію, надобно поставить мотивъ засасывающаго и обезличивающаго вліянія провинціи. Очень рѣдки произведенія Чирикова, гдѣ не упоминалось бы о такомъ вліяніи, а рядъ разсказовъ цѣликомъ посвященъ изображенію этого процесса („Романъ въ клѣткѣ", „Фаустъ", „Въ лощинѣ межъ горъ", „Капитуляція", „Gaudeamus igitur" и т. д.). Схема повѣствованія въ нихъ также обычно повторяется: герои представлены съ мыслями уже вывѣтрившимися, съ чувствами угасшими. Въ рѣдкія минуты они вспоминаютъ о былыхъ своихъ увлеченіяхъ и юношескихъ грезахъ, чаще всего эти воспоминанія имъ подсказываютъ со стороны, либо свѣжіе пришельцы, либо (излюбленный образъ у Чирикова) женщина, въ которой еще сохранились искры живого духа, увлеченная въ прошломъ тѣми самыми мечтами своего возлюбленнаго, которыя теперь онъ предалъ забвенію или даже осмѣянію...

Чириковъ предпочитаетъ изображенію самого процесса угасанія духа—сопоставленіе двухъ моментовъ: воспоминанія о прошломъ, до начала процесса, съ настоящимъ, когда процессъ уже законченъ. Въ прошломъ „жизнь казалась такой большой, съ безпредѣльными горизонтами, окутанными манящимъ сизымъ туманомъ, такой интересной своимъ безконечнымъ разнообразіемъ и такой загадочной и непонятной; когда казалось, что самое важное и желанное впереди... когда душа смутно тревожилась ожиданіемъ какого-то счастья, быть можетъ, счастья торжествующей любви". Но жизнь не оправдала свѣтлыхъ надеждъ: „Горизонты кончаются лавкой въ домѣ противоположной стороны и обвѣяны поэзіей поваренной книги... Всѣ живутъ изо дня въ день, скучаютъ, сплетничаютъ, говорятъ о квартирахъ и о мѣстахъ, играютъ въ карты, родятъ дѣтей и жалуются: мужья на женъ, жены на мужей... И никакой торжествующей любви нѣтъ, а есть только торжествующая пошлость, подлость и скука... Все, что интересно въ жизни, все это уже было тогда, раньше, и тогда было счастье, которое прошло незамѣченнымъ и которое дается людямъ только одинъ разъ въ жизни и никогда не возвращается"... („Фаустъ").

Такова обычно судьба провинціальныхъ интеллигентовъ. Чаще всего они переносятъ ее безропотно; если имъ напоминаютъ про

былое, они оправдываются недостаткомъ силъ: „я самый обыкновенный человѣкъ: мои крылья были тѣми крыльями, которыя временно, во дни юности даются каждому человѣку и потомъ отнимаются... Счастливъ тотъ, кто сумѣлъ не отдать этихъ крыльевъ... Я не сохранилъ ихъ, оказался обыкновеннѣйшимъ шаблоннымъ человѣкомъ". Порою отъ какого-нибудь толчка они на мгновеніе оживаютъ, какъ герой „Фауста", въ душѣ котораго любимая опера пробуждаетъ грусть объ утраченной чистотѣ, какъ врачъ изъ разсказа „Gaudeamus igitur", горько плачущій въ университетскую годовщину, пробуждающую въ немъ сознаніе „полнаго одиночества и утраты чего-то дорогого, близкаго, родного"... Когда враждебная сила берет[illegible] надъ ними верхъ,—они жалуются на „проклятую жизнь, заставляющую плясать по своей дудкѣ, дѣлать не то, что хочется и надо, и говорить не такъ, какъ думаешь... Необходимо имѣть свою собственную дудку,—а ея нѣтъ" („Капитуляція"). И такъ мало-по-малу человѣкъ изъ „интеллигента въ ковычкахъ", т.-е. имѣющаго нѣкоторое общее человѣческое достоинство, превращается въ „интеллигента безъ ковычекъ", въ обывателя, достоинство котораго измѣряется присвоеннымъ ему чиномъ и званіемъ. Попытки протеста противъ этой гибельной метаморфозы весьма слабы: „Что мы можемъ?—вопрошаетъ земскій врачъ, еще вчера громившій начальство въ товарищескомъ кругу, а сегодня предавшій товарища, за котораго обѣщалъ стоять горой.—Ничего, ровнешенько ничего. Суждены намъ благіе порывы, а свершить ничего не дано... А вотъ выпить можемъ"... („Въ лощинѣ межъ горъ".) И протесты обыкновенно кончаются водкой и пьяными слезами. Со свойственнымъ Чирикову публицистическимъ договариваніемъ до конца, онъ порою напередъ заявляетъ, что постигнетъ его героевъ, къ какой психологической формаціи читателю надлежитъ ихъ отнести. О врачѣ изъ „Gaudeamus igitur" онъ пишетъ: „Это былъ одинъ изъ многихъ „рыцарей на часъ", любящихъ помучить себя и другихъ, потерзаться своимъ несовершенствомъ. Такіе типы честныхъ и хорошихъ людей, обыкновенно, рано или поздно поглощаются окружающей средой, закисаютъ, такъ сказать, и ассимилируются"...

III.

Протесты въ подлинномъ значеніи этого слова у героевъ Чирикова рѣдки, однако бываютъ. Но и эти „лучи свѣта въ темномъ царствѣ" несутъ въ себѣ мало бодрости... Вотъ чиновникъ („Калигула"), обремененный нуждами и несчастіями, дѣлаетъ попытку улучшить свое положеніе, кончающуюся неудачей. Подъ вліяніемъ отчаянія онъ вдругъ обрѣтаетъ на днѣ своей забитой чиновничьей души остатки человѣческаго достоинства, отвѣчаетъ дерзостью на оскорбительный тонъ начальства, перестаетъ лебезить и унижаться: „Молчалъ, молчалъ, да и будетъ! Всему бываетъ конецъ. Я, братцы,

не могу, не могу больше. Горько мнѣ, братцы, и обидно... За человѣка, братцы, обидно!..“ Строптиваго протестанта увольняютъ со службы, и спустя недѣлю онъ уже ужасается и не вѣритъ, „чтобы все это могло случиться съ нимъ“ и наконецъ путемъ самыхъ унизительныхъ просьбъ добивается возврата на службу... Человѣкъ на мгновеніе поднялся, чтобы еще глубже опуститься на дно.

Вотъ Марья Ивановна, героиня пьесы того же названія, готовится покинуть домъ мужа, гдѣ все насквозь пропитано пошлостью и мелочностью. Но въ ея протестѣ далеко не все благополучно: это не столько реакція здороваго чувства на окружающую тлетворную среду, сколько увлеченіе мыслью о сценическомъ успѣхѣ, которому мѣшаетъ мужъ, и отчасти просто увлеченіе мужчиной, заѣзжимъ артистомъ. А кромѣ того Марья Ивановна заявляетъ протестъ одновременно съ тѣмъ, какъ въ послѣдній разъ опускается занавѣсъ, и читатель не увѣренъ въ прочности и непоколебимости протеста... Не простая ли это минутная вспышка?..

Вотъ героиня разсказа „Романъ въ клѣткѣ“ стремится вырваться изъ клѣтки. Она настойчива и доходитъ до самопожертвованія, не мирясь съ засасывающей средой, но какъ мало активности въ ея протестѣ! Никакой бодрости, ни единой жизнерадостной черты,— одно сплошное пассивное мученичество,—вотъ все, на что она способна.

Крайняя степень протеста, на какую герои Чирикова въ исключительныхъ случаяхъ оказываются способны,—это самоубійство. Къ нему прибѣгаетъ учитель гимназіи (разсказъ „Въ отставку“), идеалистъ въ прошломъ (постоянно присутствующій въ произведеніяхъ Чирикова), но силою деляновской системы обращенный противъ воли въ педагогическую ищейку, принимающую участіе въ позорныхъ постановленіяхъ гимназическаго совѣта, разбивающаго жизнь юношамъ. Въ концѣ концовъ, онъ перешагнулъ бы черезъ свой позоръ, но съ нимъ живетъ братъ-гимназистъ, живой укоръ и обличеніе, въ критическую минуту бросающій ему въ лицо возгласъ: „подло!“ Мѣра терпѣнія переполнена. Сначала учитель пишетъ прошеніе объ отставкѣ, но онъ чувствуетъ, что заново строить жизнь у него не хватитъ энергіи, и онъ стрѣляется. И этотъ конецъ крайне характеренъ для психологіи ex-идеалистовъ Чирикова: на активный протестъ, немыслимый безъ энергіи, вѣры въ себя и въ жизнь—они не способны; опошленіе или самоуничтоженіе, — вотъ два полюса, межъ которыхъ они фатально обречены метаться. Но опошленіе—тоже самоуничтоженіе, только медленное; и герои провинціи, по Чирикову,—это какіе-то разлагающіеся люди, а самая провинція—огромное кладбище.

IV.

Исключенный изъ университета за безпорядки студентъ („На порукахъ“) попадаетъ волею начальства въ провинцію. Здѣсь „все жило своей жизнью и все, чѣмъ онъ жилъ тамъ, въ большомъ го-

родѣ, что считалъ самымъ важнымъ и значительнымъ въ жизни, здѣсь казалось случайнымъ, мимолетнымъ и непримѣнимымъ. Здѣсь главное—здоровье, и если здоровье въ порядкѣ, то задача жизни кажется вполнѣ разрѣшенной. Остается... успокоиться: ничего не ждать, какъ ничего не ждутъ эти поля, это безстрастное небо, эти неподвижныя бѣлыя тучки". Безпорывность и враждебное отношеніе къ порыву—характернѣйшая особенность провинціи. Съ наибольшей рельефностью она выступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-нибудь обнаруживаетъ порывъ или даже имѣетъ къ тому потенціальную возможность: тогда провинція разомъ атакуетъ опаснаго человѣка и вводитъ его въ должныя границы. Въ разсказѣ „Созрѣлъ" этотъ параллелизмъ настроеній выступаетъ съ полной отчетливостью: Егоръ Подгибаловъ окончилъ гимназію и получилъ аттестатъ зрѣлости. Онъ еще не совершилъ ничего преступнаго и недозволеннаго даже по понятіямъ провинціи, но послѣдняя уже насторожилась. Всѣ, начиная отъ директора гимназіи и кончая роднымъ отцомъ, видятъ въ немъ потенціальнаго бунтовщика и непрерывно твердятъ одинъ совѣтъ: „ сторониться всякихъ идей"... И это вполнѣ естественно: юноша жаждетъ именно того, что приводитъ въ трепетъ окружающихъ—свободныхъ порывовъ. Они чувствуютъ, что онъ, словно птица, выпущенная изъ клѣтки, не можетъ не рваться къ свободѣ, но сами они уже извѣдали въ прошломъ послѣдствія порывовъ, идей, ихъ обратную сторону,—и отсюда ихъ страхъ и предостереженія. Они твердо увѣрены въ томъ, что и его ждетъ то самое, къ чему ихъ привела жизнь, и потому на эту промежуточную стадію идей, порывовъ и увлеченій смотрятъ какъ на болѣзнь, быть можетъ и неизбѣжную, но оттого еще болѣе опасную...

Всякое событіе, казалось бы, приносящее съ собою нѣчто своеобразное, провинція стремится, и не безъ успѣха, привести, такъ сказать, къ своему обычному знаменателю: къ безпорывности. Университетская годовщина, напоминающая о духѣ и укладѣ жизни, враждебной провинціи, обращается какимъ-то чудомъ въ праздникъ станового Тычкина, почтмейстера Мямлина („Gaudeamus igitur"). Основывается-ли въ провинціи газета („Друзья гласности")—тотчасъ она покрывается налетомъ пошлости и уже при самомъ освященіи дѣла его въ привѣтственныхъ рѣчахъ обливаютъ цѣлымъ моремъ вздорныхъ, ничтожныхъ и пошлыхъ рѣчей, пожеланій и ожиданій, и читатель чувствуетъ, что молодому ростку гласности суждено погибнуть подъ грубымъ сапожищемъ провинціальнаго самодурства и самодовольнаго невѣжества. „Студенты пріѣхали" въ провинцію и сразу попали въ вязкую тину мелкихъ интересовъ, интригъ, сплетенъ и спустя короткое время изъ закадычныхъ друзей превратились въ кровныхъ враговъ чисто-провинціальнаго пошиба. Въ этихъ глухихъ мѣстахъ ничто не свято, никто никого не жалѣетъ, науку и искусство открыто презираютъ. Героиня разсказа „Испортилась", пытаясь сгладить нетактичную выходку мужа, объясняетъ гостю-артисту:

„Ваня не любитъ, когда я играю въ любительскихъ спектакляхъ. Онъ не любитъ искусства...—Искусство!—промычалъ Иванъ Степановичъ—ты бы лучше пуговицы къ штанамъ мнѣ пришила“... Дѣтей обижаютъ грубо и безжалостно („Лошадка“), голодныхъ обкрадываютъ не стѣсняясь („Въ лѣсу“). И только въ рѣдкихъ случаяхъ женщины (обычно—молодыя жены пожилыхъ мужей) являются въ разсказахъ Чирикова со слабыми искрами чистоты и свѣта, да еще дѣти, не успѣвшіе захлебнуться въ этомъ страшномъ человѣческомъ болотѣ. И Чириковъ съ большой любовью рисуетъ образы дѣтей, и въ его творчествѣ намѣчается опредѣленный типъ ребенка: юнаго школьника, мало преуспѣвающаго въ наукахъ именно по причинѣ живости духа и темперамента, непосредственности натуры, безсознательно противопоставляющей мертвой схоластической учебѣ упорное отвращеніе къ ней, чинопочитанію и „дисциплинѣ“ — дѣтскія увлеченія, шалости, рѣзкіе порывы и фантастическія мечты (Гриша въ „Иванъ Миронычѣ“, Ваня—„Во дворѣ во флигелѣ“ и т. д).

V.

Такова безотрадная картина провинціальнаго быта 80-хъ годовъ по Чирикову. Въ ней схваченъ и разработанъ по преимуществу одинъ изъ самыхъ болѣзненныхъ мотивовъ той угрюмой эпохи, который можетъ-быть формулированъ приблизительно такъ: конфликтъ совѣсти съ безсовѣстной средой. Это та, хорошо знакомая намъ формула, глубокой и блестящей разработкѣ которой посвящена добрая половина творчества Чехова и творчество (въ цѣломъ или частью) многихъ другихъ нашихъ писателей. Оставляя покуда въ сторонѣ вопросъ о чисто-художественномъ достоинствѣ картинъ провинціи у Чирикова, я рѣшаюсь сказать, что безнадежная мрачность ихъ содержанія едва-ли превзойдена даже Чеховымъ. У послѣдняго несравненно чаще, чѣмъ у Чирикова, люди остро страдаютъ отъ затягивающей ихъ пошлости, а главное—чеховскіе пошляки не такъ безмятежны и счастливы, какъ чириковскіе. Къ чеховскимъ провинціаламъ не примѣнимо то, что примѣнимо къ чириковскимъ: „если здоровье въ порядкѣ, то задача жизни кажется вполнѣ разрѣшенной“. У Чирикова если интеллигентный человѣкъ капитулируетъ передъ пошлостью („Капитуляція“), то онъ уже успокаивается, умираетъ духовно; у Чехова онъ ноетъ, какъ отъ болѣзни, даже уже будучи побѣжденнымъ (Чебутыкинъ, Андрей Прозоровъ — „Три сестры“).

Съ этимъ же унынiемъ Чириковъ подошелъ къ изображенію русскихъ провинціальныхъ людей эпохи перелома, слѣдовавшей за 80-ми годами. О причинахъ, вызвавшихъ переломъ въ психологіи интеллигента, и о самомъ процессѣ перелома у Чирикова мы почти ничего не находимъ, если не считать столь общей въ данномъ случаѣ проблемы совѣсти, разработанной—въ примѣненіи къ опредѣ-

Евгеній Николаевичъ Чириковъ.

ленному историческому моменту—весьма недостаточно. Если герои Чирикова заявляютъ, что имъ невмоготу „отъ зла жить и отъ неправды кормиться“, то, какъ выше было отмѣчено, разрѣшается это по большей части пьянымъ угаромъ. Какъ это свойственно писательской манерѣ Чирикова, онъ зарисовываетъ темы уже сложившіяся, а не формирующіяся, и при томъ не въ ихъ индивидуальныхъ, но въ групповыхъ особенностяхъ, предпочитая и здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, популяризировать, а не познавать. Относящіяся къ переходному моменту группировки приблизительно таковы: 1) представители консервативнаго начала и 2) представители революціоннаго начала. Вторая группа въ свою очередь подраздѣляется на двѣ подгруппы: а) „инвалиды“, пронесшіе микробъ революціи отъ 70-хъ годовъ къ 90-мъ, и в) „чужестранцы“,—представители новаго поколѣнія и въ идейномъ и въ хронологическомъ смыслѣ.

Въ разсказахъ „Блудный сынъ“, „На порукахъ“ (а также въ послѣднихъ произведеніяхъ Чирикова, въ романахъ „Юность“ и „Изгнаніе“) разработанъ старый и постоянно обновляющійся ходомъ русской жизни мотивъ столкновенія отцовъ и дѣтей. Въ разсказѣ „На порукахъ“ описанъ участвовавшій въ университетскихъ безпорядкахъ студентъ, высланный на родину на поруки родителей. Онъ любитъ ихъ, и они горячо любятъ сына, но между ними нѣтъ и тѣни пониманія, и жизнь ихъ превращается въ каторгу. Характерно, что сынъ впадаетъ въ уныніе почти тотчасъ по пріѣздѣ, еще до какихъ-бы то ни было столкновеній съ родителями, отъ одного вида косности, отъ атмосферы безпорывности. „Николай присѣлъ къ окну и сталъ смотрѣть на улицу,—и радость, которая шевельнулась въ сердцѣ юноши въ тотъ моментъ, когда шарабанъ съ грохотомъ подкатилъ къ родному домику съ палисадникомъ, вдругъ потускнѣла, затуманилась и исчезла. И Николаю сдѣлалось скучно. При видѣ этой улицы съ скворечницей, гусями на лужкѣ и свиньей подъ заборомъ, онъ почувствовалъ себя одинокимъ въ этихъ чистенькихъ, уютныхъ комнаткахъ со „Свѣтомъ“, вязаной скатертью и хлопушкой... Никому здѣсь не важно и даже не интересно, что дѣлается гдѣ-то тамъ, далеко, въ большихъ городахъ, гдѣ жизнь кипитъ, какъ вода въ котлѣ надъ огнемъ, и гдѣ казалось, что все, случившееся тамъ за послѣдніе мѣсяцы, полно глубокаго смысла и значенія для всѣхъ безъ исключенія людей... Теперь у Николая явилось такое ощущеніе, словно есть двѣ жизни, совершенно различныя, не имѣющія между собою ничего общаго и обреченныя на вѣчное непониманіе и разобщенность: одна тамъ, откуда онъ пріѣхалъ, а другая здѣсь, и та жизнь похожа на прочитанную сказку, а эта—самая настоящая, непреложная и неизмѣнная, какъ законъ природы“.

Лейтмотивъ отцовъ: „въ люди вывести“, т.-е. на дорогу хорошей карьеры, обезпеченности и абсолютнаго покоя,—все, что этому мѣшаетъ, т.-е. святая святыхъ „новыхъ“ людей, отцы воспринимаютъ, какъ сумасбродство, капризы и вредное своевольничанье, ко-

торое необходимо обуздать. Мостика между этими—не міровоззрѣніями, а міроощущеніями—нѣтъ и быть не можетъ и нормальнаго выхода изъ создающихся между отцами и дѣтьми конфликтовъ—также нѣтъ. Разсказъ „На порукахъ“ кончается самоубійствомъ доведеннаго до отчаянья студента, и замѣчательно, что эффектъ отъ него противоположенъ тому, на какой, повидимому, разсчитывалъ авторъ: онъ приноситъ „облегченіе“ читателю, ибо все-таки является хоть кровавымъ, но исходомъ изъ безвыходной трагедіи (у Чирикова часто этотъ переходъ за черту необходимости ослабляетъ впечатлѣніе).

Исходомъ менѣе кровавымъ, но по существу болѣе глубокимъ и символическимъ является уходъ дѣтей отъ отцовъ послѣ безрезультатныхъ попытокъ къ сближенію. На этотъ сюжетъ написанъ Чириковымъ одинъ изъ лучшихъ его разсказовъ „Блудный сынъ“. Авторъ въ высшей степени плодотворно осложнилъ попытку къ сближенію разно чувствующихъ отца и сына усталостью послѣдняго отъ перенесенныхъ имъ житейскихъ ударовъ, невзгодъ и скитаній по бѣлу свѣту. Въ первый день по возвращеніи въ отчій домъ „блудному сыну“ „казалось, что вся усталость, скопившаяся за время всей прожитой жизни, теперь уходила куда-то назадъ и на душѣ прояснялся покой и миръ... Похоже на то, что Григорій, дѣйствительно, причалилъ къ пристани, бросилъ якорь... Онъ усталъ, невыносимо усталъ жить этой нервной, полной безчисленныхъ превратностей и терзаній жизнью интеллигентнаго пролетарія, усталъ отъ безполезныхъ, никому ненужныхъ страданій, отъ лжи и фарисейства, въ которыхъ тонетъ культурный человѣкъ, усталъ отъ надоѣвшихъ безполезныхъ споровъ, больныхъ самолюбій, взаимныхъ непониманій и оскорбленій... А, можетъ быть, онъ ушелъ теперь и отъ сознанія, страшнаго сознанія своей ненужности, этого итога прожитой жизни... Теперь онъ никуда не принадлежитъ, не задается никакими принципіальными планами и задачами жизни... Теперь онъ просто больной и усталый человѣкъ, который хочетъ покоя и отдыха. Здѣсь онъ возьметъ клочекъ земли и будетъ работать и жить просто, безъ всякихъ плановъ, какъ живутъ милліоны людей... Чѣмъ гордиться? Какъ считать себя предназначеннымъ къ какой-то особой высокой миссіи, если въ результатѣ получилась одна усталость и сознаніе своего безсилія и ненужности? Онъ будетъ теперь жить на своемъ клочкѣ земли и пусть его оставятъ въ покоѣ“...

Казалось-бы, все способствуетъ сближенію уставшаго сына съ отцомъ, стосковавшимся и жаждущимъ примиренія, но оно все-таки не приходитъ, и спустя короткое время блудный сынъ опять пускается въ скитанія по бѣлу свѣту... Въ высшей степени знаменательна здѣсь побѣда, одержанная Чириковымъ-художникомъ надъ Чириковымъ-публицистомъ (онѣ далеко не часты): и въ этомъ разсказѣ и въ другихъ онъ старательно подчеркиваетъ ненужность и безсиліе живыхъ обломковъ движенія 70-хъ годовъ, называя ихъ инвалидами,

даже вышучивая ихъ. Жажда покоя—вотъ все, что ими владѣетъ теперь. Однако, у этихъ безсильныхъ людей, потерпѣвшихъ столько крушеній, хватаетъ силы отказаться отъ покоя, довольства, уюта и вновь уйти въ дальнее плаваніе по бурному житейскому морю... Что-же ихъ толкаетъ и что даетъ силы на это? Именно то, чего нѣтъ у людей коснаго міроощущенія: высокое сознаніе человѣческаго достоинства, которымъ они не могутъ поступиться. Здѣсь и заключается корень конфликта отцовъ и дѣтей. Можно ли говорить о ненужности такихъ людей, о безплодности ихъ жизни и страданій въ странѣ, гдѣ сознаніе человѣческаго достоинства такъ рѣдко встрѣтить и гдѣ оно такъ угрожающе быстро изсякаетъ? Не самые-ли это нужные люди? И какіе-же это „инвалиды“, если они такъ свято несутъ свою человѣческую миссію, ни за какія блага міра не продавая свое интеллигентское первородство?

VI.

Нельзя, конечно, говорить объ инвалидности такихъ людей, и русская жизнь показала, что они не были инвалидами, но Чириковъ именно такъ о нихъ говоритъ, становясь на явно публицистическую и пристрастную позицію. Онъ дѣлитъ людей, не мирящихся съ русской дѣйствительностью, на двѣ категоріи: „инвалидовъ“ и „чужестранцевъ“, вышучивая первыхъ и радуясь вторымъ, не замѣчая при этомъ, что для художника они представляютъ гораздо менѣе различія, чѣмъ сходства, что, независимо отъ деталей ихъ идеологіи, тѣ и другіе являются представителями честной свободной мысли.

Образъ „инвалида“—Крюкова—явно сбивается на сатирическую каррикатуру, въ которой очень мало и художественной и исторической правды; въ этомъ образѣ мы не находимъ даже элегическаго элемента, котораго, казалось-бы, заслуживаетъ эта печальная донкихотская фигура гибнущаго человѣка, пронесшаго черезъ безчисленныя терніи въ неприкосновенности убѣжденія—пусть и наивныя и нелѣпыя — отъ юности до могилы... Все, что было ходячаго и поверхностнаго въ публицистической полемикѣ народниковъ съ марксистами, использовано авторомъ разсказа для усиленія комической стороны Крюкова. Дѣло доходитъ даже до того, что Крюковъ много лѣтъ разрабатываетъ проектъ устройства „трудовыхъ поселковъ, куда, по его мнѣнію, надо выселять кулаковъ, какъ для охраны цѣломудрія деревни, такъ и для нравственнаго исправленія ихъ самихъ“. Комментаріи излишни...

Уже много позднѣе, въ „Цвѣтахъ воспоминаній“, Чириковъ съ большой искренностью вздохнулъ о тѣхъ инвалидахъ, которые въ молодости казались ему только смѣшны и жалки, и помянулъ эпоху, когда „тургеневскіе Кукшины уже прошли, а чеховскіе Львовы еще не народились. Мечта о счастьѣ человѣчества пережила уже писаревщину и базаровщину и еще не выродилась въ сухое сектантство

съ программами, какъ жить, чувствовать и говорить. Борьба личнаго счастья съ общественнымъ долгомъ создавала героевъ трагедіи, а не комедіи, и, можетъ быть, никогда еще любовь не была такъ красива, какъ въ то время"...

Вѣроятно, въ этой ретроспективной лирикѣ есть тотъ же элементъ односторонности, и едва-ли указанная борьба и трагедія прекратились или относятся къ какой-то одной эпохѣ, но во всякомъ случаѣ здѣсь гораздо больше вдумчивости и правды, чѣмъ въ „инвалидахъ".

Изображеніе „чужестранцевъ" отличается, разумѣется, гораздо большей авторской благосклонностью, но въ художественномъ отношеніи крайне неудачно. Чужестранцы изображены рѣзко отграниченными отъ коренного населенія, чего, какъ извѣстно, не было: между революціонерами и обывательской толщей всегда существовалъ контактъ, и вѣдь не съ неба сваливались чужестранцы,—они формировались тутъ же, исподволь, но этотъ процессъ у Чирикова не показанъ. Чириковъ не принадлежитъ къ улавливателямъ моментовъ, и въ картинѣ первой стадіи революціоннаго броженія 90-хъ годовъ онъ остался вѣренъ себѣ: шелъ не къ познанію и раскрытію едва уловимаго, рождающагося на глазахъ и растущаго, но къ популяризированію и иллюстрированію уже теоретически объясненнаго и поименованнаго.

VII.

Съ наибольшей рельефностью проявилось свойство Чирикова иллюстрировать готовыя общественныя схемы какъ разъ въ эпоху, когда послѣднія сложились вполнѣ прочно и опредѣленно. Усердно слѣдуя въ своемъ творчествѣ за историческимъ ходомъ русской общественности, Чириковъ создаетъ рядъ такъ называемыхъ общественныхъ драмъ („Евреи", „Мужики", „Домъ Кочергиныхъ"), представляющихъ изъ себя драматизированную форму общественной хроники революціоннаго періода. Въ „Евреяхъ"—бездна гуманнаго чувства, искренняго возмущенія несправедливостью, стремленія перенестись въ чужой психологическій міръ, но ни одного живого лица, ни одного типа—въ истинномъ значеніи этого слова, ибо, разумѣется, нельзя назвать типами словесные ходячіе ярлыки и этикетки политическаго, соціальнаго, національнаго и возрастнаго содержанія. Всѣ въ пьесѣ произносятъ лишь тѣ слова, которыя съ наибольшей ясностью опредѣляютъ принадлежность говорящаго къ тому или иному лагерю, и всѣ случайности въ пьесѣ не заключаютъ въ себѣ ничего случайнаго, а служатъ лишь ad hoc, для обоснованія мнѣній дѣйствующихъ лицъ. Передъ зрителемъ проходятъ фигуры „сіониста", „соціалиста-интеллигента", „соціалиста-рабочаго", „буржуя" „патріарха" (авторская ремарка: „фигура, напоминающая библейскаго патріарха"), всѣ они произносятъ давно и хорошо знакомыя

рѣчи... Все это было, во время появленія пьесы, злобою дня, и понятенъ шумный успѣхъ пьесы, гдѣ говорится все время о погромахъ и финаломъ которой служитъ погромъ—въ странѣ, по которой только что прокатилась страшная погромная волна. И надобно отдать справедливость этой неудачной пьесѣ: какъ орудіе пропаганды, она сыграла немалую общественную роль.

Еще слабѣе въ художественномъ отношеніи „Мужики“ и „Домъ Кочергиныхъ“, совсѣмъ уже примитивныя иллюстраціи политическихъ схемъ и кличекъ. Напередъ даны здѣсь тезисы, въ родѣ того, что между народомъ и интеллигенціей лежитъ пропасть непониманія, и всѣ персонажи стремятся этотъ тезисъ доказать. Въ „Мужикахъ“ только что пріѣхавшій домой студентъ, едва успѣлъ поздороваться съ родными, уже спѣшитъ навѣсить на себя столь знакомый всѣмъ ярлыкъ: „Дайте мужику порядочный кусокъ земли — и вы увидите, что онъ сдѣлается врагомъ всякихъ соціальныхъ реформъ... Возьмите мужика въ Швейцаріи! Вы умиляетесь его благополучіемъ (никто и не думаетъ умиляться—это очень характерно для шаблона), а мнѣ противно смотрѣть! Сытое довольство мѣщанина — и ничего больше“. Дѣло доходитъ до того, что „полковникъ“ (ремарка: „военная выправка и старыхъ взглядовъ“) даже здоровается съ родственниками по кличкамъ: „А-а! господинъ анархистъ пріѣхалъ!..“ „Здравствуй, синій чулокъ!..“ „Имѣю честь кланяться, народный печальникъ“ и т. д. Надо-ли говорить, что въ архиретроградномъ проектѣ полковника имѣется пунктъ: „овцы ввѣряются доброму пастырю, а не наемнику-интеллигенту“.

Въ „Домѣ Кочергиныхъ“ все направлено къ тому, чтобы дать возможность одному изъ дѣйствующихъ лицъ произнести резюме, въ которомъ все — отъ злободневной межпартійной полемики и ни одной самостоятельной черты: „Я смотрю на этотъ старый домъ и на этихъ людей и за ними вижу огромную историческую перспективу... Странная любовь, когда-то горячая и слѣпая, многолѣтнія скитанія, мученичество, надежды и полное непониманіе другъ друга!.. А въ концѣ-концовъ—избитый, какъ собака, идеалистъ-баринъ, всю жизнь искавшій близости, любви и счастья для тѣхъ, которые его избили“...

Появленіе послѣднихъ пьесъ совпало съ тѣмъ моментомъ русской литературы, когда ясно обозначилось ея стремленіе эмансипироваться отъ примитивной тенденціозности, когда относительная свобода печати дала возможность говорить прямо и непосредственно о такихъ вопросахъ, которые до того удавалось проводить черезъ цензурный фарватеръ лишь въ беллетристической драпировкѣ. И потому пьесы Чирикова, какъ „Мужики“ и „Домъ Кочергиныхъ“, потеряли raison d'être даже въ качествѣ орудій популяризаціи готовыхъ общественныхъ формулъ: съ большимъ успѣхомъ это дѣлала публицистика,—и пьесы эти прошли почти незамѣченными.

VIII.

Измѣнившіяся-ли цензурныя условія, или перемѣна общественныхъ настроеній, съ перемѣщеніемъ центра тяжести въ сторону индивидуальныхъ вопросовъ, или наконецъ естественная эволюція писателя обусловили это явленіе,—одно несомнѣнно: въ послѣдніе годы Чириковъ отходитъ отъ сюжетовъ общественныхъ въ тѣсномъ и традиціонно-русскомъ значеніи слова. Его романы — „Юность“ и „Изгнаніе“—носятъ характеръ мемуаровъ, главное содержаніе которыхъ — любовь. Сюда-же примыкаютъ и „Цвѣты воспоминаній“, посвященные изображенію по большей части юношеской любви.

Эти произведенія, особенно „Юность“, имѣли несомнѣнный успѣхъ у читателей, но критика ими мало занималась. И это не случайно... Въ свои романы Чириковъ вложилъ много искренности, теплоты. Вѣроятно, большинство интеллигентнаго юношества смотрится въ романы Чирикова, какъ въ зеркало, и за это любитъ ихъ: въ нихъ собрано все наиболѣе обычное и частое въ процессѣ юношеской любви, и даже точнѣе—обычное не самаго процесса, а лишь ходячаго представленія о немъ, т.-е. въ конечномъ счетѣ—банальное. Однако, юный читатель, еще не научившійся отличать банальное отъ оригинальнаго, со своимъ стремленіемъ къ тому, что наиболѣе понятно и доступно, находитъ въ романахъ Чирикова не сантиментальныя и сильно растянутыя хроники, а трогающія его происшествія, какъ-будто еще вчера съ нимъ-же самимъ приключившіяся. Въ примѣненіи къ этимъ картинамъ приходится еще разъ повторить формулу творчества Чирикова: не познаніе, а популяризація. Это простирается такъ далеко, что самъ авторъ предпочитаетъ порой приклеить ярлыкъ къ своимъ героямъ, подводя ихъ подъ классическіе литературные образцы. Въ „Юности“ передъ читателемъ проходитъ два параллельныхъ романа героя съ двумя героинями, изъ коихъ одна—воплощенная кротость и скромность, а другая—чувственность и порывистость,—и герой „формулируетъ“ эти противоположности: „Чья любовь красивѣе: Маргариты или Кармэнъ?“ И чувствуется, что въ этой формулѣ не итогъ, а заданіе, которое авторъ преднамѣренно ставитъ и разрѣшаетъ. Въ продолженіи „Юности“ — „Изгнаніи“ — появляется третій членъ формулы, наивная, непосредственная и шаловливая полудѣвочка, полуженщина... Философія любви въ обихъ романахъ очень стара: „Любовь сильнѣе смерти („fort comme la mort“ Мопассана)... Есть въ ней великая и непобѣдимая сила, которая побѣждаетъ всѣ доводы разума, сокрушаетъ логику, отбрасываетъ всѣ препятствія и несетъ человѣка, какъ вихрь—лебединое перышко“...

Манера, въ которой написаны романы—умышленно и неумышленно-сантиментальная, и если она законна, какъ опредѣленный пріемъ, который авторъ сознательно примѣняетъ, то уже во всякомъ случаѣ безвкусны гиперболы сантиментализма, въ которыя

самъ авторъ склоненъ вѣрить, и ихъ не мало... Герой юности ѣдетъ на пароходѣ въ Ялту, гдѣ его ждетъ возлюбленная. На морѣ качка, и у героя—морская болѣзнь. Вдругъ раздается возгласъ: „Ялта! Видно Ялту“... Эффектъ этихъ словъ явно сверхъестественъ: „Сразу очнулся и все прошло. А было такъ скверно, что, желая поскорѣе умереть, я просилъ кого-то сбросить меня въ море“.

Хороши нѣкоторые разсказы изъ „Цвѣтовъ воспоминаній“, но, къ сожалѣнію, здѣсь нѣсколько разъ повторяется одинъ и тотъ же мотивъ: внезапно прерванная любовь—и получается монотонность. Характеренъ для чириковскаго скептицизма разсказъ „Русалка“, гдѣ изображенъ юноша, который въ театрѣ во время паники, вызванной крикомъ „пожаръ!“ забываетъ про сидящую рядомъ съ нимъ любимую дѣвушку и вспоминаетъ про нее лишь продравшись сквозь толпу вонъ изъ театра. Онъ, конечно, раскаивается, но уже любовь поругана и разбита; эгоизмъ и трусливость побѣждаютъ любовь.

Въ этихъ послѣднихъ произведеніяхъ повторяется уже отмѣченное нами авторское свойство: женскую любовь, женское чувство и вообще женщину ставить выше мужского и мужчины. Здѣсь эта тенденція выступаетъ яснѣе, чѣмъ въ прежнихъ произведеніяхъ Чирикова, ибо вопросъ любви здѣсь поставленъ внѣ быта и соціальной борьбы, что имѣетъ мѣсто въ прежнихъ разсказахъ. Участвуя больше, чѣмъ женщина, въ борьбѣ за существованіе, мужчина, естественно, грубѣлъ быстрѣе, грубѣлъ и въ любви. Въ послѣднихъ романахъ проблема любви какъ-бы препарирована, а мужчина попрежнему остался ниже женщины, стало быть, по-Чирикову это явленіе природы, а не условій. Впрочемъ, еще ранѣе, въ разсказахъ, гдѣ героинями являлись проститутки („Танино счастье“, „Именинница“), Чириковъ рисуетъ женщину самоотверженнѣе и безкорыстнѣе въ любви, чѣмъ мужчину.

IX.

Мы прослѣдили главныя линіи творчества Чирикова (оставивъ въ сторонѣ, во-первыхъ, его „драмы-сказки“, столь мало характерныя для Чирикова и столь безпомощныя со своимъ примитивнымъ символизмомъ: „Красные огни“, „Легенда стараго замка“, „Колдунья“, „Лѣсныя тайны“,—и, во-вторыхъ, тѣ разсказы, о которыхъ пришлось-бы повторять сказанное, какъ „Мятежники“, „Прогрессъ“, „Хлѣбъ везутъ“ и т. д.),—намъ остается коснуться пріемовъ его творчества съ такъ называемой технической стороны. Кое-что, впрочемъ, было отмѣчено въ этомъ направленіи попутно съ изложеніемъ и характеристикой содержанія его произведеній. Правда, и самое раздѣленіе на содержаніе и форму можетъ быть допущено лишь весьма условно. Эту задачу, однако, нѣсколько облегчаетъ то обстоятельство, что Чириковъ—насквозь публицистиченъ, что художественной формой онъ лишь п о л ь з у е т с я,

а не подчиняется ей, а потому пріемы, къ которымъ онъ прибѣгаетъ,—не стихійны (какъ у всѣхъ первоклассныхъ художниковъ), а сознательны, и ихъ можно выдѣлить,—хотя-бы самые основные,—сравнительно мало нарушая ткань произведеній.

Самые основные или точнѣе—самый основной, ибо ихъ можно свести къ одному, это — пріемъ сопоставленій, — имъ Чириковъ пользуется постоянно и весьма широко. Отдѣльные примѣры были выше указаны: любовь къ Маргаритѣ и любовь къ Карменъ, рвущаяся къ свѣту женщина рядомъ съ опошлившимся до мозга костей мужчиной, „чужестранцы" и глубоко ушедшіе корнями въ землю аборигены, воспоминанія объ идеальныхъ воздушныхъ замкахъ въ прошломъ—и разбитое корыто въ настоящемъ, живой, какъ ртуть, гимназистикъ Гриша—и его отецъ, мертвый педантъ Иванъ Миронычъ; соціальная антитеза: мальчикъ Коля — гимназистъ, закутанный въ шубу — сидитъ въ саняхъ, а на облучкѣ сидитъ и везетъ Колю—Колька, въ рваномъ зипунѣ и въ отцовской шапкѣ до плечъ. Жена заговариваетъ объ искусствѣ, а мужъ предлагаетъ ей пришить пуговицу къ его штанамъ,—и т. д., и т. д. Въ этихъ сопоставленіяхъ Чириковъ заботится не столько о соотвѣтствіи ихъ съ типами дѣйствительности, сколько объ ихъ обостреніи, о доведеніи жизненныхъ несоотвѣтствій до публицистической осязательности, не требующей отъ читателя работы воображенія, но, напротивъ, подающей ему готовые этическіе и политическіе выводы въ готовомъ, разжеванномъ видѣ.

Порой Чириковъ подаетъ такой выводъ уже безъ всякихъ беллетристическихъ одеждъ, въ формѣ обычнаго „нравоученія". Въ разсказѣ „Лошадка" все до такой степени ясно, положенія и эпизоды до того обычны и каждому извѣстны, что трудно представить себѣ читателя, который затруднился-бы сдѣлать изъ него очень простое, правильное и банальное заключеніе, но Чириковъ все-таки не довѣряетъ читателю и такими словами заканчиваетъ разсказъ: „Теперь я уже выросъ и не плачу даже въ томъ случаѣ, когда жизнь преподноситъ мнѣ „лошадку изъ папье-маше". Но, помня объ этой лошадкѣ, я не вожу своихъ дѣтей на общественныя елки, гдѣ дѣтское „счастье" опредѣляется всевластною рукою какой-нибудь Марьи Петровны".

Черное и бѣлое Чириковъ всегда предпочитаетъ неуловимымъ оттѣнкамъ и живой игрѣ свѣта—тѣни. Вотъ одинъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ. Юноша карабкается на заборъ, чтобы достать сирени для любимой дѣвушки. Онъ напоролся на гвоздь, поранилъ себѣ руку, и дѣвушка вмѣстѣ съ сиренью получаетъ и обагренный его кровью платокъ, какъ нѣкій символъ самоотверженной любви. „Но вотъ подлая проза жизни... Она всегда вмѣшивается въ нашу жизнь и обрываетъ у насъ крылья какъ разъ въ тотъ моментъ, когда мы готовимся взлетѣть въ лазоревую высь далекихъ небесъ"!.. Первую часть этой трагической формулы мы уже знаемъ: сирень,

кровь; теперь вторая часть: юноша, доставая сирень, изорвалъ себѣ штаны, и дѣвушка со смѣхомъ убѣгаетъ отъ него... („Сирень").

Въ этой характерной сценкѣ отразилась и черта унынія въ міровоззрѣніи Чирикова, и его склонность къ полярнымъ сопоставленіямъ и, наконецъ, близко соприкасающійся съ этой склонностью элементъ комизма, который Чириковъ вноситъ въ свои произведенія почти всегда, и который многіе принимаютъ за юморъ. На самомъ дѣлѣ — подлинный юморъ рѣдко встрѣчается въ его творчествѣ. Юморъ—гораздо глубже и тоньше, обращается онъ чаще всего въ сторону умственной плѣсени, между тѣмъ какъ Чириковъ обычно вращается въ области внѣшне-комическихъ положеній или прямыхъ преувеличеній. Юноша изодралъ штаны—развѣ это юморъ? Старый идеалистъ пишетъ явно-каррикатурный проектъ о нравственномъ воспитаніи кулаковъ и выселеніи ихъ изъ деревни,—развѣ это юморъ, а не авторская острота, весьма неудачная? Учитель греческаго языка („Учитель") называетъ свою кухарку „Омегушкой", а врача—„Эвripидомъ" — юморъ-ли это? Подымается занавѣсъ, и передъ нами гимназистикъ зубритъ: „Много есть именъ на „исъ" маскулине генерисъ: Панисъ, писцисъ, кринисъ, финисъ и т. д. („На дворѣ во флигелѣ"); зрители, разумѣется, улыбаются, но и это, конечно, далеко отстоитъ отъ юмора... Персонажи Чирикова сплошь да рядомъ острятъ, особенно въ разсказахъ, написанныхъ отъ перваго лица, но и это не юморъ... Повторяю, въ творчествѣ Чирикова много комическаго элемента, подчасъ грубоватаго, подчасъ живого и заразительнаго, но—и только.

Однимъ изъ частыхъ пріемовъ у Чирикова является попытка пробудить въ читателѣ лирическую грусть, особенно въ произведеніяхъ мемуарнаго характера. Воспоминанія о прошломъ, даже въ самой непритязательной формѣ, уже заключаютъ въ себѣ привкусъ грусти и оттѣнокъ лиризма, и высшаго эффекта въ этомъ направленіи достигаетъ то произведеніе, гдѣ грусть является сама собою въ душѣ читателя, въ результатѣ процесса чистаго воспоминанія, безъ указаній и подчеркиваній со стороны автора (классическій образецъ— Пушкина: „Вновь я посѣтилъ"). Однако, Чириковъ и здѣсь все подчеркиваетъ и поминутно подсказываетъ читателю: обрати вниманіе на то, на другое: „Ахъ, какъ прекрасна была моя святая невѣста", „Ахъ, эти теплыя ночи!"... „Ахъ, какъ дивно пахнетъ сирень раннимъ весеннимъ утромъ, когда тебѣ всего двадцать лѣтъ и когда ты идешь рядомъ съ милой, красивой дѣвушкой"—и т. д. Въ „Юности", „Изгнаніи" и „Цвѣтахъ воспоминаній" возгласъ: „Ахъ" попадается буквально почти на каждой страницѣ, а то и по два раза на одной и дѣйствуетъ весьма расхолаживающе на читателя: авторъ все время какъ-бы напоминаетъ читателю, что ему должно быть грустно, что ему надлежитъ умиляться и т. п. Нарушеніе чувства мѣры и въ этомъ пріемѣ, какъ и въ другихъ, даетъ результаты обратные тѣмъ, какихъ добивается авторъ.

Піонеры марксизма

В. Базарова.

I.

Марксизмъ, какъ особое міровоззрѣніе, зародился въ Россіи въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка. Правда, уже въ 70-хъ годахъ Марксъ пользовался у насъ значительной популярностью: по свидѣтельству Г. В. Плеханова, въ Россіи его читали больше, чѣмъ въ какой-либо другой европейской странѣ того времени, за исключеніемъ Германіи. И, однако, это не отражалось сколько-нибудь замѣтно на воззрѣніяхъ, господствовавшихъ среди тогдашней русской интеллигенціи. Маркса цѣнили, изумлялись глубинѣ и остротѣ его мысли, преклонялись передъ его всеобъемлющей эрудиціей, но вмѣстѣ съ тѣмъ находили, что для рѣшенія тѣхъ „проклятыхъ вопросовъ“ русской дѣйствительности, которые волновали передовыхъ представителей нашего общества, Марксъ не многое можетъ дать. Марксъ представлялся геніальнымъ теоретикомъ соціальнаго развитія по западно-европейскому типу; но, согласно глубокому убѣжденію передовыхъ семидесятниковъ, которые, несмотря на большое разнообразіе въ оттѣнкахъ теоретическихъ взглядовъ и практическихъ программъ, объединялись подъ общимъ народническимъ знаменемъ, Россіи предначертанъ особый путь развитія, существенно отличный отъ западнаго. Всѣ представители тогдашняго народничества вѣрили, что Россія въ состояніи миновать капиталистическую

фазу эволюціи и перейти прямо къ высшей формѣ общественнаго устройства, опираясь на тѣ соціалистическіе инстинкты и традиціи, которые хранятся въ народѣ, въ крестьянской массѣ, унаслѣдовавшей свою поземельную общину отъ эпохи первобытнаго коммунизма. При такой постановкѣ соціальнаго вопроса Марксъ интересенъ былъ, главнымъ образомъ, какъ „критикъ", въ публицистическомъ смыслѣ этого слова: онъ безпощадно разоблачалъ всѣ язвы капитализма, онъ ярко и выпукло изображалъ всѣ противорѣчія, всѣ ужасы соціальнаго строя передовыхъ европейскихъ странъ и такимъ образомъ усиливалъ тотъ спасительный страхъ, который долженъ былъ удержать наше счастливо-отсталое отечество отъ слѣпого подражанія западно-европейскимъ образцамъ. И только значительно позднѣе, когда тяжелые уроки жизни пробили глубокую брешь въ этой концепціи стараго народничества, могъ возникнуть у насъ болѣе глубокій интересъ къ ученію Маркса, могла явиться почва для усвоенія не однихъ только обличительныхъ, но и созидательныхъ, положительныхъ сторонъ его міровоззрѣнія.

Напомнимъ вкратцѣ этапы, пройденные народничествомъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ. Первоначально, въ эпоху твердой, еще ничѣмъ не поколебленной вѣры, практическая работа дѣятелей этого направленія выливалась въ форму такъ называемаго „хожденія въ народъ". Очень различны были взгляды отдѣльныхъ народническихъ группъ на то, к а к ъ надо воздѣйствовать на народъ, но почти не существовало разногласій относительно того, ч т о должно получиться въ результатѣ цѣлесообразнаго воздѣйствія на него. Всѣ полагали, что, коль скоро удастся разбудить дремлющее сознаніе народа, сдѣлать зрячими его слѣпые коммунистическіе инстинкты и традиціи, народъ, опираясь на свои исконные общинные порядки, немедленно же приступитъ къ коренному переустройству нашей общественности и создастъ новый соціальный строй, полный такой совершенной гармоніи, о какой не смѣютъ и мечтать представители изуродованнаго капитализмомъ Запада.

Недолго продолжалось хожденіе въ народъ, одушевляемое этою вѣрою. Оно быстро потерпѣло крушеніе, разбившись о двоякаго рода препятствія. Съ одной стороны, пропагандисты и агитаторы соціальнаго переворота не встрѣтили въ крестьянской массѣ сколько-нибудь живого отклика, не возбудили въ ней даже простого интереса къ своей проповѣди; съ другой стороны, они возбудили слишкомъ живой интересъ въ органахъ административнаго надзора, навлекли на себя самыя ожесточенныя преслѣдованія, сдѣлавшія ихъ дальнѣйшее пребываніе въ деревнѣ совершенно невозможнымъ. Озлобленные репрессіями, приписывая имъ, и только имъ, всѣ свои неудачи, народники начинаютъ все больше и больше склоняться къ мысли, что дѣятельность въ деревнѣ надо пока отложить и сосредоточить всѣ силы на борьбѣ съ мѣшающимъ ей политическимъ строемъ. Народническая партія съ ея двойнымъ девизомъ „Земля и

Воля" раскалывается на двѣ части: меньшинство, оставшееся вѣрнымъ первой половинѣ девиза,—„землѣ", обособляется подъ новымъ названіемъ „чернопередѣльцевъ"; большинство сохраняетъ одну только вторую половину девиза и, наименовавъ себя партіей „Народной Воли", превращается въ организацію заговорщиковъ, поставившихъ своей цѣлью вызвать политическій переворотъ, опираясь, главнымъ образомъ, на силы революціонно настроенной интеллигенціи.

Положеніе чернопередѣльцевъ, которые, расходясь съ народовольцами по существу и считая ихъ программу утопичной, не были, однако, въ силахъ противопоставить этой программѣ какую-либо иную систему практической дѣятельности, становилось все болѣе и болѣе безнадежнымъ. Имъ оставалось или вовсе уйти изъ рядовъ воинствующей демократіи, сложить на груди ненужныя руки, или произвести коренной пересмотръ своихъ взглядовъ, по-новому оцѣнить совершающуюся въ Россіи общественную эволюцію и попытаться найти иныя точки опоры для своей пропаганды.

Такой пересмотръ и былъ, дѣйствительно, выполненъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ, когда народничество достигло высшей точки своего подъема, нѣсколько лицъ, принадлежавшихъ ранѣе къ народническому меньшинству, основали группу „Освобожденіе Труда", которая поставила своей задачей переоцѣнку нашей общественной мысли и жизни съ точки зрѣнія новаго для Россіи, но уже пользовавшагося широкой популярностью въ Европѣ марксизма.

Въ 1884 году, когда партія „Народной Воли", уже надломленная фактически, все еще имѣла громадный авторитетъ въ кругахъ радикальной интеллигенціи, выходитъ въ свѣтъ книга „Наши разногласія", написанная основателемъ группы „Освобожденіе Труда" Г. В. Плехановымъ. Полемизируя съ Л. Тихомировымъ, бывшимъ въ то время однимъ изъ самыхъ видныхъ публицистовъ народовольчества, Плехановъ излагаетъ здѣсь основы ученія Маркса и тѣ выводы, которые, исходя изъ него, долженъ сдѣлать соціалистъ въ примѣненіи къ Россіи. Мы не ошибемся, если скажемъ, что въ исторіи русскаго марксизма „Наши разногласія" сыграли такую же почетную роль, какъ знаменитый „Анти-Дюрингъ" Энгельса въ исторіи марксизма европейскаго. Плеханову удалось набросать здѣсь сжатую, но принципіально исчерпывающую программу литературной дѣятельности русскаго марксизма на цѣлыя два десятилѣтія; просматривая марксистскую печать 90-хъ годовъ—періода наивысшаго идейнаго расцвѣта русскаго марксизма, наиболѣе полнаго господства его надъ умами интеллигенціи,—мы едва ли встрѣтимъ тамъ хоть одну существенную мысль, хоть одно теоретически важное положеніе, которыя не были бы, по крайней мѣрѣ, намѣчены въ „Нашихъ разногласіяхъ".

На этомъ замѣчательномъ произведеніи крупнѣйшаго изъ русскихъ теоретиковъ марксизма мы и остановимся прежде всего.

Разнообразнѣйшіе вопросы соціальной теоріи и практики, затронутые въ „Нашихъ разногласіяхъ", могутъ быть разбиты на три

большія рубрики: 1) анализъ и оцѣнка общественно-политическаго развитія современной Европы, 2) анализъ и оцѣнка общественно-политическихъ отношеній современной Россіи, 3) общія теоретическія и методологическія основы, необходимыя для того, чтобы успѣшно разобраться въ вопросахъ первой и второй категоріи.

Считая, подобно славянофиламъ, русскій общественный строй по самому типу его развитія существенно отличнымъ отъ западноевропейскаго, народники, въ противоположность славянофиламъ, не относились съ огульнымъ отрицаніемъ къ культурѣ Запада. Они готовы были признать, что европейская буржуазія, наряду съ огромнымъ вредомъ, внесла въ исторію и много положительнаго, вызвавъ къ жизни цѣлый рядъ техническихъ усовершенствованій и чрезвычайно повысивъ производительность хозяйственнаго труда. Они соглашались и съ тѣмъ, что европейскій капитализмъ не является сплошнымъ и безысходнымъ бѣдствіемъ, симптомомъ „гніенія" Запада, ибо онъ неизбѣжно сплачиваетъ рабочія массы, толкая ихъ на борьбу противъ всяческихъ формъ экономическаго угнетенія, и такимъ образомъ, какъ гласила передовая статья одного изъ номеровъ народовольческой газеты „Впередъ", „самое развитіе капиталистическаго строя должно вызвать и подготовить переворотъ, который унесетъ этотъ строй". Народники настаивали лишь на томъ, что эти хорошія, положительныя стороны капитализма могутъ быть съ такимъ же и даже еще большимъ успѣхомъ осуществлены и при иномъ, некапиталистическомъ типѣ развитія. Взглядъ этотъ получилъ систематическую разработку лишь черезъ 15—20 лѣтъ послѣ разсматриваемаго періода, въ трудахъ В. Чернова, который пытался даже формулировать историческій законъ убыванія положительныхъ сторонъ капитализма въ зависимости отъ времени выступленія даннаго народа на путь капиталистическаго развитія. Въ ту эпоху, когда писались „Наши разногласія", такой систематизаціи еще не существовало, но идея, легшая въ ея основу, была уже однимъ изъ лейтмотивовъ народнической и въ частности народовольческой литературы. Если на темномъ фонѣ европейскаго капитализма народничество и усматривало нѣкоторыя свѣтлыя точки, то русскому капитализму было отказано даже въ этой ничтожной милости; онъ безъ малѣйшаго снисхожденія закрашивался въ сплошной черный цвѣтъ. Полемизируя съ народничествомъ 80-хъ годовъ, Плехановъ не довольствуется опроверженіемъ этого вывода,—жало его критики направлено противъ самаго принципа, на которомъ базируютъ подобнаго рода оцѣнки. Здѣсь сказывается, по мнѣнію автора „Нашихъ разногласій", своего рода эклектизмъ, который во всемъ видитъ хорошую и дурную стороны, одобряетъ первую, осуждаетъ вторую и грѣшитъ лишь тѣмъ, что не видитъ никакой органической связи между „свѣтлыми" и „затемняющими" чертами данной исторической эпохи. Капитализмъ могъ бы сказать, такимъ образомъ, критикамъ словами Фейербаха: „Ты осуждаешь мои недостатки, но

знай, что ими обусловливаются мои достоинства" [1]). Признаніе „органической связи" между „недостатками" и „достоинствами" капитализма и составляетъ характерную особенность марксистской точки зрѣнія, точки зрѣнія діалектической, которая одинаково противоположна и отвлеченному отрицанію капитализма народниками во имя его недостатковъ, и не менѣе отвлеченному признанію его буржуазными апологетами во имя его достоинствъ. „Капитализмъ, наряду съ механическимъ сплачиваніемъ рабочихъ, развиваетъ среди нихъ конкуренцію, подрывающую ихъ нравственное единство", пишетъ народоволецъ Л. Тихомировъ, зачисляя капитализму въ активъ „сплачиваніе", въ пассивъ—разрушеніе нравственнаго единства. Конкуренція приноситъ рабочимъ несомнѣнный вредъ, она подрываетъ ихъ матеріальное благосостояніе и въ отдѣльныхъ случаяхъ дѣйствительно вноситъ въ ихъ ряды распри, взаимное недовѣріе и озлобленіе. Но, только пройдя черезъ бѣдствія капиталистической конкуренціи, преодолѣвъ ихъ нравственно разлагающее вліяніе и закалившись въ ихъ горнилѣ, рабочій классъ въ состояніи возвыситься до того всемірнаго единства „пролетаріевъ всѣхъ странъ", безъ котораго немыслимъ соціализмъ [2]). Индивидуальное присвоеніе владѣльцемъ средствъ производства продуктовъ общественнаго труда есть одно изъ ужаснѣйшихъ, чреватыхъ неисчислимыми бѣдствіями противорѣчій капитализма. И народники противопоставляютъ ему, какъ нѣчто принципіально высшее, хозяйственный строй русской деревни, гдѣ средства, а, слѣдовательно, и продукты труда, принадлежатъ самому трудящемуся. При этомъ забываютъ, что только указанное капиталистическое противорѣчіе подготовляетъ матеріальныя и идеологическія предпосылки той широкой общественной организаціи производства, которая въ состояніи включить въ себя весь техническій прогрессъ капитализма, совершенно несовмѣстимый съ изолированными хозяйствами отдѣльныхъ крестьянскихъ семей или общинъ [3]). То же самое относится и ко всѣмъ другимъ недостаткамъ и противорѣчіямъ капитализма: различная оцѣнка ихъ со стороны народниковъ и марксистовъ зависитъ не отъ какихъ-либо случайныхъ причинъ вродѣ недостаточной освѣдомленности тѣхъ или другихъ вліятельныхъ теоретиковъ, а отъ коренного расхожденія въ самыхъ предпосылкахъ теоретизированія, въ самой точкѣ зрѣнія,—отвлеченной и абсолютной, „метафизической"—въ одномъ случаѣ, конкретно-исторической или „діалектической"—въ другомъ.

Столь же глубокое расхожденіе и по тѣмъ же самымъ причинамъ обнаружилось между группой „Освобожденіе Труда" и народовольцами въ оцѣнкѣ общественныхъ отношеній современной Россіи. Одинъ изъ виднѣйшихъ теоретиковъ народничества, В. В., про-

---

[1]) „Наши разногласія", изд. „Новый Міръ". 1906.
[2]) Тамъ же, стр. 94—95.
[3]) Тамъ же, стр. 227.

возглашалъ русскій капитализмъ мертворожденнымъ дѣтищемъ правительственной политики. Для расцвѣта капитализма, гласитъ теорія В. В., необходимо обиліе свободныхъ рынковъ; между тѣмъ въ Россіи капитализмъ возникъ въ эпоху, когда міровой рынокъ уже подѣлили между собой страны, ранѣе насъ вступившія на путь капиталистическаго развитія; съ могучей индустріей этихъ странъ совершенно не въ состояніи конкурировать нашъ хилый капитализмъ, который давно бы уже погибъ, если бы правительство не поддерживало его искусственными мѣрами покровительственной политики. Но даже и правительственныя заботы не могутъ сообщить нашей капиталистической промышленности сколько-нибудь интенсивнаго развитія: число рабочихъ, занятыхъ въ крупной промышленности, у насъ не только абсолютно ничтожно, но и относительно, по сравненію со всей массой народа, изъ года въ годъ падаетъ, такъ какъ приростъ промышленнаго пролетаріата ниже, чѣмъ естественный приростъ населенія.

В. В. возлагалъ свои надежды на то, что правительство пойметъ наконецъ свою ошибку, откажется отъ безплодныхъ попытокъ поддерживать нежизнеспособный на нашей почвѣ капитализмъ и откроетъ эру реформъ въ духѣ укрѣпленія народнаго производства. Революціонные народники, принимая тезисъ В. В., дѣлали изъ него совершенно иные выводы. Не вѣру въ правительство, а вѣру въ себя, въ осуществимость своей соціально-революціонной миссіи, укрѣпляла въ нихъ эта теорія. Они разсуждали такъ: на Западѣ, гдѣ буржуазія пустила глубокіе корни, созданная ею и опирающаяся на нее государственная власть также представляетъ крупную силу, съ которой въ состояніи бороться лишь могучее народное движеніе. У насъ же, наоборотъ, буржуазія держится за правительство, которое въ свою очередь не имѣетъ никакой опоры въ существующихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ и есть всецѣло пережитокъ прошлаго. На этомъ основывалась увѣренность, что немногочисленная, но хорошо организованная группа революціонеровъ можетъ осуществить политическій переворотъ, и что послѣ такого переворота русскій капитализмъ разсѣется, какъ дымъ, и не поставитъ никакихъ препятствій быстрому преобразованію Россіи въ духѣ тѣхъ соціалистическихъ началъ, которыя заложены въ общинномъ землевладѣніи и мелкомъ кустарномъ производствѣ.

„Наши разногласія“ даютъ сжатую, но исчерпывающую по существу и блестяще выполненную критику всего этого комплекса идей, столь характерныхъ для тогдашняго народничества. Обнаруживъ полную недостовѣрность статистическихъ данныхъ, съ которыми оперировалъ В. В., Плехановъ вскрываетъ затѣмъ неправильность пріемовъ, употребляемыхъ этимъ авторомъ, и показываетъ, что, даже на основаніи тѣхъ же самыхъ, завѣдомо пріуменьшенныхъ, официальныхъ свѣдѣній, дѣйствительный приростъ промышленнаго пролетаріата долженъ быть опредѣленъ значительно выше того уровня, который

могъ бы оправдать оптимистическое убѣжденіе въ неспособности русскаго капитализма къ развитію. Переходя къ вопросу объ отсутствіи у русскаго капитализма рынковъ, Плехановъ отмѣчаетъ, что и тутъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ діалектическихъ противорѣчій капитализма, подлинный смыслъ которыхъ не уловимъ для отвлеченно-разсудочнаго мышленія. Капитализмъ не можетъ существовать, не имѣя сбыта для производимыхъ имъ товаровъ,—это безспорно. Но, съ другой стороны, не менѣе безспорно и то, что рѣшительно во всѣхъ странахъ капитализмъ въ моментъ своего возникновенія не имѣлъ передъ собой готоваго рынка, ибо докапиталистическіе способы хозяйства не знали этой экономической категоріи. Противорѣчіе разрѣшается тѣмъ, что самымъ процессомъ своего развитія капитализмъ создаетъ для себя рынокъ. „Переходъ всякой страны отъ натуральнаго хозяйства къ денежному необходимо сопровождается огромнымъ расширеніемъ ея внутренняго рынка, и, безъ сомнѣнія, этотъ рынокъ всецѣло достанется у насъ нашей буржуазіи. Но это еще не все. Предусмотрительный капиталистъ предвидитъ уже его переполненіе и спѣшитъ пріобрѣсти рынки внѣшніе... Ошибочно было бы думать, что страны, ранѣе другихъ выступившія на путь капитализма, имѣютъ или могутъ навсегда сохранить монополію наиболѣе дешеваго провоза, наименѣе дорогого производства и наилучшаго качества товаровъ... Правда, современныя производительныя силы далеко опережаютъ въ своемъ ростѣ возможность расширенія сбыта, международный рынокъ близится къ окончательному переполненію, періодическіе кризисы стремятся перейти въ одинъ сплошной хроническій кризисъ“ [1]). Но, пока еще этого не случилось, ничто не мѣшаетъ Россіи отвоевать себѣ мѣсто на международномъ рынкѣ, какъ въ свое время Франція отвоевала себѣ мѣсто у Англіи, Германія у Франціи и т. п. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи Россія не представляетъ собой ничего принципіально отличнаго отъ другихъ странъ въ соотвѣтственный періодъ ихъ развитія.

Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается авторъ „Нашихъ разногласій“ на тѣхъ хозяйственныхъ особенностяхъ Россіи, которыя, по мнѣнію народниковъ, гарантируютъ намъ отличный отъ европейскаго типъ развитія, непосредственный переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ соціализму. На первый планъ выступаетъ здѣсь общинное землевладѣніе. Подходя къ этой твердынѣ народнаго производства, возбуждавшей въ семидесятникахъ такія радужныя надежды, Плехановъ отмѣчаетъ прежде всего, что „сущность дѣла заключается не въ юридическихъ н о р м а х ъ, а въ экономическихъ ф а к т а х ъ. Факты же эти показываютъ, что во многихъ и многихъ мѣстностяхъ община настолько искажена неблагопріятными ей вліяніями, что изъ средства защиты производителей противъ капиталистической эксплоа-

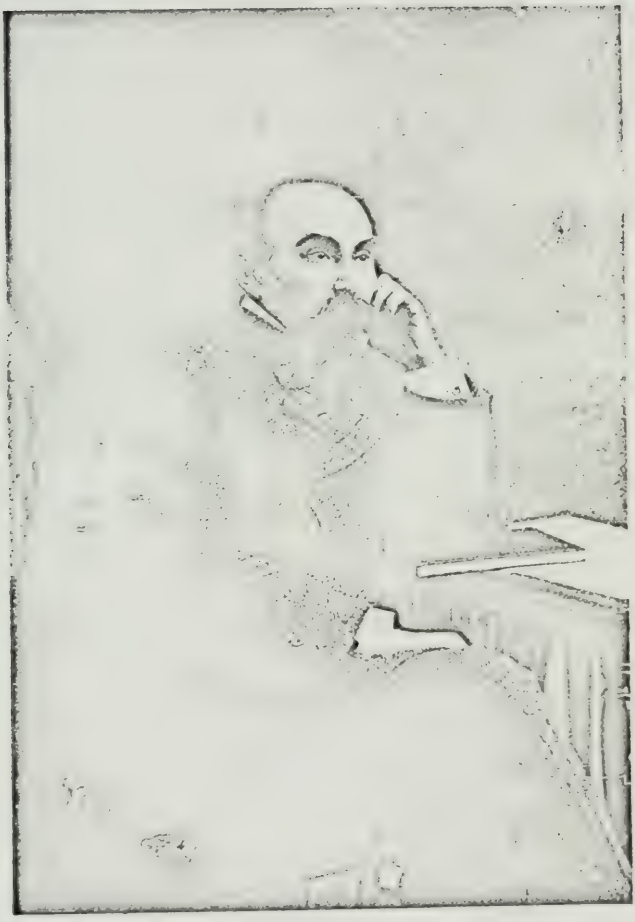
[1]) „Наши разногласія“, стр. 153—155.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВѢКА

1890—1910

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ПРОФ.
С. А. ВЕНГЕРОВА

ИЗД.
Т-ВА „МІРЪ"
МОСКВА



Георгій Валентиновичъ Плехановъ.

таціи она превращается въ могучее орудіе этой послѣдней“ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, какъ свидѣтельствуютъ статистическія данныя и многочисленныя наблюденія, собранныя въ народнической литературѣ того времени, многія сельскія общины уже въ восьмидесятыхъ годахъ разслоились на „умственныхъ хозяйственныхъ мужичковъ“, прибравшихъ къ своимъ рукамъ всю мірскую землю, и мірскихъ паріевъ, которые, по выраженію одного изъ персонажей Златовратскаго, „Христомъ Богомъ просятъ“, чтобы ихъ развязали съ землей [2]). И своеобразіе русскаго общиннаго землевладѣнія сказывается лишь въ томъ, что безхозяйственные паріи, вмѣсто того, чтобы получать аренду за сданную надѣльную землю, вынуждены нерѣдко еще сами приплачивать хозяйственнымъ мужичкамъ, любезно соглашающимся освободить ихъ отъ земельной тяготы. Этотъ на первый взглядъ парадоксальный фактъ объясняется крайнимъ несоотвѣтствіемъ между доходностью крестьянской земли и лежащими на ней платежами: какъ показываютъ данныя, охватывающія 37 губерній Европ. Россіи, бывшіе государственные крестьяне отдаютъ государству безъ малаго 93% чистаго дохода, даваемаго землей, а бывшіе помѣщичьи даже 192%, т.-е. почти вдвое больше суммы чистаго дохода [3]). Между тѣмъ, этотъ непомѣрный фискальный гнетъ является однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ сохраненія общинныхъ устоевъ. Передѣлы, въ которыхъ выражается единственная дѣйствительно уравнительная тенденція русской общины, часты тамъ, гдѣ подати особенно сильно превышаютъ доходность земли; наоборотъ, тамъ, гдѣ доходность земли превышаетъ лежащіе на ней платежи, гдѣ, слѣдовательно, развитіе народнаго производства находится, повидимому, въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ, передѣлы становятся все рѣже и рѣже и обнаруживаютъ стремленіе прекратиться вовсе. Но „удлиненіе сроковъ передѣловъ, явившееся какъ результатъ неравенства между общинниками, ведетъ лишь къ усиленію неравенства и окончательному подрыву сельской общины“ [4]). Особенно могучее разлагающее вліяніе на общину оказываетъ власть денегъ, которая неудержимо укрѣпляется въ деревнѣ благодаря тѣмъ же фискальнымъ требованіямъ и въ первую голову благодаря выкупной операціи. „Выкупная операція приводитъ крестьянскій міръ къ противорѣчію, разрѣшимому лишь посредствомъ окончательнаго разрушенія общины. Въ силу привычки, преданія, а частью и сознательнаго убѣжденія, онъ стремится сохранить старый коллективный принципъ владѣнія землей, послѣ того, какъ способъ пріобрѣтенія этой земли сталъ всецѣло основываться на новомъ, денежномъ индивидуалистическомъ принципѣ“ [5]).

---

[1]) „Наши разногласія“, стр. 159—160.
[2]) Тамъ же, стр. 167.
[3]) Тамъ же, стр. 167—170.
[4]) Тамъ же, стр. 183.
[5]) Тамъ же, стр. 195.

Съ не меньшей убѣдительностью удалось Плеханову показать ненадежность другого устоя народнаго производства—русскаго кустарничества. Сама народническая литература изобиловала фактами, свидѣтельствующими о глубокой экономической дифференціаціи кустарей, о полной фиктивности ихъ связей съ землей, о томъ, наконецъ, что кустари въ огромномъ своемъ большинствѣ уже превратились въ рабочихъ такъ называемой домашней системы капиталистическаго производства. Плеханову оставалось лишь поставить точки надъ і. „Если послѣ всего сказаннаго,—заключаетъ онъ свой анализъ,—мы еще разъ спросимъ себя, пройдетъ ли Россія черезъ школу капитализма, то, не колеблясь, можемъ отвѣтить новымъ вопросомъ—почему бы ей не окончить той школы, въ которую она уже п о с т у п и л а?“ [1]). Капитализмъ — не перспектива, грозящая Россіи въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, а несомнѣнный фактъ текущей русской дѣйствительности.

И, какъ мы видимъ, фактъ этотъ былъ установленъ Плехановымъ не на основаніи какихъ-либо новыхъ, дотолѣ никому неизвѣстныхъ данныхъ, а исключительно на основаніи того матеріала, съ которымъ оперировали популярные народническіе писатели 70-хъ и 80-хъ годовъ: В. В., Николай—онъ, Пругавинъ и др. Въ настоящее время, когда наличность капитализма въ Россіи стала трюизмомъ, даже неблагосклонный къ марксистамъ читатель вынужденъ будетъ признать, что многіе выводы „Нашихъ разногласій“ совершенно безспорны, а общая картина экономическаго развитія тогдашней Россіи нарисована авторомъ этой книги гораздо правильнѣе, чѣмъ его противниками. И, однако, для своего времени идеи Плеханова были настолько новы, настолько непривычны, такъ рѣзко расходились съ установившимися среди русской интеллигенціи взглядами, что не имѣли почти никакого непосредственнаго успѣха. Не только старые народники, духовно сложившіеся въ 70-хъ годахъ, оставались непоколебимыми, но и радикальная молодежь, выступившая на арену сознательной общественной дѣятельности во второй половинѣ 80-хъ годовъ, долгое время сторонилась пропаганды группы „Освобожденіе Труда“, инстинктивно ухватываясь за народовольческое знамя. И потребовалось цѣлое десятилѣтіе для того, чтобы подготовить русскую интеллигенцію къ воспріятію истинъ, казалось бы, столь очевидныхъ, столь бьющихъ въ глаза. Въ чемъ же тутъ дѣло? Было бы наивно приписывать эту невоспріимчивость интеллигенціи ея невѣжеству или ея неспособности къ логическому мышленію. Не въ разумѣ, а въ чувствѣ лежала причина интересующаго насъ явленія, не въ пониманіи, а въ міровоззрѣніи, дающемъ тотъ основной фонъ, который служитъ предпосылкой всякаго пониманія въ соціальной области. Въ качествѣ главнаго источника „Нашихъ разногласій“ опять и опять встаетъ

[1]) „Наши разногласія“, стр. 203.

передъ нами та противоположность между метафизической и діалектической точками зрѣнія, которую мы уже не разъ отмѣчали выше. „Здѣсь-то, на отношеніи къ этому процессу коренной передѣлки нашихъ деревенскихъ „устоевъ“,—пишетъ Г. В. Плехановъ,—и выясняется все безсиліе того міросозерцанія, которое Марксъ и Энгельсъ заклеймили названіемъ метафизическаго. Для метафизика вещи и ихъ умственные образы, т.-е. понятія суть отдѣльные, неизмѣнные, застывшіе, разъ навсегда данные предметы, подлежащіе изслѣдованію одинъ послѣ другого и одинъ независимо отъ другого. Онъ мыслитъ законченными, непосредственными противоположеніями; рѣчь его состоитъ изъ: да-да, нѣтъ-нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго. Для него вещь существуетъ или не существуетъ, для него предметъ не можетъ быть самимъ собою и одновременно быть чѣмъ-нибудь другимъ“. Именно таковы міросозерцаніе и пріемы мысли г. Тихомирова. Для него „народъ“ есть застывшее, неизмѣнное, разъ навсегда данное понятіе; для него община „существуетъ или не существуетъ“; для него крестьянинъ-общинникъ „не можетъ быть самимъ собою и одновременно быть чѣмъ-нибудь другимъ“, т.-е., въ данномъ случаѣ, представителемъ принципа индивидуализма, невольнымъ, но зато и неудержимымъ разрушителемъ общины. Г. Тихоміровъ „мыслитъ законченными противоположеніями“; ему непонятно, какъ можно признавать полезное дѣйствіе капитализма и въ то же время организовать рабочихъ для борьбы съ нимъ; какъ можно отстаивать принципъ коллективизма и въ то же время видѣть торжество прогресса въ разложеніи одного изъ конкретныхъ проявленій этого принципа“ [1]).

Плехановъ характеризуетъ здѣсь діалектику преимущественно какъ особый способъ пониманія, какъ опредѣленный методъ научнаго изслѣдованія. И таково, дѣйствительно, обычное среди марксистовъ опредѣленіе діалектики: діалектика есть методъ, требующій, чтобы предметы изслѣдованія разсматривались не какъ изолированныя и законченныя вещи, а въ неразрывной связи другъ съ другомъ и въ процессѣ становленія. Не трудно, однако, замѣтить, что это опредѣленіе отнюдь еще не исчерпываетъ собой характерныхъ особенностей марксистской діалектики. Вѣдь совершенно такъ же,—т.-е. въ общей связи и въ процессѣ развитія,—разсматриваютъ вещи и буржуазные эволюціонисты. Чтобы отмежеваться отъ этихъ послѣднихъ, марксисты обыкновенно прибавляютъ, что діалектика въ отличіе отъ эволюціи допускаетъ не только медленное развитіе, но и революціонные скачки, катастрофы, возникающія какъ результатъ перехода непрерывныхъ количественныхъ измѣненій въ качественныя различія. На это имъ совершенно основательно возражаютъ, что отрицаніе рѣзкихъ качественныхъ перемѣнъ диктуется скорѣе личными симпатіями большинства эволюціонистовъ,

[1]) „Наши разногласія“, стр. 199—200.

нежели объективной логикой ихъ теоріи, что существуютъ отдѣльные эволюціонисты, которые, нимало не поступаясь основами своей теоріи и отнюдь не становясь діалектиками, признаютъ скачки и перерывы въ развитіи. Уже изъ цитированной выше тирады Плеханова, направленной противъ Льва Тихомирова, видно, что діалектическое отношеніе къ дѣйствительности,—по крайней мѣрѣ, къ дѣйствительности соціально-исторической—не исчерпывается тѣми или другими пріемами теоретизированія, но предполагаетъ наряду съ этимъ наличность особаго душевнаго строя, особаго внутренняго воспріятія окружающаго міра. Вѣдь когда Плехановъ говоритъ, напримѣръ, о томъ, что можно „признавать" полезное дѣйствіе капитализма и „организовать" рабочихъ для борьбы съ нимъ, то дѣло идетъ здѣсь не о діалектическомъ построеніи разума, а о діалектической настроенности воли, объ опредѣленномъ синтезѣ противорѣчивыхъ на первый взглядъ чувствъ, желаній и связанныхъ съ ними дѣйствій. Для соціалиста-метафизика, если онъ пришелъ къ убѣжденію въ неотвратимости капитализма, этотъ послѣдній является лишь печальной исторической необходимостью, которую волей-неволей приходится претерпѣть, въ лучшемъ случаѣ позаимствовавъ у своего врага кое-какія полезныя пріобрѣтенія. Съ точки зрѣнія соціалиста-діалектика капитализмъ есть не только внѣшняя, но и внутренняя необходимость исторіи, необходимый моментъ въ развитіи человѣчества къ соціализму. Только совершенное торжество индивидуализма, до конца осуществившаго всѣ скрытыя въ немъ возможности, въ состояніи подготовить всю полноту духовныхъ и матеріальныхъ богатствъ грядущей соціалистической культуры. Не отметать буржуазную культуру долженъ рабочій классъ и не брать у нея отдѣльные полезные уроки, а воспринять ее всю цѣликомъ, какъ неразрывное органическое цѣлое, пройти ее до конца и претворить въ высшемъ синтезѣ. Лишь тогда онъ реально и положительно, а не путемъ одного отвлеченнаго отрицанія, „преодолѣетъ" своего историческаго врага, побѣдитъ его не только внѣшне, но и внутренно, діалектически „сниметъ" противорѣчія современнаго общества, т.-е. уничтожитъ ихъ какъ противорѣчія сохранивъ, какъ моменты новой гармоніи.

Только къ такимъ историческимъ движеніямъ, только къ такимъ внутренно-необходимымъ моментамъ историческаго прогресса и относится знаменитая фраза автора діалектики Гегеля: „Все дѣйствительное—разумно". Положеніе это, говоритъ Плехановъ въ одной изъ самыхъ глубокихъ и блестящихъ своихъ статей [1]), было принято иными за философское выраженіе самаго упрямаго консерватизма. Вообще говоря, это была ошибка. По логикѣ Гегеля, далеко не все существующее было дѣйствительнымъ. Дѣйствительное выше

---

[1]) „Бѣлинскій и разумная дѣйствительность". См. сборникъ статей „За 20 лѣтъ". С.ПБ. 1905.

просто существующаго („die Wirklichkeit steht höher als die Exishtenz"). Случайное существованіе не есть дѣйствительное существованіе. Дѣйствительное необходимо: „дѣйствительность развертывается, какъ необходимость". Подъ необходимостью же Гегель разумѣлъ отнюдь не всякую вообще причинную зависимость. „Понимаемая такимъ вульгарнымъ и поверхностнымъ образомъ необходимость есть лишь обратная сторона случайности. У Гегеля она имѣла другое значеніе. Когда онъ говорилъ, что данное общественное явленіе необходимо, это значило, что оно подготовлено внутреннимъ развитіемъ той страны, въ которой совершается... Да и это еще не все. По смыслу его философіи, всякое явленіе въ процессѣ своего развитія само изъ себя создаетъ тѣ силы, которыя его отрицаютъ". Поэтому понять процессъ нарожденія элементовъ, отрицающихъ данный общественный порядокъ, значитъ понять также и процессъ отмиранія стараго порядка [1]).

Гегелевская философія вошла въ составъ марксистской теоріи въ существенно измѣненномъ видѣ: изъ идеалистической она превратилась въ матеріалистическую, изъ ученія о саморазвитіи мірового духа—въ ученіе о борьбѣ общественныхъ классовъ за свои матеріальные интересы, опредѣляемые уровнемъ развитія производительныхъ силъ общества. Большинство теоретиковъ марксизма—не только у насъ, но и заграницей—склоняется къ мысли, что при такомъ превращеніи ученіе Гегеля, какъ „философія", какъ міросозерцаніе, исчезаетъ безслѣдно, завѣщавъ своимъ матеріалистическимъ наслѣдникамъ лишь нѣкоторые методологическіе пріемы. Г. В. Плехановъ понимаетъ связь между марксизмомъ и гегеліанствомъ гораздо глубже. Для него, какъ и для Гегеля, вопросы методологіи не отдѣлимы отъ основъ міросозерцанія; теорія познанія, какъ дисциплина, независимая отъ онтологіи, т.-е. отъ философіи бытія, не существуетъ; „духъ" гегеліанства, „матеріализованный" въ марксизмѣ, пріобрѣтаетъ здѣсь плоть и кровь, но не утрачиваетъ ничего изъ своего существеннаго философскаго содержанія. Какъ извѣстно, еще Энгельсъ утверждалъ, что нѣмецкій философскій идеализмъ, нашедшій свое высшее воплощеніе въ Гегелѣ, не умеръ вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ, что соціалъ-демократія и только соціалъ-демократія является дѣйствительной наслѣдницей и продолжательницей классической нѣмецкой философіи. Г. В. Плехановъ—едва ли не единственный среди современныхъ марксистовъ, принимающій этотъ завѣтъ Энгельса въ его полномъ объемѣ, не устающій раскрывать гегеліанскую душу марксизма, и въ этомъ—его крупнѣйшая заслуга не только передъ русскимъ, но и вообще передъ европейскимъ марксизмомъ.

Среди прочихъ дѣятелей группы „Освобожденіе Труда" видную роль въ развитіи русскаго марксизма сыграли В. И. Засуличъ и

---

[1]) „Бѣлинскій и разумная дѣйствительность", стр. 206—207.

П. Б. Аксельродъ. В. И. Засуличъ, покинувшая Россію вскорѣ послѣ своего извѣстнаго процесса, была одною изъ первыхъ среди эмигрантовъ народническаго направленія, примкнувшихъ къ марксизму. Ей принадлежатъ работы, освѣщающія съ марксисткой точки зрѣнія ученія Руссо и Вольтера [1]) и цѣлый рядъ публицистическихъ статей, посвященныхъ выясненію основъ марксизма въ связи съ различными злободневными вопросами русской литературы и жизни [2]). Ближайшій сподвижникъ Плеханова, П. Б. Аксельродъ поставилъ своей главной задачей не разъясненіе вопросовъ общей теоріи, а примѣненіе этой послѣдней къ политической практикѣ русскаго марксизма, къ тактическимъ задачамъ партіи россійскаго рабочаго класса. Въ этой области авторитетъ его въ глазахъ многихъ русскихъ марксистовъ, въ особенности такъ называемаго „меньшевистскаго" направленія, стоитъ очень высоко. Но въ настоящемъ очеркѣ, посвященномъ исключительно русскимъ теоретикамъ марксизма, мы не можемъ касаться проблемъ тактическаго порядка, а поэтому переходимъ прямо ко второму періоду въ исторіи русскаго марксизма,—къ періоду его идейной гегемоніи надъ умами интеллигенціи.

II.

Десятилѣтіе отдѣляетъ этотъ періодъ отъ момента возникновенія группы „Освобожденіе Труда",—десятилѣтіе, въ теченіе котораго, при полномъ отсутствіи сколько-нибудь яркихъ внѣшнихъ событій, глубокія перемѣны совершились какъ въ нѣдрахъ самой русской интеллигенціи, такъ и въ окружавшей ее соціально-политической обстановкѣ.

Россія пережила эпоху промышленнаго подъема, сопровождавшагося такимъ мощнымъ расцвѣтомъ капитализма, что все меньше и меньше становилось людей, искренно вѣрующихъ въ самобытный путь нашего хозяйственнаго развитія. В. В. и Николай—онъ продолжали еще упорно отстаивать свои теоретическія выкладки, доказывавшія невозможность у насъ капитализма, но это было скорѣе упорство отчаянія. Наиболѣе популярные литераторы народничества съ крупнѣйшимъ теоретикомъ этого направленія, Н. К. Михайловскимъ, во главѣ не хотѣли даже болѣе называться „народниками" [3]). И, дѣйствительно, того народничества, которое питало энтузіазмъ великаго интеллигентскаго движенія 70-хъ и начала 80-хъ годовъ, въ сущности уже не существовало. „Народная Воля", какъ партія,

---

[1]) „Жанъ-Жакъ Руссо" и „Вольтеръ, его жизнь и литературная дѣятельность", см. *В. И. Засуличъ*, „Сборникъ статей", т. I. СПБ. 1907. Стр. 1—213.

[2]) См. только что цитированный „Сборникъ статей", преимущественно т. II.

[3]) Полемизируя съ марксистами 90-хъ годовъ, Михайловскій просилъ не смѣшивать направленіе редактируемаго имъ „Русскаго Богатства" съ народничествомъ. „Капитализъ идетъ,—писалъ онъ,—это несомнѣнно; вопросъ только въ томъ, какъ его встрѣтить".

какъ конкретная общественно-политическая сила, была окончательно разбита и сохранялась лишь какъ отвлеченное знамя, какъ священная идеологическая реликвія. Дѣятельность „въ народѣ“ свелась исключительно и всецѣло къ такъ называемой культурной работѣ, представителями которой были земскіе агрономы, земскіе учителя, устроители сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, кустарныхъ складовъ и т. д., и т. п.

Культурные работники „на нивѣ народной“ заслуживали, разумѣется, всяческаго уваженія, но совершенно очевидно, что труды ихъ не имѣли ничего общаго съ прокладываніемъ новыхъ и самобытныхъ путей историческаго развитія, а вносили лишь въ крестьянскую жизнь плоды той самой европейской „цивилизаціи“, одного прикосновенія которой, по свидѣтельству Глѣба Успенскаго, было достаточно для того, чтобы разрушить вѣковые устои деревенской „гармоніи“. Такимъ образомъ, на практикѣ народничество все сильнѣе и сильнѣе сливалось съ нашимъ земскимъ либерализмомъ; и все большей и большей фальшью звучали для каждаго чуткаго уха попытки освятить эту высоко-полезную, но трезво-буржуазную дѣятельность традиціонной фразеологіей утопическаго соціализма.

Съ другой стороны, въ 90-хъ годахъ началъ разсѣиваться маразмъ политической усталости и разбитости, характеризовавшей интеллигентскія настроенія предыдущихъ лѣтъ. Явились попытки придать нашему либерализму болѣе организованный и рѣшительный характеръ (партія „Народнаго Права“), отовсюду повѣяло новымъ духомъ. Авангардомъ пробуждающагося политическаго движенія, по исконной русской традиціи, явилась учащаяся молодежь, въ средѣ которой снова закипѣла дѣятельность тайныхъ обществъ, бывшихъ въ сущности простыми „кружками саморазвитія“, но искренно считавшихъ себя политическими и въ большинствѣ случаевъ „народовольческими“ организаціями.

Въ политическомъ самоопредѣленіи этого авангарда крупную роль сыграло одно характерное для 90-хъ годовъ, но мало примѣтное для широкой публики явленіе, которое можно бы назвать „хожденіемъ народа въ интеллигенцію“. Я имѣю въ виду, разумѣется, не народъ деревни, а народъ города, народъ фабричнаго поселка, который успѣлъ уже къ этому времени пройти хорошую жизненную школу и выдѣлилъ зачатки собственной интеллигенціи. Въ противоположность тѣмъ отдѣльнымъ развитымъ рабочимъ, которые, примыкая къ народническому движенію 70-хъ годовъ, тѣмъ самымъ вынуждались порвать со своей средой и раствориться въ массѣ разночинной интеллигенціи, эти новые передовые рабочіе нуждались въ помощи радикальной интеллигенціи именно какъ представители среды, какъ ея наиболѣе энергичные и вліятельные дѣятели. И если въ столицахъ и крупныхъ центрахъ этимъ ходокамъ фабричнаго пролетаріата сравнительно легко было найти подходящихъ руководителей, то въ глухой провинціи имъ приходилось порой проявить

поистинѣ героическую настойчивость, перебрать поодиночкѣ чуть ли не всѣхъ мѣстныхъ интеллигентовъ, начиная съ фельдшеровъ губ. земской больницы и кончая учителями казенной гимназіи, пока, наконецъ, они не набредали на какого-нибудь пріѣхавшаго на вакаціи студента, который бы пожелалъ и хоть отчасти былъ въ силахъ удовлетворить ихъ запросамъ. Студентъ этотъ, какъ общее правило, считалъ себя народовольцемъ и тотчасъ же принимался за пропаганду своихъ догматовъ. Ему обыкновенно не возражали, соглашались и съ желательностью избѣжать капитализма, и съ цѣлесообразностью заговорщицкой организаціи; все это, быть можетъ, и такъ, но все это—потомъ,—теперь же необходимо разрѣшить цѣлый рядъ насущныхъ, не терпящихъ ни малѣйшаго отлагательства, вопросовъ: какъ объединить разрозненныя и нерѣдко какъ будто противорѣчивыя требованія отдѣльныхъ рабочихъ группъ въ ихъ общей борьбѣ съ хозяевами? Какъ шло до сихъ поръ рабочее движеніе заграницей и чему оно можетъ насъ научить? Каково должно быть отношеніе рабочихъ къ политической злобѣ дня? и т. д., и т. п. И чѣмъ тѣснѣе связывалъ себя юный пропагандистъ съ этой неожиданно развернувшейся передъ нимъ дѣятельностью, чѣмъ глубже входилъ онъ въ ея интересы, тѣмъ отчетливѣе чувствовалъ, что священное „потомъ“ не только отодвигается въ безконечную даль, но и стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи со всей его общественной работой, направленной на организацію одной изъ силъ развивающагося капиталистическаго строя, а отнюдь не на предотвращеніе самаго его развитія. Марксистская теорія, пробившая себѣ, начиная съ 1894 года, широкій путь въ русской легальной печати, была для такого интеллигента истиннымъ откровеніемъ: она смѣло и послѣдовательно формулировала то, что онъ смутно чувствовалъ и въ чемъ не рѣшался признаться самому себѣ.

Такимъ образомъ, съ двухъ сторонъ подготовлялась гегемонія марксизма въ прогрессивной русской литературѣ: во-первыхъ, народничество, задававшее до тѣхъ поръ тонъ нашей оппозиціонной мысли, переживало глубокій кризисъ: по мѣрѣ того, какъ тѣ немногіе народники-радикалы, которые остались вѣрны завѣтамъ „Народной Воли“, теряли почву подъ ногами, все смѣлѣе и смѣлѣе поднимала голову „абрамовщина“, внѣшне-народническая проповѣдь „малыхъ дѣлъ“, превратившая соціалистическое знамя бунтарей въ мирную этикетку надъ буржуазной дѣйствительностью [1]); во-вторыхъ, благодаря пробужденію самосознанія въ рабочемъ классѣ, духъ марксизма получилъ возможность облечься въ плоть и кровь общественно-политическаго движенія. И это послѣднее обстоятельство было особенно важно не только для соціалистической интеллигенціи, но и для тѣхъ

---

[1]) Кризисъ народничества не привелъ къ его полному вырожденію; въ 1900-хъ годахъ революціонное народничество возродилось снова, но этотъ періодъ уже выходитъ изъ рамокъ настоящаго очерка.

V. А. Д. Кантемиръ.

Кромѣ очень многаго другого, отъ вниманія Татищева не ушелъ и вопросъ о чистотѣ русскаго языка. Татищевъ понималъ, что намъ никакъ нельзя было обойтись безъ заимствованій изъ другихъ языковъ. "Однакожъ, — предостерегалъ онъ, — между принятыми изъ чужихъ много такихъ словъ, что таковыя жъ на нашемъ имѣемъ и лучше разумѣемъ, и для того оныхъ вносить во употребленіе весьма не полезно"*). Уборка языка, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ слишкомъ часто забываемая русскими писателями, даже тѣми, которые принадлежатъ къ демократическому лагерю и которымъ слѣдовало бы помнить, что у насъ, какъ и во всемъ мірѣ, трудящаяся масса иностранныхъ языковъ не изучаетъ.

Но литература собственно такъ называемая мало влекла къ себѣ Татищева. Въ ученой дружинѣ самымъ виднымъ по части литературы былъ князь А. Д. Кантемиръ.

Его сатиры могутъ быть названы классическими въ томъ смыслѣ, что мы знакомимся съ ними еще въ школѣ. Но онъ писалъ не только сатиры. Онъ

---

*) Разговоръ, стр. 95–96.

Изъ „Исторіи русской общественной мысли" Г. В. Плеханова (факсимиле).

широкихъ круговъ просвѣщеннаго „общества“, которые ни по своимъ симпатіямъ, ни по своему темпераменту не были склонны стать въ ряды дѣятелей активнаго марксизма. Въ новой русской исторіи рабочее движеніе было первымъ народнымъ движеніемъ, направленнымъ къ достиженію политическихъ свободъ, первой крупной общественной силой, помогавшей осуществленію идеаловъ либерализма. Это было ясно съ самаго начала, даже въ тѣ годы, когда рабочіе еще не выставляли широкихъ политическихъ лозунговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ энергичная, хотя и условная, „діалектическая“, защита марксистами буржуазной культуры противъ догматическаго отрицанія ее народниками также склоняла къ марксизму сердца передовыхъ представителей либеральнаго общества. Идейная гегемонія марксизма не была, какъ мы видимъ, дѣйствительнымъ торжествомъ марксистскаго міровоззрѣнія среди большинства русской интеллигенціи,—такая гегемонія могла бы имѣть мѣсто лишь въ странѣ, находящейся наканунѣ соціалистическаго переворота, — это былъ просто временный союзъ между небольшой, но энергичной группой марксистовъ и многочисленной, но распыленной, не организованной еще ни въ идейномъ, ни въ общественномъ смыслѣ, массой либераловъ.

Интересами этого союза, направленнаго противъ реакціонной идеологіи какъ офиціальныхъ сферъ, такъ и выродившихся представителей демократіи, и опредѣлялись главныя линіи развитія марксистской мысли въ разсматриваемый періодъ.

Первой задачей марксизма, получившаго, наконецъ, возможность выразиться въ легальной русской печати, было ознакомленіе широкихъ круговъ читающей публики съ основами своей теоріи въ ея подлинномъ видѣ, устраненіе тѣхъ односторонніхъ толкованій и прямыхъ извращеній ея, въ которыя вольно или невольно впадали народническіе писатели, выступившіе въ полемическій походъ противъ марксизма задолго до его появленія въ легальной прессѣ. Наиболѣе удачное и исчерпывающее рѣшеніе этой задачи далъ Плехановъ въ своей—подписанной псевдонимомъ „Н. Бельтовъ“—книгѣ „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“. Здѣсь прежде всего устанавливается генетическая и логическая связь между экономическимъ матеріализмомъ (Н. Бельтовъ не безъ основанія предпочитаетъ называть его „діалектическимъ“) и болѣе ранними попытками матеріалистическаго истолкованія исторіи. Народники, считая себя продолжателями Чернышевскаго, Добролюбова и другихъ нашихъ просвѣтителей 60-хъ годовъ, также отстаивали матеріализмъ, но лишь въ самомъ широкомъ и общемъ смыслѣ,—экономическій матеріализмъ представлялся имъ въ высшей степени односторонникъ и уродливымъ примѣненіемъ матеріалистическихъ идей къ исторіи. Н. Бельтовъ, давъ обстоятельный очеркъ идей классическаго французскаго матеріализма, показываетъ, что историческая философія Маркса является органически необходимымъ развитіемъ этого послѣдняго, единственно возможнымъ на матеріалистической

почвѣ разрѣшеніемъ тѣхъ противорѣчій, въ которыя уперся французскій матеріализмъ, но которыхъ онъ, оставаясь на своей „просвѣтительной“ позиціи, не могъ преодолѣть. Въ самомъ дѣлѣ, и французскіе просвѣтители 18-го вѣка и находившіеся подъ ихъ вліяніемъ историки первой половины 19-го вѣка приходятъ къ выводу, что всѣ проявленія умственной жизни человѣка,—его убѣжденія, его литературные и художественные вкусы, его вѣрованія,—опредѣляются характеромъ общественной среды. Но что же такое эта среда? Общественная среда есть совокупность созданныхъ человѣкомъ учрежденій, а учрежденія, согласно просвѣтительской философіи, являются продуктомъ развитія (или недоразвитія) человѣческаго Разума. Получается порочный кругъ; и чтобы выбиться изъ него, надо, очевидно, свести „среду“, опредѣляющую направленіе человѣческой воли и мысли, къ какимъ-либо явленіямъ, возникающимъ независимо отъ сознательной воли и мысли. Теорія Маркса и вскрываетъ эту матеріалистическую основу общественной среды въ тѣхъ экономическихъ отношеніяхъ, въ которыя непроизвольно, подъ вліяніемъ стихійнаго развитія производительныхъ силъ, становятся другъ къ другу различные общественные классы или группы. Таковъ основной скелетъ книги Бельтова. Попутно онъ исправляетъ тѣ искаженія и упрощенія, которымъ подверглась марксистская теорія въ литературѣ ея противниковъ. По широко распространенному въ тѣ годы мнѣнію, марксисты—и въ особенности русскіе марксисты—это грубые люди, которые чужды высшимъ запросамъ мысли, смѣются надъ всякими идеалами и не признаютъ ничего, кромѣ низменныхъ, утробныхъ интересовъ. Бельтову не трудно было показать, что экономическій матеріализмъ не имѣетъ ничего общаго съ такимъ практическимъ преобладаніемъ интересовъ брюха надъ интересами духа; наоборотъ, ни одно изъ общественныхъ направленій современной Европы не проникнуто такимъ нравственнымъ идеализмомъ, какъ идущая подъ знаменемъ марксовой теоріи соціалъ-демократія. Да и въ области теоріи экономическій матеріализмъ отнюдь не означаетъ усиленнаго подчеркиванія экономическаго фактора въ противовѣсъ всѣмъ остальнымъ сторонамъ общественной жизни, какъ второстепеннымъ или ничтожнымъ. Самое стремленіе раздробить неразрывное діалектическое единство общественнаго процесса на отдѣльные „факторы“ или стороны и затѣмъ отвлеченно противопоставить эти послѣдніе другъ другу, какъ какія-то самостоятельныя, застывшія вещи, подлежащія взвѣшиванію,—самая эта идея факторовъ исторіи въ корнѣ противорѣчитъ основному принципу марксистской философіи. Историческая теорія Маркса рѣшительно ничего не отвергаетъ въ области духовныхъ цѣнностей культуры,—она предлагаетъ лишь строго-монистическій способъ истолкованія историческаго процесса, разсматриваемаго во всей его цѣлостности и универсальности. Она признаетъ и самоотверженный моральный энтузіазмъ, и безкорыстное служеніе истинѣ и красотѣ, и даже самостоятельные

законы развитія идей, чувствъ и вѣрованій; она хочетъ лишь указать тѣ матеріальныя условія, которыми эти законы „приводятся въ дѣйствіе", вскрыть тѣ „фактическія отношенія" между людьми, на почвѣ которыхъ получаетъ общественное признаніе тотъ или другой нравственный идеалъ [1]).

Ту же матеріалистически истолковывающую, а отнюдь не догматически отрицающую позицію занимаетъ теорія Маркса и въ вопросѣ о роли личности въ исторіи, такъ сильно волновавшемъ наше общественное мнѣніе 90-хъ годовъ и породившемъ столько крупныхъ недоразумѣній. Отрицать значеніе крупныхъ историческихъ дѣятелей, сводить ихъ работу къ нулю склонны были скорѣе наиболѣе увлекающіеся изъ матеріалистовъ просвѣтительскаго толка, напримѣръ, нашъ Писаревъ, называвшій реформы Петра I „затѣями Петра Алексѣевича" и доказывавшій совершенное ничтожество этихъ затѣй. Русскіе марксисты 90-хъ годовъ возставали лишь противъ тенденціи тогдашней народнической литературы разсматривать дѣятельность „критически мыслящихъ личностей, какъ самостоятельную историческую силу, противостоящую вліянію „*законовъ*" общественно-историческаго движенія". Этотъ послѣдній взглядъ заключалъ въ себѣ, по выраженію Плеханова, „сугубую несообразность": „критически мыслящія личности являлись *однимъ факторомъ* названнаго движенія, а *другимъ* его факторомъ служили его же собственные законы" [2]). Съ точки зрѣнія марксизма роль личностей въ исторіи не только не противорѣчитъ „понятію о законосообразности общественнаго развитія, но служитъ одной изъ самыхъ яркихъ его иллюстрацій" [3]).

Въ головѣ талантливыхъ историческихъ личностей впервые достигаютъ самосознанія и претворяются въ программу цѣлесообразной дѣятельности тѣ потребности и запросы, которые порождаетъ въ томъ или другомъ общественномъ слоѣ ходъ соціальнаго развитія. Такимъ образомъ, роль талантливыхъ людей въ исторіи огромна: это не красивая ненужность, не безполезные для народной массы затѣйники, какъ думалъ Писаревъ, а дѣйствительные вожди, подлинные организаторы историческаго процесса. Но свободная творческая инціатива таланта лишь тогда проявится въ дѣйствительности и обнаружитъ присущую ей мощь на дѣлѣ, если по направленію своему совпадетъ съ потребностями массъ, нарождающимися подъ вліяніемъ стихійныхъ силъ общественнаго развитія. „Давно уже было замѣчено, пишетъ Плехановъ, что таланты являются всюду и всегда, гдѣ и когда существуютъ общественныя условія, благопріятныя для ихъ развитія. Это значитъ, что всякій талантъ, *проявившійся въ дѣйствительности*, т.-е. всякій

---

[1]) „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію". Изд. 1906 г., стр. 171.

[2]) „За двадцать лѣтъ", стр. 478.

[3]) Тамъ же, стр. 489.

талантъ, ставшій общественной силой, есть плодъ общественныхъ отношеній"[1]). „Общественныя теченія выдвигаютъ таланты, какъ необходимые органы своего сознательнаго проявленія въ исторіи. Можетъ, конечно, случиться, что неблагопріятное стеченіе обстоятельствъ унесетъ одного за другимъ всѣхъ талантливыхъ людей, которые могли бы стать выразителями извѣстнаго направленія мысли, извѣстной школы въ искусствѣ. Но преждевременная гибель такихъ людей помѣшаетъ выразиться этому теченію только въ томъ случаѣ, если оно недостаточно глубоко, чтобы выдвинуть новые таланты. А такъ какъ глубина всякаго даннаго направленія въ литературѣ и искусствѣ опредѣляется значеніемъ его для того класса или слоя, вкусы котораго оно выражаетъ, и общественной ролью этого класса или слоя, то и здѣсь все зависитъ въ послѣднемъ счетѣ отъ хода общественнаго развитія и отъ соотношенія общественныхъ силъ"[2]).

Наряду съ возстановленіемъ въ подлинномъ и, насколько позволяла цензура, неурѣзанномъ видѣ основъ своего міросозерцанія, настоятельной задачей русскихъ учениковъ Маркса въ 90-хъ годахъ было выясненіе того мѣста, которое призванъ занять марксизмъ среди нашихъ общественныхъ направленій. Народническая пресса обвиняла марксистовъ въ томъ, что, защищая капитализмъ, они тѣмъ самымъ становятся на сторону буржуазіи, измѣняютъ демократическимъ традиціямъ русской интеллигенціи, отказываются отъ того „наслѣдства", которое было завѣщано Чернышевскимъ и другими нашими просвѣтителями 60-хъ годовъ. Среди многихъ статей и замѣтокъ, посвященныхъ въ тогдашней марксистской литературѣ этому вопросу, на первый планъ по силѣ и яркости выдвигается статья „Отъ какого наслѣдства мы отказываемся", принадлежащая Владиміру Ильину, наиболѣе выдающемуся среди той группы молодыхъ писателей марксистовъ, которая въ половинѣ 90-хъ годовъ впервые выступила на литературное поприще. Ученикъ и горячій приверженецъ Плеханова, В. Ильинъ по своему литературному темпераменту представляетъ до извѣстной степени противоположность своему учителю. Плехановъ прежде всего—философъ марксизма; на первомъ планѣ у него интересы теоретической мысли, стройность, послѣдовательность и выдержанность міросозерцанія, какъ логической системы; главное оружіе его блестящаго публицистическаго таланта—ироніа, доведеніе до комическаго абсурда тѣхъ скрытыхъ противорѣчій въ аргументаціи противниковъ, которыя онъ съ такимъ мастерствомъ умѣетъ извлекать на свѣтъ Божій. Преобладающая черта литературныхъ произведеній В. Ильина—сдержанный, но тѣмъ болѣе мощный паосъ непоколебимой вѣры, фанатической, не знающей никакихъ сомнѣній убѣжденности. Онъ можетъ быть ино-

[1]) „За двадцать лѣтъ", стр. 496.
[2]) Тамъ же, стр. 497.

гда холоденъ и даже сухъ, но это тотъ холодъ, отъ котораго бросаетъ въ жаръ, это та сухость, съ которой изрекали свои приговоры дѣятели французскаго конвента, вѣрившіе, что ихъ устами говоритъ сама объективная истина, самъ всечеловѣческій Разумъ. Отъ его ироніи всегда вѣетъ сарказмомъ; его анализъ враждебныхъ марксизму взглядовъ неизбѣжно принимаетъ характеръ разоблаченія и обличенія; даже статистическія выкладки его работъ, посвященныхъ хозяйственному развитію Россіи, дышатъ страстью и негодованіемъ. Это чистый типъ проповѣдника.

Въ упомянутой статьѣ Ильинъ доказываетъ, что марксизмъ знаменуетъ собой не „разрывъ съ лучшими традиціями лучшей части русскаго общества", а, наоборотъ, „очищеніе этихъ лучшихъ традицій" отъ тѣхъ реакціонныхъ примѣсей, которыя внесло въ нихъ народничество [1]). Въ чемъ же самые характерные, самые основные признаки наслѣдства 60-хъ годовъ? Какъ и просвѣтители западно-европейскіе, большинство нашихъ шестидесятниковъ одушевлено „горячей враждой къ крѣпостному праву и всѣмъ его порожденіямъ въ экономической, соціальной и юридической области. Это первая характерная черта „просвѣтителя". Вторая характерная черта, общая всѣмъ русскимъ просвѣтителямъ,—горячая защита просвѣщенія, самоуправленія, свободы, европейскихъ формъ жизни и вообще всесторонней европеизаціи Россіи. Наконецъ, третья характерная черта „просвѣтителя"—это отстаиваніе интересовъ народныхъ массъ" [2])... Этимъ дѣйствительно основнымъ традиціямъ 60-хъ годовъ измѣнили не марксисты, а народники. „Увлеченный желаніемъ задержать и прекратить ломку вѣковыхъ устоевъ капитализма, народникъ впадаетъ въ поразительную историческую безтактность, забываетъ о томъ, что позади этого капитализма нѣтъ ничего кромѣ такой же эксплоатаціи въ соединеніи съ безконечными формами кабалы и личной зависимости, отягчавшей положеніе трудящагося, ничего кромѣ рутины и застоя въ общественномъ производствѣ, а, слѣдовательно, и во всѣхъ сферахъ соціальной жизни. Бывши въ свое время явленіемъ прогрессивнымъ, какъ первая постановка вопроса о капитализмѣ, народничество является теперь теоріей реакціонной и вредной, сбивающей съ толку общественную мысль, играющей на руку застою и всяческой азіатщинѣ. Реакціонный характеръ народнической критики капитализма придалъ народничеству въ настоящее время даже такія черты, которыя ставятъ его ниже того міросозерцанія, которое ограничивается вѣрнымъ храненіемъ наслѣдства" [3]), т.-е. ниже буржуазнаго либерализма.

Несмотря на всю умѣренность нашей теперешней свободы печати, мы успѣли уже нѣсколько отвыкнуть отъ того эзоповскаго

---

[1]) Владиміръ Ильинъ, „Экономическіе этюды и статьи". Изд. 1899 г., стр. 261.
[2]) Тамъ же, стр. 236—237.
[3]) Тамъ же, стр. 246—247.

языка, на которомъ обсуждались политическіе вопросы въ половинѣ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка, и потому для иного современнаго читателя будетъ, пожалуй, невразумительно, что подъ „исторической безтактностью“ народниковъ авторъ разумѣетъ ихъ политическую безтактность, ихъ пренебрежительное отношеніе къ конституціоннымъ стремленіямъ либераловъ, доводившее нѣкоторыхъ представителей народничества до полнаго примиренія съ нашимъ тогдашнимъ политическимъ строемъ. Въ этомъ грѣхѣ марксисты не повинны. Они не только не отрекаются отъ освободительныхъ традицій 60-хъ годовъ, а, напротивъ, „одной изъ главнѣйшихъ своихъ задачъ считаютъ опроверженіе тѣхъ романтическихъ и мелкобуржуазныхъ опасеній, которыя заставляютъ народниковъ по весьма многимъ и весьма важнымъ пунктамъ отказываться отъ европейскихъ идеаловъ просвѣтителей“ [1]). Не грѣшатъ, наконецъ, марксисты и забвеніемъ третьяго великаго завѣта 60-хъ годовъ: служить интересамъ народной массы; и въ этомъ отношеніи они являются гораздо болѣе вѣрными и послѣдовательными хранителями наслѣдства, чѣмъ народники. „Народникъ всегда разсуждалъ о населеніи вообще и трудящемся населеніи въ частности, какъ объ объектѣ тѣхъ или другихъ болѣе или менѣе разумныхъ мѣропріятій, какъ о матеріалѣ, подлежащемъ направленію на тотъ или иной путь, и никогда не смотрѣлъ на различные классы населенія, какъ на самостоятельныхъ историческихъ дѣятелей на данномъ пути, никогда не ставилъ вопроса о тѣхъ условіяхъ даннаго пути, которыя могутъ развивать (или, наоборотъ, парализовать) самостоятельную и сознательную дѣятельность этихъ творцовъ исторіи“ [2]). Между тѣмъ, миссія марксистовъ именно въ томъ и состоитъ, чтобы помогать самостоятельной дѣятельности трудящагося класса.

Ильину же принадлежитъ первая въ легальной марксистской литературѣ и наиболѣе обстоятельная статья, вскрывающая тѣ реальные классовые интересы, выраженіемъ которыхъ были теорія и практика народничества временъ упадка. Работа эта, озаглавленная: „Къ характеристикѣ экономическаго романтизма“, была первоначально помѣщена въ сборникѣ, который, несмотря на конфискацію, распространился въ довольно большомъ количествѣ экземпляровъ и произвелъ огромное впечатлѣніе въ радикальныхъ интеллигентскихъ кругахъ того времени. Здѣсь Ильинъ подробно разсматриваетъ теорію народниковъ, ихъ взгляды на капиталистическое накопленіе, на роль внѣшнихъ рынковъ, на кризисы, ренту и перенаселеніе, ихъ общее отношеніе къ ходу капиталистическаго развитія, ихъ рецепты борьбы съ этимъ послѣднимъ и язвительно констатируетъ, что рѣшительно во всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ воззрѣнія и программа тогдашняго народничества совпадаютъ съ взглядами такого типичнаго представителя европейскаго мѣщанства, какимъ

[1]) Владиміръ Ильинъ, „Экономическіе этюды и статьи“, стр. 255.
[2]) Тамъ же, стр. 253.

былъ извѣстный швейцарскій экономистъ Симондъ де-Сисмонди. Уже въ „Нашихъ разногласіяхъ“ Плехановъ отмѣтилъ, что утопическій соціализмъ, какъ бы возвышенны ни были субъективныя мечты его проповѣдниковъ, стоитъ въ самой тѣсной связи съ идеологіей мелкой буржуазіи; на дѣлѣ романтическій Донъ-Кихотъ неизбѣжно превращается въ трезваго Санхо-Панса [1]). Въ статьѣ Ильина народничество рисуется какъ окончательное торжество Санхо-Панса,—романтическіе же завѣты благороднаго рыцаря частью отброшены, частью хранятся какъ мертвыя формулы, подлинный смыслъ которыхъ давно позабытъ.

Наряду съ пропагандой основъ своего міровоззрѣнія и критикой тѣхъ популярныхъ въ средѣ интеллигенціи взглядовъ, которые мѣшали его распространенію, передъ марксистами 90-хъ годовъ вставала и иная грандіозная задача: необходимо было примѣнить свои теоритическія предпосылки къ анализу нашего хозяйственнаго строя, освѣтить съ марксистской точки зрѣнія исторію экономическаго развитія и современное положеніе Россіи. Изслѣдованію нашего кустарничества, аграрнаго вопроса, желѣзнодорожнаго хозяйства, крупной промышленности и была посвящена преобладающая масса марксистскихъ брошюръ, сборниковъ, книгъ, а съ того времени, какъ марксисты получили собственный органъ („Новое Слово“, затѣмъ „Начало“), и журнальныхъ статей. Эта сторона литературной дѣятельности марксистовъ 90-хъ годовъ завершилась двумя крупными работами, изъ которыхъ первая принадлежала В. Ильину и разсматривала эволюцію нашихъ аграрныхъ отношеній какъ процессъ созданія капиталистическаго рынка [2]),—вторая, выполненная Туганомъ-Барановскимъ, изслѣдовала зарожденіе и развитіе русскаго фабричнаго производства въ связи съ кустарными промыслами [3]). Мы не можемъ, конечно, въ этомъ краткомъ очеркѣ излагать содержаніе многочисленныхъ и разнообразныхъ по темамъ фактическихъ изслѣдованій, выполненныхъ въ 90-хъ годахъ марксистами, изъ среды которыхъ, кромѣ уже упомянутыхъ писателей, выдвинулись на этомъ поприщѣ Гурвичъ, Масловъ, Санинъ и мн. другіе. Отмѣтимъ только, что въ общемъ и цѣломъ изслѣдованія эти не только подтверждали, но даже еще болѣе заостряли тѣ взгляды, которые уже со временъ „Нашихъ разногласій“ марксисты противопоставляли народнической оцѣнкѣ нашего хозяйственнаго развитія. Такъ, было окончательно установлено, что община даже по самому происхожденію своему ничуть не связана съ пережитками первобытнаго коммунизма, какъ это думалъ еще авторъ „Нашихъ разногласій“, что возникновеніе ея относится къ очень позднему періоду нашего хозяйственнаго развитія и является продуктомъ государственнаго закабаленія

[1]) Образъ этотъ употребленъ Плехановымъ въ болѣе позднейшей его работѣ: „Обоснованіе народничества въ трудахъ г. Воронцова“, вышедшей въ свѣтъ въ 1896 г.

[2]) В. Ильинъ, „Развитіе капитализма въ Россіи“. СПБ. 1899.

[3]) Туганъ-Барановскій, „Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ“. СПБ. 1898.

крестьянъ. Такимъ образомъ, то, что искони считалось самымъ существеннымъ отличіемъ нашего экономическаго строя отъ западноевропейскаго, на чемъ со временъ славянофиловъ базировали всѣ программы нашего самобытнаго развитія, оказалось гораздо менѣе оригинальнымъ, отнюдь не стоящимъ въ такомъ коренномъ противорѣчіи съ учрежденіями многихъ странъ западной Европы въ соотвѣтственный періодъ ихъ исторіи. Напротивъ, въ развитіи нашихъ кустарныхъ промысловъ обнаружилось много оригинальныхъ, своеобразно-русскихъ особенностей. Но особенности эти не только не укрѣпляли надеждъ на преодолѣніе капитализма въ области ремесленнаго производства, а, напротивъ, отнимали у надеждъ такого рода всякую почву. А именно, какъ показали Туганъ-Барановскій и другіе изслѣдователи, наше кустарничество, въ противоположность западно-европейскому ремеслу, искони находилось въ самой тѣсной связи съ крупнымъ капиталомъ и въ очень важныхъ своихъ отрасляхъ явилось прямымъ созданіемъ этого послѣдняго.

До сихъ поръ мы говорили о тѣхъ произведеніяхъ марксистской литературы 90-хъ годовъ, которыя были выраженіемъ марксистской теоріи въ ея чистомъ видѣ, которыя принадлежали въ огромномъ большинствѣ случаевъ перу людей, бывшихъ и до сихъ поръ оставшихся не только марксистскими писателями, но и марксистскими общественными дѣятелями. Но, какъ уже отмѣчено выше, литературный марксизмъ разсматриваемаго періода былъ результатомъ сотрудничества чистыхъ марксистовъ й наиболѣе радикальныхъ представителей либерализма, примкнувшихъ къ марксистскому знамени, какъ къ самому рѣшительному, яркому и притомъ впервые нашедшему себѣ опору въ народныхъ массахъ проявленію русскаго „западничества". Среди этихъ временныхъ сотрудниковъ, или, какъ любятъ выражаться нѣмцы, „Mitläufer"-овъ, марксизма на первый планъ выдвигаются П. Б. Струве и М. И. Туганъ-Барановскій.

П. Б. Струве былъ главнымъ героемъ марксистскихъ выступленій 90-хъ годовъ. Его книга („Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи"), вышедшая въ 1894 году, была первой ласточкой русскаго легальнаго марксизма. Противъ него были направлены самыя ядовитыя стрѣлы народнической полемики въ этомъ и слѣдующемъ году, когда марксизмъ только пробивалъ себѣ путь въ русскую литературу. На его же долю выпало наибольшее число лавровъ черезъ два-три года, когда марксизмъ занялъ господствующее положеніе среди прогрессивныхъ направленій нашей общественной мысли. Эта исключительная популярность Струве объяснялась отчасти нѣкоторыми внѣшними и, какъ принято у насъ выражаться, „независящими" обстоятельствами. Въ то время какъ Плехановъ, Вл. Ильинъ и другіе представители чистаго марксизма не имѣли ни малѣйшей возможности вліять на общественное мнѣніе устнымъ словомъ и вынуждены были ограничить свою дѣятельность печатными статьями, возможно чаще мѣняя свои псевдо-

Петръ Бернгардовичъ Струве.

нимы, Струве непрерывно вращался среди петербургскаго „общества", выступалъ съ докладами и рефератами и вмѣстѣ со своимъ вѣрнымъ сподвижникомъ Туганомъ-Барановскимъ превратилъ каѳедру Вольнаго Экономическаго общества въ своего рода народную трибуну, которая всегда была окружена густой толпой учащейся молодежи, жадно ловившей живое слово марксистской проповѣди. Благодаря этому, между пропагандистомъ и его аудиторіей устанавливалась та непосредственная личная связь, которая имѣетъ такое огромное значеніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда предметомъ пропаганды является не отвлеченная теорія, а живое общественное ученіе, предполагающее опредѣленную душевную настроенность, опредѣленное направленіе чувствъ, симпатій и дѣятельной воли. Несомнѣнно, однако, что одними внѣшне-благопріятными обстоятельствами не исчерпывались причины, сдѣлавшія Струве въ глазахъ широкихъ круговъ нашего общества центромъ и средоточіемъ марксизма. Этому способствовали и многія особенности его личнаго дарованія. П. Б. Струве никоимъ образомъ нельзя назвать выдающимся ораторомъ, и менѣе всего такая характеристика примѣнима къ его первымъ публичнымъ выступленіямъ 90-хъ годовъ; въ тѣ времена его запинающееся, точно спотыкающееся о какія-то, невидимыя препятствія, слово, его запутанная, полная безконечныхъ вставочныхъ мыслей, рѣчь производила скорѣе болѣзненное, чѣмъ чарующее впечатлѣніе. Но въ этой безпомощности внѣшняго выраженія сквозила такая глубокая искренность, такая напряженность собственной, личной мысли оратора, что неуклюжіе, въ мукахъ рождаемые, періоды воспринимались чуткимъ слушателемъ не какъ недостатокъ, а какъ особенность таланта ихъ автора; и, несомнѣнно, слово этого послѣдняго потеряло бы значительную долю своей убѣдительности и заразительности, если бы ему удалось облечь его въ гладкія, закругленныя и всегда нѣсколько шаблонныя въ своей условной красивости фразы заправскаго оратора. Наконецъ, сердца широкой публики привлекали и тѣ черты міровоззрѣнія, которыя уже въ этотъ марксистскій періодъ личнаго развитія Струве отдѣляли его отъ представителей чистаго марксизма. Онъ, по его собственнымъ словамъ, никогда не былъ зараженъ марксистской „ортодоксіей"; онъ всегда былъ сторонникомъ той болѣе умѣренной программы рабочаго движенія, съ которой въ Германіи выступили представители такъ называемаго „ревизіонизма" (т.-е. „пересмотра" марксистской теоріи); онъ гораздо выше, чѣмъ ортодоксальные, чистые марксисты, оцѣнивалъ тѣ непосредственныя, ближайшія блага, которыя несетъ съ собой развитіе буржуазной культуры для всего общества, не исключая и пролетаріата. Все это придавало его пропагандѣ болѣе широкій и свободный характеръ, чуждый той „сектантской узости", которую уже въ тѣ времена усматривали въ послѣдовательномъ марксизмѣ многіе представители склонявшейся къ этому ученію радикальной интеллигенціи.

Дать сжатое изложеніе всѣхъ взглядовъ, высказанныхъ П. Б. Струве въ его „Критическихъ замѣткахъ“ и возбудившихъ 20 лѣтъ тому назадъ такую страстную полемику, нѣтъ никакой возможности. Эта книга могла бы быть озаглавлена по извѣстному схоластическому рецепту: „De omni re scibili et duibusdam aliis; въ ней затронуты чуть ли не всѣ проблемы, интересовавшія въ то время ея автора, начиная кантовской теоріей познанія и кончая вліяніемъ парового транспорта на развитіе капитализма, начиная вопросомъ о роли личности въ исторіи и кончая выводами земской статистики. Уже въ этой первой значительной работѣ ярко проявилась характерная особенность этого талантливаго писателя: его гибкій, подвижной умъ, быстро схватывающій и своеобразно ставящій каждый теоретическій вопросъ, вскрывающій цѣлую сѣть сложнѣйшихъ, безконечно развѣтвляющихся проблемъ во многихъ, повидимому, очень простыхъ и ясныхъ положеніяхъ, но безнадежно затеривающійся среди этихъ мельчайшихъ ручейковъ аналитической мысли, органически не способный снова слить ихъ въ единое русло обобщающей идеи.

Мы ограничимся здѣсь характеристикой общаго фона, окрашивающаго собой чрезвычайно разнообразное содержаніе „Критическихъ замѣтокъ“, характеристикой ихъ основного настроенія, да и то главнымъ образомъ лишь постольку, поскольку оно отдѣляетъ ихъ автора отъ ортодоксальныхъ марксистовъ. Два момента выступаютъ здѣсь на первый планъ. Во-первыхъ, преклоненіе передъ марксизмомъ, какъ наиболѣе послѣдовательной попыткой заложить основы строго объективной соціологической науки въ противовѣсъ субъективнымъ построеніямъ всякаго утопизма вообще, русскаго народничества въ частности и въ особенности. Во-вторыхъ, полное энтузіазма прославленіе тѣхъ культурныхъ богатствъ, которыя несетъ Россіи процессъ ея европеизаціи по образцу передовыхъ буржуазныхъ странъ современнаго Запада. Въ обоихъ этихъ случаяхъ Струве на первый взглядъ является вѣрнымъ послѣдователемъ марксизма, и лишь въ своемъ увлеченіи заходитъ немного дальше, ставитъ вопросы нѣсколько шире, чѣмъ ортодоксы; но, какъ мы сейчасъ увидимъ, подъ этой „широтой“ скрывалось отступленіе отъ самаго основного принципа марксистскаго міровоззрѣнія, что и не замедлило обнаружиться въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія нашей общественной мысли.

Отвергая a limine „субъективный методъ“ въ соціологіи, какъ contradictio in adjecto, Струве находитъ, что не только въ формальныхъ, методологическихъ предпосылкахъ соціологіи, какъ науки, но и въ самомъ ея содержаніи не можетъ быть мѣста субъекту, личности. Соціологія знаетъ не индивидуальнаго, а общественнаго человѣка. Поскольку же не все въ конкретномъ индивидуумѣ можетъ быть сведено къ такому безличному соціальному субстрату, поскольку послѣ такого сведенія мы все еще получаемъ нѣкоторый неразложимый остатокъ, личность вообще игнорируется соціологіей.

есть quantité négligeable въ соціологическомъ отношеніи. Въ теоріи чистаго марксизма дѣло обстоитъ, какъ мы уже видѣли, иначе. Тамъ нѣтъ этого абстрактнаго разсѣченія личности на двѣ части, нѣтъ и абсолютнаго противопоставленія этихъ частей, какъ принципіально различныхъ съ соціологической точки зрѣнія. Строго индивидуальное, соціологически лишенное вліянія, исторически „случайное“ въ личности разсматривается какъ одно изъ частныхъ проявленій исторической „необходимости“. Что же касается общественнаго содержанія личности, то ему приписывается крупная созидательная сила, но опять-таки не посторонняя понятію исторической законосообразности и не враждебная этому послѣднему, а служащая его „наиболѣе яркой иллюстраціей“. Однимъ словомъ, мѣсто отвлеченнаго о т р и ц а н і я личности, какъ соціально-историческаго „фактора“, занимаетъ тамъ діалектическое о б ъ я с н е н і е ея дѣйствительной, конкретной роли.

Ту же разницу находимъ мы и въ оцѣнкѣ буржуазнаго прогресса. Нѣсколько тяжеловѣсный, но не лишенный своеобразной силы, западническій пафосъ „Критическихъ замѣтокъ“ можно лучше всего охарактеризовать фразой самого Струве, сказанной имъ по поводу „Національной системы“ Листа: это—„побѣдная пѣснь торжествующаго товарнаго производства, во всеуслышаніе провозглашающая его культурно-историческую мощь и побѣдоносное шествіе по всѣмъ языкамъ“. Правда, воспѣвая свою побѣдную пѣснь, Струве ни на минуту не забывалъ о той „широкой исторической критикѣ“, о томъ „соціально-политическомъ обличеніи капиталистическаго строя“, которыя далъ Марксъ; онъ искренно считалъ себя марксистомъ и даже придерживался терминологіи марксизма... и, тѣмъ не менѣе, ясно чувствовалось, что въ „Критическихъ замѣткахъ“ перевернута та перспектива, которая положена въ основу оцѣнки капиталистической культуры ортодоксальными марксистами. Для этихъ послѣднихъ капиталистическая культура имѣетъ относительную цѣнность, какъ моментъ въ діалектическомъ развитіи человѣчества, и притомъ моментъ, въ принципѣ уже превзойденный въ тѣхъ зачаткахъ грядущаго общественнаго строя, которые скрыты въ современномъ рабочемъ движеніи. Для Струве, наоборотъ, рабочее движеніе было важно главнымъ образомъ постольку, поскольку оно вело Россію къ обладанію а б с о л ю т н о цѣнными благами буржуазной культуры: свободными политическими учрежденіями, мощнымъ расцвѣтомъ умственной жизни и т. д.

Въ такомъ же отношеніи къ марксистской „ортодоксіи“ стоялъ и другой вліятельный въ 90-хъ годахъ Mitläufer марксизма—Туганъ-Барановскій. Способный и неутомимый работникъ, но гораздо менѣе разносторонній и интересный умъ, чѣмъ П. Б. Струве, онъ въ идейно-общественныхъ битвахъ 90-хъ годовъ выступалъ оруженосцемъ этого послѣдняго. Изъ его самостоятельныхъ работъ наибольшее общественное значеніе имѣла диссертація, посвященная теоріи и

исторіи промышленныхъ кризисовъ [1]). Исходя изъ теоріи реализаціи, изложенной во II-мъ томѣ „Капитала", Туганъ-Барановскій утверждалъ здѣсь, что капитализмъ, строго говоря, не знаетъ „перепроизводства" въ настоящемъ смыслѣ этого слова, что промышленные кризисы вызываются исключительно такъ называемой „анархіей" производства, т.-е. неправильнымъ распредѣленіемъ производительныхъ силъ между различными отраслями индустріи. Этимъ совершенно устранялся, какъ неправильно поставленный, вопросъ о недостаточности рынковъ для русскаго капитализма. По теоріи Туганъ-Барановскаго, рынокъ автоматически и безгранично раздвигается съ расширеніемъ размѣровъ капиталистическаго производства, такъ что при болѣе упорядоченномъ распредѣленіи своихъ производительныхъ силъ капитализмъ никогда не испытывалъ бы затрудненій въ сбытѣ. Такимъ образомъ, отметая народническую теорію рынковъ, какъ совершенно негодную, Туганъ-Барановскій вступаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ разногласіе и съ ортодоксальной марксистской теоріей, которая видитъ въ кризисахъ имманентное капитализму противорѣчіе, вытекающее изъ индивидуальнаго присвоенія продуктовъ общественнаго труда, противорѣчіе, не устранимое на основѣ капитализма, все болѣе и болѣе возрастающее по мѣрѣ его дальнѣйшаго развитія и приводящее его въ концѣ концовъ къ неотвратимому внутреннему краху. Слѣдовательно, и у Тугана-Барановскаго марксистская защита капитализма, какъ необходимаго и полезнаго момента въ развитіи, нечувствительно переходитъ въ его абсолютную, буржуазную апологію какъ самодовлѣющей хозяйственной формы, которая до скончанія вѣковъ не исчерпаетъ своихъ экономическихъ рессурсовъ.

Какъ мы видимъ, народники и „широкіе" не ортодоксальные марксисты исходили въ сущности изъ однихъ и тѣхъ же принципіальныхъ основъ: тѣ и другіе были чужды діалектикѣ, тѣ и другіе знали лишь абсолютныя оцѣнки,—„да—да, нѣтъ—нѣтъ, а что сверхъ того—отъ лукаваго". По своему конкретному содержанію эти оцѣнки были діаметрально противоположны,—одни говорили „да" тамъ, гдѣ другіе категорически отрицали, одни признавали абсолютнымъ благомъ то, въ чемъ другіе видѣли абсолютное зло, но по самому способу оцѣниванія обѣ школы были тождественны между собою.

Но, пока ближайшей задачей русскихъ учениковъ Маркса была „европеизація" закостенѣвшей въ народническихъ предразсудкахъ интеллигенціи, абсолютизмъ временныхъ сотрудниковъ марксизма не приносилъ замѣтнаго вреда и оставался какъ бы въ скрытомъ состояніи. И Туганъ-Барановскій, и Струве были очень полезными дѣятелями на поприщѣ марксистской пропаганды въ половинѣ 90-хъ годовъ. Въ особенности велики въ этомъ отношеніи заслуги П. Б. Струве. Разносторонне одаренный и почти энциклопедически образованный, онъ былъ прекраснымъ редакторомъ и въ высшей сте-

[1]) Т.-Барановскій, „Промышленные кризисы въ современной Англіи". СПБ. 1894.

пени талантливымъ публицистомъ марксистскихъ изданій того времени. Основанный подъ его руководствомъ первый марксистскій журналъ „Новое Слово“ сразу же сталъ на такую высоту, которой впослѣдствіи не достигало уже ни одно изъ періодическихъ изданій русскаго марксизма.

Но прошло нѣсколько лѣтъ, и діалектичность подлинно марксистскаго отношенія къ буржуазной культурѣ не могла не обнаружиться съ полной отчетливостью,—и притомъ не только на словахъ, съ которыми еще можно было мириться буржуазнымъ радикаламъ, но и на дѣлѣ, въ самомъ ходѣ того общественнаго движенія, во главѣ котораго стали марксисты. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ душѣ Mitläufer'овъ марксизма все скрытое становится явнымъ: они начинаютъ все рѣзче и рѣзче отдѣлять себя сначала отъ „нетерпимыхъ“ ортодоксальныхъ марксистовъ, а потомъ и отъ марксизма вообще. Марксисты, по своему обыкновенію, не остались въ долгу и съ своей стороны оказали всяческое содѣйствіе этому процессу обособленія марксизма отъ его временныхъ сотрудниковъ, быстро превращавшихся въ постоянныхъ враговъ. Теоретическое оформленіе русскаго марксизма вступило въ свою послѣднюю фазу, въ фазу размежеванія, краткой характеристикой которой мы и закончимъ нашъ очеркъ.

О полемикѣ между марксистами и ихъ недавними союзниками по поводу отдѣльныхъ положеній соціалъ-демократической теоріи и практики надо писать или очень много, или совсѣмъ ничего. Мы предпочитаемъ послѣднее, такъ какъ въ противномъ случаѣ наша статья непомѣрно разрослась бы и такъ какъ, сверхъ того, никакихъ существенныхъ измѣненій въ основныя воззрѣнія русскаго марксизма, какъ они сложились къ половинѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, эта полемика не внесла. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ ли мы попытку Струве опровергнуть такъ называемую „теорію краха“ („Umsturztheorie“) указаніемъ на то, что она игнорируетъ гносеологическій постулатъ непрерывности всякаго измѣненія, или его же критику „теоріи обнищанія“, основной аргументъ которой сводится къ тому, что ухудшеніе положенія рабочихъ, если бы оно дѣйствительно вызывалось развитіемъ капитализма, не приближало бы насъ къ соціалистическому переустройству общества, но все болѣе и болѣе удаляло отъ этой конечной цѣли,—вездѣ и всегда мы въ основѣ разногласія найдемъ діалектическое пониманіе общественнаго процесса съ одной стороны, полную неспособность стать на діалектическую точку зрѣнія съ другой. И къ этой основѣ дѣйствительно свели возраженія своихъ новыхъ противниковъ русскіе марксисты съ Плехановымъ [1]) во главѣ.

Оставивъ въ сторонѣ детали этой полемики, мы коснемся здѣсь лишь тѣхъ послѣднихъ философскихъ выводовъ, къ которымъ при-

[1]) См. Н. Бельтовъ. „Критика нашихъ критиковъ“. СПБ. 1906.

шли бывшіе марксисты, такъ какъ они дадутъ намъ поводъ довершить характеристику теоретическихъ основъ русскаго марксизма съ такой стороны, которую мы до сихъ поръ не имѣли случая оттѣнить.

Уже въ марксистскій періодъ своего бытія П. Б. Струве, а также С. Н. Булгаковъ, не пользовавшійся въ то время сколько-нибудь замѣтнымъ вліяніемъ, были сторонниками кантовской теоріи познанія. Въ періодъ критики марксизма они выдвинули впередъ эту сторону своихъ воззрѣній, пытаясь положить ее въ основу соціологической теоріи. Подъ вліяніемъ только что вышедшей тогда книги Штаммлера („Wirtschaft und Recht"... etc.) они проводили строгое различіе между формой и матеріей соціальной жизни, между незыблемыми, абсолютными предпосылками общества и его измѣнчивымъ текучимъ содержаніемъ, при чемъ, само собой разумѣется, соціализмъ попалъ подъ категорію преходящаго, имѣющаго лишь условную цѣнность, содержанія, а абсолютно-цѣнной формой оказалось „право" и вообще вся система упорядоченныхъ свободъ, входящихъ въ либеральный символъ вѣры.

Однако, такое соціальное кантіанство было лишь мимолетной фазой развитія,—очень скоро интересъ отъ абсолютныхъ нормъ общественнаго бытія перешелъ къ абсолютнымъ нормамъ бытія вообще, къ кантовскому категорическому императиву, какъ основѣ абсолютно-свободнаго моральнаго самоопредѣленія личности, открывающаго ей въ то же время гносеологически оправданный путь къ метафизикѣ и религіи.

Метафизическія и религіозныя воззрѣнія, къ которымъ пришли различные представители критики марксизма, были далеко не одинаковы, но кантовское обоснованіе абсолютной морали долгое время оставалось ихъ общей исходной точкой.

Критика кантіанства, намѣченная Г. В. Плехановымъ, и обстоятельно изложенная въ статьяхъ Ортодокса,—писателя, спеціализировавшагося на пропагандѣ философскихъ основъ русскаго ортодоксальнаго марксизма—состоитъ вкратцѣ въ слѣдующемъ. Кантъ съ одной стороны признаетъ существованіе вещей самихъ по себѣ, съ другой стороны утверждаетъ, что все содержаніе опыта состоитъ изъ н а ш и х ъ субъективныхъ представленій; при этомъ не только не устанавливается какой-либо опредѣленной связи между „вещами въ себѣ" и нашими представленіями о вещахъ, но даже отрицается самая способность нашего разума когда-либо установить такую связь. Изъ этого противорѣчія существуютъ, по мнѣнію Плеханова, только два выхода: или въ сторону субъективнаго идеализма, или въ сторону матеріализма. Но субъективный идеализмъ (т.-е. отрицаніе какого-либо независимаго отъ нашего сознанія бытія), продуманный до конца, есть „солипсизмъ", по ученію котораго въ мірѣ ничего вообще не существуетъ кромѣ меня и моихъ представленій. Міросозерцаніе крайне безотрадное, и въ особенности безотрадное

для общественнаго дѣятеля, ибо, если всѣ другіе люди существуютъ только какъ м о е представленіе, если вся прошлая и вся будущая исторія человѣчества есть опять-таки лишь рядъ м о и х ъ представленій, то, очевидно, нелѣпо преслѣдовать какія-либо общественныя задачи, ставить какія-либо цѣли, выходящія за предѣлы моего „я“. Остается, слѣдовательно, лишь одно спасеніе: матеріализмъ,—уже не соціальный, или „экономическій“, а общефилософскій. Основныя черты этого послѣдняго въ его современной, выдерживающей научную критику, формулировкѣ намѣчаются Плехановымъ такъ: наши представленія о вещахъ качественно отличны отъ самыхъ вещей или матеріи, какъ она существуетъ „въ себѣ“,—подобно тому, какъ тѣнь, отбрасываемая кубомъ на цилиндрическую поверхность, не похожа по своей формѣ на кубъ. Но всякому измѣненію куба соотвѣтствуетъ вполнѣ опредѣленное измѣненіе его тѣни. Точно такъ же и наши представленія находятся въ строжайшей причинной связи съ вещами „въ себѣ“; всѣ испытываемыя нашими чувствами перемѣны представляютъ „іероглифическій“ переводъ перемѣнъ въ самыхъ вещахъ. Потому, не зная, что такое вещи „въ себѣ“, мы можемъ, однако, съ полною увѣренностью дѣйствовать среди нихъ.

Теоретическіе дефекты этого построенія бросаются въ глаза и не остались незамѣченными многими русскими марксистами. Но философская полемика, возгорѣвшаяся въ марксистской средѣ вокругъ основныхъ проблемъ познанія, относится уже къ самому послѣднему времени, ко второй половинѣ перваго десятилѣтія текущаго вѣка, т.-е. къ тому періоду въ исторіи русскаго марксизма, характеристика котораго не входитъ въ планъ настоящей статьи.

Мы ограничимся поэтому лишь однимъ замѣчаніемъ. Плехановская концепція философскаго матеріализма, даже если бы она была т е о р е т и ч е с к и безупречна, представляла бы все же очень слабое утѣшеніе передъ лицомъ п р а к т и ч е с к о й безвыходности солипсизма. Вѣдь характерная особенность солипсизма заключается въ томъ, что онъ теоретически совершенно неопровержимъ[1]), и Плехановъ, подобно другимъ его критикамъ, могъ указать лишь на полнѣйшую невозможность для человѣка, какъ общественнаго существа, провести это ученіе на практикѣ. И эта практическая несостоятельность солипсизма отнюдь еще не устраняется, если мы къ непосредственно переживаемымъ нами представленіямъ присоединимъ теоретически мыслимую матерію, какъ ихъ объективную основу. Въ самомъ дѣлѣ, „для насъ“ матерія существуетъ, во всякомъ случаѣ, лишь въ видѣ субъективныхъ отблесковъ въ нашемъ сознаніи; угаснутъ эти отблески, и „для насъ“ наступитъ полная ночь, абсолютное небытіе, несмотря на продолжающееся в н ѣ н а с ъ существованіе матеріи; а такъ какъ въ общественной дѣятельности участвуемъ именно „мы“, а не скрытыя за нами вещи „въ себѣ“, то, очевидно,

[1]) Что въ свое время отмѣтилъ еще Энгельсъ.

постулатъ объективнаго бытія матеріи менѣе всего можетъ подвигнуть солипсиста къ энергичной работѣ на пользу ближняго. Горю можно было бы помочь лишь въ томъ случаѣ, если бы намъ удалось убѣдить солипсиста, показать ему воочію, что исходная его посылка неправильна, что въ самомъ „его" сознаніи далеко не все принадлежитъ ему, далеко не все субъективно, что въ самомъ переживаніи человѣка есть нѣчто, выводящее его за предѣлы его личности, и не путемъ отвлеченныхъ разсужденій, а совершенно конкретно, въ непосредственномъ опытѣ сливающее его съ общественнымъ цѣлымъ. Марксисты, какъ и всѣ одушевленные общественными интересами люди, отнюдь не чужды этого „нѣчто", и, благодаря великой философской традиціи, именно въ марксизмѣ это „нѣчто" должно бы быть осознано гораздо лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Дѣйствительно, у того же Г. В. Плеханова мы находимъ прекрасныя строки, гораздо вѣрнѣе ниспровергающія солипсизмъ, чѣмъ всѣ его спекуляціи о вещахъ „въ себѣ".

Дѣло идетъ о гегелевскомъ опредѣленіи свободы какъ познанной необходимости. „Очень ошибаются тѣ,—пишетъ Плехановъ,— по мнѣнію которыхъ стоитъ намъ только убѣдиться въ неизбѣжномъ наступленіи даннаго ряда событій, чтобы у насъ исчезла всякая психологическая возможность содѣйствовать или противодѣйствовать ему. Тутъ все зависитъ отъ того, составляетъ ли моя собственная дѣятельность необходимое звено въ цѣпи необходимыхъ событій. Если—да, то тѣмъ меньше у меня колебаній, и тѣмъ рѣшительнѣе я дѣйствую"... Въ этомъ случаѣ человѣкъ сознаетъ „невозможность поступать иначе, чѣмъ онъ поступаетъ. Это именно то психологическое настроеніе, которое можетъ быть выражено знаменитыми словами Лютера: „Hier stehe ich, ich kann nicht anders", и благодаря которому люди обнаруживаютъ самую неукротимую энергію, совершаютъ самые поразительные подвиги"... Человѣкъ съ такою психологіей, „считая себя посланникомъ Божьимъ, подобно Магомету, избранникомъ ничѣмъ неотвратимой судьбы, подобно Наполеону, или выразителемъ никѣмъ непреодолимой силы историческаго движенія, подобно нѣкоторымъ общественнымъ дѣятелямъ XIX вѣка, обнаруживаетъ почти стихійную силу воли, разрушая, какъ карточные домики, всѣ препятствія, воздвигаемыя на его пути Гамлетами и Гамлетиками разныхъ уѣздовъ" [1]).

Какъ видитъ читатель, здѣсь говорится не только объ отвлеченномъ познаніи необходимости, но и о конкретномъ сознаніи дѣйствующей во мнѣ или черезъ меня могучей сверхличной силы. И тамъ, гдѣ эта личная интуиція сверхличнаго дѣйствительно есть и правильно осознана, тамъ, какъ карточные домики, разрушаются всѣ возраженія гамлетизирующаго солипсизма, а также и всѣ воздвигаемые имъ метафизическіе или религіозные суррогаты этой интуиціи.

---

[1]) „За двадцать лѣтъ", стр. 47 и 473.

Проф. С. А. Венгерова.

Акимъ Львовичъ Флексеръ, извѣстный исключительно подъ псевдонимомъ *А. Волынскій,* родился въ іюлѣ 1863 г. въ Житомірѣ, въ еврейской семьѣ. Отецъ имѣлъ небольшой книжный магазинъ и былъ не только торговцемъ, но и библіофиломъ. Учился А. Л. въ житомірской гимназіи, не поладилъ въ старшихъ классахъ съ начальствомъ и окончательный экзаменъ держалъ экстерномъ въ Петербургѣ въ 1882 г. Тогда же онъ поступилъ на юридическій факультетъ петербургскаго университета, который окончилъ въ 1886 г. со степенью кандидата. Во время пребыванія въ университетѣ выдвинулся докладами на философскія и литературныя темы въ извѣстномъ студенческомъ „Научно-литературномъ обществѣ", основанномъ въ началѣ 1880-хъ гг. Орестомъ Миллеромъ, но затѣмъ подвергнувшемся преслѣдованіямъ и въ 1887 г. совсѣмъ закрытомъ. Послѣ одного изъ докладовъ А. Л. началось сближеніе его съ Д. С. Мережковскимъ. По окончаніи курса, А. Л. было предложено остаться при университетѣ для приготовленія къ магистерскому экзамену, но помѣшало вѣроисповѣданіе.

На литературное поприще выступилъ Волынскій въ „Восходѣ" начала 1880-хъ гг. и здѣсь обратилъ на себя вниманіе статьями о Спинозѣ. Въ срединѣ 1880-хъ гг. онъ завязываетъ тѣсныя отношенія съ домомъ знаменитаго віолончелиста и директора консерваторіи К. Ю. Давыдова, жена котораго — А. А. Давыдова сумѣла собрать вокругъ себя блестящее литературно-артистическое общество. Давыдова позднѣе, въ 1890-хъ гг., основавшая извѣстный журналъ „Міръ Божій" (переименованный потомъ, въ силу разныхъ цензурныхъ комбинацій, въ „Современный Міръ"), во второй половинѣ 1880-хъ гг. взяла на себя секретарство въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ". Основанный въ 1886 г. женщиной-юристомъ А. М. Евреиновой „Сѣв. Вѣстникъ"

первоначально былъ какъ-бы продолженіемъ недавно закрытыхъ „Отеч. Записокъ". Въ немъ принимаютъ участіе Михайловскій, Короленко, Глѣбъ Успенскій, Плещеевъ, Скабичевскій, Протопоповъ, Южаковъ и рядъ другихъ сотрудниковъ запрещеннаго журнала. Но вполнѣ органическимъ ихъ сотрудничество не было. Они на „Сѣв. Вѣст." смотрѣли какъ на временный пріютъ, много писали въ другихъ органахъ—„Рус. Мысли", „Рус. Вѣдомостяхъ", стремились создать свой собственный органъ, что и осуществилось, когда въ 1892 г. С. Н. Кривенко и К. М. Станюковичъ стали во главѣ „Рус. Богатства". А съ другой стороны, примкнувшія къ „Сѣв. Вѣстнику" и салону Давыдовой новыя литературныя силы—Мережковскій, Минскій второго періода своей дѣятельности, Волынскій, Гуревичъ, Гиппіусъ тоже только внѣшне ладятъ съ представителями „отживающаго", съ ихъ точки зрѣнія, поколѣнія.

Очень скоро миръ будетъ нарушенъ.

Въ автобіографической запискѣ Л. Я. Гуревичъ, напечатанной въ I т. настоящаго труда, колоритно разсказана эпопея „Сѣв. Вѣст." послѣ его перехода къ представителямъ „новыхъ теченій" и, главнымъ образомъ, къ Волынскому. Совершенно расходясь съ Л. Я. Гуревичъ въ ея односторонненъ пониманіи того круга идей, въ борьбу съ которыми вступила молодая редакція „Сѣверн. Вѣст.", я, тѣмъ не менѣе, съ особымъ удовольствіемъ далъ мѣсто разсказу Любови Яковлевны, написанному по настойчивой просьбѣ моей. Мнѣ важно было получить этотъ искренній и потому доподлинный „человѣческій документъ" именно потому, что самъ принадлежу къ тому поколѣнію и примыкаю къ тому кругу идей, съ которыми такъ яростно воевалъ „Сѣв. Вѣстникъ".

Но, какъ всякое личное освѣщеніе, лиро-эпическій разсказъ Л. Я. Гуревичъ, конечно, не даетъ картины объективной и требуетъ корректива. Корректива не по существу тѣхъ идей и стремленій, которыя воодушевляли редакцію „Сѣв. Вѣст." и не съ точки зрѣнія сочувствія или несочувствія стремленіямъ молодой редакціи. Для историка совсѣмъ не важно обвинить или оправдать прошлое, главная задача—понять его. И вотъ въ субъективномъ изложеніи Л. Я. Гуревичъ нѣтъ исторической перспективы, нѣтъ объясненія того страннаго явленія, что „новыя теченія" уже въ концѣ 1890-хъ гг. имѣютъ шумный успѣхъ и прочно устанавливаются въ литературѣ, а первый провозвѣстникъ ихъ—„Сѣв. Вѣст." палъ въ борьбѣ съ „равнодушіемъ читающей публики" и главный пророкъ „Сѣв. Вѣст."—Волынскій, какъ только журналъ закончилъ свое многострадальное существованіе, не нашелъ себѣ болѣе мѣста въ текущей журналистикѣ.

Мнѣ еще въ настоящемъ томѣ—во второй главѣ моего вводнаго очерка „Этапы неоромантическаго движенія" придется коснуться причинъ неудачно сложившейся личной литературной карьеры Волынскаго, который формально имѣетъ всѣ права считать себя однимъ

изъ создателей „новыхъ теченій“ 1890-хъ гг. Сейчасъ только кратко скажу, что нормальна, плодотворна, создаетъ прочныя симпатіи и сколько нибудь продолжительное вліяніе только та критика, которая одновременно съ разрушеніемъ стараго, любовно и торжествующе встрѣчаетъ новое. А у Волынскаго именно любви-то никогда и не было. Онъ только ненавидѣлъ, а когда въ литературѣ выступили новыя, *творческія* силы и ярко опредѣлились дѣйствительно-новыя настроенія, онъ съ полнымъ отсутствіемъ чутья совершенно не распозналъ въ нихъ союзниковъ и вмѣсто того, чтобы радостно комментировать и привѣтствовать, обрушился на нихъ съ такимъ-же озлобленіемъ, съ какимъ нападалъ на „старыя“ теченія.

Вся дѣятельность Волынскаго въ „Сѣв. Вѣст.“ сводилась, вообще, къ ожесточенной враждѣ. Первыя статьи его въ журналѣ, когда „Сѣв. Вѣст.“ еще не принадлежалъ Волынскому и Гуревичъ, были посвящены вопросамъ философскимъ и этическимъ. Изъ нихъ обратили на себя вниманіе „Критическіе и догматическіе элементы въ философіи Канта“. Но какъ только Волынскій становится во главѣ журнала, онъ весь отдается злободневному ратоборству и совершенно забываетъ о созданіи тѣхъ новыхъ умственныхъ цѣнностей, во имя которыхъ номинально велась его борьба. Критическія и другія статьи его всецѣло теперь носятъ полемическій характеръ. Если онъ превозноситъ теперь Гоголя за „Переписку съ друзьями“, Юркевича за борьбу съ Чернышевскимъ и т. д., то весьма мало по существу, а исключительно, чтобы уязвлять все еще властныхъ въ литературѣ единомышленниковъ Бѣлинскаго, Добролюбова и Чернышевскаго. Призывая вернуться къ философскому идеализму, къ религіи и къ признанію вообще метафизическихъ основъ нравственности и духовной жизни, Волынскій подвергъ крайне рѣзкой и ожесточенной критикѣ все идейное движеніе радикальной части нашей литературы, начиная съ 40-хъ годовъ. Онъ въ немъ усматривалъ только грубый, примитивный матеріализмъ и антихудожественное пріурочиваніе искусства къ потребностямъ повседневной жизни.

Ожесточеніе критика наростало постепенно. На первыхъ порахъ его „Литературныя замѣтки“ отнеслись съ чрезвычайнымъ почтеніемъ къ Михайловскому. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, Волынскій видѣлъ въ немъ дѣятеля п р о ш л а г о, который долженъ уступить мѣсто новому литературному поколѣнію. Михайловскій сурово отклонилъ похвалы „Сѣв. Вѣстника“ и только выловилъ изъ нихъ рядъ крайне неудачныхъ выраженій, которыми критикъ провозвѣщалъ появленіе этого новаго литературнаго поколѣнія. Одно изъ такихъ выраженій („обнаружилась новая мозговая линія“) пріобрѣло особенную извѣстность и сдѣлалось предметомъ постояннаго глумленія надъ критикомъ, слогъ котораго, вообще, отличается крайнею вычурностью и риторизмомъ.

Въ завязавшейся полемикѣ Волынскій совершенно отбросилъ первоначальное, сдержанное отношеніе и, желая показать несостоятельность того круга идей, изъ котораго вышелъ Михайловскій, пред-

принялъ пересмотръ литературной дѣятельности всѣхъ корифеевъ русской радикальной мысли: Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго и др. критиковъ 60-хъ гг. Историко-литературная сторона, стремленіе объяснить почему дѣятельность цѣлаго ряда людей высокаго ума, огромнаго таланта и благороднѣйшаго сердца приняла извѣстное направленіе, при этомъ пересмотрѣ отошла совершенно на второй планъ. Съ особеннымъ усердіемъ полемистъ направлялъ свои удары на изобличеніе плохой, по его мнѣнію, философской подготовки главныхъ представителей русской прогрессивной критики. Помимо того, что утвержденіе Волынскаго въ значительной степени фактически-неточно, это была совершенно неподходящая мѣрка, потому что критика наша изъ философіи брала только общее настроеніе, и значеніе ея, помимо чисто-литературной заслуги истолкованія великихъ представителей русскаго слова, въ томъ, что она силою своего энтузіазма и страстностью стремленія къ истинѣ подняла до необычайной высоты духовное сознаніе русскаго читателя.

Всего больше полемическое увлеченіе Волынскаго повредило статьямъ о Бѣлинскомъ и Добролюбовѣ, которыя даютъ прямо извращенное представленіе о значеніи и характерѣ ихъ литературной дѣятельности. Въ своихъ нападкахъ на Писарева и другихъ второстепенныхъ „разрушителей эстетики" 60-хъ годовъ обличитель былъ болѣе правъ, но въ этомъ не было ничего новаго, потому что уже въ концѣ тѣхъ же самыхъ 60-хъ годовъ близорукость писаревскаго „реализма" была сознана, и дѣятельность Михайловскаго началась съ протеста противъ опасностей такого узкаго пониманія вещей. Разница только въ томъ, что Михайловскій и другіе, полемизировавшіе съ Писаревымъ въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ гг., возстали противъ его увлеченій, понимая, однако, высокій источникъ ихъ происхожденія. Критикъ-же „Сѣв. Вѣст." отнесся къ нимъ съ лишеннымъ всякой исторической перспективы ожесточеніемъ, не пожелавъ или не сумѣвъ разглядѣть, что подъ внѣшнимъ матеріализмомъ или якобы грубымъ утилитаризмомъ 60-хъ годовъ сказывается вполнѣ религіозная и чисто метафизическая преданность тому, что можно назвать присутствіемъ Бога въ сердцѣ.

Исходя изъ странной для оцѣнки литературныхъ дѣятелей мѣрки знанія или незнанія философіи, критикъ нашелъ въ себѣ болѣе теплое отношеніе только къ Герцену и Лаврову.

Въ началѣ 1890-хъ годовъ „новыя теченія" почти совсѣмъ еще не встрѣчали сочувствія. Въ извѣстныхъ, пока очень немногочисленныхъ литературныхъ кружкахъ шли новыя исканія, но огромная часть читающей публики еще была вѣрна традиціямъ радикальной мысли, и статьи Волынскаго вызвали чрезвычайное ожесточеніе не столько по существу, сколько своею неожиданностью. Читающая публика привыкла слышать все то, что говорилъ Волынскій, изъ устъ защитниковъ старины и писателей ретроградаго лагеря. Теперь-же обвинительный актъ противъ дорогихъ идей произносился отъ имени но-

ваго поколѣнія, писателемъ, который увѣрялъ, что онъ зоветъ впередъ, а не назадъ.

Ожесточеніе, вызванное статьями Волынскаго, выразилось въ томъ, что съ нимъ очень мало полемизировали, а больше глумились или негодовали за то, что онъ разрушаетъ авторитетъ любимыхъ писателей и учителей. Это уже, конечно, было мало убѣдительно въ устахъ поклонниковъ писателей, которые сами тѣмъ замѣчательны, что разрушали старые авторитеты. Къ нападкамъ прогрессивной печати присоединились, изъ-за происхожденія Волынскаго, реакціонные антисемитическіе органы, которымъ такъ любезны должны были быть по существу нападки Волынскаго на идейное движеніе 60-хъ годовъ.

Крайнее озлобленіе, вызваное въ радикальныхъ и просто-прогрессивныхъ кругахъ выступленіями Волынскаго особенно ярко выразилось въ чрезвычайно-нашумѣвшемъ инцидентѣ на юбилейномъ обѣдѣ въ честь Скабичевскаго, 24 марта 1894 года. Въ апологіи Волынскаго, изданной страстнымъ поклонникомъ его Н. Г. Молостовымъ подъ названіемъ „Борецъ за идеализмъ“ изложеніе инцидента, съ приведеніемъ газетныхъ статей по поводу его, занимаетъ 34, большею частью набранныхъ петитомъ страницъ и выразительно озаглавлено „Скандалъ на юбилеѣ А. М. Скабичевскаго“. „Скандалъ“ былъ вызванъ тѣмъ, что Волынскій, только что изничтожившій міросозерцаніе 60-хъ годовъ, счелъ зачѣмъ-то нужнымъ не только письменно поздравить юбиляра, но кромѣ того еще и лично явиться на чествованіе критика, который только и жилъ, только и гордился тѣмъ, что всецѣло это міросозерцаніе усвоилъ и въ своихъ писаніяхъ проводилъ. Распорядители, придравшись къ ничтожному формальному основанію, не пустили, однако, Волынскаго въ залу ресторана, гдѣ происходило чествованіе и онъ, какъ говорилось въ одной изъ очень сочувственныхъ ему и негодующихъ замѣтокъ „былъ вынужденъ уйти съ перекосившимся лицомъ и блѣдными губами“. Инцидентъ попалъ въ газеты, самъ Волынскій о немъ разсказалъ въ ближайшей книжкѣ „Сѣв. Вѣст.“, завязалась оживленная полемика съ распорядителями обѣда, которые сначала хотѣли все доказать, что тутъ дѣло не въ „нетерпимости“, какъ ихъ упрекали, не въ партійномъ ожесточеніи, а въ какихъ-то формальныхъ дефектахъ: поздно пришло заявленіе, обѣдъ носилъ „характеръ чисто-частный“ и т. д. Но смѣшно-же было повѣрить тому, что въ огромномъ залѣ знаменитаго ресторана „Медвѣдь“, гдѣ обѣдало 125 человѣкъ, вдругъ не нашлось мѣста еще для одного сотрапезника, который, къ тому-же, едва-ли былъ бы особенно въ претензіи, еслибы ему вмѣсто полнаго парадnаго обѣда въ 5 блюдъ съ виномъ дали для утоленія голода нѣсколько бутербродовъ и стаканъ чаю. Дѣло было именно въ „нетерпимости“, той нетерпимости, которая въ одно и то же время составляетъ и слабость русской интеллигенціи, ибо нетерпимость, несомнѣнно, сужаетъ горизонты, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ и огромную си-

лу, доводя ея литературно-политическія убѣжденія до высоты религіи.

Одинъ изъ распорядителей — извѣстный педагогъ-словесникъ Викторъ Острогорскій, отдѣлился, впрочемъ, отъ своихъ товарищей и въ дополнительномъ личномъ объясненіи, кромѣ несоблюденныхъ формальностей указалъ и настоящую причину:

„О желаніи г. Волынскаго (быть на обѣдѣ) узналъ я только за полчаса до обѣда отъ прислуги ресторана, и тотчасъ же самъ написалъ наскоро ему извѣщеніе, что въ настоящее время, т.-е. за 25 минутъ до обѣда, мѣсто предоставлено ему быть не можетъ, такъ какъ подписка прекращена, и извѣщеніе это послалъ г. Волынскому тотчасъ по его адресу. Второпяхъ я извѣщеніе это дѣйствительно не подписалъ, въ чемъ и долженъ сознаться. Черезъ короткое время, почти передъ пріѣздомъ юбиляра, когда уже собралась вся публика, числомъ до 125 человѣкъ, меня вызвали въ прихожую ресторана, гдѣ и обратился ко мнѣ г. Волынскій, еще не получившій моей записки, съ просьбою допустить его на обѣдъ, — я отвѣчалъ категорически, что подписка прекращена и что поэтому допущенъ онъ быть не можетъ; затѣмъ никакихъ объясненій я съ нимъ не имѣлъ. Вотъ фактическая сторона дѣла. Въ объясненіе же почему я, какъ иниціаторъ и главный распорядитель обѣда, не нашелъ возможнымъ допустить, помимо неудобства слишкомъ поздно выраженнаго мнѣ желанія, г. Волынскаго участвовать въ обѣдѣ, позволю себѣ прямо привести соображеніе, которымъ я считалъ себя въ правѣ руководиться. Зная положительно, что и самому юбиляру и очень многимъ изъ его почитателей, на обѣдѣ присутствовавшихъ, было бы крайне непріятно на тѣсномъ дружескомъ праздникѣ видѣть г. Волынскаго, который, какъ и самъ пишетъ, расходится съ юбиляромъ „въ эстетическихъ и философскихъ воззрѣніяхъ“, я просто, какъ распорядитель, не желалъ испортить юбиляру и большинству его почитателей этотъ дорогой и очень рѣдкій у насъ для литературнаго дѣятеля день присутствіемъ на частномъ обѣдѣ чужого для юбиляра и для большинства человѣка, который, вѣроятно, и самъ почувствовалъ бы себя нѣсколько неловко въ чужомъ для себя обществѣ. Не сказалъ же я этого г. Волынскому прямо изъ излишней деликатности и мягкости, полагая, что онъ, какъ взрослый и литературный человѣкъ, самъ пойметъ неловкость положенія, какъ своего, такъ и моего, какъ распорядителя. Въ излишней вѣжливости передъ г. Волынскимъ каюсь и несу достойное наказаніе въ томъ скандалѣ, который мнѣ, какъ иниціатору обѣда, менѣе всего пріятенъ. Вотъ все, что могу сказать въ объясненіе „инцидента“, который, судя по тому, что многія лица говорили мнѣ за обѣдомъ, что они ушли бы, если бы явился г. Волынскій, и по тому, что во время чтенія письма г. Волынскаго раздалось шиканье, могъ бы разростись и быть всего непріятнѣе ни въ чемъ неповинному юбиляру, ради котораго мы, его друзья, собрались. Крайне сожалѣю о томъ, что г. Волынскій, въ своемъ письмѣ въ „Сѣв. Вѣст.“, рѣшается такъ неосторожно рѣзко говорить о распорядителяхъ, которые хотѣли только одного, чтобы „свѣтлый праздникъ“ юбиляра, на который, въ числѣ другихъ его почитателей, пришли и многіе изъ лучшихъ представителей русской литературы, не былъ омраченъ никакими „инцидентами“.

Шумъ вокругъ „инцидента“ все росъ, объясненія распорядителей только подливали масла въ огонь. За Волынскаго энергично заступилась реакціонная часть печати, заступилось даже, въ лицѣ самого Суворина, „Новое Время“, всегда травившее Волынскаго какъ еврея. „Москов. Вѣд.“ поставили вопросъ на государственную точку зрѣнія:

„С.-Петерб. Вѣд. тоже останавливаются на позорной исторіи, разыгравшейся на праздникѣ г. Скабичевскаго, гдѣ г. Волынскій былъ грубо оскорбленъ — въ видѣ жертвы, принесенной на алтарь памяти Добролюбова и Чернышевскаго. Газета умал-

чиваетъ объ имени г. Волынскаго и—напрасно. Тутъ для г. Волынскаго нѣтъ позора. Понятно, что 150 человѣкъ всегда имѣютъ физическую силу, достаточную для оскорбленія одного. Позоръ на петербургской журналистикѣ. Это, впрочемъ, вполнѣ сознаютъ „С.-Петерб. Вѣдомости“... И подумать только, что такое проявленіе совершенно дикаго фанатизма могло произойти въ присутствіи всего петербургскаго журнальнаго міра! Изъ 150 человѣкъ не нашлось никого, кто-бы помѣшалъ безобразникамъ. Страшно подумать, что стали-бы дѣлать эти люди, еслибъ имѣли какую-нибудь власть, если бы на нихъ не было городового“.

Защита „Моск. Вѣд.“ и Суворина мало могла содѣйствовать тому, чтобы и читающая публика стала на сторону Волынскаго. Въ особенности публика журнальная, которая, можетъ быть и односторонне, но свято вплоть до нашихъ дней сквозь всѣ испытанія самыхъ мрачныхъ эпохъ пронесла все лучшее, что было въ традиціяхъ сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Въ этомъ, скажу еще разъ, можетъ быть ея слабость, но въ этомъ-же ея огромная сила, въ этомъ объясненіе того чудеснаго явленія, что небольшой кучкѣ русской интеллигенціи удалось окрасить въ свой цвѣтъ духовный строй огромной страны. Роковая ошибка Волынскаго въ томъ, что онъ не критиковалъ, не исправлялъ, а безъ всякой исторической перспективы злобно поносилъ завѣты, которые иначе какъ великими, все-же, назвать нельзя. Ибо что можетъ быть выше лозунга: все, въ томъ числѣ и искусство, должно служить живой жизни. Всякое новое поколѣніе, конечно, не должно застаиваться на одномъ мѣстѣ, сынъ исправляетъ ошибки отца, но любовно. И только изъза озлобленности критика, а вовсе не по существу публика къ ратоборству Волынскаго отнеслась такъ отрицательно: какъ мы знаемъ изъ драматическаго разсказа Л. Я. Гуревичъ, всѣ ея героическія усилія ни къ чему не привели, и „Сѣв. Вѣст.“ долженъ былъ закрыться.

Съ прекращеніемъ въ концѣ 1890-хъ гг. „Сѣв. Вѣст.“, кончилась и роль Волынскаго, какъ дѣятеля обще-литературнаго. Онъ меньше, чѣмъ прежде, однако и не мало съ тѣхъ поръ пишетъ и особенно работаетъ, но все это уже происходитъ въ сторонѣ отъ большой дороги. Публика и критика перестаетъ интересоваться дальнѣйшею дѣятельностью ожесточеннаго полемиста, когда онъ отъ разрушенія перешелъ къ работамъ созидательнаго характера—къ апологіи Достоевскаго, Леонардо да Винчи, углубленію нашего отношенія къ балету. Въ связи съ этимъ второй періодъ дѣятельности Волынскаго неизбѣжно теряетъ интересъ для исторіи литературы, по скольку она является лѣтописью событій замѣтныхъ, которыя произвели то или другое, но значительное впечатлѣніе. Къ тому-же большая часть работъ, которымъ Волынскій по преимуществу отдался послѣ прекращенія „Сѣв. Вѣстника“, и по задачамъ своимъ не имѣетъ общелитературнаго интереса. Таковы его занятія исторіею живописи и хореографическаго искусства.

Тотъ путь общенія съ публикою, который у насъ до сихъ поръ все еще остается главнымъ—періодическая печать, съ утратою собственнаго журнала почти закрылся для Волынскаго. Онъ самъ съ по-

нятною горечью, но и ни мало не стыдясь, а скорѣе гордясь, говоритъ объ этомъ въ предисловіи къ своей отдѣльно изданной „Книгѣ великаго гнѣва“:

„Со времени прекращенія „Сѣвернаго Вѣстника“ мнѣ негдѣ печатать своихъ статей. Для русской журналистики я былъ и остался еретикомъ. Я не люблю компромиссовъ и потому принужденъ выпускать свои работы безъ посредства періодическихъ изданій“.

Исторіей искусства Волынскій заинтересовался еще во времена „Сѣв. Вѣст.“. Предпринятая имъ въ срединѣ 1890-хъ гг. вмѣстѣ съ супругами Мережковскими поѣздка въ Италію положила начало ознакомленію его съ біографіею, научными трудами и творчествомъ Леонардо да Винчи. Со свойственною Волынскому быстротою увлеченія новыми сюжетами, онъ послѣ перваго же ознакомленія сталъ печатать въ „Сѣв. Вѣст.“ статьи о Леонардо, которыя потомъ появились отдѣльной, хорошо иллюстрированною книгою въ изданіи Маркса.

Отъ итальянскаго искусства Волынскій перешелъ къ византійскому, для чего ѣздилъ даже на Аѳонъ. Любопытныя подробности какъ объ этой поѣздкѣ, такъ и о нѣкоторыхъ другихъ связанныхъ съ поѣздкой фактахъ біографіи Волынскаго мы находимъ въ подготовляемомъ Е. М. Браудо къ печати этюдѣ, посвященномъ біографіи и литературной дѣятельности критика „Сѣв. Вѣстника“. Е. М. Браудо восторженнѣйшій поклонникъ Волынскаго, что очень ярко отразилось на тонѣ нижеслѣдующей цитаты изъ любезно предоставленной мнѣ рукописи этюда:

„Весною 1899 года Волынскій вновь уѣхалъ за границу, для продолженія своихъ работъ по изученію византійской иконографіи. На этотъ разъ цѣлью его путешествія были Константинополь и Аѳонскіе монастыри съ ихъ драгоцѣннѣйшими сокровищами иконописи. Для осмотра интересовавшихъ Волынскаго памятниковъ искусства необходимо было особое разрѣшеніе отъ константинопольскаго патріарха. Благодаря патріаршему фирману, онъ принятъ былъ на Аѳонѣ, какъ лицо, облеченное довѣріемъ высшей духовной власти. Велико же было удивленіе монаховъ, когда на основаніи „тескере“ (турецкаго паспорта), они убѣдились, что податель его—еврей. И этотъ еврей простаивалъ по пяти-шести часовъ на церковной службѣ, цѣлые дни проводилъ въ поискахъ старыхъ церковныхъ книгъ и обнаруживалъ исключительное знаніе свято-отеческой литературы. Волынскому данъ былъ послушникъ, въ сопровожденіи котораго онъ по пустыннымъ и опаснымъ дорогамъ объѣхалъ всѣ двадцать два монастыря. Въ пространныхъ бесѣдахъ съ образованными монахами на богословскія темы Волынскій старался выяснить отдѣльные догматы христіанской вѣры. Духовные отцы, въ свою очередь, пытались убѣдить богословски мыслящаго писателя въ необходимости крещенія водою, безъ чего его внутреннее касаніе къ Христу должно было пропасть всуе. Трехмѣсячное пребываніе на скалахъ святой горы значительно сблизило Волынскаго съ подлиннымъ духомъ православія и послужило предварительной стадіей для изученія религіозныхъ проблемъ русской литературы. По возвращеніи въ Петербургъ, Волынскій, подъ обаяніемъ недавно пережитыхъ имъ на Аѳонѣ религіозныхъ настроеній, обратился первоначально къ Іоанну Кронштадтскому съ письмомъ, въ которомъ просилъ его высказаться на эти вопросы. О. Іоаннъ Кронштадтскій не счелъ, однако, нужнымъ отвѣтить. Вторичное обращеніе къ представителю православной церкви, на этотъ разъ къ митрополиту Антонію, оказалось болѣе успѣшнымъ, и Волынскій пригла-

А. Волынскій (Акимъ Львовичъ Флексеръ).

шенъ былъ собственноручнымъ письмомъ въ Александро-Невскую Лавру для собесѣдованій съ іерархомъ. Разговоръ этотъ, продолжавшійся около трехъ часовъ и выяснившій недиллетантскую начитанность въ богословскихъ вопросахъ Волынскаго, послѣдній велъ со страстной убѣжденностью вѣрующаго человѣка. Митрополитъ настаивалъ на необходимости пріобщенія къ соборности, основываясь на антииндивидуалистическихъ воззрѣніяхъ своего собесѣдника. „Вы говорите, какъ Савлъ, а могли бы говорить, какъ Павелъ", такъ закончилъ онъ свои возраженія. Отъ опубликованія своей интересной бесѣды Волынскій отказался.

До извѣстной степени эпизодъ этотъ нашелъ отраженіе въ статьѣ, помѣщенной въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", подъ заглавіемъ: „Они—христіане". Считая самое раздѣленіе современнаго общества на христіанъ и нехристіанъ лишеннымъ внутренняго смысла, Волынскій доказываетъ, что разграниченіе это тормозитъ развитіе идей, могущихъ связать между собою различные народы единствомъ общихъ вѣрованій. Самая же борьба за еврейскую эмансипацію имѣетъ для него очень горькую сторону: „Всѣ права, свойственныя человѣку, какъ разумному духовному существу,—пишетъ А. Л. Волынскій,—принадлежатъ евреямъ по самой природѣ вещей—ихъ нельзя давать, ихъ нельзя отнимать, ихъ можно только насиловать. А между тѣмъ даже гуманнѣйшіе люди, въ ошибкѣ борьбы, говорятъ о дарованіи евреямъ человѣческихъ правъ".

Въ 1900-хъ гг. Волынскій совершилъ цѣлый рядъ поѣздокъ за границу съ цѣлью изученія искусства. Такъ, въ началѣ 1906 г. онъ, по указанію Е. М. Браудо,

„предпринимаетъ путешествіе въ Бельгію и Голландію. Поѣздка эта знаменуетъ новый періодъ въ его научной работѣ. Во время своихъ посѣщеній этихъ странъ (всего Волынскимъ было совершено восемь путешествій по Голландіи) онъ имѣлъ возможность изучить на нидерландской почвѣ огромный художественный матеріалъ, послужившій фундаментомъ еще понынѣ незаконченнаго изслѣдованія о примитивахъ. Книга по искусству, задуманная Волынскимъ, должна представить въ значительно развитомъ видѣ его идеи о той народной живописи, пути которой уже намѣчены имъ въ очеркахъ, посвященныхъ иконописцу русской литературы Н. С. Лѣскову. Въ живописныхъ воплощеніяхъ нарождающагося индивидуализма, какимъ проникнуто все мастерство Квентина Масейса или Мемлинга, Волынскій находитъ зерна религіознаго искусства будущаго"...

Во второй половинѣ 1900-хъ Волынскій послѣ философіи, критики, исторіи живописи переходитъ къ новому кругу интересовъ—къ балету. Е. М. Браудо въ своемъ этюдѣ такъ объясняетъ этотъ неожиданный переходъ:

„Поздней осенью 1906 года Волынскій возвращается вновь въ Петербургъ и принимаетъ на себя обязанности завѣдующаго репертуаромъ театра Коммиссаржевской. Его кратковременная дѣятельность, заключающаяся въ чтеніи передъ труппой лекцій о пьесахъ, принятыхъ къ постановкѣ, и близкое ознакомленіе съ современной театральной техникой окончательно укрѣпили Волынскаго въ убѣжденіи, что революція всего сценическаго искусства можетъ быть совершена лишь путемъ возвращенія къ значительности древне-греческаго актера. Этотъ новый пластическій театръ будетъ, подобно античному, раскрывать въ сценическихъ символахъ то, что составляетъ подлинное содержаніе всего драматическаго искусства: поэтическій миѳъ. Послѣдній же требуетъ условной символической передачи. Миѳъ долженъ пѣть, танцовать, покрывать свое лицо маской. Именно идея маски, какъ символа актерскаго лицедѣйства на сценѣ, является сущностью греческаго трагическаго искусства. И этотъ принципъ сохраняетъ понынѣ значеніе для всей исторіи театра.

„Мысли о сценической эстетикѣ развернули передъ Волынскимъ перспективы научныхъ работъ, связанныхъ со всѣмъ ходомъ его философскаго развитія. Въ 1907 году

онъ предпринялъ большое путешествіе съ научной цѣлью въ Грецію. Поѣздкѣ этой предшествовало тщательное изученіе литературы предмета, особенно исторіи дифирамба и культа Діониса, какъ первоисточника эллинскаго трагическаго міросозерцанія. Еще въ бытность свою на Аѳонѣ, простаивая долгіе часы на службахъ въ монастырскихъ церквахъ, Волынскій старался уяснить себѣ связь между христіанской литургіей и эллинской экстазностью въ сценическомъ священнодѣйствіи древнихъ. По строго обдуманной программѣ онъ въ теченіе четырехъ лѣтнихъ сезоновъ объѣхалъ, а частью обошелъ пѣшкомъ всѣ освященныя греческимъ культомъ мѣста. Параллельно съ изученіемъ античнаго театра, Волынскій продолжалъ свое ознакомленіе съ пріемами сценической техники, особенно съ матеріалами балетнаго танца, единственнаго элемента современнаго театральнаго зрѣлища, сохранившаго характеръ пластическаго представленія эллиновъ. Въ началѣ 1910 года ему предложено было завѣдываніе балетнымъ отдѣломъ „Биржевыхъ Вѣдомостей". Въ рядѣ статей Волынскій развивалъ основную мысль, что принципъ балетнаго искусства — есть принципъ хореографическаго движенія въ древней орхестрѣ. Такимъ сближеніемъ современнаго балета съ античнымъ театральнымъ представленіемъ, раскрытіемъ, такъ сказать, идеальныхъ основъ балетнаго танца, Волынскій значительно поднялъ интересъ къ балету, какъ къ культурному искусству. Въ области чисто балетной Волынскій выступаетъ ревностнымъ хранителемъ классическихъ традицій. Всей силой своего писательскаго темперамента онъ отстаивалъ культурное достояніе балета отъ попытокъ свести его къ плоскому реалистическому зрѣлищу".

По признанію поклонниковъ Волынскаго, говорящихъ объ этомъ съ великимъ негодованіемъ, какъ о фактѣ частью „партійной", частью націоналистической „травли", дѣятельность его, въ общемъ, либо вызывала крайне враждебное къ себѣ отношеніе, либо встрѣчаетъ — въ послѣдніе 10-15 лѣтъ — полное равнодушіе. Отмѣтивъ рядъ лестныхъ отзывовъ иностранной критики о ставшихъ извѣстными въ Германіи и Италіи книгахъ Волынскаго, Е. М. Браудо въ своемъ этюдѣ горестно восклицаетъ:

„Эти сочувственные отзывы подтверждаютъ для русскаго читателя лишь горькую евангельскую истину, что нѣсть пророковъ въ своемъ отечествѣ".

Однако, не одно только отрицательное отношеніе извѣдалъ Волынскій на своемъ литературномъ пути. Такъ, мы знаемъ изъ разсказа Л. Я. Гуревичъ, что къ числу тѣхъ, которые благожелательно относились къ выступленіямъ Волынскаго, надо причислить не кого иного, какъ Толстого. Съ большимъ удовлетвореніемъ, хотя, конечно, субъективнаго происхожденія, встрѣтилъ выступленія Волынскаго Лѣсковъ, столь пострадавшій въ 60-хъ гг. отъ нападокъ радикальной критики. Но уже безъ всякой субъективной окраски было доброе отношеніе П. Д. Боборыкина. Своимъ участіемъ въ „Сѣверн. Вѣстникѣ" выражалъ до извѣстной степени сочувствіе стремленію Волынскаго отойти отъ „старыхъ шаблоновъ" даже Горькій. Маминъ, по сообщенію Е. М. Браудо, цѣнилъ мужество, съ которымъ Волынскій „разбросалъ иконы русской критики". Когда, 13 ноября 1901 г., Волынскій прочиталъ въ Москвѣ публичную лекцію „Современная русская беллетристика и журналистика", шумъ около его имени, умолкнувшій было

съ прекращеніемъ „Сѣвернаго Вѣстника", возобновился съ удвоенной силой. Значительная часть московскихъ газетъ осыпали его настоящею бранью и издѣвательствами всякаго рода. Но что касается публики, то нужно констатировать, что лекція скорѣе имѣла успѣхъ, чѣмъ неуспѣхъ. Начать съ того, что огромный залъ Политехническаго музея былъ переполненъ и что лекція была выслушана съ большимъ вниманіемъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ лекторъ рѣзко нападалъ на Михайловскаго, съ верховъ, гдѣ сидѣла молодежь, послышалось шиканье и раздались крики „довольно". Но партеръ заглушилъ шиканье, а послѣ лекціи раздались рукоплесканія. Какъ на всякомъ публичномъ выступленіи, эти рукоплесканія, главнымъ образомъ, конечно, объясняются ораторскимъ талантомъ Волынскаго, о которомъ поклонники Волынскаго всегда говорятъ съ большимъ подъемомъ. Мнѣ лично не приходилось слышать Волынскаго на большихъ собраніяхъ, я только разъ слышалъ его въ одномъ литературномъ кружкѣ, гдѣ онъ, послѣ доклада объ Оскарѣ Уайльдѣ, выступилъ съ краткимъ возраженіемъ. И, повидимому, его, дѣйствительно, слѣдуетъ признать ораторомъ съ большимъ темпераментомъ, хотя и не безъ вредящихъ впечатлѣнію дефектовъ произношенія.

Черезъ двѣ недѣли—28 ноября 1901 г. московская лекція была повторена въ Ригѣ, и на этотъ разъ уже съ успѣхомъ полнымъ, безъ всякихъ протестовъ, что, очевидно, объясняется отсутствіемъ радикально-настроенной молодежи. Въ связи съ этой лекціей, извѣстный мѣстный литераторъ Всеволодъ Чешихинъ прочелъ даже въ рижскомъ Литературномъ Кружкѣ докладъ, спеціально посвященный Волынскому, въ которомъ онъ къ дѣятельности критика „Сѣв. Вѣстника" отнесся съ большимъ сочувствіемъ.

А затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить, что рядомъ съ лицами, простоблагосклонно относящимися къ Волынскому, есть у него небольшой кругъ поклонниковъ-энтузіастовъ, къ которымъ горькое сѣтованіе „нѣсть пророка въ своемъ отечествѣ" уже никакъ не примѣнимо. Для нихъ Волынскій настоящій пророкъ, о которомъ они говорятъ съ благоговѣніемъ, въ русской печати совершенно необычнымъ. Это своего рода паства. Мы знаемъ, сколько жертвъ принесло издательство „Сѣвернаго Вѣстника", чтобы дать возможность Волынскому высказываться безъ всякихъ стѣсненій. Замѣчательна затѣмъ преданность интересамъ Волынскаго нынѣ уже покойнаго издателя „Прибалтійскаго Края" Н. Г. Молоствова. Въ 1901—902 гг. онъ не только сдѣлалъ свою газету органомъ прославленія Волынскаго, но — что совершенно у насъ необычно по отношенію къ прижизненной дѣятельности даже самыхъ могучихъ вождей русской мысли,—издалъ въ 1902 г. особую книгу-апологію подъ заглавіемъ „Борецъ за идеализмъ. А. Л. Волынскій", (Спб.), которую затѣмъ черезъ годъ выпустилъ дополненнымъ изданіемъ. Въ послѣдніе годы Волынскій пріобрѣлъ необыкновенно-восторженныхъ апологетовъ въ лицѣ г-жи Наталіи Кульженко и Е. М. Браудо. Въ нѣмецкой печати, съ начала 1900-хъ гг.

Волынскій имѣетъ горячаго пропагандиста въ лицѣ русско-нѣмецкаго журналиста І. Мельника, который снабжаетъ нѣмецкіе литературные журналы статьями о его дѣятельности, а самое главное—перевелъ на нѣм. яз. выборку изъ статей Волынскаго подъ заглавіемъ „Der Moderne Idealismus in Russland“ (Frankfurt am Main 1905) и „Книгу Великаго Гнѣва“ (Das Buch vom grossen Zorn, Frankfurt am Main, 1905). Тогда же появились въ нѣм. переводѣ статьи о новѣйшей русской беллетристикѣ и поэзіи (въ „Neue deutsche Revue Deutschland, 1905, № 33), о Чеховѣ (Frankfurt am Main) и въ „Berliner Tageblatt“ монологъ „Новая Волна“. Въ связи съ названными сейчасъ переводами отмѣтимъ, что еще въ 1892 г. въ Копенгагенѣ вышелъ датскій переводъ Age Maier'a статей Волынскаго о Толстомъ—„Tolstois Moralfilosofi“.

„Книга Великаго Гнѣва“ имѣла выдающійся успѣхъ въ нѣмецкой критикѣ. Къ ней отнеслись сочувственно самые разнообразные круги: Бернштейнъ въ „Documente des Socialismus“ (1905, Bd. V), извѣстная писательница Ильза Франанъ въ солидномъ „Litterarisches Echo“, а всего восторженнѣе глава нѣмецкаго модернизма Іоаннъ Шлафъ (въ „Propyläen“ 1905 г., № 40). Онъ назвалъ книгу Волынскаго однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ литературныхъ явленій послѣднихъ лѣтъ и посвятилъ ему свою драму „Вейгандъ“.

Успѣху книги Волынскаго, несомнѣнно, содѣйствовало именно то, что она появилась въ переводѣ.

Это потому, что языкъ и стиль Волынскаго, имѣютъ одно несомнѣнное положительное качество и одинъ столь же несомнѣнный и очень большой недостатокъ, который въ переводѣ исчезаетъ.

Какъ въ самомъ дѣлѣ ни относиться къ существу писаній Волынскаго, было бы, однакоже, крайне несправедливо и близоруко отрицать въ нихъ подъемъ и высокій строй. Можно даже согласиться съ поклонниками Волынскаго, что пишетъ онъ „огненно“. Правда, „огонь“, горящій въ писаніяхъ Волынскаго, совершенно безпредметный, это какое-то клокотаніе, не дающее въ результатѣ никакого тепла. Однако, горѣніе тутъ есть несомнѣнно. Но „огненность“, можетъ быть, самая трудная изъ задачъ стиля. Вмѣстить даже истинно-высокое въ рамки соотвѣтствующаго внѣшняго выраженія дается лишь немногимъ избранникамъ. Даже у писателя настоящаго, большого таланта пафосъ сплошь да рядомъ переходитъ въ риторичность, надутость, ходульность. А для писателей скромныхъ дарованій „огненность“ прямо находится у самой черты, отдѣляющей серьезное отъ смѣшного. И уже во всякомъ случаѣ при желаніи писать „огненно“ и высокимъ стилемъ надо владѣть литературною рѣчью въ совершенствѣ, чего про Волынскаго никакъ нельзя сказать. Его статьи полны неудачно-напыщенныхъ выраженій и оборотовъ, а сплошь да рядомъ и настоящихъ стилистическихъ курьезовъ, усердно подхватываемыхъ враждебною критикою и дающихъ богатую пищу сатирическимъ журналамъ. Въ

переводѣ эти неудачи слога и курьезы исчезли. А кромѣ того торжественность нѣмецкаго литературнаго языка несравненно больше подходитъ для патетизма, чѣмъ русская литературная рѣчь, одна изъ главныхъ особенностей которой въ ея простотѣ и безыскуственности. Въ нѣмецкой передачѣ приподнятый стиль Волынскаго очень много выигрываетъ.

Около средины 1900-хъ гг. имя Волынскаго, благодаря его книгѣ о Леонардо да-Винчи, становится извѣстнымъ въ Италіи. Знающій русскій яз. уроженецъ Прибалтійскаго края, историкъ искусства профессоръ Seidlitz написалъ статью о ней (1904 г.) въ „Archivio storico Lombardo", въ которой книга называется „un opera magistrale". Въ связи съ этимъ имя Волынскаго начинаютъ цитировать въ разныхъ итальянскихъ сочиненіяхъ по исторіи искусства. Такъ проф. Griffone называетъ его „chiaro scritore russo". Подготовляя 2-ое изданіе своей книги (вышло въ 1909 г.), Волынскій совершилъ нѣсколько поѣздокъ въ Миланъ и занимался въ посвященномъ Леонардо да-Винчи музеѣ Raccolta Vinciana. Это его дружески сблизило съ учеными, стоящими во главѣ музея. Связь съ музеемъ стала особенно близкой, когда, закончивъ подготовительныя работы, Волынскій пожертвовалъ музею всю собранную имъ обширную коллекцію книгъ и фотографій, касающихся біографіи и творчества Леонардо. Пожертвованныя книги были помѣщены въ особые шкафы, а городское управленіе Милана поднесло жертвователю почетный дипломъ и художественной работы серебряную доску, исполненную по рисунку извѣстнаго итальянскаго скульптора сенатора Л. Бельтрами. На доскѣ надпись: „Allo studioso di Leonardo A. L. Wolynski della Raccolta Vinciana benemerito il commune di Milano. 1908".

Самымъ яркимъ выраженіемъ того успѣха, который Волынскій имѣлъ въ европейской критикѣ, является страница, ему посвященная въ „Geschichte der russischen Litteratur" (Leipzig, 1905) берлинскаго профессора Брюкнера (A. Brückner). Правда, Брюкнеръ, представляя собою очень большую величину въ польской филологіи и въ исторіи древне-польской литературы, не болѣе какъ диллетантъ по отношенію къ исторіи литературы русской, извѣстной ему изъ вторыхъ рукъ. Но, все таки, Е. М. Браудо въ своемъ этюдѣ имѣетъ полное основаніе сказать, что въ Германіи „признаніе" Волынскаго „раздалось и съ профессорской каѳедры". Страницу Брюкнера было бы неправильно, однако, охарактеризовать только какъ обыкновенное „признаніе". Все, что говорили о Волынскомъ самые пламенные поклонники его, Брюкнеръ, со свойственной всегда этому экспансивнѣйшему ученому необычайною стремительностью, воспринялъ въ той мѣрѣ, которая едва ли можетъ считаться дѣйствительной услугой восхваляемому писателю. Для Брюкнера Волынскій не на шутку человѣкъ, головой выше стоящій всѣхъ корифеевъ русской критики. Печально состояніе этой очень жалкой и крайне недобросовѣстной критики. „Большинству русскихъ критиковъ недостаетъ философской дисци-

плины ума, и отсюда ея пренебреженіе къ абстрактному мышленію и теоретическимъ обоснованіямъ въ познаніи красоты и сужденіяхъ о ней". Но вотъ пришелъ Волынскій—„комментаторъ Спинозы и Канта, глубокій знатокъ Гегеля и Шопенгауера, которые Чернышевскому, напримѣръ, были извѣстны почти только по имени" и подвергъ все это „уничтожающему пересмотру". Отъ русской критики, можно сказать, только мокро осталось. Волынскій показалъ, какъ Бѣлинскій направилъ критику „по ложному пути", а его преемники проявили себя только въ „высокомѣріи, несправедливостяхъ всякаго рода и промахахъ". Волынскій показалъ „пробѣлы образованія и поверхностность сужденія" Чернышевскаго и другихъ критиковъ 60-хъ годовъ, показалъ недобросовѣстные пріемы ихъ полемики, состоящіе въ „замалчиваніи и вышучиваніи на-смерть (zutodehöhnen) неудобныхъ противниковъ". За эту самостоятельность сужденія и желаніе нарушить „спячку либеральной традиціи", критикъ „Сѣв. Вѣстника" былъ „объявленъ внѣ закона" и могъ продолжать свою дѣятельность, только издавая свои писанія отдѣльными книгами. Одною изъ нихъ является проникновенные (tiefdringende) этюды о „Книгѣ великаго гнѣва", т.-е. „Бѣсахъ" Достоевскаго. Это „настоящій образецъ того, чѣмъ должна быть эстетическая критика". И „рядомъ съ ординарно-тенденціозной шаблонностью русской критики (tendenziösen Geleier der ordinären russischen Kritik) этюды Волынскаго являются настоящимъ освобожденіемъ". Но для этого подвига „нужны были силы такого человѣка, какъ Волынскій (dazu war allerdings nur ein Volynskij im Stande), о высокой эстетической, философской и исторической подготовленности котораго свидѣтельствуетъ его книга о Леонардо да Винчи и работы надъ примитивами".

Поистинѣ медвѣжьей услугой является эта неумѣренность похвалы и поистинѣ комическое стремленіе поставить Волынскаго выше всѣхъ представителей во всякомъ случаѣ, какъ къ ней ни относиться, высокоталантливой русской критики. Но что и Волынскій человѣкъ незаурядныхъ способностей, огромной импульсивности, огромнаго трудолюбія, большой образованности, хотя, увы, всего менѣе въ той области, которая ему больше всего была нужна—именно историко-литературной, въ этомъ тоже не можетъ быть сомнѣнія. Къ сожалѣнію, все это пошло по неправильному пути и не дало тѣхъ результатовъ, которые могло дать въ силу нѣкоторыхъ основныхъ дефектовъ духовнаго склада Волынскаго. Но о нихъ удобнѣе будетъ сказать во второй части моего обзора „Этаповъ неоромантическаго движенія", гдѣ будетъ итти рѣчь о „переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей" и „разбрасываніи старыхъ иконъ", которой ознаменованы 1890-е годы, и о той роли, которую тогда игралъ Волынскій въ качествѣ передового застрѣльщика.

Библіографія

Библіографія новѣйшей русской литературы.

По матеріаламъ литературнаго архива проф. С. А. Венгерова и другимъ источникамъ.

Составилъ А. Г. Фоминъ.

Основу настоящаго указателя составили записи архива С. А. Венгерова, въ которомъ, въ числѣ другихъ матеріаловъ, собранныхъ для его „Критико-біографич. Словаря“, имѣется около 2-хъ милліоновъ библіографическихъ карточекъ, являющихся продуктомъ 30-лѣтней работы по регистраціи русской литературы. Регистрація въ этомъ архивѣ закончена 1912 годомъ.

Кромѣ матеріаловъ архива С. А. Венгерова, мною использованы всѣ тѣ библіографическіе труды, справочныя пособія, сборники автобіографій и біографій, изъ которыхъ можно было извлечь какія-либо библіографическія указанія по новѣйшей русской литературѣ; просмотрѣны непосредственно всѣ цѣнные или интересные въ какомъ-либо отношеніи, сколько-нибудь заслуживающіе вниманія, вышедшіе за послѣднія 20 лѣтъ коллективные сборники статей разнообразнаго содержанія, исторіи русской литературы, общественной мысли и движенія и собранія историко-литературныхъ, критическихъ, философскихъ и публицистическихъ статей, а также множество различныхъ книгъ и журналовъ.

Указанія доведены мною до іюля 1914 г. За вторую половину 1914 г. я успѣлъ просмотрѣть лишь небольшое количество книгъ и періодическихъ изданій.

Въ началѣ указателя данъ списокъ *общихъ пособій* по новѣйшей русской литературѣ, въ которомъ указаны различные библіографическіе труды и справочныя книги, сборники автобіографій и біографій писателей и главнѣйшія хрестоматіи, затѣмъ перечислены цѣнные или интересные въ какомъ-либо отношеніи сколько-нибудь

заслуживающіе вниманія сборники и различныя книги, въ которыхъ разсматриваются творчество и дѣятельность современныхъ писателей, а также литературныя, критическія, философскія и общественно-политическія теченія и явленія новѣйшаго времени.

Послѣ списка общихъ пособій слѣдуетъ библіографія наиболѣе видныхъ представителей новѣйшей русской литературы, которымъ въ настоящемъ изданіи посвящены отдѣльныя статьи. Библіографія отдѣльныхъ писателей распадается на двѣ части: 1) сочиненія ихъ и 2) литература о нихъ, которыя въ свою очередь раздѣлены на нѣсколько отдѣловъ.

Приводя литературу о писателяхъ, я старался по возможности выдѣлить въ особый отдѣлъ книги, статьи и рецензіи, которыя или всецѣло посвящены одному произведенію, или говорятъ о немъ главнымъ образомъ.

Пользуясь при составленіи указателя различными библіографическими трудами и справочными пособіями, я не разъ обнаруживалъ въ нихъ неточности и ошибки. Онѣ имѣются даже въ офиціальныхъ, издаваемыхъ Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, спискахъ книгъ и въ работахъ такихъ, съ любовью относящихся къ своему дѣлу библіографовъ, какъ И. В. Владиславлевъ, А. В. Мезіеръ и Н. А. Ульяновъ. Неточныя свѣдѣнія приводятся даже въ тѣхъ источникахъ, на которые больше всего въ правѣ опираться библіографъ, — въ автобіографіяхъ и спискахъ сочиненій писателей, составленныхъ ими самими, или при ихъ содѣйствіи. Составляя настоящую работу, я приложилъ всѣ силы къ тому, чтобы достичь точности, провѣривъ непосредственно по подлинникамъ большое количество указаній, извлеченныхъ мною изъ литературнаго архива С. А. Венгерова и различныхъ библіографическихъ трудовъ и справочныхъ пособій, но всего огромнаго количества указаній, полученныхъ мною не непосредственно, а извлеченныхъ изъ этихъ источниковъ, я не былъ въ состояніи провѣрить.

Обширность матеріала дѣлаетъ труднымъ достиженіе полноты въ общихъ библіографическихъ трудахъ, посвященныхъ XVIII и XIX вв.; у насъ нѣтъ ни одной работы въ этой области, которая достигла бы исчерпывающей полноты. И уже совершенно невозможно ее достичь въ общемъ библіографическомъ трудѣ, посвященномъ XX в., такъ какъ здѣсь приходится оперировать еще болѣе обширнымъ матеріаломъ: количество книгъ и періодическихъ изданій только *за первыя четырнадцать лѣтъ XX в.*, за 1900—1914 гг., *значительно уже превысило литературную производительность за цѣлыхъ два XVIII и XIX вѣка*. Чтобы достичь исчерпывающей полноты въ библіографической работѣ по XX в., надо было бы просмотрѣть громадное количество всевозможныхъ книгъ и періодическихъ изданій, что не по силамъ не только одному лицу, а даже цѣлаго библіографическаго учрежденія, если бы такое имѣлось. Особенно трудно

перечислить статьи о писателяхъ, напечатанныя въ различныхъ сборникахъ и книгахъ разнообразнаго содержанія и зарегистрировать колоссальную литературу, появившуюся въ газетахъ и еженедѣльныхъ изданіяхъ.

Трудность достиженія исчерпывающей полноты въ библіографической работѣ по XX в. зависитъ не только отъ обширности матеріала, но и отъ другихъ обстоятельствъ. Такъ, напримѣръ, полноту указаній на переводы современными писателями произведеній иностранныхъ авторовъ и на музыкальныя переложенія трудно достичь потому, что въ издаваемыхъ Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати спискахъ, являющихся единственнымъ пособіемъ для регистраціи книгъ и нотъ, часто не отмѣчены при переводныхъ книгахъ фамиліи переводчика, а при нотахъ фамиліи авторовъ словъ. Не можетъ придти на помощь и каталогъ нотъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, такъ какъ онѣ расположены здѣсь въ алфавитномъ порядкѣ музыкантовъ, а не авторовъ словъ. Достичь полноты въ перечисленіи произведеній современныхъ писателей трудно даже въ тѣхъ единичныхъ случаяхъ, когда имѣются списки ихъ произведеній, составленные ими самими или при ихъ содѣйствіи, такъ какъ они сами не были въ состояніи составить полнаго списка всего ими написаннаго и не указали въ нихъ нѣкоторыя свои работы. Такъ, напримѣръ, въ „Библіографіи В. Брюсова" (М., 1913), составленной при его содѣйствіи, пропущены нѣкоторыя его работы.

Приложивъ всѣ старанія къ тому, чтобы составленный мною указатель былъ возможно полнѣе, чтобы отмѣтить въ немъ все болѣе значительное, цѣнное или интересное въ какомъ-либо отношеніи, я *не ставилъ себѣ задачей перечисленіе всего матеріала и далекъ отъ мысли претендовать на полноту,* достиженіе которой, въ виду отмѣченныхъ выше обстоятельствъ, было мнѣ не по силамъ. Это считаю нужнымъ особенно подчеркнуть во избѣжаніе недоразумѣній.

Обширность матеріала вызвала необходимость сузить рамки моей работы и отказаться отъ перечисленія въ спискѣ сочиненій писателей: 1) отдѣльныхъ небольшихъ, оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній, 2) рецензій (въ спискѣ литературы о писателяхъ онѣ указываются) и 3) переводовъ произведеній современныхъ писателей на иностранные языки (ихъ переводы иностранныхъ авторовъ указываются). Указаніе 1) газетныхъ статей писателей, 2) произведеній ихъ, напечатанныхъ ими за границей, и 3) книгъ и статей о писателяхъ, появившихся въ иностранной печати, тоже не входило въ мои задачи, но я, все-таки, отмѣчалъ ихъ, если встрѣчалъ указанія на нихъ. Изъ статей и замѣтокъ о писателяхъ, появившихся въ газетахъ и еженедѣльныхъ изданіяхъ, указываются лишь болѣе значительныя, цѣнныя или интересныя въ какомъ-либо отношеніи.

Не претендуя на ту полноту, которая, впрочемъ, при современномъ развитіи періодической печати, едва ли и достижима, я надѣюсь, что составленный мною указатель, несмотря на возможные пропуски и неточности, значительно превышая по количеству приведенныхъ мною указаній всѣ имѣющіеся библіографическіе труды по XX в. [1]), взятые даже вмѣстѣ, будетъ полезенъ и окажетъ помощь изучающему новѣйшую русскую литературу.

---

[1]) Трудъ А. Г. Фомина занимаетъ въ настоящемъ изданіи 62 стр. Но если его напечатать не мельчайшимъ петитомъ, а обычнымъ книжнымъ шрифтомъ и печатать его не сплошь, а,—какъ это всегда дѣлается въ библіографическихъ указателяхъ,—съ абзацами, то получится цѣлая книга въ 320—350 страницъ. *Ред.*

Андреевъ, Шаляпинъ, Буниnъ, Телешовъ, Чириковъ, Скиталецъ, Горькій.

Общія пособія.

I. Библіографическіе труды.

1) Библіографич. ежегодникъ. Систематич. указатель литературы. Подъ ред. *И. В. Владиславлева.* Вып. I, за 1911 г., М., 1912; вып. II, за 1912 г., М., 1913; вып. III, за 1913 г., М., 1914; вып. IV, за 1914 г., М., 1915. 2) *Венгеровъ, С. А.* Источники словаря русскихъ писателей, Ааронъ—Ломоносовъ, т. I, Спб., 1900; т. II, Спб., 1910; т. III, Спб., 1914. 3) *Венгеровъ, С. А.* Русскія книги, съ біографич. данными объ авторахъ и переводчикахъ, А—Вавилонъ, т. I, Спб., 1897; т. II, Спб., 1898; т. III, Спб., 1899. 4) *Владиславлевъ, И. В.* Русскіе писатели. Опытъ библіографическаго пособія по новѣйшей русской литературѣ, Бердянскъ, 1909; 2-е перераб. и дополн. изд., М., 1913. 5) *Деруновъ, К. Н.* Примѣрный библіотечный каталогъ, ч. I, Спб., 1906; 2-е исправл. и дополн. изд., Спб., 1908; ч. II, Спб., 1906; 2-е исправл. и дополн. изд., Спб., 1911. 6) Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ, изд. т-ва Гранатъ, т. IX, М., 1911, стр. 239—251; библіографія составлена *П. Н. Сакулинымъ* и *А. Г. Фоминымъ.* 7) Исторія русской литературы XIX в., подъ ред. *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго,* изд. т-ва „Міръ", т. V, М., 1912, стр. 441—480, библіографія. 8) *Малининъ, Д. И.* Что читать по русской литературѣ XIX вѣка? Опытъ литер.-критич. указателя къ произведеніямъ русской литературы XIX вѣка, Юрьевъ, 1906; 2-е исправл. и дополн. изд., М., 1911. 9) *Мезіеръ, А. В.* Русская словесность. Библіографич. указатель, ч. II, Спб., 1902. 10) Модернисты, ихъ предшественники и критич. литература о нихъ, Одесса, 1908. 11) Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію, изд. Академіи Наукъ. 1908—1909 гг.: вып. I, Спб., 1909; вып. II, Спб., 1910; вып. III, Спб., 1910; вып. IV, Спб., 1910; Указатель, Спб., 1910.—1910 г.: вып. I, Спб., 1910; вып. II, Спб., 1911; Указатель, Спб., 1911.—1911 г.: вып. I, Спб., 1911; вып. II, Спб., 1912.—1912 г.: вып. I, Спб., 1913; вып. II, Спб., 1914. (Указаны нѣкоторыя книги и статьи по новѣйшей литературѣ). 12) *Рубакинъ, Н. А.* Среди книгъ, Спб., 1906; 2-е дополн. и перераб. изд., т. I, М., 1911; т. II, М., 1913. 13) Списки изданій, вышедшихъ въ Россіи въ NN году; издаются ежегодно, начиная съ 1884 г., Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати; съ 1903 г. наз.: Списки книгъ, вышедшихъ въ Россіи въ NN году; съ половины 1907 г. выходятъ въ видѣ еженедѣльнаго журнала, наз.: „Книжной Лѣтописью". 14) *Ульяновъ, Н. А.* Указатель журнальной литературы, вып. I, 1906—1910 гг., М., 1911; вып. II, 1896—1905 гг., М., 1913. 15) Энциклопед. словарь, изд. т-ва Гранатъ, 7-е изд., т. XI, М., 1912, приложеніе, стр. 610—738: *Владиславлевъ, И. В.* Біо-библіографич. указатель новѣйшей русской беллетристики.

Кромѣ перечисленнаго выше, см. библіографич. журналы, изъ которыхъ укажемъ лишь главные: а) „Книжный Вѣстникъ", изд. Русск. Общества книгопродавцевъ и издателей, съ 1884 г.; б) „Извѣстія книжныхъ магазиновъ т-ва М. О. Вольфъ", съ 1898 г.; в) „Литерат. Вѣстникъ", изд. Русск. Библіологическаго Общества, 1901—1904 гг.; г) „Бюллетени литературы и жизни", съ 1909 г.; д) „Библіотекарь", изд. Общества библіотековѣдѣнія, съ 1910 г.; е) „Библіографич. Извѣстія", изд. Русск. Библіографич. Общества при Московск. университетѣ, съ 1913 г. (Въ „Бюллетеняхъ литературы и жизни" и „Библіотекарѣ" между прочимъ приводятся выдержки изъ рецензій, напеч. въ различныхъ періодич. изданіяхъ).

II. Энциклопедическіе словари, сборники автобіографій и біографій и главнѣйшія антологіи.

1) Энциклопедич. Словарь, изд. Брокгаузъ-Ефрона. 2) Новый энциклопедич. Словарь, изд. Брокгаузъ-Ефрона. 3) Энциклопедич. Словарь, изд. т-ва Гранатъ. 4) Большая энциклопедія, изд. т-ва „Просвѣщеніе". 5) Русск. энциклопедія, изд. т-ва „Дѣятель". 6) Галлерея русск. писателей. Ред. *И. Игнатова,* изд. Скирмунта, М., 1901. 7) Галлерея русск. писателей и художниковъ, составилъ *Н. Мартовъ,* изд. П. Ѳ. Мертца, Спб., 1901. 8) „Русскія Вѣдомости" 1863—1913 гг., сборникъ, М., 1913. 9) Словарь членовъ Общества Любителей Россійской Словесности при Московск. университетѣ, М., 1911. 10) *Фидлеръ, Ф. Ф.* Первые литературные шаги, автобіографіи соврем. русск. писателей, М., 1911. 10а) Антологія. Изд. „Мусагета", М., 1911. 11) *Бончъ-Бруевичъ, В.* Избранныя произведенія русск. поэзіи, М., 1894; 2-е изд., Спб., 1899; 3-е изд., Спб., 1908; 4-е изд., Спб., 1908; 5-е изд., Спб., 1909. 12) Книга о русск. поэтахъ послѣдняго десятилѣтія. Очерки. Стих. Автографы. Подъ ред. *М. Гофмана,* Спб., 1909. 13) *Перцовы, П. и В.* Молодая поэзія, сборникъ избран. стих. молодыхъ русск. поэтовъ, Спб., 1895. 14) Послѣ Пушкина, сборн. стих. русск. поэтовъ, изд. „Русск. Мысли", М., 1890; 2-е дополн. изд., М., 1907. 15) *Сальниковъ, А. Н.* Русск. поэты за сто лѣтъ, въ портретахъ, біографіяхъ и образцахъ, Спб., 1901; 2-е изд., Спб., 1907. 16) *Сальниковъ, А. Н.* Соврем. русск. поэтессы, въ портретахъ, біографіяхъ и образцахъ, М., 1905. 17) *Свербеева, Л. Д.* Къ новымъ далямъ. Современ. лирика, Спб., 1909. 18) *Чеботаревская, Ан.* Думы и пѣсни. Сборн. новыхъ пѣсенъ, М., 1911. 19) *Штернъ, Е.* Соврем. русск. лирики (1907—1912), Спб., 1913. 20) *Н. Я.* (*Мельшинъ-Якубовичъ, Н. Ф.*). Русская муза, Спб., 1904; 2-е перераб. и дополн. изд., Спб., 1908; 3-е изд., Спб., 1914.

III. Коллективные сборники статей разнообразнаго содержанія.

1) Вершины. Изд. „Прометея", Спб., 1909. 2) Въ защиту интеллигенціи. Изд. „Зари", М., 1909. 3) Вѣхи. Сборникъ статей о русской интеллигенціи. М., 1909; 2-е изд., М., 1909; 3-е изд., М., 1909; 4-е изд., съ приложеніемъ библіографіи „Вѣхъ", М., 1909; 5-е изд., М., 1910. 4) „Вѣхи", какъ знаменіе времени. Изд. „Звена", М., 1910. 5) Жатва. 5 кн., М., 1911—1913. 6) Зарницы. Литерат.-политич. сборн., 2 кн., Спб., 1909. 7) Изъ исторіи новѣйшей русской литературы. Изд. „Звена", М., 1910. 8) Интеллигенція въ Россіи. Изд. „Земли", Спб., 1910. 9) Итоги. Изд. газеты „Курьеръ", М., 1903. 10) Кризисъ театра. Изд. „Проблемъ искусства", М., 1908. 11) Критическ. альманахъ. Изд. „Зари", вып. I, М., 1909, вып. II, М., 1910. 12) Куда мы идемъ? Настоящее и будущее русск. интеллигенціи, литературы, театра и искусствъ. Изд. „Зари", М., 1910. 13) Литерат. дѣло, Спб., 1902. 14) Литерат. распадъ. Критич. сборн. Кн. I, изд. „Зерна", Спб., 1908; 2-е изд. „Издательск. бюро", Спб., 1908; кн. II, изд. „Еоя", Спб., 1909. 15) На очереди. Спб., 1908. 16) На рубежѣ. Критич. сборн. Изд. „Нашего Времени", Спб., 1909. 17) О вѣяніяхъ времени. Изд. „Творчества",

Спб., 1906. 18) О критикѣ и критикахъ. Изд. „Зори", М., 1909. 19) Очерки реалистическаго міровоззрѣнія. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова, Спб., 1904; 2-е изд., Спб., 1905. 20) По „Вѣхамъ". Изд. „Зари", М., 1909; 2-е изд., М., 1909. 21) Проблемы идеализма. Подъ редакціей *П. И. Новгородцева*, изд. Московск. Психологич. Общества, М., 1903. 22) Сѣверные Цвѣты, альманахъ, изд. „Скорпіона", вып. I—V, М., 1901—1911. 23) Театръ. Книга о новомъ театрѣ. Изд. „Шиповника", Спб., 1908. 24) Текущій моментъ. М., 1906.

IV. Исторія русской литературы, общественной мысли и движеній, собранія историко-литературныхъ, критическихъ, философскихъ и публицистическихъ статей.

1) *Абрамовичъ, Н. Я.* Въ осеннихъ садахъ. Литература сегодняшняго дня, М., 1909. 2) *Абрамовичъ, Н. Я.* Литературно-критическіе очерки. Кн. I, Творчество и жизнь, Спб., 1909; кн. II, Художники и мыслители, М., 1911. 3) *Айхенвальдъ, Ю. И.* Отдѣльныя страницы, 2 тт., М., 1910. 4) *Айхенвальдъ, Ю. И.* Силуэты русскихъ писателей, вып. III, М., 1910; 2-е изд., М., 1913. 5) *Александровичъ, Ю.* Исторія новѣйш. русск. литературы (1880—1910), ч. I, Чеховъ и его время, М., 1911. 6) *Александровичъ, Ю.* Послѣ Чехова. Очеркъ молодой литературы послѣдняго десятилѣтія (1898—1908), т. I, М., 1908; т. II, М., 1909. 7) *Амфитеатровъ, А. В.* Контуры, Спб., 1906. 8) *Амфитеатровъ, А. В.* Курганы, Спб., 1905. 9) *Амфитеатровъ, А. В.* Литерат. альбомъ, Спб., 1904; 2-е изд., Спб., 1907. 10) *Амфитеатровъ, А. В.* Противъ теченія, Спб., 1908. 11) *Амфитеатровъ, А. В.* Собраніе сочиненій, т. XV, Мутные дни, Спб., 1912. 12) *Амфитеатровъ, А. В.* Современники, М., 1908. *Андреевичъ* см. *Соловьевъ, Е.* 13) *Андреевскій, С. А.* Литерат. очерки, Спб., 1902 (3-е изд. Литерат. чтеній); 4-е изд., Спб., 1913. 14) *Аничковъ, Е. В.* Литерат. образы и мнѣнія, Спб., 1904. 15) *Анненскій, И. Ѳ.* Книга отраженій, Спб., 1906. 16) *Анненскій, И. Ѳ.* Вторая книга отраженій, Спб., 1909. 17) *Апостоловъ, Н.* Импрессіонизмъ и модернизмъ. Обозрѣніе новой поэзіи: ея развитіе, ея мотивы, ея адепты, Кіевъ, 1908. 18) *Апостоловъ, Н.* Литерат. очерки, Кіевъ, 1907. 19) *Арабажинъ, К. И.* Публичн. лекціи о русск. писателяхъ, Спб., 1909; 2-е изд.: Этюды о русск. писателяхъ, Спб., 1912. 20) *Ардовъ, Т. (Гарднеръ, В.).* Отраженія личности. Критич. опыты, М., 1909. 21) *Баженовъ, Н. Н.* Психіатрич. бесѣды на литерат. и общественн. темы, М., 1903. 22) *Баженовъ, Н. Н.* Символисты и декаденты. Психіатрич. этюдъ, М., 1899. 23) *Базаровъ, В.* На два фронта, Спб., 1910. 24) *Бальмонтъ, К. Д.* Бѣлыя зарницы. Мысли и впечатлѣнія, Спб., 1908. 25) *Бальмонтъ, К. Д.* Горныя вершины. Сборн. статей, М., 1904. 26) *Батюшковъ, Ѳ. Д.* Критич. очерки и замѣтки, т. I, Спб., 1900; т. II, Спб., 1902. *Бельтовъ*—см. *Плехановъ.* 27) *Бердяевъ, Н.* Духовный кризисъ интеллигенціи. Статьи по общественной и религіозной психологіи (1907—9 г.), Спб., 1910. 28) *Бердяевъ, Н.* Новое религіозное сознаніе и общественность, Спб., 1907. 29) *Бердяевъ, Н.* Sub specie aeternitatis. Опыты философскіе, соціальные и литерат. (1900—1906 гг.), Спб., 1907. 30) *Богдановичъ, А. И.* Годы перелома (1895—1906). Сборникъ критич. статей, Спб., 1908. 31) *Богдановъ, А.* Изъ психологіи общества, Спб., 1904; 2-е изд., Спб., 1906. 32) *Боцяновскій, В. Ѳ.* Богоискатели, Спб., 1911. 33) *Бразоль, Б. Л.* Критич. Грани, Спб., 1910. 34) *Брандесъ, Г.* Собраніе сочиненій, т. VI, Кіевъ, 1902; изд. „Просвѣщенія", т. XIX, Спб., 1913. 35) *Брюсовъ, В. Я.* Далекіе и близкіе. Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней, М., 1912. 36) *Булгаковъ, С.* Отъ марксизма къ идеализму, Сборн. статей (1896—1903), Спб., 1903. 37) *Бурнакинъ, А.* Трагическія антитезы, М., 1910. 38) *Бѣлый, А.* Арабески, М., 1911. 39) *Бѣлый, А.* Лугъ зеленый, М., 1910. 40) *Бѣлый, А.* Символизмъ, М., 1910. 41) *Гей (Наз[illegible], Б.)* Сумерки русской литературы, М., 1912. 42) *Венгеровъ, С. А.* Въ чемъ очарованіе русской литературы XIX вѣка? Спб., 1912. 43) *Венгеровъ, С. А.* Основныя черты исторіи новѣйшей русск. литературы, Спб., 1899; 2-е изд., съ прибавленіемъ этюда: „Побѣдители или побѣжденные?" (О модернизмѣ), Спб., 1909. 44) *Венгеровъ, С. А.* Очерки по исторіи русской литературы, 1-е и 2-е изд., Спб., 1907. 45) *Венгеровъ, С. А.* Собраніе сочиненій, т. I, Героическій характеръ русской литературы, Спб., 1911. 46) *Войтоловскій, Л.* Текущій моментъ и текущая литература, Спб., 1908. 47) *Волжскій.* Изъ міра литерат. исканій, Сборникъ статей, Спб., 1906. 48) *Волошинъ, М.* Лики творчества, кн. I, Спб., 1913. 49) *Волынскій, А. Л.* Борьба за идеализмъ. Критическ. статьи, Спб., 1900. 50) *Волынскій, А. Л.* Книга великаго гнѣва. Критич. статьи. Замѣтки. Полемика, Спб., 1904. 51) *Крайній, А. (Гиппіусъ, З. Н.).* Литерат. дневникъ (1899—1907), Спб., 1908. 52) *Головинъ, К. Ѳ.* Русскій романъ и русское общество, Спб., 1897; 2-е изд., Спб., 1904, часть IV, Современное затишье. 53) *Горнфельдъ, А. Г.* Книги и люди, Спб., 1908. 54) *Горнфельдъ, А. Г.* О русск. писателяхъ, т. I, Спб., 1912. 55) *Гофманъ, М.* Соборный индивидуализмъ, Спб., 1907. 56) *Грифцовъ, Б.* Три мыслителя: В. Розановъ, Д. Мережковскій, Л. Шестовъ, М., 1911. 57) *Гу[illegible], М. Э.* Новыя вѣянія и настроенія, Одесса, 1903. 58) *Гуревичъ, Л. Я.* Литература и эстетика. Критич. опыты и этюды, М., 1912. 59) *[illegible], М. Н. ([illegible]).* Въ дружеской бесѣдѣ, Спб., 1901. 60) *[illegible], Е.* Литерат.-критич. очерки, М., 1906. 61) *Жураковскій, Е.* Симптомы литерат. эволюціи, Критич. очерки, т. I, М., 1903. 62) *Закржевскій, А.* Карамазовщина. Психологич. параллели, Кіевъ, 1912. 63) *Закржевскій, А.* Подполье. Психологич. параллели, Кіевъ, 1910. 64) *Закржевскій, А.* Религія. Психологич. параллели, Кіевъ, 1913. 65) *Закржевскій, А.* Сверхчеловѣкъ надъ бездной, Кіевъ, 1911. 66) *Ивановъ, Вяч.* По звѣздамъ. Статьи и афоризмы, Спб., 1909. 67) *Ивановъ-Разумникъ.* Исторія русск. обществен. мысли, 2 тт., Спб., 1907; 2-е изд., Спб., 1908; 3-е изд., Спб., 1911. 68) *Ивановъ-Разумникъ.* Литература и общественность, Спб., 1910; 2-е изд., Спб., 1911. 69) *Ивановъ-Разумникъ.* Объ интеллигенціи. (Что такое махаевщина? Кающіеся разночинцы), Спб., 1910. 70) *Ивановъ-Разумникъ.* О смыслѣ жизни: Ѳ. Сологубъ, Л. Андреевъ, Л. Шестовъ, Спб., 1908; 2-е изд., Спб., 1910. 71) *Ивановъ-Разумникъ.* Творчество и критика, Спб., 1911. 72) *Измайловъ, А. А.* Кривое зеркало. Пародіи и шаржи, Спб., 1908; 2-е изд., Спб., 1910; 3-е изд., Спб., 1912. 73) *Измайловъ, А. А.* Литерат. Олимпъ, М., 1911. 74) *Измайловъ, А. А.* На переломѣ. Литерат. размышленія, Спб., 1908. 75) *Измайловъ, А. А.* Пестрыя знамена. Литерат. портреты безвременья, М., 1913. 76) *Измайловъ, А. А.* Помраченіе божковъ и новые кумиры, М., 1910. 77) *Ильинъ, В.* За 12 лѣтъ, Собраніе статей, т. I, Спб., 1908. 78) Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Изд. т-ва Гранатъ, 9 тт., М., 1910—1911. (См. т. IX, стр. 1—116, *Неведомскій.* 80-е и 90-е годы въ нашей литературѣ). 79) Исторія русской литературы XIX в., подъ ред. *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго*, изд. т-ва „Міръ", 5 тт., М., 1908—1912. (См. т. V). 80) Книга о русск. поэтахъ послѣдняго десятилѣтія. Очерки, стихотворенія, автографы, подъ ред. *М. Гофмана*, Спб., 1909. 81) *Коганъ, П. С.* Очерки по исторіи новѣйшей русск. литературы, т. III, Современники, вып. I, М., 1910; 2-е изд., М., 1911; вып. II, М., 1910; 2-е изд., М., 1912; вып. III, М., 1911. 82) *Колтоновская, Е. А.* Женскіе силуэты, Спб., 1912. 83) *Колтоновская, Е. А.* Критич. этюды, Спб., 1912. 84) *Колтоновская, Е. А.* Новая жизнь, критич. статьи, Спб., 1910. 85) *Кораблевъ, В. Н.* Литерат. замѣтки, Спб., 1908. 86) *Коробка, Н. И.* Очерки литерат. настроеній, Спб., 1903. *Крайній, А.*—см. *Гиппіусъ, З. Н.* 87) *Кранихфельдъ, В. П.* Въ мірѣ идей и образовъ, т. I, Спб., 1911; т. II, Спб., 1912. 88) *Кропоткинъ, П.* Идеалы и дѣйствительность въ русск. литературѣ, перев. съ англ. *В. Батуринскаго*, подъ ред. автора, изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1907. 89) *Ктитаревъ, Я.* Вопросы религіи и морали въ русской художественной литературѣ, ч. II, Спб., 1913. 90) *Луначарскій, А.* Идеи въ маскахъ, М., 1912. 91) *Луначарскій, А.* Отклики жизни, сборн. статей, Спб., 1906. 92) *Луначарскій, А.* Этюды критич. и полемич., М., 1905. 93) *Львовъ-Рогачевскій, В.* Борьба за жизнь, сборн. статей, Спб., 1907. 94) *Львовъ-Рогачевскій, В.* Снова накануне, сборн. критич. статей и замѣтокъ, М., 1913. 95) *Мейеръ, А.* Религія и культура. По поводу современныхъ религіозныхъ исканій, Спб., 1909. *Мельшинъ*—см. *Якубовичъ, П. Ф.* 96) *Меньшиковъ, М. О.* Критич. очерки, Спб., 1899; т. II, Спб., 1902. 97) *Меньшиковъ, М. О.* О писательствѣ, Спб., 1898. 98) *Мережковскій, Д. С.* Больная Россія, Спб., 1910. (*Перепеч.:* Полное собраніе сочиненій, изд. т-ва Вольфъ, т. XII, Спб., 1911, и изд. т-ва Сытина, т. XV, М., 1914). 99) *Мережковскій, Д. С.* I. Грядущій Хамъ. II. Чеховъ и Горькій, Спб., 1906. (*Перепеч.:* Полное собраніе сочиненій, изд. т-ва Вольфъ, т. XI, Спб., 1911, и изд. т-ва Сытина, т. XIV, М., 1914). 100) *Мережковскій, Д. С.* Не миръ, но мечъ. Къ будущей критикѣ христіанства, Спб., 1908. (*Перепеч.:* Полное собраніе сочиненій, изд. т-ва Вольфъ, т. X, Спб., 1911, и изд. т-ва Сытина, т. XIII, М., 1914). 101) *Мережковскій, Д. С.* О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы, Спб., 1893. (*Перепеч.:* Полное собраніе сочиненій, изд. т-ва Вольфъ, т. XV, Спб.,

1912, и изд. т-ва Сытина, т. XVIII, М., 1914). 102) *Мережковский, Д. С.* Полное собраніе сочиненій, изд. т-ва Вольфъ, 17 тт., Спб., 1911—1913; изд. т-ва Сытина, 24 тт., М., 1914. 103) *Минскій, Н. М.* На общественн. темы, Спб., 1909; 2-е изд., Спб., 1909. 104) *Минскій, Н. М.* Религія будущаго, Спб., 1905. 105) *Михайловскій, Н. К.* Литерат. воспоминанія и современ. смута, 2 тт., Спб., 1906; 2-е изд., Спб., 1905. (*Перепеч.:* Собраніе сочиненій, т. VII, Спб., 1909). 106) *Михайловскій, Н. К.* Отклики, 2 тт., Спб., 1904. (*Перепеч.:* Собраніе сочиненій, т. VIII, Спб., 1914). 107) *Михайловскій, Н. К.* Послѣднія сочиненія, 2 тт., Спб., 1905. (Составить т. IX Собранія сочиненій). 108) *Михайловскій, Н. К.* Собраніе сочиненій, т. I, Спб., 1896; 5-е изд., Спб., 1911; т. II, Спб., 1896; 4-е изд., Спб., 1907; т. III, Спб., 1897; 4-е изд., Спб., 1909; т. IV, Спб., 1897; 4-е изд., Спб., 1909; т. V, Спб., 1897; 4-е изд., Спб., 1908; т. VI, Спб., 1897; 2-е изд., Спб., 1909; т. VII, Спб., 1909; т. VIII, Спб., 1914; т. X, Спб., 1913. 109) *Морозовъ, М.* Очерки новѣйшей литературы, Спб., 1911. 110) *Николаевъ, П. И.* Эфемериды, Кіевъ, 1912. 111) *Николаевъ, П. Ѳ.* Вопросы жизни въ соврем. литературѣ, М., 1902. 112) *Новополинъ, Г. С.* Въ сумеркахъ литературы и жизни, Харьковъ, 1902. 113) *Новополинъ, Г. С.* Порнографич. элементъ въ русск. литературѣ, Екатеринославъ, 1909. 114) Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка, подъ ред. *Л. Мартова, П. Маслова* и *А. Потресова*, т. I, Спб., 1909; т. II, Спб., 1910; т. IV, Спб., 1910—1911 (т. I, стр. 483—537, *Новополинъ*. Наша художественная литература предревольюц. эпохи). 115) *Овсянико-Куликовскій, Д. Н.* Собраніе сочиненій, т. IX, Исторія русской интеллигенціи, ч. III, 80-е гг. и начало 90-хъ гг., Спб., 1911. (Продолженіе печаталось въ „Вѣстн. Воспитанія", 1912—1914 гг.). 116) *Перцовъ, П.* Первый сборникъ, Спб., 1902. 117) *Перцовъ, П.* Письма о поэзіи, Спб., 1895. 118) *Перцовъ, П.* Философскія теченія русской поэзіи, Спб., 1896; 2-е изд., Спб., 1899. 119) *Потресовъ, Г. С.* Братья-писатели, Спб., 1903. 120) *Пильскій, П.* Критич. статьи, т. I, О Л. Андреевѣ, В. Брюсовѣ, Н. Минскомъ и др., Спб., 1910. 121) *Пильскій, П.* Проблема пола, половые авторы и половой герой, Спб., 1909. 122) *Бельтовъ, Н.* (*Плехановъ, Г. В.*). За двадцать лѣтъ. Сборн. статей литерат., экономич. и философско-историч., Спб., 1905; 2-е изд., Спб., 1906; 3-е изд., Спб., 1909. 123) *Бельтовъ, Н.* (*Плехановъ, Г. В.*). Критика нашихъ критиковъ, Спб., 1906. 124) *Бельтовъ, Н.* (*Плехановъ, Г. В.*). Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію, Спб., 1895; 2-е изд., Спб., 1906; 3-е изд., Спб., 1908; 4-е изд., Спб., 1909. 125) *Плехановъ, Г. В.* Отъ обороны къ нападенію, М., 1910. 126) *Полевой, Н. Н.* Исторія русск. словесности съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, 3 тт., Спб., 1900. (См. т. III). 127) *Портнягинъ, Ю. В.* Къ психологіи русск. литерат. теченій эпохи 1860 — 1890 гг., Оренбургъ, 1908. 128) *Потресовъ, А. Н.* (*Старовѣръ*). Этюды о русской интеллигенціи, Спб., 1906. 129) *Поярковъ, И.* Поэты нашихъ дней, критич. этюды, М., 1907. 130) *Протопоповъ, М.* Критич. статьи, М., 1902. 131) *Пышехоновъ, А.* На очередныя темы, Спб., 1904. 132) *Радинъ, Г. И.* Проблема пола въ современ. литературѣ и больные нервы, Спб., 1910. 133) *Розановъ, В. В.* Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго, Спб., 1901; 2-е изд., Спб., 1904. 134) *Розановъ, В. В.* Критич. этюды, Спб., 1904. 135) *Розановъ, В. В.* Литерат. очерки, Спб., 1899; 2-е изд., Спб., 1902. 136) *Розановъ, В. В.* Природа и исторія, Спб., 1900; 2-е изд., Спб., 1903. 137) *Розановъ, В. В.* Религія и культура, Спб., 1899; 2-е изд., Спб., 1901. 138) *Розановъ, В. В.* Уединенное, Спб., 1912. 139) *Розановъ, И. И.* О новомъ религіозномъ сознаніи (Мережковскій и Бердяевъ), М., 1908. 140) *Рыбаковъ, В. Е.* Соврем. писатели и больные нервы, М., 1908. 141) *Сементковскій, Р. И.* Сочиненія, 3 тт., Спб., 1906. 142) *Скабичевскій, А. М.* Исторія новѣйшей русск. литературы, Спб., 1891; 2-е изд., Спб., 1893; 3-е изд., Спб., 1897; 4-е изд., Спб., 1900; 5-е изд., Спб., 1903; 7-е изд., Спб., 1909. 143) *Скабичевскій, А. М.* Сочиненія, 2 тт., Спб., 1890; 2-е изд., Спб., 1895; 3-е дополн. изд., Спб., 1903. 144) *Слонимъ, М. Л.* Смыслъ жизни человѣка по произведеніямъ Андреева, Сологуба, Горькаго, Метерлинка и рѣшеніе его въ христіанствѣ, Харьковъ, 1910. 145) *Соловьевъ, Б. С.* Собраніе сочиненій, тт. I—IX, Спб., 1901—1907; 2-е изд., тт. I—X, Спб., 1911—1914. 146) *Андреевичъ* (*Соловьевъ, Е.*). Опытъ философіи русск. литературы, Спб., 1905; 2-е изд., Спб., 1909. 147) *Соловьевъ, Е.* (*Андреевичъ*) Очерки изъ исторіи русской литературы XIX вѣка, Спб., 1902; 2-е изд., Спб., 1903; 3-е изд., Спб., 1907. 148) *Столяровъ, М.* Новѣйшіе русскіе новеллисты, Кіевъ, 1901. 149) *Столяровъ, М.* Этюды о декадентствѣ. (Новое вѣяніе въ современной литературѣ), Харьковъ, 1899. 150) *Струве, П. Б.* На разныя темы (1893—1901 гг.), Спб., 1902. 151) *Струве, П. Б.* Patriotica. Политика, культура, религія, соціализмъ. Сборн. статей за пять лѣтъ (1905—1910 гг.), Спб., 1911. 152) *Туганъ-Барановскій, М.* Къ лучшему будущему, Спб., 1912. 153) *Философовъ, Д. В.* Слова и жизнь. Литерат. споры новѣйшаго времени (1901—1908 гг.), Спб., 1909. 154) *Философовъ, Д. В.* Старое и новое, М., 1912. 154а) *Франкъ, С.* Философія и жизнь, Спб., 1910. 155) *Фриче, В. М.* Отъ Чернышевскаго къ „Вѣхамъ", М., 1910. 156) *Чернова, В.* Философскіе и соціологическіе этюды, М., 1907. 157) *Чуковскій, К. И.* Критич. разсказы, Спб., 1911; 2-е изд.: Книга о современ. писателяхъ, Спб., 1914. 158) *Чуковскій, К. И.* Лица и маски, Спб., 1914. 159) *Чуковскій, К. И.* Отъ Чехова до нашихъ дней, Спб., 1908; 2-е изд., Спб., 1908; 3-е изд., Спб., 1908. 161) *Чуковъ, Г.* О мистическомъ анархизмѣ, Спб., 1906. 162) *Чуковъ, Г.* Покрывало Изиды, критич. очерки, М., 1909. 163) *Чуковъ, Г.* Сочиненія, т. V, Спб., 1912. 164) *Чуносовъ, М.* Критич. статьи, Спб., 1904. 165) *Шейнфинкель, М. О.* Психопатологія и литература, Спб., 1910. 166) *Шестовъ, Л.* Апоѳеозъ безпочвенности, Спб., 1905. (*Перепеч.:* Собраніе сочиненій, т. IV, Спб., 1911). 167) *Шестовъ, Л.* Начала и концы, Спб., 1908. (*Перепеч.:* Собраніе сочиненій, т. V, Спб., 1911). 168) *Шестовъ, Л.* Собраніе сочиненій, 6 тт., Спб., 1911. 169) *Эллисъ.* Русскіе символисты, М., 1910. 170) *Эрбергъ, К.* Цѣль творчества, М., 1913. 171) *Эрнъ, В.* Борьба за логосъ. Опыты философ. и критич., М., 1911. 172) *Юшкевичъ, П.* Міровоззрѣніе и міровоззрѣнія (Очерки и характеристики), Спб., 1912. 173) *Юшкевичъ, П.* Новыя вѣянія. (Очерки современныхъ религіозныхъ исканій), Спб., 1911. 174) *Юшкевичъ, П.* Столпы философской ортодоксіи, Спб., 1910. 175) *Мельшинъ, Л.* (*Грибоѣдовъ-Якубовичъ, П. Ф.*) Очерки русск. поэзіи, Спб., 1904; 2-е изд., Спб., 1911.

К. Д. Бальмонтъ.

Сочиненія К. Д. Бальмонта.

I. Поэзія и беллетристика.

А. Произведенія, изданныя отдѣльно.

1) Сборникъ стихотвореній, Ярославль, 1890, 8°, стр. 140+III, 1.200 экз. 2) Подъ сѣвернымъ небомъ. Элегіи, стансы, сонеты, Спб., 1894, 8°, стр. 83 + III, 2.000 экз.: 2-е изд.: Собраніе стиховъ, т. I, М., 1905 (см. ниже); 3-е изд.: Полное собраніе стиховъ, т. I, М., 1909 (см. ниже). 3) Въ безбрежности (Изъ предѣлы. Любовь и тѣни любви. Между ночью и днемъ), М., 1895, 16°, стр. 173+IV, 1.200 экз.: 2-е изд., М., 1896, 8°, стр. 173 + IV, 600 экз.: 3-е изд.: Собраніе стиховъ, т. I, М., 1905 (см. ниже); 4-е изд.: Полное собраніе стиховъ, т. I, М., 1909 (см. ниже). 4) Тишина. Лирическія поэмы, Спб., 1898, 8°, стр. 160+IV, 1.200 экз.; 2-е изд.: Собраніе стиховъ, т. I, М., 1905 (см. ниже); 3-е изд.: Полное собраніе стиховъ, т. I, М., 1909 (см. ниже). 5) Горящія зданія. Лирика современной души, М., 1900, 8°, стр. 213, 1.200 экз.: 2-е изд.: Собраніе стиховъ, т. II, М., 1904 (см. ниже); 3-е изд.: Полное собраніе стиховъ, т. II, М., 1908 (см. ниже). 6) Будемъ какъ солнце. Книга символовъ. Изд. „Скорпіонъ", М., 1903, 8°, стр. 1—290, 1.200 экз., 2-е изд.: Собраніе стиховъ, т. II, М., 1904 (см. ниже); 3-е изд.: Полное собраніе стиховъ, т. III, М., 1908 (см. ниже); 4-е изд., М., 1912 (см. ниже). 7) Только любовь. Семицвѣтникъ. Изд. „Грифъ", М., 1904, 8°, стр. 216+2, 1.500 экз.; 2-е изд., „Грифъ", М., 1908, 16°, стр. 138, 1.500 экз.; 3-е изд.: Полное собраніе стиховъ, т. IV, М., 1913 (см. ниже). 8) Собраніе стиховъ. Изд. „Скорпіонъ". Т. I. Подъ сѣвернымъ небомъ (2-е изд.). Въ безбрежности (3-е изд.). Тишина (2-е изд.). М., 1905,

8°, стр. 267, 2.400 экз.—Т. II. Горящія зданія (2-е изд.). Будемъ какъ солнце (2-е изд.). М., 1904, 8°, стр. 405, 2.400 экз. 9) Литургія красоты. Стихійные гимны. Изд. „Грифа", М., 1905, 8°, стр. 234+4, 1.500 экз.; 2-е изд.: Полное собраніе стиховъ, т. V, М., 1911 (см. ниже). 10) Фейныя сказки. Дѣтскія пѣсенки. М., 1905; 2-е изд.: Полное собраніе стиховъ, т. VI, М., 1911 (см. ниже). 11) Злыя чары. Книга заклятій. Изд. „Золотого Руна", М., 1906. 2-е изд.: Полное собраніе стиховъ, т. VI, М., 1911 (см. ниже). 12) Стихотворенія. Изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1906. 13) Пѣсни мстителя. Стих., Paris, 1907, 8°, стр. 64. 14) Три расцвѣта. Драма. Театръ юности и красоты. Изд. М. В. Пирожкова, Спб., 1907, 8°, стр. 39, 2.000 экз. 15) Птицы въ воздухѣ. Строки напѣвныя. Изд. „Шиповника", Спб., 1908, 8°, стр. 228+5, 2.300 экз.; 2-е изд.: Полное собраніе стиховъ, т. IX, М., 1912 (см. ниже). 16) Зеленый вертоградъ. Слова поцѣлуйныя. Изд. „Шиповника", Спб., 1909, 8°, стр. 248+IV, 1.300 экз.; 2-е изд.: Полное собраніе стиховъ, т. VIII, М., 1911 (см. ниже). 17) Зарево зорь. Изд. „Грифа", М., 1912, 16°, стр. 168+2, 1.300 экз. 18) Звенья. Избр. стихи. 1890—1912 гг. Изд. „Скорпіона", М., 1913, стр. VI+280. 19) Бѣлый Зодчій. Таинство четырехъ свѣтильниковъ. Стихи. Изд. „Сирина", Спб., 1914, 8°, стр. 324, 2.325 экз. 20—21) Полное собраніе стиховъ. Изд. „Скорпіона". Т. I. Подъ сѣвернымъ небомъ (3-е изд.). Въ безбрежности (4-е изд.). Тишина (3-е изд.), М., 1909, 8°, стр. 267+7, 2.000 экз.—Т. II. Горящія зданія (3-е изд.), М., 1908, 8°, стр. 170, 2.000 экз.—Т. III. Будемъ какъ солнце (3-е изд.), М., 1908, 8°, стр. 234, 2.000 экз.; (4-е изд.). М., 1912, 8°, стр. 231, 2.100 экз.—Т. IV. Только любовь (3-е изд.), М., 1913, 8°, стр. 140.—Т. V. Литургія красоты (2-е изд.), М., 1911, 8°, стр. 148+III, 2.000 экз.—Т. VI. Фейныя сказки. Злыя чары (2-е изд.), М., 1911, 8°, стр. 136+12, 2.050 экз.—Т. VII. Жаръ-птица. Свирѣль славянина, М., 1907, 8°, стр. 234+4, 2.000 экз.—Т. VIII. Зеленый вертоградъ (2-е изд.), М., 1911, 8°, стр. 153+II, 2.050 экз.—Т. IX. Птицы въ воздухѣ (2-е изд.), М., 1912, 8°, стр. 153+10, 2.050 экз.—Т. X. Хороводъ временъ, М., 1909, 8°, стр. 119+II, 2.000 экз.

Б. Произведенія (за исключеніемъ отдѣльныхъ стихотвореній), напечатанныя въ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ.

22) Прощальный взглядъ. Эскизъ.—„Русск. Вѣд.", 1894, № 13. 23) Разлука. Эскизъ.—„Русск. Вѣд.", 1894, № 13. 24) Сказка ночи. Эскизъ.—„Русск. Вѣд.", 1894, № 13. 25) Мертвые корабли. Поэма.—„Почипъ", сборн. на 1896 г., М., 1896, стр. 372—375. 26) Двѣ чайки.—„Русск. Вѣд.", 1897, № 107. 27) Донъ-Жуанъ. (Пять отрывковъ изъ поэмы).—„Книжки „Недѣли", 1898, кн. IX, стр. 60—63. 28) Лирика мыслей. Символика настроеній.—Книга раздумій. Сборн. стих. К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Дурнова и И. Коневского. Спб., 1899. 29) Страницы изъ книги: „Лирика современной души".—„Жизнь", 1899, кн. XI. 30) Поэзія стихій.—„Міръ Искусства", 1904, № 12. 31) Три расцвѣта. Драма.—„Сѣверн. Цвѣты Ассирійскіе на 1904—1905 гг.", альманахъ, изд. „Скорпіона", стр. 1—28. 32) Птица Гертруда. Норвежская сказка.—„Журн. для всѣхъ", 1906, кн. VIII. 33) Человѣческая повѣсть Квичей-Майевъ. Отрывки изъ Священной книги: „Popol Vuh". (Изъ теогоніи народностей древней Мексики).—„Золот. Руно", 1906, № 1, стр. 78—89; № 2, стр. 45—57. 34) Былины.—„Соврем. Міръ", 1907, кн. III и IV. 35) Бѣлый лебедь. Поэма.—„Золот. Руно", 1908, № 3—4, стр. 39—43. 36) Васенька. Разск.—„Золот. Руно", 1908, № 11—12, стр. 42—45. 37) Воздушный путь. Разск.—„Русск. Мысль", 1908, кн. XI, стр. 92. 38) Крикъ въ ночи. Разск.—„Шиповникъ", альманахъ, 1908, кн. VI. 39) Ревность. Разск.—„Шиповникъ", альманахъ, 1908, кн. VI. 40) Сибилла. Очеркъ.—„Золот. Руно", 1909, № 10, стр. 28—31. 41) Ливерпуль. Разск.—„Русск. Мысль", 1909, кн. III, стр. 1.

II. Критика, искусство, философія, публицистика и путешествія.

А. Произведенія, изданныя отдѣльно.

42) М. Ю. Лермонтовъ. Личность поэта и его жизнь. Спб., 1891. (Книга эта указана въ нѣсколькихъ библіографическихъ трудахъ; провѣрить это указаніе не удалось: книги этой нѣтъ въ Импер. Публичн. Библіотекѣ). 43) Горныя вершины. Искусство и литература. Сборникъ статей. Изд. „Грифа", М., 1904, 8°, стр. 4+209+1, 1.500 экз. (*Содерж.*: Поэзія ужаса.—Чувство личности въ поэзіи.—Кальдероновская драма личности.—Избранникъ... —Гений открытія (Э. По).—О „Цвѣтахъ Зла".—О русскихъ поэтахъ.—Элементарныя слова о символической поэзіи.—... Кн. А. И. Урусовъ.—Поэтъ „Ничто".—Поэзія Оскара Уайльда.—О Шелли.—Призракъ... людей.—Испанскія народныя пѣсни.—Типъ Донъ Жуана въ міровой литературѣ.—О художникахъ. 44) Бѣлыя зарницы. Мысли и впечатлѣнія. Изд. М. В. Пирожкова, Спб., 1908, 8°, стр. 217, 3.000 экз. (*Содерж.*: Избранникъ Земли (Памяти Гете).—Поэзія Стихій (Земли, Воды, Огня и Воздуха).—Певецъ личности и жизни (У. Уитманъ).—Поэзія борьбы (Поэтъ-гражданинъ Демократіи).—Объ Уайльдѣ.—Тайна одиночества и смерти (О творчествѣ Метерлинка).—Символизмъ народныхъ повѣрій.—Флейты изъ человѣческихъ костей. Славянская душа текущаго мгновенія. 45) Змѣиные цвѣты. (Путевыя письма изъ Мексики). Изд. „Скорпіона", М., 1910, 4°, стр. 248, 200 экз. 46) Морское свѣченіе. Изд. М. О. Вольфа, Спб., 1910, 8°, стр. 260, 2.000 экз. (*Содерж.*: Чувство расы въ творчествѣ (1907).—Малыя зерна. Мысли и ощущенія (1907).—Разныя звѣзды. Мысли и ощущенія (1907).—Русалочьи кружева. Вѣстніе (1907).—Горящее ... (1907).—Колокольчикъ дерзкій (О польскихъ преданіяхъ).—Тайна вѣчной юности.—Лина—О жестокости (1908).—Наше литературное сегодня. Замѣтки (1908).—О книгахъ и вражде.—О книгахъ для дѣтей. Замѣтка (1908).—Пылкость солнца. Бретань (1908).—Бретонскія легенды (1908).—Съ Балтійскихъ береговъ. Путевая паутинка (1908). 47) Испанскія народныя пѣсни. Любовь и ненависть. Изд. И. Д. Сытина, М., 1911, 8°, стр. 107, 4.000 экз. 48) Край Озириса. Египетскіе очерки. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ, М., 1913, стр. 324.

Б. Произведенія (за исключеніемъ рецензій), напечатанныя въ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ.

49) Новая книга объ Ибсенѣ.—„Русск. Вѣд.", 1892, № 91. 50) Бьернстьерне Бьернсонъ.—„Русск. Вѣд.", 1892, № 238. 51) Сердце сердецъ Шелли.—„Русск. Вѣд.", 1892, № 291. 52) Сюлли Прюдомъ.—„Русск. Вѣд.", 1893, № 210. 53) Шелли и Байронъ.—„Русск. Вѣд.", 1894, № 211. 54) Нѣсколько словъ о типѣ Фауста.—„Жизнь", 1899, кн. VII. 55) Избранникъ Земли. (Памяти Гете).—„Жизнь", 1899, кн. IX. 56) Поэзія ужаса. Франциско Гойя, какъ авторъ офортовъ.—„Міръ Искусства", 1899, № 11—12. 57) Испанскія народныя пѣсни.—„Жизнь", 1900, кн. V, стр. 245. 58) Шелли.—„Журналъ для всѣхъ", 1901, кн. I. 59) Поклоненіе Кресту.—„Міръ Искусства", 1901, № 11—12. 60) Кальдероновская драма личности. „Жизнь есть сонъ".—„Міръ Искусства", 1903, № 3. 61) Типъ Донъ-Жуана въ міровой литературѣ.—„Міръ Искусства", 1903, № 5—6. 62) Некрасовъ.—„Нов. Путь", 1903, кн. III, стр. 41—47. 63) Чувство личности въ поэзіи.—„Сѣверн. Цвѣты на 1903 г.", альманахъ, изд. „Скорпіона", стр. 59—76. 64) Поэзія О. Уайльда.—„Вѣсы", 1904, кн. I. 65) Символизмъ народныхъ повѣрій.—„Вѣсы", 1904, кн. III. 66) Маску долой! Письмо въ редакцію.—„Вѣсы", 1904, кн. III. 67) Певецъ личности и жизни (Уитманъ).—„Вѣсы", 1904, кн. VII. 68) Поэзія Стихій.—„Вѣсы", 1905, кн. I. 69) Тайна одиночества и смерти (О творчествѣ Метерлинка).—„Вѣсы", 1905, кн. II. 70) Въ странахъ солнца (Письма изъ кругосвѣтнаго путешествія).—„Вѣсы", 1905, кн. IV, VI и VIII. 71) Два слова объ Америкѣ. Изъ писемъ съ дороги.—„Золот. Руно", 1906, № 1, стр. 72—76. 72) Объ Уайльдѣ.—„Золот. Руно", 1906, № 2, стр. 91—94. 73) Флейты изъ человѣческихъ костей. Славянская душа текущаго мгновенія.—„Золот. Руно", 1906, № 6, стр. 43—52. 74) Малыя зерна. Мысли и ощущенія.—„Вѣсы", 1907, кн. III. 75) Разныя звѣзды. Мысли и ощущенія.—„Золот. Руно", 1907, № 7—9, стр. 91—99. 76) Чувство расы въ творчествѣ. Избранники.—„Золот. Руно", 1907, № 11—12, стр. 58—60. 77) Наше литерат. сегодня.—„Золот. Руно", 1907, № 11—12, стр. 60—63. 78) Бретонскія легенды.—„Вѣстн. Европы", 1908, кн. V, стр. 58; кн. VI, стр. 699. 79) Колокольчикъ дерзкій! (О польскихъ преданіяхъ).—„Вѣсы", 1908, кн. II. 80) О книгахъ для дѣтей.—„Вѣсы", 1908, кн. III. 81) Шарль Ванъ-Лербергъ. Письмо изъ Брюсселя.—„Вѣсы", 1908, кн. V. 82) Преображеніе жертвы. Пеонійская мечта.—„Вѣсы", 1908, кн. VIII. 83) Мексиканская сокровищница. Легенды и Намеки.—„Вѣсы", 1908, кн. IX и X. 84) Тургеневскій. Тайна вѣчной юности.—„Золот. Руно", 1909, № 1, стр. 54—60. 85) Цыпл-

мость солнца. Бретань.—„Золот. Руно", 1908, № 3—4, стр. 69—77. 86) Лирика пола Мысли и ощущенія.— „Золот. Руно", 1908. № 5, стр. 38—43. 87) Съ Балеарскихъ береговъ. Путевыя наброски.—„Золот. Руно", 1908, № 7—9, стр. 86—93. 88) Испанецъ — пѣсня. — „Русск. Мысль", 1908, кн. XII, стр. 132. 89) Письмо въ ред. — „Русь", 1908, № 58. 90) Пѣвецъ побѣговъ травы.— „Золот. Руно", 1909, № 1, стр. 67 — 77. 91) Письмо въ ред. (О „Вѣсахъ"). — „Золот. Руно", 1909, № 6, стр. 79. 92) Письмо въ ред —„Рѣчь", 1909, № 174. 93) Полярность. (О творчествѣ Уитмана). — „Соврем. Міръ", 1910, кн. VIII, стр. 135. 94) Забытыя сокровища. (Египетская любовная поэзія) Очеркъ.— „Сѣверн. Цвѣты на 1911 г.", альманахъ, изд. „Скорпіона", стр. 5—36.

Сотрудничалъ также въ „Красномъ Знамени" А В. Амфитеатрова (Парижъ).

III. Переводы и вступительныя статьи къ нимъ.

95) Зовы древности. Гимны, пѣсни и замыслы древнихъ. Изд. „Пантеона", Спб., 1908, 16°, стр. 222, 3.300 экз. 95а) Изъ чужеземныхъ поэтовъ. Изд. т-ва „Просвѣщеніе", Спб., 1909, 16°, стр. 118 (*Содерж.:* Переводы стих.: *Данте Россетти, Уильяма Блэка, Кольриджа, Вордсворта, Байрона, Тэннисона, Гете, Гейне, Ленау, Г. Бѣтмана, Андерсена, Торъ Ланге, Бодлэра, Поля Фора, Словацкаго, Лонгфелло, Эспронседы, Марина и Аугусто Феррандо.* 96) *Бьорнсонъ.* Изъ дѣтскихъ воспоминаній.—„Русск. Вѣд.", 1892, № 55. 97) *Бьорнсонъ.* Исторія одной ссоры.—„Русск. Вѣд., 1894, № 107. 98) *Бернсъ.* Джонъ Ячменное Зерно. Баллада.—„Образов.", 1909, кн. V, стр. 1—2. 99) *Ванъ-Лербергъ, Ш.* Ищейки. Драма. Перев. съ французск. Бальмонта и Елены Ц. Изд „Пантеона", Спб., 1909, 8°, стр. 84, 1.500 экз. 100) *Гамсунъ, К* Панъ. Изъ записокъ лейтенанта Томаса Глана. Предисл. Б. Перев. съ норвежск. С. А Полякова. Изд. „Скорпіона", М., 1901, 12°, стр. XIII+270, 2.400 экз. 101) *Гамсунъ, К.* Собраніе сочиненій. Изд. „Шиповника". Т. IX. Поросль Перев. Б. Спб., 1909, 8°, стр. 181, 4.000 экз ; т. X. Царица Тамара. Драма въ 3 д. Подъ полумѣсяцемъ. Перев. Б. Спб., 1909, 8°, стр. 199, 3.000 экз ; т. XI. Мечтатель. Воинствующая жизнь. Перев. Б. Спб , 1909, 8 , стр. 209, 3.400 экз. 102) *Гаспари, А.* Исторія итальянской литературы. Изд. К. Солдатенкова. Перев. Б. Т I, М., 1895, 8°, стр. 406 + LXXIX, 1.200 экз.: т. II, М , 1897, 8°, стр. 580 + LXXXIV, 1.200 экз. 103) *Гауптманъ, Г.* Драматическія сочиненія. Перев. подъ ред. и съ предисл. Б. Изд. кн. маг. „Трудъ", М., 1900, 8°, стр. XIII+452, 3.600 экз. 104) *Гауптманъ, Г.* Собраніе сочиненій. Перев. подъ ред. Б. Изд. С. Скирмунта. Т. I, М., 1902, 8°, стр. XVI + 441, 4.000 экз.; 2-е изд., М., 1903, 8°, стр. XVI + 441, 4.000 экз.: 3-е изд., М., 1905, 8 , стр. XXI + 449, 4.100 экз.: т. II, М., 1902, 8°, стр. I + 599, 7.200 экз.; 2-е изд., М., 1903, 8°, стр. I + 599, 4.000 экз.: 3-е изд., М., 1908, 8°, стр. 469, 3.000 экз.: т. III, М., 1905, 8°, стр. I + 569, 5 100 экз. 105) *Гауптманъ, Г.* Полное собраніе сочиненій. Изд. А. Ф. Маркса, прилож. къ „Нивѣ" 1908 г., т. II, Спб., 1908, стр. 219 (перев. Бальмонта и Андреевой: Михаэль Крамеръ, драма); т. III, Спб., 1908, стр. 235 (перев. Бальмонта и Андреевой. Эльга, драматич. сцены). 106) *Гете.* Фаустъ. Рабочій кабинетъ. — „Починъ", сборн. на 1895 г., М., 1895, стр. 131 134. 107) *Гете.* Фаустъ. Ночь.—„Починъ", сборн. на 1896 г., М., 1896, стр. 45—50. 108) *Горнъ, Ф.* Исторія скандинавской литературы отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Перев. Б. Изд. К. Солдатенкова, М., 1894, 8 , стр. 407 + VI, 1.200 экз. 109) *Гофманъ, Э. Т. А.* Житейскія воззрѣнія Кота Мурра, вмѣстѣ съ отрывками біографіи капельмейстера Іоганна Крейслера, изложенной въ добавочныхъ макулатурныхъ листахъ. Перев. съ нѣмец. Б. Изд. А. Суворина. Кн. I — III. Спб., 1893, 12°, стр. XII + 147 181 + 112, 10.000 экз. 110) Египетскія повѣсти. Перев. и предисл. *Б.*—„Русск. Мысль", 1910, кн. XI, стр. 188. 111) *Зудерманъ, Г.* Собраніе драматич. сочиненій. Перев. подъ ред. Б. Изд. С. Скирмунта. Т. I, М., 1901, 8°, стр. 490, 3.600 экз.: 2-е изд., М , 1908, 8°, стр. 442, 3.000 экз.: т. II, М., 1903, 8 , стр. 1 416, 3.600 экз. 112) *Ибсенъ, Г.* Привидѣнія. Драма въ 3 актахъ. Перев. съ норвежск. Б., М., 1894, 8 , стр. 117, 1.200 экз. 113) *Ибсенъ, Г.* Собраніе сочиненій. Т. I. Нора, перев. П. И. Вейнберга. Столпы общества, перев. I. И. Юровскаго. Привидѣнія, перев. Б. Спб., 1896, 8°, стр. 327, 5 000 экз. 114) *Ибсенъ, Г.* Дикая утка. Драма въ 5 д. Перев. съ норвежск. Б. Изд. „Польза", М., 1908, 16°, стр. 126, 15 000 экз 115) *Ибсенъ, Г.* Маленькій Эйольфъ. Драма въ 3 д Перев. съ норвежск. *Б.* Изд. „Пользы", М., 1908, 16°, стр. 79, 10.000 экз. 116) *Ибсенъ, Г.* Привидѣнія. Семейная драма. Въ 3 д. Перев. съ норвежск. Б. Съ предисл. переводчика. 2-е изд. „Польза", М., 1908, 16 , стр. 92, 10.000 экз.: 3-е изд., М., 1910, 16°, стр. 92, 10.200 экз. 117) *Кальдеронъ.* Сочиненія. Перев. съ испанск. Б. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Вып. I, М., 1900, 8°, стр. CXLII + 150, 2.400 экз.: вып. II, М., 1902, 8°, стр. VIII + 772 + 2, 2.400 экз.; вып. III, М., 1912, 16°, стр. 187, 3.000 экз. 118) *Кроммелинкъ, Ф.* Ваятель масокъ. Перев. Б.— „Вѣсы", 1909, кн. V. 119) *Кроммелинкъ, Ф.* Ваятель масокъ. Трагическій символъ въ одномъ д. Перев. съ французск. размѣромъ подлинника Б. Изд. К. Ф. Некрасова, М., 1912, 16°, стр. 83 ; 2, 2.000 экз. 120) *Марло, К.* Трагическая исторія доктора Фауста. Перев. Б.—„Жизнь", 1899, кн. VIII. 121) *Марло, К.* Трагическая исторія доктора Фауста. Перев. съ англійск. *Б.* Изд. К. Ф. Некрасова, М., 1912, 16°, стр. 152, 2.200 экз. 122) *Мутеръ, Р.* Исторія живописи. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. Б. Изд. т-ва „Знаніе". Т. I, Спб., 1901, 8°, стр. 2 + 279, 3.100 экз.: т. II, Спб., 1902, 8°, стр. I + II 241, 3.000 экз.: т. III, Спб., 1904, 8°, стр. VIII 156 + 1, 3.100 экз. 123) *По, Э.* Баллады и фантазіи. Перев. съ англ. Б. М., 1895, 8°, стр. XIV + 172, 2.400 экз. 124) *По, Э.* Таинственные разсказы. Перев. съ англійск. Б. М., 1895, 8°, стр. 204, 3.000 экз. 125) *По, Э.* Собраніе сочиненій въ перев. съ англ. Б. Изд. „Скорпіона". Т. I. Поэмы, сказки. М., 1901, 8°, стр. XIV 325 + 1, 1.800 экз.; 3-е изд., М., 1911, 8°, стр. VIII + 337 + 9, 2.000 экз.: т. II. Разсказы, статьи, афоризмы. М., 1906, 8°, стр. 1 202 3, 1.800 экз.: 3-е изд., М., 1913, стр. 243: т. III. Страшные разсказы, гротески, М., 1911, 8°, стр. 310, 2 400 экз.: т. IV. Необычайныя приключенія, М., 1912, 8°, стр. 320 9, 2.400 экз. 126) *Россъ, М.* Маленькій кубарь. Разск.— „Русск. Вѣд.", 1891, № 355. 127) *Словацкій.* Лилла Венеда. Трагедія. Перев. въ стихахъ Б. — „Русск. Мысль", 1909, кн. IX, стр. 1. 128) *Словацкій, Ю.* Три драмы. I. Балладина. II. Лилла Венеда. III. Геліонъ — Эоліонъ. Перев. съ польск. стихами Б. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ, М., 1911, 8°, стр. 427, 2.400 экз. 129) *Уайльдъ, О.* Баллада Рэдингской тюрьмы. Перев. съ англійск. Б. Изд. „Скорпіона", М., 1904, 8°, стр. 49, 2.400 экз. 130) *Уайльдъ, О.* Саломея. Драма. Перев. В. и Л. Андрусонъ, подъ ред. Б. Изд. „Грифа", М., 1904, 8°, стр. 58, 1.000 экз. 131) *Уайльдъ, О.* Саломея. Перев. съ франц. Бальмонта и Е. Андреевой, съ предисл. Б. Изд. „Пантеона". Спб., 1908, 8°, стр. 136, 3.000 экз. 132) *Уитманъ, У.* Побѣги травы. Перев. съ англ. Б. Изд. „Скорпіона", М., 1911, 8°, стр. 217 + 10, 1.500 экз. 133) *Франсъ, А.* Разсказы. Въ перев. Б., Батюшкова, Куприна, Ладыженскаго, Лаппицкаго, Пѣшина и Чюминой. Изд. „Обществ. Пользы", Спб., 1909, 8°, стр. 212, 30.000 экз. 134) *Швобъ, М.* Книга Монэль. Перев. съ франц. Б. и Елены Ц. Спб., 1909, 16 , стр. 59, 1.000 экз. 135) *Шелли.* Сочиненія. Перев. съ англійск. Б. Вып. I, Спб., 1893, 8 , стр. VII 77 + 2. 1.000 экз.: 2-е изд., Спб., 1893, 8°, стр. VIII + 77 2, 1.000 экз.: 3-е изд., Спб., 1894, 8°, стр. VII 77 2, 3.000 экз.; вып. II, Спб., 1893, 8°, стр. VIII 74, 1.000 экз.; 2-е изд., Спб., 1893, 8°, стр. VIII 74, 1.000 экз.; 3-е изд., Спб., 1895, 8°, стр. VII + 74, 2.000 экз.: вып. III, Спб., 1895, 8°, стр. IV 93 + 2, 3.000 экз.; вып. IV, М., 1896, 16°, стр. 143, 2.400 экз.: вып. V, М., 1898, 12°, стр. XI 192. 2.400 экз ; вып. VI, Спб., 1899, 8°, стр XVIII + 179, 2.000 экз.: вып. VII, М., 1899, 8°, стр. XXIV 178, 2.000 136) *Шелли.* Эласторъ Хидіонъ. Поэма. Перев. Б. — „Русск. Мысль", 1895, кн. XI, стр. 28 55. 137) *Шелли.* Освобожденный Прометей. Лирич. драма. Перев. Б. „Русск. Мысль", 1897, кн. I, стр. 1—35; кн. II, стр. 1—2?; кн. V, стр. 1—17; кн. IX, стр. 1 -18. 138) *Шелли.* Освобожденный Прометей. Лирическая драма. Перев. Б. въ стихахъ. Изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1904, 8 , стр. 122, 5.300 экз. 139) *Шелли.* Полное собраніе сочиненій въ перев. Б. Изд. т-ва „Знаніе". Т. I, Спб , 1903, 8 , стр. VI + 480, 8.300 экз : т. II, Спб., 1904, 8 , стр. 582 1, 8.300 экз.; т. III, Спб., 1907, 8°, стр. 2 + 422 29, 8.300 экз. 140) *Шелли.* Ченчи. Трагедія. Перев *Б.* въ стихахъ. Изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1907, 8 , стр. 134, 5.300 экз.

IV. Музыкальныя переложенія.

141) Романсы и пѣсни для пѣнія съ аккомп. фортепиано. Все заснуло. Слова *Галиной.* Музыка *Б. Гродско.*—Волшебникъ. Мелодекламація. Слова *Бальмонта.* Музыка *Н. Ренкевскаго.* Солнце уронило Мелодекламація. Слова *Немировича-Данченко.* Музыка *Н. Ренкевскаго*, и проч Изд. П. Юргенсона, М , 1905, 4 , стр. 6 + 3 3 5 + 5 + 5 + 5 7, 2.000 экз. 142) Порывъ. Мелодекламація. Слова *Бальмонта.* Музыка *Н. Ренкевскаго.*— Посвященіе Аграфенѣ (Груша). Шутка. Для средняго

(низкаго) голоса. Слова XV. Музыка *И. Гречанинова.* — Идетъ минута за минутой. Шутка для низкаго (средняго) голоса. Слова *Бальмонта.* Музыка *И. Гречанинова*, в проч. Изд. П. Юргенсона, М., 190[illegible], 4°, стр. 5 - 5 - 3 - 3 - 5 - 3 - 5 - 5 - 5 - 9 - 7, 2.000 экз. 143) *[illegible]*, *В.* Четыре романса для одного голоса съ фортепiано. 1) Смерть. Слова *Г. Гейне.* 4°, стр. 5.—2) Кр[illegible] любить. Слова *Г. Гейне.* 4°, стр. 7.—3) Чайка. Слова *Бальмонта*, 4°, стр. 7.—4) [illegible] 4°, стр. 7. Изд. П. Юргенсона, М., 1907, 1.000 экз. 144) *[illegible]*, *Б.* Романсы. № 4. Завѣтъ бытiя. № 5. Кузнецъ. Стихи *Бальмонта.* — № 7. Я въ тебя повѣрила. Изъ ново-греческихъ пѣсенъ *М[illegible].* — № 8. Вербы. Стихи *Бальмонта.* Изд. А. Iогансена, Спб., 19[illegible], 4°, стр. 5 - 5 - 5 - 3, 200 экз. 145) *[illegible]*, *И. И.* О, волны морскiя. Слова *Бальмонта.* — Убаюкай меня. Слова *М. Л. [illegible].* — Весна. Дуэтъ. Слова *А. [illegible].* Изд. А. Вейхерта и Ф. Дроботова, Спб., 1911, 4°, стр. 3 - 3 - 6, 200 экз. 146) *[illegible]*, *В.* Ad infinitum. Романсъ. Изд. П. Юргенсона, М., 1911, 4°, стр. 7, 500 экз. 147) *[illegible]*, *Г.* Альбатросъ. Изд. М. Слонова, М., 1912, 4°, стр. 3, 100 экз. 148) *[illegible]*, *Н.* Бабочка. Изд. П. Юргенсона, М., 1909, 4°, стр. 5, 1.000 экз. 149) *[illegible]*, *М.* Баркаролла. Изъ пѣсенъ грезовыхъ. Изд. А. Гутхейль, М., 1909, 4°, стр. 5, 200 экз. 150) *[illegible]*, *В.* Баюшки баю. Мелодекламацiя. Изд. Ю. Г. Циммермана, Спб., 1910, 4°, стр. 5, 500 экз. 151) *[illegible]*, *Т. К.* Баюшки баю. Изд. Н. Х. Давингофа, Спб., 1911, 4°, стр. 5, 1.000 экз. 152) *[illegible]*, *Е.* Белладонна. Мелодекламацiя. Изд. П. Юргенсона, М., 1912, 4°, стр. 5, 200 экз. 153) *[illegible]*, *В.* Богъ цвѣтовъ. Романсъ. Изд. П. Юргенсона, М., 1911, 4°, стр. 5, 500 экз. 154) *[illegible]*, *Н.* Вновь. Вокальныя миньятюры. Изд. П. Юргенсона, М., 1911, 4°, стр. 3, 300 экз. 155) *[illegible]скiй*, *М.* Возвращенiе. Изд. А. Гутхейль, М., 1909, 4°, стр. 5, 200 экз. 156) *[illegible]*, *В.* Возвращенiе. Изд. П. Юргенсона, М., 1910, 4°, стр. 5, 1.000 экз. 157) *[illegible]*, *М.* Воздушная птичка. Изд. П. Юргенсона, М., 1909, 4°, стр. 9, 1.000 экз. 158) *[illegible]*, *В.* Волна. Изд. Юргенсона, М., 1906, 4°, стр. 9, 2.000 экз. 159) *[illegible]*, *Е.* Волна. Романсъ. Изд. „Сѣверн. Лиры", Спб., 1910, 4°, стр. 5, 200 экз. 160) *[illegible]*, *А.* Волна. Мелодекламацiя. Изд. П. Юргенсона, М., 1910, 4°, стр. 8, 200 экз. 161) *[illegible]*, *В. Г.* Волна. Романсъ для 1 голоса съ сопровожденiемъ фортепiано. Изд. I. Юргенсона, М., 1911, 4°, стр. 3, 300 экз. 162) *Глiэръ, Р.* Все мнѣ грезится море. Изд. Юргенсона, М., 1907, 4°, стр. 5, 1.000 экз. 163) *[illegible] Борецкiй, М. В.* Романсы. Juvenilia. Все мнѣ грезится море да небо глубокое. Изд. А. Зейванга, М., 19[illegible], 4°, стр. 3, 200 экз. 164) *[illegible]*, *Н.* Все мнѣ грезится море. Романсъ для сопрано. Изд. Iогансона, Спб., 1911, 4°, стр. 3, 100 экз. 165) *[illegible]*, *М.* Все мнѣ грезится море. Романсъ. Изд. I. Юргенсона, Спб., 1912, 4°, стр. 5, 200 экз. 166) *[illegible]*, *Н.* Гвоздики. Вокальныя миньятюры. Изд. П. Юргенсона, М., 1911, 4°, стр. 2, 300 экз. 167) *[illegible]*, *Г.* Долина сна. Романсъ. Изд. Ю. Г. Циммермана, Спб., 1911, 4°, стр. 7, 300 экз. 168) *[illegible]*, *М. Ф.* Дѣвочка, птичка моя. Мелодекламацiя. Изд. „Сѣверн. Лиры", Спб., 1908, 4°, стр. 3, 300 экз. 169) *[illegible]*, *М.* Если грустно тебѣ. Романсъ. Изд. „Сѣверн. Лиры", Спб., 1911, 4°, стр. 5, 400 экз. 170) *[illegible]*, *В. Г.* Романсы и пѣсни. Завѣтъ бытiя. Изд. Ю. Г. Циммермана, Спб., 1911, 4°, стр. 5, 300 экз. 171) *Виноградовъ*, *А.* Зачѣмъ? Изд. „Аккорда", М., 1910, 4°, стр. 5, 200 экз. 172) *[illegible]*, *В.* Романсы и пѣсни. Зачѣмъ? Изд. Ю. Г. Циммермана, Спб., 1911, 4°, стр. 7, 300 экз. 173) *[illegible]*, *В.* Зачѣмъ ты хочешь словъ? Романсъ. Изд. автора, М., 1912, 4°, стр. 5, 200 экз. 174) *[illegible]*, *А.* Изъ-за дальнихъ морей. М., 19[illegible], 4°, стр. 8, 200 экз. 175) *Сенилов*ъ, *В.* Изъ-за дальнихъ морей. Изд. П. Юргенсона, М., 1910, 4°, стр. 5, 1.000 экз. 176) *[illegible]*, *В.* Изъ-за дальнихъ морей. Серенада. Романсъ для 1 голоса съ сопровожденiемъ фортепiано. Изд. I. Юргенсона, М., 1911, 4°, стр. 3, 300 экз. 177) *[illegible]*, *Ф.* Изъ-за дальнихъ морей. Изд. П. Юргенсона, М., 1912, 4°, стр. 4, 300 экз. 178) *[illegible]*, *М.* Новые хоры для смѣшанныхъ голосовъ. Нѣжная колыбельная пѣсня. Изд. П. Юргенсона, М., 1910, 4°, стр. 5, 1.000 экз. 179) *Глiэръ*, *Р.* Какъ звѣзды безсмертно горятъ. Изд. П. Юргенсона, М., 1911, 4°, стр. 4, 500 экз. 180) *[illegible]скiй*, *А.* Камыши. Мелодекламацiя. Изд. П. Юргенсона, М., 1910, 4°, стр. 7, 200 экз. 181) *[illegible]*, *Г.* Колыбельная. Изд. А. Гутхейль, М., 1906, 4°, стр. 3, 100 экз. 182) *[illegible]*, *В.* Колыбельная. Изд. Юргенсона, М., 1905, 4°, стр. 5, 1.000 экз. 183) *[illegible]*, *М.* Новые хоры для смѣшанныхъ голосовъ. Колыбельная пѣсня. Дѣтка, хочешь видѣть рай. Изд. П. Юргенсона, М., 1910, 4°, стр. 8, 1.000 экз. 184) *[illegible]*, *Р.* Колыбельная пѣсня. Пять романсовъ, № 1. Изд. П. Юргенсона, М., 1912, 4°, стр. 4, 300 экз. 185) *[illegible]*. Колыбельная. Мелодекламацiя. Изд. Ю. Г. Циммермана, Спб., 1912, 4°, стр. 7, [illegible] экз. 186) *[illegible]*, *В.* Колыбельная пѣсня. Романсы и пѣсни. Изд. Ю. Г. Циммермана, Спб., 4°, стр. 5, 300 экз. 187) *[illegible]*, *Г.* Къ вѣтру. Изд. А. Гутхейль, М., 1906, 4°, стр. 5, 100 экз. 188) *Крейнъ*, *А.* Къ другу. Романсъ. Изд. П. Юргенсона, М., 1911, 4°, стр. 3, 300 экз. 189) *[illegible]довъ*, *А.* Къ ночи. Изд. „Аккорда", М., 1910, 4°, стр. 7, 200 экз. 190) *Толоконниковъ*, *В.* Лунная ночь. Мелодекламацiя. Изд. А. Гутхейль, М., 1907, 4°, стр. 5, 200 экз. 191) *Г. Г.* Лунные [illegible]. М., 19[illegible], 4°, стр. 3, 150 экз. 192) *[illegible]*. Лунная [illegible]. Мелодекламацiя. Изд. Ю. Г. Циммермана, Спб., 1912, 4°, стр. 7, 300 экз. 193) *Толоконниковъ, В. В.* Лебедь. Изд. А. Зейванга, М., 1907, 4°, стр. 5, 200 экз. 194) *[illegible]*, *И.* Романсы для одного голоса съ сопровожденiемъ фортепiано. № 2. Лепи душистой цвѣты. Изд. П. Юргенсона, М., 1908, 4°, стр. 5, 1.000 экз. 195) *[illegible]*, *Г.* Между подводныхъ стеблей. Изд. П. Юргенсона, М., 1910, 4°, стр. 7, 1.000 экз. 196) *Базилевскiй*, *Ю.* Мертвые корабли. М., 19[illegible]9, 4°, стр. 7, 200 экз. 197) *[illegible]*, *Г.* Миръ туманный угрюмый. Романсъ. Изд. Ю. Г. Циммермана, Спб., 1911, 4°, стр. 5, 300 экз. 198) *[illegible]*, *И. Е.* Мое блаженство. Романсъ. Изд. „Сѣверн. Лиры", Спб., 1909, 4°, стр. 5, 300 экз. 199) *[illegible]*, *В.* Надъ болотомъ позабытымъ. Романсъ. Изд. автора, М., 1912, 4°, стр. 5, 200 экз. 200) *Глiэръ*, *Р.* Надъ тихимъ зеркаломъ [illegible]. Два хора для женскихъ голосовъ. № 1. Изд. П. Юргенсона, М., 1912, 8°, стр. 3, 300 экз. 201) *[illegible]*, *В.* Надгробные цвѣты. Романсы и пѣсни. Изд. Ю. Г. Циммермана, Спб., 4°, стр. 5, 300 экз. 202) *[illegible]*, *А.* На мотивъ поэзiи XVIII. Спб., 1910, 8°, стр. 4, 300 экз. 203) *[illegible]*, *М.* Небесная роса. Для пѣнiя и фортепiано. Изд. П. Юргенсона, М., 1910, 4°, стр. 7, 200 экз. 204) *[illegible]*, *Г. Д.* Не буди воспоминаний. Мелодекламацiя. М., 1909, 8°, стр. 3, 300 экз. 205) *Кашперовъ*, *Е.* Не буди воспоминанiй. Изд. М. Слонова, М., 1912, 4°, стр. 3, 100 экз. 206) *[illegible]*, *В. Г.* Нельзя о прошломъ воротить. Романсъ для 1 голоса съ сопровожденiемъ фортепiано. Изд. I. Юргенсона, М., 1911, 4°, стр. 3, 300 экз. 207) *Покровскiй, И.* Романсы для одного голоса съ сопровожденiемъ фортепiано. № 3. Новолунье. Изд. П. Юргенсона, М., 19[illegible], 4°, стр. 5, 1.000 экз. 208) *[illegible]*, *И.* Норвежская дѣвушка. Романсъ для пѣнiя съ фортепiано. Изд. П. Юргенсона, М., 1909, 4°, стр. 5, 1.000 экз. 209) *[illegible]*, *М. Д.* Ночные цвѣты. Мелодекламацiя. Изд. А. Iогансона, Спб., 1912, 4°, стр. 5, 200 экз. 210) *Глiэръ, Р.* Нѣтъ, не могу я заснуть. Изд. Юргенсона, М., 1907, 4°, стр. 5, 1.000 экз. 211) *[illegible]*, *В.* Нѣтъ, не могу я заснуть. Для меццо-сопрано. Изд. Юргенсона, М., 1911, 4°, стр. 5, 200 экз. 212) *Перлмутъ, В. Г.* О, если бъ мнѣ сердце холодное. Романсъ для одного голоса съ сопровожденiемъ фортепiано. Изд. I. Юргенсона, М., 1911, 4°, стр. 3, 300 экз. 213) *Перлмутъ*, *В.* О, женщина. Романсы и пѣсни. Изд. Ю. Г. Циммермана, Спб., 4°, стр. 7, 300 экз. 214) *[illegible]*, *М.* Она какъ русалка. Для пѣнiя и фортепiано. Изд. П. Юргенсона, М., 1910, 4°, стр. 7, 200 экз. 215) *Базилевскiй*, *Г.* Подводныя растенiя. Изд. А. Гутхейль, М., 1906, 4°, стр. 5, 100 экз. 216) *Никольскiй*, *А.* Мелодекламацiя. № 3. Подводныя растенiя. Изд. П. Юргенсона, М., 1911, 4°, стр. 3, 500 экз. 217) *[illegible]*, *А. С.* Подводные цвѣты. Мелодекламацiя. Изд. „Сѣверн. Лиры", Спб., 1911, 4°, стр. 5, 300 экз. 218) *[illegible]*, *К.* Подводныя растенiя. Для контральто. Изд. П. Юргенсона, М., 1912, 4°, стр. 5, 200 экз. 219) *[illegible]*, *В.* Покоренiе. Романсы и пѣсни. Изд. Ю. Г. Циммермана, Спб., 4°, стр. 5, 300 экз. 220) *[illegible]*, *Е.* Пѣсня безъ словъ. Мелодекламацiя. Спб., 1911, 4°, стр. 5, 500 экз. 221) *[illegible]*, *В.* Романсы и пѣсни. Родная картина. Изд. Ю. Г. Циммермана, Спб., 1911, 4°, стр. 3, 300 экз. 222) *Кельберг*, *Р.* Розы. Изд. „Сѣверн. Лиры", Спб., 1912, 4°, стр. 3, 300 экз. 223) *[illegible]*, *В.* Русалка. Изд. Юргенсона, М., 1906, 4°, стр. 5, 2.000 экз. 224) *Глiэръ*, *Р.* Русалка. Изд. П. Юргенсона, М., 1911, 4°, стр. 10, 300 экз. 225) *Перлмутъ, В. Г.* Ручей. (Съ восточнаго.) Романсъ для одного голоса съ сопровожденiемъ фортепiано. Изд. I. Юргенсона, М., 1911, 4°, стр. 3, 300 экз. 226) *[illegible]*, *М.* Слова любви. Романсъ. Изд. Iогансона, Спб., 1910, 4°, стр. 5, 200 экз. 227) *[illegible]*, *М.* Слова любви. Романсъ. Изд. „Сѣверн. Лиры", Спб., 1911, 4°, стр. 5, 300 экз. 228) *[illegible]*, *А.* Два романса. Сфинксъ. Изд. Юргенсона, М., 1908, 4°, стр. 7, 1.000 экз. 229) *[illegible]*, *Н.* Тебя хочу. Спб., 1906, 4°, стр. 5, 200 экз. 230) *Глiэръ*, *Р.* Точно призракъ умирающiй. Изд. [illegible], М., 1911, 4°, стр. 6, 300 экз. 231) *[illegible]*, *А. Е.* Ты здѣсь

со мной. Романсъ. Изд. Давингофа, Спб., 1911, 4°, стр. 3, 1.000 экз. 232) [illegible], *Л.* Уличной испанкѣ. Изд. П. Юргенсона, М., 1912, 4°, стр. 5, 300 экз. 233) *Трилинъ, С.* Умеръ бѣдный цвѣтокъ. Изд. „Сѣверн. Лиры", Спб., 1908, 4°, стр. 5, 100 экз. 234) *Бильбушевичъ, Е.* Умирающій лебедь. Изд. Н. Давингофа, Спб., 1906, 4°, стр. 7, 200 экз. 235) *Лубъ, Н.* Умирающій лебедь. М., 1908, 4°, стр. 7, 300 экз. 236) *Глэръ, Р.* У моря. Романсъ. Изд. П. Юргенсона, М., 1910, 4°, стр. 5, 1.000 экз. 237) *Крейнъ, А.* У моря ночью. Изд. П. Юргенсона, М., 1911, 4°, стр. 5, 200 экз. 238) *Астафьевъ, Б.* Успокоеніе. Изд. А. Іогансена, Спб., 1909, 4°, стр. 5, 200 экз. 239) *Юрасовскій, А.* Фантазія. Мелодекламація. Изд. П. Юргенсона, М., 1910, 4°, стр. 13, 200 экз. 240) *Черепнинъ, Н.* Фейныя сказки. Дѣтскія пѣсенки. Изд. Юргенсона, М., 1907, 4°, стр. 48, 1.000 экз. 241) *Архангельскій, А.* Шелковинка. Миніатюра. Изъ сборн.: Фейныя сказки. Изд. „Студія", Спб., 1908, 4°, стр. 6, 300 экз. 242) *Эйхенвальдъ, А.* Фейныя сказки. Топыше. № 1. Изд. П. Юргенсона, М., 1909, 4°, стр. 3, 1.000 экз. 243) *Эйхенвальдъ, А.* Фейныя сказки. Вѣтерокъ феи. № 2. Изд. П. Юргенсона, М., 1909, 4°, стр. 7, 1.000 экз. 244) *Эйхенвальдъ, А.* Фейныя сказки. Глупенькая сказка. № 3. Изд. П. Юргенсона, М., 1909, 4°, стр. 3, 1.000 экз. 245) *Эйхенвальдъ, А.* Фейныя сказки. Паутинки. № 4. Изд. П. Юргенсона, М., 1909, 4°, стр. 5, 1.000 экз. 246) *Эйхенвальдъ, А.* Фейныя сказки. Колыбельная. № 5. Изд. П. Юргенсона, М., 1909, 4°, стр. 5, 1.000 экз. 247) *Эйхенвальдъ, А.* Фейныя сказки. У чудищъ. № 6. Изд. П. Юргенсона, М., 1909, 4°, стр. 5, 1.000 экз. 248) *Эйхенвальдъ, А.* Фейныя сказки. Шелковинка. № 7. Изд. П. Юргенсона, М., 1909, 4°, стр. 5, 1.000 экз. 249) *Эйхенвальдъ, А.* Фейныя сказки. Утро. № 8. Изд. П. Юргенсона, М., 1909, 4°, стр. 5, 1.000 экз. 250) *Ивановъ-Борецкій, М. В.* Три дѣтскихъ пѣсенки изъ Фейныхъ сказокъ для 1, 2 и 3 голосовъ съ сопровожденіемъ фортепіано. № 1, Глупенькая сказка; № 2, Анютины глазки, № 3, Заинька. Изд. П. Юргенсона, М., 1910, 8°, стр. 12, 200 экз. 251) *Бюцовъ, В.* Фейныя сказки. Три песчинки. Изд. П. Юргенсона, М., 1912, 4°, стр. 5, 200 экз. 252) *Бюцовъ, В.* Фейныя сказки. Трудно феѣ. Изд. П. Юргенсона, М., 1912, 4°, стр. 5, 200 экз. 253) *Бюцовъ, В.* Фейныя сказки. Фея и свѣтлячки. Изд. П. Юргенсона, М., 1912, 4°, стр. 5, 200 экз. 254) *Бюцовъ, В.* Фейныя сказки. Фейная война. Царь муравейный. Изд. П. Юргенсона, М., 1912, 4°, стр. 11, 200 экз. 255) *Бюцовъ, В.* Фейныя сказки. Чары. Изд. П. Юргенсона, М., 1912, 4°, стр. 5, 200 экз. 256) *Бюцовъ, В.* Фейныя сказки. Шелковинка. Изд. П. Юргенсона, М., 1912, 4°, стр. 7, 200 экз. 257) *Кашперова, Е.* Финская колыбельная пѣсня. Изд. М. Слонова, М., 1912, 4°, стр. 5, 100 экз. 258) *Ф. Ю.* Финская колыбельная пѣсня. Спб., 1912, 4°, стр. 6, 100 экз. 259) *Никифоровъ, Н. Е.* Хочу быть дерзкимъ. Изд. Н. Х. Давингофа, Спб., 1907, 4°, стр. 5, 2.000 экз. 260) *Сениловъ, В.* Хочу быть дерзкимъ. Изд. П. Юргенсона, М., 1910, 4°, стр. 5, 1000 экз. 261) *Кочетовъ, Н.* Хрустально-серебристый. Вокальная миніатюра. Изд. П. Юргенсона, М., 1911, 4°, стр. 3, 300 экз. 262) *Пергаментъ, В. Г.* Цвѣтокъ. Романсъ для 1 голоса съ сопровожденіемъ фортепіано. Изд. П. Юргенсона, М., 1911, 4°, стр. 3, 300 экз. 263) *Подгорецкій, Б.* Чайка. М., 1906, 4°, стр. 3, 200 экз. 264) *Сименкій, В.* Чайка. Романсъ. Изд. В. Бесселя, Спб., 1910, 4°, стр. 5, 300 экз. 265) *Мартьяновъ, А. С.* Чайка. Мелодекламація. Изд. „Сѣверн. Лиры", Спб., 1911, 4°, стр. 2, 300 экз. 266) [illegible], *Ю.* Чайка. Мелодекламація. Изд. Н. Х. Давингофа, Спб., 4°, стр. 3, 1.000 экз. 267) *Сениловъ, В.* Шиповникъ. Изд. П. Юргенсона, М., 1910, 4°, стр. 7, 1.000 экз. 268) *Поповъ, М. Е.* Шиповникъ. Мелодекламація. Изд. Ю. Г. Циммермана, Спб., 1911, 4°, стр. 3, 300 экз. 269) *Ивановъ-Борецкій, М. В.* Романсы. Juventia. Шопотъ деревьевъ, вѣлшье влаги. Изд. А. Зейванга, М., 1909, 4°, стр. 3, 200 экз. 270) *Горяиновъ, И.* Эльзи. Мелодекламація. Изд. Циммермана, Спб., 1909, 4°, стр. 7, 200 экз. 271) *Глэръ, Р.* Я больше не люблю. Изд. Юргенсона, М., 1907, 4°, стр. 5, 1.000 экз. 272) *Горяинова, А.* Я больше не люблю. Изд. А. Зейванга, М., 1909, 4°, стр. 4, 200 экз. 273) [illegible], *Г.* Я боюсь, что любовью кипучей. Изд. А. Гутхейль, М., 1906, 4°, стр. 3, 100 экз. 274) *Глэръ, Р.* Я боюсь, что любовью кипучей. Изд. П. Юргенсона, М., 1911, 4°, стр. 5, 300 экз. 275) *Тюрлинъ, М. М.* Я буду дерзокъ. М., 1907, 4°, стр. 5, 200 экз. 276) *Саминскій, Л.* Я войду въ зачарованный гротъ. Изд. П. Юргенсона, М., 1912, 4°, стр. 5, 300 экз. 277) [illegible], *Г.* Я знаю... Изд. А. Гутхейль, М., 1906, 4°, стр. 3, 100 экз. 278) *Ивановъ-Борецкій, М. В.* Романсы. Juventia. Я знаю, что значитъ безумно рыдать. Изд. А. Зейванга, М., 1909, 4°, стр. 3, 200 экз. 279) [illegible], *В.* Я знаю. Мелодекламація. Изд. Ю. Г. Циммермана, Спб., 1910, 4°, стр. 5, 500 экз. 280) *Аренскій, А.* Два романса. Я ласкъ твоихъ страшусь. Изд. Юргенсона, М., 1908, 4°, стр. 5, 1.000 экз. 281) *Кашперова, Е.* Я хотѣлъ бы тебя заласкать вдохновеньемъ. Мелодекламація. Изд. М. Слонова, М., 1912, 4°, стр. 3, 100 экз.

Литература о К. Д. Бальмонтѣ.

I. Книги.

1) *Абрамовичъ, Н. Я.* Эстетизмъ и эротика. Стихійность въ молодой поэзіи.— Литерат.-критич. очерки, кн. I, Творчество и жизнь, Спб., 1909, стр. 26—110, 169—204. 2) *Айхенвальдъ, Ю. И.* Силуэты русскихъ писателей, вып. III, 2-е изд., М., 1913, стр. 163—170. 3) *Александровичъ, Ю.* Радость жизни. Реакція въ литературѣ и жизни.— Послѣ Чехова, т. I, М., 1908, стр. 61—85, 151—195. 4) *Александровичъ, Ю.* Исторія новѣйшей русской литературы, ч. I, Чеховъ и его время, М., 1911. 5) *Амфитеатровъ, А. В.* Современники, М., 1908. 6) *Аничковъ, Е. В.* Поэты „Скорпіона".— Литерат. образы и мнѣнія, Спб., 1904, стр. 143—184. 7) *Анненскій, И. Ө.* Бальмонтъ-лирикъ. Книга отраженій, т. I, Спб., 1906, стр. 171—213. 8) *Брюсовъ, В. Я.* Далекіе и близкіе, М., 1912, стр. 73—106. (См. также указ.). 9) *Бѣлый, А.* Лугъ зеленый, М., 1910, стр. 206—221. 10) *Венгеровъ, С. А.* Критико-біографич. словарь русск. писателей и ученыхъ, т. VI, Спб., 1897—1904, стр. 374—377. (Автобіографія Б.). 11) *Венгеровъ, С. А.* Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы, 2-е изд., съ прибавл. этюда: „Побѣдители или побѣжденные?", Спб., 1909. (*Перепеч.*: Собраніе сочиненій, т. I, Спб., 1911). 12) *Венгеровъ, С. А.* Собраніе сочиненій, т. I, Героическій характеръ русск. литературы, Спб., 1911. 12а) *Волынскій.* Объ увлеченіи въ поэзіи и философіи соврем. модернизма.— Изъ міра литерат. исканій, Спб., 1903, стр. 267—298. 13) *Волынскій, А. Л.* Борьба за идеализмъ, Спб., 1900, стр. 383—396. 13а) *Волынскій, А. Л.* Соврем. русск. поэзія. Стихи.— Книга великаго гнѣва, Спб., 1904, стр. 200—217, 430—445. 14) Галлерея русск. писателей, изд. Скирмунта, М., 1901, стр. 512. 15) Галлерея русск. писателей и художниковъ. Состав. *Н. Мартовъ*, изд. Н. Ө. Мертца, Спб., 1901, стр. 91. 16) „Жатва", сборн., 1912, кн. III, стр. 237—257. (*Бартеневъ, А.* О Бальмонтѣ). 17) *Измайловъ, А.* Кривое зеркало, Спб., 1908; 2-е изд., Спб., 1910; 3-е изд., Спб., 1912. 18) *Измайловъ, А.* Помраченіе божковъ и новые кумиры, М., 1910. (См. указ.) 19) *Измайловъ, А.* Въ покинутой кумирнѣ.— Пестрыя знамена. Литерат. портреты безвременья, М., 1913, стр. 73—84. 20) Исторія Россіи въ XIX в. Изд. т-ва Гранатъ, т. IX, М., 1911, стр. 1—116 (*Невѣдомскій.* 80-е и 90-е гг. въ нашей литературѣ). 21) Книга о русскихъ поэтахъ послѣдняго десятилѣтія, подъ ред. *М. Гофмана*, Спб., 1909, стр. 35—60. (Статья *Дикса* и автобіографія *Б.*). 22) *Коганъ, П.* Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы, т. III, вып. II, М., 1910, стр. 61—90; 2-е изд., М., 1912. 23) *Коробка, Н.* Поэма конца вѣка. Очерки литературныхъ настроеній, Спб., 1903, стр. 1—23. 24) Литературный календарь-альманахъ (составленъ *О. Норвежскимъ*), Спб., 1908, стр. 32. (Автобіографія Б., перепеч. изъ „Критико-біографическаго словаря" *С. А. Венгерова*). 25) *Новополинъ, Г. С.* Порнографическій элементъ въ русской литературѣ, Екатеринославъ, 1909. 26) *Поярковъ, Н.* Поэты нашихъ дней, М., 1907, стр. 40—56. 27) „Русскія Вѣдомости" 1863—1913 гг., сборн., М., 1913, стр. 20. 28) *Сальниковъ, А. Н.* Русскіе поэты за сто лѣтъ, Спб., 1901, стр. 448—452. 29) Словарь членовъ Общества Любителей Россійской Словесности, М., 1911, стр. 21—22. 30) „Сѣверн. Цвѣты на 1902 г.", альманахъ, изд. „Скорпіона", стр. 225 (*Волынскій, А. Л.* Современная русская поэзія). 31) *Чуковскій, К.* Отъ Чехова до нашихъ дней, Спб., 1908; 2-е изд., Спб., 1908, стр. 26—39; 3-е изд., Спб., 1908, стр. 18—32. 32) *Чулковъ, Г.* Я хочу.— Покрывало Изиды, М., 1909, стр. 64—80. 32а) *Чулковъ, Г.* Сочиненія, т. V, Спб., 1912. 33) *Эллисъ.* Русскіе символисты, М., 1910. 34) Энциклопедич. словарь, изд. Брокгаузъ-Ефрона, т. I, дополн., Спб., 1905. (Статья *С. А. Венгерова*). 35) Нов. энциклопедич. словарь, изд. Брокгаузъ-Ефрона, т. IV. (Статья *С. А. Венгерова*). 36) *Мельшинъ, Л.* (*Гриневичъ-Якубовичъ, П. Ф.*). Современныя миніатюры. Очерки русск. поэзіи, Спб., 1904, стр. 326—332; 2-е изд., Спб., 1911. 37) *П. Я.* (*Гриневичъ-Якубовичъ, П. Ф.*). Русская муза, Спб., 1904; 2-е перераб. и дополн. изд., Спб., 1908, стр. 401—404; 3-е изд., Спб., 1914.

II. Періодическія изданія.

38) *Б., А.* (*Богдановичъ*). Критич. замѣтки.—„Міръ Божій“, 1896, кн. II, стр. 259—260. 39) *Крюковъ, Н.* Неороматич. и мистич. поэзія.—„Книжки „Недѣли“, 1897, кн. XI. 40) *Крюковъ, Н.* Тоска по лютикѣ.—„Книжки „Недѣли“, 1897, кн. XII. 41) *Б., А.* (*Богдановичъ*). Критич. замѣтки.—„Міръ Божій“, 1898, кн. XII, стр. 15—17. 42) *Грималевичъ* (*Волынцевъ* [illegible], *Н. А.*) Итоги двухъ юбилеевъ.—„Русск. Богат.“, 1898, кн. VIII, стр. 88—124. 43) *Крюковъ, Н.* Новые всходы.—„Книжки „Недѣли“, 1899, кн. I. 44) *Шиманскій, В.* Новое искусство.—„Курьеръ“, 1900, № 356. 45) *Б., А.* (*Богдановичъ*). Критич. замѣтки.—„Міръ Божій“, 1900, кн. VIII. 46) *Буренинъ, В.* Критич. очерки.—„Нов. Время“, 1900, № 8754. 47) [illegible], *Л.*—„Торгово-промышленная Газета“, литерат. прилож., 1900, № 8. 48) [illegible]. Декаденты.—„Научн. Обозр.“, 1901, кн. VIII. 49) *Буренинъ, В.* Критич. очерки.—„Нов. Время“, 1901, № 9149. 50) *А—въ, Р.* Геніальные декаденты.—„Новости“, 1901, № 107. 51) *Лазаревскій, Н.* Декадентскій альманахъ.—„Россія“, 1901, № 751. 52) [illegible], *Е. Ө.* Современная русская лирика.—„Русск. Вѣстн.“, 1901, кн. VIII, стр. 469—477. 53) *Крюковъ, Н.* Русскій неоромантикъ.—„Литерат. Вечера“, 1903, кн. IX, стр. 544—547. 54) *Батюшковъ, Ө. Д.* Новыя побѣги русской поэзіи.—„Міръ Божій“, 1903, кн. X. 55) *Брюсовъ, В. Я.* Бальмонтъ.—„Міръ Искусства“, 1903, № 7—8. 56) [illegible], *М.* Письма о литературѣ.—„Русск. Мысль“, 1903, кн. IX. 57) *И. Х.* Литерат. цѣнители и судьи начала вѣка.—„Русск. Мысль“, 1903, кн. XII. (О книгѣ Н. Коробки: Очерки литерат. настроеній; см. выше, № 23). 58) О. Уайльдъ и г. Бальмонтъ.—„Русь“, 1903, № 11. 59) [illegible], *Е. Ө.* У декадентовъ.—„Русь“, 1903, № 13. 60) *Щукинъ, П. Н.* Типы и идеалы современной русской беллетристики.—„Вѣра и Разумъ“, 1904, № 2, стр. 113. 61) [illegible], *Ю.* Брюсовъ и Бальмонтъ.—„Вѣстн. Знанія“, 1904, кн. I, стр. 180—190. 62) [illegible], *Л.* Душа современниковъ.—„Вѣстн. Знанія“, 1904, кн. VII, стр. 126—133. 63) *Бѣлый, А.* К. Д. Бальмонтъ.—„Вѣсы“, 1904, кн. III, стр. 9—12. 64) „Вѣсы“, 1904, кн. III, стр. 53—54. 65) *Брюсовъ, В. Я.* Европейская литература въ 1904 г. Россія.—„Вѣсы“, 1904, кн. IX. 66) *Мининъ, П.* Лекція Бальмонта.—„Москов. Вѣд.“, 1904, № 77. 67) [illegible], *Н. Я.*—„Русск. Вѣстн.“, 1904, кн. III, стр. 339—349. 68) *Покровскій, А. И.* Современное декадентство.—„Русск. Вѣстн.“, 1904, кн. VI, стр. 549—595. 69) *Н.* Литерат. отголоски.—„Русск. Вѣд.“, 1904, № 319. 70) [illegible], *Е. Ө.* Критич. наброски.—„Русь“, 1904, №№ 105, 141 и 303. 71) [illegible] (*Амфитеатровъ, А. В.*).—„Русь“, 1904, № 237. 72) *Венгеровъ, С. А.* Бальмонтъ. Литературн. портретъ.—„Вѣстн. и библіотека самообразованія“, 1905, № 24, стр. 755—762. 73) *Брюсовъ, В. Я.*—„Вѣсы“, 1905, кн. III. 74) *Бѣлый, А.*—„Вѣсы“, 1905, кн. VI. 75) *Максимъ*. Что такое русское декадентство?—„Образов.“, 1905, кн. IX. 76) „Русск. Богат.“, 1905, кн. III, стр. 82—83. 77) *Ц.*, [illegible] Письмо въ редакцію.—„Вѣсы“, 1906, кн. XII. 78) [illegible], *Л.*—„Золот. Руно“, 1906, кн. X. 79) [illegible], *В.* Обществен. пирамида.—„Образов.“, 1906, кн. IV. 80) „Русск. Мысль“, 1906, кн. IX, стр. 296. 81) *Кудрявцевъ, Н.* Нравственныя начала новѣйшей русск. художеств. литературы.—„Вѣра и Разумъ“, 1907, № 6, стр. 795—810. 82) [illegible], *Е. А.* Вопросы искусства въ современныхъ его отраженіяхъ.—„Вѣстн. Европы“, 1907, кн. IV. 83) *Абрамовичъ, Н.* Стихійность въ молодой поэзіи.—„Образов.“, 1907, кн. XI. 84) *Городецкій, С.* Ахинь.—„Золот. Руно“, 1908, № 7—9. 85) *Буренинъ, В. П.* Критич. очерки.—„Нов. Время“, 1908, № 11434. 86) [illegible], *В.* Сатиръ и нимфа.—„Образов.“, 1908, кн. I, стр. 47. 87) *М. Н. Н.* Обзоръ журналовъ.—„Образов.“, 1908, кн. XI, стр. 96. 88) „Рѣчь“, 1909, № 203. (О присоединеніи [illegible] Брандеса къ отзывѣ о Бальмонтѣ). 89) [illegible], *Л.* Дневникъ журналиста.—„Слово“, 1909, № 514. 90) *Ptyx*. Обзоръ русскихъ журналовъ.—„Вѣсы“, 1909, кн. VII, стр. 95—100. 91) *Буренинъ, В. П.* Критич. очерки.—„Нов. Время“, 1909, №№ 12061 и 12082. 92) *Блокъ, А.* Бальмонтъ.—„Рѣчь“, 1909, № 59. 93) [illegible], *Н.* Литерат. отклики.—„Соврем. Міръ“, 1909, кн. III, стр. 84. 94) [illegible], *В.* Лирика современной души.—„Соврем. Міръ“, 1910, кн. IV, стр. 1—24. 95) *Ященко, А.* Тайна любви въ современ. литературѣ.—„Нов. Жизнь“, 1911, кн. VII, стр. 111—136. 96) *Бѣлый, А.* 10-лѣтіе „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“.—„Русск. Мысль“, 1911, кн. X, стр. 24. 97) *Ивановъ, В.* О лиризмѣ Бальмонта.—„Аполлонъ“, 1912, кн. III—IV. 98) Поэтъ и толпа.—„Бюллетени литературы и жизни“, 1912, ноябрь, № 5, стр. 223—227. (*Перепеч.* статьи *А. Бартенева*, см. выше, № 1[illegible]). 99) [illegible], *С.* Критич. наброски.—„Вѣстн. Европы“, 1912, кн. III. 100) „Нива“, 1912, № 7. 101) [illegible], О Бальмонтѣ.—„Нов. Жизнь“, 1912, кн. III. 102) [illegible], *Р.* О внутреннемъ пути Бальмонта.—„Завѣты“, 1914, кн. VI.

III. Статьи и рецензіи объ оригинальныхъ произведеніяхъ.

Безпредѣльности: „Нов. Путь“, 1903, кн. I. *Будемъ какъ солнце*: 1) *Крюковъ, Н.* Русскій неоромантикъ.—„Литерат. Вечера“, 1903, кн. IX, стр. 544—547. 2) *Брюсовъ, В. Я.* Бальмонтъ.—„Міръ Искусства“, 1903, № 7—8. 3) *Л. Н.* Книга самовлюбленный.—„Москов. Вѣд.“, 1903, № 174. 4) „Книга“, [illegible] 1903, кн. VII. 5) [illegible].—„Нов. Время“, 1903, № [illegible] прилож. 6) „Русск. Мысль“, 1903, кн. VII, стр. 226. 7) [illegible]. Письма о литературѣ.—„Русск. Мысль“, 1903, кн. IX. 8) „Русск. Богат.“, 1903, кн. XII, стр. 24—29. 9) *Л.*, [illegible].—„Вѣстн. Европы“, 1904, кн. I, стр. 394—403. 10) *Лохвицкій, А. М.*—„Литерат. Вѣстн.“, 1904, т. VII, кн. 1, стр. 78—84. 11) *Блокъ, А.*—„Новый Путь“, 1904, кн. I, стр. 250. 12) *Ашешовъ*.—„Образов.“, 1904, кн. II, стр. 112. 13) *Волынскій, А. Л.* Стихи.—Книга великаго гнѣва, СПб., 1904, стр. 440—443. *Жар-птица*: 1) *Чеботаревскій, А.*—„Русск. Вѣд.“, 1907, № 2[illegible]. 2) *А—евъ, Н.*—„Образов.“, 1908, кн. II, стр. 124. 3) *В—ій, А.*—„Рѣчь“, 1908, № 6[illegible]. 4) *Т*[illegible], *F.*—„Соврем. Міръ“, 1908, кн. II, стр. 9[illegible]. [illegible]: 1) [illegible], *Н.* Обзоръ журналовъ.—„Образов.“, 1908, кн. XII, стр. 23. 2) *Ptyx*. Обзоръ журналовъ.—„Вѣсы“, 1909, кн. I, стр. [illegible]. *Въ безбрежности*: 1) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). Критич. замѣтки.—„Міръ Божій“, 1896, кн. II, стр. 259—260. 2) „Русск. Богат.“, 1896, кн. III, стр. 43—44. 3) *Волынскій, А. Л.* Критич. [illegible].—„Сѣверн. Вѣстн.“, 1896, кн. II. (*Перепеч.* Борьба за идеализмъ, СПб., 1900, стр. 386—391). 4) *Крюковъ, Н.* Неороматическая и мистическая поэзія.—„Книжки „Недѣли“, 1897, кн. XI, стр. 140—150. 5) *Кругловъ, Н. К.* Поэтъ конца вѣка.—„Русск. Богат.“, 1897, кн. VI, стр. 1—19. (*Перепеч.*: Очерки литературныхъ настроеній, СПб., 1905, стр. 1—23). *Горныя вершины*: 1) *Р. М.*—„Вѣсы“, 1904, кн. IV. 2) *Брюсовъ, В.* Европейская литература въ 1904 г. Россія.—„Вѣсы“, 1904, кн. IX. 3) *Н.*—„Истор. Вѣстн.“, 1904, кн. IX, стр. 1065—1066. 4) *Городецкій, Е.*—„Москов. Вѣд.“, 1904, № 167. 5) [illegible].—„Нов. Время“, 1904, № 10161. 6) *Блокъ, А.*—„Нов. Путь“, 1904, кн. VI, стр. 2[illegible]. 7) „Русск. Мысль“, 1904, кн. X, стр. 328. 8) *Волжскій*. Объ уединеніи въ поэзіи и философіи современнаго [illegible].—Изъ міра литературныхъ исканій, СПб., 1906, стр. 267—295. *Горящія зданія*: 1) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*).—„Міръ Божій“, 1900, кн. VIII, стр. 81. 2) [illegible], *Ю.* Маленькій фельетонъ. Лирика современной души.—„Нов. Время“, 1900, № 8764. 3) „Русск. Богат.“, 1900, кн. VII, стр. 19—23. 4) „Литерат. Вечера“, 1901, кн. V. 5) „Недѣля“, 1901, № 11, стр. 399—401. 6) [illegible], *Н.*—„Образов.“, 1904, кн. VIII, стр. 146. *Жарь-Птица*: 1) „Вѣсы“, 1907, кн. VI. 2) *Городецкій, С. М.* Тѣнь прочтенной книги.—„Вѣсы“, 1907, кн. VIII, стр. 59—64. 3) *Брюсовъ, В.*—„Вѣсы“, 1907, кн. X. 4) [illegible], *Е.*—„Міръ Божій“, 1907, кн. XI. 5) [illegible], *Б. А.*—„Русск. Мысль“, 1907, кн. XI, стр. 45. 6) „Слово“, 1907, № 1[illegible]. 7) *Л.*, [illegible], *F. А.*—„Соврем. Міръ“, 1907, кн. XI, стр. 112. 8) *Z.* Изъ области народнаго творчества.—„Вѣстн. Европы“, 1908, кн. II, стр. 834—837. 9) *Н. А.*—„Филолог. Записки“, 1908, кн. VI, стр. 2—3. *Зарево зорь*: „Путь“, 1912, кн. V. [illegible]: 1) „День“, 1913, № [illegible]. 2) „Московск. Газета“, 1913, № 3[illegible]. 3) [illegible].—„Рульъ“, 1913, № 4[illegible]. 4) [illegible].—„Утро“, 1913, № 2131. 5) „Бюллетени литературы и жизни“, 1914, апр., № 15—16, стр. 480—482. 6) [illegible].—„Современникъ“, 1914, кн. IV. 7) [illegible], *Н. Ө.*—„Родн. Край“, 1914, № 11. [illegible]: 1) [illegible]. Что можете въ литературѣ.—„Биржев. Вѣд.“, 1908, № 10751. 2) *Брюсовъ, В.*—„Вѣсы“, 1908, кн. XII. 3) „Утро Россіи“, 1912, № 11. *Злыя чары*: 1) [illegible], *Б.*—„Вѣсы“, 1907, кн. [illegible]. 2) *Садовской, Б. А.*—„Русск. Мысль“, 1907, кн. VI, стр. 105. [illegible]: 1) *Брюсовъ, А.*—„Русск. Мысль“, 1910, кн. X, стр. 338. 2) „Современникъ“, 1911, кн. I[illegible]. [illegible] *Любовь и ненависть*: *Шимбалевъ, С.*—„Утро Россіи“, 1911, № 151. [illegible] [illegible] и [illegible]. *Край Озиріса*: 1) „Утро“, 1913, № 2[illegible]. 2) [illegible], *Н.*—„Утро Россіи“, 1913, № [illegible]. 3) „Бюллетени литературы и жизни“, 1914, янв., № 10, стр. 330. 4) „Вѣстн. Европы“, 1914, кн. I, стр. 465. [illegible].—„Биржев. Вѣд.“, 1908, № 1077[illegible]. *Литургія красоты*: 1) „Биржев. Вѣд.“, 1905, № 1[illegible]. 2) *Ptyx*. Обзоръ русскихъ журналовъ.—„Вѣсы“, 1909, кн. V, стр. 90. *Литургія красоты*: 1) „Нива“, ежемѣсяч.

прилож., 1900, кн. III. 2) *Old Gentleman (Амфитеатровъ, А. В.)*. Литерат. альбомъ.—„Россія", 1900, № 328. 3) „Русск. Мысль", 1900, кн. VII, стр. 241. *Лирика мыслей:* *Мовичъ, Л.* Лѣтопись литературы и жизни.—„Образов.", 1909, кн. V, стр. 82. *Литургія красоты:* 1) *Бл., А.*—„Вопросы Жизни", 1905, кн. VII, стр. 212—215. 2) *Брюсовъ, В.*—„Вѣсы", 1905, кн. IV. 3) *Львовъ, В.*—„Образов.", 1905, кн. X, стр. 84—91. *Мертвые корабли:* *Т.*—„Вѣстн. Европы", 1896, кн. IV, стр. 884. *Морское свѣченіе:* „Современ.", 1911, кн. IX. *Подъ сѣвернымъ небомъ:* 1) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1894, кн. IV, стр. 754. 2) *Сигма.*—„Нов. Время", 1894, № 6470. 3) *О., Т. В. (Гольцевъ, В. А.)*.—„Русск. Мысль", 1894, кн. IV, стр. 46—52. 4) W. S.—„Русск. Вѣд.", 1894, № 93. 5) „Русск. Богат.", 1894, кн. IV, стр. 47. 6) „Сѣверн. Вѣстн.", 1894, кн. IV, стр. 37—39. 7) *Красновъ, П.* Неоромантич. и мистич. поэзія.—„Книжки „Недѣли", 1897, кн. XI, стр. 140—150. 8) *Волынскій, А. Л.* Борьба за идеализмъ, Спб., 1900, стр. 383—385. *Полное собраніе стиховъ:* 1) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1911, кн. X и XI; 1912, кн. I. 2) *Львовъ-Рогачевскій.*—„Соврем. Міръ", 1911, кн. XI, стр. 369. *Поэзія О. Уайльда:* 1) *Вольный, И.*—„Всемірн. Вѣстн.", 1904, кн. II, стр. 214—216. 2) *Лобановъ, Н.* Обзоръ журналовъ.—„Нов. Путь", 1904, кн. II, стр. 234. *Птицы въ воздухѣ:* 1) „Русь", 1908, № 19. 2) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1912, кн. X. *Символика настроеній:* см. *Лирика мыслей. Собраніе стиховъ:* 1) *Тарскій, К.*—„Московск. Вѣд.", 1904, № 205. 2) *Ашешовъ.*—„Образов.", 1904, кн. VIII, стр. 146. 3) *Бл., А.*—„Вопросы Жизни", 1905, кн. III, стр. 303—309. 4) *Брюсовъ, В.*—„Вѣсы", 1905, кн. IV. *Стихотворенія. Изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1906:* *Брюсовъ, В.*—„Вѣсы", 1906, кн. IX. *Тишина:* 1) *Жасминовъ, Алексисъ, гр. (Буренинъ, В. П.)*. Критич. очерки.—„Нов. Время", 1898, № 8159. 2) „Русск. Вѣд.", 1898, № 228. 3) „Русск. Богат.", 1898, кн. XII, стр. 41—46. 4) *Волынскій, А. Л.*—„Сѣверн. Вѣстн.", 1898, кн. VIII—IX, стр. 235. (*Перепеч.:* Борьба за идеализмъ, Спб., 1900, стр. 392—396). 5) *Перцовъ, П.*—„Торгово-Промышл. Газета", литерат. прилож., 1899, № 95. *Только любовь:* 1) *Д. Л.* Гордость декадентовъ.—„Москов. Вѣд.", 1903, № 327. 2) „Нов. Путь", 1903, кн. VI и X. 3) *Н.* Литерат. отголоски.—„Русск. Вѣд.", 1903, № 324. 4) „Русск. Богат.", 1903, кн. XII, стр. 24—29. 5) *Волынскій, А. Л.* Стихи.—Книга великаго гнѣва, Спб., 1904, стр. 440—443. 6) *Ляцкій, Е. А.*—„Вѣстн. Европы", 1904, кн. I, стр. 394—403. 7) *Ловягинъ, А. М.*—„Литерат. Вѣстн.", 1904, т. VII, кн. I, стр. 78—84. 8) *Бл., Ал. (Блокъ, А.)*.—„Нов. Путь", 1904, кн. I, стр. 250. 9) *Ашешовъ, Н.*—„Образов.", 1904, кн. II, стр. 112. 10) „Русь", 1908, № 84. *Три расцвѣта:* 1) „Вѣсы", 1905, кн. IV. 2) *В., Л.*—„Образов.", 1905, кн. VII, стр. 132. *Фейныя сказки:* 1) *Брюсовъ, В.*—„Вѣсы", 1905, кн. XII. 2) *Бѣлый, А.*—„Золот. Руно", 1906, № 1. *Хороводъ временъ:* 1) „Вѣсы", 1908, кн. XII. 2) *Брюсовъ, В.*—„Русск. Мысль", 1909, кн. IV, стр. 73. 3) *В—нъ, В.*—„Соврем. Міръ", 1909, кн. IV, стр. 107.

IV. Статьи и рецензіи о переводахъ и вступительныхъ статьяхъ къ нимъ.

Зовы древности: 1) *Р., Вас.* „Дымность" Бальмонта.—„Биржев. Вѣд.", 1908, № 10549. 2) *Измайловъ, А.* Зовы древности.—„Бирж. Вѣд.", 1908, № 10639. 3) *Измайловъ, А.* Литерат. пестрядь.—„Образов.", 1908, кн. VIII, стр. 10. *Изъ чужеземныхъ поэтовъ:* 1) *Водовозовъ, В.*—„Правда Жизни", 1909, № 17. 2) *В., Л.*—„Рѣчь", 1909, № 99. *Ванъ-Лербергъ, Ш.* Ищейки: *Кл., Е.*—„Рѣчь", 1909, № 259. *Гамсунъ, К.* Панъ: 1) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1901, кн. V. 2) „Русск. Мысль", 1901, кн. X, стр. 302. *Гамсунъ, К.* Собраніе сочиненій. 1) *Бл—нъ, Л.*—„Рѣчь", 1909, № 175. 2) *Брусянинъ, В.*—„Соврем. Міръ", 1909, кн. III, стр. 127. *Гаспари.* Исторія итальянской литературы: 1) „Русск. Богат.", 1895, кн. IX, стр. 61—64. 2) „Сѣверн. Вѣстн.", 1895, кн. IX, стр. 75—76. 3) „Міръ Божій", 1897, кн. XI, стр. 73—76. 4) *А. К.*—„Истор. Вѣстн.", 1898, кн. IV, стр. 306. 5) „Русск. Мысль", 1898, кн. I, стр. 13. *Гауптманъ, Г.* Драматическія сочиненія: 1) „Литерат. Вечера", 1900, кн. III. 2) *Вл. Ж.*—„Нов. Время", 1900, № 8659. 3) *Волошинъ, М.* Въ защиту Гауптмана.—„Русск. Мысль", 1900, кн. V, стр. 195—200. 4) „Русск. Вѣд.", 1900, № 79. 5) *Е. К.*—„Сѣверн. Курьеръ", 1900, № 250. 6) *Шестаковъ, Д.*—„Торгово-Пром. Газета", литер. прилож., 1900, № 45. *Гауптманъ, Г.* Собраніе сочиненій: 1) „Вѣстн. Европы", 1903, кн. I. 2) *Дегенъ, Е.*—„Міръ Божій", 1903, кн. IV, стр. 93. 3) *Шепелевичъ.*—„Образов.", 1903, кн. IV, стр. 124; 1905, кн. X, стр. 95. 4) „Русск. Мысль", 1903, кн. I, стр. 8; 1905, кн. VII, стр. 207. *Горнъ, Ф.* Исторія скандинавской литературы: 1) „Русск. Мысль", 1894, кн. V, стр. 243—244. 2) „Русск. Богат.", 1894, кн. III, стр. 47—49. 3) „Сѣверн. Вѣстн.", 1894, кн. IX, стр. 68. *Гофманъ.* Житейскія воззрѣнія Кота Мурра: „Русск. Мысль", 1894, кн. II, стр. 61. *Зудерманъ, Г.* Собраніе драматич. сочиненій: 1) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1902, кн. II; 1903, кн. VI. 2) *Горнфельдъ, А.*—„Журн. для всѣхъ", 1903, кн. X. 3) *Колтоновская, Е.*—„Образов.", 1903, кн. X, стр. 117. 4) „Русск. Богат.", 1903, кн. V, стр. 73. *Ибсенъ, Г.* Привидѣнія: „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1894, кн. VII, стр. 555. *Кальдеронъ.* Сочиненія: 1) *А. К.* Кальдеронъ и его драмы.—„Волжск. Вѣстн.", 1900, №№ 246 и 249. 2) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1900, кн. X. 3) *Дегенъ.*—„Міръ Божій", 1900, кн. XII, стр. 92. 4) „Нов. Міръ", 1900, № 46. 5) *Old Gentleman (Амфитеатровъ, А. В.)*.—„Россія", 1900, № 504. 6) „Русск. Богат.", 1900, кн. XI, стр. 70. 7) „Вѣстн. Европы", 1901, кн. III. 8) *Венгерова, З.*—„Образов.", 1902, кн. VII—VIII, стр. 116. 9) „Русск. Вѣд.", 1912, № 128. 10) „Утро Россіи", 1912, № 202. *Кроммелинкъ.* Ваятель масокъ: *Левинсонъ, А.*—„Соврем. Міръ", 1912, кн. IV, стр. 314. *Марло, К.* Трагическая исторія доктора Фауста: 1) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1912, кн. VIII. 2) *Грифцовъ.*—„Русск. Мысль", 1912, кн. XII, стр. 427. *Мутеръ, Р.* Исторія живописи: 1) „Новости", 1901, № 78. 2) *Е. В.*—„Курьеръ", 1902, № 277. 3) „Русск. Мысль", 1902, кн. VIII, стр. 268. 4) *Яцимирскій, А. И.*—„Истор. Вѣстн.", 1903, кн. IV, стр. 326; 1904, кн. V, стр. 710. 5) *Ск—ичъ, М. О.*—„Нов. Время", 1903, № 9773; 1904, № 10161. 6) *Луначарскій.*—„Образов.", 1903, кн. II, стр. 102. 7) „Русск. Мысль", 1903, кн. II, стр. 78. *По, Э.* Баллады и фантазіи: „Русск. Мысль", 1895, кн. III, стр. 105—107. *По, Э.* Таинственные разсказы: 1) „Русск. Мысль", 1895, кн. XI, стр. 549. 2) „Міръ Божій", 1896, кн. VII, стр. 5—9. 3) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1896, кн. II, стр. 430—431. *По, Э.* Собраніе сочиненій: 1) „Вѣстн. Европы", 1901, кн. X. 2) *Б., А. (Богдановичъ, А.)*.—„Міръ Божій", 1901, кн. VIII, стр. 96. 3) *А—ій.*—„Москов. Вѣд.", 1901, № 151. 4) „Русск. Мысль", 1901, кн. X, стр. 301; 1906, кн. IV, стр. 121; кн. V, стр. 121. 5) „Русск. Богат.", 1901, кн. IX, стр. 43. 6) *Горнфельдъ, А.*—„Журн. для всѣхъ", 1902, кн. I. 7) *М.*—„Наша Жизнь", 1906, № 7—8. 8) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1906, кн. VI; 1912, кн. I, III и X. 9) „Русь", 1906, № 45. 10) *Ховинъ.*—„Нов. Жизнь", 1911, кн. X, стр. 266. 11) „Нов. журн. для всѣхъ", 1912, кн. II. *Уайльдъ, О.* Баллада Рэдингской тюрьмы: „Кіевск. Отклики", 1904, № 261. *Уайльдъ, О.* Саломея: 1) *Фриче, В.*—„Образов.", 1904, кн. IV, стр. 100. 2) *Г. С.*—„Образов.", 1908, кн. IX—X, стр. 53. 3) *Горнина, С.*—„Слово", 1908, № 436. 4) *З. Ж.*—„Слово", 1908, № 470. 5) *Бат—овъ, Ө.*—„Соврем. Міръ", 1908, кн. VI, стр. 145. 6) *В., Ю. (Веселовскій, Ю.)*.—„Русск. Вѣд.", 1909, № 56. *Уитманъ, У.* Побѣги травы: „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1911, кн. IV. *Франсъ, А.* Разсказы: *Тіандеръ, К.*—„Соврем. Міръ", 1909, кн. IX, стр. 104. *Швобъ, М.* Книга Монэль: „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1910, кн. III. *Шелли.* Сочиненія: 1) *В—овъ.*—„Міръ Божій", 1893, кн. IV, стр. 191—198. 2) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1893, кн. IX, стр. 219; 1896, кн. V, стр. 205; 1900, кн. II. 3) „Русск. Мысль", 1893, кн. III, стр. 117—118; кн. XI, стр. 517; 1896, кн. II, стр. 52—53; 1893, кн. VII, стр. 259. 4) „Сѣверн. Вѣстн.", 1893, кн. III, стр. 52—53. 5) „Міръ Божій", 1895, кн. VI, стр. 5—7; 1898, кн. X, стр. 76—78. 6) „Нов. Слово", 1896, кн. VI, стр. 140—14.. 7) „Сынъ Отечества", 1896, № 311; 1899, № 91. 8) „Живописн. Обозр.", 1899, № 30. 9) „Недѣля", 1899, № 49. 10) *Old Gentleman (Амфитеатровъ, А.)*.—„Нов. Время", 1899, № 8253. 11) *Дегенъ.*—„Міръ Божій", 1900, кн. V, стр. 88. 12) *Венгерова, З.*—„Образов.", 1900, кн. IV, стр. 71. 13) *В. Ш.*—„Русск. Вѣд.", 1900, № 31. 14) *С—овъ.*—„Журн. для всѣхъ", 1901, кн. I. *Шелли.* Полное собраніе сочиненій: 1) *Р., М.*—„Вѣсы", 1904, кн. I, стр. 69—70. 2) *Дегенъ.*—„Міръ Божій", 1904, кн. IV, стр. 119. 3) *В., Ю.*—„Русск. Вѣд.", 1907, № 88. 4) *Чуковскій, К.* Въ защиту Шелли.—„Вѣсы", 1908, кн. III, стр. 61—68, и Отъ Чехова до нашихъ дней, Спб., 1908; 2-е изд., Спб., 1908, стр. 233—244; 3-е изд., Спб., 1908, стр. 255—267. *Шелли.* Ченчи. *Че—ская, Ан.*—„Русск. Вѣд.", 1907, № 168.

В. Я. Брюсовъ.

Сочиненія В. Я. Брюсова.

I. Собраніе сочиненій.

1) **Полное собраніе сочиненій и переводовъ** (въ 25 тт.) Изд. „Сирина", 2.100 экз. **Т. I.** Юношескія стихотворенія. — Chefs d'oeuvre. — Me eum esse (Стихи 1892—1899 гг.), Спб., 1913, 8°, стр. XI—270. **т. II.** Tertia Vigilia (Стихи 1897—1901 гг.), Спб., 1914, 8°, стр. VIII—294; **т. III.** Urbi et Orbi (Стихи 1901—1904 гг.), Спб., 1914, 8°, стр. II—242. **т. XII.** Алтарь побѣды, повѣсть IV вѣка, кн. I и II, Спб., 1913, 8°, стр. VIII—284. **т. XIII.** Алтарь побѣды, кн. III и IV, Спб., 1913, 8°, стр. 356; **т. XV.** Театръ: Земля (Сцены будущихъ временъ). — Путникъ (Психодрама). — Протесилай умершій (Трагедія съ хорами). — Амфитріонъ. Комедія Мольера. — Пеллеасъ и Мелизанда (Драма [illegible]), Спб., 1914, 8°, стр. 293; **т. XXI.** Французскіе лирики XIX в., Спб., 1913, 8°, стр. XVII—296. (Остальные тома еще не выходили).

II. Поэзія и беллетристика.

А. Произведенія, изданныя отдѣльно.

2) **Chefs d'oeuvre.** Сборн. стихотвор. (Осень 1894 — весна 1895). М., 1895, 8°, стр. 64, 400 экз.; 2-е изд., съ измѣн. и дополн., М., 1896, 8°, стр. 92, 600 экз.; 3-е изд.: Пути и перепутья т. I, М., 1908 (см. ниже). 3) **Me eum esse.** Новая книга стиховъ. М., 1897, 8°, стр. 64, 600 экз.; 2-е изд.: Пути и перепутья, т. I, М., 1908 (см. ниже). 4) **Tertia Vigilia.** Книга новыхъ стиховъ (1897—1900). Изд. „Скорпіона", М., 1900, 8°, стр. 176, 1.200 экз.; 2-е изд.: Пути и перепутья, т. I, М., 1908 (см. ниже). 5) **Urbi et Orbi.** Стихи (1900—1903). Изд. „Скорпіона", М., 1903, 8°, стр. VIII—192—IV, 1.200 экз.; 2-е изд.: Пути и перепутья, т. II, М., 1908 (см. ниже). 6) **Избранныя стихотворенія** М., 1904. 7) **Stephanos.** Вѣнокъ. Стихи (1903—1905). Изд. „Скорпіона", М., 1906, 8°, стр. VI+180, 1.200 экз.; 2-е изд.: Пути и перепутья, т. II, М., 1908 (см. ниже). 8) **Земная ось.** Разсказы и драматич. сцены (1901—1906 гг.). Изд. „Скорпіона", М., 1907, 8°, стр. XIV—170, 1.200 экз.; 2-е дополн. изд. „Скорпіона", М., 1910, 8°, стр. VIII—168, 2.100 экз.; 3-е изд. „Скорпіона", М., 1910, 8°, стр. VIII—166, 1.500 экз. (*Содерж.*: Предисловіе. — Послѣдніе. — Республика Южнаго Креста (1904—5). Сестры (1906). — Въ подземной тюрьмѣ (1901—1905). — Послѣдніе мученики (1906). Теперь, когда я проснулся (1902). — Въ зеркалѣ (1903). — Мраморная головка (1903). — Земля (1904). — Во 2-мъ изд. прибавлено: Въ башнѣ (1902—1907). — Бемоль (1903). — Первая любовь (1904). — Защита (1904). 9) **Огненный ангелъ.** Повѣсть XVI вѣка, въ двухъ частяхъ. Изд. „Скорпіона", ч. I, М., 1908, 8°, стр. XII—216, 800 экз.; ч. II, М., 1909, 8°, стр. VIII—150, 800 экз.; 2-е изд., исправл. и дополн. примѣч., М., 1909, стр. VIII—374, 2.100 экз. 10) **Пути и перепутья.** Собраніе стиховъ. Изд. „Скорпіона". **Т. I,** Юношескія стихотв. (Chefs d'oeuvre) (3-е изд.). — Это я (Me eum esse) (2-е изд.). — Третья стража (Tertia Vigilia) (2-е изд.). (1892—1901 гг.), М., 1908, 8°, стр. VIII+216, 2.100 экз.; **т. II.** Граду и Міру (Urbi et Orbi) (2-е изд.). — Вѣнокъ (Stephanos) (2-е изд.). (1901—1905 гг.). М., 1908, 8°, стр. VII—248, 2.100 экз.; **т. III.** Всѣ напѣвы (1906—1909 гг.). М., 1909, 8°, стр. VIII—184, 2.100 экз. 11) **Всѣ напѣвы.** Стихи 1906—1909 гг. Изд. „Скорпіона", М., 1909 (см. также Пути и перепутья, т. III, М., 1909). 12) **Путникъ.** Психодрама въ 1 д., М., 1911, 8°, стр. 16, 500 экз. 13) **Цѣль.** Сборникъ стиховъ (1892—1911). Изд. „Скорпіона", М., 1911, 2.100 экз. 14) **Зеркало тѣней.** Стихи (1909—1912). Изд. „Скорпіона", М., 1912, 8°, стр. IV—208, 2.100 экз. 15) **Ночи и дни.** Вторая книга разсказовъ и драматическихъ сценъ (1908—1912 гг.). Изд. „Скорпіона", М., 1913, 8°, стр. 149. (*Содерж.*: Послѣднія страницы изъ дневника женщины. — Пустомедь [illegible]. — За себя или за другую. — Ея рѣшеніе. — Черезъ пятнадцать лѣтъ. — Только утро любви хорошо. — Путникъ).

Б. Произведенія (за исключеніемъ отдѣльныхъ стихотвореній), напечатанныя въ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ.

16) 39 стих. — Русскіе символисты. вып. I, М., 1894; вып. II, М., 1894. вып. III, М., 1895. 17) 18 стих. Книга раздумій. Сборн. стих. *К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Дурнова* и *И. Коневского*. Спб., 1899. 18) Дитя и безумецъ. Разск. — „Русск. Листокъ", 1901, рождественск. нумеръ. 19) Осенніе сказки (17 стих.) — „Сѣверн. Цвѣты на 1901 г.", альманахъ, изд. „Скорпіона". 20) Замкнутые. Отрывки изъ поэмы — „Сѣверн. Цвѣты на 1901 г.", альманахъ, изд. „Скорпіона". 21) Съ почтенъ [illegible]. Разск. — „Русск. Листокъ", 1902, 1 янв. 22) Мраморная головка. Разск. — „Русск. Листокъ", 1902, 6 янв. 23) Меркурій. Разск. — „Русск. Листокъ", 1902, 30 янв. 24) Бемоль. Разск. — „Русск. Листокъ", 1902, 2 февр., прилож. 25) Повѣсть о Сократѣ и Люблинахъ [illegible]. Разск. — „Русск. Листок.", 1902, 14 апр., прилож. 26) Дары Младенца Іисуса. Разск. — „Русск. Листокъ", 1902, 25 дек., прилож. 27) Въ зеркалѣ. Разск. — „Русск. Листокъ", 1902, 27 дек. 28) Мой тѣсный [illegible] (7 стих.). — „Сѣверн. Цвѣты на 1902 г.", альманахъ, изд. „Скорпіона", стр. 129. 29) Теперь, когда я проснулся. Разск. — „Сѣверн. Цвѣты на 1902 г.", альманахъ, изд. „Скорпіона", стр. 61. 30) Предчувствія (7 стих.). — „Нов. Путь", 1903, кн. IV. 31) Защита. Разск. — „Русск. Листок.", 1903, 1 янв. 32) Первая любовь. Разск. — „Русск. Листок.", 1903, 6 апр. 33) Молодая (4 стих.) — „Сѣверн. Цвѣты на 1903 г.", альманахъ, изд. „Скорпіона". 34) Въ прошлыхъ (5 стих.) — „Сѣверн. Цвѣты Ассирійскіе на 1904—1905 гг.", альманахъ, изд. „Скорпіона". 35) Земля. Трагедія изъ будущихъ временъ. — „Сѣверн. Цвѣты Ассирійскіе на 1904—1905 гг.", альманахъ, изд. „Скорпіона", стр. 149—196. 36) Оттепель (5 стих.). — „Вопросы Жизни", 1905, кн. VII. 37) **Изъ современности** (3 стих.) — „Вопросы Жизни", 1905, кн. IX. 38) Республика Южнаго Креста. Разск. — „Вѣсы", 1905, кн. XII. 39) Въ подземной тюрьмѣ. Разск. — „Вѣсы", 1906, кн. IV—V. 40) Въ Италіи (11 стих.). — „Вѣсы", 1906, кн. IX. 41) **Воскресшія пѣсни** (4 стих.). — „Золот. Руно", 1906, № 1. 42) Подписи къ картинкамъ (3 стих.). — „Золот. Руно", 1906, № 3. 43) Вечернія пѣсни (2 стих.). — „Золот. Руно", 1906, №№ 7—9. 44) Отзвуки [illegible] (3 стих.) — „Золот. Руно", 1906, № 10. 45) Сестры. Разск. — „Золот. Руно", 1906, № 10. 46) Двѣ пѣсни о погибшей любви (2 стих.). — „Золот. Руно", 1906, № 11—12. 47) Изъ вечернихъ пѣсенъ. — „Въ мірѣ искусствъ", 1907, № 11—12. 48) Огненный ангелъ. Повѣсть XVI вѣка. — „Вѣсы", 1907, кн. I—III, V—XII, 1908, кн. II—VII. 49) Изъ вечернихъ пѣсенъ. — „Столичн. Утро", 1907, 29 авг. 50) Въ башнѣ. Разск. — „Столичн. Утро", 1907, 7 окт. 51) Обреченный (9 стих.) — „Вѣсы", 1908, кн. I. 52) Ночное путешествіе. Разск. — „Вѣсы", 1908, кн. XI. 53) Последнее [illegible] объясненіе. Поэма. — „Шиповникъ", альманахъ, 1908, кн. IV. 54) Черезъ 15 лѣтъ. Разск. — „Вѣсы", 1909, кн. XII. 55) **Ночные стихи** (3 стих.). — „Русск. Мысль", 1910, кн. III. 56) Послѣднія страницы изъ дневника женщины. Повѣсть. — „Русск. Мысль", 1910, кн. XII. 57) За себя или за другую. Разск. — „Рѣчь", 1910, 25 дек. 58) Три пѣсни о смерти. — „Аполлонъ", 1911, кн. IV. 59) Вечерніе пѣсни. — „Нов. Жизнь", 1911, кн. XII. 60) **Путникъ. Психодрама.** — „Русск. Мысль", 1911, кн. I. 61) **Алтарь побѣды.** Повѣсть. — „Русск. Мысль", 1911, кн. IX, XI и XII, 1912, кн. I—VI, VIII—X. 62) Ея рѣшеніе. Разск. — „Рѣчь", 1911, пасхальн. №. 63) Подземное жилище. Разск. — „Сѣверн. Цвѣты на 1911 г.", альманахъ, изд. „Скорпіона", стр. 133—141. 64) Семь земныхъ соблазновъ. (Отрывки изъ романа). — „Сѣверн. Цвѣты на 1911 г.", альманахъ, изд. „Скорпіона", стр. 160—200. 65) Пустомедь. Разск. — „Жатва", сборн., 1912, кн. II, стр. 309—327. 66) **Протесилай умершій.** Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ съ хорами. — „Русск. Мысль", 1913, кн. IX. 67) Обрученіе Даши. Сцены. — „Русск. Мысль", 1913, кн. XII. 67а) Изъ книги „Сны человѣчества". — „Сиринъ", сборн., 1913, кн. II, стр. VII—XXXV. 67б) **Рея Сильвія.** Разск. изъ жизни VI в. — „Русск. Мысль", 1914, кн. VI. 67в) Сивилла [illegible]. — „Сиринъ", сборн., 1914, кн. III.

III. Критика, исторія литературы, искусство, публицистика, путешествія и др.

А. Произведенія, изданныя отдѣльно.

68) **О искусствѣ.** М., 1899, 8°, стр. 30—1, 500 экз. 69) **Письма Пушкина и къ Пушкину.** Новые матеріалы, собранные [illegible] „Скорпіона". Редакція и примѣчанія В. Б. М., 1903, 8°, стр. XXVI—178 и 4 табл. факсимиле, 600 экз. 70) **Лицейскіе стихи Пушкина,** по рукописямъ Московск. Румянцевскаго Музея и другимъ источникамъ. Къ критикѣ текста. Изд. „Скорпіона", М., 1907, 8°, стр. IV—98, 600 экз. 71) **Испепеленный. Къ характеристикѣ Гоголя.** Докладъ, прочитан. на за-

сѣданіи Об-ва Любителей Россійской Словесности, 27 апрѣля 1909 г. Изд. „Скорпіона", М., 1909, 8°, стр. 33, 400 экз.; 2-е изд. „Скорпіона", М., 1910, 8°, стр. 56, 800 экз. 72) **Великій риторъ.** Жизнь и сочиненія Децима Магна Авсонія. М., 1911, 8°, стр. 56, 150 экз. (Отдѣл. оттискъ изъ „Русск. Мысли", 1911, мартъ; см. ниже.) 73) **Далекіе и близкіе.** Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней. Изд. „Скорпіона", М., 1912, 8°, стр. 214 10, 2.050 экз. (*Содерж.:* Тютчевъ.—Фетъ. Искусство или жизнь?—Вл. Соловьевъ. Смыслъ его поэзіи.— Случевскій. Поэтъ противорѣчій.—Минскій.—Мережковскій.—И. Коневской. Мудрое дитя.—Бальмонтъ.— Ѳ. Сологубъ.— В. Ивановъ. А. Бѣлый. С. Соловьевъ.—Н. Гумилевъ.—Женщины поэты. М. Лохвицкая, З. Гиппіусъ, А. Герцыкъ, А. Тэффи, Л. Вилькина, Г. Галина. Поэты-реалисты: А. Жемчужниковъ, И. Бунинъ, А. Ѳедоровъ.—Поэты импрессіонисты К. Фофановъ, И. Анненскій, А. Блокъ.—С. Городецкій.—С. Кречетовъ.— М. Кузьминъ.—М. Волошинъ.—Ю. Балтрушайтисъ.— А. Кондратьевъ.- В. Гофманъ.— А. Курсинскій.— Ю. Сидоровъ.—В. Поляковъ.—Н. Животовъ.—А. Булдѣевъ. — Д. Ратгаузъ. Поэтъ банальностей.— Стихи 1911 г.—Будущее русск. поэзіи.—Приложеніе: Наши дни.—Указатель). 74) **За моимъ окномъ.** Изд. „Скорпіона", М., 1913, 8°, стр. 62. (*Содерж.:* На похоронахъ Толстого. — Послѣдняя работа Врубеля.- На „Святомъ Лазарѣ".— Обломокъ старыхъ поколѣній. П. И. Бартеневъ).

Б. Произведенія (за исключеніемъ рецензій), напечатанныя въ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ.

75) Статья по спорту.—„Русск. Спортъ", 1889, № 37. 76) Статья по спорту.—„Листокъ Объявленій и Спорта", 1891, № 13. 77) Вступит. замѣтка.—Русскіе символисты, вып. II, М., 1894. 78) Зоиламъ и аристархамъ. — Русскіе символисты, вып. III, М., 1895. 79) О собраніи сочиненій Ѳ. И. Тютчева. — „Русск. Архивъ", 1898, кн. X. 80) Переводъ писемъ Тютчева.— „Русск. Архивъ", 1898, кн. XII; 1899, кн. II VI, VIII, IX и XI. 81) О собраніи сочиненій Е. А. Боратынскаго. „Русск. Архивъ", 1899, кн. XI. 82) Что даетъ Академическое изданіе сочиненій Пушкина?—„Русск. Архивъ", 1899, кн. XII. 83) О русскомъ стихосложеніи.—*Добролюбовъ, А.* Собраніе стиховъ. Изд. „Скорпіона", М., 1900. 84) Russia. (Continental Literature, XI).- „The Athenaeum", 1900, № 3793. 85) Письма въ ред.- „Новости Дня", 1900, 21 апр. и 1 мая. 86) Методы медіумизма. — „Ребусъ", 1900, № 30. 87) Еще о методахъ медіумизма. -„Ребусъ" 1900, № 41. 88) Некрасовъ и Тютчевъ. -„Русск. Архивъ", 1900, кн. II. 89) По поводу новаго изданія сочиненій Ѳ. И. Тютчева.—„Русск. Архивъ", 1900, кн. III. 90) Къ столѣтію со дня рожденія Е. А. Боратынскаго. — „Русск. Архивъ", 1900, кн. IV. 91) Боратынскій и Сальери.— „Русск. Архивъ", 1900, кн. VIII. 92) Поэзія В. С. Соловьева.—„Русск. Архивъ", 1900, кн. VIII. 93) Стихи Пушкина къ Родзянкѣ. — „Русск. Архивъ", 1900, кн. IX 94) О новомъ изданіи сочиненій Бѣлинскаго.— „Русск. Архивъ", 1900, кн. X. 95) Отвѣтъ на интервью о „Накипи" П. Боборыкина. — „Русск. Лист.", 1900, 12 окт. 96) Russian Literature of the year.—„The Athenaeum", 1901, № 3847. 97) Къ теоріи анекдотовъ.— „Ежемѣсячн. Сочин.", 1901, кн. IV. 98) Маленькія переоцѣнки „Ежемѣсячн. Сочин.", 1901, кн. X. 99) Отвѣтъ г. Андреевскому.—„Міръ Искусства", 1901, № 5. 100) Мудрое дитя. Памяти И. Коневского.—„Міръ Искусства", 1901, № 8—9. 101) Изъ прошлаго. (Замѣтки).—„Ребусъ", 1901, № 35. 102) Пушкинъ и Боратынскій. — „Русск. Архивъ", 1901, кн. I. 103) И. И. Введенскій. „Русск. Архивъ", 1901, кн. V. 104) Записочки К. Н. Батюшкова къ В. А. Жуковскому.— „Русск. Архивъ", 1901, кн. X. 105) Старое о г. Щегловѣ. „Русск. Архивъ", 1901, кн. XII. 106) Нѣмцы о нашихъ писателяхъ. „Русск. Лист.", 1901, № 331, 2 дек. 107) П. И. Бартеневъ, какъ издатель.—„Русск. Лист.", 1901, № 338, 9 дек., прилож. 108) Истины. (Начала и намеки) — „Сѣверн. Цвѣты на 1901 г.", альманахъ, изд. „Скорпіона". 109) Russia (Continental Literature, XI). — „The Athenaeum", 1902, № 3897. 110) Ненужная правда. По поводу Художествен. театра.—„Міръ Искусства", 1902, № 4. 111) Объ авторѣ „Гавриліады" (Письмо въ ред.)—„Нов. Время", 1902, 30 авг. 112) Спиритизмъ до Рочестерскихъ стуковъ.— „Ребусъ", 1902, №№ 7, 11, 18 и 29. 113) Текстъ Пушкинской „Русалки". — „Русск. Архивъ", 1902, кн. II. 114) О письмахъ И. С. Тургенева (По поводу писемъ, опубликованныхъ въ „Ежемѣсячн. Сочин." 1901 г.) „Русск. Архивъ", 1902, кн. II. 115) Историч. статьи въ неисторич. изданіяхъ. „Русск. Архивъ", 1902, кн. III, IV и XI. 116) О новомъ изданіи сочиненій Пушкина (подъ ред. П. А. Ефремова, изд. А. С. Суворина).—„Русск. Архивъ", 1902, кн. XII. 117) Переводная наука.—„Русск. Лист.", 1902, 22 янв. 118) Завоеванія земли.—„Русск. Лист.", 1902, 2 февр. 119) Новое знаменательное движеніе.— „Русск. Лист.", 1902, 22 февр. 120) Француженка о русской интеллигенціи.— „Русск. Лист.", 1902, 3 марта. 121) Школы поэзіи. (О книгѣ Д. Ратгауза „Пѣсни любви и печали").- „Русск. Лист.", 1902, 10 марта, прилож. 122) Метерлинкъ о Л. Толстомъ.—„Русск. Лист.", 1902, 7 апр., прилож. 123) 50-ти-часовой рекордъ на роялѣ.—„Русск. Лист.", 1902, 30 мая. 124) Письма изъ Венеціи.—„Русск. Лист.", 1902, 2, 9, 23 іюня и 10 іюля. 125) Новая ересь.— „Русск. Лист.", 1902, 7 іюня. 126) Итальянцы о Горькомъ и Вересаевѣ. - „Русск. Лист.", 1902, 16 іюня. 127) Флоренція. (Письмо съ пути).—„Русск. Лист.", 1902, 4 іюля. 128) Изъ итальянскихъ впечатлѣній. „Русск. Лист.", 1902, 6, 18, 28 авг. 129) О религіозно-философскихъ собраніяхъ.—„Русск. Лист.", 1902, 17 ноября. 130) Ко всѣмъ, кто ищетъ. (Предисл.).—*Миропольскій, А. Л.* Лѣствица. Поэма, изд. „Скорпіона", М., 1903. 131) Оклеветанный стихъ. — „Бесѣда", 1903, № 11. 132) Каролина Павлова. Біографич. очеркъ.—„Ежемѣсячн. Сочин.", 1903, кн. II. 133) Искусство или жизнь? (Къ 10-лѣтію со дня смерти Фета). - „Міръ Искусства", 1903, № 1—2. 134) Бальмонтъ. - „Міръ Искусства", 1903, № 7—8. 135) Въ эту минуту исторіи. (Политич. обозрѣніе). — „Нов. Путь", 1903, кн. I. 136) Замѣтки въ хроникѣ.—„Нов. Путь", 1903, кн. II. 137) Кризисъ парламентаризма (Политич. обозрѣніе).- „Нов. Путь", 1903, кн. II. 138) Разрѣшеніе македонскаго вопроса. (Политич. обозрѣніе). — „Нов. Путь", 1903, кн. III. 139) Борьба съ клерикалами во Франціи. (Политич. обозрѣніе). — „Нов. Путь", 1903, кн. V. 140) Изъ жизни Пушкина.—„Нов. Путь", 1903, кн. VI, стр. 84—102. 141) Папство. (Политич. обозрѣніе). — „Нов. Путь", 1903, кн. VIII. 142) Легенда о Тютчевѣ.—„Нов. Путь", 1903, кн. XI. 143) Неиздан. письма и неизвѣстн. стихи Тютчева. - „Нов. Путь", 1903, кн. XI. 144) Маленькія переоцѣнки. Оклеветанный стихъ.— „Почтальонъ", 1903, № 1—12. 145) По поводу 25-лѣтія со дня смерти Некрасова. „Русск. Архивъ", 1903, кн. I. 146) Предисловіе къ стихотвореніямъ А. Я. Бакулина.—„Русск. Архивъ", 1903, кн. III. 147) Кн. Вяземскій и Тютчевъ.- „Русск. Архивъ", 1903, кн. VI. 148) Отзывъ В. С. Соловьева о спиритизмѣ и о Ренанѣ.—„Русск. Архивъ", 1903, кн. VI. 149) Пушкинъ. Рана его совѣсти (О „Гавриліадѣ"). - „Русск. Архивъ", 1903, кн. VII. 150) Ѳ. И. Тютчевъ. Лѣтопись его жизни.—„Русск. Архивъ", 1903, кн. XI и XII; 1906, кн. X. 151) Похороны А. Н. Аксакова.—„Русск. Лист.", 1903, 10 янв. 152) Похороны М. С. и О. М. Соловьевыхъ.—„Русск. Лист.", 1903, 19 янв. 153) Въ религіозно-философскихъ собраніяхъ. — „Русск. Лист.", 1903, 1 февр. 154) Новое художеств. предпріятіе.— „Русск. Лист.", 1903, 1 февр. 155) Письмо изъ Петербурга. На выставкѣ костюмовъ.—„Русск. Лист.", 1903, 6 февр. 156) Въ погонѣ за тепломъ. (Письмо съ пути).— „Русск. Лист.", 1903, 14 апр. 157) Эдуардъ VII въ Парижѣ (Письмо изъ Парижа).—„Русск. Лист.", 1903, 27 апр. 158) Изъ парижскихъ впечатлѣній. — „Русск. Лист.", 1903, 11, 13 и 19 мая. 159) Къ катастрофѣ въ Парижѣ. „Русск. Лист.", 1903, 1 авг. 160) И. Коневской. —*Коневской, И.* Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій, съ свѣдѣніями изъ его жизни и статьей В. Брюсова о его творчествѣ. М., 1904. 161) Russia. (Continental Literature, X). „The Athenaeum", 1904, № 4010, см. ниже, № 167. 162) Ключи тайнъ. О задачахъ искусства. (Лекція, читанная въ Москвѣ въ 1903 г.). „Вѣсы", 1904, кн. I. 163) Гастроли г-жи Лебланъ-Метерлинкъ.—„Вѣсы", 1904, кн. I. 164) Новый переводъ Боддера. (По поводу книги Эллиса: „Иммортели"). — „Вѣсы", 1904, кн. IV. 165) Латинскій языкъ, какъ всемірный. — „Вѣсы", 1904, кн. VII 166) Вѣхи. I. Страсть. — „Вѣсы", 1904, кн. VIII.— Свобода слова. — 1905, кн. XI—II. Исканія новой сцены. — 1905, кн. XII; 1906, кн. I.—III. Чортъ и Хамъ.—1906, кн. III—IV.—IV. Факелы.—1906, кн. V — V. Мистическіе анархисты.—1906, кн. VIII. 167) Европейская литература въ 1904 г. I. Россія.—„Вѣсы", 1904, кн. IX (Переводъ статьи Б. изъ журнала „The Athenaeum", 1904, № 4010, см. выше № 161). 168) Поэтъ противорѣчій (К. К. Случевскій).—„Вѣсы", 1904, кн. X. 169) Рено Гиль. (Критико-біографич. очеркъ по неизданнымъ матеріаламъ). „Вѣсы", 1904, кн. XII. 170) Russian Literature. „The Athenaeum", 1905, № 4068. 171) Священная жертва. „Вѣсы", 1905, кн. I. 172) Генрихъ Фогелеръ. Критич. зам. „Вѣсы", 1905, кн. IV. 173) Къ юбилею Шиллера. „Вѣсы", 1905, кн. V. 174) Въ защиту одной похвалы. (Открытое письмо А. Бѣлому).—„Вѣсы", 1905, кн. V. 175) Фіалки въ тиге-

лѣ. (Статья съ приложен. перевода 7 пѣсенъ М. Метерлинка). — „Вѣсы", 1905, кн. VII. 176) О М. Волошинѣ и древнемъ зміѣ. — „Вѣсы", 1905, кн. VIII. 177) Одному развязному критику. (Маковскій: „Что такое русское декадентство?"). — „Вѣсы", 1905, кн. IX — X. 178) Современ. соображенія. — „Искусство", 1905, № 8. 179) Lettre sur la Litterature russe. — „Le Beffroi", 1905, № 3. 180) Письмо въ ред. (По поводу неизданнаго разсказа А. Дюма и „Повѣстей Бѣлкина" Пушкина). — „Нов. Время", 1905, № 9039, 29 апр. 181) Изученіе стихосложенія продолжается. (Письмо въ ред.) — „Новости Дня", 1905, № 6629, 25 ноября. 182) Новое открытіе въ стихосложеніи. (Письмо въ ред.) — „Русск. Слово", 1905, № 315, 15 ноября. 183) Письмо въ ред. — „Русск. Слово", 1905, № 317, 17 ноября. 184) А. Толстой и 185) Ѳ. И. Тютчевъ. Портреты русскихъ писателей, изд. Кнебеля, М., 1906. 186) Russian literature of the year. — „The Athenaeum", 1906, № 4118. 187) „Антигона". Письмо изъ Петербурга. — „Вѣсы", 1906, кн. II. 188) Художественная выставка въ Норченингѣ. (Письмо изъ Швеціи). — „Вѣсы", 1906, кн. VIII. 189) Новые переводы Верхарна. — „Вѣсы", 1906, кн. IX. 190) „Горе отъ ума" въ Художествен. театрѣ. — „Вѣсы", 1906, кн. X. 191) Сапожникъ, пекущій пироги. (О Минскомъ). — „Вѣсы", 1906, кн. XII. 192) „Карлъ V". Діалогъ о реализмѣ въ искусствѣ. — „Золот. Руно", 1906, № 4. 193) Сношенія А. С. Пушкина съ Бенкендорфомъ. — „Русск. Архивъ", 1906, кн. II. 194) Отвѣтъ на анкету: Революція и литература. — „Свобода и Жизнь", 1906, № 12. 195) Звенья. — „Слово", 1906, 20 февр. и 27 марта. 196) Первая любовь Пушкина и 197) Примѣчанія къ 13 стих. — Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгаузъ-Ефрона. *Пушкинъ*, т. I, Спб., 1907, стр. 284—288. 198) Неизданные стихи Пушкина. — „Вѣсы", 1907, кн. I. 199) Академическій Пушкинъ. — „Вѣсы", 1907, кн. I. 200) Новые сборники стиховъ. — „Вѣсы", 1907, кн. I, II, V, X. 201) Писать или списывать? (С. И. А.: „Сатана въ музыкѣ"). — „Вѣсы", 1907, кн. III. 202) „Золотое Руно". — „Вѣсы", 1907, кн. III. 203) Памяти Георга Бахмана. — „Вѣсы", 1907, кн. VII. 204) О горестныхъ замѣтахъ. — „Вѣсы", 1907, кн. VIII. 205) Торжество побѣдителей. — „Вѣсы", 1907, кн. IX. 206) Защитнику авторитета (П. О. Морозову). — „Вѣсы", 1907, кн. XI. 207) „Пеллеасъ и Мелизанда" на сценѣ театра Комиссаржевской. — „Голосъ Москвы", 1907, 13 окт. 208) Отрывки изъ письма. (Въ статьѣ René Ghil). — „Le Missidor", 1907, 20 avril. 209) Une lettre de Valère Brussov. Письмо въ редакцію. — „Mercure de France", 1907, 1 septembre. 210) Письмо въ редакцію. — „Свободн. Мысли", 1907, 12 ноября. 211) Письмо въ ред. (Въ защиту декадентовъ). — „Столичн. Утро", 1907, 26 іюня. 212) Письмо въ ред. — „Столичн. Утро", 1907, 21 авг. (Напеч. одновременно въ „Вечерн. Зарѣ", „Часѣ" и др.). 213) Курсы XIX вѣка. — „Утро Свободы", 1907, 18 мая. 214) Письмо въ ред. — „Часъ", 1907, 23 ноября. 215) Пушкинъ въ Крыму и 216) „Гавриліада". — Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгаузъ-Ефрона. *Пушкинъ*, т. II, Спб., 1908, стр. 89—102, 602—606. 217) Реализмъ и условность на сценѣ. — Театръ. Книга о новомъ театрѣ, Сборн., Спб., 1908, стр. 245—258. 218) Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. — „Вѣсы", 1908, кн. I. 219) „Жизнь человѣка" въ Художественномъ театрѣ. — „Вѣсы", 1908, кн. I. 220) „Современ. Міръ", № 2. „Mercure de France", № 1. — „Вѣсы", 1908, кн. II. 221) Дебютанты. — „Вѣсы", 1908, кн. III. 222) Проектъ всеобщаго примиренія. — „Вѣсы", 1908, кн. IV. 223) Изъ неизданныхъ стиховъ К. Ѳ. Рылѣева. — „Вѣсы", 1908, кн. VI. 224) Поэзія Н. Минскаго. — „Вѣсы", 1908, кн. VII. 225) Новые сборники стиховъ. — „Вѣсы", 1908, кн. XII. 226) Письмо въ ред. — „Нов. Время", 1908, 12 марта. 227) Новости литературы и искусствъ. — „Ран. Утро", 1908, 1 янв. 228) Письмо въ ред. (коллективное). — „Руль", 1908, 1 марта. 229) Зналъ ли Пушкинъ по-итальянски? — „Русск. Архивъ", 1908, кн. XII. 230) Письмо въ ред. (По поводу статьи М. Волошина). — „Русь", 1908, № 3, 4 янв. 231) „Домикъ въ Коломнѣ" и 232) „Мѣдный всадникъ". — Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгаузъ-Ефрона. *Пушкинъ*, т. III, Спб., 1909, стр. 88—91, 456—472. 233) И. Коневской. — Книга о русск. поэтахъ послѣдняго десятилѣтія. Подъ ред. *М. Гофмана*, Спб., 1909, стр. 103—107. 234) Письмо въ ред. — „Вѣсы", 1909, кн. II. 235) Испепеленный. Къ характеристикѣ Гоголя. — „Вѣсы", 1909, кн. IV. (*Перепеч.*: Гоголевскіе дни въ Москвѣ. Изд. Общества Любителей Россійской Словесности, М., 1909, стр. 157—171). (*Отдѣльно* см. выше № 71). 236) О дикаряхъ. — „Вѣсы", 1909, кн. VII. 237) Берлинскій сецессіонъ. Корреспонденція изъ Берлина. — „Вѣсы", 1909, кн. VIII. 238) Наука о музыкѣ, ея историческіе пути и современное состояніе. — „Вѣсы", 1909, кн. X—XI. 239) Литерат. жизнь во Франціи. I. Народный театръ Р. Роллана. — „Русск. Мысль", 1909, кн. V, стр. 147. — II. Научная поэзія. — 1909, кн. VI, стр. 15. — III. Новые матеріалы по исторіи романтизма. — 1910, кн. II, стр. 39. — IV. Новыя книги Э. Верхарна. — 1910, кн. VIII, стр. 1. 240) Памятникъ М. Ю. Лермонтову въ Москвѣ. (Отвѣтъ на анкету). — „Утро Россіи", 1909, № 6 (39), 21 ноября. 241) Король Леопольдъ II. (Изъ воспоминаній туриста). — „Утро Россіи", 1909, № 18 (51), 6 декабря. 242) Неокопченныя повѣсти изъ русской жизни и 243) „Египетскія ночи". — Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгаузъ-Ефрона. *Пушкинъ*, т. IV, Спб., 1910, стр. 264—270, 444—449. 244) О „рѣчи рабской" въ защиту поэзіи. — „Аполлонъ", 1910, кн. IX. 245) Объ одномъ вопросѣ ритма. (А. Бѣлый: „Символизмъ"). — „Аполлонъ", — 1910, кн. XI. 246) Пенталій. Страница изъ исторіи римской поэзіи. (Статья съ переводами изъ *Пенталія*). — „Русск. Мысль", 1910, кн. I, стр. 206. 247) Жанъ Морозовъ. Некрологъ. — „Русск. Мысль", 1910, кн. V, стр. 204. 248) Новые варіанты „Мѣднаго Всадника". — „Русск. Мысль", 1910, кн. VI, стр. 1—5. 249) Изъ иностранныхъ журналовъ. (Обзоръ). — „Русск. Мысль", 1910, кн. XI. 250) На похоронахъ Толстого. Впечатлѣнія и наблюденія. — „Русск. Мысль", 1910, кн. XII, стр. 119—127. 251) Новыя находки Пушкинскихъ стиховъ. — „Русск. Архивъ", 1910, кн. V. 252) О цитатахъ. (Письмо въ редакцію). — „Утро Россіи", 1910, № 178, 22 іюня. 253) Revue de philologie. — „Гермесъ", 1911, №№ 9, 11, 12 и 17. 254) Романтизмъ и нравы. — „Русск. Мысль", 1911, кн. I. 255) Агриппа Неттесгеймскій. — „Русск. Мысль", 1911, кн. II. 256) Новые сборники стиховъ. — „Русск. Мысль", 1911, кн. II и VII. 257) Великій риторъ. Жизнь и сочиненія Децима Магна Авсонія. — „Русск. Мысль", 1911, кн. III. (*Отдѣльно:* см. выше, № 72). 258) К. М. Фофановъ. Некрологъ. — „Русск. Мысль", 1911, кн. VII. 259) И. Щегловъ. Некрологъ. — „Русск. Мысль", 1911, кн. VII. 260) Будущее русской поэзіи. (По поводу „Антологіи" к-ва „Мусагетъ"). — „Русск. Мысль", 1911, кн. VIII. 261) В. А. Сѣровъ. Некрологъ. — „Русск. Мысль", 1911, кн. XII, стр. 119—120. 262) К. М. Фофановъ и 263) К. К. Случевскій. — Исторія русской литературы XIX в., подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, изд. т-ва „Міръ", т. V, М., 1912, стр. 273—276, 276—279. 264) Ѳ. Тютчевъ. Критико-біографич. очеркъ. — *Тютчевъ, Ѳ.* Полное собраніе сочиненій. Редакція П. Быкова. Изд. Маркса, Спб., 1912. (Приложеніе къ „Нивѣ" 1913 г.). 265) Предисловіе. — *Клюевъ, Н.* Сосенъ перезвонъ. Стихи. Изд. В. И. Знаменскаго, М., 1912. 266) Гамлетъ въ Московскомъ Художественномъ театрѣ. — „Ежегодникъ Импер. Театровъ", 1912, кн. II. 267) Новости Пушкинской литературы. — „Русск. Мысль", 1912, кн. III, стр. 14—20. 268) Гомеръ въ новомъ изданіи. — „Русск. Мысль", 1912, кн. IV, стр. 25. 269) Сегодняшній день русской поэзіи. — „Русск. Мысль", 1912, кн. VII. 270) „Обломокъ старыхъ поколѣній". И. И. Бартеневъ. — „Русск. Мысль", 1912, кн. XII, стр. 108. 271) Некрасовъ, какъ поэтъ города. — „Русск. Вѣд.", 1912, № 297, 25 дек. 272) „Амфитріонъ". — Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгаузъ-Ефрона. *Мольеръ*, т. II, Спб., 1913, стр. 114—118. 273) Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ. — „Русск. Мысль", 1913, кн. II. 274) Новыя теченія въ русской поэзіи. I. Футуристы. — „Русск. Мысль", 1913, кн. III. — II. Акмеизмъ. — кн. IV. — III. Эклектики. — кн. VIII. 275) Овидій по-русски. — „Русск. Мысль", 1913, кн. IV. 276) Новая эпоха по всемірн. исторіи. — „Русск. Мысль", 1913, кн. VI. 277) Новый французскій журналъ („La vie des Lettres"). — „Русск. Мысль", 1913, кн. VII. 278) Альфредъ де-Виньи и 278а) Альфредъ де-Мюссе. — Исторія западной литературы, подъ ред. Ѳ. Д. Батюшкова, изд. т-ва „Міръ", т. II, М., 1914, стр. 404—416, 451—461. 278б) Здраваго смысла Тартарары. Діалогъ о футуризмѣ. — „Русск. Мысль", 1914, кн. III. 278в) Разгадка или ошибка? — „Русск. Мысль", 1914, кн. III. 278г) Годъ русск. поэзіи. — „Русск. Мысль", 1914, кн. V—VII. 278д) Замѣтки (О кн. И. Розанова „Русск. лирика"). — „Софія", 1914, кн. VI. 278е) Статьи о русск. и иностран. писателяхъ. — Новый Энциклопедич. Словарь, изд. Брокгаузъ-Ефрона.

IV. Переводы и вступительныя статьи къ нимъ.

279) Французскіе лирики XIX вѣка. Перев. въ стихахъ и біо-библіографич. примѣчанія Б. Изд. „Пантеона", Спб., 1909, 8°, стр. XXX—200, 1800 экз. (*Перепеч.*: Полное собраніе сочиненій и переводовъ Б., т. XXI, Спб., 1913, см. выше, № 1). (*Содерж.*: Предисловіе. — Французск. лирика XIX в. Очерки. — Андрэ

Шенье. — Марселина Деборд-Вальморъ. — А. Ламартинъ. — Альфредъ де-Виньи. — В. Гюго. — Жераръ де-Нерваль. — Альфредъ де-Мюссе. — Теофиль Готье. — Леконтъ де-Лиль. — Шарль Бодлэръ. — Ж.-М. Эредіа. — Стефанъ Малларме. — Поль Верлэнъ. — Морисъ Роллина. — Жюль Лафоргъ. — Артюръ Римбо. — Лоранъ Тайадъ. — Жоржъ Роденбахъ. — Эмиль Верхарнъ. — Жанъ Мореасъ. — Иванъ Жилкинъ. — Шарль ванъ-Лербергъ. — Морисъ Метерлинкъ. — Рене Гиль. — Адольфъ Ретте. — Анри де-Ренье. — Франсисъ Віеле-Гриффинъ. — Стюартъ Мерриль. — Э. Рейно. — Ж. Деларю-Мардрюсъ. —Приска де-Ландель. — Югъ Лапэръ. — Рене Аркосъ. — Жоржъ Дюамель). 280) Изъ стиховъ *Децима Магна Авсонія* (14 стих.). — „Русск. Мысль", 1911, кн. III, стр. 1. 281) *д'Аннунціо, Г.* Франческа-да-Римини. Трагедія въ 5 д. Перев. съ итальянск. размѣромъ подлинника Брюсова и В. Иванова. Предисл. („Герои д'Аннунціо въ исторіи") Брюсова. Изд. „Пантеона", Спб., 1908, стр. 224, 2.000 экз. 282) *д'Аннунціо, Г.* Собраніе сочиненій. Т. IX. Франческа-да-Римини. Перев. размѣромъ подлинника В. Брюсова и В. Иванова. „Герои д'Аннунціо въ исторіи", статья Брюсова. Изд. „Шиповника", Спб., 1911, 8°, стр. 230, 2.300 экз. 283) Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгаузъ-Ефрона. *Байронъ*, т. I, Спб., 1904, стр. 345—347, 415 и 416 (перев. Б. 3 стих.); т. III, Спб., 1905, стр. 457, 460, 469, 478, 479, 484 и 487 (перев. Б. 7 стих.). 284) *Бернаръ, Э.* Одилонъ Редонъ. — „Вѣсы", 1904, кн. V. 285) *Бодлэръ, Ш.* Нѣсколько утѣшительныхъ максимъ о любви. (Перев. афоризмовъ). „Вѣсы", 1908, кн. VII. 286) *Бодлэръ, Ш.* Цвѣты зла. Перев. Эллиса, со вступит. статьей Т. Готье и предисл. Брюсова. Изд. „Заратустры", М., 1908, 8°, стр. VIII—305, 1.000 экз. 287) *Верленъ, П.* Романсы безъ словъ. Перев. Б., М., 1894, 8°, стр. IV—48, 1.000 экз. 288) *Верленъ, П.* (7 стих.) — „Русск. Мысль", 1911, кн. II. 289) *Верленъ, П.* Собраніе стиховъ, въ перев. Б. Съ критико-біографическимъ очеркомъ и библіографіей. Изд. „Скорпіона", М., 1911, 8°, стр. 68—208, 1.800 экз. 290) *Верленъ, П.* Записки вдовца. Перев. С. Я. Рубановича. Вступит. статья В. Брюсова. Изд. „Альціоны", М., 1911, 8°, стр. XV—144, 1.500 экз. 291) *Верленъ, П.* Избранныя стихотворенія, въ перев. русск. поэтовъ. Универсальн. библіотека, № 748. Состав. *П. Н. Петровскій*. Съ біограф. очеркомъ, Брюсова. Изд. „Пользы", М., 1912, 16°, стр. 83, 10.000 экз. 292) *Верхарнъ, Э.* Лики жизни (4 стих.). — „Вопросы Жизни", 1905, кн. X—XI. 293) *Верхарнъ, Э.* Одна изъ граней въ творчествѣ Энсора. — „Вѣсы", 1908, кн. V. 294) *Верхарнъ, Э.* Стихи о современности, въ перев. Б. Изд. „Скорпіона", М., 1906, 8°, стр. IV + 132, 1.200 экз. 295) *Верхарнъ, Э.* Елена Спартанская. Трагедія. — „Вѣсы", 1908, кн. VIII—XII. 296) *Верхарнъ, Э.* Елена Спартанская. Трагедія. Авторизов. перев. Б. Изд. „Скорпіона", М., 1909, 8°, стр. 91, 600 экз. 297) *Верхарнъ, Э.* Пранчество. — „Вѣсы", 1909, кн. V. 298) *Верхарнъ, Э.* Золото. Поэма. — „Вѣсы", 1909, кн. XII. 299) *Вилье-де-Лиль-Аданъ.* Жестокіе разсказы. Перев. Б. Рунтъ, подъ ред. и съ предисловіемъ Брюсова. Изд. „Пантеона", Спб., 1907. 300) *Вилье-де-Лиль-Аданъ.* Жестокіе разсказы. Перев. съ французск. Б. Рунтъ. Подъ ред. и съ предисл. Брюсова. Универсальная библіотека № 137. Изд. „Пользы", М., 1909, 16°, стр. 104, 10.000 экз.; 2-е изд., М., 1911, 16°, стр. 103, 5.200 экз.; 3-е изд., М., 1913, 16°, стр. 103, 5.200 экз. 301) *Вилье-де-Лиль-Аданъ.* Изъ „Необычайныхъ разсказовъ". — „Русск. Мысль", 1910, кн. X, стр. 158. 302) *де-Гурмонъ, Р.* Страницы изъ записной книжки. — „Вѣсы", 1906, кн. VI. 303) *Деларю-Мардрюсъ, Л.* Наступленная. Романъ. Перев. съ французск. Н. Петровской, съ предисл. Брюсова. Универсальн. библіотека, № 715—716. Изд. „Пользы", М., 1911, 16°, стр. 210, 10.000 экз. 304) *де-Квинси, Т.* Признанія опіофага. Перев. А. Брюсова. Предисл. В. Брюсова. Изд. Сытина. 305) *Малларме, С.* Осенняя жалоба. — Русск. символисты, вып. III, М., 1895. 306) *Метерлинкъ, М.* Избіеніе младенцевъ. Съ критико-біографич. очеркомъ А. ванъ-Бевера. Перев. Б. Изд. „Скорпіона", М., 1904, стр. 42, 400 экз. 307) *Метерлинкъ, М.* Собраніе сочиненій. Изд. журн. „Сѣверъ", Спб., 1904—1905. (Перев. Б. 12 стих.). 308) *Метерлинкъ, М.* Сочиненія, въ перев. Л. Вилькиной. Изд. М. В. Пирожкова, т. I, Спб., 1906 (Перев. Б. 5-ти стих.). 309) *Метерлинкъ, М.* Пелеасъ и Мелизанда. Перев. Б. Изд. „Скорпіона", М., 1907, 8°, стр. 68, 950 экз. (*Перепеч.*: Полное собраніе сочиненій и переводовъ Б., т. XV, Спб., 1914, см. выше, № 1). 310) *Метерлинкъ, М.* Полное собраніе сочиненій. Изд. В. М. Саблина, т. VI, М., 1909, 8°, стр. L—169, 3.000 экз. (Перев. Б. разск.: „Избіеніе младенцевъ"). *Метерлинкъ, М.*, см. выше, № 175. 311) Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгаузъ-Ефрона. *Мольеръ*, т. II, Спб., 1913, стр. 119—158 (перев. Б.: „Амфитріонъ"). (*Перепеч.*: Полное собраніе сочиненій и переводовъ Б., т. XV, Спб., 1914, см. выше, № 1). 312) *Мореасъ, Ж.* Дѣва Марія на турнирѣ. — „Вѣсы", 1905, кн. XII. 313) *Ницше.* Ecce Homo. — „Вѣсы", 1908, кн. XII; 1909, кн. II. 314) *д'Оръ, Э.* Смерть послѣдняго папы. — „Нов. Путь", 1904, кн. II, стр. 88. 315) *Орсье, Ж.* Агриппа Неттесгеймскій. Знаменитый авантюристъ XVI в. Критико-біографич. очеркъ. Перев. Б. Рунтъ, подъ ред., съ предисл., примѣчан. и дополн. Брюсова. Изд. „Мусагета", М., 1913, стр. 112. 316) *Пасторе*, маркизъ. Записки о 1812 годѣ. — „Русск. Архивъ", 1900, кн. XII. *Пентаменъ*, см. выше, № 246. 317) *По, Э.* Воронъ. Перев. размѣромъ подлинника. — „Вопросы Жизни", 1905, кн. I. 318) *де-Ренье, А.* Кенгаеръ. — „Нов. Путь", 1903, кн. III. 319) *де-Ренье, А.* Первая страсть. Романъ. Перев. съ французск. Б. Рунтъ. Съ предисл. Брюсова. Универсальная библіотека, № 364—348. Изд. „Пользы", М., 1911, 16°, стр. 269, 7.000 экз.; 2-е изд., М., 1911, 16°, стр. 269, 5.200 экз.; 3-е изд., М., 1913. 320) *Рохасъ, Р.* Рубенъ Даріо. — „Вѣсы", 1908, кн. V. 321) *Стриндбергъ, А.* Чудо. Разск. Перев. со шведскаго. — „Ребусъ", 1900, № 46. 322) *Тьебо, Б.* Воспоминанія. Русскіе въ Берлинѣ во времена Фридриха II. Перев. съ франц. — „Русск. Архивъ", 1901, кн. III. 323) *Уайльдъ, О.* Герцогиня Падуанская. Драма въ 5 д., въ стихахъ. Перев. съ англійск. Б. Универсальная библіотека, № 701. Изд. „Пользы", М., 1911, 16°, стр. 124—3, 10.000 экз. 324) *Уайльдъ, О.* Собраніе сочиненій. Изд. Маркса, приложеніе къ „Нивѣ" 1912 г. (переводы Б.: „Герцогиня Падуанская" и „Баллада Редингской тюрьмы"). 325) Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгаузъ-Ефрона. *Шекспиръ*, т. V, Спб., 1904, стр. 416—417 (перев. Б. 4 сонетовъ).

V. Музыкальныя переложенія.

326) *Гречаниновъ, А.* Палочка-выручалочка и Сборщикъ на колоколъ. Изд. А. Гутхейль. 327) *Ребиковъ, В.* На кометѣ, Снѣга, Ни красокъ, ни лучей, ни аромата, Тѣнь, И ночи я дни примелькались, Я помню вечеръ, блѣдно-скромный и Я вернулся на яркую землю. (Нѣмецк. перев. L. Esbeer и O. Bachmann). Op. 16, № 1—3; Op. 18, № 1—3; Op. 20, № 3 и 5. Изд. П. Юргенсона. 328) *Богемскій, Л.* Адамъ и Ева. Пѣсенка. Изд. конторы „Указатель", Спб., 1906, 4°, стр. 3, 300 экз. 329) *Кашперова, Е.* Дѣвочка. Пѣсня. Изд. П. Юргенсона, М., 1912, 4°, стр. 3, 200 экз. 330) *Рачинскій, Н. Н.* Есть улица въ нашей столицѣ. Изд. П. Юргенсона. 331) *Рачинскій, Н. Н.* Зимніе дымы. Изд. П. Юргенсона, М., 1906, 4°, стр. 9, 2.000 экз. 332) *Вильбушевичъ, Е.* Каменщикъ. Мелодекламація. Op. 2. Изд. Н. Давингофа, Спб., 1906, 4°, стр. 5, 500 экз. 333) *Толоконниковъ, В.* Каменщикъ. Мелодекламація. Op. 31. Изд. А. Гутхейль, М., 1907, 4°, стр. 3, 200 экз. 334) *Энгель, Ю.* Каменщикъ. Изд. П. Юргенсона, М., 1907, 4°, стр. 5, 1.000 экз. 335) *Василенко, С.* Красный огонь, раскрутись, раскрутись... Изд. П. Юргенсона. 336) *Рачинскій, Н. Н.* Левъ Святого Марка. Изд. П. Юргенсона, М., 1905, 4°, стр. 9, 2.000 экз. 337) *Рачинскій, Н. Н.* Мнѣ поется у колодца. Изд. П. Юргенсона, М., 1906, 4°, стр. 5, 2.000 экз. 338) *Панченко, С.* Неколебимой истинѣ. Изд. П. Юргенсона, М., 1907, 4°, стр. 3, 1.000 экз. 339) *Ивановъ-Борецкій, М. В.* Изъ цикла: Ненужная любовь. Въ лабиринтѣ аллей. Изд. А. Зейванга, М., 1909, 4°, стр. 5, 200 экз. 340) *Ивановъ-Борецкій, М. В.* Изъ цикла: Ненужная любовь. И снова дрожать онѣ, грезы безсильныя. Изд. А. Зейванга, М., 1909, 4°, стр. 5, 200 экз. 341) *Рачинскій, Н. Н.* Рабыни. Дуэтъ для двухъ женскихъ голосовъ. Изд. П. Юргенсона, М., 1906, 4°, стр. 9, 2.000 экз. 342) *Рачинскій, Н. Н.* Фабричная. Изд. П. Юргенсона, М., 1906, 4°, стр. 3, 2.000 экз. 343) *Рачинскій, Н. Н.* Чудовища. Изд. П. Юргенсона, М., 1905, 4°, стр. 9, 2.000 экз. 344) *Панченко, С.* Три хора для смѣшанныхъ голосовъ. № 1. Кротины птицы. № 2. Я еду. № 3. Мальчикъ. Изд. П. Юргенсона, М., 1907, 4°, стр. 9, 1.000 экз. 345) *Василенко, С.* № 1. Въ склепѣ. Слова Брюсова. № 2. Болотный попикъ и № 3. Сольвейгъ. Слова А. Блока. Изд. П. Юргенсона, М., 1909, 4°, стр. 8—8—12, 1.000 экз. 346) *Гартманъ, Ѳ. А.* Изъ стиховъ Децима Магна Авсонія („Римъ", „Эхо художнику", „О имени пѣвчего Люція" и „Эпитафія на могилѣ человѣка счастливаго"). Перев. Брюсова. Съ латинск. текстомъ. Сюита для пѣнія и оркестра. Изд. Ѳ. Гартмана, 1912

Литература о В. Я. Брюсовѣ.

I. Библіографическія пособія.

1) Библіографія В. Брюсова (1889—1912). Составлена к[illegible] „Скорпіонъ", М., 1913 [illegible] „Библіограф. Изв.", 1913, вып. 1). (Общія библіографич. пособія см. въ началѣ библіографіи).

II. Книги.

2) [illegible], *Н. Я.* „Под[illegible] самой молодой поэзіи и беллетристики. — Въ [illegible]. Литература сегодняшняго дня, М., 1909, стр. 55—61, 85—86, 97. 3) *Абрамовичъ, Н. Я.* [illegible] Стихійность въ молодой поэзіи. — Лит[illegible] очерки, кн. I, Творчество и жизнь, Спб., 1909, стр. 91—110, 169—204. 4) *Александровъ, Ю. Н.* Брюсовъ. Опытъ литерат. характеристики, М., 1910. 5) *Айхенвальдъ, Ю. И.* Силуэты русск. писателей, вып. III, М., 1910, стр. 85—[illegible], 2-е изд., М., 1913, стр. [illegible]. 6) *Александровичъ, Ю.* Исторія новѣйшей русской литературы, ч. I, Чеховъ и его время, М., 1911. 7) *Александровичъ, Ю.* Реализмъ въ литературѣ и жизни. — Послѣ Чехова, т. I, М., 1908, стр. 151—195. 8) *Аничковъ, Е.* Поэты „Скорпіона". — Литерат. образы и мнѣнія, Спб., 1904, стр. 1[illegible]3—184. 9) *Ардовъ, Т.* (*Гордонъ, В.*) Ересь символизма и Брюсовъ. — Отраженія [illegible], М., 1909. 10) *Бурлюкъ, А.* Трагедія и [illegible], М., 1910. 11) *Бѣлый, А.* Арабески, М., 1911, стр. 448—457. 12) *Бѣлый, А.* Лугъ зеленый, М., 1910, стр. 178—205. 13) *Бѣлый, А.* Символизмъ, М., 1911. 14) *Венгеровъ, С. А.* Основныя черты исторіи новѣйшей русск. литературы. 2-е изд., съ прибавл. этюда „[illegible] или побѣдоносцевъ", Спб., 1909. (*Перепеч.* Собраніе сочиненій, т. I, Спб., 1911). 15) *Венгеровъ, С. А.* Собраніе сочиненій, т. I, Героическій характеръ русск. литературы, Спб., 1911. 16) *Волынскій, А. Л.* Борьба за идеализмъ, Спб., 1900, стр. 40[illegible]—413. 17) *Волынскій, А. Л.* Соврем. русск. поэзія. Стихи. „Книга великаго гнѣва, Спб., 1904, стр. 20[illegible]—217, 433—445. 18) *Гофманъ, Л. Я.* Дальнозоркіе. — Литература и эстетика, М., 1912, стр. 111—125. (См. также указ.) 19. *Закржевскій, А.* Карамазовщина. Психолог. параллели, Кіевъ, 1912. 20) *Измайловъ, А.* Кривое зеркало, Спб., 1908, 2-е изд., Спб., 1910; 3-е изд., Спб., 1912. 21) *Измайловъ, А.* Литерат. Олимпъ, М., 1911, стр. 373—390. 22) *Измайловъ, А.* На переломѣ. Литерат. размышленія, Спб., 1908. 23) *Измайловъ, А.* Помраченіе божковъ и новые кумиры, М., 1910. (См. указ.). 24) Исторія Россіи въ XIX в., изд. т-ва Гранатъ, т. IX, М., 1911, стр. 1—116. (*Иванов-Разумникъ.* 80-е и 90-е гг. въ нашей литературѣ). 25) Книга о русскихъ поэтахъ послѣдняго десятилѣтія, подъ ред. *М. Гофмана*, Спб., 1909, стр. 63—95. (Статья *В. Иванова* и автобіографія Бальмонта). 26) *Коганъ, П.* Очерки по исторіи новѣйшей русск. литературы, т. III, вып. II, М., 1910, стр. 91—112; 2-е изд., М., 1912. 27) *Колтоновская, Е. А.* Брюсовъ о женщинѣ. — Критич. этюды, Спб., 1912, стр. 1[illegible]—188. 28) *Коробка, Б. Н.* Литерат. замѣтки, Спб., 1908, стр. 154—162. 29) *Крайній, А.* (*Гиппіусъ, З. Н.*). Проза поэта. — Литерат. дневникъ, Спб., 1908, стр. 373—379. 30) „Литературный распадъ", сборн., т. I, Спб., 1908, 2-е изд., Спб., 1908, стр. 58—92. (*Каменевъ, Ю.* О эасеновомъ старикѣ и о В. Брюсовѣ). 31) *Медвѣдевъ* (*Гриневичъ-Якубовичъ, П. Ф.*) Современныя миніатюры. — Очерки русск. поэзіи, Спб., 1904, стр. 332—[illegible]; 2-е изд., Спб., 1911. 32) *Михайловскій, Н. К.* Отклики, т. I, Спб., 1904, стр. 172—175. 33) Neuer Russischer Parnass, Berl., 1912. 34) *Неовскій, Г. С.* Порнографическій элементъ въ русской литературѣ, Екатеринославъ, 1909. 35) *Пильскій, П.* Критич. статьи, т. I, О Л. Андреевѣ, В. Брюсовѣ и др., Спб., 1910, стр. 41—60. 36) *Пояркова, Н.* Поэты наших дней, М., 1907, стр. 58—82. 37) „Русскія Вѣдомости" 1863—1913 гг., сборникъ, М., 1913, стр. 29. 38) Russische Lyrik der Gegenwart, Münch., 1907. 39) Словарь членовъ Общества Любителей Россійской Словесности, М., 1911, стр. 42—43. 40) *Соловьевъ, В. С.* Русскіе символисты. — Собраніе сочиненій, 9 тт., Спб., 1901—1907; 2-е изд., т. VII, Спб., 1912, стр. 159—170. 41) „Сѣверн. Цвѣты на 1902 г.", альманахъ, изд. „Скорпіона", стр. 225. (*Розановъ, А. Л.* Современная русская поэзія). 42) *Чуковскій, К.* Отъ Чехова до нашихъ дней, Спб., 1908, 2-е изд., Спб., 1908, стр. 201—217; 3-е изд., Спб., 1908, стр. 217—237. 43) *Чулковъ, Г.* Покрывало Изиды, М., 1909, стр. 64—80. 44) *Чулковъ, Г.* Сочиненія, т. V, Спб., 1912. 44) *Чулковъ, М.* Новый поэтъ. — Критич. статьи, Спб., 1904, стр. 1[illegible]—125. 45) *Шенгели, А.* Стихи Брюсова и русскій языкъ, М., 1908. (*Отд.* изд.) *Аксеновъ, Б.* (*Брюсовъ, В.*) — „Вѣсы", 1908, кн. XI, стр. 60—62. [illegible] — „Образов.", 1908, кн. VIII, стр. 63—64.) 46) *Шершеневичъ, А.* Футуризмъ въ стихахъ Брюсова, М., 1913. (*Отд.* *Крученыхъ* — „День", 1913, № 3[illegible]). 47) *Эллисъ.* Русскіе символисты, М., 1910. 48) Энциклопедическій словарь, изд. Брокгаузъ-Ефрона, т. I доп., Спб., 1905. (Статья *С. А. Венгерова*). 49) Новый энциклопедическій словарь, изд. Брокгаузъ-Ефрона, т. VIII. (Статья *С. А. Венгерова*). 49a) *Н. Я.* (*Ходасевичъ*). Русская муза, Спб., 1904. 2-е, переработ. и дополн. изд., Спб., 1908, стр. 405—407; 3-е изд., Спб., 1914.

III. Періодическія изданія.

50) *Соловьевъ, В. С.* Русскіе символисты. — „Вѣстн. Европы", 1894, кн. VIII, Литер. обозр., стр. 8[illegible]—[illegible]2. 1895, кн. I, Литер. обозр., стр. 421—424. [illegible] о символистахъ. 1895, кн. X, стр. 847—851. (О сборн. „Русскіе символисты"). 51) „Русск. Богатство", 1894, кн. XI, стр. 74—75. (О сборн.: „Русскіе символисты"). 52) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*) Критич. замѣтки. — „Міръ Божій", 1895, кн. X, стр. 1[illegible]—1[illegible]. (О сборн. „Русскіе символисты"). 53) *Р[illegible], Б.* — „Новости", 1895, 18 ноября. 54) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь. — „Русск. Богатство", 1895, кн. X, стр. [illegible]—3[illegible]. 54a) *Волынскій, А. Л.* Критика. — „Сѣверн. Вѣстн.", 1895, кн. IX и XI. (О сборн.: „Русскіе символисты"). 55) *Гриневичъ* (*Якубовичъ*, *П. Ф.*) Подъ двумя небесами. — „Русск. Богатство", 1895, кн. VII, стр. 88—124. 56) *Я[illegible], I.* — „Ежемѣсячн. Сочин.", 1900, кн. XII. 57) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1900, кн. III. (О сборн. „Книга раздумій"). 58) *Горькій, М.* — „Нижегородск. Листокъ", 1900, № 313. 59) „Русск. Мысль", 1900, кн. VII, стр. 241. (О сборн.: „Книга раздумій"). 60) *Strannick, I.* — „La Revue Blanche", 1901, 2 [illegible]. 61) *Абрамовичъ.* Декадентская философія и критика „Скорпіонъ". — „Научн. Обозр.", 1901, кн. VIII. 62) „Недѣля", 1901, № 17. 63) *Стеченкинъ, Б. Ф.* Современная русская лирика. — „Русск. Вѣстн.", 1901, кн. IX, стр. 127—13[illegible]. 64) *Левинъ, А.* — „Litterarisches Echo", 1903, 1 марта. 65) *Александровичъ, Ю.* Брюсовъ и Бальмонтъ. — „Вѣстн. Знанія", 1904, кн. I. 66) *Чулковъ, М.* — „Ежемѣсячн. Сочин.", 1904, кн. IV, стр. 113—125. 67) *Блокъ, А.* Поэзія Брюсова. — „Нов. Путь", 1904, кн. VII, стр. 138. 68) *Соколовъ, Н. Я.* Журн. обозрѣніе. — „Русск. Вѣстн.", 1904, кн. III, стр. 350. 69) *Покровскій, А. И.* Современ. декадентство. — „Русск. Вѣстн.", 1904, кн. VI, стр. 563 и 581. 70) *Н.* Литерат. отголоски. — „Русск. Вѣд.", 1904, № 3[illegible]. 71) *[illegible], А. В.* Отклики. — „Русь", 1904, № 152. 72) *Бѣлый, А.* — „Вѣсы", 1905, кн. VI, стр. 70. 73) *В., Л.* — „Образов.", 1905, кн. VII, стр. 133. 74) *Миховскій.* Что такое русск. декадентство? — „Образов.", 1905, кн. IX. 75) *Соколовъ, Н. Я.* Журн. и литерат. обозрѣніе. — „Русск. Вѣстн.", 1905, кн. VII. 76) *Боцяновскій, В. Ф.* Декаденты подъ судомъ. — „Русск. Сельско-хозяйствен. листокъ", 1905, № 20. 77) *Бѣлый, А.* Вѣнокъ лавровый. — „Золот. Руно", 1906, № 5. 78) „Le Siècle", 1906, 22 сент. 79) „Mercure de France", 1906, 15 марта. 80) *Сергѣевъ, Н. Е.* — „Полярн. Звѣзда", 1906, № 14. 81) *Левинъ, А.* — „St.-Petersburger Zeitung", 1906, 10 окт. 82) *Бугаевъ, Н.* Нравствен. начала новѣйшей русск. художествен. литературы. — „Вѣра и Разумъ", 1907, № 6, стр. 796—810. 83) *Аничковъ, Е. А.* Вопросы искусства въ его современныхъ отраженіяхъ. — „Вѣстн. Европы", 1907, кн. IV. 84) *Эллисъ.* — „Вѣсы", 1907, кн. V, стр. 75. 85) *Бѣлый, А.* — „Вѣсы", 1907, кн. VI, стр. 67. 86) *Л—въ, Н.* Маленькій фельетонъ. — „Нов. Время", 1907, № 11251. 87) *Абрамовичъ, Н.* Стихійность въ молодой поэзіи. — „Образов.", 1907, кн. XI. 88) *Чуковскій, К.* Бѣгство отъ себя. — „Рѣчь", 1907, № 27[illegible]. 89) *Горнфельдъ, А. Г.* Литерат. бесѣды. — „Товарищъ", 1907, № 205. 90) „Belgique artistique et littéraire", 1908, № 1. 91) *Бѣлый, А.* Символизмъ и современ. русск. искусство. — „Вѣсы", 1908, кн. X, стр. [illegible]—48. 92) *Эллисъ.* Литературный выводъ. — „Вѣсы", 1908, кн. X, стр. 81—8[illegible]. 93) „Mercure de France", 1908, № 1. 94) *Буренинъ, В.* Критич. очерки. — „Нов. Время", 1908, №№ 11550 и 11557. 95) *Абрамовичъ, Н.* Демонизмъ и эротика. — „Образов.", 1908, кн. V. 96) *Гершензонъ, М.* Лики творчества. Городъ въ поэзіи Брюсова. — „Русь", 1908, № 21. 97) *Блокъ, А.* В. Брюсовъ. — „Свободн. Мысли", 1908, № 1, 21 янв. 98) *Ардовъ, Т.* Ересь символизма и Брюсовъ. — „Слово", 1908, № [illegible]. 99) *Левинъ, Г. А.* Пути и перепутья въ поэзіи Брюсова. — „Современ. Міръ", 1908, кн. III, стр. [illegible]—53. 100) *Философовъ, Д.* Дневникъ журналиста. — „Столичн. Почта", 1908, № 24[illegible]. 101) *Гумилевъ, Н.* О современномъ лиризмѣ. — „Аполлонъ", 1909, кн. I—II. 102) *Адріановъ, С.* Критич. наброски. — „Вѣстн. Европы", 1909,

кн. VIII и X. 103) „Expansion Belge“, 1909, décembre. 104) *Буренинъ, В.* Критич. очерки.—„Нов. Время“, 1909, № 12082. 105) „Слово“, 1909, № 747. 106) *Кранихфельдъ, В.* Литерат. отклики.— „Современ. Міръ“, 1909, кн. III, стр. 74. 107) *Аякс.* У Валерія Брюсова.— „Биржев. Вѣд.“, 1910, 24 и 25 марта. 108) *Черновъ, В.* Модернизмъ въ русской поэзіи. „Вѣстн. Европы“, 1910, кн. XI—XII. 109) „Die Neue Deutsche Rundschau“, 1910, Mai. 110) *Крайній, А.* (*Гиппіусъ, З. Н.*). Свой (В. Брюсовъ, человѣкъ—поэтъ).—„Русск. Мысль“, 1910, кн. II, стр. 14—21. 111) *Гуревичъ, Л.* Замѣтки о современ. литературѣ. Дальнозоркіе: Брюсовъ, Кузьминъ. „Русск. Мысль“, 1910, кн. III, стр. 143—155. 112) *Горнфельдъ, А. Г.* Замѣтки о реализмѣ.—„Русск. Богат.“, 1910, кн. XII, стр. 161—168. 113) *Львовъ-Рогачевскій, В.* Лирика современной души.—„Соврем. Міръ“, 1910, кн. VI, стр. 1—17. 114) *Чудовскій, В.* „Пушкинъ“ В. Брюсова. „Аполлонъ“, 1911, кн. II, стр. 62—68. 115) *Адріановъ, С.* Критич. наброски.— „Вѣстн. Европы“, 1911, кн. V. 116) *Poroloszky, I.* Les poètes russes.—„La Revue des Etudes Franco-Russes“, 1911, № 1. 117) *Блокъ, А.* 10-лѣтіе „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“.—„Русск. Мысль“, 1911, кн. X, стр. 23. 118) *Наумовъ, Н.* Соврем. русск. критика.- „Аполлонъ“, 1912, кн. X. 119) *Адріановъ, С.* Критич. наброски.- „Вѣстн. Европы“, 1912, кн. VII. 120) „La Phalange“, 1912, 20 janvier 121) *Аничковъ, Е.* Бѣлые павлины нашей скуки.—„Нов. Жизнь“, 1912, кн. VII. 122) *Львовъ-Рогачевскій.*—„Соврем. Міръ“, 1912, кн. III, стр. 324. 123) *Чудовскій, В.* „Русск. Мысль“ и романы Брюсова, Гиппіусъ и Мережковскаго.—„Аполлонъ“, 1913, кн. II. 124) *Черновъ, В.* Эросъ и мечта въ поэзіи В. Брюсова.— „Завѣты“, 1913, кн. XI. *Перепеч.:* Холодъ индивидуализма.—„Бюллетени литературы и жизни“, 1914, янв., № 10, стр. 597—600. 125) *Ходасевичъ, В.* „Juvenilia“ Брюсова.—„Софія“, 1914, кн. II.

IV. Статьи и рецензіи объ оригинальныхъ произведеніяхъ.

Алтарь побѣды: „Соврем. Міръ“, 1913, кн. XI. *Великій риторъ. Жизнь и сочиненія Децима Магна Авсонія:* „Истор. Вѣстн.“, 1912, кн. VI. *Весь напѣвъ:* 1) *Соловьевъ, С.* Новые сборники стиховъ.- „Вѣсы“, 1909, кн. V, стр. 76—81. 2) *Гофманъ, В.* „Слово“, 1909, № 788. 3) *Львовъ, В.*—„Соврем. Міръ“, 1909, кн. VII, стр. 183. *Венокъ:* 1) *Л., Ев.* (*Лацкій, Е. А.*) „Вѣстн. Европы“, 1906, кн. IV. 2) *Блокъ, А.* „Золот. Руно“, 1906, № 1. 3) *Блокъ, А.* „Слово“, 1906, литерат. прилож., № 2. *Книги.* 1) *М. Д.*—„Нов. Путь“, 1904, кн. IX, стр. 270. 2) *Ивановъ, В.* О „факельщикахъ“ и другихъ именахъ собирательныхъ. — „Вѣсы“, 1906, кн. VI, стр. 52—55. *Далекіе и близкіе:* 1) *Войтоловскій, Л.*—„Кіевск. Мысль“, 1911, № 301. 2) *Тардовъ.*— „Утро Россіи“, 1911, № 284. 3) *Наумовъ, Н.* Современ. русская критика. „Аполлонъ“, 1912, кн. X, стр. 70—75. 4) *В—ій, Ч.*—„Вѣстн. Европы“, 1912, кн. II, стр. 368. 5) *Ковл, К.*—„Жатва“, сборн., 1912, кн. III, стр. 231—236. 6) „Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1912, кн. IV. 7) „Нов. журн. для всѣхъ“, 1912, кн. I. 8) „Русск. Богат.“, 1912, кн. II, стр. 165. *Ея моимъ окнамъ:* 1) „Вѣстн. Европы“, 1913, кн. VII. 2) „Новый журн. для всѣхъ“, 1913, кн. X. *Земля:* 1) *Арскій.* Изъ жизни и литературы. — „Новости Дня“, 1905, № 7895. 2) *В., Л.*—„Образов.“, 1905, кн. VII, стр. 132. *Земная ось:* 1) *Блокъ, А.*—„Золот. Руно“, 1907, № 1. 2) „Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1907, кн. III; 1910, кн. XI. 3) *В—скій, Л.*—„Рѣчь“, 1907, № 68. 4) *Абрамовичъ.* „Современ. Міръ“, 1907, кн. II, стр. 73. 5) *Адріановъ, С.* Критич. наброски. — „Вѣстн. Европы“, 1910, кн. XII, стр. 384—395. *Зеркало тѣней.* 1) „Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1912, кн. V. 2) *Будиловъ, А.* В. Брюсовъ въ „Зеркалѣ тѣней“.—„Жатва“, сборн., 1912, кн. III, стр. 220—230. *Изъ жизни Пушкина.* *Сиротининъ, Н. Я.* Журн. обозрѣніе. — „Русск. Вѣстн.“, 1903, кн. VIII, стр. 707—716. *Исполненный долгъ.* *Лернеръ, Н. О.*—„Историч. Вѣстн.“, 1909, кн. X, стр. 311. Объ этой рѣчи Брюсова, произн. 27 апр. 1909 г. на торжествен. засѣданіи Общества Любителей Россійск. словесн. по поводу 100-лѣтія со дня рожденія Гоголя, см. въ газетахъ 1909 г., конецъ апрѣля май, въ отчетахъ объ этомъ засѣданіи и въ юбилейн. статьяхъ о Гоголѣ. *Исполненное отмщеніе:* *Эллисъ.* Литерат. не- воля. — „Вѣсы“, 1908, кн. X, стр. 81—86. *Ключи тайнъ:* 1) *Вольный, И.*—„Всеміри. Вѣстн.“, 1904, кн. II, стр. 210—214. 2) *Любеновъ, Н.* Обзоръ журналовъ. — „Нов. Путь“, 1904, кн. I, стр. 235. *Книга раздумій* см. выше отдѣлъ періодическ. изданій. *Коневской, И.* (Статья, прилож. къ книгѣ Коневского: Стихи и проза, М., 1904). 1) „Русск. Мысль“, 1904, кн. VI, стр. 172. 2) *Соколовъ, Н. М.*—„Русск. Вѣстн.“, 1904, кн. VI, стр. 739—742. *Кузьмину* (*Акростихъ*): *Моносъ, Л.* Лѣтопись литературы и жизни. „Образов.“, 1909, кн. V, стр. 81. *Литературная жизнь во Франціи:* *Pyx.* Обзоръ русскихъ журналовъ.—„Вѣсы“, 1909, кн. VII, стр. 98. *Лицейскіе стихи Пушкина:* 1) *Л., Н.* (*Лернеръ, Н. О.*)—„Былое“, 1907, кн. VIII, стр. 308—310. 2) *Г., М.* (*Гершензонъ, М. О.*)—„Вѣстн. Европы“, 1907, кн. VIII, стр. 776—778. 3) *Лернеръ, Н. О.*—„Вѣсы“, 1907, кн. VII, стр. 68—70. 4) *Морозовъ, П. О.* Строгая критика. — „Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.“, 1907, кн. X, стр. 461—471. (Отвѣтъ *Брюсова*: Защитнику авторитета. „Вѣсы“, 1907, кн. XI, стр. 65—70). 5) *Лернеръ, Н. О.*—„Истор. Вѣстн.“, 1907, кн. IX. 6) „Правит. Вѣстн.“, 1907, № 163. 7) *Черняевъ, В.*— „Русск. Филологич. Вѣстн.“, 1907, кн. III, стр. 223—225. 8) *Р.*—„Соврем. Міръ“, 1907, кн. IX, стр. 162. 9) *Л., Н.* (*Лернеръ, Н. О.*)—„Товарищъ“, 1907, № 443. 10) „Филологич. Записки“, 1907, вып. IV, стр. 9—12. 11) *Лернеръ, Н. О.*—„Извѣстія Отдѣл. рус к. яз. и слов. Академіи Наукъ“, 1908, кн. I, стр. 425—436. 12) *Л., Н.* (*Лернеръ, Н. О.*). „Русск. Старина“, 1908, кн. VI, библіограф. листокъ. 13) *Б., П.* (*Бартеневъ*). — „Русск. Архивъ“, 1908, I, кн. III, обложка. 14) *Шестаковъ, Д.*— „Слово“, 1908, № 375. *Мы и они:* 1) „Бюллетени литературы и жизни“, 1913, май, № 18, стр. 471. 2) *Войтоловскій, Л.*—„Кіевск. Мысль“, 1913, № 97. 3) *Ю—нъ.*—„Нов. Время“, 1913, № 13341. 4) „Русск. Молва“, 1913, № 130. *Огненный Ангелъ:* 1) *Дмитріевъ, Н.* Журн. обозрѣніе.— „Образов.“, 1907, кн. XI, стр. 114. 2) *Измайловъ, А.* Что новаго въ литературѣ?— „Бирж. Вѣд.“, 1908, 10716. 3) *М. Н. А.* Обзоръ журналовъ. - „Образов.“, 1908, кн. XI, стр. 96. 4) *К. Л., С.* „Вѣстн. Европы“, 1909, кн. VII, стр. 417—421. 5) *Бѣлый, А.*—„Вѣсы“, 1909, кн. IX, стр. 91—93. 6) *Соловьевъ, С.* „Русск. Мысль“, 1909, кн. II, стр. 29. 7) *Левинсонъ, А.* „Соврем. Міръ“, 1909, кн. III, стр. 124—127. 8) *Гуревичъ, Л. Я.* Замѣтки о современной литературѣ. Дальнозоркіе. — „Русск. Мысль“, 1910, кн. III, стр. 143—155. (*Перепеч.:* Литература и эстетика, М., 1912, стр. 111—128). 9) *Бѣлый, А.* Арабески, М., 1911, стр. 453—457. *О искусствѣ.* 1) „Вопросы философіи и психологіи“, 1899, т. XLVI, кн. I, стр. 49—55. 2) „Нов. Міръ“, Мозаика, 1899, № 12. 3) „Русск. Богат.“, 1899, кн. II, стр. 56—57. *О русскомъ стихосложеніи.* (Предисл. къ книгѣ Добролюбова: Собраніе стиховъ): *Лозинскій, А. М.*—„Литерат. Вѣстн.“, 1901, т. I, кн. IV, стр. 450—452. *О рѣчи рабской въ защиту поэзіи:* *Львовъ-Рогачевскій, В.* Быть или не быть русскому символизму? — „Современ. Міръ“, 1910, кн. X, стр. 76—86. *Письма Пушкина и къ Пушкину:* 1) „Вѣстн. Европы“, 1903, кн. VI, стр. 784. 2) *Щ., Н.* (*Щеголевъ, П. Е.*). „Истор. Вѣстн.“, 1903, кн. V, стр. 695—698. 3) *Налимовъ, А. Н.*—„Литер. Вѣстн.“, 1903, т. V, кн. IV, стр. 495—498. 4) *С., Б.*—„Міръ Божій“, 1903, кн. X, стр. 107—108. 5) *См.* „Москов. Вѣд.“, 1903, № 90. 6) „Русск. Мысль“, 1903, кн. IV, стр. 136. 7) *Я., В.* (*Якушкинъ*). - „Русск. Вѣд.“, 1903, № 150. *Полное собраніе сочиненій.* 1) „Бюллетени литературы и жизни“, 1913, сент., № 2, стр. 59—72. 2) „Русск. Молва“, 1913, № 141. 3) *Львовъ-Рогачевскій, В.*—„Современ.“, 1913, кн. VIII. 4) „Современ. Міръ“, 1913, кн. IX. 5) *Бальмонтъ, К.*—„Утро Россіи“, 1913, № 179. *Последнія страницы изъ дневника женщины.* 1) *Адріановъ, С.* Критич. наброски.—„Вѣстн. Европы“, 1911, кн. I, стр. 374—380. 2) *Колтоновская, Е. А.* Брюсовъ о женщинѣ.—„Рѣчь“, 1911, № 16, 17 янв. 3) *Варвасовъ, А.*—„Жатва“, сборн., 1912, кн. I, стр. 217—222. *Предисловіе къ книгѣ Н. Клюева „Сосенъ перезвонъ“.* *Львовъ-Рогачевскій.*— „Соврем. Міръ“, 1912, кн. I, стр. 343. *Пути и перепутья:* 1) *Бѣлый, А.*—„Критич. Обозр.“, 1907, кн. V, стр. 32—35. 2) *Волошинъ, М.* Лики творчества. „Русь“, 1907, № 348. 3) *Эллисъ.*—„Вѣсы“, 1908, кн. I, стр. 82—86. 4) „Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1908, кн. III и VI. 5) *Ірмновъ.* „Русск. Мысль“, 1908, кн. I, стр. 1. 6) *Н. Я.* (*Абрамовичъ*). Безъ руля и безъ вѣтрилъ.—„Русск. Богат.“, 1908, кн. V, стр. 130—141. 7) „Русск. Богат.“, 1908, кн. IX, стр. 172—175. 8) *Ивн..., А. С.* „Русск. Слово“, 1908, № 129. 9) *Гумилевъ, Н.*—„Рѣчь“, 1908, № 127. 10) *Неблагосклонный читатель.* Литерат. бесѣды. — „Слово“, 1908, № 418. 11) *Вереснинъ, А.* Литерат. отголоски.—„Слово“, 1909, № 457. 12) *Ляцкій, Е.* Пути и перепутья въ поэзіи Брюсова. — „Соврем. Міръ“, 1908, кн. III, стр. 39—53. 13) Въ литературномъ мірѣ. „Бирж. Вѣд.“, 1909, № 11055. 14) *Саводскій, Б. А.*—„Русск. Мысль“, 1909, кн. VI, стр. 138. *Пушкинъ:* *Колтоновская, Е. А.* Брюсовъ о женщинѣ. „Рѣчь“, 1911, № 16, 17 янв. *Пушкинъ. Рано по совѣтамъ:* 1) *Бороздинъ, Я.*—„Русск. Вѣстн.“, 1903, кн. VII, стр. 268—270. 2) *Ивановъ, И. М.* Замѣтка на замѣтку. — „Русск.

Вѣстн.", 1907, кн. X, стр. 510—515. *Реализмъ и условность на сценѣ*. 1) Кризисъ театра, сборн., М., 1908, стр. 3—53. (*Соколовъ, Ю.* Театръ или кукольная комедія?). 2) *Авель*. Замѣтки рецензента. — „Свободн. Мысли", 1908, № 37. *Русскіе символисты* см. выше, отдѣлъ періодич. изданій. *Sociales*: см. *Ивановъ*. *Tedeum* [illegible] 1) *Андреевичъ* (*Соловьевъ, Е.*). Очерки текущей русской литературы. Литерат. мѣщанство. — „Жизнь", 1900, кн. XII, стр. 339. 2) „Московск. Вѣд.", 1900, № 308. 3) *Горькій, М.* — „Нижегородск. Листокъ", 1900, № 313. 4) „Ежемѣсячн. Сочиненія", 1901, кн. I, стр. 35—41. 5) *А[illegible]въ, Р.* Геніальные декаденты. — „Новости", 1901, № 107. 6) *Созерцатель*. — „Русск. Вѣстн.", 1901, кн. I, стр. 240—241. 7) „Русск. Богат.", 1901, кн. III, стр. 28—30. 8) *Чуносовъ, М.* Новый поэтъ. Критич. статьи, Спб., 1904, стр. 116—125. 9) *Кранихфельдъ, В.* Литерат. отклики — „Соврем. Міръ", 1909, кн. V. *Тютчевъ*. [illegible] новаго изданія его сочиненій [illegible] — „Торгово-Промышлен. Газета", литерат. прилож., 1900, № 23. *Тютчевъ*. (Крит. біографич. очеркъ въ Полномъ собраніи сочиненій Тютчева, Спб., 1912). 1) *В—овъ, Ч.* — „Вѣстн. Европы", 1912, кн. X, стр. 360. 2) *Адріановъ, С.* Критич. набрoски. — „Вѣстн. Европы", 1912, кн. X, стр. 406. 3) *[illegible]*. — „Запросы", 1912, кн. XII. 4) *Фонъ-Шлейнъ*. — „Истор. Вѣстн.", 1912, кн. XI. 5) *Садовской, Б. А.* — „Русск. Мысль", 1912, кн. XII, стр. 425. 6) *Л.—Р., В.* (*Львовъ-Рогачевскій, В.*) — „Соврем. Міръ", 1912, кн. X, стр. 335. *Urbi et Orbi*. 1) *С—кій, В. Б.* — „Всемірн. Вѣстн.", 1903, кн. XII, стр. 174—182. 2) *Л. Л.* — „Московск. Вѣд.", 1903, № 335. 3) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1903, кн. XII. 4) *Измайловъ, А.* Литерат. замѣтки. — „Нов. Иллюстрація", 1903, № 47. 5) *Лохвицкая, М.* — „Нов. Путь", 1903, кн. I. 6) *Н.* Литерат. отголоски. — „Русск. Вѣд.", 1903, № 324. 7) *Волынскій, А. Л.* Стихи. — Книга великаго гнѣва, Спб., 1904, стр. 435—440. 8) *Л.*, *Ев.* (*Лѣтковъ, Е. А.*) — „Вѣстн. Европы", 1904, кн. III. 9) *Лазаревъ, А. М.* — „Литерат. Вѣстн.", 1904, т. VII, кн. I, стр. 85—87. 10) *Бѣлоусовъ, Н. Д.* — „Міръ Божій", 1904, кн. VII, стр. 62—64. 11) *Брюсовъ, В.* Литерат. обозрѣніе — „Нов. Міръ", 1904, № 3. 12) *Блокъ, А.* — „Нов. Путь", 1904, кн. VII, стр. 202. 13) *[illegible], Н.* — „Образов.", 1904, кн. V, стр. 119—121. *Chefs d'oeuvre*: 1) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*) Критич. замѣтки. — „Міръ Божій", 1895, кн. X, стр. 193—195. 2) *Волынскій, А.* — „Сѣверн. Вѣстн.", 1895, кн. XI, стр. 50—53. (*Перепеч.*: Борьба за идеализмъ, Спб., 1900, стр. 410—413).

V. Статьи и рецензіи о переводахъ и вступительныхъ статьяхъ къ нимъ.

Французскіе лирики XIX вѣка. 1) *Эллисъ*. — „Вѣсы", 1909, кн. VII, стр. 87—93. 2) *Львовъ, В.* — „Соврем. Міръ", 1909, кн. IX, стр. 102. *д'Аннунціо*. Франческа да Римини: *Л. А.* — „Соврем. Міръ", 1908, кн. X, стр. 136. *д'Аннунціо*. Собраніе сочиненій: *Полонскій*. — „Нов. Жизнь", 1911, кн. IX. *Верленъ, П.* Собраніе стиховъ. 1) *Л., Н.* — „Вѣстн. Европы", 1911, кн. VII, стр. 388. 2) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1911, кн. VIII. *Верхарнъ, Э.* Стихи о современности. 1) *Л., Ев.* (*Лѣтковъ, Е. А.*) — „Вѣстн. Европы", 1906, кн. XI. 2) *Горнфельдъ, А.* — „Вѣсы", 1906, кн. VIII, стр. 65—68. 3) *Блокъ, А.* — „Золот. Руно", 1906, № 7—9. 4) *Гольцевъ, В.* — „Міръ Божій", 1906, кн. VII, стр. 88. 5) „Образов.", 1906, кн. VII, стр. 87. 6) „Русск. Мысль", 1906, кн. VII, стр. 174. 7) *Волошинъ, М.* Верхарнъ и Брюсовъ. — „Вѣсы", 1907, кн. II, стр. 74—82. *Верхарнъ, Э.* Елена Спартанская. 1) *Айхенвальдъ, Ю. И.* — „Русск. Мысль", 1909, кн. IV, стр. 75. 2) *Гофманъ, В.* — „Рѣчь", 1909, № 59. *Вилье де Лиль Аданъ*. Жестокіе разсказы: 1) *Г. С.* — „Образов.", 1908, кн. IX—X, стр. 59. 2) *З. Н.* „Слово", 1908, № 476. 3) *К. А.* — „Соврем. Міръ", 1908, кн. VII, стр. 130. *Де-Ренье, Анри*. *Л.* Ожившее гнѣздо: „Путь", 1912, кн. V. *Метерлинкъ*. Пелеасъ и Мелизанда: „Вѣсы", 1907, кв. X, стр. 71.

З. А. Венгерова.

Сочиненія З. А. Венгеровой.

I. Собраніе сочиненій.

1) **Собраніе сочиненій.** Томъ I. Англійскіе писатели XIX вѣка. Изд. „Прометей", Н. Н. Михайлова, Спб., 1913, 8°, стр. 191, 2.000 экз. (*Содерж.*: Предисловіе. — Апостолъ красоты (Д. Рескинъ). — В. Блэкъ. Родоначальникъ англійск. символизма. — Прерафаэлитское братство. — Данте Габріэль Россетти. — В. Моррисъ. — Р. Броунингъ. — Д. Мередитъ. — О. Уайльдъ). (Другіе тома подготовляются къ печати).

II. Беллетристика.

2) Жанъ и Жанъ. Разсказъ. — „Жизн. и Обозр.", 1890-е гг. 2а) The Leader. Разсказъ — „Fortnightly Review", 1911—1912. (Подъ псевдонимомъ: *Vasily*).

III. Критика, исторія литературы и искусство.

А. Произведенія, изданныя отдѣльно.

3) **Литературныя характеристики.** Кн. I. Спб., 1897, 8°, стр. III—392, 1.000 экз.; кн. II, Спб., 1905, 8°, стр. I—337, 1.200 экз.; кн. III, Спб., 1910, стр. 305, 2.000 экз. (*Содерж.*: **Кн. I**: Предисловіе. Нов. теченія въ англійск. искусствѣ. I. Прерафаэлитское братство. II. Данте Габріэль Россетти. — В. Моррисъ. — О. Уайльдъ и англійск. эстетизмъ. — Д. Мередитъ. — Р. Броунингъ и его поэзія. — В. Блэкъ, родоначальникъ англійск. символизма. — Поэты-символисты во Франціи. — П. Верленъ. — Нов. теченія во французск. романѣ. Ж. К. Гюисмансъ. — Г. Ибсенъ. — Г. Гауптманъ. — Францискъ Ассизскій. — Значеніе Данте для современности. — Сандро Боттичелли. **Кн. II**: Метерлинкъ, какъ художникъ и мыслитель. — Э. Зола. — А. Франсъ. — Г. Канъ. — Ж. Роденбахъ. — Э. Верхарнъ. — А. де-Ренье. — Д. Рескинъ. — В. Моррисъ. — В. Пэтеръ. — Г. Сенкевичъ. — Ф. Ведекиндъ. — **Кн. III**. Г. д'Аннунціо. — Г. Гауптманъ. Сказка Гауптмана. — Сандро Боттичелли. — О. Шницлеръ. — Гюи де-Мопассанъ. Жизнь Бодлера. — П. Адамъ. — М. Тэрнеръ. Иронія А. Франса. — О. Мирбо. — Изъ русской литературной жизни: О. Н. Чюмина. — У Кропоткина. — П. Вейнбергъ).

Б. Произведенія (за исключеніемъ рецензій), напечатанныя въ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ.

4) Джонъ Китсъ и его поэзія. — „Вѣстн. Европы", 1889, кн. X, стр. 539; кн. XI, стр. 62. 5) Поэты-символисты во Франціи. (Верленъ, Малларме, Рембо, Лафоргъ, Мореасъ). — „Вѣстн. Европы", 1892, кн. IX, стр. 115. 6) Новости иностранной литературы. — „Вѣстн. Европы", 1893, кн. II—IV, VII, IX, XI и XII. (Вела этотъ отдѣлъ въ „Вѣстн. Европы" до 1900 г., см. ниже). 7) Р. Броунингъ и его поэзія. — „Вѣстн. Европы", 1893, кн. IX, стр. 150. 8) Верленъ. — „Міръ Божій", 1893, кн. VIII, стр. 33—46. 9) Поэтъ-утопистъ Вилльямъ Моррисъ и его послѣдняя книга. — „Сѣверн. Вѣстн.", 1893, кн. VII, стр. 249—256. 10) Новости иностранной литературы. — „Вѣстн. Европы", 1894, кн. I—XII. 11) „Эмиль и Гиллотина" Лессинга, перев. Б. Владиміровa. — „Міръ Божій", 1894, кн. IX, стр. 164—170. 12) Новости иностранной литературы. — „Вѣстн. Европы", 1895, кн. I—III, V—XII. 13) Новыя теченія въ англійскомъ искусствѣ. — „Вѣстн. Европы", 1895, кн. V, стр. 192—235. 14) Дж. Мередитъ. — „Вѣстн. Европы", 1895, кн. VII, стр. 155—177. 15) Сандро Боттичелли. — „Вѣстн. Европы", 1895, кн. XII, стр. 767. 16) Письмо изъ Италіи. Художествен. выставка въ Венеціи. — „Сѣверн. Вѣстн.", 1895, кн. IX, стр. 41—45. 17) Новости иностранной литературы. — „Вѣстн. Европы", 1896, кн. I—XII. 18) Г. Гауптманъ. — „Вѣстн. Европы", 1896, кн. XI, стр. 308—329. 19) Значеніе Данте для современности. — „Міръ Божій", 1896, кн. X, стр. 177—189. 20) Т. Карлейль. — „Образов.", 1896, кн. I, стр. 34—43. 21) Г. Ибсенъ. — „Образов.", 1896, кн. X, стр. 1—14. 22) А. Берне. — „Образов.", 1896, кн. XII, стр. 33—41. 23) А. Доде. — „Сѣверн. Вѣстн.", 1896, кн. I,

стр. 177—191. 24) П. Верленъ. — „Сѣверн. Вѣстн.", 1896, кн. II, стр. 271—287. 24а) Сочиненія Шелли. — „Сѣверн. Вѣстн.", 1896, кн. V. 25) Новыя теченія во французск. романѣ. (Ж. К. Гюисмансъ). — „Сѣверн. Вѣстн.", 1896, кн. VII, стр. 113—132. 26) Родоначальникъ англійскаго символизма. — „Сѣверн. Вѣстн.", 1896, кн. IX, стр. 81—99. 27) В. Моррисъ, пѣвецъ „земного рая". „Сѣверн. Вѣстн.", 1896, кн. XI, стр. 155—163. 28) Новости иностранной литературы. — „Вѣстн. Европы", 1897, кн. I—XII. 29) Lettres russes. — „Mercure de France", 1897—1899. 30) Новости иностранной литературы. — „Образов.", 1897, кн. I, II, XI и XII. 31) Литерат. критика въ современ. Франціи. — „Образов.", 1897, кн. XI, стр. 93—104. 32) La femme russe. — „Revue des revues", 1897, сент. 33) А. Додэ. Некрологъ. — „Вѣстн. Европы", 1898, кн. I, стр. 445. 34) Новости иностранной литературы. — „Вѣстн. Европы", 1898, кн. I—XII. 35) А. Франсъ. — „Вѣстн. Европы", 1898, кн. VIII, стр. 731. 36) Новости иностранной литературы. — „Образов.", 1898, кн. I, II, V—VI и IX. 37) А. Додэ. — „Образов.", 1898, кн. I, стр. 13—17. 38) Современная англійск. живопись. — „Образов.", 1898, кн. II. 39) Феминизмъ и женская свобода. — „Образов.", 1898, кн. V—VI, стр. 73—90. 40) Индивидуализмъ въ современной литературѣ. — „Образов.", 1898, кн. XII, стр. 110—119. 41) Новости иностранной литературы. — „Вѣстн. Европы", 1899, кн. I—XII. 42) Русск. романъ во Франціи. — „Вѣстн. Европы", 1899, кн. II, стр. 719. 43) М. Метерлинкъ. (Трагическое начало въ драмахъ Метерлинка). — „Начало", 1899, кн. I—II, стр. 155—172. 44) Театръ въ современной Франціи. — „Образов.", 1899, кн. III. 45) На Западѣ. (Изъ Германіи). Городъ внѣшней культуры. — „Образов.", 1899, кн. XI, стр. 1—12. 46) Новости иностранной литературы. — „Вѣстн. Европы", 1900, кн. I—XII. 47) Джонъ Рёскинъ. — „Вѣстн. Европы", 1900, кн. VI, стр. 674—692. 48) Изъ жизни и литературы. Н. Д. Боборыкинъ. — „Образов.", 1900, кн. XI, стр. 34; кн. XII, стр. 18. 49) „Турандотъ". — Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгаузъ-Ефрона. *Шиллеръ*, т. III, Спб., 1901, стр. 162—171. 50) Новости иностранной литературы. — „Вѣстн. Европы", 1901, кн. I—XII. 51) А. Беклинъ. — „Образов.", 1901, кн. II, стр. 49. 52) Сенкевичъ. — „Образов.", 1901, кн. XI, стр. 43. 53) П. И. Вейнбергъ. (Къ 50-лѣтію его литерат. дѣятельности). — „Образов.", 1901, кн. XII, стр. 93. 54—57) „Усмиреніе строптивой". Примѣчанія. „Конецъ всему дѣлу вѣнецъ". Примѣчанія. — Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгаузъ-Ефрона. *Шекспиръ*, т. I, Спб., 1902, стр. 266—272, 547—567; т. II, Спб., 1902, стр. 247—253, 555—572. 58) Новости иностранной литературы. — „Вѣстн. Европы", 1902, кн. I—XII. 59) Отчеты о новыхъ явленіяхъ русск. литературы. — „Saturday Review", 1902—1903. 60) Примѣчанія. — Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгаузъ-Ефрона. *Шекспиръ*, т. III, Спб., 1903, стр. 566—589. 61) Новости иностранной литературы. — „Вѣстн. Европы", 1903, кн. I—XII. 62) Э. Зола. (Критико-біограф. очеркъ). — „Вѣстн. Европы", 1903, кн. IX, стр. 211—241. 63) „Отцы и дѣти" въ Германіи. — „Вѣстн. и библіотека самообразованія", 1903, № 47. 64) Новости иностранной литературы. — „Вѣстн. Европы", 1904, кн. I—XII. 65) Мистикъ безбожія. Э. Верхарнъ. — „Нов. Путь", 1904, кн. II, стр. 195. 66) Пѣвецъ времени. Анри де-Ренье. — „Нов. Путь", 1904, кн. IV, стр. 113. 67) Новости иностранной литературы. — „Вѣстн. Европы", 1905, кн. I—XII. 68) Новости иностранной литературы. — „Вѣстн. Европы", 1906, кн. I—VI, VIII—XII. 69—71) Антоній Гамильтонъ. Жакъ Вержье. Аббатъ Шолье. — Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгаузъ-Ефрона. *Пушкинъ*, т. I, Спб., 1907, стр. 76—80, 178—180 и 262—264. 72) Новости иностранной литературы. — „Вѣстн. Европы", 1907, кн. I—IX, XI и XII. 73) Гауптманъ. — „Нива", ежемѣс. прилож., 1907, кн. XII. 74) Новости иностранной литературы. — „Вѣстн. Европы", 1908, кн. I—X и XII. 75) О. Н. Чюмина. — „Вѣстн. Европы", 1909, кн. X, стр. 854—863. 76) П. Адамъ. — „Вѣстн. Европы", 1909, кн. XII, стр. 830—841. 77) Литературная жизнь Запада. — „Русск. Мысль", 1909, кн. III. 77а) О двухъ путяхъ (Минскій). — „Слово", 1909, № 757. 78) М. Тапоръ. (Франц. романтика). — „Вѣстн. Европы", 1910, кн. II, стр. 310. 79) Мольеръ. — „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1912, кн. XII, стр. 607—667. 80) Судъ надъ О. Уайльдомъ. — „Нов. Жизнь", 1912, кн. XI. 81) Московск. театры. — „Нов. Жизнь", 1912, кн. XII. 82) Новая теорія о личности Шекспира. — „Вѣстн. Европы", 1913, кн. VI, стр. 352—361. 83) Новый идеализмъ во Франціи. (Ромэнъ Роланъ). — „Завѣты", 1913, кн. VIII. 84—85) Перси Биши Шелли. Джонъ Китсъ. Американская литература. — Исторія западной литературы, подъ ред. О. Д. Батюшкова, изд. т-ва „Міръ", т. I, М., 1914, стр. 61—79, 80—95; т. III, М., 1914, стр. 288. 86) Б. Шоу. — „Вѣстн. Европы", 1914, кн. VI. 87) Символизмъ въ современ. его пониманіи. — „Дневники писателей", 1914, № 2, апр. 87а) Уэльсъ. — „Завѣты", 1914, кн. I. 87б) Шоу. — „Завѣты", 1914, кн. II. 87в) Объ отвлеченномъ въ театрѣ. — „Завѣты", 1914, кн. III. 87г) Б. Шоу. — „Современ.", 1914, кн. XIII—XV. 87д) Статьи объ иностранныхъ писателяхъ въ Энциклопедич. словарѣ и Нов. энциклопедич. словарѣ, изд. Брокгаузъ-Ефрона. — Кромѣ отмѣченнаго, В. написано: а) О русск. критикѣ. — Найтъ. History of the Beautiful. б) Das Jungste Russland. — „Magazin für die Litter. d. Auslands". в) The Life and Death of Tolstoy. — „Fortnightly Review", 1910.

IV. Переводы и вступительныя статьи къ нимъ.

88) *Гауптманъ, Меримэ, Д'Аннунціо.* Три драмы. (Флоріанъ Гейеръ. — Жакерія. — Франческа да-Римини). Перев. съ нѣмецк., французск. и итальянск. Венгеровой и П. Морозова, съ ихъ статьями, подъ ред., съ введеніями и примѣч. проф. А. Трачевскаго. Изд. А. Ильина, Спб., 1903, 8°, стр. LIII—147 I—XXXVI, 167—XLV—124, 5.000 экз. 89) *Адамъ, П.* Черная змѣя. Ром. Перев. съ французск. — „Вѣстн. Европы", 1905, кн. X, стр. 630—680; кн. XI, стр. 229—280; кн. XII, стр. 649—709. 90) *Адамъ, П.* Новый городъ. Романъ. Перев. съ французск. — „Вѣстн. Европы", 1909, кн. IX, стр. 257—297; кн. X, стр. 699—732; кн. XI, стр. 264—288; кн. XII, стр. 647—681. 91) *Адамъ, П.* Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. В. Изд. „Сфинкса", 9 тт., М., 1910—1912. (Перев. В.: Красная мантія, Мудрая блудница и др.). 92) *Д'Аннунціо, Г.* Собраніе сочиненій. Изд. „Шиповника". Т. I, Джованни Эпископо. Перев. К. Эрберга. — Сонъ въ весеннее утро. Перев. Венгеровой. Сонъ осенняго заката. Перев. К. Эрберга, Спб., 1910, 8°, стр. 201, 3.400 экз.; т. III, Разсказы изъ Пескары. Перев. Венгеровой, Спб., 1909, 8°, стр. 302, 3.400 экз.; т. VII, Пламя. Перев. Венгеровой, Спб., 1910, 8°, стр. 297, 3.400 экз.; т. X, Дѣва Скалъ. Перев. подъ ред. Венгеровой, Спб., 1911, 8°, стр. 211, 2.200 экз.; т. XII, Корабль. Перев. Венгеровой. — Дочь Іоріо. Перев. З. Журавской, Спб., 1912, 8°, стр. 336, 2.300 экз. 93) Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгаузъ-Ефрона. *Байронъ*, т. III, Спб., 1905, стр. 480—482. (Перев. В.: Смерть Кальмара и Орлы). 94) *Баръ, Г.* Необыкновенный человѣкъ или Властелинъ жизни. Комед. въ 3 д. Изд. журн. „Театръ и Искусство", Спб., 1905, 8°, стр. 42, 100 экз. 95) *Баръ, Г.* На гастроли. Комед. въ 3 д. Перев. съ нѣмецк. Л. М. Василевскаго и Венгеровой. Изд. журн. „Театръ и Искусство", Спб., 1910, 8°, стр. 124, 100 экз. 96) *Беланжъ, А.* Исповѣдь. Перев. съ англійск. — „Сѣверн. Вѣстн.", 1895, кн. I, стр. 215—241; кн. II, стр. 219—248; кн. III, стр. 224—262; кн. IV, стр. 209—239; кн. X, стр. 186—199; кн. XI, стр. 137—152. 97) *Бергеръ, Г.* Потопъ. Пьеса въ 3 д. Перев. съ рукописи В. Л. Бинштока и Венгеровой. Изд. журн. „Театръ и Искусство", Спб., 1908, 8°, стр. 44, 3.600 экз. 98) *Бурлье, С.-Ж.* Король безъ вѣнца. Пьеса. Перев. Венгеровой и Бинштока. — „Шиповникъ", альманахъ, 1907, кн. II. 99) *Вассерманъ, Я.* Кларисса Мерабель. — Перев. съ нѣмецк. — „Вѣстн. Европы", 1906, кн. XII, стр. 706—754. 100) *Вассерманъ, Я.* Циридорфскіе евреи. Ром. Перев. съ нѣмецк. А. Полоцкой, подъ ред. Венгеровой. Изд. Спб. Книжной экспедиціи, Спб., 1909, 8°, стр. 229, 2.500 экз. 101) *Вассерманъ, Я.* Романъ мужчины 40 лѣтъ. — „Нов. Жизнь", 1912, кн. IX—XI. 102) *Вассерманъ, Я.* Романъ мужчины сорока лѣтъ. Изд. „Новой Жизни", Спб., 1913, стр. 136. 102а) *Ведекинъ, Ф.* Пьесы. I. Гидалла. Перев. Л. Василевскаго. II. Музыка. Перев. Венгеровой. Изд. „Шиповника", Спб., 1908, стр. 136, 3.000 экз. 103) *Войничъ, Е.* Оводъ. Романъ изъ итальянской жизни 30-хъ гг. Перев. съ англійск. — „Міръ Божій", 1898, кн. I—VII. 104) *Войничъ, Е.* Оводъ. Романъ изъ итальянской жизни 30-хъ гг. Перев. съ англійск. Изд. М. Терентьева, Спб., 1900, 8°, стр. 359, 3.000 экз.; 2-е изд., Н. Глаголева, Спб., 1904, 8°, стр. 356, 5.200 экз.; 3-е изд. Н. Глаголева, Спб., 1905, 8°, стр. 320, 10.000 экз.; 4-е изд., „Прометея", Спб., 1910, 8°, стр. 256, 4.000 экз. 105) *Гамсунъ, К.* Собраніе сочиненій. Т. XII. Подъ осенними звѣздами. — Разсказъ странника. Перев. Я. Сегаль. — Лирикъ фанатизма. Статья Венгеровой. Изд. „Шиповника", Спб., 1910, 8°, стр. 157, 3.300 экз. 106) *Гауптманъ, Г.* Заложница Карла Великаго. — „Сборн. т-ва „Знаніе" за 1908 г.", кн. XX, стр. 241.

107) *Гауптманъ*. Полное собраніе сочиненій. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ (прилож. къ „Нивѣ“, 1905 г.), 3 тт., Спб., 1908. (Перев. Венгеровой т. I—Ткачи, т. III—Флоріанъ Гейеръ). 108) *Гауптманъ, Г.* Затонувшій Колоколъ [illegible]. Пьеса въ 4 д. Перев. съ нѣмецк. Венгеровой и Л. Вилькиной. Универсальная библіотека, № 195—196, изд. „Польза“, М., 1909, 16°, стр. 151, 15.000 экз. 109) *Гауптманъ, Г.* [illegible]. Изд. Книжн. экспедиціи, Спб., 1909, 16°, стр. 156, 2.500 экз. 110) *Гессе, В.* Измененная душа. Ром. Перев. съ нѣмецк. — „Вѣстн. Европы“, 1905, кн. VI, стр. 637—[illegible]; кн. VII, стр. 185—234, кн. VIII, стр. 638—706. 111) *Гиссингъ, Р.* Женщины съ вѣромъ. Ром. Перев. съ англійск. — „Вѣстн. Европы“, 1905, кн. III, стр. 190—24[illegible], кн. IV, стр. 643—691, кн. V, стр. 195—255. 112) *Гольцендорфъ, Ф.* Строитель. Ром. Перев. съ нѣмецк. — „Вѣстн. Европы“, 1905, кн. I, стр. 212—260, кн. II, стр. 630—[illegible]. 113) *Гюисмансъ, Ж.* Полное собраніе сочиненій. Т. I. Безднѣ. Ром. Перев. съ [illegible] французск. изд. Предисл. В. Изд. „Современ. проблемъ“, М., 1912, 8°, стр. VII—454—4, 2.100 экз. 114) *Жеромъ, Г.* Тѣсныя врата. Ром. Перев. съ французск. — „Вѣстн. Европы“, 1911, кн. II, стр. 216—269, кн. III, стр. 203—241. 115) *Жерарди, Г.* Наука жизни. Ром. Перев. съ французск. — „Вѣстн. Европы“, 1904, кн. X, стр. 666—705; кн. XI, стр. 287—330. 116) *Зудерманъ*. Пѣсня пѣсней. Ром. Перев. съ нѣмецк. — „Вѣстн. Европы“, 1909, кн. I, стр. 312—338, кн. II, стр. 733—779, кн. III, стр. 277—308; кн. IV, стр. 672—717. 117) *Ибаньесъ, Б.* Толедскій соборъ. Пов. Перев. съ испанск. — „Вѣстн. Европы“, 1907, кн. X, стр. 682—714; кн. XI, стр. 297—325, кн. XII, стр. 735—788. 118) *Ибаньесъ, Б.* Тореадоры. Пов. Перев. съ испанск. — „Вѣстн. Европы“, 1908, кн. X, стр. 719—757; кн. XII, стр. 659—715. 119) *Ибаньесъ, Б.* Полное собраніе сочиненій. Изд. „Современ. проблемъ“, т. VII, Толедскій соборъ. Ром. Перев. съ испанск., М., 1911, 8°, стр. 270, 2.100 экз. 120) *Конрадъ*. Тайный агентъ. Ром. Перев. съ англійск. — „Вѣстн. Европы“, 1908, кн. IV, стр. 716—753; кн. V, стр. 304—352; кн. VI, стр. 704—772. 121) *Коро, М.* Память сердца. Эскизъ. Перев. съ французск. — „Вѣстн. Европы“, 1907, кн. IX, стр. 268—325. 122) *Лансонъ, Г.* Исторія французской литературы. Спб., 1899, стр. 230—XIV. 123) *Маннъ*. Семейство Будденброковъ. Ром. „Вѣстн. Европы“, 1903, кн. X, стр. 682—727; кн. XI, стр. 287—344; кн. XII, стр. 741—790. 124) *Мередитъ, Д.* Эгоистъ. Ром. Перев. съ англійск. Изд. М. М. Ледерле, Спб., 1894, 8°, стр. VII—532—7, 2.500 экз. 125) *Мередитъ, Д.* Полное собраніе сочиненій. Изд. „Современ. проблемъ“. Т. I. Эгоистъ. Перев. и предисл. В., М., 1912, 8°, стр. XXXII+324, 1.000 экз. 126) *Метерлинкъ, М.* Сочиненія. Изд. М. Пирожкова. Съ предисл. Н. Минскаго, Венгеровой и В. Розанова. Т. I, Спб., 1906, 8°, стр. 2—487, 7.000 экз.; т. II, Спб., 1907, 8°, стр. 359, 7.000 экз.; т. III, Спб., 1907, 8°, стр. 494, 3.000 экз. 126а) *Метерлинкъ, М.* Синяя птица. — „Шиповникъ“, альманахъ, 1908, кн. VI. 127) *Метерлинкъ, М.* Синяя птица. Единствен. разрѣш. авторомъ перев. В. Бинштока и Венгеровой. Универсальная библіотека, № 241, изд. „Польза“, М., 1910, 16°, стр. 98, 15.000 экз. 128) *Мильтицеръ, Ю.* Что такое красота? Введеніе въ эстетику. Перев. съ нѣмецк. Изд. О. Поповой, Спб., 1899, 8°, стр. 110, 3.000 экз. 129) *Мирбо, О.* Рабы наживы. Др. въ 3 актахъ. Перев. съ французск. А. Шмидтъ, подъ ред. Венгеровой. Спб., 1905, 12°, стр. 147, 5.000 экз. 130) *Мирбо, О.* Очагъ. Пьеса. Перев. Венгеровой и В. Бинштока. — „Сборн. т-ва „Знаніе“ за 1909 г.“, кн. XXV, стр. 1—112. 131) *Мирбо, О.* 628—Е. 8. Путешествіе на автомобилѣ. Изд. „Шиповника“. Спб., 1908, 8°, стр. 324, 3.000 экз. 132) *Мирбо, О.* Очагъ. Комед. въ 3 д. (Съ прилож. дѣйствія, выпуск. при представленіи). Единствен. разрѣш. авторомъ переводъ В. Бинштока и Венгеровой. Универсальная библіотека, № 259—260, изд. „Польза“, М., 1910, 16°, стр. 159, 12.000 экз. 133) Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгаузъ-Ефрона. *Мольеръ*, т. II, Спб., 1913, стр. 98—112. (Перев. В.: Сициліецъ). 134) *Мопассанъ, Г.* Полное собраніе сочиненій и писемъ, съ критико-біографич. очеркомъ Венгеровой. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“, 15 тт., Спб., 1908—1911. 135) *Моррисъ, В.* Сонъ про Джона Болла. Перев. съ англійск. — „Соврем. Записки“, 1906, кн. I, стр. 177—241. 136) *Мутеръ, Р.* Исторія живописи въ XIX в. Изд. т-ва „Знаніе“. 3 тт. Вып. I, Спб., 1899, 8°, стр. VI—84, 5.400 экз.; вып. II, Спб., 1899, 8°, стр. 85—222, 5.400 экз.; вып. III, Спб., 1900, 8°, стр. 223—353—IV, 5.200 экз.; вып. IV, Спб., 1900, 8°, стр. 151, 5.200 экз.; вып. V, Спб., 1901, 8°, стр. 152—300, 5.200 экз.; вып. VI, Спб., 1901, 8°, стр. 301—484—I, 5.000 экз.; вып. VII, Спб., 1901, 8°, стр. 235, 5.100 экз.; вып. VIII, Спб., 1902, 8°, стр. 236—462—I, 5.200 экз. 137) Барона *Мюнхгаузена* разсказы объ его удивительныхъ [illegible] и походахъ въ Россіи и другихъ странахъ. Перев. и введеніе В. Изд. т-ва „XX вѣкъ“, Спб., 1901, 8°, стр. 140—I, 3.000 экз. 138) *Но, Ж.* [illegible]. Ром. Перев. съ французск. — „Вѣстн. Европы“, 1904, кн. IV, стр. 712—761; кн. V, стр. 218—266; кн. VI, стр. 665—722. 138а) *Новалисъ*. Гейнрихъ фонъ-Офтердингенъ. Перев. съ нѣмецк. Венгеровой и В. Гейдука. Вступит. статья Венгеровой. Изд. К. Ф. Некрасова. М., 1914, 8°, стр. XLIV—202. 139) [illegible]. — „Вѣстн. Европы“, 1904, кн. XII, стр. 7[illegible]8—777. 140) [illegible], *Г.* Разсказы. Перев. М. Славинской. Предисл. Венгеровой. Изд. „Оріона“, Спб., 1904, 8°, стр. XXIV—[illegible]—I, 3.000 экз. 141) *Риль, А.* Ницше, какъ художникъ и мыслитель. Перев. съ нѣмецк. Изд. журн. „Образованіе“, Спб., 1898, 8°, стр. 1[illegible]0, 4.000 экз. 142) *Ридъ*. Стонъ души. Ром. Перев. съ англійск. — „Вѣстн. Европы“, 1904, кн. I, стр. 254—304; кн. II, стр. 705—755; кн. III, стр. 2[illegible]—314. 143) *Родъ, Э.* [illegible] усилие. Ром. Перев. съ французск. — „Вѣстн. Европы“, 1903, кн. VII, стр. 176—225; кн. VIII, стр. 701—742; кн. IX, стр. 242—291. 144) *Родъ, Э.* Вечерняя тѣни. Ром. Перев. съ французск. — „Вѣстн. Европы“, 1907, кн. V, стр. 277—331. 145) *Роветта*. Суперъ министра. Ром. Перев. съ итальянск. — „Вѣстн. Европы“, 1904, кн. VII, стр. 192—250; кн. VIII, стр. 623—676; кн. IX, стр. 171—224. 146) *Рюдереръ, І.* Гусиные потроха. Разск. Перев. съ нѣмецк. — „Вѣстн. Европы“, 1909, кн. V, стр. 276—298. 146а) *Саломэ, Лу-Андреасъ*. Ф. Ницше въ своихъ произведеніяхъ. — „Сѣверн. Вѣстн.“, 1896, кн. III, стр. 2[illegible]—295; кн. IV, стр. 253—272; кн. V, стр. 225—259. 147) [illegible]. Добра. Ром. Перев. съ англійск. — „Вѣстн. Европы“, 1906, кн. VIII, стр. 687—727; кн. IX, стр. 273—317; кн. X, стр. 588—660; кн. XI, стр. 301—337. 148) *Стриндбергъ, А.* Полное собраніе сочиненій. Т. XII. Легенды. Графиня Юлія. Перев. Венгеровой и А. [illegible]. Изд. „Современ. проблемъ“, М., 1911, 8°, стр. 318, 2.000 экз. 149) *Геррисъ, Ч.* Англійскіе писатели XIX стол. — „Образов.“, 1897, кн. I, стр. 51—65; кн. II, стр. 61—77; кн. IV, стр. 17—32; кн. VII—VIII, стр. 1—11; кн. X, стр. 57—67; кн. XII, стр. 74—87; 1898, кн. IV, стр. 47—[illegible]9, кн. VII—VIII, стр. 166—180; 1899, кн. IV, стр. 92—108. 150) *Тома, Л.* Андрей Фесть. Ром. изъ крестьянск. жизни. Перев. съ нѣмецк. — „Современность“, 1906, кн. I (мартъ), стр. 200—268; кн. II (апрѣль), стр. 243—267; „Русск. Богатс.“, 1906, кн. V, стр. 125—168; кн. VI, стр. 178—210; кн. VII, стр. 124—149. 151) *Троллопъ*. Членъ парламента. Ром. Перев. съ англійск. — „Вѣстн. Европы“, 1907, кн. I, стр. 281—333; кн. II, стр. 728—774; кн. III, стр. 217—277. 152) *Уэльсъ*. Киппсъ, исторія простой души. Перев. съ англійск. — „Вѣстн. Европы“, 1906, кн. V, стр. 259—303; кн. VI, стр. 703—743; кн. VII, стр. 276—322. 153) *Уэльсъ*. Въ дни кометы. Пов. Перев. съ англ. — „Вѣстн. Европы“, 1907, кн. VI, стр. 693—7[illegible]5, кн. VII, стр. 283—333; кн. VIII, стр. 587—631. 154) *Уэльсъ*. Анна Вероника. Ром. Перев. съ англійск. — „Вѣстн. Европы“, 1910, кн. I, стр. 168; кн. II, стр. 204; кн. III, стр. 273; кн. IV, стр. 187; кн. V, стр. 222. 155) *Ферреръ*. Исторія молодой дѣвушки. Перев. съ французск. — „Вѣстн. Европы“, 1908, кн. VII, стр. 251—304; кн. VIII, стр. 697—731; кн. IX, стр. 297—329. 156) *Филлпотсъ и Беннетъ*. Отголоски войны. Пов. Перев. съ англійск. — „Вѣстн. Европы“, 1908, кн. I, стр. 303—347; кн. II, стр. 733—779; кн. III, стр. 227—294. 157) *Фогаццаро, А.* Святой. Ром. Перев. съ итальянск. — „Вѣстн. Европы“, 190[illegible], кн. I, стр. 236—278; кн. II, стр. 654—704; кн. III, стр. 194—255; кн. IV, стр. 636—690. 158) *Франсъ, А.* Прокураторъ Іудеи. Изд. М. Малыхъ. Спб., 1905, 8°, стр. 15, 10.000 экз. 159) *Франсъ, А.* Собраніе сочиненій. Подъ ред. П. С. Когана. Т. I. Островъ пингвиновъ. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“, Спб., 1912, 8°, стр. XXIII+344, 3.000 экз. 160) *Франсъ, А.* Одержимые. Экзъ по ром. — „Вѣстн. Европы“, 1905, кн. IX, стр. 155—206. 161) Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгаузъ-Ефрона. *Шекспиръ*, т. II, Спб., 1902, стр. 130—246 (Перев. В. совмѣстно съ Минскимъ Король Генрихъ IV). 162) *Шериданъ, Р. Б.* Соперники. Ком. въ 5 актахъ. Перев. съ англійск. — „Міръ Божій“, 1893, кн. VIII, стр. 48—122. 163) Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгаузъ-Ефрона. *Шиллеръ*, т. III, Спб., 1901, стр. 246—255. (Перев. В.: Мальтійцы; т. IV, Спб., 1902, стр. 411—459 (Перев. В.: О грацiи и достоинствѣ). 164) *Шницлеръ, А.* Трилогія. I. Подруги жизни. Перев. Венгеровой. II. Зеленый попугай. Перев. Венгеровой. III. Парацельзій. Перев. О. Чюминой. Спб., 1901, 8°, стр. 1—167, 1.200 экз.; 2-е изд., Спб., 1908, 8°, стр. 167, 1.000 экз. 165) *Шницлеръ, А.* Дрем-

люція души. Разск. Перев. съ нѣмецк. — „Вѣстн. Европы", 1907, кн. IV, стр. 688—728. 166) *Шницлеръ, А.* Путь къ свободѣ. Ром. Авторизов. перев. съ нѣмецк., подъ ред. В. Изд. Спб. книжной экспедиціи, Спб., 1908, 8°, стр. 350, 2.300 экз. 167) *Шницлеръ, А.* Графиня Мицци или семейный съѣздъ. Комед. въ 1 д. Изд. Спб. книжн. экспедиціи, Спб., 1908, 16°, стр. 96, 2.400 экз. 168) *Шницлеръ, А.* Графиня Мицци или семейный съѣздъ. Ком. въ 1 д. Авторизов. перев. съ рукописи В. Универсальная библіотека, № 233, изд. „Пользы", М., 1909, 16°, стр. 52, 15.000 экз. 169) *Шницлеръ, А.* Необозримое поле. Трагикомедія въ 5 д. Перев. съ рукописи В. Изд. В. М. Саблина, М., 1911, 8°, стр. 143—16, 3.600 экз. 170) *Шоу, Б.* Андроклъ и Левъ. Авторизов. перев. Венгеровой и Б. Лебедева.— „Завѣты", 1914, кн. II. 171) *Шоу, Б.* Обращеніе капитана Брасбоунда. — „Современ.", 1914, кн. XIII—XV. 172) *Шумахеръ.* Вероника. Ром. Перев. съ нѣмецк.— „Міръ Божій", 1899, кн. I—VI. 173) Принимала участіе въ переводѣ на англійск. яз. посмертныхъ сочиненій *Л. Толстого.*

Литература о З. А. Венгеровой.

I. Книги.

1) *Глинскій, Б. Б.* Болѣзнь или реклама?—Очерки русскаго прогресса, Спб., 1900, стр. 388—422. 2—3) Памятная книжка окончившихъ курсъ С.-Петерб. Высшихъ женскихъ курсовъ въ 1882—1889, 1893—1895 гг., Спб., 1896; дополн., Спб., 1897 и послѣдующ. вып. 4) Энциклопедич. словарь, изд. Брокгаузъ-Ефрона, т. I, дополн., Спб., 1905. 5) Нов. энциклопедич. словарь, изд. Брокгаузъ-Ефрона, т. X. 5а) Еврейская энциклопедія, т. V, Спб., 1911. (Статья *Пр., Арк.*).

II. Періодическія изданія.

6) *Глинскій, Б. Б.* Болѣзнь или реклама?—„Истор. Вѣстн.", 1896, кн. II, стр. 618—655. 7) Маленькій фельетонъ. „Волынь", 1897, № 161. 8) „Кавказъ", 1897, № 243. 9) *Скриба (Соловьевъ, Е.).* — „Новости", 1897, № 44. 10) „С.-Петерб. Вѣд.", 1897, № 245. 11) *М. К.* Въ Неофилологическомъ обществѣ.—„Новости", 1898, № 93. 12) *Сарахановъ, К.*—„Саратовск. Листокъ", 1898, № 136. 13) *Обозрѣватель.*—„Жизнь и Искусство", 1899, № 25. 14) *Маріинскій, К.*—„Новый Міръ", 1899, № 22.

III. Статьи и рецензіи объ оригинальныхъ произведеніяхъ.

Э. Зола. Критико-біографическій очеркъ: Г., В.— „Русск. Мысль", 1903, кн. X. *Литерат. характеристики:* 1) „Вѣстн. Европы", 1897, кн. II, Литерат. обозр., стр. 867. 2) „Кавказъ", 1897, № 29. 3) „Книжн. Вѣстн.", 1897, № 3—4. 4) *Б., А. (Богдановичъ, А.).* Критич. замѣтки.—„Міръ Божій", 1897, кн. III, стр. 1—7. 5) „Недѣля", 1897, № 15. 6) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1897, кн. IV, стр. 871—872. 7) *Апокрифъ.*— „Нов. Время", 1897, № 7557, прилож. 8) „Русск. Богат.", 1897, кн. IV, стр. 52—53. 9) *В. А.*—„С.-Петерб. Вѣд.", 1897, № 144. 10) *А. К.* — „Историч. Вѣстн.", 1898, кн. IX, стр. 1107. 11) „Бирж. Вѣд.", 1905, № 8929. 12) *Л., Евг. (Ляцкій, Е. А.).*—„Вѣстн. Европы", 1905, кн. V. 13) *Сл., Ал.*—„Истор. Вѣстн.", 1905, кн. III, стр. 1066—1068. 14) „Научн. Слово", 1905, кн. VI, стр. 138—140. 15) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1905, кн. V. 16) *Колтоновская, Е. А.*—„Образов.", 1905, кн. XI—XII, стр. 147. 17) „Русск. Богат.", 1905, кн. V, стр. 116—118. 18) *Чеб—ская, А.*—„Сынъ Отечества", 1905, № 107. 19) „Русск. Мысль", 1906, кн. IX, стр. 239. 20) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1910, кн. X. 21) *Веселовская, М.* — „Русск. Мысль", 1910, кн. XI, стр. 262—263. 22) „Нов. Жизнь", 1911, кн. II, стр. 293. *М. Метерлинкъ: Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь. — „Русск. Богат.", 1899, кн. IV. *Новая утопія:* „Русск. Мысль", 1893, кн. VIII, стр. 406. *Поэты-символисты во Франціи:* „Русск. Мысль", 1892, кн. X, стр. 474—475. *Д. Рескинъ.* „Вѣстн. Всемірн. Исторіи", 1900, кн. IX, стр. 226—229. *Собраніе сочиненій, т. I:* 1) *Н. П.*—„Вятск. Рѣчь", 1912, № 260. 2) „Запросы Жизни", 1912, № 49. 3) „Нов. журн. для всѣхъ", 1912, кн. XII. 4) „Соврем. Слово", 1912, № 1770. 5) „Бюллетени литературы и жизни", 1913, янв., № 9, стр. 210. 6) „Русск. Богатство", 1913, кн. II. 7) „Соврем. Міръ", 1913, кн. II. 8) „Современ.", 1913, кн. III. 9) „Русск. Мысль", 1914, кн. I.

IV. Статьи и рецензіи о переводахъ и вступительныхъ статьяхъ къ нимъ.

Гауптманъ.—Меримэ. Д'Аннунціо. Три драмы: 1) *Б—ъ.*—„Москов. Вѣд.", 1903, № 278. 2) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1903, кн. X. 3) „Петерб. Жизнь", 1903, № 737. *Д'Аннунціо, Г.* Собраніе сочиненій, т. XII: 1) „Русск. Вѣд.", 1912, № 263. 2) „Рѣчь", 1912, № 297. *Вассерманъ, Я.* Циридорфскіе евреи: „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1909, кн. IX. *Войничъ, Е.* Оводъ: 1) *Н. А. О.*—„Жизнь", 1900, кн. IX, стр. 358. 2) *Ж.*— „Нов. Время", 1900, № 8685, прилож. 3) „Русск. Мысль", 1900, кн. VIII, стр. 279. 4) *Горнфельдъ, А. Г.* „Журн. для всѣхъ", 1901, кн. IV. 5) „Русск. Вѣд.", 1904, № 353. 6) „Русск. Мысль", 1905, кн. XII, стр. 428. *Гауптманъ, Г.* Заложница Карла Великаго: *А—вичъ.*— „Образов.", 1908, кн. IV, стр. 87. *Лансонъ, Г.* Исторія французск. литературы: 1) *К.* — „Историч. Вѣстн.", 1899, кн. II, стр. 711—712. 2) „Сынъ Отеч.", 1899, № 17. *Мильтонъ, Ю.* Что такое красота?: „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.", 1899, кн. XII, стр. 365—366. *Мирбо, О.* Рабы наживы: *Колтоновская, Е. А.*—„Образов.", 1906, кн. II, стр. 157. *Мутеръ, Р.* Исторія живописи въ XIX вѣкѣ: 1) *В. Н. С.* „Волжск. Вѣстн.", 1899, № 254. 2) *Старовѣръ.* Новая книга объ искусствѣ.—„С.-Петерб. Вѣд.", 1899, № 137. 3) „Нов. Міръ", 1900, № 26. 4) „Русск. Мысль", 1902, кн. XI, стр. 384. 5) *Яцимирскій, А. И.*—„Истор. Вѣстн.", 1903, кн. IV, стр. 324. 6) *Ск—вичъ, М. О.* — „Нов. Время", 1903, № 9650, прилож. 7) *Луначарскій.* „Образов.", 1903, кн. II, стр. 99. 8) „Русск. Мысль", 1903, кн. II, стр. 80. *фонъ-Омптеда, Г.* Разсказы: 1) *Б., А. (Богдановичъ).*— „Міръ Божій", 1904, кн. IX, стр. 103. 2) „Петерб. Жизнь", 1904, № 758. 3) „Русск. Вѣд.", 1904, № 199. *Рилъ, А. Ф.* Ницше, какъ художникъ и мыслитель: 1) „Вѣстн. Европы", 1898, кн. I, библіографич. лист. (обложка). 2) „Недѣля", 1898, № 30. 3) „Сынъ Отеч.", 1898, № 278. *Шериданъ.* Соперники: „Русск. Мысль", 1893, кн. IX, стр. 453. *Шницлеръ, А.* Трилогія: „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1901, кн. IV. *Шницлеръ, А.* Путь къ свободѣ: 1) *Чеб—ская, А.* „Русск. Вѣд.", 1908, № 197. 2) „Соврем. Міръ", 1908, кн. VIII, стр. 107.

В. Вересаевъ (В. В. Смидовичъ).

Сочиненія В. Вересаева.

I. Собраніе сочиненій.

1) **Полное собраніе сочиненій.** Изд. т-ва А. Ф. Марксъ, 4 тт., Спб., 1913. (Приложено къ „Нивѣ" 1913 г.). (*Содерж.*: т. I: Загадка (1887—1895).—Порывъ (1889).—Товарищи (1892).—На мертвой дорогѣ (1896).— Прекрасная Елена (1896).—Безъ дороги. Пов. (1894).— Повѣтріе (1897).—На эстрадѣ (1900).—Записки врача (1895—1900).—По поводу „Записокъ врача". (Отвѣтъ моимъ критикамъ) (1902—1903).—Т. II: Въ степи (1901).—Ванька (1900).—Къ спѣху (1899).—За права (1902).—Въ сухомъ туманѣ (1899).—Исправилась (1901). Объ одномъ домѣ (1902).—Лизарь (1899).—Два конца. Пов.: I. Конецъ Андрея Ивановича (1899). II. Конецъ Александры Михайловны. (Честнымъ путемъ) (1903).— На поворотѣ (1901).—Встрѣча (1902).—Т. III: Звѣзда. Восточная сказка (1903).—Мать. Изъ записной книжки (1902).—Передъ завѣсой (1903).—Паутина (1902).— Проѣздомъ (1903).—Въ путахъ (1904).—На высотѣ (1904).—Къ жизни. Пов. (1908).—Живая жизнь. Ч. I. О Достоевскомъ и Л. Толстомъ. I. „Человѣкъ проклятъ". (О Достоевскомъ). II. „Да здравствуетъ весь міръ!". (О Л. Толстомъ). III. Противоположные (1910).— Изъ древне-греческихъ поэтовъ. (Стих. и фрагменты). Перев. изъ Гомеровыхъ гимновъ, изъ Симонида Амор-

госкаго, Алкея, Сафо, Алкмана, Ивика, Стесихора, Платона, Эзопа и Феогнида (1911—1912).—Т. IV: Разсказы о войнѣ: I. Издали (1905). II. Враги (1906).—III. Ломайло (1905).—IV. На отдыхѣ (1904). V. Въ мышеловкѣ (1906).—VI. Исполненіе земли (1905). VII. Подъ кедрами (1905).—На войнѣ. Записки. I. Домъ.—II. Въ пути.—III. Въ Мукденѣ. IV. Бой на Шахе. V—VI. Великое стояніе. VII. Мукденскій бой.—VIII. На Мандаринской дорогѣ. IX. Скитанія. X. Въ ожиданіи мира. XI. Миръ.—XII. Домой (1906—1907).

II. Беллетристика.

А. Произведенія, изданныя отдѣльно.

2) **Страшная смерть невиннаго человѣка.** Быль. Изд. Харьковскаго о-ва распространенія въ народѣ грамотности, Харьковъ, 1895, 16°, стр. 78, 20.000 экз., 2-е изд., того же общества, Харьковъ, 1902, 16°, стр. 78, 10.000 экз.; 3-е изд., того же общества, Харьковъ, 1903, 16°, стр. 64, 10.000 экз. 3) **Очерки и разсказы.** Спб., 1898, 8°, стр. 285, 1.212 экз.; 2-е изд., Спб., 1899, 8°, стр. 285+1, 2.800 экз.; 4-е изд.: Разсказы, Спб., 1902, 8°, стр. I+267, 5.000 экз.; 5-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. I+267, 5.000 экз.; 6-е изд., М., 1909, 8°, стр. 254, 5.000 экз.; т. II, **Разсказы**, Спб., 1902, 8°, стр. I+319, 5.000 экз.; 2-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. I+319, 8.000 экз.; 3-е изд., М., 1909, 8°, стр. 252, 5.000 экз.; т. III, **Разсказы**, Спб., 1903, 8°, стр. I+276, 5.000 экз.; 2-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. I+267, 5.000 экз.; 3-е изд., М., 1909, 8°, стр. 248, 5.000 экз.; т. IV, см. ниже, № 42; т. V, **Разсказы о войнѣ**, М., 1909, 8°, стр. 229, 5000 экз. (*Содерж.*: т. I, 1-е изд.: На мертвой дорогѣ. Товарищи.—Порывъ.—Прекрасная Елена. Загадка.—Безъ дороги. Повѣтріе. 6-е изд.: Загадка. Порывъ. Товарищи.—На мертвой дорогѣ.—Прекрасная Елена. Безъ дороги.—Повѣтріе.—Лизаръ.—Къ спѣху.—Ванька.—На эстрадѣ.—Т. II, 1-е изд.: Въ степи. Ванька.—Изъ обѣтованной земли.—Къ спѣху.—Исправилась.—За права.—Въ сухомъ туманѣ. Объ одномъ домѣ. Въ одиночку.—На холоду.—Въ пути.—Лизаръ. Конецъ Андрея Ивановича. 3-е изд.: Въ степи. Исправилась. Объ одномъ домѣ.—Два конца: I. Конецъ Андрея Ивановича. II. Конецъ Александры Михайловны.—Встрѣча.—Мать.—Т. III, 1-е изд.: Паутина.—Встрѣча.—На поворотѣ.—Ребята.—Мать. На эстрадѣ.—3-е изд.: Паутина.—На поворотѣ. Звѣзда.—Предъ [illegible].—На высотѣ.—Передъ завѣсой. Издали.—Т. IV. см. ниже, № 42.—Т. V: Разсказы о войнѣ: Враги. Ломайло.—Исполненіе земли. Подъ кедрами. Къ жизни. 4) **Конецъ Андрея Ивановича** (Два конца I). Пов. Изд. журн. „Жизнь", Спб., 1900, 8°, стр. 170, 3.300 экз. 5) **Въ степи.** Очеркъ. Изд. В. Райнъ и В. Потапова, Харьковъ, 1902, стр. 28, 10.100 экз.; 2-е изд., В. Райнъ и В. Потапова, Харьковъ, 1905, 12°, стр. 24, 5.000 экз. 6) **Въ пути.** Разск. Изд. „Донской Рѣчи", № 31, Ростовъ на Дону, 1903, 8°, стр. 8, 10.000 экз. 7) **Въ сухомъ туманѣ.** Изд. „Донской Рѣчи", № 35, Ростовъ на Дону, 1903, 8°, стр. 16, 10.000 экз. 8) **Повѣтріе.** Изд. „Донской Рѣчи", № 50, Ростовъ на Дону, 1903, 8°, стр. 36, 10.000 экз. 9) **Звѣзда.** Восточная сказка. Изд. „Донской Рѣчи", № 5[illegible], Ростовъ на Дону, 1903, 8°, стр. 12, 10.000 экз.; 2-е изд., „Донской Рѣчи", Ростовъ на Дону, 1905, 8°, стр. 12, 10.000 экз.; 3-е изд., „Донской Рѣчи", Ростовъ на Дону, 1906, 8°, стр. 11, 30.000 экз.; 4-е изд., журн. „Жизнь и Люди", М., 1910, 16°, стр. 16, 6.000 экз. 10) **Къ спѣху.** Изд. „Донской Рѣчи", № 73, Ростовъ на Дону, 8°, стр. 7, 10.000 экз. 11) **Честнымъ путемъ. Конецъ Александры Михайловны.** (Два конца. II). Изд. „Донской Рѣчи", Ростовъ на Дону, 1905, 8°, стр. 67, 30.000 экз.

Б. Произведенія, напечатанныя въ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ.

12) Мерзкій мальчишка. Очеркъ.—„Всемірн. Иллюстрація", 1887, № 959. (Подъ псевдонимомъ: *В. Викентьевъ*). 13) Загадка. Этюдъ.—„Всемірн. Иллюстрація", 1887, № 971. (Подъ псевдонимомъ: *В. Викентьевъ*). 14) Порывъ. Разск.—„Книжки „Недѣли", 1889, кн. XI. (Подъ псевдонимомъ: *В. Викентьевъ*). 15) Товарищи. (Уличная картинка).—„Книжки „Недѣли", 1893, кн. V, стр. 145—154. 16) Безъ дороги. Пов.—„Русск. Богат.", 1895, кн. VII, стр. 5—48; кн. VIII, стр. 5—35. 17) На мертвой дорогѣ.—„Русск. Богат.", 1896, кн. XI, стр. 121—141. 18) Подъ перекрестнымъ огнемъ [illegible].—„Нов. Обозр.", 1897, № 4.639. 19) Въ одиночку. Изъ лѣтнихъ встрѣчъ.—„Нов. Слово", 1897, кн. II, [illegible], стр. 62—78. 20) Конецъ Андрея Ивановича (Два конца. I). Пов.—„Жизнь", 1899, кн. I—III. 20а) Въ сухомъ туманѣ. Изъ лѣтнихъ встрѣчъ.—„Начало", 1899, кн. III, стр. 78—88. 21) Вечеромъ. Картинка.—„Жизнь", 1900, кн. II. 22) Къ спѣху. Изъ лѣтнихъ встрѣчъ.—„Журн. для всѣхъ", 1901, кн. I. 23) Ванька. (Разсказъ пріятеля).—„Журн. для всѣхъ", 1901, кн. III. 24) Маленькіе разсказы.—„Міръ Божій", 1901, кн. IX, стр. 47. 25) Объ одномъ домѣ. Разск.—„Журн. для всѣхъ", 1902, кн. II. 26) Мать. (Изъ записной книжки).—„Журн. для всѣхъ", 1902, кн. XII. 27) На эстрадѣ.—„Литерат. Дѣло", сборн., Спб., 1902, стр. 111—118. 28) На поворотѣ. Пов.—„Міръ Божій", 1902, кн. I, стр. 28; кн. II, стр. 22; кн. III, стр. 35. 29) Встрѣча. Разск.—„Образов.", 1902, кн. III, стр. 1. 30) Паутина. Разск.—„Образов.", 1902, кн. X, стр. 1. 31) Звѣзда. (Восточная сказка).—„Журн. для всѣхъ", 1903, кн. IV. 32) Честнымъ путемъ. (Два конца. II. Конецъ Александры Михайловны). Пов.—„Міръ Божій", 1903, кн. XII, стр. 31. 33) Передъ завѣсой. Разск.—„Сборн. т-ва „Знаніе" за 1903 г.", кн. I. 34) Предъ [illegible]. Разск.—„Образов.", 1904, кн. I, стр. 1. 35) Разсказы о войнѣ. I. Ломайло. II. Подъ кедрами.—„Міръ Божій", 1906, кн. I, стр. 1. 36) Разсказы о войнѣ. III. Исполненіе земли.—„Міръ Божій", 1906, кн. V, стр. 155. 37) Разсказы о войнѣ. IV. На отдыхѣ.—„Міръ Божій", 1906, кн. VII, стр. 1. 38) Издали (Разсказы о войнѣ).—„Образов.", 1906, кн. III, стр. 1. 39) Въ [illegible]. Разск.—„Соврем. Міръ", 1906, кн. XI, стр. 1. 40) На высотѣ. Разск.—„Соврем. Міръ", 1906, кн. XI, стр. 16. 41) Къ жизни. Пов.—„Соврем. Міръ", 1909, кн. I, стр. 5; кн. II, стр. 5; кн. III, стр. 3.

Сотрудничалъ также въ „Модномъ Свѣтѣ", въ 1885 г.

III. Критика, философія, публицистика и медицина.

А. Произведенія, изданныя отдѣльно.

42) **Записки врача.** Спб., 1901, 8°, стр. 310+1, 3.000 экз.; 2-е изд., Спб., 1901, 8°, стр. 310+2, 5.000 экз.; 3-е изд., Спб., 1902, 8°, стр. 310+1, 10.000 экз.; 4-е изд., Спб., 1902, 8°, стр. 310+1, 2.000 экз.; 5-е изд. (т. IV), Спб., 1907, 8°, стр. 249, 5.000 экз. 43) **По поводу „Записокъ врача".** Отвѣтъ моимъ критикамъ. Спб., 1903, 8°, стр. 79, 6.000 экз. 44) **На войнѣ.** Записки. Спб., 1908, 8°, стр. 372, 5.000 экз.; 2-е изд., Спб., 1910, 8°, стр. 370, 3.000 экз. 45) **Живая жизнь.** Ч. I. О Достоевскомъ и Львѣ Толстомъ. М., 1911, 8°, стр. 214+1, 5.000 экз.; ч. II. Аполлонъ и Діонисъ (О Ницше). М., 1915.

Б. Произведенія, напечатанныя въ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ.

46) Гдѣ же народъ? (О народномъ театрѣ).—„Новости", 1887, № 4[illegible]. 47) Подземное царство. Очерки Донецкаго края.—„Книжки „Недѣли", 1892, кн. VI, стр. 126—146; кн. VII, стр. 41—77. 48) По поводу экстреннаго съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи.—„Русск. Вѣд.", 1892, № 181. 49) Къ упрощенію способа количественнаго опредѣленія мочевой кислоты по Haycraft'у.—„Медицина", 1893, № 17. (Подписано: *В. В. Смидовичъ*). 50) Къ вопросу о вліяніи воды Wildungen на обмѣнъ веществъ.—„Медицина", 1893, №№ 27 и 28. (Подписано: *В. В. Смидовичъ*). 51) Записки врача.—„Міръ Божій", 1901, кн. I, стр. 150; кн. II, стр. 1; кн. III, стр. 103; кн. IV, стр. 96; кн. V, стр. 24. 52) Письмо въ ред. (По поводу „Записокъ врача").—„Россія", 1901, № [illegible]41. 53) По поводу „Записокъ врача". (Моимъ критикамъ).—„Міръ Божій", 1902, кн. X, стр. 1—33. 54) Письмо въ ред. (По поводу „Записокъ врача").—„Новости", 1902, № 17. 55) „Когда великаго гнѣва" А. Вознесенскаго.—„Правда", 1904, кн. III. 56) Съ хорошею цѣлью.—„Вѣкъ", 1906, № 78. 57) Когда [illegible] [illegible].—„Наша Жизнь", 1906, № 377. 58) Въ Мукденѣ (Изъ военныхъ записки).—„Образов.", 1906, кн. VI, стр. 1. 59) На войнѣ. Записки.—„Сборн. т-ва „Знаніе" за 1907 г.", кн. XVII, стр. 83; кн. XVIII, стр. 73; кн. XIX, стр. 203; 1908, кн. XX, стр. 123. 60) Человѣкъ [illegible] (Живая жизнь). (О Достоевскомъ).—„Соврем. Міръ", 1910, кн. I, стр. 186—213; кн. II, стр. 180—209. 61) И да здравствуетъ весь міръ! (Живая жизнь). (О Львѣ Толстомъ).—„Соврем. Міръ", 1910, кн. X, стр. 160—220; кн. XI, стр. 161—202; кн. XII, стр. 185. 62) Аполлонъ, [illegible].—„Слово", сборн. [illegible], 1913, кн. I. 63) Аполлонъ и Діонисъ. (Живая жизнь). (О Ницше).—„Соврем. Міръ", 1914, кн. II—V и XI.

IV. Переводы.

64) *Молль, А.* Врачебная этика. Обязанности врача во всѣхъ проявленіяхъ его дѣятельности. Перев. съ нѣмецк., подъ ред. и съ предисловіемъ В. Изд. „Книжнаго Дѣла", М., 1903, 8°, стр. X+534, 2.400 экз. 65) Изъ *Гомеровыхъ* гимновъ. Изъ *Алкея* и *Сафо*. — „Сборникъ первый", изд. т-ва писателей, 1912, стр. 7—9. См. также выше, № 1.

Литература о В. Вересаевѣ.

I. Книги.

1) *Александровичъ, Ю.* Исторія новѣйшей русской литературы, ч. I, Чеховъ и его время, М., 1911. 2) *Александровичъ, Ю.* На нивѣ скорби и печали. Апоѳеозъ трагедіи. Послѣ Чехова, т. I, М., 1908, стр. 19—57, 89—120. 3) *Богдановичъ, А.* Моментъ перелома въ художествен. отраженіи. „Безъ дороги" и „Повѣтріе" Вересаева. Въ области женскаго вопроса.— Годы перелома, Спб., 1908, стр. 218—231, 415—429. 4) *Боцяновскій, В. Ѳ.* Вересаевъ. Критико-біографич. этюдъ, Спб., 1904. (*Отз.:* а) *Л., Ег.* (*Ляцкій, Е. А.*). „Вѣстн. Европы", 1904, кн. VII, стр. 398—399. б) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1904, кн. V. в) *Я., А.*— „Историч. Вѣстн.", 1905, кн. III, стр. 1086—1087). 5) *Венгеровъ, С. А.* Очерки по исторіи русской литературы, 1-е и 2-е изд., Спб., 1907, стр. 158. 6) Галлерея русск. писателей, изд. Скирмунта, М., 1901, стр. 540. 7) *Измайловъ, А.* Раненая совѣсть. Пестрыя знамена. Литерат. портреты безвременья, М., 1913, стр. 217—230. 8) Исторія Россіи въ XIX в. Изд. т-ва Гранатъ, т. IX, М., 1911, стр. 1—116. (*Невѣдомскій.* 80-е и 90-е гг. въ нашей литературѣ). 9) Исторія русской литературы XIX в., подъ ред. *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго*, изд. т-ва „Міръ", т. V, М., 1912, стр. 216—230. (Статья *В. П. Кранихфельда*). (См. также указ.). 10) *Колтоновская, Е. А.* Писатель интеллигентъ. — Критич. этюды, Спб., 1912, стр. 3—22. 11) *Колтоновская, Е. А.* Самоцѣнность жизни. — Новая Жизнь, Спб., 1910, стр. 44—54. 12) *Львовъ, В.* (*Рогачевскій*). Девяностые годы и творчество Вересаева, Спб., 1906. (*Отз.: Ф—нъ, А.*—„Истор. Вѣстн.", 1906, кн. XI). 13) *Mazanovsky.* Gorkij, Czechow, Wieresajew, Краковъ, 1907. 14) *Михайловскій, Н. К.* Кое-что о современной беллетристикѣ. — Послѣднія сочиненія, т. I, Спб., 1905, стр. 1—39. 15) *Николаевъ, Н. Ѳ.* Вопросы жизни въ современ. литературѣ, М., 1902. 16) Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка. Подъ ред. *Л. Мартова, П. Маслова* и *А. Потресова*, т. I, Спб., 1909, стр. 483—537. (*Невѣдомскій.* Наша художественная литература предреволюціонной эпохи). 17) *Протопоповъ, М.* Беллетристы новѣйшей формаціи. — Критич. статьи, М., 1902, стр. 378—419. 18) „Русскія Вѣдомости" 1863—1913 гг., сборн., М., 1913, стр. 37. 19) *Скабичевскій, А. М.* Исторія новѣйшей русск. литературы, Спб., 1891; 7-е изд., Спб., 1909. (См. указ.). 20) Словарь членовъ Общества Любителей Россійской Словесности, М., 1911, стр. 57—58. 21) Энциклопедич. словарь, изд. Брокгаузъ-Ефрона, т. IV, доп., Спб., 1907. (Статья *В. Ѳ. Боцяновскаго*) (См. *Смирновичъ*). 22) Новый энциклопедич. словарь, изд. Брокгаузъ-Ефрона, т. X. (Статья *Е. А. Колтоновской*).

II. Періодическія изданія.

23) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). Критич. замѣтки.— „Міръ Божій", 1898, кн. XII, стр. 1—9. 24) *Скриба* (*Андреевичъ-Соловьевъ, Е.*). Письма о литературѣ. — „Одесск. Новости", 1898, № 4498. 25) *Павловичъ, М.* Литература и жизнь. „Восточн. Обозр.", 1899, № 275. 26) *Сементковскій, Р. И.*—„Нива", ежемѣсячн. прилож., 1899, кн. VII. 27) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь. Кое-что о современной беллетристикѣ.— „Русск. Богат.", 1899, кн. I, стр. 76—99; кн. II, стр. 83—100. 28) *Боцяновскій, В. Ѳ.* Въ погонѣ за смысломъ жизни. „Вѣстн. Всемірн. Исторіи", 1900, кн. VII, іюнь, стр. 161—179. 29) *Геккеръ, Н.* Журнальн. обозрѣніе.— „Одесск. Новости", 1900, № 4915. 30) *Old Gentleman* (*Амфитеатровъ, А. В.*). Литерат. альбомъ — „Россія", 1900, № 339. 31) *Протопоповъ, М.* Беллетристы новѣйшей формаціи. „Русск. Мысль", 1900, кн. III—IV. 32) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). Критич. замѣтки. — „Міръ Божій", 1902, кн. I, стр. 1—4, кн. VI, стр. 5—7; кн. XI, стр. 1; кн. XII, стр. 6—14. 33) *Оболенскій, Л. Е.* Журнальн. обозрѣніе.—„Одесск. Листокъ", 1902, № 25. 34) *Скифъ, Н.* Литерат. обозрѣніе. — „Русск. Вѣстн.", 1902, кн. VI, стр. 661—678; кн. VII, стр. 270—271. 35) *Брюсовъ, В.* Итальянцы о Горькомъ и Вересаевѣ. Замѣтка. „Русск. Листокъ", 1902, 16 іюня. 36) *И.* Литерат. новости.— „Русск. Вѣд.", 1902, № 17. 37) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь.—„Русск. Богат.", 1902, кн. II, стр. 83—91. 38) *Мечтатель.* Около Вересаева. — „С.-Петерб. Вѣд.", 1902, № 12. 39) *Савинковъ, Б.* Новые писатели. V. В. Вересаевъ.— „Вѣстн. и библіотека самообразованія", 1903, № 26. 40) Біографія Вересаева. „Журн. для всѣхъ", 1903, кн. IV. 41) *Красновъ, П.* Авторъ „Записокъ врача". Литерат. характеристика. — „Литерат. Вечера", 1903, кн. VI, стр. 313—317. 41а) *Іорданскій, Н.*—„Міръ Божій", 1903, кн. IV, стр. 63—64. 42) *Коробка, Н. И.* Мужикъ и рабочій у новѣйшаго писателя. „Образов.", 1903, кн. I, стр. 62—73. 43) *Луначарскій, А.* О художникахъ вообще и нѣкоторыхъ въ частности.—„Русск. Мысль", 1903, кн. II. 44) *Скифъ, Н.* Критич. очерки.— „Русск. Вѣстн.", 1903, кн. IV, стр. 727. 45) *Колтоновская, Е. А.* Новости беллетристики.—„Вѣстн. и библіотека самообразованія", 1904, № 29. 46) Десятилѣтіе литературн. дѣятельности В. Вересаева. — „Литерат. Вѣстн.", 1904, т. VII, кн. II, стр. 101—102. 47) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). Критич. замѣтки. — „Міръ Божій", 1904, кн. IV, стр. 33—44. (*Отз.: Марья Сергѣевна.* Со стороны. Люди ли матери? „Образов.", 1904, кн. VIII, стр. 93—104). 48) *Львовъ, В.* (*Рогачевскій*). Писатель-интеллигентъ. — „Образов.", 1904, кн. II, стр. 49—80. 49) *Боцяновскій, В. Ѳ.* „Лѣтопись" Вересаева.—„Русь", 1904, № 24. 50) *Ганжулевичъ, Т.* За чертой индивидуализма. — „Наука и Жизнь", 1905, № 5. 51) *Шестаковъ, Д.* Новѣйшая беллетристика. — „Слово", 1907, № 195. 52) *Измайловъ, А.* На отмели. — „Бирж. Вѣд.", 1909, № 11469. 53) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1909, кн. X. 54) *Боцяновскій, В. Ѳ.* Литерат. листки.—„Новая Русь", 1909, № 83. 55) *Адріановъ, С.* Критич. наброски.—„Вѣстн. Европы", 1910, кн. IV. 56) *Колтоновская, Е. А.* Писатель-интеллигентъ.—„Русск. Мысль", 1910, кн. VI, стр. 54—65. 57) *Кранихфельдъ, В. П.* Литерат. отклики.—„Соврем. Міръ", 1911, кн. V, стр. 322—339. 58) *Измайловъ, А.* —„Нива", ежемѣсячн. прилож., 1912, кн. XI.

III. Статьи и рецензіи объ оригинальныхъ произведеніяхъ.

Безъ дороги: 1) „Русск. Мысль", 1895, кн. X, стр. 527. 2) *Львовъ, В.* (*Рогачевскій*). Писатель-интеллигентъ.—„Образов.", 1904, кн. II, стр. 49—80. *Два конца:* см. *Конецъ Андрея Ивановича* и *Честнымъ путемъ* (*Конецъ Александры Михайловны*). *Живая жизнь:* 1) *Адріановъ, С.* Критич. наброски. „Вѣстн. Европы", 1910, кн. IV. 2) *В—скій, Ч.* „Вѣстн. Европы", 1911, кн. V, стр. 378. 3) *Н—скій, Н.* — „Кіевск. Почта", 1911, № 719. 4) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1911, кн. II. 5) *Полонскій.* „Нов. Жизнь", 1911, кн. VIII—IX. 6) „Новый журналъ для всѣхъ", 1911, кн. XXIX. 7) *Грифцовъ, Б.*—„Русск. Мысль", 1911, кн. III, стр. 91. 8) „Современ.", 1911, кн. III. 9) *В—нъ, В.* „Соврем. Міръ", 1911, кн. II, стр. 362. 10) *Кранихфельдъ, В. П.* Литерат. отклики. —„Соврем. Міръ", 1911, кн. V, стр. 322—339. 11) *Колтоновская, Е. А.* Бунтъ противъ Достоевскаго. Критич. этюды, Спб., 1912, стр. 222—230. *Записки врача* (см. также: *По поводу „Записокъ врача"*): Книги: 1) *Бѣлозерскій, С., врачъ.* Вересаевъ передъ судомъ московской науки, Спб., 1904. (О кн. *Л. Мороховца:* „Записки врача" Вересаева въ свѣтѣ профессіональной критики, М., 1903, см. ниже). 2) *Гипарисъ, Э.* Мысли гомеопата не врача о „Запискахъ врача" г. Вересаева. Одесса, 1904. (*Отз.:* „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1904, кн. XI). 3) *Гольстъ-фонъ, В., д-ръ.* Возраженія и впечатлѣнія стараго врача. (По поводу „Записокъ врача" В. Вересаева). Перев. д-ра мед. *А. Гирша*, Рига, 1904. 4) *Горелейченко, К. М.* За и противъ „Записокъ врача" Вересаева. (Для непрофессіональной публики), Спб., 1902. 5) *Жбанковъ, Д.* О врачахъ, М., 1903. 6) *Исполатовъ, Н. Н.* Мысли стараго врача по поводу „Записокъ врача" Вересаева, Новороссійскъ, 1902. 7) *Кюльцъ, врачъ.* Отвѣтъ на „Записки врача" В. Вересаева. Перев. съ нѣмецк. *А. М.*, М., 1902. 8) *Кюльцъ.* Отвѣтъ на исповѣдь врача Вересаева. Перев. съ нѣмецк., М., 1903. (*Отз.: Л., Э.* Нѣмецкій отвѣтъ на „Записки врача" Вересаева.— „Литерат. Вѣстн.", 1902, т. IV, кн. VI, стр. 176—177). 9) *Мечтаевъ, Г.* Врачъ художникъ. Отвѣтъ на книгу Вересаева „Записки врача", Спб., 1903. (*Отз.:* „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1902, кн. XI). 10) *Мороховецъ, Л., проф.* „Записки врача" Вересаева въ свѣтѣ профессіональной критики, М., 1903. (*Отз.:* а) *Б—въ, В. П.*—„Міръ Божій", 1903, кн. IV, стр. 110. б) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1903, кн. V. в) *Бѣлозерскій, С.* (см. выше.) 11) *Муравьевъ, В. В., прив.-доц.* „Записки врача" Вересаева и медицинская наука. Публичная лекція, М., 1902. (*Отз.:* „Курьеръ", 1902,

№ 278) 12) [illegible], *И. А., проф.* О книгѣ Вересаева „Записки врача". (Что даетъ эта книга наукѣ, литературѣ и жизни?). Кіевъ, 1902. 2-е изд. Кіевъ, 1902 (Отз. а) *Б., А.* ([illegible]) Критич. замѣтки — „Міръ Божій", 1902, кн. XII, стр. 6—11. б) *В-р-б-в-ъ, Б.* — „Русск. Вѣд.", 1902, № 3[illegible]. в) *Шимревскій, А. С., проф.* — см. ниже. 13) *Гарминскій, Н. В.* Врачи и общество. Мысли врача по поводу „Записокъ врача" Вересаева, Спб., 1902 (Отз. „Русск. Мысль", 1902, кн. XII.) 14) *Хейсинъ, М. Л.*, [illegible] Къ вопросу о врачахъ. Красноярскъ, 1902. 15) *Шимревскій, А. С., проф.* Книга Вересаева передъ судомъ психологіи. Кіевъ, 1902. **Періодическія изданія:** 16) Литерат. замѣтки — „Бирж. Вѣд.", 1901, № 125. 17) „В[illegible] Вѣстн.", 1901, № 2[illegible]2. 18) Журн. обозрѣніе — „Вѣстн. Обозр.", 1901, № 61. 19) „Восточн. Обозр.", 1901, № 93. 20) „Врачебн. Газета", 1901, № 51. 21) *[illegible], Н. В., проф.* Письмо въ ред. — „Врачъ", 1901, № 9. 22) *Климовъ, М.* — „Еженедѣльникъ Практическ. Медицины", 1901, № 17. 23) О чемъ шумъ? — „Курьеръ", 1901, № 5. 24) „Курьеръ", 1901, № 132. 25) *Шу[illegible], В.* Критич. этюды — „Курьеръ", 1901, № 2[illegible]. 26) „Курьеръ", 1901, № 2[illegible]4. 27) *Луначарскій, П.* Письмо въ ред. — „Курьеръ", 1901, № 337. 28) Рѣчь проф. Вельяминова по поводу „Записокъ врача". — „Курьеръ", 1901, № 350. 29) *[illegible]скій, В. О.* — „Литерат. Вѣстн.", 1901, т. II, кн. V, стр. 3[illegible]. 30) *[illegible], В. О.* Литерат. жизнь. Проф. Вельяминовъ о „Запискахъ врача". — „Литерат. Вѣстн.", 1901, т. II, кн. VIII, стр. 345—352. 31) „Научн. Обозр.", 1901, кн. II и III. 32) *[illegible], Р. И.* — „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1901, кн. II. 33) „Нов. Время", 1901, № 92[illegible]. 34) *[illegible], В.* Еще два слова о г. Вересаевѣ. — „Нов. Время", 1901, № 92[illegible]. 35) „Нов. Время", 1901, № 9269. 36) „Нов. Обозр.", 1901, №№ 55[illegible] и 5620. 37) О докладѣ проф. Вельяминова по поводу „Записокъ врача". — „Нов. Обозр.", 1901, № 5[illegible]. 38) *[illegible]*. Русск. литература. — „Новости", 1901, № 134. 39) Писатель Вересаевъ передъ судомъ врачей. — „Новости", 1901, № 331. 40) *[illegible], В.* Письмо въ ред. — „Новости", 1901, № 335. 41) *[illegible]*. Письмо въ ред. — „Новости", 1901, № 347. 42) *[illegible], П.* — „Нов. Міръ", 1901, № 65. 43) Судъ надъ Вересаевымъ. — „Одесск. Новости", 1901, № 54[illegible]. 44) „Одесск. Новости", 1901, №№ 5489, 5501 и 5[illegible]. 45) Отвѣтъ проф. Вельяминову. — „Одесск. Новости", 1901, № 5491. 46) Докладъ проф. Н. А. Вельяминова. — „Одесск. Новости", 1901, № 5497. 47) „Практич. Врачъ", 1901, № 1. 48) „Россія", 1901, №№ [illegible] и [illegible]. 49) *[illegible], Л.* Необходимость реорганизаціи медицинскаго образованія. — „Россія", 1901, № 6[illegible]9. 50) „Русск. Мысль", 1901, кн. VI, стр. 190; кн. XII, стр. 377. 51) *[illegible]*. Врачи и публика. — „Русск. Вѣд.", 1901, № 344. 52) *[illegible], К.* — „Саратовск. Лист.", 1901, № 155. 53) *[illegible], И. А., проф.* О книгѣ Вересаева „Записки врача". — „Вопросы нервно-психич. медицины", 1902, т. VII. 54) „Врачебн. Газета", 1902, № 19. 55) Изъ общественн. хроники. — „Вѣстн. Европы", 1902, кн. III. 56) *Шимревскій, А. С., проф.* Книга Вересаева передъ судомъ психологіи. — „Кіевск. Газ.", 1902, № 3[illegible]. 57) „Курьеръ", 1902, №№ 14 и 27[illegible]. 58) *Б. Н.* Маленькій фельетонъ. — „Курьеръ", 1902, № 278. 59) *[illegible], А.* Литерат. жизнь. — „Литерат. Вѣстн.", 1902, т. III, кн. II, стр. 213—214. 60) Докладъ д-ра Хейсина въ Красноярскѣ о „Запискахъ врача". — „Литерат. Вѣстн.", 1902, т. IV, кн. VII, стр. 274. 61) *Алексѣевъ*. — „Медицинск. Обозр.", 1902, № 2. 62) „Медицинск. Обозр.", 1902, № 7. 63) *Б., А.* ([illegible], А.) Критич. замѣтки. — „Міръ Божій", 1902, кн. I, стр. 1[illegible]; кн. XII, стр. 6—14. 64) *[illegible], Е. Н.*, [illegible] — „Міръ Божій", 1902, кн. II, стр. 36. 65) *[illegible], Д.* О врачахъ. — „Міръ Божій", 1902, кн. VII, стр. 55—84; кн. VIII, стр. 143—167; кн. IX, стр. 70—97. 66) „Нов. Время", 1902, № 9[illegible]. 67) „Нов. Дѣло", 1902, № 8. 68) *Кольцовъ, Е. А.* Медицина передъ судомъ жизни. — „Образов.", 1902, кн. II, стр. 61—71. 69) Еще о В. Вересаевѣ. — „Одесск. Лист.", 1902, №№ 10 и 16. 70) Еще о врачахъ, публикѣ и [illegible]. — „Одесск. Новости", 1902, № 5531. 71) [illegible] критика о Вересаевѣ. — „Одесск. Новости", 1902, № 5[illegible]. 72) *[illegible], С.* Записки врача о „Запискахъ врача". — „Русск. Слово", 1902, № 6. 73) „С.-Петерб. Вѣд.", 1902, № 10. 74) *[illegible], Г.*, [illegible] Вересаевѣ и его „Запискахъ врача". — „С.-Петерб. Вѣд.", 1902, № 25. 75) *[illegible], Н.* Авторъ „Записокъ врача". — „Литерат. Вечера", 1903, кн. VI, стр. 3[illegible]. 76) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1903, кн. VII. 77) *[illegible], Л.* „Записки врача" В. Вересаева въ свѣтѣ профессіональной критики. — „Труды Комиссіи по исторіи и [illegible] медицины Пироговск. Общества [illegible]", 1903, т. I, вып. 2. 78) *[illegible], Н. Н.* Типы и ..... современной русской беллетристики. — „Бирж. Вѣд." [illegible]

[illegible]зумъ", 1904, № 1. 79) И мы начали на Вересаева — „Литерат. Вѣстн.", 1904, т. VII, кн. III, стр. 91—92. 80) *[illegible]*. Вересаевъ въ жизни. — „Нов. Время", 1904, № 118[illegible]. 81) *[illegible], Н. Л.* Журн. обозрѣніе. — „Русск. Вѣд.", 1903, кн. XII, стр. 815—820. *[illegible]* см. *[illegible]*. *Конецъ Андрея Ивановича*. 1) *[illegible]*. Порывы — „Одесск. Новости", 1899, № 46[illegible]. 2) *[illegible], А.* Текущая литература. — „Сынъ Отечества", 1899, № 1[illegible]2. 3) *И., Ив.* — „Одесск. Лист.", 1899, № 20[illegible]. 4) *Б., Е.* — „Литерат. Вѣстн.", 1901, т. I, кн. II, стр. 187. 5) „Русск. Богат.", 1901, кн. I, стр. 52—55. 6) *Б., А.* ([illegible], А.). Критич. замѣтки. — „Міръ Божій", 1902, кн. XI, стр. 1. *Къ жизни*: 1) *[illegible], С.* Критич. наброски. — „Вѣстн. Европы", 1909, кн. IV. 2) *[illegible]*. Обзоръ русск. журналовъ. — „Вѣстн. [illegible]", 1909, кн. V. 3) *[illegible], Н.* Литерат. [illegible]. — „Одесск. Новости", 1909, № 77[illegible]. 4) „Право [illegible]", 1909, № 12. 5) *[illegible], А.* [illegible] — „[illegible]", 1909, № 15. 6) *И.* Изъ книги и жизни. — „Русск. Вѣд.", 1909, № 80. 7) *Кранихфельдъ, В.* Литерат. отклики. Ставка на сильныхъ. — „Соврем. Міръ", 1909, кн. IV—V. 8) *[illegible], Е. А.* [illegible]. — „Новая Жизнь, Спб., 1910, стр. 44—54. *Маленькіе разсказы:* „Бирж. Вѣд.", 1901, № 2[illegible]0. *[illegible]*: 1) *[illegible], Н.* Журн. обозрѣніе. — „Образов.", 1907, кн. VIII, стр. 92. 2) *Г., М.* (*Гершензонъ, М. О.*). — „Вѣстн. Европы", 1908, кн. VI, Литерат. обозр. 3) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1908, кн. VI. 4) [illegible] — „Образов.", 1908, кн. IV, стр. 87. 5) *Линовъ, В.* — „Русск. Мысль", 1908, кн. X, стр. 212. 6) *И.* — „Русск. Вѣд.", 1908, № 1[illegible]. 7) *[illegible]*. О Вересаевѣ. — „Русск. Слово", 1908, № 120. 8) *[illegible], В.* Очерки соврем. литературы. Война и ея отраженіе въ литературѣ. — „Слово", 1908, №№ 527 и 5[illegible]. 9) *[illegible]* — „Соврем. Міръ", 1908, кн. VIII, стр. 10[illegible]. *[illegible]*: *[illegible], Н.* Поворотъ ли? — „Образов.", 1902, кн. V—VI, стр. 41—53. *[illegible]*: 1) *Б., А.* (*[illegible]*, *А.*) Критич. замѣтки. — „Міръ Божій", 1902, кн. VI, стр. 5—7. 2) „Нов. Дѣло", 1902, № 17. *Очерки и разсказы* см. *[illegible]*. 1) *[illegible], А. Н.* — „[illegible]", 1904, № 158. 2) *Неведомскій, М.* — „Міръ Божій", 1904, кн. X, стр. 133—136. 3) „Русск. Вѣд.", 1904, № 124. *Поэтріе:* *[illegible], Н.* — „Новости", 1899, № 2[illegible]. *[illegible]*: 1) *Б., В.* — „Литерат. Вѣстн.", 1903, т. V, кн. IV, стр. 503. 2) „Образов.", 1903, кн. XI, стр. 123. *Проъздомъ:* 1) *Б., А.* (*[illegible]*, А.) Критич. замѣтки. — „Міръ Божій", 1904, кн. IV, стр. 33—44. 2) *Марья Сергѣевна*. Со стороны. [illegible] — „Образов.", 1904, кн. VIII, стр. 96—104. (О предыдущ. статьѣ Богдановича). 3) *Семеновскій, Р. И.* [illegible] въ литературѣ. — „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1904, кн. VI. *[illegible]*: 1) *Б., А.* (*[illegible]*, А.). Критич. замѣтки. — „Міръ Божій", 1898, кн. XII, стр. 1—9; 1902, кн. XI, стр. 1; 1903, кн. V, стр. 88. 2) *Э., Ник.* — „Нов. Время", 1898, № 81[illegible], прилож. 3) „Русск. Мысль", 1899, кн. XII, стр. 4[illegible]7. 4) *И.* — „Русск. Вѣд.", 1898, № 1[illegible]0. 5) *Н. Н. Р.* — „Сынъ Отечества", 1898, № 318. 6) *С. Р.* — „Жизнь и Искусство", 1899, № 102. 7) *[illegible], А. С.* Соврем. [illegible] въ прозѣ. — „Образов.", 1899, кн. III, стр. 27—31. 8) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь. Кое-что о современ. [illegible]. — „Русск. Богат.", 1899, кн. I, стр. 76—99; кн. II, стр. 83—100 (*[illegible]* Полн. собр. сочиненія, т. I, Спб., 1909, стр. 1—39). 9) *Полнеръ, Т.* Критич. очерки. — „Курьеръ", 1900, № 2[illegible]. 10) *[illegible], М. А.* [illegible] формаціи. — „Русск. Мысль", 1900, кн. III—IV. 11) *[illegible], Д.* — „[illegible] Газ.", литерат. прилож., 1900, № 13. 12) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1902, кн. X. 13) „Русск. Мысль", 1902, кн. XII, стр. 401. 14) *Мирскій* (*Андреевичъ*). Наша литература. — „Журн. для всѣхъ", 1903, кн. IV. 15) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1903, кн. III. 16) *[illegible], В. Н.* Мужикъ и рабочій у [illegible] литераторовъ. — „Образов.", 1903, кн. I, стр. 62—73. 17) „Русск. Мысль", 1903, кн. III, стр. 91. 18) *Л., [illegible], А.* — „Вѣстн. Европы", 1904, кн. VII, Литерат. обозр. *Разсказы о войнѣ:* 1) *[illegible], Н.* Изъ текущей беллетристики. — „Одесск. Новости", 1906, № 6[illegible]74. 2) *А.* — „Русск. Мысль", 1906, кн. IX, стр. 183. 3) „Русь", 1906, № 52, прилож. *[illegible]*: 1) *И.* Литерат. отголоски. — „Русск. Вѣд.", 1903, № 340. 2) *Скабичевскій, А.* Пятое сословіе. — „Новости", 1904, № 8. 3) *Луначарскій, А.* Журн. замѣтки. — „Образов.", 1904, кн. II, стр. 10[illegible].

IV. Рецензіи о переводахъ.

Молль, А. Врачебная этика. *[illegible], Л.* — „Образов.", 1905, кн. II, стр. 131.

А. Волынскій (А. Л. Флексеръ).

Сочиненія А. Волынскаго.

I. Критика, исторія литературы, искусство, философія и публицистика.

А. Произведенія, изданныя отдѣльно.

1) Праздникъ въ „чертѣ", Спб., 1884, 8°, стр. 10, 30 экз. **2) Русскіе критики.** Литерат. очерки. Спб., 1896, 8°, стр. X + 827, 1.200 экз. (*Содерж.:* Предисловіе. — В. Г. Бѣлинскій (1893, окт.—дек.). — Н. А. Добролюбовъ (1894, янв.—мартъ). — Журналистика 60-хъ гг.: I. Чернышевскій и Юркевичъ. — II. Философск. дѣятельность Юркевича. — III. Полемич. бури. — IV. Расколъ въ радикальн. партіи (1894—1895, окт.—янв.). — Д. И. Писаревъ (1895, февр., апр., май). — В. Майковъ и А. Григорьевъ: I. Эстетич. и обществен. вопросы передъ судомъ соціологич. критики. — II. Теорія и законы органической критики (1895, окт., ноябрь). — *Полемич. матеріалы:* Чернышевскій и Гоголь (1893, янв.). — „Очерки Гоголевск. періода" и вопросъ о гегеліанствѣ Бѣлинскаго (1892, окт.). — Гоголь, какъ профессоръ (1893, май). — Эстетическ. ученіе Чернышевскаго (1892, іюль). — О причинахъ упадка русск. критики (1893, мартъ). — Свободная критика передъ судомъ буржуазнаго либерализма. (Отвѣтъ „Вѣстнику Европы") (1893, іюль). — Н. Михайловскій и его разсужденія о русск. литературѣ (1894, апр.). — Вражда и борьба партій (1894, май). — Перечисл. статьи были напеч. въ „Сѣверн. Вѣстн." подъ заглавіемъ: Литерат. замѣтки, см. ниже). **2а) Н. С. Лѣсковъ.** Критич. очеркъ. Спб., 1898, 8°, стр. 2 + 168, 1.200 экз. **3) Борьба за идеализмъ.** Критич. статьи. Изд. Н. Г. Молоствова, Спб., 1900, 8°, стр. III + 542 + II, 1.200 экз. (*Содерж.:* Предисловіе. — *Статьи. Очерки:* О Достоевскомъ (1897, окт.). — Раскольниковъ (1897, ноябрь). — Религія въ современ. литературѣ. (Сенкевичъ) (1896, окт.). — Аполлонъ и Діонисъ. (Ницше) (1896, ноябрь). — Христіанство и буддизмъ. (Страховъ) (1893, февр.). — Лурдъ и Римъ (Зола) (1896, сент.). — А. В. Кольцовъ (1892, ноябрь). — Рѣпинъ и Ге (1895, мартъ). — „Власть тьмы" (1896, янв.). — Оскаръ Уайльдъ (1895, дек.). — Философія и поэзія (1896, іюль). — Герценъ и Огаревъ (1892, іюнь). — Русск. комедія (1899, сент.). — „Богоотступныя черты". (Гоголь) (1899, ноябрь). — Наука, философія и религія (1893, сент.). — Красота. (Изъ дневника стараго энтузіаста) (1899, окт.). — *Замѣтки. Библіографія:* Современная русск. беллетристика (1896, февр.). — Декадентство и символизмъ. (Сологубъ) (1896, дек.). — Стиль и творчество въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ современныхъ писательницъ (Крестовская и Лухманова) (1896, дек.). — Поэтъ любви. (Апухтинъ) (1891, ноябрь). — Антонъ Чеховъ (1898, окт.—дек. — 1899, февр.). — Горькій. „Очерки и разсказы" (1898, окт. — дек. — 1899, февр.). — С. Норманскій (Сигма). „Откуда?" (1895, окт.). — Н. Минскій. „Стихотворенія" (1896, февр.). — Д. С. Мережковскій. „Символы" (1892, апр.). — Д. С. Мережковскій. „Новыя стихотворенія" (1896, мартъ). — Ѳ. Сологубъ. „Стихи". Кн. I (1896, февр.). — К. Бальмонтъ. „Подъ сѣвернымъ небомъ" (1894, апр.). — К. Бальмонтъ. „Въ безбрежности" (1896, февр.). — К. Бальмонтъ. „Тишина" (1898, авг.—сен. — 1898, ноябрь). — Гиппіусъ. „Зеркала" (1898, авг. — сент. — 1898, ноябрь). — Лохвицкая (Жиберъ). „Стихотворенія" (1898, авг. — сент. — 1898, ноябрь). — „Русскіе символисты". А. Добролюбовъ. „Natura naturans. Natura naturata" (1895, сент.). — „Русскіе символисты. Лѣто 1895 г.". Брюсовъ. „Chefs d'oeuvre". Графъ Алексѣй Жемчужниковъ. „Голубые звуки и бѣлыя поэмы" (1895, ноябрь). А. Коринфскій. „Черныя розы" (1896, янв.). — Величко. „Стихотворенія" (1894, мартъ). — Голенищевъ-Кутузовъ. „Сочиненія" (1894, май). — „Міръ Искусства" (1898, авг. — сент. — 1899, февр.). — Л. Толстой. „Сочиненія" (1894, янв.). — Л. Толстой. „Сочиненія", т. XIV (1895, іюль). — Вл. Соловьевъ. „Смыслъ войны" (1895, сент.). — Вл. Соловьевъ. „Значеніе государства" (1896, янв.). — Вл. Соловьевъ. „Оправданіе добра" (1897, ноябрь). — Карѣевъ. „Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи" (1894, ноябрь). — Карѣевъ. „Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія". А. Трина. „Отвѣтъ одного изъ учащейся молодежи на письма къ ней г. Карѣева о самообразованіи". С. „Обращеніе товарищей къ студентамъ" (1895, окт.). — „Отчетъ Импер. Публичн. библіотеки за 1893 г." (1896, окт.). — Меньшиковъ. „О писателяхъ" (1898, окт. — дек. — 1898, ноябрь). — О символизмѣ и символистахъ (Минскій) (1898, окт. — дек. — 1899, февр.). — „Нажитъ" или „Поэзія"? (1899, дек.). — Великій безумецъ. (Достоевскій) (1899, ноябрь—дек.). — Нѣкоторыя изъ перечислен. статей были напеч. въ „Сѣверн. Вѣстн." подъ заглавіемъ: Литерат. замѣтки, см. ниже. Рецензіи были напеч. въ „Сѣверн. Вѣстн." въ отдѣлѣ: Критика и библіографія). **4) Леонардо-да-Винчи.** Изд. Маркса, Спб., 1900, 4°, стр. XVI + 706, 2.100 экз.; 2-е изд., Кіевъ, 1909, 8°, стр. XIII + 498, 2.025 экз. **5) Царство Карамазовыхъ. Богофилы. Н. С. Лѣсковъ. Замѣтки.** Спб., 1901, 8°, стр. IV + 493, 1.200 экз. (*Содерж.* I. Царство Карамазовыхъ (1900). — II. Богофилы (1900). — III. Н. С. Лѣсковъ. — IV. Замѣтки: Спиноза (1892). — Переписка Спинозы (1891). — Культъ человѣка и культъ человѣчества. (Карлейль и контизмъ) (1891). — Они христіане (1900). — „Отелло" въ русскомъ переводѣ (1900). — „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ". (Первыя впечатлѣнія) (1898). **6) Книга великаго гнѣва.** Критич. статьи. Замѣтки. Полемика. Спб., 1904, 8°, стр. VIII + LXXVIII + 524, 1.200 экз. (*Содерж.:* Предисловіе. — Что такое идеализмъ? (1902, ноябрь). — Книга великаго гнѣва. Критическ. статья о „Бѣсахъ" Достоевскаго (1902 — 1903). — Соврем. русск. журналистика. — Соврем. русск. беллетристика. — Соврем. русск. поэзія (1901, апр.). — Старый и новый репертуаръ (1901, апр.). — Критика и догматика Канта (1889, іюль, сент. — дек.). — Около Леонардо-да-Винчи. Нов. матеріалы (1903, окт.). — Іона (1903, ноябрь). — *Замѣтки. Библіографія. Полемика:* Куно Фишеръ о Шопенгауэрѣ (1896, авг.). — Университ. философія (1894, апр.). — А. И. Урусовъ (Личн. воспоминанія) (1902, ноябрь). — Портреты Л. Н. Толстого. (Сочин. Толстого, М., 1893) (1894, янв.). — Фетъ (1894, іюль). — Я. П. Полонскій (1896, авг.). — Некрасовъ (1902, дек.). — Стихи (Мережковскій. Гиппіусъ. Брюсовъ. Бальмонтъ. Сологубъ. Федоровъ. Бунинъ) (1903, дек.). — „На днѣ" Горькаго (1903, ноябрь). — В. В. Чуйко (1898, окт.—дек. — 1899, мартъ). — На могилѣ (Чуйко) (1899, мартъ). — Идеализмъ и буржуазность. (Совмѣстно съ Л. Я. Гуревичъ) (1896, янв.). — Нар[illegible] и либерализмъ (1894, февр.). — Полемич[illegible]ка (1894, окт.). — Консервативная и либ[illegible]къ противъ идеализма (1896, іюль). — [illegible] 1895, февр. и мартъ). — Г. Шубинскій о [illegible]мъ идеализмѣ и реализмѣ (1894, дек.). — А. [illegible]овъ (Житель) (1895, авг.). *Газетныя замѣтки* („Прибалтійскій Край"): 1. Свистъ (1901, ноябрь). — 2. Панрусеизмъ (1901, ноябрь). — 3. Совѣсть (1901, ноябрь). — 4. Охранители (1902, мартъ). — *Изъ писемъ въ ред. „Сѣверн. Вѣстн."*: 1. Старая гвардія (1894, окт.). — 2. Письмо В. В. Чуйко (1893, окт.). — Отвѣтъ „Русск. Богат." (По поводу статьи Ратнера: „Проблемы идеализма въ русск. литературѣ"). (1903, ноябрь). — Нѣкотор. изъ перечислен. статей были напеч. въ „Сѣверн. Вѣстн." подъ заглавіемъ: Литерат. замѣтки). **7) Ѳ. М. Достоевскій.** Спб., 1906, 8°, стр. II + 501, 2.000 экз.; 2-е изд., Спб., 1909, 8°, стр. II + 367, 3.000 экз. **8)** Молоствовъ, Н. Г. и Сергѣенко, П. А. Левъ Толстой. Жизнь и творчество. Критико-біографич. изслѣдованіе, подъ ред. А. Л. Волынскаго. Изд. П. Сойкина, Спб., 1909, 4°, вып. I, стр. 68 + 60 портр., рисун. и автограф., 10.000 экз.; вып. II, стр. 69—116 + 56 портр., рисун. и автограф., 5.000 экз. (Изд. не оконч.).

Б. Произведенія (за исключеніемъ рецензій), напечатанныя въ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ.

9) О Петербург. Сиротскомъ домѣ. — „Разсвѣтъ", 1880, № 28 (Подписано: *Н[illegible]*). 9а) Корреспонденція изъ Житоміра. — „Разсвѣтъ", 1882, № 7. 9б) О книгѣ Пинскера: „Автоэмансипація". — „Палестина", сборн., Спб., 1884. 9в) Праздникъ въ „чертѣ". — „Русск. Еврей", 1884. 9г) Теологико-политическое ученіе Спинозы. — „Восходъ", 1885, кн. X, XI и XII. 10) [illegible]. — „Восходъ", 1886, кн. I. 11) Литерат. лѣтопись. („Всеобщая исторія" Вебера). — „Восходъ", 1886, кн. II. 12) Литерат. лѣтопись. Израиль въ эпоху судей. — „Восходъ", 1886, кн. V. 13) Новый сборникъ стихотв. Фруга. — „Восходъ", 1886, кн. XI. 14) По поводу русскаго перевода „Этики" Спинозы. — „Восходъ", 1886, кн. XII. 15) Двѣ страницы былого („Всеобщая исторія" Вебера). — „Восходъ", 1887, кн. II. 16) Библейскія пѣсни русск. поэта. (Стих. К. Фофанова). — „Восходъ", 1887, кн. III. 17) Библія въ русской поэзіи. — „Восходъ", 1887, кн. VII—VIII и IX. 17а) Два слова о „еврействѣ" въ русск. литературѣ. — „Недѣльная хроника „Восхода", 1887, № 47. 17б) Меценаты нашихъ дней. — „Восходъ", 1888, кн. I и II. 18) Бытописатель русскаго еврейства (Л. Леванда). — „Восходъ", 1888, кн. VII — XII. 19) В. Вундтъ. „Этика. Изслѣдованіе фактовъ и законовъ нравствен-

вой жизни".—„Сѣверн. Вѣстн.", 1889, кн. V, стр. 72—78. 20) Критич. и догматич. элементы философіи Канта.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1889, кн. VII, стр. 67—8[illegible]; кн. IX, стр. 61—83; кн. X, стр. 89—10[illegible]; кн. XI, стр. 51—72; кн. XII, стр. 55—78. 21) [illegible] философія гр. Льва Толстого.—„Вопросы Философіи и Психологіи", 1890, кн. V, стр. 26—45. 22) Наука и философія. Критическій обзоръ главнѣйшихъ произведеній Вундта.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1890, кн. I, стр. 79—97; кн. II, стр. 45—67; кн. III, стр. 39—61; кн. IV, стр. 21—44; кн. V, стр. 35—[illegible]. 23) Критическая замѣтка. (Минскій, Н. „При свѣтѣ совѣсти").—„Сѣверн. Вѣстн.", 1890, кн. II, стр. 101—106. 24) Литерат. замѣтки.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1890, кн. III, стр. 113—1[illegible]; кн. X, стр. 153—167; кн. XI, стр. 159—173; кн. XII, стр. 173—1[illegible]. 25) Литерат. замѣтки.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1891, кн. I, стр. 150—16[illegible]; кн. II, стр. 148—164; кн. III, стр. 147—163; кн. IV, стр. 171—187; кн. VI, стр. 197—216; кн. X, стр. 152—163; кн. XI, стр. 126—142; кн. XII, стр. 184—213. 26) Нравственная философія гр. Л. Толстого.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1891, кн. X, стр. 185—215. 27) Литерат. замѣтки.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1892, кн. I, стр. 160—186; кн. II, стр. 144—172; кн. III, стр. 136—154; кн. IV, стр. 162—188; кн. VI, стр. 158—185; кн. VII, стр. 126—159; кн. X, стр. 119—152; кн. XI, стр. 117—14[illegible]; кн. XII, стр. 97. 28) Литерат. замѣтки.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1893, кн. I, стр. 127—170; кн. II, стр. 116—146; кн. III, стр. 108—142; кн. V, стр. 110—142; кн. X, стр. 120—157; кн. XI, стр. 129—170; кн. XII, стр. 14[illegible]—196. 29) Новый романъ П. Бурже.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1893, кн. VI, стр. 203—212. 30) Отвѣтъ „Вѣстнику Европы".—„Сѣверн. Вѣстн.", 1893, кн. VI, стр. 114—123. 31) Отъ редакціи. О нѣкоторыхъ [illegible] пріемахъ.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1893, кн. VIII, стр. 118. 32) Наука, философія и религія.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1893, кн. IX, стр. 179—201. 33) Литерат. замѣтки.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1894, кн. I, стр. 151—184; кн. II, стр. 130—165; кн. III, стр. 97—145; кн. IV, стр. 98—122; кн. V, стр. 137—155; кн. X, стр. 245—268; кн. XI, стр. 315—370; кн. XII, стр. 359—409. 34) Народничество и либерализмъ. (Юзовъ, В. В. и Протопоповъ).—„Сѣверн. Вѣстн.", 1894, кн. II, стр. 54—61. 35) Письмо въ ред. (Инцидентъ на юбилеѣ Скабичевскаго).—„Сѣверн. Вѣстн.", 1894, кн. IV, стр. 145—14[illegible]. [illegible] Полемическая перестрѣлка.—„Сѣверн. Вѣстн." [illegible] X, стр. 68—75. 37) Письмо въ ред.—„Сѣвер[illegible] 1894, кн. X, стр. 104—107. 38) Ко[illegible]лово.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1894, кн. XI, [illegible]. 39) Литерат. замѣтки.—„Сѣверн. Вѣстн.", 18[illegible], кн. I, стр. 297—354; кн. II, стр. 268—290; кн. IV, стр. 270—310; кн. V, стр. 251—304; кн. X, стр. 239—293; кн. XI, стр. 294—339. 40) „Русск. Вѣд."—„Сѣверн. Вѣстн.", 1895, кн. II, стр. 107—108; кн. III, стр. 128. 41) Рѣпинъ и Ге.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1895, кн. III, стр. 271—278. 42) Изъ жизни и литературы. А. А. Дьяковъ (Житель).—„Сѣверн. Вѣстн.", 189[illegible], кн. VIII, стр. 82—83. 43) Оскаръ Уайльдъ.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1895, кн. XII, стр. 311—318. 44) Литерат. замѣтки.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1896, кн. I, стр. 298—316; кн. II, стр. 328—341; кн. VII, стр. 219—240; кн. VIII, стр. 255—283; кн. IX, стр. 233—281; кн. X, стр. 223—255; кн. XI, стр. 232—255; кн. XII, стр. 235. 45) Идеализмъ и буржуазность.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1896, кн. I, стр. I—VI. (Совмѣстно съ Л. Я. Гуревичъ). 46) Письмо въ ред.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1896, кн. IV, стр. 75. 47) Литерат. замѣтки.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1897, кн. I, стр. 279; кн. II; кн. III, стр. 261; кн. IV, стр. 234; кн. V, стр. 249; кн. X, стр. 181; кн. XI, стр. 289. 48) Праздникъ русской [illegible].—„Сѣверн. Вѣстн.", 1897, кн. II. 49) Замѣтка (Вниманію гг. консерваторовъ Имп. Эрмитажа).—„Сѣверн. Вѣстн.", 1897, кн. VI, стр. 359—361. (Совмѣстно съ В. Чуйко). 50) Amor. Романтич. набросокъ.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1897, кн. IX, стр. 1—6. (Совмѣстно съ Лу-Андреасъ-Саломэ). 51) Въ поискахъ за Леонардо да Винчи.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1897, кн. IX, стр. 179—195; кн. X, стр. 193—225; кн. XI, стр. 226—258; кн. XII, стр. 191—242. 52) Изъ литературы и жизни.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1897, кн. X, стр. 92. 53) Отъ редакціи.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1897, кн. XI, стр. 381—382. 54) Леонардо-да-Винчи, его жизнь и научно-философскіе труды.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1898, кн. I, стр. 213; кн. II; кн. III, стр. 232; кн. IV, стр. 185; кн. V, стр. 155. 55) Литерат. замѣтки.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1898, кн. VIII—IX, стр. 156—181. 56) Леонардо да-Винчи.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1898, кн. X—XII, стр. 12[illegible]—159. 57) В. В. Чуйко. Некр.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1898, кн. X—XII. 58) О символизмѣ и символистахъ.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1898, кн. X—XII, стр. 216. 59) Царство Карамазовыхъ.—„С.-Петерб. Вѣд.", 1900, № 1[illegible], 27 мая; № 146, 31 мая; № 154, 8 іюня; № 163, 17 іюня; № 18[illegible], 6 іюля; № 197, 21 іюля; № 204, 28 іюля; № 211, 4 авг.; № 220, 13 авг.; № 22[illegible], 14 авг.; № 231, 24 авг. 60) [illegible].—„Прибалтійскій Край", 1901, 24 ноября. 61) [illegible].—„Прибалтійскій Край", 1901, [illegible]. 62) [illegible].—„Прибалтійскій Край", 1901, 27 ноября. 63) Современ. русск. журналистика и беллетристика.—„Прибалтійскій Край", 1901, №№ 270, 271 и 27[illegible]. 64) [illegible].—„Прибалтійск. Край", 19[illegible], 27 марта. 65) Современ. русск. поэзія.—„Сѣверн. Цвѣты на 1902 г.", альманахъ, изд. „Скорпіона", стр. 225. 66) Современ. русск. журналистика. Современ. русск. беллетристика. Современ. русск. поэзія. Старый и новый репертуаръ. [illegible] *Н. Г.* [illegible]. Борьба за идеализмъ, Рига, 1900, стр. 5—105, 1—62; 2-е изд., Спб., 1903, стр. 95—237. 67) Чеховъ.—[illegible] Чеховскій сборникъ. Изд. „Заря", М., 1910. 68) [illegible]—„Куда мы идемъ?" Сборн., М., 1910, стр. 25—32.—Кромѣ перечисленныхъ [illegible] статей въ „Разсвѣтѣ", „Русск. Еврей" и „Восходѣ", Волынскій помѣщалъ и другія статьи въ этихъ изданіяхъ. Въ послѣдніе годы А. Волынскій помѣстилъ много статей и замѣтокъ о балетѣ въ „Биржев. Вѣд." и нѣсколько статей по исторіи искусства въ газетѣ „День".

II. Переводы и вступительныя статьи къ нимъ.

69) *Вагнеръ, Р.* Моя жизнь. Мемуары. Письма. Дневники. Подъ ред. А. Волынскаго. Изд. „Грядущаго Дня", Спб., 1911, 4°, т. I, стр. X + 1—232, 4.[illegible] экз.; т. II, стр. 229, 4.300 экз.; т. III, стр. VII + 301, 4.000 экз.; т. IV, стр. 553, 4.300 экз. 70) *Вейнингеръ, О.* Полъ и характеръ. Перев. съ нѣмецк. В. Лихтенштадта, подъ ред. и съ предисл. А. Волынскаго. Изд. „Посѣвъ", Спб., 1908, 8°, стр. XXV + 484, 3.000 экз.; 2-е изд., Спб., 1909, 8°, стр. XXVI + 428, 5.000 экз.; 3-е изд., Спб., 1910, 8°, стр. XXV + 428 + XCI, 3.000 экз. 71) *Гриммъ, Г.* Микель Анджело Буонарроти. Перев. В. Маланиной-Миронычъ, подъ ред. А. Волынскаго. Изд. „Грядущаго Дня", 4°, вып. I—II, Спб., 1913; вып. III—IV, Спб., 1914, 5.000 экз. (Изд. не окончено). 72) *Зудерманъ*. Да здравствуетъ жизнь! Драма. Перев. съ нѣмецк. О. Н. П., подъ ред. А. Л. Волынскаго. Спб., 1902, 8°, стр. 86, 320 экз. 73) *Кантъ, И.* Грезы духовидца, поясненныя грезами метафизика. Перев. съ нѣмецк. Б. Н. Бурдеса, подъ ред. А. Л. Волынскаго. Изд. переводчика, Спб., 1904, 8°, стр. 125, 2.000 экз.; 2-е изд., Спб., 1911, 8°, стр. 125, 1.000 экз. 74) *Спиноза, Б.* Переписка, съ прилож. жизнеописанія Спинозы, Колеруса. Перев. съ латинск. Л. Я. Гуревичъ, подъ ред. и съ примѣч. А. Л. Волынскаго. Спб., 1891, 8°, стр. VIII + XIII + 432, 500 экз.

Литература о А. Волынскомъ.

I. Книги.

1) *Александровичъ, Ю.* Исторія новѣйшей русск. литературы, ч. I, Чеховъ и его время, М., 1911. 2) *Бѣлый, А.* На перевалѣ.—Арабески, М., 1911, стр. 273—2[illegible]7. 3) Галлерея русск. писателей, изд. Скирмунта, М., 1901, стр. 5[illegible]5. 4) Галлерея русск. писателей и художниковъ, состав. *[illegible]*, изд. Н. О. Мертца, Спб., 1901, стр. 88. 5) *[illegible], Б. Б.* [illegible] — Очерки русск. прогресса, Спб., 1900, стр. 3[illegible]8—422. 5а) Еврейская энциклопедія, т. V, Спб., 1911. (Статья [illegible], *Н.*). 6) *Иберветъ-Гейнце.* Исторія новой философіи, перев. *Я. Н. Колубовскаго*, Спб., 18[illegible]; 2-е изд., Спб., 1898—1899. (См. прибавл. Колубовскаго). 7) Исторія русской литературы XIX в., подъ ред. *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго*, изд. т-ва „Міръ", 5 тт., М., 19[illegible]—1912. (См. указат.). 8) *Колубовскій, Я. Н.* Философскій ежегодникъ за 18[illegible] г., М., 18[illegible], стр. 35—37; за 1894 г., М., 1896, стр. 44—50. (Приведена библіографія). 9) *[illegible], М. О.* [illegible] — Критич. очерки, т. II, Спб., 1902, стр. 241—272. 10) *[illegible], Л. С.* Современ. русск. критика.—О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современ. русск. литературы, Спб., 1893, стр. 24—36. (*Перепеч.:* Полное собраніе сочиненій, изд. т-ва Вольфъ, т. XV, Спб., 1912; изд. т-ва Сытинъ, т. XVIII, М., 1914). 11) *Михайловскій, Н. К.* Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ. О новыхъ журнальныхъ [illegible].—Сочиненія, т. VI, Спб., 1897, стр. 9[illegible]—[illegible]. 12) *Михайловскій, Н. К.* О г. Волынскомъ и о [illegible] вообще.—Отклики, т. II, Спб., 1904, стр. 164—168. 13) *Михайловскій, Н. К.* О г. Волынскомъ и русскомъ читателѣ.—Полное собраніе сочиненій, т. X, Спб., 1913, стр. 63[illegible]—641. 14) *[illegible], Н. Г.* Борьба за идеализмъ, Рига, 1902. 2-е дополн. изд., Спб., 1903

(*Содерж.:* I. Газетн. и журн. полемика по поводу лекціи Волынскаго. Лекція Волынскаго: „Соврем. русск. беллетристика и журналистика". Прилож.: „Современ. русск. поэзія" и „Старый и новый репертуаръ".— II. Скандалъ на юбилеѣ А. М. Скабичевскаго.—III. Изъ исторіи журн. „Сѣверн. Вѣстн.") (*Отз.:* Z. Z.—„Литерат. Вѣстн.", 1903, кн. III, стр. 393—397). 15) *Молоствовъ, Н. Г.* Волынскій и новѣйшіе идеалисты, Спб., 1905. 16—17) *Николаевъ, П.* Вопросы жизни въ современной литературѣ, М., 1902. 18) *Бельтовъ* (*Плехановъ, Г.*). Судьбы русской критики. -За двадцать лѣтъ, Спб., 1905; 2-е изд., Спб., 1906, стр. 133—301; 3-е изд., Спб., 1909. 19) *Протопоповъ, М.* Критикъ-декадентъ.—Критич. статьи, М., 1902, стр. 464—500. 20) *Скабичевскій, А.* Одичаніе современ. молодежи.—Сочиненія, 3-е изд., т. II, Спб., 1903, стр. 519—538. 21) Энциклопедич. словарь, изд. Брокгаузъ-Ефрона, т. LXXI, Спб., 1902. (Статья *С. А. Венгерова*). (См. Флексеръ).

II. Періодическія изданія.

22) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь.—„Русск. Мысль", 1891, кн. IV, стр. 205. 23) *Протопоповъ, М.* Письма о литературѣ.—„Русск. Мысль", 1891, кн. IX, стр. 131—134. 24) *Протопоповъ, М.* Письма о литературѣ.—„Русск. Мысль", 1892, кн. X, стр. 171—173. 25) *Меньшиковъ, М.* Критич. декадансъ.—„Книжки „Недѣли", 1893, кн. VII, стр. 211—242. 26) *Журналистъ.* Письмо въ ред.—„Нов. Время", 1893, № 6070. 27) *О., Т. В.* (*Гольцевъ, В. А.*). Изъ литерат. наблюденій.—„Русск. Мысль", 1893, кн. VI, стр. 68—73. 28) *Протопоповъ, М.* Письма о литературѣ.—„Русск. Мысль", 1893, кн. XII, стр. 225—227. 29) *Филипповъ, М.* Ребяческій идеализмъ.—„Русск. Богат.", 1893, кн. IX, стр. 69—78. 30) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь.—„Русск. Богат.", 1893, кн. IX, стр. 79—85; кн. X, стр. 109—110; кн. XII, стр. 66—71. 31) *Прозоровъ, Л.* Провинціальн. печать.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1893, кн. IX, стр. 39—40. 32) *Чуйко, В. В.* Письмо въ ред.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1893, кн. X, стр. 157—165. (*Перепеч.: Волынскій, А. Л.* Книга великаго гнѣва, Спб., 1904, стр. 511—519). 33) *М—ковъ, Е.* Манчестерство современ. журналистики.—„Нов. Слово", 1894, кн. II, стр. 352—371. 34) „Русск. Мысль", 1894, кн. IX, стр. 475—477. 35) *С—въ, К.* Литерат. очерки.—„Саратовск. Лист.", 1894, № 259. 36) *Вашъ современникъ.* Письмо къ г. Волынскому.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1894, кн. XI, стр. 80—82. 37) „Биржев. Вѣд.", 1894, 2, 3 и 5 апр. (Объ инцидентѣ на юбилеѣ А. М. Скабичевскаго). 38) *Скептикъ.* Вслухъ.—„Гражданинъ", 1894, 11 апр. (о томъ же). 39) „Книжки „Недѣли", 1894, кн. IV, стр. 260—261 (о томъ же). 40) „Московск. Вѣд.", 1894, №№ 88, 90 и 91 (о томъ же). 41) *К—скій.* Наша журналистика.—„Наблюдатель", 1894, кн. V, стр. 238 (о томъ же). 42) „Нов. Время", 1894, № 6497 (о томъ же). 43) *Суворинъ, А.* Маленькія письма.—„Нов. Время", 1894, № 6499, 2 апр. и № 6502, 5 апр. (о томъ же). 44) *Острогорскій, В.* Письмо въ ред.—„Нов. Время", 1894, № 6502 5 апр. (*Перепеч.:* „Южн. Край", 1894, № 4559, 10 апр.; „С.-Петерб. Вѣд.", 1894, № 93) (о томъ же). 45) *Острогорскій, В., Песковскій, М., Глинскій, Б. и Огарковъ, В.* Вынужденное объясненіе (Письмо въ ред.).—„Новости", 1894, № 93. (*Перепеч.:* „Московск. Вѣд.", 1894, № 95) (о томъ же). 46) „Новости дня", 1894, № 3874 (о томъ же). 47) *Квидамъ.*—„Новости Дня", 1894, 29 марта и 5 апр. (о томъ же). 48) Литературно-банкетная исторійка.—„Рижск. Вѣстн.", 1894, 7 апр. (о томъ же). 49) Русская печать.—„Русск. Жизнь", 1894, № 87 (о томъ же). 50) *Гофштеттеръ, И.* Свобода мнѣній и проступки слова.—„Русск. Жизнь", 1894, № 95, 9 апр. (о томъ же). 51) *Т., Л.* (*Тихомировъ*). Изъ журн. нравовъ.—„Русск. Обозр.", 1894, кн. V, стр. 439—446 (о томъ же). 52) *А—въ, А.* Затрапезная нетерпимость.—„С.-Петерб. Вѣд.", 1894, 30 марта (о томъ же). 53) „С.-Петерб. Вѣд.", 1894, № 86 (о томъ же). 54) *Одинъ изъ распорядителей.* Мнимая „нетерпимость" (Письмо въ ред.).—„С.-Петерб. Вѣд.", 1894, № 87, 31 марта. (*Перепеч.:* „Одесск. Новости", 1894, № 2918, 4 апр.) (о томъ же). 55) *А—въ, А.* Письмо въ ред.—„С.-Петерб. Вѣд.", 1894, 1 апр. (о томъ же). 56) „Сынъ Отечества", 1894, № 87 (о томъ же). 57) *Восторговъ, А.* Скромныя рѣчи.—„Сынъ Отечества", 1894, № 90 (о томъ же). 58) „Сынъ Отечества", 1894, 31 марта (о томъ же). 59) „Южный Край", 1894, 3 и 5 апр. (о томъ же). 60) „Русск. Мысль", 1895, кн. IX, стр. 478. 61) „Русск. Богат.", 1895, кн. IX, стр. 54—56. 62) Изъ жизни и литературы.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1895, кн. VIII, стр. 74—76. 63) *Глинскій, Б. Б.* Болѣзнь или реклама?—„Истор. Вѣстн.", 1896, кн. II, стр. 618—655. 64) *Глинскій, Б. Б.* Литерат. молодежь.—„Истор. Вѣстн.", 1896, кн. VI, стр. 922—960. 65) *Энгельгардтъ, Н.* Критика русск. самопознанія.—„Книжки „Недѣли", 1896, кн. I—III. 66) *Скабичевскій, А.* Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ.—„Нов. Слово", 1896, кн. VI, мартъ. 67) *Протопоповъ, М.* Критикъ-декадентъ.—„Русск. Мысль", 1896, кн. III, стр. 153—175. 68) *А—ій.*—„Гласность", 1897, № 56. 69) „Истор. Вѣстн.", 1897, кн. II, стр. 1062—1070. 70) *В. Л.*—„Кавказъ", 1897, №№ 266 и 295. 71) *Апокрифъ.*—„Нов. Время", 1897, № 7564. 72) *Буренинъ, В.*—„Нов. Время", 1897, № 7738. 73) *Каменскій, Н.* (*Бельтовъ-Плехановъ*). Судьбы русской критики.—„Нов. Слово", 1897, кн. VII, апр. 74) *Скриба* (*Андреевичъ-Соловьевъ, Е.*).—„Новости", 1897, № 44. 75) *Преображенскій, В. Л.*—„Одесск. Новости", 1897, № 4093. 76) „Русск. Мысль", 1897, кн. V, стр. 233—240. 77) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь. О г. Волынскомъ и скандалистахъ вообще.—„Русск. Богат.", 1897, кн. X, стр. 161—195. 78) *Ладожскій, Н.*—„С.-Петерб. Вѣд.", 1897, № 253. 79) *Скабичевскій, А.*—„Сынъ Отечества", 1897, № 220. 80) *Чуйко, В.*—„Жизнь и Искусство", 1898, № 353. 81) *Буренинъ, В.*—„Нов. Время", 1899, №№ 8213 и 8329. 82) *Энгельгардтъ, Н.*—„Нов. Время", 1899, № 8225. 83) *Минскій, Н.*—„Новости", 1899, № 28. 84) *Маріинскій, К.*—„Нов. Міръ", 1899, № 22. 85) „Одесск. Новости", 1899, № 4814. 86) *Слово-глаголь* (*Гусевъ, С.*).—„Одесск. Новости", 1899, № 4817. 87) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). Критич. замѣтки.—„Міръ Божій", 1900, кн. IX. 88) „С.-Петерб. Вѣд.", 1900, № 157. 89) „Сѣверн. Курьеръ", 1900, № 210. 90) Русскій Литерат. кружокъ въ Ригѣ. (О докладѣ Вс. Чешихина о Волынскомъ).—„Литерат. Вѣстн.", 1901, т. I, кн. II, стр. 252—253. 91) „Прибалтійск. Край", 1901, №№ 18 и 19. (О докладѣ Вс. Чешихина о Волынскомъ). 92) Обзоръ печати.—„Прибалтійск. Край", 1901, № 51. 93) *Гамлетъ.* Мысли и шаржи объ одномъ критикѣ.—„Приднѣпровск. Край", 1901, № 1114. 94) О культѣ Добролюбова.—„Родн. Рѣчь", 1901, 25 ноября. 95) По поводу отзыва „Московск. Вѣд." о Волынскомъ.—„Россія", 1901, № 664. 96) *Независимый* (*Яснинскій, І.*). Свѣточъ В. Бѣлинскаго.—„Биржев. Вѣд.", 1902, 9 янв. 97) О лекціи П. Д. Боборыкина.—„Новости", 1902, 17 мая. 98) Старые и новые боги.—„Одесск. Новости", 1902, № 5837. 99) Лекція Волынскаго.—„Новости", 1903, № 75. 100) *Протопоповъ, М.* Письма о литературѣ.—„Русск. Мысль", 1903, кн. IV. 101) Лекція А. Л. Волынскаго.—„С.-Петерб. Вѣд.", 1903, № 73. 102) *Матвѣевъ, Н. И.* Русскій Фаустъ.—„Русск. Филологич. Вѣстн.", 1906, кн. I—II; 1907, кн. I. 103) *Мочульскій, В.* Смѣна принциповъ въ русской критикѣ XIX стол.—„Филологич. Записки", 1906, кн. I, стр. 24—26. 104) Чествованіе Волынскаго.—„Бирж. Вѣд.", 1908, № 10581.

III. Статьи и рецензіи объ оригинальныхъ произведеніяхъ.

Борьба за идеализмъ (см. также *Литерат. замѣтки*): 1) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). Критич. замѣтки.—„Міръ Божій", 1900, кн. IX. 2) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1900, кн. II. 3) „Нов. Міръ", 1900, № 30. 4) *С—ръ, Я.* Декадентство и его критикъ.—„Одесск. Новости", 1900, № 4927. 5) *И.* Новости литературы и журналистики.—„Русск. Вѣд.", 1900, № 42. 6) *Б—инъ, А.*—„Московск. Вѣд.", 1901, № 58. *Достоевскій* (*Книга*): 1) *Бѣлый, А.*—„Золот. Руно", 1906, № 2. 2) „Критич. Обозр.", 1909, кн. V. 3) *Львовъ, В.*—„Соврем. Міръ", 1909, кн. IX, стр. 105—107. *Книга великаго гнѣва:* 1) *Симбирскій, Н.* „Книга великаго гнѣва".—„Бирж. Вѣд.", 1903, № 587. 2) *Аврелій* (*Брюсовъ, В.*).—„Вѣсы", 1904, кн. II. 3) *Брюсовъ, В.* Европейская литература въ 1904 г. I. Россія.—„Вѣсы", 1904, кн. IX. 4) *Налимовъ, А.*—„Литерат. Вѣстн.", 1904, т. VII, кн. III, стр. 81—82. 5) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1904, кн. II. 6) *Буренинъ, В.* Критич. очерки. Книга еврейской болтовни.—„Нов. Время", 1904, № 10065. 7) *Вересаевъ, В.*—„Правда", 1904, № 3. 8) „Русск. Мысль", 1904, кн. X, стр. 325. 9) „Русск. Вѣд.", 1904, № 46. 10) „Documente des Socialismus", 1905, № 5. (*Перепеч.: Молоствовъ, Н. Г.* Волынскій и новѣйшіе идеалисты, Спб., 1905). 11) *Шлифъ, І.*—„Пропилеи", 1905, № 40. (*Перепеч.: Молоствовъ, Н. Г.* Волынскій и новѣйшіе идеалисты, Спб., 1905). *Кололаны. Забытое слово:* 1) *Колубовскій, Я.* Философскій ежегодникъ за 1894 г., М., 1896. 2) *Куперникъ, Л.* И вотъ какъ пишется исторія.—„Одесск. Новости", 1894, № 3163. *Леонардо-да Винчи:* 1) *Ф.*—„Курьеръ", 1900, № 134. 2) „Нива", 1900, № 45. 3) *Н.*—„Русск. Вѣд.", 1900, № 267. 4) *Н., А.*—„Истор. Вѣстн.", 1901, кн. I, стр. 350—351. 5) *И. Д.*—„Нов. Русь", 1909, № 40. 6) *Н. И. Л.*—„Правда Жизни", 1909, № 19. 7) *Э—ръ, Н.*—„Русск. Вѣд.", 1909, № 56. 8) *Лаз., Ив.*

Художеств [illegible] „Слово", 1909, № 666 9) Гр[illegible]до, Е. „Слово", 1909, № 7[illegible]. *Литерат. [illegible]* 1) [illegible], С. Жизнь въ литератур[illegible]. „Прибалтійск. Край", 1892, № 161, 23 [illegible] 2) [illegible], М. Письма о литератур[illegible]. „Русск. Мысль", 1892, кн X, стр 171 173. 3) „Русск. Богат.", 1892, кн VI, стр. 83—84. 4) *[illegible]*, Я. [illegible] за 1893 г., М., 1894. за 1894 г., М., 1896. 5) *[illegible]*, М. Журн. обозр[illegible].—„Волжск. В[illegible]", 1893, № 241. 6) Изъ общественн хроники „Вѣстн Европы", 1893, кн. V, стр 454 456. (Отвѣть Волынскаго „Сѣверн. Вѣстн.", 1893, кн VI, стр. 114 123. в Русск. критики. Спб., 1896. 7) [illegible] обществен. хроники „Вѣстн. Европы", 1893, кн XII, стр 912—914. О [illegible] въ ред „Сѣверн. Вѣстн." Б. В. Чуйко, см. ниже, № 17). 8) *[illegible]*, Е. Литерат замѣтки —„[illegible]. Вѣд.", 1893 № 164. 9) Маленькая хроника.— „Нов. Время", 1893. № 6259. 10) *Буренинъ*, В. П. Критич. очерки.—„Нов. Время", 1893, № 6326. 11) *Чуйко*, В. Журн. обозрѣніе. „Одесск. Листк.", 1893, № 49. 12) „Русск. Мысль", 1893, кн. IX, стр. 453 454. 13) *[illegible]*, Н. К. Литература и жизнь.—„Русск. Богат.", 1893, кн. IX, стр. 79 85. 14) *Тихомировъ*, Л. Наша публицистика. Изъ газетн и журн [illegible].—„Русск Обозр.", 1893, кн. XI, стр 391 394. 15) *[illegible]*. Журн. замѣтки.—„Саратовск. Дневн.", 1893, №№ 141 и 225. 16) Отъ редакціи. О нѣкоторыхъ полемическ. пріемахъ.- „Сѣверн. Вѣстн.", 1893, кн. VIII, стр. 118 121. 17) *Чуйко*, В. В Письмо въ ред —„Сѣверн. Вѣстн.", 1893, кн. Х, стр. 157—165. (*[illegible]*. В[illegible]скій, А. Л. Книга великаго гнѣва, Спб., 1904, стр 511 519) (*[illegible]* „Вѣстн. Европы", 1893, см выше, № 7). 18) *Буренинъ*, В. П. Критич. очерки.—„Нов. Время", 1894. № 6795. 19) *Ив.—кій*, И. Письма о журнальн критикѣ. „Одесск. Новости", 1894, № 2939. 20) О[illegible] критикъ. „Саратовск. Дневникъ", 1894, № 252. 21) *[illegible]*, И. Письмо въ ред.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1894, кн. XII, стр. 410. 22) Д И. „Кавказъ", 1897, № 37. 23) „Русск. Мысль", 1897, кн. V, стр. 239 240. *Н. С. Лѣсковъ* (Спб., 1898) „Русск. Мысль", 1899, кн. V, стр. 166. *Новые [illegible]* 1) *[illegible]*, Я. Философскій ежегодникъ за 1893 г., М., 1894. 2) *[illegible]*, А. Столичн печать. „Колосья", 1893, № 10, стр. 161—162. 3) *Буренинъ*, В. Критич. очерки. — „Нов. Время", 1893, №№ 6305 и 6433. 4) *[illegible]*, М. Письма о литературѣ.—„Русск. Мысль", 1893, кн. XII, стр. 225—227. 5) *[illegible]*, М. Ребяческій идеализмъ. „Русск. Богат.", 1893, кн. IX, стр. 69—78. 6) Обзоръ журналовъ. „Странникъ", 1893, кн. IX стр. 182 183. 7) *К—скій*, М. Журн. хроника „Сынъ Отечества", 1893. № 246. *[illegible]* 1) „Русск. Мысль", 1890, кн. XII. стр. 560 561. 2) „Русск. Богат.", 1890, кн. XI. стр. 236. *Русская критика* (см. также *Литерат. замѣтки* и отдѣлъ періодическ. изданій, 1897 г.): 1) *Энгельгардтъ*, Н. Критика русск. самосознанія. „Книжки „Недѣли", 1896, кн. I—III. 2) *Скабичевскій*, А. Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ.—„Нов. Слово", 1896, кн. VI, мартъ, и Одичаніе современн. молодежи - Сочиненія, 3-е изд., т. II, Спб., 1903, стр. 519 538. 3) *[illegible]*, М. Критик-декадентъ.—„Русск. Мысль", 1896, кн. III, стр. 153 175, и Критич. статьи, М., 1902, стр. 464 -500. 4) *В. В. Ч.*—„Всемірн. Иллюстрація", 1897, т. I, № 4, стр. 81. 5) *[illegible]*, Н. (*[illegible]*). Судьбы русск. критики. „Нов. Слово", 1897, кн. VII, апр., и За двадцать лѣтъ. Спб., 1905; 2-е изд., Спб., 1906, стр. 133—301; 3-е изд., Спб., 1909. *Современная [illegible]* 1) *[illegible]*, С. Сочиненія, т. V, вып. XIV, [illegible]. М., 1901. 2) „Бессарабецъ", 1901. 18 ноября. 3) „Донъ", [illegible], 1901, 29 ноября. 4) „[illegible]", 1901, 29 ноября. 5) „Кіевск. Газета", 1901, 20 ноября. 6) „Курьеръ", 1901, 14 и 15 ноября. 7) *[illegible]*, В. Ф. Литерат. жизнь.—„Литерат. Вѣстн.", 1901, т II, кн VIII, стр 345 352. 8) „Московск. Листок", 1901, ноябрь. 9) „[illegible] Листокъ", 1901, 19 и 21 ноября. 10) Москва. (По телеграфу).—„Нов Время", 1901, 14 ноября. 11) „Нов Время", 1901, 16 ноября. 12) „Новости", 1901, 17 ноября. 13) Лекція г. Волынскаго.—„Новости Дня", 1901, 14 ноября. 14) Лекція г. Волынскаго. — „Новости Дня", 1901, 15 ноября. 15) *[illegible]* Гедда Габлеръ и г. Волынскій. „Новости Дня", 1901, № [illegible]. 16) „Одесск. Листокъ", 1901, 18 ноября. 17) „Одесск. Листок", 1901, 3 дек. 18) *Молоствовъ*, Н. Г. Лекція А. Л. Волынскаго.—„Прибалтійск. Край", 1901, 20 ноября. 19) [illegible].—„Прибалтійск. Край", 1901, 29 ноября. 20) *Молоствовъ*, Н. Г. Новогодній сочельникъ и отвѣть „Нов. Времени".—„Прибалтійск. Край", 1901, ноябрь. 21) *[illegible]*, Г. Письмо въ ред „Прибалтійск. Край", 1901, ноябрь. 22) *[illegible]*, Вс. Е. По поводу лекціи Волынскаго въ Ригѣ. „Прибалтійск. Край", 1901, ноябрь-декабрь. 23) „Рижск. Вѣстн.", 1901, ноябрь. 24) Лекція [illegible] 1901, 18 ноября. 25) Лекція А. Л. Волынскаго. — „Русск. Лист.", 1901, 14 ноября. 26) *[illegible]*, С. [illegible] г. Волынскаго. „Русск. Лист.", 1901, 15 ноября. 27) Лекція А. Л. Волынскаго. „Русск. Слово", 1901, 14 ноября. 28) *[illegible]*, А. Письмо въ ред - „Русск. Слово", 1901, 16 ноября. 29) *[illegible]*, С. [illegible]. Бѣдный [illegible]. „Русск. Слово", 1901, ноябрь. 30) Тагъ говоритъ... Волынскій.—„Русск. Слово", 1901, ноябрь. 31) „Саратовск. Лист.", 1901, 21 ноября. 32) „Сѣверн. Край", 1901, 17 ноября. 33) „Сѣверо-Запад. Слово", 1901, 20 ноября. 34) „Южн. Обозрѣніе", 1901, 17 ноября. 35) *[illegible]*. „Южн. Край", 1901, 15 и 23 ноября 36) „Южн. Курьеръ", 1901, 20 ноября. 37) *[illegible]*, А. Литерат. жизнь.—„Литерат. Вѣстн.", 1902, т. III, кн. II, стр. 216—217. 38) „Прибалтійск. Край", 1902, № 29. (По поводу отзыва о лекціи Волынскаго „Литерат. Вѣстн.", 1901, кн. VIII). 39) *Молоствовъ*, Н. Г. Борьба за идеализмъ. Рига, 1902. 2-е дополн. изд., Спб., 1903. *[illegible]* 1) А. „Жизнь", 1901, кн. III, стр. 325. 2) *Липовскій*, А.—„Литерат. Вѣстн.", 1901, т. I, кн. IV, стр. 457—460. 3) „Русск. Богат.", 1901, кн. VIII, стр. 44—50.

IV. Рецензіи о переводахъ и вступительныхъ статьяхъ къ нимъ.

Вагнеръ, Р. Моя жизнь: 1) *[illegible]*, Е. „Русск. Мысль", 1912, кн. VI, стр. 228. 2) *Вальтеръ*, В.—„Современ. Міръ", 1912, кн. V, стр. 314. *[illegible]*, О. Поль и характеръ: 1) „Биржев. Вѣд.", 1908, № 10845. 2) *[illegible]*, О.—„Истор. Вѣстн.", 1908, кн Х, стр. 308 309. 3) *[illegible]*. „Образованіе", 1908, кн XI, стр 82. 4) *[illegible]*, Г.—„Правда Жизни", 1908, № 3. *Кант*, И. Грезы духовидца, поясненныя грезами метафизики: 1) „Вопросы философіи и психологіи", 1904, кн. IV. 2) *[illegible]*, Е.—„Нов. Путь", 1904, кн. IV, стр. 225. 3) „Русск. Мысль", 1904, кн. IV, стр. 120. 4) „Русск. Вѣд.", 1904, № 74. *[illegible]*, Е. Переписка: 1) *[illegible]*, В.—„Вопросы философіи и психологіи", 1891, кн VII, стр. 76—83. 2) „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія", 1891, кн. V, отд. II, стр. 203—204. 3) *Л. Ю.* „Русск Богат.", 1891, кн III, стр. 235. 4) *[illegible]*, Э. Нѣсколько замѣчаній о Спинозѣ.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1891, кн. VI, стр. 199.

З. Н. Гиппіусъ-Мережковская.

(Антонъ Крайній.)

Сочиненія З. Н. Гиппіусъ.

I. Поэзія и беллетристика.

А. Произведенія, изданныя отдѣльно.

1) **Злосчастная.** (Простая жизнь). Разск., М., 1892, 16°, стр. 36, 12.000 экз.; 2-е изд., М., 1894, 16°, стр. 36, 12.000 экз.; 3-е изд., М., 1895, 16°, стр. 36, 13.000 экз.; 5-е изд., М., 1896, 16°, стр. 36, 12.000 экз.; 6-е изд., М., 1904, 16°, стр. 32, 30.000 экз.; 7-е изд., М., 1911, 16°, стр. 46, 24.000 экз. 2) **Новые люди.** Разсказы. Спб., 1896, 8°, стр. 452, 1.200 экз.; 2-е изд., М. В. Пирожкова, Спб., 1907, 8°, стр. 2 + 432, 5.000 экз. (*Содерж.*: Яблони цвѣтутъ.—Ближе къ природѣ.—Богиня.—Простая жизнь.—Голубое небо.—Суврѣ[illegible].—Месть.—Легенда.—Цыганка.—Время.—Свѣтъ.—Отлонкій.—Мисс Май.—Стихотвореніе). 3) **Зеркала.** Вторая книга разск. Изд. Н. Геренштейна, Спб., 1898, 8°, стр. 504. 1.150 экз. (*Содерж.*: Зеркала.—Вѣдьма.—Живые и мертвые.—Родина. Утро дней.—Луна.—Сказ[illegible]

творенія.—Златоцвѣтъ). 4) **Третья книга разсказовъ.** Изд. А. Коленкскаго, Спб., 1902, 8°, стр. I—466, 1.000 экз. (*Содерж.*: Сумерки духа.—Кабанъ.—Комета.—Слишкомъ раннiе.—Святая плоть.—Святая кровь). 5) **Собраніе стиховъ.** (1889—1903 гг.). Изд. „Скорпіона", М., 1904, 8°, стр. VI+174+III, 1.200 экз.; кн. II (1903—1909 гг.), изд. „Мусагета", М., 1910, 8°, стр. 119, 1.000 экз. 6) **Алый мечъ.** Четвертая книга разск. Изд. М. В. Пирожкова, Спб., 1906, 8°, стр. I—480, 3.000 экз. (*Содерж.*: Алый мечъ.—Небесныя слова.—Законъ.—Сумасшедшая.—Вымыселъ.—Босякъ.—Внѣ времени.—Въ четвергъ.—Все къ худу.—Тварь.—Свѣтлое озеро.—Suor Maria). 7) **Черное по бѣлому.** Пятая книга разск. Изд. М. В. Пирожкова, Спб., 1908, 16°, стр. 270, 3.000 экз. (*Содерж.*: Не знаменіе (1904). Обыкновенная вещь (1904).—Въ казармѣ (1904).—На верёвкахъ (1904).—Нитишъ (1903).—Влюбленные (1903).—Странничекъ (1903).—Вѣчная „женскость" (1903).—Не то. Ненужная исторія (1905).—Двое-одинъ (1906).—Сокатилъ (1906).—Иванъ Ивановичъ и чортъ (1905). 8) **Маковъ цвѣтъ.** Драма. Изд. М. В. Пирожкова, Спб., 1908, 16°, стр. 216, 2.000 экз. (Совмѣстно съ Д. С. Мережковскимъ и Д. В. Философовымъ). 9) **Чортова кукла.** Жизнеописаніе въ 33-хъ главахъ. Изд. „Московск. книгоиздательства", М., 1911, 8°, стр. V—223, 2.500 экз. 10) **Лунные муравьи.** Шестая книга разск. Изд. „Альціоны", М., 1912, 8°, стр. 221, 1.200 экз. (*Содерж.*: Лунные муравьи. Онъ—бѣлый.—Женское. Былъ и такой.—Увѣренная.—Дверь.—Застѣнные.—Нѣтъ возврата.—Земля и Богъ.—Приказчикъ. Подслушанныя слова.—Они похожи). 11) **Романъ-царевичъ.** Исторія одного начинанія. Изд. Московск. книгоиздательства, М., 1913, стр. 279.

Б. Произведенія (за исключеніемъ отдѣльныхъ стихотвореній), напечатанныя въ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ.

12) Злосчастная. (Простая жизнь). Разск.—„Вѣстн. Европы", 1890, кн. VII, стр. 32. 13) Одинокій. Разск.—„Вѣстн. Европы", 1891, кн. V, стр. 170. 14) Въ Москвѣ. Разск.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1891, кн. III, стр. 133—148. 15) Два сердца. Разск.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1892, кн. III, стр. 225—251. 16) Слова, слова... Разск.—„Трудъ", 1892, № 4. 17) Ненадолго. Разск.—„Вѣстн. Европы", 1893, кн. IV, стр. 701—711. 18) Ближе къ природѣ. Разск.—„Вѣстн. Европы", 1893, кн. IV, стр. 711—730. 19) Легенда нашихъ дней. Разск.—„Путь-дорога", сборн., М., 1893, стр. 343—360. 20) Костино мщеніе. Разск.—„Русск. Мысль", 1893, кн. XI, стр. 107—123. 21) Непріятное воспоминаніе. Разск.—„Трудъ", 1893, № 2. 22) Богиня. Разск.—„Трудъ", 1893, № 8. 23) Тетя Лиза. Изъ семейной хроники.—„Трудъ", 1893, № 12. 24) Люди братья. Разск.—„Русск. Мысль", 1894, кн. XI, стр. 86—120. 25) Въ гостиной и людской. Разск.—„Вѣстн. Европы", 1895, кн. III, стр. 91—140. 26) Миссъ Май. Разск.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1895, кн. X, стр. 1—34. 27) Безъ талисмана. Ром.—„Наблюдатель", 1896, кн. V—IX. 28) Златоцвѣтъ. Петерб. новелла.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1896, кн. II, стр. 222—260; кн. III, стр. 1—40; кн. IV, стр. 149—184. 29) Зеркала. Разск.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1896, кн. XI, стр. 1—47. 30) Святая. Разск.—„Всемірн. Иллюстрація", 1897, т. I, № 16, стр. 359—360. 31) Среди мертвыхъ. Разск.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1897, кн. III, стр. 43—63. 32) Въ родную семью. Разск.—„Вѣстн. Европы", 1898, кн. III, стр. 177. 33) Побѣдители. Ром.—„Живоп. Обозр.", 1898, № 1. 34) Сумерки духа. Ром.—„Жизнь", 1900, кн. V—VII. 35) Чистая сердцемъ. Разск.—„Міръ Божій", 1901, кн. VIII, стр. 146. 36) Святая кровь. Драма.—„Сѣверн. Цвѣты на 1901 г.", альманахъ, изд. „Скорпіона". 37) Небесныя слова. Разск.—„Сѣверн. Цвѣты на 1902 г.", альманахъ, изд. „Скорпіона". 16. 38) Сумасшедшая. Пов.—„Нов. Путь", 1903, кн. II, стр. 71—105. 39) Къ худу. Разск.—„Нов. Путь", 1903, кн. X, стр. 1—11. 40) Месса. Картинка.—„Сѣверн. Цвѣты на 1903 г.", альманахъ, изд. „Скорпіона", стр. 65—73. 41) Свѣтлое озеро. Дневникъ.—„Нов. Путь", 1904, кн. I, стр. 151—180, кн. II, стр. 16—47. 42) Босякъ. Разск.—„Нов. Путь", 1904, кн. X, стр. 88—119. 43) Suor Maria. Разск.—„Нов. Путь", 1904, кн. XI, стр. 153—204. 44) Тварь. Ночная идиллія. Разск.—„Сѣверн. Цвѣты Ассирійскіе на 1904—1905 гг.", альманахъ, изд. „Скорпіона", стр. 79—93. 45) Водоскатъ (13 стих.).—„Вѣсы", 1906, кн. III—IV, стр. 3—18. 46) Не то. Ненужная исторія. Разск.—„Вѣсы", 1906, кн. VI, стр. 15—38. 47) Мѣнрушка. Разск.—„Вѣсы", 1906, кн. X, стр. 17—37. 48) Иванъ Ивановичъ и чортъ. Разск.—„Золот. Руно", 1906, № 2. 49) Нѣтъ и да. Сцены.—„Золот. Руно", 1906, № 7—9. 50) Сокатилъ. Разск.—„Вѣсы", 1907, кн. VIII, стр. 17—24. 51) Черное по бѣлому. Разск.—„Русск. Мысль", 1907, кн. II, стр. 57. 52) Маковъ цвѣтъ. Драма.—„Русск. Мысль", 1907, кн. XI, стр. 94. (Совмѣстно съ Д. С. Мережковскимъ и Д. В. Философовымъ). 53) Былъ и такой. Разск.—„Русск. Мысль", 1908, кн. IV, стр. 1. 54) Женское. Разск.—„Русск. Мысль", 1909, кн. III, стр. 12. 55) Приказчикъ. Разск.—„Русск. Мысль", 1910, кн. I, стр. 1. 56) Чортова кукла. Жизнеописаніе въ 33-хъ главахъ.—„Русск. Мысль", 1911, кн. I, стр. 47; кн. II, стр. 44; кн. III, стр. 49. 57) Шумъ смерти. Разск.—„Сѣверн. Цвѣты на 1911 г.", альманахъ, изд. „Скорпіона", стр. 123—132. 58) Современное Рождество. Разск.—„Нов. Жизнь", 1912, кн. V. 59) Романъ-царевичъ. (Исторія одного начинанія).—„Русск. Мысль", 1912, кн. IX, стр. 70; кн. X, стр. 1; кн. XI, стр. 49; кн. XII, стр. 2.

II. Критика, искусство и публицистика.

А. Произведенія, изданныя отдѣльно.

60) **Le Tsar et la Révolution.** Paris, 1907. (Совмѣстно съ Д. С. Мережковскимъ и Д. В. Философовымъ; Гиппіусъ принадлежатъ двѣ статьи: О насиліи и Въ чемъ сила самодержавія?) 61) **Литературн. дневникъ** (1899—1907). Изд. М. В. Пирожкова, Спб., 1908, 16°, стр. VIII—453, 3.000 экз. (*Содерж.*: Два слова раньше (1908).—Хлѣбъ жизни (1901).—Критика любви (1900).—Современ. искусство (1903).—Послѣдняя беллетристика (1903).—Читаю книги (1903).—Два зѣфра (1903).—Я? Не я? (1903). Слово о театрѣ.—Вѣчный жидъ (1904).—Нужны ли стихи? (1904). Выборъ мѣшка.—Влюбленность (1904). О пошлости.—Что и какъ? (1904).—Согласнымъ критикамъ (1904).—Лѣтнія размышленія (1904). Бытъ и событія (1904).—Всѣ противъ всѣхъ (1905).—Декадентство и общественность (1905).—Безъ міра (1906).—Проза поэта (1906).—Тварное (1907).—Человѣкъ и болото (1907).—На острiѣ (1907).—Бѣдный городъ (1907).—Парижскія фотографіи (1907).

Б. Произведенія (за исключеніемъ рецензій), напечатанныя въ періодическихъ изданіяхъ.

62) Двѣ драмы А. Толстого.—„Міръ Искусства", 1899, № 5, стр. 34—35. 63) На берегу Іонийскаго моря.—„Міръ Искусства", 1899, № 7—8, стр. 129—138; № 9, стр. 139—158; № 10, стр. 159—174; № 11—12, стр. 186—194. 64) Торжество въ честь смерти. (Минскій. „Альма").—„Міръ Искусства", 1900, № 17—18, стр. 85—94. 65) Критика любви. (А. Добролюбовъ).—„Міръ Искусства", 1901, № 1. 66) Хлѣбъ жизни.—„Міръ Искусства", 1901, № 11—12, стр. 323—334. 67) Послѣдняя беллетристика. (Боборыкинъ, Альбовъ, Л. Андреевъ).—„Нов. Путь", 1903, кн. II, стр. 184—187. 68) О Сиренѣ изъ „Міра Искусства".—„Нов. Путь", 1903, кн. II, стр. 197—198. 69) О чортѣ, корректорахъ и критикахъ.—„Нов. Путь", 1903, кн. II, стр. 199—201. 70) Читаю книги.—„Нов. Путь", 1903, кн. III, стр. 224—227. 71) Весна пришла. (Поэзія Галиной).—„Нов. Путь", 1903, кн. IV, стр. 174—177. 72) Кого жалко? (Меньшиковъ, Розановъ, Лухманова).—„Нов. Путь", 1903, кн. IV, стр. 179—184. 73) Два зѣфра. (Альманахи изд. „Скорпіона" и „Грифа").—„Нов. Путь", 1903, кн. VI, стр. 227—232. 74) Я? Не я? (Будищевъ, Амфитеатровъ).—„Нов. Путь", 1903, кн. VII, стр. 247—258. 75) Слово о театрѣ.—„Нов. Путь", 1903, кн. VIII, стр. 228—235. 76) Вѣчный жидъ. (В. В. Розановъ).—„Нов. Путь", 1903, кн. IX, стр. 241—244. 77) Г. Протопоповъ и красота.—„Нов. Путь", 1903, кн. IX стр. 244—245. 78) Нужны ли стихи?—„Нов. Путь", 1903, кн. IX, стр. 246—254. 79) I. Выборъ мѣшка. II. Углекислота. (М. Горькій).—„Нов. Путь", 1904, кн. I, стр. 254—261. 80) Н. К. Михайловскій. (Некрологъ).—„Нов. Путь", 1904, кн. II, стр. 279—280. 81) Влюбленность. (О статьѣ Мережковскаго: „Новый Вавилонъ").—„Нов. Путь", 1904, кн. III, стр. 180—192. 82) Еще о пошлости.—„Нов. Путь", 1904, кн. IV, стр. 238—243. 83) Что и какъ? (I. Вишневые сады. II. Трагизмъ).—„Нов. Путь", 1904, кн. V, стр. 251—267. 84) Согласнымъ критикамъ. (Объ отзывѣ Волынскаго о „Свѣтломъ озерѣ").—„Нов. Путь", 1904, кн. VII, стр. 243—248. 85) Лѣтнія размышленія (Л. Андреевъ).—„Нов. Путь", 1904, кн. VII, стр. 248—253. 86) Бытъ и событія.—„Нов. Путь", 1904, кн. IX, стр. 280—292. 87) Изъ записной книжки.—„Нов. Путь", 1904, кн. IX, стр. 301—305. 88) Бѣдный городъ. (Парижъ).—„Вѣсы", 1906, кн. VIII, стр. 35—39. 89) Иванъ Александровичъ-неудачникъ. (Г. Чулковъ).—„Вѣсы", 1906, кн. VIII, стр. 48—51. 90—91) Безъ міра. (Сборники „Сво-

бодная совѣсть" и „Вопросы религіи").— „Вѣсы", 1907, кн. I, стр. 57—65. 92) Парижскія фотографіи.— „Вѣсы", 1907, кн. II, стр. 61—68. 93) Проза поэта. (В. Брюсовъ).— „Вѣсы", 1907, кн. III, стр. 69—71. 94) Тварное. (Б. Зайцевъ).— „Вѣсы", 1907, кн. III, стр. 71—73. 95) Человѣкъ и болото. (Л. Андреевъ).— „Вѣсы", 1907, кн. V, стр. 53—58. 96) Нѣсколько (Сергѣевъ-Ценскій).— „Вѣсы", 1907, кн. V, стр. 58—61. 97) [illegible].— „Вѣсы", 1907, кн. VI, стр. 47—51. 98) Братскія могилы. (Л. Андреевъ, Зиновьева-Аннибалъ и др.). (Съ послѣсловіемъ редакціи).— „Вѣсы", 1907, кн. VII, стр. 57—64. 99) Анекдотъ объ испанскомъ королѣ.— „Вѣсы", 1907, кн. VIII, стр. 72—74. 100) Письмо въ ред.— „Вѣсы", 1907, кн. IX, стр. 74—75. 101) Рѣчь (Сборники „Шиповникъ", кн. III, „Земля", кн. I, „Факелы", кн. III, „Нов. Слово", кн. II).— „Вѣсы", 1908, кн. II, стр. 73—76. 102) Добрый хлѣбъ. (О современныхъ настроеніяхъ).— „Образов.", 1908, кн. VII. 103) [illegible] (О готовомъ вопросѣ).— „Образов.", 1908, кн. VIII. 103а) Открытому слуху.— „Правда Жизни", 1908, № 4. 104) Изъ дневника журналиста. (Бердяевъ, Толстой, Плехановъ, Розановъ).— „Русск. Мысль", 1908, кн. II, стр. 15[illegible]. 104а) Слезинка Передонова. То, чего не знаетъ Ѳ. Сологубъ.— „Рѣчь", 1908, № 273. 105) Свой. (В. Брюсовъ человѣкъ поэзіи).— „Русск. Мысль", 1910, кн. II, стр. 14—21. 106) О литературной прозѣ.— „Русск. Мысль", 1910, кн. XI, стр. 179—184. 107) Мысли Л. Толстого. Слово Л. Толстого.— „Русск. Мысль", 1910, кн. XII, стр. 106—1[illegible]8. 108) Разочарованія и предчувствія (Литература въ 1910 году).— „Русск. Мысль", 1910, кн. XII, стр. 175—184. 109) Альманахи.— „Русск. Мысль", 1911, кн. I, стр. 188. 110) Книги, читатели и писатели.— „Русск. Мысль", 1911, кн. IV, стр. 1. 111) Литератур. дневникъ.— „Русск. Мысль", 1911, кн. VI, стр. 15. 112) Литература лѣтомъ.— „Русск. Мысль", 1911, кн. IX, стр. 1. 113) Въ литературѣ.— „Русск. Мысль", 1911, кн. XI, стр. 26. 114) Жизнь и литература.— „Нов. Жизнь", 1912, кн. XI и XII. 115) Что пишутъ? (Ищущіе Бога. Мечты о жизни и мечты о смерти.— Мистика Л. Андреева.— Ремизовская „свѣчечка").— „Русск. Мысль", 1912, кн. I. 116) Литераторы и литература.— „Русск. Мысль", 1912, кн. V, стр. 1. 117) Беллетр. волны.— „Русск. Мысль", 1912, кн. VIII, стр. 25. 118) Пришвинъ и Ѳ. Сологубъ. (По поводу пьесы: „Заложники жизни").— „Русск. Мысль", 1912, кн. XII, стр. 18. 119) Жизнь и литература.— „Нов. Жизнь", 1913, кн. I и II. 120) Журнальная беллетристика.— „Русск. Мысль", 1913, кн. IV. 121) Открытое письмо въ ред. „Русск. Мысли".— „Русск. Мысль", 1914, кн. V.

Сотрудничала также въ „Mercure de France".

III. Переводы.

122) *Франсъ, А.* Рике. Разск.— „Нов. Путь", 1904, кн. VIII, стр. 171—178.

Литература о З. Н. Гиппіусъ.

I. Книги.

1) *Абрамовичъ, Н. Я.* Лирика З. Гиппіусъ.— Въ осеннихъ садахъ. Литература сегодняшняго дня, М., 1909, стр. 137—145. 2) *Александровичъ, Ю.* Радость жизни. Реакція въ литературѣ и жизни.— Послѣ Чехова, т. I, М., 1908, стр. 61—85, 151—195; т. II, М., 1909. 3) *Александровичъ, Ю.* Исторія новѣйшей русской литературы, ч. I, Чеховъ и его время, М., 1911. 4) *Аничковъ, Е. В.* Поэты „Скорпіона".— Литерат. образы и мнѣнія, Спб., 1904, стр. 143—184. 5) *[illegible], А.* Годы перелома, Спб., 1908. 6) *Брюсовъ, В. Я.* Женщины-поэты.— Далекіе и близкіе, М., 1912, стр. 149—150. 7) *Бѣлый, А.* Арабески, М., 1911, стр. 437—447. 8) *Венгеровъ, С. А.* Основныя черты исторіи новѣйшей русск. литературы, 2-е изд., съ прибавленіемъ этюда „Побѣдители или побѣжденные?", Спб., 1909. (*Перепеч.:* Собраніе сочиненій, т. I, Спб., 1911). 9) *Венгеровъ, С. А.* Собраніе сочиненій, т. I. Героическій характеръ русской литературы, Спб., 1911. 10) „Вершины", сборн., изд. „Прометей", Спб., 1909, стр. 399—421 (*[illegible]скій.* Модернистское похмелье). 11) *Волынскій, А. Л.* Современ. русск. беллетристика.— Борьба за идеализмъ, Спб., 1900, стр. 297—310. 12) *Волынскій, А. Л.* Современ. русск. беллетристика. Современ. русск. поэзія. Стихи.— Книга великаго гнѣва, Спб., 1904, стр. 167—199, 200—217, 436—445. 13) Галлерея русскихъ писателей, изд. Скирмунта, М., 1901, стр. 515. 14) Галлерея русск. писателей и художниковъ, состав. *И. Игнатовъ*, изд. П. О. Мертца, Спб., 1901, стр. 91. 15) *Гленскій, Б. Б.* Болѣзнь или реклама?— Очерки русск. прогресса, Спб., 1900, стр. 388—422. 16) *[illegible], А.* Религія. Психологическія параллели, Кіевъ, 1913. 17) *Измайловъ, А.* Кривое зеркало, Спб., 1909; 2-е изд., Спб., 1910; 3-е изд., Спб., 1912. 18) *Измайловъ, А.* На переломѣ, Спб., 1908. 19) *Измайловъ, А.* Пестрыя знамена. Литерат. портреты современниковъ, М., 1913, стр. 149—160. 20) *Измайловъ, А.* Помраченіе божковъ и новые кумиры, М., 1910 (См. указ.). 21) Исторія Россіи въ XIX в., изд. т-ва Гранатъ, т. IX, М., 1911, стр. 1—116. (*Ивановъ-Разумникъ.* 80-е и 90-е годы нашей литературы). 22) Исторія русской литературы XIX в., подъ ред. *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго*, изд. т-ва „Міръ", 5 тт., М., 1908—1912. (См. указ.). 23) Книга о русскихъ поэтахъ послѣдняго десятилѣтія, подъ ред. *М. Гофмана*, Спб., 1909, стр. 173—194. (Статья *М. Гофмана*). 24) *Колтоновская, Е. А.* [illegible].— Критич. этюды, Спб., 1912, стр. 69—85. 25) „Литерат. распадъ", сборн., т. II, Спб., 1909, стр. 67—84. (*Каменевъ, Ю.* [illegible] гг. Антоновъ Крайнихъ). 26) *Михайловскій, Н. К.* Г-жа Гиппіусъ и „ступени къ новой красотѣ".— Отклики, т. I, Спб., 1904, стр. 316—332. 27) *[illegible], Н.* О вопросахъ жизни въ современ. литературѣ, М., 1902. 28) *[illegible]скій, Н.* Объ А. Крайнемъ и о нашемъ времени.— Критич. статьи, т. I, О Л. Андреевѣ, В. Брюсовѣ, Н. Минскомъ и др., Спб., 1910, стр. 235—248. 29) *Поярковъ, Н.* Поэты нашихъ дней, М., 1907, стр. 30—39. 30) *Сальниковъ, А. Н.* Русскіе поэты за сто лѣтъ, Спб., 1901, стр. 4[illegible]—457. 31) Сборникъ на помощь учащимся женщинамъ, М., 1901, стр. 279 (Біографич. свѣдѣнія). 31а) *Скабичевскій, А.* Больные герои больной литературы.— Сочиненія, 3-е изд., т. II, Спб., 1903, стр. 58[illegible]—587. 32) „Сѣверные Цвѣты на 1902 г.", альманахъ, изд. „Скорпіонъ", стр. 225. (*Волынскій, А. Л.* Современ. русск. поэзія). 33) *Чуковскій, К. И.* Лица и маски, Спб., 1914, стр. 165—177. 34) *Шагинянъ, М.* О блаженствѣ имущаго. Поэзія З. Гиппіусъ, М., 1912. (*Отз.: Львовъ.*— „Русск. Мысль", 1912, кн. VIII, стр. 1.) 35) Энциклопедич. словарь, изд. Брокгауза-Ефрона, т. XXXVII, Спб., 1896. (Статья *С. А. Венгерова.* См. Мережковскій). 36) Нов. энциклопедич. словарь, изд. Брокгаузъ Ефрона, т. XIII. (Статья *В. Брюсова*). 37) *П. Я.* (*Мельшинъ-Якубовичъ*). Русская муза, Спб., 1904; 2-е, перераб. и дополн. изд., Спб., 1908, стр. 397—398; 3-е изд., Спб., 1914.

II. Періодическія изданія.

38) *Гленскій, Б. Б.* Болѣзнь или реклама?— „Истор. Вѣстн.", 1896, кн. II, стр. 618—655. 39) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*) Критич. замѣтки.— „Міръ Божій", 1896, кн. II, стр. 254—259. 40) Современ. лѣтопись.— „Русск. Вѣстн.", 1896, кн. IV, стр. 328. 41) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь.— „Русск. Богат.", 1896, кн. III, стр. 66—81. 42) *В. Л.*— „Кавказъ", 1897, № 105. 43) *Маркизъ Тото.* Маленькій фельетонъ. Трижды великій.— „[illegible] Отголоски", 1897, № 150. 44) *Скриба* (*Андреевичъ-Соловьевъ, Е.*).— „Новости", 1897, № 334. 45) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). Критич. замѣтки.— „Міръ Божій", 1898, кн. II, стр. 6—16. 46) *Буренинъ, В.*— „Нов. Время", 1899, № 8213. 47) *Полнеръ, Т.* Критич. очерки.— „Курьеръ", 1900, № 238. 48) *Буренинъ, В.* Критич. очерки.— „Нов. Время", 1900, №№ 8784 и 8852. 49) *Андреевичъ.* Декаденты.— „Научн. Обозр.", 1901, кн. VIII. 49а) *Венгерова, З.* Русск. символизмъ въ оцѣнкѣ французск. критики.— „Новости", 1901, № 114. 50) *Волынскій, А. Л.* Современ. русская беллетристика.— „Прибалт. Край", 1901, №№ 270, 271 и 272. 51) *Надеждинъ, Н.*— „Нов. Міръ", 1902, № 92. 52) *Измайловъ, А.* Мистическая поэзія XX вѣка.— „Биржев. Вѣд.", 1903, № 604. 53) *Басаргинъ, А.* Критич. замѣтки. Поэзія и проза „Нов. Пути".— „Московск. Вѣд.", 1903, № 271. 54) *Староумъ, Н. Я.* Журн. обозрѣніе.— „Русск. Вѣстн.", 1903, кн. XI, стр. 357—359. 55) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). Критич. замѣтки.— „Міръ Божій", 1904, кн. I. 56) *Абрамовичъ, Н.* Лирика З. Гиппіусъ.— „Нов. Путь", 1904, кн. VIII, стр. 214—22[illegible]. 57) *Ашешовъ, Н.* Изъ жизни и литературы.— „Образов.", 1904, кн. IV, стр. 72. 58) *[illegible]скій, А. Н.* Современ. декадентство.— „Русск. Вѣстн.", 1904, кн. VI, стр. 586. 59) *Н.* Литератур. отголоски.— „Русск. Вѣд.", 1904, № 319. 60) *[illegible].* Что такое русск. декадентство?— „Образов.", 1905, кн. IX. 61) *[illegible], Н.* Маленькій фельетонъ.— „Нов. Время", 1907, № 112[illegible]1. 62) *Буренинъ, В.* Критич. очерки. Разговоры.— „Нов. Время", 1908, № 11543. 63) *Кадминъ, Н.* Литерат. замѣтки.— „Образов.", 1908, кн. III, стр. 37. 64) *Кранихфельдъ, В.* Литерат. отклики.— „Соврем. Міръ", 1908, кн. XI. 65) *Plyx.* Обзоръ русск. журналовъ.— „Вѣсы", 1909, кн. II. 66) *[illegible].* Письмо въ ред.— „Нов. Русь", 1909.

№ 294. 67) *Кранихфельдъ, В.* Литерат. отклики.—„Соврем. Міръ“, 1909, кн. III, стр. 84. 68) *Адриановъ, С.* Критич. наброски.—„Вѣстн. Европы“, 1912, кн. IV. 69) *Малахіевъ-Мирковичъ, В.* О смерти въ современ поэзіи.—„Завѣты“, 1912, кн. VII, окт., стр 98 108. 70) *Васильевъ, Ю.* „Мертвыя души“. (Исканіе „современной души“ въ романахъ З. Гиппіусъ и М. Криницкаго).—„Путь“, 1912, кн. X—XI, стр. 76 82. 71) *Лундбергъ, Е.* Поэзія З. Гиппіусъ.—„Русск. Мысль“, 1912, кн. XII, стр. 55—66. 72) *Чуковскій, К.* „Русск. Мысль“ и романы Брюсова, Гиппіусъ и Мережковскаго.—„Аполлонъ“, 1913, кн. II. 73) *Лундбергъ, Е.* Проза и поэзія З. Гиппіусъ.—„Завѣты“, 1913, кн. I.

III. Статьи и рецензіи о произведеніяхъ.

Алый мечъ: 1) *Бѣлый, А.*—„Вѣсы“, 1906, кн. IX. 2) *Колтоновская, Е. А.*—„Образов.“, 1906, кн. IX, стр. 94. 3) *Абрамовичъ, Н.*—„Соврем. Міръ“, 1906, кн. X. 4) *В., Ю.*—„Русск. Вѣд.“, 1907, № 115. 5) *Бѣлый, А.* Арабески, М., 1911, стр 437—441. *Богиня:* Б., А. (*Богдановичъ*). Критич. замѣтки.—„Міръ Божій“, 1896, кн. II, стр. 254—259. *Былъ и такой:* *Измайловъ, А.*—„Биржев. Вѣд.“, 1908, № 10554. *Влюбленность:* *Старожилъ, Н. Я.* Журн. обозрѣніе.—„Русск. Вѣстн.“, 1904, кн. IV, стр. 749—754. *Въ родную семью:* „Русск. Мысль“, 1898, кн. V, стр 211. *Зеркала:* 1) Литерат. лѣтопись. „Книжки „Недѣли“, 1896, кн. XII, стр. 315—317. 2) *Сементковскій, Р. И.*—„Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1896, кн. XII, стр. 925—926. 3) *М.*—„Всемірн. Иллюстрація“, 1897, № 25, стр. 609. 4) „Кавказъ“, 1897, № 332. 5) *Omnibus.* Общественн. жизнь. Декадентскія вѣянія.—„Народъ“, 1897, № 347. 6) *Old Gentleman* (*Амфитеатровъ, А.*).—„Нов. Время“, 1897, № 7827. 7) *Скабичевскій, А.*—„Нов. Слово“, 1897, кн. IV, янв, стр. 150 155, и Больные герои больной литературы.—Сочиненія, 3-е изд., т. II, Спб., 1903, стр. 582—587. 8) „Одесск. Новости“, 1897, № 4178. 9) Литерат. обозрѣніе.—„Вѣстн. Европы“, 1898, кн. I. 10) „Живоп. Обозр.“, 1898, № 3. 11) *Венгерова, З.*—„Mercure de France“, 1898. 12) *Б., А.* (*Богдановичъ*). Критич. замѣтки.—„Міръ Божій“, 1898, кн. II, стр. 6—10. 13) *Прокоповичъ, М.*—„Одесск. Новости“, 1898, № 4276. 14) „Русск. Мысль“, 1898, кн. I, стр. 4. 15) „Русск. Богат.“, 1898, кн. V, стр. 36—39. 16) *Скабичевскій, А.*—„Сынъ Отечества“, 1898, №№ 14 и 21. 17) *Волынскій, А.*—„Сѣверн. Вѣстн.“, 1898, кн. VIII—IX. 18) *Волынскій, А. Л.* Борьба за идеализмъ, Спб., 1900, стр. 397—401. *Злосчастная:* 1) „Русск. Мысль“, 1890, кн. VIII, стр. 392. 2) *Волынскій, А.* Литерат. замѣтки.—„Сѣверн. Вѣстн.“, 1890, кн. X, стр. 153—156. 3) „Сѣверн. Вѣстн.“, 1893, кн. III, стр. 62. *Литерат. дневникъ:* 1) *Бѣлый, А.*—„Вѣсы“, 1908, кн. III, стр. 86—89. 2) *Л.* (*Лернеръ, Н.*).—„Истор. Вѣстн.“, 1908, кн. XI. 3) *Кадминъ, Н.* Литерат. замѣтки.—„Образов.“, 1908, кн. III, стр. 37. 4) *Абрамовичъ, Н. Я.* „Позлащенные сады“ молодой поэзіи и беллетристики.—Въ осеннихъ садахъ. Литература сегодняшняго дня, М., 1909, стр. 98—100, а также стр. 35 36. 5) *Бѣлый, А.* Арабески, М., 1911, стр. 441—445. *Лунные муравьи:* 1) *Чеботаревская.*—„Нов. Жизнь“, 1912, кн. V. 2) „Путь“, 1912, кн. VIII 3) *С., Б.* (*Садовской, Б. А.*).—„Современ.“, 1912, кн. V. *Маковъ цвѣтъ:* 1) *Измайловъ, А.* Что новаго въ литературѣ? „Биржев. Вѣд.“, 1908, № 10284. 2) *Г., М.* (*Гершензонъ, М.*). Литерат. обозрѣніе.—„Вѣстн. Европы“, 1908, кн. VII. 3) *Боцяновскій, В. Ѳ.* Усталые.—„Русь“, 1908, № 31. 4) *Кл., Е.* (*Колтоновская*).—„Рѣчь“, 1908, № 139. 5) *Кранихфельдъ, В. П.* Литерат. отклики.—„Соврем. Міръ“, 1908, кн. I, стр. 85—95. *Не то. Ненужная исторія:* *Скифъ, Н.* Журн. и литерат. обозрѣніе.—„Русск. Вѣстн.“, 1905, кн. IX, стр. 313—347. *Новые люди:* 1) *Б., А* (*Богдановичъ*). Критич. замѣтки.—„Міръ Божій“, 1896, кн. II, стр. 254—259. 2) *Скабичевскій, А.* Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ.—„Нов. Слово“, 1896, кн. VI, апр., стр. 60—85. 3) „Русск. Мысль“, 1896, кн. II, стр. 51—52. 4) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь.—„Русск. Богат.“, 1896, кн. III, стр. 66 81. 5) *Михайловскій, Н. К.* Г-жа Гиппіусъ и „ступени къ новой красотѣ“.—Отклики, т. I, Спб., 1904, стр. 316—332. 6) *Колтоновская, Е. А.*—„Образов.“, 1907, кн. I, стр. 132—136. 7) *В., Ю.*—„Русск. Вѣд.“, 1907, № 115. 8) „Рѣчь“, 1907, № 3. *Одинокій:* 1) „Русск. Мысль“, 1891, кн. VI, стр. 291. 2) *Волынскій, А.* Литерат. замѣтки.—„Сѣверн. Вѣстн.“, 1891, кн. VI, стр. 204—206. *Открытое письмо въ ред. „Русск. Мысли“:* *П. Струве.* Религія и общественность. Отвѣтъ З. Н. Гиппіусъ.—„Русск. Мысль“, 1914, кн. V. *Простая жизнь:* см. *Златосвѣтная.* *Романъ-царевичъ:* 1) *Измайловъ, А.*—„Биржев. Вѣд.“, 1913, № 13630. 2) „Русск. Богат.“, 1913, кн. IX *Свѣтлое озеро.* *Волжскій.* Литерат. отголоски. Объ искавшихъ и ищущихъ.—„Журн. для всѣхъ“, 1904, кн. VI, стр. 363—369. (*Отвѣтъ* Гиппіусъ: Согласнымъ критикамъ.—„Нов. Путь“, 1904, кн. VII, стр. 243—248, и Литерат. дневникъ, Спб., 1908, стр. 261—270). *Святая кровь:* 1) „Бирж. Вѣд.“, 1901, № 140. 2) *Анд—ичъ.* Декаденты.—„Научн. Обозр.“, 1901, кн. VIII. 3) *Бѣлый, А.* Десятилѣтіе „Сѣверн. Цвѣтовъ“.—„Русск. Мысль“, 1911, кн. X, стр. 22. *Собраніе стиховъ:* 1) *Ю—въ.*—„Нов. Время“, 1903, № 9968, прилож. 2) *Волынскій, А. Л.* Стихи.—Книга великаго гнѣва, Спб., 1904, стр. 433—435. 3) *Брюсовъ, В.* Европейская литература въ 1904 г. I. Россія.—„Вѣсы“, 1904, кн. IX. 4) *Лохвицкій, А. М.*—„Литерат. Вѣстн.“, 1904, т. VII, кн. I, стр. 89—90. 5) *Б., А.* (*Богдановичъ*).—„Міръ Божій“, 1904, кн. I, стр. 82. 6) *Д. Л.*—„Московск. Вѣд.“, 1904, № 10. 7) *Абрамовичъ, Н.* Лирика З. Гиппіусъ.—„Нов. Путь“, 1904, кн. VIII, стр. 214—222. 8) „Русск. Мысль“, 1904, кн. VII, стр. 206. 9) *М—въ, М.*—„Русск. Вѣстн.“, 1904, кн. V, стр. 246—248. 10) „Русск. Богат.“, 1904, кн. I, стр 1—5. 11) „Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1910, кн. VIII. 12) *Брюсовъ, В.*—„Русск. Мысль“, 1910, кн. VII, стр. 205. 13) „Рѣчь“, 1911, № 9. *Среди мертвыхъ:* „Русск. Вѣстн.“, 1897, кн. IV, стр. 345—347. *Сумасшедшая:* 1) *Коробка, Н.* Журн. замѣтки.—„Образов.“, 1903, кн. V, стр. 118. 2) *Н.* Литерат. новости.—„Русск. Вѣд.“, 1903, № 65. *Сумерки духа:* 1) *Голиковъ, В.* Мысли вслухъ.—„Курьеръ“, 1900, № 221. 2) *Сементковскій, Р. И.* Что новаго въ литературѣ?—„Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1900, кн. IX. 3) „Русск. Мысль“, 1900, кн. IX, стр. 354. 4) *Шестаковъ, Д.* Критич. очерки. „Торгово-Промышлен. Газета“, 1900, литер. прилож., № 31. *Suor Maria:* *Буренинъ, В* Критич. очерки.—„Нов. Время“, 1903, № 10340. *Теарь. Ночная шиллія:* *В., Л.*—„Образов.“, 1905, кн. VII. *Третья книга разсказовъ:* 1) *Штейнъ, С.*—„Литерат. Вѣстн.“, 1902, т. IV, кн. VI, стр. 142—143. 2) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*).—„Міръ Божій“, 1902, кн. VII, стр. 82. 3) *Ф., М.* (*Филипповъ*).—„Научн. Обозр.“, 1902, кн. VI, стр. 241—247. 4) „Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1902, кн. VIII. 5) „Русск. Мысль“, 1902, кн. VII, стр. 219. 6) „Русск. Богат.“, 1902, кн. VIII, стр. 15—19. 7) *Брюсовъ, В.*—„Золот. Руно“, 1906, № 11—12; 1907, № 1. *Черное по бѣлому:* 1) *Бѣлый, А.*—„Вѣсы“, 1908, кн. II, стр. 77—78. 2) *Вержескій, А.*—„Рѣчь“, 1908, № 20. 3) *Бѣлый, А.* Арабески, М., 1911, стр. 445—447. *Чистая сердцемъ:* 1) *М. М. Н.* Журн. обозрѣніе. „Литерат. Вѣстн.“, 1901, т. II, кн. V, стр. 60. 2) *Басаргинъ, А.* Критич. замѣтки. Находка.—„Московск. Вѣд.“, 1901, № 261. 3) *Пожарскій, В.* (*Русановъ, Н. С.*). Наша текущ. жизнь. Журн. обозр.—„Русск. Богат.“, 1901, кн. X, стр. 159—162. *Чортова кукла:* 1) *Адриановъ, С.* Критич. наброски.—„Вѣстн. Европы“, 1911, кн. VI. 2) *Н.* *скій, Н.*—„Кіевск. Почта“, 1911, № 825. 3) *Ритько, А.* О Чортовой куклѣ мертвой красотѣ.—„Русск. Богат.“, 1911, кн. VII, стр. 168—175. 4) *Черновъ, В.* Литерат. впечатлѣнія. „Современ.“, 1911, кн. V стр. 304 343. 5) *Львовъ-Рогачевскій, В.* Поворотное время.—„Соврем. Міръ“, 1911, кн. IV, стр. 238—257. 6) *Колтоновская, Е. А.* Наслѣдники Санина.—Критич. этюды, Спб., 1912, стр. 69 83. *Что и какъ:* *Чулковъ, Г.* Примѣчанія къ словамъ А. Крайняго о Чеховѣ.—„Нов. Путь“, 1904, кн. V, стр. 267—268.

Максимъ Горькій (А. М. Пѣшковъ).

Сочиненія М. Горькаго.

I. Собраніе сочиненій.

1) Первые 9 тт. [illegible] „Знаніе" [illegible] „Разсказы" и „Пьесы" [illegible] № 2[illegible] — Собраніе сочиненій. Изд. „Жизнь и Знаніе". Т. X. Спб., 1914, стр. 3[illegible] 32, 10.[illegible] экз. (Содерж.: Жизнь ненужнаго человѣка). Т. XI. Спб., 1914, стр. 19[illegible] 32, 10.400 экз. (Содерж.: Городокъ Окуровъ). Т. XII. Спб., 1914, стр. 457 [illegible], 10.400 экз. (Содерж.: Матвѣй Кожемякинъ, кн. I, ч. I—II). Т. XIII—XIX [illegible]. Т. XX, Спб., 1914, стр. 340, 10.4[illegible] экз. (Содерж.: Дѣтство).

II. Беллетристика.

А. Произведенія, изданныя отдѣльно.

2) **Очерки и разсказы.** Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова, т. I. Спб., 1898, 8°, стр. 333, 3.[illegible] экз.; 2-е изд., Спб., 1899, 8°, стр. 3[illegible] 1, 4.100 экз. (Содерж.: Челкашъ.—Пѣсня о соколѣ.—На плотахъ.—Тоска.—Зазубрина.—Дѣдъ Архипъ и Ленька.—Скуки ради.—Озорникъ.—Макаръ Чудра.—Супруги Орловы); т. II, Спб., 1898, 8°, стр. 37[illegible] 1, 3.[illegible] экз.; 2-е изд., Спб., 1899, 8°, стр. 387, 4.100 экз. (Содерж.: Коноваловъ.—Мальва.—Ярмарка въ Голтвѣ.—О чижѣ.—Дѣло съ застежками.—Бывшіе люди.—Емельянъ Пиляй.—Старуха Изергиль.—Въ степи.—Ошибка. Во 2-мъ изд. вмѣсто „О чижѣ" помѣщено „Болесь"); т. III. Спб., 1899, 8°, стр. 387, 4.100 экз. (Содерж.: Варенька Олесова.—Каинъ и Артемъ.—Дружки.—Однажды осенью.—Кирилка.—О чортѣ.—Еще о чортѣ.—Мой спутникъ.—Проходимецъ.—Читатель). 2а) Т. I. **Разсказы.** Изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1900, 8°, стр. 1+323, 12.[illegible] экз.; 2-е изд., Спб., 1901, 8°, стр. 1+331, 10.300 экз.; 3-е изд., Спб., 1901, 8°, стр. 1+331, 15.000 экз.; 4-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 322+1, 5.000 экз.; 5-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 322+1, 5.000 экз.; 6-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 322+1, 5.000 экз.; 8-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 322+1; 10-е изд., Спб., 1908, 8°, стр. 3[illegible], 5.000 экз. [Содерж.: Макаръ Чудра (1892).—О чижѣ, который лгалъ, и о дятлѣ—любителѣ истины (1892).—Емельянъ Пиляй (1893).—Дѣдъ Архипъ и Ленька (1894).—Челкашъ (1894—1895).—Старуха Изергиль (1895).—Однажды осенью (1895).—Ошибка (1895).—Мой спутникъ (1896).—Дѣло съ застежками (1895).—Пѣсня о соколѣ (1895).—На плотахъ (1895).—Болесь (1896).—Тоска (1896)]. Т. II. **Разсказы.** Изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1900, 8°, стр. 1+394, 12.000 экз.; 2-е изд., Спб., 1901, 8°, стр. 1+394, 10.300 экз.; 3-е изд., Спб., 1901, 8°, стр. 1+394, 15.000 экз.; 4-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 388+1, 5.000 экз.; 5-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 388+1, 5.000 экз.; 6-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 388+1, 5.000 экз.; 9-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 388+1; 10-е изд., Спб., 1911, 8°, стр. 392, 3.2[illegible] экз. [Содерж.: Коновалов (1896).—Ханъ и его сынъ (1896).—Вывадъ (1896).—Супруги Орловы (1897).—Бывшіе люди (1897).—Озорникъ (1897).—Варенька Олесова (1897).—Товарищи (1897)]. Т. III. **Разсказы.** Изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1900, 8°, стр. 318, 12.000 экз.; 2-е изд., Спб., 1901, 8°, стр. 1+318, 10.300 экз.; 3-е изд., Спб., 1901, 8°, стр. 318, 15.000 экз.; 4-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 1+312, 5.000 экз.; 5-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 1+312, 5.000 экз.; 6-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 1+312, 5.000 экз.; 10-е изд., Спб., 1912, 8°, стр. 312, 3.000 экз. [Содерж.: Въ степи (1897).—Мальва (1897).—Ярмарка въ Голтвѣ (1897).—Зазубрина (1897).—Скуки ради (1897).—Каинъ и Артемъ (1898).—Дружки (1898).—Проходимецъ (1898).—Читатель (1898).—Кирилка (1899).—О чортѣ (1899).—Еще о чортѣ (1899).—Вася Красный (1899)]. Т. IV. **Разсказы.** Изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1900, 8°, стр. 402+32, 12.000 экз.; 2-е изд., Спб., 1901, 8°, стр. 1+402, 10.300 экз.; 3-е изд., Спб., 1901, 8°, стр. 1+402, 15.000 экз.; 4-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 1+392, 5.2[illegible] экз.; 5-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 1+392, 5.000 экз.; 6-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 392+1, 5.000 экз.; 10-е изд., Спб., 1910, 8°, стр. 3[illegible], 5.3[illegible] экз. [Содерж.: Ѳома Гордѣевъ (1899).—Двадцать шесть и одна (1899)]. Т. V. **Разсказы.** Изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1901, 8°, стр. 399; 2-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 386, 5.000 экз.; 3-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 2+386, 5.000 экз.; 4-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 38[illegible], 5.000 экз.; 8-е изд., Спб., 1909, 8°, стр. 386, 5.[illegible] экз. (Содерж.: Трое.—Пѣсня о буревѣстникѣ). Т. VI. **Пьесы.** Изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1903, 8°, стр. 286, 5.000 экз.; 2-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 286, 5.000 экз.; 3-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 286, 5.000 экз.; 4-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 286, 5.000 экз.; 5-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 286, 5.000 экз. (Содерж.: Мѣщане.—На днѣ). Т. VII. **Пьесы.** Изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1906, 8°, стр. 1+295, 10.[illegible] экз. (Содерж.: Дачники.—Дѣти солнца). Т. VIII. **Пьесы.** Изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1908, 8°, стр. 239, 3.300 экз. (Содерж.: Варвары.—Враги). Т. IX. **Разсказы.** Изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1910, 8°, стр. 322, 5.3[illegible] экз. [Содерж.: Челов[illegible] (1903).—Тюрьма (1905).—[illegible] Кирилъ [illegible] (1905).—Разсказъ Филиппа Васильевича (1905).—[illegible] (1908)]. 3) **Дружки.** Разск. М., 1900, 16°, стр. 36, 20.000 экз.; 2-е изд., М., 1901, 16°, стр. 32, 24.000 экз.; 3-е изд., М., 1903, 16°, стр. 32, 50.000 экз.; 4-е изд. „Посредника", М., 1906, 16°, стр. 31, 3[illegible] экз. 4) **Ѳома Гордѣевъ.** Пов. (Библіотека „Знанія"), Спб., 190[illegible], 8°, стр. 252, 1[illegible] экз. 5) **Макаръ Чудра.** Очеркъ („Современная библіотека"). Спб., 1901, 12°, стр. 24, 5.000 экз. 6) **Старуха Изергиль.** („Современная библіотека"). Спб., 1901, 16°, стр. 32, 5.000 экз.; 2-е изд., Спб., 1903, 16°, стр. 32, 5.100 экз. 7) **Мѣщане.** Сцены въ домѣ Безсѣменова. Изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1902, 8°, стр. 2+172, 30.500 экз.; 2-е изд., Спб., 1902, 8°, стр. 172, 5.000 экз.; 3-е изд., Спб., 1902, 8°, стр. 2+172, 5.000 экз.; 4-е изд., Спб., 1902, 8°, стр. 2+172, 5.000 экз.; изд. С. О. Разсохина, М., 1912, 8°, стр. 71, 110 экз. 8) **Три разсказа.** (I. Писатель, который зазнался. II. Передъ лицомъ жизни. III. Весенніе мелодіи). (Воспрещены русской цензурой). Съ послѣсловіемъ *М. Суворовъ*. Изд. Іоганна Рэде, Берлинъ, 1902, стр. 36. 9) **Емельянъ Пиляй.** Разск. М., 1902, 16°, стр. 32, 24.000 экз.; 2-е изд. „Посредника", М., 1906, 16°, стр. 32, 3[illegible] экз. 10) **На днѣ.** Картины. Изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1903, 8°, стр. 166, 5.000 экз.; 2-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 166, 5.000 экз.; 3-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 166, 5.000 экз.; 4-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 166, 5.000 экз., 5-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 166, 5.000 экз.; 6-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 166, 5.000 экз.; 7-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 166, 5.000 экз.; 8-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 166, 5.500 экз.; 9-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 166, 5.000 экз.; 10-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 166, 5.000 экз.; 11-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 166, 5.000 экз.; 12-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 166, 5.000 экз.; 13-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 166, 5.000 экз.; 14-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 166, 5.000 экз.; изд. С. О. Разсохина, М., 1912, 8°, стр. 53, 110 экз. 11) **Мать.** Ром. Изд. Ладыжникова, Берлинъ, 1905. 12) **Варвары.** М., 1906, 16°, стр. 16, 10.000 экз. 13) **Тронуло.** Разск. Изд. А. Балашова, М., 1908, 16°, стр. XV, 5.000 экз.; 2-е изд., М., 1911, 16°, стр. XV+1, 5.000 экз. 14) **Мудрецъ.** Изд. И. И. Семенова, М., 1909, 16°, стр. 8, 1,000 экз. 15) **О мудромъ отшельникѣ.** Новый разск. Изд. А. С. Балашова, М., 1909, 18°, стр. 32, 5.000 экз. 16) **Васса Желѣзнова.** Пьеса въ 3-хъ д. Изд. журнала „Театръ и Искусство", Спб., 1910, 8°, стр. 45, 100 экз.; изд. С. О. Разсохина, М., 1912, 8°, стр. 42, 110 экз. 17) **Ханъ и его сынъ.** Изд. журнала „Жизнь и Люди", М., 1910, 16°, стр. 16, 6.000 экз. 18) **Дѣти солнца.** Сцены въ 4-хъ д. Изд. С. О. Разсохина, М., 1912, 8°, стр. 72, 110 экз. 19) **Итальянскія сказки.** Перев. *М. Андреевой*, подъ ред. *М. Горькаго*. М., 1912. 20) **Сказки.** Изд. книгоиздательства писателей, М., 1913, 8°, стр. 15[illegible], 4.000 экз.

Кромѣ указаннаго, т-вомъ „Знаніе" выпущены отдѣльными изданіями многіе разсказы М. Горькаго въ серіи „Дешевая библіотека".

Б. Произведенія, напечатанныя въ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ.

21) Макаръ Чудра. — „Кавказъ", 1892, № 242, 12 сент. 22) Емельянъ Пиляй. — „Русск. Вѣд.", 1893, № 213. 23) Ошибка — „Русск. Мысль", 1895, кн. IX, стр. 119—144. 24) Челкашъ. — „Русск. Богат.", 1895, кн. VI, стр. 5—35. 25) На соли. — „Самарск. Газета", 1893, №№ 18 и 21. 26) На Черноморьѣ. — „Самарск. Газета", 1895, № 71. 27) О маленькой феѣ и молодомъ чабанѣ. — „Самарск. Газета", 1895, №№ 98, 100, 107. 28) Сказка. — „Самарск. Газета", 1895, №№ 162 и 168. 29) Скуки ради. — „Самарск. Газета", 1895—1896. 30) На плотахъ. — „Самарск. Газета", 1895—1896. 31) Пѣсня о соколѣ. — „Самарск. Газета", 1895—1896.

32) Однажды осенью.—„Самарск. Газета“, 1895—1896. 33) Старуха Изергиль.—„Самарск. Газета“, 1895—1896. 34) Тѣневыя картинки. Разск.—„Самарск. Газета“, 1895—1896. 34а) Встряска и другіе разсказы.—„Нижегородскій Листокъ“, 1896—1899. 35) Тоска.—„Нов. Слово“, 1896, кн. IX, іюнь, стр. 168—193; кн. X, іюль, стр. 54—74. 36) Коноваловъ.—„Нов. Слово“, 1897, кн. VI, мартъ, стр. 1—49. 37) Бывшіе люди.—„Нов. Слово“, 1897, кн. I, окт., стр. 54—80; кн. II, ноябрь, стр. 1—35. 38) Супруги Орловы.—„Русск. Мысль“, 1897, кн. X, стр. 1—50. 39) Озорникъ.—„Сѣверн. Вѣстн.“, 1897, кн. VIII, стр. 1—16. 40) Мальва.—„Сѣверн. Вѣстн.“, 1897, кн. XI, стр. 1—27; кн. XII, стр. 1—18. 41) Въ степи.—„Жизнь Юга“, 1897—1898. 42) Дружки.—„Журн. для всѣхъ“, 1898, кн. X. 43) Варенька Олесова.—„Сѣверн. Вѣстн.“, 1898, кн. III, стр. 109—138; кн. IV, стр. 1—35; кн. V, стр. 1—22. 44) Кирилка.—„Жизнь“, 1899, кн. I. 45) О чортѣ.—„Жизнь“, 1899, кн. I. 46) Еще о чортѣ.—„Жизнь“, 1899, кн. II. 47) Ѳома Гордѣевъ.—„Жизнь“, 1899, кн. II, III, IV, VI, VII, VIII и IX. 48) Двадцать шесть и одна.—„Жизнь“, 1899, кн. XII. 49) Филогенъ Ильичъ.—„Журн. для всѣхъ“, 1899, кн. II—III. 50) Кainъ и Артемъ.—„Міръ Божій“, 1899, кн. I, стр. 118. 51) Голодные. (Съ натуры).—„Помощь пострадавшимъ отъ неурожая“, сборн., изд. газеты „Курьеръ“, М., 1899; 2-е изд., М., 1900, стр. 7—10. 52) Мужикъ.—„Жизнь“, 1900, кн. II, стр. 128; кн. III, стр. 1. 53) Трое. Пов.—„Жизнь“, 1900, кн. XI, стр. 1; кн. XII, стр. 1; 1901, кн. I, стр. 1; кн. II, стр. 184; кн. III, стр. 54; кн. IV, стр. 8. 54) Пѣсня о буревѣстникѣ.—„Жизнь“, 1901, кн. IV, стр. 322. 55) Разсказы о жизни на окраинахъ города.—„Журн. для всѣхъ“, 1901, кн. I. 56) „Лучи жизни“. Сборн. разск. корифеевъ современ. литературы: *гр. Л. Толстого, А. Чехова, М. Горькаго, Б. Пруса, Джерома К. Джерома, А. Терн, Шпильгагена.* (Заимствованы изъ разныхъ періодич. изданій). Одесса, 1902. 57) „Наши свѣтила“ *Л. Н. Толстой, А. Чеховъ, М. Горькій.* (Изъ мыслей Л. Н. Толстого.—Изъ бесѣдъ Л. Н. Толстого.—Въ Ясной Полянѣ у Л. Н. Толстого.—Не въ духѣ, разсказъ *Чехова.*—Рождественскій разсказъ *М. Горькаго* и проч.). Собралъ *С. Полятусъ.* Изд. С. Полятуса, Одесса, 1903. 58) *Чеховъ, А.* Бракъ по разсчету. Приданое.—*Горькій, М.* Выводъ. Изд. Южно-русскаго кн-ва Л. Лившица, Одесса, 1903. 59) Человѣкъ.—„Сборн. т-ва „Знаніе“ за 1903 г.“, кн. I. 60) *Горькій, М., Я П., Скиталецъ, Тан.* Зарницы. Избранныя стих. Изд. „Донской Рѣчи“, Ростовъ на Дону, 1904. 61) Дачники. Пьеса.—„Сборн. т-ва „Знаніе“ за 1904 г.“, кн. III. 62) Тюрьма.—„Сборн. т-ва „Знаніе“ за 1904 г.“, кн. IV. 63) Разсказъ Филиппа Васильевича.—„Сборн. т-ва „Знаніе“ за 1904 г.“, кн. V. 64) Вода и ея значеніе въ природѣ и жизни человѣка.—„Нижегород. Сборн.“, Спб., 1905, стр. 107—114; 2-е изд., Спб., 1905. 65) Идиллія.—„Нижегород. Сборн.“, Спб., 1905, стр. 115—122; 2-е изд., Спб., 1905. 66) Часы.—„Нижегород. Сборн.“, Спб., 1905, стр. 123—127; 2-е изд., Спб., 1905. 67) Дѣвочка.—„Нижегород. Сборн.“, Спб., 1905, стр. 288—290; 2-е изд., Спб., 1905. 68) Букоемовъ, Карпъ Ивановичъ.—„Сборн. т-ва „Знаніе“ за 1905 г.“, кн. VI. 69) Дѣти солнца. Пьеса.—„Сборн. т-ва „Знаніе“ за 1905 г.“, кн. VII. 70) Варвары. Пьеса.—„Сборн. т-ва „Знаніе“ за 1906 г.“, кн. IX. 71) Въ Америкѣ. Очерки. I. Городъ Желтаго Дьявола. II. Царство скуки. III. Мобъ. IV. Чарли Мэнъ.—„Сборн. т-ва „Знаніе“ за 1906 г.“, кн. XI и XII. 72) Мои интервью. I. Король, который высоко держитъ свое знамя. II. Прекрасная Франція. III. Царь (*Вильгельмъ*). IV. Одинъ изъ королей республики. V. Жрецъ морали.—„Сборн. т-ва „Знаніе“ за 1906 г.“, кн. XIII; за 1907 г., кн. XV. 73) Товарищъ.—„Сборн. т-ва „Знаніе“ за 1906 г.“, кн. XIII. 74) Враги. Сцены.—„Сборн. т-ва „Знаніе“ за 1906 г.“, кн. XIV. 75) Мать.—„Сборн. т-ва „Знаніе“ за 1907 г.“, кн. XVI, XVII, XVIII и XIX; за 1908 г., кн. XX и XXI. 76) Весеннія мелодіи.—„Пробужденіе“, 1908, кн. VIII, прилож. 77) Послѣдніе.—„Сборн. т-ва „Знаніе“ за 1908 г.“, кн. XXII. 78) Исповѣдь.—„Сборн. т-ва „Знаніе“ за 1908 г.“, кн. XXIII. 79) Жизнь ненужнаго человѣка.—„Сборн. т-ва „Знаніе“ за 1908 г.“, кн. XXIV. 80) Лѣто.—„Сборн. т-ва „Знаніе“ за 1909 г.“, кн. XXVII. 81) Городокъ Окуровъ.—„Сборн. т-ва „Знаніе“ за 1909 г.“, кн. XXVIII; за 1910 г., кн. XXIX, XXX и XXXI. 82) Чудаки. Пьеса.—„Сборн. т-ва „Знаніе“ за 1910 г.“, кн. XXXII. 83) Васса Желѣзнова. Сцены.—„Сборн. т-ва „Знаніе“ за 1910 г.“, кн. XXXIII. 84) Встрѣча.—„Соврем. Міръ“, 1910, кн. IX, стр. 40. 85) Сказка.—„Нов. Жизнь“, 1911, кн. IV. 86) Сказка.—„Путь“, 1911, кн. II, дек., стр. 5—11. 87) Матвѣй Кожемякинъ.—„Сборн. т-ва „Знаніе“ за 1911 г.“, кн. XXXV, XXXVI и XXXVII. 88) Житейское. Разск.—„Современ.“, 1911, кн. I, III, V и IX. 89) Мордовка. Разск.—„Соврем. Міръ“, 1911, кн. I, стр. 5—30. 90) *Горькій, М.* Однажды осенью. Разск.—*Ленскій, В.* Жена. Разск. Кіевъ, 1912. 91) Три дня.—„Вѣстн. Европы“, 1912, кн. IV, стр. 61—90, кн. V, стр. 3—46. 92) Изъ впечатлѣній проходящаго.—„Вѣстн. Европы“, 1912, кн. XII, стр. 75—95. 93) Рожденіе человѣка. Изъ впечатлѣній проходящаго.—„Завѣты“, 1912, кн. I, апрѣль. 94) Сказка.—„Путь“, 1912, кн. IV, февр., стр. 3—8. 95) Сказки.—„Сборн. т-ва „Знаніе“ за 1912 г.“, кн. XXXVIII. 96) Случай изъ жизни Макара.—„Сборн. т-ва „Знаніе“ за 1912 г.“, кн. XXXIX. 97) Губинъ. Очеркъ.—„Современ.“, 1912, кн. XII. 98) Сказки.—„Соврем. Міръ“, 1912, кн. IX, стр. 1. 99) По Руси. Изъ впечатлѣній проходящаго.—„Вѣстн. Европы“, 1913, кн. I, стр. 5—32, кн. II, стр. 5—18. 100) На пароходѣ. Изъ впечатлѣній проходящаго.—„Вѣстн. Европы“, 1913, кн. V, стр. 5—25. 101) Кража. Разск.—„Просвѣщеніе“, 1913, кн. VI, стр. 3—19. 102) Дѣтство. (Отрывокъ).—„Просвѣщеніе“, 1913, кн. IX, стр. 3—12. 103) По душѣ. Разск.—„Просвѣщеніе“, 1913, кн. XI, стр. 3—6. 104) Дѣтство.—„Русск. Слово“, 1913, вторая половина года. 105) Калининъ. Очеркъ.—„Современ.“, 1913, кн. I. 106) Кладбище. Очеркъ.—„Современ.“, 1913, кн. II. 107) Хозяинъ. Пов.—„Современ.“, 1913, кн. III, IV и V.

Помѣщалъ разсказы также въ „Волжск. Вѣстн.“ и „Русск. Словѣ“.

III. Критика и публицистика.

А. Произведенія, изданныя отдѣльно.

108) Землетрясеніе въ Калабріи и Сициліи 15-го (23-го) декабря 1908 г. Изд. т-ва „Знаніе“, Спб., 1909, 8°, стр. 230, 5.300 экз. (Совмѣстно съ *В. Мейеромъ*). 109) Вездѣсущее. Изд. „Прибоя“, Спб., 1914, 16°, стр. 14, 20.000 экз.

Б. Произведенія, напечатанныя въ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ.

110) Фельетоны.—„Самарск. Газета“, 1895—1896. (Подъ псевдонимомъ: *Іегудіилъ Хламида*). 110а) Фельетоны.—„Нижегородск. Листокъ“, 1896—1900. 111) Открытое письмо къ А. С. Суворину.—„Жизнь“, 1899, кн. III. 112) О Брюсовѣ.—„Нижегородск. Листокъ“, 1900, № 313. 113) Письмо въ ред.—„Сѣверн. Курьеръ“, 1900, № 363, 18 ноября. 114) Письмо въ ред.—„Журн. для всѣхъ“, 1903, кн. XII. 115) Письмо въ ред.—„Наша Жизнь“, 1904, № 9. 116) Письмо въ ред.—„Русь“, 1904, № 335. 117) Чеховъ. Отрывки изъ воспоминаній.—„Нижегородск. Сборн.“, Спб., 1905, стр. 3—16; 2-е изд., Спб., 1905. (*Перепеч.:* О Чеховѣ. Воспоминанія и статьи, сборн., М., 1910, стр. 29—44). 118) О цинизмѣ.—„Литерат. распадъ“, сборн., Спб., 1908; 2-е изд., Спб., 1908, стр. 287—299. 119) Разрушеніе личности.—„Очерки философіи коллективизма“, сборн. первый, изд. т-ва „Знаніе“, Спб., 1909. 120) Письмо въ ред. *М. Горькаго, Л. Андреева* и *А. Луначарскаго*.—„Русск. Вѣд.“, 1909, № 278. (*Перепеч.:* „Одесск. Новости“, 1909, № 7925; „Рѣчь“, 1909, № 332). 120а) О Стасовѣ.—„Незабвенному В. В. Стасову“, сборн. воспомин., Спб., 1910, стр. 35—38. 120б) Писатель.—„Современ.“, 1911, кн. X. 121) О писателяхъ самоучкахъ.—„Соврем. Міръ“, 1911, кн. II, стр. 178—209. 121а) Издалека.—„Запросы Жизни“, 1912, №№ 7, 11, 13, 27 и 29. 122) Издалека.—„Современ.“, 1912, кн. X и XI. 123) О русск. интеллигенціи и національн. вопросахъ. (Въ отвѣтъ на анкету „Украинск. Жизни“).—„Украинск. Жизнь“, 1912, № 9. 124) М. М. Коцюбинскій. Некрологъ.—„Вѣстн. Европы“, 1913, кн. VII, стр. 313—329. 124а) Вездѣсущее.—„Просвѣщеніе“, 1913, кн. II, стр. 3—13. 124б) О Карамазовщинѣ (о Достоевскомъ).—„Русск. Слово“, 1913, №№ 219 и 248. 125) Предисловіе.—„Сборникъ пролетарскихъ писателей“, подъ ред. П. Сереброва, изд. „Прибоя“, Спб., 1914, стр. 5—12.

Сотрудничалъ также въ „Волжск. Вѣстн.“, „Одесск. Новостяхъ“, „Нов. Жизни“ (газета) и „Русск. Словѣ“.

IV. Сборники отрывковъ изъ сочиненій М. Горькаго.

126) Афоризмы, парадоксы и избран. мысли русск. писателей. Вып. I. М. Горькій. Собралъ *М. К.* М., 1901, 8°, стр. 50, 2.400 экз.; 2-е дополн. изд., М., 1902. 3-е изд., М., 1902. 127) Мысли и изреченія М. Горькаго. Съ краткой біографіей. Изд. В. Максимова, Спб., 1901; 2-е изд., Спб., 1902. 128) *Толстой, Л. Н.* и *Горькій, М.*

Про жизнь и людей. Мысли. Изд. М. Козмана, Одесса, 1902, 8°, стр. 24, 5.500 экз.; 2-е изд., Одесса, 1902, 8°, стр. 24, 9.000 экз. 129) Букетъ ума и генія. *Гр. Л. Н. Толстой, А. Чеховъ, М. Горькій, Л. Андреевъ.* Избран. мысли, отрывки изъ сочиненій. Одесса, 1903. 130) *Горькій, М., Чеховъ, А.* и *Вересаевъ, В.* Вѣчные вопросы. Мысли. Изд. М. Козмана, Одесса, 1903, 8°, стр. 24, 5.000 экз. 131) Гдѣ же правда? Избранныя мысли изъ сочиненій М. Горькаго съ прилож. его автобіографіи. Изд. книжн. магазина В. Попова. Кіевъ, 1903, 8°, стр. 34, 2.000 экз. 132) *[illegible]*, *М.* Мысли и афоризмы писателей, ученыхъ и философовъ. Изд. книжн. магазина С. Мокржецкаго, Одесса, 1903. 133) *Толстой, Л. Н.* и *Горькій, М.* О жизни и смерти (Толстой о смерти. Горькій о жизни). Спб., 1903, 8°, стр. 16, 20.000 экз. 134—135) Изъ „[illegible]“ М. Горькаго. Послѣдніе афоризмы и сентенціи. Кіевъ, 1908, 8°, стр. 23, 3.000 экз.

V. Передѣлки для сцены.

136) *Бухъ-Богдановъ, А. Н.* Ѳома Гордѣевъ и Маякинъ. Др. въ 5 д. По повѣсти Горькаго. Одесса, 1901. 137) Ѳома Гордѣевъ. Драматич. сцены изъ повѣсти М. Горькаго. Въ 6 д. и 10 картинахъ. Передѣлка для сцены актера *В. [illegible]*. Изд. конторы художеств. сборн. „Репертуаръ“, Спб., 1901, 8°, стр. 110, 4, 100 экз. 138) *[illegible], А. Н.* и *[illegible], С. Н.* Трое (Илья Луневъ). Драма въ 5 д. По роману Горькаго. Изд. С. Ѳ. Разсохина, М., 1911, 8°, стр. 73, 110 экз. 139) *[illegible], С. Н.* Мальва. Пьеса въ 2 хъ д. По разсказу Горькаго. Изд. театр. библіотеки М. А. Соколовой. М., 1911, 8°, стр. 29, 270 экз.

VI. Музыкальныя переложенія.

140) *Соколовъ, Н.* Осени дыханьемъ гонимы. Романсъ для высокаго голоса. Стих. М. Горькаго. Ор. 4, романсы, № 3. Изд. А. Зейлинга, М., 1912, 4°, стр. 5, 200 экз. 141) *[illegible], Е.* Пѣсня о буревѣстникѣ. Для фортепіано съ сопровожденіемъ декламаціи. Слова М. Горькаго. Спб., 1906, 4°, стр. 9, 1.000 экз. 142) *[illegible], С.* Рыбакъ и фея. Мелодекл. Слова М. Горькаго. М., 1907, 4°, стр. 5, 400 экз. 143) *[illegible], Г.* Фея. Слова М. Горькаго. М., 1907, 4°, стр. 9, 100 экз. 144) *Лазаревъ, А. М.* Шопотъ земли. Романсъ для средняго голоса. Слова М. Горькаго. М., 1906, 4°, стр. 3, 500 экз. 145) *Лазаревъ, А. М.* Шопотъ земли. Слова М. Горькаго. Изд. „Экономика“, Спб., 1909, 8°, стр. 3, 2.000 экз.

Литература о М. Горькомъ.

I. Библіографическія пособія.

1) *Соколовъ, С. Д.* Матеріалы для библіографич. указателя литературы о Горькомъ. — „Библіографич. Листокъ“, 1911, № 1—6; 1914, №№ 1 и 2; 1915, № 1—2. См. также ниже №№ 19, 65, 73, 78 и [illegible]. (Общія библіографич. пособія см. въ началѣ библіографіи).

II. Книги.

2) *Айхенвальдъ, Ю. И.* Силуэты русск. писателей, вып. III, М., 1910, стр. 53—63; 2-е изд., М., 1913, стр. 89—99. 3) *Александровичъ, Ю.* Радость жизни. — Послѣ Чехова, т. I, М., [illegible], стр. 61—85. 4) *Александровичъ, Ю.* Исторія новѣйшей русской литературы, ч. I, Чеховъ и его время, М., 1911. 5) *Александровскій, Г.* М. Горькій и его сочиненія. Публичн. лекція, Кіевъ, 1900; 2-е исправл. и дополн. изд., Кіевъ, 1901. 6) *Александровъ, Н.* М. Горькій и Л. Андреевъ. Ихъ жизнь и произведенія, Рига, 1903. 7) *Амфитеатровъ, А. В.* Записная книжка о Горькомъ. — Литерат. альбомъ, Спб., 1904; 2-е изд., Спб., 1907, стр. 40—78. 8) *Амфитеатровъ, А. В.* Контуры, Спб., 1906, стр. 44—69. 9) *Амфитеатровъ, А. В.* Горькій и сплетни. Perpetuum mobile. — Разговоры по душѣ, М., 1910, стр. 45—58. 10) *Амфитеатровъ, А. В.* Новый Горькій. — Современники, М., 1910. 11) *Амфитеатровъ, А. В.* Собраніе сочиненій, т. XXII, Властители думъ, Спб., 1914, стр. 119—224. *Андреевичъ* см. *Соловьевъ, Е.* 12) *Аничковъ, Е. В.* „На днѣ“ Горькаго и современ. драма. — Литерат. образы и мнѣнія, Спб., 1904, стр. 97—126. 13) *Анненскій, И. Ѳ.* Три соціальныхъ драмы. — Книга отраженій, т. I, Спб., 1906, стр. 127—146. 14) *Арабажинъ, К. И.* Публичн. лекціи о русск. писателяхъ, кн. I, Спб., 1909, стр. 107—[illegible]; 2-е изд.: Этюды о русскихъ писателяхъ, Спб., 1912, стр. 117—154. 15) *[illegible], Ѳ. [illegible]* Въ мірѣ босяковъ. — Критич. очерки и замѣтки, т. I, Спб., [illegible], стр. 145—176. 16) *[illegible], Н.* М. Горькій какъ драматургъ. I. „Мѣщане“. II. „На днѣ“. Критич. этюдъ. [illegible] стр. [illegible] съ фотографіей постановки этихъ пьесъ на сценѣ Художественн. театра въ Москвѣ, М., 1903. (*Отз.*: а) Литерат. обозр. — „Вѣстн. Европы“, 1903, кн. VIII, стр. 812—813. б) „Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1903, кн. VII). 17) *[illegible], А. Н.* Философія пришельц. „[illegible]“ и разсказы Горькаго. [illegible] Спб., 1908, стр. 173—189. 18) *[illegible], А. К.* Основныя идеи произведеній М. Горькаго. Спб., 1902. 19) *[illegible], В. Ѳ.* М. Горькій. Критико-біографическій этюдъ, Спб., 1901; 2-е переработ. изд., Спб., 1903. (Указана библіографія. *Отз.*: а) Литерат. обозр. — „Вѣстн. Европы“, 1900, кн. XII. б) „Недѣля“, 1900, № 51. в) „Вѣстн. всемірн. исторіи“, 1901, кн. II, стр. 245—247. г) „Нов. Время“, 1901, № 8968. д) *Атевскій, С.* — „Образов.“, 1901, кн. VII—VIII, стр. 129—155. е) Литерат. обозр. — „Вѣстн. Европы“, 1903, кн. VIII, стр. 811—812). 20) *[illegible], В. Ѳ.* Горькій и [illegible] генія. — Богоискатели, Спб., 1911, стр. 255—[illegible]. 20а) *Бризоль, Б.* Критич. грани, Спб., 1910, стр. 151—160. 21) *[illegible], Г.* Собраніе сочиненій, изд. Фукса, т. VI, Кіевъ, 1902, стр. 187—199, изд. т-ва „Просвѣщеніе“, т. XIX, Спб., 1913, стр. 285—299. 22) *[illegible], А.* На перевалѣ. — Арабески, М., 1911, стр. 265—[illegible]. 23) *[illegible]* (*[illegible], Б. А.*). Сумерки русской литературы, М., 1912. 24) *В. Н. К.* Герои Горькаго и судъ криминалической науки, по поводу лекціи проф. [illegible], Казань, 1904. (*Отз.*: „Русск. Богат.“, 1905, кн. 1 (?), стр. 93). (См. ниже, № 142). 25) *[illegible], С. А.* Очерки по исторіи русской литературы, 1-е и 2-е изд., Спб., 1907, стр. 158—160. 26) *Венгеровъ, С. А.* Основныя черты исторіи новѣйшей русск. литературы, 2-е изд., съ прибавленіемъ этюда: „Побѣдители или побѣжденные?“, Спб., 1909. (*Перепеч.*: Собраніе сочиненій, т. 1, Спб., 1911). 27) *Венгеровъ, С. А.* Собраніе сочиненій, т. I, Героическій характеръ русской литературы, Спб., 1911. 28) *[illegible]*, *[illegible]*. Несимметич. литература Горькаго, Кіевъ, 190[illegible]; *тоже*, изд. „Вѣра и Знаніе“, Спб., безъ обознач. года. 29) „Вешнія воды“, сборн., кн. 1, Спб., 1911, стр. 301—306. (*[illegible], А.* Горькій и „хорошіе товарищи“). 30) *[illegible]*, *[illegible]*. „Недовольные люди“. По поводу героевъ М. Горькаго, Три лекціи, Спб., 1905. 31) *Де-Вогюэ, М.* М. Горькій, какъ писатель и человѣкъ. Перев. А. [illegible] М., 1902; 2-е изд., М., 1903. (*Отз.*: а) „Русск. Мысль“, 1902, кн. XI. б) Литерат. обозр. — „Вѣстн. Европы“, 1903, кн. VIII). 32) *Де-Вогюэ, М.* Горькій. Произведенія и личность писателя. Перев. А. Б. Ф. Спб., 1902. 33) *Де-Вогюэ, М.* М. Горькій, его личность и произведенія. Критич. очеркъ, дополнен. мнѣніями русск. критиковъ: *Андреевича, Богдановича, Измайлова, Меньшикова, Михайловскаго, Михайловскаго, Оболенскаго, Скабичевскаго.* М., 1903. 34) *Де-Вогюэ, М.* М. Горькій, его личность и произведенія. Перев. съ французск. *Ѳ. [illegible]*. Бендеры, 1903. 35) *Де-Вогюэ, М.* М. Горькій, какъ писатель и человѣкъ, критич. этюдъ. Перев. съ французск. *М. [illegible]*, Одесса, 1903. 36) *Де-Вогюэ, М.* Французская критика о М. Горькомъ. Перев. съ французск. *А. [illegible]*, Спб., 1904. 37) *Волжскій.* О нѣкоторыхъ мотивахъ творчества Горькаго. — Изъ міра литерат. исканій, Спб., 1906, стр. 130—162. 38) *Волынскій, А. Л.* Борьба за идеализмъ. Спб., 1900, стр. 344—3[illegible]0. 39) *Волынскій, А. Л.* Что такое идеализмъ? Современ. русск. беллетристика. „На днѣ“. — Книга великаго гнѣва, Спб., 1904, стр. III—LXXVIII, 167—199, 44—[illegible]0. 40) *Брандъ (?), В.* Красота у М. Горькаго. Новый родъ критики. Спб., 1905. (*Отз.*: „Вѣстн. Знанія“, 1904, кн. II, стр. 202—203). 41) Галлерея русск. писателей, изд. Скирмунта, М., 1901, стр. 578—579. 42) Галлерея русск. писателей и художниковъ, состав. *Н. [illegible]*, изд. Н. Ѳ. Мертца, Спб., 1901, стр. 93. 43) *[illegible]кій, Н. М.* М. Горькій. Литературная характеристика, Воронежъ, 1905. 44) *Георгіевичъ, Н.* М. Горькій. Его значеніе въ русской жизни и литературѣ, Одесса, 1903. 45) *Георгіевичъ, Н.* Жизнь М. Горькаго. Біографич. очеркъ, Одесса, 1903. (*Отз.*: „Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1903, кн. X). 46) *[illegible], Г. Н.* Религіозныя исканія М. Горькаго, Пятигорскъ, 1909. 47) *[illegible], А.* (*Гиппіусъ, З. Н.*). Выборъ убійцы. — Литерат. дневникъ, Спб., 1908, стр. 173—18[illegible]. 48) *Головинъ, К. Ѳ.* Русск. романъ и русск. общество, 2-е изд., Спб., 1904, стр. 498. 49) *Горинъ, Н.* Основныя идеи произведеній М. Горькаго, Спб., 1902. 50) *[illegible], А. Г.* Три драмы „Знанія“. Одиннадцат. сборн. „Знанія“. Кончился ли Горькій? — Книги и люди, Спб.,

1908, стр. 41—49, 67—74, 102—111. 51) М. Горькій. Краткая біографія, изд. В. О. Жеглинскаго, Вологда, 1908. 52) М. Горькій за границей. Къ 10-лѣтію литерат. дѣятельности (1892—1902), кн. I, Бендеры, 1902; кн. II, Бендеры, 1903. (*Отз.:* „Нива", ежемѣсячн. прилож., кн. IX). 53) М. Горькій и всѣ „нынѣшніе". Сонъ скромнаго читателя. Поэма, Одесса, 1903. 54) „Грядущій день", сборн., кн. II, Спб., 1907, стр. 139—145 (*Тихомировъ, Б.* Кое-что о герояхъ Горькаго). 55) *Dillon, E.* M. Gorky, His life and Writings, London, 1902. 56) *Добронравовъ, Ф.* Прогорькшій романтизмъ М. Горькаго, Спб., 1902. 57) Жизнь и сочиненія М. Горькаго въ оцѣнкѣ западно-европейской критики. Съ англійск. перев. *А. М. Бѣлова.* Изд. ред. „Новаго Журнала Иностран. Литературы" (О. И. Булгакова), Спб., 1904. (*Отз.:* а) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1904, кн. V. б) „Образов.", 1904, кн. III). 58) *Жураковскій, Е.* Житейскій адъ у Горькаго. Симптомы литер. эволюціи, М., 1903, стр. 3—12. 59) „Заря", русско-славянскій сборн., вып. I, М., 1902, стр. 161—167. (Статья *Н. Московцева*) 60) Знаменитый босякъ. (Черты изъ жизни Максима Горькаго). Н. Новгородъ, 1904. 61) *Ивановъ-Разумникъ.* Исторія русской обществен. мысли, т. II, Спб., 1907; 2-е изд., Спб., 1908; 3-е изд., Спб., 1911. 62) *Измайловъ, А.* Кривое зеркало, Спб., 1908; 2-е изд., Спб., 1910; 3-е изд., Спб., 1912. 63) *Измайловъ, А.* Литерат. Олимпъ, М., 1911, стр. 183—231. 64) „Изъ исторіи новѣйшей русск. литературы", сборн., М., 1910, стр. 1—20. (Статья *Н. Орловскаго*). 65) Иностранная критика о Горькомъ (Сборн. статей). Состав. *Л. Г.* М., 1904. (*Отз.:* а) *Л., Евг.* (*Ляцкій, Е. А.*) Литературн. обозр. „Вѣстн. Европы", 1904, кн. VI. б) „Начало", 1904, кн. VI. в) *Веселовскій, Ю.*—„Научн. Слово", 1904, кн. VI, стр. 142—143. г) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1904, кн. V). 66) Исторія Россіи въ XIX в., изд. т-ва Гранатъ, т. IX, М., 1911, стр. 1—116 (*М. Невѣдомскій.* 80-е и 90-е годы въ нашей литературѣ). 67) Исторія русск. литературы XIX в., подъ ред. *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго*, изд. т-ва „Міръ", т. V, М., 1912, стр. 230—260. (Статья *М. Невѣдомскаго*). (См. также указ.). 68) *Кедровъ, В.* Въ чемъ истинное значеніе творчества М. Горькаго? Опытъ критич. анализа произведеній М. Горькаго, Спб., 1904 (*Отз.:* „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1904, кн. IV). 69) *Колосовъ, Н.* Міросозерцаніе и герои Горькаго, М., 1904. (*Отз.:* *Дан—скій, Д.*—„Странникъ", 1904, кн. VIII). 70) *Кораблевъ, В. Н.* Интеллигенція на скамьѣ подсудимыхъ. Литературныя замѣтки, Спб., 1908, стр. 199—207. 71) *Коробка, Н.* Горькій и его общественное значеніе.—Очерки литерат. настроеній, Спб., 1903, стр. 72—119. (*Отз.:* а) Литерат. обозр.—„Вѣстн. Европы", 1903, кн. II. б) *И. Х.* Литерат. „цѣнители и судьи" начала вѣка.—„Русск. Мысль", 1903, кн. XI—XII) *Крайній, А.:* см. *Гиппіусъ, З.* 72) *Кранихфельдъ, В. Н.* Ставка на сильныхъ.—Въ мірѣ идей и образовъ, т. II, Спб., 1912, стр. 281—320. 73) Критическія статьи о произведеніяхъ М. Горькаго (*Михайловскій, Оболенскій, Скабичевскій, Боцяновскій, Меньшиковъ, Игнатовъ, Минскій, Геккеръ, Носсе, А. Богдановичъ, С. М.*), Спб., 1901. (*Отз.:* *Л., К.*—„Литерат. Вѣстн.", 1901, кн. IV, стр. 465). 74) *Кропоткинъ, Н.* Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ, Спб., 1907, стр. 271—284. (См. также указ.). 75) *Ктитаревъ, Я.* Вопросы религіи и морали въ русск. художествен. литературѣ, ч. I, Спб., 1909; ч. II, Спб., 1913. 76) „Къ правдѣ", сборн., М., 1904, стр. 186—206. (*Стражевъ, В.* Чеховъ и Горькій). 77) *Лавинъ, А.* Заслуги М. Горькаго передъ русскимъ обществомъ, М., 1904. 78) „Литерат. Дѣло", сборн., Спб., 1902, стр. 229—256 (*З. К.* Горькій въ иностранной критикѣ). (Указ. библіографія). 79) „Литературный распадъ", сборн., Спб., 1909, стр. 84—119. (*Луначарскій, А.* Двадцать третій сборникъ „Знанія"). 80) *Луначарскій, А. В.* Отклики жизни, Спб., 1906. 81) *Лухманова, Н. А.* Недочеты жизни современ. женщины. Вліяніе новѣйш. литературы на современ. молодежь. Двѣ лекціи, М., 1904, стр. 79—115. 82) *Львовскій.* Философія босячества, Спб., 1904. 83) *Львовъ-Рогачевскій, В.* Общественная пирамида. Борьба за жизнь, Спб., 1907, стр. 211—245. 84) *Львовъ-Рогачевскій, В.* Новая вѣра. Художникъ-правдоискатель. Снова наканунѣ, М., 1913, стр. 86—101, 163—186. 85) *Mazanovsky* Gorkij, Czechow, Wieresajew, Краковъ, 1907. 86) *Мендельсонъ, Н.* Очерки по исторіи русск. литературы, М., 1909. 87) *Меньшиковъ, М.* Красивый цинизмъ. Вожди народные.—Критич. очерки, т. II, Спб., 1902, стр. 1—84. 88) *Мережковскій, Д. С.* I. Грядущій Хамъ. II. Чеховъ и Горькій, Спб., 1906, и Полн. собраніе сочиненій, изд. т-ва „Вольфъ", т. XI, Спб., 1911; изд. т-ва Сытина, т. XIV, М., 1914. 89) *Минскій, Н.* Интеллигенція и мѣщанство.—На обществен. темы, Спб., 1909, стр. 200—205; 2-е изд., Спб., 1909. 90) *Михайловскій, Н. К.* О Горькомъ и его герояхъ.—Отклики, т. II, Спб., 1904, стр. 338—394. 91) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь. О повѣстяхъ и разсказахъ гг. Горькаго и Чехова. „На днѣ" г. Горькаго. Запоздалые счеты съ Батюшковымъ.—Послѣднія сочиненія, т. II, Спб., 1905, стр. 153—172, 389—398, 421—435. 92) *Михайловскій, Н. К.* Полное собраніе сочиненій, т. X, Спб., 1913, стр. 1073—1077. 93) *Михаилъ, герom.* Горькій и его проповѣдь живого идеала.—Новые и старые пути, Спб., 1904. 94) *Михаилъ, герom.* Что проповѣдуетъ Горькій?—Къ водѣ живой, Спб., 1904, стр. 40—49. 95) *Модестовъ, А.* О смыслѣ жизни въ русск. художествен. литературѣ XIX вѣка, вып. II, Спб., 1914, стр. 86—106. 96) *Морозовъ, М.* Молодая деревня. Мертвая жизнь.—Очерки новѣйшей литературы, Спб., 1911, стр. 171—196. 97) *Москаль, М.* Оправданіе зла. Пафосъ Горькаго, М., 1902. (*Отз.:* а) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1902, кн. IV. б) „Русск. Богат.", 1902, кн. V, стр. 104—106). 98) *Н. К.* Помяловскій и Горькій (Критическая параллель), Спб., 1903. (*Отз.:* а) „Всемірн. Вѣстн.", 1904, кн. II, стр. 219. б) „Русск. Мысль", 1904, кн. III, стр. 83). 99) Народная энциклопедія, т. VII, М., 1911, стр. 491—493, 556 и 559. 100) „На рубежѣ". Къ характеристикѣ современныхъ исканій, сборн., Спб., 1909, стр. 146—173. (Статья *Львова, В.*). 101) *Недолинъ, А. О.* Психологія босячества. (По сочиненіямъ М. Горькаго), Одесса, 1900. (*Отз.:* „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1900, кн. XI). 102) Необыкновенный случай съ Шаляпинымъ и М. Горькимъ, Кіевъ, 1909. 103) *Николаевъ, Н. И.* Возрожденіе г-жи Курдюковой.—Эфемериды, Кіевъ, 1912, стр. 207—216. 104) *Николаевъ, Н. Ѳ.* Вопросы жизни въ соврем. литературѣ, М., 1902. 105) *Новополинъ, Г.* Марксизмъ въ беллетристикѣ.—Въ сумеркахъ литературы и жизни, Харьковъ, 1902, стр. 205—214. 106) *Оболенскій, Л. Е.* М. Горькій и причины его успѣха. Критическ. этюдъ, Спб., 1903. (*Отз.:* Литерат. обозр.—„Вѣстн. Европы", 1903, кн. VIII, стр. 809—811). 107) Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка, подъ ред. *Л. Мартова, П. Маслова* и *А. Потресова*, т. I, Спб., 1909, стр. 483—537. (*Невѣдомскій, М.* Наша художественная литература предреволюціон. эпохи). 108) *Овсянико-Куликовскій, Д. Н.* Соціальные отбросы.—Собраніе сочиненій, т. V, Спб., 1909, стр. 221—239. 109) „Очерки реалистическаго міровоззрѣнія", сборн., Спб., 1904. (*Шулятиковъ.* Возстановленіе разрушенной эстетики). 110) *Петровъ, Г. С.* Драма жизни. Гдѣ выходъ? Мѣщанство души. Свѣтлый гость.—Братья писатели, Спб., 1903, стр. 1—14, 54—103, 134—167; 4-е изд., Спб., 1904. 111) *Плетневъ, А.* М. Горькій. Критич. очеркъ, Спб., 1902. 112) *Плехановъ, Г. В.* Отъ обороны къ нападенію, М., 1910. 113) *Полевой, П. Н.* Исторія русской словесности, т. III, Спб., 1900, стр. 628. 114) По поводу М. Горькаго и Марка Твена, Спб., 1906. 115) *Поричкій, И. Е., д-ръ.* М. Горькій и его произведенія. Съ прибавл. отзывовъ о Горькомъ *Михайловскаго, Меньшикова, Скабичевскаго, Минскаго* и др. и избран. изъ его произведеній афоризмовъ. Составилъ и перев. съ нѣмецк. *Н. И. Гасфельдъ*, Варшава, 1903. 116) *Протопоповъ, М.* Пропадающія силы. Беллетристы новѣйшей формаціи.—Критическ. статьи, М., 1902, стр. 320—419. 117) *Прохоровъ, Г. В.* Литерат.-идейная сторона въ произведеніяхъ М. Горькаго, Воронежъ, 1903. 118) Разсказы кстати. (Мнѣніе М. Горькаго объ евреяхъ, и друг.), Спб., 1903. 119) *Русаковъ, В.* Горькій въ каррикатурахъ и анекдотахъ, Спб., 1903. (*Отз.:* „Русск. Мысль", 1904, кн. VI, стр. 178). 120) „Русскія Вѣдомости" 1863—1913 гг., сборн., М., 1913, стр. 54. 121) *Руфимскій, П., свящ.* Основные мотивы творчества М. Горькаго, Казань, 1903. 122) *Скабичевскій, А. М.* Исторія новѣйшей русск. литературы, Спб., 1891; 7-е изд., Спб., 1909 (См. указ.). 123) *Скабичевскій, А. М.* Горькій. Герои-разрушители и герои-созидатели. Нов. теченія въ современ. литературѣ.—Сочиненія, 3-е изд., т. II, Спб., 1903, стр. 861—894, 894—915, 917—936. 124) Словарь членовъ Общества Любителей Россійской Словесности, М., 1911, стр. 89. 125) *Слуцкій, М. І., свящ.* Смыслъ жизни человѣка по произведеніямъ Андреева, Сологуба, Горькаго, Метерлинка и рѣшеніе его въ христіанствѣ, Харьковъ, 1910. 126) *Андреевичъ* (*Соловьевъ, Е.*) Книга о М. Горькомъ и А. П. Чеховѣ, съ прилож. автобіографіи Горькаго, Спб., 1900. (*Отз.:* а) Литерат. обозр.—„Вѣстн. Европы", 1900, кн. XII. б) *Ашевскій, С.*—„Образов.", 1901, кн. VII—VIII, стр. 129—135). 127) *Андреевичъ* (*Соловьевъ, Е.*). Очерки изъ исторіи русской литературы XIX в., Спб., 1902; 2-е изд., Спб., 1903; 3-е изд., Спб., 1907, стр. 531—538. 128) *Андреевичъ* (*Соловьевъ, Е.*). Опытъ философіи русской литературы, Спб., 1905, стр. 511—521; 2-е изд., Спб., 1909. 129) *Старый профессоръ.* Мысли и наброски. О зависимости настроенія нашей школы отъ

умственнаго состоянія самого общества. Спб., 1903, стр. 9—13. 130) [illegible] М. Горькій. Его творчество и его значеніе въ исторіи русск. словесности и въ жизни русскаго общества. Спб., 1904. (Отд. а) „Странникъ", 1904, кн. X. б) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1905, кн. I. в) „Петерб. Жизнь", 1905, № 79. г) „Русск. Богатств.", 1905, кн. III, стр. 93—94). 131) [illegible], М. Новѣйшіе русск. беллетристы, Кіевъ, 1901, стр. 64—97. 132) [illegible] М. Горькій. Критико-біографич. этюдъ. Перев. съ франц. [illegible], М., 1903. 133) [illegible] С. Правда о М. Горькомъ. Психологическій этюдъ, Кіевъ, 1902. 134) [illegible]. Факты и воззрѣнія. [illegible], М., 1904. (Отд. [illegible], 1904, кн. V, стр. 122). 135) [illegible], Л. [illegible] Горькаго. Горькій о религіи. [illegible] Ессей и [illegible]. Слова и [illegible], Спб., 1902, стр. 38—104. 136) [illegible], К. И. Отъ Чехова до нашихъ дней, Спб., 1908. 2-е изд., Спб., 1908, стр. 96—109; 3-е изд., Спб., 1908, стр. 98—107. 137) [illegible], К. И. [illegible]. Критич. разсказы, Спб., 1911, стр. 181—202. 138) [illegible], Г. Правда М. Горькаго.— [illegible], М., 1904, стр. 154—16[illegible], в Сочиненія, т. V, Спб., 1912. 139) [illegible]. Кошмарное время. Горькій въ „Фомѣ Гордѣевѣ". Критическіе очерки. Тетеревъ.- Критич. статьи, Спб., 1904, стр. 5—53, 98—110, 171—174. 140) [illegible], М. О., [illegible]. Психопатологія. [illegible] Тетеревъ М. Горькаго, Спб., 1904. 141) [illegible], М. О. Психопатологія и литература, Спб., 1910. 142) [illegible], Г. Ф. Герои М. Горькаго передъ [illegible] психіатріи. Публичная лекція, прочитанная 20 февр. 1904 г. въ Казани, Казань, 1904. (Отд. [illegible] В. И. К.—см. выше, № 24. б) „Русск. Богатств.", 1905, кн. III). 143) Энциклопедич. словарь, изд. Брокгаузъ-Ефронъ, т. IV, дополн., Спб., 1907. (Статья С. А. [illegible]). (См. [illegible]). 144) Новый энциклопедич. словарь, изд. Брокгаузъ-Ефронъ, т. XIV. (Статья С. А. [illegible]). 145) [illegible]. Открытое письмо М. Горькому, Спб., 1902. (Отд.: „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1902, кн. VIII). 146) [illegible], Е. Вокругъ сфинкса. Перев. съ польск. Л. [illegible], Спб., 1912. 147) И. Я. ([illegible]). Русская мысль, Спб., 1904; 2-е перераб. и дополн. изд., Спб., 1908, стр. 422—425; 3-е изд., Спб., 1914.

III. Періодическія изданія.

148) Л. Е. — „Кавказъ", 1897, №№ 295 и 327. 149) Скриба (Соловьевъ, Е.).—„Новости", 1897, № 334. 150) [illegible], В. Е. Въ поискахъ за молодыми беллетристами. Изъ записной книжки стараго критика. — „Нива", 1897, № 23. 151) [illegible], Е.—„Одесск. Новости", 1897, № 4150. 152) [illegible] — „Русск. Вѣд.", 1897, № 312. 153) [illegible], А.—„Сынъ Отечества", 1897, № 227. 154) Л. Е. — „Кавказъ", 1898, №№ 124 и 211. 155) [illegible], Ю. Въ мірѣ беллетристовъ. „Cosmopolis", 1898, кн. XI, стр. 95—120. 156) [illegible], А. ([illegible], А.). Критич. замѣтки. — „Міръ Божій", 1898, кн. VII, стр. 1—13. 157) [illegible], А. Тоскующій талантъ.—„Московск. Вѣд.", 1898, №№ 279 и 286. 158) [illegible], В. [illegible] — „[illegible]", 1898, кн. XI, стр. 45—59. 159) [illegible], В. — „Одесск. Новости", 1898, № 4200. 160) [illegible] — „Одесск. Новости", 1898, № 4271. 161) [illegible] ([illegible]). Наброски и [illegible]. Соврем. [illegible]. — „Одесск. Новости", 1898, № 4414. 162) [illegible]. О Горькомъ. „Русск. Вѣд.", 1898, № 170. 163) Михайловскій, Н. К. Литература и жизнь. О Горькомъ и его героихъ.—„Русск. Богатств.", 1898, кн. IX, стр. 55—75. 164) Михайловскій, Н. К. Литература и жизнь. Еще о М. Горькомъ и его героихъ. — „Русск. Богатств.", 1898, кн. X, стр. 61—94. 165) [illegible], А. М. Текущая литература.—„Сынъ Отечества", 1898, №№ 115, 123 и 219. 166) [illegible], Г. М. Горькій. — „[illegible]" [illegible], 1899—1900, стр. 75—158. 167) Е., А. ([illegible], А.). Критич. замѣтки. — „Міръ Божій", 1899, кн. IV, IX и XI. 168) В. Г. — „Нов. Время", 1899, № 8550, [illegible]. 169) [illegible], Н. — „Новости", 1899, № 28. 170) [illegible], Н. Новые типы въ соврем. [illegible] беллетристикѣ. — „Нов. Міръ", 1899, № 1. 171) [illegible], М. О М. Горькомъ. — „Одесск. Новости", 1899, № 4713. 172) [illegible]. Литерат. бесѣды. „Россія", 1899, №№ 20 и 23. 173) [illegible], М. [illegible] — „Русск. Мысль", 1899, кн. V, стр. 145—165, кн. VI, стр. 187—203. 174) Михайловскій, Н. К. Литература и жизнь. — „Русск. Богатств.", 1899, кн. I, стр. 76—99, кн. IV, стр. 189—219. 175) [illegible], А. Горькій. — „[illegible]", 1899, №№ 11 и 12. 176) [illegible], А. [illegible] (Автобіографія Горькаго). — „Семья", 1899, № 36, 5 сент. 177) [illegible] — „Русск. [illegible]" въ 1899 году. — „Восходъ", 1900, № 1. 178) [illegible], Е. О. Въ погонѣ за [illegible]. — „Вѣстн. Всемірн. Исторіи", 1900, кн. VII, [illegible], стр. 191—199. 179) [illegible], А. Зосимовъ. [illegible] изъ трехъ книгъ [illegible] Горькаго. — „Вѣстн. Европы", 1900, кн. V, стр. 381—[illegible]. 180) [illegible] (Очерки текущей русск. литературы. [illegible] — „Жизнь", 1900, кн. IV, VI и VIII. 181) [illegible], В. [illegible] — „Извѣстія книжн. магазиновъ т-ва Вольфъ по литературѣ, наукамъ и библіографіи", 1900, № 7, стр. 91—93. 182) М. Горькій и Ницше. — „Извѣстія книжн. магазиновъ т-ва Вольфъ по литературѣ, наукамъ и библіографіи", 1900, № 8—9, стр. 114—115. 183) [illegible], М. [illegible]. — „Книжки Недѣли", 1900, кн. IX, стр. 212—251. 184) [illegible], М. Критич. замѣтки. [illegible]. — „Книжки Недѣли", 1900, кн. X, стр. 205—242. 185) „Русск. Вѣд.", 1900, № 1[illegible]9 ([illegible]). 186) [illegible], Е. Литерат. [illegible] — „Курьеръ", 1900, № 45. 187) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1900, кн. VII. 188) Буренинъ, В. П.—„Нов. Время", 1900, №№ 8604 и 8605. 189) [illegible], П. [illegible] и культурный [illegible]. — „Н. в Міръ", 1900, № [illegible]4, стр. 213—214. 190) [illegible], А. Е. Новости литературы и журналистики. — „Одесск. Листокъ", 1900, № 25. 191) [illegible], Н. Журн. обозрѣніе. — „Одесск. Новости", 1900, №№ 4926, 4933, 4948, 4952 и 4959. 192) [illegible] ([illegible]). Наброски и недомолвки. — „Одесск. Новости", 1900, №№ 4910, 5000 и 5109. 193) „Одесск. Новости", 1900, №№ 5127 и 5133 (біограф.). 194) „Россія", 1900, № 287 (біограф.). 195) [illegible], А.— „Россія", 1900, № 3[illegible]. 196) Горькій о себѣ.—„Россія", 1900, № 5[illegible]5. 197) [illegible], М. Беллетристы новѣйшей формаціи.—„Русск. Мысль", 1900, кн. III, стр. 30—42; кн. IV, стр. 2[illegible]. 198) [illegible] литература.—„Русск. Вѣд.", 1900, № [illegible]. 199) „Сѣверн. Курьеръ", 1900, № 60. 200) „Сѣверн. Курьеръ", 1900, № 105, 19 апр. (біограф.). 201) [illegible], Л. Е. М. Горькій и идеи его [illegible] героевъ. — „Сѣверн. Курьеръ", 1900, №№ 196 и 198. 202) [illegible], Е. А. Горькій и его разсказы.—„Вѣстн. Европы", 1901, кн. XI, стр. 274—311. (Отд.: На [illegible]. Новый критикъ Горькаго. — „Міръ Божій", 1901, кн. XII, стр. 40—4[illegible]). 203) Брандесъ, Г. Maxim Gorki. — „Die Zeit", 1901. 204) Болѣзнь Горькаго. — „Живописн. Россія", 1901, № 23, стр. 217. 205) [illegible], А. — „Журналъ для всѣхъ", 1901, кн. VI. 206) [illegible], С. — Чеховъ и Горькій у нѣмцевъ. — „Извѣстія книжн. магазиновъ Вольфъ по литературѣ, наукамъ и библіографіи", 1901, № 3, стр. 27—31. 207) Шулятиковъ, В. Критич. этюды. — „Курьеръ", 1901, №№ 222, 236, 352 и 355. 208) Линовскій, А. Л. Представители современ. русск. повѣсти и оцѣнка ихъ литерат. критикой. — „Литерат. Вѣстн.", 1901, т. I, кн. I, стр. 26—36. 209) Переводы и критика М. Горькаго.—„Литерат. Вѣстн.", 1901, т. I, кн. I, стр. 120. 210) Сочиненія М. Горькаго на французскомъ языкѣ. — „Литерат. Вѣстн.", 1901, т. I, кн. II, стр. 239. 211) Л., А. Л. Статья Визевы о Толстомъ.—„Литерат. Вѣстн.", 1901, т. I, кн. III, стр. 366. 212) Изъ нѣмецкихъ журналовъ. — „Литерат. Вѣстн.", 1901, т. I, кн. III, стр. 367. 213) Чешскій журналъ „Osveta". — „Литерат. Вѣстн.", 1901, т. I, кн. III, стр. 369. 214) Нѣмецкій критикъ о М. Горькомъ. — „Литерат. Вѣстн.", 1901, т. I, кн. IV, стр. 495—496. 215) К., Л. Горькій у итальянцевъ. — „Литерат. Вѣстн.", 1901, т. II, кн. VI, стр. 183. 216) К—въ, В. Нѣмецкія журнальныя статьи и замѣтки. — „Литерат. Вѣстн.", 1901, т. II, кн. VI, стр. 184. 217) Rossica. — „Литерат. Вѣстн.", 1901, т. II, кн. VI, стр. 187. 218) Переводы Горькаго и Чехова.—„Литерат. Вѣстн.", 1901, т. II, кн. VI, стр. 187. 219) [illegible], М. Письма о современ. литературѣ. — „Научн. Обозр.", 1901, кн. II и VI. 220) [illegible]. — „Научн. Обозр.", 1901, кн. XII. 221) „Недѣля", 1901, №№ 24 и 26 (біограф.). 222) „Нижегор. Листокъ", 1901, № 3[illegible] (біогр.). 223) [illegible]. Мысли о беллетристикѣ. — „Нов. Время", 1901, № [illegible]. 224) [illegible]. Толстой, Чеховъ и Горькій. Настроеніе трехъ поколѣній.—„Нов. Время", 1901, № 9030. 225) „Нов. Время", 1901, № 9073 (о болѣзни Горькаго). 226) [illegible]. [illegible]. — „Нов. Время", 1901, № 9[illegible]. 227) [illegible]. Новыя идеи. — „Нов. Время", 1901, № 9133. 228) Буренинъ, В. — „Нов. Время", 1901, № 9[illegible]. 229) [illegible], Н. М. Горькій и его общественное значеніе.—„Образов.", 1901, кн. IV, стр. 29—44; кн. V—VI, стр. 1—24. 230) „Одесск. Новости", 1901, №№ 5465 и 5467 (біограф.). 231) [illegible], М. Изъ дневника публициста. — „Орловск. Вѣстн.", 1901, №№ 58, 72, 85 и 96. 232) „Пермск. Край", 1901, № 127 (біограф.). 233) Волынскій, А. Л. Современ. русск. беллетристика. — „Прибалт. Край", 1901, №№ 270, 271 и 272. 234) [illegible]. Кто такой Горькій? — „Приднѣпровск.

Край", 1901, № 1255. 235) *Воюз.* — „Revue de deux Mondes", 1901, № 1. 236) *Old Gentleman* (*Амфитеатровъ, А.*) Театр. альбомъ. — „Россія", 1901, № 927. 237) *Скабичевскій, А. М.* Изъ дневника стараго критика. Герои разрушители и герои созидатели.—„Русск. Мысль", 1901, кн. V. 238) *Скабичевскій, А. М.* Новыя теченія въ современной литературѣ.— „Русск. Мысль", 1901, кн. XI. 239) Французск. критикъ о М. Горькомъ. —„Русск. Вѣстн.", 1901, кн. IX, стр. 238—245. 240) *Игнатовъ, И.* Новости литературы.— „Русск. Вѣд.", 1901, № 11. 241) *Безобидный.* — „Самарск. Газета", 1901, № 30. (*Перепеч.:* Изъ біографіи М. Горькаго. — „Литерат. Вѣстн.", 1901, т. I, кн. II, стр. 238). 242) „С.-Петерб. Вѣд.", 1901, №№ 136 и 139 (О болѣзни Горькаго) 243) Изъ біографіи Горькаго.— „Саратовск. Дневн.", 1901, № 35. 244) „Волынь", 1902, № 55. (Объ избраніи Горькаго почетнымъ академикомъ). 245) *Мещерскій.*—„Гражданинъ", 1902, №№ 16 и 47 (Объ избраніи Горькаго почетн. академикомъ). 246) *Оболенскій, Л. Е.* Бесѣды о литературѣ и искусствѣ. Чеховъ и Горькій. — „Живоп. Обозр.", 1902, кн. I, стр. 87—98. 247) *Оболенскій, Л. Е.* Бесѣды о литературѣ и жизни. Идеалы Горькаго. — „Живоп. Обозр.", 1902, кн. II, стр. 251—272. 248) *Мирскій, В.* Наша литература.- „Журн. для всѣхъ", 1902, кн. XI. 249) „Кіевск. Слово", 1902, № 5324 (біограф.). 250) „Курьеръ", 1902, № 60. (Объ избраніи Горькаго почетнымъ академикомъ). 251) Изъ англійск. литературы. — „Литерат. Вѣстн.", 1902, т. III, кн. II, стр. 230. 252) М. Горькій и Д. Мережковскій въ Италіи. — „Литерат. Вѣстн.", 1902, т. III, кн. II, стр. 233. 253) *К., І.* Горькій, Толстой, Тургеневъ, Чеховъ, Мережковскій у итальянцевъ.—„Литерат. Вѣстн.", 1902, т. III, кн. II, стр. 234. 254) Горькій въ Америкѣ. - „Литерат. Вѣстн.", 1902, т. III, кн. IV, стр. 458—459. 255) *К., І.* Итальянскіе переводы русскихъ писателей. — „Литерат. Вѣстн.", 1902, т. III, кн. IV, стр. 459. 256) *З., Г.* А. Шольцъ о Горькомъ.—„Литерат. Вѣстн.", 1902, т. III, кн. IV, стр. 459. 257) Нѣмецк. книги, брошюры, журн. статьи и замѣтки о русск. писателяхъ. Перев. русск. писателей на нѣмецк. яз.—„Литерат. Вѣстн.", 1902, т. III, кн. IV, стр. 460 — 462 (указ. библіографія). 258) Англійск. критика о М. Горькомъ. — „Литерат. Вѣстн.", 1902, т. IV, кн. VI, стр. 177—178. 259) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). Критич. замѣтки. — „Міръ Божій", 1902, кн. I, стр. 1; кн. V, стр. 14—23. 260) *А. Я.* Гоголь и Горькій.—„Московск. Вѣд.", 1902, № 55. 261) *Бергъ, Л.* М. Горькій. Перев. *Москалевой.* — „Научн. Обозр.", 1902, кн. VII. 262) „Новости Дня", 1902, 20 апрѣля (біограф.). 263) *де-Суассонъ.* Горькій. Критич. очеркъ. Перев. съ англійскаго *Соловьевой.*—„Нов. журн. иностр. литературы", 1902, кн. VII, стр. 81 — 87. 264) *Львовскій, Л.* Женскіе типы М. Горькаго. — „Нов. Міръ", 1902, № 78. 265) Странички изъ жизни Горькаго.— „Образов.", 1902, кн. III, стр. 143—146. 266) „Одесск. Новости", 1902, № 5566. (Объ избраніи Горькаго почетнымъ академикомъ). 267) „Петерб. Газета", 1902, № 60. (Объ избраніи Горькаго почетнымъ академикомъ). 268) „Правительствен. Вѣстн.", 1902, № 56, 10 марта (Объ отмѣнѣ избранія Горькаго въ почетные академики). 269) „Приазовск. Край", 1902, № 5, 6 янв. (біограф.). 270) *Величко, В. Л.* Русск. рѣчи.—„Русск. Вѣстн.", 1902, кн V, VI и VII. 271) *Энгельгардтъ, Н. А.* М. Горькій, какъ художникъ.—„Русск. Вѣстн.", 1902, кн. VI, стр. 436—467. 272) *Брюсовъ, В.* Итальянцы о Горькомъ и Вересаевѣ. — „Русск. Листокъ", 1902, 16 іюня. 273) „Русск. Вѣд.", 1902, № 180 (біограф.). 274) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь. — „Русск. Богат.", 1902, кн. I, стр. 90—114. 275) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь. О повѣстяхъ и разсказахъ Горькаго и Чехова. „Русск. Богат.", 1902, кн. II, стр. 162—179. 276) „Русск. Слово", 1902, № 352 (біограф.). 277) „Саратовск. Дневн.", 1902, № 50. (Объ избраніи Горькаго почетнымъ академикомъ). 278) Горькій о своихъ произведеніяхъ. — „Саратовск. Дневн.", 1902, № 187. 279) Горькій и передѣлыватели. „Саратовск. Дневн.", 1902, № 200. 280) „Свѣтъ", 1902, № 58. (Объ избраніи Горькаго почетнымъ академикомъ). 281) Забытый разсказъ М. Горькаго. — „Сѣверо-Западн. Слово", 1902, № 1464. 282) „Харьковск. Лист.", 1902, № 822 (біограф.). 283) *Георгій, іеромон.* Мораль Горькаго.—„Вѣра и Разумъ", 1903, № 5, стр. 169—196. 284) *Мягковъ, Н. М.* Идеалы Горькаго.—„Вѣра и Церковь", 1903, № 1. 285) *Н.* Французск. критика о Горькомъ.- „Вѣстн. и библіотека самообразованія", 1903, № 40, стр. 1595—1601. 286) *Кочановъ, Н.* Міросозерцаніе и герои Горькаго —„Душеполезн. Чтеніе", 1903, кн. X—XI, стр. 506—515. 287) Наши современ. писатели. Горькій.—„Журн. для всѣхъ", 1903, кн. II, стр. 131—132 (біограф.). 288) *Агаевъ, А.* Горькій и мусульманство.- „Каспій", 1903, ноябрь. 289) У Горькаго.— „Книжн. Вѣстн.", 1903, № 2, стр. 57 — 58. 290) Поправляющійся Горькій.—„Книжн. Вѣстн.", 1903, № 22, стр. 708 — 709. 291) М. Горькій. - „Книжн. Вѣстн.", 1903, № 42, стр. 1348—1350. 292) Горькій въ оцѣнкѣ Л. Толстого. — „Книжн. Вѣстн.", 1903, № 43, стр. 1358 — 1359. 293) Рефератъ о Горькомъ въ Историч. музеѣ. — „Литерат. Вѣстн.", 1903, т. V, кн. I, стр. 136—137. 294) *Б., А.* Англійск. критикъ (Диллонъ) о Горькомъ.—„Литерат. Вѣстн.", 1903, т. V, кн. II, стр. 229—231. 295) Нѣмецкое народное изданіе Горькаго.— „Литерат. Вѣстн.", 1903, т. VI, кн. V, стр. 89. 296) О японск. переводахъ съ русскаго. „Литерат. Вѣстн.", 1903, т. VI, кн. VI, стр. 176. 297) Лекціи М. И. Покровской и Л. Е. Оболенскаго о М. Горькомъ.- „Литерат. Вѣстн.", 1903, т. VI, кн. VII—VIII, стр. 310—311. 298) „Литерат. Вечера", 1903, № 4. 299) На родинѣ. (*Вартанянцъ, С.* Воспоминанія о пребываніи Горькаго въ Тифлисѣ въ 1891 — 1892 гг. — „Міръ Божій", 1903, кн. III, стр. 18—20. 300) *Сементковскій, Р. И.* Что новаго въ литературѣ? — „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1903, кн. XI. 301) *Меньшовъ, А.* Ложь.—„Нов. Путь", 1903, кн. V, стр. 179. 302) *Философовъ, Д.* О лжи Горькаго. — „Нов. Путь", 1903, кн. VI, стр. 212 — 217. 303) *Меньшовъ, А.* Еще нѣсколько словъ о „лжи".—„Нов. Путь", 1903, кн. VII, стр. 245. 304) *Соловьева, Е.* Горькій въ сужденіяхъ народа. — „Образов.", 1903, кн. IX, стр. 85 — 100. 305) *Грибовскій, В.* Успѣхи Горькаго, какъ обществен. явленіе.—„Природа и Жизнь", 1903, № 3, стр. 231—238; № 4, стр. 329—338. 306) *Протопоповъ, М.* Письма о литературѣ.—„Русск. Мысль", 1903, кн. VI. 307) *И. Х.* Литературные „цѣнители и судьи" начала вѣка.— „Русск. Мысль", 1903, кн. XI—XII. 308) *М—въ, М.* Изъ иностран. печати. — „Русск. Вѣстн.", 1903, кн. VI, стр. 651. 309) *Величко, В.* Современ. лѣтопись. — „Русск. Вѣстн.", 1903, кн. X, стр. 712—714. 310) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь.—„Русск. Богат.", 1903, кн. IV. стр. 73—103; кн. X, стр. 91—110. 311) *Гельротъ, М.* Ницше и Горькій. Элементъ ницшеанства въ творчествѣ Горькаго. — „Русск. Богат.", 1903, кн. V, стр. 24—63. 312) „С.-Петерб. Вѣд.", 1903, № 21, 22 янв. (біограф.). 313) *С—нъ, А.* Гессенскіе студенты и Горькій. — „С.-Петерб. Вѣд.", 1903, № 333. 314) У Горькаго.—„Саратовск. Дневн.", 1903, № 44. 315) *Свой.* Встрѣча съ Горькимъ. — „Саратовск. Лист.", 1903, № 123. 316) Отзывъ о Горькомъ иностранца. — „Саратовск. Епарх. Вѣд.", 1903, № 23, стр. 1169 — 1170. 317) *Ѳ. А.* Какіе духовные недуги и потребности современ. жизни указываются пастырю Церкви произведеніями Горькаго? - „Странникъ", 1903, кн. V, стр. 761—773. 318) *Прохоровъ, Г.* Литерат.-идейная сторона въ произведеніяхъ М. Горькаго.—„Филологич. Записки", 1903, вып. I, стр. 1—30. 319) Почему Горькій исключенъ изъ партіи с. д.? — „Биржев. Вѣд.", 1904, № 11420. 320) *Щукинъ, Н. Н.* Типы и идеалы современ. русской беллетристики.— „Вѣра и Разумъ", 1904, № 1, стр. 42—47; № 2, стр. 104 — 119. 321) *Викторъ, іером.* Невольная исповѣдь Горькаго.—„Вѣра и Церковь", 1904, № 6, стр. 114—133. 322) *Викторъ, іером.* Новая исповѣдь Горькаго.— „Вѣра и Церковь", 1904, № 8, стр. 436 — 455. 323) *Вѣюковъ, С.* Жизнь сказка. Босякъ писатель.— „Вѣстн. Знанія", 1904, кн. V, стр. 76—89. 324) *Индровъ, А. С.* Прокурорское разслѣдованіе по дѣлу „босяковъ" Горькаго. — „Вѣстн. Знанія", 1904, кн. VI, стр. 35—45. 325) *Щегловъ, Л. В.* Настроеніе современ. личности.—„Вѣстн. Знанія", 1904, кн. X. 326) *Адріановъ, С.* Литерат. обозрѣніе. Въ поискахъ за смысломъ жизни. О сочиненіяхъ М. Горькаго. — „Вѣстн. и библіотека самообразованія", 1904, № 52, стр. 1896 - 1902; 1905, № 1, стр. 24—32, № 2, стр. 56 — 61, № 3, стр. 87—91. 327) *Брюсовъ, В.* Европейск. литература въ 1904 г. I. Россія.—„Вѣсы", 1904, кн. IX. 328) *Волжскій.* Литерат. отголоски. О нѣкоторыхъ мотивахъ творчества Горькаго.—„Журн. для всѣхъ", 1904, кн. I, стр. 49—60; кн. II, стр. 109 — 116. 329) Горькій въ Финляндіи. „Кіевск. Отклики", 1904, № 257. 330) *Ковровъ, А.* „Долой Горькаго!" (Корреспон. изъ Берлина). —„Кіевск. Отклики", 1904, № 267. 331) Переводы русск. писателей на греческ. языкъ. — „Литерат. Вѣстн.", 1904, т. VII, кн. I, стр. 107. 332) *Батюшковъ, Ѳ. Д.* Живая вѣра.—„Міръ Божій", 1904, кн. II, стр. 19—21. 333) *Невѣдомскій, М.* О современ. художествѣ. „Міръ Божій", 1904, кн. X. 334) *Трубецкой, С.* Лишніе люди и герои нашего времени. — „Научн. Слово", 1904, кн. I, стр. 31—46. 335) *Гершензонъ, М. О.* Литерат. обозр. — „Научн. Слово", 1904, кн. X, стр. 139—145. 336) *Стасовъ, В.* Неизлѣчимый. (По поводу статьи Буренина о Горькомъ). — „Новости", 1904, № 272. 337) *Минскій, Н.* Литература и искусство.— „Новости", 1904, № 327. 338) *Рудаковъ, В.* Русск. босяки и нѣмецк. интеллигенція. — „Нов. Міръ", 1904, № 136. 339) *Крайній, А.* (*Гиппіусъ, З. Н.*). Выборъ

мѣшка.—„Нов. Путь", 1904, кн. I, стр. 254—261. 340) Горькій на итальянской сценѣ.—„Петерб. Дневн. театрала", 1904, № 14. 341) *Стечкинъ, Н. Я.* М. Горькій. — „Русск. Вѣстн.", 1904, кн. I, стр. 134—154; кн. III, стр. 259—288, кн. IV, стр. 702—733, кн. V, стр. 291—313, кн. VI, стр. 758—778. 342) *Покровскій, А. И.* Современ. декадентство. — „Русск. Вѣстн.", 1904, кн. VI, стр. 555—556. 343) *Стародумъ, Н. Я.* Журн. обозр. — „Русск. Вѣстн.", 1904, кн. VI, стр. 788—789. 344) *Драгановъ.* Русск. языкъ въ японск. учебныхъ заведеніяхъ и русскіе писатели въ японскомъ переводѣ. — „Русск. Вѣстн.", 1904, кн. X, стр. 450—451. 345) *Соколовъ, Н. М.* Россія, Европа и человѣчество.—„Русск. Вѣстн.", 1904, кн. X, стр. 636, 668 и 671. 346) *Рѣдько, А. Е.* Диссонансы настроенія.—„Русск. Богат.", 1904, кн. X, стр. 1—22. 347) „Русь", 1904, № 272 (Горькій въ Финляндіи). 348) *Абаддона* (*Амфитеатровъ, А. В.*) Зарубежные отклики. — „Русь", 1904, № 303. 349) *Веніаминъ, герод.* Оцѣнка литерат. дѣятельности Горькаго съ эстетич. точки зрѣнія. — „Саратовск. Епарх. Вѣд.", 1904, № 22, стр. 1203—1207; № 23, стр. 1286—1292. 350) *Некрасовъ, И.* Фатальное творчество.—„Странникъ", 1904, кн. XII, стр. 819—828. 351) *Гальковскій, Н. М.* М. Горькій. Литерат. характеристика. — „Филологич. Записки", 1904, вып. I, стр. 1—22, вып. III—IV, стр. 23—43. 352) „Биржев. Вѣд.", 1905, № 8623 (Протестъ иностранцевъ противъ ареста Горькаго). 353) *Трапезниковъ.* Герои Горькаго, преступность и репрессіи.—„Вѣстн. Права", 1905, № 1. 354) *Чуновъ.* Кошмарное время.—„Ежемѣсячн. Сочин.", 1905, кн. III, стр. 14—23. 355) Къ дѣлу Горькаго. — „Кіевск. Отклики", 1905, № 99. 356) *Александръ, іером.* О литерат. дѣятельности Горькаго. — „Миссіонерск. Обозр." 1905, кн. V, мартъ, стр. 773—777. 357) *Басаргинъ, А.* Критическ. замѣтки. Они не дремлютъ. — „Московск. Вѣд.", 1905, № 170. 358) Германія. Агитація въ пользу Горькаго.—„Наша Жизнь", 1905, № 69. 359) Дѣло Горькаго.—„Наша Жизнь", 1905, № 82. 360) Грандіозная петиція.—„Новости", 1905, № 12. 361) Въ защиту Горькаго.—„Новости", 1905, №№ 19 и 39 (Протестъ иностранцевъ противъ ареста Горькаго). 362) *Г[illegible]цкій, М.* „Гражданинъ вселенной". — „Новости", 1905, №№ 41 и 42. (Объ арестѣ Горькаго). 363) Къ дѣлу М. Горькаго. — „Новости", 1905, № 88. 364) „Новости", 1905, № 106 (біограф.). 365) Въ защиту Горькаго.—„Новости Дня", 1905, №№ 7773 и 7774. (Протестъ иностранцевъ противъ ареста Горькаго). 366) *С[illegible]овъ, М.* М. Горькій въ Германіи. — „Новости Дня", 1905, № 7842. 367) *Жуковскій, Р.* Англійск. критика о М. Горькомъ.—„Новости Дня", 1905; № 7853. 368) Въ защиту Горькаго. — „Одесск. Новости", 1905, № 6566. 369) Къ дѣлу Горькаго. — „Одесск. Новости", 1905, № 6614. 370) Еще о дѣлѣ Горькаго. — „Одесск. Новости", 1905, № 6615. 371) *Дивильковскій, А.* М. Горькій.—„Правда", 1905, кн. II, стр. 119—138; кн. III, стр. 83—97; кн. IV, стр. 107—139. 372) *Луначарскій.* Жизнь и литература. — „Правда", 1905, кн. IV, стр. 217—237. 373) *Стародумъ, Н. Я.* Журн. обозр. — „Русск. Вѣстн.", 1905, кн. V, стр. 277; кн. XI, стр. 280; кн. XII, стр. 605. 374) „Русск. Вѣд.", 1905, №№ 20 и 21 (Протестъ иностранцевъ противъ ареста Горькаго). 375) *Рѣдько, А. Е.* Горькій и его послѣдніе разсказы. — „Русск. Богат.", 1905, кн. IX, стр. 1—19. 376) „Русь", 1905, № 43. (Объ арестѣ Горькаго). 377) Горькій и иностран. корреспонденты. — „Русь", 1905, № 46. 378) *Боцяновскій, В.* Критич. наброски.—„Русь", 1905, № 63. 379) Судъ надъ Горькимъ. — „Русь", 1905, № 64. 380) Здоровье Горькаго.—„Русь", 1905, № 90. 381) Къ дѣлу Горькаго. — „Русь", 1905, №№ 110 и 113. 382) *Шебуевъ, Н.* Горькій. Толстой. — „Русь", 1905, № 187. 383) Дѣло Горькаго. — „Слово", 1905, № 94. 384) Къ дѣлу М. Горькаго. — „Слово", 1905, № 117. 385) „Сынъ Отечества", 1905, №№ 20 и 22 (біограф.). 386) „Сынъ Отечества", 1905, № 61 (біограф.). 387) „Сынъ Отечества", 1905, № 68 (біограф.). 388) *Боголюбовъ, Н.* Герои М. Горькаго и ихъ міровоззрѣніе. — „Вѣра и Разумъ", 1906, № 8, стр. 257—279; № 9, стр. 293—319. 389) *Рѣдько, А.* Литерат. наброски. — „Русск. Богатство", 1906, кн. XI. 390) *Ильинскій, В.* Современ. литература и оцѣнка ея съ христіанск. точки зрѣнія. — „Странникъ", 1906, кн. VII—VIII, стр. 54—69. 391) *Измайловъ, А.* Литерат. замѣтки.—„Биржев. Вѣд.", 1907, № 10020. 392). Горькій въ защиту Финляндіи. — „Биржев. Вѣд.", 1907, № 10273. 393) *Красинъ, Н.* Нравствен. начала новѣйш. русск. художествен. литературы. — „Вѣра и Разумъ", 1907, № 5, стр. 633—640. № 6, стр. 786—794. № 7, стр. 90—95. 394) *Ѳоминъ, И., свящ.* За права жизни и личности.—„Вѣра и Разумъ", 1907, № 8, стр. 216—217. 395) *Саввинъ, Н.* Дѣти въ произведеніяхъ Горькаго.—„Вѣстн. Воспит.", 1907, кн. I, стр. 197—230. 396) *Блокъ, А.* Литерат. обозрѣніе. О реалистахъ. — „Золот. Руно", 1907, № 5, стр. 63—64. 397) *Измайловъ.* Новости литературы. Чего не достаетъ драмамъ Горькаго? — „Пробужденіе", 1907, № 12, стр. 205. 398) *Филосоровъ, Д. В.* Конецъ Горькаго. — „Русск. Мысль", 1907, кн. IV, стр. 122—141. 399) *И.* Литерат. отголоски.—„Русск. Вѣд.", 1907, № 163. 400) Новое воззваніе М. Горькаго. (Въ защиту Финляндіи). — „Рѣчь", 1907, № 305. 401) *Плеханов, Г. В.* Къ психологіи рабочаго движенія. — „Современ. Міръ", 1907, кн. V, стр. 1—17. 402) *Философовъ, Д. В.* Разложеніе матеріализма.—„Товарищъ", 1907, № 266. 403) *Брянцевъ, Д.* Разводъ и нов. доводы къ нему. — „Вѣра и Разумъ", 1908, № 14, стр. 229—230. 404) *Боголюбовъ, Н.* Современ. индивидуализмъ и „интеллигентное мѣщанство". — „Вѣра и Разумъ", 1908, № 19, стр. 67—68. 405) *Яновскій.* Литерат. распадъ. — „Вѣсы", 1908, кн. V. 406) *Элисъ.* Еще о соколахъ и ужахъ.—„Вѣсы", 1908, кн. VI. 407) *Бѣлгородъ, А.* Критич. замѣтки. Соціализмъ въ освѣщеніи г. Горькаго. — „Московск. Вѣд.", 1908, № 207. 407а) „Нижегородск. Листокъ", 1908, № 65 (біограф.). 408) *Боцяновскій, В.* О Горькомъ. — „Нов. Русь", 1908, № 25. 409) *Перцовъ, П.* Литерат. письма. Религія Горькаго. — „Нов. Время", 1908, № 11757. 410) *Кассій.* М. Горькій и Мессина. — „Нов. Время", 1908, № 11779. 411) *Перцовъ, М.* Горькій въ Италіи. — „Русск. Слово", 1908, № 46. 412) *Чулковъ, Г.* Правда М. Горькаго.—„Рѣчь", 1908, № 162. 413) Письмо Горькаго.—„Рѣчь", 1908, № 294. 414) *Философовъ, Д.* Дневникъ журналиста. Мѣщанское сердце.—„Слово", 1908, № 536. 415) *Ж—нъ, И.* Тѣнь ненужности. — „Слово", 1908, № 625. 416) *Новое, В.* Очерки современ. литературы.—„Слово", 1908, № 626. 417) *Кранихфельдъ, В.* Литерат. отклики. Послѣднія произведенія Горькаго. — „Соврем. Міръ", 1908, кн. X, стр. 63—81. 418) *Полонскій, Г.* Больная стихія. — „Бодр. Слово", 1909, № 7. 419) *Вѣнгрова, В.* У Горькаго.—„Нов. Русь", 1909, № 84. 420) *Боцяновскій, В.* Литерат. наброски. — „Нов. Русь", 1909, № 330. 421) *Буренинъ, В.* Критич. очерки. — „Нов. Время", 1909, № 12124. 422) *Винниченко.* Письмо М. Горькому. — „Одесск. Новости", 1909, № 7828. 423) Противъ Максима Горькаго. — „Правда Жизни", 1909, № 11. 424) Письмо Горькаго. — „Рѣчь", 1909, № 1. 425) „Рѣчь", 1909, № 39 (О привлеченіи М. Горькаго по 129 ст. уг. улож.). 426) Объ исключеніи М. Горькаго изъ с.-д. партіи. — „Рѣчь", 1909, № 317. 427) *Кранихфельдъ, В.* Литерат. отклики. — „Соврем. Міръ", 1909, кн. VI, стр. 74. 428) *Перцовъ.* Горькій продолжается.—„Нов. Время", 1910, № 12142, 31 дек. 428а) *Буренинъ, В.* Критич. очерки.—„Нов. Время", 1910, № 12384. 428б) *Измайловъ, А.* На чужихъ рельсахъ. — „Нов. Слово", 1910, № 2, стр. 62—65. 429) М. Горькій о воспитаніи. — „Педагогич. Лист.", 1910, кн. VII, стр. 546—547. 430) *Крайній, А.* (*Гиппіусъ, З. Н.*). Разочарованія и предчувствія.—„Русск. Мысль", 1910, кн. XII, стр. 175—184. 431) Горькій о воспитаніи. — „Русск. Слово", 1910, № 226. 432) *Чуковскій, К. И.* Пфуль.—„Рѣчь", 1910, № 85, 28 марта. 433) *Овсянико-Куликовскій, Д. Н.* Итоги русск. художествен. литературы. — „Вѣстн. Воспит.", 1911, кн. VI—VIII; 1912, кн. I. 434) *Адріановъ, С.* Критич. наброски.—„Вѣстн. Европы", 1911, кн. IV, стр. 382—391. 435) *Орловскій, П.* Литерат. наброски. — „Мысль", 1911, кн. II, стр. 55—62. 436) *Арабажинъ, К. И.* Горькій? Этапы творчества. — „Нов. журн. для всѣхъ", 1911, кн. I, стр. 87—92. 437) *Невѣдомскій, М.* О „новомъ" М. Горькомъ и новой русск. беллетристикѣ. — „Запросы Жизни", 1912, кн. VIII, стр. 489—496. 438) *Абрамовичъ, Н.* Проблема воли въ современной литературѣ. — „Нов. журн. для всѣхъ", 1912, кн. XI. 438а) *Кауфманъ А.* Какъ живетъ и работаетъ Горькій. — „Пробужденіе", 1912, № 11, стр. 363—364. 439) *Крайній, А.* (*Гиппіусъ, З.*) Беллетр. воды.—„Русск. Мысль", 1912, кн. VIII. 440) *Щепетьевъ, А.* Письмо изъ Франціи. — „Русск. Мысль", 1912, кн. VIII. 441) *Львовъ-Рогачевскій, В.* Художникъ-правдоискатель. — „Соврем. Міръ", 1912, кн. V, стр. 211—237. 442) *Клейнбортъ, Л.* М. Горькій и читатель низовъ. — „Вѣстн. Европы", 1913, кн. XII. 443) *Треплевъ.* М. Горькій на Волгѣ. (Воспоминанія).—„Путь", 1913, кн. IX—X. 444) *Треплевъ, А.* Какъ Горькій началъ свою карьеру? (Жизнь въ Самарѣ).—„Руль", 1913, № 424. (*Перепеч.*: „Бюллетени литературы и жизни", 1913, окт., № 3, стр. 160—162). 445) Нашъ привѣтъ Горькому.—„Заря", 1914, № 5. 446) *Григорьевъ, Р.* Поэтъ Окуровской Руси. — „Наша Заря", 1914, №№ 1 и 2. 447) *Клейнбортъ, Л.* Горькій на родинѣ.—„Современ.", 1914, кн. VI, стр. 32—41.

IV. Статьи и рецензіи о произведеніяхъ.

Букоемовъ, Карпъ Ивановичъ: 1) *Пентауръ (Брюсовъ, В. Я.).*—„Вѣсы", 1905, кн. V, стр. 46. 2) *Басаргинъ, А.* Критич. замѣтки. „Истомились мы"... — „Московск. Вѣд.", 1905, № 151. 3) *Арскій.* Изъ жизни и литературы.—„Новости Дня", 1905, № 7884. 4) *Геккеръ, Н.* Гдѣ же жалость? — „Одесск. Новости", 1905, № 6640. 5) *Бѣлявскій, Ф.* Горькая правда.—„Слово", 1905, № 157. *„Бѣсы" Ѳ. М. Достоевскаго:* см. *О Карамазовщинѣ. Варвары:* 1) *Луначарскій, А. В.* Отклики жизни, Спб., 1906. 2) *Львовъ.* „Варвары". Новая пьеса Горькаго. — „Вѣстн. Жизни", 1906, № 2, стр. 3 — 12. 3) *Абардовъ, М.* — „Вѣстн. Знанія", 1906, кн. III, стр. 363—372. 4) *Боцяновскій, В.* Критич. наброски.— „Двадцатый Вѣкъ", 1906, № 6. 5) *Сигурдъ.* — „Золот. Руно", 1906, № 4. 6) *Геккеръ, Н.* „Варвары". Новая пьеса М. Горькаго. — „Одесск. Новости", 1906, № 6913. 7) *Рѣдько, А. Е.* „Варвары" Горькаго. — „Русск. Богат.", 1906, кн. V, стр. 97—106. 8) *Н. З.*—„Русь", 1906, № 43. 9) *Тамаринъ, Н.* По поводу новой пьесы М. Горькаго.— „Слово", 1906, № 427. 10) *Негоревъ, Н.*— „Театръ и Искусство", 1906, № 15. 11) *Зигфридъ.* Эскизы. — „Театръ и Искусство", 1906, № 37. 12) *Горнфельдъ, А. Г.* Три драмы „Знанія". — Книги и люди, Спб., 1908, стр. 41 — 49. *Варенька Олесова:* 1) *Л. В.*—„Кавказъ", 1898, № 163. 2) Литерат. лѣтопись.—„Книжки „Недѣли", 1898, кн. V, стр. 188—190. 3) *Буренинъ, В.* Критич. очерки. — „Нов. Время", 1898, № 8075. 4) „Русск. Мысль", 1898, кн. VII, стр. 291. 5) *Скабичевскій, А.* Текущая литература.—„Сынъ Отечества", 1898, № 219. 6) *Скабичевскій, А.* Беллетристика въ 1898 г.—„Сынъ Отечества", 1899, № 1. 7) *Николаевъ, Н.* Вопросы жизни въ современ. литературѣ, М., 1902, стр. 537—541. 8) *Рѣдько, А.* Куда дѣвалась Варенька Олесова? (Около „проблемы пола" и около купальщицъ).—„Русск. Богат.", 1908, кн. XII, стр. 1—24. *Васса Желѣзнова: Бэнъ.* „Васса Желѣзнова" въ театрѣ Незлобина. — „Московск. Вѣд.", 1911, № 38. *Враги:* 1) *Измайловъ.* Новости литературы.—„Пробужденіе", 1907, № 11, стр. 192. 2) *Рѣдько, А. Е.*—„Враги" Горькаго и „Жизнь человѣка" Андреева.—„Русск. Богат.", 1907, кн. VI, стр. 106—114. 3) *Плехановъ, Г.* Къ психологіи рабочаго движенія. — „Соврем. Міръ", 1907, кн. V, стр. 1—17, и Отъ обороны къ нападенію, М., 1910. 4) *Старкъ, Э. А.* Перемѣщеніе литерат. симпатій. — „Театръ и Искусство", 1907, № 6, стр. 105—108; № 7, стр. 122—124. *Въ Америкѣ:* 1) *Ляцкій, Е.* Литерат. обозр. — „Вѣстн. Европы", 1906, кн. XII, стр. 833. 2) *Рѣдько, А.* Литерат. наброски. — „Русск. Богат.", 1906, кн. XI, стр. 116—142. 3) *Кранихфельдъ, В.* Литерат. отклики. Горькій и его америк. очерки. — „Соврем. Міръ", 1906, кн. XI, стр. 99—112. 4) *Горнфельдъ, А. Г.* Одиннадцатый сборникъ „Знанія". — Книги и люди, Спб., 1908, стр. 67—74. *Голодные:* „Вѣстн. Европы", 1899, кн. VIII, стр. 860. *Городокъ Окуровъ:* 1) *Адріановъ, С.* Критич. наброски. — „Вѣстн. Европы", 1910, кн. II. 2) *Малахіева-Мировичъ.*—„Русск. Мысль", 1910, кн. III, стр. 57; кн. X, стр. 323. 3) „Русск. Богат.", 1910, кн. I, стр. 144 — 148. 4) *Морозовъ, М.* Мертвая жизнь.—Очерки новѣйшей литературы, Спб., 1911, стр. 171—196. *Дачники:* 1) *Э—нъ.*—„Кіевск. Отклики", 1904, № 354. 2) *Батюшковъ, Ѳ.* Театральн. замѣтки. („Дачники" въ драматич. театрѣ Комиссаржевской). — „Міръ Божій", 1904, кн. XII, стр. 14—23. 3) *Неподомскій, М.* „Дачники" М. Горькаго.—„Наша Жизнь", 1904, №№ 7, 9 и 15. 4) *Сторонній наблюдатель.* Міръ искусства.— „Недѣля", 1904, № 2, стр. 11—13. 5) *Бѣляевъ, Ю.* „Дачники".—„Нов. Время", 1904, № 10310. 6) *Эль.* „Дачники". — „Новости", 1904, № 313. 7) *Тѣнь.* Горькій и дачники. — „Новости", 1904, № 317. 8) *Homo novus.* „Дачники".—„Русь", 1904, № 331. 9) *Homo novus.* Вечеръ среди „дачниковъ". — „Русь", 1904, № 332. 10) *Credo.* Со стороны. Не пьеса.— „Русь", 1904, № 334. 11) *Зигфридъ.* Эскизы.—„С.-Петерб. Вѣд.", 1904, № 311. 12) *Мечтатель.* Кто виноватъ? — „С.-Петерб. Вѣд.", 1904, № 329. 13) *Фаресовъ, А.* М. Горькій и его новая пьеса „Дачники". — „Слово", 1904, № 9. 14) *В. Д.* Драматич. театръ В. Ѳ. Комиссаржевской. — „Сынъ Отечества", 1904, № 2. 15) *Зигфридъ.* „Дачники" М. Горькаго. — „Театр. Газета", 1904, № 1, стр. 12 — 13. 16) *Кугель, А.* „Дачники". — „Театръ и Искусство", 1904, № 46, стр. 811—814. 17) *Ростиславовъ, А.* Природа и „Дачники". — „Театръ и Искусство", 1904, № 47, стр. 828—830. 18) „Театръ и Искусство", 1904, № 47, стр. 831—833. 19) *Негоревъ.*—„Театръ и Искусство", 1904, № 47, стр. 833—835. 20) *Колтоновская, Е. А.* Новости драматич. литературы.—„Вѣстн. и библіотека самообразованія", 1905, № 5, стр. 149—152. 21) *Пентауръ (Брюсовъ, В. Я.).*—„Вѣсы", 1905, кн. II, стр. 60. 21а) *Кречетовъ, С.* „Дачники" Горькаго на сценѣ Интернаціональнаго театра.—„Вѣсы", 1905, кн. III, стр. 93—94. 22) *Мовшъ.* Лѣтопись современ. литературы и жизни. — „Наука и Жизнь", 1905, № 2, стр. 490—501. 23) *Осиповъ, И.* „Дачники".—„Одесск. Новости", 1905, № 6551. 24) *Луначарскій, А.* Жизнь и литература.—„Правда", 1905, кн. IV, стр. 217—237. (*Перепеч.:* Отклики жизни, Спб., 1906, стр. 1—35). 25) *Стародумъ, Н. Я.* Журн. обозр.—„Русск. Вѣстн.", 1905, кн. III, стр. 249 и 273. 26) *И.* „Дачники". — „Русск. Вѣд.", 1905, № 65. 27) *Рѣдько, А. Е.* Горькій о виноватыхъ и Андреевъ о неповинныхъ.—„Русск. Богат.", 1905, кн. II, стр. 47—61. 28) *Боцяновскій, В.* — „Русь", 1905, № 29. 29) *Философовъ, Д.* Завтрашнее мѣщанство.—Слова и жизнь, Спб., 1909, стр. 38—49. *Двадцать шесть и одна:* 1) *Сементковскій, Р. И.* Что новаго въ литературѣ?— „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1900, кн. III. 2) *Г., Н.* „Двадцать шесть и одна". — „Одесск. Новости", 1900, № 4839. *Достоевскій, Ѳ. М.:* см. *О Карамазовщинѣ. Дружки:* „Міръ Божій", 1900, кн. XII, стр. 113. *Дѣти солнца:* 1) *Горбановъ.* Театральн. обозр. — „Всемірн. Вѣстн.", 1905, кн. XI, стр. 130—133. 2) *Аничковъ, Е. В.*— „Вѣстн. и библіотека самообразованія", 1905, № 45, стр. 1430—1432. 3) *Бѣляевъ, Ю.*—„Нов. Время", 1905, № 10637. 4) *Фриче, В.* — „Правда", 1905, кн. XII. 5) *А., Ю.* (*Айхенвальдъ, Ю. И.*). Современ. искусство.— „Русск. Мысль", 1905, кн. XII, стр. 223—226. 6) „Театръ и Искусство", 1905, № 29, стр. 457; № 42—43, стр. 673 — 676; № 44, стр. 694 — 697. 7) *Homo novus.* Замѣтки. — „Театръ и Искусство", 1905, № 42—43, стр. 678—680. 8) *Ляцкій, Е.* Литерат. обозр.—„Вѣстн. Европы", 1906, кн. I, стр. 374. 9) *Ходасевичъ, В.*— „Золот. Руно", 1906, кн. I. 10) *Батюшковъ, Ѳ. Д.* Театральн. замѣтки.—„Міръ Божій", 1906, кн. VII. 11) *Налимовъ, А.* О „Дѣтяхъ солнца".—„Наука и Жизнь", 1906, № 1. 12) *Львовъ (Рогачевскій, В.).* Обществен. пирамида.—„Образов.", 1906, кн. IV, стр. 68. (*Перепеч.:* Борьба за жизнь, Спб., 1907, стр. 211—245). 13) *Тихомировъ, Д. И.* „Дѣти солнца" и „Дѣти земли".—„Педагогич. Лист.", 1906, кн. I, стр. 1—16. 14) *Рѣдько, А. Е.* Литерат. наброски.— „Современность", 1906, кн. II, апрѣль, стр. 1—25. 15) *Ильинскій, В.* „Дѣти солнца" Горькаго. Изъ исторіи нравствен. культуры нашихъ дней.— „Странникъ", 1906, кн. IV, стр. 584 — 611. 16) *Кугель.* Берлинск. впечатлѣнія.—„Театръ и Искусство", 1906, № 34, стр. 520—521. 17) *Середа, Т.* Опытъ критич. разбора драмы Горькаго „Дѣти Солнца", Спб., 1907. *Дѣтство: Кранихфельдъ, В. И.* Утро жизни. — „Соврем. Міръ", 1914, кн. XII. *Жизнь ненужнаго человѣка:* 1) *Носковъ, Н.* Современ. литература. — „Образов.", 1908, кн. XI, стр. 74. 2) *Кранихфельдъ, В. И.* Литерат. отклики. Послѣднія произведенія Горькаго.—„Современ. Міръ", 1908, кн. X, стр. 63—82. 3) *Гофманъ, В.*— „Вѣсы", 1909, кн. I, стр. 89. 4) *Крайній, А.* (*Гиппіусъ, З.*). Въ литературѣ.—„Русск. Мысль", 1911, кн. XI, стр. 26. *Землетрясеніе въ Калабріи и Сициліи:* 1) *Анксъ.* Книга Горькаго о землетрясеніи въ Сициліи. „Биржев. Вѣд.", 1909, № 11410. 2) „Русск. Вѣд.", 1909, № 221. 3) *Блокъ, А.* Горькій о Мессинѣ.—„Рѣчь", 1909, № 94. *Исповѣдь:* 1) *Измайловъ, А.* Русск. человѣкъ на духу.— „Образов.", 1908, кн. VII, стр. 1. 2) *Львовъ, В.* (*Рогачевскій*). Новая вѣра. — „Образов.", 1908, кн. VII стр. 19. (*Перепеч.:* Снова наканунѣ, М., 1913, стр. 86—101). 3) *Гофманъ, В.* — „Русск. Мысль", 1908, кн. VIII, стр. 167. 4) *И—т., И.* Литерат. отголоски.—„Русск. Вѣд.", 1908, № 173. 5) *Кранихфельдъ, В. И.* Литерат. отклики. Послѣднія произведенія Горькаго. — „Современ. Міръ", 1908, кн. X, стр. 63—82. 6) *Колосовъ, Н., свящ.* „Исповѣдь" М. Горькаго передъ судомъ православнаго читателя, М., 1909. 7) *Странникъ, Лука* (*Гизо*). Религія М. Горькаго, Посадъ Азовъ, 1909. 8) *Плехановъ, Г.* „Исповѣдь", какъ проповѣдь „новой религіи". — „Соврем. Міръ", 1909, кн. X, стр. 188—200. *Каинъ и Артемъ:* 1) *Измайловъ, А.*—„Биржев. Вѣд.", 1899, № 29. 2) *Соловьевъ, В. Н.*—„Волжск. Вѣстн.", 1899, № 86. 3) *Басаргинъ.*—„Московск. Вѣд.", 1899, № 51. 4) „Нов. Обозр.", 1899, № 5166. 5) *И—т.*— „Русск. Вѣд.", 1899, № 13. 6) *Скабичевскій, А.* — „Сынъ Отечества", 1899, № 20. *Карилка:* 1) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). Критич. замѣтки. — „Міръ Божій", 1899, кн. IV, стр. 15—18. 2) *Скабичевскій, А.* — „Сынъ Отечества", 1899, №№ 121 и 128. *Лѣто:* 1) *Амфитеатровъ, А.* „Лѣто". — „Одесск. Новости", 1909, № 7765. 2) *Г., Н.*—XXVII сборн. „Знанія".—„Одесск. Новости", 1909, № 7986. 3) *И.* Литерат. отголоски.—„Русск. Вѣд.", 1909, № 288. 4) *Амфитеатровъ, А.* Разговоры по душѣ, М., 1910, стр. 29—45. 5) *Адріановъ, С.* Критич. наброски. — „Вѣстн. Европы", 1910, кн. II. 6) *Морозовъ, М.* Молодая деревня.— „Наша Заря", 1910, кн. I, стр. 0—44. (*Перепеч.:* Очерки новѣйшей литературы, Спб., 1911, стр. 171—196). 7) *Кранихфельдъ, В. И.* Литерат. отклики.—Праздникъ любви у Горькаго. — „Соврем. Міръ", 1910, кн. III, стр. 110—125.

Мальва: 1) Литерат. лѣтопись.—„Книжки „Недѣли“, 1897, кн. XII, стр. 221—224. 2) *Ляцкій, Н.*—„С.-Петерб. Вѣд.“, 1897, № 316. 3) *Соловьев, В. Н.* Изъ замѣтокъ читателя.—„Волжск. Вѣстн.“, 1898, № 14. 4) *Николаевъ, Н.* Вопросы жизни въ современ. литературѣ, М., 1902, стр. 481—488. 5) *Хвостовъ, С.* М. Горькій. Разсказъ „Мальва“, Кіевъ, 1903. *Маленькій Кожемякинъ:* *Левъ Рогачевскій.*—„Соврем. Міръ“, 1911, кн. X, стр. 334. *Мать:* 1) *Луначарскій, А.* Отклики жизни, Спб., 1906, стр. 218—225. 2) *Ляцкій, Е. А.* Литерат. обозр.—„Вѣстн. Европы“, 1907, кн. V, стр. 342. 3) *Крайній, А.* (*Гиппіусъ, З.*). Братская могила.—„Вѣсы“, 1907, кн. VII, стр. 57—64. 4) *Дмитріевъ, Н.* Журн. обозр.—„Образов.“, 1907, кн. VIII, стр. 96. 5) *Львовъ, В.* (*Рогачевскій, В.*). Изъ жизни и литературы. На пути въ Эммаусъ.—„Образов.“, 1907, кн. XI, стр. 38—86. 6) *А—скій.*—„Образов.“, 1908, кн. IV, стр. 87. 7) Открытое письмо русск. рабочихъ къ Горькому, какъ автору „Матери“.—„Труженикъ“, 1908, № 8. *Мужикъ:* 1) *Измайловъ, А.* Литерат. обозр.—„Биржев. Вѣд.“, 1900, № 128. 2) *Голоушевъ, В.* Литерат. отголоски.—„Курьеръ“, 1900, № 105. 3) *Н.* Новости литературы.—„Русск. Вѣд.“, 1900, № 97. *Мѣщане:* 1) „Мѣщане“ въ Вѣнѣ и Берлинѣ.—„Литерат. Вѣстн.“, 1902, т. IV, кн. V, стр. 81. 2) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). Критич. замѣтки.—„Міръ Божій“, 1902, кн. V, стр. 14—23. 3) *Андреевичъ* (*Соловьевъ, Е.*).—„Научн. Обозр.“, 1902, кн. IV, стр. 171—182. 4) „Мѣщане“ Горькаго за границей.—„Нов. Міръ“, 1902, № 91. 5) *Кранихфельдъ, В. П.* Журн. замѣтки. Мѣщанство и его значеніе.—„Образов.“, 1902, кн. VII—VIII, стр. 159—169. 6) „Русск. Мысль“, 1902, кн. XI. 7) *Михайловскій, Н. К.*—„Русск. Богат.“, 1902, кн. IV, стр. 58—62. (*Перепеч.:* Полн. собраніе сочиненій, т. X, Спб., 1913, стр. 1073—1077). 8) Вѣнская критика о „Мѣщанахъ“.—„Саратовск. Дневн.“, 1902, № [illegible]. 9) *К—скій, Б.* Правда жизни.—„Сѣверъ“, 1902, № 22, стр. 693—704. 10) *Бибиковъ, И.* Горькій, какъ драматургъ, М., 1903. 11) *Петровъ, Г. С.* Мѣщанство души.—Братьямъ писателямъ, Спб., 1903, стр. 68—103; 4-е изд., Спб., 1904, стр. 61—92. 12) *Стояровъ-Сухановъ.* Современ. жизнь въ „Мѣщанахъ“ М. Горькаго, Кіевъ, 1903. 13) *Трескинъ, Л. Н.* Мѣщанскій вѣкъ. (Размышленіе по поводу сочиненія М. Горькаго: „Мѣщане“) (Оттискъ изъ газеты „Кіевск. Слово“), Кіевъ, 1903. 14) *Яровой, А.* Объ одномъ изъ типовъ Горькаго.—„Вѣстн. Воспит.“, 1903, кн. III, стр. 60—85. 15) *Мирскій, В.* Наша литература.—„Журн. для всѣхъ“, 1903, кн. VI. 16) *Амфитеатровъ, А. В.* Записная книжка о Горькомъ.—Литерат. альбомъ, Спб., 1904; 2-е изд., Спб., 1907, стр. 75—78. 17) *Амфитеатровъ, А.* „Мѣщане“ въ Палермо.—Контуры, Спб., 1906, стр. 54—63. *На днѣ:* 1) *Мирскій, В.* Наша литература.—„Журн. для всѣхъ“, 1902, кн. XI; 1903, кн. II—III. 2) *Бибиковъ, И.* Горькій, какъ драматургъ, М., 1903. 3) *Богомолецъ, А.* Къ характеристикѣ новѣйш. теченій въ области русской мысли. М. Горькій и его „На днѣ“. „Мысль“ Леонида Андреева. Два критич. очерка, Одесса, 1903. 4) *Дикъ, Н.* М. Горькій. „На днѣ“. Критич. этюдъ. (Міросозерцаніе М. Горькаго. Какой должна быть драма? Горькій, какъ художникъ. Горькій, какъ мыслитель и проч.), М., 1903; 2-е изд., М., 1903. 5) *Жиркевскій, Е.* Житейскій адъ. Симптомы литерат. эволюціи, Спб., 1903, стр. 3—12. 6) *Княжнинъ, И.* Смыслъ пьесы Горькаго „На днѣ“. Криминальные намеки въ пьесѣ „На днѣ“, Одесса, 1903. 7) „На днѣ“ М. Горькаго. Подлинное либретто съ краткимъ обзоромъ произведенія. Подъ ред. *Л. Гурвича*, Одесса, 1903. 8) *Овсянико-Куликовскій, Д. Н.* Соціальные отбросы. „На днѣ“ М. Горькаго, Харьковъ, 1903. (*Перепеч.:* Собраніе сочиненій, т. V, Спб., 1909, стр. 221—239). 9) *Петровъ, Г. С.* Свѣтлый гость.—Братьямъ писателямъ, Спб., 1903, стр. 134—167; 4-е изд., Спб., 1904, стр. 120—151. 10) *Федоровскій, С. Л.* Утѣхи гордости. О „человѣкѣ“ въ „На днѣ“ М. Горькаго. Критическ. этюдъ, Спб., 1903. 11) *Ляцкій, Е. А.* По поводу пьесы „На днѣ“.—„Вѣстн. Европы“, 1903, кн. IV, стр. 857—868. 12) *Аничковъ, Е.* „На днѣ“ Горькаго и современ. драма.—„Вѣстн. Знанія“, 1903, кн. III. (*Перепеч.:* Литерат. образы и мнѣнія, Спб., 1904, стр. 97—126). 13) *Апостоловъ, Н.* Литерат. обозрѣніе.—„Вѣстн. и библіотека самообразованія“, 1903, № 15, стр. 683—686. 14) *Арбатовъ, С. А.* „На днѣ“ М. Горькаго. Критическій набросокъ.—„Литерат. Вѣстн.“, 1903, т. V, кн. II, стр. 214—226. *Отдѣльно* Спб., 1903. 15) Успѣхъ пьесы Горькаго „На днѣ“ въ Германіи.—„Литерат. Вѣстн.“, 1903, т. V, кн. III, стр. 379. 16) „На днѣ“ М. Горькаго на болгарской сценѣ.—„Литерат. Вѣстн.“, 1903, т. VI, кн. VII—VIII, стр. 302. 17) *Батюшковъ, Ѳ.* Театральн. замѣтки. „На днѣ“ въ Московск. Художест. театрѣ.—„Міръ Божій“, 1903, кн. I, стр. 90—107. 18) *П., Э.* „На днѣ“ Горькаго въ Берлинскомъ театрѣ.—„Міръ Божій“, 1903, кн. IV, стр. 79—89. 19) *Батюшковъ, Ѳ.* Еще нѣсколько словъ по поводу „На днѣ“.—„Міръ Божій“, 1903, кн. VI, стр. 1—15. 20) *Миролюбовъ, В.* О первомъ представленіи пьесы „На днѣ“.—„Міръ Искусства“, 1903, № 1, стр. 6—8. 21) *К. С.* Герои „Дна“. Нѣсколько замѣчаній Н. К. Михайловскому.—„Новости“, 1903, № 10[illegible]. 22) *Меньшиковъ, А.* Ложь.—„Нов. Путь“, 1903, кн. V, стр. 179. 23) *Меньшиковъ, А.* Еще нѣсколько словъ о „лжи“.—„Нов. Путь“, 1903, кн. VII, стр. 245. 24) *Амосовъ, Н.* Изъ жизни и литературы.—„Образов.“, 1903, кн. IV, стр. 49—71. 25) *А., Ю.* (*Александровичъ, Ю. Н.*). Соврем. искусство. „На днѣ“.—„Русск. Мысль“, 1903, кн. I. 26) *Зеличъ, Н.*—„Русск. Вѣд.“, 1903, № 130. (*Перепеч.:* Вѣнская критика о послѣдней пьесѣ Горькаго.—„Литерат. Вѣстн.“, 1903, т. V, кн. IV, стр. 531—532). 27) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь. „На днѣ“ г. Горькаго. Запоздалые счеты съ г. Батюшковымъ.—„Русск. Богат.“, 1903, кн. IV, стр. 73—103; кн. X, стр. 91—120. (*Перепеч.:* Послѣднія сочиненія, т. II, Спб., 1905, стр. 389—398, 421—435). 28) *Шимановъ, Н. В.* По прочтеніи „На днѣ“ Горькаго.—„Филологич. Записки“, 1903, вып. III, стр. 1—6. *Отдѣльно:* Воронежъ, 1903. 29) *Амфитеатровъ, А. В.* Записная книжка о Горькомъ.—Литерат. альбомъ, Спб., 1904, стр. 8—27; 2-е изд., Спб., 1907, стр. 44—64. 30) *Волынскій, А. Л.* „На днѣ“.—Книга великаго гнѣва, Спб., 1904, стр. 146—150. 31) Московск. Художествен. театръ. „На днѣ“ М. Горькаго. Вып. I. Изд. Ю. Лепковскаго, М., 1904. 32) *Тарабукинъ, псевд.*, вм. Герои „На днѣ“ М. Горькаго съ біологической точки зрѣнія, Спб., 1904. 33) *Трезвинъ.* Фактъ и возможность. („На днѣ“ М. Горькаго). Этюдъ, М., 1904. (*Отзыв.:* *Налимовъ.*—„Образов.“, 1904, кн. V, стр. 122). 34) *Волжскій.* О нѣкотор. мотивахъ творчества Горькаго.—„Журн. для всѣхъ“, 1904, кн. I, стр. 49—56, кн. II, стр. 109—116. (*Перепеч.:* Изъ міра литерат. исканій, Спб., 1906, стр. 130—162). 35) *Амфитеатровъ, А.* „На днѣ“ въ Римѣ.—Контуры, Спб., 1906, стр. 63—69. 36) *Анненскій, И. Ѳ.* Три соціальныхъ драмы.—Книга отраженій, т. I, Спб., 1906, стр. 127—146. 37) *Импрессіонистъ.*—„Театръ и Искусство“, 1907, № 33, стр. 536—538. *Озорники:* 1) *Л. В.*—„Кавказъ“, 1897, № 266. 2) Литерат. лѣтопись.—„Книжки „Недѣли“, 1897, кн. IX, стр. 277—279. 3) „Русск. Мысль“, 1897, кн. IX, стр. 427—432. 4) *Николаевъ, Н.* Вопросы жизни въ современ. литературѣ, М., 1902, стр. 430—440. *О Карамазовщинѣ:* 1) „Биржев. Вѣд.“, 1913, № 13792 (Отз. *Батюшкова, Ѳ. Д., Венгерова, С. А., Иванова-Разумника, Р. В., Мережковскаго, Д. С.* и *Ремизова, А. М.* См. ихъ письмо въ ред.—„Рѣчь“, 1913, 12 окт.). 2) Вокругъ Достоевскаго и Горькаго.—„Бюллетени литературы и жизни“, 1913, окт., № 4, стр. 199—210; дек., № 7, стр. 393—400; 1914, янв., № 10, стр. 586—593. 3) „День“, 1913, № 265. 4) *Витамскій, А.*—„За правду“, 1913, № 3. 5) „За правду“, 1913, № 23. 6) „Московск. Газета“, 1913, № 280. 7) „Нов. Рабоч. Газета“, 1913, № 60. 8) *Старый Джонъ.*—„Нов. Время“, 1913, № 13488. 9) *К. И.* „Бѣсы“ въ Московск. Художеств. театрѣ и Горькій.—„Нов. журналъ для всѣхъ“, 1913, кн. XII. 10) *М—нъ, Н.*—„Полт. День“, 1913, № 124. 11) *Арцыбашевъ, М.*—„Рампа и Жизнь“, 1913, № 39. 12) *Невѣдомый.*—„Россія“, 1913, № 2426. 13) *Ашешовъ, А.*—„Руль“, 1913, № 128. 14) *Московск. Художеств. театръ.* Открытое письмо М. Горькому.—„Русск. Вѣд.“, 1913, № 221. 15) *Игнатовъ, И.*—„Русск. Вѣд.“, 1913, № 2[illegible]2. 16) *Кускова, Е.*—„Русск. Вѣд.“, 1913, № 254. 17) *Благорѣчевъ.*—„Русск. Вѣд.“, 1913, № 267. 18) „Русск. Вѣд.“, 1913, № 285. 19) *Философовъ, Д. В.*—„Русск. Слово“, 1913, № 224. 20) *Мережковскій, Д. С.* Горькій и Достоевскій.—„Русск. Слово“, 1913, № 286. 21) *Бенуа, А.*—„Рѣчь“, 1913, № 267. 22) *Глаголь, С.*—„Столичн. Молва“, 1913, № 336. 23) *Степпунъ, Ѳ.*—О „Бѣсахъ“ Достоевскаго и письмахъ Горькаго.—„Сѣверн. Записки“, 1913, кн. XI, стр. 120—136. 24) *Нѣто новъ.*—„Театръ и Искусство“, 1913, № 44. 25) *Нѣто новъ.*—„Театръ и Искусство“, 1913, № 93. 26) „Утро“, 1913, № 2105. 27) *Койранскій, А.*—„Утро Россіи“, 1913, № 220. 28) „Утро Россіи“, 1913, № 221. 29) *Кривцовъ, М.*—„Утро Россіи“, 1913, № 260. *О писателяхъ-самоучкахъ:* *С—о, С.* Горькій о писателяхъ самоучкахъ.—„Педагогич. Листокъ“, 1911, кн. IV, стр. 292—294. *Очерки и разсказы:* см. *Разсказы. Ошибка:* *Семеновъ, Р. Н.* Что новаго въ литературѣ?—„Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1895, кн. XI. *Писатель, который зазнался:* 1) „Литерат. Вечера“, 1901, кн. IV, стр. 253—254. 2) „Петерб. Газета“, 1901, № 89. *Послѣдніе:* 1) *Василій Сизовичъ.* Маленькій фельетонъ. Больное и здоровое творчество.—„Нов. Время“, 1908, № 11599. 2) *Айхенвальдъ, Ю. И.*—„Русск. Мысль“, 1908, кн. VI, стр. 119. 3) *Измайловъ, А.*—„Русск. Слово“, 1908, № 114. 4) *Кранихфельдъ*-

фельдъ, В. Литерат. отклики. — „Соврем. Міръ“, 1908, кн. VII, стр. 76. *Пѣсня о буревѣстникѣ* и *Пѣсня о соколѣ*: *Малиновскій, И.* Дешевый общедоступн. книги.—„Русск. Мысль“, 1905, кн. VI, стр. 235. *Разрушеніе личности*: *Брандтфельдъ, В.* Литерат. отклики.—„Соврем. Міръ“, 1909, кн. VI, стр. 90—100. *Разсказъ Филиппа Васильевича*: 1) „Кіевск. Отклики“, 1905, № 94. 2) *Боцяновскій, В.* Критич. наброски.—„Русь“, 1905, № 70. 3) *Чуковскій, М.* Критич. этюды. — „Слово“, 1905, № 104. *Разсказы* (см. также въ отд. періодическ. изд. 1898 — 1901 гг.): 1) *Баттюшковъ, О.* Въ мірѣ босяковъ. — Cosmopolis“, 1898, кн. XI, стр. 95—120. (*Переч.:* Критич. очерки и замѣтки, т. I, Спб., 1900, стр. 145 - 176). 2) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). Критич. замѣтки.—„Міръ Божій“, 1898, кн. VII, стр. 1—13. 3) *Басаринъ, А.* Критич. замѣтки. Тоскующій талантъ. — „Московск. Вѣд.“, 1898, №№ 279 и 286. 4) *Old Gentleman* (*Амфитеатровъ, А.*). Книги за недѣлю.—„Нов. Время“, 1898, № 7989, прилож. 5) *Мякій, И.* Литература и искусство. — „Новости“, 1898, № 135. 6) *Носе, В.* Пѣвецъ протестующей тоски. — „Образов.“, 1898, кн. XI, стр. 46—59. 7) „Русск. Мысль“, 1898, кн. I, стр. 39; кн. VIII, стр. 307. 8) *Ипатовъ.*—„Русск. Вѣд.“, 1898, № 170. 9) „Русск. Богат.“, 1898, кн. VII, стр. 30 — 36. 10) *Малайловскій, Н. К.* Литература и жизнь. О Горькомъ и его герояхъ. Еще о Горькомъ и его герояхъ.—„Русск. Богат.“, 1898, кн. IX, стр. 55—75; кн. X, стр. 61—94 (*Переч.:* Отклики, т. II, Спб., 1904, стр. 338—394). 11) *Скабичевскій, А.* Текущая литература.— „Сынъ Отечества“, 1898, №№ 116, 123 и 219. и М. Горькій.— Сочиненія, 3-е изд., т. II, Спб., 1903, стр. 861—894. 12) *Волынскій, А. Л.* — „Сѣверн. Вѣстн.“, 1898, кн. X - XII. (*Переч.:* Борьба за идеализмъ, Спб., 1900, стр 344 - 350). 13) *Д. С.* - „Новости“, 1899, № 354. 14) „Новь“, 1899, № 9. 15) *Протопоповъ, М. А.* Пропадающія силы. — „Русск. Мысль“, 1899, кн. V, стр. 146 — 165; кн. VI, стр. 187—204. (*Переч.:* Критич. статьи, М., 1902, стр. 320—377). 16) *Ульяновскій, А.* Горькій. - „Саратовск. Листъ.“, 1899, №№ 11 и 12. 17) *Андреевичъ* (*Соловьевъ, Е.*). Очерки текущей русск. литературы. Вольница.—„Жизнь“, 1900, кн. IV, VI и VIII. 18) *Полферъ, Т.* Критич. очерки.—„Курьеръ“, 1900, №№ 273, 287 и 303. 19) *Назаревъ, К. В.* Литерат. обозр.—„Литерат. Вечера“, 1900, № 5. 20) *Б., А.* (*Богдановичъ*).—„Міръ Божій“, 1900, кн. VIII, стр. 82. 21) „Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1900, кн V. 22) *Буренинъ, В.* — „Нов. Время“, 1900, №№ 8654 и 8805. 23) *Протопоповъ, М.* Беллетристы повѣйшей формаціи. — „Русск. Мысль“, 1900, кн. III, стр. 30 — 42; кн. IV, стр. 236—250. (*Переч.:* Критич. статьи, М., 1902, стр. 378 — 419). 24) *В. Ш.* Литерат. очерки. — „С.-Петерб. Вѣд.“, 1900, № 287. 25) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). — „Міръ Божій“, 1901, кн. XI, стр. 76. 26) *И.* Литерат. новости.—„Русск. Вѣд.“, 1901, № 338. 27) „Русск. Мысль“, 1902, кн. V, стр. 137. *Сказки*: 1) *Алексѣевъ.* Въ литерат. мірѣ.—„Биржев. Вѣд.“, 1911, № 12448. 2) „Сибирск. Жизнь“, 1912, № 281. 3) „Бюллетени литературы и жизни“, 1913, февр., № 11, стр. 278—279. 4) „Русск. Богат.“, 1913, кн. II. 5) *В—ій, В.* — „Утро Россіи“, 1913, № 10. *Случай изъ жизни Макара*: *Колтоновская, Е. А.* — „Нов. Жизнь“, 1912, кн. VII. *Супруги Орловы*: 1) Литерат. лѣтопись.— „Книжки „Недѣли“, 1897, кн. XI, стр. 195—197. 2) *Ладожскій, Н.* Критич. наброски.— „С.-Петерб Вѣд.“, 1897, № 323. 3) *Скабичевскій, А.* Текущая литература.—„Сынъ Отечества“, 1897, № 303. *Тоска*: „Образов.“, 1896, кн. IX. *Трое*: 1) „Биржв. Вѣд.“, 1900, № 339. 2) Обзоръ печати.—„Нов. Обозр.“, 1900, № 8564. 3) *Геккеръ, И.* „Трое“.—„Одесск. Новости“, 1900, № 5156. 4) „Ежемѣсячн. Сочин.“, 1901, кн. II, стр. 160. 5) *М., М. Н* Журн. обозр. — „Литерат. Вѣстн.“, 1901, т. I, кн. III, стр. 347- 348. 6) *Ольгъ Райтъ.* Трое или „дорогу босяку“. (Отрывокъ изъ будущей комедіи „Босяки“) — „Нов. Время“, 1901, № 9263. 7) *Геккеръ, И.* Герои улицы. — „Одесск. Новости“, 1901, № 5487. 8) *Новорскій, В. Г.* (*Гусаковъ, И. С.*). Наша текущая жизнь.—„Русск. Богат.“, 1901, кн. II, стр. 185—189; кн. III, стр. 182—183; кн. V, стр. 182; кн. VII, стр. 82. 9) Романъ М. Горькаго „Трое“ (О переводѣ его на французск. яз.).—„Литерат. Вѣстн.“, 1902, т. III, кн. III, стр. 345. 10) *Б., А.* (*Богдановичъ*). Критич замѣтки.— „Міръ Божій“, 1902, кн. I, стр. 1. 11) *І—ни, Р.* Литерат. замѣтки.—„Нов. Обозр.“, 1902, № 9930. 12) *Скабичевскій, А.* Споръ двухъ читателей о повѣсти Горькаго: „Трое“.—„Новости“, 1902, № 15. 13) *Колтоновская, Е. А.* Новое о старомъ у М. Горькаго.— „Образов.“, 1902, кн. I, стр. 23. 14) *Оболенскій, Л. Е.* Новая повѣсть М. Горькаго.—„Одесск. Листъ.“, 1902, № 5. 15) *Измайловъ.* Протестующее міщанство и его идеалы. — „Сѣверъ“, 1902, № 5, стр. 151—158. *Тюрьма*: 1) *Смирновъ.* „Вѣсы“, 1905, кн. IV, стр. 48. 2) *В., Л.* — „Образов.“, 1905, кн. VIII, стр. 86. 3) *Геккеръ, И.* Про попое.—„Одесск. Новости“, 1905, № 6617. 4) *И.* Литерат. отголоски. — „Русск. Вѣд.“, 1905, № 96. 5) *Бялыскій, Ф.* На волю. — „Слово“, 1905, № 88. 6) „Слово“, 1905, № 89. *Хозяинъ*: *Ожеговъ, А.*—„Соврем. Слово“, 1913, № 1929. (*Переч.:* Нынѣшній М. Горькій.—„Бюллетени литературы и жизни“, 1913, іюнь, № 20, стр. 900 — 902). *Челкашъ*: 1) „Русск. Мысль“, 1895, кн. VIII, стр. 410—412. 2) *Николаевъ, И.* Вопросы жизни въ соврем. литературѣ, М., 1902, стр. 153—155. *Человѣкъ*: 1) *Амфитеатровъ, А. В.* Записная книжка о Горькомъ.—Литерат. альбомъ, Спб., 1904; 2-е изд., Спб., 1907, стр. 65—75. 2) *Басаринъ, А.* Критич. замѣтки. Мефистофельская школа.—„Московск. Вѣд.“, 1904, № 321. 3) *Буренинъ, В.* Критич. очерки.—„Нов. Время“, 1904, № 10221. 4) *Чулковъ, Г.*—„Нов. Путь“, 1904, кн. VI, стр. 219. 5) *И.* — „Русск. Вѣд.“, 1904, № 124. 6) *Журналистъ.* О сборн. т-ва „Знаніе“ за 1903 г.— „Русск. Богат.“, 1904, кн. VIII, стр. 129—149. *Человѣкъ. Отрывки изъ воспоминаній*: 1) „Русск. Богат.“, 1905, кн. VII, стр. 59—61. 2) *Самосвой, В. А.*— „Вѣсы“, 1906, кн. II, стр. 77. *Чудовки*: 1) „Раннее Утро“, 1910, № 205. 2) *Орловскій, И.* Литерат. наброски.—„Мысль“, 1911, кн. II. *Фома Гордѣевъ*: 1) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). Критич. замѣтки.—„Міръ Божій“, 1899, кн. IV; кн. IX, стр. 67—70; кн. XI, стр. 1—4. (*Переч.:* Годы перелома, Спб., 1908). 2) *Семенниковскій, Р. И.*—„Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1899, кн. XI, стр. 647—657. 3) *Львовъ.* Слѣпая сила. — „Одесск. Новости“, 1899, № 4773. 4) *Геккеръ, И.* — „Одесск. Новости“, 1899, № 4815. 5) *Мордовцевъ.* Литерат. бесѣды. — „Россія“, 1899, № 233. 6) *И—тъ.* Новости литературы и журналистики. — „Русск. Вѣд.“, 1899, № 195. 7) *Скабичевскій, А.* Текущая литература.—„Сынъ Отечества“, 1899, №№ 210, 217 и 314. 8) *Чуковскій, М.* Горькій въ „Фомѣ Гордѣевѣ“.—„Ежемѣсячн. Сочин.“, 1900, кн. IX, стр. 13—37. (*Переч.:* Критич. статьи, Спб., 1904). 9) „Литерат. Вечера“, 1900, кн. III. 10) *Басаринъ, А.* Критич. замѣтки. Разслоеніе купеческой среды. — „Московск. Вѣд.“, 1900, №№ 221 и 228. 11) *К. И.*— „Образов.“, 1900, кн. I, стр. 98. 12) *Ст—ій, П. О.* Къ публицистическимъ итогамъ прошлогодней беллетристики.—„Сынъ Отечества“, 1900, №№ 87 и 88. 13) *Яроцкій, А.* О русск. жизни и русск. интеллигенціи. Человѣкъ и окружающая его среда. — „Сѣверн. Курьеръ“, 1900, №№ 83 и 86. 14) *Шестовъ, Л.*— „Торгово-промышлен. Газета“, литерат. прилож., 1900, № 15. 15) *Энтерманъ, К.* Борецъ съ прозой жизни. О „Фомѣ Гордѣевѣ“ М. Горькаго. Харьковъ, 1901. 16) *Боцяновскій, В.* Литерат. жизнь. — „Литерат. Вѣстн.“, 1901, т. II, кн. VIII, стр. 345—352. 17) *Кольчакъ.* Русск. душа.—Маленькія мысли, т. III, Спб., 1904, стр. 286—295. 18) *С. А. В.* Фома Гордѣевъ въ разсказѣ Горькаго, какъ соціально-психологич. явленіе, Елабуга, 1904.

Л. Я. Гуревичъ.

Сочиненія Л. Я. Гуревичъ.

I. Беллетристика.

А. Произведенія, изданныя отдѣльно.

1) **Плоскогорье.** Романъ. Спб., 1897, 8°, стр. 359, 1.200 экз. 2) **Сѣдокъ и другіе разсказы.** Изд. М. Пирожкова, Спб., 1901, 8°, стр. 2 + 284 + 1, 3.000 экз. (*Содерж.:* Сѣдокъ (1900).—У рулетки (1902).—Порученіе (1899).—Шурочка (1891).—Странная исторія (1894).—Тоска (1897).—Ребенокъ (1901).—Разсѣянность (1901).—Въ сибѣ (1902).—Неоконченное письмо (1900).

Б. Произведенія, напечатанныя въ періодическихъ изданіяхъ.

3) Шурочка. Эскизъ.—„Сѣверн. Вѣстн.“, 1893, кн. II, стр. 145—174. (Подъ псевдонимомъ: *Л. Горевъ*).

4) Порученіе. Пов.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1893, кн. X, стр. 195—235. 5) Странная исторія. Изъ маленькихъ разск.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1894, кн. XI, стр. 177—180 (Подписано: *Н. Н.*). 6) Разлука. Прологъ къ ром.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1895, кн. IX, стр. 269—282. 7) Плоскогорье. Ром.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1896, кн. IX, стр. 186—232; кн. X, стр. 177—211; кн. XI, стр. 179—230; кн. XII, стр. 189—220; 1897, кн. I, стр. 231—277; кн. II, стр. 179—226; кн. III, стр. 215—260, кн. IV, стр. 189—233. 8) Тоска. Разск.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1897, кн. X, стр. 257. 9) Сѣлокъ. Разск.—„Жизнь", 1900, кн. I, стр. 22. 10) Безъ борьбы. Разск.—„Россія", 1901. 11) Разсѣянность. Разск.—„Россія", 1901. 12) У рулетки. Разск.—„Живоп. Обозр.", 1902. 13) Въ свѣта. Пов.—„Міръ Божій", 1902, кн. X, стр. 35. 14) Къ солнцу. Пов.—„Образов.", 1905, кн. I, стр. 175; кн. II, стр. 79. 15) Братъ. Разск.—„Нива", ежемѣсячн. прилож., 1907, кн. VIII. 15а) Смѣна. Драма.—„Русск. Мысль", 1907, кн. III, стр. 137—197.

II. Критика, искусство и публицистика.

А. Произведенія, изданныя отдѣльно.

16) 9-е января по даннымъ анкетной комиссіи. Изд. О. Поповой. Спб., 1906. 17) Почему нужно дать женщинамъ всѣ права и свободу? Изд. „Вѣрнаго Пути", Спб., 1906, 8°, стр. 32, 5000 экз. 18) Литература и эстетика. Критич. опыты и этюды. Изд. „Русск. Мысли", М., 1912, 8°, стр. IV+321+2, 2.000 экз. (*Содерж.*: Предисловіе.—Воскресеніе Гоголя.—Гоголь и Пушкинъ.—Гоголь, какъ предвѣстникъ художеств. обновленія театра.—Посмертный ликъ Чехова.—Оторванныя души (О Л. Андреевѣ и Ѳ. Соллогубѣ).—„Анатэма".—Приближеніе кризиса (Альманахъ „Смерть".—„Вѣрность" Б. Зайцева.—Журн. „Аполлонъ".—Сборн. „Куда мы идемъ?").—Дальнозоркіе („Огненный ангелъ" В. Брюсова. Первая книга разск. М. Кузмина).—Безъ мѣрилъ (Нѣсколько словъ объ эволюціи искусства и объ отсталости литературы.—„Наше преступленіе" И. Родіонова и К. Чуковскій.—Новое въ старомъ и старое въ новомъ.—„Деревня" И. Бунина и „Движенія" Сергѣева-Ценскаго).—Мечты и мысли о новой драмѣ.—Художествен. завѣты Толстого.—Отъ „быта" къ „стилю".—Изъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ.—Изъ воспоминаній о Н. С. Лѣсковѣ.—Альбовъ (Характеристика).

Б. Произведенія (за исключеніемъ рецензій), напечатанныя въ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ.

19) М. К. Башкирцева.—„Русск. Богат.", 1888, кн. II, стр. 73—122. 20) Элеонора Дузэ.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1891, кн. VIII, стр. 117—135 (*Не подписано*). 21) О. Н. Смирнова.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1894, кн. I, стр. 190. 22) Изъ дневника журналиста. Личныя воспоминанія о Н. С. Лѣсковѣ.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1895, кн. IV, стр. 64—68. 23—24) Изъ дневника журналиста. Пьеса Гауптмана „Ганнеле".—„Сѣверн. Вѣстн.", 1895, кн. V, стр. 100—104. 25) Письмо въ ред.—„Нов. Время", 1896, № 7187. 26) Идеализмъ и буржуазность.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1896, кн. I, стр. I—VI. (Совмѣстно съ *А. Волынскимъ*) (*Перепеч.*: А. Л. *Волынскій*: Книга великаго гнѣва, Спб., 1904, стр. 456—460). 27) Провинц. печать.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1896, кн. IV, стр. 1—9; кн. V, стр. 283—292; кн. VI, стр. 298—306; кн. VII, стр. 241—255; кн. VIII, стр. 293—303; кн. IX, стр. 11—20; кн. XI, стр. 48—59. (Подъ псевдонимомъ: *Л. Горевъ*). 28) Провинц. печать.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1897, кн. [illegible], стр. 300—317; кн. VIII, стр. 105—116. 29) Новости иностранной литературы.—„Жизнь", 1900, кн. I, стр. 37; кн. II, стр. 363; кн. IV, стр. 347; кн. V, стр. 227. 30) Возрожденіе театра. (Художествен. театръ въ Москвѣ).—„Образов.", 1904, кн. IV, стр. 75. 31) Народное движеніе въ Петербургѣ 9-го января 1905 г.—„Былое", 1906, кн. I, стр. 200—229. 32) Оторванныя души (О Л. Андреевѣ и Ѳ. Сологубѣ).—„Правда Жизни", 190[illegible]. 33) Воспоминанія о Толстомъ.—„Слово", 1908, 28 и 29 авг. 34) Взгляды Гоголя на искусство актера и режиссера. (Гоголь, какъ предвѣстникъ художествен. обновленія театра).—„Ежегодн. Импер. Театровъ", 1909, кн. II, стр. 14—27. 35) Воскресеніе Гоголя.—„Нов. журн. для всѣхъ", 1909. 36) Замѣтки о современ. литературѣ. „Анатэма" Л. Андреева. Нѣсколько словъ о предчувств. литерат. кризисѣ.—„Русск. Мысль", 1909, кн. XII, стр. 100. 37) Памяти О. Н. Чюминой.—„Русск. Вѣд.", 1909, № 200. 38) Гоголь и Пушкинъ.—„Слово", 1909. 39) Замѣтки о современ. литературѣ. Новые лозунги и старые пріемы (Приближеніе кризиса). (Альманахъ „Смерть".—„Вѣрность" Б. Зайцева.—Журн. „Аполлонъ".—Сборн. „Куда мы идемъ?").—„Русск. Мысль", 1910, кн. I, стр. 63—80. 40) Замѣтки о современ. литературѣ. Посмертный ликъ Чехова.—„Русск. Мысль", 1910, кн. II, стр. 115—138. 41) Замѣтки о современ. литературѣ. Дальнозоркіе („Огненный Ангелъ" В. Брюсова. Первая книга разсказовъ М. Кузмина).—„Русск. Мысль", 1910, кн. III, стр. 143—155. 42) Замѣтки о современ. литературѣ. Мечты и мысли о новой драмѣ.—„Русск. Мысль", 1910, кн. IV, стр. 146. 43) Замѣтки о современ. литературѣ. Безъ мѣрилъ. (Нѣсколько словъ объ эволюціи искусства и объ отсталости литературы.—„Наше преступленіе" И. Родіонова и К. Чуковскій.—Новое въ старомъ и старое въ новомъ.—„Деревня" И. Бунина и „Движенія" Сергѣева-Ценскаго).—„Русск. Мысль", 1910, кн. V, стр. 157—172. 44) Юбилей М. Г. Савиной.—„Русск. Вѣд.", 1910, № 47. 45) Гастроли Художествен. театра въ С.-Петербургѣ.—„Русск. Вѣд.", 1910, № 95. 46) „Живой трупъ" въ Художествен. театрѣ.—„Всеобщій Ежемѣсячникъ", 1911, кн. XI, стр. 97—109. 47) Художествен. завѣты Толстого.—„Русск. Мысль", 1911, кн. III, стр. 117; кн. IV, стр. 127. 48) М. Н. Альбовъ.—„Русск. Мысль", 1911, кн. VIII, стр. 150. 49) Отъ „быта" къ „стилю".—„Русск. Мысль", 1911, кн. XI, стр. 84. 50) О посмертныхъ художествен. произведеніяхъ Толстого.—„Русск. Мысль", 1911, кн. XII, стр. 92—109; 1912, кн. I, стр. 87—103. 50а) О „Живомъ трупѣ" Л. Толстого.—„Запросы Жизни", 1912, № 15, стр. 929—931. 51) „Гамлетъ" въ Московск. Художествен. театрѣ.—„Нов. Жизнь", 1912, кн. IV. 52) Апологія Б. Шоу. (По поводу книги Амона).—„Русск. Мысль", 1912, кн. XI, стр. 1. 53) Изъ воспоминаній о Н. Ѳ. Анненскомъ.—„Русск. Вѣд.", 1912, № 181. 54) Комедіи Тургенева на сценѣ Художествен. театра.—„Современ.", 1912, кн. V, стр. 310—321. 55) Художествен. литература. (Обзоръ).—„Ежегодникъ газеты „Рѣчь" на 1913 г.", стр. 372—393. 56) Послѣдн. постановки Художествен. театра.—„Русск. Мысль", 1913, кн. V. 57) Новыя письма Чехова.—„Сѣверн. Записки", 1913, кн. III, стр. 97—110. 58) Новыя письма Чехова.—„Русск. Мысль", 1914, кн. I. 59) Нѣмецкій романтизмъ и символизмъ нашего времени.—„Русск. Мысль", 1914, кн. IV. 59а) Возвращеніе домой.—Русск. Мысль", 1914, кн. X и XI. 59б) Война и современ. литература.—„Сѣверн. Записки", 1914, кн. XII, стр. 55.

Кромѣ указаннаго, Л. Я. Гуревичъ напечатала множество статей и замѣтокъ о театрѣ, искусствѣ и литературѣ въ „Сынѣ Отечества", „Нашей Жизни", „Товарищѣ", „Словѣ" (въ 1908—1909 гг. завѣдывала театральнымъ отдѣломъ), „Рѣчи", „Русск. Вѣд.", „Русск. Молвѣ" (въ 1913 г., завѣдывала театральнымъ отдѣломъ) и „Запросахъ Жизни". Сотрудничала также въ „Освобожденіи".

III. Переводы и вступительныя статьи къ нимъ.

60) *Башкирцева, М.* Дневникъ. Перев. съ французск., подъ ред. Л. Гуревичъ.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1892, кн. V, стр. 143—178; кн. VI, стр. 45—80; кн. VII, стр. 185—217; кн. VIII, стр. 197—235; кн. IX, стр. 143—174; кн. X, стр. 145—176; кн. XI, стр. 157—212; кн. XII, стр. 93—1[illegible]0. 61) *Башкирцева, М.* Дневникъ. Перев. съ франц., подъ ред. Л. Гуревичъ. Съ прилож. статей Гладстона и Ф. Коппе. Изд. „Сѣверн. Вѣстн.", Спб., 1893, 8°, стр. XI+478, 1.000 экз.; 2-е дополн. изд., Спб., 1893, 8°, стр. XVI+464, 1.200 экз. 62) *Башкирцева, М.* Дневникъ. Переводъ подъ ред. Л. Я. Гуревичъ. Изд. т-ва М. О. Вольфъ, Спб., 1902, 8°, стр. XIX+539, 3.000 экз.; 2-е изд., Спб., 1910, 8°, стр. 543, 2000 экз. 63) *Бодлеръ, Ш.* Стихотворенія въ прозѣ. Перев. подъ ред. Л. Гуревичъ и С. Парчокъ. Со вступит. статьей Л. Гуревичъ. Изд. „Посѣвъ", Спб., 190[illegible], 12°, стр. 160, 2.000 экз. 64) *Букеръ, В.* Автобіографія негра, общественнаго дѣятеля.—„Міръ Божій", 1902, кн. I, стр. 173—197; кн. III, стр. 181—204. 65) *Мопассанъ, Г.* Полное собраніе сочиненій, т. XII. Перев. съ французск. М. А. Энгельгардтъ и Л. Я. Гуревичъ. Изд. т-ва „Просвѣщеніе", Спб., 1910, 12°, стр. 346, 5.000 экз. 66) *Ренанъ, Э.* Маркъ Аврелій и конецъ античн. міра. Перев. съ французск. Спб., 1902, 8°, стр. II+468, 3.000 экз.; (2-е изд.) Спб., 1906, 8°, стр. II+468, 3.000 экз. 67) *Спиноза, Б.* Переписка, съ прилож. жизнеописанія Спинозы, Колеруса. Перев. съ латинск. Л. Я. Гуревичъ, подъ ред. и съ примѣч. А. Л. Волынскаго. Спб., 1891, 8°, стр.

VIII + XIII + 432, 500 экз. 68) *Стендаль.* Проповѣдникъ. Ром. Перев. Гуревичъ. Изд. А. Суворина, Спб., 1905, 8°, стр. 288 + 320, 3.000 экз. 69) *Уордъ, Г.* Гельбекъ изъ Баннисдэля. Ром. въ 5 кн. Перев. съ англійск. подъ ред. Л. Я. Гуревичъ, Спб., 1899, 8°, стр. 306. 70) *Франсъ. А.* Красная лилія. Ром. Перев. съ французск. — „Сѣверн. Вѣстн.", 1897, кн. VII, стр. 189; кн. VIII, стр. 221; кн. IX, стр. 241; кн. X, стр. 226; кн. XI, стр. 259; кн. XII, стр. 243. 71) *Френсенъ, Г.* Іёрнъ Уль. Ром. Перев. съ нѣмецк. — „Міръ Божій", 1903, кн. I, стр. 1; кн. II, стр. 33; кн. III, стр. 65; кн. IV; кн. V, стр. 121; кн. VI, стр. 149; кн. VII, стр. 165; кн. VIII, стр. 189. 72) *Шницлеръ, А.* Фрау Берта Гарланъ. Ром. Перев. съ нѣмецк. „Міръ Божій", 1901, кн. V, стр. 169; кн. VI, стр. 154; кн. VII, стр. 203. 73) *Шницлеръ, А.* Фрау Берта Гарланъ. Ром. Перев. съ нѣмецк. Л. Г. Изд. О. Поповой, Спб., 1903, 8°, стр. 194, 2.000 экз.

Литература о Л. Я. Гуревичъ.

I. Книги.

1) Галлерея русск. писателей и художниковъ. Состав. *Н. Мартовъ*, изд. П. Ѳ. Мертца, Спб., 1901, стр. 88. 2) Галлерея русскихъ писателей, изд. Скирмунта, М., 1901, стр. 515. 3) *Глинскій, Б. Б.* Болѣзнь или реклама?—Очерки русскаго прогресса, Спб., 1900, стр. 388—422. 4) Исторія русской литературы XIX в., подъ ред. *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго*, изд. т-ва „Міръ", 5 тт., М., 1908—1912. (См. указ.) 5) *Молоствовъ, Н. Г.* Борецъ за идеализмъ, 2-е изд., Спб., 1903, стр. 321—396 (Объ изданіи Гуревичъ „Сѣверн. Вѣстника"). 6) Памятная книжка окончившихъ курсъ на С.-Петерб. Высшихъ женскихъ курсахъ, 2-е дополн. изд., Спб., 1897; 3-е изд., Спб., 1902; 4-е изд., Спб., 1903. 7) „Русскія Вѣдомости" 1863—1913 гг.", сборн., М., 1913. стр. 56. 8) *Фидлеръ, Ф. Ф.* Первые литерат. шаги, сборн., М., 1911, стр. 181—198 (Автобіографія). 9) Энциклопедич. Словарь, изд. Брокгаузъ Ефрона, т. XVIII, Спб., 1893. 10) Нов. Энциклопедич. Словарь, изд. Брокгаузъ-Ефрона, т. XV.

II. Періодическія изданія.

11) *Глинскій, Б. Б.* Болѣзнь или реклама?—„Истор. Вѣстн.", 1896, кн. II, стр. 618—655. 12) *В. Л.*—„Кавказъ", 1897, № 105. 13) *Маркизъ Тото.*—„Міров. Отголоски", 1897, № 150. 14) *И—т.*—„Русск. Вѣд.", 1897, № 130. 15) *Скриба (Соловьевъ, Е.).*—„Новости", 1898, № 2. 16) „Волжск. Вѣстн.", 1899, № 3. 17) *Буренинъ, В.*— „Нов. Время", 1899, № 8213. 18) *Шулятиковъ, В.* Критич. этюды.—„Курьеръ", 1901, № 139.

III. Статьи и рецензіи объ оригинальныхъ произведеніяхъ.

9-е января: „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1906, кн. VII. *Къ солнцу:* А.—„Русск. Мысль", 1905, кн. IV, стр. 192. *Литература и эстетика:* 1) *Наумовъ, Н.* Современ. русск. критика.—„Аполлонъ", 1912, кн. X, стр. 70—75. 2) *В—скій, Ч.*—„Вѣстн. Европы", 1912, кн. IX, стр. 395—400. 3) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1912, кн. XII. 4) *Книжникъ, И.*—„Нов. Жизнь", 1912, кн. XII, стр. 271—273. 5) *Соколовъ, Н.*—„Русск. Школа", 1912, кн. XII. 6) „Русск. Богат.", 1912, кн. IX, стр. 212—213. 7) *Долининъ.*—„Рѣчь", 1912, № 227 8) *Кранихфельдъ, В. П.* — „Современ. Міръ", 1912, кн. VII, стр. 334—336. *Плоскогорье:* 1) *А—ій.*—„Гласность", 1897, № 56. 2) *Б., А.* (*Богдановичъ*). — „Міръ Божій", 1897, кн. VII, стр. 59—62. 3) *Ѳ. Ш.* — „Нов. Время", 1897, № 7611. 4) „Нов. Слово", 1897, кн. X, іюль, стр. 64—68. 5) *Скриба* (*Соловьевъ, Е.*) —„Новости", 1897, № 132. 6) „Русск. Вѣстн.", 1897, кн. VI, стр. 330—334. 7) *Скабичевскій, А.* — „Сынъ Отечества", 1897, № 145. *Порученіе:* „Русск. Мысль", 1893, кн. XI, стр. 561. *Сѣдокъ и другіе разсказы:* 1) *Колтоновская, Е. А.* — „Вѣстн. и библіотека самообразованія", 1904, № 47. 2) *Пентауръ* (*Брюсовъ, В.*). — „Вѣсы", 1904, кн. VIII. 3) *Н. К.*—„Кіевск. Отклики", 1904, № 240. 4) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1904, кн. VII. 5) *Ю—нъ.* — „Нов. Время", 1904. № 10203. 6) *Бат—овъ, Ѳ.*—„Міръ Божій", 1904, кн. XI. 7) *Колтоновская, Е.* — „Образов.", 1904, кн. XII, стр. 128. 8) „Русск. Мысль", 1904, кн. X, стр. 318. 9) *Боцяновскій, В.*—Критич. наброски.—„Русь", 1904, № 308. 10) *Тарскій, К.*—„Московск. Вѣд.", 1905, № 20. *Тоска:* *Скриба* (*Соловьевъ, Е.*).—„Новости", 1897, № 327.

IV. Статьи и рецензіи о переводахъ и вступительныхъ статьяхъ къ нимъ.

Спиноза, Б. Переписка: 1) *Преображенскій, В.*—„Вопросы философіи и психологіи", 1891, кн. VII, стр. 76—83. 2) „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія", 1891, кн. V, отд. II, стр. 203—204. 3) *І. Ю.*—„Русск. Богат.", 1891, кн. III, стр. 235. 4) *Радловъ, Э.* Нѣсколько замѣчаній о Спинозѣ.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1891, кн. VI, стр. 199. *Стендаль.* Проповѣдникъ: *М.*—„Наша Жизнь", 1906, № 56. *Уордъ, Г.* Гельбекъ изъ Баннисдэля: 1) *Дельта.*—„Биржев. Вѣд.", 1899, № 240. 2) „Новости", 1899, № 259. 3) „Нов. Міръ", 1899, № 19.

А. М. Добролюбовъ.

Сочиненія А. М. Добролюбова.

Поэзія, беллетристика и религія.

А. Произведенія, изданныя отдѣльно.

1) Natura naturans. Natura naturata. Тетрадь I. (Стихи). Спб., 1895, 8°, стр. 99. 200 экз. 2) Собраніе стиховъ. Предисловія *И. Коневского*: „Къ изслѣдованію личности А. Добролюбова" и В. Брюсова: „О русск. стихосложеніи". Изд. „Скорпіона", М., 1900, 8°, стр. 70 + I, 300 экз. 3) Изъ книги невидимой. М., 1905, 8°, стр. 201 + IV, 400 экз.

Б. Произведенія, напечатанныя въ сборникахъ.

4) Отодвиганіе смерти. Стихи.— „Сѣверн. Цвѣты" на 1901 г.", альманахъ, изд. „Скорпіона". 5) Образы. (Проза).—„Сѣверн. Цвѣты" на 1902 г.", альманахъ, изд. „Скорпіона". 6) Изъ неправильныхъ пѣсенъ. Стихи.—„Сѣверн. Цвѣты" на 1903 г.", альманахъ, изд. „Скорпіона". 7) Рисунки изъ сумасшедшаго дома. (Проза).—„Сѣверн. Цвѣты" на 1903 г.", альманахъ, изд. „Скорпіона".

Литература о А. М. Добролюбовѣ.

I. Книги.

1) *Волынскій, А. Л.* Борьба за идеализмъ, Спб., 1900, стр. 406—409. 2) *Волынскій, А. Л.* Современ. русск. поэзія.—Книга великаго гнѣва, Спб., 1904, стр. 200—217. 3) *Крайній, А.* (*Гиппіусъ, З. Н.*). Критика любви.—Литерат. дневникъ, Спб., 1908, стр. 45—63. 4) *Закржевскій, А.* Религія. Психологич. параллели, Кіевъ, 1913. 5) *Мережковскій, Д. С.* Революція и религія.—Не миръ, но мечъ, Спб., 1908. (*Перепеч.:* Полн. собраніе сочиненій, изд. т-ва Вольфъ, т. X, Спб., 1911, и изд. т-ва Сытина, т. XIII, М., 1914, стр. 84—87). 5а) *Мережковскій, Д. С.* Головка виснетъ.—Больная Россія, Спб., 1910. (*Перепеч.:* Полн. собраніе сочиненій, изд. т-ва Вольфъ, т. XII, Спб., 1911, и изд. т-ва Сытина, т. XV, М., 1914, стр. 67). 6) *Поярковъ, Н.* Поэты нашихъ дней, М., 1907, стр. 8—14. 7) *Чулковъ, Г.* Покрывало Изиды, М., 1909, стр. 91—98. (*Перепеч.:* Сочиненія, т. V, Спб., 1912). 8) Нов. Энциклопедич. Словарь, изд. Брокгаузъ-Ефрона, т. XVI. (Статья *С. В.* (*Венгерова, С. А.*).

II. Періодическія изданія.

9) *Измайловъ, А.* — „Биржев. Вѣд.“, 1901, № 140. 10) „Курьеръ“, 1901, №№ 225 и 228 (біограф.). 11) *Гиппіусъ, З.* Критика любви. — „Міръ Искусства“, 1901, № 1. 12) Обзоръ печати. — „Нов. Время“, 1901, № 8964. 13) Интересное дѣло. — „Россія“, 1901, № 833 (біограф.). 14) „С.-Петерб. Вѣд.“, 1901, № 228 (біограф.). 15) *Минскъ, Н.* Эскизы. Обращенный острогъ — „Разсвѣтъ“ (газета), 1905, № 82 и слѣдующ. 16) *Мережковскій Д. С.* Революція и религія. — „Русск. Мысль“, 1907, кн. II, стр. 64—85; кн. III, стр. 17—34. 17) „Нов. Русь“, 1909, № 80. (Письмо къ Мережковскому о Добролюбовѣ). 18) Пѣна жизни. — „Нов. Русь“, 1909, № 81 (біограф.). 19) *Мережковскій, Д. С.* Головка виснетъ. — „Рѣчь“, 1909, № 79, 22 марта. 20) Только для честныхъ сердецъ открыта истина. (Къ характеристикѣ Добролюбова). (Статья *А. Придорожн*... [illegible]) — „Голосъ жизни и литературы и жизни“, 1913, февр., № 11, стр. 524—531.

III. Статьи и рецензіи о произведеніяхъ.

Изъ книги и журналовъ. 1) *Кранихфельдъ, В.* — „Вѣстн. Жизни“, 1905, кн. VI, стр. 242—248. 2) *Л[illegible], В.* (*Революція*). — „Образованіе“, 1905, кн. VIII, стр. 91. 3) *Минскъ, Н.* См. выше, № 15. 4) *Брюсовъ, В.* Критич. наброски. — „Русь“, 1905, № 166. 5) „Русск. Мысль“, 1905, кн. I, стр. 2 [illegible]. *Волынскій, А. Л.* Критика. — „Сѣверн. Вѣстн.“, 1895, кн. IX, стр. 71—74 (*Перепеч. въ:* Борьба за идеализмъ, Спб., 1900, стр. 496—[illegible]. *Сборникъ статей:* *Луначарскій, А. М.* — „Литерат. Вѣстн.“, 1901, т. I, кн. IV, стр. 450—452.

Д. С. Мережковскій.

Сочиненія Д. С. Мережковскаго.

I. Собранія сочиненій.

1) Полное собраніе сочиненій. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Т. I, Спб., 1911, 8°, стр. VI+336+II, 5.100 экз. (*Содерж.:* Христосъ и Антихристъ. Трилогія. I. Смерть Боговъ. Юліанъ Отступникъ); **т. II**, Спб., 1911, 8°, стр. 348+II, 5.100 экз. (*Содерж.:* Христосъ и Антихристъ. II. Воскресшіе Боги. Леонардо да Винчи, кн. I—IX); **т. III**, Спб., 1911, 8°, стр. 376, 5.100 экз. (*Содерж.:* тоже, кн. X—XVII); **т. IV**, Спб., 1911, 8°, стр. 264, 5.100 экз. (*Содерж.:* Христосъ и Антихристъ. III. Антихристъ. Петръ и Алексѣй, кн. I—V); **т. V**, Спб., 1911, 8°, стр. 275, 5.100 экз. (*Содерж.:* тоже, кн. VI—X, Эпилогъ); **т. VI**, Спб., 1911, 8°, стр. 248, 5.100 экз. (*Содерж.:* Повѣсти и легенды: I. Любовь сильнѣе смерти. — II. Наука любви. — III. Микель Анжело. Истор. пов. — IV. Святой Сатиръ. Флорентин. легенда. Изъ *А. Франса.* — V. Дафнисъ и Хлоя. Древне-греч. пов. *Лонгуса*); **т. VII**, Спб., 1912, 8°, стр. 310+I, 5.000 экз. (*Содерж.:* Толстой и Достоевскій, ч. I—II); **т. VIII**, Спб., 1912, 8°, стр. 222, 5.000 экз. (*Содерж.:* тоже, ч. III, гл. I—III); **т. IX**, Спб., 1912, 8°, стр. 251+I, 5000 экз. (*Содерж.:* тоже, ч. III, гл. IV—VI); **т. X**, Спб., 1911, 8°, стр. 334, 5000 экз. [*Содерж.:* Не миръ, но мечъ (*содерж.:* см. ниже № 53). — Н. В. Гоголь. Творчество, жизнь и религія. — М. Ю. Лермонтовъ. Поэтъ сверхчеловѣчества]; **т. XI**, Спб., 1911, 8°, стр. 224+I, 5.000 экз. [*Содерж.:* Грядущій Хамъ (*содерж.:* см. ниже № 48). — Пророкъ русск. революціи. Къ юбилею Достоевскаго]; **т. XII**, Спб., 1911, 8°, стр. 358, 5.000 экз. [*Содерж.:* Больная Россія (*содерж.:* см. ниже № 55). — Въ тихомъ омутѣ (*содерж.:* см. ниже № 52)]; **т. XIII**, Спб., 1911, 8°, стр. 362+I, 5.000 экз. [*Содерж.:* Вѣчные спутники (*Содерж.:* см. ниже № 44; „Дафнисъ и Хлоя“ *Лонгуса* перенесена въ т. VI)]; **т. XIV**, Спб., 1912, 8°, стр. 389+I, 5.000 экз. (*Содерж.:* Трагедіи: *Эсхилъ.* Скован. Прометей. — *Софоклъ.* I. Эдипъ-царь. II. Эдипъ въ Колонѣ. III. Антигона. — *Эврипидъ.* I. Медея. II. Ипполитъ); **т. XV**, Спб., 1912, 8°, стр. 305, 5.000 экз. [*Содерж.:* Лирика. — Легенды и поэмы. — Старин. октавы. — О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современ. русск. литературы (*содерж.:* см. ниже № 43; Майковъ. Гончаровъ и О „Преступленіи и наказаніи“ Достоевскаго перенесены въ т. XIII)]; **т. XV (2)**, Спб., 1912, 8°, стр. 146 (*Содерж.:* Павелъ I. Драма); **т. XVI**, Спб., 1913, 8° (*Содерж.:* Александръ I. Романъ); **т. XVII**, Спб., 1913, 8° (*Содерж.:* Александръ I, оконч.).

2) Полное собраніе сочиненій. Изд. т-ва И. Д. Сытина. („Библіотека „Русск. Слова“. Это изд. полнѣе предыдущаго). М., 1914, 8°. **Т. I**, стр. VIII+356. (*Содерж.:* Предисловіе. — Христосъ и Антихристъ. Трилогія. I. Смерть Боговъ. Юліанъ Отступникъ. — Примѣч.); **т. II**, стр. 360 (*Содерж.:* Христосъ и Антихристъ. II. Воскресшіе Боги. Леонардо да Винчи, кн. I—IX); **т. III**, стр. 396 (*Содерж.:* тоже, кн. X—XVII. — Примѣч.); **т. IV**, стр. 280 (*Содерж.:* Христосъ и Антихристъ. III. Антихристъ. Петръ и Алексѣй, кн. I—V); **т. V**, стр. 292 (*Содерж.:* тоже, кн. VI—X и Эпилогъ. — Примѣч.); **т. VI**, стр. 280 (*Содерж.:* Павелъ I. Александръ I, ч. I—II, гл. I—II. Примѣч.); **т. VII**, стр. 223 (*Содерж.:* Александръ I, ч. II, гл. III—V, ч. III и ч. IV); **т. VIII**, стр. 200 (*Содерж.:* тоже, ч. V—VI. — Примѣч.); **т. IX**, стр. 152 (*Содерж.:* Толстой и Достоевскій, Жизнь); **т. X**, стр. 176 (*Содерж.:* тоже, Творчество); **т. XI**, стр. 239 (*Содерж.:* тоже. Религія, ч. I); **т. XII**, стр. 273 (*Содерж.:* тоже, Религія, ч. II. — Примѣч.); **т. XIII**, стр. 168 [*Содерж.:* Не миръ, но мечъ (*содерж.:* см. ниже № 53). — Примѣч.]; **т. XIV** [*Содерж.:* Грядущій Хамъ (*содерж.:* см. ниже, № 48; прибавлено: Желѣзное кольцо [illegible]. — Пророкъ русск. революціи]; **т. XV**, стр. 315 [*Содерж.:* Больная Россія (*содерж.:* см. ниже № 55; Тургеневъ перенесенъ въ т. XVIII). — Гоголь. — Примѣч.]; **т. XVI**, стр. 208 [*Содерж.:* Въ тихомъ омутѣ (*содерж.:* см. ниже № 52). — Лермонтовъ. Поэтъ сверхчеловѣчества. — Примѣч.]; **т. XVII**, стр. 244 (*Содерж.:* Вѣчные спутники: Акрополь. — Трагедія цѣломудрія и сладострастія. — Маркъ Аврелій. — Плиній Младшій. — Кальдеронъ. — Сервантесъ. — Гете. — Монтань. — Флоберъ. — Ибсенъ); **т. XVIII**, стр. 279 [*Содерж.:* Вѣчные спутники: Достоевскій. — Гончаровъ. — Тургеневъ. — Майковъ. — Пушкинъ. — О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современ. русск. литературы (*содерж.:* см. ниже № 43). — Примѣч.]; **т. XIX**, стр. 311 (*Содерж.:* Итальянскія новеллы: Любовь сильнѣе смерти. — Наука любви. — Желѣзное кольцо. — Рыцарь за прялкой. — Превращеніе. — Микель Анжело. Святой Сатиръ. Флорентин. легенда. Изъ *А. Франса.* — Дафнисъ и Хлоя. Пов. *Лонгуса.* — Примѣч.); **т. XX**, стр. 216 (*Содерж.:* Вмѣсто предисловія (Къ трагедіи „Эдипъ-царь“). — *Эсхилъ.* Скованный Прометей. — *Софоклъ.* I. Эдипъ — царь. II. Эдипъ въ Колонѣ; **т. XXI**, стр. 192 (*Содерж.:* *Софоклъ.* III. Антигона. *Эврипидъ.* I. Медея. II. Ипполитъ. — Примѣч.); **т. XXII**, стр. 200 (*Содерж.:* Стихотворенія. 1883—1910 гг. — Поэмы и легенды. — Эскизы. Лирика. — Примѣч.); **т. XXIII**, стр. 272 (*Содерж.:* Символы (Пѣсни и поэмы): Богъ. — Смерть. Петерб. поэма. — Францискъ Ассизскій. Легенда. — Вѣра. Пов. въ стихахъ. — Пѣсни и легенды. — Семейная идиллія. — Возвращеніе къ природѣ. Драматич. сказка. — Конецъ вѣка. Очерки соврем. Парижа. — Воронъ. Поэма *Э. По*); **т. XXIV**, стр. 168 (*Содерж.:* Старин. октавы. — Стихотворенія послѣдн. гг. — Изреченія китайск. мудрости. — Автобіографич. замѣтка. — Хронологич. указатель произведеній и литературы о произведеніяхъ Мережковскаго. Составл. *О. Я. Лярмо*... [illegible] — Алфавит. указатель произведеній Мережковскаго. — Содержаніе полн. собранія сочиненій Мережковскаго).

II. Поэзія и беллетристика.

А. Произведенія, изданныя отдѣльно.

3) Стихотворенія (1883—1887). Спб., 1888, 8°, стр. 300, 600 экз. 4) Символы. (Пѣсни и поэмы). (1887—1891). Изд. А. Суворина, Спб., 1892, 8°, стр. 424, 1.000 экз. (*Содерж.:* Богъ. — Смерть. Петерб. поэма. — Францискъ Ассизскій. Легенда. — Вѣра. Пов. въ стихахъ. — Пѣсни и легенды. — Семейная идиллія. — Возвращеніе къ природѣ. Драм. сказка. — Конецъ вѣка. Очерки соврем. Парижа. — *Эсхилъ.* Скованный Прометей. Траг. Перев. — *По.* Воронъ. Перев.) 5) Новыя стихотворенія (1891—1895). Изд. М. Лоховицк... [illegible], Спб., 1896, 8°, стр. 104+3, 1.200 экз. 6) Христосъ и антихристъ. Трилогія. I. Смерть Боговъ. Юліанъ Отступникъ. Спб., 1896, стр. III+272 (Подъ заглавіемъ Отступникъ);

2-е изд., Спб., 1902, 8°, стр. 328. 3.000 экз.; 3-е изд. М. В. Пирожкова, Спб., 1906, 8°, стр. 365 + II. 6.000 экз. II. Воскресшіе Боги. Леонардо да-Винчи. Спб., 1901; 2-е изд., Спб., 1902, 8°, стр. 685 + I. 3.100 экз.; 3-е изд., М. В. Пирожкова. Спб., 1906, 8°, стр. 820 + I. 6.000 экз. III. Антихристъ. Петръ и Алексѣй. Изд. М. В. Пирожкова, Спб., 1905, 8°, стр. 609 + 2. 6.050 экз.; 2-е изд., М. В. Пирожкова, Спб., 1906, 8°, стр. 609 + I. 5.000 экз. 7) Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV вѣка. Изд. „Скорпіона", М., 1902, 8°, стр. 178 + I. 700 экз.; 2-е изд., М. В. Пирожкова, Спб., 1904, 8°, стр. I + 152, 3.500 экз. (*Содерж.:* Любовь сильнѣе смерти. — Наука любви. — Святой Сатиръ. Флорентинск. легенда. — Микель-Анжело. Хроника XVI вѣка.) 8) Собраніе стиховъ (1883—1903). Изд. „Скорпіона", М., 1904, 8°, стр. I + 182 + II. 1.200 экз. (*Содерж.:* Лирика. — Легенды и поэмы: Леда. — Маркъ Аврелій. — Будда. — Іовъ. — Леонардо да-Винчи. — Микель-Анжело. — Франческа Римини. — Углично. — Донъ Кихотъ. — Разслабленный. — Христосъ, Ангелы и Душа. Мистерія XIII в. — Протопопъ Аввакумъ. — Францискъ Ассизскій. 9) Павелъ I. Драма. Изд. М. В. Пирожкова, Спб., 1908, 8°, стр. 261, 2.000 экз. 10) Маковъ цвѣтъ. Драма. Изд. М. В. Пирожкова, Спб., 1908, 16°, стр. 216, 2.000 экз. (Совмѣстно съ *З. Н. Гиппіусъ* и *Д. В. Философовымъ*). 11) Собраніе стиховъ (1883—1910). Изд. т-ва „Просвѣщеніе", Спб., 1910, 8°, стр. 253, 5.000 экз. (*Содерж.:* см. выше № 8; прибавлено: Старинныя октавы). 12) Александръ I. Ром. Изд. 1—3, т-въ Вольфъ и Сытинъ, Спб. и М., 1913, 8°, т. I, стр. 335; т. II, стр. 343.

Б. Произведенія (за исключеніемъ отдѣльныхъ стихотвореній), напечатанныя въ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ.

13) Вѣра. Пов. въ стих. — „Русск. Мысль", 1890, кн. III, стр. 11—45; кн. IV, стр. 8—39. 14) Сильвіо. Фантастическая драма. (Возвращеніе къ природѣ). — „Сѣверн. Вѣстн.", 1890, кн. II, стр. 69—90; кн. III, стр. 63—81; кн. IV, стр. 45—58; кн. V, стр. 57—75. 15) Пророкъ. Разск. — „Наблюдатель", 1891, кн. XII. 16) Францискъ Ассизскій. Легенда. — „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1891, кн. III. 17) Семья. Поэма. — „Русск. Мысль", 1891, кн. VI, стр. 168—182. 18) Смерть. Петербургъ. поэма. — „Сѣверн. Вѣстн.", 1891, кн. II, стр. 165—184; кн. III, стр. 149—172. 19) Конецъ вѣка. Очерки современ. Парижа. Поэма. — „Помощь голодающимъ", сборн., изд. „Русск. Вѣд.", М., 1892. 20) Гроза прошла. Драматич. сцены. — „Трудъ", 1893, № 1, стр. 107. 21) Іовъ. Библейск. поэма. — „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1895, кн. III. 22) На новомъ Замоскворѣчьи. Оч. — „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1895, кн. VI, стр. 235—262. 23) Княжна Дистина. Очеркъ изъ грузинск. жизни. — „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1895, кн. VIII, стр. 577—614. 24) Рыцарь за прилкомъ. Новелла XV вѣка. — „Нива", 1895, № 52, стр. 1238—1247. 25) Отверженный. Ром. (Христосъ и Антихристъ. Трилогія. I. Смерть Боговъ. Юліанъ Отступникъ). — „Сѣверн. Вѣстн.", 1895, кн. I, стр. 71—112; кн. II, стр. 73—125; кн. III, стр. 1—52; кн. IV, стр. 1—44; кн. V, стр. 1—36; кн. VI, стр. 41—88. 26) Пиръ Быковъ. картина IV в. по Р. Хр. — „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1896, кн. VIII. 27) Наука любви. Итальянск. новелла. — „Сѣверн. Вѣстн.", 1896, кн. VIII, стр. 89—99. 28) Любовь сильнѣе смерти. Итальянск. новелла. — „Сѣверн. Вѣстн.", 1896, кн. VIII, стр. 99—113. 29) Желѣзное кольцо. Новелла XV в. — „Всемірн. Иллюстрація", 1897, № 1, стр. 5—8; № 2, стр. 32—33; № 3, стр. 52—53. 30) Превращеніе. Флорентинская новелла XV вѣка. — „Нива", 1897, № 7, стр. 146—152; № 8, стр. 176—183. 31) Любовь. Разск. — „Живописи. Обозр.", 1898, № 5, прилож. 32) Ангелъ. Разск. — „Живописи. Обозр.", 1899, № 1, прилож. 33) Воскресшіе Боги. Леонардо да-Винчи (Христосъ и Антихристъ. Трилогія. II). — „Начало", 1899, кн. I—II, стр. 1—85; кн. III, стр. 1—50; кн. IV. (Не окончено, см. ниже, № 34). 34) Воскресшіе Боги. Леонардо да-Винчи. Ром. (Христосъ и Антихристъ. Трилогія. II). — „Міръ Божій", 1900, кн. I, стр. 194—267; кн. II, стр. 234—276; кн. III, стр. 141—194; кн. IV, стр. 171—209; кн. V, стр. 195—223; кн. VI, стр. 131—195; кн. VII, стр. 130—156; кн. VIII, стр. 119—165; кн. IX, стр. 148—177; кн. X, стр. 136—170; кн. XI, стр. 144—201; кн. XII, стр. 117—173 (см. выше, № 33). 35) Изъ черновыхъ набросковъ къ роману „Петръ и Алексѣй". — „Сѣверн. Цвѣты" на 1903 г., альманахъ, изд. „Скорпіона", стр. 162—174. 36) Антихристъ. Петръ и Алексѣй. Ром. (Христосъ и Антихристъ. Трилогія. III). — „Новый Путь", 1904, кн. I, стр. 1—38; кн. II, стр. 112—175; кн. III, стр. 1—18; кн. IV, стр. 1—32; кн. V, стр. 1—27; кн. IX, стр. 1—47; кн. X, стр. 1—32; кн. XI, стр. 1—38; кн. XII, стр. 156—227; „Вопросы Жизни", 1905, кн. I, стр. 143—186; кн. II, стр. 101—150; кн. III, стр. 1—96. 37) Красная смерть. Отрывокъ изъ романа „Петръ". „Вѣстн. и библіотека самообразованія", 1905, №№ 21, 22 и 23. 38) Старинныя октавы. — „Золотое Руно", 1906, №№ 1—4. 39) Маковъ цвѣтъ. Драма. — „Русск. Мысль", 1907, кн. XI, стр. 94. (Совмѣстно съ *З. Н. Гиппіусъ* и *Д. В. Философовымъ*). 40) Павелъ I. Драма. — „Русск. Мысль", 1908, кн. II, стр. 1—70. 41) Александръ I. Ром. (Отрывки). — „Русск. Слово", 1911, апр. — ноябрь; 1912, янв. — дек. 42) Александръ I. Ром. — „Русск. Мысль", 1911, кн. V, стр. 5—53; кн. VI, стр. 1—50; кн. X, стр. 1—42; кн. XI, стр. 43—69; кн. XII, стр. 9—32; 1912, кн. I, стр. 1—22; кн. III, стр. 1—30; кн. IV, стр. 88—121; кн. X, стр. 80—132; кн. XI, стр. 125—155; кн. XII, стр. 84—154.

III. Критика, исторія литературы, искусство, религія, публицистика.

А. Произведенія, изданныя отдѣльно.

43) О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современ. русск. литературы. Спб., 1893, 8°, стр. 192, 1.100 экз. (*Содерж.:* Русск. поэзія и русск. культура. — Настроеніе публики. Порча языка. Мелкая пресса. Система гонораровъ. Издатели. Редакторы. — Современ. русск. критики. — Начало новаго идеализма въ произведеніяхъ Тургенева, Гончарова, Достоевскаго и Л. Толстого. — Любовь къ народу: Кольцовъ, Некрасовъ, Г. Успенскій, Н. Михайловскій, Короленко. — Современ. литерат. поколѣніе. — А. Н. Майковъ. — И. А. Гончаровъ. О „Преступленіи и наказаніи" Достоевскаго). 44) Вѣчные спутники. Портреты въ всемірной литературы. Спб., 1897, 8°, стр. III + 552, 1.200 экз. (*Содерж.:* Акрополь. — Дафнисъ и Хлоя. — Маркъ Аврелій. — Плиній Младшій. — Кальдеронъ. — Сервантесъ. — Монтань. — Флоберъ. — Ибсенъ. — Достоевскій. — Гончаровъ. — Майковъ. — Пушкинъ); 2-е изд., Спб., 1899, 8°, стр. III + 552, 750 экз.; 3-е изд., М. В. Пирожкова, отдѣльн. выпуски: Акрополь. — Дафнисъ и Хлоя. Спб., 1907, 8°, стр. 42, 3.000 экз.; Маркъ Аврелій. — Плиній Младшій. Спб., 1907, 8°, стр. 70, 5.000 экз.; Кальдеронъ. — Сервантесъ. Спб., 1907, 8°, стр. 68, 3.000 экз.; Монтань. — Флоберъ. Спб. 1908, 8°, стр. 65, 5.000 экз.; Ибсенъ. Спб., 1907, 8°, стр. 42, 10.000 экз.; Достоевскій. — Гончаровъ. — Майковъ. Спб., 1908, 8°, стр. V + 86, 3.000 экз.; Пушкинъ. Спб., 1906, 8°, стр. 90, 3.000 экз.; 4-е изд., „Общественн. Польза", Спб., 1910, 8°, стр. 336, 3.900 экз. 45) „Отцы и дѣти" русскаго либерализма. Спб., 1901, 16°, стр. II, 50 экз. (См. ниже № 88). 46) Толстой и Достоевскій. Т. I, изд. „Міра Искусства", Спб., 1901, 8°, стр. 2—367, 600 экз.; 2-е изд., „Міра Искусства", Спб., 1901, 8°, стр. 376 + I, 1.200 экз.; 3-е изд., М. В. Пирожкова, Спб., 1903, 8°, стр. 374 + I, 2.000 экз.; 4-е изд. „Общественн. Польза", Спб., 1909, 8°, стр. XIII + 315, 5.000 экз.; т. II, изд. „Міра Искусства", Спб., 1902, 8°, стр. I + LV + 530, 600 экз.; 2-е изд., М. В. Пирожкова, Спб., 1903, 8°, стр. XL + 530 + I, 2.000 экз.; 3-е изд., „Общественн. Польза", ч. I, Спб., 1909, 8°, стр. 196, 3.000 экз.; ч. II, Спб., 1909, 8°, стр. 221, 3.000 экз. 47) Гоголь и чортъ. Изслѣдованіе. Изд. „Скорпіона", М., 1909, 8°, стр. 219, 1.800 экз.; (2-е) изд. „Пантеона": Гоголь. Творчество, жизнь и религія. Спб., 1909, 8°, стр. 231, 3.200 экз. 48) I. Грядущій Хамъ. II. Чеховъ и Горькій. Изд. М. В. Пирожкова, Спб., 1906, 8°, стр. 185 + I, 7.500 экз. (*Содерж.:* Грядущій Хамъ. — Чеховъ и Горькій. — Теперь или никогда. — Страшный судъ надъ русск. интеллигенціей. — Св. Софія. — О новомъ религіозномъ дѣйствіи). 49) Пророкъ русской революціи. Къ юбилею Достоевскаго. Изд. М. В. Пирожкова, Спб., 1906, 8°, стр. 152 + I, 6.000 экз. 50) Теперь или никогда. О церковномъ соборѣ. Изд. „Свободной Совѣсти", М., 1906. 51) Le Tsar et la Révolution. Paris, 1907. (Совмѣстно съ *З. Н. Гиппіусъ* и *Д. В. Философовымъ*). 52) Въ тихомъ омутѣ. Спб., 1908, 8°, стр. 325, 7.000 экз. (*Содерж.:* Въ обольщенныхъ лапахъ (о Л. Андреевѣ). — Сошествіе въ адъ. — Асфодели и ромашка. — Красная шапочка. — Еще о „Великой Россіи". — Цвѣты мѣщанства. — Христіанскіе анархисты. Реформація или революція? — Христіанство и государство. — Ѣсть или Богъ? — Мистич. хулиганы. — Нѣмой пророкъ. — Христіанство и кесарианство. — Л. Толстой и Церковь. — Л. Толстой и революція). 53) Не миръ, но мечъ. Къ будущей критикѣ христіанства. Изд. М. В. Пирожкова, Спб., 1908, 8°, стр. 208, 3.000 экз. (*Содерж.:* Мечъ. — Революція и религія. — Послѣдній святой. — Отвѣтъ на вопросъ. — Прописаніе къ одной книгѣ („Le Tsar et la Révolution"). 54) М. Ю. Лермонтовъ.

Поэтъ сверхчеловѣчества. Изд. „Пантеона", Спб., 1909, 16°, стр. 88, 3.100 экз. 55) Большая Россія. Изд. „Обществен. Пользы", Спб., 1910, 8°, стр. 276, 3.000 экз. (*Содерж.*: Зимнія радуги. Конь блѣдный. Иванычъ и Глѣбъ.— Головка виснетъ.— Семь смиренныхъ.— Къ соблазну малыхъ сихъ.— Сердце человѣческое и сердце звѣриное.— Борьба за догматъ.— Аракчеевъ и Фотій.— Елизавета Алексѣевна.— Тургеневъ. Пророчество и провокація.— Душа Сахара.— Свиньяматушка. Земля во рту.— Когда воскреснетъ?) 56) Лермонтовъ. Поэтъ сверхчеловѣчества. Гоголь. Творчество, жизнь и религія. Изд. „Просвѣщенія", Спб., 1911, 8°, стр. 219, 3.500 экз.

Б. Произведенія, напечатанныя въ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ.

57) Старый вопросъ по поводу новаго таланта. („Въ сумеркахъ" и „Разсказы" Чехова).—„Сѣверн. Вѣстн.", 1888, кн. XI, стр. 77—99. 58) Флоберъ въ своихъ письмахъ.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1888, кн. XII, стр. 27—48. 59) Руссо.—„Русск. Богат.", 1889, кн. XI, стр. 63—81. 60) Разсказы В. Короленки.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1889, кн. V, стр. 1—29. 61) Донъ Кихотъ и Санчо Пансо.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1889, кн. VIII, стр. 1—19; кн. IX, стр. 21—43. 62) О „Преступленіи и наказаніи" Достоевскаго.—„Русск. Обозр.", 1890, т. II, кн. III, стр. 155—186. 63) И. А. Гончаровъ.—„Трудъ", 1890, № 24, стр. 588—612. 64) А. Н. Майковъ.—„Трудъ", 1891, № 4, стр. 366. 65) Маркъ Аврелій.—„Трудъ", 1891, № 21, стр. 249—266. 66) Кальдеронъ.—„Трудъ", 1891, № 24, стр. 650—670. 67) Монтань.—„Русск. Мысль", 1893, кн. II, стр. 134—160. 68) Памяти Тургенева.—„Театральн. Газета", 1893, № 8. 69) Памяти А. Н. Плещеева.—„Театральн. Газета", 1893, № 14. 70) Мистическое движеніе нашего вѣка.—„Трудъ", 1893, № 4, стр. 33—40. 71) Неоромантизмъ въ драмѣ. Критич. оч.—„Вѣстн. Иностран. Литературы", 1894, кн. XI. 72) Новѣйшая лирика.—„Вѣстн. Иностран. Литературы", 1894, кн. XII. 73) Крестьянинъ во французск. литературѣ. Очерки. I. Бальзакъ. II. Мишле.—„Трудъ", 1894, № 7; 1895, № 9. 74) Желтолицые позитивисты.—„Вѣстн. Иностран. Литературы", 1895, кн. III, стр. 71—84. 75) Портретъ изъ эпохи Траяна (Плиній Младшій).—„Трудъ", 1895, № 11, стр. 36—64. 76—78) Пушкинъ.— Кольцовъ.— Майковъ.—*Перцовъ, П.* Философск. теченія русск. поэзіи, Спб., 1896, стр. 1—86, 111—117, 317—335; 2-е изд., Спб., 1899. 79) Письмо въ ред. (Отвѣтъ Скрибѣ-Андреевичу-Соловьеву на его статью „Что сей сонъ значитъ?", напеч. въ „Новостяхъ", 1896, № 340).—„Новости", 1896, № 342. 80) Селеніе Винчи. Изъ путевого дневника.—„Cosmopolis", 1897, № 2. 81) Я. П. Полонскій.—„Міръ Искусства", 1899, т. I, № 1—2, стр. 2—3. 82) Трагедія цѣломудрія и сладострастія.—„Міръ Искусства", 1899, т. I, № 7—8, стр. 64—66. 83) Праздникъ Пушкина.—„Міръ Искусства", 1899, т. II, № 13—14, стр. 11—20. 84) Письмо въ ред.—„Нов. Время", 1899, № 8347. 85) Толстой и Достоевскій.—„Міръ Искусства", 1900, т. III, № 1—2, стр. 1—7; № 3—4, стр. 45—51; № 5—6, стр. 81—86; № 7—8, стр. 125—132; № 9—10, стр. 169—191; № 11—12, стр. 209—241; т. IV, № 13—14, стр. 1—20; № 15—16, стр. 40—57; № 17—18, стр. 71—84; № 19—20, стр. 119—139; № 21—22, стр. 167—195; 1901, т. V, № 1, стр. 1—23; № 2—3, стр. 55—75; № 4, стр. 133—153; № 5, стр. 248—274; № 6, стр. 289—318; т. VI, № 7, стр. 17—50; № 8—9, стр. 85—128; № 10, стр. 175—216; № 11—12, стр. 259—300; 1902, т. VII, № 2, стр. 89—131. 86) Памяти А. Н. Урусова.—„Міръ Искусства", 1900, т. IV, № 15—16, стр. 36—37. 87) Письмо въ ред.—„Нов. Время", 1900, № 8571. 88) Отцы и дѣти русск. либерализма. Письмо въ ред.—„Міръ Искусства", 1901, № 2—3, стр. 126—128. 89) Отвѣтъ Розанову на его статью: „Серія недоразумѣній", напеч. въ „Нов. Времени", 1901, № 8970.—„Нов. Время", 1901, № 8974. 90) Письмо въ ред.—„Нов. Время", 1901, № 9248. 91) О новомъ значеніи древней трагедіи.—„Нов. Время", 1902, № 9566, 15 окт. 92) Судьба Гоголя. Творчество, жизнь и религія.—„Нов. Путь", 1903, кн. I, стр. 37—84; кн. II, стр. 1—42; кн. III, стр. 123—161. 93) Отвѣтъ художнику А. Б.—„Нов. Путь", 1903, кн. II, стр. 156. 94) Л. Толстой и русск. церковь.—„Нов. Путь", 1903, кн. II, Записки Религіозно-философск. собраній, стр. 57—74. 95) Новый Вавилонъ. (Книга В. Розанова „Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго").—„Нов. Путь", 1904, кн. III, стр. 172. 96) О свободѣ слова.—„Нов. Путь", 1904, кн. X, стр. 319—324. 97) Теперь или никогда. О церковномъ соборѣ.—„Вопросы Жизни", 1905, кн. IV—V, стр. 295—319. 98) О новомъ религіозн. дѣйствіи. (Открытое письмо Бердяеву).—„Вопросы Жизни", 1905, кн. X—XI, стр. 358—376. 99) Умытыя руки. (Объ А. Франсѣ).—„Вѣсы", 1905, кн. IX—X, стр. 50—57. 100) О Чеховѣ. (Чеховъ и Горькій).—„Вѣсы", 1905, кн. XI, стр. 1—26. 101) Мѣщанство и интеллигенція. (Грядущій Хамъ, гл. III—V).—„Полярн. Звѣзда", 1905, № 1, стр. 32—42. 102) Грядущій Хамъ (гл. VI—VIII).—„Полярн. Звѣзда", 1905, № 3, стр. 185—192. 103) Пророкъ русск. революціи. Къ юбилею Достоевскаго.—„Вѣсы", 1906, кн. II, стр. 27—45; кн. III—IV, стр. 19—47. 104) Декадентство и общественность.—„Вѣсы", 1906, кн. V, стр. 30—37. 105) Всѣ противъ всѣхъ. (О „Вопросахъ Жизни").—„Золот. Руно", 1906, № 1, стр. 90—97. 106) Революція и религія.—„Русск. Мысль", 1907, кн. II, стр. 64—85; кн. III, стр. 17—34. 107) Послѣдній святой. (Серафимъ Саровскій).—„Русск. Мысль", 1907, кн. VIII, стр. 74—94; кн. IX, стр. 1—22. 108) Христіанство и государство. (Отвѣтъ кн. Е. Трубецкому).—„Образованіе", 1908, кн. VII, стр. 107—113. 109) Бѣсъ или Богъ?—„Образованіе", 1908, кн. VIII, стр. 91—96. 110) Въ обезьяньихъ лапахъ. (О Л. Андреевѣ).—„Русск. Мысль", 1908, кн. I, стр. 75—98. 111) Христіанскіе анархисты.—„Рѣчь", 1908, № 10, 12 янв. 112) Цвѣты мѣщанства.—„Рѣчь", 1908, № 35, 10 февр. 113) Красная шапочка. (О статьѣ П. Струве: „Великая Россія").—„Рѣчь", 1908, № 47, 24 февр. 114) Еще одна великая Россія.—„Рѣчь", 1908, № 65, 16 марта (о томъ же). 115) Асфодели и ромашка (О А. П. Чеховѣ).—„Рѣчь", 1908, № 71, 23 марта. 116) Реформація или революція.—„Рѣчь", 1908, № 86, 10 апр. 117) Нѣмой пророкъ. (О Вл. Соловьевѣ).—„Рѣчь", 1908, № 190, 10 авг. 118) Христіанство и кесаріанство.—„Рѣчь", 1908, № 196, 17 авг. 119) Л. Толстой и революція.—„Рѣчь", 1908, № 205, 28 авг. 120) Интеллигенція и народъ.—„Рѣчь", 1908, № 279, 16 ноября. 121) Борьба за догматъ.—„Рѣчь", 1908, № 307, 14 дек. 122) Петербургу быть пусту. (Зимнія радуги).—„Рѣчь", 1908, № 314, 21 дек. 123) Лермонтовъ. Отрывокъ.—„Вѣсы", 1909, кн. I, стр. 73—74. 124) Поэтъ сверхчеловѣчества. Лермонтовъ.—„Русск. Мысль", 1909, кн. III, стр. 1. 125) Расколовшійся колоколъ.—„Русск. Слово", 1909, № 288, 16 дек. 126) Пророчество и провокація.—„Рѣчь", 1909, № 3, 4 янв. 127) Елизавета Алексѣевна.—„Рѣчь", 1909, № 17, 18 янв. 128) Сердце человѣческое и сердце звѣриное. (О соціализмѣ).—„Рѣчь", 1909, № 38, 8 февр. 129) Тургеневъ.—„Рѣчь", 1909, № 51, 22 февр. 130) Письмо въ ред.—„Рѣчь", 1909, № 60, 3 марта. 131) Аракчеевъ и Фотій.—„Рѣчь", 1909, № 65, 8 марта. 132) Головка виснетъ.—„Рѣчь", 1909, № 79, 22 марта. 133) Когда воскреснетъ? (О смертной казни).—„Рѣчь", 1909, № 86, 29 марта. 134) Семь смиренныхъ. (О сборн.: „Вѣхи").—„Рѣчь", 1909, № 112, 26 апр. 135) Иванычъ и Глѣбъ. (О Гл. Успенскомъ).—„Рѣчь", 1909, № 188, 12 іюля. 136) Къ соблазну малыхъ сихъ. (О сборн. „Вѣхи").—„Рѣчь", 1909, № 244, 6 сент. 137) Конь блѣдный. (О „Конѣ блѣдномъ" Рошкина).—„Рѣчь", 1909, № 265, 27 сент. и № 266, 28 сент. 138) Царство Глѣба. (Иванычъ и Глѣбъ). (О Гл. Успенскомъ).—„Рѣчь", 1909, № 279, 11 окт. 139) Власть земли и власть неба (Иванычъ и Глѣбъ). (О Гл. Успенскомъ).—„Рѣчь", 1909, № 286, 18 окт. 140) Свиньяматушка.—„Рѣчь", 1909, № 300, 1 ноября. 141) Земля во рту.—„Рѣчь", 1909, № 314, 15 ноября. 142) Братъ человѣческій.—„Русск. Слово", 1910, № 13, 17 янв. 143) Великій гнѣвъ.—„Русск. Слово", 1910, № 108, 13 мая. 144) Ночью о солнцѣ.—„Русск. Слово", 1910, № 138, 18 іюня. 145) Любовь къ родинѣ.—„Русск. Слово", 1910, № 141, 23 іюня. 146) Балаганъ и трагедія.—„Русск. Слово", 1910, № 211, 14 сент. 147) Востокъ или западъ?—„Русск. Слово", 1910, № 217, 22 сент. 148) Земной Христосъ.—„Русск. Слово", 1910, № 236, 14 окт. 149) Страшное дитя.—„Рѣчь", 1910, № 30, 31 янв. 150) Смерть Толстого.—„Рѣчь", 1910, № 308, 9 ноября. 151) Націонализмъ и религія.—„Рѣчь", 1911, № 289. 152) Письмо въ ред.—„Русск. Мысль", 1912, кн. V, стр. 135. 153) Новая пьеса Л. Андреева.—„Русск. Слово", 1912, № 289, 15 дек. 154) Два отреченія.—„Русск. Слово", 1912, № 293, 20 дек. 155) Чего пожелать русск. писателямъ въ 1912 г.—„Рѣчь", 1912, № 1, 1 янв. 156) Не солепая соль.—„Русск. Слово", 1913, № 9, 11 янв. 157) О черныхъ колодцахъ.—„Русск. Слово", 1913, № 59, 12 марта. 158) Автобіографич. замѣтка.—„Русск. Слово", 1913, № 65, 19 марта. 159) На пути въ Эммаусъ.—„Русск. Слово", 1913, № 87, 14 апр. 160) В. Розановъ.—„Русск. Слово", 1913, № 125, 1 іюня. 161) Гёте.—„Русск. Слово", 1913, № 144, 23 іюня. 162) Некрасовъ.—„Русск. Слово", 1913, № 183, 9 авг. 163) Св. Елена.—„Русск. Слово", 1913, № 226, 20 сент. 164) Маленькія мысли.—„Русск. Слово", 1913, № 258, 2 окт. 165) Трагедія совѣсти. (Некрасовъ).—„Русск. Слово",

1913, № 253, 2 ноября. 166) Горькій и Достоевскій.— „Русск. Слово", 1913, № 286, 12 дек. 166а) Письма къ А. С. Суворину.—„Нов. Время", 1914, № 13606, 27 янв. и № 13607, 28 янв. 166б) Суворинъ и Чеховъ. —„Русск. Слово", 1914, № 17. 166в) Тайна Тютчева. — „Русск. Слово", 1914, № 43. 166г) Письма въ ред. — „Рѣчь", 1914, № 25, 26 янв.; № 27, 28 янв. и № 29, 30 янв. (Объ опубликованныхъ „Новымъ Временемъ" письмахъ Мережковскаго къ А. С. Суворину (см. выше, № 166а).

IV. Переводы и вступительныя статьи къ нимъ.

167) Изреченія китайской мудрости. Изъ книги Та-Хіо (Великая наука); изъ книги Чунгъ-Юнгъ (Неизмѣнность въ серединѣ); изъ книги Лунь Ю (Бесѣды мудрецовъ); изъ книги Менгъ-Тсе (Менція).— „Вѣстн. Иностран. Литературы", 1895, кн. I. 168) *Гете.* Фаустъ. Прологъ на небесахъ.— „Русск. Обозр.", 1892, т. II, кн. III, стр. 202. 169) *Лонгусъ.* Дафнисъ и Хлоя. Древне-греческій романъ. Изд. М. Ледерле, Спб., 1895, 8°, стр. 160, 2.100 экз.; 2-е изд., М. Пирожкова, Спб., 1904, 8°, стр. 164, 3.500 экз. (см. также выше, № 44). 170) *По, Э.* Воронъ. Поэма. — „Сѣверн. Вѣстн.", 1890, кн. XI, стр. 188 (см. также выше, № 4). 171) *По, Э.* Лигейя. Фантастич. новелла.— „Трудъ", 1893, т. XX, № 11, стр. 376. 172) *Софоклъ.* Антигона. Траг. Перев. съ греч. „Вѣстн. Европы", 1892, кн. IV, стр. 457. 173) *Софоклъ.* Антигона. Перев. съ греч. въ стихахъ. Изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1902, 8°, стр. 63, 2.200 экз.; 2-е изд., Спб., 1904, 8°, стр. 63, 2.200 экз.; 3-е изд., Спб., 1906. 174) *Софоклъ.* Эдипъ царь. Съ предисловіемъ.— „Вѣстн. Иностран. Литературы", 1894, кн. I, стр. 5—36; кн. II, стр. 13—34. 175) *Софоклъ.* Эдипъ-царь. Перев. съ греч. въ стихахъ. Изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1902, 8°, стр. I+74, 2.200 экз.; 2-е изд., Спб., 1904, 8°, стр. 74, 2.200 экз.; 3-е изд., Спб., 1907, 8°, стр. I+74, 3.000 экз. 176) *Софоклъ.* Эдипъ въ Колонѣ. Траг. Перев. съ греч.—„Вѣстн. Европы", 1896, кн. VII, стр. 22. 177) *Софоклъ.* Эдипъ въ Колонѣ. Перев. съ греч. въ стихахъ. Изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1902, 8°, стр. 88, 2.200 экз.; 2-е изд., Спб., 1904, 8°, стр. 87+I, 2.200 экз.; 3-е изд., Спб., 1910, 8°, стр. 83, 3.200 экз. 178) *Франсъ, А.* Санъ Сатиро. (Святой Сатиръ). Изъ флорентинск. легендъ.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1895, кн. XI, стр. 243—257 (см. также выше, № 7). 179) *Эврипидъ.* Ипполитъ. Траг. Перев. съ греч.— „Вѣстн. Европы", 1893, кн. I, стр. 5—55. 180) *Эврипидъ.* Ипполитъ. Перев. съ греч. въ стихахъ. Изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1902, 8°, стр. 66, 2.200 экз.; 2-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 66, 2.200 экз. 181) *Эврипидъ.* Медея. Траг. Перев. съ греч.—„Вѣстн. Европы", 1895, кн. VII, стр. 5—58. 182) *Эврипидъ.* Медея. Перев. съ греч. въ стихахъ. Изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1902, 8°, стр. I+62, 2.200 экз.; 2-е изд., Спб., 1904, 8°, стр. 62, 2.200 экз.; 3-е изд., Спб., 1910, 8°, стр. 62, 3.000 экз. 183) *Эсхилъ.* Скованный Прометей. Траг. Перев. съ греч.—„Вѣстн. Европы", 1891, кн. I, стр. 5 (см. также выше, № 4). 184) *Эсхилъ.* Скованный Прометей. Перев. съ греч. въ стихахъ. Изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1902, 8°, стр. 47, 2.200 экз.; 2-е изд., Спб., 1904, 8°, стр. 47, 2.200 экз.; 3-е изд., Спб., 1907, 8°, стр. 47, 3.000 экз.

V. Музыкальныя переложенія.

185) *Шведовъ, К.* Леда. Слова Мережковскаго. Пять романсовъ. Ор. 1, № 2. Изд. П. Юргенсона, М., 1912, 4°, стр. 4, 200 экз. 186) *Добровольскій, В. Э.* На грани жизни. Романсъ. Слова Мережковскаго. Изд. автора, Спб., 1912, 4°, стр. 7, 200 экз. 187) *Ильяшенко, А. С.* Пойду, млада, тишкомъ лужкомъ. Пѣсня. Слова Мережковскаго. Изд. Ю. Г. Циммермана, Спб., 1911, 4°, стр. 5, 300 экз. 188) *Черепнинъ, Н.* Трубный гласъ. Баллада на слова Мережковскаго. Для баса. Изд. П. Юргенсона, М., 1910, 4°, стр. 17, 200 экз. 189) *Черепнинъ.* Уснуть бы мнѣ навѣкъ. Слова Мережковскаго. Изд. П. Юргенсона, М., 1909, 4°, стр. 7, 1.000 экз. 190) *Черепнинъ, Н.* Успокоенныя. Слова Мережковскаго. Изд. П. Юргенсона, М., 1909, 4°, стр. 7, 1.000 экз.

Литература о Д. С. Мережковскомъ.

I. Библіографическія пособія.

1) *Ларинъ, О. Я.* Хронологич. указатель произведеній и литературы о произведеніяхъ Мережковскаго.—Полное собраніе сочиненій Мережковскаго, изд. т-ва Сытина, т. XXIV, М., 1914, стр. 117—149. (Общія библіографич. пособія см. въ началѣ библіографіи).

II. Книги.

2) *Абрамовичъ, Н. Я.* О художествен. рисункѣ въ современной беллетристикѣ.—Литерат.-критич. очерки, кн. I, Творчество и жизнь, Спб., 1909, стр. 205—226. 3) *Айхенвальдъ, Ю. И.* Мережковскій о Лермонтовѣ.— Отдѣльныя страницы, т. II, М., 1910, стр. 105—120. 4) *Айхенвальдъ, Ю. И.* Мережковскій о Лермонтовѣ.— Силуэты русскихъ писателей, вып. I, 3-е изд., М., 1911, стр. 99—107. 5) *Александровичъ, Ю.* Радость жизни. Реакція въ литературѣ и жизни. — Послѣ Чехова, т. I, М., 1908, стр. 61—85, 151—195. 6) *Александровичъ, Ю.* Исторія новѣйшей русск. литературы, ч. I, Чеховъ и его время, М., 1911. 7) *Амфитеатровъ, А. В.* Русск. литераторъ и римскій императоръ. Литерат. альбомъ, Спб., 1904; 2-е изд., Спб., 1907, стр. 150—187. 8) *Андреевскій, С.* Вырожденіе риѳмы. — Литерат. очерки (3-е изд. Литерат. чтеній), Спб., 1902, стр. 427—469. 9) *Аничковъ, Е. В.* Поэты „Скорпіона".— Литерат. образы и мнѣнія, Спб., 1904, стр. 143—184. 10) *Базаровъ, В.* Христіане Третьяго Завѣта и строители Башни Вавилонской.—На два фронта, Спб., 1910, стр. 167—211. 11) *Бердяевъ, Н.* Sub specie aeternitatis. Опыты философск., соціальн. и литерат., Спб., 1907. 12) *Бердяевъ, Н.* Духовный кризисъ интеллигенціи, Спб., 1910. 13) *Богдановичъ, А.* Годы перелома, Спб., 1908, стр. 429—435. 14) *Боцяновскій, В. Ѳ.* Вольный синодъ. Кто боленъ?—Богоискатели, Спб., 1911, стр. 134—151, 243—252. 15) *Брандесъ, Г.* Собраніе сочиненій, изд. „Просвѣщенія", т. XIX, Спб., 1913, стр. 313—325. 16) *Брюсовъ, В. Я.* Далекіе и близкіе, М., 1912, стр. 54—64 (см. также указ.). 17) *Бѣлый, А.* Лугъ зеленый, М., 1910, стр. 134—151. 18) *Бѣлый, А.* Арабески, М., 1911, стр. 409—436. 19) *Венгеровъ, С. А.* Основныя черты исторіи новѣйшей русск. литературы, 2-е изд., съ прибавл. этюда: „Побѣдители или побѣжденные?", Спб., 1909. (*Перепеч.:* Собраніе сочиненій, т. I, Спб., 1911). 20) *Венгеровъ, С. А.* Собраніе сочиненій, т. I, Героическій характеръ русск. литературы, Спб., 1911. 21) „Вершины", сборн., Спб., 1909, стр. 331—363; (*Базаровъ, В.* Богоискательство и богостроительство); стр. 399—421 (*Невѣдомскій, М.* Модернистское похмѣлье). 22) *Волынскій, А. Л.* Русскіе критики, Спб., 1896, стр. 751—772. 23) *Волынскій, А. Л.* Современ. русск. беллетристика.—Борьба за идеализмъ, Спб., 1900, стр. 297—310, 365—379. 24) *Волынскій, А. Л.* Современ. русск. беллетристика. Современ. русск. поэзія. Стихи. Книга великаго гнѣва, Спб., 1904, стр. 167—199, 200—217, 430—445. 25) Галлерея русск. писателей, изд. Скирмунта, М., 1901, стр. 511. 26) Галлерея русск. писателей и художниковъ. Состав. *Н. Мартовъ*, изд. Н. Ѳ. Мертца, Спб., 1901, стр. 90. 27) *Глинскій, Б. Б.* Болѣзнь или реклама? Литерат. молодежь.—Очерки русск. прогресса, Спб., 1900, стр. 388—422, 448—481. 28) *Говоровъ, К.* Современ. поэты, Спб., 1889. 29) *Головинъ, К. Ѳ.* Русск. романъ и русск. общество, 2-е изд., Спб., 1904, стр. 489—506. 30) *Горнфельдъ, А. Г.* Г. Мережковскій и чертъ. Книги и люди, Спб., 1908, стр. 273—282. 31) *Грифцовъ, Б.* Три мыслителя. В. Розановъ, Д. Мережковскій, Л. Шестовъ, М., 1911. 32) „Ежегодникъ газеты „Рѣчь", Спб., 1913. (*Гуревичъ, Л.* Художествен. литература). 33) *Закржевскій, А.* Религія. Психологич. параллели, Кіевъ, 1913. 34) *Ивановъ-Разумникъ.* Исторія русск. обществен. мысли, т. II, Спб., 1907; 2-е изд., Спб., 1908; 3-е изд., Спб., 1911. 35) *Ивановъ-Разумникъ.* Мертвое царство. Творчество и критика, Спб., 1911, стр. 110—179. 36) *Измайловъ, А.* Кривое зеркало, Спб., 1908; 2-е изд., Спб., 1910; 3-е изд., Спб., 1912. 37) *Измайловъ, А.* Помраченіе божковъ и новые кумиры, М., 1910 (см. указ.). 38) *Измайловъ, А.* Пророкъ безблагодатныхъ дней. Пестрыя знамена. Литерат. портреты безвременья, М., 1913, стр. 123—146. 39) Исторія Россіи въ XIX в., изд. т-ва Гранатъ, т. IX, М., 1911, стр. 1—116. (*Невѣдомскій.* 80-е и 90-е гг. въ нашей литературѣ). 40) Исторія русск. литературы XIX в., подъ ред. *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго*, изд. т-ва „Міръ", 5 тт., М., 1908—1912 (см. указ.). 41) Книга о русск. поэтахъ

посвѣщеннаго десятилѣтію, подъ ред. *М. [illegible]*, Спб., 1909, стр. 197—217. (Статья *[illegible]*). *[illegible]*, *Н.* Очерки по исторіи новѣйшей русск. литературы, т. III, вып. III, М., 1911, стр. 3—105. 43) *[illegible]*, *В. И.* Мережковскій о Толстомъ и Достоевскомъ.—Очерки литерат. настроеній, Спб., 1905, стр. 120—145. 44) *Крайній, А.* (*Гиппіусъ, З. Н.*). [illegible].—Литерат. дневникъ, Спб., 1908, стр. 189—212. 45) *Кро[illegible]*, *Н.* Идеалы и дѣйствительность въ русск. литературѣ, Спб., 1907 (см. указ. [illegible]). „Литерат. [illegible]“, сборн., кн. II, Спб., 1910, стр. 5—38. [illegible] *В.* Христиане Третьяго Завѣта и строители Башни Вавилонской. 47) *[illegible]*. *Е.* Мережковскій и его новое христіанство, Спб., 1914. 48) *[illegible]*, *М. О.* Клевета обожанія.—Критич. очерки, т. II, Спб., 1902, стр. 156—174. 49) *[illegible]*, *Д. С.* Полное собраніе сочиненій, изд. т-ва Вольфъ, т. XV, Спб., 1912, стр. I—XI. (*[illegible]*, *А.* Мережковскій. Критико-біограф. очеркъ.) 50) *Минскій, Н.* Абсолютная реакція.—На обществ. темы, Спб., 1909, стр. [illegible], 2-е изд., Спб., 1909. 51) *Михайловскій, Н. К.* Дневникъ читателя. Замѣтки о поэзіи и поэтахъ.—Сочиненія, т. VI, Спб., 1897, стр. [illegible]. 52) *Михайловскій, Н. К.* Русское отраженіе французскаго символизма.—Литерат. воспоминанія и современ. смута, т. II, Спб., 1900, стр. 32—6[illegible]. 53) *Михайловскій, Н. К.* Нѣсколько словъ о г. Мережковскомъ и Л. Толстомъ. О г. Мережковскомъ. О Достоевскомъ и г. Мережковскомъ. Г. Мережковскій объ отцахъ и дѣтяхъ. Запоздалые счеты съ г. Мережковскимъ.—Послѣднія сочиненія, т. II, Спб., 1905, стр. 252—253, 254—283, 284—3[illegible], 3[illegible] - 341, 435—438. 54) *Михайловскій, Н. К.* „Толстой и Достоевскій“ Мережковскаго.—Полное собраніе сочиненій, т. X, Спб., 1913, стр. 10[illegible]—1071. 55) *[illegible]*, *Г.* О так. называемыхъ религіозныхъ исканіяхъ.—Отъ обороны къ нападенію, М., 1910. 56) *[illegible]*, *Н. Н.* Исторія русск. словесности, т. III, Спб., 1900, стр. 61[illegible]. 57) *[illegible]*, *Н.* Поэты нашихъ дней, М., 1907, стр. 24—29. 58) *[illegible]*, *В.* Уединенное, Спб., 1912. 59) *[illegible]*, *Н. Н.* О новомъ религіозномъ сознаніи (Мережковскій и Бердяевъ), М., 1908. 60) *Ру[illegible]*, *В.* (*[illegible]*) Сто русск. литераторовъ, изд. Вольфа, Спб., 1895, стр. 110. 61) *Сальниковъ, А. Н.* Русск. поэты за сто лѣтъ, Спб., 1901, стр. 48[illegible]. 62) *Скабичевскій, А. М.* Исторія новѣйшей русск. литературы, Спб., 1891, 7-е изд., Спб., 1909 (см. указ.). 63) *Скабичевскій, А. М.* Замѣтки о текущей литературѣ. Курьезы и абсурды молодой критики.—Сочиненія, 3-е изд., т. II, Спб., 1903, стр. 381—394, 540—556 и 818. 64) Словарь членовъ Общества Любителей Россійск. Словесности, М., 1911, стр. 188. 65) *Соловьевъ, В. С.* Особое чествованіе Пушкина. Критика [illegible] го листа.—Собраніе сочиненій, 2-е изд., т. IX, Спб., 1913, стр. 277—2[illegible]. 66) *[illegible]*, *В. Д.* Мережковскій и его „Вѣчные спутники“.—Сочиненія, т. IX, Спб., 1900, стр. 313—38[illegible]. 67) *Струве, П. Б.* Споры съ Мережковскимъ. На разныя темы. Борьба за вѣру и борьба за догматъ.—Patriotica, сборн. статей, Спб., 1911, стр. 109—127, 439—443. 68) *Сумъ[illegible]*, *Н.* Леонардо да-Винчи, Харьковъ, 1900. 69) „Сѣверные Цвѣты на 1902 г.“ альманахъ, изд. „Скорпіона“, стр. 2[illegible]. (*[illegible]*, *А. Л.* Современная русск. поэзія.) 70) *[illegible]*, *С. Л.* Философ[illegible], Спб., 1910. 71) *[illegible]*, *А. П.* Письма. Изд. М. П. Чеховой, т. II, М., 1912, стр. 206—208 (письмо къ Суворину 1888 г. [illegible]). 72) *Чуковскій, К. И.* Отъ Чехова до нашихъ дней, Спб., 1908; 2-е изд., Спб., 1908, стр. 183—200; 3-е изд., Спб., 1908, стр. 197—216. 73) *Чумосовъ, М.* Кто заполнитъ бездну?—Критич. статьи, Спб., 1904, стр. 84—97. 74) *Ше[illegible]*, *Л.* Власть идей.—А[illegible] вечности, Спб., 1905. 75) *Ше[illegible]*, *Л.* Власть идей.—Собраніе сочиненій, т. IV, Спб., 1911, стр. 253—297. 76) *Щеголевъ, П. Е.* (*В. А. Щ.*). Мережковскій. Публичная лекція, Спб., 1909. 77) Энциклопедич. Словарь, изд. Брокгауза-Эфрона, т. XXXVII, Спб., 1896; т. II, дополн., Спб., 1906. (Статьи *С. В.* [*Венгеровъ, С. А.*]). 78) *Н. Я.* (*Мельшинъ-Якубовичъ*). Русская муза, Спб., 1904; 2-е перераб. и дополн. изд., Спб., 1908, стр. [illegible]—370; 3-е изд., Спб., 1914. 79) *Ме[illegible]*, *Л.* (*Гриневичъ-Якубовичъ, П. Ф.*) Очерки русск. поэзіи, Спб., 1911.

III. Періодическія изданія.

80) Портретная галлерея современ. русск. писателей.—„Нива“, 1888, т. XXII, № 15, [illegible], стр. 86. 81) *Миллеръ, О.* Наши современ. поэты.—„Русск. Мысль“, 1888, кн. I. 82) *Михайловскій, Н. К.* Дневникъ читателя. Замѣтки о поэзіи и поэтахъ.—„Сѣверн. Вѣстн.“, 1888, кн. III, стр. 1[illegible]—156. 83) *[illegible]*, *М. А.* Письма о литературѣ.—„Русск. Мысль“, 1891, кн. IX, стр. 131—134. 84) „Русск. Мысль“, 1892, кн. I, стр. 3. 85) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь.—„Русск. Мысль“, 1892, кн. V, стр. 1[illegible]—14[illegible]. 86) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь.—„Русск. Мысль“, 1893, кн. IV, стр. 176. 87) *О., Т. В.* (*Гольцевъ, В. А.*). Новыя теченія [illegible].—„Русск. Мысль“, 1893, кн. VI, стр. 68—73. 88) *Михайловскій, Н. К.* Русск. отраженіе французскаго символизма.—„Русск. Богат.“, 1893, кн. II, стр. 45—68. 89) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь.—„Русск. Богат.“, 189[illegible], кн. IX, стр. 79—104. 90) *Б., А.* (*[illegible]*, *А.*) Критич. замѣтки.—„Міръ Божій“, 1895, кн. XI, стр. 223—229. 91) *Глинскій, Б. Б.* Болѣзнь или реклама?—„Истор. Вѣстн.“, 1896, кн. II, стр. 618—655. 92) *Глинскій, Б. Б.* Литерат. молодежь.—„Истор. Вѣстн.“, 189[illegible], кн. VI, стр. 9[illegible]—934. 93) *Б., А.* (*Богдановичъ*). Критич. замѣтки.—„Міръ Божій“, 1896, кн. VII, стр. 239—241. 94) *Волынскій, А.* Литерат. замѣтки. (Скорп. русск. беллетристики).—„Сѣверн. Вѣстн.“, 1896, кн. II, стр. 328—341. 95) *Буренинъ, В.*—„Нов. Время“, 1897, № 7731. 96) *[illegible]*, *П. Ф.* (*Мельшинъ-Якубовичъ*). Обзоръ новой соврем. поэзіи.—„Русск. Богат.“, 1897, кн. IX, стр. 1—7. 97) *[illegible]*, *Н. Н.* (*[illegible]*) Итоги духовной [illegible].—„Русск. Богат.“, 1898, кн. VIII, стр. 88—124. 98) *Соловьевъ, В. С.* Особое чествованіе Пушкина.—„Вѣстн. Европы“, 1899, кн. VII, стр. 432—440. 99) *Соловьевъ, В. С.* [illegible] листа.—„Вѣстн. Европы“, 1899, кн. X, стр. 8[illegible]. 100) *Буренинъ, В.*—„Нов. Время“, 1899, № [illegible]. 101) *Марінскій, К.*—„Нов. Міръ“, 1899, № 22. 102) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь.—„Русск. Богат.“, 1899, кн. IV, стр. 189—219. 103) *Гольцевъ, В.* Литерат. отголоски.—„Курьеръ“, 1900, №№ 24 и 86. 104) *[illegible]*, *В.* Критич. очерки.—„Нов. Время“, 1900, № [illegible]. 105) Газетный день.—„Россія“, 1900, № 254. 106) *Гриневичъ* (*Мельшинъ-Якубовичъ, П.*). Замѣтки читателя.—„Русск. Богат.“, 1900, кн. IV, стр. 140—165. 107) *[illegible]*, *А.* Критич. очерки.—„Торгово-Промышлен. Газета“, 1900, № 6. 108) *[illegible]*, *А.* Трагедія Юліана-Михайловскаго.—„Истор. Вѣстн.“, 1901, кн. IV, стр. 180—190. 109) *Б., А.* (*Богдановичъ*). Критич. замѣтки.—„Міръ Божій“, 1901, кн. VI, стр. 9—11; кн. XI, стр. 1. 110) *Андреевскій, С.* Вырождающіеся ритмы.—„Міръ Искусства“, 1901, № 5, стр. 211—23[illegible]. 111) *[illegible]*, *В.* Маленькая историч. поправка.—„Нов. Время“, 1901, № 8941. 112) *Буренинъ, В.* Цвѣты нов. поэзіи.—„Нов. Время“, 1901, № 9149. 113) *Буренинъ, В.* Критич. очерки. Новый Богъ, рожденный г. Минскимъ.—„Нов. Время“, 1901, № 916[illegible]. 114) *С. Е. Е.* [illegible].—„Нов. Время“, 1901, № 9[illegible]. 115) *[illegible]*, *А.* [illegible] Мережковскаго.—„Новости“, 1901, № 45. 116) *[illegible]*, *З.* Русск. символизмъ въ оцѣнкѣ французск. критики.—„Новости“, 1901, № 114. 117) Пресса.—„Одесск. Новости“, 1901, № 5241. 118) *Волынскій, А. Л.* Современ. русская беллетристика.—„Прибалт. Край“, 1901, №№ 270, 271 и 272. 119) *Н.* Французск. журналъ о русск. литературѣ.—„Русск. Вѣд.“, 1901, № 85. 120) *Шепелевичъ, Л. Ю.* Русск. литература о [illegible].—„Журн. Мин. Народн. Просв.“, 1902, кн. VII, стр. 2[illegible]—21[illegible]. 121) Горькій и Мережковскій въ Италіи.—„Литерат. Вѣстн.“, 1902, т. III, кн. II, стр. 2[illegible]3. 122) Горькій, Толстой, Тургеневъ, Чеховъ и Мережковскій [illegible].—„Литерат. Вѣстн.“, 1902, т. III, кн. II, стр. 234. 123) *Лидинъ, Н.* Чѣмъ мы интересуемся?—„Петерб. Газета“, 1902, [illegible]. 124) *[illegible]*, *В.* [illegible].—„Русск. Мысль“, 1902, кн. V. 125) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь. Нѣсколько словъ о г. Мережковскомъ и Л. Толстомъ.—„Русск. Богат.“, 1902, кн. VIII, стр. 76—9[illegible]. 126) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь. О г. Мережковскомъ.—„Русск. Богат.“, 1902, кн. IX, стр. 41—69. 127) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь. О Достоевскомъ и г. Мережковскомъ.—„Русск. Богат.“, 1902, кн. X, стр. 1[illegible]. 128) *[illegible]*, *Л.* Власть идей.—„Міръ Искусства“, 1903, № 1—2. 129) *[illegible]*, *В.* Среди [illegible].—„Міръ Искусства“, 1903, № 7—8, стр. 69—85. (*Перепеч.*: „Нов. Путь“, 1903, кн. X, стр. 219—24[illegible]). 130) [illegible], *А.* Критич. замѣтки. „Религіозное обновленіе“ нашихъ дней.—„Московск. Вѣд.“, 1903, №№ 52, 5[illegible], 6[illegible], 73, 80, 83, 87 и 94. 131) *Басаргинъ, А.* Критич. замѣтки. Незнающіе.—„Московск. Вѣд.“, 1903, № 306. 132) *Б., А.* Письмо къ Мережковскому.—„Нов. Путь“, 1903, кн. II, стр. 156. 133) *Иносовъ, С. Н.* Письма къ Мережковскому.—„Нов. Путь“, 1903, кн. IV, стр. 151. 134) *Стародумъ, Н. Я.* [illegible].—„Русск. Вѣстн.“, 1903, кн. V, стр. 2[illegible]. 135) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь. Г. Мережковскій объ отцахъ и дѣтяхъ.—„Русск. Богат.“, 1903, кн. I, стр. 84—108. 136) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь. Запоздалые счеты съ г. Мережковскимъ.—„Русск. Богат.“, 1903, кн. X, стр. 91—110. 137) *Гу[illegible]*, *К.* Нѣчто объ

еретикахъ.—„С.-Петерб. Вѣд.“, 1903, № 11. 138) *Михаилъ, арх.* Письмо въ ред.—„С.-Петерб. Вѣд.“, 1903, № 13. 139) *Румынскій, К.* Еще объ еретикахъ.—„С.-Петерб. Вѣд.“, 1903, № 24. 140) „Странникъ“, 1903, кн. VIII—IX. 141) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). Критич. замѣтки.—„Міръ Божій“, 1904, кн. III. 142) *Ашешовъ, Н.* Изъ жизни и литературы. Оживленіе богословія. Журналъ „Нов. Путь“.—„Образов.“, 1904, кн. IV. 143) *Покровскій, А. И.* Современ. декадентство.—„Русск. Вѣстн.“, 1904, кн. VI, стр. 551. 144) *Homo novus.* Новый путь.—„Русь“, 1904, № 325. 145) *Бердяевъ, Н.* О новомъ религіозномъ сознаніи.—„Вопросы Жизни“, 1905, кн. IX, стр. 147—188. 146) *Бѣлый, А.*—„Вѣсы“, 1905, кн. VI, стр. 69—70. 147) Въ журналахъ и газетахъ. Аватара Мережковскаго.—„Вѣсы“, 1905, кн. VIII, стр. 67—68. 148) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). Критич. замѣтки.—„Міръ Божій“, 1905, кн. VII. 149) *Арскій.* Изъ жизни и литературы.—„Новости Дня“, 1905, № 7895. 150) *Маковскій.* Что такое русск. декадентство?—„Образов.“, 1905, кн. IX. 151) *Айвазовъ, И.* Русск. сектантство.—„Вѣра и Разумъ“, 1906, № 20, стр. 439—441. 152) *Скифъ, Н.* Журн. и литерат. обозрѣніе.—„Русск. Вѣстн.“, 1906, кн. IX, стр. 311—313. 153) *Шт—нъ, С.* Литерат. отраженія.—„Слово“, 1906, № 475 и слѣдующ. 154) *Северакъ, Ж.* Религ. нравствен. идеи въ произведеніяхъ Мережковскаго.—„Вѣстн. Знанія“, 1907, кн. X, стр. 106—120. 155) *Бѣловъ, Е.* Литерат. утро на берегахъ Сены.—„Русск. Слово“, 1907, № 276. 156) Старое и новое.—„Русь“, 1907, № 303. 157) *Чуковскій, К.* О Мережковскомъ.—„Рѣчь“, 1907, № 243. 158) *Бѣлый, А.* Мережковскій.—„Утро Россіи“, 1907, № 28, 18 окт. 159) Д. С. Мережковскій объ инцидентѣ въ Религіозно-философ. обществѣ.—„Биржев. Вѣд.“, 1908, № 10811. 160) *Бѣлый, А.* Символизмъ и современ. русское искусство.—„Вѣсы“, 1908, кн. X, стр. 38—48. 161) *Минскій, Н.* Л. Андреевъ и Мережковскій.—„Наша Газета“, 1908, № 1. 162) *Ст—нъ, А.* Замѣтки.—„Нов. Время“, 1908, № 11480. 163) *Розановъ, В.* „Свои люди“ поссорились.—„Нов. Время“, 1908, № 11532. 164) *Абрамовичъ, Н. Я.* (*Кадминъ*). Литерат. замѣтки. О художествен. письмѣ въ соврем. беллетристикѣ.—„Образов.“, 1908, кн. VI, стр. 80. 165) *Гиппіусъ, З.* Открытому слуху.—„Правда Жизни“.—1908, № 4. 166) *Потресовъ, С.* Поэтъ и толпа.—„Русск. Слово“, 1908, № 277. 167) *Галичъ, Л.* Новыя теченія.—„Рѣчь“, 1908, № 1. 168) *Галичъ, Л.* Мысли.—„Рѣчь“, 1908, № 43. 169) *Левинъ, Д.* Наброски.—„Рѣчь“, 1908, № 70. 170) *Минскій, Н.* Вокругъ и около чужихъ идей.—„Рѣчь“, 1908, № 91. 171) *Энгельгардтъ, М.* Мережковскій и русск. интеллигенція.—„Свободныя Мысли“, 1908, № 48. 172) *Минскій, Н.* Абсолютная реакція. Религіозныя идеи Мережковскаго.—„Слово“, 1908, №№ 496 и 497. 173) *Невѣдомскій, М.* О „навьихъ“ чарахъ и „навьихъ“ тропахъ.—„Соврем. Міръ“, 1908, кн. II. 174) *Невѣдомскій, М.* Въ защиту художества.—„Соврем. Міръ“, 1908, кн. III. 175) *Кранихфельдъ, В.* Литературные отклики. Европеизація „Русской Мысли“.—„Соврем. Міръ“, 1908, кн. XI, стр. 69. 176) *Борскій, Б.* (*Ивинскій*). Въ зеленой пустынькѣ.—„Утро“, 1908, № 11. 177) *Галичъ, Л.* Быть пусту.—„Утро“, 1908, № 28. 178) *Эллисъ.* О современ. символизмѣ, о „чертѣ“ и о „дѣйствѣ“.—„Вѣсы“, 1909, кн. I, стр. 75—82. 179) *Перцовъ, П.* Литерат. письма. Развалъ.—„Нов. Время“, 1909, № 11790. 180) *Розановъ, В.* Трагич. остроуміе.—„Нов. Время“, 1909, № 11822. 181) *Морозовъ, М.* Въ гипнозѣ словъ.—„Образов.“, 1909, кн. I, стр. 25. 182) *Г., Н.* Литерат. дневникъ.—„Одесск. Новости“, 1909, № 7731. 183) *Маловѣръ, Ѳ.* Пророкъ и толпа.—„Правда Жизни“, 1909, № 7. 184) *Струве, П.* Борьба за вѣру и борьба за догматъ.—„Русск. Мысль“, 1909, кн. I, стр. 194. 185) *Блокъ, А.* Мережковскій.—„Рѣчь“, 1909, № 30. 186) *Герценштейнъ, Д.* Богоискательскія развлеченія.—„Слово“, 1909, № 42. 187) *Кранихфельдъ, В.* Литерат. отклики. Тринадцать безсмертныхъ.—„Соврем. Міръ“, 1909, кн. III, стр. 84. 188) *Кранихфельдъ, В. П.* Литерат. отклики. Новые наслѣдники „Перевиски“ Гоголя.—„Соврем. Міръ“, 1909, кн. VIII. 189) *Плехановъ, Г.* О такъ называемыхъ религіозныхъ исканіяхъ.—„Соврем. Міръ“, 1909, кн. XII. 190) Въ Религіозно-философ. обществѣ.—„Рѣчь“, 1910, № 319. 191) *Буренинъ, В.*—„Нов. Время“, 1911, окт. 192) *Игнатовъ, И.*—„Русск. Вѣд.“, 1911, окт. 193) *Кранихфельдъ, В.* Литерат. отклики. Легенда о кольцѣ Пушкина.—„Соврем. Міръ“, 1911, кн. I. 194) *Малахіева-Мировичъ, В.* О смерти въ соврем. поэзіи.—„Завѣты“, 1912, кн. VII, окт. 195) *Аничковъ, Е.* Бѣлые павлины нашей скуки.—„Нов. Жизнь“, 1912, кн. VII. 196) *Львовъ-Рогачевскій, В.* Художникъ-правдоискатель.—„Соврем. Міръ“, 1912, кн. V, стр. 213. 197) *Чудовскій, В.* „Русск. Мысль“ и романы Брюсова, Гиппіусъ и Мережковскаго.—„Аполлонъ“, 1913, кн. II. 198) *Чудовскій, В.* Докладъ Мережковскаго о Толстомъ.—„Аполлонъ“, 1913, кн. V. 199) *Чудовскій, В.* О Мережковскомъ, Некрасовѣ и о политикѣ въ искусствѣ.—„Аполлонъ“, 1913, кн. VII. 200) *Ивановъ-Разумникъ.* Литература и общественность. Клопиныя шкурки.—„Завѣты“, 1913, кн. II. 201) *Сандро.* Замѣтки читателя.—„Русск. Молва“, 1913, № 109. 202) Автобіографич. замѣтка. Мережковскаго.—„Русск. Слово“, 1913, № 65, 19 марта. 203) Символисты о символизмѣ.—„Завѣты“, 1914, кн. II. 204) *Муравьевъ, В.* Невѣдомая Россія.—„Русск. Мысль“, 1914, кн. I. 205) *Струве, П.* Почему застоялась наша духовная жизнь?—„Русск. Мысль“, 1914, кн. III. 206) *Гиппіусъ, З.* Письмо въ ред.—„Русск. Мысль“, 1914, кн. V. 207) *Струве, П.* Религія и общественность.—„Русск. Мысль“, 1914, кн. V.

Инцидентъ, вызванный опубликованіемъ писемъ Д. С. Мережковскаго къ А. С. Суворину: 1) *Мережковскій, Д.* Суворинъ и Чеховъ.—„Русск. Слово“, 1914, № 17. 2) *Розановъ, В.* А. С. Суворинъ и Д. С. Мережковскій. (Письмо въ ред.).—„Нов. Время“, 1914, № 13604, 25 янв. 3) *Мережковскій, Д.* Письмо въ ред.—„Рѣчь“, 1914, № 25, 26 янв. 4) Кто такой г. Мережковскій?—„Нов. Время“, 1914, № 13606, 27 янв. 5) *Мережковскій, Д.* Письмо въ ред.—„Рѣчь“, 1914, № 27, 28 янв. 6) Изъ писемъ г. Мережковскаго къ А. С. Суворину.—„Нов. Время“, 1914, № 13607, 28 янв. 7) Изобличенный г. Мережковскій.—„Нов. Время“, 1914, № 13608, 29 янв. 8) *Мережковскій, Д.* Письмо въ ред.—„Рѣчь“, 1914, № 29, 30 янв. 9) Еще о Мережковскомъ.—„Нов. Время“, 1914, № 13610, 31 янв. 10) *Бывшій членъ Общества.* Исключеніе Д. С. Мережковскаго изъ Религіозно-Философск. Общества. (Вниманію Совѣта Общества).—„Нов. Время“, 1914, № 13610, 31 янв. 11) *Влагинъ.* Маленькій фельетонъ. Письма А. П. Чехова и г. Мережковскій.—„Нов. Время“, 1914, № 13611, 1 февр. 12) *Пѣшехоновъ, А.* Случайныя замѣтки. Теорія г. Маклакова и практика г. Мережковскаго.—„Русск. Богат.“, 1914, кн. III, стр. 385—390.

IV. Статьи и рецензіи объ оригинальныхъ произведеніяхъ.

Александръ I: 1) *Измайловъ, А.* Литерат. обозрѣніе.—„Нива“, 1911, № 44. 2) *Абрамовичъ, Н.* Послѣдній романъ Мережковскаго.—„Нов. Жизнь“, 1912, кн. III, стр. 146—163. 3) *Измайловъ, А.*—„Биржев. Вѣд.“, 1913, № 13339. 4) *Анчаръ.*—„Биржев. Вѣд.“, 1913, № 13435. 5) „Бюллетени литературы и жизни“, 1913, іюль, № 21, стр. 546—549. 6) *Н. П.*—„Вятск. Рѣчь“, 1913, № 94. 7) *Мельгуновъ, С.* Защита Мережковскимъ Александра I.—„Голосъ Минувшаго“, 1913, кн. IV. 8) „Извѣстія Одесск. Библіографич. Общества“, 1913, кн. VI. 9) *Войтоловскій, Л.*—„Кіевск. Мысль“, 1913, № 81. 10) *Бурнакинъ, А.*—„Нов. Время“, 1913. 11) *А., П.*—„Русск. Молва“, 1913, № 81. 12) *Корниловъ, А.* Историческій романъ Д. Мережковскаго: „Александръ I“.—„Современ.“, 1913, кн. II. 13) *Ожиговъ, А.*—„Соврем. Слово“, 1913, № 1853. 14) *Садовской, Б. А.* Оклеветанныя тѣни.—„Сѣверн. Записки“, 1913, кн. I, стр. 115—119. 15) *Мельгуновъ, С.* Романъ Мережковскаго: „Александръ I“.—„Голосъ Минувшаго“, 1914, кн. XII, стр. 39—80. *Антихристъ:* см. *Христосъ и Антихристъ. Балаганъ и трагедія: Львовъ-Рогачевскій, В.* Быть или не быть русскому символизму?—„Соврем. Міръ“, 1910, кн. X, стр. 76—86. *Больная Россія:* 1) *В—скій, Ч.*—„Вѣстн. Европы“, 1910, кн. III. 2) „Русск. Богат.“, 1910, кн. III, стр. 147—150. 3) *Фаресовъ, А.*—„Истор. Вѣстн.“, 1911, кн. VI. *Воскресшіе Боги:* см. *Христосъ и Антихристъ. Въ тихомъ омутѣ:* 1) *Н. Г.*—„Русск. Вѣд.“, 1909, № 9. 2) *Потресовъ, А.* „Тихій омутъ“ или демоническое болото.—„Среди книгъ“, 1909, I, стр. 1—4. *Вѣчные спутники:* 1) *Д. Ш.*—„Волжск. Вѣстн.“, 1897, № 5. 2) *К., Ил.*—„Всемірн. Иллюстрація“, 1897, т. I, № 21, стр. 489. 3) *Спасовичъ, В. Д.* Мережковскій и его „Вѣчные спутники“.—„Вѣстн. Европы“, 1897, кн. VI, стр. 558—603. (*Перепеч.*: Сочиненія, т. IX, Спб., 1900, стр. 313—380). 4) *Никольскій, Б. В.* „Вѣчные спутники“ Мережковскаго.—„Истор. Вѣстн.“, 1897, кн. XI, стр. 593. 5) *В. Л.*—„Кавказъ“, 1897, № 197. 6) Литерат. лѣтопись.—„Книжки „Недѣли“, 1897, кн. VII, стр. 286—288. 7) „Міръ Божій“, 1897, кн. VII, стр. 66—68. 8) „Недѣля“, 1897, № 36. 9) *Сементковскій, Р. И.*—„Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1897, кн. I, стр. 196—200. 10) „Нов. Слово“, 1897, кн. V, февр., стр. 61—65. 11) *Скриба* (*Андреевичъ-Соловьевъ, Е.*). Литерат. хроника. Г. Спасовичъ о г. Мережковскомъ.—„Новости“, 1897, № 159. 12) *Горнфельдъ, А.* Критика и лирика.—„Русск. Богат.“, 1897, кн. III, стр. 29—65.

13) *Овсянико-Куликовскій, Д. Н.* — „Жизнь“, 1899, кн. VIII. 14) *Библіофилъ.* — „Міръ Искусства“, 1899, т. I, стр. 114. 15) *Розановъ, В.* „Нов. Время“, 1899, № 8294. 16) *Соломоновъ, А.* Дневникъ. — „Сынъ Отечества“, 1899, № 195. 17) „Русь“, 1907, № 119. 18) „Слово“, 1907, № 174. 19) „Русь“, 1908, № 49. 20) „Русск. Мысль“, 1912, кн. VIII, стр. 291. *Гоголь:* 1) Записки Религ.-философ. собраній. — „Нов. Путь“, 1903, кн. V. 2) *Романскій, Т.* Заключеніе. — „Нов. Путь“, 1903, кн. X, стр. 203. 3) *Корнбая, Н.* Журн. замѣтки. — „Образов.“, 1903, кн. V, стр. 118. 4) *Н.* Литерат. новости. — „Русск. Вѣд.“, 1903, № 65. 5) Обзоръ журналовъ. — „Странникъ“, 1903, кн. II, IV и VII. 6) *Корнбая, Н. Н.* Итоги Гоголевской юбилейн. литературы. — „Журн. Мин. Народн. Просв.“, 1904, кн. V, стр. 169—240. 7) *Аврелій (Брюсовъ, В.).* Вѣхи III. Чортъ и Хамъ. — „Вѣсы“, 1906, кн. III—IV, стр. 75—78. 8) *Бѣлый, А.* — „Золот. Руно“, 1906, № 4. 9) *Горнфельдъ, А. Г.* Г. Мережковскій и чортъ. — Книги и люди, Спб., 1908, стр. 273—282. 10) *Философовъ, Д. В.* — „Русск. Мысль“, 1909, кн. IV, стр. 196. 11) *Кашинъ, Н.* — „Русск. Филологич. Вѣстн.“, 1909, т. LXII, кн. III, стр. 336. 12) *Бѣлый, А.* Арабески, М., 1911, стр. 429—433. *Грядущій Хамъ. Чеховъ и Горькій:* 1) *Ляцкій, Е. А.* Среди нов. книгъ. — „Вѣстн. Европы“, 1906, кн. IV, стр. 807—816. 2) *Аврелій (Брюсовъ, В.).* Вѣхи. III. Чортъ и Хамъ. — „Вѣсы“, 1906, кн. III—IV, стр. 75—78. 3) *Сологубъ, Ѳ.* — „Золот. Руно“, 1906, № 4. 4) *Фоминъ, А. Г.* — „Истор. Вѣстн.“, 1906, кн. V, стр. 638—640. 5) „Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1906, кн. IV. 6) *Ю—въ.* — „Нов. Время“, 1906, № 10776, прилож. 7) *Ардовъ, Н.* — „Нов. Время“, 1906, № 10776. 8) *Лоэнгринъ.* Зигзаги. — „Одесск. Новости“, 1906, № 6881. 9) *Старогинъ, Н. Я.* Журн. и литерат. обозрѣніе. — „Русск. Вѣстн.“, 1906, кн. III, стр. 264—285. 10) „Современность“, 1906, кн. II, апрѣль, стр. 96—100. *Донъ Кихотъ и Санчо Панса:* 1) *Н. С.* — „Одесск. Вѣстн.“, 1889, № 246. 2) *Г.* — „Южн. Край“, 1889, № 2965. *Кольцовъ* см. *Пушкинъ. Красная шапочка:* 1) *Струве, П. Б.* Отвѣтъ Мережковскому. — „Рѣчь“, 1908, № 47, 24 февр. (*Отвѣтъ* Мережковскаго: Еще одна великая Россія. — „Рѣчь“, 1908, № 65, 16 марта). 2) *Струве, П. Б.* Кто изъ насъ „максималистъ?“ — „Рѣчь“, 1908, № 66, 18 марта. 3) *Струве, П. Б.* Patriotica, сборн. статей, Спб., 1911. *Лермонтовъ:* 1) „Биржев. Вѣд.“, 1909, № 11130. 2) *Ptyx.* Обзоръ русск. журналовъ. — „Вѣсы“, 1909, кн. V, стр. 90. 3) „Золот. Руно“, 1909, № 7—9. 4) *Перцовъ, П.* Загадка Лермонтова. — „Нов. Время“, 1909, № 11975. 5) *Чуковскій, К.* Мережковскій о Лермонтовѣ. — „Рѣчь“, 1909, № 24. 6) *Айхенвальдъ, Ю. И.* Мережковскій о Лермонтовѣ. — „Слово“, 1909, № 771. (*Перепеч.:* Отдѣльн. страницы, т. II, М., 1910, стр. 105—120, и Силуэты русск. писателей, вып. I, 3-е изд., М., 1911, стр. 99—107). 7) *Браиловскій, С. Н.* — „Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. Академіи Наукъ“, 1910, кн. II, стр. 247. 8) *Б., М.* — „Истор. Вѣстн.“, 1910, кн. III, стр. 1114—1116. *Любовь сильнѣе смерти:* 1) Литерат. лѣтопись. — „Книжки „Недѣли“, 1896, кн. IX, стр. 270—272. 2) *Скриба (Андроничъ Соловьевъ).* Что сей сонъ значитъ? (Нѣчто удивительное и нравоучительное). — „Новости“, 1896, № 340. 3) *Мережковскій, Д.* Письмо въ ред. (Отвѣтъ Скрибѣ). — „Новости“, 1896, № 342. 4) *Скриба (Андроничъ Соловьевъ, Е.)* Письмо въ ред. (Отвѣтъ Мережковскому). — „Новости“, 1896, № 343. 5) Библіограф. листокъ. — „Вѣстн. Европы“, 1902, кн. IV. 6) *Розановъ, В.* — „Истор. Вѣстн.“, 1902, кн. III, стр. 1128—1140. 7) *Б., А. (Богдановичъ, А.).* — „Міръ Божій“, 1902, кн. III, стр. 69—71. 8) „Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1902, кн. III. 9) „Русск. Мысль“, 1902, кн. III, стр. 67. 10) „Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1904, кн. V. 11) *Юнгъ.* — „Нов. Время“, 1904, № 10210. 12) „Русск. Мысль“, 1904, кн. VIII, стр. 238. 13) *Боцяновскій, В.* — „Русь“, 1904, № 263. *Майковъ* см. *Пушкинъ. Меньшіе братья:* 1) *Измайловъ, А.* Что новаго въ литературѣ? — „Биржев. Вѣдом.“, 1908, № 10284. 2) *Г., М. (Гершензонъ, М. О.).* Литературн. обозрѣніе. — „Вѣстн. Европы“, 1908, кн. VII. 3) *Боцяновскій, В.* Усталые. — „Русь“, 1908, № 31. 4) *Кл., Е.* — „Рѣчь“, 1908, № 139. 5) *Кранихфельдъ, В. П.* Литерат. отклики. — „Соврем. Міръ“, 1908, кн. I, стр. 86—95. *Микель-Анджело* см. *Любовь сильнѣе смерти. Мистич. движеніе нашего вѣка:* *Чуйко, В.* — „Одесск. Лист.“, 1895, № 91. *Наука любви:* см. *Любовь сильнѣе смерти. Не миръ, но мечъ:* 1) „О вѣяніяхъ времени“, сборн., Спб., 1908. (*Покровскій, М.* Религія и революція). 2) *Бѣлый, А.* Не мечъ, но миръ. — „Вѣсы“, 1908, кн. VI, стр. 51—56. 3) *Лурье, С. В.* Религ. искан. въ современ. литературѣ. — „Русск. Мысль“, 1908, кн. X, стр. 44. 4) *Петрищевъ, А.* Случайныя замѣтки. Искъ о наслѣдствѣ. — „Русск. Богат.“, 1908, кн. VI, стр. 194—200. 5) „Русь“, 1908, № 57. 6) *Бѣлый, А.* Арабески, М., 1911, стр. 433—436. *Новый Вавилонъ:* 1) *Крайній, А. (Гиппіусъ, З.).* Влюбленность. — „Нов. Путь“, 1904, кн. III, стр. 189. (*Перепеч.:* Литерат. дневникъ, Спб., 1908, стр. 189—212). 2) *Борисовъ, В.* Неудачное объясненіе. — „Нов. Путь“, 1904, кн. VII, стр. 272. 3) *Старогинъ, Н. Я.* Журн. обозрѣніе. — „Русск. Вѣстн.“, 1904, кн. IV, стр. 741—749. *Новыя стихотворенія* (Спб., 1896): 1) „Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1896, кн. IX, стр. 209—210. 2) „Нов. Слово“, 1896, кн. XI, авг., стр. 109—111. 3) *Волынскій, А. Л.* Критика. — „Сѣверн. Вѣстн.“, 1896, кн. III, стр. 36—43. (*Перепеч.:* Борьба за идеализмъ, Спб., 1900, стр. 372—379). *О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русск. литературы:* 1) *Мордвинъ.* По поводу одной книги. — „Образов.“, 1893, кн. II. 2) „Русск. Мысль“, 1893, кн. II, стр. 59. 3) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь. — „Русск. Мысль“, 1893, кн. IV, стр. 176. 4) *Михайловскій, Н.* Русское отраженіе французск. символизма. — „Русск. Богат.“, 1893, кн. II, стр. 45—68. (*Перепеч.:* Литерат. воспоминанія и современная смута, т. II, Спб., 1900, стр. 32—60). 5) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь. — „Русск. Богат.“, 1893, кн. IX, стр. 79—104. 6) *Волынскій, А.* Литерат. замѣтки. — „Сѣверн. Вѣстн.“, 1893, кн. III, стр. 108—141. (*Перепеч.:* Русскіе критики, Спб., 1896, стр. 751—772). 7) *Скабичевскій, А.* Замѣтки о текущей литературѣ. — Сочиненія, 3-е изд., т. II, Спб., 1903, стр. 381—394. *Отверженный* см. *Христосъ и Антихристъ. Отцы и дѣти русск. либерализма:* 1) Изъ общественн. хроники. Письмо г. Мережковскаго. — „Вѣстн. Европы“, 1901, кн. V. 2) *Б., А. (Богдановичъ, А.).* Критич. замѣтки. — „Міръ Божій“, 1901, кн. VI, стр. 9—11. 3) „Новости“, 1901, №№ 137 и 139. *Павелъ I:* 1) *Г., М.* Литерат. обозрѣніе. — „Вѣстн. Европы“, 1908, кн. VIII. 2) *Брюсовъ, В.* Тѣ книги. — „Вѣсы“, 1908, кн. VI, стр. 49—51. 3) *Боцяновскій, В.* Драма Д. С. Мережковскаго „Павелъ I“. — „Русь“, 1908, № 64. *Петръ и Алексѣй* см. *Христосъ и Антихристъ. Полное собраніе сочиненій:* 1) *Л., Н.* — „Вѣстн. Европы“, 1911, кн. VI, стр. 340. 2) *Войтоловскій, Л.* — „Кіевск. Мысль“, 1911, № 178. 3) „Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1911, кн. VII. 4) „Нов. журналъ для всѣхъ“, 1911, № 31, стр. 117. 5) *Чеботаревская, А.* — „Нов. Жизнь“, 1912, кн. XII. 6) „Русск. Слово“, 1912, № 110. 7) „Историч. Вѣстн.“, 1913, кн. IV. 8) *Лернеръ, Н.* — „Сѣверн. Записки“, 1913, кн. II, стр. 179—181. *Поэтъ сверхчеловѣчества:* см. *Лермонтовъ. Праздникъ Пушкина:* 1) *Соловьевъ, В. С.* Особое чествованіе Пушкина. — „Вѣстн. Европы“, 1899, кн. VII, стр. 432—440. 2) *Соловьевъ, В. С.* Противъ исполнителя. листа. — „Вѣстн. Европы“, 1899, кн. X, стр. 848. (*Перепеч.:* Собраніе сочиненій, 2-е изд., т. IX, Спб., 1913, стр. 277—293). 3) *Синовскій, В.* Пушкинская юбилейная литература 1899—1900 гг., Спб., 1902, стр. 10, 22, 23, 24, 200 и 218. *Пророкъ русской революціи:* 1) *Л., Ев. (Ляцкій, Е.).* Литерат. обозрѣніе. — „Вѣстн. Европы“, 1906, кн. VII. 2) *Ашевскій.* — „Соврем. Міръ“, 1907, кн. I, стр. 102. *Пушкинъ, Кольцовъ, Майковъ* (въ „Философск. теченіяхъ русск. поэзіи“ П. Перцова): 1) *Б., А. (Богдановичъ).* Критич. замѣтки. — „Міръ Божій“, 1896, кн. VII, стр. 239—241. 2) *Скабичевскій, А.* Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ. — „Нов. Слово“, 1896, кн. IX, іюнь, стр. 177—180, 185—197. 3) *Скабичевскій, А.* Курьезы и абсурды молодой критики. — Сочиненія, 3-е изд., т. II, Спб., 1903, стр. 530—536. *Разсказы В. Короленко:* 1) *А. П.* — „Волжск. Вѣстн.“, 1889, № 136. 2) *Р. Д.* — „Недѣля“, 1889, № 20. 3) „Русск. Мысль“, 1889, кн. VIII, стр. 372—374. 4) Журн. обозрѣніе. — „Русск. Богат.“, 1889, кн. V—VI, стр. 314—331. *Святой Сатиръ* см. *Любовь сильнѣе смерти. Семь смиренныхъ:* 1) *Розановъ, В.* Мережковскій противъ „Вѣхъ“. — „Нов. Время“, 1909, № 11897. 2) *Струве, П.* На разныя темы. — „Русск. Мысль“, 1909, кн. V, стр. 126. 3) „Вѣхи“ новыхъ путей, или предѣльная „вѣха“. — „Слово“, 1909, № 774. 4) *Любошъ, С.* Дуэль Мережковскаго и Струве. — „Слово“, 1909, № 774. 5) *Франкъ, С.* Мережковскій о „Вѣхахъ“. — „Слово“, 1909, № 779. (См. также литературу о „Вѣхахъ“, приложен. къ этому сборнику). *Сельва:* Литерат. лѣтопись. — „Книжки „Недѣли“, 1891, кн. VIII, стр. 154—155. *Символы:* 1) „Волжск. Вѣстн.“, 1892, № 139. 2) „Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1892, кн. X. 3) „Русск. Мысль“, 1892, кн. VII, стр. 299—300. 4) „Русск. Богат.“, 1892, кн. XI, стр. 67—70. 5) *Чуберовъ, П.* По поводу прочитаннаго. — „Русск. Обозр.“, 1892, кн. VII, стр. 345. 6) *Волынскій, А. Л.* — „Сѣверн. Вѣстн.“, 1892, кн. IV, стр. 62—67. (*Перепеч.:* Борьба за идеализмъ, Спб., 1900, стр. 365—371). *Смерть Боговъ:* см. *Христосъ и Антихристъ. Собраніе стиховъ:* 1) *Ю—въ.* — „Нов. Время“, 1903, № 9938, прилож. 2) *Волынскій, А. Л.* Стихи. — Книга великаго гнѣва, Спб., 1904, стр. 430—432. 3) *Брюсовъ, В.* Европ. литература въ 1904 г. I. Россія. — „Вѣсы“, 1904, кн. IX, стр. 50.

4) *Налимовъ, А. П.*—„Литерат. Вѣстн.“, 1904, т. VII, кн. I, стр. 88. 5) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). — „Міръ Божій“, 1904, кн. I, стр. 82. 6) *Шестаковъ, Д.* Тихія мгновенія. —„Міръ Искусства“, 1904, № 4. 7) *Д. Л.* — „Московск. Вѣд.“, 1904, № 10. 8) „Русск. Мысль“, 1904, кн. VII, стр. 204. 9) *М...въ, М.*—„Русск. Вѣстн.“, 1904, кн. III, стр. 228—229. 10) *Брюсовъ, В.*—„Русск. Мысль“, 1910, кн. XII. 11) *Гофманъ, В.*—„Нов. Жизнь“, 1911, кн. IV. 12) *Блокъ, А.*—„Рѣчь“, 1911, № 2. *Старинныя октавы*: „Русск. Мысль“, 1906, кн. VIII, стр. 190. *Старый вопросъ по поводу новаго таланта*: „Русск. Мысль“, 1889, кн. I. *Стихотворенія* (Спб., 1888): 1) „Гражданинъ“, 1888, № 18. 2) „Еженедѣльн. Обозр.“, 1888, № 213. 3) „Наблюдатель“, 1888, кн. I. 4) „Нов. Время“, 1888, № 4273. 5) „Русск. Мысль“, 1888, кн. VI, стр. 275 — 277. 6) „Русск. Вѣд.“, 1888, № 15. 7) „Русск. Богат.“, 1888, кн. I, стр. 233—234. 8) *Михайловскій, Н. К.* Дневникъ читателя. Замѣтки о поэзіи и поэтахъ.—„Сѣверн. Вѣстн.“, 1888, кн. III, стр. 130—156. (*Перепеч.*: Сочиненія, т. VI, Спб., 1897, стр. 590 — 620). 9) „Волжск. Вѣстн.“, 1892, № 139. *Суворинъ и Чеховъ*: см. выше, въ концѣ отдѣла періодич. изданій. *Судьба Гоголя*: см. *Гоголь*. *Тайна Тютчева*: *Брюсовъ, В.* Разгадка или ошибка? — „Русск. Мысль“, 1914, кн. III. *Теперь или никогда*: 1) *Арскій*.—„Новости Дня“, 1905, № 7895. 2) *Г.*—„Страна“, 1906, № 31. 3) „Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1907, кн. IV. *Толстой и Достоевскій*: 1) *Розановъ, В.* Новая работа о Толстомъ и Достоевскомъ. — „Нов. Время“, 1900, № 8736. 2) „Сѣверн. Курьеръ“, 1900, № 293. 3) *Арсеньевъ, К.* Новая форма старой мечты.—„Вѣстн. Европы“, 1901, кн. V, стр. 307 — 324. 4) Статья *Визевы* о Толстомъ.—„Литерат. Вѣстн.“, 1901, т. I, кн. III, стр. 366. 5) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). Критич. замѣтки. — „Міръ Божій“, 1901, кн. XI, стр. 1. 6) *Шестовъ, Л.* Книга Мережковскаго: „Л. Толстой и Достоевскій“.—„Міръ Искусства“, 1901, № 8—9. 7) *Сигма* (*Сыромятниковъ, С. Н.*). Опытъ мистическ. критики.—„Нов. Время“, 1901, № 9050. 8) *Сиверовъ*.—„Новости“, 1901, № 120. 9) *Коробка, Н.* Изъ жизни и литературы. Г. Мережковскій о Толстомъ и Достоевскомъ.—„Образов.“, 1901, кн. XI, стр. 20—42. (*Перепеч.*: Очерки литерат. настроеній, Спб., 1903, стр. 120—146). 10) *Н.* Новости литературы. — „Русск. Вѣд.“, 1901, № 126. 11) *Михайловскій, Н. К.*—„Русск. Богат.“, 1901, кн. V, стр. 85—87. (*Перепеч.*: Полное собраніе сочиненій, т. X, Спб., 1913, стр. 1069—1071). 12) *Рождествинъ, А. Л.* Толстой въ критич. оцѣнкѣ Мережковскаго.—„Чтенія въ Обществѣ любителей русск. словесности въ память А. С. Пушкина при Казанскомъ университетѣ“, 1902, XIII. Отдѣльно: Казань, 1902. (*Отз.*: „Нива“, ежемѣсячное прилож., 1902, кн. IV). 13) *Мірскій, В.* Наша литература.—„Журн. для всѣхъ“, 1902, кн. X. 14) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь. Нѣсколько словъ о г. Мережковскомъ и Л. Н. Толстомъ. — „Русск. Богат.“, 1902, кн. VIII, стр. 76—99. (*Перепеч.*: Послѣднія сочиненія, т. II, Спб., 1905, стр. 252 — 253). 15) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь. О г. Мережковскомъ.—„Русск. Богат.“, 1902, кн. IX, стр. 41—69. (*Перепеч.*: Послѣднія сочиненія, т. II, Спб., 1905, стр. 254—283). 16) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь. О Достоевскомъ и г. Мережковскомъ.—„Русск. Богат.“, 1902, кн. X, стр. 164—185. (*Перепеч.*: Послѣднія сочиненія, т. II, Спб., 1905, стр. 284—308). 17) *Шестовъ, Л.* Власть идей. — „Міръ Искусства“, 1903, № 1 — 2. (*Перепеч.*: Апоѳеозъ беспочвенности, Спб., 1905, и Собраніе сочиненій, т. IV, Спб., 1911, стр. 253 — 297). 18) *Розановъ, В.* Письмо въ ред. — „Нов. Время“, 1903, № 9653. 19) *Студентъ-естественникъ*. Письмо по поводу книги Мережковскаго: „Л. Толстой и Достоевскій“. — „Нов. Путь“, 1903, кн. I, стр. 155. 20) *Терещенковъ, С.* Проповѣдникъ конца. — „Русск. Мысль“, 1903, кн. III, стр. 55—71. 21) *Чуносовъ, М.* Кто заполнитъ бездну? — Критич. статьи, Спб., 1904, стр. 84—97. 22) *Адріановъ, С.* Мережковскій о Л. Толстомъ и Достоевскомъ. — „Вѣстн. и библіотека самообразованія“, 1904, № 11, стр. 440—446. 23) *Ляцкій, Е.* Литерат. обозрѣніе.—„Вѣстн. Европы“, 1906, кн. VII, стр. 388. 24) *Мишеевъ, Н. И.* Русск. Фаустъ. — „Русск. Филологич. Вѣстн.“, 1906, кн. I — II, стр. 293—294. 25) *Геринкъ, Е.* Богоискательство въ тихомъ омутѣ. —„Золот. Руно“, 1909, № 2—3. *Толстой и русск. церковь*: „Нов. Путь“, 1903, кн. II, Записки Религіозно-философск. Собраній, стр. 75—111. *Толстой и христіанство* (докладъ): 1) „Закаспійск. Обозр.“, 1901, № 64. 2) Филос.-ф. общество.—„Литерат. Вѣстн.“, 1901, т. I, кн. II, стр. 240. 3) Со скрижалей сердца. —„Миссіонерск. Обозр.“, 1901, кн. II, стр. 236—250. 4) *Н—въ, М.* Еще по поводу доклада въ Философск. о-вѣ о Л. Толстомъ.—„Миссіонерск. Обозр.“, 1901, кн. IV, стр. 507—518. 5) *Розановъ, В.* Среди недоразумѣній.—„Нов. Время“, 1901, № 8970. 6) *Гоголевскій, С. Ф.* Письмо въ ред. — „Нов. Время“, 1901, № 8972. 7) „Россія“, 1901, № 643. 8) „Сибирск. Вѣстн.“, 1901. *Христосъ и Антихристъ. Трилогія. I. Смерть Боговъ. Юліанъ Отступникъ* (*Отверженный*): 1) Литерат. лѣтопись. —„Книжки „Недѣли“, 1895, кн. II, стр. 196—199; кн. V, стр. 213—214; кн. VII, стр. 219—221. 2) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). Критич. замѣтки. — „Міръ Божій“, 1895, кн. XI, стр. 223—229. 3) *Энгельгардтъ, Н.* Поклоненіе злу.—„Недѣля“, 1895, № 12. 4) *Сементковскій, Р. И.* Что новаго въ литературѣ?—„Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1895, кн. VI, стр. 346. 5) „Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1895, кн. XI, стр. 581 — 583. 6) „Русск. Мысль“, 1895, кн. III, стр. 141—142; кн. VII, стр. 362; кн. XI, стр. 545—548. 7) „Русск. Богат.“, 1895, кн. XI, стр. 60 — 61. 8) *Оболенскій, Л.* Влеченіе къ древности.—„Книжки „Недѣли“, 1896, кн. X. 9) *Ачкасовъ, Н. А.* Письма о литературѣ. — „Русск. Вѣстн.“, 1896, кн. I, стр. 260—279. 10) *Соловьевъ, В. Н.* — „Волжск. Вѣстн.“, 1899, № 86. 11) Переводъ романа Д. С. Мережковскаго (на французск. яз.). — „Литерат. Вѣстн.“, 1901, т. I, кн. I, стр. 120. 12) *Библіологъ*. Трилогія о Христѣ и Антихристѣ.—„Литерат. Вѣстн.“, 1901, т. II, кн. VIII, стр. 317—322. 13) Литерат. обозрѣніе.—„Литерат. Вечера“, 1901, кн. XII. 14) *Сементковскій, Р. И.* Христосъ, Антихристъ и г. Мережковскій. — „Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1901, кн. V. 15) *Мірскій* (*Соловьевъ, Е.*). Текущая литература.—„Журн. для всѣхъ“, 1902, кн. II. 16) *Шестаковъ, Д.* — „Міръ Искусства“, 1902, № 1. 17) *Амфитеатровъ, А. В.* Русскій литераторъ и римскій императоръ. —Литерат. альбомъ, Спб., 1904; 2-е изд., Спб., 1907, стр. 150—187. 18) *Энгельгардтъ, Н.* Классицизмъ въ литературѣ.—„Нов. Время“, 1904, № 10086. 19) *Бѣлый, А.* Міровая ектенія.—„Золот. Руно“, 1906, № 3. 20) *Бѣлый, А.* Трилогія Мережковскаго. — „Вѣсы“, 1908, кн. I, стр. 73—81. 21) *Бѣлый, А.* Арабески, М., 1911, стр. 415—429.— *II. Воскресшіе Боги. Леонардо да-Винчи*: 22) *Буренинъ, В.* Критич. очерки. — „Нов. Время“, 1899, №№ 8266 и 8275. 23) *Н—нъ*. — „Русск. Вѣд.“, 1899, № 70. 24) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь.—„Русск. Богат.“, 1899, кн. IV, стр. 181—219. (*Перепеч.*: Послѣднія сочиненія, т. I, Спб., 1905, стр. 75—99). 25) *Скабичевскій, А.* — „Сынъ Отечества“, 1899, № 68. 26) *Сунцовъ, Н.* Леонардо да Винчи, Харьковъ, 1900. 27) *Н—въ, Б.* Изъ текущей журналистики. —„Волынь“, 1900, № 34. 28) *Шулятиковъ, В.* Новое искусство.—„Курьеръ“, 1900, № 345. 29) *Сиверовъ*. Русск. литература. — „Новости“, 1900, № 164. 30) „Россія“, 1900, № 280. 31) Новости литературы и журналистики.—„Русск. Вѣд.“, 1900, № 67. 32) *Гриневичъ* (*Мельшинъ-Якубовичъ*). Замѣтки читателя.—„Русск. Богат.“, 1900, кн. IV, стр. 140—160. 33) *Библіологъ*. Трилогія о Христѣ и Антихристѣ. — „Литерат. Вѣстн.“, 1901, т. II, кн. VIII, стр. 317—322. 34) Литерат. обозрѣніе.—„Литерат. Вечера“, 1901, кн. XII. 35) *Сементковскій, Р. И.* Христосъ, Антихристъ и г. Мережковскій.—„Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1901, кн. V. 36) *Буренинъ, В.* Критич. очерки. —„Нов. Время“, 1901, № 9254. 37) „Русск. Мысль“, 1901, кн. I, стр. 34. 38) *Мірскій* (*Соловьевъ, Е.*). Текущая литература. — „Журн. для всѣхъ“, 1902, кн. II. 39) *К., I.* Толки въ итальянской печати о романѣ Мережковскаго.—„Литерат. Вѣстн.“, 1902, т. III, кн. III, стр. 331—335. 40) *Шестаковъ, Д.* — „Міръ Искусства“, 1902, № 1. 41) „Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1902, кн. I. 42) *Б., А.* (*Богдановичъ*). Критич. замѣтки. —„Міръ Божій“, 1904, кн. III. 43) *Энгельгардтъ, Н.* Классицизмъ въ литературѣ.—„Нов. Время“, 1904, № 10086. 44) *Бѣлый, А.* Міровая ектенія.—„Золот. Руно“, 1906, № 3. 45) „Русск. Богат.“, 1906, кн. XII, стр. 126—128. 46) *Бѣлый, А.* Трилогія Мережковскаго.—„Вѣсы“, 1908, кн. I, стр. 73—81. 47) *Бѣлый, А.* Арабески, М., 1911, стр. 415—429. *III. Антихристъ. Петръ и Алексѣй*: 48) Въ журналахъ и газетахъ.—„Вѣсы“, 1904, кн. I, стр. 79; кн. III, стр. 69. 49) *Брюсовъ, В.* Европейская литература въ 1904 г. I. Россія. — „Вѣсы“, 1904, кн. IX, стр. 49. 50) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). Критич. замѣтки. — „Міръ Божій“, 1904, кн. III; 1905, кн. VII. (*Перепеч.*: Годы перелома, Спб., 1908, стр. 429 — 435). 51) *Бѣжецкій*. — „Нов. Время“, 1904, № 9909. 52) *Розановъ, В.* Царевичъ Алексѣй.—„Нов. Время“, 1904, № 9909. 53) *Энгельгардтъ, Н.* Классицизмъ въ литературѣ. — „Нов. Время“, 1904, № 10086. 54) *Стародумъ, Н. Я.*—„Русск. Вѣстн.“, 1904, кн. II, стр. 787—809. 55) *Боцяновскій, В.* Критич. наброски. — „Русь“, 1904, № 100. 56) *Бармелевъ*. Изъ письма къ Мережковскому. — „Вопросы Жизни“, 1905, кн. IV—V, стр. 262—264. 57) *Л., Евг.* (*Ляцкій, Е.*) Литерат. обозрѣніе. — „Вѣстн. Европы“, 1905, кн. XII. 58) *Миринецъ, Е.* — „Кіевск. Отклики“, 1905, № 180. 59) *Басаргинъ, А.* Критич. замѣтки. Кесарево и Божіе. —„Московск. Вѣд.“, 1905, №№ 241 и 248. 60) *Стародумъ, Н. Я.* Журн. обозрѣніе. „Русск.

Вѣстн.", 1905, кн. IV, стр. 605—628. 61) [illegible], А. Петръ.—„Русь", 1905, № 117. 62) Чуковскій, М. Критич. эскизы. Царь антихристъ.—„Слово", 1905, № 136. 63) Чуковскій, М. Критич. эскизы. Староміскетскій Гамлетъ.—„Слово", 1905, № 142. 64) [illegible], Ф. Надъ бездной. — „Слово", 1905, № 172. 65) [illegible], А. — „Сынъ Отечества", 1905, № 176. 66) [illegible], А. Мировая ектенія. „Золот. Руно", 1906, № 3. 67) [illegible], А. Трилогія Мережковскаго.—„Вѣсы", 1908, кн. I, стр. 73—81. 68) [illegible], А. Арабески, М., 1911, стр. 415—429.

V. Статьи и рецензіи о переводахъ.

Лонгусъ. Дафнисъ и Хлоя. 1) *Н.*, А. Литературн. обозрѣніе.—„Вѣстн. Европы", 1896, кн. VI, стр. 825—830. 2) „Кіевск. Отклики", 1904, № 219. 3) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1904, кн. IX. 4) „Нов. Обозр.", 1904, 5 авг. 5) „Русск. Мысль", 1904, кн. IX, стр. 275. 6) „Русск. Богат.", 1904, кн. XI, стр. 71—74. 7) [illegible], В. — „Русь", 1904, № 263. *Софоклъ.* I. Антигона. II. Эдипъ-царь. III. Эдипъ въ Колонѣ.— *Эврипидъ.* I. Ипполитъ. II. Медея.— *Эсхилъ.* Скован. Прометей. 1) „Книжки „Недѣли", 1891, кн. II, стр. 175—182. 2) „Русск. Мысль", 1891, кн. II, стр. 109. 3) Тоже. (*Ремезовъ, М.*). Соврем. искусство.—„Русск. Мысль", 1899, кн. II, стр. 143. 4) [illegible], *Г.* — „Литерат. Вѣстн.", 1902, т. III, кн. IV, стр. 414—417. 5) [illegible]. О театр. зрѣлищѣ. — „Міръ Божій", 1902, кн. XI. 6) [illegible], *В.* „Ипполитъ". Эврипида на Александринской сценѣ. — „Міръ Искусства", 1902, № 9—10. 7) [illegible], *Д.* Театральн. зрѣлище.— „Міръ Искусства", 1902, № 9—10. 8) [illegible], *Ю.* — „Нов. Время", 1902, № 9561. 9) „Русск. Мысль", 1902, кн. VII. 10) *Н., Р.* Поэтичность.— „Русск. Вѣстн.", 1902, кн. XII, стр. 631. 11) [illegible], *К.* — „Сѣверн. Вѣстн.", 1903, кн. I. 12) [illegible], *Н. Д.* — „Петерб. Жизнь", 1904, № 772. 13) [illegible], *Н. О.* и [illegible], *Н. Н.* — „Журн. Мин. Народ. Просв.", 1908, ч. XVIII, кн. XII, отд. III, стр. 236—239.

Н. Минскій (Н. М. Виленкинъ).

Сочиненія Н. Минскаго.

I. Поэзія.

А. Произведенія, изданныя отдѣльно

1) Стихотворенія. Спб., 1887, 8°, стр. 4+246+II, 2.000 экз.; 2-е изд., Спб., 1887, 8°, стр. 246+II, 1.000 экз.; 3-е изд., Спб., 1896, 8°, стр. V+343, 1.200 экз. **2) Альма.** Трагедія изъ соврем. жизни въ 3 д. Спб., 1900, 8°, стр. 2+1+208, 600 экз. **3) Новыя пѣсни.** Спб., 1901, 8°, стр. 120, 1.200 экз. **4) Полное собраніе стихотвореній.** Изд. Н. А. Сафонова, т. I, Бѣлыя ночи, Спб., 1904, 8°, стр. 3+207, 3.000 экз. **5) Полное собраніе стихотвореній,** 4-е изд., М. В. Пирожкова (1—3 изд. см. выше, № 1), Спб., 1907, 8°, 4.000 экз. Т. I, стр. 253 (*Содерж.:* Бѣлыя ночи); т. II, стр. 70+160 (*Содерж.:* Историч. драмы. I. Смерть Кая Гракха. — II. Осада Тульчина. Истор. драма изъ эпохи Богдана Хмѣльницкаго); т. III, стр. 240 (*Содерж.:* Просвѣты); т. IV, стр. 272 (*Содерж.:* Пѣснь любви). **6) Малый соблазнъ.** Пьеса въ 4 д. Изд. Импер. Русск. Театральн. Общества, Спб., 1912, 8°, стр. 49, 1.200 экз.

Б. Произведенія (за исключеніемъ отдѣльныхъ стихотвореній), напечатанныя въ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ

7) На родинѣ. Поэма. — „Вѣстн. Европы", 1877, кн. I, стр. 200. 7а) Исповѣдь. — „Земля и Воля", 1878—1879 гг. 8) Бѣлыя ночи. — „Вѣстн. Европы", 1879, кн. XI, стр. 272. 9) Солнце. Сцена изъ поэмы о мірозданіи.—„Вѣстн. Европы", 1880, кн. V, стр. 236. 9а) Прокаженный. Поэма. — „Вѣстн. Европы", 1885, кн. VI. 10) Осада Тульчина. Истор. драма изъ времени Богдана Хмѣльницкаго, въ стихахъ. — „Восходъ", 1888, кн. I. 11) Свѣтъ правды. Индійская легенда въ стихахъ.— „Сѣверн. Вѣстн.", 1892, кн. XII, стр. 151—166. 12) Городъ Смерти. Поэма.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1894, кн. XI, стр. 1—6. 13) Холодныя слова. Рождествен. фантазія.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1896, кн. I, стр. 1—5. 14) У отшельника. Поэма. — „Сѣверн. Вѣстн.", 1896, кн. II, стр. 261—270. 15) Желѣзный призракъ. Пьеса.— „Русск. Мысль", 1909, кн. II, стр. 1. 16) Малый соблазнъ. — „Шиповникъ", альманахъ, 1910, кн. XII. 17) Мудрыя и неразумныя. Мистерія. — „Нива", 1912, № 31. 18) Хаосъ. Драма въ 4 д.—„Нов. Жизнь", 1912, кн. XII.

II. Критика, искусство, философія и публицистика.

А. Произведенія, изданныя отдѣльно.

19) При свѣтѣ совѣсти. Мысли и мечты о цѣли жизни. Спб., 1890, 8°, стр. VIII+261, 1.200 экз.; 2-е изд., Спб., 1897, 8°, стр. XVI+228, 1.200 экз. **20) Ибсенъ.** Его жизнь и литерат. дѣятельность. Очеркъ. Изд. Павленкова, Спб., 1895. **21) О свободѣ религіозн. совѣсти.** Спб., 1902, 8°, стр. 23, 2.000 экз. **22) Религія будущаго.** (Философ. разговоры). Изд. М. В. Пирожкова, Спб., 1905, 8°, стр. 304, 3.100 экз. **23) На общественныя темы.** Спб., 1909, 8°, стр. 284, 3.000 экз.; 2-е изд., Спб., 1909, 8°, стр. 284, 1.500 экз. (*Содерж.: I. На общественныя темы.* Идея русск. революціи. — Соціальгуманизмъ. — Религія „Вѣсовъ". — Соціализмъ и анархизмъ. — Рабочая партія и рабочій классъ. — Французскій синдикализмъ.— *II. Критика и полемика.* Исторія моего редакторства. — Интеллигенція и мѣщанство. (Отвѣтъ М. Горькому, 1905 г.). — Абсолютная реакція (Л. Андреевъ и Мережковскій). — Забвенная душа (Отвѣтъ В. Розанову). — Толстой и реформація — Идея „Саломеи". — Психологія отчетъ преступленія — Французск. театръ). **24) Л. Толстой и реформація. Идея „Саломеи".** Изд. „Заря", М., 1910.

Б. Произведенія (за исключеніемъ рецензій), напечатанныя въ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ.

25) Біографія Н. И. Гнѣдича. — Гнѣдичъ, Н. И. Полное собраніе сочиненій. Изд. Вольфа. 3 тт., подъ ред. Н. М. Виленкина-Минскаго, Спб., 1884. 26) И. П. Котляревскій. Критико-біограф. очеркъ. —„Новь", 1885, №№ 4 и 5. (*Подписано: Н. М. В.*). 27) Стихотворенія С. Надсона. — „Новь", 1885, № 11, стр. 488—490. 28) Г. Ибсенъ и его пьесы изъ соврем. жизни.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1892, кн. IX, стр. 75—103; кн. X, стр. 65—100. 29) Идея „Иліады". — „Сѣверн. Вѣстн.", 1896, кн. V, стр. 1—24. 30) Картины и очерки Рѣпина — „Сѣверн. Вѣстн.", 1897, кн. II, стр. 227—229. 31) Горькій. — „Новости", 1898, № 138. 32) По перечтеніи сочиненій Бѣлинскаго. Нѣчто похожее на оду въ прозѣ.—„Новости", 1898, №№ 151 и 165. 33) Сэръ Эдуардъ Бернъ-Джонсъ. — „Міръ Искусства", 1899, т. I, № 3—4, стр. 11—12. 34) Завѣты Пушкина. — „Міръ Искусства", 1899, т. II, № 13—14, стр. 21—36. 35) Фр. Ницше. — „Міръ Искусства", 1900, т. IV, № 19—20, стр. 139—147. 36) Философскіе разговоры. — „Міръ Искусства", 1901, № 2—3, стр. 76—90; № 4, стр. 152—167; № 7, стр. 1—16; 1902, № 4, стр. 247—264; № 7, стр. 45—64; № 11, стр. 285—299; 1903, № 4, стр. 193—212; № 5—6, стр. 297—316; № 10—11, стр. 211—226; № 12, стр. 269—291. 37) О Зола и экспериментальный романъ. — „Міръ Искусства", 1902, № 9—10, стр. 249—257. 38) Подсудно ли ред. — „Нов. Время", 1903, № 9641. 39) О свободѣ религіозной совѣсти. — „Нов. Путь", 1903, кн. I, стр. 10—27. 40) Еще о свободѣ совѣсти. (Отвѣтъ г. Сигмѣ).—„Нов. Путь", 1903, кн. II, стр. 249—252. 41) Двуединство нравственн. начала. — „Нов. Путь", 1903, кн. IV, стр. 71—96. 42) „Новый Путь" и „путь сатанинскій".—„Нов. Путь", 1903, кн. IV, стр. 197—199. 43) О двухъ путяхъ добра —„Сѣверн. Цвѣты" на 1903 г.", альманахъ, изд. „Скорпіона", стр. 131—147. 44) Нравственная проблема нашихъ дней (Лекція). (Изложеніе). — „Вѣсы", 1904, кн. XII, стр. 46—47. 45) Справедливость и праведность.—„Нов. Путь", 1904, кн. III, стр. 19—24. 46) Письмо въ Союзъ для защиты свободы печати. — „Новости Дня", 1905, № 8037. 47) Еще къ исторіи моего редактор-

ства.—„Двадцатый Вѣкъ“, 1906, № 36. 48) Письмо въ ред. „Наша Жизнь“, 1906, № 377. 49) Исторія моего редакторства. — „Русь“, 1906, №№ 54 и 55. 50) Идея „Саломеи“. „Золот. Руно“, 1908, № 6. 51) Андреевъ и Мережковскій. „Наша Газета“, 1908, № 1. 52) Рабочая партія и рабочій классъ.—„Русск. Мысль“, 1908, кн. III, стр. 1. 53) Вокругъ и около чужихъ идей.—„Рѣчь“, 1908, № 91. 54) Абсолютная реакція. (Религіозныя идеи Мережковскаго).—„Слово“, 1908, №№ 496 и 497. 55) Парижскіе очерки.—„Столичн. Почта“, 1908, № 222. 56) „Скупой рыцарь“. — Библіотека великихъ писателей, подъ ред. *С. А. Венгерова*. Изд. Брокгаузъ-Ефрона. *Пушкинъ*, т. III, Спб., 1909, стр. 102 — 108. 57) Народъ и интеллигенція. — „Русск. Мысль“, 1909, кн. IX, стр. 99 — 110. 58) Національный ликъ и патріотизмъ. — „Слово“, 1909, № 750. 59) Изъ записной книжки. — „Дневники писателей“, 1914, № 2, апрѣль. 60) Статья въ Энциклопедич. словарѣ, изд. Брокгаузъ-Ефрона, о Н. И. Гнѣдичѣ и др.

Кромѣ перечисленнаго Н. Минскій напечаталъ много статей въ „Разсвѣтѣ“ (еврейск. органъ) въ 1879—1880 гг. (подъ псевдонимомъ: *Нордъ-Вестъ*), Кіевской „Зарѣ“ въ 1884 г., „Новостяхъ“ въ 1890-хъ гг., „Разсвѣтѣ“ (газ., издав. Э. Э. Ухтомскимъ) (подъ псевдонимомъ: *Н. Минъ*), „Нов. Жизни“ въ 1905 г., „Словѣ“, „Утрѣ Россіи“ съ конца 1900-хъ гг. (парижскія корреспонденціи) и „Днѣ“ въ 1914 г. (статья о Надсонѣ и др.).

III. Переводы и вступительныя статьи къ нимъ.

61) *Байронъ*. Библіотека великихъ писателей, подъ ред. *С. А. Венгерова*, изд. Брокгаузъ-Ефрона, т. I, Спб., 1904, стр. 401 (Будь я сердцемъ коваренъ, какъ ты говорилъ...); т. II, Спб., 1905, стр. 10 (Сонетъ къ Шильону), стр. 19—24 (Сонъ), стр. 28 (Сонетъ къ Женевск. озеру). (*Перепеч.:* Полн. собраніе стихотв., 4-е изд., т. III, Спб., 1907). 62) *Верленъ, П.* Избран. стихотворенія въ перев. русск. поэтовъ. Состав. *П. Н. Петровскій*. Съ біограф. очеркомъ *В. Брюсова*. Универс. библіотека, № 748, изд. „Пользы“, М., 1912, 16°, стр. 83, 10.000 экз. 63) *Гомеръ*. Иліада. 3-я пѣснь.—„Починъ“, сборн. на 1895 г., М., 1895, стр. 251—264. 64) *Гомеръ*. Иліада. Изд. К. Т. Солдатенкова, М., 1896, 8°, стр. X + 416, 12.000 экз.; 2-е изд., „Шиповника“, Спб., 1909, 8°, стр. 358, 2.200 экз.; 3-е изд., „Шиповника“, Спб., 1912, 8°, стр. 358 + I, 2.200 экз. 65) *Метерлинкъ, М.* Слѣпые. Траг.—„Сѣверн. Вѣстн.“, 1894, кн. V, стр. 228—248. 66) *Метерлинкъ, М.* Блаженство души. (Сокровище смиренныхъ). Перев. *Л. Вилькиной*, подъ ред. и съ предисл. *Минскаго*. Спб., 1901, 12°, стр. 1—VIII + 274, 1.500 экз. 67) *Метерлинкъ, М.* Вѣчная трагедія любви. Аглавэна и Селизета. Перев. *Л. Вилькиной*, съ предисл. *Минскаго*. Спб., 1902, 12°, стр. 138, 1.200 экз. 68) *Метерлинкъ, М.* Слѣпые. Перев. и предисл. *Минскаго*. Спб., 1902, 8°, стр. 58, 1.500 экз. 69) *Метерлинкъ, М.* Сочиненія, въ 3 тт. Съ предисл. *Минскаго*, *З. Венгеровой* и *В. Розанова*. Изд. М. Пирожкова, т. I, Спб., 1906, 8°, стр. 2 + 487, 7.000 экз.; т. II, Спб., 1907, 8°, стр. 359, 7.000 экз.; т. III, Спб., 1907, 8°, стр. 494, 3.000 экз. 70) *Мольеръ*. Библіотека великихъ писателей, подъ ред. *С. А. Венгерова*, изд. Брокгаузъ-Ефрона, т. I, Спб., 1912, стр. 393—412 (Версальск. экспромтъ), стр. 444—476 (Принцесса Элидская); т. II, Спб., 1913, стр. 240—272 (Господинъ де-Пурсоньякъ), стр. 440—455 (Графиня д'Эскарбанья). 71) *Флоберъ, Г.* Полное собраніе сочиненій, т. II, Саламбо. Ром. Изд. „Шиповника“, Спб., 1913, стр. 347. 72) *Франсъ, А.* Изъ книги разсказовъ Ж. Турнеброша. „Шиповникъ“, альманахъ, 1909, кн. VII. 73) *Шекспиръ*. Библіотека великихъ писателей, подъ ред. *С. А. Венгерова*, изд. Брокгаузъ-Ефрона, т. II, Спб., 1902, стр. 130—246 (Король Генрихъ IV; перев. совмѣстно съ *З. А. Венгеровой*); т. IV, Спб., 1903, стр. 226—296 (Антоній и Клеопатра; перев. совмѣстно съ *О. Чюминой*). 74) *Шелли*. Аласторъ, или духъ уединенія. Поэма. „Вѣстн. Европы“, 1881, кн. XII, стр. 449. (*Перепеч.:* Полное собраніе стихотвореній, 4-е изд., т. III, Спб., 1907). 75) *Шиллеръ*. Библіотека великихъ писателей, подъ ред. *С. А. Венгерова*, изд. Брокгаузъ-Ефрона, т. I, Спб., 1901 (перев. 11 стих.).

IV. Музыкальныя переложенія.

76) *Давыдовъ, И. А.* Безсонною змѣей тоски и сожалѣнья. Романсъ. Изд. „Музыкальн. Міра“, Спб., 1907, 4°, стр. 5, 100 экз. 77) *Золотаревъ, В.* Волна. Для средняго голоса. Изд. П. Юргенсона, М., 1911, 4°, стр. 7, 500 экз. 78) *Глиэръ, Р.* Романсы. Восточная вѣснь. Изд. П. Юргенсона, М., 1907, 4°, стр. 5, 1.000 экз. 79) *Чернова, А. И.* (*Гангардтъ*). Восточные мотивы Турана. № 1. Изд. П. Юргенсона, М., 1906, 4°, стр. 3, 2.000 экз. 80) *Кишкинъ, М. Г.* Въ моей душѣ любовь восходитъ. Изд. Ю. Г. Циммермана, Спб., 1912, 4°, стр. 3, 300 экз. 81) *Трилинъ, С.* Еще я не люблю. Романсъ. Спб., 1906, 4°, стр. 5, 200 экз. 82) *Муромцевскій, В. С.* Она меня влечетъ. М., 1909, 4°, стр. 3, 100 экз. 83) *Муромцевскій, В. С.* Прости и забудь. М., 1909, 4°, стр. 3, 100 экз. 84) *Давингофъ, В.* Серенада. М., 1909, 4°, стр. 2, 500 экз. 85) *Бларамбергъ, Н.* Тянутся по небу тучи тяжелыя. Серенада. Изд. Бесселя, Спб., 1909, 4°, стр. 7, 100 экз. 86) *Рукинъ, Н.* Тянутся по небу тучи тяжелыя. Для смѣшаннаго хора. Изд. Бесселя, Спб., 1910, 8°, стр. 9 + 4, 250 экз. 87) *Киселевъ, Н. Н.* Тянутся по небу тучи тяжелыя. Серенада. Спб., 1911, 4°, стр. 5, 100 экз. 88) *Волконскій, С. М.*, кн. Тянутся по небу тучи тяжелыя. 1880-ые гг.

Литература о Н. Минскомъ.

I. Книги.

1) *Айхенвальдъ, Ю. И.* Силуэты русскихъ писателей, вып. III, 2-е изд., М., 1913, стр. 155 — 162. 2) *Александровичъ, Ю.* На нивѣ скорби и печали — Послѣ Чехова, т. I, М., 1908, стр. 19—57. 3) *Александровичъ, Ю.* Исторія новѣйшей русск. литературы, ч. I, Чеховъ и его время, М., 1911. 4) *Андреевскій, С.* Вырожденіе риѳмы. Литерат. очерки (3-е изд. Литерат. чтеній), Спб., 1902, стр. 427—469. 5) *Арсеньевъ, К. К.* Русск. поэты новѣйшаго времени. — Критич. этюды, т. II, Спб., 1888, стр. 117—127. 6) *Брюсовъ, В. Я.* Далекіе и близкіе, М., 1912, стр. 46—53. (См. также указ.) 7) *Венгеровъ, С. А.* Очерки по исторіи русск. литературы, 1-е и 2-е изд., Спб., 1907, стр. 96—97. 8) *Венгеровъ, С. А.* Основныя черты исторіи новѣйшей русск. литературы, 2-е изд., съ прибавл. этюда: „Побѣдители или побѣжденные?“, Спб., 1909. (*Перепеч.:* Собраніе сочиненій, т. I, Спб., 1911). 9) *Венгеровъ, С. А.* Собраніе сочиненій, т. I, Героическій характеръ русской литературы, Спб., 1911. 10) *Волынскій, А. Л.* О символизмѣ и символистахъ.—Борьба за идеализмъ, Спб., 1900, стр. 477—487. 11) *Волынскій, А. Л.* Современ. русск. беллетристика. Соврем. русск. поэзія. Книга великаго гнѣва, Спб., 1904, стр. 167—199, 200—217. 12) Галлерея русск. писателей, изд. Скирмунта, М., 1901, стр. 506. 13) Галлерея русск. писателей и художниковъ, состав. *Н. Мартовъ*, изд. Н. О. Мертца, Спб., 1901, стр. 79. 14) *Глинскій, Б. Б.* Болѣзнь или реклама? — Очерки русскаго прогресса, Спб., 1900, стр. 388—422. 15) *Говоровъ, К.* Соврем. поэты, Спб., 1889. 16) *Гуковскій*. Нов. вѣянія и настроенія, Одесса, 1903. 17) *Дубинскій, М. И.* (*Полтавскій*). За дружеской бесѣдой, Спб., 1901, стр. 25—26. 17а) „Еврейская энциклопедія“, т. XI, Сп., 1912. (Статья *Пресса, А.*). 18) *Закржевскій, А.* Религія. Психологич. параллели. Кіевъ, 1913. 19) *Измайловъ, А.* Помраченіе божковъ и новые кумиры, М., 1910. (См. указ.). 20) „Изъ исторіи новой русск. литературы“, сборн., М., 1910. (*Шулятиковъ, В.* Этапы нов. лирики). 21) Исторія Россіи въ XIX в., изд. т-ва Гранатъ, т. IX, М., 1911, стр. 1—116. (*Невѣдомскій*. 80-е и 90-е годы въ нашей литературѣ). 22) Исторія русск. литературы XIX в., подъ ред. *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго*, изд. т-ва „Міръ“, т. V, М., 1912, стр. 280—286. (Статья *Айхенвальда, Ю. И.*). (См. также указ.). 23) Книга о русск. поэтахъ послѣдняго десятилѣтія, подъ ред. *М. Гофмана*, Спб., 1909, стр. 221—236. (Статья *Попова, А.*). 24) *Крайній, А.* (*Гиппіусъ, З. Н.*). Хлѣбъ жизни.—Литерат. дневникъ, Спб., 1908, стр. 3—42. 25) *Михайловскій, Н. К.* Дневникъ читателя. Кое-какіе итоги. Замѣтки о поэзіи и поэтахъ. Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ. О совѣсти г. Минскаго.—Сочиненія, т. VI, Спб., 1897, стр. 547—571, 590—620, 681—682, 723—748. 26) *Михайловскій, Н. К.* Русск. отраженіе французск. символизма. — Литерат. воспоминанія и соврем. смута, т. II, Спб., 1900, стр. 32—60. 27) *Михайловскій, Н. К.* О совѣсти г. Минскаго, страхѣ смерти и жаждѣ безсмертія. — Отклики, т. II, Спб., 1904, стр. 132—152. 28) *Михайловскій, Н. К.* Объ „Альмѣ“, „трагедіи изъ соврем. жизни“ г. Минскаго.—Послѣдн. сочиненія, т. I, Спб., 1905, стр. 307—328. 29) *Надсонъ, С. Я.* Литерат. очерки, Спб., 1887, стр. 13, 24, 180—181. 30) *Пильскій, П.* Критич. статьи, т. I, О Л. Андреевѣ, В. Брюсовѣ, Н. Минскомъ и др., Спб., 1910, стр. 61—77. 31) *Плехановъ, Г.* О такъ называемыхъ религіозн. исканіяхъ. — Отъ обороны къ нападенію, М., 1910. 32) *Полевой, П. Н.* Исторія русск. словесности, т. III, Спб., 1900, стр. 649—650. 33) *Русаковъ, В.* (*Либровичъ*). Сто русск. литераторовъ, изд. Вольфа, Спб., 1895, стр. 36. 34) *Сальниковъ, А. Н.* Русскіе поэты за сто лѣтъ, Спб., 1901,

стр. 413—417. 35) *Скабичевскій, А. М.* Исторія новѣйшей русск. литературы, Спб., 1891; 7-е изд., Спб., 1909. (См. указ.). 36) Словарь членовъ Общества Любителей Россійск. Словесности, М., 1911, стр. 195. 37) *Соловьевъ, В. С.* По поводу сочиненія Минскаго „При свѣтѣ совѣсти". Особое чествованіе Пушкина. Противъ исполнительнаго листа.- Собраніе сочиненій, 2-е изд., т. VI, Спб., 1912, стр. 263—268; т. IX, Спб., 1913, стр. 277—293. 38) *Стоюнинъ, М.* Этюды о декадентствѣ, Харьковъ, 1894. 39) „Сѣверн. Цвѣты" на 1902 г." альманахъ, изд. „Скорпіона", стр. 2[illegible] (*Волынскій, А. Л.* Современная русск. поэзія). 40) *Чулковъ, Г.* Умные стихи.—Покрывало Изиды, М., 1909, стр. 127—135. 40а) *Чулковъ, Г.* Сочиненія, т. V, Спб., 1912. 41) *Чуносовъ, М.* Единство пустоты.—Критич. статьи, Спб., 19[illegible], стр. 126—136. 42) Энциклопедич. словарь, изд. Брокгаузъ-Ефрона, т. XI, Спб., 1892. (Статья *С. А. Венгерова*) (См. Виленкинъ). 43) *Мельшинъ, Л. (Гриневичъ-Якубовичъ, П. Ф.)* Современныя миніатюры. — Очерки русск. поэзіи, Спб., 1904, стр. 281—289. 2-е изд., Спб., 1911. 44) *П. Я. (Мельшинъ-Якубовичъ).* Русская муза, Спб., 1904; 2-е перераб. и дополн. изд., Спб., 1908, стр. 329—335; 3-е изд., Спб., 1914.

II. Періодическія изданія.

45) *Арсеньевъ, К. К.* Еще о соврем. русск. поэтахъ.— „Вѣстн. Европы", 1887, кн. V, стр. 311—329. 45а) *Волынскій, А.* Два слова о „жидовствѣ" въ русск. литературѣ. — „Недѣльн. Хроника „Восхода", 1887, № 47. 46) „Новь", 1887, т. XIV, № 7, февр., Мозаика, стр. 300. 47) *Оболенскій, Л.* Наши теперешніе стихотворцы. Элементы поэзіи Минскаго. — „Русск. Богат.", 1887, кн. XII, стр. 173—216. 48) *Рудаковъ, Д.* Потуги творческаго безсилія.— „[illegible]", 1888, кн. I, стр. 38—76. 49) *Миллеръ, О.* Наши соврем. поэты. — „Русск. Мысль", 1888, кн. I, стр. 52—63. 50) *Михайловскій, Н. К.* Дневникъ читателя. — „Сѣверн. Вѣстн.", 1888, кн. I, стр. 129—134; кн. III, стр. 130—156. 51) *Оболенскій, Л.* — „Русск. Богат.", 1889, кн. XII. 52) *Созерцатель (Оболенскій, Л. Е.).* Нов. поворотъ въ идеяхъ нашей беллетристики.- „Русск. Богат.", 1890, кн. I, стр. 98—110. 53) *Протопоповъ, М. А.* Письма о литературѣ. — „Русск. Мысль", 1891, кн. IX, стр. 131—134. 54) *Волынскій, А.* Литерат. замѣтки — „Сѣверн. Вѣстн.", 1892, кн. I, стр. 183; кн. VI, стр. 187. 55) *Протопоповъ, М. А.* Письма о литературѣ.— „Русск. Мысль", 1893, кн. II, стр. 123—134. 56) *О., Т. В. (Гольцевъ, В. А.).* Изъ литерат. наблюденій — „Русск. Мысль", 1893, кн. VI, стр. 68—73. 57) *Михайловскій, Н. К.* Русск. отраженіе французск. символизма. — „Русск. Богат.", 1893, кн. II, стр. 45—68. 58) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь. — „Русск. Богат.", 1893, кн. XII, стр. 66—71. 59) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь.— „Русск. Богат.", 1894, кн. VIII, стр. 162. 60) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь.— „Русск. Богат.", 1895, кн. VI, стр. 49—50. 61) *Глинскій, Б.* Болѣзнь или реклама?— „Истор. Вѣстн.", 1896, кн. II, стр. 618—655. 62) *Б., А. (Богдановичъ).* Критическ. замѣтки. — „Міръ Божій", 1896, кн. II, стр. 261—264; кн. V, стр. 234—243. 63) Соврем. лѣтопись. — „Русск. Вѣстн.", 1896, кн. IV, стр. 328. 64) *Волынскій, А.* Критика.— „Сѣверн. Вѣстн.", 1896, кн. II, стр. 70—87. 65) *А—ій.* — „Гласность", 1897, № 56. 66) *Гриневичъ, П. Ф. (Мельшинъ-Якубовичъ).* Обзоръ нашей соврем. поэзіи. — „Русск. Богат.", 1897, кн. IX, стр. 1—20. 67) *С—въ, К.* Литерат. очерки. Новый строй души. — „Саратовск. Листъ", 1897, № 42. 68) *Б., А. (Богдановичъ, А.).* Критич. замѣтки. Минскій о старой и нов. поэзіи. — „Міръ Божій", 1898, кн. XII, стр. 9—17. 69) *Гриневичъ, П. Ф. (Мельшинъ-Якубовичъ).* Итоги двухъ юбилеевъ. — „Русск. Богат.", 1898, кн. VIII, стр. 88—124. 70) *Волынскій, А.* О символизмѣ и символистахъ. — „Сѣверн. Вѣстн.", 1898, кн. X—XII, стр. 216—225. 71) *Андреевичъ (Соловьевъ, Е.)* Очерки текущей русской литературы. — „Жизнь", 1900, кн. XII, стр. 342. 72) *Б., А. (Богдановичъ, А.).* Критич. замѣтки. — „Міръ Божій", 1900, кн. V, стр. 1. 73) *Буренинъ, В.* Критич. очерки. — „Нов. Время", 1900, № 8[illegible]2. 74) *Батюшковъ, Ө.* Къ вопросу о „понимѣніи" въ литературѣ. — „Новости", 1900, № 151. 75) *Н.* Новости литературы. — „Русск. Вѣд.", 1900, № 97. 76) *Андреевскій, С.* Вырожденіе рифмы.— „Міръ Искусства", 1901, № 5, стр. 211—236. 77) *Филипповъ, М.* Письма о соврем. литературѣ. — „Научн. Обозр.", 1901, кн. VI. 78) *Буренинъ, В.* Критич. очерки. Новый богъ, рожденный г. Минскимъ.— „Нов. Время", 1901, № 916[illegible]. 79) *Венгерова, З.* Русск. символизмъ въ оцѣнкѣ французск. критики — „Новости", 1901, № 114. 80) *Морозовъ, П.* Русская литература въ XIX в. — „Образов.", 1901, кн. IX, стр. 19. 81) *Волынскій, А. Л.* Соврем. русск. беллетристы.— „Прибалт. Край", 1901, №№ 270, 271 и 27[illegible]. 8[illegible]) *Сильвестръ, архим.* Соврем. искатели новой свободы совѣсти. — „Вѣра и Разумъ", 1903, № 1[illegible], стр. 151—17[illegible], 187—189. 83) Изъ общественной хроники.— „Вѣстн. Европы", 1903, кн. VII. 84) *Бѣлорусовъ, А.* Свобода религіозной совѣсти. — „Московск. Вѣд.", 1903, № [illegible]. 85) *Сперанскій, Н. Я.* Журн. обозрѣніе. — „Русск. Вѣстн.", 1903, кн. V, стр. 268, 274—278. 86) *Скорпъ, Н.* Критич. очерки. Интеллигенція и церковь.— „Русск. Вѣстн.", 1903, кн. VII, стр. 293—297. 8[illegible]) Обзоръ журналовъ. — „Странникъ", 1903, кн. II, IX и XII. 88) *[illegible], О.* На лекціи Минскаго. — „Бирж. Вѣд.", 1904, № 5[illegible]. 89) Лекція Н. М. Минскаго. — „Петерб. Отголоски", 1904, № 3[illegible]. 90) Лекція Минскаго. — „Наша Жизнь", 1904, № 10. 91) *Галичъ, Л.* Огрывки. Прежде и теперь.— „Новости", 1904, № 311. 92) *Галичъ, Л.* Отрывки. Лекція Н. М. Минскаго. — „Новости", 1904, № 316. 93) *Петровскій, А. П.* Соврем. декадентство. — „Русск. Вѣстн.", 1904, кн. VI, стр. 588, 5[illegible]. 9[illegible]) *[illegible]* Со стороны. — „Русь", 1904, № 335 (О лекціи Минскаго). 95—96) *Старый наблюдатель.* Неустанные въ свободѣ слова. — „С.-Петерб. Вѣд.", 1904, № 316. 97) *—бо—.* Защитительная рѣчь Минскаго. — „Новости Дня", 1905, № 7774. 98) *Б. Л.* — „Образов.", 1905, кн. VII, стр. 133. 99) *Чуковскій, К.* Замѣтки читателя. О г. Минскомъ. — „Одесск. Новости", 1905, № 6550. 100) *Чуковскій, К.* Замѣтки читателя. О лекціи г. Минскаго. — „Одесск. Новости", 1905, стр. 6552. 101) *Сперанскій, Н. Я.* Журн. и литерат. обозрѣніе — „Русск. Вѣстн.", 1905, кн. XII, стр. 591—626. 102) *Аксаковъ, Н.* Русск. сектантство — „Вѣра и Разумъ", 1906, № 20, стр. 439—441. 103) *[illegible], Е.* Савл. такъ, натужной натуги.— „Вѣсы", 1906, кн. XII. 104) *Философовъ, Д. В.* Исторія одной государственной комиссіи. — „Наша Жизнь", 1906, № 407. 105) *Пешехонскій, А. Г.* Минскій и соціалъ-демократы. — „Русь", 1906, № 5[illegible]. 106) *Сон.* Къ исповѣди одного редактора. (Нѣкоторое полезное добавленіе) — „Слово", 1906, № 414. 107) *Шестаковъ, Д.* По журналамъ.— „Слово", 1907, № 175. 108) *Брюсовъ, В.* Поэзія Н. Минскаго.— „Вѣсы", 1908, кн. VII. 109) *Розановъ, В.* „Съ чего люди поссорились".— „Нов. Время", 1908, № 11532. 110) *Кадминъ, Н.* Литерат. замѣтки.— „Образов.", 1908, кн. III, стр. 28. 111) *Левинъ, Д.* Наброски. — „Рѣчь", 1908, № 70. 112) *Неблагодарный читатель.* Поэзія и гражданство.— „Слово", 1908, № 363. 113) *Пильскій, П.* Тусклое стекло.— „Утро", 1908, № [illegible]. 114) *Жилкинъ, И.* Опереточные фортели. — „Слово", 1909, № 4[illegible]. 115) *Кранихфельдъ, В.* Литерат. отклики. Тринадцать безсмертныхъ. — „Соврем. Міръ", 1909, кн. III. 116) *Плехановъ, Г.* О такъ называемыхъ религіозныхъ исканіяхъ.— „Соврем. Міръ", 1909, кн. XII. 117) Къ пріѣзду Н. М. Минскаго.— „Дневники писателей", 1914, № 1.

III. Статьи и рецензіи объ оригинальныхъ произведеніяхъ.

Альма: 1) *Андреевичъ (Соловьевъ, Е.)* Очерки текущей русск. литературы — „Жизнь", 1900, кн. X. 2) *Полнеръ, Т.* Критич. очерки.— „Курьеръ", 1900, № 2[illegible]. 3) *Б., А. (Богдановичъ, А.).* Критич. замѣтки. — „Міръ Божій", 1900, кн. V, стр. 1. 3а) *Гиппіусъ, З. Н.* Торжество въ честь смерти.— „Міръ Искусства", 1900, № 17—18, стр. 85—94. 4) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1900, кн. VIII. 5) *Батюшковъ, Ө.* Комедія и трагедія индивидуализма. — „Новости", 1900, № 104. (*Переп.:* Критич. очерки и замѣтки, т. II, Спб., 1902, стр. 140—162. 6) *Протопоповъ, М.* Невѣжество или шарлатанство? — „Русск. Мысль", 1900, кн. X, стр. 41—65. 7) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь. Объ „Альмѣ", „трагедіи изъ соврем. жизни" г. Минскаго. — „Русск. Богат.", 1900, кн. V, стр. 110—128. (*Перепеч.:* Послѣдн. сочиненія, т. I, Спб., 1905, стр. 307—328). 8) *Николаевъ, П.* Трагедія вымученнаго безумія —„Театръ и Искусство", 1900, № 17. 9) *Шестаковъ, Д.*— „Торгово-Промышлен. Газета", литер. прилож., 1900, № 22. 10) *Гуревичъ.* Но[illegible] на трезвомъ. Одесса, 1903. 11) *Чуносовъ, М.* Единство пустоты.—Критич. статьи, Спб., 1904, стр. 126—136. *Железный призракъ:* 1) *[illegible]* Обзоръ русск. журналовъ. — „Вѣсы", 1909, кн. III, стр. 100—102. 2) *Г., Н.*— „Одесск. Новости", 1909, № 7757. 3) *Василевскій, Л. М.* О власти вещей. — „Рѣчь", 1909, № 147. 4) *Вережскій, А.* Власть предметовъ.- „Слово", 1909, № 7[illegible]7. 5) *Венгерова, З.* О двухъ пустякахъ.- „Слово", 1909, № 757. *Заметки Пушкина:* 1) *Соловьевъ, В. С.* Особое чествованіе Пушкина. — „Вѣстн. Европы", 1899, кн. VII, стр. 432—440. 2) *Соловьевъ, В. С.* Противъ исполнительнаго листа. — „Вѣстн. Европы", 1899, кн. X, стр. 848. (*Перепеч.:* Собраніе сочиненій, 2-е изд., т. IX, Спб., 1913, стр. 277—293). 3) *Сиповскій, В. В.* Пушкинская юбилейная литера-

тура 1890—1900 гг., Спб., 1902, стр. 2, 10, 11, 22, 24 и 218. *Пѣснь: Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь.—„Русск. Богат.", 1896, кн. XII, стр. 115—143. *Малый соблазнъ: 1) Малахіевъ-Мирновичъ, В.*—„Русск. Мысль", 1910, кн. VI, стр. 163. 2) Новыя пьесы.—„Бюллетени литературы и жизни", 1912, дек., № 7, стр. 334—336. *На общественн. темы: 1) Словинскій, Л. З.*—„Вѣстн. Европы", 1909, кн. VI, стр. 861—865. 2) *Б., А.*—„Истор. Вѣстн.", 1909, кн. V, стр. 702—703. 3) *W.*—„Правда Жизни", 1909, № 12. 4) *Вас. Г.*—„Слово", 1909, № 752. 5) *М. Л.*—„Соврем. Міръ", 1909, кн. VI, стр. 169. *Новыя пѣсни: 1)* Библіограф. листокъ.—„Вѣстн. Европы", 1901, кн. II. 2) *Андреевичъ (Соловьевъ, Е.).* Очерки текущ. русск. литературы. „Жизнь", 1901, кн. III, стр. 231—232. 3) *Б., А. (Богдановичъ, А.).*—„Міръ Божій", 1901, кн. III, стр. 79. 4) „Недѣля", 1901, № 16. 5) „Нов. Міръ", 1901, № 51. 6) „Русск. Мысль", 1901, кн. IX, стр. 269. 7) „Русск. Вѣд.", 1901, № 36. 8) „Русск. Богат.", 1901, кн. III, стр. 25—27. *Осада Тульчина: Ранинъ, Д.* Потуги творческ. безсилія.—„Дѣло", 1888, кн. I, стр. 38—76. *Полное собраніе стихотвореній: 1)* „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1908, кн. VI. 2) „Русск. Богат.", 1908, кн. IV, стр. 138—140. 3) „Рѣчь", 1908, № 103. 4) *Чулковъ, Г.* Умные стихи.—„Слово", 1908, № 402. (*Перепеч.:* Покрывало Изиды, М., 1909, стр. 127—135). *По перечтеніи сочиненій Бѣлинскаго: Глинскій, Б. Б.* Бѣлинскій и чествованіе его памяти.—„Истор. Вѣстн.", 1898, кн. VII, стр. 240. *При свѣтѣ совѣсти: 1) Тимковскій, Н.*—„Вопросы Философіи и Психологіи", 1890, кн. III, стр. 112—113. 2) *Соловьевъ, В. С.* По поводу сочиненія Минскаго: „При свѣтѣ совѣсти".—„Вѣстн. Европы", 1890, кн. III, стр. 437—441. (*Перепеч.:* Собраніе сочиненій, 2-е изд., т. VI, Спб., 1912, стр. 263—268). 3) „Русск. Мысль", 1890, кн. VI, стр. 251—254. 4) *Оболенскій, Л.* Свѣтъ поэзіи въ области философіи. „Русск. Богат.", 1890, кн. I, стр. 121—133. 5) *Волынскій, А.* Критич. замѣтка.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1890, кн. II, стр. 101—106. 6) *С., Л.* Литерат. обозрѣніе.—„Вѣстн. Европы", 1897, кн. VII, стр. 390. 7) *С—ій.*—„Истор. Вѣстн.", 1897, кн. V, стр. 606. 8) *Л. В.*—„Кавказъ", 1897, № 74. 9) „Книжн. Вѣстн.", 1897, № 2. 10) „Научн. Обозр.", 1897, кн. I. 11) „Недѣля", 1897, № 5. 12) *Орз.*—„Нов. Время", 1897, № 7536. 13) *С.*—„Новости", 1897, № 71. 14) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь. О совѣсти г. Минскаго, ст., злѣ смерти и жаждѣ безсмертія.—„Русск. Богат.", 1897, кн. X, стр. 161—180. (*Перепеч.:* Отклики, т. II, Спб., 1904, стр. 132—152). 15) „Саратовск. Лист.", 1897, № 52. *Религія будущаго. Философск. разговоры: 1)* „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1905, кн. IX. 2) *Б. зпров.*—„Образов.", 1905, кн. X, стр. 100—103. 3) „Русск. Богат.", 1905, кн. IX, стр. 91—96. 4) „Русь", 1905, № 20, прилож. *Стремленіе къ правдѣ и правдоподобн.: Стародумъ, Н. Я.* Журн. обозрѣніе.—„Русск. Вѣстн.", 1904, кн. IV, стр. 735—741. *Стихотворенія: 1) Арсеньевъ, К. К.* Еще о соврем. русск. поэтахъ.—„Вѣстн. Европы", 1887, кн. V, стр. 311—329. 2) Библіографич. листокъ.—„Вѣстн. Европы", 1887, кн. XI. 3) *Dixi.*—„Новь", 1887, т. XIX, № 1, стр. 60—61. 4) „Русск. Богат.", 1887, кн. XI, стр. 257. 5) *Оболенскій, Л.* Наши теперешніе стихотворцы. Элементы поэзіи Минскаго.—„Русск. Богат.", 1887, кн. XII, стр. 171—216. 6) „Сѣверн. Вѣстн.", 1887, кн. XI., стр. 116—120. 7) Литерат. обозрѣніе.—„Вѣстн. Европы", 1888, кн. I. 8) *Ранинъ, Д.* Потуги творческ. безсилія.—„Дѣло", 1888, кн. I, стр. 38—76. 9) „Живоп. Обозр.", 1888, № 35. 10) *Михайловъ, О. Ф.* Наши современные поэты.—„Русск. Мысль", 1888, кн. I, стр. 52—63. 11) *Б., А. (Богдановичъ, А.).* Критич. замѣтки.—„Міръ Божій", 1896, кн. II, стр. 261—264. 12) „Нов. Слово", 1896, кн. VIII, май, стр. 144—146. 13) „Русск. Богат.", 1896, кн. VI, стр. 85—91. 14) *Волынскій, А.* Критика.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1896, кн. II, стр. 70—87. (*Перепеч.:* Борьба за идеализмъ, Спб., 1900, стр. 354—364). 15) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1897, кн. II, стр. 417—420. *Философскіе разговоры:* см. *Религія будущаго. Хаосъ: Ашкинѣзи, А.* „Хаосъ" Минскаго.—„Просвѣщеніе", 1913, кн. IX.

IV. Статьи и рецензіи о переводахъ и вступительныхъ статьяхъ къ нимъ.

Гомеръ. Иліада: 1) *Т.* Литерат. обозрѣніе.—„Вѣстн. Европы", 1896, кн. IV, стр. 871—876. 2) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). Критич. замѣтки.—„Міръ Божій", 1896, кн. V, стр. 234—243. 3) Нов. переводъ „Иліады" на русск. языкъ.—„Русск. Вѣд.", 1896, № 90. 4) „Журн. Мин. Народ. Просв.", 1897, кн. I. 5) *Соболевскій, С. И.*—„Журн. Мин. Народ. Просв.", 1911, кн. IV, стр. 346. 6) „Русск. Мысль", 1912, кн. V, стр. 174. *Метерлинкъ.* Слѣпые: Литерат. лѣтопись.—„Книжки Недѣли", 1894, кн. VI, стр. 268—270. *Метерлинкъ.* Блаженство души: 1) „Нов. Міръ", 1901, № 68. 2) *Венгерова, З.*—„Образов.", 1901, кн. I, стр. 79. *Метерлинкъ.* Сочиненія: *Пентауръ* (*Брюсовъ, В.*).—„Вѣсы", 1906, кн. X, стр. 66—67.

Ѳ. Сологубъ (Ѳ. К. Тетерниковъ).

Сочиненія Ѳ. Сологуба.

I. Собраніе сочиненій.

1) Собраніе сочиненій. *Изд. „Шиповника"*, 8°. **Т. I**, Спб., 1909, стр. 232, 2.200 экз. [*Содерж.:* Стихи (1884—1898)]; **т. II**, Спб., 1909. (*Содерж.:* Тяжелые сны. Ром. 3-е изд.); **т. III**, Спб., 1909, стр. 221, 3.300 экз. (*Содерж.: Разсказы:* Свѣтъ и тѣни.—Червякъ.—Къ звѣздамъ.—Улыбка.—Прятки.—Бѣлая мама. Землѣ земное. Баранчикъ. Лелька); **т. IV**, Спб., 1910, стр. 221, 3.400 экз. (*Содерж.: Разсказы:* Красота.—Утѣшеніе.—Обручъ. Жало смерти. Разск. о двухъ отрокахъ.—Въ плѣну.—Маленькій человѣкъ.—Рождественск. мальчикъ); **т. V**, Спб., 1910, стр. 230, 2.300 экз. (*Содерж.:* Стихи); **т. VI**, Спб., 1910, стр. 384, 3.300 экз. (*Содерж.:* Мелкій бѣсъ. Ром. 6-е изд.); **т. VII**, Спб., 1910, стр. 217, 3.400 экз. (*Содерж.: Разсказы:* Бѣлая собака.—Опечаленная невѣста.—Страна, гдѣ воцарился звѣрь. Два Готика.—Елкичъ.—Смерть по объявленію.—Въ толпѣ.—Мудрыя дѣвы.—Очарованіе печали. Сентимент. новелла.—Тѣло и душа); **т. VIII**, Спб., 1910, стр. 265, 3.400 экз. (*Содерж.: Драматич. произведенія:* Побѣда смерти. Траг.—Даръ мудрыхъ пчелъ. Траг.—Любви. Драма.—Ванька-ключникъ и пажъ Жеанъ. Драма. Ночныя пляски. Драматич. сказка); **т. IX**, Спб., 1910, стр. 231, 2.300 экз. (*Содерж.:* Стихи); **т. X**, Спб., 1910, стр. 230, 3.400 экз. (*Содерж.:* Сказочки.—Сны.—Статьи: Елисавета. Театръ одной воли.—Мечта Донъ-Кихота (Айседора Дунканъ).—Вечерь Гофмансталя. Демоны поэтовъ. I. Кругъ демоновъ. II. Старый чортъ Смелый.—Къ всероссійскому торжеству.—Единый путь Льва Толстого.—О Грибоѣдовѣ.—Полотно и тѣло.—Дрезденскія скромницы.—Вражда и дружба стихій.—Жалость и любовь.—Въ полуснѣ); **т. XI**, Спб., 1911, стр. 239, 2.300 экз. (*Содерж.: Разсказы:* Задоръ.—Соединяющій души.—Ничего не вышло. Превращенія.—Призывающій звѣря.—За рѣкою Мейруръ.—Отрокъ Линъ.—Милый пажъ.—Голодный блескъ.—Конный стражникъ.—Перина.—Обыскъ. Отравленный садъ.—Претворившая воду въ вино.—Алчущій и жаждущій.—Снѣгурочка.—Примѣч.); **т. XII**, Спб., 1912, стр. 241, 1.500 экз. (*Содерж.: Разсказы:* Бѣлая березка. Сонъ утѣшающій. Иванъ Ивановичъ воскресъ. Путь въ Еммаусъ.—Старый домъ.—Золотая лѣстница.—Красногубая гостья.—Путь въ Дамаскъ.—Благополучный Іуда.—Наивныя встрѣчи.—Одно слово. Земной рай. Помни, не забудешь.—Примѣч.). **2) Собраніе сочиненій.** *Изд. „Сирина"*, 8°. **Т. I**, Спб., 1913 (*Содерж.:* Лазурныя горы. Стихи); **т. III**, Спб., 1913 (*Содерж.:* Земныя дѣти. Разсказы); **т. V**, Спб., 1913 (*Содерж.:* Восхожденія. Стихи); **т. VI**, Спб., 1913 (*Содерж.:* Мелкій бѣсъ. Ром.); **т. IX**, Спб., 1914. (*Содерж.:* Змѣиныя очи. Стихи); **т. XI**, Спб., 1914 (*Содерж.:* Книга превращеній. Разсказы); **т. XII**, Спб., 1914 (*Содерж.:* Книга стремленій. Разсказы). (Содерж. тт. I, III, V, VI, IX, XI и XII въ изд. „Сирина"—то же, что въ указ. выше изд. „Шиповника"); **т. XIII**, Спб., 1913, стр. IV+230, 2.100 экз. (*Содерж.:* Жемчужныя свѣтила. Стихи); **т. XIV**, Спб., 1913, стр. 263, 2.100 экз. (*Содерж.: Неутолимое. Разсказы:* Поцѣлуй нерожденнаго.—Лоэнгринъ.—Мечта на камняхъ. Смутный день. Турандина. Алая лента.—Звѣриный бытъ.—Дама въ узахъ. Легенда бѣлой ночи.—Сталинька. Исторія фантазіи. Вѣчная папа.—Примѣч.); **т. XV**, Спб., 1913, стр. VI+301, 2.100 экз. (*Содерж.:* Слаще яда. Ром. Кн. I,

чт. I—III): т. XVI. Спб., 1913, стр. II 289, 2.100 экз. (*Содерж.*: Слаще яда. Ром. Кн. II, чч IV—VII). т. XVII, Спб., 1914, стр. VI 276, 2.100 экз. (*Содерж.*: Очарованія земли. Стихи 1913 г.). т. XVIII. Спб., 1914, стр. 301, 2.100 экз. (*Содерж.*: Творимая легенда. Ром. Ч. I. Капли крови); т. XIX, Спб., 1914, стр. 41?, 2.100 экз. (*Содерж.*: Творимая легенда. Ром. Ч. II. Королева Ортруда); т. XX, Спб., 1914, стр. 221, 2.100 экз. (*Содерж.*: Творимая легенда. Ром. Ч. III. Дымъ и пепелъ). (Остальные тома еще не вышли).

II. Поэзія и беллетристика.

А. Произведенія, изданныя отдѣльно.

3) Стихи Книга I. Спб., 1896, 16°, стр. 64, 1.200 экз. **4) Тѣни.** Разск. и стихи. Спб., 1896, 8°, стр. 187, III, 800 экз. (*Содерж.*: Червякъ.— Тѣни.— Къ звѣздамъ.— Стихи. Книга II.) **5) Тяжелые сны.** Ром. Спб., 1896, 8°, стр. 309, II, 1.200 экз.; 2-е изд., Спб., 1906, 3-е изд., „Шиповникъ“, Спб., 1909. **6) Собраніе стиховъ.** Книга III—IV (1897—1903 гг.). Изд. „Скорпіона“, М., 1904, 8°, стр. 188, 1.200 экз. **7) Жало смерти.** — Земля земное.— Обручъ.— Баранчикъ.— Красота.— Утѣшеніе. Разсказы. Изд. „Скорпіонъ“, М., 1904, 8°, стр. 261, 1.800 экз. **8) Книга сказокъ.** Изд. „Грифъ“, М., 1905. **9) Политич. сказочки.** Изд. „Шиповникъ“, Спб., 1906, 8°, стр. 50, 1, 3.000 экз. **10) Родинѣ.** Стихи. Книга V. Спб., 1906, 12°, стр. 32, 2, 1.200 экз. **11) Змій.** Стихи. Книга VI. Спб., 1907, 12°, стр. 28. **12) Истлѣвающія личины.** Книга разсказовъ. Изд. „Грифъ“, М., 1907, 8°, стр. 109, 1.200 экз. (*Содерж.*: Дикій богъ.— Чудо отрока Лина.— Соединяющій души.— Призывающій звѣря.— Два Готика.— Въ плѣну.— Тѣло и душа.— Маленькій человѣкъ.— Январскій разсказъ.— Рождественскій мальчикъ.) **13) Мелкій бѣсъ.** Ром. Изд. „Шиповникъ“, Спб., 1907, 8°, стр. 383, VII, 3.000 экз.; 2-е изд., Спб., 1908, 8°, стр. 384, 2.000 экз.; 3-е изд., Спб., 1908, 8°, стр. 384, 2.500 экз.; 4-е изд., Спб., 1909, 8°, стр. 384, 2.000 экз.; 5-е изд., Спб., 1909, 8°, стр. 384, 2.500 экз. **14) Мелкій бѣсъ.** Драма въ 5 д. (6 карт.). Изд. журн. „Театръ и Искусство“, Спб., 1909, 8°, стр. 98, 100 экз. **15) Литургія мнѣ.** Мистерія. М., 1907, 16°, стр. 36, 400 экз. **16) Книга разлукъ.** Разсказы. Изд. „Шиповникъ“, Спб., 1908, 8°, стр. 193, 3.000 экз. (*Содерж.*: Она были дѣти.— Въ толпѣ.— Смерть по объявленію.— Голодный блескъ.) **17) Побѣда смерти.** Траг. въ 3 д., съ прологомъ. Изд. Д. К. Тихомирова („Факелы“), Спб., 1908, 8°, стр. 60, 2.000 экз. **18) Пламенный кругъ.** Стихи. Книга VIII. Изд. „Золотого Руна“. М., 1908, 8°, стр. 208, 2.000 экз. **19) Ванька ключникъ и пажъ Жеанъ.** Драма. Музыка *В. А. Сенилова*. Изд. журн. „Театръ и Искусство“, Спб., 1909, 8°, стр. 31, 3.700 экз. **20) Книга очарованій.** Поэмы и легенды. Изд. „Шиповникъ“, Спб., 1909, 8°, стр. 196, 8.300 экз. (*Содерж.*: *Поэмы и легенды*: Претворившая воду въ вино. Легенда.— Мудрыя дѣвы.— Страна, гдѣ воцарятся звѣри.— Очарованіе печали. Сентимент. новелла.— Алчущій и жаждущій. Новелла.— Собака.— Отравленный садъ. Новелла.— Опечаленная невѣста.— Притчи.— Улыбка.— Бѣлая мама.) **21) Въ толпѣ.** Разск. Изд. „Освобожденіе“, Спб., 1909, 16°, стр. 59, 2.000 экз. **22) Алчущій и жаждущій.** Разск. Изд. журн. „Жизнь и Люди“, М., 1910, 16°, стр. 16, 6.000 экз. **23) Отрокъ Линъ — Претворившая воду въ вино — Алчущій и жаждущій — Елкичъ.— Два Готика.** Изд. „Польза“ (Универс. библіотека, № 548), М., 1911, 16°, стр. 70, 7.200 экз.; 2-е изд., М., 1914, 16°, стр. 70, 5.000 экз. **24) Маленькій человѣкъ — Къ звѣздамъ.— Снѣгурочка.** Изд. „Польза“ (Универс. библіотека, № 550), М., 1911, 16°, стр. 79, 7.200 экз.; 2-е изд., М., 1913, 16°, стр. 80, 5.200 экз. **25) Опечаленная невѣста — Смерть по объявленію — Въ плѣну.** Изд. „Польза“ (Универс. библіотека, № 5??), М., 1912, 16°, стр. 71, 10.200 экз. **26) Война и миръ.** Картины изъ ром. *Л. Н. Толстого*, выбр. и прочее собл. для сцены Сологубомъ. Изд. журн. „Театръ и Искусство“, Спб., 1912, 8°, стр. 80, 100 экз. **26а) Любовь надъ безднами.** Драма. Изд. журн. „Театръ и Искусство“, Спб., 1914, 8°, стр. 42, 100 экз. **26б) Проводы.** Драматич. этюдъ. Спб., 1914, 8°, стр. 9, 100 экз.

Б. Произведенія (за исключеніемъ отдѣльныхъ стихотвореній), напечатанныя въ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ.

27) Нюточкина свадьба. Разск.— „Иллюстр. Міръ“, 1894, № 35, 28 авг. и № 36, 4 сент. **28) Тѣни.** Разск.— „Сѣверн. Вѣстн.“, 1894, кн. XII, стр. 1—20. **29) Тяжелые сны.** Ром.— „Сѣверн. Вѣстн.“, 1895, кн. VII, стр. 115—165; кн. VIII, стр. 128—1??; кн. IX, стр. 1—32; кн. X, стр. 135—176; кн. XI, стр. 213—2??; кн. XII, стр. 31—43. **30)** [illegible] Разск.— „Петерб. Жизнь“, 189?, № 19?, 18 [illegible] **31) Червякъ.** Разск.— „Сѣверн. Вѣстн.“, 189?, кн. VI, стр. 4?—?? **32) Къ звѣздамъ.** Разск.— „Сѣверн. Вѣстн.“, 189?, кн. IX, стр. 1—17. **33)** [illegible] Разск.— [illegible], 1897, № 133, 17 мая, № 1??, 19 мая, № 1??, 20 мая, № 137, 21 мая, № 130, 24 мая, № 142, 2? мая, № 143, 27 мая (Ок. нап. № 144). **34)** [illegible] Разск.— „Сѣверъ“, 1897, № 21, 25 мая. **35) Улыбка.** Разск.— „Сѣверъ“, 1897, № 46, 16 ноября. **36)** [illegible] Разск.— „Южн. Обозр.“, 1897, № 20?, 16 ноября. **37)** [illegible] смерть. Сказка.— „Житом. Обозр.“, 18??, № ?, 18 окт. **38)** [illegible] Сказка.— „Петерб. Жизнь“, 1898, № 297, 12 іюля. **39)** [illegible] Сказка.— „Петерб. Жизнь“, 189?, № 297, 1? іюля. **40)** [illegible] Сказка.— „Петерб. Жизнь“, 1898, № 297, 12 іюля. **41)** [illegible] Сказка.— „Петерб. Жизнь“, 1898, № 297, 12 іюля. **42)** [illegible] Сказка.— „Петерб. Жизнь“, 1898, № 297, 12 іюля. **43)** [illegible] Сказка.— „Петерб. Жизнь“, 1898, № ???, 1 ноября. **44)** [illegible] Разск.— „Сѣверъ“, 1898, № 1, 4 янв. **45) Бѣлая мама.** Разск.— „Сѣверъ“, 1898, № 14, 5 апр. **46) Земли** [illegible] Разск.— „Сѣверъ“, 189?, № 21, 24 мая; № 22, 31 мая; № 23, 7 іюня; № 24, 14 іюня. **47) Баранчикъ.** Разск.— „Сѣверъ“, 1898, № 4?, 1 ноября. **48)** [illegible] Сказка.— „Житом. Обозр.“, 18??, № 11, 14 марта. **49) Красота.** Легендарный разск.— „Сѣверъ“, 1899, № 1, 3 янв. **50) Утѣшеніе.** Разск.— „Сѣверъ“, 1899, № 15, 11 апр.; № 16, 18 апр.; № 17, 25 апр.; № 18, 2 мая; № 19, 9 мая; № 20, 16 мая; № 21, 23 мая. **51) Обручъ.** Разск.— „Сѣверн. Цвѣты на 1902 г.“, альманахъ, изд. „Скорпіона“, стр. 75. **52) Жало смерти.** Разск.— „Нов. Путь“, 1903, кн. IX, стр. 1?4. **53) Преображеніе.** Разск.— „Воскресенье“, 1904, № 1, 4 янв. **54)** [illegible] многодумочка. Сказка.— „Наша Жизнь“, 1904, № ??, 25 дек. **55)** [illegible] Сказка.— „Новости“, 1904, № 223, 14 авг. **56) Рождественскій мальчикъ.** Разск.— „Биржев. Вѣд.“, 1905, № 9138, 26 дек.; № 9140, 27 дек. **57) Мелкій бѣсъ.** Ром.— „Вопросы Жизни“, 1905, кн. VI, стр. 10?—151; кн. VII, стр. 52—83; кн. VIII, стр. 43—84; кн. IX, стр. 61—125; кн. X—XI, стр. 81—144. **58) Казначей и** [illegible] Сказка.— „Вопросы Жизни“, 1905, кн. IX, стр. 214—217. **59) Бѣлые, сѣрые, черные, красные.** Сказка.— „Вопросы Жизни“, 1905, кн. IX, стр. 214—217. **60) Спатиньки.** Сказка.— „Задушевн. Слово“, для млад. возр., 1905, № 48. **61)** [illegible] Сказка.— „Зритель“, 1905, № 19, 3 ноября. **62) Гуля.** Сказка.— „Зритель“, 1905, № 19, 3 ноября. **63) Дрова.** Сонъ.— „Зритель“, 1905, № 21, 17 ноября. **64)** [illegible] Сказка.— „Зритель“, 1905, № 23, 27 ноября. **65) Красное слово.** Сказка.— „Молотъ“, 1905, № 1, 22 дек. **66) Двѣ межи.** Сказка.— „Наша Жизнь“, 1905, № 30, 17 сент., прилож. **67) Маленькій человѣкъ.** Разск.— „Нов. Міръ“, 1905, №№ 14 и 15. **68) Въ плѣну.** Разск.— „Сѣверн. Цвѣты Ассирійскіе на 1904—1905 гг.“, альманахъ, изд. „Скорпіона“, стр. 102—115. **69)** [illegible] Сказка.— „Адская Почта“, 1906, № 1. **70)** [illegible] Сказка.— „Адская Почта“, 1906, № 1. **71) Чудо отрока Лина.** Разск.— „Вѣсы“, 1906, кн. II, стр. 18—26. **72) Милый пажъ.** Новелла.— „Вѣсы“, 1906, кн. VIII, стр. 17—29. **73) Елкичъ.** Январскій разск.— „Журн. для всѣхъ“, 190?, кн. II. **74)** [illegible] Сказка.— „Задушевн. Слово“, млад. возр., 1906, № 2. **75)** [illegible] Сказка.— „Задушевн. Слово“, младш. возр., 1906, № 12. **76) Озорникъ.** Сказка.— „Зеркало“, 1906, № 1, 6 янв. **77)** [illegible] Сказка.— „Зеркало“, 1906, № 1, 6 янв. **78) Призывающій звѣря.** Разск.— „Золот. Руно“, 1906, № 1. **79) Тѣло и душа.** Разск.— „Золот. Руно“, 1906, № 6. **80) Согнутыя ноги.** Сонъ.— „Маски“, 1906, № 9, 10 апр. **81) Лишнія веревочки.** Сказка.— „Молотъ“, 1906, № 2, 8 янв. **82)** [illegible] разсказъ.— „Нор.“ [illegible], 1906, № 19, 6 [illegible]. **83) Дикій богъ.** [За рѣкою Мейргуръ.] Разск.— „Наша Жизнь“, [illegible], 1906, № 5—6, 1? февр. и № 7—8, 2? февр. **84)** [illegible] Сказка.— „Наша Жизнь“, 1906, № 47?, 22 [illegible] **85)** [illegible] Разск.— „Рѣчь“, 1906, № 25?, 25 дек. **86)** [illegible] Сказка.— „Свѣточъ“, 1906, № 2, 5 марта. **87) Два Готика.** Разск.— [illegible], 1906, № 4?, [illegible] № 9, 2 апр. **88)** [illegible] Сказка.— „Тропинка“, 1906, № 7, 1 апр. **89) Нетопленныя печи.** Сказка.— „Факелы“, 1906, кн. I. **90)** [illegible] Сказка.— [illegible], 1906, № 21. **91) Лазурный** [illegible] Мистерія.— „Вѣсы“, 1907, кн. II, стр. 9—26. **92)** [illegible] Сказка.— „Задушевн. Слово“, младш. возр., 1907, № 3. **93)** [illegible] Сказка.— „Задушевн. Слово“, младш. возр., 1907, № 12. **94) Даръ мудрыхъ пчелъ.** Траг.— „Золот. Руно“, 1907, № 2—3. **95) Смерть по объявленію.** Разск.— „Золот.

Рупо", 1907, № 6. 96) А третій — дуракъ. Сказка. — „Лучъ", 1907, № 1. 97) Въ толпѣ. Разск. — „Нов. Иллюстрація", прилож. къ „Биржев. Вѣд.", 1907, № 3, 5 февр. и № 4, 19 февр. 98) Царица поцѣлуевъ. Новелла. — „Перевалъ", 1907, № 5, мартъ. 99) Любви. Драма. — „Перевалъ", 1907, № 8 9. 100) Перина. Разск. — „Русск. Мысль", 1907, кн. X, стр. 3. 101) Голодный блескъ. Разск. — „Рѣчь", 1907, № 171, 22 іюля. 102) Ангелъ Степанида Курносая. Сказка. — „Рѣчь", 1907, № 304, 25 дек. 103) Конный стражникъ. Разск. — „Утро Россіи", 1907, № 8, 25 сент. 104) Навьи чары. Ром. Ч. I. Творимая легенда. — „Шиповникъ", альманахъ, 1907, кн. III. 104а) Царица поцѣлуевъ. — Сказки для взрослыхъ. Сборн., М., 1908. 105) Отравленный садъ. Новелла. — „Бодрое Слово", 1908, № 1, окт. 106) Претворившая воду въ вино. Легенда. — „Вѣсы", 1908, кн. X, стр. 19—23. 107) День шестьдесятъ седьмой. Новелла. — „Золот. Руно", 1908, № 7—9. 108) Кремлевъ. Повѣсть въ стихахъ. — „Золот. Руно", 1908, № 11—12. 109) Ошибки и поправки. — „Зритель", 1908, № 1, 11 янв. 110) Обыскъ. Разск. — „Нов. Слово", сборн., 1908, кн. III. 111) Ванька-ключникъ и пажъ Жеанъ. Драма. — „Нов. Мысли", 1908, № 1. 112) Опечаленная невѣста. Разск. — „Образов.", 1908, кн. VII. 113) Бѣлая собака. Разск. — „Путь", 1908, № 2. 114) Ночныя пляски. Драматич. сказка. — „Русск. Мысль", 1908, кн. XII, стр. 144. 115) Очарованіе печали. Сентимент. новелла. — „Рѣчь", 1908, № 89, 13 апр. 116) Снѣгурочка. Разск. — „Рѣчь", 1908, № 318, 25 дек. 117) Мудрыя дѣвы. Разск. — „Слово", 1908, № 431, 13 апр. 118) Алчущій и жаждущій. Новелла. — „Слово", 1908, № 650, 14 дек. 119) Холодный сочельникъ. Разск. — „Слово", 1908, № 661, 25 дек. (Совмѣстно съ *Ан. Н. Чеботаревской*). 120) Томленіе къ инымъ событіямъ. — „Факелы", сборн., 1908, кн. II. 121) Старый домъ. Разск. — „Земля", сборн., 1909, кн. III, стр. 165—222. (Совмѣстно съ *Ан. Н. Чеботаревской*). 122) Путь въ Эммаусъ. Разск. — „Наша Газета", 1909, № 74, 29 марта. 123) Бѣлая березка. Разск. — „Русск. Мысль", 1909, кн. I, стр. 78. 124) Сонъ утѣшающій. Разск. — „Рѣчь", 1909, № 86, 29 марта. 125) Золотая лѣстница. Разск. — „Рѣчь", 1909, № 354, 25 дек. 126) Иванъ Ивановичъ воскресъ. Разск. — „Слово", 1909, № 751, 29 марта. 127) Красногубая гостья. Разск. — „Утро Россіи", 1909, 25 дек. 128) Навьи чары. Ром. Ч. II. Капли крови. — „Шиповникъ", альманахъ, 1909, кн. VII. 129) Навьи чары. Ром. Ч. III. Королева Ортруда. — „Шиповникъ", альманахъ, 1909, кн. X. 130) Наивныя встрѣчи. Разск. — „Одесск. Новости", 1910, 18 апр. 131) Благополучный Іуда. Разск. — „Утро Россіи", 1910, № 126, 18 апр. 132) Одно слово. Разск. — „Утро Россіи", 1910, № 335, 25 дек. 133) Путь въ Дамаскъ. Разск. — „Шиповникъ", альманахъ, 1910, кн. XII. (Совмѣстно съ *Ан. Н. Чеботаревской*). 134) Земной рай. Разск. — „Биржев. Вѣд.", 1911, № 12155, 3 февр., вечерн. вып. 135) Лоэнгринъ. Разск. — „Рѣчь", 1911, № 354, 25 дек. 136) Помнишь, не забудешь. Разск. — „Утро Россіи", 1911, № 82, 11 апр. 137) Поцѣлуй нерожденнаго. Разск. — „Утро Россіи", 1911, № 297, 25 дек. 138) Турандина. Разск. — „Голосъ Земли", 1912, № 6, 15 янв. и № 8, 17 янв. 139) Звѣриный бытъ. Разск. — „Земля", сборн., 1912, кн. VIII. 140) Дымъ и пепелъ. Ром. — „Земля", сборн., 1912, кн. X; 1913, кн. XI. 141) Слаще яда. Ром. — „Нов. Жизнь", 1912, кн. IV, V, VI, VII, VIII, IX, X и XI. (См. выше, № 33). 142) Алая лента. Разск. — „Нов. Слово", 1912, № 1. 143) Дама въ узахъ. Легенда бѣлой ночи. Разск. — „Огонекъ", 1912, № 21, 19 мая. 144) Смутный день. Разск. — „Русск. Слово", 1912, № 6, 8 янв. 145) Сдающіеся. Историч. фантазія. — „Русск. Слово", 1912, 25 дек. 146) Мечта на камняхъ. Разск. — „Рѣчь", 1912, № 1, 1 янв. 147) Заложники жизни. Пьеса. — „Шиповникъ", альманахъ, 1912, кн. XVIII. 148) Вѣнчанная. Разск. — „Русск. Слово", 1913, 14 апр. 149) Очарованія земли. Тріолеты. — „Сиринъ", сборн., 1913, кн. I. 150) Любовь надъ бездками. — „Шиповникъ", альманахъ, 1913, кн. XXII. 151) Жена умнаго человѣка. Разск. — „Завѣты", 1914, кн. II. 152) Барышня Лиза. Повѣсть. — „Сиринъ", сборн., 1914, кн. III.

III. Критика, искусство, педагогія, публицистика.

Произведенія (за исключеніемъ рецензій), напечатанныя въ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ.

153) О городск. училищахъ. — „Русск. Начальн. Учитель", 1886, № 4. 154) По поводу закрытія нѣкоторыхъ учительскихъ семинарій. — „Русск. Начальн. Учитель", 1894, № 8—9. 155) Во что обойдется всеобщее обученіе? — „Сѣверн. Вѣстн.", 1894, кн. XII. 156) Наша обществен. жизнь. I. Нѣчто о петербург. обществахъ и кружкахъ. — „Сѣверн. Вѣстн.", 1895, кн. I. 157) Наша обществен. жизнь. II. Кустари и дѣдъ Чмыхало. — „Сѣверн. Вѣстн.", 1895, кн. II. 158) Наша обществен. жизнь. III. — „Сѣверн. Вѣстн.", 1895, кн. III. 159) Наша обществен. жизнь. IV. — „Сѣверн. Вѣстн.", 1895, кн. IV. 160) Къ всероссійскому торжеству. — „Міръ Искусства", 1899, т. II, № 13—14. 161) О школьныхъ наказаніяхъ. — „Образов.", 1902, кн. XI, стр. 69. 162) По поводу письма гр. С. А. Толстой. — „Новости", 1903, № 45, 14 февр. 163) Картина г. Бунина. — „Новости", 1903, № 63, 5 марта. 164) „Какой просторъ!". Картина Рѣпина. — „Новости", 1903, № 67, 9 марта. 165) О дачныхъ дѣтяхъ. — „Новости", 1903, № 178, 1 іюля. 166) Лига родителей. — „Биржев. Вѣд.", 1904, № 531, 16 окт. 167) Робкіе таланты. — „Новости", 1904, № 167, 19 іюня. 168) Послѣ катастрофы. — „Новости", 1904, № 181, 3 іюля. 169) Изъ окна. — „Новости", 1904, № 217, 8 авг. 170) Книголюбцамъ. — „Новости", 1904, № 218, 9 авг. 171) Школа за городъ. — „Новости", 1904, № 220, 11 авг. 172) Безъ указки. — „Новости", 1904, № 221, 12 авг. 173) Почетные попечители. — „Новости", 1904, № 223, 14 авг. 174) За стихи. — „Новости", 1904, № 225, 16 авг. 175) Какъ мальчикъ. — „Новости", 1904, № 226, 17 авг. 176) Самый зрѣлый. — „Новости", 1904, № 228, 19 авг. 177) Жалость и любовь. — „Новости", 1904, № 230, 21 авг. 178) Международное право. — „Новости", 1904, № 231, 22 авг. 179) Порча стиля. — „Новости", 1904, № 234, 25 авг. 180) Квартирное право. — „Новости", 1904, № 236, 27 авг. 181) Борода въ гимназіи. — „Новости", 1904, № 239, 30 авг. 182) Письмо, пощечины и смерть. — „Новости", 1904, № 244, 4 сент. 183) Пришли, понюхали и ушли. — „Новости", 1904, № 251, 11 сент. 184) Поведеніе. — „Новости", 1904, № 256, 16 сент. 185) Не очень къ спѣху. — „Новости", 1904, № 258, 18 сент. 186) Вмѣшательство. — „Новости", 1904, № 260, 20 сент. 187) Не хватило цвѣтовъ. — „Новости", 1904, № 261, 21 сент. 188) Если наказали. — „Новости", 1904, № 263, 23 сент. 189) Съ кого начать? — „Новости", 1904, № 265, 25 сент. 190) Учитель или начальникъ? — „Новости", 1904, № 266, 26 сент. 191) Зависть. — „Новости", 1904, № 268, 28 сент. 192) Роза, почва и корни. — „Новости", 1904, № 269, 29 сент. 193) Коварные плѣнники. — „Новости", 1904, № 270, 30 сент. 194) Всему свое мѣсто. — „Новости", 1904, № 272, 2 окт. 195) Харакири. — „Новости", 1904, № 273, 3 окт. 196) Дѣти въ формѣ. — „Новости", 1904, № 274, 4 окт. 197) Фокусъ. — „Новости", 1904, № 275, 5 окт. 198) На сѣнѣ. — „Новости", 1904, № 281, 11 окт. 199) Дисциплина. — „Новости", 1904, № 282, 12 окт. 200) Техника въ школѣ. — „Новости", 1904, № 290, 20 окт. 201) Власть школы. — „Новости", 1904, № 295, 25 окт. 202) Коринѳъ и Карѳагенъ. — „Новости", 1904, № 296, 26 окт. 203) Возмездіе и совѣсть. — „Новости", 1904, № 300, 30 окт. 204) Изгнанники. — „Новости", 1904, № 301, 31 окт. 205) Безпорядокъ. — „Новости", 1904, № 304, 3 ноября. 206) Со сна. — „Новости", 1904, № 314, 13 ноября. 207) Холера и цензура. — „Новости", 1904, № 319, 18 ноября. 208) Права. — „Новости", 1904, № 320, 19 ноября. 209) Дрезденскія скромницы. — „Новости", 1904, № 322, 21 ноября. 210) Бѣлое поле, черное сѣмя. — „Новости", 1904, № 334, 3 дек. 211) Довольно жвачки. — „Новости", 1904, № 336, 5 дек. 212) Международное мнѣніе. — „Новости", 1904, № 348, 17 дек. 213) Внутренній врагъ. — „Новости", 1904, № 360, 31 дек. 214) Къ банкету въ залѣ Павловой. — „Сынъ Отечества", 1904, № 9, 24 ноября. 215) Вражда и дружба стихій. — „Биржев. Вѣд.", 1905, № 8847, 29 мая. 216) О кн. Щеголева: „Грибоѣдовъ и декабристы". — „Вопросы Жизни", 1905, кн. VII. 217) Елисавета. — „Вѣсы", 1905, кн. XI, стр. 27—29. 218) То, чего не было. — „Наша Жизнь", 1905, № 121, 14 іюня. 219) Бассейны мужества. — „Наша Жизнь", 1905, № 168, 20 іюля. 220) Истинно-русскіе люди. — „Новости", 1905, № 10, 17 янв. 221) Отводъ. — „Новости", 1905, № 25, 1 февр. 222) Демонъ несвоевременности. — „Новости", 1905, № 34, 10 февр. 223) Голосъ церкви. — „Новости", 1905, № 35, 11 февр. 224) Самочиніе. — „Новости", 1905, № 36, 12 февр. 225) „Реформа" или тетенька. — „Новости", 1905, № 42, 18 февр. 226) Воскресеніе живыхъ. — „Новости", 1905, № 46, 22 февр. 227) Въ полуснѣ. — „Новости", 1905, № 49, 25 февр. 228) Ступени и склоны. — „Новости", 1905, № 55, 4 марта. 229) Разумѣйте и покоряйтесь. — „Новости", 1905, № 60, 9 марта. 230) Полотно и тѣло. — „Новости", 1905, № 68, 17 марта. 231) Просвѣщен. заботы. — „Новости", 1905, № 83, 1 апр. 232) Все не такъ. — „Новости", 1905, № 92, 10 апр. 233) Капризъ довѣрчивости. — „Новости", 1905, № 95, 14 апр. 234) Полицейская школа. — „Новости", 1905, № 107, 29 апр. 235) Одежды и надежды. — „Но-

вости", 1905, № 129, 25 мая. 236) Сосуды [illegible] силы.—„Новости", 1905, № 134, 30 мая. 237) Я. Книга совершеннаго самоутвержденія.—„Золот. Руно", 1906, № 2. 238) О „Грядущемъ Хамѣ" Д. Мережковскаго.—„Золот. Руно", 1906, № 4. 239) У [illegible] [illegible].—„Наша Жизнь", 1906, № 4 [illegible], 15 апр. 240) О [illegible] Чуковскаго „О мистич. анархизмѣ".—„Перевалъ", 1906, № 1. 241) Вечеръ Гофманскій. (Письмо изъ Петербурга).—„Вѣсы", 1907, кн. XI, стр. 84—86. 242) Человѣкъ человѣку—дьяволъ.—„Золот. Руно", 1907, № 1. 243) Демоны поэтовъ. I. Крутъ [illegible].—„Перевалъ", 1907, № 7. 244) Демоны поэтовъ. II. Старый чортъ Случевскаго.—„Перевалъ", 1907, № 12. 245) Къ полемикѣ Городецкаго и Чулкова о [illegible]: „Дешевый [illegible]".—„Руно", 1907, № 7, 7 [illegible]. 246) Театръ одной воли.—Театръ. Книга о новомъ театрѣ. Сборн., Спб., 1908, стр. 179—198. 247) Мечта Донъ-Кихота (Айседора Дункапъ).—„Золот. Руно", 1908, № 1. 247а) Предисловіе. Игорь Сѣверянинъ. Громокипящій кубокъ. Поэзы. 1—2 изд., М., 1913. 248) Предисловіе.—Чеботаревская, Ан. Любовь въ письмахъ выдающихся людей XVIII и XIX вѣка. Изд. „Московск. кн-во", М., 1913. 249) Замѣтки.—„Дневники писателей", 1914, №№ 1—3. 250) Рѣчь о символизмѣ.—Символисты о символизмѣ.—„Заволжье", 1914, кн. II, стр. 71—77.

IV. Переводы и вступительныя статьи къ нимъ.

251) Банъ, Г. Четыре бѣса.—„Сѣверн. Сборн.", изд. „Шиповникъ", 1907, кн. I. 252) Банъ, Г. Ея высочество.—„Сѣверн. Сборн.", изд. „Шиповникъ", 1907, кн. I. 253) Бодлеръ. Каждому своя Химера. Изъ маленькихъ поэмъ въ прозѣ.—„Нов. Журн. Иностр. Литературы", 1905, кн. IX. 254) Ведекиндъ, Ф. Пробужденіе весны. Дѣтская трагедія. Перев. Ф. [illegible], подъ ред. Сологуба. Изд. „Шиповникъ", Спб., 1907, 8°, стр. 205, 2.000 экз. 255) Верленъ, П. Стихи, избранные и перев. Сологубомъ. Стихи, кн. VII. Изд. „Факелы", Д. К. Тихомирова, Спб., 1907, 8°, стр. 80+3, 1.100 экз. 256) Вольтеръ. Кандидъ или оптимизмъ. Ром. Изд. „Пантеона", Спб., 1909, 8°, стр. 154, 2.700 экз. 257) Готье, Т. Двойная звѣзда.—„Рѣчь", 1906, № 252, 25 дек. 258) Лафоргъ, Ж. Полное собраніе сочиненій, т. I. Астарта. Ром. Перев. съ французск. [illegible] Чеботаревской. Перев. стиховъ и предисл. Сологуба. Изд. „Сфинксъ", М., 1911, 8°, стр. 370, 3.000 экз. 259) Мопассанъ, Г. Полное собраніе сочиненій. Изд. „Пантеона". Т. I. Пышка и друг. разск. Перев. С. Городецкаго. Вступит. статьи Поля Неве и Сологуба. Спб., 1909, 8°, стр. 110, 1.550 экз.; т. V. Сильна, какъ смерть. Перев. Сологуба. Спб., 1909, 8°, стр. 254, 2.000 экз. 260) Мопассанъ, Г. Полное собраніе сочиненій. Изд. „Шиповникъ". Т. V. Сильна, какъ смерть. Ром. Перев. Θ. Сологуба. Спб., 1912, 8°, стр. 260, 2.300 экз.; т. XXX. Жизнь и творчество Ги де Мопассана. Статьи Ю. Менделя, П. Неве и Сологуба. Спб., 1912, 8°, стр. 280+XI, 2.300 экз. 261) Сюарэсъ, Э. Мистерія. Перев. съ нѣмецк. Θ. Сологуба и Ан. Чеботаревской.—„Русск. Мысль", 1912, кн. XI.

V. Музыкальныя переложенія.

262) Кюи, Ц. 7 вокальныхъ квартетовъ (a capella) для смѣшан. голосовъ. Изд. П. Юргенсона, М., 1906, 8°, стр. 21, 2.000 экз. 263) Мервольфъ, Р. Н. I. Ты ко мнѣ приходишь. II. Этотъ зыбкій туманъ. Изд. Юргенсона, Спб., 1912, 4°, стр. 5, 200 экз. 264) Семеновъ, В. А. Ванька-ключникъ и пажъ Жеанъ. Драма. Изд. журн. „Театръ и Искусство", Спб., 1909, 8°, стр. 31, 3.700 экз. 265) [illegible], Г. Журавли. М., 1907, 4°, стр. 7, 100 экз. 266) Глиэръ, Р. Заплетися [illegible]. Романсъ. Изд. П. Юргенсона, М., 1907, 4°, стр. 5, 1.000 экз. 266а) Глиэръ, Р. Люби меня [illegible]... Романсъ. Изд. Юргенсона, М., 1914, 4°, стр. 8, 300 экз. 267) [illegible]-Бороздина, М. В. Романсы. [illegible]. Изд. А. Зейтмана, М., 1909, 4°, стр. 3, 200 экз. 268) [illegible], М. [illegible]. Изд. П. Юргенсона, М., 1909, 4°, стр. 9, 1.000 экз. 268а) Середовъ, А. Не [illegible]. Мелодекламація. Изд. автора, Спб., 1913, 8°, стр. 3, 300 экз. 269) Мервольфъ, Р. Н. Не надѣйся, не смущайся. Изд. Юргенсона, Спб., 1912, 4°, стр. 5, 200 экз. 270) Мервольфъ, Р. Н. Ночь настанетъ. Романсъ. Изд. Юргенсона, Спб., 1912, 4°, стр. 5, 200 экз. 271) Карачевъ, Б. Б. О, жизнь, умчи меня! Изд. Ю. Г. Циммермана, Спб., 1912, 4°, стр. 3, 300 экз. 271а) Гнѣсинъ, М. Онъ шелъ путемъ земнымъ... Изд. П. Юргенсона, М., 1914, 4°, стр. 7, [illegible] экз. 272) Глиэръ, Р. [illegible]. Изд. П. Юргенсона, М., 1911, 4°, стр. 5, 300 экз. 273) [illegible], Ю. [illegible]. Изд. П. Юргенсона, М., 1907, 4°, стр. 5, 1.000 экз. 274) Крейнъ, А. Простая пѣсенка. Изд. П. Юргенсона, М., 1912, 4°, стр. 3, 300 экз. 275) [illegible]. [illegible]. Изд. А. Гутхейля, М., 1910, 4°, стр. 7, 200 экз.

Литература о Θ. Сологубѣ.

I. Библіографическія пособія.

1) Библіографія сочиненій Θ. Сологуба. Хронологич. перечень произведеній съ 28 мая 1884 г. по 1 іюня 1909 г., Спб., 1909. (Объ остальныхъ библіографич. пособіяхъ см. въ началѣ библіографіи).

II. Книги.

2) Абрамовичъ, Н. Я. Мистицизмъ Сологуба.—Въ огняхъ [illegible]. Литература [illegible], М., 1909, стр. 146—[illegible]. 3) Абрамовичъ, Н. Я. [illegible] и эротика. Стихійность въ молодой поэзіи. [illegible] рисункѣ въ [illegible].—Литературно-критич. очерки, кн. I, Творчество и жизнь, Спб., 1909, стр. 91—110, 169—204, 205—226. 4) Айхенвальдъ, Ю. И. Силуэты русскихъ писателей, вып. III, М., 1910, стр. 100—112; 2-е изд., М., 1913, стр. 171—184. 5) Александровичъ, Ю. Реализмъ въ литературѣ и [illegible].—Послѣ Чехова, т. I, М., 1908, стр. 151—195. 6) Александровичъ, Ю. Исторія новѣйшей русск. литературы, ч. I. Чеховъ и его время, М., 1911. 7) Андреевскій, С. [illegible].—Литерат. очерки [illegible]. Литерат. чтенія), Спб., 1902, стр. 4[illegible]—4[illegible]9. 8) Брюсовъ, В. Я. Далекіе и близкіе, М., 1912, стр. 107—114. (См. также указ.). 9) Бѣлый, А. Лугъ зеленый, М., 1910, стр. 152—177. 10) Венгеровъ, С. А. Основн. черты исторіи новѣйшей русск. литературы, 2-е изд., съ прибавл. этюда: „Побѣдители или побѣжденные?", Спб., 1900. (Перепеч.: Собраніе сочиненій, т. I, Спб., 1911). 11) Венгеровъ, С. А. Собраніе сочиненій, т. I, Героическій характеръ русск. литературы, Спб., 1911. 12) „Веретено", сборн., Спб., 1911, стр. 185—190 (Городецкій, [illegible]. Сологубъ). 13) Волынскій, А. Л. Декадентство и символизмъ.—Борьба за идеализмъ, Спб., 1900, стр. 311—320, 380—382. 14) Волынскій, А. Л. Соврем. русск. беллетристика. Стихи.—Книга великаго гнѣва, Спб., 1904, стр. 167—199, 430—445. 15) Горнфельдъ, А. Г. Недотыкомка.—Книги и люди, Спб., 1908, стр. 32—40. 16) Гуревичъ, Л. Я. Оторванныя души.—Литература и эстетика, М., 1912, стр. 61—67. (См. также указ.). 17) Дубинскій, М. И. (Полтавскій). За дружескою бесѣдою, Спб., 1901. 18) Закржевскій, А. Подполье. Психологич. параллели, Кіевъ, 1910, стр. 29—54. 19) „Зарницы", сборн., т. II, Спб., 1909, стр. 53—88. (Горнфельдъ, А. Г. Измѣненный кругъ). 20) Ивановъ-Разумникъ. О смыслѣ жизни Θ. Сологубъ, Л. Андреевъ, Л. Шестовъ, Спб., 1908; 2-е изд., Спб., 1910. 21) Измайловъ, А. Кривое зеркало, Спб., 1908; 2-е изд., Спб., 1910; 3-е изд., Спб., 1912. 22) Измайловъ, А. Помраченіе божковъ и новые кумиры, М., 1910. (См. указ.). 23) Измайловъ, А. Литерат. Олимпъ, М., 1911, стр. 297—336. 24) Исторія Россіи въ XIX в., изд. т-ва „Гранатъ", т. IX, М., 1911, стр. 1—116. (Поэзія и проза 80-хъ и 90-е гг. въ нашей литературѣ). 25) Исторія русск. литературы XIX в., подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, изд. т-ва „Міръ", 5 тт., М., 1908—1912. (См. указ.). 26) Книга о русскихъ поэтахъ послѣдняго десятилѣтія, подъ ред. М. Гофмана, Спб., 1909, стр. 239—260. (Статья Гофмана, М.). 27) Котляревскій, Н. Очерки по исторіи новѣйшей русск. литературы, т. III, Современники, вып. I, М., 1910, стр. 99—122; 2-е изд., М., 1911; вып. II, М., 1910, стр. 147—158; 2-е изд., М., 1912. 28) Кранихфельдъ, В. П. Θ. Сологубъ. [illegible] на [illegible].—Въ мірѣ идей и образовъ, т. II, Спб., 1912, стр. 3—45, 281—320. 29) „Литературн. распадъ", сборн., т. I, Спб., 1908; 2-е изд., Спб., 1908, стр. 2[illegible]1—2[illegible]6 (Морозовъ, М. Предъ лицомъ смерти). т. II, Спб., 1909, стр. 165—216. (Стекловъ, Ю. О творчествѣ Сологуба). 30) Николаевъ, Н. Θ. Вопросъ [illegible] въ соврем. литературѣ, М., 1902. 31) Новополинъ, Г. С. Порнографич. элементъ въ русск. литературѣ, Екатеринославъ, 1909, стр. 69—71, 171—188. 32) Норовскій, О. Литерат. календарь-альманахъ, Спб., 1908, стр. 75—78. (Статьи Абрамовича, Н. Мистицизмъ Сологуба.) 33) „О вѣяніяхъ времени", сборн., Спб., 1908. (Одинцовъ, Н. Въ пылу послѣ бывшаго). 34) Николаевъ, Н. Критич. статьи, т. I, О Л. Андреевѣ, В. Брюсовѣ, Н. Мин-

скомъ и др., Спб., 1910, стр. 78—90. 35) *Нояровъ, Н.* Поэтъ зла и дьявола.—Поэты нашихъ дней, М., 1907, стр. 144—151. 36) *Сальниковъ, А. Н.* Русск. поэты за сто лѣтъ, Спб., 1901, стр. 525—528. 37) *Смбичевскій, А.* Больные герои больной литературы.—Сочиненія, 3-е изд., т. II, Спб., 1903, стр. 579—588. 38) *Слуцкій, М. I.*, *свящ.* Смыслъ жизни человѣка по произведеніямъ Андреева, Сологуба, Горькаго, Метерлинка и рѣшеніе его въ христіанствѣ, Харьковъ, 1910. 39) *Чеботаревская, Анаст.* О Сологубѣ. Критика. Статьи и замѣтки. Спб., 1911. (Статьи и замѣтки: *Иванова-Разумника, К. Чуковскаго, Л. Шестова, З. Гиппіусъ, Ан. Чеботаревской, А. Бѣлаго, И. Анненскаго, М. Гершензона, И. Джонсона, В. Боцяновскаго, М. Волошина, Г. Чулкова, Росмера, Е. Аничкова, Н. Чужака, А. Горнфельда, А. Измайлова, С. Городецкаго, Н. Владимірова, Ю. Спасскаго, В. Азова, Н. Розенфельда* и *А. Веренскаго*) (*Отз.:* а) *В—скій, Ч.*—„Вѣстн. Европы", 1911, кн. IX, стр. 397. б) *Садовской, Б.*—„Русск. Мысль", 1911, кн. X, стр. 368. в) „Соврем. Міръ", 1911, кн. IX, стр. 341). 40) *Чуковскій, К. И.* Отъ Чехова до нашихъ дней, Спб., 1908; 2-е изд., Спб., 1908, стр. 156—168; 3-е изд., Спб., 1908, стр. 168—181. 41) *Чуковскій, К. И.* Навьи чары Мелкаго бѣса.—Критич. разсказы, Спб., 1911, стр. 89—138. 42) *Чулковъ, Г.* Дымный ладонъ.—Покрывало Изиды, М., 1909, стр. 55—63. 42а) *Чулковъ, Г.* Сочиненія, т. V, Спб., 1912. 43) *Шестовъ, Л.* Поэзія и проза Сологуба.—Собраніе сочиненій, т. VI, Великіе кануны, Спб., 1911, стр. 274—290. 44) Энциклопедич. словарь, изд. Брокгаузъ-Ефрона, т. LX, Спб., 1900; т. IV, доп., Спб., 1907. (Статья *С. А. Венгерова*). 45) *Н. Я.* (*Мельшинъ-Якубовичъ, П.*). Русская муза, Спб., 1904; 2-е перераб. и дополн. изд., Спб., 1908, стр. 399—400; 3-е изд., Спб., 1914.

III. Періодическія изданія.

46) *Волынскій, А.* Литерат. замѣтки.—„Сѣверн. Вѣстн.", 1896, кн. II, стр. 328; кн. XII, стр. 235. 47) *Гур...ъ, Н.* Неоромантич. и мистич. поэзія.—„К... Недѣли", 1897, кн. XI. 48) *Красновъ, П.* То... людямъ.—„Книжки „Недѣли", 1897, кн. XII. 49) *А. Л.*—„Саратов. Дневникъ", 1897, № 107. 50) *Л. В.*—„Кавказъ", 1898, № 163. 51) *Гриневичъ, П. Ф.* (*Мельшинъ Якубовичъ*). Итоги двухъ юбилеевъ.—„Русск. Богат.", 1898, кн. VIII, стр. 88—124. 52) *Андреевскій, С.* Вырожденіе рифмы.—„Міръ Искусства", 1901, № 5, стр. 211—236. 53) *Волынскій, А. Л.* Соврем. русск. беллетристика.—„Прибалт. Край", 1901, №№ 270, 271 и 272. 54—55) *Коробка, Н.* Журн. замѣтки.—„Образов.", 1903, кн. V, стр. 118. 56) *Стародумъ, Н. Я.* Журн. обозрѣніе.—„Русск. Вѣстн.", 1903, кн. XI, стр. 366—371. 57) *Н.* Литерат. новости.—„Русск. Вѣд.", 1903, № 65. 58) *Покровскій, А. Н.* Соврем. декадентство.—„Русск. Вѣстн.", 1904, кн. VI, стр. 567—568. 59) *Боцяновскій, В.*—„Русь", 1904, № 333. 60) *Маковскій.* Что такое русск. декадентство?—„Образов.", 1905, кн. IX. 61) „Русск. Богат.", 1905, кн. III, стр. 82—83. 62) *Бачинскій, А.*—„Золот. Руно", 1906, № 5. 63) *Абрамовичъ, Н.* Стихійность въ молодой поэзіи.—„Образов.", 1907, кн. XI. 64) *Блокъ, А.* Творчество Сологуба.—„Перевалъ", 1907, № 10. 65) *Волошинъ, М.* Лики творчества.—„Русь", 1907, №№ 310 и 318. 66) *Чуковскій, К. И.* Страшный писатель.—„Рѣчь", 1907, № 192. 67) *Вергежскій, А.* Тлѣніе.—„Рѣчь", 1907, № 267. 68) *Шестаковъ, Д.* По журналамъ.—„Слово", 1907, № 175. 68а) *Б., В.* Новый Кентавръ.—„Театръ и Искусство", 1907, № 33. 69) *Амфитеатровъ, А.* Минуты.—„Театръ и Искусство", 1907, № 46. 70) *Азовъ.* Ө. Сологубъ о своихъ произведеніяхъ.—„Биржев. Вѣд.", 1908, № 10761. 71) *Бѣлый, А.* Далай-Лама изъ Сапожка.—„Вѣсы", 1908, кн. III, стр. 63—76. 72) *Чеботаревская, Ан.* „Творимое" творчество.—„Золот. Руно", 1908, № 11—12. 73) *Львовъ, В.* Изъ жизни и литературы. Сатиры и мифы.—„Образов.", 1908, кн. I. 74) *Абрамовичъ, Н. Я.* Эстетизмъ и эротика.—„Образов.", 1908, кн. IV—V. 75) *Абрамовичъ, Н. Я.* О художеств. письмѣ въ соврем. беллетристикѣ.—„Образов.", 1905, кн. VI. 76) *Н. Н. М.* Обзоръ журналовъ.—„Образов.", 1908, кн. XI, стр. 95. 77) *Горманъ.*—„Русск. Мысль", 1908, кн. XI, стр. 235. 78) *Н.* Литерат. отголоски.—„Русск. Вѣд.", 1908, № 283. 79) *Чулковъ, Г.* Дымный ладанъ.—„Слово", 1908, № 484. 80—81) *Вергежскій, А.* Недотыкомка.—„Слово", 1908, № 664. 82) *Неведомскій, М.* О „навьихъ" чарахъ и „навьихъ" тропахъ.—„Соврем. Міръ", 1908, кн. II. 83) *Анненскій, И.* О Сологубѣ.—„Аполлонъ", 1909, кн. I, окт. 84) *Измайловъ, А.* На отмели.—„Биржев. Вѣд.", 1909, № 11469. 85) *Адріановъ, С.* Критич. наброски.—„Вѣстн. Европы", 1909, кн. VI. 86) *Бурнакинъ, В.* Критич. очерки.—„Нов. Время", 1909, №№ 12082 и 12124. 87) *Мокинъ, Л.* Лѣтопись литературы и жизни.—„Образов.", 1909, кн. III, стр. 63. 88) Вечеръ новой поэзіи.—„Одесск. Новости", 1909, № 7749. 89) „Русск. Вѣд.", 1909, № 259. (О лекціи Чуковскаго „Навьи чары Мелкаго Бѣса"). 90) *Рѣдько, А.* Сологубъ въ бытовыхъ произведеніяхъ и въ „творимыхъ легендахъ".—„Русск. Богат.", 1909, кн. II, стр. 54—90; кн. III, стр. 65—101. 91) *Шестовъ, Л.* Поэзія и проза Сологуба.—„Рѣчь", 1909, № 139. 92) *Михайловъ, А.* Мораль и юриспруденція или порнографія?—„Слово", 1909, № 716. 93) *Кранихфельдъ, В.* Литерат. отклики. Новыя лечины Передонова.—„Соврем. Міръ", 1909, кн. I, стр. 51—56. 94) *Кранихфельдъ, В.* Литерат. отклики.—„Соврем. Міръ", 1909, кн. III, стр. 84. 95) *Боцяновскій, В.* Три сестры Чехова и Сологуба.—„Театръ и Искусство", 1909, № 27. 96) *Джонсонъ, И.* Сологубъ и его пьесы.—„Кіевск. Вѣсти", 1910, 11 и 18 іюля. 97) *Чуковскій, К. И.* Навьи чары Мелкаго бѣса. (Путеводитель по Сологубу).—„Русск. Мысль", 1910, кн. II, стр. 70. 98) *Рѣдько, А. Е.* Еще проблема.—„Русск. Богат.", 1910, кн. I, стр. 130—144. 99) *Рѣдько, А. Е.* Съ „Перевала" въ „Шиповникъ".—„Русск. Богат.", 1910, кн. X, стр. 154—157. 100) *Адріановъ, С. А.* Критич. наброски.—„Вѣстн. Европы", 1911, кн. I и IV. 101) *Яковенко, А.* Пессимистич. искусство.—„Нов. Жизнь", 1911, кн. III. 102) *Поліонскій.*—„Нов. Жизнь", 1911, кн. VIII. 103) О писателяхъ—„живыхъ трупахъ" и „воскресшихъ Лазаряхъ".—„Бюллетени литературы и жизни", 1912, сент., № 1, стр. 18—20. 104) Нов. споръ о бытовомъ театрѣ.—„Бюллетени литературы и жизни", 1912, дек., № 7, стр. 339—341. 105) *Малахіева-Мировичъ, В.* О смерти въ соврем. поэзіи.—„Завѣты", 1912, кн. VII, окт., стр. 98—108. 106) *Неведомскій, М.* Саморазъясненіе г. Сологуба.—„Запросы Жизни", 1912, № 47. 107) *Лундбергъ, Е.* Лирика Ө. Сологуба.—„Русск. Мысль", 1912, кн. IV, стр. 57—82. 108) *Рѣдько, А. Е.* „Образцы красоты человѣческой" по Ө. Сологубу.—„Русск. Богат.", 1912, кн. XII. 109) Вокругъ Достоевскаго и Горькаго.—„Бюллетени литературы и жизни", 1913, окт., № 4, стр. 208. 110) Идеи, образы, факты. Лекціи и диспуты.—„Бюллетени литературы и жизни", 1913, дек., № 7, стр. 421—422. 111) *Долининъ, А.* Отрѣшенный. (Къ психологіи творчества Ө. Сологуба).—„Завѣты", 1913, кн. VII. 112) *Тренлевъ.* Плѣнникъ Навьихъ чаръ.—„Путь", 1913, кн. IV, V—VI; 1914, кн. III и IV. 113) О „вѣчно женственномъ".—„Бюллетени литературы и жизни", 1914, февр., № 12, стр. 713—714. 114) Идеи, образы, факты. Лекціи и диспуты.—„Бюллетени литературы и жизни", 1914, февр., № 12, стр. 742—743. 115) Сологубъ о символизмѣ.—„Бюллетени литературы и жизни", 1914, мартъ, № 14, стр. 834—837. 116) *Лундбергъ, Е.* Двѣ драмы.—„Завѣты", 1914, кн. II. 117) *Ивановъ-Разумникъ.* „Земля родная". (Стихи Ө. Сологуба).—„Завѣты", 1914, кн. III. 118) *Лундбергъ, Е.* Соврем. драма.—„Современ.", 1914, кн. VI, стр. 96—103.

IV. Статьи и рецензіи объ оригинальныхъ произведеніяхъ.

Ванька-ключникъ и пажъ Жеанъ: „Нов. Русь", 1909, № 9. *Въ плѣну*: 1) *Арсеній.* Изъ жизни и литературы.—„Новости Дня", 1905, № 7895. 2) *Б., Л.*—„Образов.", 1905, кн. VII, стр. 133. *Даръ мудрыхъ пчелъ*: *Волошинъ, М.* Лики творчества.—„Русь", 1907, № 152. *Жало смерти* и др. разск. (М., 1904): 1) *Басаргинъ, А.* Критич. очерки.—„Москов. Вѣд.", 1903, № 271. 2) *Ивановъ, В.* Разсказы тайновидца.—„Вѣсы", 1904, кн. VIII. 3) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*).—„Міръ Божій", 1904, кн. XI, стр. 118. 4) *L., Н.*—„Москов. Вѣд.", 1904, № 351. 5) *Б. С.*—„Нов. Время", 1904, № 10189. 6) „Русск. Мысль", 1904, кн. IX, стр. 279. 7) *Боцяновскій, В.* Критич. наброски.—„Русь", 1904, № 245. *Заложники жизни*: 1) Новыя пьесы.—„Бюллетени литературы и жизни", 1912, дек., № 7, стр. 327—331. 2) *Адріановъ, С.* Замѣтки о театрѣ.—„Вѣстн. Европы", 1912, кн. XII. 3) *Арцыбашевъ.* На „Заложникахъ жизни".—„Завѣты", 1912, кн. VIII. 4) *Аничковъ, Г.* Символизмъ „Заложниковъ жизни" Сологуба.—„Нов. Жизнь", 1912, кн. XII. 5) *Крайній, А.* (*Гиппіусъ, З.*). Приписка и Ө. Сологубъ.—„Русск. Мысль", 1912, кн. XII, стр. 17—21. 6) *Л.-Р., В.*—„Соврем. Міръ", 1912, кн. XI, стр. 361. 7) *Батюшковъ, Ө.* Въ походѣ противъ драмы.—„Соврем. Міръ", 1912, кн. XII. 8) *Слобожанинъ, М.* Изъ соврем. переживаній.—„Журн. для всѣхъ", 1913, кн. I. 9) *Чеботаревская, А.* Чья побѣда?—„Нов. Жизнь", 1913, кн. I. 10) *Albus.* Двуликій пессимизмъ.—„Сѣверн. Записки", 1913, кн. I. *Зовущій битвъ*: *Л.-Р., В.*—„Соврем. Міръ", 1912, кн. III, стр. 320. *Истлѣвающія личины*: 1) *Г., М.* (*Гершензонъ, М.*).—„Вѣстн. Европы", 1907,

кн. VII. 2) *Куренскій, А.*—„Вѣсы“, 1907, кн. VII, стр. 77—79. 3) *Бѣлый, А.* — „Критич. Обозр.“, 1907, кн. III. 4) *Саводник, В.*—„Русск. Мысль“, 1907, кн. X, стр. 193. 5) „Русск. Богат.“, 1907, кн. XII, стр. 175—177. 6) *Колтоновская, Е.*—„Соврем. Міръ“, 1907, кн. X, стр. 75—78. 7) *Джонсонъ, И.* Въ мірѣ мечты.—„Кіевск. Вѣсти“, 1908, 30 іюля. *Книга разлукъ* см. *Навьи чары*. *Книга очарованій*. 1) *Бѣлый, А.*—„Вѣсы“, 1909, кн. V, стр. 82—84. 2) *А., Н.*—„Рѣчь“, 1909, № 113. 3) *Кр., В.* (*Кранихфельдъ, В. П.*).—„Соврем. Міръ“, 1909, кн. IX, стр. 108. *Книга разлукъ*. 1) *Джонсонъ, И.* Въ мірѣ мечты.—„Кіевск. Вѣсти“, 1908, 30 іюля. 2) *Чеботаревская, А.*—„Образов.“, 1908, кн. VI, стр. 104. *Компасъ*. *Земля*. 1) *Брюсовъ, В.*—„Вѣсы“, 1904, кн. XI, стр. 50—51. 2) *Б—въ, Е.*—„Кіевск. Отклики“, 1904, № 324. 3) *Смирновъ*.—„Нов. Путь“, 1904, кн. XI, стр. 289. 4) „Русск. Богат.“, 1904, кн. XII, стр. 31—32. 5) *Б—ій, В.*—„Московск. Вѣд.“, 1905, № 87. 6) *Мирновъ*.—„Образов.“, 1905, кн. III, стр. 133. *Капли крови*. *Отрывки* см. *Навьи чары*. *Книжные* ... *Скабичевскій, А.* Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ.—„Нов. Слово“, 1897, кн. IV, янв., стр. 156. *Литературные*. *Дмитріевъ, Н.* Журн. обозрѣніе.—„Образов.“, 1907, кн. XI, стр. 111. *Любовь надъ безднами*: *Лундбергъ, Е.* Двѣ драмы.—„Завѣты“, 1914, кн. II. *Мелкій бѣсъ*. 1) *Ашкинази, Л.* Обозрѣніе русск. журналовъ.—„Вѣсы“, 1905, кн. IX—X, стр. 80—85. 2) *Куренскій, А.*—„Вѣсы“, 1907, кн. VII, стр. 77—79. 3) *Ивановъ, Г.*—„Критич. Обозр.“, 1907, кн. III, стр. 29—33. 4) *Чеботаревская, А.*—„Образов.“, 1907, кн. VII, стр. 126. 5) *А., Ю.* (*Айхенвальдъ, Ю.*).—„Русск. Мысль“, 1907, кн. IX, стр. 170. (*Перепеч.:* Отдѣльныя страницы, т. II, М., 1910, стр. 202—205). 6) *Б[illegible]*, А. Мелкій бѣсъ.—„Рѣчь“, 1907, № 89. 7) *Кранихфельдъ, В.* Литерат. отклики.—„Соврем. Міръ“, 1907, кн. V, стр. 128. 8) *Горнфельдъ, А.* Литерат. бесѣды. Недотыкомка.—„Товарищъ“, 1907, № 242. (*Перепеч.:* Книги и люди, Спб., 1908, стр. 32—40). 9) *Львовъ, В.* Изъ жизни и литературы. Сатиры и памфлеты.—„Образов.“, 1908, кн. I, стр. 59. 10) „Русск. Богат.“, 1908, кн. VII, стр. 184—187. 11) *Гиппіусъ, З.* Слезинка Передонова. (То, чего не знаетъ Ѳ. Сологубъ).—„Рѣчь“, 1908, № 273. 12) *Чулковъ, Г.* Фаустъ и Мелкій Бѣсъ.—„Рѣчь“, 1908, № 301. 13) *Рѣдько, А.* Сологубъ въ бытовыхъ произведеніяхъ и въ „творимыхъ легендахъ“.—„Русск. Богат.“, 1909, кн. II, стр. 80—99; кн. III, стр. 65—85. *Навьи чары*. 1) *Неблагосклонный читатель*. Исканія и блужданія.—„Слово“, 1907, № 330. 2) *Измайловъ, А.* Что новаго въ литературѣ? Больное творчество.—„Биржев. Вѣд.“, 1908, № 10296. 3) *Львовъ, В.* Изъ жизни и литературы.—„Образов.“, 1908, кн. II, стр. 62. 4) *Айхенвальдъ, Ю.* Литерат. замѣтки.—„Русск. Мысль“, 1908, кн. I, стр. 190. 5) *Танъ*. Рѣчи мертвыя и живыя.—„Свободн. Мысли“, 1908, № 31. 6) „Соврем. Міръ“, 1908, кн. I, стр. 86. 7) *Голосъ, И.* Розы безъ шиповъ.—„Вѣсы“, 1909, кн. IX, стр. 94. 8) „Золот. Руно“, 1909, № 7—9. 9) *Малахіева-Мировичъ*.—„Русск. Мысль“, 1909, кн. X, стр. 235. 10) *Кранихфельдъ, В.* Литерат. отклики. Новыя личины Передонова.—„Соврем. Міръ“, 1909, кн. I, стр. 51—56. 11) *Коганъ, П.* Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы, т. III, вып. II, М., 1910, стр. 147—158, 2-е изд., М., 1912. *Навьи чары*: 1) *Вал. тер..., В.* Современ. прутковщина.—„Вѣстн. Европы“, 1909, кн. VI. 2) *А. С.*—„Золот. Руно“, 1909, № 4. 3) *Боцяновскій, В.*—„Нов. Русь“, 1909, № 68. 4) *Н.* Обзоръ журналовъ.—„Образов.“, 1909, кн. I, стр. 58. 5) *Азовъ, В.*—„Рѣчь“, 1909, № 68. 6) *Гуревичъ, Л.*—„Слово“, 1909, № 734. *Очарованная земля*. 1) *Лоло*. Въ литерат. мірѣ.—„Биржев. Вѣд.“, 1908, № 10656. 2) *Н.* Изъ книги и жизни. „Чего никогда не бываетъ“.—„Русск. Вѣд.“, 1908, № 186. *Очарованная земля*. 1) „Русск. Вѣд.“, 1914, № 284. 2) *Л—въ, Е.* „Очарованная земля“.—„Современ.“, 1914, кн. XII. *Пламенный кругъ*: 1) „Биржев. Вѣд.“, 1908, № 10625. 2) *Брюсовъ, В.* Двѣ книги.—„Вѣсы“, 1908, кн. VI, стр. 49—53. 3) *Городецкій, С. М.*—„Образов.“, 1908, кн. VII, стр. 72. 4) *Измайловъ, А.* Литерат. пестрядь.—„Образов.“, 1908, кн. VIII, стр. 8. 5) *Малахіева-Мировичъ*.—„Русск. Мысль“, 1908, кн. VIII, стр. 169. 6) *Гумилевъ, Н.*—„Рѣчь“, 1908, № 223. 7) *Чулковъ, Г.*—„Слово“, 1908, № 488. 8) „Зарницы“, сборн., т. II, Спб., 1909, стр. 53—88. (*Горнфельдъ, А. Г.* „Пламенный кругъ“). *Побѣдa смерти*: 1) *Ермоловъ, А.*—„Золот. Руно“, 1907, № 11—12. 2) *Бѣляевъ, Ю.*—„Нов. Время“, 1907, № 11[illegible]. 3) *[illegible]*, А. Новая пьеса Ѳ. Сологуба въ театрѣ Коммиссаржевской.—„Русск. Слово“, 1907, № 2[illegible]. 4) *[illegible]*.—„Русь“, 1907, № [illegible]. 5) *[illegible], Е.*—„Рѣчь“, 1907, № 264. 6) *[illegible]*, М. Театръ [illegible].—„Слово“, 1907, № 3[illegible]. 7) *Ч*—„Товарищъ“, 1907, № 41[illegible]. 8) *[illegible]*—„Рѣчь“, 19[illegible], № 2. 9) *Чулковъ, Г.* О [illegible] трагедіи.—„Золот. Руно“, 1909, № 11—12. *Пр[illegible]* ... *Измайловъ, А.* Въ литерат. мірѣ.—„Биржев. Вѣд.“, 1908, № 10[illegible]. *[illegible]* *Малахіева-Мировичъ*.—„Русск. Мысль“, 1908, кн. VI, стр. 16[illegible]. *[illegible]* 1) „Биржев. Вѣд.“, 1906, № 93[illegible]. 2) *[illegible], С.*—„Золот. Руно“, 1906, № 5. 3) „Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1906, кн. IX. *[illegible]* 1) *[illegible], А.* [illegible] — „[illegible] литературы и жизни“, 1912, [illegible], № 2, стр. 7[illegible]. 2) *[illegible], О.*—„Завѣты“, 1913, кн. XI. *[illegible]* 1) *[illegible], Б.*—„Русск. Мысль“, 1910, кн. III, стр. 53. 2) *Малахіева-Мировичъ*.—„Русск. Мысль“, 1910, кн. IX, стр. 281. 3) „Русск. Богат.“, 1910, кн. VII, стр. 143—145. 4) *[illegible], С.* Критич. [illegible].—„Вѣстн. Европы“, 1911, кн. I и IV. 5) „Завѣты“, 1913, кн. XI. 6) „Русск. Вѣд.“, 1914, № 284. *[illegible]* 1) *[illegible]*—„Нов. Время“, 1903, № 9968, прилож. 2) *Н.* Литерат. отголоски.—„Русск. Вѣд.“, 1903, № [illegible]4. 3) *[illegible], В.* [illegible] литература въ 1903 г. I. Россія.—„Вѣсы“, 1904, кн. IX, стр. 50. 4) *[illegible], А. П.*—„Литерат. Вѣстн.“, 1904, т. VII, кн. I, стр. 90—91. 5) *Б., А.* (*[illegible], А.*).—„Міръ Божій“, 1904, кн. I, стр. 82. 6) *П. П.*—„Міръ Искусства“, 1904, № 1. 7) *Л. Л.*—„Москов. Вѣд.“, 1904, № 10. 8) *[illegible], Д. Е.*—„Нов. Путь“, 1904, кн. II, стр. 210. 9) *М—въ, М.*—„Русск. Вѣстн.“, 1904, кн. V, стр. 246—248. *Сказочный домъ*: 1) „Биржев. Вѣд.“, 1909, № 11105. 2) *Г., Н.* Литерат. дневникъ.—„Одесск. Новости“, 1909, № 78[illegible]. *Стихи* (Спб., 1896): 1) „Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1896, кн. V, стр. 203. 2) „Нов. Слово“, 1896, кн. VII, апр., стр. 121—122. 3) *Волынскій, А. Л.* Критика.—„Сѣверн. Вѣстн.“, 1896, кн. II, стр. 70—87. (*Перепеч.:* Борьба за идеализмъ. Спб., 1900, стр. 380—382). 4) *Красновъ, П.* Неврастенич. и мистич. поэзія.—„Книжки „Недѣли“, 1897, кн. XI, стр. 140—150. *Творимая легенда* см. *Навьи чары*. *Театральныя пьесы*: 1) „Кризисъ театра“, сборн., М., 1908, стр. 3—53, 54—81. (*Соколовъ, Ю.* Театръ или кукольная комедія?—*[illegible], В.* Мистерія или быть?) 2) *Луначарскій, А.* Книга о новомъ театрѣ.—„Образов.“, 1908, кн. IV, стр. 16—30. *Тѣни*. 1) „Русск. Мысль“, 1895, кн. I, стр. 48. 2) *Б., П.*—„Всемірн. Иллюстрація“, 1897, т. I, № 10, стр. 225. *Тяжелые сны*: 1) Литерат. лѣтопись.—„Книжки „Недѣли“, 1895, кн. VIII, стр. 23[illegible]—235. 2) *Семеновскій, Р. И.* Что новаго въ литературѣ?—„Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1895, кн. X, стр. 368—374. 3) „Русск. Мысль“, 1895, кн. VIII, стр. 422—424; кн. X, стр. 536; кн. XII, стр. 637. 4) „Нов. Слово“, 1896, кн. I, окт., стр. 103—105. 5) „Русск. Вѣстн.“, 1896, кн. IX, стр. 243—249. 6) „Русск. Богат.“, 1896, кн. VII, стр. 53—56. 7) *Николаевъ, П.* Вопросы жизни въ соврем. литературѣ. М., 1902. 8) *Ходасевичъ, В.*—„Золот. Руно“, 1906, № 2. 9) *Ю. Б.*—„Страна“, 1906, № 90. 10) „Образов.“, 1909, кн. IV, стр. 82. 11) *Рѣдько, А.* Сологубъ въ бытовыхъ произведеніяхъ и въ „творимыхъ легендахъ“.—„Русск. Богат.“, 1909, кн. II, стр. 54—78. 12) *Вережскій, А.*—„Слово“, 1909, № 702. 13) *Кранихфельдъ, В.* Литерат. отклики. Новыя личины Передонова.—„Соврем. Міръ“, 1909, кн. I, стр. 51—56. *Тѣни*: 1) *Семеновскій, Р. И.*—„Нива“, ежемѣсячн. прилож., 1895, кн. IX, стр. 198—201. 2) *Скабичевскій, А.* Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ.—„Нов. Слово“, 1897, кн. IV, янв., стр. 155.

V. Статьи и рецензіи о переводахъ.

Верленъ, П. Стихи: 1) „Русск. Богат.“, 1907, кн. XII, стр. 175—177. 2) *Волошинъ, М.* Лики творчества.—„Русь“, 1907, № 343. 3) *Л., Н.*—„Товарищъ“, 1907, № 41[illegible]. 4) *Верховскій, Ю.*—„Рѣчь“, 1908, № 51. *Вольтеръ*. Кандидъ или оптимизмъ: 1) *Блокъ, А.* (?) „Истор. Вѣстн.“, 1909, кн. X, стр. 319—320. 2) „Рѣчь“, 1909, № 45.

Е. Н. Чириковъ.

Сочиненія Е. Н. Чирикова.

I. Собраніе сочиненій.

1) Собраніе сочиненій. Изд. Московск. книгоиздательства, 8°, 3 100 экз. **Т. I**, Ранніе всходы, М., 1913, стр. 261. (*Содерж.:* Ранніе всходы.—Единица.—Грѣшникъ. — Предатель. — Обострен. отношенія. — Бродячій мальчикъ. — Лошадка. — Коля и Колька.— Сосѣдка. — Хаврюша. — Дунюшка. — Добрый баринъ. — Волшебникъ); **т. II**, Студенты пріѣхали, М., 1913, стр. 281; 2-е изд., М., 1914, стр. 285. (*Содерж.:* Студенты пріѣхали.—Gaudeamus igitur.—Въ лѣсу.— Калигула.—На стоянкѣ.—Съ почевой. — Прогрессъ.—Цензоръ.—Лунная ночь.—Одуванчикъ); **т. III**, Чужестранцы, М., 1910, стр. 309. (*Содерж.:* Чужестранцы.—Инвалиды); **т. IV**, Житье-бытье, М., 1913, стр. 258. (*Содерж.:* Въ лощинѣ межъ горъ. — Фаустъ. — Мужъ.— Хромой. — Капитуляція. — Учитель. — Испортилась.— Въ сугробахъ. — Чортова жалость. — Человѣкъ съ прошлымъ); **т. V**, Марька изъ Ямъ, М., 1914, стр. 270. (*Содерж.:* Марька изъ Ямъ. — Танино счастье.— Именинница); **т. VI**, Провинціальная комедія, М., 1911, стр. 1 + 273. (*Содерж.:* На дворѣ во флигелѣ.— Иванъ Миронычъ. — Марья Ивановна. — Царь природы); **т. VII**, Мятежники, М., 1911, стр. 291. (*Содерж.:* Мятежники. — Романъ въ клѣткѣ. — Блудный сынъ.—На порукахъ. — Въ отставку); **т. VIII**, Обществен. драма, М., 1912, стр 276. (*Содерж.:* Евреи.— Мужики.—Домъ Качергиныхъ); **т. IX**, Драмы-сказки, М., 1913, стр. 201. (*Содерж.:* Колдунья.—Лѣсныя тайны.— Черная смерть); **т. X**, Тихій омутъ. (Картинки дореволюціон. провинціи), М., 1910, стр. 324; 2-е изд., М., 1913, стр. 346. (*Содерж.:* Въ погонѣ за прогрессомъ.— Что такое исправница?—Злобы дня.—Таланты и поклонники.—Обыватель и микробы.—Некому заступиться.— Въ услуженіи.—На окраинахъ.—Балетъ въ пользу дома трудолюбія.— Голосъ купца.— Про мужиковъ.— Объединеніе сословій.—Награда къ праздничкамъ.— Разговоры.—Врагъ внутренній.—Юбилей Якова Ивановича.—Инциденты.— Развлеченія.— О взяткѣ и ея эволюціи.—Бей его, мерзавца!—Доброе имя квартальн. надзирателя.—Дѣло о палкѣ съ набалдашникомъ.— Захаръ Петровичъ.— Народный театръ.—Бѣдные дворяне.—Обыватель и полиція.—Сосуны.—Граждан. мужество.—Народные просвѣтители.—Ученые обыватели.—Орловск. Коробочка.— Бѣда съ мужикомъ!— Либеральн. директоръ.—О воспитателяхъ.—Театръ—школа народа. Подъ гнетомъ подозрительности.—О родителяхъ и учителяхъ.—Посвященіе русск. народу.— Что такое правда?—Не суйся, куда не спрашиваютъ!— Столпы уѣзднаго земства.— О незамѣтныхъ труженикахъ земства.—Гоненіе на книгу.—Футлярные люди.— Инженеры сухопутные. — Батюшка съ матушкой. — О „свѣтлыхъ явленіяхъ".— Религіозн. воспитаніе.—Въ поискахъ за правосудіемъ. Лягушки. Одинъ въ полѣ воинъ.—Радикальн. средство.—На родинѣ Некрасова.— Провинц. печать.—Нов. организація гласности. Престижъ власти.—Въ сахарн. королевствѣ); **т. XI**, Плѣнъ страстей, М., 1910, стр. 306; 2-е изд., М., 1912, стр. 308. (*Содерж.:* Плѣнъ страстей человѣческихъ. — Сказка жизни.—На порогѣ жизни. — Товарищъ —Соломонъ и Розалія.— Передъ смертью.—Баба.—Сердянская республика.—Волкъ.—Миніатюры); **т. XII**, Цвѣты воспоминаній, М., 1912, стр. 273; 2-е изд., М., 1913, стр 298. (*Содерж.:* Сирень. Тяга —Кладъ.—На козлахъ.—Въ дорогѣ.— Лушка. — Водяной.—На току.—Русалка.— Сосѣдка. — Городокъ. — Королевна. — Эхо. — Осенній сонъ. — Сказка); **т. XIII**, М., 1911, стр. 337; 2-е изд., М., 1912, стр. 337; 3-е изд., М., 1913, стр. 337; 4-е изд., М., 1913, стр. 337; 5-е изд., М., 1914, стр. 337. (*Содерж.:* Юность. Ром.); **т. XIV**, М., 1913, стр. 340; 2-е изд., М., 1913, стр. 344; 3-е изд., М., 1914, стр. 347. (*Содерж.:* Изгнаніе. Ром.); **т. XV**, М., 1914, стр. 353; 2-е изд., М., 1914, стр. 354. (*Содерж.:* Возвращеніе. Ром.).

II. Беллетристика.

А. Произведенія, изданныя отдѣльно.

2) Т. I. Очерки и разсказы. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова, Спб., 1899, 8°, стр. 370, 3.000 экз.; 2-е изд., О. Н. Поповой и А. Колпинскаго, Спб., 1900, 8°, стр. I + 352, 3 050 экз.; 3-е изд., т-ва „Знаніе", Разсказы, Спб., 1901, 8°, стр. I + 324, 5.000 экз.; 4-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. I + 324, 5.200 экз.; 5-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. 324, 5.300 экз.; 6-е изд., Спб., 1906, 8°, стр. 322 + I, 5.300 экз. (*Содерж.:* Ранніе всходы. — Бродячій мальчикъ.—Gaudeamus igitur.— Въ лѣсу.—Калигула.—На стоянкѣ.—Студенты пріѣхали.—Съ почевой. — Созрѣлъ. — Прогрессъ); **т. II. Очерки и разсказы.** Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова, Спб., 1900, 8°, стр. I + 383, 4.200 экз.; 2-е изд., т-ва „Знаніе", Разсказы, Спб., 1901, 8°, стр. I + 399, 5.200 экз.; 3-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. I + 397, 5.200 экз.; 4-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. I + 397, 2.100 экз.; 5-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. I + 397, 2.100 экз. (*Содерж.:* Инвалиды. Блудный сынъ.—Чужестранцы.—Въ отставку); **т. III. Очерки и разсказы**, изд. О. Н. Поповой и А. Колпинскаго, Спб., 1901, 8°, стр. I + 325, 4.000 экз.; 2-е изд., т-ва „Знаніе", Разсказы, Спб., 1903, 8°, стр. I + 298, 5.000 экз.; 3-е изд., Спб., 1903, 8°, стр. I + 298, 5.200 экз. (*Содерж.:* Танино счастье.— Въ лощинѣ межъ горъ.—Какъ это случилось.—Фаустъ.—Именинница.—Лунная ночь.—Лошадка.—Предатель.—Обостренныя отношенія.—Одуванчикъ); **т. IV, Пьесы**, изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1904, 8°, стр. 2 + 383, 4.800 экз. (*Содерж.:* На дворѣ во флигелѣ.— За славой.—Друзья гласности.—Евреи); **т. V, Разсказы**, изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1906, 8°, стр. 310, 5.300 экз. (*Содерж.:* Марька изъ Ямъ.—На порукахъ. — Капитуляція — Учитель. — Хлѣбъ везутъ. — Мужъ. — Хромой); **т. VI, Разсказы**, изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1906, 8°, стр. I + 287, 5.300 экз. (*Содерж.:* Мятежники. — Тайна.—На антресоляхъ.— Романъ въ клѣткѣ.— Испортилась.— Коля и Колька.— Маленькій грѣшникъ.—Миражъ.— Единица.—Баринъ.—Въ сугробахъ.—Недородъ.— Собственность); **т. VII, Пьесы**, изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1907, 8°, стр. 272, 5.300 экз. (*Содерж.:* Иванъ Миронычъ.—Мужики.—Красные огни); **т. VIII, Пьесы**, изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1909, 8°, стр. 279, 3.200 экз. (*Содерж.:* Легенда стараго замка.— Марья Ивановна.— Колдунья). **3) Студенты пріѣхали.** (Очерки уѣздной жизни). Казань, 1891, 16°, стр. 81, 200 экз.; изд. „Освобожденія", Спб., 1910, 16°, стр. 63 + I, 3.000 экз. **4) Бродячій мальчикъ.** Разск. Изд. В. Раппъ и В. Потапова, Харьковъ, 1901, 8°, стр. 64, 10.000 экз.; 2-е изд., Харьковъ, 1903, 12°, стр. 64, 20.100 экз. **5) Танино счастье.** Разск. Изд. В. Раппъ и В. Потапова, Харьковъ, 1901, 12°, стр. 96, 10.000 экз.; изд. Вятскаго т-ва, Спб., 1910, 8°, стр. 63, 1.000 экз.; изд. Вятскаго т-ва, Спб., 1912, 8°, стр. 63, 2.000 экз. **6) Маленькій грѣшникъ.** Разск. Изд. „Донской Рѣчи", Ростовъ-на-Дону, 1903, 8°, стр. 7, 10.000 экз.; изд. „Донской Рѣчи", Ростовъ-на-Дону, 1905, 8°, стр. 8, 10.000 экз.; изд. Н. И. Позднякова, подъ ред. С. Б. Фрида, Спб., 1910, 8°, стр. 10, 40.000 экз. **7) Пьесы.** Изд. т-ва „Знаніе", Спб., 1903, 8°, стр. 1 + 188, 5.200 экз.; 2-е изд., т-ва „Знаніе", Спб., 1903, 8°, стр. 192, 5.300 экз. (*Содерж.:* На дворѣ во флигелѣ.—За славой). **8) Свинья.** Разск. Изд. „Донской Рѣчи", Ростовъ-на-Дону, 1903, 8°, стр. 15, 10.000 экз. **9) Талантливое семейство.** Комедія. Изд. С. Разсохина, М., 1903, 12°, стр. 20, 610 экз. **10) Въ отставку.** Ростовъ-на-Дону, 1904, 8°, стр. 55, 11.500 экз.; Спб., 1909, 16°, стр. 64, 10.000 экз. **11) Коля и Колька.** Очеркъ. Изд. „Донской Рѣчи", Ростовъ-на-Дону, 1904, 8°, стр. 15, 10.000 экз. **12) Иванъ Миронычъ.** Пьеса. Изд. С. Разсохина, М., 1905, 8°, стр. 74, 1.200 экз. **13) Марья Ивановна.** Комедія. Изд. „Шиповника", Спб., 1908, 8°, стр. 134, 3.400 экз. **14) Блудный сынъ.** Изд. „Освобожденія", Спб., 1909, 16°, стр. 42, 2.000 экз. **15) Въ царствѣ сказокъ.** (Приключеніе маленькаго путешественника). Изд. „Обществ. Пользы", Спб., 1909, 8°, стр. 120, 3.000 экз. **16) Капитуляція.** Изд. „Освобожденія", Спб., 1909, 16°, стр. 40, 10.000 экз. **17) Моя книга.** Дѣтскіе разсказы, Спб., 1909, 8°, стр. 216, 3.000 экз. (*Содерж.:* Моя жизнь. — Коля и Колька. — Ссора. — Бѣлая роза. — Рыжій. — Грѣшникъ.— Лошадка.—Хаврюша). **18) На порогѣ жизни.** Изд. „Освобожденія", Спб., 1909, 16°, стр. 40, 2.000 экз. **19) На порукахъ.** Изд. „Освобожденія", Спб., 1909, 16°, стр. 64, 2.000 экз. **20) Въ лѣсу.** Изд. „Освобожденія", Спб., 1910, 16°, стр. 47, 3.000 экз. **21) Пьесы.** Изд. „Освобожденія", Спб., 1910, 8°, стр. 148, 1.000 экз. (*Содерж.:* Бѣлая ворона.—Царь природы). **22) Черная смерть.** Драматич. легенда. Изд. журн. „Театръ и Искусство", Спб., 1910, 8°, стр. 40, 100 экз. **23) Шакалы.** Трагикомедія. Изд. журн. „Театръ и Искусство", Спб., 1911, 8°, стр. 48, 200 экз. **24) Лѣсныя тайны.** Комедія. Изд. журн. „Театръ и Искусство", Спб., 1913, 8°, стр. 44, 100 экз.

Б. Произведенія, напечатанныя въ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ.

25) Рыжій. Разск.—„Волжск. Вѣстн.", 1886, 7 янв. 26) [illegible] Очеркъ.—„Книжки „Недѣли", 1888, кн. VIII. 27) Съ ночевой. Разск.—„[illegible] сборн. [illegible]", Одесса, 1892, стр. 177—[illegible]. 28) [illegible]. Очеркъ изъ дѣтской жизни.—„Міръ Божій", 1894, кн. XI, стр. 1—10. 29) [illegible].—„Міръ Божій", 1894, кн. XI, стр. 11—15. 30) [illegible]. Разск.—„Русск. Богат.", 1894, кн. VII, стр. 5—24. 31) [illegible]. Пов.—„Міръ Божій", 1895, кн. VIII, стр. 20—55. 32) Въ [illegible].—„Русск. Богат.", 1895, кн. I, стр. 1[illegible]—170. 33) [illegible]. Разск.—„Русск. Богат.", 1895, кн. X, стр. 5—[illegible]. 34) Прогрессъ. Разск.—„Міръ Божій", 18[illegible], кн. V, стр. 24—37. 35) На [illegible]. Разск.—„Русск. Богат.", 18[illegible], кн. VI, стр. 95—115. 36) [illegible] (Изъ лѣтописи голоднаго года). Разск.—„Нов. Слово", 1897, кн. VII, апр., стр. 97—111. 37) [illegible]. Повѣсть. Изъ жизни нашей интеллигенціи.—„Нов. Слово", 1897, кн. XI, авг., стр. 1—4[illegible], кн. XII, сент., стр. 1—[illegible]. 38) Калигула. Разск.—„Міръ Божій", 18[illegible], кн. II, стр. 31—51. 39) [illegible]. Разск.—„Сѣверн. [illegible]", 1898, кн. VI—VII, стр. 57; кн. VIII—IX, стр. 91. 40) Чужестранцы. Повѣсть изъ [illegible] жизни.—„Жизнь", 18[illegible], кн. I—VI. 41) Въ [illegible]. Разск.—„Жизнь", 18[illegible], кн. X. 42) Блудный сынъ. Разск.—„Міръ Божій", 1899, кн. III, стр. 33—53. 43) Какъ это случилось. Разск.—„Міръ Божій", 18[illegible], кн. XI, стр. 21—35. 44) [illegible]. Разск.—„[illegible] пострадавшимъ отъ неурожая", сборн., изд. газ. „Курьеръ", М., 1899. 2-е изд., М., 1900, стр. 87—[illegible]. 45) Фаустъ. Разск.—„Жизнь", 1900, кн. V. 46) [illegible]. Разск.—„Жизнь", 1900, кн. VI. 47) Маленькій грѣшникъ. Разск.—„Журн. для всѣхъ", 1900, кн. XI. 48) Мужъ съ [illegible]. Разск.—„Жизнь", 1901, кн. I. 49) [illegible]. Разск.—„Журн. для всѣхъ", 1901, кн. IX—X. 50) На дворѣ во флигелѣ. Пьеса.—„Литерат. Дѣло", сборн., Спб., 1902, стр. 1—31. 51) Иннокентій Васильевичъ. Разск.—„Образов.", 1902, кн. I, стр. 1. 52) Романъ въ клѣткѣ. Повѣсть.—„Русск. Мысль", 1902, кн. I, стр. 187. 53) [illegible]. Разск.—„Міръ Божій", 1903, кн. IV, стр. 1[illegible]—201. 54) Друзья [illegible]. Пьеса.—„Образов.", 1903, кн. I, стр. 1. 55) На порукахъ. Разск.—„Сборн. т-ва „Знаніе" за 1903 г.", кн. II. 56) Коля и Колька. Разск.—„Журн. для всѣхъ", 1904, кн. II. 57) Тайна. Разск.—„Міръ Божій", 1904, кн. XI, стр. 262. 58) Иванъ Мироновичъ. Пьеса.—„Сборн. т-ва „Знаніе" за 1904 г.", кн. V. 59) Моя жизнь.—„Другъ дѣтей", 1905, № 1—4. 60) Мужики. Пьеса.—„Сборн. т-ва „Знаніе" за 1906 г.", кн. VIII. 61) Въ тюрьмѣ.—„Сборн. т-ва „Знаніе" за 1906 г.", кн. XII. 62) Легенда стараго замка.—„Сборн. т-ва „Знаніе" за 1907 г.", кн. XV. 63) На порогѣ жизни.—„Сборн. т-ва „Знаніе" за 1908 г.", кн. XX. 64) Царь природы. Комедія.—„[illegible]", литерат. альманахъ, изд. журн. „Театръ и Искусство", кн. I, Спб., 190[illegible]. 65) Цвѣты воспоминаній. Маленькіе разсказы. I. [illegible] II. [illegible] III. [illegible].—„Вѣстн. Европы", 1910, кн. XI, стр. [illegible]—79. 66) Домъ Кочергиныхъ. Пьеса.—„Земля", сборн., 1910, кн. IV. 67) Плѣнъ страстей человѣческихъ. Монастырское сказаніе.—„Соврем. Міръ", 1910, кн. I, стр. 49; кн. II, стр. 5. 68) Юность. Романъ.—„Вѣстн. Европы", 1911, кн. III, стр. 174; кн. IV, стр. 3; кн. V, стр. 3; кн. VI, стр. 3; кн. VII, стр. 3. 69) Лѣсныя тайны. Пьеса.—„Земля", сборн., 1911, кн. V. 70) [illegible].—„Земля", сборн., 1911, кн. VII. 71) Лушка. Разск.—„Нов. Жизнь", 1911, кн. III. 72) Русалка. Разск.—„Соврем. Міръ", 1911, кн. I, стр. 33. 73) [illegible] I. [illegible] II. Безпорядки. III. Коро[illegible].—„Вѣстн. Европы", 1912, кн. I, стр. 3—45. 74) Изгнаніе. Романъ.—„Вѣстн. Европы", 1912, кн. X, стр. 36; кн. XI, стр. 3; кн. XII, стр. 3. 75) Утро жизни. Разск.—„Земля", сборн., 1912 г., кн. VIII. 75а) [illegible]. Разск.—„[illegible]", 1912, кн. III, янв., стр. 4—21. 76) [illegible].—„Жизнь для всѣхъ", 1913, кн. I. 77) Возвращеніе. Романъ.—„Вѣстн. Европы", 1914, кн. I—V. 77а) [illegible].—„Земля", сборн., 191[illegible], кн. XIV.

III. Публицистика.

А. Произведенія, изданныя отдѣльно.

78) Въ сахарномъ королевствѣ. (По поводу Глуховскаго процесса). Изд. „[illegible]", М., 1907, 8°, стр. 38. 5.000 экз. 79) Поѣздка на Балканы. (Замѣтки военнаго корреспондента). Изд. Москов. кн-ва, М., 1913, 8°, стр. 147, 2.000 экз.

Б. Произведенія, напечатанныя въ періодическихъ изданіяхъ.

80) [illegible].—„Жизнь", 1900, кн. X—XI. 81) [illegible].—„Жизнь", 1900, кн. I—VIII, X—XII. 82) [illegible].—„Жизнь", 1901, кн. I—IV. 83) [illegible].—„Русск. Мысль", 1901, кн. VII, стр. [illegible]; кн. VIII, стр. [illegible]; кн. IX, стр. 276; кн. XI, стр. 257; кн. XII, стр. 1[illegible]. 84) [illegible] (Изъ [illegible]).—„Образов.", 1902, кн. IV, стр. [illegible]. 85) [illegible].—„Русск. Мысль", 1902, кн. II. 86) Въ сахарномъ королевствѣ. (По поводу Глуховскаго процесса).—„Правда", 1905, кн. IX—X. 87) [illegible].—„Театръ и Искусство", 1905, № [illegible]. 88) [illegible] (По поводу [illegible] о „[illegible]".) ([illegible]).—„Нов. Русь", 19[illegible], № 4[illegible]. 89) [illegible].—„Театръ и Искусство", 19[illegible], № 1[illegible]. 90) [illegible].—„Нов. Русь", 19[illegible], №№ [illegible] и [illegible]. 91) [illegible].—„Нов. Русь", 19[illegible], № 74. 92) [illegible].—„Русск. Слово", 19[illegible], № 50. 93) Замѣтки [illegible].—„Соврем.", 1911, кн. III—V, VII—X и XII. 94) [illegible].—„Театръ и Искусство", 1911, № 3, 16 янв. 95) Замѣтки жителя.—„Вѣстн. Европы", 1912, кн. V, стр. 319. 96) Замѣтки [illegible].—„Соврем.", 1912, кн. I—II. 97) [illegible].—„Соврем. Міръ", 1913, кн. XII. 98) [illegible].—„Соврем. Міръ", 1914, кн. I—VI.

Сотрудничалъ также въ „Волжск. Вѣстн.", „Астраханск. Вѣстн." и „Астраханск. Листкѣ".

Автобіографія Чирикова: см. ниже, № 16, 51 и 54.

Литература о Е. Н. Чириковѣ.

I. Книги.

1) *Александровичъ, Ю.* [illegible].—Послѣ Чехова, т. I, М., 1908, стр. 61—85. 2) *Александровичъ, Ю.* Исторія новѣйшей русск. литературы, ч. I, Чеховъ и его время, М., 1911. 3) *Богдановичъ, А.* Годы перелома, Спб., 1908. 4) *[illegible] (Б. [illegible])*. Сумерки русск. литературы, М., 1912. 5) Галлерея русск. писателей, изд. Скирмунта, М., 1901, стр. 540. 6) *[illegible], А.* Книги и люди, Спб., 1908, стр. 41—45. 7) *[illegible], А.* [illegible]. Литерат. портреты безвременья, М., 1913, стр. 181—197. 8) Исторія русской литературы XIX в., подъ ред. *Д. Н. [illegible]*, изд. т-ва „Міръ", 5 тт., М., 1908—1912. (См. указат.). 9) *[illegible], Ф. А.* Критич. [illegible], Спб., 1912, стр. 1[illegible]—1[illegible]. 10) *[illegible], В. Н.* Аграрный вопросъ въ [illegible] литературѣ.—Литерат. замѣтки, Спб., 1908, стр. 208—217. 11) *Кранихфельдъ, В. П.* Въ мірѣ идей и образовъ, т. II, Спб., 1912, стр. 1[illegible]—154. 12) *[illegible], Н. К.* Полное собраніе сочиненій, т. II, Спб., 1905, стр. 142—151. 13) *Николаевъ, Н. Ф.* [illegible] въ современ. литературѣ. М., 1902. 14) По „Вѣхамъ", сборн. статей объ интеллигенціи и „національномъ лицѣ", изд. „Зари", М., 1909. 15) Словарь членовъ Общества Любителей Россійской Словесности, М., 1911, стр. 309—310. 16) *Фидлеръ, Ф. Ф.* Первые литературные шаги, М., 1911, стр. 42—45. (Автобіографія). 17) Энциклопедич. словарь, изд. Брокгаузъ-Ефрона, т. LXXVI, Спб., 1903. (Статья *П. Щ.*).

II. Періодическія изданія.

18) *Б., А.* (*[illegible], А.*). Критич. замѣтки.—„Міръ Божій", 1897, кн. XI. 19) *Ладожскій, Н.*—„С.-Петерб. Вѣд.", 1897, № [illegible]. 20) *[illegible], Е.*—„[illegible]", 1897, № [illegible]. 21) *Б., А.* (*[illegible], А.*). Критич. замѣтки.—„Міръ Божій", 18[illegible], кн. I, стр. 1—3. 22) *Скаргъ, А.* Бытописатель провинц. жизни.—„Образов.", 1899, кн. IX, стр. 19. 23) *Б., А.* (*[illegible], А.*). Критич. замѣтки.—„Міръ Божій", 19[illegible], кн. IV. 24) *[illegible], Н.* [illegible].—„Одесск. Новости", 19[illegible], № 4[illegible]. 25) *Old Gentleman* (*[illegible]*). Литерат. альбомъ.—„Россія", 1900, № 277. 26) *Потаповъ, А. И.* О г. Чириковѣ.—„Русск. Богат.", 1900, кн. II, стр. 167—178. 27) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). Критич. замѣтки.—„Міръ Божій", 1902, кн. VI. 28) *[illegible], А.* Письмо въ ред.—„Русск. Мысль", 1902, кн. II. 29) *[illegible]скій, Н.* Литература и жизнь.—„Русск. Богат.", 1902, кн. I, стр. 90—114. 30) *Щеголевъ, П.* Чириковъ.—„Вѣстн. и библіот. самообразованія", 1903, № 18, стр. 7[illegible]—7[illegible]. 31) *[illegible], Н.* [illegible] печальной жизни.—„Литерат. Вечера", 1903, кн. III, стр. 111—115. 32) *Бицяновскій, В.* Критич. наброски.—

„Русь", 1904, № 131. 33) *Ганжулевичъ, Т.* За чертой индивидуализма. — „Наука и Жизнь", 1905, кн. IX. 34) „Одесск. Новости", 1905, № 6790. (Письмо жены Чирикова объ его арестѣ). 35) *И.* Литерат. отголоски. — „Русск. Вѣд.", 1905, № 96. 36) *Рѣдько, А.* Литерат. наблюденія. — „Русск. Богат.", 1905, кн. X, стр. 51—71. 37) *Арабажинъ, К. И.* Критич. замѣтки. Современные драматурги. — „Театральн. Газета", 1905, №№ 7 и 8. 38) *Басаргинъ, А.* Критич. замѣтки. Аграрный вопросъ въ литерат. освѣщеніи. — „Московск. Вѣд.", 1906, № 112. 39) *Рѣдько, А.* Литерат. наброски. — „Русск. Богат.", 1906, кн. XI, стр. 116—142. 40) *Арабажинъ, К.* Возмутительная исторія. (Письмо въ ред.). — „Нов. Русь", 1909, № 64. (Объ отношеніи Чирикова къ евреямъ; кромѣ перечисленнаго ниже, см. сборн.: „По „Вѣхамъ", изд. „Зари", М., 1909, гдѣ указаны другія статьи по тому же вопросу). 41) *Чириковъ, Е.* Письма въ ред. — „Нов. Русь", 1909, №№ 65 и 69 (о томъ же). 42) *Шоломъ-Ашъ, О. Дымовъ, К. Арабажинъ.* — Письма въ ред. — „Нов. Русь", 1909, № 66 (о томъ же). 43) *Чириковъ, Е.* О національн. самоопредѣленіи. — „Нов. Русь", 1909, № 74 (о томъ же). 44) *Лоэнгринъ.* Зигзаги. — „Одесск. Новости", 1909, № 7755 (о томъ же). 45) „Раннее Утро", 1909, № 48 (о томъ же). 46) „Русск. Слово", 1909, № 47 (о томъ же). 47) *Чириковъ, Е.* Благодарю, не ожидалъ. — „Русск. Слово", 1909, № 50 (о томъ же). 48) *М.* Чириковскій инцидентъ. — „Соврем. Слово", 1909, № 465 (о томъ же). 49) *Крайній, А.* (*Гиппіусъ, З.*). О литерат. прозѣ. — „Русск. Мысль", 1910, кн. XI, стр. 179—184. 50) *Колтоновская, Е. А.* Чириковъ. (Къ 25-лѣтію его литерат. дѣятельности). — „Вѣстн. Европы", 1911, кн. III, стр. 348—353. 51) *Чириковъ.* Воспоминанія. — „Нашъ Журн.", 1911, № 2. 52) 25-лѣтіе литерат. дѣятельности Чирикова. — „Нива", 1911, № 10. 53) *Кранихфельдъ, В. П.* Бардъ русской интеллигенціи. — „Соврем. Міръ", 1911, кн. XII. 54) *Чириковъ.* Автобіографія. — „Солнце Россіи", 1911, № 10. 55) *Колтоновская, Е.* О русскомъ. — „Нов. журналъ для всѣхъ", 1912, кн. XII. 56) *Крайній, А.* (*Гиппіусъ, З.*). Литераторы и литература. — „Русск. Мысль", 1912, кн. V, стр. 27.

III. Статьи и рецензіи о произведеніяхъ.

Авдотьина жизнь: Смирновъ, И. — „Вѣсы", 1905, кн. IV, стр. 49. *Блудный сынъ:* 1) *Соловьевъ, В. Н.* — „Волжск. Вѣстн.", 1899, № 86. 2) *Р., Е. Ф.* Журн. замѣтки. — „Восточн. Обозр.", 1899, № 76. *Бродячій мальчикъ:* 1) „Русск. Мысль", 1902, кн. IV. 2) *Величкина.* — „Образов.", 1903, кн. III, стр. 130. *Бѣлая ворона:* 1) „Нов. Русь", 1908, № 46. 2) *Чириковъ, Е.* Моимъ критикамъ. Письмо въ ред. — „Нов. Русь", 1908, № 49. 3) *Гуревичъ, Л.* — „Слово", 1908, № 575. 4) *И., Б.* — „Театръ и Искусство", 1908, № 40. 5) *И.* Театръ и музыка. — „Русск. Вѣд.", 1909, № 28. *Въ лѣсу:* 1) „Русск. Мысль", 1895, кн. III, стр. 135—136. 2) *Обнинскій.* Изъ области соврем. этики. — „Русск. Богат.", 1895, кн. X, стр. 28. *Въ отставку: Б., А.* (*Богдановичъ*). Критич. замѣтки. — „Міръ Божій", 1900, кн. IV. *Въ тюрьмѣ: Геккеръ, Н.* — „Одесск. Новости", 1906, № 7066. *Въ царствѣ сказокъ: Величкина.* — „Соврем. Міръ", 1910, кн. XI, стр. 166. *Домъ Кочергиныхъ:* „Русск. Богат.", 1910, кн. XI, стр. 121—126. *Друзья гласности:* 1) *Г., В.* — „Русск. Мысль", 1903, кн. II. 2) *Протопоповъ.* — „Театръ и Искусство", 1905, № 51—52. *Евреи:* 1) „Еврейск. Жизнь", 1904, № 7. 2) *Ковровъ, А.* Гастроли Орленева. (Корреспонд. изъ Берлина). — „Кіевск. Отклики", 1904, № 344. 3) *Л., В.* „Евреи" Чирикова въ Берлинѣ. — „Наша Жизнь", 1904, № 23. 4) *Реусъ.* Русская мысль на чужбинѣ. (Корреспонд. изъ Берлина). — „Наши Дни", 1904, № 1. 5) *Сибирякъ, Н. К.* „Евреи" Чирикова въ берлинск. театрѣ. (Корреспонд. изъ Берлина). — „Нов. Время", 1904, № 10327. 6) *Ш., И.* Гастроли Н. Н. Орленева въ Берлинѣ. (Корреспонд. изъ Берлина). — „Новости", 1904, № 331. 7) *Гиршманъ, М.* Письмо изъ Берлина. (По поводу гастроли Орленева). — „Петерб. Дневникъ Театрала", 1904, № 45. 8) *Бронштейнъ, Е.* Театръ общества грамотности. — „Кіевск. Отклики", 1905, № 329. 9) *Раппопортъ, С. И.* „Евреи" на англійск. сценѣ. (Корреспонд. изъ Лондона). — „Новости", 1905, № 10. 10) *Тэли, А.* Пьеса Чирикова въ Вѣнѣ. — „Новости Дня", 1905, № 7781. 11) „Театръ и Искусство", 1905, № 48. 12) *Erler.* Еврейство на сценѣ. — „Московск. Вѣд.", 1906, № 54. 13) „Наша Жизнь", 1906, № 376. (О запрещеніи постановки на сценѣ „Евреевъ"). 14) *Ст. Т.* — „Одесск. Новости", 1906, № 6825. 15) *Homo Novus.* Еврейская трагедія. — „Театръ и Искусство", 1906, № 3. *За славой:* 1) Театръ и музыка. — „Русск. Вѣд.", 1902, № 332. 2) *Solus.* — „Новости", 1905, № 49. 3) *Скромный.* „Театральн. Газета", 1905, № 9. *Иванъ Мироновъ:* 1) *Смирновъ, И.* — „Вѣсы", 1905, кн. IV, стр. 49. 2) „Московск. Вѣд.", 1905, № 31. 3) „Новости Дня", 1905, № 7779. 4) *Осиповъ, И.* — „Одесск. Новости", 1905, № 6631. 5) *Ткачукъ, В.* — „Петерб. Дневникъ Театрала", 1905, № 8. 6) *Рѣдько, А.* Литерат. наблюденія. — „Русск. Богат.", 1905, кн. X, стр. 67—68. 7) *Чуковъ, М.* Нечѣмъ жить. — „Слово", 1905, № 130. 8) *Ж., Вл.* — „Театральн. Газета", 1905, № 8. 9) „Театръ и Искусство", 1905, № 7. *Изданіе:* 1) *Колтоновская, Е.* О русскомъ. — „Нов. журн. для всѣхъ", 1912, кн. XII. 2) „Бюллетени литературы и жизни", 1913, іюль, № 22, стр. 572—574. 3) *Улисъ.* — „Голосъ Москвы", 1913, № 140. 4) *Голиковъ, В.* — „Недѣля „Вѣстн. Знанія", 1913, № 5. 5) *Ожиговъ, А.* — „Соврем. Слово", 1913, № 1888. *Именинница:* 1) *Измайловъ, А.* Литерат. обозрѣніе. — „Биржев. Вѣд.", 1900, № 179. 2) „Русск. Мысль", 1900, кн. IX, стр. 359. *Инвалиды:* 1) *Семенниковскій, Р. И.* — „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1897, кн. XI, стр. 646—648. 2) *Скриба* (*Андреевичъ-Соловьевъ, Е.*). Литерат. хроника. — „Новости", 1897, № 299. 3) „Русск. Мысль", 1897, кн. X, стр. 463—466. 4) „Русск. Вѣстн.", 1897, кн. XI, стр. 358—360. 5) *Макошинъ, В.* Нов. слова о старыхъ дѣятеляхъ. — „Русск. Богат.", 1897, кн. XI, стр. 94—115. 6) *Ладожскій, Н.* — „С.-Петерб. Вѣд.", 1897, № 274. 7) „С.-Петерб. Вѣд.", 1897, № 327. 8) *Скабичевскій, А.* Текущая литература. — „Сынъ Отечества", 1897, № 324. 9) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). Критич. замѣтки. — „Міръ Божій", 1898, кн. I, стр. 1—3. 10) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). Критич. замѣтки. — „Міръ Божій", 1900, кн. IV. *Испортилась:* 1) *Коробка, Н.* Журн. замѣтки. — „Образов.", 1903, кн. VII, стр. 85. 2) *А.* Журн. обозрѣніе. — „Русск. Мысль", 1903, кн. V. *Колдунья: Эф., Н.* — „Русск. Вѣд.", 1909, № 205. *Лѣсныя тайны: Полонскій.* — „Нов. Жизнь", 1911, кн. III. *Маленькій грѣшникъ: Величкина.* — „Образов.", 1903, кн. XII, стр. 139. *Марья Ивановна:* 1) *В., Ю.* — „Русск. Вѣд.", 1907, № 284. 2) *Измайловъ, А.* Что новаго въ литературѣ? — „Биржев. Вѣд.", 1908, № 10404. 3) *В., Ю.* — „Русск. Вѣд.", 1908, № 35. 4) „Русь", 1908, № 11. 5) *Импрессіонистъ.* „Театръ и Искусство", 1908, № 39. *Моя жизнь:* „Русск. Мысль", 1906, кн. I, стр. 28. *Моя книга:* 1) „Биржев. Вѣд.", 1909, № 11353. 2) *Вас. Г.* — „Слово", 1909, № 749. *Мужики:* 1) *Львовичъ, Б.* — „Вѣстн. Знанія", 1906, кн. VII, стр. 428—430. 2) *Сигурдъ.* — „Золот. Руно", 1906, № 4. 3) *Басаргинъ, А.* Критич. замѣтки. Переоцѣнка цѣнностей въ народной массѣ. — „Московск. Вѣд.", 1906, № 105. 4) „Наша Жизнь", 1906, № 423. 5) *Геккеръ, Н.* Городъ и деревня. — „Одесск. Новости", 1906, № 6890. 6) *Горнфельдъ, А.* Книги и люди, Спб., 1908, стр. 41—45. 7) *Кораблевъ, В. Н.* Аграрный вопросъ въ изящной литературѣ. — Литерат. замѣтки, Спб., 1908, стр. 208—217. *Мужъ съ револьверомъ:* 1) *Басаргинъ, А.* Критич. замѣтки. О чемъ щебечутъ ласточки? — „Московск. Вѣд.", 1901, № 68. 2) „Русск. Мысль", 1901, кн. III, стр. 84. *Мятежники: Н—скій, Н.* — „Кіевская Почта", 1911, № 893. *На дворѣ во флигелѣ:* 1) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). Критич. замѣтки. — „Міръ Божій", 1902, кн. VI. 2) *Solus.* Новый театръ. — „Новости", 1902, № 348. 3) *Ашевскій.* — „Образов.", 1902, кн. VII—VIII, стр. 112. 4) *Скифъ, Н.* Литерат. обозрѣніе. — „Русск. Вѣстн.", 1902, кн. VII, стр. 269—270. 5) *Линскій, Вл.* — „Театръ и Искусство", 1902, № 52. 6) *З., И. Н.* — „Истор. Вѣстн.", 1903, кн. IV, стр. 355. 7) *Муринскій.* — „Нов. Путь", 1903, кн. VII, стр. 233. *На порогѣ жизни: Гофманъ, В.* — „Вѣсы", 1908, кн. IV, стр. 50. *На порукахъ:* 1) *Измайловъ, А.* Литерат. замѣтки. — „Биржев. Вѣд.", 1904, № 334. 2) „Русск. Мысль", 1904, кн. VIII, стр. 239. 3) „Русск. Вѣд.", 1904, № 174. 4) *Ашевскій, Н.* — „Образов.", 1905, кн. III, стр. 49. *Общественная драма:* „Утро Россіи", 1912, № 126. *Очерки и разсказы:* 1) *С., М.* Новости русск. литературы. — „Жизнь", 1899, кн. IV, февр. 2) *Скляръ, А.* Бытописатель провинц. жизни. — „Образов.", 1899, кн. IX, стр. 19. 3) *А—чъ.* — „Жизнь", 1900, кн. XII. 4) „Литерат. Вечера", 1900, кн. II. 5) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). Критич. замѣтки. — „Міръ Божій", 1900, кн. IV. 6) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1900, кн. III. 7) *Скляръ.* — „Образов.", 1900, кн. V—VI, стр. 90. 8) *Хот.* Новости литературы. — „Одесск. Листовъ", 1900, № 99. 9) „Русск. Мысль", 1900, кн. VIII. 10) „Сынъ Отечества", 1900, № 83. 11) *Шулятиковъ, В.* Критич. этюды. Разсказы о „бездомныхъ и безродныхъ" интеллигенціи. — „Курьеръ", 1901, № 22. 12) *Б., А.* (*Богдановичъ, А.*). — „Міръ Божій", 1901, кн. VI, стр. 102. 13) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1901, кн. V. 14) *Г—еръ, Н.* Литерат. замѣтки. — „Одесск. Новости", 1901, № 5450. 15) „Русск. Мысль", 1901, кн. III, стр. 45. 16) *Михайловскій, Н. К.* Литература и жизнь. — „Русск. Богат.", 1902, кн. I, стр. 90—114. (*Перепеч.:* Послѣднія сочиненія, т. II, Спб., 1905, стр. 142—151). *Плѣнъ стра-*

сней: „Соврем. Міръ", 1910, кн. XI, стр. 19[illegible] *[illegible]* *на [illegible]* 1) „Бюллетени литературы и жизни", 1913, іюль, № 22, стр. 564. 2) *С., Л.* „Вѣстн. [illegible]", 1913, кн. VI. 3) *Ш[illegible]з, А.* — „День", 1913, № 140. 4) „Русск. Молва", 1913, № 157. 5) „Русск. Богат.", 1913, кн. IX. 6) „Современ.", 1913, кн. VII. *[illegible] [illegible] картинки:* „Русск. Мысль", 1901, кн. V, стр. 162. *Пѣсни:* 1) „Петерб. Жизнь", 1904, № 776. 2) „Русск. Мысль", 1904, кн. IX, стр. 277. 3) „Русск. Вѣд.", 1904, № 178. 4) „Русск. Богат.", 1904, кн. VI, 110—111. 5) *Плу[illegible]* „Вѣстн.", 1909, кн. III, стр. 97—98. *Разсказы*, см. *[illegible]. [illegible]* Литерат. лѣтопись — „Книжки „Недѣли", 1895, кн. IX, стр. 240—242. *Романъ въ [illegible] К[illegible], Е. Умер[illegible]* зія. Семейный вопросъ въ соврем. беллетристикѣ.— „Образов.", 1902, кн. III, стр. 67—73. *С[illegible]* — „Образов.", 1903, кн. XII, стр. 135. *Собраніе сочиненій:* см. *Изъ жизни, М[illegible], [illegible], Пѣвцы [illegible], [illegible], [illegible]*, *Юность.* *Соломея и Розалія:* *Д[illegible], Н.* Журн. обозрѣніе. — „Образов.", 1907, кн. VIII, стр. 91. *Т[illegible]* 1) *Е. Л. Б.* [illegible] — „[illegible]", 1904, № [illegible]. 2) *Л[illegible]з, В.* Журн. замѣтки. — „Образов.", 1905, кн. I, стр. 137. *Тайна [illegible]:* 1) „Нива", ежемѣсячн. прилож., 1901, кн. XII. 2) „Русск. Мысль", 1902, кн. IV. 3) *Величк[illegible]* — „Образов.", 1903, кн. [illegible], стр. 134. *[illegible]*. *К[illegible], А.* (*[illegible], В. Н.*) О литерат. произв.—„Русск. Мысль", 1906, кн. XI, стр. 17—18. *[illegible] Л.-Р., В.* — „Соврем. Міръ", 1912, кн. III, стр. 2[illegible]. *[illegible]*: 1) *Н[illegible], М.* Журн. обозрѣніе — „Вѣстник Обозр.", 1900, № 108. 2) „Русск. Мысль", 1900, кн. VII, стр. 2[illegible]. *К[illegible], Н.* — „Русск. Вѣд.", 1900, № 275. *[illegible]* — „Вѣст.", 1912, кн. VII. *Ч[illegible], Б., А.* *[illegible]* Критич. замѣтки — „Міръ Божій", 1900, кн. IV. *[illegible]*: 1) *[illegible]* — „Нов. Жизнь", 1911, кн. XI. 2) *[illegible]* — „Соврем. Міръ", 1911, кн. XI. *[illegible] [illegible], А.* Литерат. обозрѣніе.—„Нива", 1911, № 44.

Содержаніе I части.

Переоцѣнка всѣхъ цѣнностей.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

(1890-ые годы).

Программа изданія. Проф. *С. А. Венгерова* . . . . . IX—XI
Этапы неоромантическаго движенія. *Статья первая* Проф. *С. А. Венгерова*.

Стр.

I. Какіе годы обнимаетъ „Русская литература XX в.“? 1
II. Конецъ періода 2
III. Внѣшнее разнообразіе двадцатилѣтія 1890—1910 гг. 3
IV. Психологическое единство 1890—1910 гг. 6
V. Индивидуализмъ и общественность, какъ методологическіе принципы 7
VI. Русскій неоромантизмъ 16
VII. Восьмидесятые годы 26
VIII. Чеховъ 32
IX. Поэзія восьмидесятыхъ годовъ.
Фофановъ, ... 41
Андреевскій 43
Апухтинъ 47
Случевскій 49
Вел. кн. Константинъ Константиновичъ 51
„Расцвѣтъ“ поэзіи 52
Односторонность литературной реакціи 80-хъ годовъ 53

Дѣятели періода переоцѣнки всѣхъ цѣнностей.

К. Д. Бальмонтъ. *Ред.* 57
К. Д. Бальмонтъ. Проф. *Е. В. Аничкова* 65
I. Первые шаги на пути литературы и первые стихи.
„Лунная“ мечтательность 67
Увлеченіе западничествомъ и освобожденіе поэзіи отъ оковъ общественности 68
II. Самосознаніе поэта (обращеніе къ новымъ изыск. поэтич. формамъ.) . . 71
III. Ницшеанство и общественность.
Бальмонтъ—проповѣдникъ новаго пониманія жизни: призывъ къ солнцу. 77
Вліяніе ницшеанства 80
IV. Odi profanum vulgus.
Связь творчества Бальмонта съ нашей современностью 83
V. О родинѣ и родствѣ 88
VI. Лирика, лирика безъ конца 95
Валерій Брюсовъ. *Автобіографія.* 101
В. Я. Брюсовъ. Проф. *Ѳ. Д. Батюшкова* 119
З. Венгерова. *Автобіографическая справка* 135
В. Вересаевъ. *Автобіографическая справка* 139
В. Вересаевъ. *В. Л. Львова-Рогачевскаго.*

Стр.

I. Творчество Вересаева и тѣсная связь его со смѣной современныхъ ему общественныхъ настроеній 115
II. Первый этапъ—конецъ восьмидесятыхъ годовъ: повѣсть „Безъ дороги". 152
III. Второй этапъ—оживленіе 2-й половины 90-хъ годовъ: „Повѣтріе" . . . 154
IV. Третій этапъ—конецъ 90-хъ годовъ: „На поворотѣ" 157
V. „Война" 160
VI. Четвертый этапъ: „Къ жизни" и „Живая жизнь" 162
VII. Представители трудовыхъ соціальныхъ группъ въ произведеніяхъ Вересаева 167
VIII. Основная черта творчества Вересаева — выдвиганіе вопросовъ совѣсти. „Записки врача" 169
З. Н. Гиппіусъ. *Автобіографическая замѣтка* 173
З. Н. Гиппіусъ. *Валерій Брюсова.*
I. Періодъ чистаго эстетизма 178
II. Періодъ увлеченія идеей религіознаго возрожденія и нео-христіанствомъ и пониженіе художеств. цѣнности творчества Гиппіусъ 180
III. Переломъ въ самопониманіи поэта. Пробужденіе интереса къ вопросамъ общественнымъ 183
IV. Поэтическая техника Гиппіуса 186
М. Горькій. Проф. *С. А. Венгерова* 189
Автобіографическая замѣтка 1897 г. 190
Автобіографическая замѣтка изъ журнала „Семья" 192
Максимъ Горькій. *В. Л. Львова-Рогачевскаго.*
I. Общіе контуры литературной дѣятельности и смѣна настроеній 201
II. Двоевѣріе Горькаго. Интеллигентъ и сынъ народа 208
III. Борьба романтизма и реализма въ творчествѣ Горькаго 218
IV. „Цвѣтокъ родныхъ полей" 226
V. Языкъ Горькаго 233
Л. Гуревичъ. *Исторія „Сѣвернаго Вѣстника"* 235
А. Добролюбовъ. Проф. *С. А. Венгерова* 265
А. Добролюбовъ. *Владиміра Гиппіуса* 272
Д. Мережковскій. *Автобіографическая замѣтка* 288
Д. Мережковскій. *А. Долинина.*
I. Крайній субъективизмъ творчества Мережковскаго 295
II. Лирика Мережковскаго 297
III. Трилогія 307
IV. Мережковскій—критикъ 326
V. Мережковскій—мыслитель 334
VI. Общественные идеалы 350
Н. Минскій. Проф. *С. А. Венгерова* 357
„Мэонизмъ" Н. М. Минскаго въ сжатомъ изложеніи автора 364
Поэзія Минскаго. *Григорія Полонскаго.*
I. Итоги и манифесты 369
II. Гражданскіе мотивы 372
III. Отъ порыва къ порыву 380
IV. „При свѣтѣ совѣсти" и ученіе о мэонахъ 384
V. Альма и послѣднія человѣческія преодолѣнія 391
VI. Несказуемое въ лирикѣ Минскаго 396
Философія Н. М. Минскаго. *Э. Л. Радлова* 404

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Ѳ. Сологубъ. *Біографическая справка Анастасіи Чеботаревской* 9
Ѳ. Сологубъ. *А. Г. Горнфельда.*
I. Сологубъ, какъ наиболѣе полный и глубокій выразитель новаго литературно-общественнаго направленія — декадентства 11

Стр.

II. Система „міра" Сологуба 18
III. Отрицаніе жизни, какъ основа этой системы 21
IV. Всеотравляющій ужасъ смерти. Томленіе къ несказанной тайнѣ жизни—живой красотѣ 24
V. „Утѣшеніе тишины" и одиночества 28
VI. Преображеніе души, отвергнувшей міръ. Напѣвы любви 31
VII. „Въ мірѣ тайной ворожбы" 33
VIII. Жизнь какъ творческая игра 36
IX. Единая воля Единственнаго, создающаго для себя міръ 40
X. Образъ Передонова. „Злыя видѣнія раненой жизни" 44
XI. „Тяжелые сны". „Навьи чары". 49
XII. Разсказы Сологуба. Жизнь—Ходынка 54
XIII. Сологубъ—мыслитель 58
XIV. Сологубъ—лирикъ 59
XV. Правда въ Сологубовщинѣ 62
Е. Чириковъ. *Ред.* 65
Е. Н. Чириковъ. *А. Дермана.*
I. Чириковъ—писатель-популяризаторъ 75
II. Основной мотивъ его произведеній — засасывающее и обезличивающее вліяніе провинціи 80-хъ годовъ 76
III. Неспособность его героевъ къ активному протесту 77
IV. Подавленіе провинціей всякаго порыва 78
V. Провинція въ эпоху перелома 80
VI. „Инвалиды" и „чужестранцы" 83
VII. Общественная драма Чирикова („Евреи", „Мужики", „Домъ Кочергиныхъ"). 85
VIII. „Юность", „Изгнаніе", „Цвѣты воспоминаній" 86
IX. Техническіе пріемы творчества Чирикова 87
Піонеры Марксизма. *В. Базарова* 90
А. Волынскій. Проф. *С. А. Венгерова* 121
Библіографія новѣйшей русской литературы. Составилъ *А. Г. Фоминъ* . . . 135
Общія пособія по изученію новѣйшей русской литературы 141

Перечень написаннаго ими и литература о нихъ.

К. Д. Бальмонтъ 143
В. Я. Брюсовъ 150
З. А. Венгерова 156
В. Вересаевъ (В. В. Смидовичъ) 159
А. Волынскій (А. Л. Флексеръ) 163
З. Н. Гиппіусъ-Мережковская (Антонъ Крайній) 166
Максимъ Горькій (А. М. Пѣшковъ) 170
Л. Я. Гуревичъ 179
А. М. Добролюбовъ 181
Д. С. Мережковскій 182
Н. Минскій (Н. М. Виленкинъ) 190
Ѳ. Сологубъ (Ѳ. К. Тетерниковъ) 193
Е. Н. Чириковъ 199

Иллюстраціи на отдѣльныхъ листахъ.

Стр.

1. К. М. Фофановъ. Съ портрета *И. Рѣпина* 40
2. С. А. Андреевскій. Съ фотографіи 44
3. А. Н. Апухтинъ. Съ фотографіи 48
4. К. Р. Съ фотографіи 52
5. Обл. I изд. „Будемъ какъ солнце" Бальмонта Fidus'a 57
6. К. Д. Бальмонтъ. Съ портрета *В. Сѣрова* 64
7. „Хочешь ли?" *Автографъ К. Бальмонта* 96
8. В. Я. Брюсовъ. Съ портрета *Врубеля* 129
9. „Sed non Satiatus". *Автографъ В. Брюсова* 132
10. З. А. Венгерова. Съ фотографіи 136
11. В. В. Смидовичъ-Вересаевъ. Съ фотографіи *С. Малютина* 160
12. З. Н. Гиппіусъ-Мережковская. Съ фотографіи 176
13. М. Горькій. Съ портрета *И. Шлейна* 208
14. Л. Я. Гуревичъ. Съ фотографіи 240
15. А. М. Добролюбовъ. Съ фотографіи 272
16. „Есть радость въ томъ, чтобъ люди ненавидѣли". *Автографъ Д. Мережковскаго* 320
17. Д. С. Мережковскій. Съ фотографіи 336
18. Н. М. Виленкинъ-Минскій. Съ фотографіи 368
19. „Моя вѣра". *Автографъ Н. М. Минскаго* 404
20. Ѳ. К. Сологубъ. Съ портрета *Б. Кустодіева* 32
21. „Дѣти радостей и свѣта". *Автографъ Ѳ. Сологуба* 48
22. Е. Н. Чириковъ. Съ фотографіи 80
23. Г. В. Плехановъ. Съ фотографіи 97
24. Изъ „Исторіи русской общественной мысли" Плеханова. (*Автографъ.*) 104
25. П. Б. Струве. Съ фотографіи 112
26. А. Л. Флексеръ-Волынскій. Съ фотографіи 128
27. Андреевъ, Бунинъ, Горькій, Скиталецъ, Телешовъ, Чириковъ, Шаляпинъ (группа) 140

Орнаментація: обложка, заставки, концовки, буквы—*А. М. Арнштама.*

ЧАСТЬ

ВТОРАЯ

ИЗД. Т-ВА „МІРЪ".

СИНТЕТИЧЕСКІЙ МОДЕРНИЗМЪ И БОГОИСКАТЕЛЬСТВО.

(Начало XX вѣка.)

Оглавленіе V книги.

ЧАСТЬ I.

Переоцѣнка всѣхъ цѣнностей (1890-ые гг.).

(Окончаніе.)

Стр.

Піонеры марксизма. *В. Базарова (Окончаніе)* 97

А. Волынскій. Проф. *С. А. Венгерова* 121

Библіографія новѣйшей русской литературы. Составилъ *А. Г. Фоминъ* 141

ИЛЛЮСТРАЦІИ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ.

1. Г. В. Плехановъ. *Съ фотографіи* 97
2. Изъ „Исторіи русской общественной мысли“ Плеханова. *Автографъ* 104
3. П. Б. Струве. *Съ фотографіи* 112
4. А. Л. Флексеръ-Волынскій. *Съ фотографіи* 128
5. Андреевъ, Бунинъ, Горькій, Скиталецъ, Телешовъ, Чириковъ, Шаляпинъ (группа) 140

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на изданія Т-ва „МІРЪ“:

Карусъ Штерне.

ЭВОЛЮЦІЯ МІРА.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРІЯ МІРОЗДАНІЯ.

Переводъ съ изданія, переработан. В. Бёльше, подъ редакціей В. К. Агафонова. Съ дополнительными статьями профессора И. А. Умова и Н. А. Морозова.

2-е улучшенное изданіе.

„Передъ нами путеводитель, странствуя съ которымъ по вселенной, мы не только пробѣгаемъ едва уловимыя нашимъ воображеніемъ пространства, но столь же мало представляемыя по своей протяженности эпохи ея жизни. Собранный на этомъ двойномъ пути пространства и времени матеріалъ, систематизированный и подвергнутый строгому анализу, раскрываетъ передъ нами всю архитектуру жизни на нашей планетѣ отъ ея первыхъ слѣдовъ, теряющихся въ явленіяхъ мертвой природы, до ступеней съ высоко развитой психикой“. (Изъ введенія проф. *Н. А. Умова.*)

3 тома, 1424 страницы, 742 рисунка, въ томъ числѣ 61 однотонныхъ и цвѣтныхъ на отдѣльныхъ листахъ.

Цѣна изданія, безъ пересылки, въ изящномъ переплетѣ 20 р.

Всѣ три тома вышли изъ печати и разсылаются подписчикамъ.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

М. Н. ПОКРОВСКАГО, при участіи Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева.

Изъ отзывовъ печати: „И свѣжесть мысли, свѣжесть матеріала особенно привлекаютъ“. *„Русск. Вѣд.“*—„Всякому, кто интересуется вопросами русской исторіи, слѣдуетъ не только прочитать, но и внимательно изучить и третій томъ, какъ и два предыдущіе“. *„Современный Міръ“.*—„Живое безпристрастное изложеніе, популярный языкъ, дѣлающій книгу доступной самому широкому кругу читателей, также составляютъ отличительную черту того, что выходитъ изъ-подъ пера М. Н. Покровскаго“. *„Утро“.*

5 томовъ, 1676 стр., 104 заставки и концовки, 14 схематическихъ географич. картъ распредѣленія суши и воды въ разные геологическіе періоды и 5 таблицъ фауны и флоры, 104 иллюстраціи на отдѣльныхъ листахъ съ объяснительнымъ текстомъ.

Цѣна изданія въ переплетѣ (въ 5-ти томахъ) 30 р.

ИЗДАНІЕ ЗАКОНЧЕНО.

Г. В. Плехановъ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ.

Около 5 томовъ. Условія подписки: при подпискѣ уплачивается 2 рубля, при полученіи каждаго тома въ переплетѣ—2 рубля 80 коп. и за переводъ платежа—10 коп.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Подъ ред. *А. Е. Грузинскаго,* акад. *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго и П. Н. Сакулина.*

8 т. въ переплетѣ (безъ пересылки) 56 р. Вышло 5 томовъ.

ИТОГИ НАУКИ ВЪ ТЕОРІИ И ПРАКТИКѢ.

Энциклопедія современнаго знанія.

Подъ ред. проф. *М. М. Ковалевскаго,* проф. *Н. Н. Ланге, Николая Морозова* и проф. *В. М. Шимкевича.*

Четыре отдѣла. I. Мертвая природа. II Жизнь. III. Психическій міръ. IV. Общественная жизнь. 12 томовъ. Цѣна по подпискѣ 7 р. 50 к. за томъ въ роскош. перепл. (безъ пересылки).

Вышло 8 томовъ. I, II, III, V, VI, VII, IX и X.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (1800—1910).

Подъ ред. *Ѳ. Д. Батюшкова.* При ближ. уч. проф. Ѳ. А. Брауна, акад. Н. А. Котляровскаго, проф. Д. К. Петрова, пр.-доц. Е. В. Аничкова и пр.-доц. К. Ѳ. Тіандера. Около 6 т. въ переплетѣ. Цѣна по подпискѣ 7 р. 50 к. за томъ въ переплетѣ (безъ пересылки).

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА. Проспекты безплатно.

Главная контора Т-ва „МІРЪ“: Москва, Знаменка, 9. Телефонъ 1-37-31.

Тип. И. Д. КУШНЕРЕВЪ и К° Москва.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВѢКА

1890—1910

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ПРОФ.
С. А. ВЕНГЕРОВА

ИЗД.
Т-ВА „МІРЪ"
МОСКВА

Проф. С. А. Венгерова.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

X [1]).

Беллетристика 80-хъ годовъ.

Какъ о чемъ-то симптоматически-единомъ я говорилъ въ предыдущей главѣ не только о поэтахъ, въ 80-хъ годахъ выступившихъ впервые—Фофановѣ, Андреевскомъ, К.Р., но и о поэтахъ старыхъ—Апухтинѣ, Случевскомъ, Кусковѣ, потому что они теперь вдругъ вышли изъ недавняго пренебреженія къ нимъ и собственной творческой апатіи. И, наконецъ, несомнѣнную симптоматичность нельзя было не усмотрѣть въ чрезвычайно высокомъ признаніи, выпавшемъ теперь на долю поэтовъ—могиканъ поколѣнія 40-хъ годовъ: Майкова, Полонскаго, Фета. Того самаго Фета, изъ котораго въ 60-хъ годахъ Писаревъ сдѣлалъ нарицательное имя писателя, растрачивающаго свое дарованіе на пустяки.

Во всемъ этомъ нельзя было не установить прямой связи съ тѣмъ замѣчательнымъ возрожденіемъ общаго интереса къ поэзіи, которымъ знаменуется эпоха нашего нео-романтизма, давшаго цѣлый рядъ весьма замѣчательныхъ поэтовъ.

Но въ сферѣ беллетристики тѣ же 1880-ые годы характеризу-

[1]) Главы I—IX, см. въ т. I, стр. 1—51.

ются появленіемъ ряда новыхъ литературныхъ именъ, которыя ни въ коемъ случаѣ чего-либо связующаго съ нео-романтизмомъ собою не представляютъ.

Говоря о „новыхъ именахъ", ставшихъ извѣстными въ 80 хъ годахъ, я выдѣляю изъ нихъ цѣлый рядъ такихъ, литературные успѣхи которыхъ только хронологически связаны съ этими годами, но которые всѣми корнями своего духовнаго существа сидятъ въ предъидущемъ періодѣ—въ 70-хъ годахъ. Таковъ прежде всего Короленко. Столь же крѣпко вросъ въ традиціи 70-хъ годовъ Якубовичъ-Мельшинъ. Онъ пріобрѣлъ извѣстность еще гораздо позднѣе—въ концѣ 1890-хъ годовъ, но, все же, какою грубою методологическою ошибкою было бы разсматривать поэзію Якубовича внѣ тѣснѣйшей связи съ настроеніями поколѣнія 70-хъ годовъ. Къ этому же поколѣнію, хотя и съ нѣкоторыми оговорками, долженъ быть причисленъ расцвѣтшій и погасшій въ первой половинѣ 80-годовъ Надсонъ. И наконецъ, къ „семидесятникамъ" же, въ силу первыхъ, всегда столь рѣшающихъ впечатлѣній молодости должны быть причислены и получившіе извѣстность только въ 80-хъ годахъ Маминъ-Сибирякъ, Потапенко, Ясинскій. Конечно, общій обликъ Потапенки, благодаря чрезмѣрной плодовитости его и неизбѣжно связанной съ этимъ ремесленности далеко не подходитъ подъ понятіе о „семидесятникѣ". Но все же и лучшими своими вещами, такими, напр., какъ „На дѣйствительной службѣ", и лучшими страницами въ другихъ своихъ произведеніяхъ, даже тѣхъ, которые написаны наспѣхъ, Потапенко обязанъ только тому, что въ наиболѣе впечатлительные годы жизни испыталъ на себѣ обаяніе идеализма 70-хъ годовъ. Ясинскій, выступившій въ лучшіе, начальные годы своей литературной дѣятельности подъ псевдонимомъ Максима Бѣлинскаго, съ наступленіемъ реакціи 80-хъ годовъ совершенно отошелъ отъ настроеній молодости и на нѣкоторое время даже прямо перешелъ въ ряды обличителей идей семидесятыхъ годовъ. И все же онъ „семидесятникъ" и старшій сверстникъ поколѣнія Гаршина, Осиповича-Новодорскаго, Минскаго, Альбова не только по возрасту (р. 1850), но и потому, что внѣ начальныхъ лѣтъ литературная дѣятельность его интереса не представляетъ. Въ первомъ, краткомъ періодѣ этой дѣятельности, когда онъ былъ сотрудникомъ „Слова", „Отеч. Записокъ", „Вѣсти. Европы", Ясинскій талантливо и вѣрно, безъ партійной односторонности, изображалъ и отражалъ внутреннюю жизнь того слоя русской интеллигенціи, который, при всей своей малочисленности, былъ тогда солью земли и сообщалъ эпохѣ свою героическую окраску. И именно потому, что въ этомъ отраженіи чувствовалось біеніе пульса эпохи, оно и имѣло литературное значеніе. А все прочее, на что въ 80-хъ и 90-хъ годахъ растратилъ свой незаурядный талантъ Ясинскій, когда отошелъ отъ традицій молодости литературнаго значенія не имѣетъ, за исключеніемъ одного только „Тараканьяго бунта"—злой, но не лишенной правды картины народной темноты и невѣжества.

Чеховъ, конечно, глубоко и вполнѣ органически связанъ съ безвременьемъ именно 80-хъ годовъ, весь вышелъ изъ него. Но его какъ главаря цѣлаго „Чеховскаго періода“ и какъ писателя, значеніе котораго не ограничивается какимъ-нибудь десятилѣтіемъ, было бы слишкомъ узко прикрѣпить именно къ беллетристикѣ 80-хъ годовъ и я потому и выдѣлилъ его особо въ первой статьѣ.

Подъ „беллетристами 1880-хъ годовъ“ въ тѣсномъ смыслѣ я сейчасъ подразумѣваю многочисленную группу писателей и писательницъ, которые именно въ 1880-хъ гг. и самомъ началѣ 1890-хъ гг. окончательно опредѣлились, сказали все, что могли сказать, имѣли тогда maximum своего успѣха и потомъ уже были оттерты новыми теченіями, съ которыми ничего общаго не имѣли ни по манерѣ, ни по сюжетамъ.

Къ этой группѣ „писателей-восьмидесятниковъ“ по преимуществу слѣдуетъ причислить: Гнѣдича, Влад. Тихонова, Тихонова-Лугового, Леонтьева-Щеглова, кн. Голицына-Муравлина, Кигна-Дѣдлова, Маслова-Бѣжецкаго, Будищева и цѣлую плеяду женщинъ-писательницъ: Крестовскую, Микуличъ, Шапиръ, Виницкую, Шабельскую, Юлію Безродную, Бларамберг-Апрѣлеву и отчасти также Лѣткову-Султанову и Дмитріеву.

Характерной чертой группы писателей-восьмидесятниковъ, несомнѣнно, одаренныхъ талантомъ, но, тоже несомнѣнно,—скромныхъ размѣровъ, является отсутствіе тенденціозности. Въ этомъ связь ихъ съ общимъ настроеніемъ 80-хъ годовъ, которые были эпохой реакціи не только политической, но и послѣднимъ этапомъ начавшейся еще въ 70-хъ годахъ реакціи противъ крайностей „идейнаго“ искусства, противъ стремленія превратить органическую, свободно ро[illegible]шуюся связь жизни и искусства въ узенькое прокрустово ложе п[illegible]нія искусства опредѣленнымъ цѣлямъ. Къ сожалѣнію, не только въ этой свободѣ отъ тенденціозности сказалась связь беллетристовъ-восьмидесятниковъ съ унылымъ безвременьемъ побѣдоносцевской эпохи. Она сказалась въ полномъ отсутствіи полета и устремленій. Въ общемъ, беллетристика 80-хъ годовъ больше литература для развлеченія, для наполненія гладко изложеннымъ литературнымъ матеріаломъ многочисленныхъ иллюстрированныхъ „семейныхъ“ журналовъ, и никакъ ее нельзя назвать литературой, идущей во главѣ духовной жизни своего времени. Широкихъ задачъ она совершенно чужда, дерзаній, тѣхъ дерзаній, которыя вскорѣ придадутъ такой огромный интересъ нео-романтизму, у нея нѣтъ и слѣда.

Весьма гладко, занимательно подчасъ даже блестяще „сдѣланы“ пьесы, разсказы, повѣсти, романы *Петра Петровича* Гнѣдича. Но попробуйте подвести итоги его теперь уже почти сорокалѣтней дѣятельности и этимъ сотнямъ лицъ, выведенныхъ въ многочисленныхъ и столь „легко-читаемыхъ“ произведеніяхъ плодовитаго автора, и въ результатѣ окажется, что ни одно изъ этихъ лицъ не стало типомъ

и не удержалось въ памяти читающей публики. Пользуясь заглавіемъ одного изъ романовъ Гнѣдича и, значитъ, однимъ изъ авторскихъ его заданій, все это „китайскія тѣни", литературно-безплотныя, безслѣдно промелькнувшія.

Нѣчто талантливымъ беллетристомъ и драматургомъ былъ *Владиміръ Алексѣевичъ* Тихоновъ, въ лучшихъ своихъ разсказахъ и пьесахъ—бойкій, интересный, веселый и остроумный разсказчикъ. Но опять-таки все это писано для того, чтобы позабавить читателя и безъ всякихъ заботъ о томъ, чтобы психологически обосновать фабулу и безъ всякихъ сколько-нибудь широкихъ творческихъ задачъ.

Въ широтѣ замысла нельзя отказать другому изъ братьевъ Тихоновыхъ—*Алексѣю*, извѣстному подъ псевдонимомъ Луговой. Но этой широты хватило только на одно удачное произведеніе, почти въ самомъ началѣ литературной дѣятельности Лугового.

По нѣкоторымъ свойствамъ своего таланта, Луговой могъ бы играть извѣстную роль и въ періодъ расцвѣта нео-романтизма. Такъ, характерною особенностью творчества Лугового всегда была напряженность. Его всегда тянуло къ изысканности и эффектнымъ положеніямъ. Уже заглавія его произведеній приподняты—„Между двухъ смутныхъ идеаловъ", „Pollice verso", „Nocturne", „Альміроръ", „Возвратъ. Романъ колеблющихся настроеній" и т. д. Дѣйствующія лица говорятъ у него цитатами изъ латинскихъ и другихъ классиковъ, а подчасъ авторъ не стѣсняется вводить цѣлыя страницы изъ Шопенгауэра. Не стѣсняется онъ также цѣликомъ пересаживать на русскую почву западно-европейскіе типы. Въ деревенской глуши не только фигурируетъ у него господинъ, считающій себя доподлиннымъ Донъ-Жуаномъ, но даже его лакей знаетъ про Лепорелло и считаетъ себя прямымъ его потомкомъ. Любви къ эффектнымъ положеніямъ Луговой, однако, обязанъ и своимъ наибольшимъ литературнымъ успѣхомъ, выпавшимъ на долю его повѣсти „Pollice verso". Эти интересно задуманныя „параллели", четыре „панно", иллюстрирующихъ психологію толпы. Повѣсть начинается описаніемъ боя гладіаторовъ въ римскомъ циркѣ, гдѣ неистовая толпа, опуская палецъ внизъ (pollice verso) требуетъ отъ гладіатора-побѣдителя смерти гладіатора-побѣжденнаго. Во второмъ и третьемъ „панно" дѣйствіе переносится въ Мадридъ, на бой быковъ, затѣмъ въ Антверпенъ на дебютъ начинающаго пѣвца, которому, несмотря на заканчивающуюся смертью болѣзнь, приходится пѣть предъ публикой, сердитою на скупого антрепренера за то, что онъ медлитъ ангажементомъ знаменитаго тенора. Наконецъ, въ четвертомъ „панно" дѣйствіе происходитъ въ русскомъ провинціальномъ университетскомъ городѣ: молодой, блестяще начавшій карьеру профессоръ-хирургъ—отчасти потому, что соперникъ, старый хирургъ, подставляетъ ему ножку,—дѣлаетъ неудачную операцію: больная умираетъ, взволнованный операторъ даетъ сопернику пощечину, печать за это на него страшно накидывается, у него сразу падаетъ

практика, грозитъ удаленіе изъ университета, жена волнуется не за него, а за свою будущность, и докторъ въ концѣ-концовъ застрѣливается. Сквозь этотъ калейдоскопъ эпохъ и странъ проходитъ одна и та же хорошо схваченная черта—безпощадная жестокость, съ которою толпа, пресмыкаясь предъ побѣдителемъ, безжалостна къ побѣжденному. Картины, набросанныя авторомъ, въ значительной степени театральны и условны, но вмѣстѣ съ тѣмъ написаны ярко и колоритно.

Эта театральная условность, какъ я уже сказалъ, могла бы сблизить Лугового съ падкимъ на эффекты нео-романтизмомъ. Но и по возрасту, и по первымъ, всегда устанавливающимъ общее направленіе каждаго писателя литературнымъ впечатлѣніямъ, Луговой слишкомъ вросъ корнями своего творчества въ старую литературную почву, чтобы сколько-нибудь органически примкнуть къ новымъ теченіямъ. И если онъ, съ одной стороны, какъ и всѣ беллетристы-восьмидесятники, отошелъ отъ тенденціозности 60-хъ годовъ, то совершенно не сошелся и съ декадентствомъ и символизмомъ.

Въ литературѣ нерѣдки писатели, которыхъ можно опредѣлить какъ „авторовъ одного произведенія". Вспомнимъ хотя бы Мюрже, при имени котораго всегда является ассоціація о его „Vie de Bohème". И это совсѣмъ не такъ худо быть связаннымъ только съ однимъ произведеніемъ, если оно хорошее. Но бѣда, если авторъ имѣвшаго успѣхъ произведенія тщится во что бы то ни стало оправдать возбужденныя надежды, а силъ не хватаетъ. Тогда получается настоящая драма. И ее въ очень тяжелой формѣ, осложненной почти болѣзненнымъ самомнѣніемъ, пережилъ Луговой послѣ успѣха „Pollice verso". Вся остальная половина жизни его, обнимающая почти четверть вѣка, была глубокой трагедіей безсилія и мучительныхъ потугъ создать что-то большое и важное.

Несомнѣнно трагическою фигурою является и написавшій такъ много „юмористическихъ" разсказовъ и „веселыхъ" комедій *Иванъ Леонтьевичъ* Леонтьевъ, болѣе извѣстный подъ своимъ псевдонимомъ Ив. Щегловъ. Выступивъ въ самомъ началѣ 1880-хъ гг. въ „Отеч. Зап.", „Вѣст. Евр" и др. журналахъ очень хорошими разсказами изъ военной жизни, Щегловъ вскорѣ перешелъ къ легкой комедіи и жанру. И въ той, и въ другой области онъ имѣлъ успѣхъ. Запомнились его типы флиртующихъ курортныхъ или „курсовыхъ" дамочекъ, и прочно укрѣпился популярный до сихъ поръ еще типъ *„дачнаго мужа"*. Типъ не богъ вѣсть какой глубины, и въ значительной степени шаржированный, однако, мѣтко выхваченный изъ живой дѣйствительности. Все обѣщало Щеглову благополучное литературное бытіе, но въ 90-хъ годахъ онъ какъ-то совершенно растерялся въ водоворотѣ борьбы старыхъ и новыхъ теченій и, не примкнувъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, былъ отброшенъ въ сторону. Это его озлобило. Какъ всякое реальное чувство, озлобленіе, даже тогда, когда оно не есть священное негодованіе, подчасъ бываетъ хоро-

шимъ источникомъ литературнаго творчества. Но для этого оно должно имѣть какой-нибудь исходный пунктъ, какое-нибудь опредѣленное отношеніе, должно подходить къ вещамъ съ опредѣленными требованіями. А вотъ этой-то опредѣленности и не было совсѣмъ у Щеглова. Органически чуждо ему было „направленство", хотя онъ и началъ свою писательскую карьеру подъ покровительствомъ Плещеева и возлагавшихъ на него надежды радикальныхъ литературныхъ круговъ. Но столь же чужды были его трезвому, безхитростному творчеству туманы символизма и изломанность декадентства. Всего ближе и милѣе ему было творчество Чехова, съ которымъ его еще сближала и большая личная дружба и то, что Чеховъ очень цѣнилъ его талантъ. Но чеховская тоска, спасавшая и такъ углублявшая „юморъ" Чехова, тоже была совершенно чужда немудрящему творчеству Щеглова. И вотъ, не направляемый ни принадлежностью къ опредѣленной литературной школѣ,—что для писателей не черезчуръ сильныхъ и самобытныхъ, часто служитъ очень хорошимъ опорнымъ пунктомъ,—ни глубиною собственныхъ творческихъ настроеній, талантъ Щеглова сталъ въ 1890-хъ годахъ замѣтно вянуть и размѣниваться. Онъ или въ десятый разъ возвращался къ картинкамъ курортнаго флирта, или давалъ уже очень мелкій жанръ. А затѣмъ дѣло пошло и того хуже. Щегловъ совсѣмъ исчез[illegible] толстой журналистики и, идя по линіи наименьшаго сопротив[illegible] ребирается въ „Новое Время" и реакціонный московскій ежемѣсячникъ „Русское Обозрѣніе". По слабохарактерности своей, онъ приноравливается къ запросамъ этихъ милыхъ изданій и начинаетъ печатать вещи, которыя, при всяческой снисходительности, никакъ, все же, иначе какъ беллетристическимъ пасквилянтствомъ назвать нельзя. Пошли разные фельетоны, разсказы и цѣлые романы, гдѣ подъ прозрачнѣйшими псевдонимами были вышучены люди радикальнаго стана литературы. Щегловъ не остановился даже передъ тѣмъ, чтобы въ смѣшномъ и пошломъ видѣ выставить своего литературнаго крестнаго отца—Плещеева. Это уже было настоящимъ литературнымъ паденіемъ и создавало одіозную репутацію симпатичному и добродушному, въ основной сущности своей, „Жану", какъ его ласково титуловалъ Чеховъ. Но именно потому, что Щегловъ былъ по существу симпатичнымъ и нравственно-приличнымъ человѣкомъ, онъ и не процвѣлъ въ томъ лагерѣ, куда его затянула растерянность и слабохарактерность. Къ этому надо прибавить, что крайне непрактичный Щегловъ-Леонтьевъ на рѣдкость нелѣпо устроилъ также свои интимныя и матеріальныя дѣла. И послѣднія 10—12 лѣтъ его жизни были настоящимъ мученіемъ. Безъ денегъ, одинокій, до такой степени растерявшій литературныя связи, что ему—во всякомъ случаѣ извѣстному писателю,—чрезвычайно трудно было даже просто пристроить въ сколько-нибудь видныхъ изданіяхъ свои, правда, слабыя уже и старомодныя произведенія. Щегловъ, при встрѣчахъ съ нимъ, производилъ поистинѣ удручающее впечатлѣніе. И

только одно скрашивало эту загубленную литературную жизнь—любовныя заботы о созданіи народнаго театра и народнаго репертуара.

Безъ матеріальныхъ лишеній, но съ тѣмъ же трагическимъ сознаніемъ загубленныхъ литературныхъ возможностей, нерадостно доживалъ свой не очень долгій вѣкъ типичнѣйшій беллетристъ-восьмидесятникъ *Владиміръ Людвиговичъ* Кигнъ, извѣстный подъ псевдонимомъ Дѣдловъ. По годамъ наибольшей литературно-общественной впечатлительности, Кигнъ-Дѣдловъ былъ семидесятникъ и 20-тилѣтнимъ юношей напечаталъ въ 1876 г. свой первый, обратившій на себя вниманіе разсказъ „Экзаменъ зрѣлости". Но достаточно прочитать самое крупное по объему и очень дорогое авторскому сердцу позднѣйшее произведеніе Дѣдлова—автобіографическій романъ „Сашенька", чтобы понять, что душою авторъ ничего общаго не имѣлъ съ тѣмъ, что характеризуетъ семидесятые годы. Политическія переживанія молодежи, потребность самопожертвованія и вообще всякія общественныя стремленія и желаніе порвать съ отжившими традиціями были ему органически чужды и вызывали въ немъ смѣшокъ. Именно смѣшокъ, не негодованіе, не осужденіе, что̀—какъ всякое сильное переживаніе автора—всегда усиливаетъ художественную изобразительность и дастъ ей яркость,—а подхихикиваніе.

Въ аполитической атмосферѣ первой, самой мрачной полосы побѣдоносцевскаго безвременья Дѣдловъ-Кигнъ, и какъ бойкій фельетонистъ и критикъ перемѣнившейся „Недѣли", и какъ беллетристъ почувствовалъ себя вполнѣ въ своей тарелкѣ. Какъ критикъ и публицистъ онъ всегда возставалъ противъ всего сумрачнаго и програмно-принципіальнаго въ литературѣ. Какъ беллетристъ онъ ярко отразилъ ту странную перемѣну ролей между „отцами" и „дѣтьми", о которой мнѣ уже приходилось говорить въ первой статьѣ. Теперь тѣ изъ „отцовъ" 80-хъ годовъ, которые въ 60-хъ годахъ были „дѣтьми" и въ житейской борьбѣ не растеряли идеаловъ, высмѣиваются своими „дѣтьми"-восьмидесятниками, „трезво" относящимися къ задачамъ жизни вообще и своей благополучной житейской карьерѣ въ частности. Отецъ-идеалистъ и сынъ-практикъ становятся излюбленными типами чуткихъ къ злобѣ дня романовъ Боборыкина. Касается новыхъ отцовъ и дѣтей и Дѣдловъ. И если не остается сомнѣнія, въ какую сторону клонятся симпатіи Боборыкина, то не оставляетъ сомнѣнія и отношеніе Дѣдлова. Всѣ его симпатіи на сторонѣ безпринципныхъ дѣтей, а на долю „отцовъ" остаются шуточки, подчасъ весьма забавныя, насчетъ ихъ вѣры въ „послѣднія слова науки". Общее отношеніе къ нимъ какъ къ взрослымъ ребятамъ.

Однако однимъ *а*политизмомъ, *а*моральзмомъ и всякими другими „измами" съ приставкой *а*, т.-е. *не*, проживешь недолго и во всякомъ случаѣ читателя не потрясешь. Глубоко забирать читателя можно только тогда, когда имѣешь что-нибудь за душой завѣтное, что̀ любишь и любовью къ чему жаждешь заразить и другихъ. А у внѣшне-талантливаго Дѣдлова, да еще полнаго какого-то мелкаго

польско-нѣмецкаго шляхетскаго чванства, именно ничего за душою не было, и сказать ему было нечего. И сознавая это отсутствіе содержанія, Дѣдловъ усиленно пускается въ путешествія, бойко и занимательно описывая свои странствія по Европѣ, Востоку и отдаленнымъ русскимъ окраинамъ. Все это читалось, пока печаталось въ газетахъ и журналахъ, создавало автору въ литературныхъ кругахъ репутацію талантливаго человѣка, но совершенно не волновало. И въ общемъ, несмотря на свою безспорную даровитость, Дѣдловъ даже не попалъ въ число тѣхъ литературныхъ дѣятелей, которыхъ читающая публика считаетъ „писателями“ и которыми сколько-нибудь серьезно интересуется. Болѣзненно сознавалъ глубокоогорченный этимъ невниманіемъ Дѣдловъ, что дарованіе его безплодно растрачено и мрачно прожигалъ жизнь. Самый финалъ этой неудачной жизни—за пьяной бесѣдой въ трактирѣ его застрѣлилъ безъ всякаго серьезнаго повода пріятель—является своего рода символомъ нелѣпорастраченныхъ возможностей.

Къ числу талантливыхъ, но недостаточно одаренныхъ внутреннимъ содержаніемъ писателей слѣдуетъ причислить мало кому извѣстнаго теперь *Алексѣя Николаевича* Маслова, пишущаго подъ псевдонимомъ Бѣжецкій. Начавъ литературную дѣятельность во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. интересными газетными корреспонденціями съ театра военныхъ дѣйствій, онъ въ 1880-хъ гг. напечаталъ рядъ военныхъ разсказовъ, живыхъ и правдивыхъ, дававшихъ основаніе возлагать на дебютанта извѣстныя надежды. Послѣ войны матеріалъ для бойкихъ, веселыхъ очерковъ дало путешествіе по Испаніи и родные „медвѣжьи углы“. Но вотъ кончились внѣшніе поводы, и отсутствіе болѣе глубокихъ импульсовъ творчества, отсутствіе, какъ и у Кигна-Дѣдлова, того, что можно назвать внутреннимъ содержаніемъ, не замедлило оказать свое дѣйствіе. Просто изсякло само творчество, и безспорно талантливый Бѣжецкій за тридцать лѣтъ, прошедшихъ послѣ появленія его военныхъ разсказовъ и путевыхъ очерковъ обмолвился какими-нибудь двумя-тремя пьесами, прошедшими со среднимъ успѣхомъ, да переводами Лопе де Вега.

У князя *Дмитрія Петровича* Голицына, пишущаго подъ псевдонимомъ Муравлинъ, былъ не только внѣшній талантъ. Его дебюты обѣщали незауряднаго литературнаго дѣятеля. Уже одна плодовитость—это была плодовитость не ремесленная—обращала на себя вниманіе. Человѣку, очевидно, было что сказать. Выступивъ въ срединѣ 1880-хъ гг., молодой авторъ одинъ за однимъ издалъ отдѣльно цѣлый рядъ романовъ и повѣстей изъ жизни большого свѣта: „Убогіе и нарядные“, „Теноръ“, „Баба“, „Мракъ“, „Хворь“, „Около любви“, „Деньги“, „Князья“, „Рубли“, „Не убій“ и др. То, что мы обыкновенно соединяемъ съ представленіемъ о „великосвѣтскомъ“ романѣ, всего менѣе относится къ произведеніямъ Муравлина. Это сплошь картины вырожденія аристократическихъ родовъ. Далеко не

все въ нихъ художественно-цѣнно, многое обрисовано поверхностно и односторонне. Справедливо упрекалъ Михайловскій Муравлина въ „погребности", т.-е. въ томъ, что, хорошо изучивъ атмосферу и мракъ того нравственнаго погреба, того душнаго подземелья, въ которомъ разыгрывается дѣйствіе его романовъ, авторъ какъ-то забываетъ, что не весь же міръ является такимъ погребомъ. Есть же и сферы свѣтлыя, гдѣ дѣйствуютъ не одни только безчестные и распутные, нравственные уроды и дегенераты. Но это уже вопросъ другой, вопросъ широты захвата и типичности. Самое же изображеніе мрака той среды, которая дана въ романахъ Муравлина, и Михайловскій, и другіе критики не могли не признать сильнымъ и яркимъ. Самый замѣчательный изъ серіи „погребныхъ" романовъ Муравлина—„Баба", потрясающій разсказъ о томъ, какъ простая, некрасивая, грязная деревенская баба всецѣло, до гипноза, завладѣваетъ всѣмъ существомъ князька-вырожденца. Она не хитрая, не хищная, ничего не дѣлаетъ для того, чтобы овладѣть увлекшимся ею на почвѣ, очевидно, болѣзненной чувственности князькомъ, не цѣнитъ новаго блестящаго положенія своего. Свое превращеніе въ важную барыню она принимаетъ съ тупымъ равнодушіемъ. Но въ этой тупости есть какая-то глубокая цѣльность, и вотъ что гипнотизируетъ безвольнаго дегенерата. Тутъ, впрочемъ, не одно вырожденіе. Являясь своего рода психіатрическимъ скорбнымъ листомъ, „Баба" имѣетъ и общепсихологическое значеніе для характеристики всякаго вообще безволія при столкновеніи его съ настоящею силою, какого бы она свойства ни была. По впечатлѣнію на читателя, „Баба", въ лучшихъ своихъ частяхъ, вещь страшная, „школы Достоевскаго"—родъ литературы, подвизаться на которомъ даже съ самымъ скромнымъ успѣхомъ надо имѣть дарованіе серьезное. Однако серьезныя ожиданія, которыя возбудила серія первыхъ романовъ Муравлина быстро пошли на смарку. Съ 1890-хъ гг. въ дѣятельности его происходитъ рѣзкій переломъ. Его, прямо должно сказать, загубила политика дурного сорта. Выступивъ подъ патронажемъ Михайлова-Шеллера, Муравлинъ теперь круто уклоняется вправо, дѣлаетъ министерскую карьеру, становится воинствующимъ націоналистомъ и въ наши дни является однимъ изъ самыхъ реакціонныхъ сановниковъ. Невмѣстно стало ему изображать „мракъ" аристократическаго вырожденія, и онъ пишетъ совсѣмъ не свойственные его пессимистическому дарованію кисло-сладкія сказки и фееріи въ мнимо-„славянскомъ" стилѣ оперныхъ постановокъ. Изрѣдка касается Муравлинъ и современности, современныхъ политическихъ дѣятелей и явленій, но уже столь тенденціозно, что не возбуждаетъ никакого интереса, и его произведенія послѣднихъ 15—20 лѣтъ мало кому извѣстны даже по заглавіямъ. А за дальностью эпохи первыхъ дебютовъ имя Муравлина вообще большой публикѣ почти не извѣстно.

Къ числу весьма немногихъ беллетристовъ-восьмидесятниковъ, еще не вышедшихъ изъ литературнаго обихода, принадлежитъ

Алексѣй Николаевичъ Будищевъ. Писатель, не зарывшій своего дарованія въ землю, много и не ремесленно пишущій вплоть до нашихъ дней, но все же не развившій всѣхъ задатковъ, въ него заложенныхъ, не чувствующій самъ, что въ его творческихъ настроеніяхъ сильно и что слабо, Будищевъ лишенъ того, что можно назвать художественнымъ міросозерцаніемъ или міроотношеніемъ. Фатальное вліяніе на художественную цѣнность разсказовъ и романовъ его оказало тяготѣніе къ уголовщинѣ, безъ которой не обходится почти ни одно изъ произведеній Будищева. Чрезмѣрное для вѣрной картины русской жизни мѣсто занимаетъ также въ его произведеніяхъ адюльтеръ и ревность. „Пробужденіе совѣсти" для Будищева возникаетъ только въ связи съ представленіемъ о преступленіи. А столь характерное для русской общественности „пробужденіе совѣсти" болѣе чуткаго свойства совершенно ускользнуло отъ вниманія его, и тотъ, кто хотѣлъ бы ознакомиться съ русскою жизнью конца XIX вѣка по Будищеву, пришелъ бы къ странному заключенію, что, кромѣ всякаго рода хищниковъ въ прямомъ смыслѣ этого слова, ничего не было тогда. Народная жизнь тоже очень односторонне взята у Будищева, большею частью со стороны дикой тьмы невѣжества, въ ней царящей. Въ общемъ, погоня за внѣшнимъ эффектомъ ослабила у Будищева разработку эффектовъ болѣе тонкихъ.

Все сказанное сейчасъ относится къ болѣе крупнымъ по объему произведеніямъ Будищева — повѣстямъ и романамъ. Настоящее же призваніе его—литературная миніатюра. Небольшіе разсказики его и въ частности тѣ, которые вошли въ лучшій его сборникъ—„Разныя понятія" (Спб., 1901 г.), написаны очень колоритно, сочнымъ языкомъ, съ блестками настоящаго юмора, съ умѣньемъ на небольшомъ пространствѣ газетнаго фельетона ярко обрисовать положеніе и цѣлый типъ. Будищевъ тонко чувствуетъ природу, любитъ лѣсъ, степь, и бѣглыми, но рѣзко очерченными штрихами умѣетъ передать свои настроенія читателю. И въ общемъ, въ ряду представителей созданнаго Чеховымъ небольшого разсказа, Будищевъ по художественнымъ ресурсамъ своимъ долженъ былъ бы занять первое послѣ Чехова мѣсто. Онъ не занялъ, однако, такого соотвѣтствующаго его природнымъ дарованіямъ мѣста, потому что, повторяю еще разъ, лишенъ того, что должно назвать художественнымъ міросозерцаніемъ—у него нѣтъ опредѣленнаго взгляда на жизнь. Съ талантомъ подмѣчая и воспроизводя отдѣльныя черточки дѣйствительности, Будищевъ не только не даетъ совокупностью своихъ произведеній общаго освѣщенія русской жизни, но даже въ каждомъ отдѣльномъ разсказѣ не выдерживаетъ типичности и быстро сбивается на анекдотъ. И въ этомъ нельзя не усмотрѣть самой тѣсной связи съ безвременьемъ 80-хъ годовъ. Если Чеховъ выскочилъ изъ мѣшка, то потому, что его подняло надъ ничтожествомъ эпохи и ея разбродомъ тоска и огромный талантъ. Но таланты средніе, которые всегда очень нуждаются въ руководящихъ

началахъ и опредѣленной точкѣ зрѣнія, въ этомъ душномъ подземельи завяли и размѣнялись на мелочи.

Изъ женщинъ-писательницъ, выступившихъ въ 80-хъ и самомъ началѣ 90-хъ годовъ, наиболѣе надеждъ по природнымъ задаткамъ и уму подавала *Лидія Ивановна* Веселитская, извѣстная подъ псевдонимомъ Микуличъ и еще болѣе подъ именемъ „автора *Мимочки*“. Она выступила въ 1883 г. въ „Вѣст. Европы“ повѣстью „Мимочка-невѣста“, которая прошла незамѣченной. Но появившееся восемь лѣтъ спустя (1891 г.) въ томъ же „Вѣст. Евр.“ продолженіе повѣсти—„Мимочка на водахъ“ обратило на себя всеобщее вниманіе и создало автору репутацію одной изъ наиболѣе талантливыхъ современныхъ писательницъ. Менѣе понравилась третья часть трилогіи о Мимочкѣ,—„Мимочка отравилась“ (1893 г.), хотя и она написана съ присущимъ автору тонкимъ юморомъ и полна мѣткихъ наблюденій надъ свѣтской жизнью (особенно хороша мамаша Мимочки). Въ лицѣ героини всѣхъ трехъ повѣстей, хорошенькой Мимочки, Микуличъ создала чрезвычайно жизненный типъ дѣвушки и женщины того слоя свѣтскаго общества, который стоитъ на рубежѣ между истинно-великосвѣтскимъ обществомъ—богатымъ, знатнымъ, не знающимъ препятствій въ исполненіи своихъ прихотей и желаній—и людьми, которымъ трудно достается желаніе стать на одну доску съ привилегированными баловнями судьбы. Сама Мимочка тоже существо промежуточное, не злое и не доброе, живущее, по опредѣленію автора, просто „т а к ъ“ и органически-неспособное чувствовать что-нибудь ярко и самостоятельно. Подвернулся ловкій и красивый гвардеецъ—она въ него слегка влюбилась, охотно стала его невѣстой; разстроилась свадьба—она съ такою же легкостью утѣшилась, а когда подвернулась другая „партія“, въ лицѣ стараго и безобразнаго генерала Спиридона Ивановича, она была вполнѣ счастлива отъ перспективы зажить богато и беззаботно. Нѣсколько лѣтъ она была вѣрна своему мужу, но проснулись инстинкты—и Мимочка провела курортный романъ съ опытностью записной кокетки, чѣмъ она отнюдь не была, и спрятала концы въ воду не только наружно, но и внутренно: когда Мимочка вернулась домой, отъ романа осталось въ душѣ только пріятное, но отдаленное воспоминаніе. Третій эпизодъ—„Мимочка отравилась“—нарушаетъ цѣльность типа: хотя трагикомедія и разыгрывается въ тотъ критическій для женщины возрастъ, когда и въ Мимочкахъ просыпается стремленіе къ яркому и необыкновенному, но все-таки въ любви ея къ французу, гувернеру ея сына, мало правдоподобія. Этотъ строгій республиканецъ—человѣкъ совсѣмъ не тѣхъ качествъ, которыми прельщаются Мимочки. Еще меньше правдоподобія въ томъ, что Мимочка въ своемъ dépit amoureux отравилась, и хорошо только то, что отравилась она лишь „такъ“, не настоящимъ образомъ, и осталась жива. „Мимочка“, сразу давшая Мику-

личъ серьезную извѣстность въ 90-хъ годахъ, была, однако, и кульминаціоннымъ пунктомъ ея литературной карьеры. Появившаяся въ 1894 г. большая повѣсть „Зарницы“ не давала законченныхъ типовъ и совершенно ненужнымъ образомъ растянута разными эпизодами изъ путешествія по Европѣ; но начало превосходно: картины южнорусской природы, поѣздка дѣвушекъ къ тетѣ и ихъ разговоры о будущемъ написаны съ изящной мягкостью и артистичностью. Послѣ „Зарницъ“ Микуличъ почти замолкаетъ. Двѣ-три повѣсти, изъ которыхъ слѣдуетъ назвать „Въ Венеціи“ и „Черемуху“, кое-какія воспоминанія въ „Истор. Вѣст.“, нѣсколько небольшихъ разсказовъ въ „Новомъ Времени“—вотъ и все, что сдѣлано за 20 лѣтъ. Очевидно, дѣйствовалъ угнетающе на творческое настроеніе „нажимъ“, какъ говорятъ теперь военные обозрѣватели, новыхъ теченій, съ ихъ крикливой новизной, совершенно иными сюжетами, совершенно инымъ языкомъ и новыми формами. Читатель явно тяготѣлъ къ этимъ новымъ формамъ и не было охоты говорить передъ равнодушной къ старой литературной манерѣ аудиторіею.

Въ старой манерѣ писала и *Марія Всеволодовна* Крестовская, выступившая въ печати и литературно созрѣвшая въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ, когда только пошатнулась односторонность тенденціозной литературы, а новая литературная манера еще не обозначилась. Талантъ у Крестовской былъ настоящій, у нея была „выдумка“ способность къ чистому творчеству. Но основа ея разсказовъ и повѣстей—все же въ значительной степени была автобіографическая, а эта опора довольно предательская. Автобіографично, конечно, въ достаточной мѣрѣ, творчество самыхъ крупныхъ писателей, Толстого и Достоевскаго не исключая. Но крупные таланты умѣютъ во-время удержать себя и не переходить границы, отдѣляющей типичное отъ индивидуальнаго. Крестовская, какъ талантъ средней руки, въ меньшей степени владѣла этимъ искусствомъ, и сюжеты ея разсказовъ по преимуществу были посвящены лично-пережитымъ „раннимъ грозамъ“ и артистическимъ треволненіямъ. Писала Крестовская искренно, безъ ходульности и въ общемъ встрѣтила привѣтъ и у публики, и у критики. Но центральнаго типа, въ родѣ Мимочки, неразрывно связаннаго съ представленіемъ о Микуличъ, или какого-нибудь общаго основного настроенія ея творчества съ исчезающей памятью о Крестовской не связано

Не связано ничего опредѣленнаго и съ почти совсѣмъ забытымъ именемъ *Александры Александровны* Виницкой, дебюты которой, нѣкогда, въ самомъ началѣ 80-хъ гг., по талантливости разсказа возбуждали надежды. Помимо этой талантливости разсказа, писанія Виницкой не представляютъ собою ничего сплошнаго чѣмъ-нибудь центральнымъ, какимъ-нибудь общимъ настроеніемъ, излюбленнымъ типомъ и т. д. Все отдѣльные случаи, отдѣльныя положенія, отдѣльныя фигуры. По возрасту — она родилась въ 1847 г. — и по первымъ, опредѣляющемъ писательскій путь, литературнымъ впечатлѣ-

ніямъ (она очень картинно описывала, какъ увлекалась Тургеневымъ почти тогда, когда появились его великія произведенія), Виницкая должна быть отнесена къ поколѣнію 70-хъ гг. или даже 60-хъ гг. Но съ тѣмъ, что составляетъ основу психологіи 60-хъ и 70-хъ гг., Виницкая ничего общаго не имѣетъ. И всего правильнѣе можно отнести ее къ 80-мъ годамъ и началу 90-хъ годовъ, не только потому, что именно въ эти годы она выступила на литературное поприще усердной сотрудницей и „Вѣст. Евр.“, и „Сѣв. Вѣст.“ и „Новаго Времени“, но и потому, что писанія ея вполнѣ были въ духѣ этой чуждой общественности эпохи. Когда въ самомъ крупномъ по объему произведеніи своемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ самомъ неудачномъ и даже прямо нелѣпомъ—въ романѣ „Полѣновы и Ярославцевы“, она попыталась коснуться молодежи, женскаго движенія и другихъ вопросовъ, такъ или иначе связанныхъ съ „политикой“, то получилось нѣчто крайне несуразное. Извѣстная несерьезность, впрочемъ, вообще присуща писаніямъ Виницкой, которая, съ періодами большаго и меньшаго обостренія, сама была человѣкомъ не всегда нормальнымъ.

Микуличъ, Крестовская, Виницкая составляютъ ту группу писательницъ-восьмидесятницъ, которыя совершенно чужды общественности. Про другихъ этого сказать нельзя, въ особенности про тѣхъ, которыя по возрасту и первымъ литературнымъ впечатлѣніямъ могутъ быть до извѣстной степени быть причисленными и къ поколѣнію 70-хъ годовъ. Такъ, *Елена Ивановна* Бларамбергъ (пишущая подъ псевдонимомъ Ардова, также подъ фамиліей мужа—Е. Апрѣлева), задаваясь большею частью отдѣльными мелкими случаями и положеніями, иной разъ стремится дать и болѣе широкія картины и отразить цѣлыя полосы общественной психологіи. Но въ обработкѣ темъ этого рода, помимо основного недостатка писательницы—отсутствія способности рисовать отчетливо и аргументировать сколько-нибудь убѣдительно, опредѣленно сказалась и смутность общаго сѣраго настроенія 80-хъ годовъ, когда все какъ-то было ни то, ни се.

Замѣтно были окрашены общественностью первыя выступленія *Ольги Андреевны* Шапиръ въ „Отеч. Запискахъ“ начала 80-хъ годовъ. Это, однако, совсѣмъ не шло на пользу писательницѣ, потому что тутъ было гораздо больше выспренности, чѣмъ настоящаго, органическаго интереса къ общественности. Творческія настроенія Шапиръ явно тяготѣютъ въ другую сторону, и наиболѣе удачны тѣ ея произведенія, въ которыхъ она разрабатываетъ вопросы и положенія, связанныя съ проблемою любви и семейственности. Излюбленные сюжеты ея: борьба эгоизмовъ, прикрывающихся принципомъ семейственности, „бабье лѣто“—драма запоздалой любви пожилой женщины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „раннія грозы“ молодой любви. Лучше всего Шапиръ удавались небольшіе разсказы—„Кандидатъ Куратовъ“, „Раннія грозы“ и др., и гораздо меньше удавались большіе романы, которымъ особенно мѣшала витіеватость діалоговъ и описанія чувствъ

превыспренныхъ героинь. Написанныя съ талантомъ, любовныя эпопеи Шапиръ создали ей положеніе одной изъ очень извѣстныхъ писательницъ 80-хъ гг., но литературная манера ея вся была въ прошломъ, и потому періодъ торжества „новыхъ теченій" убивалъ охоту выступать съ новыми произведеніями на старые мотивы.

Нѣкоторою извѣстностью пользовалась въ 80-хъ и началѣ 1890-хъ гг. *Юлія Ивановна* Яковлева, писавшая подъ псевдонимомъ Юлія Безродная. У нея не было своей излюбленной области изображенія, она писала и жанровыя картинки, и сказки на индійскія темы, изображала и жизнь верховъ петербургскихъ литературно-артистическихъ круговъ и захолустную скуку медвѣжьихъ угловъ. При скромности дарованія, эта пестрота мѣшала читателю вынести сколько-нибудь опредѣленное впечатлѣніе изъ главнаго сборника ея разсказовъ, по сухости манеры оправдывающаго свое довольно претенціозное заглавіе—„Офорты".

Александру Станиславовну Монтвидъ-Шабельскую, родившуюся въ 1845 .., только потому нужно подвести подъ рубрику беллетристовъ 80-хъ годовъ, что именно въ эти годы и въ началѣ 90-хъ гг. она написала нѣсколько романовъ и длинный рядъ разсказовъ и очерковъ. Кромѣ злободневнаго романа (кіевскіе муниципальные выборы), которымъ Шабельская дебютировала на рубежѣ 1870-хъ и 1880-хъ годовъ, всѣ остальныя произведенія ея чужды связи съ текущей жизнью и либо ретроспективно описываютъ эпоху крѣпостного права и пробужденіе протеста противъ него, либо внѣ всякихъ схемъ и программъ набрасываютъ картины народной жизни. Романы Шабельской растянуты и интереса не представляютъ, но „Наброски углемъ" даютъ рядъ живо и талантливо зарисованныхъ народныхъ типовъ.

Недостаточно замѣчена была большою публикою въ свое время, недостаточно замѣчается и теперь вдумчивая литературная работа *Екатерины Павловны* Лѣтковой-Султановой. А между тѣмъ блестки настоящаго таланта, чувство природы, хорошее усвоеніе народной рѣчи, отчетливый, совсѣмъ не „женскій" рисунокъ и тонкій общественно-психологическій анализъ отводятъ ей видное мѣсто среди писательницъ, выступившихъ въ 80-хъ годахъ. Лѣткова всего тѣснѣе примыкаетъ къ „Рус. Богатству"; вышедшее въ 1897 г. собраніе ея разсказовъ вызвало большую сочувственную статью Михайловскаго и, однако, она всего менѣе принадлежитъ къ прямолинейному народничеству. Въ гораздо большей степени она—лѣтописецъ эпохи промежуточныхъ, чеховскихъ настроеній и нытиковъ, отъ одного берега отставшихъ, а къ другимъ не приставшихъ. Наиболѣе обратившее на себя вниманіе произведеніе Лѣтковой—„Мертвая зыбь"—посвящена психологіи чуткой женщины, выросшей въ традиціяхъ дѣятельнаго народничества, но захватываемой волною самодовлѣющаго индивидуализма; она глубоко чтитъ святость борьбы за общее благо, но въ ней, вмѣстѣ съ тѣмъ, властно

просыпается „жажда личнаго счастья, жажда ласкъ, красоты, нѣги". Отсюда изломанность и разладъ. Среда, ее воспитавшая, не отрицаетъ факта крушенія своихъ надеждъ. Мать-шестидесятница говоритъ заколебавшейся дочери: „ты застала насъ въ періодъ банкротства, когда наши идеи, наши стремленія разбивались о равнодушіе или холопство, съ одной стороны, и о насиліе—съ другой". Дочь мало умиляетъ эта ссылка на „антрактъ общественной жизни Россіи" и безъ всякой нѣжности относится она къ полосѣ, когда, по ея вѣрному опредѣленію, „благородное возмущеніе и безсильное негодованіе" было характеристичнымъ свойствомъ даже лучшихъ представителей эпохи. И вотъ получилась неразрѣшимая дилемма: съ одной стороны, „такъ стыдно жить", а жить по иному не хватаетъ душевной энергіи у безсильныхъ людей безвременья. Жизнь высшихъ слоевъ общества Лѣткова рисуетъ въ крайне непривлекательныхъ краскахъ. Это какое-то сплошное царство узаконенной лжи и никого не обманывающаго притворства. Но немного утѣшенія даютъ Лѣтковой и наблюденія надъ народной жизнью. Въ простыхъ людяхъ она съ тѣмъ постоянствомъ вниманія, которое уже становится чертой не однихъ изображаемыхъ лицъ, но и самого автора, тоже слѣдитъ за перемѣшиваніемъ альтруизма и эгоизма, твердости и расплывчивости, жизнерадостности и гнетущаго чувства одиночества. Одинокими Лѣткова интересуется особенно, и это такъ понятно въ эпоху, когда ни въ чемъ, кромѣ личныхъ интересовъ—почвы естественной, но всегда зыбкой—нельзя было найти что-нибудь отвлекающее отъ самого себя. Другой мотивъ, тоже облюбованный Лѣтковой, мотивъ типично-чеховскій, угрюмый и безнадежно-пессимистическій—трагедія засасыванія житейской тиной. Въ одномъ изъ лучшихъ разсказовъ Лѣтковой „Мухи", жизнь приравнивается къ той липкой массѣ, которая не сразу убиваетъ и отравляетъ прилипшую муху, а создаетъ какую-то иллюзію возможности высвободиться изъ клещей грязной смерти. Попавшаяся муха дѣлаетъ отчаянныя усилія вырваться и только послѣ долгой и безплодной борьбы падаетъ, смертельно обезсиленная. Такъ и человѣкъ. „Вся разница въ томъ кто въ чемъ и какъ увязнетъ: одинъ въ страсти, другой въ честолюбіи, третій въ погонѣ за пропитаніемъ. И бьется и мучается, а конецъ у всѣхъ одинъ—мушиный".

Настоящее исключеніе изъ общаго настроенія писателей и писательницъ, хронологически неразрывно связанныхъ съ 80-ми годами, представляетъ собою бодрость талантливой *Валентины Іововны* Дмитріевой. Это находится въ явной зависимости отъ того, что жизнь ея прошла не въ центрахъ, слишкомъ нервныхъ, слишкомъ чувствительныхъ ко всякого рода колебаніямъ литературно-общественной атмосферы, а въ провинціи, которая цѣльнѣе въ своихъ настроеніяхъ и не такъ быстро сдаетъ позиціи. Въ провинціи и въ мрачную годину 80-хъ годовъ связь съ традиціями 60-хъ и 70-хъ годовъ, несомнѣнно ослабѣвъ, все же сохранилась въ болѣе значительной

степени, чѣмъ въ центрахъ. И это своего рода провинціальная старомодность выгодно отразилась на писательствѣ Дмитріевой тѣмъ, что дала опору въ общемъ оптимистическому міроотношенію ея. Много посвятивъ вниманія изображенію настроеній народолюбивой интеллигенціи, Дмитріева значительную часть своей литературной дѣятельности посвятила также изображенію народной жизни. Она провела это изображеніе въ тонахъ мажорныхъ. Отношеніе Дмитріевой къ народу въ общемъ примыкаетъ къ идеализирующему народничеству, но съ однимъ весьма характернымъ оттѣнкомъ. Сама дочь народа, Дмитріева, естественно, его любитъ по иному, не такъ какъ народолюбцы-интеллигенты, и если его идеализируетъ, то просто изъ любви къ родному быту, а не книжно-надуманно. Это сообщаетъ даже ея идеализированнымъ типамъ несомнѣнную жизненность.

XI.

Публицистика 80-хъ годовъ.

На публицистикѣ 80-хъ годовъ, конечно, въ еще бо́льшей степени должно было сказаться безвременье, въ корнѣ убивавшее всякія активныя настроенія. Отсутствіе активности вело и къ дряблому примиренчеству, и къ нарожденію лукаваго оппортунизма и, наконецъ, выразилось въ общемъ сдвигѣ публицистической мысли въ сторону очень приниженныхъ требованій.

Нельзя, считать просто хронологическимъ фактомъ, что именно въ первое, самое унылое и сѣрое десятилѣтіе побѣдоносцевскаго періода народилось т о л с т о в с т в о. Подъ „толстовствомъ“ отнюдь не слѣдуетъ, конечно, понимать всю совокупность теоретической мысли Толстого. Надо различать въ ней двѣ стороны, безконечно неровныя по своему историческому значенію. Если Толстой сталъ выразителемъ совѣсти вѣка, то только въ к р и т и ч е с к о й части своего міровоззрѣнія. Историческая роль Толстого въ томъ, что онъ съ неслыханною силою напалъ на внѣшне-понимаемую церковь и полицейское государство съ той стороны, съ которой клерикально-деспотическій строй считалъ себя въ совершенной безопасности—съ точки зрѣнія искренно понятой евангельской заповѣди. По существу, въ критикѣ Толстого нѣтъ ни одной черты, которая съ такою же силою не была бы указана радикальною мыслью. Но радикальная мысль исходила изъ основаній скептически-позитивныхъ, чуждыхъ среднему, мирному обывателю, и потому широкихъ массъ не затрагивала. Толстой же великъ тѣмъ, что внесъ броженіе и разрушительную критику отживающихъ вѣрованій и понятій въ такіе слои, которые до него никакими „проклятыми“ вопросами не занимались.

Но эта разрушительная работа Толстого, подкопавшая все зданіе стараго, показного благочестія и эксплоатаціи народнаго

труда, стала яркой и опредѣленной гораздо позднѣе—въ 1890-хъ годахъ, когда Толстой поставилъ всѣ точки надъ і. До бѣлаго каленія Толстой довелъ тѣхъ, въ кого мѣтилъ, только въ 90-хъ годахъ. Къ 80-мъ же годамъ относится самая гнилая часть ученія Толстого—рабская теорія „непротивленія злу". Подъ „толстовствомъ" въ тѣсномъ смыслѣ понимается дряблое сектантство, захватившее въ 80-хъ годахъ часть чуткихъ элементовъ молодежи и выразившееся въ какомъ-то, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, оперсточномъ мужиковствованіи. Великій лозунгъ 70-хъ годовъ „въ народъ" былъ воспринятъ „толстовствомъ" какъ форма личнаго самоусовершенствованія. Хожденіе „въ народъ" проявляется теперь какимъ-то маскарднымъ превращеніемъ въ мужиковъ по внѣшнему облику, безъ всякой протестующей подкладки. „Опрощиваются" теперь не съ тѣмъ, чтобы направить народъ на путь культурнаго развитія и сознанія своей личности, а, напротивъ того, чтобы отряхнуть отъ собственныхъ ногъ пыль цивилизаціи и зажить жизнью первобытной близости къ природѣ. И вотъ этотъ-то отказъ отъ всего, что столь недавно было такъ дорого и свято и заставляетъ меня усматривать нѣчто вполнѣ органическое въ томъ, что рабская теорія „непротивленія злу" и не менѣе рабская, наивная теорія самоусовершенствованія, какъ панацеи противъ несовершенствъ соціальнаго строя, именно въ 80-хъ годахъ нашли такой громкій откликъ. Позднѣе, вѣдь, „толстовство", какъ крупное движеніе совсѣмъ захирѣло. Много всякихъ теорій выдвинулъ Толстой въ своихъ великихъ и лихорадочныхъ поискахъ за смысломъ жизни, и въ разныя эпохи разныя стороны его міровоззрѣнія получали разное значеніе. Въ 1904—905 гг., напр., интересъ къ толстовской проповѣди лѣченія общественныхъ язвъ собственною добродѣтелью почти исчезъ, и на время къ голосу великаго писателя русской земли никто не прислушивался. Это показываетъ, что и самый великій человѣкъ вліяетъ лишь постольку, поскольку онъ отражаетъ духъ и потребности времени. Вотъ почему и успѣхъ безкрылой теоріи „непротивленія злу" былъ яркимъ показателемъ того пораженія, которое только что потерпѣло *активное* „противленіе злу".

Несравненно болѣе мелкимъ, но все-таки характернымъ выраженіемъ безвременья 80-хъ гг. была и теорія „малыхъ дѣлъ". Она называется иной разъ также „абрамовщиной", по имени публициста *Якова Васильевича* Абрамова (1858—1906), на страницахъ не только теперь присмирѣвшей, а ставшей своего рода подготовительной школой для „Новаго Времени" „Недѣли" старавшагося доказывать, что въ эпохи, когда исчезаютъ широкія задачи, можно удовлетвориться скромною дѣятельностью въ роли народныхъ учителей, докторовъ, земцевъ и т. п. Сама по себѣ эта теорія не заслуживала вниманія и по второстепенному литературному значенію ея проповѣдника, и по явной маниловщинѣ своей. Но Абрамовъ перешелъ въ „Недѣлю" изъ „Отечеств. Записокъ" и причислялъ себя

къ радикальному народничеству, и вотъ почему такой первенствующій публицистъ, какъ Шелгуновъ, счелъ своею обязанностью повести на страницахъ „Рус. Мысли" упорную и ожесточенную войну съ этой оппортюнистской пошлостью, усыплявшей настоящую общественную бодрость. Печальнымъ оппортюнизмомъ была и метаморфоза міросозерцанія другого столпа „Недѣли"—недавняго революціонера *Іосифа Ивановича* Каблица-Юзова (1848—93), одного изъ создателей той фракціи „народничества" семидесятыхъ годовъ, которая полагала, что интеллигенція, искренно заботящаяся о благѣ народа, должна поступиться своими спеціально-интеллигентскими идеалами и стремиться къ созданію строя, согласнаго съ идеалами самого народа. Но въ 70-хъ годахъ Юзовъ видѣлъ воплощеніе „идеаловъ народа" исключительно въ раціоналистическомъ сектантствѣ, общинномъ землевладѣніи и, конечно, свободѣ отъ бюрократической „опеки",чтобы выразиться мягко. А теперь онъ, и самъ поступивъ на государственную службу, вполнѣ примирился съ основами государственности 80-хъ годовъ и весь пылъ своей полемики направилъ противъ „либеральныхъ будочниковъ", каковыми для него по преимуществу были Михайловскій и Пыпинъ. Что и говорить—въ нихъ-то и было все зло, мѣшавшее торжеству истинно „народныхъ" началъ!

Всеобщимъ унынісмъ и дряблостью не замедлили воспользоваться спекулянты на низменные инстинкты толпы. На этотъ разъ на помощь имъ подоспѣли элементы, до того не игравшіе роли въ русской жизни. Въ дореформенной Россіи и довольно долго въ Россіи послѣреформенной, рѣшающее значеніе въ ходѣ общественной жизни имѣлъ только небольшой контингентъ высшихъ классовъ. И консерватизмъ, и радикализмъ одинаково были дворянскими настроеніями. Въ 60-хъ годахъ пришелъ „разночинецъ", но и онъ быстро усвоилъ себѣ обликъ и психологію правящаго интеллигентнаго класса. Теперь это мѣняется, и первое, самое страшное десятилѣтіе побѣдоносцевскаго періода ознаменовано тѣмъ, что на арену общественной жизни впервые съ рѣшающимъ значеніемъ выступилъ тотъ слой, который Щедринъ назвалъ „улицей". Медленный, но прочный ростъ промышленности и нарожденіе мелкой буржуазіи на первыхъ порахъ создаетъ обширный, культурный только по внѣшности, контингентъ людей, еле начинающихъ мыслить и читать. Эти люди на первыхъ ступеняхъ образованія могутъ понимать только показное и внѣшнее, а въ сферѣ житейскихъ вкусовъ смакуютъ удовольствія только низменныя и пошлыя. Вотъ почему квасной патріотизмъ, пресмыкательство предъ властью и просто потаканіе пошлымъ инстинктамъ всегда находятъ въ нихъ прочную опору для борьбы съ элементами передовыми и ищущими серьезной умственной пищи. Отсюда—небывалый расцвѣтъ въ 80-хъ годахъ „мелкой" и шовинистской прессы. Мелкая пресса развращала своихъ читателей порнографіей, шантажными пасквилями, сенсаціонно-кровавою уголовщи-

ною и подогрѣваніемъ всякаго суевѣрія, начиная со спиритизма и кончая „чудесами“ Іоанна Кронштадтскаго.

Но несравненно болѣе разлагающее вліяніе, чѣмъ „мелкая пресса“, оказывала „большая“ шовинистическая, рептильная пресса, потому что, по условіямъ времени, она оказалась во главѣ печати. Вся петербургская оппозиціонная печать была либо совсѣмъ уничтожена, либо обезличена до того, что не пользовалась никакимъ авторитетомъ. Ужъ на что умѣренъ былъ буржуазно-либеральный „Голосъ“, прямо заявившій въ 1878 г., что революціонеры недостойны веревки, на которой ихъ повѣсятъ. И все-таки „Голосу“ пришлось прекратить свое существованіе (1883) тотчасъ же послѣ вторичнаго воцаренія злобно-мстительнаго Дмитрія Толстого: онъ отплатилъ Краевскому уничтоженіемъ милліоннаго предпріятія за то, что „Голосъ“ увольненіе Толстого (при Лорисъ-Меликовѣ въ 1880 г.) назвалъ „величайшею реформою“ Александра II. Еще раньше вынужденно по существу, хотя и „добровольно“ по формѣ, прекратился и „Порядокъ“ Стасюлевича въ 1882 г. Стремившіяся занять мѣсто „Голоса“ и „Порядка“ „Новости“ мало подходившаго къ роли создателя большой политической газеты **О. К. Нотовича** были и слишкомъ робки и порою прямо пошловаты. И почти безраздѣльно завладѣло большой публикой 80-хъ годовъ „Новое Время“. Съ насильственнымъ прекращеніемъ „Порядка“ и „Голоса“ и при маломъ авторитетѣ „Новостей“, мелкота которыхъ была главнымъ условіемъ того, что имъ было разрѣшено влачить свое вялое и тусклое существованіе, почти монопольное „Новое Время“ было единственнымъ, имѣвшимъ политическое значеніе, органомъ петербургской печати побѣдоносцевскаго періода. И ни въ чемъ ужасъ и глубокое разложеніе побѣдоносцевскаго періода не выразились такъ ярко, какъ въ расцвѣтѣ „Новаго Времени“. Всего менѣе страшно было „Новое Время“ тѣмъ, что оно было отраженіемъ самой гибельной изъ всѣхъ русскихъ реакцій, доведшей Россію до безпримѣрныхъ бѣдствій. „Москов. Вѣд.“ были несравненно реакціоннѣе, но это было прямолинейное, грубое, чисто-полицейское отношеніе къ вещамъ, безъ малѣйшаго желанія привлечь на свою сторону. Пресмыкательство же „Новаго Времени“ было глубоко-тлетворно тѣмъ, что велось съ тонкимъ пониманіемъ психологіи средняго читателя. „Полемика“ и „борьба“ „Москов. Вѣд.“ съ „вредными“ идеями вся сводилась къ жандармскимъ окрикамъ: „уничтожить“, „сократить“, „посадить въ тюрьму“, „сослать“, „разстрѣлять“. Подобнаго рода „полемика“ не только не унижала и не противодѣйствовала, а, напротивъ того, создавала ореолъ. „Новое Время“ этой психологической ошибки не дѣлало, и тактика его заключалась въ глумленіи, въ томъ, что оно тѣ идеи и тѣхъ дѣятелей, на которыхъ нападало, вываливало въ грязи. Такого издѣвательства надъ личностями, движеніями, идеями, народностями никогда еще въ русской печати не было. Въ это глумленіе было вложено, увы, много таланта и много журнальной сноровки, а также знанія того круга идей, съ которымъ, угождая

реакціи, „Новое Время“ повело ожесточенную войну. По самому недавнему прошлому своему, почти всѣ дѣятели газеты были выходцы изъ оппозиціоннаго лагеря. И на этомъ, какъ на характерномъ образчикѣ, стоитъ нѣсколько остановиться, хотя и приходится забѣгать впередъ. Кто, какъ относящіеся къ поколѣнію 60-хъ и 70-хъ гг. главари газеты—Суворинъ и Буренинъ состояли въ умѣренныхъ либералахъ; кто, какъ постепенно переселявшіеся въ „Новое Время“ сотрудники „Недѣли“ — въ толстовцахъ и народникахъ; а кто и въ эмигрантахъ и даже активныхъ революціонерахъ, какъ пресловутые корреспонденты Яковлевъ-Павловскій и Молчановъ и особенно Дьяковъ-Незлобинъ, съ захлебывающейся злобой накидывавшійся на все, что отзывалось воспоминаніями о собственной молодости. Специфическое воздѣйствіе общаго духа „Новаго Времени“ на переходившихъ въ него изъ другого лагеря сотрудниковъ можетъ быть съ особенною доказательностью прослѣжено на примкнувшемъ къ нему уже значительно позже—въ самомъ концѣ побѣдоносцевскаго періода—*Михаилѣ Осиповичѣ* Меньшиковѣ.

Печально-характерна чудовищная метаморфоза, произошедшая съ этимъ замѣчательно-талантливымъ писателемъ. Сколько симпатій привлекъ онъ къ себѣ, когда въ началѣ 90-хъ гг. выступилъ въ „Недѣлѣ“ съ рядомъ блестящихъ статей, въ общемъ отражавшихъ лучшія стороны ученія Толстого. Вопросамъ государственнаго благоустройства онъ отводилъ тогда вполнѣ второстепенное значеніе. Счастіе достижимо только тогда, когда человѣкъ, ведя простой образъ жизни, по возможности у земли, и стремясь къ самоусовершенствованію, познаетъ главную задачу жизни—великій завѣтъ любить ближняго. Любовь—единственное животворящее и зиждущее начало даже въ неорганической природѣ, въ которой организующую роль играютъ не катаклизмы и перевороты, а взаимное притяженіе атомовъ. Изъ вопросовъ государственной жизни Меньшиковъ живо интересовался только вѣротерпимостью и народнымъ образованіемъ. Многимъ, правда, казалось слишкомъ приторной чрезмѣрная кротость Меньшикова. Но статьи дышали такимъ благороднымъ идеализмомъ, казалось, столько въ нихъ было желанія отыскать истину и устроить жизнь на истинно евангельскихъ основаніяхъ. И что отъ всего этого осталось съ переходомъ въ „Новое Время“! Передъ нами точно другой писатель. Первое время Меньшиковъ былъ вѣренъ прежнему симпатичному облику своему, который его противникамъ, однако, казался черезчуръ „елейнымъ“. Во всякомъ случаѣ, „елейность“ была болѣе чѣмъ неумѣстна именно на столбцахъ „Новаго Времени“. И завязалась въ связи съ этой „елейностью“ ожесточенная полемика съ „Міромъ Божьимъ“, „Рус. Богатствомъ“ и другими органами радикальной печати, въ пылу которой безслѣдно исчезло все то, что еще недавно было характерно для проповѣдника безграничной любви. Постепенно Меньшиковъ превратился въ проповѣдника самой крутой реакціонной политики, самыхъ крутыхъ

расправъ, самыхъ нетерпимыхъ мѣропріятій. Евангельскій проповѣдникъ кротости сталъ самымъ кровожаднымъ изъ современныхъ публицистовъ. Съ упоеніемъ воспѣвалъ онъ войну и съ дикимъ ожесточеніемъ защищалъ необходимость смертной казни. Ему же принадлежитъ пальма первенства въ придумываніи всякихъ репрессій, отъ безсмѣннаго присутствія полиціи въ университетскихъ аудиторіяхъ до самой кровавой расправы съ крамольниками. Даже отношеніе къ христіанству, какъ къ религіи кротости, Меньшиковъ считаетъ теперь либерально-сентиментальной фальсификаціей, ибо Христосъ возвѣстилъ, что онъ принесъ „не миръ, но мечъ".

И все же, не это еще характерно въ метаморфозѣ Меньшикова. Гораздо характернѣе было и для газеты, и для этого виднѣйшаго теперь ея представителя, что Меньшиковъ сдѣлался олицетвореніемъ самаго откровеннаго, почти наивнаго въ своей непосредственности оппортунизма, что, рядомъ съ изступленнымъ реакціонерствомъ, тотъ же Меньшиковъ вдругъ начиналъ говорить не только „либерально", но прямо радикально, что онъ мѣнялъ всѣ цвѣта спектра, смотря по тому, что возобладаетъ въ данный моментъ—революція или реакція. Являясь точнымъ барометромъ разныхъ фазисовъ борьбы общества съ властью, Меньшиковъ въ моменты, когда обозначалось паденіе авторитета власти, начиналъ говорить языкомъ, куда какъ мало подходящимъ къ облику „Новаго Времени". Такъ, въ 1904—1905 гг. стала крылатой формула Меньшикова, что не реформы нужны, а реформа—псевдонимъ, подъ которымъ легко угадывалось не произносившееся еще тогда слово *конституція*. А въ первомъ номерѣ „Новаго Времени", вышедшемъ послѣ 17 октября, когда и самымъ осторожнымъ людямъ показалось, что побѣда революціи прочна, Меньшиковъ воспѣлъ настоящій дифирамбъ революціонерамъ (см. дальше). Когда же миновали короткіе „дни свободы", основныя черты нововременскаго періода писаній Меньшикова выступили съ еще бо́льшею яркостью.

И вотъ это-то хамелеонство и было самой тлетворной стороной расцвѣта „Новаго Времени", развращавшей слабыя и дряблыя натуры. Говорить серьезно о „направленіи" газеты было бы смѣшно. Самъ „хозяинъ" газеты — Суворинъ, со свойственнымъ ему добродушнымъ цинизмомъ, назвалъ ее „парламентомъ разнообразныхъ мнѣній". „Новое Время"—это россійское повтореніе нѣкогда знаменитаго французскаго „Figaro", совершенно свободное отъ какого бы то ни было опредѣленнаго міросозерцанія, „проводящее" только то, что въ данный моментъ угодно власти и той мелко-трусливой, но,—увы,—столь многочисленной части публики, которая преклоняется передъ всякою силою, какъ таковой, въ какой бы цвѣтъ она ни была окрашена.

„Не забудемъ тѣхъ безчисленныхъ героевъ, давнихъ и послѣднихъ, что откликались на пророческіе голоса, тѣхъ, чье чистое сердце и душа, и жизнь были принесены въ жертву отечеству и чье заточеніе, мученичество и смерть умилостивили, на-

конецъ, жестокую нашу судьбу и послали намъ освобожденіе. Вамъ благородные, вамъ разумные, вамъ сильные мы обязаны счастьемъ наступающей достойной жизни. Намъ—жизнь, вамъ да будетъ честь и въ памяти потомства вѣчное безсмертіе".

Откуда эта выдержка? Изъ нелегальной „Революціонной Россіи", изъ женевской „Искры", изъ летучей прокламаціи? Нѣтъ, это цитата изъ перваго № „Нов. Времени", вышедшаго послѣ 17 октября, когда всѣмъ всерьезъ показалось, что старый режимъ рухнулъ навѣки. И, конечно, статью писалъ Меньшиковъ...

Было бы въ виду этого безусловно-односторонне сваливать вину пышнаго расцвѣта „Новаго Времени" въ 80-хъ годахъ исключительно на редакцію, состоящую изъ людей, столь „впечатлительныхъ" и „отзывчивыхъ" на запросы времени. Виновата, конечно, публика, которая поддерживала. Quel maître, tel valet. Вѣдь вотъ Москва и земская Россія, оставшіяся вѣрными идеаламъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, въ ту же мрачную годину какъ 80-хъ, такъ и 90-хъ годовъ создали успѣхъ такому высокочестному органу, какъ „Русскія Вѣдомости", о которыхъ рѣчь дальше.

Правда, въ той же Москвѣ, и въ тѣхъ же 80-хъ годахъ народился самый ужасный изъ шантажно-уличныхъ органовъ—„Москов. Листокъ" бывшаго кабачнаго сидѣльца Пастухова. Продолжали также свою жандармскую дѣятельность „Моск. Вѣд.". Но „Москов. Листокъ" обслуживалъ слои, стоящіе внѣ какихъ бы то ни было идейныхъ воздѣйствій, а „Москов. Вѣд." никого не обслуживали, такъ какъ, за исключеніемъ обязательныхъ подписчиковъ, тиражъ ихъ былъ совершенно ничтоженъ. Но даже въ самыхъ консервативныхъ сферахъ недавній высокій авторитетъ „Москов. Вѣд." совершенно палъ со смертью въ 1886 г. Каткова. Изъ преемниковъ его особенно выдѣлился своею неистовою реакціонностью *Владиміръ Андреевичъ* Грингмутъ (1851—1907). Онъ постепенно низвелъ газету, которой прежде, во всякомъ случаѣ, нельзя было отказать въ политическомъ интересѣ, до уровня уличныхъ черносотенныхъ прокламацій. Въ „дни свободы" Грингмутъ явился организаторомъ союза русскаго народа и никакого другого лозунга, кромѣ призыва „бей", его газета не знала. Лѣвая печать этого „націоналиста" дразнила тѣмъ, что его будто бы зовутъ „Карлъ Амалія", и многіе и теперь еще убѣждены, что такъ было подлинное имя Грингмута. Это невѣрно, но что создатель союза „истинно-русскихъ людей" былъ нѣмецъ по происхожденію это и вѣрно, и, конечно, характерно.

Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ среди грубо-полицейскихъ окриковъ „Моск. Вѣд." выдѣлились, однако, голоса двухъ сотрудниковъ, которые старались перевести постоянно учиняемое газетою жандармское дознаніе на идейную почву и оправдать расправу побѣдоносцевской реакціи общественною пользою. Оба апологета реакціи, какъ водится, тоже были „выходцы". Критикъ *Юрій Николаевичъ* Говоруха-**Отрокъ** (1850—1896) еще такъ недавно былъ типичнѣйшимъ „семидесятникомъ", ходилъ „въ народъ", сидѣлъ нѣсколько лѣтъ въ

тюрьмѣ и былъ личнымъ другомъ Михайловскаго. Еще въ началѣ 1881 г. онъ (подъ псевдонимомъ Юрко) напечаталъ въ „Полярной Звѣздѣ" Сальяса разсказъ „Fatum", въ которомъ, несомнѣнно, уже есть слѣды того, что революціонная горячка авторомъ изжита, но въ которомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, достаточно и апоѳеоза революціонной среды. Появленіе въ печати „Fatum"'а было цензурнымъ недосмотромъ, и когда „Рус. Мысль", давая обзоръ литературныхъ явленіяхъ 1881 г., привела, безъ всякихъ комментаріевъ, нѣсколько отрывковъ изъ разсказа, то обзоръ [1]) именно за эти цитаты былъ вырѣзанъ изъ журнала. Въ 1882 г. будущій критикъ „Моск. Вѣд." еще настолько примыкаетъ къ либеральному лагерю, что печатаетъ повѣсть (подъ буквами Г. О.) въ „Вѣстн. Евр." Повѣсть вызываетъ рѣзкое нападеніе Михайловскаго, крайне невѣжливо причислившаго излюбленнаго авторомъ героя къ разряду „гамлетизированныхъ поросятъ". И съ тѣхъ поръ въ литературной дѣятельности Говорухи-Отрока происходитъ крутой переломъ. Онъ начинаетъ писать въ харьковскомъ „Южномъ Краѣ" статьи, которыя чрезвычайно взволновали его недавнихъ друзей. Это повело къ крайне-враждебному по отношенію къ вчерашнему радикалу инциденту на одномъ изъ студенческихъ вечеровъ, инциденту, имѣвшему, кромѣ того, еще и извѣстную связь съ возникшими въ харьковскомъ университетѣ безпорядками. И теперь уже Говоруха-Отрокъ, сначала въ томъ же „Южномъ Краѣ", а затѣмъ въ „Москов. Вѣд.", „Рус. Обозрѣніи" и „Рус. Вѣстникѣ" (подъ псевдонимами *Ю.* Николаевъ и *Ю.* Елагинъ) вступаетъ въ яростную борьбу съ кругомъ идей 60-хъ и 70-хъ годовъ вообще и Михайловскаго въ частности. Человѣкъ несомнѣннаго таланта, живого эстетическаго чутья и хорошаго литературнаго образованія, Говоруха, однако, свелъ всю свою работу къ нулю, потому что задался поистинѣ нелѣпою цѣлью доказать, что прогрессивныя стремленія загубили русскую литературу. Полемистъ до такой степени вытѣснилъ вдумчиваго критика, что, напр., во всемъ творчествѣ Тургенева онъ видѣлъ одно только подчиненіе модными вліяніемъ; лишь образъ ушедшей въ монастырь Лизы изъ „Дворянскаго гнѣзда" дѣйствительно „свободно" сложился въ душѣ Тургенева. И даже творчество симпатичнаго ему Короленки онъ ухитрялся отдѣлять отъ тѣхъ традицій, на которыхъ авторъ „Сна Макара" духовно выросъ. Губитъ русскую литературу не только политика, но въ еще бо́льшей степени невѣріе и отсутствіе связи съ главной святыней народа—православіемъ. Въ сферѣ государственности Говоруха-Отрокъ считалъ себя послѣдователемъ славянофильства, но совершенно оставлялъ въ сторонѣ такія кардинальныя стороны славянофильскаго міросозерцанія, какъ свобода мысли и слова и участіе общественнаго мнѣнія въ ходѣ государственной жизни. Въ литературныхъ взглядахъ своихъ Говоруха любилъ выставлять

[1]) Принадлежитъ автору настоящей статьи.

себя послѣдователемъ Аполлона Григорьева, но и его понималъ односторонне, заимствуя изъ широкаго и свободнаго литературно-общественнаго міровоззрѣнія Григорьева только его полемическія выходки противъ западничества и крайностей журнальной литературы начала 60-хъ годовъ. Ближе всего Говоруха примыкаетъ къ направленію Страхова въ послѣдніе годы его жизни. Нужно отмѣтить, что статьи послѣднихъ лѣтъ московскаго періода дѣятельности Говорухи стоятъ несравненно выше озлобленныхъ статей въ „Южномъ Краѣ" и первыхъ дебютовъ въ Москвѣ. Къ тому времени личное раздраженіе значительно улеглось въ немъ, и борьба его съ „петербургскими" журналами носитъ по преимуществу принципіальный характеръ. Съ большимъ увлеченіемъ писалъ онъ, между прочимъ, театральные отчеты свои, выказывая въ нихъ много вкуса и предъявляя къ репертуару и игрѣ актеровъ строгія художественныя требованія.

Но если, при извѣстномъ запасѣ безпристрастія, можно отнестись „объективно" къ метаморфозѣ Говорухи-Отрока, то крайне трудно соблюсти такую „объективность", когда приходится говорить объ „эволюціи", какъ онъ самъ ее желалъ формулировать, *Льва Александровича* Тихомирова. Про Говоруху-Отрока даже въ худшемъ случаѣ можно было сказать только то, что онъ ушелъ въ реакціонную печать, чтобы дать исходъ не одному лишь искреннему разочарованію, но и личному озлобленію. Въ свое время онъ достаточно пострадалъ и съ переходомъ въ ретроградныя изданія едва ли не больше терялъ, чѣмъ выигрывалъ. То ли дѣло Тихомировъ? Этотъ человѣкъ былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ членовъ Исполнительнаго Комитета, который декретировалъ смерть Александра II. И будь въ его раскаяніи настоящая искренность, амнистированный Тихомировъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ выступилъ въ качествѣ богомольнаго адепта теоріи божественнаго происхожденія царской власти, долженъ былъ бы уйти въ монастырь, принять схиму, словомъ, реальнымъ страданіемъ искупить свою безмѣрную, съ его новой точки зрѣнія, вину. Но, какъ это доподлинно теперь извѣстно изъ опубликованныхъ матеріаловъ по исторіи революціоннаго движенія, Тихомировъ и тогда, когда былъ руководителемъ терроризма, и позднѣе всегда заботливо уходилъ отъ всего, что связано съ опасностью и лишеніями. А теперь онъ изъ бѣдствующаго эмигранта превращается въ благоденствующаго публициста, который, главнымъ образомъ, долженъ „стараться". И онъ старался отмѣнно. Самодержавіе священно не только для Россіи, но и для Европы, единственное спасеніе въ неограниченной монархіи. Чтобы искоренить въ современномъ русскомъ обществѣ стремленія къ разнымъ „соціальнымъ миражамъ", достаточно, по мнѣнію Тихомирова, завести „умную и сильную полицію". Тонъ такихъ газетъ, какъ выходившій въ 1881—82 гг. „Порядокъ" умѣреннѣйшаго М. М. Стасюлевича, казался Тихомирову „кликами свободолюбивыхъ рабовъ, распущенныхъ многотерпѣливымъ хозяиномъ". Констатируя, что за-

нявшій въ 1882 г. постъ министра внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстой „имѣлъ, несомнѣнно, руку тяжелую, которая больно била, когда онъ считалъ это нужнымъ", Тихомировъ всецѣло присоединялся къ его политикѣ и, намекая на прекращеніе „Порядка", „Голоса" и „Страны", находилъ, что эти представители „до крайности распущенной печати" и „эти явно-противоправительственные органы требовали мѣръ болѣе энергическихъ". Отрицая за кѣмъ бы то ни было, кромѣ правительства, право на регулированіе общественной и государственной жизни, Тихомировъ требовалъ такого же слѣпого повиновенія авторитету въ жизни духовно-религіозной. Тихомировъ всякую попытку самостоятельнаго мышленія въ области религіозныхъ вопросовъ считалъ „самочинствомъ"; нужно только „скромное обращеніе къ церковному ученію". Онъ глубоко возмущался тѣмъ, что въ религіозныхъ спорахъ иного интеллигентнаго кружка не услышишь другихъ ссылокъ, кромѣ какъ на Хомякова, Достоевскаго, Леонтьева, Соловьева. Словно „они имѣютъ даже тѣнь церковнаго авторитета". Для возстановленія „правильнаго развитія нашему обществу необходимо воспитаніе чувства вѣры и стало быть отрѣшеніе отъ чувствованій, отъ глубоко ошибочной привычки разсудкомъ самочинно искать религіозной истины". Съ негодованіемъ восклицалъ вчерашній свободный мыслитель: *„Всякій смѣетъ представлять себѣ Бога, какъ вздумаетъ* словно будто въ самомъ дѣлѣ Богъ самъ себя не показываетъ съ начала рода человѣческаго". И великъ былъ конфузъ, когда не только Владиміръ Соловьевъ, но даже „Церковный Вѣстникъ" и „Гражданинъ" кн. Мещерскаго доказали перестаравшемуся господину, что его *чистокатолическое* желаніе устранить самосознаніе мірянина есть кощунственное извращеніе основной сущности православія.

Какъ уже было подчеркнуто выше, именно въ 80-хъ годахъ все больше и больше крѣпнутъ „Рус. Вѣд.", которымъ вплоть до сегодняшняго дня слѣдуетъ отвести почетную страницу въ исторіи русской ежедневной печати. До 1905 г., когда могучій подъемъ освободительнаго движенія измѣнилъ,—увы,—не надолго до совершенной неузнаваемости общій обликъ русской печати, „Рус. Вѣд." были единственной газетой, вполнѣ подходящей къ тому высокому типу печатнаго органа, который созданъ лучшими ежемѣсячниками нашими. Въ самые мрачные годы безвременья и владычества „улицы" „Рус. Вѣд." никогда не угождали вкусамъ толпы и вмѣсто того, чтобы спуститься до уровня читающей публики, старались поднять ее до себя. Это создало имъ въ кругахъ, привыкшихъ къ газетамъ „веселымъ" и „бойкимъ", репутацію газеты „скучной", „профессорской" и т. п., но не помѣшало получить огромное распространеніе какъ въ самой Москвѣ, такъ и особенно въ центральной и восточной Россіи. Лучшіе круги провинціи прямо воспитались въ эпоху

побѣдоносцевщины на „Рус. Вѣд.“, и въ этомъ незабвенная заслуга газеты. Велись „Рус. Вѣд.“ всегда чрезвычайно серьезно и содержательно. Обычнаго газетнаго балласта, даваемаго для пополненія столбцовъ, совсѣмъ не было въ „Рус. Вѣд.“, къ тому же стѣсненныхъ объемомъ (подписная цѣна ихъ была ниже обычной цѣны большихъ газетъ и это, конечно, тоже служило демократизаціи распространенія газеты). Свѣдѣнія „Рус. Вѣд.“ давали съ строгимъ выборомъ. Располагая во всѣхъ концахъ Россіи такими корреспондентами, которые смотрѣли на свои сообщенія не какъ на источникъ гонорара, а какъ на настоящее общественное служеніе, газета давала свѣдѣнія почти исключительно о тѣхъ лишь явленіяхъ провинціальной жизни, которыя представляли интересъ общественный или государственный. Съ особенною любовью и вниманіемъ слѣдили „Рус. Вѣд.“ за дѣятельностью органовъ самоуправленія и проявленіями общественной иниціативы. Во всѣхъ большихъ городахъ Европы и, отчасти, Америки газета имѣла спеціальныхъ корреспондентовъ, интересовавшихся не только внѣшней политикой и дипломатическими канцеляріями, но внимательно слѣдившихъ также за жизнью массъ и за рабочимъ движеніемъ. Историческое значеніе имѣли берлинскія корреспонденціи впослѣдствіи убитаго черносотенцами *Григорія Борисовича* Іоллоса (1859—1907). На нихъ, по свидѣтельству В. В. Водовозова, „получило начатки политическаго образованія цѣлое поколѣніе“ какъ русскихъ конституціоналистовъ, такъ и приверженцевъ идей соціалъ-демократіи, за ростомъ которой Іоллосъ, самъ человѣкъ умѣренный, слѣдилъ чрезвычайно внимательно и безпристрастно. Изъ другихъ корреспондентовъ выдвинулся обозрѣватель англійской жизни Діонео (псевд. И. В. Шкловскаго).

Во главѣ редакціи, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, организовалась въ паевое товарищество, взявшее на себя издательскую часть, стоялъ читавшій финансовое право въ Ярославлѣ *Василій Михайловичъ* **Соболевскій** (1846—1913). Это одинъ изъ тѣхъ дѣятелей журнальнаго міра, работа которыхъ не видна публикѣ, но внутреннее значеніе которой для изданія огромно, благодаря ихъ стойкости и выдержанности. Другимъ редакторомъ былъ извѣстный изслѣдователь и защитникъ русской общины, а нынѣ видный членъ государственной думы профессоръ *Александръ Сергѣевичъ* **Посниковъ**. Тѣсно примыкалъ къ редакціи знаменитый экономистъ и кумиръ московскаго студенчества, профессоръ *Александръ Ивановичъ* **Чупровъ** (1842—1908), одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей русскаго катедеръ-соціализма.

Изъ другихъ членовъ издательской артели „Рус. Вѣд“. слѣдуетъ отмѣтить извѣстнаго профессора антропологіи *Дмитрія Николаевича* **Анучина**, виднаго земца *Василія Юрьевича* **Скалона** (1846—1907), фельетониста *Александра Петровича* **Лукина** († 1905), симпатичнаго публициста *Григорія Аѳетовича* **Джаншіева** (1851—1900). Изрядно наивенъ былъ Джаншіевъ въ своемъ прямолинейномъ и

однотонномъ увлеченіи „великими реформами“ Александра II, мѣшавшемъ ему оттѣнять ихъ недостаточность, недодѣланность и половинчатость. Но если мы припомнимъ, что еще въ началѣ XX вѣка Плеве сослалъ престарѣлаго педагога Бунакова за призывъ „вернуться къ реформамъ Александра II“, то должны будемъ признать значеніе элементарнаго либерализма Джаншіева. Десять изданій его все разраставшейся книги „Эпоха великихъ реформъ“ показываютъ, что для своего времени эта книга сыграла большую роль. Цѣнныя историко-литературныя „справки“ давалъ газетѣ заслуженный пушкинистъ *Вячеславъ Евгеніевичъ* Якушкинъ (1856—1912) и красивыя характеристики западно-европейскихъ литературныхъ дѣятелей помѣщалъ въ „Рус. Вѣд.“ профессоръ *Алексѣй Николаевичъ* Веселовскій. Въ „Русскихъ же Вѣдомостяхъ“ началъ свою литературную дѣятельность *Иванъ Ивановичъ* Ивановъ, по занимаемой имъ каѳедрѣ спеціалистъ по западно-европейской исторіи, но несравненно больше писавшій по исторіи русской литературы и театру. Въ наши дни Ивановъ, подъ вліяніемъ разныхъ конфликтовъ—прямо изступленный ненавистникъ всего цикла прогрессивныхъ идей въ исторіи русской общественной мысли. Въ 80-хъ же и 90-хъ гг. онъ самъ былъ усерднѣйшимъ глашатаемъ того направленія, о которомъ, теперь, повидимому, физически не можетъ мыслить безъ прилива неудержимой злобы. Писатель рѣдкой плодовитости, онъ тогда былъ дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ не только умѣренныхъ „Рус. Вѣд.“, но и гораздо болѣе лѣваго „Міра Божьяго“, чрезъ который провелъ цѣлыхъ три книги: о Тургеневѣ, Писемскомъ и „Исторію рус. критики“. Въ „Рус. Вѣд“. Ивановъ впервые обратилъ на себя вниманіе театральными фельетонами, замѣчательными тѣмъ, что они выводили театральныя рецензіи за обычныя предѣлы отмѣтокъ и широко ставили связанныя съ театромъ вопросы искусства.

Изъ другихъ органовъ московской печати съ опредѣленной общественной физіономіей, слѣдуетъ отмѣтить очень популярный въ 1880-хъ годахъ „Русскій Курьеръ“ *Николая Петровича* Ланина (1832—1895), шумливый и наивный, временами и прямо вульгарный, но въ мрачную годину безвременья сыгравшій свою роль въ тѣхъ кругахъ средней публики, для которой „Русскія Вѣдомости“ были слишкомъ серьезны.

И въ сферѣ ежемѣсячной журналистики Москва въ 80-хъ гг. заняла первенствующее положеніе, создавъ самый популярный изъ журналовъ первой половины побѣдоносцевскаго періода—„Русскую Мысль“.

Въ Петербургѣ, подъ напоромъ бѣшеной реакціи, общая физіономія „толстой“ журналистики совершенно измѣнилась, и органы радикальной мысли были задавлены съ рѣдкимъ цинизмомъ и безстѣнчивостью. Видный органъ конца 70-хъ годовъ „Слово“ просто взяли изморомъ (1881), не утверждая ни одного изъ представленныхъ издателемъ редакторовъ. Редакціонный кружокъ „Слова“ сталъ тогда (1882) издавать „Устои“ на артельныхъ началахъ; въ составъ

редакціи входили С. А. Венгеровъ, онъ же и офиціальный редакторъ, С. Н. Кривенко и А. М. Скабичевскій; другіе члены артели — Я. В. Абрамовъ, Н. Н. Златовратскій, Н. Я. Николадзе, А. Н. Плещеевъ, М. А. Протопоповъ. Но журналъ подвергался совершенно фантастическимъ цензурнымъ гоненіямъ — вырѣзывали по 6 статей изъ книжки—и просуществовалъ всего годъ.

Для закрытія „Отеч. Записокъ" (1883) Дмитрій Толстой не погнушался прибѣгнуть къ безсовѣстной и глупой лжи: подпись *И. К.* подъ одной изъ статей была, въ правительственномъ сообщеніи по поводу закрытія журнала, истолкована какъ инициалы исполнительнаго комитета. „Дѣло" тоже взяли измором, путемъ ареста и ссылки редактора Шелгунова и редактора-издателя Станюковича.

Изъ органовъ оппозиціонной мысли дозволили существовать лишь одному „Вѣстнику Европы". И это очень опредѣленно сказалось на той выдающейся роли, которую журналъ сталъ играть только въ силу того, что остался вѣренъ самому себѣ. Въ 70-хъ годахъ, когда во главѣ литературнаго движенія стояли „Отеч. Зап". и отчасти „Дѣло", „Вѣст. Евр", съ его подвергавшейся тогда частымъ насмѣшкамъ „умѣренностью и аккуратностью" не могъ имѣть руководящаго значенія. Но когда въ 80-хъ гг. воцарилась одна изъ самыхъ страшныхъ въ русской исторіи реакцій, „Вѣстникъ Европы", уже только п р о д о л ж а я быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ раньше, выигрывалъ очень много. Акогда и счезли „Отеч. Зап.", „Вѣст. Евр.", пріобрѣвши къ тому же сотрудничество Щ е д р и н а, занялъ въ борьбѣ съ реакціею позицію почти передовую, и это, несомнѣнно, содѣйствовало извѣстному сдвигу журнала влѣво. Такъ, раньше—въ 70-хъ годахъ внутреннее обозрѣніе въ немъ велъ *Леонидъ Александровичъ* **Полонскій** (1833—1906), публицистъ талантливый и разносторонне-образованный, но не шедшій дальше либерализма самаго буржуазнаго оттѣнка, находившій даже нужнымъ вступать въ полемику съ „крайними" элементами. Теперь эта специфически буржуазная окраска исчезаетъ, и „Вѣст. Европы" становится органомъ, хотя и чуждой крайностей, но опредѣленно-демократической мысли и выдвигаетъ на первый планъ интересы широкихъ массъ. Этой метаморфозѣ больше всего содѣйствовалъ *Константинъ Константиновичъ* Арсеньевъ, взявъ на себя съ 1880 г. „Внутреннее обозрѣніе" и „Общественную хронику". По вѣрному свидѣтельству П. Б. Струве, оба эти отдѣла опредѣленно воспитывали политическую мысль 80-хъ и 90-хъ годовъ. Въ частности, Арсеньевскія обозрѣнія и его общественныя хроники поддерживали бодрость въ лучшей части земства, создавая строголояльную, но неуклонно-энергическую борьбу съ реакціей и административнымъ произволомъ. Кромѣ публицистики, Арсеньевъ въ 80 гг. дѣятельно подвизался и какъ литературный критикъ, благожелательно отмѣчая дебюты новыхъ силъ и съ любовью комментируя творчество старыхъ борцовъ освободительныхъ идей — Некрасова, Салтыкова. Продолжалъ свое дѣятельнѣйшее сотрудничество вы-

сокозаслуженный историкъ русской литературы и русской общественности *Александръ Николаевичъ* Пыпинъ (1833—1904). Тѣсно связанный узами близкаго родства и величайшаго уваженія съ Чернышевскимъ, Пыпинъ въ значительной степени былъ и духовный вскормленникъ его. При всей умѣренности и уравновѣшенности своего темперамента, при всемъ томъ, что его никакъ нельзя было назвать человѣко[illegible]ихъ воззрѣній, Пыпинъ все же въ значительной степени [illegible]роводникомъ если не соціальныхъ, то литературно-политическихъ идей главаря „Современника". Всѣ свои методологическіе подходы Пыпинъ цѣликомъ заимствовалъ у автора „Очерковъ Гоголевскаго періода". Пыпинъ и фактически тѣсно примыкалъ къ „Современнику" до его закрытія въ 1866 г. и одно время даже былъ отвѣтственнымъ редакторомъ журнала. Во всякомъ случаѣ онъ унаслѣдовалъ отъ Чернышевскаго глубокую ненависть къ старому строю нашей государственности и къ тому, что онъ такъ мѣтко опредѣлилъ вошедшимъ въ общее употребленіе терминомъ „официальная народность". Продолжалъ свое сотрудничество *Владиміръ Даниловичъ* Спасовичъ (1829—1906), почти совсѣмъ отошедшій теперь отъ юриспруденціи и весь отдавшійся комментированію Байрона, Лермонтова, польскихъ классиковъ. Тѣсно примкнулъ къ журналу юристъ-гуманистъ и интереснѣйшій мемуаристъ *Анатолій Ѳедоровичъ* Кони. Составлявшія подчасъ довольно рѣзкій диссонансъ въ общемъ умѣренномъ тонѣ журнала критическія и публицистическія статьи *Евгенія Исааковича* Утина (1843—1894), больше выдавались своимъ поверхностнымъ радикализмомъ, чѣмъ глубиною. Ближайшимъ сотрудникомъ журнала съ 80-хъ годовъ становится разносторонній публицистъ и политико-экономъ *Леонидъ Зиновьевичъ* Слонимскій, вступившій въ рѣзкую полемику съ соціологическимъ субъективизмомъ Михайловскаго и нападавшій на теорію цѣнности Маркса, но въ общемъ весьма далекій отъ буржуазной идеологіи.

Достойное положеніе, которое занялъ „Вѣст. Европы" въ 80-хъ годахъ, всего менѣе поддавшись вѣяніямъ реакціи, составляетъ, конечно, огромную заслугу журнала. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не отмѣтить, что „Вѣстникъ Европы" въ общемъ представлялъ собою только самое умѣренное крыло руской оппозиціи. Такимъ образомъ, съ закрытіемъ „Отеч. Записокъ", „Дѣла" и „Устоевъ", радикально-соціалистическая мысль не была достодолжно представлена въ петербургской журналистикѣ 80-хъ годовъ. И такъ же какъ характеризуя побѣдоносцевскій періодъ, я отказывался всю вину реакціоннаго неистовства свалить на правительство, такъ и въ исчезновеніи яркаго выраженія русской передовой мысли не могу не видѣть того, что реакціонное настроеніе захватило также и общество. Все теперь, самой честной и послѣдовательной оппозиціи не исключая, поддалась вправо.

Доказательствомъ можетъ служить исторія „Сѣвернаго Вѣстника". Основанный въ 1886 г., докторомъ правъ А. М. Евреино-

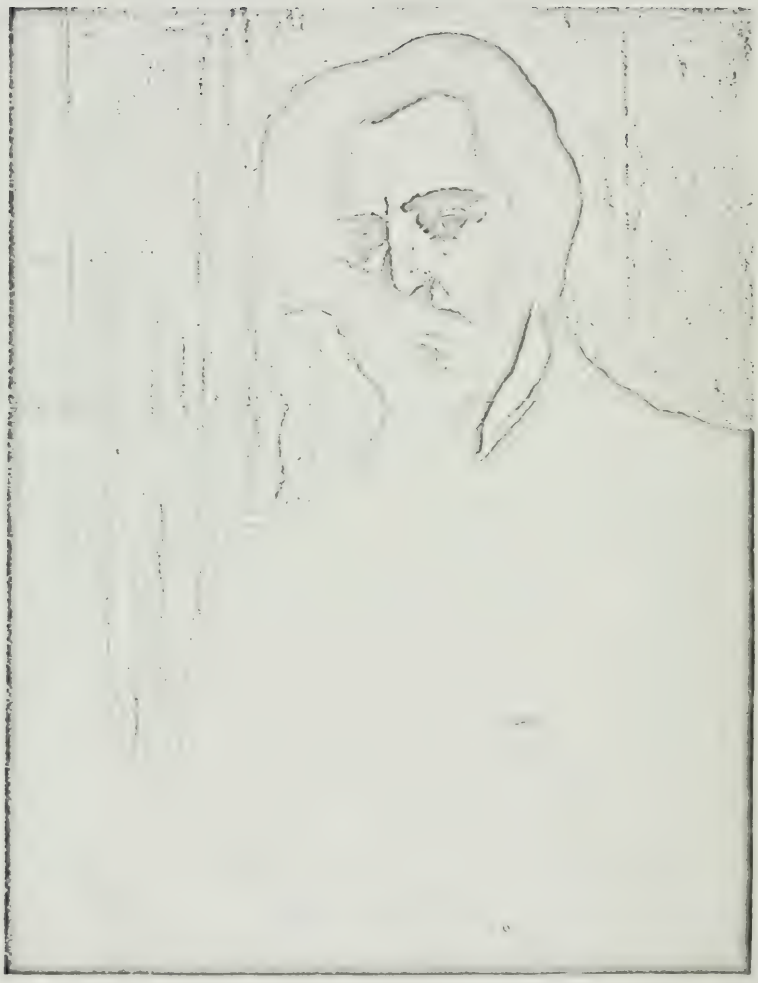
вой, этотъ, первоначально очень блѣдный и политически-безцвѣтный, журналъ вскорѣ привлекъ къ себѣ всѣ лучшія силы „Отеч. Записокъ", съ Михайловскимъ во главѣ. Здѣсь помѣщали беллетристическія произведенія и Глѣбъ Успенскій, и только что вошедшій въ извѣстность Короленко, велъ политическій отдѣлъ С. Н. Южаковъ, давали публицистическія статьи С. Н. Кривенко, В. В., А. С. Пругавинъ, писалъ А. М. Скабичевскій, велъ литературныя замѣтки Михайловскій, напечаталъ рядъ наиболѣе удачныхъ своихъ критическихъ статей М. А. Протопоповъ, были, наконецъ, привлечены новыя силы: Чеховъ, тогда еще подписывавшій Надсону Мережковскій и др. Въ общемъ получалось впечатлѣніе, что возродились „Отеч. Записки". И все же журналъ не имѣлъ достаточнаго количества подписчиковъ и въ началѣ 1890-хъ годовъ перешелъ къ совершенно иной литературной группѣ, съ А. Л. Волынскимъ и Л. Я. Гуревичъ во главѣ, въ рукахъ которой сталъ центральнымъ органомъ нарождающагося декадентства и символизма.

Типичнѣйшимъ журналомъ 80-хъ годовъ является московская „Русская Мысль". Основанная въ 1880 г. энтузіастомъ *Сергѣемъ Андреевичемъ* Юрьевымъ (1821 — 88), она первые 4—5 лѣтъ больше всего можетъ быть названа органомъ лѣваго крыла славянофильства. Но со средины 80-хъ гг. во главѣ редакціи становится *Викторъ Александровичъ* Гольцевъ (1850 — 1906), юристъ, публицистъ и отчасти критикъ. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ онъ былъ весьма умѣренный конституціоналистъ, но по тѣмъ временамъ и этого было достаточно, чтобы быть удаленнымъ изъ московскаго университета и даже въ тюрьмѣ посидѣть. Талантливый ораторъ и человѣкъ разносторонне образованный, Гольцевъ не былъ талантливымъ писателемъ и носителемъ строгоопредѣленнаго міросозерцанія. Позитивистъ, не разрывающій окончательно связей съ мистицизмомъ, поклонникъ Чернышевскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ восторженнаго привѣтствія Фету на его юбилеѣ, торжественно отпраздновавному въ серединѣ 80-хъ годовъ, наконецъ, другъ русскаго радикализма и умѣреннѣйшая земско-просвѣтительная программа — таковы общіе контуры всепримиряющаго эклектизма руководителя „Рус. Мысли". Но именно этотъ-то эклектизмъ и создалъ журналу въ 80-хъ годахъ выдающійся успѣхъ. Какъ только были закрыты „Отеч. Записки" и „Дѣло", редакція „Рус. Мысли" постаралась привлечь къ себѣ всѣ главныя беллетристическія и публицистическія силы запрещенныхъ журналовъ. А рядомъ съ писателями радикальными на страницахъ „Рус. Мысли" печатаются произведенія такихъ писателей, какъ Лѣсковъ-Стебницкій, Случевскій, Голенищевъ-Кутузовъ, Григорій Данилевскій, Апухтинъ, которые и сами не отважились бы обратиться въ „Отеч. Записки" и къ которымъ еще менѣе того сочла бы нужнымъ обратиться сама редакція „Отеч. Записокъ". Но эклектическая редакція „Рус. Мысли" обратиться не постѣснилась. И то, что дали ей недавній злобный обли-

читель движенія 60-хъ годовъ Лѣсковъ, страстный противникъ Писарева Случевскій, „буддійски“ индиферентный Голенищевъ-Кутузовъ, редакторъ „Правительственнаго Вѣстника“ Данилевскій, пѣвецъ великосвѣтской любви Апухтинъ, въ свою очередь, съ точки зрѣнія направленія, тоже было лишено какой бы то ни было окраски и имѣло задачи чисто-литературныя. Еще ярче выступилъ эклектизмъ „Рус. Мысли“ въ сферѣ теоретической мысли. Такъ, въ 90-хъ годахъ журналъ съ одинаковою готовностью предоставлялъ свои страницы и „народникамъ“, и нарождающемуся „марксизму“ и „экономическому матеріализму“, а также писателямъ, старавшимся примирить оба эти направленія. Въ вопросахъ искусства „Рус. Мысль“ старалась (главнымъ образомъ въ статьяхъ Гольцева) примирить требованія идейности и художественности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ съ начала 90-хъ годовъ присяжнымъ критикомъ журнала былъ такой яркій представитель тенденціозной критики, какъ М. А. Протопоповъ, а также помѣстилъ рядъ статей А. М. Скабичевскій. Много писалъ въ „Рус. Мысли“, до того какъ въ серединѣ 90-хъ годовъ прочно стало на ноги „Рус. Богатство“, и Михайловскій.

Благодаря своему эклектизму, „Рус. Мысль“ сосредоточила у себя со средины 80-хъ годовъ почти всѣ наличныя силы всѣхъ оттѣнковъ русской передовой мысли. Это отсутствіе единства было прямымъ отраженіемъ того, что и въ жизни исчезла недавняя прямолинейность и выдержанность. Подъ нивелирующимъ вліяніемъ всѣхъ одинаково душившаго побѣдоносцевскаго режима, партійная вражда между разными фракціями, естественно, потеряла свою остроту. Всѣхъ объединяла борьба съ общимъ врагомъ. И вотъ почему также, несмотря на свой эклектизмъ или, вѣрнѣе, благодаря этому эклектизму „Рус. Мысль“ собрала около себя не только всѣ наличныя силы литературы, но и достигла въ 80-хъ гг. небывалаго еще въ исторіи русской „толстой“ журналистики числа подписчиковъ — 14.000. Это произошло отъ того, что закрытыя Толстымъ „Отеч. Записки“ передали удовлетвореніе своихъ подписчиковъ „Рус. Мысли“. И вотъ кончился годъ, а невольные подписчики не отошли, потому что оцѣнили хотя и умѣренную, но все же опредѣленную окраску журнала. Эта окраска, въ общемъ, все же была безусловно боевая, что особенно ярко сказалось въ ежемѣсячно печатавшихся и имѣвшихъ огромный успѣхъ, „Очеркахъ русской жизни“ ветерана 60-хъ годовъ *Николая Васильевича* Шелгунова. На закатѣ дней своихъ Шелгуновъ довольно неожиданно выросъ въ журнальнаго дѣятеля первостепеннаго значенія. Еще очень недавно — въ 70-хъ годахъ, когда Шелгуновъ былъ однимъ изъ столповъ благосвѣтловскаго вульгарно-радикальнаго „Дѣла“, вдумчивая часть молодежи и литературы (въ томъ числѣ и горячо его полюбившій въ 80-хъ годахъ Михайловскій) относилась иронически къ его многочисленнымъ историко-экономическимъ статьямъ, легковѣсныя обобщенія которыхъ сѣяли полузнаніе и несерьезное отношеніе къ раз-

рѣшенію сложныхъ вопросовъ науки и общественности. Какъ литературный критикъ, Шелгуновъ былъ и того слабѣе и не имѣлъ опредѣленныхъ эстетическихъ воззрѣній. На Шелгуновѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ тяжелымъ гнетомъ лежала вульгарность благосвѣтловскаго радикализма, хотя и искренняго, но очень уже примитивнаго и въ изрядной степени просто некультурнаго и грубаго. И не имѣя по существу своей тонкой душевной организаціи ничего общаго ни съ грубостью, ни съ вульгарностью, этотъ симпатичнѣйшій писатель не могъ, однако, совершенно застраховать себя отъ общаго малосерьезнаго и вульгарнаго пошиба журнала. Писаревъ куда же былъ талантливѣе и блестящѣе Шелгунова, но и на немъ благосвѣтловское воздѣйствіе сказалось очень опредѣленно. Теперь же Шелгуновъ, съ одной стороны, былъ предоставленъ самому себѣ, а съ другой—и это, собственно, самое главное—всякая идейная выдержанность получала особенное значеніе. И въ результатѣ ознакомленіе съ долгой, почти сорокалѣтней литературной дѣятельностью Шелгунова приводитъ къ выводу, что лучшая часть этой дѣятельности — послѣднія 5 лѣтъ его жизни, когда онъ, въ своихъ „Очеркахъ рус. жизни“ второй половины 80-хъ годовъ, совершенно отрѣшился отъ узости и поверхностности благосвѣтловскихъ пріемовъ и далъ просторъ благороднѣйшимъ сторонамъ своей прекрасной духовной личности. Какъ авторъ „Очерковъ рус. жизни“, Шелгуновъ занялъ одно изъ первыхъ руководящихъ мѣстъ въ журналистикѣ. Въ эпоху всеобщей реакціи онъ высоко держалъ знамя всей полноты широкихъ общественныхъ требованій и съ сокрушающимъ озлобленіемъ напустился на пошлую проповѣдь „малыхъ дѣлъ“, которую выдвинула трусливая мысль того жалкаго времени. И этою своею бодростью и энергіею старикъ Шелгуновъ подготовлялъ тотъ идейный подъемъ, который въ 90-хъ годахъ смѣнилъ собою унынie печальныхъ 80-хъ годовъ. Умирающій Шелгуновъ имѣлъ грустное счастье въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни или, вѣрнѣе, мучительнѣйшей агоніи получить столько знаковъ вниманія со стороны чуткой молодежи, которыхъ онъ никогда не зналъ раньше. Похороны его (1891) превратились въ крупнѣйшее политическое событіе, какъ всегда въ то время заканчившееся арестами и ссылками.



Леонидъ Андреевъ.

(автобіографическіе матеріалы).

I.

Первыя біографическія свѣдѣнія о только что прогремѣвшемъ Леонидѣ Андреевѣ появились въ „Журналѣ для всѣхъ“ 1903 г. (№ 1) въ формѣ краткой, но весьма содержательной автобіографической справки:

„Родился я въ 1871 г. [1]) въ Орлѣ, тамъ же учился въ гимназіи. Учился скверно, въ седьмомъ классѣ цѣлый годъ носилъ званіе послѣдняго ученика и за поведеніе имѣлъ не свыше четырехъ, а иногда три. Самое пріятное проведенное въ гимназіи время, о которомъ до сихъ поръ вспоминаю съ удовольствіемъ,—это перерывъ между уроками, а также тѣ рѣдкіе, впрочемъ, случаи, когда меня выгоняли изъ класса. Въ пустыхъ и длинныхъ корридорахъ тишина, играющая одинокимъ звукомъ шаговъ. По бокамъ запертыя двери, а за ними полные народа классы. Лучъ солнца—свободный лучъ, прорывающійся въ какую-то щель и играющій приподнятой на перемѣнѣ и еще не осѣвшей пылью,—все такъ таинственно, интересно и полно сокровеннымъ смысломъ.

Когда я еще учился въ гимназіи, умеръ мой отецъ землемѣръ, и въ университетѣ мнѣ пришлось сильно нуждаться. На первомъ курсѣ въ С.-Петербургѣ я даже голодалъ не столько, впрочемъ, отъ настоящей нужды, сколько отъ молодости, неопытности и неумѣнія утилизировать лишнія части костюма. Мнѣ и сейчасъ стыдно подумать, что я могъ два дня ничего не ѣсть въ то время, какъ у меня было: двѣ или три пары брюкъ, два пальто, теплое и лѣтнее, и т. п.

Тутъ я написалъ первый свой разсказъ о голодномъ студентѣ. Я плакалъ, когда писалъ его, а въ редакціи, когда мнѣ возвращали рукопись, смѣялись. Такъ онъ и не былъ напечатанъ.

Оканчивалъ курсъ я въ Московскомъ университетѣ. Здѣсь матеріально жилось лучше: помогали товарищи и „комитетъ“, но въ другихъ отношеніяхъ я съ бо́льшимъ удовольствіемъ вспоминаю Пе-

[1]) 9 августа.

требургскій университетъ: въ послѣднемъ сильнѣе дифференціація студенчества, и, среди рѣзко выраженныхъ и обособленныхъ группъ, скорѣе можно найти подходящую для себя среду. Въ 1894 г. въ январѣ я неудачно стрѣлялся: послѣдствіемъ неудачнаго выстрѣла было церковное покаяніе, наложенное на меня начальствомъ, и болѣзнь сердца не опасная, но упрямая и надоѣдливая. За это время я дѣлалъ одну или двѣ неудачныя попытки писать, но съ большимъ удовольствіемъ и успѣхомъ отдавался живописи, которую я люблю съ дѣтства, а именно: рисовалъ на заказъ портреты по 3 и по 5 р. штука. Усовершенствовавшись, я сталъ получать за портретъ по 10 и даже 12 р. Въ 1897 г. я получилъ дипломъ и записался въ помощники присяжнаго повѣреннаго, но съ самаго начала сбился съ правильнаго пути: мнѣ предложили давать судебные отчеты въ газету „Курьеръ“, только что возникшую. Практики юридической мнѣ за недосугомъ пріобрѣсти не удалось: было у меня всего-навсего одно гражданское дѣло, которое я проигралъ во всѣхъ инстанціяхъ, и нѣсколько уголовныхъ безплатныхъ защитъ.

Въ 1898 году я написалъ, по предложенію секретаря „Курьера“ И. Д. Новикова, первый свой разсказъ, пасхальный, и затѣмъ уже цѣликомъ отдался литературной дѣятельности, довольно разнообразной: одно время составлялъ судебные отчеты, писалъ фельетоны подъ различными псевдонимами и разсказы. Теперь я занимаюсь одной беллетристикой и лишь изрѣдка пишу статейки на общественныя темы. Сильно помогъ мнѣ въ литературномъ отношеніи своими всегда дѣльными совѣтами и указаніями Максимъ Горькій“.

II.

Въ 1910 г. Леонидъ Николаевичъ, по моей просьбѣ, далъ слѣдующую справку для архива „Критико-біограф. Словаря“:

„Я плохо знаю моихъ восходящихъ родныхъ: большинство изъ нихъ умерло, либо безвѣстно затерялось въ жизни, когда я былъ еще маленькимъ. Но насколько могу судить по тѣмъ немногимъ даннымъ, которыя дало мнѣ наблюденіе, мое влеченіе къ художественной дѣятельности наслѣдственно опирается на линію материнскую. Именно въ этой сторонѣ я нахожу наибольшее количество людей одаренныхъ, хотя одаренность ихъ никогда не поднималась значительно выше средняго уровня и часто, подъ неблагопріятными вліяніями жизни, принимала уродливыя формы. Безкорыстная любовь къ вранью и житейскому вредному сочинительству, которой иногда страдаютъ обитатели нашихъ медвѣжьихъ угловъ, часто бываетъ неразвившимся зародышемъ того же литературнаго дарованія. И пылкое фантазерство, не находившее себѣ границъ въ условіяхъ скудной дѣйствительности, составляло характерную черту нѣкоторыхъ моихъ родственниковъ, повторяю, уже умершихъ. Въ смыслѣ обычной талантливости они, оставаясь самоучками, проявляли себя такъ: одни любили

и умѣли рисовать, но не шли дальше лошадей и турокъ въ фескахъ другіе имѣли склонность къ музыкѣ, но другого инструмента, кромѣ трехрядной гармоники, не знали. Покойный отецъ мой былъ человѣкомъ яснаго ума, сильной воли и огромнаго безстрашія, но къ художественному творчеству въ какой бы то ни было формѣ склонности не имѣлъ. Книги, однако, любилъ и читалъ много, къ природѣ же относился съ глубочайшимъ вниманіемъ и той проникновенной любовью, источникъ которой находился въ его мужицко-помѣщичьей крови. Былъ хорошимъ садоводомъ, всю жизнь мечталъ о деревнѣ, но умеръ въ городѣ.

Чтобы покончить съ вопросомъ о наслѣдственности, скажу, что отецъ и мать [1]) поженились очень рано, оба были людьми здоровыми и очень крѣпкими, а отецъ, кромѣ того, отличался огромной физической силой. Въ городѣ отецъ умеръ рано, всего сорока двухъ лѣтъ скоропостижно, отъ кровоизліянія въ мозгу; въ деревнѣ онъ могъ бы дожить и до ста лѣтъ.

Читать я началъ шести лѣтъ и читалъ чрезвычайно много, все, что попадалось подъ руку; лѣтъ съ семи уже абонировался въ библіотекѣ. Съ годами страсть къ чтенію становилась все сильнѣе, и уже съ десяти-двѣнадцати лѣтъ я началъ ощущать то извѣстное провинціальному читателю чувство, которое могу назвать тоскою о книгѣ. Моментомъ сознательнаго отношенія къ книгѣ считаю тотъ, когда впервые прочелъ Писарева, а вскорѣ затѣмъ „Въ чемъ моя вѣра?“ Толстого. Это было въ классѣ четвертомъ или пятомъ гимназіи; и тутъ я сдѣлался одновременно соціологомъ, философомъ, естественникомъ и всѣмъ остальнымъ. Вгрызался въ Гартмана и Шопенгауера, и въ то же время наизусть (иначе нельзя было) вызубрилъ полкниги „Ученіе о пищѣ“ Молешотта. Къ двадцати годамъ я былъ хорошо знакомъ со всею русскою и иностранною (переводною) литературою; были авторы, какъ, напримѣръ Диккенсъ, которыхъ я перечитывалъ десятки разъ. Вообще же любилъ и до сихъ поръ люблю только толстыя книги; и въ библіотекѣ бралъ лишь такія, при которыхъ цѣна была обозначена не меньше рубля.

Но о томъ, чтобы быть писателемъ, не думалъ, ибо чуть ли не съ самаго младенчества чувствовалъ страстное влеченіе къ живописи. Рисовалъ много (первой учительницей была мать, которая держала карандашъ въ моихъ рукахъ); но такъ какъ въ Орлѣ ни школъ, ни настоящихъ учителей не было, то все дѣло ограничивалось безплоднымъ дилетантизмомъ. Бывали удачные рисунки и портреты, за которые меня хвалили, а учителя гимназіи совѣтовали немедленно ѣхать въ академію (обычная форма совѣта была такова: чѣмъ сидѣть на камчаткѣ и протирать парту, поѣзжайте-ка... и т. д.), но еще чаще бывали неудачи, и во всемъ, что я рисовалъ, чувствовалось

[1]) Отецъ Л. Н. по крови—сынъ предводителя дворянства и крѣпостной дѣвушки, мать, урожденная Поцковская, польскаго происхожденія.

отсутствіе школы, иногда простая неграмотность. Натуры я не любилъ и всегда рисовалъ изъ головы, впадая временами въ комическія ошибки: до сихъ поръ со стыдомъ вспоминаю лошадь, у которой по какой-то нелѣпой случайности оказалось всего три ноги. Все уже кончилъ, „оттушевалъ" бока, похожіе на колбасу, а четвертую ногу позабылъ. И только посторонній критическій взглядъ открылъ мнѣ мою позорную забывчивость. И до чего было обидно: прекрасно оттушеванной колбасы никто и не замѣтилъ, а надъ ногою всѣ смѣялись. Фантазировалъ я безконечно: былъ у меня огромный альбомъ „рожъ", штукъ триста, и года два или три я провелъ въ мучительныхъ поискахъ „Демона".

О писательствѣ задумался впервые лѣтъ семнадцати. Къ этому времени относится очень характерная запись въ моемъ дневникѣ; въ ней съ удивительной правильностью, хотя въ выраженіяхъ и ребяческихъ, намѣченъ тотъ литературный путь, которымъ я шелъ и иду понынѣ. Вспомнилъ о дневникѣ случайно, когда былъ уже писателемъ, съ трудомъ нашелъ эту страничку—и былъ пораженъ точностью и совсѣмъ не мальчишеской серьезностью сбывающагося предсказанія.

Въ гимназіи къ моимъ „сочиненіямъ" относился очень благосклонно директоръ, онъ же преподаватель русскаго языка И. А. Бѣлорусовъ.

Первый мой, однако, литературный опытъ былъ вызванъ не столько влеченіемъ къ литературѣ, сколько голодомъ. Я былъ на первомъ курсѣ въ петербургскомъ университетѣ, очень серьезно голодалъ и съ отчаянія написалъ прескверный разсказъ „О голодномъ студентѣ". Изъ редакціи „Недѣли", куда я самолично отнесъ разсказъ, мнѣ его вернули съ улыбкой. Не помню, куда онъ дѣвался. Потомъ были и серьезныя попытки проникнуть въ литературу: посылалъ я разсказы и въ „Сѣверный Вѣстникъ", и въ „Ниву" и ужъ не помню куда, и отовсюду получалъ отказъ, въ общемъ совершенно справедливый—вещи были плохи. Но меня эти неудачи привели къ тому, что къ окончанію университета, т.-е. къ 27-ми годамъ, я уже совершенно не думалъ о литературѣ, серьезно рѣшилъ стать присяжнымъ повѣреннымъ.

Но здѣсь вмѣшалась въ дѣло „случайность". Между прочимъ, самъ я „случайности" не признаю и прибѣгаю къ этому выраженію только въ цѣляхъ упрощенія разсказа. Дѣло заключалось въ томъ, что одинъ знакомый адвокатъ, знавшій о моихъ попыткахъ писательствовать и даже непосредственно знакомый съ нѣкоторыми изъ моихъ неудачныхъ разсказовъ, предложилъ мнѣ мѣсто судебнаго репортера въ газетѣ „Московскій Вѣстникъ". Какъ репортеръ, я заслужилъ одобреніе редакціи, мѣсяца черезъ два перекочевалъ въ только что возникшую газету „Курьеръ", а дальше все уже пошло по писанному: сперва репортажъ, потомъ маленькіе фельетоны, потомъ большіе, потомъ робкая пасхально-праздничная беллетристика и такъ

далѣе. Здѣсь мой путь, какъ мнѣ кажется, ничѣмъ не отличается отъ пути всякаго иного беллетриста, начавшаго свою литературную дѣятельность въ газетѣ. Работалъ я очень много, но въ деньгахъ нуждался: половину у меня черкала цензура, а за другую половину оставалось по тогдашней построчной платѣ не такъ ужъ много. Помню, что за разсказъ „Большой шлемъ“ я получилъ 18, не то 19 рублей. Въ редакціи „Курьера“ ко мнѣ относились хорошо, чувствовалъ я тамъ себя превосходно и, подпавъ подъ гипнозъ типографской краски, безо всякаго дѣла просиживалъ ночи въ типографіи съ секретаремъ И. Д. Новикомъ. Благодарную память храню я и о редакторѣ нашей газеты Я. А. Фейгинѣ.

Какъ первымъ моментомъ моего сознательнаго отношенія къ книгѣ я считаю чтеніе Писарева, такъ пробужденіемъ истиннаго интереса къ литературѣ, сознаніемъ важности и строгой отвѣтственности писательскаго званія я обязанъ Максиму Горькому. Онъ первый обратилъ серьезное вниманіе на мою беллетристику (именно на первый напечатанный мой разсказъ „Баргамотъ и Гараська“), написалъ мнѣ и затѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ оказывалъ мнѣ неоцѣнимую поддержку своимъ всегда искреннимъ, всегда умнымъ и строгимъ совѣтомъ. Въ этомъ смыслѣ знакомство съ Максимомъ Горькимъ я считаю для себя, какъ для писателя, величайшимъ счастьемъ, и если говорить о лицахъ, оказавшихъ дѣйствительное вліяніе на мою писательскую судьбу, то я могу указать только на одного Максима Горькаго—исключительно вѣрнаго друга литературы и литератора. Только извѣстная сдержанность по отношенію къ нему заставляетъ меня удержаться отъ болѣе горячаго выраженія чувства признательности и чувства глубокаго, единственнаго уваженія.

Постараюсь коротко отвѣтить и на нѣкоторые вопросы второстепеннаго значенія.

Первый мой разсказъ „Баргамотъ и Гараська“ написанъ подъ исключительнымъ вліяніемъ Диккенса и носитъ на себѣ замѣтные слѣды подражанія.

Серьезныхъ цензурныхъ препятствій въ моей беллетристической работѣ не встрѣчалъ. Нѣкоторыя гоненія испытывалъ уже послѣ того, какъ вещь была напечатана или поставлена въ театрѣ.

Первый критическій отзывъ, который, я знаю, принадлежитъ А. А. Измайлову,—онъ очень доброжелательно отнесся къ моему разсказу „Жили-были“. Вообще до появленія перваго моего тома критическихъ статей обо мнѣ не было.

Сейчасъ я матеріально обезпеченъ“.

Январь 1910.

III.

Годы студенчества Андреева совпали съ послѣдними годами того политическаго затишья, которымъ знаменуются 1880-ые годы и начало 1890-хъ годовъ. Уже началось въ лучшей части молодежи

оживленіе, скоро получившее ярко выраженіе въ марксистскомъ движеніи, но для большинства далеко еще не кончилась та полоса, о которой мнѣ пришлось говорить въ первой статьѣ вводнаго очерка „Этапы псоромантическаго движенія“, когда я характеризовалъ общественную реакцію побѣдоносцевскаго періода. Я указывалъ, что въ 80-мъ годахъ „порывъ къ самопожертвованію, жажда правды, тоска: по идеалу начинают исчезать въ самыхъ чуткихъ элементахъ русскаго общества—учащейся молодежи. Она теперь не только въ значительной части своей охладѣваетъ къ идеямъ высшаго порядка, но почти демонстративно превращается въ буршей, которые въ дни университетскаго праздника производятъ уличные скандалы, врываются въ рестораны и даже публичные дома, нарушаютъ порядокъ на театральныхъ представленіяхъ“.

Весьма мало интересовался общественностью и Андреевъ въ годы студенчества. Уже студенчество начинало оживать, уже нарождался цѣлый рядъ кружковъ и организацій, но Андреевъ ни къ какимъ изъ этихъ начинавшихъ вновь возникать политическихъ кружковъ не примыкалъ. Онъ жилъ тою забулдыжною жизнью студенческой цыганщины, которую позднѣе изобразилъ въ „Дняхъ нашей жизни“ и „Gaudeamus“. В. В. Брусянинъ, хорошо освѣдомленный разсказами близкихъ и самого Л. Н. о фактахъ его жизни и написавшій для издаваемой к-вомъ К. Ф. Некрасова „Біографической библіотеки“ книжку о Леонидѣ Андреевѣ, приводитъ изъ „Кіевской газеты“ (1903 г., ноябрь) сообщеніе журналиста В. С. Чаговца:

„Кто бы могъ угадать въ безшабашномъ гимназистѣ и затѣмъ въ безалаберномъ студентѣ московскаго университета девяностыхъ годовъ будущаго писателя съ такимъ крупнымъ талантомъ? Товарищи его по университету разсказывали мнѣ о немъ, какъ о типичномъ студентѣ, увлекающемся, влюбчивомъ и быстро охлаждающемся. Въ интимномъ кругу, говорятъ, существовалъ даже терминъ: *пить по Андреевски: аршинъ колбасы и аршинъ ромокъ*. Но быль—если это и такъ—молодцу не укоръ“.

Конечно, не укоръ, и самъ же Андреевъ въ весьма цѣнномъ во многихъ отношеніяхъ автобіографическомъ фельетонѣ „Татьянинъ день“ (1902) разсказываетъ о себѣ:

„Былъ я въ ту пору изрядным пессимистомъ и, несмотря на крайнюю молодость, о вещахъ судилъ съ стариковскою основательностью. Молодость перла изъ меня во всѣ стороны, но я тщательно обрѣзалъ ея ростки, залѣпляя раны пластыремъ зеленаго скептицизма. Получалось чортъ знаетъ что,- а въ общемъ доподлинный юноша, съ богатыми залежами добраго и злого, искренняго и напускного. Къ числу вещей, безусловно мною отвергаемыхъ, принадлежала трезвость. Запасъ наблюденій, уже тогда сдѣланныхъ мной надъ обывателемъ, убѣждалъ меня, что въ трезвомъ состояніи обывательская душа—могила, и когда мнѣ предложили 8 февраля (университетскій праздникъ) праздновать безъ спиртныхъ напитковъ, я отнесся къ предложенію съ недовѣріемъ и даже нѣкоторой насмѣшкой.

— Что же будетъ?—спрашивалъ я.

— Рѣчи будутъ.

— Да какъ же я, трезвый, эти рѣчи слушать буду?

— А вотъ послушаешь.

И послушалъ. Такого сильнаго, радостнаго и бодраго настроенія я никогда ни прежде, ни послѣ не испытывалъ. И тутъ впервые я понялъ ложь пьянства, понялъ, что есть нѣчто неизмѣримо сильнѣйшее вина, этого жалкаго суррогата жизни.

Собралось всего человѣкъ триста студентовъ, профессоровъ и литераторовъ. Были: Глѣбъ Успенскій, Н. К. Михайловскій, были профессора Лесгафтъ, Карѣевъ, Бекетовъ. Желудочная часть вечеринки, нынѣ въ подобныхъ случаяхъ „превалирующая", у насъ была обставлена съ великою пышностью, и всѣ страны прислали свои дары: Китай прислалъ чаю, остальныя страны—бутербродовъ съ ветчиной. Подписная цѣна была цѣлковый.

Какъ это началось, я не знаю. Точнѣе это никакъ не начиналось, а всталъ какой-то студентъ и заговорилъ,—и эта первая, простая и искренняя рѣчь зажгла всю аудиторію. Именно зажгла—другого выраженія не подыщешь, чтобы охарактеризовать всѣ эти возбужденныя молодыя лица, горящіе глаза и то пламенное и страстное чувство, отъ котораго такъ безконечно расширялось сердце; нѣмые заговорили, робкіе стали смѣлыми и нерѣшительные твердыми. Говорили всѣ, и каждая рѣчь была какъ колоколъ, ибо диктовало ее сердце, то молодое и крѣпкое, дающее чистый и цѣльный звукъ, то старое, но еще болѣе властное и могучее. Давно уже со столовъ сняли стаканы и на мѣстѣ ихъ очутились ораторы,—всякій, кому хотѣлось говорить, влѣзалъ на столъ или стулъ и, опираясь на плечи ближайшихъ товарищей, говорилъ, и порядокъ, при всей этой свободѣ, былъ образцовый.

Были тутъ мало знакомые другъ съ другомъ и совсѣмъ не знакомые, были сѣдые старики и безбородые юноши,—но такова была власть душевнаго подъема, что всѣ различія сгладились, всѣ стали знакомыми и друзьями, всѣ стали юношами, и это было такъ хорошо, что плакать хотѣлось. Понимаете ли вы, что это значитъ: гордость—быть человѣкомъ, гордость—быть студентомъ, понимаете ли вы эту нестерпимую и сладкую жажду труда, жажду подвига!

Прекрасна была рѣчь проф. Лесгафта, но лучше всѣхъ и сильнѣе всѣхъ сказалъ одинъ студентъ—по лицу юноша, по энергіи и жару словъ—зрѣлый мужъ [1]). Глаза его [illegible] огнемъ вдохновенія, и, хрупкій, изящный, онъ росъ на нашихъ глазахъ, какъ [illegible] и голосъ его былъ громокъ, или нѣтъ, чѣмъ-то лучшимъ, чѣмъ стихійное грохо[illegible]онъ былъ божественной музыкой человѣческой рѣчи, идущей прямо отъ сердца. И я, бывшій скептикъ, плакалъ, и многіе глаза увлажнялись и смотрѣли на него съ любовью, ибо нельзя не любить человѣка, когда устами его говоритъ само божество.

На Невскомъ еще горѣли электрическіе фонари, и жалкія женщины ловили покупателей на свое измученное тѣло, и группами бродили пьяные студенты, когда мы вышли изъ ресторана. Студенты кричали:

— Съ праздникомъ, коллеги.

И цѣловались. Отъ нихъ пахло водкой, мокрые усы слюнявымъ поцѣлуемъ прижимались къ щекѣ, и это было такъ печально, такъ жалко! Бѣдные, они не испытали счастье быть людьми.

Много прошло времени съ тѣхъ поръ, но этотъ вечеръ остается однимъ изъ лучшихъ моихъ воспоминаній; и до сего дня я чувствую животворную силу его".

Въ этомъ, интереснѣйшемъ самомъ по себѣ, описаніи и въ этихъ характерныхъ не только для одного Андреева, но и для цѣлой полосы исторіи русскаго студенчества самопризнаніяхъ вполнѣ второстепенное значеніе, конечно, имѣетъ то, что Андреевъ-студентъ такъ радикально „отвергалъ" трезвость. Гораздо характернѣе сила и новизна впечатлѣній, вынесенныя изъ посѣщенія вечеринки, которая, конечно, представляетъ собою высоко-умилительное явленіе, но и вмѣстѣ

[1]) Очень рано скончавшійся даровитый публицистъ и ученый Ник. В. Водовозовъ.
С. В.

съ тѣмъ и самое обычное въ быту идейной части молодежи. А вотъ Андреевъ только впервые былъ здѣсь охваченъ опьяняющимъ возбужденіемъ общественности, впервые увидѣлъ, что дѣйствительно есть нѣчто „неизмѣримо-сильнѣйшее вина". Даже допуская тутъ нѣкоторую размашистость фельетоннаго стиля — вѣдь мы знаемъ, что еще гимназистомъ Андреевъ „вгрызался" и въ Гартмана, и въ Писарева, и въ Толстого,—нужно, однако, считаться, какъ съ фактомъ, съ тѣмъ, что̀ осталось въ памяти Андреева, какъ впечатлѣніе художественной натуры. Эти слезы и это восторженное настроеніе, сохраненныя памятью сердца, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ о полной новизнѣ впечатлѣній и о томъ, что дѣйствительно въ первый разъ столкнулся онъ съ обаяніемъ общественно-политичекаго возбужденія.

Но если въ первый, то, столь же несомнѣнно, и въ послѣдній разъ или одинъ изъ послѣднихъ разовъ. Въ общемъ, Андреевъ на всю жизнь остался типичнымъ аполитикомъ, человѣкомъ, котораго политическія проблемы просто не задѣваютъ. Его нимало не опьянилъ даже 1905 годъ.

IV.

Изъ первой автобіографической замѣтки мы знаемъ, что въ 1894 г. Андреевъ студентъ „неудачно стрѣлялся", результатомъ чего была „болѣзнь сердца, не опасная, но упрямая и надоѣдливая".

Была и еще одна попытка самоубійства ножомъ, о которой читаемъ въ упомянутой обстоятельной біографіи Андреева—книжкѣ В. В. Брусянина: „Леонидъ Андреевъ. Жизнь и творчество". (Біограф. Библіотека, № 2, изд. К. Ф. Некрасова, М. 1912). Тутъ тоже фигурируетъ вечеринка, но не совсѣмъ такая, какую описалъ Андреевъ въ „Татьяниномъ днѣ":

„Мнѣ удалось слышать разсказъ очевидца о томъ трагическомъ моментѣ, когда Андреевъ покушался на собственную жизнь ударомъ ножа въ грудь. Это случилось, на обыкновенной „кружковой" студенческой вечеринкѣ (въ Петербургѣ). Много на этой вечеринкѣ веселились, пѣли и плясали „казачка" и „гопака", много и пили, была даже „мертвецкая"... Но много также на этой вечеринкѣ спорили и говорили. Въ средѣ молодежи всегда есть поводъ къ горячимъ спорамъ. Всегда имѣются у насъ въ общественной жизни и въ жизни студенческой поводы къ тому, чтобы молодежь волновалась, спорила и нервничала. Былъ такимъ нервнымъ и тотъ вечеръ, когда Андреевъ покушался на самоубійство, нервный вечеръ съ безконечными спорами, можетъ быть, даже и ссорами между отдѣльными собесѣдниками.

Если писать біографію по рецепту Вл. Чаговца изъ „Кіевской Газеты", который писалъ, что въ кружкахъ студенчества существовалъ терминъ: *пить по-андреевски, аршинъ колбасы и аршинъ рюмокъ*, то, конечно, и въ разсказѣ, о которомъ идетъ рѣчь, можно ввести этотъ тонъ, но это не будетъ полной правдой, и во всякомъ случаѣ, это будетъ только нѣчто внѣшнее въ жизни человѣка. Чтобы быть на высотѣ объективной правды, необходимо знать кое-что еще изъ внутреннихъ переживаній дѣйствующихъ лицъ описываемаго момента.

Очевидецъ случая съ Андреевымъ какъ разъ разсказываетъ о томъ, что поводовъ къ нервничанію и разнаго рода эксцессамъ именно на этой вечеринкѣ было не мало. И поводы эти были не личнаго характера, а отголоскомъ общественной и студенческой жизни. Надо припомнить все, что волновало студенчество въ этотъ вечеръ, надо знать,

что говорилось на вечеринкѣ участниками ея и Андреевымъ, и какъ эти разговоры воспринималъ самъ Андреевъ.

Онъ по-своему воспринялъ впечатлѣнія вечеринки, и результатомъ пережитаго явилась попытка на самоубійство".

Есть и еще одинъ эпизодъ изъ самой ранней поры жизни Андреева—не то прямая попытка самоубійства, не то „испытаніе судьбы" своей, но къ психологіи самоубійства, во всякомъ случаѣ, весьма близкое. Вотъ собственный разсказъ объ этомъ Андреева, въ передачѣ В. В. Брусянина:

„Увлекся я произведеніемъ Толстого: „Въ чемъ моя вѣра", увлекся и проштудировалъ книгу великихъ исканій... Прочелъ, но вѣры толстовской не воспринялъ. Положительную часть ученія—вѣру въ Бога, совершенствованіе личной жизни ради одной цѣли—Богъ,—не воспринялъ и отбросилъ, какъ нѣчто чуждое мнѣ, и осталось только то, что отрицалось Толстымъ до предѣловъ его положительнаго ученія. И я спрашивалъ себя: какая цѣль моей жизни, если во мнѣ нѣтъ стремленія къ Богу по существу толкованій „великаго писателя земли русской"? И вотъ, однажды, въ ясную майскую ночь я былъ въ компаніи молодежи. Было весело, шумно и интересно. Возвращались мы по полотну желѣзной дороги. Кто-то въ толпѣ еще спорилъ, не имѣя силъ покончить съ темой, затронутой еще на пикникѣ. Кто-то пѣлъ, другіе мальчишествовали, толкались, играли въ чехарду. А я отсталъ отъ остальныхъ, шелъ сзади и былъ мраченъ въ своемъ одиночествѣ. И спрашивалъ я себя: съ какой цѣлью *тѣ* спорятъ, съ какой цѣлью *эти* поютъ? Почему, зачѣмъ они это дѣлаютъ? Почему и почему мы идемъ по полотну дороги? Для чего строилась эта дорога? Для чего они, мои товарищи, веселятся и живутъ? И вдругъ, на виду у поѣзда, во мнѣ обострилась мысль о самоубійствѣ, и я легъ между рельсовъ, задавшись вопросомъ: если останусь живъ, значитъ, есть смыслъ въ моей жизни, если же поѣздъ раздавитъ меня, стало быть, въ этомъ воля Провидѣнія... Мнѣ зашибло грудь и голову, расцарапало меня, сорвало куртку, разодрало въ клочья, но я все же остался невредимъ... Тогда мнѣ было 16 лѣтъ."

Какъ мнѣ лично разсказывалъ Л. Н., онъ, „испытывая судьбу" свою, зналъ, что по Орловско-Витебской дорогѣ ходятъ паровозы двухъ типовъ: съ высокой топкой и съ низкой. Низкая топка превратила бы его въ груду истерзаннаго мяса, но на этотъ разъ паровозъ имѣлъ высоко поднятую топку, и промчавшійся надъ юношей поѣздъ не причинилъ ему вреда.

V.

Къ серединѣ 1900-хъ гг. относится событіе въ личной жизни Андреева, которое не могло не оказать вліянія, если и не на самую силу его творчества, то во всякомъ случаѣ на окраску его. Мрачное и до того, оно стало еще мрачнѣе. Авторъ большого критико-біографическаго изслѣдованія: „Двѣ правды. Книга о Леонидѣ Андреевѣ"—В. Л. Львовъ-Рогачевскій въ главѣ „Шаги Смерти" сообщаетъ:

„Въ концѣ ноября 1905 года Леонидъ Андреевъ долженъ былъ [1]) выѣхать съ женой и сыномъ изъ Россіи и пробылъ за-границей полтора года, съ короткимъ перерывомъ для лѣтняго пребыванія въ Финляндіи.

[1]) Въ связи съ тѣмъ, что осенью 1905 г. былъ двѣ недѣли арестованъ. На его квартирѣ собирался соціалъ-демократическій комитетъ. Л. Н. самъ тутъ былъ ни причемъ, но за то, что онъ далъ пріютъ нелегальному сборищу, ему предложено было оставить Москву.

Въ Берлинѣ, въ томъ самомъ ненавистномъ художнику городѣ, который такъ не трудно узнать въ разсказѣ „Проклятіе звѣря", умерла жена Леонида Андреева 27 ноября 1906 года.

Отмѣчаю этотъ фактъ, потому что онъ имѣетъ большое значеніе и для литературы. Послѣ Максима Горькаго наиболѣе сильное вліяніе на творчество писателя оказывала Александра Михайловна, урожденная Велигорская, на которой женился Л. Андреевъ, когда ему было 30 лѣтъ, т.-е. при самомъ началѣ литературной дѣятельности.

Ей первой читалъ молодой художникъ свои вещи, и она первая говорила ему слова правды, иногда суровыя.

По отзывамъ знавшихъ ее, эта чуткая женщина отличалась большимъ вкусомъ, чувствомъ мѣры и тактомъ.

Свое „представленіе"—„Жизни человѣка" Леонидъ Андреевъ посвятилъ ей въ такихъ трогательныхъ выраженіяхъ:

„Свѣтлой памяти моего друга, моей женѣ отдаю эту вещь, послѣднюю, надъ которой мы работали вмѣстѣ".

Въ этой пьесѣ художникъ вложилъ въ уста человѣка-архитектора въ тотъ моментъ, когда въ сосѣдней комнатѣ умираетъ его сынъ, такія слова, полныя страннаго предчувствія:

„Посмотри, жена; вотъ это я началъ чертить, когда нашъ сынъ былъ еще здоровъ, вотъ на этой линіи я остановился и подумалъ: „отдохну, а потомъ буду продолжать опять". Посмотри, какая простая и спокойная линія, а на нее страшно взглянуть: вѣдь она можетъ быть послѣднею, которую провелъ при жизни сына. Какимъ зловѣщимъ невѣдѣніемъ дышитъ ея простота и спокойствіе".

Въ письмѣ 1908 года ко мнѣ художникъ говоритъ: „Покойная была моимъ дѣятельнымъ сотрудникомъ въ моей работѣ, чуткимъ и безпристрастнымъ критикомъ, часто заставлявшимъ меня измѣнять какъ форму, такъ и направленіе работы. Послѣднія мои вещи „Іуда Искаріотъ", „Тьма", „Проклятіе звѣря" и „Царь Голодъ" написаны уже безъ нея и, если это имѣетъ для васъ значеніе, носятъ на себѣ слѣды моихъ крайне тяжелыхъ переживаній".

Другой біографъ, В. В. Брусянинъ, говоритъ въ своей книжкѣ:

„Красивой, грустной тѣнью прошла черезъ жизнь Л. Н. Андреева его первая жена [2]). Я всего раза два-три встрѣчался съ покойной, когда Андреевы жили въ Москвѣ, но до сихъ поръ во мнѣ живо впечатлѣніе этихъ встрѣчъ. Нѣжная, хрупкая, съ какой-то тихой грустью въ глазахъ, она точно чувствовала свою недолгую жизнь, близко принимая къ сердцу судьбу литературныхъ произведеній мужа, нуждающагося въ дружбѣ и поощреніи.

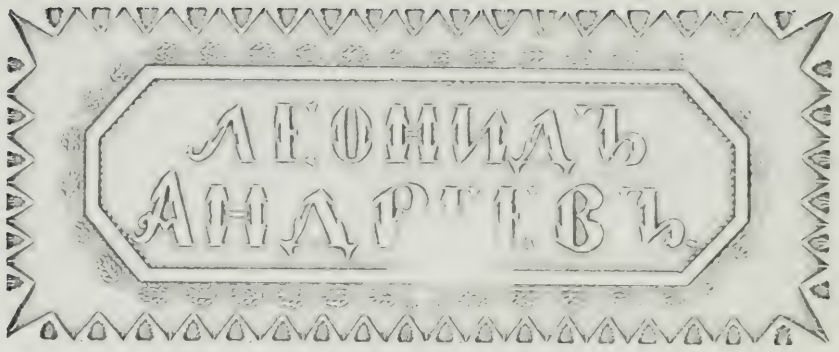
Лицо, больше меня знавшее Александру Михайловну и ея отношенія къ мужу, характеризуетъ покойную такъ:

„Она была женою-другомъ, любовно относясь къ литературѣ; вооруженная тонкимъ художественнымъ чутьемъ и острымъ чувствомъ изящнаго, она дѣятельно работала съ мужемъ. Все написанное имъ сообща обсуждалось, и ко всему написанному имъ Александра Михайловна относилась возможно объективно и строго. Послѣднее произведеніе „Жизнь человѣка" (это писалось въ годъ смерти Андреевой *В. Б.*),— которому суждено будетъ надѣлать много шуму своей индивидуальной формой и смѣлымъ новаторствомъ, написано Л. Н., по его собственному признанію, „при особенно дѣятельномъ ея участіи". Къ этому новаторству Александра Михайловна толкала Леонида Андреева смѣлой рукой, и они шли рядомъ другъ съ другомъ, вмѣстѣ думая, вмѣстѣ работая".

Ред.

---

[1]) Позднѣе Л. Н. женился на дочери одесскаго журналиста А. И. Денисевичъ.



Л. С. Козловскаго.

I.

Творчество Леонида Андреева, какъ и творчество Горькаго, обвѣяно тою историческою грозою, которая пронеслась надъ русской жизнью въ началѣ XX столѣтія. Разница лишь въ томъ, что Горькій былъ бодрымъ „буревѣстникомъ“ этой эпохи, онъ пѣлъ: „не скроютъ солнца тучи“,—Андреевъ, исполненный мрачныхъ предчувствій, предсказывалъ ту тьму, въ которой погаснутъ огни. Но въ обоихъ писателяхъ, и въ пѣвцѣ солнца и въ пѣвцѣ тьмы, дыханіе надвигающейся грозы будило великую тревогу и великую тоску, жажду полета и мечту объ исполинскихъ взмахахъ крыльевъ.

Одинъ вѣрилъ въ побѣду, другой не вѣрилъ, одинъ воспѣвалъ красоту полета, другой—ужасъ паденія, одинъ звалъ въ поднебесную высь, другой заставлялъ заглядывать въ бездну, но оба сильно и страстно ненавидѣли ту плоскость жизни, гдѣ нѣтъ ни подъема, ни паденія, ни безднъ, ни высотъ, оба не мирились съ тѣмъ, что есть, оба отрицали сѣренькую дѣйствительность. Популярность Горькаго въ предреволюціонные годы нарастающаго общественнаго подъема настолько понятна, что и объяснять ее излишне, но и успѣхъ Л. Андреева въ эти годы легко объяснимъ. Онъ привлекалъ читателей стихіей бунта; правда, его бунтъ—невѣрующій, безнадежный, но все же это—бунтъ. Правда, люди стойкихъ убѣжденій, увѣренные въ торжествѣ своихъ идеаловъ и программъ, смѣло идущіе въ бой за нихъ и зовущіе другихъ за собой, осуждали Андреева за тотъ мракъ, котораго такъ много въ его разсказахъ, за сгущеніе черныхъ красокъ, за картины ужасовъ, убивающихъ вѣру въ жизнь. Но вѣдь въ эти годы было вообще немало протестующихъ, негодующихъ и сомнѣвающихся въ то же время.

Вспомнимъ, что въ освободительномъ движеніи начала XX в., на ряду съ торжествующей пѣсней свободы, звучала и мрачная

трагическая мелодія „Вы жертвою пали", похоронное пѣніе стало гимномъ движенія.

Сомнѣнія и мрачныя предчувствія не одно наполняли сердце, и были такіе, которые шли съ готовностью погибнуть, но безъ вѣры въ успѣхъ. Эта трагическая сторона русской жизни въ годы общественнаго подъема отражалась въ мрачномъ трагизмѣ, проникающемъ произведенія Андреева. „Изойти слезами, умереть, уйти! Зачѣмъ жить, когда лучшіе погибаютъ! Нѣтъ оправданія жизни—нѣтъ ей оправданія!" Этотъ стонъ, вырвавшійся у Маруси въ драмѣ „Къ звѣздамъ", не могъ не найти сочувственнаго отклика въ тысячахъ сердецъ, ибо тотъ ужасъ, который переживаетъ Маруся, послѣ того какъ ея возлюбленный, избитый въ тюрьмѣ, сошелъ съ ума, не былъ выдуманъ писателемъ и не былъ рѣдкимъ, исключительнымъ явленіемъ,—онъ нависъ надъ русской жизнью.

Въ жизни были и ужасъ, и безуміе, о которыхъ говоритъ „Красный смѣхъ". И авторъ „Краснаго смѣха" былъ, несомнѣнно, пѣвцомъ этого періода русской жизни. А когда общественный подъемъ смѣнился реакціей, и дѣйствительность превзошла самыя мрачныя предчувствія, то неудивительно, что Леонидъ Андреевъ своими мрачными образами „Елеазара", „Жизни человѣка", „Іуды", „Тьмы", „Царя голода", „Семи повѣшенныхъ" приковалъ къ себѣ общее вниманіе.

И неудивительно также, что, когда прошло еще немного времени, и въ обществѣ обнаружилось стремленіе примириться съ дѣйствительностью, успокоиться, забыть о раздражающихъ впечатлѣніяхъ и мучительныхъ вопросахъ, Андреевъ сталъ не ко времени: его непрерывный бунтъ слишкомъ тревожилъ. Въ этомъ—причина охлажденія къ Андрееву, которое обнаружилось въ послѣднее время. Это охлажденіе къ Андрееву стало замѣтнымъ съ конца 1908 года, когда появились „Мои записки" и „Черныя маски".

Оба эти произведенія самымъ рѣзкимъ образомъ шли противъ тенденціи къ успокоенію. Въ „Моихъ запискахъ" назойливо стоитъ передъ глазами „желѣзная рѣшетка" — символъ рабства, которое тщетно пытался свергнуть человѣкъ и о которомъ теперь хотѣлъ не думать. Леонидъ Андреевъ безжалостно напоминалъ о существованіи тюрьмы, въ которой томится жизнь, и философію, стремящуюся оправдать и осмыслить эту тюрьму, онъ изобразилъ въ самомъ отталкивающемъ, гнусномъ видѣ. А въ „Черныхъ маскахъ" онъ безжалостно твердилъ, что, не удастся намъ уйти отъ ужаса и тьмы, разлитыхъ вокругъ насъ, что, какъ бы мы ни уходили во внутрь себя, въ „заколдованный замокъ души", какъ бы ни освѣщали его огнями, придутъ черныя маски, принесутъ съ собой безграничный холодъ и ужасъ жизни — и погаснутъ огни. Любопытно отмѣтить, что и читатели, и зрители отказывались понимать эту драму Андреева; между тѣмъ настроеніе, ее проникающее, до того сильно, цѣльно и опредѣленно, символы большею частью до того

просты и ясны, что непониманіе можно объяснить лишь нежеланіемъ понять. Появись „Черныя маски“ нѣсколькими годами раньше, и публика почувствовала бы то дыханіе ужаса, которымъ вѣетъ отъ этого произведенія, и приняла бы послѣднее такъ же, какъ и „Красный смѣхъ“. Но теперь нервы слишкомъ устали отъ мрачныхъ явленій, хотѣлось забыть о нихъ.

Отмѣченные выше моменты въ смѣнѣ общественнаго настроенія объясняютъ отношеніе читателей къ Андрееву, они объясняютъ также напряженность извѣстныхъ мотивовъ въ творчествѣ послѣдняго. Но не слѣдуетъ преувеличивать злободневнаго характера андреевскихъ произведеній: даже въ тѣхъ изъ нихъ, которыя, повидимому, прямо написаны на злобу дня, какъ „Красный смѣхъ“, „Губернаторъ“, „Такъ было“, „Къ звѣздамъ“, „Разсказъ о семи повѣшенныхъ“, Леонидъ Андреевъ продолжаетъ разрабатывать свою постоянную думу о смыслѣ человѣческой жизни и ужасѣ ея, о несправедливости индивидуальной судьбы и вѣчномъ одиночествѣ души человѣка.

Всюду Леонидъ Андреевъ остается вѣренъ самому себѣ, во всѣхъ его произведеніяхъ передъ нами бунтарь, со стихійной силой возстающій противъ оковъ не только человѣческихъ, но также и природныхъ, противъ мірового порядка. Въ безграничной свободѣ—цѣль этого бунта, въ безграничномъ отчаяніи—его сила.

Въ „бунтѣ“ андреевскомъ, носящемъ печать періода „бури и натиска“ русской жизни, много романтическаго. Его по справедливости можно назвать неоромантикомъ. Его излюбленные герои — исключительныя личности, стоящія надъ толпой и міромъ, одинокія, непонятыя, очень похожи на байроновскія фигуры. Это—люди, „которые считаютъ себя обреченными на страданіе,—люди, которымъ солнце кажется кровавымъ пятномъ, земля—могилой, могила—адомъ, и самый адъ рисуется въ болѣе мрачныхъ краскахъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ“.

Недаромъ одинъ изъ героевъ Леонида Андреева—Саша Погодинъ („Сашка Жегулевъ“) — зачитывается Байрономъ. Герои Андреева сами иногда начинаютъ говорить байроновскими тирадами.

„Я исходилъ много городовъ и земель, и нигдѣ я не видѣлъ свободнаго человѣка. Я видѣлъ только рабовъ. Я видѣлъ клѣтки, въ которыхъ они живутъ, постели, на которыхъ они родятся и умираютъ; я видѣлъ ихъ вражду и любовь, грѣхъ и добродѣтель. И забавы ихъ я видѣлъ: жалкія попытки воскресить умершее веселье. И на всемъ, что я видѣлъ, лежитъ печать глупости и безумія. Родившійся умнымъ глупѣетъ среди нихъ; родившійся веселымъ—вѣшается отъ тоски и высовываетъ имъ языкъ. Среди цвѣтовъ прекрасной земли они устроили сумасшедшій домъ“.

Это говоритъ Савва андреевскій, но вѣдь это романтическій языкъ первой четверти XIX в. Такъ избранныя одинокія натуры,

разочарованные въ жизни и человѣчествѣ представители „міровой скорби" сто лѣтъ тому назадъ громили ничтожество и рабство человѣка и пошлость жизни.

Савва, Іуда, Анатэма, Хагіартъ, Сашка Жегулевъ, Катерина Ивановна,—все это романтическіе образы падшихъ ангеловъ и демоновъ; тяжба съ Богомъ, съ „небомъ гордая вражда", вызовы судьбѣ, проклятія жизни, насмѣшки надъ разумомъ, призывъ къ безумію,—все это характерныя черты романтизма, и всего этого такъ много въ творчествѣ Андреева.

И самая манера письма его—чисто романтическая. Контрасты, сгущеніе красокъ, преувеличеніе,— все это характерные пріемы романтиковъ, знавшихъ лишь черное и бѣлое, холодное и горячее, любившихъ только грандіозное, ненавидѣвшихъ все обычное, среднее, маленькое, будничное.

Одинъ изъ критиковъ (К. Чуковскій) сравнивалъ произведенія Леонида Андреева съ плакатами: огромныя, бросающіяся въ глаза фигуры, рѣзкія кричащія краски,—все это разсчитано на то, чтобы сразу привлечь вниманіе толпы, перекричать шумъ улицы. Это совершенно несправедливо: пріемъ, къ которому прибѣгаетъ Андреевъ, вовсе не послѣдній крикъ современности, а старый, давно извѣстный пріемъ, высшій расцвѣтъ своей нашедшій въ эпохѣ романтизма, но существовавшій и до нея, воскресающій и послѣ нея. И у Леонида Андреева и у романтиковъ эта манера рисовать одно черное или бѣлое, адъ или небо вовсе не является внѣшнимъ искусственнымъ пріемомъ, разсчитаннымъ на эффектъ, она находится въ тѣснѣйшей связи съ міроощущеніемъ и міропониманіемъ художника, съ его способностью именно такъ воспринимать жизнь и съ душевнымъ укладомъ его.

Художникъ-романтикъ не знаетъ и не любитъ земли такой, какова она есть, онъ хотѣлъ бы видѣть въ ней рай, а если она не оказывается раемъ, то она становится адомъ въ его глазахъ, онъ не знаетъ и не любитъ обыкновеннаго человѣка, такого, каковъ онъ есть, онъ любитъ въ немъ ангела, и если не находитъ ангельскихъ чертъ, то видитъ дьявола. Художникъ-романтикъ „не пріемлетъ міра Божьяго" со всѣми его оттѣнками, красками, со свѣтомъ и тѣнью.

Ослѣпительный свѣтъ или полный мракъ, огонь или ледъ, все или ничего,—вотъ девизъ романтика. Романтикъ не пріемлетъ того человѣческаго, которымъ довольствуется и реалистическое мышленіе и реалистическое искусство, онъ возстаетъ противъ ограниченной человѣческой природы, не хочетъ слѣдовать мудрому совѣту, который дастъ человѣку Гёте устами Мефистофеля:

„Весь этотъ міръ и всѣ его созданья для Бога лишь сотворены,
Себѣ онъ выбралъ вѣчное сіяніе, мы въ вѣчный мракъ погружены,
а вы (т.-е. люди) то день, то ночь испытывать должны".

Реалистъ съ этимъ мирится, романтикъ нѣтъ. Если нѣтъ вѣчнаго сіянія, пусть будетъ вѣчный мракъ! А день, смѣняемый ночью, полу-

свѣтъ, полутѣни, — это скучно, ничтожно, мало. Если наши огни не могутъ освѣтить всей тьмы, погасимъ наши фонарики! Если на небо насъ не пускаютъ, ринемся въ адъ. Земля—это только мостъ, перекинутый между адомъ и небомъ, и оставаться на полпути на этомъ мосту романтически настроенный человѣкъ не хочетъ. Таковы старые романтики, таковы и новые, мечтающіе объ абсолютной свободѣ, о сверхчеловѣкѣ: Ибсенъ, Ницше, Леонидъ Андреевъ.

Воскрешая въ своемъ бунтѣ романтизмъ, Леонидъ Андреевъ, конечно, не повторяетъ образы западно-европейской романтической литературы. И въ его романтизмѣ есть своеобразный оттѣнокъ.

Въ душѣ Саввы, говорящаго языкомъ романтиковъ, живетъ тотъ стихійный бунтарь, который и проснулся въ героѣ „Тьмы“:

„...Онъ возвратился къ какому-то первоначалу своему—къ дѣду, къ прадѣду, къ тѣмъ стихійнымъ первобытнымъ бунтарямъ, для которыхъ бунтъ былъ религіей и религія — бунтомъ. Какъ линючая краска подъ горячей водой — смывалась и блекла книжная, чуждая мудрость, а на мѣсто ея вставало свое собственное, дикое и темное, какъ голосъ самой черной земли. И дикимъ просторомъ, безграничностью дремучихъ лѣсовъ, безбрежностью полей вѣяло отъ этой послѣдней темной мудрости его: въ ней слышался смятенный крикъ колоколовъ, въ ней видѣлось кровавое зарево пожаровъ и звонъ желѣзныхъ кандаловъ, и изступленная молитва и сатанинскій хохотъ тысячъ исполинскихъ глотокъ — и черный куполъ неба надъ непокрытой головой“.

Саша Погодинъ зачитывается Байрономъ, но, ставъ Сашкой Жегулевымъ, онъ превращается въ русскаго экспропріатора, и про этотъ андреевскій образъ даже говорили, что онъ прямо списанъ съ натуры.

Въ романтизмѣ Андреева русское бунтарство, русская стихія, его бунтарь порой сливается съ разбойникомъ. Въ „Семи повѣшенныхъ“ разбойникъ Цыганокъ вышелъ живѣе и красочнѣе интеллигентовъ-революціонеровъ, и андреевскій безудержный и безнадежный бунтъ противъ мірового порядка такъ напоминаетъ дерзкій вызовъ Цыганка, который знаетъ, что военный судъ приговоритъ его къ смертной казни, но не смиряется, скалитъ зубы и „мертвый воздухъ судебнаго зала“ прорѣзываетъ „настоящимъ разбойничьимъ посвистомъ“. Леонидъ Андреевъ, нарисовавшій такъ ярко и красочно фигуру разбойника Цыганка, вдохнулъ въ нее поэзію русскихъ разбойничьихъ пѣсенъ, воспѣвающихъ удаль добраго молодца, который безъ надежды, но и безъ страха, идетъ на судъ сложить свою буйную голову. Этой поэзіей вообще проникнутъ невѣрующій бунтъ Андреева, и вызовъ, который бросаютъ андреевскіе бунтари обществу, судьбѣ, небу, — все тотъ же отчаянный свистъ Цыганка — свистъ, въ которомъ и „смертельная тоска того, кого убиваютъ, и дикая радость убійцы, и грозное предостереженіе, и зовъ, и тьма осенней ненастной ночи, и одиночество“... Форму стихійнаго русскаго бунта принимаетъ въ творчествѣ Леонида Андре-

ева протестъ личности противъ общества и мірового порядка. Но этотъ пѣвецъ стихійнаго бунта, такъ напоминающій удалого русскаго молодца, не только русскій душой, но и русскій интеллигентъ, пропитанный вліяніями великой русской литературы. Это — русскій писатель, при всемъ своемъ неоромантизмѣ, при всемъ сходствѣ съ западнымъ романтизмомъ. Въ этомъ отношеніи Андреевъ похожъ на Достоевскаго: послѣдній изъ великихъ романтиковъ, такъ много воспринявшій и сохранившій отъ эпохи романтизма, Достоевскій въ то же время самый національный русскій писатель, выразившій въ своемъ творчествѣ и русскую народную стихію, и больную совѣсть русской интеллигенціи.

Леонидъ Андреевъ, который мотивами своего творчества такъ часто заставляетъ вспоминать Достоевскаго, тоже въ своемъ неоромантизмѣ остался вѣренъ духу русской литературы, съ ея любовью къ послѣднему, самому забитому человѣку, съ его жаждой правды. Отъ другихъ русскихъ правдоискателей онъ отличается своимъ мрачнымъ трагизмомъ, безнадежнымъ характеромъ своего бунта. Но при всей безнадежности этого бунта онъ свидѣтельствуетъ о страстной жаждѣ правды, а вѣдь жажда эта — неотъемлемая черта великой русской литературы. Міръ она принимаетъ только во имя правды. „міръ долженъ быть оправданъ весь, чтобы можно было жить", нельзя отказаться отъ прав[illegible]ельзя согласиться на отсутствіе ея, признать неоправданный міръ, жить неправедной жизнью. Это одно твердо знаетъ русская литература, этому одному она не измѣняла никогда, и этому не измѣнилъ и Леонидъ Андреевъ. Но есть ли въ мірѣ п р а в д а, безъ которой жить нельзя, или, быть можетъ, въ основѣ его лежитъ л о ж ь, злое, а не доброе начало, это вопросъ, черезъ который такъ или иначе проходили русскіе писатели. Въ сомнѣніе и отчаяніе впадали и Бѣлинскій, въ своей юношеской драмѣ „Дмитрій Калининъ" высказывавшій мысль, что, „видно, милосердный Богъ нашъ отдалъ свою несчастную землю на откупъ дьяволу, который и распоряжается ею истинно по-дьявольски", и Достоевскій, въ лицѣ Ивана Карамазова не принимавшій міра.

Въ андреевскомъ бунтѣ нашло свое выраженіе страшное сомнѣніе, не лежитъ ли въ основѣ міра неправда, не положена ли ложь въ основу его, не есть ли тотъ высшій судъ, на которомъ рѣшаются судьбы человѣка и міра, неправедный судъ, не имѣющій за собой ничего, кромѣ простой силы? Передъ этой силой, лишенной моральнаго оправданія, не смиряется андреевскій бунтарь и на приговоръ силы отвѣчаетъ дерзкимъ разбойничьимъ посвистомъ.

„Нельзя жить бунтомъ", сказалъ Достоевскій. Творчество Леонида Андреева еще не закончено и, быть можетъ, окажется впослѣдствіи, что Андреевъ жилъ не однимъ бунтомъ, но пока это творчество представляется именно, какъ попытка „жить бунтомъ".

Сейчасъ намъ и предстоитъ прослѣдить развитіе и мотивы андреевскаго „бунта".

II.

Въ одномъ изъ раннихъ разсказовъ Леонида Андреева „Защита“ (1898 г.) молодой помощникъ присяжнаго повѣреннаго Колосовъ, защитникъ проститутки Тани, обвиняемой въ убійствѣ, въ которомъ она въ дѣйствительности не виновна, впадаетъ въ отчаяніе при мысли о своемъ безсиліи:

„Ну что онъ скажетъ на судѣ? Вѣдь надо разсказать все, что есть горькаго и несправедливаго на свѣтѣ, разсказать о вѣчной не умолкающей борьбѣ за жизнь, о стонахъ побѣжденныхъ и побѣдителей, одной грудой валяющихся на крававомъ полѣ... Но развѣ объ этихъ стонахъ можно разсказать тому, кто самъ ихъ не слышалъ и не слышитъ“...

И Колосовъ не можетъ разсказать объ этихъ стонахъ, нѣтъ словъ, которыя могли бы передать весь ужасъ, охватившій его при мысли о загубленной жизни Тани: „Только въ одномъ крикѣ продолжительномъ, отчаянномъ, дикомъ могъ выразить Колосовъ свое чувство. О, если бы у него былъ языкъ боговъ! Какая громовая безумная рѣчь пронеслась бы надъ этой толпой! Растворились бы жестокія сердца, рыданія огласили бы залъ, свѣчи потухли бы отъ ужаса, и сами стѣны содрогнулись бы отъ жалости и горя!“...

Въ переживаніяхъ Колосова Леонидъ Андреевъ выразилъ, несомнѣнно, свои собственныя мысли и чувства. Вѣдь онъ тоже, какъ и Колосовъ, былъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго и тоже усомнился въ возможности защиты на судѣ и не пошелъ по этому пути. Онъ на другое поприще перенесъ защиту послѣдняго человѣка: языкомъ литературныхъ образовъ, „языкомъ боговъ“ рѣшилъ онъ произнести безумную громовую рѣчь такъ, чтобы растворились жестокія сердца! И все творчество Леонида Андреева является этой громовой рѣчью, и какъ часто въ немъ слышится тотъ продолжительный отчаянный крикъ, въ которомъ Колосовъ хотѣлъ дать исходъ своему чувству.

Въ „Защитѣ“ вообще рядъ намековъ на будущіе образы Леонида Андреева. Мы встрѣтимъ впослѣдствіи и „свѣчи, гаснущія отъ ужаса“ („Черныя маски“), и „стоны побѣжденныхъ и побѣдителей, одной грудой валяющихся на кровавомъ полѣ“ („Царь голодъ“).

Мы снова встрѣтимся съ Таней въ лицѣ Любы, героини „Тьмы“. Въ образѣ Тани первый набросокъ той ненависти плохихъ къ „хорошимъ“, которая вспыхиваетъ въ „Тьмѣ“.

Когда Таня на вопросъ предсѣдателя объ ея занятіи отвѣчаетъ: „проститутка“, то это слово, брошенное въ середину расфранченныхъ чистыхъ женщинъ, сытыхъ и довольныхъ мужчинъ, прозвучало „какъ похоронный колоколъ, какъ грозный упрекъ умершаго всѣмъ живымъ“.

Этотъ похоронный колоколъ, призывающій къ безнадежному бунту отчаянія, отнынѣ уже не умолкнетъ въ произведеніяхъ Лео-

нида Андреева. „Грозный упрекъ умершаго всѣмъ живымъ“ мы встрѣтимъ и въ „Молчаніи“, и въ „Мысли“, и въ „Жизни Василія Фивейскаго“, и въ „Красномъ смѣхѣ“, и, конечно, больше всего въ „Елеазарѣ“, гдѣ этотъ упрекъ воплощается въ образѣ живого мертвеца.

Отчаяніе, охватившее Колосова при мысли, что онъ не сможетъ спасти Таню, что нѣтъ словъ, которыми можно было бы пробить стѣну, отдѣляющую счастливыхъ отъ несчастныхъ, сытыхъ отъ голодныхъ, — сознаніе безсилія передъ ужасомъ и безумiемъ жизни вылилось въ цѣломъ рядѣ произведеній Андреева (изъ раннихъ разсказовъ сюда относятся „Набатъ“ и „Стѣна“.)

Безнадежность Колосова при мысли, что ему предстоитъ защищать голодную проститутку передъ сытыми судьями, это — лишь первый шагъ по пути сомнѣнія въ томъ, что есть вообще праведный судъ, который рѣшаетъ судьбы людей, что есть правда и смыслъ жизни. А если ихъ нѣтъ, то остается лишь возстать противъ самой жизни. Здѣсь зарождается тотъ бунтъ, который будетъ расти по мѣрѣ того, какъ растетъ творчество Леонида Андреева и растутъ его герои. Первые бунтари его, это — дѣти изъ разсказовъ „Петька на дачѣ“ и „Ангелочекъ“, написанныхъ въ 1899 году.

„Петька на дачѣ“, это — уже цѣлая трагедія жизни, сконцентрированная въ дѣтской душѣ.

Маленькаго мальчика, выросшаго въ городѣ, въ парикмахерской, пропитанной скучнымъ запахомъ дешевыхъ духовъ, тьмой надоѣдливыхъ мухъ и грязью, взяли на лѣто на дачу, гдѣ его мать служила кухаркой. И вотъ, когда онъ уже привыкъ къ новой жизни среди природы, забылъ, что онъ мальчикъ изъ парикмахерской, назначеніе котораго въ томъ, чтобы подавать горячую воду для бритья, когда онъ сталъ рѣзвиться, какъ другія дѣти, научился удить рыбу, ему говорятъ, что пора ѣхать.

— Куда? удивляется Петька, забывшій про городъ.

— Къ хозяину.

Петька продолжаетъ не понимать:

— А какъ же завтра рыбу ловить? Удочка, вонъ она...

А когда онъ понялъ, въ чемъ дѣло, то взрывъ не дѣтскаго отчаянія овладѣлъ имъ: „онъ не просто заплакалъ, какъ плачутъ городскія дѣти, худыя и истощенныя, — онъ закричалъ громче самаго горластаго мужика и началъ кататься по землѣ... Худая ручонка его сжималась въ кулакъ и била по рукѣ матери, по землѣ, по чему попало, чувствуя боль отъ острыхъ камешковъ песчинокъ, но какъ будто стараясь еще усилить ее“...

Вотъ первая вспышка бунта. А въ тринадцатилѣтнемъ Сашкѣ изъ разсказа „Ангелочекъ“ уже зрѣетъ психологія бунтаря.

Тяжелая семейная обстановка, нищета, спившійся и опустившійся отецъ, озлобленная мать вызываютъ въ Сашкѣ отвращеніе къ жизни. „Но такъ какъ ему было тринадцать лѣтъ, и онъ не зналъ всѣхъ способовъ, какими люди перестаютъ жить, когда захотятъ

того, то онъ продолжалъ ходить въ гимназію и стоять на колѣнкахъ, и ему казалось, что жизнь никогда не кончится. И такъ какъ Сашка обладалъ непокорной и смѣлой душой, то онъ не могъ спокойно отнестись ко [illegible]мстилъ жизни. Для этой цѣли онъ билъ товарищей, грубил[illegible]чальству, рвалъ учебники и цѣлый день лгалъ то учителямъ, то матери—не лгалъ онъ только одному отцу".

Любовь къ несчастному отцу и показываетъ, что Сашка—„злой" лишь по своему поведенію, по внѣшности. Въ душѣ его, озлобленной и одинокой, живетъ тоска по добру и красотѣ. Тоска эта сказывается съ особенной силой въ желаніи Сашки во что бы то ни стало получить „ангелочка", котораго онъ увидѣлъ на елкѣ въ богатомъ домѣ, и красотой котораго покорена его маленькая душа. Глядя на этого ангела, онъ улыбнулся тихой и кроткой улыбкой, замирая въ чувствѣ неземной радости. И когда онъ получилъ, наконецъ, въ руки этого ангелочка, то „всѣхъ коснулось вѣяніе человѣческаго счастья, и въ этотъ короткій моментъ всѣ замѣтили загадочное сходство между неуклюжимъ, выросшимъ изъ своего платья гимназистомъ и одухотвореннымъ рукой невѣдомаго художника личикомъ ангелочка".

„Загадочное [illegible]одство", на короткое мгновеніе ставшее видимымъ всѣмъ присутствующимъ, это — на мгновеніе блеснувшій свѣтъ истины, что зло „злыхъ" есть только внѣшній покровъ, скрывающій ихъ красоту; въ сущности они лучше добрыхъ. Эту мысль Андреевъ впослѣдствіи повторитъ въ болѣе грандіозныхъ образахъ, когда „злой" мальчикъ Сашка станетъ Іудой, а красота ангелочка предстанетъ въ сіяющемъ образѣ Іисуса.

Самый фактъ существованія добрыхъ и злыхъ, плохихъ и хорошихъ въ глазахъ Андреева величайшая несправедливость, самый вопіющій грѣхъ природы и судьбы противъ равноцѣнности человѣческихъ личностей. Почему одинъ хорошій, а другой плохой, одинъ отъ природы одаренъ богато умственными и нравственными дарами, а другой отъ рожденія обиженъ въ этомъ отношеніи?

Вопросъ о несправедливости индивидуальной судьбы во всей его широтѣ впервые поставленъ Андреевымъ въ „Разсказѣ о Сергѣѣ Петровичѣ" (1900 г.). Сергѣй Петровичъ,—этотъ долговязый студентъ въ выцвѣтшемъ картузѣ, съ безцвѣтнымъ лицомъ, съ глазами „мутными и похожими на гороховый кисель",— возсталъ противъ обезличившей его природы. Она отказала ему въ самомъ дорогомъ— въ индивидуальности.

„Онъ былъ некрасивъ, — не безобразенъ, а некрасивъ, какъ цѣлыя сотни и тысячи людей. Плоскій носъ, толстыя губы и низкій лобъ дѣлали его похожимъ на другихъ и стирали съ его лица индивидуальность... Но самымъ тяжелымъ для Сергѣя Петровича фактомъ казалось то, что онъ былъ не уменъ. Въ гимназіи учителя считали его прямо глупымъ и въ младшихъ классахъ открыто высказывали это... И изъ всего класса онъ одинъ оставался до конца безъ про-

звища, если не считать имени „Сергѣй Петровичъ“, которымъ его величали всѣ: учителя, гимназисты и сторожа. Не было въ немъ ничего такого, на что можно было бы привѣсить остроумную кличку. Въ университетѣ товарищи, очень вообще любившіе распредѣлять другъ друга по уму, Сергѣя Петровича относили въ разрядъ ограниченныхъ, хотя никогда не высказывали этого ему прямо въ лицо, но онъ догадывался самъ по одному тому, что никто никогда не обращался къ нему съ серьезнымъ вопросомъ и разговоромъ, а всегда съ шуткою...

„Вначалѣ Сергѣй Петровичъ безмолвно протестовалъ противъ общаго признанія его ограниченнымъ человѣкомъ и пытался сдѣлать, сказать или написать что-нибудь умное, но кромѣ смѣха ничего изъ этого не выходило. Тогда онъ убѣдился самъ въ своей ограниченности и убѣдился такъ крѣпко, что, если бы весь міръ призналъ его геніемъ, онъ не повѣрилъ бы ему. Вѣдь міръ не зналъ и не могъ знать того, что зналъ Сергѣй Петровичъ. Міръ могъ услыхать отъ него умную мысль, но онъ могъ не знать, что мысль эта украдена Сергѣемъ Петровичемъ или пріобрѣтена послѣ такого труда, который совершенно обезцѣнивалъ ее... Сергѣй Петровичъ помирился было и съ отсутствіемъ ума, какъ примирился съ отсутствіемъ красоты и талантовъ, но вотъ его другъ Новиковъ познакомилъ его съ ученіемъ Ницше о сверхчеловѣкѣ, и свѣтъ этого ученія озарилъ мракъ его души, ярко вспыхнулъ передъ его взоромъ весь ужасъ его сѣраго, безцвѣтнаго существованія“.

Сергѣй Петровичъ при этомъ свѣтѣ видѣлъ свою жизнь такъ ясно и отчетливо, точно она была нарисована или разсказана другимъ человѣкомъ.

... „Онъ видѣлъ человѣка, который называется Сергѣемъ Петровичемъ и для котораго закрыто все, что дѣлаетъ жизнь счастливою или горькою, но глубокой, человѣческой. Религія и мораль, наука и искусство существовали не для него. Вмѣсто горячей и дѣятельной вѣры, той, что двигаетъ горами, онъ ощущалъ въ себѣ безобразный комокъ, въ которомъ привычка къ обрядности переплеталась съ дешевыми суевѣріями. Онъ не былъ ни настолько смѣлъ, чтобы отрицать Бога, ни настолько силенъ, чтобы вѣрить въ Него. Онъ не любилъ людей и не могъ испытать того великаго блаженства, равнаго которому еще не создавала земля—работать за людей и умирать за нихъ. Но онъ не могъ и ненавидѣть ихъ,—и никогда не суждено ему было испытать жгучаго наслажденія борьбы съ себѣ подобными“...

Словомъ, все, что возвышается надъ уровнемъ посредственности, недоступно для Сергѣя Петровича: онъ—ничтожество. И вотъ, противъ этого ничтожества онъ и возсталъ, возсталъ во имя свободы и силы своего *я*.

„— Я не хочу быть нѣмымъ матеріаломъ для счастія другихъ: я самъ хочу быть счастливымъ, сильнымъ, свободнымъ и имѣю на

это право",—разсуждаетъ Сергѣй Петровичъ. И такъ какъ онъ не могъ въ жизни проявить ни силы, ни свободы, то онъ рѣшилъ ихъ проявить въ смерти: „если жизнь не удается тебѣ, то знай, что удастся смерть".

Но и смерть ему не удалась. Правда, онъ лишилъ себя жизни. Но и въ этомъ актѣ онъ не проявилъ силы и воли. Наоборотъ, въ его самоубійствѣ сказалось отсутствіе силы характера. Въ назначенный для самоубійства вечеръ онъ испугался смерти и захотѣлъ жить.

„Ему было такъ страшно, что хотѣлось кричать, и онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на маленькій пузырекъ и пятился отъ него, точно боясь, что ему насильно вольютъ въ ротъ смертельную отраву.—Не хочу, не хочу! — шепталъ Сергѣй Петровичъ, и пятился назадъ, но ему казалось, что онъ приближается къ пузырьку, который растетъ въ его глазахъ". Словно онъ не добровольно рѣшилъ покончить съ собой, а какая-то посторонняя его волѣ сила ведетъ его на казнь.

Изнуренный борьбой съ самимъ собой, Сергѣй Петровичъ ложится спать вмѣсто того, чтобы покончить съ собою, и просыпается на другой день съ радостнымъ сознаніемъ, что живетъ. И только когда онъ вспомнилъ, что послалъ своему другу письмо, извѣщающее о смерти, и мучительный стыдъ охватилъ его—только тогда онъ совершаетъ задуманное.

И самоубійство явилось, такимъ образомъ, актомъ не свободы, а необходимости: его стыдъ заставилъ. Онъ „говорилъ себѣ, что, если онъ останется жить теперь, онъ возненавидитъ себя, и ему придется выпить такую полную чашу самопрезрѣнія, передъ которой ядъ кажется нектаромъ".

И только тогда, когда подъ вліяніемъ этого стыда, изъ страха этого самопрезрѣнія Сергѣй Петровичъ находитъ силу убить себя, ему кажется, что онъ чувствуетъ въ себѣ мощный ростъ своего *я*, чувствуетъ, какъ поднимается оно въ высь, и громовые раскаты его голоса заглушаютъ жалкій пискъ тѣла, сильнаго только ночью. Пусть сгибаются тѣ, кто хочетъ, а онъ ломаетъ свою желѣзную клѣтку. И, жалкій, тупой и несчастный человѣкъ, въ эту минуту онъ поднимается выше геніевъ, королей и горъ, выше всего, что существуетъ высокаго на землѣ, потому что въ немъ побѣждаетъ самое чистое и прекрасное въ мірѣ, смѣлое, свободное и безсмертное человѣческое *я*!

Эта кажущаяся сила и мнимая свобода человѣческаго *я* воплощается въ лицѣ доктора Керженцева, героя разсказа „Мысль" (1902 г.), который въ воображеніи своемъ, какъ и Сергѣй Петровичъ, поднялся выше всѣхъ людей.

Его мысль взнесла его на вершину высокой горы, и онъ смотритъ съ нея, „какъ внизу копошатся людишки съ ихъ мелкими животными страстями, съ ихъ вѣчнымъ страхомъ передъ жизнью и смертью, съ ихъ церквами, обѣднями и молебнами".

Сергѣй Петровичъ своей мнимой свободы достигаетъ путемъ самоубійства, докторъ Керженцевъ—посредствомъ убійства другого. Сергѣй Петровичъ тоже испробовалъ бы и это средство, если бы не сознаніе, что онъ не сможетъ: „Въ газетахъ Сергѣй Петровичъ читалъ о людяхъ, которые убиваютъ, крадутъ, насилуютъ, и каждый разъ одна и та же мысль заканчивала чтеніе: а я бы не могъ".

Керженцевъ смогъ, смогъ преступить законъ, обязательный для другихъ, и этимъ подтвердить свободу своего *я*. Но свобода эта оказалась мнимой. Его замокъ мысли, въ которомъ онъ чувствовалъ себя непобѣдимымъ, оказался тюрьмой. Эта тюрьма, на которую жалуется Керженцевъ,—тотъ же длинный сѣрый и узкій коридоръ, въ которомъ протекала жизнь Сергѣя Петровича:

„Онъ глядѣлъ впередъ себя и назадъ, и то, что онъ видѣлъ, походило на длинный сѣрый и узкій коридоръ, лишенный воздуха и свѣта. Позади коридоръ терялся въ сѣрыхъ воспоминаніяхъ безрадостнаго дѣтства, впереди утопалъ въ сумракѣ такого же будущаго. И на всемъ протяженіи коридора не виднѣлось ни одного рѣзкаго крутого поворота, ни одной двери наружу, туда, гдѣ сіяетъ солнце и смѣются и плачутъ живые люди".

Въ жизни Сергѣя Петровича, впрочемъ, были моменты, когда онъ оказывался внѣ этого длиннаго, узкаго корридора, и когда ему было даже весело и радостно.

„... Лѣтомъ у себя Сергѣй Петровичъ отдыхалъ за простою и грубою работою: столярничалъ, дѣлалъ для маленькихъ братьевъ деревянныя ружья и стрѣлы, чинилъ въ саду заборы и скамейки и копалъ гряды, выворачивалъ блестящимъ скребкомъ ноздреватую, глянцевитую землю. И это было весело и радостно, но не было тѣмъ трудомъ, къ которому предназначало его рожденіе отъ отца-чиновника и образованіе.

„Другіе люди, страдающіе отъ несоотвѣтствій между способностями и трудомъ, иногда ломаютъ рамки и идутъ, куда хотятъ—въ рабочіе, въ пекари, въ бродяги. Но то люди сильные и смѣлые, какихъ немного на землѣ, а Сергѣй Петровичъ чувствовалъ себя слабымъ, робкимъ и управляемымъ чьею-то чужою волей, какъ паровозъ, котораго только катастрофа можетъ свести съ рельсъ, проложенныхъ неизвѣстными руками". Слѣдовательно, Сергѣй Петровичъ могъ бы быть другимъ, душа его, оказывается, не была такъ ужъ безнадежно убогой: она лишь не годилась для той обстановки, въ которую поставила ее судьба, но она могла бы расцвѣсть въ другой средѣ на почвѣ физическаго труда и общенія съ природой. Основной ея порокъ—недостатокъ силы, нужной для измѣненія обстановки. Она управляется посторонней силой, катится по рельсамъ, проложеннымъ неизвѣстными руками. Но сама эта сила, творческая способность къ измѣненію жизни—не есть ли это нѣчто, данное человѣку? У одного этой

силы больше, у другого меньше: въ этомъ неравенствѣ—не все та же ли несправедливость судьбы?

Андреевъ, повидимому, именно такъ думаетъ, и во имя безусловной равноцѣнности личностей онъ возстаетъ противъ всѣхъ преимуществъ, въ томъ числѣ и нравственныхъ. Вотъ почему его симпатіи на сторонѣ „плохихъ", а не „хорошихъ".

* * *

Когда Леонидъ Андреевъ въ „Тьмѣ" провозгласилъ, что „стыдно быть хорошимъ, если есть плохіе", это было встрѣчено недоумѣніемъ. А между тѣмъ развѣ эта мысль ужъ такъ неожиданна въ Россіи? Вѣдь къ ней вела вся русская литература своею проповѣдью любви къ послѣднему человѣку. Если послѣдній грѣшникъ и преступникъ дѣйствительно братъ нашъ, то развѣ можемъ мы при видѣ его паденія не испытывать чувства неловкости и стыда за ту чистоту, которую намъ жизнь оставила, отнявъ ее у него. Мы—сыты, онъ—голоденъ, мы—чисты, онъ—грязенъ, мы—хорошіе, онъ—плохой. Развѣ все это не одна и та же цѣпь неравенствъ? Есть въ жизни обиженные и удачливые. Первые это—плохіе, вторые—хорошіе. Это вполнѣ въ духѣ той народной мудрости, которая въ преступникѣ видитъ несчастнаго. И разъ преступленіе есть несчастье, то въ присутствіи его нельзя не испытывать того чувства неловкости, которое является у счастливаго человѣка передъ лицомъ чужого горя.

Для Андреева паденіе человѣка — несчастье, случай, дѣйствіе силъ, посторонніхъ его *я*. Не вина Павла Рыбакова („Въ туманѣ"), что его окуталъ мутный и грязный туманъ, что „въ мозгу его огненными буквами выжжено слово *женщина*". Павелъ чистый и хорошій юноша и чистой любовью любитъ чистую Катю Реймеръ. И если, на ряду съ этимъ чувствомъ, въ душу его вторгаются грязныя мысли и нечистые образы, то въ этомъ не его вина. Унаслѣдованныя имъ свойства организма и вся обстановка, въ которой онъ живетъ, т.-е. совокупность причинъ, отъ его воли независящихъ, обуславливаютъ преждевременное развитіе инстинкта, который мучительно и настойчиво требуетъ удовлетворенія. Требованія этого инстинкта, это — насиліе надъ *я* Павла Рыбакова, и, уступая этому насилію, онъ дѣлается жертвой новаго насилія: онъ во власти „постыдной и грязной болѣзни, о которой люди говорятъ тайкомъ, глумливымъ шопотомъ,—болѣзни, о которой нельзя подумать безъ ужаса и отвращенія къ себѣ".

Павелъ Рыбаковъ считаетъ себя грязнымъ и въ то же время не хуже чистыхъ и хорошихъ, потому что они такіе же, какъ и онъ, и только случай сдѣлалъ его грязнымъ, а другихъ оставилъ чистыми. Эта грязь, отъ которой онъ невыносимо страдаетъ, отдѣляетъ его отъ другихъ, жизнь съ ея радостями идетъ мимо него, и несчастный мальчикъ въ своемъ одиночествѣ начинаетъ ненавидѣть чистыхъ и хорошихъ.

Здѣсь очень тонко и художественно изображено зарожденіе той ненависти къ „хорошимъ“, съ которой мы впослѣдствіи встрѣчаемся въ лицѣ Іуды и Любы—героини „Тьмы“.

„— А отчего же это ты такой хорошій?—насмѣшливо спрашиваетъ проститутка Люба юнаго революціонера, разсказывающаго ей, какой хорошей, чистой жизнью онъ жилъ.

— Не знаю. Родился, должно быть, такой.

— А я вотъ плохая родилась“.

Жизни Любы мы не знаемъ, Андреевъ не открываетъ ея прошлаго и не говоритъ, какимъ путемъ пришла она къ публичному дому, но тѣ безумныя рыданія, которыми разражается она, слушая разсказъ про хорошую жизнь („она рыдала, какъ могутъ только рыдать люди надъ потерянной жизнью, надъ чѣмъ-то большимъ жизни, потеряннымъ навсегда“), эти рыданія достаточно сильно говорятъ о томъ, что нелегко далась ей эта плохая жизнь. И понятна та злоба, съ которою она спрашиваетъ чистаго юношу: „Какое же ты имѣешь право быть хорошимъ, когда я плохая?“

И честный, прямолинейный умъ революціонера, борца за общее право на счастье, понялъ, что, если есть „право быть хорошимъ“, это право должно всѣмъ принадлежать, а разъ оно — привилегія, то онъ отказывается отъ нея, какъ отказался отъ всѣхъ другихъ привилегій:

„— Зрячіе, выколемъ себѣ глаза, ибо стыдно зрячимъ смотрѣть на слѣпыхъ отъ рожденія. Если нашими фонариками не можемъ освѣтить всю тьму, такъ погасимъ же огни и всѣ полѣземъ во тьму. Если нѣтъ рая для всѣхъ, то и для меня его не надо...“

Во имя послѣдней любви герой „Тьмы“ отказывается отъ рая, отъ личнаго достоинства, красоты души, отъ всего, что есть самаго цѣннаго для человѣка:

„Все у меня было: и умъ, и честь, и достоинство, и даже—страшно подумать—безсмертіе, и все это я бросилъ подъ ноги проституткѣ, отъ всего отказался только потому, что она плохая... Это не Христосъ, это другое, это страшнѣе“.

Что же это? Мы знаемъ изъ другого разсказа Андреева, что это—Іуда.

Въ глазахъ Андреева, послѣдняя и самая страшная жертва, принесенная во имя любви, это жертва не Христа, а Іуды: Христосъ далъ распять свое тѣло, Іуда распялъ свою душу, Христа били и оплевывали, ведя на казнь, у Іуды навѣки растоптана и оплевана душа.

„И всѣ—добрые и злые—одинаково предадутъ проклятію позорную память его; и у всѣхъ народовъ, какіе были, какіе есть, останется онъ одинокимъ въ жестокой участи своей—Іуда изъ Каріота, Предатель“.

А между тѣмъ предательство—только маска Іуды, а не его настоящее лицо. Онъ предаетъ Христа изъ любви къ Нему, изъ жажды

чуда, чтобы скорѣе всѣ поняли, Кто стоитъ передъ ними. Онъ ждетъ, что люди вырвутъ Христа изъ рукъ мучителей, вырвутъ изъ земли проклятый крестъ и высоко надъ теменемъ Земли поднимутъ свободнаго Іисуса"...

И такъ какъ это не наступило, и земля не поднялась на защиту Іисуса, то вся земля опозорена въ глазахъ Іуды. И онъ испытываетъ радость при этой мысли. Онъ не тому радуется, что Іисусъ умеръ, а тому, что самъ онъ, всѣми презираемый, оказался лучше хорошихъ учениковъ Учителя. Онъ шелъ на все во имя своей любви, а они робко покинули Учителя: они, въ глазахъ Іуды,—настоящіе предатели.

„— Какъ же вы позволили это?—допытываетъ онъ любимыхъ учениковъ:—гдѣ же была ваша любовь? Ты, любимый ученикъ, ты—камень, гдѣ были вы, когда на деревѣ распинали вашего друга.?

„— Что же могли мы сдѣлать, посуди самъ,— разводитъ руками Ѳома.

„— Ты это спрашиваешь, Ѳома?.. Кто любитъ, тотъ не спрашиваетъ, что дѣлать. Онъ идетъ и дѣлаетъ все... Когда твой сынъ утопаетъ, развѣ ты идешь въ городъ и спрашиваешь прохожихъ: что мнѣ дѣлать? мой сынъ утопаетъ! а не бросаешься самъ въ воду и не тонешь рядомъ съ сыномъ!"

Петръ хмуро отвѣчаетъ на неистовую рѣчь Іуды:

„— Я обнажилъ мечъ, но Онъ самъ сказалъ—не надо.

„— Не надо? И ты послушался?—смѣется Искаріотъ.—Петръ, Петръ, развѣ можно Его слушать. Разъ понимаетъ Онъ что-нибудь въ людяхъ, въ борьбѣ!

„— Кто не повинуется Ему, тотъ идетъ въ геенну огненную.

„— Отчего же ты не пошелъ? Отчего ты не пошелъ, Петръ? Геенна огненная—что такое геенна? Ну и пусть бы ты пошелъ—зачѣмъ тебѣ душа, если ты не смѣешь бросить ее въ огонь, когда захочешь!"

Іуда здѣсь предъявляетъ то же требованіе, что и герой „Тьмы": „не жизнь, а душу свою положить". И самъ Іуда бросилъ въ геенну огненную свою душу, отдалъ ее во имя любви.

Вотъ почему этотъ отвергнутый и оплеванный людьми, навѣки опозоренный въ ихъ глазахъ, надѣется, что Іисусъ пойметъ его, и онъ умираетъ со словами: „Такъ встрѣть же меня ласково, я очень усталъ, Іисусъ". Вотъ почему послѣ смерти его красные глаза, налитые кровью, неотступно смотрѣли въ небо.

Этотъ апофеозъ Іуды навлекъ на Андреева негодующія нападки со стороны публицистовъ и критиковъ религіознаго лагеря: въ этой попыткѣ реабилитаціи Іуды увидѣли кощунство. Любопытно отмѣтить поэтому, что въ судьбѣ Іуды видѣли несправедливость и религіозные чуткіе умы. Жестокая участь его смущала эти умы: вѣдь предательство Іуды было необходимо для того, чтобы совершилась земная исторія Спасителя, предатель былъ орудіемъ въ этой

исторіи. Слѣдовательно, ради искупленія міра одинъ человѣкъ былъ избранъ, намѣченъ для этой позорной и страшной роли предателя: онъ былъ принесенъ въ жертву. Но если онъ—необходимое орудіе искупленія, то развѣ можно мириться съ его вѣчной гибелью?

За этимъ сомнѣніемъ, смущающимъ мысль вѣрующаго, стоитъ болѣе общій вопросъ о несправедливости грѣха вообще. Вѣдь религіозная философія существованіе страданій въ мірѣ объясняетъ фактомъ грѣха: каждое страданіе есть искупленіе грѣха, совершеннаго если не нами, то до нашего рожденія, родительскаго и прародительскаго грѣха. Пусть такъ, но вѣдь самъ грѣхъ оказывается несправедливостью: почему одинъ грѣшитъ, а другой не грѣшитъ или грѣшитъ не столь тяжело? Почему одинъ рождается „хорошимъ", а другой „плохимъ"?

Вотъ вопросъ, который лежитъ въ основѣ бунта Любы въ андреевской „Тьмѣ". Въ этомъ бунтѣ Люба постигаетъ страшную правду о жизни:

„Правда, какъ смерть—придетъ, такъ принимай, какая ни на есть. Съ правдой тяжело, миленькій, встрѣтиться, по себѣ знаю,— и шепотомъ, глядя ему прямо въ глаза, добавила: — Богъ-то вѣдь тоже хорошій!"

* * *

Высказанная шопотомъ мысль Любы подхватывается другими бунтарями Андреева: они ведутъ войну съ Богомъ и посылаютъ проклятія небу. Анатэма,—вождь всѣхъ пришедшихъ въ отчаяніе,— хочетъ поднять землю въ великомъ бунтѣ, такъ, чтобы „дрогнули своды небесъ", ибо для него своды неба—своды тюрьмы, въ которую заперта человѣческая жизнь. За этими сводами скрыта истина, „украденная у міра", недоступная для людей. „Желѣзныя врата" ведутъ за эти своды, но они отъ вѣка закрыты и давятъ землю своей тяжестью.

Анатэма, въ рукахъ котораго Давидъ Лейзеръ то же, что въ рукахъ предателя Іуды—Іисусъ (видомъ его страданій онъ хочетъ возмутить человѣчество, поднять его къ великому бунту противъ неба), побѣжденъ, но не убѣжденъ. Побѣда неба надъ бунтомъ земли здѣсь—побѣда силы, а не права.

Кто же тотъ, кто, правя міромъ, скрывается за этими сводами? Анатэма тщетно хочетъ узнать его имя.

„Нѣкто охраняющій входы" не называетъ того, кто за желѣзными вратами, и самъ „онъ скрываетъ лицо подъ темнымъ покрываломъ и Самъ являетъ собою величайшую тайну".

Не обманываетъ ли онъ Анатэму, говоря, что „Давидъ, погибшій въ числахъ, мертвый въ мѣрѣ и вѣсахъ, достигъ безсмертія въ безсмертіи огня".

Если онъ правду говоритъ, тогда, значитъ, нѣтъ ненужныхъ, безцѣльныхъ и неоправданныхъ страданій, значитъ, видимо побѣ-

ждаемое на землѣ невидимо торжествуетъ въ безконечности и жизни вѣчной, есть, значитъ, и смыслъ жизни, и нравственный міропорядокъ.

Но если онъ лжетъ и обманываетъ Анатэму, какъ думаетъ послѣдній—и какъ, въ самомъ дѣлѣ, можемъ мы знать, не лжетъ ли Нѣкто, охраняющій входы, разъ онъ прячетъ свое лицо,—если онъ лжетъ, тогда, значитъ, нѣтъ ни смысла жизни, ни нравственнаго міропорядка, жизнь—западня, а міромъ правитъ Сатана.

Когда Анатэма такъ мучительно и настойчиво допытывается имени „Того, кто за вратами", онъ хочетъ знать, есть ли это Добро или Зло, Ложь или Истина. Мысль, что въ основѣ жизни лежитъ ложь, и что Зло подъ маской Добра правитъ міромъ, очень часто проглядываетъ у Леонида Андреева.

Съ особенной настойчивостью эта мысль повторяется въ „Моихъ запискахъ".

Между старикомъ, осужденнымъ за убійство, отъ имени котораго и ведутся „записки", и товарищемъ его по заключенію, молодымъ художникомъ, происходитъ слѣдующій разговоръ:

„— Знаете, дѣдушка, — говоритъ художникъ, — со мной былъ ужасный случай, это было въ одной картинной галлереѣ въ Испаніи; я разсматривалъ Христа и вдругъ... Христосъ, ну, вы понимаете, Христосъ: огромные глаза, черные, страшная мука, печаль, тоска, любовь,—ну, однимъ словомъ, Христосъ. И вдругъ меня ударило: вдругъ мнѣ показалось, что это—величайшій преступникъ, томимый величайшими, неслыханными муками раскаянія... Дѣдушка, что вы такъ смотрите на меня? Дѣдушка!

„Приблизивъ свои глаза къ самому лицу художника, я осторожнымъ шопотомъ, какъ того требовали обстоятельства, спросилъ его медленно, раздѣляя каждое слово:

„— Не думаете ли вы, что когда Діаволъ искушалъ Его въ пустынѣ, то Онъ не отрекся отъ него, какъ потомъ разсказывалъ, а согласился, продалъ себя,—не отрекся, а продалъ, понимаете? Не кажется ли вамъ это мѣсто въ Евангеліи сомнительнымъ?

„— Что такое? Что вы говорите: Іисусъ—продался... Зачѣмъ?

„— А чтобы люди, дитя мое, чтобы люди повѣрили въ Него".

Хотя эту кощунственную мысль Андреевъ вкладываетъ въ уста отталкивающаго старика, который всю жизнь лжетъ и притворяется, но въ связи съ другими намеками она призвана усилить въ насъ подозрѣніе, что мы—жертва какого-то чудовищнаго обмана, что жизнь вообще западня, въ которую попался человѣкъ, и изъ которой уже ему не выскочить.

„Жизнь—ловушка, а мы—мыши",—говорилъ въ минуты сомнѣнія Бѣлинскій. Для Андреева эта ловушка—образцово устроенная тюрьма

III.

Жизнь людей движется по строго опредѣленному кругу, столь же прочному, какъ коридоръ тюрьмы, столь же замкнутому, какъ

циферблатъ тѣхъ часовъ, что въ невинности разума ежеминутно подносятъ они къ глазамъ своимъ, не понимая рокового значенія вѣчно движущейся и вѣчно къ своему мѣсту возвращающейся стрѣлки;—и каждый изъ нихъ чувствуетъ это, но въ страшномъ ослѣпленіи увѣряетъ, что онъ совершенно свободенъ и движется впередъ. Подобно глупой птицѣ, которая бьется до полнаго истощенія силъ о прозрачную стеклянную преграду, не понимая, что ее удерживаетъ, эти люди безпомощно бьются о стѣны своей стеклянной тюрьмы.

И нельзя бѣжать изъ этой тюрьмы... Напрасно Сергѣй Петровичъ мечталъ путемъ самоубійства спастись изъ рабства жизни и проявить свободу своего „я".

„Кто сказалъ вамъ, что наша тюрьма кончается здѣсь, что изъ одной тюрьмы вы не попали въ другую, откуда уже едва ли прійдется вамъ бѣжать!.. Какъ надъ тѣмъ, что вы зовете жизнью и бытіемъ, такъ и надъ тѣмъ, что вы зовете смертью и небытіемъ, одинаково царитъ всесильный з а к о н ъ".

Вселенная — тюрьма, и жизнь въ подчиненіи законамъ, порядку этой тюрьмы.

Мрачный старикъ-убійца, развивающій эту философію, разсказываетъ про якобы видѣнный имъ сонъ:

„И во снѣ я видѣлъ иную величественную тюрьму и прекрасныхъ тюремщиковъ съ бѣлыми крыльями за спиною, и г. главнаго Начальника; не помню, были ли тамъ окошечки на двери или нѣтъ, но кажется, что были: мнѣ помнится что-то вродѣ ангельскаго глаза, съ нѣжнымъ вниманіемъ и любовью прикованнаго ко мнѣ".

Этотъ сонъ, разсказанный въ „Моихъ запискахъ", позволяетъ подозрѣвать, что и за „желѣзными вратами", за которыя тщетно пытается заглянуть Анатэма, скрывается Зло и Насиліе, а не Добро и Любовь.

Старикъ, проповѣдующій эту тюремную философію жизни, проповѣдуетъ примиреніе съ тюрьмой. Это, какъ мы уже говорили,— то, противъ чего больше всего возстаетъ Леонидъ Андреевъ.

Онъ—бунтарь, стучащій въ желѣзную дверь темницы жизни. Но въ самомъ фактѣ существованія этой тюрьмы Андреевъ не сомнѣвается, и этотъ взглядъ на жизнь, какъ на плѣнъ, является у него выводомъ изъ всей его философіи, отрицающей творческое начало человѣческой личности. Если человѣкъ не творитъ своей судьбы, если жизнь его катится, какъ поѣздъ, по рельсамъ, не его руками проложеннымъ, то міръ не мастерская, а человѣкъ въ ней не работникъ, нѣтъ, міръ — тюрьма, а человѣкъ въ ней арестантъ.

Но тогда не лучше ли примириться, какъ совѣтуетъ старикъ изъ „Моихъ записокъ"? Зачѣмъ бунтовать?

Мы назвали безнадежнымъ бунтъ Андреева. Да, его произведенія не даютъ надежды на то, что намъ удастся открыть двери

тюрьмы и перестроить ее въ храмъ свободы. Но въ то же время въ ночи этого безнадежнаго взгляда на жизнь вспыхиваютъ молніи, и мы видимъ бездну, въ которую можетъ свалиться и наша тюрьма, эти молніи предвѣщаютъ міровую катастрофу, всемірное разрушеніе, изъ хаоса котораго можетъ возникнуть новая жизнь. Поѣзда жизни, который катится по рельсамъ желѣзной необходимости, мы повернуть не въ силахъ, но онъ можетъ сойти съ рельсовъ, благодаря катастрофѣ, и къ ней-то взываетъ андреевскій бунтарь. Не всѣ начала жизни подчинены той гармоніи, формулой которой является „желѣзная рѣшетка".

Есть еще хаосъ—вѣчный бунтарь, который ведетъ извѣчную борьбу съ порядкомъ міровымъ, то-есть съ рабствомъ, тюрьмой міра. Старикъ въ „Моихъ запискахъ" проповѣдуетъ побѣду порядка надъ хаосомъ. Но къ хаосу-бунтарю съ послѣдней надеждою обращаются взоры андреевскаго бунтаря.

Тамъ, гдѣ кончаются доступные нашему зрѣнію берега жизни, начинается безбрежный и неукротимый, вѣчно волнующійся океанъ хаоса. И символическая драма Андреева „Океанъ" и есть гимнъ въ честь этой безбрежной, еще не покоренной стихіи жизни, въ честь новыхъ возможностей жизни, страшныхъ, невѣдомыхъ, выходящихъ за предѣлы сознательнаго творчества: эти новыя возможности несутъ съ собою волны океана, съ ревомъ ударяясь въ стѣны нашей тюрьмы, онѣ говорятъ, что есть жизнь за предѣлами этихъ стѣнъ.

„О, страшныхъ пѣсенъ сихъ не пой
Про древній хаосъ, про родимый!
Какъ жадно міръ души почной
Внимаетъ повѣсти любимой!
Изъ смертной рвется онъ груди
И съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться...
О, бурь заснувшихъ не буди,
Подъ ними хаосъ шевелится!.."

Такъ заклиналъ стихію Тютчевъ. Андреевскій бунтарь не боится этихъ бурь, подъ которыми хаосъ шевелится, наоборотъ, онъ къ нимъ взываетъ, ихъ хочетъ разбудить. Онъ въ мракъ окружающей ночи бросаетъ свой дикій разбойничій посвистъ и ждетъ,—быть можетъ, оттуда, изъ тьмы явятся силы, которыя освободятъ его изъ плѣна жизни!

Пусть хлынетъ тьма и погаситъ лживый свѣтъ, пусть раскроется бездна и поглотитъ нашу культуру, основанную на лжи и насиліи, пусть безуміе явится, когда безсиленъ разумъ, пусть преступленіе встанетъ грознымъ укоромъ нашей нравственной, разумной и благоустроенной жизни, пусть гибнетъ все въ пламени пожара!

„— Надо все разрушить! — восклицаетъ Савва:—старые дома, города, университеты, науку, старую литературу, старое искусство!"

Савва хочетъ разрушить все при помощи огня, очистительную

силу котораго онъ восхваляетъ. „Огнемъ лѣчить надо!“ — повторяетъ онъ.

„— Чего хочу? —спрашиваетъ Савва и отвѣчаетъ: „Освободить землю, освободить мысль... Сломать тюрьму, въ которую запрятаны идеи и дать имъ крылья и открыть новый, великій невѣдомый міръ. Въ огнѣ и громѣ перейти хочу я міровую грань“.

Въ „Черныхъ маскахъ“ тоже спасаетъ огромное пламя огня, въ которомъ сгораетъ заколдованный замокъ, душа Лоренцо, и передъ которымъ безсильно отступаютъ черныя маски, гасившія всѣ другіе огни. Тѣ огни, которыми Лоренцо освѣтилъ заколдованный замокъ своей души, и которые безсильно гаснутъ при приближеніи „черныхъ масокъ“, это—свѣтъ нашего сознанія, нашего разума, и этотъ свѣтъ безсиленъ передъ тьмою безсознательнаго.

Но изъ хаоса, изъ океана, объемлющаго нашъ сознательный міръ, изъ игры силъ, находящихся за порогомъ сознанія, можетъ родиться новый свѣтъ, какой-то новый огонь, имени котораго никто не знаетъ.

Объ этомъ огнѣ говоритъ въ „Анатэмѣ“ Нѣкто, охраняющій входы:

„У свѣта нѣтъ границъ, и не положено предѣла раскаленности огня: есть огонь красный, есть огонь желтый, есть огонь бѣлый, на которомъ солнце сгораетъ, какъ солома, и есть еще иной невѣдомый огонь, имени котораго никто не знаетъ—ибо не положено предѣла раскаленности огня“.

Анатэма, символизирующій нашъ разумъ, этотъ „духъ безсмертный въ числахъ, вѣчно живой въ мѣрѣ и вѣсахъ, но еще не родившійся для жизни“, не способенъ постичь этотъ свѣтъ сверхразумнаго знанія.

Путемъ разума мы можемъ познать лишь міръ необходимости, міръ, подчиненный формулѣ желѣзной рѣшетки, но не въ силахъ постичь живое, творческое начало жизни. При помощи разума мы можемъ построить міръ-тюрьму, создать цивилизацію машинъ, порабощающихъ человѣка, городовъ-каменныхъ мѣшковъ, ту цивилизацію рабовъ, въ которой задыхается свободный духомъ Савва.

Высшее выраженіе этой разумной механической культуры Андреевъ увидѣлъ въ Германіи. Организація германской арміи, идущей покорять свободную Бельгію, — высшее торжество разума, „сильнаго мѣрой, вѣсомъ и числомъ“.

Нѣмецкій главнокомандующій, говоритъ нѣмецъ-офицеръ въ драмѣ Андреева: „Это—нѣмецкая философская голова, орудующая съ пушками, какъ Лейбницъ съ идеями. Все разгадано, все предусмотрѣно, движеніе нашихъ милліоновъ приведено въ столь стройную систему, что ею возгордился бы Кантъ! Насъ ведетъ впередъ несокрушимая логика и желѣзная воля... Движеніе нашихъ армій есть лишь движеніе частицъ его мозга!..“ („Король, законъ и свобода“.)

Этотъ офицеръ, Блюменфельдъ, преклоняющійся передъ „несокрушимой логикой и желѣзной волей своего начальника, проникнутъ до того вѣрой въ сознательное и ненавистью къ безсознательному, что отрицаетъ даже необходимость сна.

— Я мало сплю,—говоритъ онъ,—и вамъ, господа, совѣтую не предаваться глупому сну.

— Но этого требуетъ организмъ,—возражаютъ ему.

— Глупости!—отвѣчаетъ Блюменфельдъ,—это выдумали доктора, которые ищутъ практики среди невѣждъ. Я не знаю никакого организма. Я знаю только мои желанія и мою волю, которая говоритъ: Гергардъ—дѣлай! Гергардъ—иди! Гергардъ—бери! И я беру!

Вотъ оно торжество побѣждающей и порабощающей несокрушимой логики!

Но служители этой желѣзной логики, все предусмотрѣвшіе и все разсчитавшіе, не предусмотрѣли одного, а именно, что есть еще ирраціональное, не поддающееся никакому расчету, есть еще хаосъ, не порабощенный, не подчиняющійся желѣзной необходимости, формулѣ желѣзной рѣшетки. И этотъ хаосъ опрокидываетъ всѣ разсчеты геніальной нѣмецкой философской головы, управляющей движеніями германскихъ армій.

На сцену выступаетъ стихія—вода, представляющая океанъ—хаосъ,—и передъ ея разрушающей силой въ ужасѣ бѣгутъ германцы:

— Это же глупо! Въ бѣшенствѣ восклицаетъ нѣмецкій главнокомандующій, никогда не думавшій, чтобы бельгійцы рѣшились открыть плотины и затопить свою же страну, лишь бы не покориться и не потерять свободы.

Но именно это „глупое", ирраціональное и побѣждаетъ.

Бельгійцы сами неохотно прибѣгаютъ къ этому средству, ибо боятся воды, океана-хаоса.

Знаменитый бельгійскій писатель Эмиль Грелье, которому предстоитъ рѣшить, разрушить ли плотины или не разрушить, колеблется:

„Я—мирный человѣкъ, но я понимаю, что можно поднять оружіе. Оружіе! Это значитъ мечъ, это ружье, это разрывные снаряды... это, наконецъ, огонь. Огонь убиваетъ, но онъ и свѣтитъ, огонь очищаетъ, въ немъ есть нѣчто отъ древняго жертвоприношенія. Но вода!—холодная, темная, молчаливая, обволакивающая тиной, раздувающая трупы... Вода, которая есть начало хаоса, вода, которая день и ночь сторожитъ землю, чтобы броситься на нее... Друзья мои, повѣрьте мнѣ: я довольно смѣлый человѣкъ, но я боюсь воды"

И Лагардъ, бельгійскій министръ, тоже заявляетъ:

— Мы, бельгійцы, слишкомъ долго боролись съ водой, чтобы не научиться страху. Я тоже боюсь воды".

Но жена писателя, Жанна, которая, какъ женщина, инстинктомъ скорѣе открываетъ правду и не такъ заражена раціоналистическимъ предубѣжденіемъ противъ ирраціональнаго и стихійнаго, разбиваетъ эти колебанія, вопросомъ:

— Но кто страшнѣе: пруссаки или вода?

— Да, у насъ нѣтъ другого выбора,—говоритъ Лагардъ,— страшно выпускать воду изъ плѣна, звѣря изъ логовища, но все же онъ намъ больше другъ, чѣмъ пруссаки.

И бельгійцы рѣшаются, разрушивъ плотины, плодъ вѣковой культурной работы, выпустить изъ плѣна побѣжденную силой разума стихію воды, выпустить звѣря изъ логовища. И звѣрь-стихія спасаетъ то, что дороже всего человѣку—свободу—и что стремится уничтожить желѣзная логика въ лицѣ германцевъ.

Такъ Леонидъ Андреевъ, вложивъ въ уста бельгійскаго писателя свои прежнія слова объ огнѣ, какъ очищающей стихіи, и водѣ, какъ началѣ хаоса, воспользовался и міровой войной для того, чтобы повторить еще разъ свою мысль, что человѣческая культурная жизнь, управляемая разумомъ, идетъ ложнымъ путемъ, и что только не укрощенная еще стихія, ирраціональное, хаосъ могутъ спасти жизнь. Нужна катастрофа, которая смела бы все, что создало человѣчество за время своей исторической жизни; на старомъ основаніи строить нельзя.

„Ему мѣшаетъ глупость, которой за эти тысячи лѣтъ накопилась цѣлая гора. Теперешніе умные хотятъ строить на этой горѣ,— но, конечно, ничего, кромѣ продолженія горы, не выходитъ. Нужно срыть ее до основанія, до голой земли“ („Савва“).

Въ современной жизни нѣтъ ростковъ новой жизни, вотъ почему Царь Голодъ, вождь побѣжденныхъ, ждетъ побѣды отъ мертвецовъ, а не живыхъ.

Если эту поэзію стихійнаго бунта и всеобщаго разрушенія, которой проникнуты „Савва“, „Царь Голодъ“, „Анатэма“, „Океанъ“, заключить въ какую-нибудь формулу, то получится своеобразный индивидуалистическій анархизмъ. Въ основѣ его сомнѣніе въ коллективномъ творчествѣ человѣчества, презрѣніе къ массамъ и обществу. Человѣчество сознательнымъ коллективнымъ усиліемъ не можетъ повернуть теченіе своей жизни.

Рельсы, по которому мчится поѣздъ нашей культуры, положены въ ложномъ направленіи, но мы не можемъ остановить этого поѣзда, и онъ увлекаетъ насъ къ безднѣ. Сомнѣніе въ творческихъ силахъ человѣчества, въ его способности сознательнымъ усиліемъ измѣнить направленіе жизни и заставляетъ Андреева, съ одной стороны, возлагать надежды на хаосъ, на стихію разрушенія, а съ другой стороны—надѣяться на чудо.

Жажда чуда, такъ сильно выраженная въ „Жизни Василія Фивейскаго“ и въ „Анатэмѣ“, не имѣетъ у Андреева религіознаго значенія, и поэтому критика его пониманія чуда съ религіозной точки зрѣнія (какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Мережковскій) не убѣдительна. Андрееву чудо нужно лишь для того, для чего и хаосъ: для того, чтобы пробить брешь въ стѣнахъ тюрьмы, въ которой томится наша жизнь.

Эта жажда чуда—одна изъ чертъ, сближающихъ Андреева со старыми романтиками, у которыхъ мы можемъ найти и общую съ Андреевымъ индивидуалистическо-анархическую идеологію.

Великій польскій романтикъ, крайній индивидуалистъ, Юрій Словацкій построилъ цѣлую анархическую теорію развитія вселенной и человѣчества. Движущей силой развитія является непрерывный огненный бунтъ, въ которомъ разбиваются законы старой жизни и создаются новыя формы жизни. Каждый шагъ впередъ по пути развитія есть разрушеніе, освобожденіе изъ-подъ власти закона, будетъ ли то законъ природы или правопорядокъ. Духъ, созидающій жизнь, это—вѣчный революціонеръ и онъ воплощается въ великихъ творческихъ личностяхъ, герояхъ, которые ведутъ за собою народы, какъ хотятъ вести за собой человѣчество Савва, Царь Голодъ, Анатэма.

Сравнивая анархическо-индивидуалистическую идеологію Андреева со старой романтической теоріей, я отнюдь не хочу сказать, что онъ реставрируетъ и перекрашиваетъ давно сказанное другими. Его творчество вовсе не носитъ слѣдовъ книжнаго изученія, какъ, напримѣръ, творчество Мережковскаго.

Если его міросозерцаніе напоминаетъ міросозерцаніе романтиковъ-индивидуалистовъ, то это объясняется общей психологіей, лежащей въ основѣ этого міросозерцанія.

Сомнѣніе въ способности человѣчества къ сознательному коллективному творчеству коренится у Андреева, какъ мы уже говорили, въ презрѣніи одинокой личности къ массѣ. Всѣ герои Андреева страдаютъ эгоцентризмомъ, къ которому мы и переходимъ сейчасъ.

IV.

До сихъ поръ мы говорили объ идеяхъ, которыя Леонидъ Андреевъ сознательно проводитъ въ своемъ творчествѣ, которыя онъ вкладываетъ въ уста своихъ героевъ, не уставая повторять и развивать. Но „художникъ, по выраженію Андреева, какъ и грѣшникъ, не вѣдаетъ, что творитъ“, и образы, созданные имъ, часто доказываютъ совсѣмъ не то, что хотѣлъ доказать онъ. Герои Леонида Андреева въ длинныхъ рѣчахъ съ паѳосомъ проповѣдуютъ горделивое презрѣніе къ толпѣ, гордое одиночество, зовутъ идти къ новой жизни, говорятъ о своихъ исполинскихъ силахъ и вдругъ, въ нѣсколькихъ словахъ, случайно брошенныхъ, выдаютъ себя въ томъ, что они несчастны и безумно страдаютъ отъ своего одиночества.

— Савва, — спрашиваетъ его сестра Липа, — а скажи, если только можно, ты любишь какую-нибудь женщину?

— Свела-таки на любовь, по-женски. Право, не знаю, что тебѣ сказать. Любилъ я какъ будто одну, да она не выдержала.

— Чего не выдержала?

— Да моей любви. Меня, что ли, я уж не знаю. Только взяла и ушла отъ меня.

— А ты что же?

— Да ничего. Такъ и остался.

— А друзья у тебя есть? Товарищи?

— Нѣтъ, — отрѣзываетъ Савва.

„Даже у змѣи есть товарищъ, даже у паука есть подруга, а человѣка вы оставили одного!“ — стонетъ въ „Моихъ запискахъ“ несчастный заключенный.

Савва такой же несчастный, у котораго нѣтъ ни товарища, ни подруги. Онъ не стонетъ, не жалуется, но по словамъ, случайно брошеннымъ, можно догадаться, что онъ глубоко несчастенъ въ своемъ одиночествѣ, не смотря на свои гордыя рѣчи.

„Я, Олимпіада Егоровна, — говоритъ Савва той же Липѣ,— видите ли, уже умеръ однажды — умеръ и воскресъ...“

Но мы уже знаемъ изъ исторіи Елеазара, какъ ужасна участь „воскресшаго, среди живыхъ, ни разу не умиравшихъ“. Онъ остается выброшеннымъ изъ жизни, не можетъ войти въ нее вновь.

Многіе герои Андреева испытываютъ это ужасное чувство, выбрасывающее изъ жизни, какъ мертваго. „Если бы онъ заснулъ,— читаемъ мы про одного изъ такихъ выброшенныхъ изъ жизни,— на тысячу лѣтъ и проснулся среди новаго міра и новыхъ людей, онъ не былъ бы болѣе одинокъ, болѣе чуждъ всему, чѣмъ теперь“— („Воръ“).

Порвалась связь, соединявшая человѣка съ другими людьми, съ жизнью, міромъ, онъ отдѣленъ отъ всего живущаго, словно какой-то непроницаемой оболочкой.

„Среди людей онъ былъ одинокъ, словно планета среди планетъ, и особенный, казалось, воздухъ, губительный и тлетворный, окружалъ его, какъ невидимое прозрачное облако“ („Жизнь Василія Ѳивейскаго“).

„Онъ не любилъ товарищей студентовъ, какъ не любилъ всего, что его окружало: не любилъ улицъ, по которымъ ходилъ, не любилъ комнаты, въ которой жилъ, не любилъ всей неустроенной, хаотичной, варварски грубой и безсмысленной жизни...

„Не любили его студенты за то, что онъ былъ совершенно равнодушенъ къ ихъ жизни, не понималъ ея радостей и похожъ былъ на человѣка, который сидитъ на вокзалѣ въ ожиданіи поѣзда, куритъ, разговариваетъ, иногда даже какъ будто увлекается, а самъ не сводитъ глазъ съ часовъ“ („Иностранецъ“).

Такихъ выдержекъ можно было бы привести многое множество, ибо почти всѣ герои Андреева безпредѣльно одиноки. Иногда они, какъ докторъ Керженцевъ въ „Мысли“, утѣшаютъ себя, создавая иллюзію счастья и наслажденія въ одиночествѣ, но жизнь безпощадно разбиваетъ эту иллюзію, и докторъ Керженцевъ испытываетъ безумный ужасъ передъ грознымъ одиночествомъ.

Нельзя жить одиночествомъ, природа человѣка соціальна, и даже мысль его—въ сущности лишь орудіе общенія съ себѣ подобными.

Мышленіе имѣетъ цѣнность, лишь поскольку оно нормально, т.-е. протекаетъ по общеобязательнымъ законамъ мышленія, и докторъ Керженцевъ, обособившійся совершенно отъ людей, не можетъ рѣшить страшнаго для него вопроса, дѣйствительно ли онъ душевно-больной или нѣтъ. Одинаково логически онъ можетъ доказать и то и другое, но мысль его вращается въ заколдованномъ кругѣ, какъ бѣлка въ колесѣ, и этой пытки онъ не можетъ вынести и хочетъ вырваться изъ темницы одиночества, которымъ раньше такъ гордился.

Отчего же такъ одиноки герои Леонида Андреева, почему онъ создаетъ вокругъ нихъ ту атмосферу отчужденія, которая, сгущаясь, какой-то невидимой, но непроницаемой оболочкой охватываетъ душу, отдаляясь отъ остального міра?

Всматриваясь въ душевный міръ, изображаемый Андреевымъ, мы видимъ эгоцентризмъ, доведенный до послѣднихъ предѣловъ. Человѣкъ замыкается самъ въ кругу своихъ настроеній и чувствъ, при чемъ большею частью эти настроенія и ощущенія болѣзненныя: чувство боли, горечи, обиды, страха, оскорбленнаго самолюбія, неудовлетворенной любви, потери близкаго существа. Человѣкъ живетъ своимъ горемъ, вынашиваетъ его, взращиваетъ, и оно вырастаетъ до такихъ размѣровъ, что, въ концѣ концовъ, заслоняетъ весь міръ.

Таковъ, напр., Царь-Иродъ въ драмѣ „Савва", крестьянинъ, нечаянно убившій своего ребенка. Его горе принимаетъ исполинскіе размѣры, въ сравненіи къ которыми все ничтожно.

„Велико мое горе, — говоритъ Царь Иродъ, — такъ велико, что какъ посмотрю я вокругъ: ахъ, мать твою, да куда же все большое подѣвалось: дерево маленькое, домъ маленькій, гора маленькая. Будто это, знаешь, не земля, а маковая росинка".

„Для меня, парень, и солнце не восходитъ. Для другихъ восходитъ, а для меня нѣтъ. Другіе днемъ темноты не видятъ, а я вижу. Она промежъ свѣту, какъ пыль. Сперва взглянешь, какъ будто и свѣтло, а потомъ, гляди, Господи! — Небеса черныя, земля черная и все, какъ сажа". И въ то же время онъ живетъ своимъ горемъ и ни за что не отдастъ его.

„Вотъ горе мое, видишь, какое, — на землѣ такого не бываетъ, а призови меня Богъ и скажи: „На тебѣ, Еремѣй, всѣ царства земныя, а горе твое отдай мнѣ"... — не отдамъ. Не отдамъ, парень. Слаще оно мнѣ меду липоваго, крѣпче оно браги хмельной"...

Большинство героевъ Андреева одиноки изъ-за этого личнаго горя, личной обиды, причиненной жизнью (Паша Тумановъ, Екатерина Ивановна, Василій Фивейскій), но и состраданіе, чуткость къ чужому горю можетъ уживаться съ такимъ эгоцентризмомъ, человѣкъ можетъ претворить чужія страданія въ свои собственныя и жить ими, и тогда опять изъ-за своихъ ощущеній боли и скорби онъ не будетъ видѣть остального міра.

Это состраданіе не есть любовь, которая связуетъ человѣка съ міромъ, заставляетъ забывать о своемъ „я“, переносить центръ своихъ интересовъ въ другія „я“. Способность къ состраданію можетъ вытекать не изъ любви, а изъ „обнаженности нервовъ“.

„Точно съ мозга моего сняли костяную покрышку, и, беззащитный, обнаженный, онъ покорно и жадно впитываетъ въ себя ужасы этихъ кровавыхъ и безумныхъ дней. Я лежу, сжавшись въ комокъ, и весь помѣщаюсь на двухъ аршинахъ пространства, а мысль моя обнимаетъ міръ. Глазами всѣхъ людей я смотрю и ушами ихъ слушаю; я умираю съ убитыми, съ тѣми, кто раненъ и забытъ, я тоскую и плачу, и когда изъ чьего-нибудь тѣла бѣжитъ кровь, я чувствую боль ранъ и страдаю“.

Въ этихъ словахъ Андреевъ ярко нарисовалъ процессъ претворенія эгоцентрической натурой чужихъ страданій въ свои собственныя; въ концѣ-концовъ, человѣкъ, чувствующій боль отъ чужой раны, на этой уже своей боли сосредоточиваетъ свое вниманіе, и она, разрастаясь, тоже способна заслонить міръ, какъ и личное горе. Въ этомъ характерное отличіе пассивнаго состраданія, уживающагося съ эгоцентризмомъ, отъ активнаго сочувствія, которое всегда выводитъ человѣка за предѣлы своего *я*, заставляетъ забывать о себѣ и думать о другомъ.

При дѣйственно любовномъ отношеніи къ жизни человѣкъ при видѣ чужихъ ранъ чувствуетъ потребность перевязать ихъ, помочь, и въ дѣйствіи забываетъ о боли.

Растравляя свою душу чужими страданіями, человѣкъ можетъ, въ сущности, оставаться такимъ же одинокимъ, обособленнымъ отъ міра и людей, замкнутымъ въ себѣ, какъ и въ томъ случаѣ, когда онъ вѣчно возвращается къ своей обидѣ, питаетъ свою душу воспоминаніями о своемъ горѣ.

Мы видимъ это на примѣрѣ Василія Ѳивейскаго: сначала онъ одинокъ, потому что онъ подавленъ несчастьями, обрушившимися на его личную жизнь, затѣмъ онъ жадно ищетъ чужихъ страданій, зоветъ къ себѣ неизбывное горе людское и все же остается одинокимъ. Его *я*, вырастая до исполинскихъ размѣровъ, вѣчно стоитъ передъ его глазами; ему кажется, что о н ъ — виновникъ страданій, что къ н е м у даже съ отдаленныхъ звѣздъ несутся стоны и крики о помощи. Въ концѣ концовъ, на маленькой землѣ есть только одинъ огромный Василій Ѳивейскій.

Мы видѣли, что Царю-Ироду, который не можетъ забыть его горя, земля кажется маковой росинкой, но земля представ... въ видѣ маленькаго шарика и Саввѣ, который думаетъ не о своемъ горѣ, а объ общей жизни, хочетъ обновить землю. Дѣйствуя во имя неличной цѣли, онъ, въ сущности, занимается все время возвеличеніемъ своего „я“ въ своихъ мечтахъ. И большинство героевъ Леонида Андреева живетъ, какъ и Савва, въ грезахъ о своемъ величіи; они строятъ воздушные замки и остаются въ нихъ одинокими даже

и тогда, когда собираются спасать міръ и себя приносятъ въ жертву. Людей они не любятъ, а знаютъ лишь презрительную жалость къ нимъ. Революціонеръ Вернеръ („Семь повѣшенныхъ") жертвуетъ собой ради другихъ, идетъ на смерть за общее дѣло, и, несмотря на это, онъ одинокъ, въ душѣ его холодное презрѣніе къ людямъ, и даже съ товарищами по борьбѣ и заключенію онъ держится холодно, онъ внѣшне участвуетъ въ общемъ дѣлѣ, но живетъ обособленной жизнью души. И лишь въ одиночномъ заключеніи, наканунѣ казни онъ испыталъ какое-то радостное новое чувство освобожденія, словно онъ вышелъ изъ тюрьмы, въ которой оставилъ всю жизнь. И онъ не знаетъ, какъ назвать это чувство, недоумѣваетъ, что случилось съ нимъ. А случилось съ нимъ то, что онъ полюбилъ людей, тогда какъ раньше лишь снисходительно жалѣлъ ихъ. И по новому милыми и прелестными показались ему люди. Онъ понялъ, почувствовалъ, какъ „молодо еще человѣчество, вчера еще завывавшее звѣремъ въ лѣсахъ". Въ просвѣтленной передъ смертью душѣ его загорается та истинная великая любовь къ людямъ, которая всегда предполагаетъ и довѣріе и уваженіе.

При свѣтѣ этой любви онъ понялъ то, чего не понималъ Савва и другіе одинокіе бунтари, свысока смотрѣвшіе на человѣчество, презиравшіе его за слабость и глупость. Онъ понялъ, что человѣчество еще молодо, что передъ нимъ еще много возможностей, и что рано еще надъ нимъ ставить крестъ и терять вѣру въ его способность создать новую жизнь. Жалѣя человѣчество свысока, какъ Савва, можно благодѣтельствовать ему, можно считать себя призваннымъ спасать его и отдать жизнь за него. Но истинная любовь къ человѣчеству требуетъ вѣры въ него и въ его силы, въ его творческое будущее.

Въ душѣ Вернера передъ смертью и всходитъ солнце этой любви и новымъ свѣтомъ освѣщаетъ жизнь, которой не видятъ одинокіе герои-бунтари, живущіе въ мірѣ своихъ грезъ.

Тургеневъ дѣлилъ людей на два основныхъ типа, смотря по тому, преобладаетъ ли въ нихъ центробѣжный или центростремительный законъ жизни. Первый полагаетъ, что все, что существуетъ въ мірѣ, существуетъ для чего-нибудь, второй видитъ въ себѣ центръ мірозданія.

Герои Андреева, за небольшими исключеніями, напримѣръ, Муся въ „Семи повѣшенныхъ," — воплощеніе центростремительной силы жизни, трагедія ихъ — трагедія эгоцентризма.

Ихъ „я", изъ которыхъ каждое хочетъ быть центромъ мірозданія, блуждаетъ въ пустотѣ безконечнаго пространства.

„Я брошенъ въ пустоту безконечнаго пространства,—жалуется докторъ Керженцевъ („Мысль"): — великое и грозное одиночество, когда и сзади, и впереди, и кругомъ зіяющая пустота; ужасное одиночество, когда я, тотъ, который живетъ, чувствуетъ, мыслитъ, который такъ дорогъ и есть единственный, когда я такъ малъ,

безконечно ничтоженъ и слабъ и каждую секунду готовъ потухнуть...“

„Гдѣ найду я то вѣчное, къ чему я могъ бы прилѣпиться съ своимъ жалкимъ, безсильнымъ, до ужаса одинокимъ „я“?..“

И докторъ Керженцевъ вспоминаетъ маленькую незнакомую дѣвочку, на которую однажды онъ, замкнутый въ себѣ человѣконенавистникъ, взглянулъ при свѣтѣ ласковаго осенняго солнца, любовно и ласково. И теперь ему кажется, что „за ея маленькимъ тѣльцемъ, какъ за щитомъ, онъ укрылся бы отъ безнадежной пустоты вѣковъ и пространства“.

Такъ напоминаетъ о себѣ центробѣжный законъ жизни, по которому все, что существуетъ, существуетъ не для себя, а для другого.

V.

Эгоцентризму образовъ, создаваемыхъ Андреевымъ, отвѣчаетъ и его собственный эгоцентризмъ, какъ художника: онъ черпаетъ изъ своего „я“. Онъ утверждаетъ даже, что писатель никогда иначе и не творитъ, какъ только изъ себя:

„Писатель никогда не присутствовалъ лично при разговорѣ влюбленныхъ и не наблюдалъ поцѣлуевъ, не приглашался на убійства и самоубійства, не видѣлъ глазами измѣнъ, не созерцалъ взлома кассъ, не лежалъ подъ кроватью и не подслушивалъ разговора двухъ проститутокъ, а все это даетъ изъ себя, изъ собственнаго психологическаго опыта, таинственнаго умѣнія поставить себя на любое мѣсто и въ любое положеніе“ („Письма о театрѣ“).

Что писатель не подслушиваетъ и не подглядываетъ, а прибѣгаетъ къ собственному психологическому опыту для того, чтобы изобразить жизнь и при помощи таинственнаго умѣнія ставить себя на любое мѣсто и въ любое положеніе—это не подлежитъ сомнѣнію. Но у одного писателя собственный психологическій опытъ лишь ключъ къ пониманію окружающей жизни, и онъ эту послѣднюю стремится возсоздать, для другого психологическій опытъ ограничивается его собственными настроеніями и переживаніями, за предѣлы которыхъ онъ не выходитъ.

Толстой при помощи своего психологическаго опыта возсоздалъ огромный реальный міръ. Богатство его личнаго психологическаго опыта и заключалось въ проникновеніи въ реальный міръ, въ который онъ входилъ съ разныхъ сторонъ: какъ солдатъ, философъ, семьянинъ, помѣщикъ, гражданинъ, религіозный учитель.

Пшибышевскій черпалъ изъ своего психологическаго опыта, уходилъ отъ реальнаго внѣшняго міра въ міръ однотонныхъ личныхъ переживаній, настроеній, видѣній, грезъ. Когда Пшибышевскій провозгласилъ законъ новаго искусства, что художникъ черпаетъ изъ себя, изъ океана своей души, то онъ противопоставлялъ внутренній міръ внѣшнему.

Всѣ истинные художники—писатели всегда черпали изъ своего внутренняго міра, всегда пользовались своимъ психологическимъ опытомъ.

Модернизмъ, проповѣдуя творчество изъ себя, велъ часто на практикѣ не къ расширенію, а къ суженію того психологическаго опыта, которымъ пользуется писатель.

Леонидъ Андреевъ, выступившій на литературное поприще въ моментъ проникновенія въ Россію съ запада модернистскихъ вѣяній, подчинился ихъ вліянію. И въ его защитѣ психологическаго опыта, какъ единственнаго источника творчества, есть нѣчто бо̀льшее, чѣмъ утвержденіе безспорной истины, что писатель не можетъ инымъ путемъ, помимо психологическаго опыта, познать и возсоздать реальный міръ явленій, это—утвержденіе права художника замѣнять своими настроеніями картины реальнаго міра.

И Толстой, и Андреевъ при изображеніи войны, напримѣръ, пользуются психологическимъ опытомъ. Но въ одномъ случаѣ („Севастопольскіе разсказы") психологическій опытъ—это дѣйствительное личное знакомство съ войной, въ другомъ („Красный смѣхъ")—извѣстныя настроенія при мысли о войнѣ, которой художникъ никогда не видѣлъ. Оставаясь въ мірѣ настроеній, призраковъ, создаваемыхъ воображеніемъ, художникъ передаетъ ихъ въ видѣ схемъ. „Красный смѣхъ" — схема ужаса войны, въ которой нѣтъ красокъ дѣйствительной жизни, несмотря на все сгущеніе краснаго цвѣта крови.

Въ раннихъ своихъ разсказахъ Андреевъ еще черпаетъ краски и образы изъ внѣшняго міра. Но постепенно, замыкаясь въ мірѣ настроеній, Андреевъ все больше и больше прибѣгаетъ къ схемамъ, указаннымъ модернистскимъ искусствомъ. Модернизмъ въ литературѣ выразился въ стремленіи изгнать изъ нея пластическіе образы, свести ее исключительно къ лирикѣ: писатель старается изобразить не внѣшній міръ, не бытъ, а свое настроеніе, т.-е. вызвать въ душѣ читателя или зрителя драмы настроеніе, близкое къ его собственному. Всѣ средства, ведущія къ этой цѣли, считаются законными. Сгущеніе красокъ, упрощеніе (схематизированіе) явленій являются излюбленными пріемами модернистовъ, примѣняемыми съ цѣлью усилить извѣстное настроеніе, приковать вниманіе читателя или зрителя къ одному предмету.

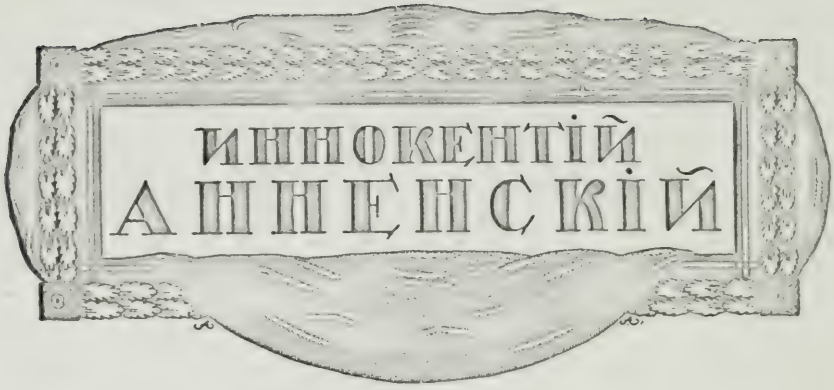
Это направленіе, законное въ извѣстныхъ предѣлахъ, угрожаетъ опасностью художнику: послѣдній, замыкаясь въ своихъ переживаніяхъ и настроеніяхъ, рискуетъ исчерпать ихъ и повторяться какъ въ мотивахъ творчества, такъ и въ создаваемыхъ образахъ. Однообразіе и односторонность—роковые спутники этого искусства. И участь, постигшая самыхъ талантливыхъ модернистовъ западной литературы—Пшибышевскаго и Метерлинка—постигла и Андреева: герои его слишкомъ похожи одинъ на другого, говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ. Но нужно признать также, что этотъ пріемъ

далъ возможность Андрееву обнаружить всю силу своего лиризма, довести свой пафосъ до высшей степени напряженія.

Огромную силу андреевскаго лиризма, способность его заражать другихъ своимъ настроеніемъ должны были признать даже такіе мало расположенные къ нему критики, какъ Мережковскій. Послѣдній, отрицая въ произведеніяхъ Андреева художественность, все же признаетъ его, именно за эту способность заражать, „почти геніальнымъ писателемъ". Этотъ „почти геніальный писатель" писалъ и слабыя произведенія (къ нимъ мы относимъ разсказы „Сынъ Человѣческій", „Проклятіе звѣря", драмы „Анфиса", „Gaudeamus" и „Не убій"), но, говоря объ этихъ произведеніяхъ, слѣдуетъ помнить слова Ницше: „Именно оригинальные, изъ себя самихъ черпающіе умы могутъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ создавать нѣчто совершенно пустое и безцвѣтное, тогда какъ болѣе зависимыя натуры, такъ называемые таланты, полны воспоминаній о всевозможныхъ хорошихъ вещахъ и даже въ состояніи упадка могутъ создавать нѣчто терпимое. Но если оригинальные умы покинуты своимъ дарованіемъ, то воспоминаніе не приноситъ имъ никакой помощи: они становятся пустыми".

И если нѣкоторыя произведенія, написанныя Андреевымъ, очевидно, въ моменты, когда его покидало дарованіе, заслуживаютъ названія „пустыхъ", то вѣдь зато ему же принадлежатъ яркія и сильныя страницы, которыя волновали современниковъ и навсегда останутся въ русской литературѣ,—страницы, которыя говорятъ о мукѣ современнаго человѣка и ужасѣ нашей жизни.

Иннокентій Ѳедоровичъ Анненскій.



Проф. П. П. Митрофанова.

I.

Иннокентій Ѳедоровичъ Анненскій родился 20 августа 1855 г. въ Зап. Сибири, въ состоятельной семьѣ виднаго чиновника. Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ—лѣтъ шести—вслѣдствіе перевода его отца въ центральное управленіе м-ва внутреннихъ дѣлъ—былъ привезенъ въ Петербургъ. Образованіе получилъ сначала домашнее, при чемъ, по признанію самого И. Ѳ., онъ „своимъ интеллигентнымъ бытіемъ былъ всецѣло обязанъ своему старшему брату", извѣстному публицисту Н. Ѳ. Анненскому, и женѣ его А. И. Анненской, которой онъ въ своемъ „Кипарисовомъ Ларцѣ" посвятилъ полное нѣжной благодарности стихотвореніе („Сестрѣ"). Но „интеллигентное бытіе" не означаетъ тутъ какого-либо нравственнаго, политическаго или литературнаго вліянія: оба брата, сохранившіе, впрочемъ, до конца жизни лучшія отношенія, были людьми совершенно различнаго духовнаго склада: И. Ѳ. держался всегда вдалекѣ отъ той партіи, виднымъ лидеромъ которой былъ Н. Ѳ., и не безъ нѣкотораго пренебреженія относился вообще къ политикѣ. Одно вѣрно: въ домѣ у брата И. Ѳ. могъ пріохотиться и дѣйствительно пріохотился къ книгѣ и перу.

Въ 1879 г. И. Ѳ. окончилъ курсъ Петербургскаго университета по историко-филол. отдѣленію. Службу началъ преподавателемъ древнихъ языковъ въ гимназіи Бычкова (нынѣ Гуревича) и русскаго языка—въ Павловскомъ институтѣ; одновременно читалъ лекціи по исторіи русскаго языка на Бестужевскихъ курсахъ. 1891—93 гг. былъ директоромъ Коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ; 1893—96 гг.—директоромъ 8-ой петроградской, а 1896—1906 гг.—Императорской Николаевской гимназіи въ Царскомъ Селѣ. Въ 1906 г. былъ назначенъ окружнымъ инспекторомъ Спб. учебнаго округа; одновременно состоялъ членомъ Ученаго Комитета по м-ву н. пр. и читалъ лекціи по исторіи античной словесности на высшихъ женскихъ курсахъ

Раева. Скончался отъ паралича сердца 30 ноября 1909 г. на Царскосельскомъ вокзалѣ въ Петроградѣ.

Вотъ краткій и сухой послужной списокъ чиновника, и притомъ чиновника не изъ самыхъ видныхъ, м-ва и. пр.: мало ли, въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ вѣдомствѣ особъ, орденами болѣе изукрашенныхъ и чинами болѣе обремененныхъ? Но тутъ воистину человѣкъ красилъ свое мѣсто. Я имѣлъ счастіе—мнѣ жаль, что это выраженіе стало конвенціональнымъ, и я хотѣлъ бы вернуть ему его первоначальное значеніе и свѣжесть—я имѣлъ счастіе цѣлыхъ три года служить не подъ начальствомъ—это слово не подходитъ къ покойному—а подъ руководствомъ И. Ѳ. въ бытность его директоромъ Царскосельской гимназіи: до сихъ поръ я вспоминаю объ этихъ годахъ, какъ о лучшемъ времени въ моей жизни. Въ критикѣ на порядки, заведенные въ гимназіи, конечно, не было недостатка, какъ это всегда бываетъ при всякомъ явленіи, выходящемъ изъ обычной нормы: и, правда, слѣдить за ремонтомъ гимназической прачешной, разбираться въ сортахъ говядины, подававшейся къ пансіонскому столу, сажать въ карцеръ учениковъ за преждевременное куреніе ими папиросъ И. Ѳ. былъ не мастеръ, да и не охотникъ при всей своей добросовѣстности къ службѣ. Но и ученики и мы, преподаватели, любили, цѣнили и чтили его за другое—за то, что онъ сумѣлъ вдохнуть намъ любовь къ нашему дѣлу и давалъ намъ полный просторъ въ проявленіи нашихъ силъ и способностей. О какомъ бы то ни было полицейскомъ режимѣ и регламентаціи не было и рѣчи, да и самъ И. Ѳ. не приказывалъ, а лишь просилъ и совѣтовалъ. И таково было его обаяніе—обаяніе умнаго человѣка, опытнаго педагога, гуманнаго гуманиста, что слушали и слушались всѣ не только со вниманіемъ, но и съ воодушевленіемъ. Его любили, и онъ нравился—и своею своеобразно красивой наружностью, и своей всегда деликатной, нѣсколько старомодной манерой обращенія съ людьми, и своей неизмѣнной добротой ко всѣмъ нашимъ нуждамъ и запросамъ. Я ничего не преувеличу, если скажу, что мы шли на педагогическіе совѣты съ удовольствіемъ: кто знаетъ, какая это обычно каторга, тотъ оцѣнитъ это замѣчаніе. Не мудрено: вмѣсто категорическихъ приказаній мы слышали приглашеніе высказать свое мнѣніе по обсуждавшемуся вопросу, и это мнѣніе выслушивалось, оцѣнивалось, бережно разбиралось—и дѣло рѣшалось, разумѣется, такъ, какъ заранѣе предвидѣлъ И. Ѳ.; но мы-то за это время научались разбираться въ своихъ ошибкахъ и обогащали свой педагогическій опытъ. Въ концѣ-концовъ, вокругъ И. Ѳ. создалась цѣлая школа молодыхъ педагоговъ и ученыхъ, и рѣдкій изъ служившихъ подъ его руководствомъ не выдвинулся на томъ или другомъ поприщѣ. Я искренне радъ, что не стою одиноко со своимъ мнѣніемъ, которое предвосхищено въ некрологѣ, написанномъ тогдашнимъ моимъ сослуживцемъ А. А. Мухинымъ (Гермесъ 1909 г. XX, 608—612).

Ужъ на что неблагодарна роль окружнаго инспектора—и тутъ

И. Ѳ. сумѣлъ понять ее по своему. Обычно пріѣздъ такого missi dominici встрѣчается школьнымъ персоналомъ, какъ неизбѣжная очередная непріятность: сколько ни признавай необходимости контроля въ принципѣ, а быть самому подъ контролемъ, да еще безконтрольнымъ, всегда не то, что тяжело, а стѣснительно. И. Ѳ. поставилъ это дѣло иначе: свою должность ревизора онъ понялъ, какъ обязанность быть совѣтникомъ и руководителемъ подвѣдомственныхъ ему педагоговъ. Самъ онъ былъ превосходнымъ учителемъ: педагогическія статьи его, помѣщенныя въ „Русской Школѣ“ (1890 г., № 2 „Образовательное значеніе родного языка“; 1892 г. №№ 7—8, 11; 1895 г. № 2: „Педагогическія письма“), служатъ лучшимъ тому доказательствомъ, и статьи эти, по правильной оцѣнкѣ проф. Варнеке, который тоже былъ однимъ изъ сослуживцевъ И. Ѳ. по Царскосельской гимназіи, „такъ свѣжи и оригинальны по содержанію, такъ цѣнны по тонкости основанныхъ на личномъ опытѣ наблюденій автора, что ихъ изданіе отдѣльной брошюрой сослужило бы хорошую службу обогащенію нашей педагогической литературы“ (см. некрологъ, напечатанный пр. Варнеке, Ж. М-ва Н. Пр. 1910 г., № 3). При посѣщеніи классовъ этотъ „странный“ окружный инспекторъ острымъ взглядомъ тотчасъ подмѣчалъ недочеты въ преподаваніи, выяснялъ ихъ причины и потомъ въ дружеской и ласковой бесѣдѣ съ учителемъ умѣлъ дать подходящее наставленіе—все это въ такой мягкой и доброжелательной формѣ, что—incredibile auditu—директоры и директриссы просили сами И. Ѳ. почаще посѣщать ихъ и радовались такимъ посѣщеніямъ, какъ настоящему празднику. Какъ членъ Ученаго Комитета, онъ рецензировалъ всѣ учебныя книги по русскому языку и словесности, и довѣріе къ его критикѣ было настолько непоколебимо, что ни одно его заключеніе не было измѣнено м-вомъ и, что еще знаменательнѣе, не вызвало претензій со стороны авторовъ. Мало того, я знаю случаи, когда послѣдніе сами потомъ пріѣзжали къ нему и просили совѣта, наученія и руководства. Что касается его преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то И. Ѳ. не успѣлъ, какъ слѣдуетъ, развернуться за послѣдніе $1^1/_2$ года своей жизни, но то обстоятельство, что курсистки помѣстили его портретъ въ своемъ читальномъ залѣ и in corpore пріѣхали въ Царское Село проводить до могилы прахъ своего профессора, доказываетъ, какою безраздѣльною симпатіей и какою любовью пользовался этотъ рыцарь безъ страха и безъ упрека учебнаго міра (съ большою сердечностью описаны проводы покойнаго другомъ его проф. Ѳ. Фр. Зѣлинскимъ, „Аполлонъ“, 1910 г., № 4).

II.

Но педагогическая дѣятельность, несмотря на огромный трудъ—И. Ѳ—у въ началѣ его карьеры приходилось давать до 56 уроковъ въ недѣлю—не успѣла задавить въ немъ писателя. Онъ оставилъ

послѣ себя не малое литературное наслѣдіе. При жизни его, помимо указанныхъ педагогическихъ статей и многочисленныхъ рецензій на ученыя и учебныя книги, появились: 1) „Вакханки". Трагедія Еврипида. Стихотворный переводъ съ соблюденіемъ метровъ подлинника, въ сопровожденіи греческаго текста, и три экскурса для освѣщенія трагедіи со стороны литературной, миѳологической и психической". Спб. 1894 г.; 2) „Театръ Еврипида". Полный стихотворный переводъ съ греческаго всѣхъ пьесъ и отрывковъ, дошедшихъ до насъ подъ этимъ именемъ, съ двумя введеніями, статьями объ отдѣльныхъ пьесахъ и объяснительнымъ указателемъ". 1907 г. Т. I; 3) Три оригинальныхъ трагедіи: „Меланиппа-Философъ" 1901 г., „Царь Иксіонъ" 1902 г., „Лаодамія" (въ Сборн. „Сѣверная Рѣчь" 1906 г.); 4) Критическія статьи: „Книга Отраженій" 1906 г.; „Вторая книга Отраженій" 1909 г.; „Пушкинъ и Царское Село" 1899 г.; „Античный миѳъ въ современной французской поэзіи" 1908 г.; 5) Сборникъ стиховъ „Тихія Пѣсни" съ приложеніемъ сборника стихотворныхъ переводовъ „Парнасцы и Проклятые" 1903 г. подъ псевдонимомъ Ник. Т—о. 6) Посмертныя изданія: „Кипарисовый Ларецъ. Вторая книга стиховъ" 1910 г. и „Ѳамира-Кіѳаредъ". Вакхическая драма; 100 нумерованныхъ экземпляровъ" 1913 г. Готовятся къ печати: 1) „Театръ Еврипида", тт. II, III; 2) третья книга стиховъ; 3) книга статей; 4) лекціи по античной литературѣ [1]).

Я намѣренно смѣшалъ въ одно все литературное наслѣдіе покойнаго—и переводы, и критическіе этюды, и его оригинальныя поэтическія произведенія. Дѣло въ томъ, что и самъ И. Ѳ. не дѣлалъ между ними различія: они были для него лишь разновидностями поэтическаго творчества. Про переводы много говорить нечего: разумѣется, они должны быть конгеніальны оригиналу, и во всякомъ случаѣ не отъ И. Ѳ. можно было ожидать несоблюденія этой аксіомы. Но и критика, по его мнѣнію, подходила подъ опредѣленіе поэзіи: онъ былъ далекъ и отъ эстетическаго анализа съ его зазываніемъ любоваться тѣми или другими красотами; съ недоумѣніемъ относился онъ къ критикѣ публицистической, не понимая, какъ это можно „смѣшивать два эти ремесла"; холоденъ оставался онъ и къ „научной" школѣ И. Тэна. Его точка зрѣнія была совершенно иная: „самое чтеніе поэта есть уже творчество. Поэты пишутъ не для зеркалъ и не для стоячихъ водъ", и, читая великія произведенія великихъ мастеровъ слова, онъ „бралъ только то, что чувствовалъ выше себя и вмѣстѣ съ тѣмъ созвучное". И тутъ И. Ѳ. высказывалъ, казалось бы, ясную элементарную истину: „надо вообразить себя хоть немножко поэтомъ, когда говоришь о поэзіи.

---

[1]) Полный библіографическій перечень всего написаннаго И. Ѳ. А. см. въ концѣ 2-й *части* настоящаго труда. *Ред.*

Пружины этого искусства тонки, и за грудью облака смѣшно искать реберъ". Да! истина эта элементарна и общепризнанна, и ею руководятся не только при пріемкѣ сапогъ или при покупкѣ салфетокъ, но даже на художественныхъ выставкахъ; но въ литературѣ, увы! нѣтъ, кажется, сапожника, который ограничился бы своей почтенной спеціальностью и не раздиралъ бы шиломъ божественнаго лика Великаго Логоса; всякъ считаетъ себя знатокомъ литературы, потому что умѣетъ читать печатное и водить перомъ по бумагѣ. У Анненскаго было неопровержимое основаніе претворять даже свою критику въ поэзію: онъ любилъ послѣднюю, как[illegible]ую свою жизнь, даже больше жизни: „Не думать о Гамлетѣ,— писалъ онъ, напр.,— для меня, по крайней мѣрѣ (курсивъ подлинника), значило бы отказаться и отъ мыслей объ искусствѣ, т.-е. отъ жизни". Внѣ искусства, поднимающаго насъ иллюзіей нашего совершенства, для него дѣйствительно не было жизни, и онъ „никогда безъ глубокаго уныній не могъ читать сказки объ оживленной Галатеѣ", ибо „никто не произнесъ болѣе суроваго приговора надъ искусствомъ. Неужто же, чтобы обрѣсти жизнь, [illegible]уя должна непремѣнно читать газеты, ходить въ департаментъ и цѣловаться?" И поэзія, окутавшая дымкой своей иллюзіи нѣжную душу Анненскаго, вручила ему скрижали его жизненнаго завѣта, къ исполненію котораго онъ стремился съ благоговѣйнымъ трепетомъ:

Надъ высью пламенной Синая
Любить туманъ Ея лучей,
Молиться Ей, Ея не зная,
Тѣмъ безнадежно—горячѣй!

(„Поэзія". Тихія Пѣсни).

III.

О „Безнадежности", разумѣется, у него-то не могло быть и рѣчи; но вполнѣ естественно, что поэтъ, какъ и всякій человѣкъ, охотнѣе и больше всего говоритъ о томъ, что было ближе его уму и сердцу. А куда стремилась душа Анненскаго, онъ высказалъ съ полною опредѣленностью. „Поэты говорятъ обыкновенно объ одномъ изъ трехъ: или о страданіи, или о смерти, или о красотѣ". Этимъ „обыкновенно" онъ оговорился кстати, ибо не легко пришлось бы поэзіи на такомъ Прокрустовомъ ложѣ; но что самъ Анненскій смастерилъ его по своей мѣркѣ, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Это былъ настоящій „искатель страданія", какъ бываютъ искатели жемчуга, и самое творчество было для него мученіемъ:

„Я завожусь на тридцать лѣтъ,
Чтобъ жить, мучительно дробя
Лучи отъ призрачныхъ планетъ
На „да" и „нѣтъ", на „ахъ" и „бя".

(„Человѣкъ." Кипарисовый Ларецъ).

И весь его „Кипарисовый Ларецъ“—стонъ замученнаго не столько жизнью, сколько своими мыслями и чувствами человѣка. Но муку свою онъ не проклиналъ, а любилъ, ибо она, терзая его, заставляла творить и брататься съ мечтой:

„И была-ль такъ постыла имъ степь,
Или мука капризно желанья:
То и дѣло желѣзную цѣпь
Задѣвала оборка волана“.

(Іь. „Дымы“. Зимній поѣздъ).

Въ мечтѣ же—все счастье не любящаго жизни человѣка, для котораго даже оживившаяся Галатея превратилась въ посѣтительницу Монте-Карло. „Здѣсь, т.-е. въ мечтѣ распоряжается уже не жизнь, а мы—ея невольники Здѣсь ужъ мы хотя и молча, хотя и лежа, но можемъ натѣшиться надъ нею вдоволь и, главное, безъ малѣйшаго риска. И чѣмъ ничтожнѣе будетъ моя роль въ настоящей жизни... тѣмъ ярче будетъ и есть мое сентиментальное, мое щедрое, мое великодушное и прекрасное солнце“:

„Когда на безсонное ложе
Разсыпаются бреда цвѣты,
Какая отвага, о Боже,
Какія побѣды мечты!

(„Который“? Тихія Пѣсни).

Не даромъ Анненскій такъ любилъ „проклятыхъ“ поэтовъ, которые желтой желчью заливали жизнь:

„Я струпьями покрытъ, я старъ, я хилъ, я парій,
Но ухмыляюсь я презрительно, когда
Помыслю, что ни съ кѣмъ не хаживалъ я въ парѣ“.

(Т. Пѣсни. „Богема“ изъ Роллена).

Не злоба тутъ притягивала Анненскаго, а вызовъ скучной жизни и дерзость безграничной мечты, презрѣніе къ трафаретной морали. Онъ любилъ бунтующихъ и описывалъ ихъ съ особенною любовью, выискивая ихъ тамъ, гдѣ ихъ никто до того времени не видѣлъ, и одѣвалъ поблеклые ихъ образы въ яркія ризы своего поэтическаго творчества. Бунтуетъ у него Голядкинъ, спущенный съ лѣстницы „старца, убѣленнаго сѣдинами“; бунтуетъ господинъ Прохарчинъ, поднявшій мятежъ послѣ 20-лѣтняго молчанія (очеркъ этотъ у Анненскаго вышелъ прямо геніальнымъ); бунтуетъ въ своемъ бѣломъ экстазѣ миловидная Софи, героиня тургеневскаго „Страннаго случая“; бунтуютъ Гамлетъ и Раскольниковъ, Ибсеновскій Брандъ и бѣдный мечтатель „Бѣлыхъ ночей,“ умирающій Гейне и Іуда у Андреева—всѣ, всѣ бунтуютъ... даже носъ маіора Ковалева, который оскорбился непочтительнымъ къ нему отношеніемъ грязнаго цирюльника Ивана Яковлевича.

Но не для бунта рожденъ избранникъ: подъявшій мечъ отъ меча и погибнетъ—и бунтъ кончается гибелью или великимъ униженіемъ. Голядкинъ за свою смѣлость поплатился тѣмъ, что у него отняли послѣднюю его овцу—его собственное имя, и „Двойникъ“ запрятываетъ его въ домъ умалишенныхъ; господина Прохарчина пристукнулъ его порывъ, заставилъ его высоко задрать мертвыя синія ноги и лишилъ его послѣдняго сокровища—запрятаннаго въ матрацъ клада. Раскольниковъ побунтовалъ, поломался, да и пошелъ читать съ Сонечкой про воскрешеніе Лазаря; Софи вернулась-таки домой и молча отдала себя на умираніе; мечтатель „Бѣлыхъ Ночей“ позорно упустилъ Настеньку и остался съ кухаркой Матреной, да съ паутиной по угламъ; Клещъ и татаринъ горьковскаго „Дна“ погрузились въ тину; Гамлетъ напрасно актерствовалъ и проткнулъ шпагой своего ближняго: онъ такъ и унесъ въ могилу свою загадку; чеховскія сестры такъ и не доѣхали до любимой своей Москвы, а Ананій Яковлевъ изъ „Горькой судьбины“ Писемскаго весьма неблагополучно отправился путешествовать по Владиміркѣ: обѣ „Книги Отраженій“—длинный синодикъ не столько „пріемлющихъ страданіе“, сколько „требующихъ счастія“—и требующихъ напрасно, на горе и гибель себѣ и своему ближнему.

Чтобы не погибнуть и имѣть возможность жить, т.-е. думать и чувствовать, необходимо другое, и это другое—состраданіе къ человѣку, мука за брата своего. Аннепскій исповѣдывалъ эту мысль тайно въ кругу друзей и явно въ своихъ произведеніяхъ. Онъ выработалъ себѣ по этому поводу цѣлую мистическую теорію: міръ заключаетъ въ себѣ лишь извѣстную сумму зла, и страдающіе должны радоваться, если свалится на нихъ лихая бѣда или лютая болѣзнь: они тѣмъ облегчаютъ бытіе всего человѣчества. И надо было видѣть просвѣтленное лицо покойнаго поэта, когда „компрометированное его здоровье“—онъ любилъ выражатся съ нѣкоторой grandezza—укладывало его на долгіе дни въ постель, и надо прочесть его торжествующія слова: „Соціальный инстинктъ требуетъ отъ насъ самоотреченія, а совѣсть учитъ человѣка не уклоняться отъ страданія, чтобы оно не придавило сосѣда, павъ на него двойною тяжестью“. Потому-то и не любилъ онъ бѣлой Софи, не мирившейся со своей душной жизнью, и потому и начерталъ онъ ей надъ могилой только что приведенную эпитафію.

IV.

А если это такъ, то ясно, какой видъ литературы долженъ былъ особенно приковать къ себѣ вниманіе Аннепскаго: то была драма и спеціально трагедія.

„Вся исторія нравственнаго бытія человѣка прошла между ужасомъ и состраданіемъ, между грозовымъ, вспыхивающимъ молніями ветхозавѣтнымъ небомъ Синая и голубымъ эѳиромъ, который смотрится въ генисаретскія волны. Именно ужасъ и состраданіе сдѣлали

изъ драмы то, что она есть, т.-е. сгущенную дѣйствительность, и потому является совершенно химеричнымъ предположеніе, по которому трагедія осуждена на вымираніе". Не даромъ Анненскій далъ въ своей первой „Книгѣ Отраженій" такой любовный разборъ трехъ „соціальныхъ драмъ„—„Власти тьмы", „Горькой судьбины" и „На днѣ", прибавилъ къ нимъ „Трехъ сестеръ" Чехова; но истинно любилъ онъ все-таки въ другомъ мѣстѣ—въ сферѣ неувядаемаго эллинскаго міра. Анненскій былъ образованнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ въ полномъ и истинномъ значеніи этого слова—и этимъ сразу опредѣлялось его отношеніе къ античности. Онъ пережилъ то время, когда русское общество, за деревьями не видѣвшее лѣса, накинулось на классицизмъ, какъ на причину своихъ бѣдъ, какъ на лютаго своего врага. Онъ пережилъ и режимъ доброжелательныхъ генераловъ-отъ-инфантеріи, не знавшихъ, какъ пишется греческая іота, и тѣмъ не менѣе рѣшившихъ, что древонасажденіе важнѣе античности. При поддержкѣ весьма немногихъ, онъ имѣлъ мужество открыто заявлять, что система Толстого, при всѣхъ ея грѣхахъ вольныхъ и невольныхъ, была попыткой европеизаціи русской школы.

Въ античной литературѣ Анненскій находилъ зерно всей современной поэзіи: „только благодаря античнымъ миоамъ, возникла та категорія героизма, безъ которой въ нашемъ творчествѣ, вѣроятно, не образовалось бы ни поэмы, ни трагедіи, ни романа". И онъ мечталъ о томъ времени, когда именно славяне пробьютъ новые пути для неувядаемаго стараго міра. „Не будетъ ли судьба—о, не политика, конечно!—когда-нибудь благосклоннѣе къ эллино-славянскому не союзу даже, а синтезу? Не внесутъ ли славянскія культуры и славянскій темпераментъ новой и интересной ноты въ воскресающіе гимны античности?"

Мечта такъ и осталась мечтой, но для себя, по крайней мѣрѣ, Анненскій постарался ее осуществить; всю свою жизнь онъ не переставалъ заниматься античностью, и именно греческой трагедіей. Эпосъ съ его спокойствіемъ и объективностью мало говорилъ безпокойной и мятущейся душѣ поэта, тогда какъ трагедія съ ея pathos'омъ—страданіемъ и mathos'омъ—познаваніемъ была ему какъ разъ созвучна. Ее онъ сдѣлалъ центромъ своего университетскаго курса, ее онъ переводилъ, ее онъ бралъ за образецъ себѣ и ставилъ въ тотъ же образецъ другимъ, находя, что „мы слишкомъ мало цѣнимъ вообще ту гармонію, которая не дѣйствуетъ непосредственно на глазные и слуховые нервы, въ родѣ ритмы или розы на зеленомъ листѣ". Надо только прочесть его послѣсловія къ его переводамъ Еврипида, чтобы убѣдиться, какъ зналъ онъ литературу предмета и самый предметъ, и какъ вѣрно и глубоко понималъ онъ тѣ историческія причины, которыя привели къ расцвѣту трагедіи на аттической почвѣ.

Но и среди любимыхъ имъ трагиковъ у него былъ свой особенный любимецъ, которому онъ и посвятилъ свой трудъ и свои

лучшія думы: то былъ Еврипидъ, „трагичнѣйшій изъ всѣхъ поэтовъ“ — и въ этомъ опредѣленіи разгадка его предилекціи. Конечно, онъ признавалъ, что „трагедія Софокла стала сама по себѣ законченнымъ и сложнымъ цѣлымъ, гдѣ части объединялись если не этически, то психологически, гармоническимъ развитіемъ характеровъ“. Но именно эта законченная гармонія нѣсколько раздражала мятежнаго критика, и онъ недалекъ былъ отъ того, чтобы видѣть въ образахъ „блаженнаго трагика“ — развѣ не иронія такой предикатъ? — „фотографіи въ трехъ краскахъ“. А Эсхилъ, „при всемъ мастерствѣ его въ описаніи ужаса, и вовсе одноцвѣтный“, а, главное „въ паѳосѣ Эсхила недоставало нотъ состраданія. Муки титана вызываютъ въ сердцѣ зрителя негодованіе и ужасъ, безъ могучаго зуда слезъ“. Не то у Еврипида: съ нимъ Анненскій чувствовалъ себя вполнѣ конгеніальнымъ.

Въ любимомъ трагикѣ все было дорого и близко его комментатору и переводчику: и, „склоненная отъ пристальной мысли голова“, и „рѣдкость успѣха“, и „тщательное уклоненіе отъ всякаго участія въ политической жизни“, и „уединеніе на Саламинѣ“—своего рода Царскомъ Селѣ Аѳинъ—и „ненависть къ атлетамъ и гимнастикѣ“, и „связи съ такими смѣлыми мыслителями, какъ Анаксагоръ, Продикъ и Сократъ“. И онъ защищалъ дорогого ему покойника, какъ будто заступался за близкаго живого друга, защищалъ его иногда даже вопреки очевидности, настаивая, напр., на единствѣ дѣйствія въ такой психологически необоснованной трагедіи, какъ „Гераклъ“, и оправдывая появленіе deus ex machina необходимостью замѣнить недостававшія грекамъ программныя афиши.

И то были не только красивыя слова и платоническія чувства: переводу и изученію Еврипида Анненскій посвятилъ послѣднія 15 лѣтъ своей жизни. Трудъ огромный, если припомнить, что наслѣдіе Еврипида состоитъ изъ 18 трагедій, что въ „языкѣ этихъ трагедій Еврипидъ разрѣшилъ задачу союза между глубокимъ одушевленіемъ страсти и ясной гибкостью мысли“, т.-е. далъ какъ разъ такое соединеніе, которое болѣе всего чуждо „сенсуалистическому“ русскому языку; не забудемъ также, что, при повальномъ и намѣренномъ невѣжествѣ русскаго общества въ вопросахъ античности, комментарій требовалъ не только огромныхъ знаній, но и большого такта.

И тѣмъ и другимъ обладалъ Анненскій въ полной мѣрѣ: онъ былъ первокласснымъ эллинистомъ, и мало кто могъ отважиться на такую утомительную и головоломную работу, какъ, напр., его статья „Изъ наблюденій надъ языкомъ Ликофрона“—того самаго Ликофрона, имя котораго даже въ александрійскую эпоху стало нарицательнымъ по трудности пониманія текста. Анненскій съ полнымъ основаніемъ писалъ, что „работа его надъ Еврипидомъ была строго филологической“. Греческая метрика, столь сложная, особенно въ хоровыхъ частяхъ трагедіи, не имѣла для него тайнъ; русское же

стихосложеніе было всегда предметомъ усерднѣйшаго его изученія. При такихъ данныхъ, какъ знаніе языка и проникновеніе въ духъ еврипидовской драмы, онъ имѣлъ право заявить съ горделивою скромностью: „при переводѣ я болѣе всего заботился о точности; разумѣю не только грубую точность—словесную, но и точную передачу художественнаго впечатлѣнія". И такой знатокъ античности, какъ Ѳ. Фр. Зѣлинскій, который самъ выпустилъ недавно въ свѣтъ свой стихотворный переводъ Софокла, далъ блестящій комментарій къ заявленію своего друга. „Анненскій—вовсе не переводчикъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова, не толмачъ, старающійся только своими словами передать непонятную для его среды рѣчь подлинника. Еврипидъ для него—часть его собственной жизни, существо, родственное ему самому. Его онъ воспринялъ, въ него онъ вчувствовался всею своею душою; и этого усвоеннаго имъ Еврипида онъ передаетъ своимъ читателямъ". Да! Анненскій оставилъ намъ греческаго трагика во плоти и во крови, а не скелетообразныя репродукціи Водовозова и не фантастическія измышленія Мережковскаго.

V.

Анненскій настолько сжился съ античной трагедіей, что онъ мечталъ о перенесеніи нѣкоторыхъ ея формъ на современную сцену. „Я думаю, что нѣкоторые пріемы античной сцены ждутъ своей очереди на нашей. Рѣчь идетъ, конечно, не объ открытыхъ театрахъ, маскахъ или котурнахъ, а объ музыкѣ и балетѣ, т.-е. о широкомъ развитіи лиризма и мимики, которые были такъ долго и такъ несправедливо разобщены съ трагедіей, этой универсальной формой творчества". Примѣръ у него былъ передъ глазами: произведенія Леконта де Лилля. Онъ любилъ вообще „потомковъ благородной латинской расы", любилъ ихъ за ихъ геніальную традицію, за законченность, ясность и тонкость мысли, за несравненный ихъ языкъ, которымъ онъ и самъ владѣлъ въ совершенствѣ, а, главное, за то, что они, на его взглядъ, были истинными наслѣдниками античности. Онъ холодно относился къ романтизму, который, „съ его мечтаніями и боязнью дѣйствительности, заставилъ замереть трагедію"; былъ онъ непримиримымъ врагомъ и того условнаго классицизма Шапелена и Скюдери, „который и до сихъ поръ скрываетъ смыслъ поэзіи эллиновъ отъ $^{9}/_{10}$ людей". Зато объ истинномъ классицизмѣ Аміо, Расина, Шенье, Леконта де Лилля онъ отзывался восторженно: „для романтика античный міръ закрытъ навѣки; для француза классика онъ живетъ". Почему бы и славянамъ, этимъ выучепикамъ Греціи черезъ Византію, не попытаться сдѣлать то, что съ такимъ успѣхомъ уже продѣлали французы, эта боковая, въ сущности, линія эллинскаго міра? И мысль эта была осуществлена поэтомъ въ четырехъ его сценическихъ произведеніяхъ—„Царѣ Иксіонѣ", „Меланиппѣ-философѣ", „Лаодаміи" и „Ѳамирѣ Кифаредѣ". На основаніи

сохранившихся эксцерптовъ и эпитомъ онъ попытался облечь въ плоть и кровь забытые и затерянные потомствомъ античные мѳы; послѣдніе, какъ мы знаемъ, онъ цѣнилъ необычайно высоко изъ-за ихъ вѣчной красоты и глубокаго символизма. „Миѳическій методъ, допускающій анахронизмы и фантастическое, позволилъ автору глубже затронуть вопросы психологіи и этики и болѣе, какъ ему казалось, слить міръ античный съ современною душою"; а къ этому сліянію и стремился больше всего Аннепскій. Самая фактура этихъ трагедій чисто-еврипидовская: тутъ и единство мѣста, и единство дѣйствія, и хоръ, какъ „необходимый лирическій, музыкальный элементъ", и даже deus ex machina, столь излюбленный Еврипидомъ. Самые сюжеты подобраны такъ, что отъ нихъ не отказался бы „трагичнѣйшій изъ всѣхъ поэтовъ": pathos и mathos властвуютъ тамъ безраздѣльно; тутъ и страданіе и дерзаніе, и бунтъ и состраданіе. Страждетъ въ материнскомъ своемъ чувствѣ Меланиппа, у которой родной отецъ хочетъ зарѣзать ея дѣтей, рожденныхъ отъ синекудраго бога морей; дерзаетъ она защитить своихъ чадъ высокими изреченіями Анаксагора; состраданіе внушаютъ ея выжженныя за незаслуженный грѣхъ очи, и все ус[illegible]ется въ примирительномъ аккордѣ божественной милости, при[illegible] матерью Меланиппы—дивной звѣздой Гиппой. Страждетъ Ла[illegible]мія, лишившаяся волею боговъ послѣ первой брачной ночи юнаго красавца-мужа Протезилая; дерзаетъ она утѣшиться мечтой, положивъ съ собой на ложе восковое изображеніе павшаго героя; и развѣ не слезы жалости эти капли воска, растопившіяся на пламени погребальнаго костра? Мучится Ѳамира, неудовлетворенный дивнымъ даромъ пѣсенъ, ниспосланнымъ ему богами; мучится и мать его, прекрасная нимфа, охваченная дерзостной кровосмѣсительной любовью къ подкинутому ею когда-то сыну. А сынъ погибаетъ, тоже дерзая: ибо захотѣлъ онъ ради состраданія къ людямъ вмѣшаться въ кругъ небожительницъ — безсмертныхъ музъ. Это тотъ же Прометей:

Я буду, какъ титанъ,
Похитившій съ небесъ огонь, но людямъ
Я далъ огонь и пищу и нѣжный"...

Гордая мысль сгубила Кіѳареда, ослѣпшаго и потерявшаго даръ пѣсенъ, какъ сгубила грѣшная мечта нимфу, обращенную въ малую пичужку; плачетъ старая кормилица-рабыня, „и бѣгутъ по старческимъ морщинамъ слезы". Но Ѳамирѣ не за чѣмъ плакать:

„Благословенны боги, что хранятъ
Сознанье намъ и въ мукахъ".

Но трагичнѣе всѣхъ гордый царь Иксіонъ—и здѣсь поэтъ сумѣлъ достигнуть истинно-еврипидовскаго пафоса. Гордый ѳессалійскій царь, преслѣдуемый богиней безумія Лиссой, задумалъ невѣроятное—сравняться съ небожителями и, подобно маніаку Кириллову

изъ „Бѣсовъ“ Достоевскаго, самому стать богомъ. И когда Кронидъ въ минуту царственнаго каприза далъ дерзновенному вкусить амвросіи на Олимпѣ, неугомонный сынъ человѣческій на томъ не успокоился, ибо потерялъ онъ лучшій даръ жизни — сомнѣніе и дерзновеніе:

„Я не хотѣлъ
Забвенья ихъ, души ихъ бѣлой... сердцу
Чего-то жалко стало. А чего?
Безумія? Позора? Мукъ голодныхъ?
Нѣтъ, я жалѣлъ мечты, я аромат...
Въ тотъ мигъ вдыхалъ державній безнадежныхъ

Ему мало стать „игрушечнымъ божкомъ“; ему надо сравняться съ Кронидомъ и овладѣть державной супругой его— Герой. Но блаженные боги зло посмѣялись надъ своей игрушкой: они бросили въ объятія Иксіону Апату, богиню обмана, и вдобавокъ за дерзновенную попытку распяли его на огненномъ колесѣ, которому суждено вертѣться въ эѳирѣ до скончанія вѣка.

И ложе ласкъ покинувъ поутру,
Любовники счастливые на солнце
Глядѣть иные будутъ и игрой
Веселаго свѣтила любоваться.

Но рядомъ съ жестокостью жизни живетъ и любовь и состраданіе; отсюда и заключительный аккордъ трагедіи таковъ, что заставляетъ сомнѣваться въ справедливости возмездія: „гдѣ одна правда, тамъ и несправедливость“, говорила одна изъ героинь Достоевскаго.

„Не надо слезъ... Но пѣсенъ и цвѣтовъ
Не надо также... Молча на вершины
Пойдемъ, и тихо... Человѣка мучатъ“.

VI.

У Иксіона все-таки оставалась одна надежда:

„Предѣлъ для силъ моихъ положенъ.
Вѣдь чувствовать и муку наконецъ
Когда-нибудь, пойми, я перестану“.

И для „искателя страданія“ смерть и была такимъ желаннымъ концомъ.

„Молотъ жизни, на плечахъ мнѣ камни дробя,
Такъ мучительно грубъ и тяжелъ,
А вѣдь, кажется, мѣсяцъ еще не прошелъ,
Что я сказками тѣшилъ себя“ („Молотъ и Искры“ Тихія Пѣсни).

И, въ самомъ дѣлѣ, жизнь ничего не даетъ, кромѣ мукъ, чаще всего грязныхъ, потныхъ, нудныхъ, даетъ трудъ, въ старомъ значеніи этого слова, даетъ болѣзнь, даетъ гнѣвъ, зависть и злобу. Смерть все

умиротворяетъ, все примиряетъ и все просвѣтляетъ, и прямо стоитъ сдѣлать этотъ опытъ, разъ именно „умирающій“ Тургеневъ могъ написать свою музыкальную „Клару Миличъ“. Вотъ это настоящее творчество благословенной смерти. Вѣдь и все-то дѣйствіе, въ сущности, „какъ-то неохотно удаляется отъ комнатъ Аратовскаго дома, гдѣ неслышными шагами, какъ тѣнь, движется только тетя Платоша, одѣтая въ сѣрое платье и сѣрую шаль, съ руками, мягкими какъ вата“. И въ этой комнатѣ расцвѣтаетъ безумная, неземная любовь къ прекрасной, несчастной Кларѣ, которая „ни разу не является намъ будничной. Она поетъ.. она любитъ.. она убиваетъ себя отъ любви, хоть и боится смерти. У Клары маленькія красныя розы въ волосахъ и коса, которая змѣей обвиваетъ ей руку.. У нея даже слезы большія и свѣтлыя“. Здоровый, жизнерадостный Тургеневъ увлекался Віардо; умирающій поэтъ любилъ больше, чѣмъ чувствами,— любилъ воспоминаніями, просвѣтленными сознаніемъ близкаго распада, и, уходя отъ жизни, онъ могъ не жалѣть объ этомъ, ибо тамъ за гробомъ, его опять ждала его Клара. Воистину „смерть, гдѣ твое жало“?.

И самъ авторъ этой поэмы на тему о Кларѣ Миличъ, поэмы, носящей заглавіе „Умирающій Тургеневъ“— самъ авторъ давно предчувствовалъ безвременную свою кончину. Уже въ „Тихихъ Пѣсняхъ“ часто сквозитъ это близкое ожиданіе невозвратнаго:

И казалось мнѣ, что пышной
Хризантема головой
Припадаетъ безнадежно
Къ яркой крышкѣ гробовой.

А „Кипарисовый Ларецъ“ съ его „Трилистниками“, въ томъ числѣ и „Трилистникомъ Траурнымъ“—почти сплошная панихида надъ самимъ собою, иногда даже сопровождаемая юморомъ висѣльника.

„Подъ гулы мѣди гробовой
Творился переносъ,
И, жутко задранъ, восковой
Глядѣлъ изъ гроба носъ“.

И бренное тѣло не стоитъ лучшаго; его и слѣдуетъ кинуть въ первую яму, но жива душа моя и живъ духъ мой, но только не въ банальномъ раю, о которомъ грезятъ всѣ, а въ Истинѣ и Красотѣ.

„Такъ иногда въ банально-пестрой залѣ,
Гдѣ вальсъ звенитъ, волнуя и моля,
Зову мечтой я звуки Парсифаля.
И тѣнь и Смерть подъ маской короля!..

Недаромъ любилъ онъ зиму, жалѣлъ о бѣломъ ея саванѣ, сдернутомъ безжалостной весной, и ненавидѣлъ послѣднюю:

„Эта рѣзкость линій,
Этотъ грустный полетъ,

Этотъ инженски синій
И замлаканный ледъ.

Но люблю ослабѣлый
Отъ заблачныхъ нѣгъ,
То сверкающе бѣлый,
То сиреневый снѣгъ.

VII.

Въ концѣ-концовъ я боюсь, какъ бы не ввести моихъ читателей въ заблужденіе: страданіе, мука, тоска, смерть—ужь не русскій-ли Леопарди? Нѣтъ, Анненскій былъ самимъ собой, ибо душа его тоже была трилистникомъ, и если онъ много говорилъ о страданіи и о смерти, то не меньше любилъ онъ и красоту. Не красоту природы: на нее онъ, горожанинъ и царскосельскій, смотрѣлъ съ точки зрѣнія путешественника и дачника, а не великаго звѣря, какъ Л. Толстой, который сливался съ матерью-землею. Паркъ съ прямыми аллеями и торжественно разсаженными деревьями, клумбы передъ окнами, снѣжная равнина, видная изъ оконъ вагона, водопадъ въ Финляндіи—все это было для Анненскаго лишь объектомъ наблюденія и поводомъ для самоанализа. Характерно, что и цвѣты онъ любилъ лишь посаженные, выхоленные, рѣдкіе, садовые: на письменномъ столѣ въ его красномъ кабинетѣ, въ высокихъ вазахъ умирали лишь тоскливыя лиліи и нездоровыя орхидеи; въ полѣ и въ лѣсу онъ ничего не видѣлъ подъ ногами:

„Серебристые фіалы,
Опрокинувъ въ воздухъ сонный,
Льютъ лилеи небывалый
Мнѣ напитокъ благовонный

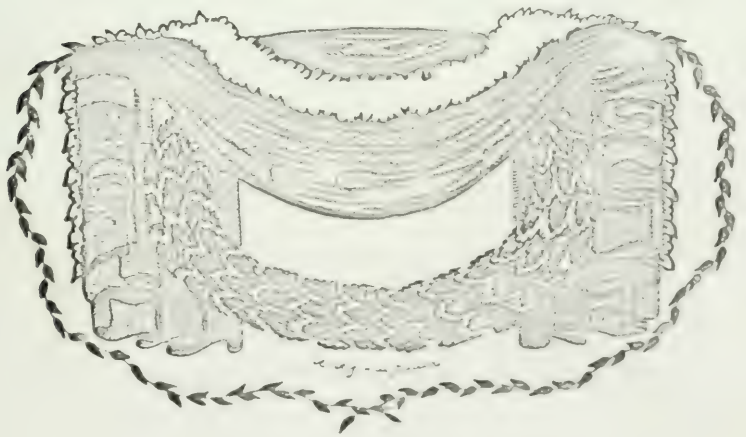
И изъ кубка ихъ живого
Въ поэтической оправѣ
Радъ я сладостной отравѣ
Напряженья мозгового". („Зимнія лиліи" Тихія Пѣсни).

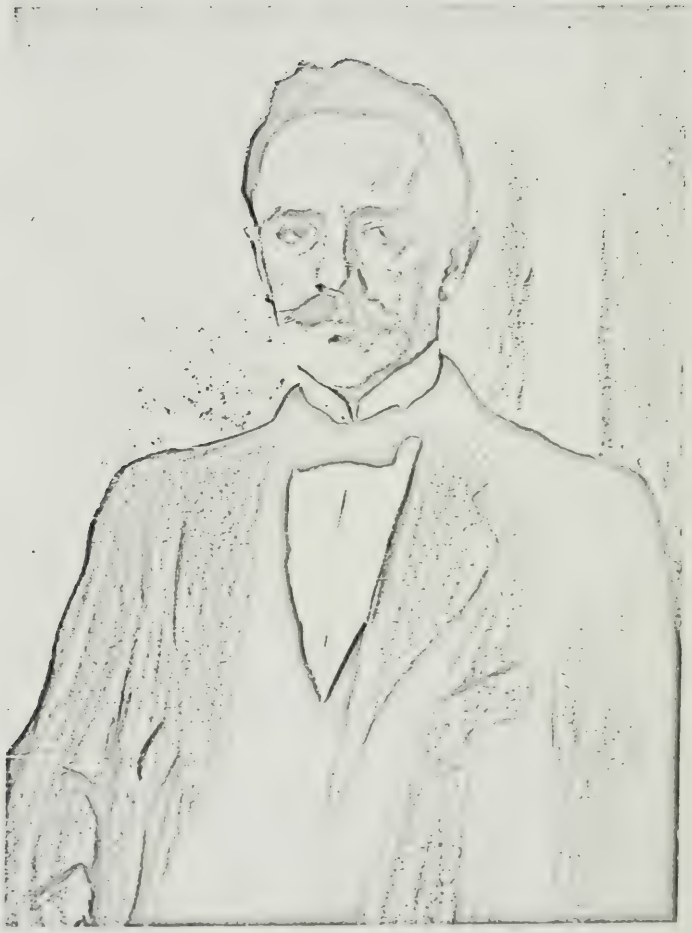
Красоту Анненскій видѣлъ въ иномъ. „красота для поэта есть или красота женщины, или красота, какъ женщина... и какъ разъ въ этомъ смыслѣ красота составляетъ противовѣсъ къ идеямъ муки, самоограниченія". Съ необычайною тонкостью подмѣтилъ онъ у русскихъ писателей тѣ символы красоты, которые они воплощали въ своихъ произведеніяхъ. Для Пушкина „красота было что-то самодовлѣющее и лучезарно-равнодушное къ людямъ..., и въ его поэзіи мы видимъ либо посрамленіе поэта или лишь призрачную его побѣду надъ красотой". Въ Лермонтовѣ „жилъ степной русскій разбойникъ.., и женщина была для него лишь деталью борьбы"... „Въ Гоголѣ жилъ ипохондрикъ, больной аскетъ. Самая любовь не давала Гоголю особаго наслажденія. На его, гоголевской, красотѣ дѣйствительно лежитъ

какой-то отдаленно дразнящій, но вмѣстѣ съ тѣмъ страдальческій отпечатокъ".. „Богатырь, посаженный въ женскій карманъ, да еще вмѣстѣ съ лошадью—вотъ настоящій символъ тургеневскаго отношенія къ красотѣ. Красота у него непремѣнно беретъ, потому что она—самая подлинная власть". „Власть видѣлъ въ красотѣ и Достоевскій, но это было для него лирически приподнятая, раскаянно усиленная исповѣдь грѣха. Красота Достоевскаго то каялась и колотилась въ истерикѣ, то соблазняла подростковъ и садилась на колѣни къ послушникамъ.." „Для Толстого же красота опредѣлялась въ качествѣ хитраго врага.. Красотѣ въ жизни полагается лишь одна минута надежды на счастье, пока шляпа съ большими полями и pince nez ученаго склоняются надъ такъ и не названнымъ грибомъ. Не удалось—скройся, подурнѣй и оставайся на всю жизнь тетушкой Софи изъ „Войны и Міра". Удалось—рожай и корми, корми и рожай. Музыки не слушай; одинъ Богъ знаетъ, что именно можетъ изъ музыки выйти"!

Все это такъ умно и проникновенно, что мнѣ жаль прекратить цитаты: все равно, лучше не напишешь. Но дѣло въ томъ, что, признавая для другихъ женщину, какъ носительницу красоты, самъ Анненскій красоту эту искалъ въ другомъ — и именно въ проявленіи великаго Слова,— въ литературѣ, въ мысли, въ слогѣ, въ звукѣ. Ни къ какой литературной школѣ онъ себя не причислялъ и ни къ какой, дѣйствительно, не принадлежалъ, но бралъ добро свое тамъ, гдѣ его находилъ. Мы видѣли, что и греческая трагедія, и французскіе парнасцы, и „проклятые", и Гейне, и Ш одинаково его интересовали; но, понятно, русскій языкъ и р литература были ему всего ближе и дороже. Русскихъ классиковъ онъ зналъ, какъ никто, и онъ первый, напр., отмѣтилъ „особенную колоритность" языка Достоевскаго. По справедливости скорбѣлъ онъ и надъ тѣмъ, что молодая русская литература еще не выработала себѣ стиля, какъ то удалось сдѣлать традиціонной французской, и онъ отмѣчалъ съ сожалѣніемъ и то „жеманство" которое такъ стѣсняетъ русскую поэтическую рѣчь: „что-то торжественно слащавое и жеманное точно прилипло къ русскому языку", замѣтилъ онъ съ справедливымъ негодованіемъ. Самъ онъ съ великою бережью и благоговѣніемъ относился къ языку своихъ произведеній, ювелирно отдѣлывая свой стихъ, дорожа риѳмой и блюдя размѣръ. Въ этомъ случаѣ онъ дошелъ даже до героическаго самоотверженія, давъ парадигмы „перебоя ритма" и „тона второго—пэона четвертаго". Стоитъ прочесть хоровыя партіи въ его „Театрѣ Еврипида", въ его „Ѳамирѣ" и особенно въ „Иксіонѣ", чтобы оцѣнить это мастерство. Слова для него имѣли не только звукъ, но и цвѣтъ: и онъ доказалъ это на словѣ „невозможно" (см. Кипарисовый Ларецъ стр. 89). И онъ охотно училъ этому мастерству и другихъ, поскольку возможно учить такимъ вещамъ, и этимъ и объясняется, что въ послѣдній годъ своей жизни онъ взялъ на себя тяжелую и неблагодарную задачу внушить руководителямъ журнала „Аполлонъ", что дѣтище ихъ должно быть до-

стойно своего названія, и далъ имъ понять въ статьѣ своей „О современномъ лиризмѣ", кто „они и онъ", и чего имъ недостаетъ. Онъ, быть можетъ, слишкомъ позолотилъ пилюлю и тѣмъ вызвалъ недовольство и тѣхъ, кого онъ слишкомъ мало, по ихъ мнѣнію, похвалилъ, и тѣхъ, кому эти похвалы показались чрезмѣрными. Стоило ему напасть на истинный талантъ, на настоящаго глашатая Логоса— онъ смѣло становился на его защиту, рискуя при этомъ собственной репутаціей. Докладъ его въ Неофилологическомъ Обществѣ о „Бальмонтѣ-лирикѣ" вызвалъ свое время бурю негодованія со стороны людей, привыкшихъ судить о поэзіи съ публицистической точки зрѣнія. Между тѣмъ это было мнѣніе спеціалиста по русскому стихосложенію, „филолога модерниста", для котораго важенъ былъ языкъ, стихъ, словарь и поэтическая концепція Бальмонта, въ то время еще не утратившаго самокритики, а не его моральныя и общественныя тенденціи. Увы! это былъ не единственный случай печальнаго непониманія и жуткаго недоразумѣнія. Анненскій при жизни не былъ популяренъ и не дождался признанія; но нѣтъ сомнѣнія, что имя его постепенно, съ распространеніемъ истинной культуры, дождется у потомства заслуженной имъ славы. Поэтъ-критикъ, поэтъ-переводчикъ, поэтъ-филологъ, онъ въ гармоничномъ синтезѣ соединилъ въ своихъ произведеніяхъ тѣ элементы, которые до сихъ поръ считались несовмѣстимыми, и указалъ новый путь и критикѣ, и филологіи, и поэзіи. И все ближе и роднѣе станетъ дальнѣйшимъ поколѣніямъ и личность поэта, который, по собственному его признанію, любилъ въ жизни только три вещи—людей, книги и цвѣты.





Юргисъ Казимировичъ Балтрушайтисъ.

Ю. БАЛТРУШАЙТИСЪ

АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Я, Юрій (Юргисъ) Казиміровичъ Балтрушайтисъ, родился 20-го апрѣля 1873 года, въ мѣстности Поантвардзе, близъ города Юрбурга, Россіенскаго уѣзда, Ковенской губ., въ литовской, католической крес[illegible]ской семьѣ. Кромѣ отрывочныхъ свѣдѣній о стальномъ характерѣ моей бабушки, мнѣ больше ничего неизвѣстно о моихъ предкахъ. Ближайшимъ образомъ таинственное пламя поэзіи я, вѣроятно, унаслѣдовалъ отъ чуткой души моей матери, нѣжный образъ которой нерасторжимо осѣняетъ всю мою человѣческую жизнь...

Волшебное искусство чтенія и письма, притомъ очень рано, я постигъ самоучкой дома, и до девяти лѣтъ моя дѣтская мысль должна была довольствоваться скуднымъ содержаніемъ нѣсколькихъ старыхъ календарей и книгъ, какія случайно оказались на заброшенномъ хуторѣ. Зато въ безконечно лучшихъ условіяхъ развивалось мое воображеніе. Тутъ были и незабвенныя зимнія сказки моей матери—подчасъ ея собственнаго сочиненія—и жуткія литовскія преданія о чудовищахъ и древнихъ великанахъ и о цѣломъ хищномъ племени людей съ песьими сердцами и песьими головами. Тутъ были и затѣйливые разсказы бродячаго деревенскаго портного-старика и небылицы часто ночевавшихъ въ нашемъ домѣ нищихъ. А главное, въ нѣсколькихъ верстахъ была рѣка Нѣманъ съ бѣлѣвшими съ весны до осени парусами прусскихъ баржъ, съ курганами и остатками замковъ, восходившихъ, по народному повѣрью, еще ко временамъ меченосцевъ. Особенно влекло меня къ этимъ могильнымъ холмамъ и къ окрестнымъ лѣсамъ, въ чьихъ глубокихъ чащахъ, подъ корнями вѣковыхъ деревьевъ, еще видны были слѣды полевыхъ канавъ, прудовъ и колодцевъ. Какъ особенно любилъ я бродить вдоль литовскихъ проселочныхъ дорогъ съ покривившимися отъ времени, почернѣвшими отъ непогоды крестами, обиліе которыхъ внушало мнѣ волнующее представленіе о древнемъ и скорбномъ шествіи человѣчества къ Голгоѳѣ...

Мое ученіе въ тѣсномъ смыслѣ слова началось лишь къ серединѣ десятаго года моей жизни, когда я, на зимніе мѣсяцы, переселялся къ настоятелю мѣстнаго прихода ксендзу К. Жекевичу, подъ руководствомъ котораго я проходилъ ариѳметику, географію и латынь

и благородной душѣ котораго я былъ всецѣло обязанъ моей ближайшей судьбой. Сдавъ экзаменъ въ народномъ училищѣ, осенью 1885 года я поступилъ въ Ковенскую гимназію. Но болѣе, чѣмъ скромныхъ средствъ моихъ родителей съ трудомъ хватило лишь до V класса, и, начиная съ этого времени, на шестнадцатомъ году жизни, я былъ предоставленъ своей собственной участи. Мое новое положеніе особенно затруднялось тѣмъ обстоятельствомъ, что ученики гимназіи, не имѣющіе возможности жить въ городѣ у ближайшихъ родственниковъ, должны были въ то время непремѣнно селиться на такъ называемыхъ ученическихъ квартирахъ, а мѣсячная плата здѣсь была неразрѣшимо высока въ сравненіи съ моими доходами отъ частныхъ уроковъ, за одинъ изъ которыхъ я, напримѣръ, получалъ всего одинъ рубль въ мѣсяцъ. Только черезъ два года мнѣ разрѣшено было переѣхать репетиторомъ къ мѣстному торговцу колоніальными товарами, гдѣ я, впрочемъ, ютился въ совершенно темномъ чуланѣ и заучивалъ наизусть стихи изъ Одиссеи и Энеиды подъ неугомонный скрипъ насоса, подававшаго воду въ сосѣднюю баню, и подъ частое и адское дребезжаніе машины, распиливавшей безконечныя головы сахару. Бывало и еще хуже, но мнѣ было радостно жить и было легко бороться, и лишь очень рѣдко приходилось настолько падать духомъ, что мое занятіе пастушка, которымъ я началъ жизнь и къ которому я возвращался въ лѣтнее время до конца гимназіи, казалось мнѣ потеряннымъ раемъ. Духовная атмосфера, въ которой протекали мои гимназическіе годы, была столь же не изъ лучшихъ. Посѣщеніе театра допускалось лишь съ особаго разрѣшенія и всегда неохотно, чтеніе книгъ — даже изъ ученической библіотеки — отнюдь не поощрялось, а „Русскія Вѣдомости“, „Политическая экономія“ Иванюкова подвергались неумолимому гоненію.

Въ августѣ 1893 года мнѣ удалось перебраться въ Москву для продолженія моего образованія въ университетѣ, гдѣ я и кончилъ курсъ на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета. Съ переѣздомъ въ Москву моей внутренней жизни и моей волѣ открылись, наконецъ, всѣ возможности. На ряду съ естествознаніемъ я посѣщалъ еще лекціи на историко-филологическомъ факультетѣ и скоро почти исключительно занялся изученіемъ литературы, при чемъ знаніе очень многихъ языковъ, исподволь усвоенныхъ мной, открывало мнѣ непосредственный доступъ къ лучшимъ произведеніямъ человѣческаго генія отъ Софокла до Ибсена, отъ Данте до Уайльда, отъ испанцевъ до Словацкаго. Нѣсколько позднѣе, существенное дополненіе къ моему образованію внесло мое частое и продолжительное пребываніе на Западѣ, съ которымъ я ознакомился въ разной степени отъ Гаммерфеста до Сициліи и отъ Берлина до Чикаго. Въ такихъ рамкахъ складывался мой внутренній опытъ.

Что же касается моихъ общественно-политическихъ взглядовъ, то уже само мое происхожденіе изъ среды малыхъ міра сего могло воспитать во мнѣ только одно чувство и одно убѣжденіе, что глубочай-

шимъ долгомъ человѣка является пожизненная борьба за общую жизнь, одинаково справедливую и одинаково полную для всѣхъ...

Писать я началъ еще въ гимназіи. За университетскій періодъ я написалъ нѣсколько большихъ цикловъ стихотвореній и двѣ драмы. Но въ печати я выступилъ впервые лишь осенью 1899 г. въ „Журналѣ для всѣхъ“ В. С. Миролюбова. Тогда же съ С. А. Поляковымъ мы основали издательство „Скорпіонъ“, напечатавъ нашъ общій переводъ драмы Ибсена: „Когда мы, мертвые, проснемся“. Въ ближайшіе годы я былъ постояннымъ сотрудникомъ издаваемыхъ Скорпіономъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ и возникшаго при томъ же издательствѣ журнала „Вѣсы“ съ В. Брюсовымъ во главѣ. Позднѣе я выступалъ въ газетѣ „Русь“, въ журналахъ „Правда“ и „Золотое Руно“, въ „Русской Мысли“, и наконецъ, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, въ „Сѣверныхъ Запискахъ“, въ „Завѣтахъ“ и въ англійскомъ журналѣ „The Mask“. Кромѣ того, я принималъ близкое участіе въ Московскомъ Свободномъ театрѣ съ К. А. Марджановымъ во главѣ.

Мнѣ очень трудно говорить о замѣчательныхъ событіяхъ моей жизни. Конечно, всякое человѣческое существованіе знаетъ мгновенія и роковыя поворотныя полосы, гдѣ, въ одномъ узлѣ или въ одномъ разрѣшеніи, воочію собирается вся наша воля, воочію доказуются всѣ наши силы, когда сама наша судьба глухо обнаруживается передъ нами. Но съ развитіемъ и углубленіемъ жизни, съ упорнымъ и медленнымъ постиженіемъ всего ея смысла и замысла, лично я все меньше берусь отличать большое отъ малаго, все меньше способенъ дѣлить живыя нити на важное и неважное. Ибо малое вчерашняго дня сплошь да рядомъ оказывалось началомъ и основой сегодняшняго, а большое по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ безслѣдно исчезало, какъ случайное и преходящее. И если и я могъ бы выдѣлить длинный рядъ исключительныхъ часовъ, какъ незабвенную дрожь отъ перваго чтенія „Евгенія Онѣгина“, „Демона“ или страницъ Эдгара По, то, строго говоря, въ моей жизни я все же знаю только одно единственное замѣчательное событіе: эту мою человѣческую жизнь отъ колыбели до гроба, эту таинственную ткань изъ мыслей и страстей, изъ знанія, вѣры и надежды, гдѣ было, есть и будетъ слишкомъ много боли, гдѣ было, есть и будетъ слишкомъ много радости...

Не считая подготовленнаго къ печати сборника „Лилія и Серпъ“, мною изданы: Земныя ступени, К-во „Скорпіонъ“. 1911 г. Москва, и Горная Тропа. Вторая книга лирики. 1912 г. тамъ же. Изъ переводовъ въ стихахъ мною напечатаны: Байронъ. Видѣніе Страшнаго Суда и Бронзовый вѣкъ (въ изд. Брокгаузъ-Ефронъ, подъ ред. С. А. Венгерова). Перъ-Гюнтъ Г. Ибсена (Универсальная библіотека. „Польза“) и „Бѣдный Генрихъ“ Г. Гауптмана. Тамъ же. Прозой мною переведены: Мертвый Городъ, Джіоконда, Слава, трагедіи Г. Д'Аннунціо. Драмы Ибсена: Фру Ингеръ изъ Эстрома, Строитель Сольнесъ и

Гедда Габлеръ. Произведенія Кнута Гамсуна: Голодъ, Викторія, Игра жизни, Вечерняя Заря и Тамара. Пьесы Гауптмана: Праздникъ Примиренія и Шлюкъ и Яу. А также отдѣльныя произведенія Оскара Уайльда, А. Стриндберга и Гуннара Гейберга и другихъ.

Изъ моихъ произведеній есть переводы на болгарскій языкъ, равно какъ изданъ сборникъ избранныхъ стихотвореній на итальянскомъ языкѣ (La Scala terrestre. 1912. Baldoni. Firenze).

Кромѣ того, въ разное время, мною написано немало стиховъ на литовскомъ языкѣ.

Изъ статей о моемъ творчествѣ могу указать: на брошюру С. С. Розанова: Ю. Балтрушайтисъ. 1913. Москва; на статью Гр. Полонскаго въ „Запросахъ Жизни", № 41 — 1912 г. и статью Ю. Айхенвальда въ газетѣ „Рѣчь" отъ 4 VI 1912. На западѣ статьи обо мнѣ появились въ журналахъ „La Vie", № 2—Mars 1912, Paris, въ „Le Cronache letterarie" № 102 - Marzo 1912—Roma, въ „La Patria, № 237—26 agosto 1913—Bologna и въ „Rassegna Contemporanea, febbraio 1914. Roma.

Юргисъ Балт[illegible]тисъ, какъ лирическій поэтъ.

Вячеслава Иванова.

I.

Кто впервые услышитъ стихи Юргиса Балтрушайтиса,—если онъ не вовсе глухъ къ лирической гармоніи,—испытаетъ смутное вначалѣ, но необычно завладѣвающее душою волненіе. Словно изъ-за развѣсистыхъ старыхъ деревьевъ,—наполовину заглушенная сѣрою толщею церковныхъ стѣнъ,—зазвучала органная фуга. И вотъ уже сбѣжала съ устъ суетная улыбка, и внезапно отрезвился готовый къ полету духъ,—между тѣмъ какъ ухо съ удовлетвореніемъ отмѣчаетъ вѣрность и благородство естественно расцвѣтающихъ мощныхъ формъ. Какое богатство внутреннихъ (душевныхъ) и внѣшнихъ (музыкально-словесныхъ) звучаній и отзвуковъ — и съ какимъ художническимъ цѣломудріемъ притушенъ этотъ блескъ суровымъ спокойствіемъ и горделивымъ воздержаніемъ отъ вызывающихъ удивленіе и любопытство приманокъ, угодливыхъ прельщеній, своекорыстныхъ умысловъ! Ничего настоятельнаго, усиливающагося и насильственнаго, ничего, навѣяннаго модою и условностью новизны или старины, не уловитъ слушатель въ этихъ, спѣтыхъ звѣздамъ, безвременныхъ стихахъ. Какое великолѣпное презрѣніе къ разсѣянности толпы! И какое высокое смиреніе пѣвца, отвергшаго всякое себялюбіе,—лирика, имѣющаго неограниченныя права на личное своеволіе и какъ бы слагающаго съ себя самое личность [1])... Самоотреченіе—глубочайшій паѳосъ этой поэзіи, и, однако, вся она — одинъ длинный монологъ личности, обращенный къ Богу, раскрывающемуся ей въ явленіи міра.

II.

Истолковать этотъ монологъ—душевно трудное и отвѣтственное дѣло. Какъ подслушать молитвенный шопотъ и какъ домыслить подслушанное? Вотъ почему пишущій эти строки радъ, что имѣетъ

---

[1]) „La semplicità del Baltrusciaitis è la vera e severa semplicità quasi monacale molto armoniosa, forte, musicale, come gli antichi salmi". Rassegna Contemporanea, VII, s. II. fasc. 3 (febbraio 1914), p. 485.

возможность и полномочіе предпослать своей попыткѣ истолкованія — самоистолкованіе поэта, довѣренное ему дружбою.

„Земныя Ступени“... „Горная Тропа“... Какой особенный, личный смыслъ таится въ этихъ символахъ—заглавіяхъ двухъ предлежащихъ намъ книгъ?— Семь послѣдовательныхъ ступеней осознанія личностью міра и ея самой различаетъ поэтъ въ своемъ прошломъ внутреннемъ опытѣ и даетъ этимъ ступенямъ неожиданное и многознаменательное наименованіе „семи забвеній“. Ибо, когда выйдетъ человѣкъ изъ замкнутаго и самодовлѣющаго круга привычныхъ впечатлѣній и представленій, съ которымъ онъ сжился, какъ съ роднымъ „кровомъ“, и откроется душѣ его новый міръ,—онъ забудетъ, внутреннее перемѣнившись, прежній свой „кровъ“ и прежній плѣнъ,—какъ забудетъ, въ свою очередь, и эту новую временную обитель, переступивъ черезъ порогъ слѣдующей, лежащей на его пути. И пребываніе въ каждой отдѣльной сферѣ, подъ каждымъ послѣдовательно обрѣтаемымъ „кровомъ“, укрывающимъ духъ отъ огромности сущаго, которой онъ не можетъ вмѣстить,—есть забвеніе объ иныхъ пристанищахъ, мірахъ и обителяхъ; и каждый мигъ воплощеннаго бытія есть забвеніе объ изначальной и въ концѣ „тропы“ заданной, всеобъемлющей, божественной полнотѣ.

Свое первое „забвеніе“ (обнимающее періодъ жизни до 1900 г.) поэтъ характеризуетъ, какъ простое „стояніе въ мірѣ—безъ вопросовъ и отвѣтовъ“; онъ поглощенъ разглядываніемъ вещей и эстетическою ихъ расцѣнкою. И когда зашевелились въ душѣ иные запросы, ему хотѣлось бы усыпить ихъ и еще помедлить въ своемъ бездумьѣ: „noli turbare circulos meos“ („Земныя Ступени“, стр. 51). Въ самомъ дѣлѣ, онъ вступаетъ въ кругъ „сиротства и отторженности“. Пробудившейся личности противостоитъ міровая данность, подавляющая и ужасающая душу, чуждая ей, инопріродная, иноязычная, непріемлемая для личности. Душа усиливалась преодолѣть этотъ второй плѣнъ,—„но не было ни смерти, ни рожденья“. И когда ей казалось, что она мирится съ міромъ, это вынужденное Да бытію было, по словамъ поэта, „благоговѣніемъ изъ страха“ [1]).

Унынію „сиротства“ смѣнилось—въ кругѣ третьяго „забвенія“—чувствомъ покорности, „добровольнаго (!) согласія“ на высшую, трансцендентную личности волю. Выходъ былъ чисто религіознымъ; онъ совершился подъ знакомъ: „молись“. Но внутренняя гармонія, конечно, не была завоевана этою резигнаціей. Съ итальянскими впечатлѣніями отъ твореній Микель-Анджело, особенно отъ его „Ночи“ (1906 г.), связалось наступленіе новаго, четвертаго, періода душевной жизни. Поэтъ проникается „скорбью человѣческой предѣльности“,

[1]) Къ этой порѣ относятся въ сборникѣ „Земныя Ступени“ стихотворенія: „Ночью“, „Прибой“, „Taedium Vitae“, „Дѣтскіе Страхи“, „Островъ“, „Сиротство“, „Отчаяніе“, „Ткачь“, „Одиночество“ и др. Отмѣтимъ при этомъ случаѣ, что въ аккордъ міровой скорби явственно примѣшивается у Балтрушайтиса отзвуки боли общественной.

ощущеніемъ „жизни, какъ бреда“. Это, говоритъ онъ, была „скорбь спящаго у Божьяго порога“.

Ослѣпленными очами
Мы глядимъ, рабы тѣней,
Въ міръ, сверкающій предъ нами,
Расширяя только снами
Жребій малости своей.

(„Земныя Ступени“, стр. 95.)

Рабы одной галеры въ блескѣ дня,
Уходимъ мы
Съ отдѣльной болью, жребій свой кляня,
Въ отдѣльность тьмы.

(„Земныя Ступени“, стр. 189.)

Въ 1908 г. забрезжило поэту то, что онъ называетъ „началомъ міра въ человѣкѣ“, и печаль, уже „просвѣтленная“, отмѣтила это установленіе во внутреннемъ опытѣ первой живой связи между *я* и вселенною [1]). Если на этой, пятой, ступени поэту открывается, наполняя его свѣтомъ, таинство имманентнаго познанія, то на слѣдующей, шестой, оно, согласно общему ритму его развитія, находитъ свою трагическую антитезу: „трагически“ переживаетъ онъ единство личности и міра, „капли и моря“ [2]). И только съ 1912 г.—со вступленіемъ въ кругъ послѣдняго изъ доселѣ извѣданныхъ имъ „забвеній“—поэтъ обрѣтаетъ въ углубленномъ чувствѣ „сліянія съ міромъ“ источникъ внутренней свободы и мужественнаго пафоса. Передъ нимъ разоблачается „совпадающая безпредѣльность міра и человѣка“; онъ видитъ „человѣка несозданнымъ въ еще не созданномъ мірѣ“ и—новый элевсинецъ—въ подобіи озимаго зерна прозрѣваетъ откровеніе вселенской жизни и залогъ вселенской надежды [3])...

Не намъ развивать эти скупые, быть можетъ, но показательные намеки, въ которыхъ еще отчетливѣе, нежели путь поэта-мыслителя, уже обрисовался онъ самъ, какъ личность [4]). Пусть они помогутъ

---

[1]) См. въ „З. С.“, „Вечернія Пѣсни“, особенно III.

[2]) См. въ той же книгѣ стихотворенія: „Элегія“, „Полночь“, „Поклоненіе Землѣ“, въ „Горной Тропѣ“—„Узникъ“, „Раздумье“ (стр. 141), „Пробужденіе“, „Безъ Крова“, „Въ Пути“, „Призывы“.

[3]) См. въ сборникѣ „Горная Тропа“: „Нынѣ и Присно“, „Восхожденіе“, „Мощь Малости“, „Горная Тропа“, „Синева“ и др. Окончательное выраженіе находятъ настроенія этого послѣдняго періода въ еще не вышедшей въ свѣтъ книгѣ стиховъ „Лилія и Серпъ“.

[4]) Dai versi del B. si sente ch'egli è un vero figlio della Lituania, uno di quegli esseri silenziosi, austeri, d'una sincerità sovente tragica per se e per gli altri, difficili a piegarsi nel loro intimo... In B. il dolore metafisico del mondo-prigione fa tacere ogni personale dolore... Ma non soltanto del dolore s'ispirano i canti del B.: come ogni cuore veramente mistico, a traverso il suo Weltschmerz, egli è giunto ad uno stato d'animo eroico, il cui carattere fondamentale è la speranza“. Kühn-Amendola, La Scala Terrestre, traduzione. Firenze 1912, p. 9.

читателямъ провѣрить нижеслѣдующія наши наблюденія, направленныя уже не на генетическую связь, но на предлежащую намъ художественную совокупность его лирическихъ творсній.

III.

Эта лирика, претворяющая всѣ впечатлѣнья бытія въ одинъ слитный псаломъ, можетъ показаться намъ, жаднымъ до „скучныхъ пѣсенъ земли", однозвучною и сумрачною. Она воспѣваетъ явленія лишь постольку, поскольку духъ отъ нихъ освобождается; платоновскій эросъ непостижимой полноты звучитъ въ ней томленіемъ по иному бытію.

О, блаженство — мигъ отъ мига,
Въ полнотѣ, не различать!
Звенья жизненнаго ига
Безконечно размыкать!

(„Земныя Ступени", стр. 30.)

Эта лирика—„молитвенникъ" сердца, только—„молитвенникъ" [1]: не canzoniere, не дневникъ и не пѣсенникъ въ мірскомъ значеніи слова. Передъ нами признанія одного изъ тѣхъ мистиковъ, для которыхъ чувствованіе Бога—непосредственная данность, и Божество, въ нѣкоторомъ смыслѣ, очевиднѣе и осязательнѣе, нежели міръ. Отсюда выдержанность и цѣльность высокаго религіознаго строя этихъ пустынныхъ медитацій и меланхолическихъ гимновъ.

Я весь поникъ предъ Господомъ живымъ...

(„Земныя Ступени", стр. 61.)

Есть въ жизни божественный смыслъ, и благостная осуществляется въ ней цѣль; живи и страдай жизнью; твое изживаніе ея имѣетъ неизмѣримую цѣнность, твое мгновеніе воткано въ жизнь самого Бога,—увѣряетъ насъ эта элегическая ѳеодицея.

Въ свой темный путь иди безъ страха,
Подвластный часу человѣкъ!
Твое томленье не отъ праха,
Не отъ земли твой краткій вѣкъ...
И пусть свершенье яви шумной
Лишь тѣнь, но вѣчность—грань его,
И въ ней твой разумъ многодумный
И воля сердца твоего.
Ея дыханіемъ безсмѣннымъ

[1]) Ю. Айхенвальдъ въ тонкомъ и содержательномъ этюдѣ о Б. (газ. „Рѣчь", 4 іюня 1912 г., № 150). „Ne cherchons pas de joie dans le lyrisme philosophique de B. Mais disons qu'entre les auteurs actuels il est—un des rares chez qui la mélancolie se maintient belle et dont la tristesse de vivre ne tombe pas jusqu'au dégoût. Il sait concevoir l'immortelle splendeur de la terre et la rendre avec majesté, en exprimant le mystère qui transparait dans ses aspects multiples". A. de Holstein, „Un poète au sourire amer", La Vie, № 2, Mars 1912.

Цвѣтетъ въ мірахъ, какъ сонъ, какъ дрожь,
Все, что ты мѣтишь знакомъ бреннымъ
И смертнымъ именемъ зовешь.

(„Лилія и Серпъ", „Напутствіе".)

Сомнѣніе мысли рѣдчайшая и мимолетная тѣнь земной усталости и унынія на незыблемыхъ бѣлыхъ стѣнахъ этой духовной крѣпости.

Предвижу разумомъ крушенье
Всѣхъ сновъ—солгавшій міръ въ пыли,—
И вновь предчувствую свершенье
Всѣхъ тайныхъ чаяній земли.
Всѣмъ даромъ терній и распятій
Преобразится смертный духъ...

(„Лилія и Серпъ", „Предчувствіе".)

Все, все мой духъ вооружаетъ
Живымъ довѣрьемъ къ бытію.

(„Земныя Ступени", стр. 35.)

Сомнѣніе относится, впрочемъ, только къ судьбамъ земли, къ оправданію явленій, а не къ божественной онтологіи духа, не къ бытію внѣвременному, запредѣльному, премірному. Но „сіянье тайны звѣздной" не всегда видно сквозь дольній „дымъ".

То-то порою больно и трудно
Въ Божьемъ вселенскомъ лѣсу!

(„Горная Тропа", стр. 48.)

Мистикъ безъ чисто-религіознаго закала подверженъ искушенію отринуть земное и воплощенное, отчаяться въ торжествѣ правды на землѣ, въ преображеніи земли, признать [illegible]оль страданія за дурной сонъ, за обманчивое марево погруже[illegible] въ матерію духа; нашъ поэтъ не позволяетъ себѣ впасть въ этотъ соблазнъ,—онъ долженъ открыть свое сердце обѣимъ сферамъ, принять и вмѣстить обѣ, чего бы это ни стоило.

И глухо сердце, маятникъ желѣзный,
Томится долей двухъ различныхъ граней...
Двойнымъ огнемъ пылаетъ духъ мой плѣнный,
И долженъ разумъ, сѣтуя безплодно,
И жизнь, и смерть сознать одновременно.

(„Лилія и Серпъ", „Полночный Парусъ".)

И въ минуты окончательнаго трезвенія онъ заявляетъ:

Все строже мыслю я, вникая
Въ бѣгъ дней съ ихъ важной пестротой:
Не праздный колосъ мысль людская,
Людскіе сны—не цвѣтъ пустой!

(„Лилія и Серпъ", „Пробуждаясь".)

Тогда со струнъ срывается торжествующее созвучіе:

Вѣрую, вѣрую, Боже,
Въ вечерь, о звѣздахъ поющій,
Утро рожденья сулящій
Чудомъ алканья,
Вѣрую въ молоть дробящій,
Въ пламя и мечь созидающій,
Въ жертву зиждительной дрожи,
Въ мощь упованья!

(„Лилія и Серпъ", „Вѣрую".)

„Мы повелѣваемъ вамъ надѣяться (wir heissen euch hoffen)", говорятъ таинственные наставники и руководители въ масонскомъ „Символѣ" Гете. Немало стихотвореній нашего поэта были бы пригодны для мистическихъ ложъ XVIII вѣка.

Эта лирика заключаетъ въ себѣ, какъ мы видѣли, духовное жизненачертаніе поэта; но ничего внѣшне-біографическаго въ ней не отыщетъ читатель. Кажется, что поэтъ, приближаясь къ „алтарю" музическаго служенія, къ своему „жертвеннику суровому" (и старинная метафора въ данномъ случаѣ звучитъ не лживо!), — прежде чѣмъ обернуться Аполлоновымъ лебедемъ, ищетъ совлечь съ себя всю страстную оболочку своей душевности до сокровенной святыни самого „внутренняго человѣка", уже какъ бы вовсе безличнаго. Этимъ усиліемъ отмѣняется отрицательное самоопредѣленіе личности черезъ *я* и *не-я*, *мое* и *не-мое*, умиряется ея ограниченное, уединенное, плотское самосознаніе.

Таетъ плоть, теряя грани
Въ жертвенномъ огнѣ...

(„Горная Тропа", стр. 52.)

Расторгла ночь мой смертный плѣнъ,
И вотъ во мнѣ не стало плоти,
Вокругъ меня не стало стѣнъ.

(„Горная Тропа", стр. 148.)

Тогда углубляется сердце, и уясняется жизнь.

Молкнетъ трепетъ мой отдѣльный...
Глубже сердце,—жизнь яснѣй.

(„Земныя Ступени", стр. 102.)

Рѣдко примѣшиваются къ этой бѣлой мелодіи послѣдніе умирающіе отгулы душевнаго боренія и ропота: малое *я* человѣка стало внѣположнымъ творческому *я*,—нынѣ оно лишь предметъ раздумья и, быть можетъ,—состраданія.

Въ полночный часъ, въ моей груди звѣриной,
Въ проклятіи желанья ненасытной,
Дробятся сны, какъ пламя сказки длинной,
Средь вихрей праха горько беззащитной.

(„Лилія и Серпъ", „Полночный Парусъ".)

Но умолкаетъ личное, и начинается элевсинское всенощное бдѣніе колосящагося вмѣстѣ со звѣздами человѣческаго духа.

И сердце, что въ бреду боролось
И было въ тлѣнъ облечено,
Вплетаетъ Ночь въ свой звѣздный колосъ,
Какъ равновѣсное зерно.
Спѣши жъ расторгнуть чудомъ тѣни
Все ослѣпленье дольнихъ слезъ,
Кто въ вѣщій часъ ночной ступени
Свой жребій къ Вѣчности вознесъ.

(„Лилія и Серпъ", „Чудомъ Тѣни".)

Поэтъ уже только — „субъектъ познанія" (какъ говорятъ гносеологи,—разумѣется, познанія созерцательнаго, „знанія безъ мысли", по выраженію нашего лирика), только—носитель вселенскаго сочувствованія; онъ—проходящій черезъ міры воплощенія странникъ, „витязь вѣчной Дали". Пѣснь, что онъ поетъ,—единая пѣснь Пути и Посоха.

Свѣтится въ длани посохъ земной...

(„Лилія и Серпъ", „Солнечныя Крылья".)

На свѣтлыхъ откосахъ все глубже мой хмель;
Отъ неба—мой посохъ, отъ неба—свирѣль.
Внѣ смертной тревоги, какъ ясность ручья,
Отъ Бога—о Богѣ—и пѣсня моя.

(„Горная Тропа", „Альпійскій Пастухъ".)

Лишь отвергнувшись себя, начинаетъ онъ пѣть о міровомъ бытіи и о себѣ самомъ, какъ атомѣ мірового бытія; и въ этомъ самозабвеніи—его пѣвучая мудрость.

Мудръ, кто въ тишь послѣдней грани
Сердце алчное вознесъ...

(„Земныя Ступени", стр. 76.)

IV.

Но, совлекая съ себя все индивидуальное, поэтъ не имѣетъ побужденія утвердить его—иначе какъ на одинъ лишь мигъ созерцаемаго имъ божественно-мірового процесса—и въ видимомъ, мимо чего онъ проходитъ. Все, на чемъ бы ни остановилъ свой взглядъ этотъ паломникъ съ посохомъ, расцвѣтающимъ лиліей, въ мужественной рукѣ,—обобщается до типическаго, до родового: утро и вечеръ, дорога и лѣсное или горное безлюдье, колосъ въ полѣ и цвѣтъ на лугу, „дрожь" всемірной жизни, вспыхнувшая въ гордомъ расцвѣтѣ человѣческаго порыва, и упорный трудъ заносящаго неутомимый молотъ работника. Рѣдко привлечетъ поэта единичное и конкретное, и то лишь поскольку оно представляетъ общую идею,—какъ равнина Ватерло въ этой величавой эпитафіи человѣческимъ славамъ:

Склонись съ тоскою всякое чело:
Пасется Миръ въ равнинѣ Ватерло...
Умолкнетъ въ мірѣ всякая молва.

(„Земныя Ступени", стр. 185.)

За всѣхъ и за все—молитва; передъ каждымъ подвигомъ—умиленіе; каждому жребію—слава.

Славься въ жизни каждый жребій!

(„Земныя Ступени", стр. 37.)

Трепетанье въ великомъ и маломъ
Равновѣсно на вѣчныхъ вѣсахъ.

(„Земныя Ступени", стр. 25.)

... Гордый жребій
Орла средь горъ и мышь въ норѣ—
Двѣ равныхъ искры въ томъ кострѣ,
Что воспылалъ о Зодчемъ въ небѣ;
И въ той же ткани слитность дней
И мигъ отдѣльности моей.

(„Лилія и Серпъ", „Село Ильинское".)

Въ особенности же—благодарное склоненіе передъ низшимъ; ко всему унижаемому и попираемому—благоговѣйная любовь; всякому смиренію—земный поклонъ.

Кланяюсь долѣ поникшихъ въ пыли—
Именемъ Божьимъ—до сѣрой земли.

(„Земныя Ступени", стр. 103.)

Кланяйся, смертный, дневной синевѣ;
Кланяйся листьямъ въ ихъ вешней молвѣ;
Кланяйся ниже осенней травѣ!
Кланяйся звѣздамъ, что ярко зажглись;
Жарко сверканью зарницъ умились;
Жарче на малую искру молись!

(„Горная Тропа", стр. 87.)

Восторженная хвала трудникамъ бытія, чернорабочимъ жизни:

Бездольные избранники Христовы,
Въ цѣпяхъ труда сподвижники Творца!

(„Лилія и Серпъ", „Хвала Рабамъ".)

Но ничто отдѣльное не избрано прихотью сердца, не облюбовано своенравнымъ пристрастіемъ, не названо единичнымъ, малымъ и милымъ именемъ, не возбудило влюбленнаго желанія, не исторгло слезъ тоски и разлуки... Ужъ не марево ли все, что видитъ странникъ?

Нѣтъ, не марево, но преходящіе лики вселенской жизни, безчисленныя и временныя одѣянія міріады міріадъ идущихъ вмѣстѣ душъ, въ міровомъ сонмѣ которыхъ поэтъ свидѣтельствуетъ за всѣхъ

Мы—туманныя ступени
Къ свѣтлымъ высямъ Божьихъ горъ.

(„Земныя Ступени", стр. 75.)

Въ конечномъ смыслѣ, однако, весь этотъ сонмъ—одна раздробившаяся міровая Душа; и ея одѣянія, ея мѣстныя и временныя опредѣленія суть ея сны.

И что ни доля, то—дробленье
Невозвратимой полноты.

(„Горная Тропа", стр. 99.)

Возникнетъ явленіе и поникнетъ, и въ иное мѣсто перейдетъ духъ, его живившій; а одежда спала и истлѣла, какъ отцвѣтаютъ цвѣты, оставивъ сѣмя для будущаго цвѣтенія, будущаго воплощенія. И эту будущую обитель и ея насельника заранѣе благословляетъ пѣвецъ, умиленно, но безъ боли разставаясь—тутъ съ умирающею, тамъ съ еще цвѣтущею формою. Кажется, что о всемъ видимомъ поэтъ неустанно твердитъ: „яко духъ пройде въ немъ, и не будетъ, и не познаетъ къ тому мѣста своего"...

Горе! чѣмъ-то сердце встрѣтитъ
Бѣдность новой тишины?..

(„Горная Тропа", стр. 116.)

Въ общемъ это религіозное міросозерцаніе сочетаетъ характерныя черты трансцендентизма и имманентизма. Первый проявляется въ утвержденіи бытія „вселенски иного", успокоеннаго бытія въ живомъ Богѣ. Человѣку оно не постижимо, хотя и вспоминаетъ душа запредѣльную полноту, которую когда-то созерцала.

Я родился въ далекой странѣ...

(„Земныя Ступени", стр. 137.)

Но „ликующія празднества Вѣчности" („З. С.", стр. 83), о которыхъ поетъ „изгнаннику" греза о потусторонней „отчизнѣ", глубоко забылись. Что изъ того? Божество, тѣмъ не менѣе, окрестъ него и въ немъ самомъ—и въ этомъ страдальческомъ мірѣ не истинносущаго бытія, но текучаго становленія.

Въ даль ли глянешь, въ глубь ли, въ высь ли,
Всюду—трепетъ, шелестъ, дрожь
Только виѳки, только мысли:
Все узнаешь, все поймешь.

(„Земныя Ступени", стр. 27.)

Этотъ явленный и страдальный „міръ Голгоѳы" есть ѳеогоническій процессъ, коему мы непосредственно причастны,– вселенская, Божья и мірская страда, отъ которой отрѣшаетъ насъ только „Смерть, нашъ день субботній". Поэтому каждое дыханіе—дыханіе Божества, и каждое явленіе—чудо.

Въ ткани сокрытой людскія дѣла;
Чудо—нашъ Кормчій, мы —взмахи весла.
Знаешь ли, смертный, въ темной борьбѣ,
Чья неземная дума въ тебѣ?..

Часъ человѣка подобенъ волнѣ;
Знаешь ли, странникъ, въ ночной тишинѣ,
Встрѣтивъ молитвой звѣздную тишь,
Чьими устами ты говоришь?

(„Лилія и Серпъ", „Раздуміе".)

Ослабленное чувствованіе зла въ мірѣ, съ одной стороны, тайны плоти, съ другой,—нѣсколько отдаляетъ это міросозерцаніе отъ чисто-христіанскаго и приближаетъ къ индійскому (быть можетъ, одна изъ причинъ, почему лирика Б. была такъ дорога покойному А. Н. Скрябину). Мнится, сказалось тутъ древнее родовое наслѣдье этого поэта, которымъ гордимся, какъ своимъ, не мы одни, но и молодая Литва и который самъ энтузіастически вѣритъ въ единую душу-праматерь литовско-славянской семьи.

V.

Въ заключеніе — нѣсколько замѣчаній о методѣ изобразительности, о лирической формѣ и о лирическомъ тонѣ.

Было бы крайне ошибочно смѣшать указанную обобщенность изображенія съ отвлеченностью содержанія. Поэзія Б. изобилуетъ изреченіями, выражающими общія положенія; но какъ матеріалъ созерцателя всецѣло основанъ на живомъ наблюденіи и внутреннемъ опытѣ, такъ и обработка этого матеріала въ сознаніи безусловно свободна отъ разсудочности. Отсюда, при полномъ отсутствіи безкровныхъ абстракцій и понятій-„концептовъ",—совершенная предметная вещественность поэтическихъ образовъ. Но предметы, останавливающіе на себѣ вниманіе поэта, взяты столь „эйдетически" (если позволено употребить терминъ школьный, зато единственно опредѣляющій нашу мысль), другими словами, столь выдвинуто въ нихъ единое, раскрывающееся во множественности частныхъ явленій (ἓν διὰ πολλῶν Платона), что каждое имя въ этой лирикѣ служитъ ознаменованіемъ цѣлаго рода или типа.—Итакъ, методъ Балтрушайтиса, символиста по всему своему душевному складу и одного изъ утвердителей (съ начала „Сѣверныхъ Цвѣтовъ") литературной школы, присвоившей себѣ это имя,—далеко не всегда методъ чистаго символизма. Въ самомъ дѣлѣ, символизмъ избѣгаетъ соединять вещи по родовому признаку, сочетаетъ скорѣе разнородное, предпочитаетъ ознаменованіе наименованію, ставитъ себѣ дѣлью выявить идею, какъ актъ, черезъ изображеніе преимущественно отдѣльнаго явленія, которое она опредѣляетъ,—и притомъ въ ея взаимоотношеніи и взаимодѣйствіи съ другими идеями. Наконецъ, вещи, въ изображеніи нашего поэта, не столько „подобіе", какимъ является „все преходящее", по знаменитой символистической формулѣ Гете-поэта, сколько „цвѣтовыя затускненія свѣта", въ смыслѣ „теоріи цвѣтовъ" Гете-физика и метафизика. Въ самомъ методѣ сказывается, какъ мы видимъ, тотъ же пафосъ восхожденія отъ единичнаго къ „универсаліямъ" и черезъ нихъ ко всеединству,—то же бѣгство отъ отдѣль-

наго ко всеобщему, отъ красочныхъ преломленій спектра къ бѣлизнѣ сліянности, отъ жизни къ источнику бытія. („Am farbigen Abglanz haben wir das Leben!"—Гете).

Въ поэтической рѣчи Б. величаво-простъ, умѣренно-консервативенъ и, пожалуй, однообразенъ (какъ и въ ритмахъ). Послѣднее, главнымъ образомъ, объясняется его своеобразною статическою символикою: „явь", „дрожь", „грань", „мигъ", „прахъ" играютъ у него роль такихъ же постоянныхъ символическихъ терминовъ, или іероглифовъ, какъ и „звѣзды", „колосъ", „серпъ", „молотъ", „посохъ". Его стихъ, нѣсколько глухого тембра, полнозвученъ, строго выработанъ и колоритно инструментованъ. Въ ритмикѣ мало подвижности жеста и танца; зато все лирическое волненіе и звучаніе—одинъ трепетъ, одно движеніе до послѣднихъ глубинъ, какъ сама стихія музыки, изъ которой возникаетъ и въ которой хотѣло бы раствориться это творчество, явно не находящее себѣ полнаго простора въ словѣ. Музыкально-медитативный характеръ вдохновеній нашего лирика обусловилъ органическое образованіе новой композиціонной формы, представляющей собою синтезъ гимна и элегіи. Въ разработкѣ этой формы мы усматриваемъ оригинальное дѣло этого поэта, вообще глубоко самобытнаго и не похожаго ни на одного изъ своихъ современниковъ или предшественниковъ; развѣ лишь съ манерою Боратынскаго являютъ порой отдаленное и скорѣе случайное сходство его стройныя раздумья.

Часто эти гимны-элегіи носятъ характеръ трагическихъ эпилоговъ. Въ нихъ слышатся тихое умиленье разлуки, хвала выплаканныхъ слезъ, прощальное „аминь" исчерпанному личностью міру. Въ нихъ слышится и томленіе лиліи по серпу, который ее срѣжетъ, и благословеніе пѣвцомъ жреческаго серпа, утоляющаго тоску отдѣльности. И сквозь неуловимый гулъ вселенскихъ колоколовъ—великолѣпною побѣдой божественнаго Двигателя—порой прозвучитъ, отдавшись въ сердцѣ тонкою болью, внезапный звонъ разбившагося драгоцѣннаго сосуда.

И разбилась, какъ звонкій сосудъ, тишина...
(„Земныя Ступени", стр. 11.)

Умерло что-то живое, въ чемъ грезились намъ исполненіе и достигнутый покой совершенства; опять оно разбилось и умерло,—и съ загадочною грустью, похожею на радованіе, эпилогистъ вопрошаетъ:

Что же такъ хрупка у Бога
Чаша смертной тишины?..
(„Лилія и Серпъ", „Водопадъ.")

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

Автобіографическая справка.

Семья моей матери причастна къ литературѣ и къ наукѣ.

Дѣдъ мой, Андрей Николаевичъ Бекетовъ, ботаникъ, былъ ректоромъ петербургскаго университета въ его лучшіе годы (я и родился въ „ректорскомъ домѣ"). Петербургскіе Высшіе Женскіе Курсы, называемые „Бестужевскими" (по имени К. Н. Бестужева-Рюмина), обязаны существованіемъ своимъ, главнымъ образомъ, моему дѣду.

Онъ принадлежалъ къ тѣмъ идеалистамъ чистой воды, которыхъ наше время уже почти не знаетъ. Собственно, намъ уже непонятны своеобразные и часто анекдотическіе разсказы о такихъ дворянахъ-шестидесятникахъ, какъ Салтыковъ-Щедринъ или мой дѣдъ, объ ихъ отношеніи къ императору Александру II, о собраніяхъ Литературнаго Фонда, о борелевскихъ обѣдахъ, о хорошемъ французскомъ и русскомъ языкѣ, объ учащейся молодежи конца семидесятыхъ годовъ. Вся эта эпоха русской исторіи отошла безвозвратно, пафосъ ея утраченъ, и самый ритмъ показался бы намъ чрезвычайно неторопливымъ.

Въ своемъ сельцѣ Шахматовѣ (Клинскаго уѣзда, Московской губерніи) дѣдъ мой выходилъ къ мужикамъ на крыльцо, потряхивая носовымъ платкомъ; совершенно по той же причинѣ, по которой И. С. Тургеневъ, разговаривая со своими крѣпостными, смущенно отколупывалъ кусочки краски съ подъѣзда, обѣщая отдать все, что ни спросятъ, лишь бы отвязались.

Встрѣчая знакомаго мужика, дѣдъ мой бралъ его за плечо и начиналъ свою рѣчь словами: Eh bien, mon petit...—Иногда, на томъ разговоръ и кончался. Любимыми собесѣдниками были памятные мнѣ отъявленные мошенники и плуты: старый Jacobe Fidèle, который разграбилъ у насъ половину хозяйственной утвари, и разбойникъ Ѳедоръ Курановъ (по прозвищу Куранъ), у котораго было, говорятъ, на душѣ убійство; лицо у него было всегда сине-багровое—отъ водки, а иногда—въ крови; онъ погибъ въ „ку-

лачномъ бою". Оба были, дѣйствительно, люди умные и очень симпатичные; я, какъ и дѣдъ мой, любилъ ихъ, и они оба до самой смерти своей чувствовали ко мнѣ симпатію.

Однажды дѣдъ мой, видя, что мужикъ несетъ изъ лѣсу на плечѣ березку, сказалъ ему:—Ты усталъ, дай я тебѣ помогу.—При этомъ ему и въ голову не пришло то очевидное обстоятельство, что березка срублена въ нашемъ лѣсу.

Мои собственныя воспоминанія о дѣдѣ—очень хорошія; мы часами бродили съ нимъ по лугамъ, болотамъ и дебрямъ; иногда дѣлали десятки верстъ, заблудившись въ лѣсу; выкапывали съ корнями травы и злаки для ботанической коллекціи; при этомъ онъ называлъ растенія и, опредѣляя ихъ, училъ меня начаткамъ ботаники, такъ что я помню и теперь много ботаническихъ названій. Помню, какъ мы радовались, когда нашли особенный цвѣтокъ ранней грушевки, вида, неизвѣстнаго московской флорѣ, и мельчайшій низкорослый папоротникъ; этотъ папоротникъ я до сихъ поръ каждый годъ ищу на той самой горѣ, но такъ и не нахожу; очевидно, онъ засѣялся случайно и потомъ выродился.

Все это относится къ глухимъ временамъ, которыя наступили послѣ событій 1 марта 1881 года. Дѣдъ мой продолжалъ читать курсъ ботаники въ петербургскомъ университетѣ до самой болѣзни своей; лѣтомъ 1897 года его разбилъ параличъ, онъ прожилъ еще пять лѣтъ безъ языка, его возили въ креслѣ. Онъ скончался 1 іюля 1902 года въ Шахматовѣ. Хоронить его привезли въ Петербургъ; среди встрѣчавшихъ тѣло на станціи былъ Дмитрій Ивановичъ Менделѣевъ.

Дмитрій Ивановичъ игралъ очень большую роль въ бекетовской семьѣ. И дѣдъ и бабушка моя были съ нимъ дружны. Менделѣевъ и дѣдъ мой, вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, ѣздили вмѣстѣ въ Московскую губернію и купили въ Клинскомъ уѣздѣ два имѣнія—по сосѣдству: менделѣевское Боблово лежитъ въ семи верстахъ отъ Шахматова, я былъ тамъ въ дѣтствѣ, а въ юности сталъ бывать тамъ часто. Старшая дочь Дмитрія Ивановича Менделѣева отъ второго брака—Любовь Дмитріевна—стала моей невѣстой. Въ 1903 году мы обвѣнчались съ ней въ церкви села Тараканова, которое находится между Шахматовымъ и Бобловымъ.

Жена дѣда, моя бабушка, Елизавета Григорьевна—дочь извѣстнаго путешественника и изслѣдователя Средней Азіи, Григорія Силыча Карелина. Она всю жизнь работала надъ компиляціями и переводами научныхъ и художественныхъ произведеній; списокъ ея трудовъ громаденъ; послѣдніе годы она дѣлала до 200 печатныхъ листовъ въ годъ; она была очень начитана и владѣла нѣсколькими языками; ея міровоззрѣніе было удивительно живое и своеобразное, стиль—образный, языкъ—точный и смѣлый, обличавшій казачью породу. Нѣкоторые изъ ея многочисленныхъ переводовъ остаются и до сихъ поръ лучшими.

Переводные стихи ея печатались въ „Современникѣ", подъ псевдонимомъ „Е. Б.", и въ „Англійскихъ Поэтахъ" Гербеля, безъ имени. Ею переведены многія сочиненія Бокля, Брэма, Дарвина, Гексли, Мура (поэма „Лалла-Рукъ"), Бичеръ-Стоу, Гольдсмита, Стэнли, Теккерея, Диккенса, В.-Скотта, Брэтъ-Гарта, Жоржъ-Зандъ, Бальзака, В. Гюго, Флобера, Мопассана, Руссо, Лесажа. Этотъ списокъ авторовъ — далеко не полный. Оплата труда была всегда ничтожна. Теперь эти сотни тысячъ томовъ разошлись въ дешевыхъ изданіяхъ, а знакомый съ антикварными цѣнами знаетъ, какъ дороги уже теперь хотя бы такъ называемые „144 тома" (изд. Г. Пантелѣева), въ которыхъ помѣщены многіе переводы Е. Г. Бекетовой и ея дочерей. Характерная страница въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Отвлеченное и „утонченное" удавалось бабушкѣ моей меньше, ея языкъ былъ слишкомъ лапидаренъ, въ немъ было много бытового. Характеръ на рѣдкость отчетливый соединялся въ ней съ мыслью ясной, какъ лѣтнія деревенскія утра, въ которыя она до свѣту садилась работать. Долгіе годы я помню смутно, какъ помнится все дѣтское, ея голосъ, пяльцы, на которыхъ съ необыкновенной быстротой вырастаютъ яркіе шерстяные цвѣты, пестрыя лоскутныя одѣяла, сшитыя изъ никому ненужныхъ и тщательно собираемыхъ лоскутковъ,—и во всемъ этомъ—какое-то невозвратное здоровье и веселье, ушедшее съ нею изъ нашей семьи. Она умѣла радоваться просто солнцу, просто хорошей погодѣ, даже въ самые послѣдніе годы, когда ее мучили болѣзни и доктора, извѣстные и неизвѣстные, продѣлывавшіе надъ ней мучительные и безсмысленные эксперименты. Все это не убивало ея неукротимой жизненности.

Эта жизненность и живучесть проникала и въ литературные вкусы; при всей тонкости художественнаго пониманія, она говорила, что „тайный совѣтникъ Гёте написалъ вторую часть Фауста, чтобы удивить глубокомысленныхъ нѣмцевъ". Также ненавидѣла она нравственныя проповѣди Толстого. Все это вязалось съ пламенной романтикой, переходившей иногда въ старинную сентиментальность. Она любила музыку и поэзію, писала мнѣ полушутливые стихи, въ которыхъ звучали, однако, временами грустныя ноты:

Такъ, бодрствуя въ часы ночные
И внука юнаго любя,
Старуха-бабка не впервые
Слагала стансы для тебя.

Она мастерски читала вслухъ сцены Слѣпцова и Островскаго, пестрые разсказы Чехова. Одною изъ послѣднихъ ея работъ былъ переводъ двухъ разсказовъ Чехова на французскій языкъ (для „Revue des deux Mondes"). Чеховъ прислалъ ей милую благодарственную записку.

Къ сожалѣнію, бабушка моя такъ и не написала своихъ воспоминаній. У меня хранится только короткій планъ ея записокъ; она

знала лично многихъ нашихъ писателей, встрѣчалась съ Гоголемъ, братьями Достоевскими, Ап. Григорьевымъ, Толстымъ, Полонскимъ, Майковымъ. Я берегу тотъ экземпляръ англійскаго романа, который собственноручно далъ ей для перевода Ѳ. М. Достоевскій. Переводъ этотъ печатался во „Времени".

Бабушка моя скончалась ровно черезъ три мѣсяца послѣ дѣда—1 октября 1902 года.

Отъ дѣдовъ унаслѣдовали любовь къ литературѣ и незапятнанное понятіе о ея высокомъ значеніи ихъ дочери—моя мать и ея двѣ сестры. Всѣ три переводили съ иностранныхъ языковъ. Извѣстностью пользовалась старшая — Екатерина Андреевна (по мужу Краснова). Ей принадлежатъ изданныя уже послѣ ея смерти († 4 мая 1892 года) двѣ самостоятельныхъ книги „Разсказовъ" и „Стихотвореній" (послѣдняя книга удостоена почетнаго отзыва Академіи Наукъ). Оригинальная повѣсть ея „Не судьба" печаталась въ „Вѣстникѣ Европы". Переводила она съ французскаго (Монтескье, Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ), испанскаго (Эспронседа, Бэкéръ, Пересъ Гальдосъ, статья о Пардо Басанъ), передѣлывала англійскія повѣсти для дѣтей (Стивенсонъ, Хаггартъ; издано у Суворина въ „Дешевой библіотекѣ").

Моя мать, Александра Андреевна (по второму мужу Кублицкая-Піоттухъ) переводила и переводитъ съ французскаго—стихами и прозой (Бальзакъ, В. Гюго, Флоберъ, Зола, Мюссе, Эркманъ-Шатріанъ, Додэ, Боделэръ, Верлэнъ, Ришпэнъ). Въ молодости писала стихи, но печатала только дѣтскіе.

Марія Андреевна Бекетова переводила и переводитъ съ польскаго (Сенкевичъ и мн. др.), нѣмецкаго (Гофманъ), французскаго (Бальзакъ, Мюссе). Ей принадлежатъ популярныя передѣлки (Жюль-Вернъ, Сильвіо Пеллико), біографіи (Андерсенъ), монографіи для народа (Голландія, Исторія Англіи и др.). „Кармозина" Мюссе была не такъ давно представлена въ театрѣ для рабочихъ въ ея переводѣ.

Въ семьѣ отца литература играла небольшую роль. Дѣдъ мой—лютеранинъ, потомокъ врача царя Алексѣя Михайловича, выходца изъ Мекленбурга (прародитель—лейбъ-хирургъ Иванъ Блокъ былъ при Павлѣ I возведенъ въ россійское дворянство). Женатъ былъ мой дѣдъ на дочери новгородскаго губернатора Аріаднѣ Александровнѣ Черкасовой.

Отецъ мой, Александръ Львовичъ Блокъ, былъ профессоромъ Варшавскаго университета по кафедрѣ государственнаго права; онъ скончался 1 декабря 1909 года. Спеціальная ученость далеко не исчерпываетъ его дѣятельности, равно какъ и его стремленій, можетъ быть, менѣе научныхъ, чѣмъ художественныхъ. Судьба его исполнена сложныхъ противорѣчій, довольно необычна и мрачна. За всю жизнь свою онъ напечаталъ лишь двѣ небольшія книги (не считая литографированныхъ лекцій) и послѣдніе двадцать

лѣтъ трудился надъ сочиненіемъ, посвященнымъ классификаціи наукъ. Выдающійся музыкантъ, знатокъ изящной литературы и тонкій стилистъ,—отецъ мой считалъ себя ученикомъ Флобера. Послѣднее и было главной причиной того, что онъ написалъ такъ мало и не завершилъ главнаго труда жизни: свои непрестанно развивавшіяся идеи онъ не сумѣлъ вмѣстить въ тѣ сжатыя формы, которыхъ искалъ; въ этомъ исканіи сжатыхъ формъ было что то судорожное и страшное, какъ во всемъ душевномъ и физическомъ обликѣ его. Я встрѣчался съ нимъ мало, но помню его кровно.

Дѣтство мое прошло въ семьѣ матери. Здѣсь именно любили и понимали слово; въ семьѣ господствовали, въ общемъ, старинныя понятія о литературныхъ цѣнностяхъ и идеалахъ. Говоря вульгарно, по-Верлэновски, преобладаніе имѣла здѣсь éloquence; одной только матери моей свойственны были постоянный мятежъ и безпокойство о новомъ, и мои стремленія къ musique находили поддержку у нея. Впрочемъ, никто въ семьѣ меня никогда не преслѣдовалъ, всѣ только любили и баловали. Милой же старинной éloquence обязанъ я до гроба тѣмъ, что литература началась для меня не съ Верлэна и не съ декадентства вообще.

Первымъ вдохновителемъ моимъ былъ Жуковскій. Съ ранняго дѣтства я помню постоянно набѣгавшія на меня лирическія волны, еле связанныя еще съ чьимъ-либо именемъ. Запомнилось, развѣ, имя Полонскаго и первое впечатлѣніе отъ его строфъ:

Снится мнѣ: я свѣжъ и молодъ,
Я влюбленъ. Мечты кипятъ.
Отъ зари роскошный холодъ
Проникаетъ въ садъ.

„Жизненныхъ опытовъ“ не было долго. Смутно помню я большія петербургскія квартиры съ массой людей, съ няней, игрушками и елками и благоуханную глушь нашей маленькой усадьбы. Лишь около 15 лѣтъ родились первыя опредѣленныя мечтанія о любви, и рядомъ приступы отчаянья и иронiи, которыя нашли себѣ исходъ черезъ много лѣтъ въ первомъ моемъ драматическомъ опытѣ („Балаганчикъ“, лирическія сцены).

„Сочинять“ я сталъ чуть ли не съ пяти лѣтъ. Гораздо позже мы съ двоюродными и троюродными братьями основали журналъ „Вѣстникъ“, въ одномъ экземплярѣ; тамъ я былъ редакторомъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ три года.

Серьезное писаніе началось, когда мнѣ было около 18 лѣтъ. Года три—четыре я показывалъ свои писанія только матери и теткѣ. Все это были лирическіе стихи, и ко времени выхода первой моей книги „Стиховъ о Прекрасной Дамѣ“ ихъ накопилось до 800, не считая отроческихъ. Въ книгу изъ нихъ вошло лишь около 100. Послѣ я печаталъ и до сихъ поръ печатаю кое-что изъ стараго въ журналахъ и газетахъ.

Семейныя традиціи и моя замкнутая жизнь способствовали тому, что ни строки такъ называемой, „новой поэзіи“ я не зналъ до первыхъ курсовъ университета. Здѣсь, въ связи съ острыми мистическими и романическими переживаніями, всѣмъ существомъ моимъ овладѣла поэзія Владиміра Соловьева. До сихъ поръ мистика, которой былъ насыщенъ воздухъ послѣднихъ лѣтъ стараго и первыхъ лѣтъ новаго вѣка, была мнѣ непонятна; меня тревожили знаки, которые я видѣлъ въ природѣ, но все это я считалъ „субъективнымъ“ и бережно оберегалъ отъ всѣхъ. Внѣшнимъ образомъ готовился я тогда въ актеры, съ упоеніемъ декламировалъ Майкова, Фета, Полонскаго, Апухтина, игралъ на любительскихъ спектакляхъ въ домѣ моей будущей невѣсты Гамлета, Чацкаго, Скупого Рыцаря и... водевили. Трезвые и здоровые люди, которые меня тогда окружали, кажется, уберегли меня тогда отъ заразы мистическаго шарлатанства, которое черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того стало модянымъ въ нѣкоторыхъ литературныхъ кругахъ. Къ счастію и къ несчастью вмѣстѣ, „мода“ такая пришла, какъ всегда бываетъ, именно тогда, когда все внутренно опредѣлилось; когда стихіи, бушевавшія подъ землей, хлынули наружу,—нашлась толпа любителей легкой мистической наживы. Впослѣдствіи и я отдалъ дань этому новому кощунственному „вѣянью“; но все это уже выходитъ за предѣлы „автобіографіи“.

Интересующихся могу отослать къ стихамъ моимъ и къ статьѣ „О современномъ состояніи русскаго символизма“ (журналъ „Аполлонъ“ 1910 года). Теперь же возвращусь назадъ.

Отъ полнаго незнанія и неумѣнія обращаться съ міромъ со мною случился анекдотъ, о которомъ я вспоминаю теперь съ удовольствіемъ и благодарностью: какъ-то, въ дождливый осенній день (если не ошибаюсь, 1900 года) отправился я со стихами къ старинному знакомому нашей семьи, Виктору Петровичу Острогорскому, теперь покойному. Онъ редактировалъ тогда „Міръ Божій“. Не говоря, кто меня къ нему направилъ, я съ волненіемъ далъ ему два маленькихъ стихотворенія, внушенныя Сириномъ, Алконостомъ и Гамаюномъ В. Васнецова. Пробѣжавъ стихи, онъ сказалъ: „какъ вамъ не стыдно, молодой человѣкъ, заниматься этимъ, когда въ университетѣ Богъ знаетъ, что творится!“—и выпроводилъ меня со свирѣпымъ добродушіемъ. Тогда это было обидно, а теперь вспоминать объ этомъ пріятнѣе, чѣмъ обо многихъ позднѣйшихъ похвалахъ.

Послѣ этого случая, я долго никуда не совался, пока въ 1902 г. меня не направили къ Б. Никольскому, редактировавшему тогда вмѣстѣ съ Рѣпинымъ студенческій сборникъ.

Уже черезъ годъ послѣ я сталъ печататься „серьезно“. Первыми, кто обратилъ вниманіе на мои стихи со стороны, были Михаилъ Сергѣевичъ и Ольга Михайловна Соловьевы (двоюродная сестра моей матери). Первыя мои вещи появились въ 1903 году въ

журналѣ „Новый Путь“ и, почти одновременно, въ альманахѣ „Сѣверные цвѣты“.

Семнадцать лѣтъ моей жизни я прожилъ въ казармахъ Л.-Гв. Гренадерскаго полка (когда мнѣ было девять лѣтъ, мать моя вышла во второй разъ замужъ за Ф. Ф. Кублицкаго-Піоттухъ, который служилъ въ полку). Окончивъ курсъ въ Спб. Введенской (нынѣ Императора Петра Великаго) гимназіи, я поступилъ на юридическій факультетъ петербургскаго университета довольно безсознательно, и, только перейдя на третій курсъ, понялъ, что совершенно чуждъ юридической наукѣ. Въ 1901 году, исключительно важномъ для меня и рѣшившемъ мою судьбу, я перешелъ на филологическій факультетъ, курсъ котораго и прошелъ, сдавъ государственный экзаменъ весною 1906 года (по славяно-русскому отдѣленію).

Университетъ не сыгралъ въ моей жизни особенно важной роли, но высшее образованіе дало, во всякому случаѣ, нѣкоторую умственную дисциплину и извѣстные навыки, которые очень помогаютъ мнѣ и въ историко-литературныхъ и въ собственныхъ моихъ критическихъ опытахъ и даже въ художественной работѣ (матеріалы для драмы „Роза и Крестъ“). Съ годами я оцѣниваю все болѣе то, что далъ мнѣ университетъ въ лицѣ моихъ уважаемыхъ профессоровъ—А. И. Соболевскаго, Н. А. Шляпкина, С. Ѳ. Платонова, А. И. Введенскаго и Ѳ. Ф. Зѣлинскаго. Если мнѣ удастся собрать книгу моихъ работъ и статей, которыя разбросаны въ немаломъ количествѣ по разнымъ изданіямъ, но нуждаются въ сильной переработкѣ,—долею научности, которая заключена въ нихъ, буду я обязанъ университету.

Въ сущности, только послѣ окончанія „университетскаго“ курса началась моя „самостоятельная“ жизнь. Продолжая писать лирическія стихотворенія, которыя всѣ, съ 1897 года, можно разсматривать, какъ дневникъ, я именно въ годъ окончанія курса въ университетѣ написалъ свои первыя пьесы въ драматической формѣ; главными темами моихъ статей (кромѣ чисто-литературныхъ) были и остались темы объ „интеллигенціи и народѣ“, о театрѣ и о русскомъ символизмѣ (не въ смыслѣ литературной школы только).

Каждый годъ моей сознательной жизни рѣзко окрашенъ для меня своей особенной краской. Изъ событій, явленій и вѣяній, особенно сильно повліявшихъ на меня такъ или иначе, я долженъ упомянуть: встрѣчу съ Вл. Соловьевымъ, котораго я видѣлъ только издали; знакомство съ М. С. и О. М. Соловьевыми, З. Н. и Д. С. Мережковскими и съ А. Бѣлымъ; событія 1904—1905 года; знакомство съ театральной средой, которое началось въ театрѣ покойной В. Ѳ. Коммиссаржевской; крайнее паденіе литературныхъ нравовъ и начало „фабричной“ литературы, связанное съ событіями 1905 года; знакомство съ твореніями покойнаго Августа Стриндберга (первоначально—черезъ поэта Вл. Пяста); три заграничныхъ путешествія (я былъ въ Италіи—сѣверной: Венеція, Равенна, Миланъ) и

средней (Флоренція, Пиза, Перуджія и много другихъ городовъ и мѣстечекъ Умбріи),—во Франціи (на сѣверѣ Бретани, въ Пиринеяхъ—въ окрестностяхъ Біаррица; нѣсколько разъ жилъ въ Парижѣ), въ Бельгіи и Голландіи; кромѣ того, мнѣ приводилось почему-то каждые шесть лѣтъ моей жизни возвращаться въ Bad Nauheim (Hessen-Nassau), съ которымъ у меня связаны особенныя воспоминанія.

Этой весною (1915 года) мнѣ пришлось бы возвращаться туда въ четвертый разъ; но въ личную и низшую мистику моихъ поѣздокъ въ Bad-Nauheim вмѣшалась общая и высшая мистика войны.

Александръ Блокъ.

Валерія Брюсова.

I.

Этапы пути, который прошелъ Александръ Блокъ „за 12 лѣтъ своей сознательной жизни“ (его собственное выраженіе), а также и послѣ этихъ лѣтъ, намѣчены въ его поэзіи очень опредѣленно, можно сказать, обведены черными контурами. Это — путь отъ одинокаго созерцанія къ сліянію съ жизнью, отъ попытокъ силой мечты проникнуть въ тайну міра къ спокойному и трезвому наблюденію дѣйствительности, отъ мистики къ реализму. Въ то же время это—путь отъ отроческихъ мечтаній о вѣнцѣ пророка, о идеальной любви и идеальной жизни къ пониманію своего призванія, только какъ поэта, и ко всей сложности и подчасъ грубости современной дѣйствительности, медленно, но властно заполняющей душу и находящей въ ней неожиданные отзвуки. Самому поэту эта вторая сторона пройденнаго имъ пути, приведшему къ отказу отъ недостигнутыхъ и недостижимыхъ идеаловъ юности, представляется какъ нѣкоторое „паденіе“. Поэтому поэзія Блока съ годами разростается въ ширь и въ глубь, расцвѣчивается новыми красками, но одновременно съ тѣмъ въ ней надъ ранними свѣтлыми гимнами постепенно получаютъ преобладаніе настроенія мрачныя, порою близкія къ безнадежности: отъ оптимистической вѣры она переходитъ къ скептическому пессимизму.

Первый сборникъ стиховъ Блока, подъ характернымъ заглавіемъ „Стихи о Прекрасной Дамѣ“, появился въ 1905 году, но составленъ изъ стихотвореній, написанныхъ много раньше (1898—1904 г.). Еще совсѣмъ юноша, А. Блокъ примыкалъ тогда, хотя жилъ въ Петроградѣ, къ небольшому московскому кружку молодыхъ поэтовъ (Андрей Бѣлый, С. Соловьевъ и др.), находившемуся подъ сильнымъ вліяніемъ идей Вл. Соловьева и начинавшейся въ тѣ годы религіозной проповѣди Д. С. Мережковскаго. Вмѣстѣ съ Вл. Соловьевымъ, эти юные мечтатели были увѣрены, что приблизился „конецъ всемірной исторіи“, что скоро, едва ли не на-дняхъ, долженъ свершиться великій вселенскій переворотъ, который въ существѣ измѣнитъ жизнь человѣчества. Ихъ возбужденному воображенію вездѣ видѣлись явныя предвѣстія грядущаго. Всѣ событія, все,

Оглавленіе VI книги.

Этапы неоромантическаго движенія. *Стр.*

Статья вторая. Проф. *С. А. Венгерова.*

X. Беллетристика 80-хъ годовъ 209

XI. Публицистика 80-хъ годовъ 224

Леонидъ Андреевъ. *Автобіографическіе матеріалы. Ред.* 241

Леонидъ Андреевъ. *Л. С. Козловскаго.* 251

Иннокентій Анненскій. Проф. *П. П. Митрофанова* 281

Ю. Балтрушайтисъ. *Автобіографическая справка* 297

Юргисъ Балтрушайтисъ, какъ лирическій поэтъ. *Вячеслава Иванова.* 301

Александръ Блокъ. *Автобіографическая справка* 312

Александръ Блокъ. *Валерія Брюсова* 320

ИЛЛЮСТРАЦІИ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ.

Леонидъ Николаевичъ Андреевъ 241

Иннокентій Ѳедоровичъ Анненскій 281

Юргисъ Казиміровичъ Балтрушайтисъ 297

Открыта подписка на новое изданіе Т-ва „МІРЪ“:

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ до XIX в.

Подъ редакціей А. Е. Грузинскаго.

Вышелъ первый томъ. *Содержаніе 1-го тома: Введеніе.* Особенности древнерусской литературы, вліявшія на способы ея изученія. Проф. *М. Н. Сперанскаго.* Территорія и племя. Доисторическій бытъ и вѣрованія. Первыя формы государственнаго общежитія. Проф. **М. К. Любавскаго.** Русскій языкъ, его особенности. Акад. А. А. Шахматова. Начало письменности. Характеристика начальнаго періода литературной жизни. Проф. *М. Н. Сперанскаго. Древнѣйшій періодъ (XI—XII вв.).* Историческій очеркъ Кіевской Руси. Проф. *М. К. Любавскаго.* Общій обзоръ литературы кіевскаго періода. Проф. А. С. Архангельскаго. Апокрифъ и легенда. Проф. М. Н. Сперанскаго. Древне-русское лѣтописаніе. Прив.-доц. А. Е. Пресняковa. Слово о полку Игоревѣ. Прив.-доц. С. К. Шамбинаго. *Средній періодъ (XIII—XVI вв.).* Историческая жизнь Руси въ XIII—XVI вв. Проф. М. К. Любавскаго. Общая характеристика областной литературы. Проф. М. Н. Сперанскаго. Лѣтописное дѣло въ XIV—XVI вв. Прив.-доц. А. Е. Пресняковa. Литература Московскаго государства въ XVI в. Прив.-доц. А. С. Орлова. Переводныя повѣсти древней Руси. Прив.-доц. А. С. Орлова. 376 стр., 18 иллюстрацій на отдѣльныхъ листахъ, изъ нихъ *6 цвѣтныхъ таблицъ.*

Изданіе составитъ 4 тома (3 тома—„Ист. русск. лит. до XIX в.“, 1 томъ—„Устное творчество“) по 22—23 листа каждый; многочисленныя иллюстраціи. Цѣна 4 томовъ въ переплетѣ безъ пересылки—28 руб.; при подпискѣ уплачивается 3 руб. и при полученіи каждаго тома по 7 руб. (кромѣ перес.); задатокъ засчитывается при высылкѣ послѣдняго тома.

Продолжается подписка на изданія:

ИТОГИ НАУКИ

въ теоріи и практикѣ. Подъ редакц. проф. М. М. Ковалевскаго (†), проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. В. М. Шимкевича. Вышло 9 томовъ (I, II, III, V, VI, VII, IX, X, и XI).

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (1800—1910).

Подъ ред. Ѳ. Д. Батюшкова. Вышли I, II и III томы.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX в. (1890—1910).

Подъ редакц. С. А. Венгерова. Вышли I—VI книги.

Г. В. ПЛЕХАНОВЪ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ.

Вышли I и II томы.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX в.

Подъ ред. акад. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, при ближайшемъ участіи А. Е. Грузинскаго и П. Н. Сакулина. 5 томовъ. Изданіе закончено.

М. Н. ПОКРОВСКІЙ.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

5 томовъ. Изданіе закончено.

ИСТОРІЯ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА.

Вышелъ I томъ („Древнѣйшая эпоха еврейской исторіи“) и XI томъ (I томъ „Исторіи евреевъ въ Россіи и Польшѣ“).

КАРУСЪ ШТЕРНЕ.

ЭВОЛЮЦІЯ МІРА.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРІЯ МІРОЗДАНІЯ. Съ дополнительными статьями профессора Н. А. Умова и Н. А. Морозова. 2-е улучшенное изданіе. 3 тома. Изданіе закончено.

Разсрочка платежа. ◆ Проспекты безплатно.

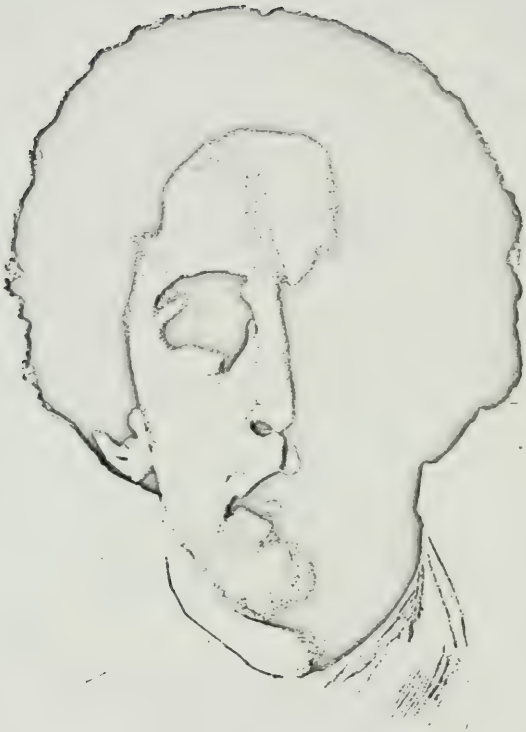
Главная контора Т-ва „МІРЪ“ Москва, Знаменка, 9, Тел. 1-37-31.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВѢКА

1890—1910

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ПРОФ.
С. А. ВЕНГЕРОВА

ИЗД.
Т-ВА „МІРЪ"
МОСКВА



Александръ Блокъ. Съ портрета К. Сомова.

происходившее вокругъ, эти юноши воспринимали какъ таинственные символы, какъ прообразы чего-то высшаго, и во всѣхъ явленіяхъ повседневной жизни старались разгадать ихъ мистическій смыслъ.

Такими настроеніями проникнута первая книга Блока. Подъ „Прекрасной Дамой", каковъ бы ни былъ реальный образъ, вызвавшій посвященные ей стихи, онъ разумѣлъ божественное, вѣчно женственное начало, которое должно, широко проникнувъ въ міръ, возродить, воскресить его. Въ этомъ отношеніи Блокъ былъ вѣрнымъ ученикомъ Вл. Соловьева, незадолго до смерти пророчившаго:

Вѣчная женственность нынѣ
Въ тѣлѣ нетлѣнномъ на землю идетъ.

Себя поэтъ представлялъ покорнымъ и скромнымъ слугою этой „Дамы", „рабомъ Царицы", servus Reginae, и свое дѣло самъ опредѣлялъ такъ:

Свѣтить въ преддверьи Идеала
Туманнымъ факеломъ своимъ.

Въ своихъ стихахъ Блокъ изображаетъ себя то „стражникомъ во храмѣ", „хранящимъ огонь лампадъ", то однимъ изъ вѣрныхъ рабовъ, сторожащихъ у входа въ теремъ Царицы, то — „совершающимъ въ темномъ храмѣ бѣдный обрядъ" въ ожиданіи „Прекрасной Дамы", то пажемъ, который несетъ за Ней покрывало... Вся книга проникнута пафосомъ ожиданія, безсчетное число разъ повторяются слова „я жду", „мы ждемъ", „онъ ждетъ", и одно изъ вступительныхъ стихотвореній выражаетъ это чувство съ особой силой:

Предчувствую Тебя. Года проходятъ мимо,—
Все въ обликѣ одномъ предчувствую Тебя.
Весь горизонтъ въ огнѣ и ясенъ нестерпимо.
Я молча жду,—тоскуя и любя. [1])

Неизмѣнно погруженный въ свои мечты, авторъ стиховъ о „Прекрасной Дамѣ" чуждается жизни. Онъ упорно повторяетъ, что жизнь его „мучитъ", что земля для него „пустынна". Онъ себя чувствуетъ въ нѣкоей внѣмірной „старинной кельѣ", въ „монастырѣ" или на какомъ-то таинственномъ „царственномъ пути", гдѣ впереди передъ нимъ идетъ „огнистый столпъ". Свои мечты поэтъ опредѣляетъ, какъ „сны раздумій небывалыхъ", какъ „священный сонъ", и его завѣтныя мольбы сводятся къ одному: да исчезнетъ „мысль о тѣлѣ", „воскресни духъ, а плоть усни". Пренебреженіе къ „тѣлу", къ землѣ, жажда неземного, „безплотнаго" одушевляютъ большинство стихотвореній.

Все это ведетъ къ тому, что въ стихахъ о „Прекрасной Дамѣ" какъ бы совсѣмъ нѣтъ ничего реальнаго,—всѣ чувства, всѣ пере-

[1]) Сочетаніе „тоскуя и любя" слово въ слово повторяетъ выраженіе Вл. Соловьева.

живанія перенесены въ какой-то идеальный міръ. Всему, что совершалось въ жизни, поэтъ въ стихахъ придаетъ смыслъ иносказанія. Въ раннихъ стихахъ Блока рѣка—не просто рѣка, но символъ границы, отдѣляющей его отъ Идеала; бѣлая церковь вдали, которая утромъ кажется приближенной, не просто церковь; „теремъ", „дверь", „ступени", „дорога", „заря", „небеса"—едва ли не всѣ слова берутся поэтомъ въ особомъ, условномъ значеніи. Надо освоиться съ этимъ языкомъ иносказаній, чтобы вѣрно понимать смыслъ стиховъ о „Прекрасной Дамѣ", и только тогда станетъ вполнѣ ясна прелесть хотя бы такого стихотворенія:

Я, отрокъ, зажигаю свѣчи,
Огонь кадильный берегу.
Она безъ мысли и безъ рѣчи
На томъ смѣется берегу.
Люблю вечернее моленье
У бѣлой церкви надъ рѣкой,
Передзакатное селенье
И сумракъ мутно-голубой.
Покорный ласковому взгляду,
Любуюсь тайной красоты.
И за церковную ограду
Бросаю бѣлые цвѣты.
Падетъ туманная завѣса,
Женихъ сойдетъ изъ алтаря,
И отъ вершинъ зубчатыхъ лѣса
Забрежжитъ брачная заря.

Только въ послѣднихъ стихотвореніяхъ книги образы становятся болѣе конкретными, болѣе жизненными, выступаютъ изъ-за ликовъ ангеловъ облики живыхъ людей, изъ-за куполовъ таинственныхъ храмовъ—стѣны простыхъ домовъ и даже фабрики.

II.

Между первой и второй книгой Блока лежитъ тяжелая эпоха 1905—1906 гг. То были годы, которые не могли не научить многому всѣхъ, кто только способны были учиться. Въ то же время Блокъ, какъ и его единомышленники, слишкомъ наивно довѣрявшіеся своимъ мистическимъ предчувствіямъ, не могли не увидѣть, что свершеніе ихъ чаяній не такъ близко, какъ имъ казалось. Съ кружкомъ молодыхъ московскихъ мистиковъ начала XX вѣка въ меньшихъ размѣрахъ повторилось то же самое, что нѣкогда испытала вся Европа, ожидавшая около 1000 года конца міра и Страшнаго Суда. Роковые сроки исполнились, но пророчества не сбылись. Наступила пора разочарованія, разувѣренія, доводившихъ порою до насмѣшки надъ прежними святынями.

Во второй книгѣ Блока, неудачно названной „Нечаянная Радость" (1907 г.), въ его поэзію вторгается начало демоническое. Въ стихахъ Блока оно появляется сначала въ образѣ „тварей ве-

сеннихъ", чертенятъ, „болотныхъ попиковъ", колдуновъ, олицетворяющихъ начало земное, силы, извѣчно влекущія человѣческую душу отъ Божества, соблазняющія ее вѣчной прелестью преходящаго. Блокъ съ большой любовью и очень подробно рисуетъ этотъ міръ стихійныхъ существъ, живущихъ одной жизнью съ природой, чуждыхъ грѣха, какъ его чужды камни, растенія, тучи, но чуждыхъ и всякаго влеченія къ сверхземному. Передъ нами,—

мохнатые, малые каются,
Униженно въ травѣ кувыркаются,
Поднимаютъ копытцами пыль...

Поэтъ увѣряетъ одного изъ своихъ чертенятъ: „Я—какъ ты, дитя дубовъ", и какъ бы повторяетъ молитву своего болотнаго попика:

Душа моя рада
Всякому гаду,
И всякому звѣрю,
И о всякой вѣрѣ.

Позже вступаетъ въ поэзію Блока то же демоническое начало, воплощенное въ образѣ „Темнолицаго", неизмѣнно приходящаго къ поэту въ часъ сумерекъ, чтобы томить страхомъ темныхъ предчувствій...

Въ связи съ этимъ во второй книгѣ Блока встрѣчаются совершенно новыя темы, неожиданныя для „вѣрнаго раба Царицы", скромнаго служителя „Прекрасной Дамы". Какъ бы забывъ свои храмы, кельи, паперти, лиліи, обычную обстановку своихъ раннихъ стиховъ,—Блокъ разсказываетъ теперь, какъ—

По вечерамъ, надъ ресторанами,
Горячій воздухъ дикъ и глухъ...

Онъ признается теперь, что

Въ кабакахъ, въ переулкахъ, въ извивахъ,
Въ электрическомъ снѣ наяву,
Я искалъ безконечно красивыхъ
И безсмертно влюбленныхъ въ молву...

Поэтъ, который когда-то „молча ждалъ" „Прекрасной Дамы", теперь, проходя по улицѣ, при свѣтѣ газа, „куда глядятъ глаза", задастъ себѣ вопросъ:

Не увижу ли красной подруги моей?

И дѣйствительно, навстрѣчу ему идетъ

Вольная дѣва въ огненномъ плащѣ.

Этотъ переходъ отъ „Прекрасной Дамы" къ „красной подругѣ" еще рѣзче выраженъ Блокомъ въ его „Лирическихъ Драмахъ", появившихся вскорѣ послѣ „Нечаянной Радости" (1908 г.). Въ драмахъ Блокъ прямо высмѣиваетъ свою юношескую мечту о Вѣчно-женственномъ, воплощая его въ образъ Коломбины, которая, въ концѣ

концовъ, оказывается „картонной невѣстой“ [1]), или вводя свою „Незнакомку“ въ кругъ пустыхъ и какъ бы слѣпыхъ людей. Что раньше заставляло Блока слагать молитвы и пѣть гимны, то теперь стало для него темой для фарса.

Правда, въ „Нечаянной Радости“ Блокъ иногда пытается вернуться къ прежнимъ вдохновеніямъ, даже увѣряетъ:

Я не забылъ на пирѣ хмельномъ
Мою завѣтную свирѣ....

Но рядомъ съ этимъ стоятъ и безнадежныя признанія:

Ты въ поля отошла безъ возврата...
. . . . . .
О, исторгни ржавую душу,
Со святыми меня упокой!

Послѣдними словами онъ какъ бы признаетъ себя,—себя прежняго,—умершимъ.

III.

Борьба двухъ началъ, божественнаго и демоническаго, продолжается въ поэзіи Блока и въ его третьемъ сборникѣ стиховъ „Земля въ снѣгу“ (1908 г.), который самъ авторъ называетъ „чашей горькаго вина“.

Въ этой книгѣ олицетвореніемъ демоническаго является образъ „Снѣжной Маски“, „Незнакомки“, вовлекающей душу поэта въ міръ чувственной страсти, раньше чуждой его поэзіи.

Вотъ явилась. Заслонила
Всѣхъ нарядныхъ, всѣхъ подругъ,
И душа моя вступила
Въ предназначенный ей кругъ,—

разсказываетъ намъ поэтъ, какъ бы въ видѣ вступленія къ изображаемой имъ драмѣ страсти. Установивъ затѣмъ, какъ свою новую заповѣдь, убѣжденіе,

Что путь открытъ навѣрно къ раю
Всѣмъ, кто идетъ путями зла,—

онъ шагъ за шагомъ описываетъ этотъ свой, ведущій къ раю, „путь зла“,—путь, на которомъ у него вырываются скорбныя жалобы:

Возврати мнѣ, Маска, душу!

или:

Убей меня, какъ я убилъ
Когда-то близкихъ мнѣ!

Стихи изъ книги „Земля въ снѣгу“ (особенно изъ ея второй части) принадлежатъ къ числу наиболѣе сильныхъ стиховъ Блока.

[1]) Самъ А. Блокъ въ предисловіи къ „Лирическимъ Драмамъ“ даетъ иное толкованіе этого образа, но мы не считаемъ толкованіе [illegible] для себя обязательнымъ.

Въ нихъ есть вся непосредственность жизни, и мѣстами они производятъ впечатлѣніе скорѣе какъ откровенныя признанія человѣческой души, чѣмъ какъ созданія поэта. Это—поэтическій дневникъ, изложенный въ стихахъ нервныхъ, изломанныхъ и глубоко волнующихъ. Господствующее чувство въ этихъ стихахъ—ожиданіе гибели, но эта конечная гибель кажется поэту соблазнительной и желанной. Онъ нѣсколько разъ восклицаетъ:

Тайно сердце проситъ гибели...

И погибнуть мнѣ весело...

Книга завершается образомъ костра, на которомъ поэтъ чувствуетъ себя распятымъ, въ огнѣ, на крестѣ страсти.

Это приближеніе къ страсти, чувству земному, привело Блока и къ общенію со всей дѣйствительностью земли. Въ стихахъ сборника „Земля въ снѣгу“ почти на каждой страницѣ мелькаютъ образы повседневной жизни. То тащится „забитая лошадка бурая“, то изображена „улица, улица... тѣни беззвучно спѣшащихъ тѣло продать“, то нарисованъ портретъ дѣвушки, къ которой „врывается силой“ обольститель, то передано, какъ въ переулкахъ „пахнетъ моремъ“, и „поютъ фабричные гудки“, то въ стихъ врѣзывается грубое восклицанье „Эй Ѳекла, Ѳекла!“, то поэтъ призываетъ къ самой простой, уличной пляскѣ:

Гармоника, гармоника!
Эй, пой, визжи и жги!

„Земля въ снѣгу“ уже безконечно далека отъ стиховъ о „Прекрасной Дамѣ“, и самъ поэтъ то предлагаетъ: „Забудьте слова лучезарныя“, то, вспомнивъ свои стихи изъ „Нечаянной Радости“ о томъ, что „Она“ „въ поля ушла безъ возврата“, горько называетъ себя „невоскресшимъ Христомъ“.

IV.

Такъ постепенно отрекался А. Блокъ въ своей поэзіи отъ юношескихъ идеаловъ. Мистическіе гимны о служеніи „Прекрасной Дамѣ“ смѣнились страстными стихами о „красной подругѣ“ и „Снѣжной Маскѣ“; поэзія темныхъ иносказаній, поэзія таинственныхъ храмовъ, бѣлыхъ ступеней, ожиданія, поклоненія—замѣнилась пѣснями о радостяхъ и печаляхъ „горестной земли“, простыми изображеніями повседневной жизни. Юноша, мечтавшій быть пророкомъ, сталъ поэтомъ.

Можетъ быть, для А. Блока, какъ поэта, по самой природѣ его дарованія, такой путь былъ неизбѣженъ. Искусство—всегда воплощеніе; даже все неопредѣленное, несказанное, оно должно высказать и опредѣлить въ образахъ. Область вдохновеній, создавшихъ стихи о „Прекрасной Дамѣ“, была ограничена; чтобы найти новыя силы

для своей поэзіи, Блоку необходимо было обратиться къ дѣйствительности, къ реальной жизни. Повторилась старинная басня объ Антеѣ, черпавшемъ силы отъ соприкосновенія съ землей.

Въ своей четвертой книгѣ стиховъ „Ночные Часы" (1911 г.) Блокъ дѣлаетъ попытку окончательно отказаться отъ широкихъ концепцій своей юношеской поэзіи. Онъ болѣе не ищетъ примиренія между двумя вѣчно враждующими началами бытія, но довольствуется болѣе скромной ролью поэта-наблюдателя, поэта-изобразителя. Въ новыхъ стихахъ Блока то „низкій дымъ стелется надъ овиномъ", то треплются „три истертыхъ шлеи", то стоитъ жандармъ на желѣзнодорожной платформѣ передъ раздавленной поѣздомъ женщиной; передъ нами то—модный литераторъ, „словъ кощунственныхъ творецъ", то—„трактирная стойка", „кабинетъ ресторана", „Елагинъ мостъ", „быстрый летъ санокъ", когда кто-то „легко заправляетъ медвѣжью полость на лету" и „лукавитъ, тонкій станъ обвивъ", то—картины итальянскихъ городовъ: Равенны, Венеціи, Флоренціи... Въ этихъ стихахъ Блока есть много непосредственной наблюдательности, много свѣжихъ образовъ, настоящее проникновеніе въ человѣческую психологію. Здѣсь мы встрѣчаемъ тихіе стансы „на смерть младенца", стихи о „ярости послѣдней страсти", тягостныя признанія—

И стало все равно, какія
Лобзать уста, ласкать плеча,
Въ какія улицы глухія
Гнать удалого лихача,—

строгія наблюденія надъ кѣмъ-то съ заломленными руками, кого

Вся жизнь, ненужно изжитая,
Пытала, унижала, жгла...

Здѣсь же раздумія, посвященныя родинѣ, судьбамъ Россіи,—раздумія, къ которымъ Блокъ послѣднее время возвращается все чаще и чаще...

И едва ли не въ одномъ только стихотвореніи „Ночныхъ Часовъ" слышится скорбь объ утраченномъ прошломъ, въ тѣхъ стихахъ, гдѣ, описавъ свой „Знакомый Адъ", глядящій ему въ „пустыя очи", поэтъ восклицаетъ:

Гдѣ спутникъ мой? О, гдѣ ты, Беатриче?—
Иду одинъ, утративъ правый путь.

V.

Но остановиться на такомъ примиреніи Блоку все же не было суждено. Его новѣйшіе стихи, появляющіеся въ журналахъ, альманахахъ и газетахъ послѣ изданія „Ночныхъ Часовъ" (1912—1915 гг.), вновь говорятъ о томъ, какъ трагически сознаетъ поэтъ противорѣчія между своимъ настоящимъ и своимъ прошлымъ. Временно

Блокъ могъ принять скромный жребій—быть только поэтомъ, временно можетъ и теперь создавать такія прекрасныя строфы чистой поэзіи, какъ его послѣдніе „итальянскіе“ стихи (опять картины Венеціи, Флоренціи, Сіены и др.), но не въ силахъ окончательно заглушить въ себѣ воспоминанія о болѣе высокихъ мечтахъ юности. Темы „Земли въ снѣгу“ возрождаются въ новыхъ стихахъ Блока, но безъ того „упоенія гибелью“, которое ранѣе, какъ огненное зарево, застилало всѣ другія настроенія. Теперь—чувство чего-то лучшаго, роковымъ образомъ, невозвратно утраченнаго, выступаетъ въ стихахъ Блока во всей своей обнаженности, придавая имъ порою исключительную силу и глубину.

„Да, былъ я пророкомъ... Царемъ я не буду... Рабомъ я не стану... Но я человѣкъ...“—такъ опредѣляетъ самъ поэтъ пройденный имъ путь. Блокъ называетъ себя „падшимъ ангеломъ“, признается, что, „покинувъ стражу, къ ночи пошелъ во вражій станъ“, что „несбыточной мечты и на полжизни не хватило“, наконецъ, въ томъ,

Какъ тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшимъ...

Въ стихотвореніи, озаглавленномъ „Къ Музѣ“, Блокъ вспоминаетъ, что —

была роковая отрада
Въ попираньи завѣтныхъ святынь...

И для своей „души опустошенной“ поэтъ указываетъ одинъ исходъ,—хмельное забвенье:

Ахъ, не все ли мнѣ равно!
Вновь сдружусь съ кабацкой скрипкой,
Монотонной и пѣвучей!
Вновь я буду пить вино!

Можетъ быть, наибольшей силы этотъ паѳосъ „трагическаго отчаянья“ достигаетъ въ тѣхъ стихахъ, гдѣ поэтъ говоритъ не о самомъ себѣ, а хочетъ живописать жизнь такъ, какъ она ему теперь представляется. Въ двухъ стихотвореніяхъ „Totentanz“ Блокъ изображаетъ аптеку; въ первомъ нѣкій гость, добывъ у еврея-аптекаря пузырекъ съ надписью venena, суетъ его потомъ „изъ-подъ плаща двумъ женщинамъ безносымъ“; въ другомъ—поэтъ готовъ признать, что ничего въ мірѣ и не можетъ быть, кромѣ „безсмыслицы“ и „тусклости“:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свѣтъ.
Живи еще хоть четверть вѣка,
Все будетъ такъ. Исхода нѣтъ.
Умрешь,—начнешь опять съ начала...

Эта мысль завершается въ другомъ стихотвореніи, гдѣ говорится, что все въ мірѣ должно—

Какъ этотъ міръ, летѣть безцѣльно
Въ сіяющую ночь...

„Безцѣльность бытія“ это — противоположный полюсъ тѣхъ настроеній, которыя заставляли отрока „зажигать свѣчи“ и „беречь огонь кадильный“... Но самое страшное видитъ поэтъ даже не въ томъ, что съ „роковой отрадой“ были „попираемы завѣтныя святыни“, [illegible]лъ онъ, по его образному выраженію, „обожженъ языками преисподняго огня“ (при чемъ добавляетъ: „не таюсь я передъ вами“), а въ томъ, что и въ будущемъ можетъ предстоять только то же самое. Въ знаменательномъ восьмистишіи „Кольцо существованья тѣсно“ Блокъ говоритъ намъ, что предъ нимъ „въ грядущей мглѣ“ мерещится „все тотъ же жребій“:

Опять—любить Ее на небѣ
И измѣнять Ей на землѣ.

Попыткой „любить Ее на небѣ“ кажется намъ послѣдняя, романтическая драма Блока „Роза и Крестъ“. Драма проникнута мистическими настроеніями романтическаго средневѣковья. Героиня драмы, Алиса, любитъ какого-то невѣдомаго пѣвца, котораго никогда не видѣла, образъ котораго создала въ мечтахъ, и, какъ лейтмотивъ, нѣсколько разъ повторяется его напѣвъ:

Сердцу законъ непреложный —
Радость-Страданье одно!

Но это стремленіе „любить на небѣ“ и въ драмѣ кончается „измѣной на землѣ“. Увидя своего пѣвца, который оказался старымъ и некрасивымъ, Алиса измѣняетъ ему съ хорошенькимъ пажемъ Алискаиомъ.

VI.

Независимо отъ всѣхъ этихъ трагическихъ внутреннихъ переживаній Блокъ, во всѣ періоды своего творчества, оставался истиннымъ поэтомъ и подлиннымъ художникомъ. Смѣнялись настроенія, душа то полна была „дѣтской вѣры“, то казалась „опустошенной“, но художественное чувство торжествовало надо всѣмъ. Какъ для своихъ юношескихъ мистическихъ чаяній, такъ для стиховъ о страсти и о гибели; какъ для изображенія „Прекрасной Дамы“, а потомъ „Незнакомки“ и „Снѣжной Маски“, такъ и для объективныхъ картинъ ночной жизни Петербурга или красоты итальянскихъ городовъ,— Блокъ равно умѣлъ находить нужные ритмы и вѣрныя слова. И вмѣстѣ съ тѣмъ, при всемъ разнообразіи настроеній, воплощенныхъ въ его стихахъ, Блокъ умѣлъ сохранить вездѣ свой единый, особый стиль, который выдѣляетъ его изъ ряда другихъ поэтовъ, дѣлаетъ изъ него „maître'a“, основателя отдѣльной, „блоковской“ школы, нынѣ уже не малочисленной.

По техникѣ стиха, по пріемамъ творчества Блокъ—ученикъ Фета и Вл. Соловьева; если позднѣе Блокъ и подвергался вліянію

другихъ поэтовъ (въ томъ числѣ Пушкина), то оно уже не могло измѣнить сложившійся характеръ его стиха. Но, отправляясь отъ техники Фета, Блокъ уже въ своихъ раннихъ стихахъ претворялъ ее въ нѣчто свое, самостоятельное и до послѣдняго времени продолжаетъ развивать и совершенствовать свой стихъ. При этомъ творчество Блока всегда остается чисто-лирическимъ; онъ всегда выбираетъ выраженія и эпитеты не по объективнымъ признакамъ предметовъ и явленій, но согласно съ своимъ субъективнымъ отношеніемъ къ нимъ. Въ стихахъ Блока авторъ никогда не исчезаетъ за своими образами; личность поэта всегда передъ читателемъ.

Благодаря этому, не только юношескія стихотворенія Блока, но и его позднѣйшія созданія требуютъ отъ читателя большого напряженія вниманія. Должно досказывать недоговоренное, возстанавливать связь между образами, явную для поэта, но не всегда выраженную, а главное, каждое отдѣльное стихотвореніе—принимать какъ одну главу изъ длиннаго ряда другихъ, дополняющихъ и объясняющихъ ее. Такъ, напримѣръ, только тому, кто сжился съ поэзіей Блока въ ея цѣломъ, становится вполнѣ понятно такое его стихотвореніе:

Ты одѣнешь меня въ серебро.
И, когда я умру,
Выйдетъ мѣсяцъ, небесный Пьеро,
Встанетъ красный паяцъ на юру.
Мертвый мѣсяцъ безпомощно нѣмъ...
Никому ничего не открылъ.
Только спроситъ подругу—зачѣмъ
Я когда-то ее полюбилъ.
Въ этотъ яростный сонъ наяву
Опрокинусь я мертвымъ лицомъ.
И паяцъ испугаетъ сову,
Загремѣвъ подъ горой бубенцомъ...
Знаю, сморщенный ликъ его старъ
И безстыденъ въ земной наготѣ.
Но зловѣщій исходитъ угаръ—
Къ небесамъ—къ высотѣ—къ чистотѣ.

Съ этимъ же связана наклонность Блока не называть въ стихахъ дѣйствующихъ лицъ; онъ охотно ставитъ одни глаголы: „поднимались изъ тьмы погребовъ“, „выходили“, „смѣялись“, предоставляя читателю угадать, кто поднимался, кто выходилъ, кто смѣялся.

Почти всегда стихъ Блока музыкаленъ. Онъ умѣетъ находить напѣвность въ самомъ сочетаніи звуковъ (напр.: „По вечерамъ надъ ресторанами“) и даже нѣсколько чуждается полной точности размѣра. У Блока, напримѣръ, не рѣдкость—лишняя стопа въ отдѣльномъ стихѣ. Никто по-русски такъ удачно не писалъ сочетаніями двухъ трехсложныхъ стопъ, какъ Блокъ (стихъ, обычный въ „Книгѣ Пѣсенъ“ Гейне). Чаще, чѣмъ другіе новые поэты, Блокъ отказывается отъ однообразныхъ четверостишій и даетъ свои произвольныя, не-строфическія сочетанія стиховъ, чередуя строки длинныя и

короткія, умѣя безошибочно находить соотвѣтствующій метръ для выраженія того или иного чувства. Вмѣстѣ съ тѣмъ есть въ стихѣ Блока невыразимое своеобразіе, дающее этому стиху самостоятельное мѣсто въ русской литературѣ.

Столь же свободно относится Блокъ къ риомѣ. Часто онъ сознательно замѣняетъ ее аллитераціей (гибели—вывели, прорубью—поступью) или созвучіемъ неравносложныхъ окончаній (изламывающій—падающій, осиѣженный—безнадежный). Нерѣдко Блокъ риомуетъ слова, которыя, строго говоря, не могутъ считаться риомами (смерть—смерчь, свергни—черни, вѣеръ—сѣверъ, пепелъ—свѣтилъ, кроясь—прорѣзь). Большое чутье къ музыкѣ словъ и тонкій вкусъ поэта позволяютъ Блоку выходить побѣдителемъ изъ этихъ опасныхъ опытовъ. Притомъ ничего показного, ничего разсчитаннаго на эффектъ нѣтъ въ этихъ вольностяхъ Блока. Онъ любитъ и умѣетъ скрывать свою смѣлость, такъ что она становится видна только внимательному наблюдателю.

Среди современныхъ поэтовъ Блокъ занимаетъ вполнѣ опредѣленное положеніе. Онъ не повторяетъ чужихъ темъ, но съ безстрашной искренностью черпаетъ содержаніе своихъ стиховъ изъ глубины своей души. Это придаетъ его поэзіи особую свѣжесть, дѣлаетъ всѣ его стихи жизненными, позволяетъ поэту постоянно открывать новые и новые источники вдохновенія. Блокъ какъ-то сразу создалъ свой стиль, во многомъ самобытный, но не замкнулся въ немъ и въ каждой своей новой книгѣ ищетъ новыхъ путей для своего творчества. Большой мастеръ стиха, хотя и не стремящійся во что бы то ни стало къ новымъ формамъ, онъ во всѣхъ своихъ созданіяхъ остается красивымъ и завлекательнымъ. Его стихи какъ бы просятъ музыки, и, дѣйствительно, многіе его стихотворенія были положены композиторами на музыку. Интимная поэзія Блока никого не можетъ оттолкнуть отъ себя съ перваго взгляда, но для своего настоящаго пониманія требуетъ вдумчивости и вниманія. Надо войти въ кругъ переживаній поэта, чтобы полно воспринять ихъ; надо вчитаться въ его стихи, чтобы вполнѣ оцѣнить ихъ оригинальность и красоту.

И. Бунинъ

Автобіографическая замѣтка.

Просьбу дать для „Русской литературы XX вѣка“ свѣдѣнія о моей жизни и литературной дѣятельности могу въ настоящее время исполнить только частично — кратко сообщить только кое-что.

Я родился 10 октября 1870 г. Отца моего звали Алексѣемъ Николаевичемъ, мать—Людмилой Александровной (въ дѣвичествѣ Чубаровой).

О родѣ Буниныхъ я кое-что знаю. Родъ этотъ далъ замѣчательную женщину начала прошлаго вѣка, поэтессу А. П. Бунину, и поэта В. А. Жуковскаго (незаконнаго сына А. И. Бунина); въ нѣкоторомъ родствѣ мы съ бр. Кирѣевскими, Гротами, Юшковыми, Воейковыми, Булгаковыми, Соймоновыми; о началѣ нашемъ въ „Гербовникѣ дворянскихъ родовъ“ сказано, между прочимъ, слѣдующее: „Родъ Буниныхъ происходитъ отъ Сімеона Бунковскаго, мужа знатнаго, выѣхавшаго въ XV в. изъ Польши къ Великому Князю Василію Васильевичу. Правнукъ его Александръ Лаврентьевъ сынъ Бунинъ служилъ по Владиміру и убитъ подъ Казанью. Стольникъ Козма Леонтьевъ Бунинъ жалованъ за службу и храбрость на помѣстья Грамотой. Равнымъ образомъ и другіе многіе Буниныя служили воеводами и въ иныхъ чинахъ и владѣли деревнями. Все сіе доказывается бумагами Воронежскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія о внесеніи рода Буниныхъ въ родословную книгу въ VI часть, въ число древняго дворянства“...

Родъ (тоже древне-дворянскій) Чубаровыхъ мнѣ почти невѣдомъ. Знаю только, что Чубаровы — дворяне Костромской, Московской, Орловской и Тамбовской губерній, и что были у дѣда и у отца матери имѣнія въ Орловскомъ и Трубчевскомъ уѣздахъ. Да и сами Чубаровы знали о себѣ, вѣроятно, не больше: съ полнымъ пренебреженіемъ къ сохраненію свидѣтельствъ о родовыхъ связяхъ жили наши дворяне. Я же чуть не съ отрочества былъ „вольнодумецъ“, вполнѣ равнодушный не только къ своей голубой крови, но и къ полной утратѣ всего того, что было связано съ нею: исключительно поэтическими были мои юношескія, да и позднѣйшія „дворянскія элегіи“, которыхъ, кстати сказать, у меня гораздо меньше, чѣмъ видѣли нѣкоторые мои критики, часто находившіе черты личной

жизни и личныхъ чувствъ даже въ тѣхъ моихъ писаніяхъ, гдѣ почти и слѣда нѣтъ ихъ, и вообще многое навязавшіе мнѣ.

Прадѣдъ мой по отцу былъ богатъ. У дѣда была земля въ Орловской губерніи (въ Елецкомъ уѣздѣ), въ Тамбовской и Воронежской, но, кажется, понемногу. Дѣда братья его обдѣлили. Онъ былъ не совсѣмъ нормальный, „тронувшійся“ человѣкъ. Наслѣдство осталось отъ него не Богъ вѣсть какое, отецъ же и того не пощадилъ. Безпеченъ и расточителенъ онъ былъ необыкновенно. А Крымская кампанія, въ которой онъ участвовалъ „охотникомъ“, какъ тогда выражались, и переѣздъ въ семидесятомъ году въ Воронежъ для воспитанія дѣтей, моихъ старшихъ братьевъ Юлія и Евгенія, способствовали нашему разоренію особенно. Въ Воронежѣ-то и родился я. Тамъ прошли первые три года моей жизни. (Очень слабо, но все-таки помню кое-что изъ того времени). Но расти въ городѣ мнѣ не пришлось. Страсть къ клубу, къ вину и картамъ заставила отца черезъ три съ половиной года возвратиться въ Елецкій уѣздъ, гдѣ онъ поселился на своемъ хуторѣ Бутырки. Тутъ, въ глубочайшей полевой тишинѣ, лѣтомъ среди хлѣбовъ, подступавшихъ къ самымъ нашимъ порогамъ, а зимой среди сугробовъ, и прошло все мое дѣтство, полное поэзіи печальной и своеобразной.

Отецъ, человѣкъ необыкновенно сильный и здоровый физически, былъ до самаго конца своей долгой жизни и духомъ почти столь же здоровъ и бодръ. Уныніе овладѣвало имъ въ самыхъ тяжелыхъ положеніяхъ на минуту, гнѣвъ — онъ былъ очень вспыльчивъ — и того меньше. До тридцати лѣтъ, до похода въ Крымъ онъ не зналъ вкуса вина. Затѣмъ сталъ пить и пилъ временами ужасно, хотя не имѣлъ, кажется, ни одной типической черты алкоголика, совсѣмъ не пилъ иногда по нѣскольку лѣтъ (я рожденъ какъ разъ въ одинъ изъ такихъ свѣтлыхъ промежутковъ) и не соединялъ съ этой страстью никакихъ другихъ дурныхъ страстей. Учился онъ недолго (въ Орловской гимназіи), ученья терпѣть не могъ, но читалъ все, что попадало подъ руку, съ большой охотой. Умъ его, живой и образный, — онъ и говорилъ всегда удивительно энергическимъ и картиннымъ языкомъ, — не переносилъ логики, характеръ — порывистый, рѣшительный, открытый и великодушный — преградъ. Все его существо было столь естественно и наивно пропитано ощущеніемъ своего барскаго происхожденія, что я не представляю себѣ круга, въ которомъ онъ смутился бы. Но даже его крѣпостные говорили, что „во всемъ свѣтѣ нѣтъ проще и добрѣй“ его. То, что было у матери, онъ тоже прожилъ, частью даже раздарилъ, ибо у него была какая-то неутолимая жажда раздавать. Постоянная охота, постоянная жизнь на воздухѣ много помогли тому, что этотъ хорошій, интересный и по натурѣ даровитый человѣкъ умеръ восьмидесяти лѣтъ легко и спокойно.

Мать ни въ чемъ не походила на него, кромѣ развѣ доброты и здоровья, въ силу котораго она прожила тоже долго, несмотря

на всѣ горести своей жизни, на астму, изнурявшую ее въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, и на тяжкій постъ, который она, по своей горячей религіозности, возложила на себя и съ рѣдкой стойкостью переносила лѣтъ двадцать пять, вплоть до самой кончины. Отецъ ея тоже пилъ, но по-иному, культурнѣе, если можно такъ выразиться; послуживъ въ военной службѣ, побывавъ за границей, поживъ въ Варшавѣ, онъ вообще выдѣлялся среди помѣщиковъ, и воспитана была Людмила Александровна тоньше, чѣмъ Алексѣй Николаевичъ. Характеръ у нея былъ нѣжный, — что не исключало большой твердости при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ,— самоотверженный, склонный къ грустнымъ предчувствіямъ, къ слезамъ и печали. Преданность ея семьѣ, дѣтямъ, которыхъ у нея было девять человѣкъ, и изъ которыхъ она пятерыхъ потеряла, была изумительна, разлука съ ними—невыносима. Въ пору же моего дѣтства старшіе мои братья были вдали отъ нея, отецъ все отлучался въ тамбовское имѣніе, пропадалъ на охотѣ, жилъ не по средствамъ, и, значитъ, не мало было и существенныхъ поводовъ для ея слезъ.

Неизмѣнная бодрость отца и вообще нѣкоторыя его черты стали дѣйствовать на меня, въ противовѣсъ ея вліянію, и сказываться во мнѣ наслѣдственно лишь позднѣе. Рѣдко, повторяю, и бывалъ онъ съ нами. А „дворня“ наша невелика была, съ сосѣдями и родственниками мы въ ту пору видѣлись мало, сверстниковъ я не имѣлъ, — сестра Маша была еще совсѣмъ ребенокъ,— игрушекъ, развлеченій и склонности къ нимъ — тоже, впечатлителенъ былъ чрезвычайно. Все, помню, дѣйствовало на меня—новое лицо, какое-нибудь событіе, пѣсня въ полѣ, разсказъ странника, таинственныя лощины за хуторомъ, легенда о какомъ-то бѣгломъ солдатѣ, едва живомъ отъ страха и голода и скрывавшемся въ нашихъ хлѣбахъ, воронъ, все прилетавшій къ намъ на ограду и поразившій мое воображеніе особенно тѣмъ, что жилъ онъ, какъ сказала мнѣ мать, еще, можетъ, при Иванѣ Грозномъ, предвечернее солнце въ тѣхъ комнатахъ, что глядѣли за вишневый садъ на западъ... Мать и дворовые любили разсказывать,—отъ нихъ я много наслушался и пѣсенъ, и разсказовъ, слышалъ, между прочимъ, „Аленькій цвѣточекъ“, „О трехъ старцахъ“, — то, что потомъ читалъ. Имъ же я обязанъ и первыми познаніями въ языкѣ, — нашемъ богатѣйшемъ языкѣ, въ которомъ, благодаря географическимъ и историческимъ условіямъ, слилось и претворилось столько нарѣчій и говоровъ чуть не со всѣхъ концовъ Руси.

Лѣтъ съ семи началась для меня жизнь, тѣсно связанная въ моихъ воспоминаніяхъ съ полемъ, съ мужицкими избами, а потомъ и съ ними и съ моимъ воспитателемъ. Чуть не все свободное отъ ученія время я, вплоть до поступленія въ гимназію, да и пріѣзжая изъ гимназіи на каникулы, провелъ въ ближайшихъ отъ Бутырокъ деревушкахъ, у нашихъ бывшихъ крѣпостныхъ и у однодворцевъ. Явились друзья, и порой я по цѣлымъ днямъ стерегъ съ ними въ

полѣ скотину... А воспитателемъ моимъ былъ престранный человѣкъ — сынъ предводителя дворянства, учившійся въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, одно время бывшій преподавателемъ въ Осташковѣ, Тамбовѣ и Кирсановѣ, но затѣмъ спившійся, порвавшій всѣ связи родственныя и общественныя и превратившійся въ скитальца по деревнямъ и усадьбамъ. Онъ неожиданно привязался ко всѣмъ намъ, а ко мнѣ особенно, и этой привязанностью и своими безконечными разсказами,—онъ не мало наглядѣлся, бродя по свѣту, и былъ довольно начитанъ, владѣя тремя языками, — вызвалъ и во мнѣ горячую любовь къ себѣ. Онъ мгновенно выучилъ меня читать (по „Одиссеѣ" Гомера), распалялъ мое воображеніе, разсказывая то о медвѣжьихъ осташковскихъ лѣсахъ, то о Донъ-Кихотѣ, — и я положительно бредилъ рыцарствомъ!—поминутно будилъ мою мысль своими оригинальными, порой даже не совсѣмъ понятными мнѣ разговорами о жизни, о людяхъ. Онъ игралъ на скрипкѣ, рисовалъ акварелью, а съ нимъ вмѣстѣ иногда по цѣлымъ днямъ не разгибался и я, до тошноты насасываясь съ кисточки водой, смѣшанной съ красками, и на всю жизнь запомнилъ то несказанное счастье, которое принесъ мнѣ первый коробокъ этихъ красокъ: на мечтѣ стать художникомъ, на разглядываніи неба, земли, освѣщенія у меня было довольно долгое помѣшательство. Онъ писалъ стихи, — сатирическія вирши на злобы дня,—и вотъ написалъ стихотвореніе и я, но совсѣмъ не злободневное, а о какихъ-то духахъ въ горной долинѣ, въ лунную полночь. Мнѣ было тогда лѣтъ восемь, но я до сихъ поръ такъ ясно помню эту долину, точно вчера видѣлъ ее наяву. Вообще я много представлялъ себѣ тогда чрезвычайно живо и точно.

Училъ меня мой воспитатель, однако, очень плохо, чему попало и какъ попало. Изъ языковъ онъ больше всего налегалъ почему-то на латынь, и немало тяжкихъ дней провелъ я въ зубрежкѣ латинской грамматики.

Года за два до поступленія въ гимназію (поступилъ я туда на одиннадцатомъ году) я испыталъ еще одну страсть — къ житіямъ святыхъ, и началъ поститься, молиться... Страсть эта, вначалѣ сладостная, превратилась затѣмъ, благодаря смерти моей маленькой сестры Нади, въ мучительную, въ тоску, длившуюся цѣлую зиму, въ постоянную мысль о томъ, что за гробомъ. Излѣчила меня, помню, весна. Отзвукомъ этого осталось то упоеніе, съ какимъ отдавался я иногда печали всенощныхъ бдѣній въ слецкихъ церквахъ, куда водило насъ, гимназистовъ, наше начальство, хотя вообще церковныхъ службъ я не любилъ. (Теперь люблю—въ древнихъ русскихъ церквахъ и иновѣрческія, т. е. католическія, мусульманскія, буддійскія,—хотя никакой ортодоксальной вѣры не держусь).

Гимназія и жизнь въ Ельцѣ оставили мнѣ впечатлѣнія далеко не радостныя,—извѣстно, что такое русская, да еще уѣздная гимназія, и что такое уѣздный русскій городъ! Рѣзокъ былъ и переходъ

отъ совершенно свободной жизни, отъ заботъ матери къ жизни въ городѣ, къ нелѣпымъ строгостямъ въ гимназіи и къ тяжкому быту тѣхъ мѣщанскихъ и купеческихъ домовъ, гдѣ мнѣ пришлось жить нахлѣбникомъ. Учился я сперва хорошо, воспринималъ почти все легко, потомъ хуже: новая жизнь сдѣлала то, что я сталъ хворать, таять, сталъ чрезмѣрно нервенъ, да еще на бѣду влюбился, а влюбленность моя въ ту пору, какъ, впрочемъ, и позднѣе, въ молодости, была хотя и чужда нечистыхъ помысл[illegible]о восторженна. Дѣло кончилось тѣмъ, что я вышелъ изъ гимназ...

Читалъ я въ дѣтствѣ мало и не скажу, чтобы ужъ такъ жаждалъ книгъ, но, вѣроятно, прочиталъ почти все, что было у насъ въ домѣ и что еще не пошло на цигарки тѣмъ приживальщикамъ, прежнимъ слугамъ-друзьямъ отца, что иногда гостили у насъ, и до сихъ поръ еще помню, какъ читалъ я „Англійскихъ поэтовъ“ Гербеля, „Робинзона“, затасканный томъ „Живописнаго Обозрѣнія“, кажется, за 1878 г., чью-то книгу съ картинками подъ заглавіемъ „Земля и люди“... Суть того чувства, что вызывали во мнѣ эти книги, и до сихъ поръ жива во мнѣ, но ее трудно выразить. Главное заключалось въ томъ, что я видѣлъ то, что читалъ,—впослѣдствіи даже слишкомъ остро,—и это давало какое-то особое наслажденіе.

Въ гимназіи много изъ того, что обычно читается въ такіе годы, мнѣ совсѣмъ не нравилось. (Изъ того, что произвело на меня въ первые гимназическіе годы особенно поэтическое и восторженное впечатлѣніе, вспоминается сейчасъ „Колоколъ“ Андерсена.) И стиховъ въ гимназіи я почти не писалъ, хотя до чужихъ былъ жаденъ и отличался способностью запоминать наизусть чуть не цѣлую страницу даже гекзаметра, только разъ пробѣжавъ ее. (Память у меня вообще хорошая,—то, что интересуетъ, запоминаю крѣпко, но насилія не терпитъ: убѣдился въ этомъ еще въ ранней молодости, когда, по гоголевской манерѣ, пытался упражняться въ наблюдательности).

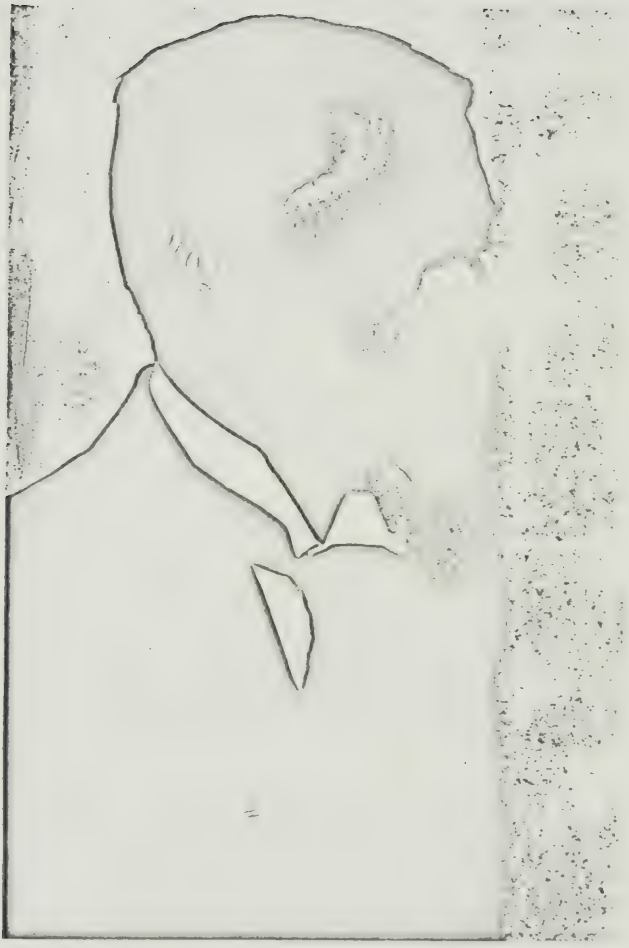
Зато необыкновенно много исписалъ я бумаги и прочелъ за тѣ четыре года, что прожилъ послѣ гимназіи въ слецкой деревнѣ Озеркахъ, въ имѣніи, перешедшемъ къ намъ отъ умершей бабки Чубаровой. Дома я снова быстро окрѣпъ, сразу возмужалъ, развился, исполнился радостнаго ощущенія все растущей молодости и силъ. Тутъ какъ разъ на цѣлыхъ три года выслали къ намъ брата Юлія, уже кончившаго университетъ и пробывшаго годъ въ тюрьмѣ по политическимъ дѣламъ, и онъ прошелъ со мной весь гимназическій курсъ, занимался со мной языками, читалъ мнѣ начатки психологіи, философіи, общественныхъ и естественныхъ наукъ; кромѣ того, мы безъ конца вели съ нимъ разговоры о литературѣ. И помню, что въ ту пору мнѣ все казалось очаровательно: и люди, и природа, и старинный съ цвѣтными окнами домъ бабки, и сосѣднія усадьбы, и охота, и книги, одинъ видъ которыхъ давалъ мнѣ почти физическое наслажденіе, и каждый цвѣтъ, каждый запахъ...

Писалъ я въ отрочествѣ сперва легко, такъ какъ подражалъ то одному, то другому,—больше всего Лермонтову, отчасти Пушкину, которому подражалъ даже въ почеркѣ, потомъ, въ силу потребности высказать уже кое-что свое,—чаще всего любовное,—труднѣе. Читалъ я тогда что попало: и старые и новые журналы, и Лермонтова, и Жуковскаго, и Шиллера, и Веневитинова, и Тургенева, и Маколея, и Шекспира, и Бѣлинскаго... Потомъ пришла настоящая любовь къ Пушкину, но на ряду съ этимъ увлеченіе, хотя и недолгое, Надсономъ, чему, впрочемъ, много способствовала его смерть. Вообще о писателяхъ я съ дѣтства, да и впослѣдствіи довольно долго, мыслилъ какъ о существахъ высшаго порядка. (Помню, какъ поразилъ меня разсказъ моего воспитателя о Гоголѣ,—онъ однажды видѣлъ его,—вскорѣ послѣ того, какъ я впервые прочелъ „Страшную месть", самый ритмъ которой всегда волновалъ меня необыкновенно). Самому мнѣ, кажется, и въ голову не приходило быть меньше Пушкина, Лермонтова,—благо лермонтовское Кропотово было въ двадцати пяти верстахъ отъ насъ, да и вообще чуть не всѣ большіе писатели родились по близости,—и не отъ самомнѣнія, а просто въ силу какого-то ощущенія, что иначе и быть не можетъ. Но это не исключало страстнаго интереса вообще къ писателямъ, даже къ такимъ, какимъ былъ, напримѣръ, нѣкто Назаровъ. Озерскій кабатчикъ какъ-то сказалъ мнѣ, что въ Ельцѣ появился „авторъ". И я тотчасъ же поѣхалъ въ Елецъ и съ восторгомъ познакомился въ базарномъ трактирѣ съ этимъ Назаровымъ, самоучкой-стихотворцемъ изъ мѣщанъ. Изъ новыхъ писателей мнѣ очень нравился тогда Гаршинъ (самоубійство котораго ужасно поразило меня). Нравился и Эртель, хотя я и тогда чувствовалъ его литературность, непростоту, копировку Тургенева, даже эту непріятную изысканность знаковъ препинанія, обиліе многоточій. Въ Чеховѣ (его юмористическихъ разсказовъ я тогда не зналъ) тоже кое-что задѣвало меня—то, что онъ писалъ бѣгло, жидко...

Въ апрѣлѣ 1887 г. я отправилъ въ петербургскій еженедѣльный журналъ „Родина" стихотвореніе, которое и появилось въ одномъ изъ майскихъ номеровъ. Утра, когда я шелъ съ этимъ номеромъ съ почты въ Озерки, рвалъ по лѣсамъ росистые ландыши и поминутно перечитывалъ свое произведеніе, никогда не забуду. Писалъ и читалъ я въ то лѣто особенно много, а чтобы ничто не мѣшало мнѣ въ этомъ и съ цѣлью „наблюденія таинственной ночной жизни", мѣсяца на два прекратилъ ночной сонъ, спалъ только днемъ.

Въ сентябрѣ 1888 г. мои стихи появились въ „Книжкахъ Недѣли" (издаваемой И. А. Гайдебуровымъ), гдѣ часто печатались вещи Щедрина, Глѣба Успенскаго, Л. Толстого, Полонскаго. Гайдебуровъ отнесся ко мнѣ крайне внимательно и запретилъ сотрудничать въ другихъ изданіяхъ,—взялъ меня подъ свое исключительное руководство.

Между тѣмъ благосостояніе наше, по милости отца, снова ухудшилось. Братъ Юлій переселился въ Харьковъ. Весной 1889 г.



Иванъ Алексѣевичъ Бунинъ.

отправился и я туда и попалъ въ кружки самыхъ завзятыхъ „радикаловъ", какъ выражались тогда, а поживъ въ Харьковѣ, побывалъ въ Крыму, о которомъ у меня еще въ дѣтствѣ составилось самое поэтическое представленіе, благодаря разсказамъ отца, и нашелъ, что ходить верстъ по сорокъ въ сутки, загорать отъ солнца и отъ морского вѣтра и быть очень легкимъ отъ голода и молодости — превосходно. Съ осени сталъ работать при „Орловскомъ Вѣстникѣ", то бросая работу и уѣзжая въ Озерки или Харьковъ, то опять возвращаясь къ ней, и былъ всѣмъ, чѣмъ придется,—и корректоромъ, и передовикомъ, и театральнымъ критикомъ, что, къ счастью, совсѣмъ не приставало ко мнѣ. Тутъ опять сразила меня, къ великому моему несчастью, долгая любовь.

Къ болѣе нормальной жизни, къ болѣе правильной работѣ литературной и образовательной я возвратился только черезъ два года, переселившись въ Полтаву, гдѣ братъ Юлій завѣдывалъ статистическимъ бюро губернскаго земства. Въ Полтавѣ я былъ библіотекаремъ земской управы, затѣмъ тоже статистикомъ, мно... корреспондировалъ въ газеты о земскихъ дѣлахъ; усердно учи... писалъ, ѣздилъ и ходилъ по Малороссіи,—служба у меня была ... кая и свободная, — затѣмъ, увлеченный толстовской проповѣд... сталъ навѣщать „братьевъ", жившихъ подъ Полтавой и въ Сумскомъ уѣздѣ, прилаживаться къ бондарному ремеслу, торговать изданіями „Посредника". Но самъ же Толстой, къ которому я ѣздилъ съ А. А. Волкенштейномъ, и созерцаніе котораго произвело на меня истинно потрясающее впечатлѣніе, и отклонилъ меня опрощаться до конца. (Какъ къ художнику, я относился къ нему и тогда уже съ не меньшимъ восторгомъ. Но къ этому же времени относится и мое увлеченіе Флоберомъ, а на ряду съ этимъ —„Словомъ о полку Игоревѣ", малорусскими „думами",—тѣми, что наиболѣе величавы и торжественны,—нѣкоторыми вещами Мицкевича, особенно его крымскими сонетами, балладами, страницами изъ „Пана Тадеуша": ради Мицкевича я даже учился по-польски).

За работой при „Орловскомъ Вѣстникѣ" я писалъ урывками, печатаясь въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ", „Наблюдателѣ" и иллюстрированныхъ журналахъ, и издалъ первую книжку стиховъ, чисто юношескихъ, не въ мѣру интимныхъ. Первая рецензія на нее появилась въ „Артистѣ" и заключала въ себѣ странный упрекъ въ подражаніи Фету и совѣтъ заняться лучше прозой. Остальные отзывы были весьма сочувственны. Въ Полтавѣ я впервые приступилъ болѣе или менѣе серьезно къ беллетристикѣ, и первый же разсказъ (безъ заглавія) послалъ въ „Русское Богатство", руководимое тогда Кривенко и Михайловскимъ. Михайловскій написалъ, что изъ меня выйдетъ „большой писатель", и разсказъ, подъ чьимъ-то заглавіемъ — „Деревенскій эскизъ",—былъ напечатанъ въ апрѣлѣ 1894 г. Въ то же время рѣдкое участіе принялъ во мнѣ А. М. Жемчужниковъ, вступившій со мной въ переписку и прово-

дившій меня въ „Вѣстникѣ Европы“: самъ Стасюлевичъ былъ чересчуръ строгъ и порой несправедливъ. (Вотъ пустякъ, но характерный. Было у меня въ стихотвореніи: „Ржи наливаютъ и цвѣтутъ“. Стасюлевичъ изумился: „Кого наливаютъ?“— и написалъ „наливаются“. Жемчужниковъ горячо вступился за меня.)

Въ январѣ 1895 г., бросивъ службу, я впервые попалъ въ Петербургъ, видѣлъ нѣкоторыхъ писателей, Михайловскаго, Кривенко, который отнесся ко мнѣ съ истинно-отеческой нѣжностью. Въ этомъ же году я познакомился въ Москвѣ съ Чеховымъ, съ Бальмонтомъ, съ Эртелемъ, съ Брюсовымъ, тогда еще студентомъ. Позднѣе я мелькомъ видалъ Коневскаго и Добролюбова. Они произвели на меня впечатлѣніе больныхъ мальчиковъ съ полнымъ сумбуромъ въ головѣ и въ душѣ, благодаря и болѣзненности своей и кое-чему прочитанному. Видалъ я и нѣкоего поэта, славившагося тогда по Москвѣ своей книжкой, посвященной „самому себѣ и египетской царицѣ Клеопатрѣ“, ·· тѣмъ, что онъ ходилъ, какъ говорили, въ папахѣ, въ буркѣ, въ · ·ижнемъ бѣльѣ, привязывалъ себѣ къ пальцамъ когти и производилъ ·ревороты въ стихотворной формѣ. Онъ, впрочемъ, раньше другихъ ·осилъ всѣ эти „дерзанія“ и „переоцѣнки цѣнностей“ и, увы, не ·палъ въ исторію „новой русской литературы“, хотя именно ему долго приписывали многіе всѣ эти „закрой свои блѣдныя ноги“ и т. п.

Въ октябрѣ 1895 г. въ „Новомъ Словѣ“, которое редактировалъ Кривенко, разошедшійся съ „Русскимъ Богатствомъ“, а издавала О. Н. Попова, появился мой разсказъ „На край свѣта“, встрѣченный очень хорошо (особенно Скабичевскимъ, слову котораго придавали тогда большой вѣсъ). Слѣдующей осенью я съ удовольствіемъ согласился на предложеніе Поповой издать свои разсказы. Вышли они въ свѣтъ (въ январѣ 1897 г.) среди почти единодушныхъ похвалъ. Но тутъ я внезапно надолго исчезъ изъ Петербурга, да не только исчезъ, а и замолчалъ на нѣсколько лѣтъ. Два года затѣмъ я жилъ особенно скитальчески и разнообразно,—то въ Орловской губерніи, то въ Малороссіи, снова былъ въ Крыму, бывалъ въ Москвѣ, все чаще встрѣчался и со старыми и съ молодыми писателями, посѣщалъ „Посредникъ“, куда захаживалъ Толстой... Самъ чувствуя свой ростъ и въ силу многихъ душевныхъ переломовъ, уничтожалъ я тогда то немногое, что писалъ прозой, безпощадно; изъ стиховъ кое-что (то, что было менѣе интимно, преимущественно картины природы) печаталъ; довольно много переводилъ—чужое было легче передавать.

Съ этой поры собственно и начинается моя болѣе или менѣе зрѣлая жизнь, сложная и внутренне и внѣшне и столь еще близкая мнѣ, что говорить о ней подробно — задача долгая и трудная. Поэтому кончу эти бѣглыя замѣтки еще болѣе бѣгло.

Въ 1898 г. я женился на А. Н. Цакни, гречанкѣ, дочери извѣстнаго революціонера и эмигранта Н. П. Цакни. Женившись, года полтора прожилъ въ Одессѣ (гдѣ сблизился съ кружкомъ южно-русскихъ художниковъ). Затѣмъ разошелся съ женой и установилъ въ

[illegible] скитаніяхъ, уже не мѣшавшихъ мнѣ работать въ извѣстной [illegible]вильно, нѣкоторый порядокъ: зимой столицы и деревня, [illegible] поѣздка за границу, весной югъ Россіи, лѣтомъ преимущественно деревня. За это время я былъ, между прочимъ, ближайшимъ участникомъ извѣстнаго литературнаго кружка „Среда“, душой котораго былъ Н. Д. Телешовъ, а постоянными посѣтителями—Горькій, Андреевъ, Купринъ и т. д. Революція, прокатившаяся надъ всѣми нами, надолго разсѣяла этотъ кружокъ. Съ 1907 г. жизнь со мной дѣлитъ В. Н. Муромцева. Съ этихъ поръ жажда странствовать и работать овладѣла мною съ особенной силой. За послѣднія восемь лѣтъ я написалъ двѣ трети всего изданнаго мною. Видѣлъ же за эти годы особенно много. Неизмѣнно проводя лѣто въ деревнѣ, мы почти все остальное время отдали чужимъ краямъ. Я не разъ бывалъ въ Турціи, по берегамъ Малой Азіи, въ Греціи, въ Египтѣ вплоть до Нубіи, странствовалъ по Сиріи, Палестинѣ, былъ въ Оранѣ, Алжирѣ, Константинѣ, Тунисѣ и на окраинахъ Сахары, плавалъ на Цейлонъ, изъѣздилъ почти всю Европу, особенно Сицилію и Италію (гдѣ три послѣднихъ зимы мы провели на Капри), былъ въ нѣкоторыхъ городахъ Румыніи, Сербіи—и, говоря словами Боратынскаго, отовсюду — „къ вамъ приходилъ, родныя степи, моя начальная любовь“—и снова „по̀ свѣту бродилъ и наблюдалъ людское племя...“.

Что же до литературной моей дѣятельности за эти годы, то ходъ и развитіе ея извѣстны. Въ концѣ 1898 г. вышелъ мой переводъ „Пѣсни о Гайаватѣ“, давшій поводъ нѣкоторымъ моимъ критикамъ, при ихъ обычной поспѣшности сужденій и любви (или необходимости), повторять другъ друга, записать меня въ число идилликовъ и какихъ-то „созерцателей“. Въ 1900 г. издалъ первую книгу моихъ стиховъ „Скорпіонъ“, съ которымъ я, однако, очень скоро разошелся, не возымѣвъ никакой охоты играть съ моими новыми сотоварищами въ аргонавтовъ, въ демоновъ, въ маговъ и нести высокопарный вздоръ, хотя нѣкоторые критики уже заговорили было о моемъ „увлеченіи декадентами“ и усердно цитировали мой сонетъ „Въ Альпахъ“, мысль котораго, въ сущности, была совсѣмъ не нова, — подобна мысли того самаго сонета Пушкина, гдѣ сказано: „услышишь судъ глупца“,—межъ тѣмъ какъ другіе одобряли меня за то, что я держусь какихъ-то „завѣтовъ“, „традицій“, хотя любить талантъ, самостоятельность, умъ, вкусъ вовсе не значитъ держаться какихъ-то традицій. Въ 1902 г. „Знаніе“, ближайшимъ сотрудникомъ котораго я былъ послѣ этого почти все время его дѣятельнаго существованія, издало первый томъ моихъ сочиненій. Какія книги слѣдовали за этими тремя, говорить нѣтъ нужды. Извѣстно также, что отъ Академіи Наукъ я получалъ пушкинскія преміи, что въ 1909 г. я былъ избранъ ею въ число почетныхъ академиковъ, въ 1912 г.—почетнымъ членомъ Общества любителей россійской словесности, коего я состою теперь временнымъ предсѣдателемъ, и т. д. Добавлю еще, что въ текущемъ году к-во Маркса

выпускаетъ приложеніемъ къ „Нивѣ“ редактированное мною собраніе моихъ сочиненій, куда входитъ все, что я считаю болѣе или менѣе достойнымъ печати.

Въ общемъ жизненный путь мой былъ довольно необыченъ, и о немъ и вообще обо мнѣ долго существовало довольно превратное представленіе. Взять хотя бы первое десятилѣтіе моей литературной дѣятельности: большинство тѣхъ, что писали о моихъ первыхъ книгахъ, не только спѣшили уложить меня на какую-нибудь полочку, не только старались разъ навсегда установить размѣры моего дарованія, не замѣчая, что имъ же самимъ уже приходилось мѣнять свои приговоры, но характеризовали и мою натуру. И выходило такъ, что нѣтъ писателя болѣе тишайшаго („пѣвецъ осени, грусти, дворянскихъ гнѣздъ“ и т. п.) и человѣка, болѣе опредѣлившагося и умиротворенна[illegible], чѣмъ я. А между тѣмъ человѣкъ-то былъ я какъ разъ не тишайшій и очень далекій отъ какой бы ни было опредѣленности: напротивъ, во мнѣ было самое рѣзкое смѣшеніе и печали, и радости, и личныхъ чувствъ и страстнаго интереса къ жизни, и вообще стократъ сложнѣе и острѣе жилъ я, чѣмъ это выразилось въ томъ немногомъ, что я печаталъ тогда. Бросивъ черезъ нѣкоторое время прежнія клички, нѣкоторые изъ писавшихъ обо мнѣ обратились, какъ я уже говорилъ, къ діаметрально-противоположнымъ—сперва „декадентъ“, потомъ „парнасецъ“, „холодный мастеръ“,—въ то время какъ прочіе все еще твердили: „пѣвецъ осени, изящное дарованіе, прекрасный русскій языкъ, любовь къ природѣ, любовь къ человѣку... есть что-то тургеневское, есть что-то чеховское“ (хотя рѣшительно ничего чеховскаго у меня никогда не было). Впро[illegible]чемъ, въ литературѣ стоялъ тогда невѣроятный шумъ.

А второе десятилѣтіе моей литературной дѣятельности еще у всѣхъ въ памяти. Тутъ отношеніе ко мнѣ, какъ извѣстно, измѣнилось, во вниманіи ко мнѣ за это время недостатка не было. Отмѣчу только одинъ фактъ, уже не разъ, къ сожалѣнію, повторявшійся въ русской литературѣ, — то, какъ нѣкоторые отнеслись къ моей „Деревнѣ“, къ „Ночному разговору“, къ „Суходолу“. На первыхъ порахъ чего только, на ряду съ похвалами моему художеству, не наслушался я! Иные унижались даже до того, что говорили, что я былъ просто испуганъ революціей, какъ помѣщикъ (каковымъ на самомъ дѣлѣ я отроду не былъ), корили меня моимъ происхожденіемъ,—точно я былъ первый и единственный „дворянинъ“ въ русской литературѣ, — увѣряли, что я для деревни только „пришлый интеллигентъ“, приплетали не кстати мои „поѣздки въ Индію“, хотя поѣздки эти могли принести мнѣ, конечно, только пользу, ибо справедливо сказалъ Шекспиръ, что „не далеко ушла отъ глупости домосѣдная мудрость“. По шаблону, въ угоду традиціямъ и благодаря круглому незнанію жизни, нѣкоторые неизмѣнно прибавляли, говоря о моихъ произведеніяхъ, касавшихся русскаго народа: „а все-таки это не такъ“, и, никогда не приводя никакихъ доказа-

тельствъ, отдѣлывались фразами о „искрахъ Божьихъ", „отрадными" частностями, ссылками на Достоевскаго, Тютчева или Глѣба Успенскаго и Чехова, хотя этихъ „искръ" я никогда не отрицалъ, хотя не о частностяхъ, а объ общемъ, типическомъ говорилъ я, хотя Достоевскій и Тютчевъ для меня ничуть не обязательны, хотя Успенскаго тоже упрекали въ „хмуромъ и желчномъ пессимизмѣ" и „полномъ незнаніи народа", хотя, укоряя меня Чеховымъ, почти слово въ слово повторяли то самое, что говорили Чехову, укоряя его предшественниками его. Все это, конечно, въ порядкѣ вещей. Судьба „Горя отъ ума" всѣмъ извѣстна. О „Мертвыхъ душахъ" и о „Ревизорѣ" въ одинъ голосъ кричали: „Это клевета, это невозможность". Гончарову, по свидѣтельству А. Ѳ. Кони, „пришлось выслушать, что онъ совершенно не понимаетъ и не знаетъ русскаго народа". „Преступленіе и наказаніе" Достоевскаго называли (и не гдѣ нибудь, а въ „Современникѣ") „клеветой на молодое поколѣніе", „дребеденью", „позорнымъ измышленіемъ", „произведеніемъ самымъ жалкимъ..." А вѣдь теперь дѣла стали еще хуже: литература наша изовралась невѣроятно, критика пала до нельзя, провалъ между народомъ и городомъ образовался огромный, о дворянахъ теперешній городской интеллигентъ знаетъ уже только по книжкамъ, о мужикахъ—по извозчикамъ и дворникамъ, о солдатахъ—только одно: „такъ что, ваше благородіе", говорить съ народомъ онъ не умѣетъ, изобразители сусальной Руси, сидя за старыми книжками и сочиняя какой-то никогда небывалый, утрированно-русскій и потому необыкновенно противный и неудобочитаемый языкъ, врутъ ему не су[illegible] вкусы его все понижаются... Но все же не разъ думалъ я: доко[illegible]акъ вотъ и будетъ писаться исторія? Не ужасно ли, что, покр[illegible]ь: „это клевета, это невозможность", мы всегда тѣмъ скорѣе успоканвались, что не проходило и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ то, что называлось „невозможностью", признавалось „классическимъ" и поступало уже въ полное вѣдѣніе учителей словесности?

За всѣмъ тѣмъ на критику серьезную жаловаться я и тогда не могъ.

Москва,
10 апрѣля 1915 г.

Ив. А. Бунинъ.

Ѳ. Д. Батюшкова.

Давая отчетъ о первомъ томикѣ стихотвореній И. А. Бунина, вышедшимъ въ 1901 г. и награжденномъ пушкинской преміей въ 1903 г., академическій рецензентъ, гр. Голенищевъ-Кутузовъ, уже самъ признанный въ ту пору „маститымъ поэтомъ“, между прочимъ, высказывалъ такое замѣчаніе: ...„Въ общемъ произведенія Бунина могутъ искателямъ „новизны“ въ искусствѣ служить доказательствомъ того, что истинное художество находитъ въ старыхъ, какъ міръ, и въ то же время вѣчно юныхъ образахъ природы и въ настроеніяхъ человѣческой души безконечное множество новыхъ подробностей, новыхъ оттѣнковъ красоты и можетъ выразить ихъ въ своеобразной формѣ, не прибѣгая къ искусственнымъ пріемамъ символизма, импрессіонизма и декадентства, словомъ, ко всему тому арсеналу литературнаго фокусничества, которымъ бездарность пытается подмѣнить истинныя непосредственность и вдохновеніе“. Рецензентъ дѣлалъ оговорку лишь относительно двухъ стихотвореній и двухъ-трехъ выраженій, въ которыхъ онъ усматривалъ отзвуки „декадентства“. Ихъ любопытно отмѣтить: „даль лиловыхъ деревень“, „небо мертвенно-свинцово“, „туманъ молочно-синій“... Врядъ ли теперь могли бы возбудить малѣйшее сомнѣніе эти красочныя впечатлѣнія, вполнѣ вѣрныя и передающія не условно-академическія описанія того, чѣмъ природа должна быть, а вполнѣ жизненныя и правдивыя воспріятія явленій природы въ нашемъ представленіи. Однако, независимо отъ оговорки, по поводу которой было бы излишне входить здѣсь въ болѣе подробный анализъ, интересно и въ общемъ справедливо сдѣлана оцѣнка главнаго свойства поэзіи Бунина за первые пятнадцать лѣтъ его литературной дѣятельности (онъ выступилъ впервые въ 1887 г.): Буниъ миновалъ періодъ исканія новыхъ формъ и новыхъ путей въ искусствѣ; онъ вѣрный послѣдователь традицій пушкинской эпохи; онъ новъ въ „подробностяхъ“ и въ „оттѣнкахъ“ красоты, въ своихъ настроеніяхъ, но въ пріемахъ слѣдуетъ установленнымъ и признаннымъ образцамъ и какъ-то сразу сталъ въ хорошемъ смыслѣ „академиченъ“. Правда, по поводу слѣдующей книжки стиховъ Бунина (стихотворенія 1903—6 гг.) другой академическій рецензентъ, поэтъ К. Р., высказалъ болѣе сдержанную оцѣнку и, признавая нѣкоторыя качества за образнымъ языкомъ Бунина, ставилъ ему въ упрекъ, что—„реализмъ (представляющійся отличи-

тельнымъ свойствомъ его пріемовъ творчества и какъ поэта) оказываетъ плохія услуги автору, доводя чуть ли не до цинизма" [1]). Съ этимъ нельзя согласиться, ибо какъ разъ стихотвореніе Бунина, которое приводится въ примѣръ такого „сдвига" („Одиночество"), прекрасно само по себѣ и одно изъ лучшихъ во всей серіи за послѣдніе годы: въ простыхъ и глубоко выразительныхъ чертахъ мастерски передана поэтомъ вся грусть одиночества послѣ ухода любимой женщины, которая на мигъ стала „казаться женой": она ушла; ея „слѣдъ подъ дождемъ у крыльца—расплылся, налился водой"... „для женщины прошлаго нѣтъ—разлюбила и сталъ ей чужой" и т. д. Рецензента смутило окончаніе:

Что-жъ! Каминъ затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.

Развѣ это цинизмъ? Тогда равно циниченъ и совѣтъ: „Не женися, молодецъ, слушайся меня—на тѣ деньги, молодецъ, ты купи коня..." Конь, собака—безсловесные, но вѣрные друзья человѣка, и въ минуты тоски, уныніи, разочарованія они могутъ служить символами отказа отъ человѣческихъ привязанностей вообще, въ виду непрочности и неустойчивости въ особенности женскаго сердца.

Болѣе справедливъ другой упрекъ, высказанный К. Р., что у Бунина есть стихотворенія непонятныя, какъ ребусы. Въ нихъ надо вдумываться и съ трудомъ добираешься до смысла. Эта черта позднѣйшая въ поэзіи Бунина и врядъ ли для него характерная: тутъ чуется какая-то нарочитость, желаніе озадачить, заинтриговать, сказалъ бы даже подлѣлаться подъ какой-то условный модернизмъ, если бы слово „поддѣлка", какая бы то ни была, не шла слишкомъ въ разрѣзъ со всѣмъ обликомъ Бунина-поэта, такого искренняго и простого въ его переживаніяхъ. Быть можетъ, эти непонятности, эти загадки въ стихахъ—результатъ чрезмѣрной заботы автора объ экономіи выразительныхъ средствъ, по девизу Некрасова, чтобы—„словамъ было тѣсно", но не всегда съ этой сжатостью формы сопряженъ просторъ мыслей. Быть можетъ, тутъ есть и вѣяніе моды на „непонятное". Такого рода стихотвореній наберется съ десятокъ, немногимъ болѣе. Приведу одно, изъ серіи произведеній 1907—1910 гг. У Бунина столько неоспоримыхъ качествъ въ его поэзіи, что можно безъ ущерба для его славы начать съ нѣкоторыхъ вопросовъ и недоумѣній. Стихотвореніе называется—„Богъ полдня".

Я черныхъ козъ пасла съ меньшой сестрой
Межъ красныхъ скалъ, колючихъ травъ и глины.
Заливъ былъ синь. И камни, грѣя спины,
На жаркомъ солнцѣ спали подъ горой.
Я прилегла въ сухую тѣнь маслины
Съ корявой серебристою корой -
И онъ сошелъ, какъ мухъ звенящій рой,
Какъ свѣтъ сквозной горячей паутины.

[1]) См. Сборникъ 2-го Отдѣла Императ. Академіи Наукъ, т. LXXXIX. 1912 г.

Онъ озарилъ мнѣ ноги. Обнажить
Ихъ до колѣнъ. На серебрѣ рубашки
Горѣлъ огнемъ. И навзничь положилъ.
Его объятья сладостны и тяжки.
Онъ мнѣ сосцы загаромъ окружилъ
И научилъ варить настой ромашки.

Эта неожиданная прозаическая деталь, послѣ красивой картинки, рѣжетъ слухъ. Да и при чемъ тутъ „настой ромашки?" Безъ комментарій абсолютно непонятно. Не беремся разгадать этотъ ребусъ, ни слѣдующіе въ стихотвореніяхъ: „Рыбачка", „Смерть", „Пустошь", „Христя" и др. Изъ болѣе раннихъ—„Неугасимая лампада", „Пугало", „Дикарь", нѣкоторые миѳологическіе сюжеты, предполагающіе извѣстными вѣрованія египтянъ, ассирійцевъ, индусовъ, мусульманъ и т. д. Бунинъ обладаетъ большой начитанностью, но стихотворныя переложенія миѳовъ могутъ интересовать лишь общей мыслью, вложенной въ доступные пониманію образы: одной причудливостью и экзотичностью именъ не создается поэтическое настроеніе. Впрочемъ, не во всѣхъ ссылкахъ правъ былъ и К. Р., называя „ребусами" и такія стихотворенія, смыслъ которыхъ вполнѣ ясенъ („Наслѣдство", „Рыбалка", „Кошка", „Дядька") при болѣе сосредоточенномъ чтеніи, и въ этихъ произведеніяхъ, наоборотъ, неясность очертаній сообщаетъ большую углубленность вчувствованія въ сюжетъ [1]). Какъ бы то ни было, въ поэзіи Бунина усматриваются двѣ разныя манеры письма. Отличіями первой являются чрезвычайная ясность и простота, почти обыденность граничащаго съ прозой языка, виртуозно, именно въ этихъ простотѣ и обыденности выраженій, преображеннаго ритмомъ въ языкъ поэзіи, и несложныя картины, какъ бы бѣгло записанныя наблюдателемъ, превращаются въ лирическія строфы, проникнутыя какимъ-то особымъ настроеніемъ; рядомъ съ этой манерой проступаетъ другая, гдѣ съ виду тѣ же—тонкость и мѣткость рисунка, простота выраженій и реализмъ деталей, но смыслъ затемненъ, и упираешься въ какую-то загадку, разгадывать которую не всегда заманчиво. Быть можетъ, Бунинъ болѣе новъ, или „модернъ", во второй своей манерѣ, но онъ больше поэтъ, когда онъ ясенъ и простъ. Разсмотримъ нѣко-

[1]) Нельзя, разумѣется, требованіе ясности доводить до банальности и, такъ сказать, освободить читателя отъ всякихъ предварительныхъ знаній. Есть, напримѣръ, у Бунина прекрасное стихотвореніе о Джордано Бруно, которое, однако, предполагаетъ у читателя нѣкоторое знаніе біографіи и хотя бы заглавій произведеній итальянскаго мыслителя, трагически погибшаго на кострѣ. Безъ предварительныхъ свѣдѣній стихотвореніе непонятно. Но его прелесть, между прочимъ, заключается въ сжатости и умѣлой концентраціи описанія. Непонятное легко усваивается при помощи самаго бѣглаго очерка о Дж. Бруно, общія біографическія данныя о которомъ должны быть знакомы каждому образованному человѣку. Это поэзія для образованныхъ—вотъ единственная оговорка, которая можетъ быть сдѣлана по поводу этого и аналогичныхъ произведеній Бунина.

торыя особенности его стиля въ связи съ основными мотивами поэтическаго творчества [1]).

Поэтомъ природы раньше всего выступаетъ Бунинъ, прославляющій также въ разныхъ формахъ и видахъ радость бытія. Его первая болѣе значительная поэма „Листопадъ" стала почти классической по безупречности формы, красивой образности и цѣлостности настроенія въ передачѣ послѣднихъ картинъ осени въ лѣсу и наступленія зимы. Олицетвореніе осени въ образѣ вдовы, вступающей въ свой „теремъ расписной,—Лиловый, золотой, багряный",—и потомъ покидающей его, чтобы направить „свой одинокій путь" на дальній югъ, есть своего рода поэтическое миѳотворчество, которое вполнѣ оправдывается общей красотой замысла [2]). Природа сама по себѣ, безъ всякой иносказательности и даже безъ того перехода отъ созерцанія природы къ постиженію высшей гармоніи міра, къ лицезрѣнію Бога, какъ у Лермонтова, привлекаетъ Бунина. Лѣсъ и степи—два излюбленныхъ ландшафта, которые онъ многообразно и красочно описываетъ, душевно какъ бы сливаясь съ ними. Онъ близокъ по настроеніямъ англійскимъ поэтамъ природы XVIII вѣка, Томсону и Юнгу, но безъ всякой морализующей окраски, и даже личное чувство застѣнчиво прорывается въ рѣдкихъ лирическихъ отступленіяхъ:

Уже повѣяло морозомъ...
Зачѣмъ же предаваться грезамъ,
Зачѣмъ и думать о быломъ?

(„Листопадъ").

Бунинъ живетъ ощущеніями природы и, въ общемъ, не принадлежитъ къ категоріи поэтовъ-мыслителей, для которыхъ образы служатъ лишь формой выраженія отвлеченной мысли, своеобразной философіи. Однако, одну мысль онъ настойчиво прово-

---

[1]) Произведенія Ив. Бунина печатались нѣсколькими издательствами, такъ что легко запутаться въ ссылкахъ. Первое собраніе его произведеній предпринято было товариществомъ „Знаніе" съ 1902—1909 гг. (Второе изданіе съ 1909 г.). Издательство „Общественная Польза" выпустило 6 томовъ (по 1910 г.). „Книгоиздательство Писателей" издало рядъ сборниковъ: „Перевалъ" и др. разсказы, стихотворенія 1889—1902 г., переводы: „Пѣснь о Гайаватѣ" Лонгфелло, „Манфредъ" Байрона, „Каинъ" Байрона (также въ изд. „Жизнь и Знаніе", 1914 г.); „Золотое дно" (1903—07 гг.), разсказы и стихотворенія 1907—10 годовъ (то же въ „Московскомъ книг-ствѣ", 1912, изд. 2-ое, дополненное); „Суходолъ", „Повѣсти и разсказы" 1911—12 гг.; „Деревня" 1912 г.; „Іоаннъ Рыдалецъ", разсказы и стихи 1912—13 гг., „Чаша жизни", 1913—14 гг. Наконецъ, въ 1915 году „Нива" дастъ въ приложеніяхъ полное собраніе сочиненій Ив. Бунина. Но такъ какъ вышли только первые три тома, то цитаты приводятся также изъ другихъ изданій, которыя мы обозначаемъ литерами: К. П.—„Книгоиздательство Писателей", О. П.—„Общественная польза", З.—„Знаніе".

[2]) Ср. также къ этому образу другіе однородные: „Дѣвушкой-невѣстой снится мнѣ весна" (т. II, стр. 80), „Апрѣль-кравецъ" (II, 67—68) и т. п.

дитъ въ цѣломъ рядѣ стихотвореній. Съ наибольшей откровенностью она выражена въ стихотвореніи „Оттепель“:

Нѣтъ, не пейзажъ влечетъ меня,
Не краски я стремлюсь подмѣтить,
А то, что въ этихъ краскахъ свѣтитъ,—
Любовь и радость бытія.
Она повсюду разлита—
Въ лазури неба, въ птичьемъ пѣньи,
Въ снѣгахъ и въ вешнемъ дуновеньи,—
Она вездѣ, гдѣ красота.
И, упиваясь красотой,
Лишь въ ней дыша полнѣй и шире,
Я знаю, все живое въ мірѣ
Живетъ въ одной любви со мной.

„Любовь и радость бытія“,—бодрый призывъ любить жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ,—это лейтъ-мотивъ поэзіи Бунина въ теченіе многихъ лѣтъ. Онъ проявляется и при описаніи „Разсвѣта“: „Выйди въ небо, солнце, безъ ненастья,—Возродися въ блескѣ и теплѣ.—Возвѣсти опять по всей землѣ,—Что вся жизнь—день радости и счастья“; и тотъ же мотивъ перебиваетъ даже сумеречныя картины осени, зимы,—ибо: „Зимнія вьюги—предтечи весенія“:

Жизнь зарождается въ мракѣ таинственномъ,
Радость и гибель ея
Служатъ нетлѣнному и неизмѣнному—
Вѣчной красѣ Бытія.

Не надо задумываться надъ грустными сторонами жизни („И, какъ чайка, безъ отчета,—Безъ раздумья жизнь люблю“), не надо предаваться самоанализу, рефлексу: „Не надо думать въ радости и горѣ. Люби и грусть и радость—пѣсни жизни“... „печаль и радость—равно прекрасны въ вѣчной жаждѣ жить“. („Изъ дневника“). Даже мысль о смерти не должна отвлекать отъ ощущеній радости бытія: напряженіемъ воли можно пройти спокойно мимо склепа, и тѣнь вашего „двойника могильнаго“, „какъ рабъ безсильный — Опять ползетъ, опять покорна мнѣ“. „Міръ вездѣ исполненъ красоты“ („Въ степи“)—ему ли не радоваться, его ли не любить! „Не вѣрю, что умру, устану... Я буду жить и сладко плакать—и славить радость бытія“.

Параллельно этой жизнерадостности, этому упоенію бытіемъ и какъ бы влюбленности въ здѣшній, посюсторонній міръ... („и печаль и радость равно прекрасны въ вѣчной жаждѣ жить“) у Бунина пробиваются мотивы одиночества, которое, однако, на первыхъ порахъ рисуется поэту безъ всякихъ аттрибутовъ сурового аскетизма. Стоя—„Въ пустынной вышинѣ“, „безмолвіемъ объятъ“, онъ ограничивается замѣчаніемъ: „Какъ хороша, какъ одинока жизнь“. Его манятъ вершины, на которыхъ одиночество почти неизбѣжно, но и тамъ могутъ встрѣтиться родственные по духу мыслители:

На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,
Я вырѣзалъ въ вечерній часъ сонетъ
Лишь для того, кто бродитъ на вершинѣ.

Нѣсколько иначе, чѣмъ Лонгфелло,—поэтъ, съ которымъ Бунинъ какъ-то особенно интимно связанъ, являясь и его популизаторомъ въ Россіи, благодаря прекраснымъ переводамъ,—нашъ поэтъ также горитъ благороднымъ устремленіемъ ввысь („Excelsior"), позволяя себѣ изрѣдка какъ бы нѣкоторое упоеніе чувствомъ одиночества. Такъ, въ обращеніи къ „Вечерней звѣздѣ":

И счастливъ я печальною судьбою.
И есть отрада тайная въ сознаніи,
Что я одинъ въ безмолвномъ созерцаніи,
Что всѣмъ я чуждъ и говорю съ Тобой.

Иное дѣло, конечно, одиночество въ области отвлеченной мысли и одинокая жизнь безъ сердечной привязанности. Мы уже говорили о стихотвореніи Бунина, въ прекрасной формѣ передающаго тоскливое настроеніе покинутаго любимой женщиной человѣка. Однако, любовные мотивы въ общемъ не характерны для музы Бунина, для котораго любовь не служитъ интегральнымъ условіямъ счастья. Онъ самъ это высказалъ:

Вонъ радуга... Весело жить
Весело думать о небѣ,
О солнцѣ, о зрѣющемъ хлѣбѣ,
И счастьемъ простымъ дорожить:
Съ открытой бродить головой,
Глядѣть, какъ разсыпали дѣти
Въ бесѣдкѣ песокъ золотой...
Иного нѣтъ счастья на свѣтѣ....

Въ отличіе отъ Бальмонта, горящаго ненасытной жаждой любви, Бунинъ умѣетъ безъ нея обходиться и является какъ бы утѣшителемъ для тѣхъ, кто испыталъ любовныя [illegible]чарованія. Вѣдь чувство не долговѣчно, и если заглянуть въ будущее, то оказывается, быстро увянутъ очарованія мгновенности: „Пусть же сердце скорѣй съ одиночествомъ свыкнется":

Дни бѣгутъ—и теперь отъ былого остался
Только думы о томъ, чего нѣтъ,
Лишь цвѣты, что цвѣли въ день, когда вы вѣнчался,
Да поблекшій портретъ.

Характерно, что въ новомъ изданіи своихъ стихотвореній (изд. „Нивы") Бунинъ даже вычеркнулъ строчку, въ которой заключался намекъ на прежнія юношескія грезы о счастьѣ („Помню о счастьѣ—безумныя сладкія грезы"), и выдерживаетъ объективную цѣлостность картинки купающихся въ Днѣпрѣ, причемъ кто-то изъ нихъ потерялъ въ водѣ обручальное кольцо:

... Чье-то кольцо золотится въ горячемъ пескѣ.
О, красота, тишина и раздолье Днѣпра.
Помню, какъ вѣтеръ въ лугахъ серебрилъ верболотье,
Помню, какъ рѣяла дальнихъ миражей игра...

На этомъ теперь стихотвореніе обрывается. Также выкинутой оказывается строфа въ стихотвореніи „Новый Годъ", какъ тѣ строки, въ которыхъ столь сдержанный и скупой на признанья субъективнаго характера поэтъ далъ было прорваться личному чувству:

И хотѣлось только ласки, ласки.
И не разъ склонялася тайкомъ
Къ моему плечу твоя головка
Подъ прозрачнымъ газовымъ платкомъ.

Это личное поэтъ счелъ излишнимъ. „Личное" отнюдь не въ автобіографическомъ смыслѣ: такого рода нескромности, какъ пріуроченіе любовныхъ стихотвореній къ опредѣленнымъ біографическимъ даннымъ о поэтѣ и его вдохновительницахъ, допустимы, очевидно, лишь къ „отошедшимъ": мы имѣемъ въ виду лишь оборотъ, характеръ изложенія. Бунинъ въ области интимныхъ переживаній очень замкнутый въ себя поэтъ. Онъ даетъ волю лишь чувствованіямъ общаго характера и по преимуществу въ описательной формѣ [1]. Его небольшія поэмы, какъ упомянутый уже „Листопадъ", позднѣйшая—„Сапсанъ" и т. п.,—всѣ почти объективно-лирическаго характера. Къ отрывкамъ изъ стихотворнаго дневника мы ниже вернемся. Описанія на фонѣ общихъ чувствованій, не специфически-индивидуальнаго, а общаго воспріятія являются типическимъ свойствомъ поэзіи Бунина. И вслѣдъ за родными картинами его потянуло къ дальнимъ странамъ, къ знойному и солнечному Востоку, который онъ описываетъ въ краскахъ, подмѣченныхъ непосредственно зоркимъ глазомъ, влагая и то, что „свѣтитъ въ этихъ краскахъ", но это содержаніе въ большинствѣ случаевъ заимствовано поэтомъ изъ книгъ, преданій и вѣрованій восточныхъ народовъ, съ особымъ предпочтеніемъ къ давно прошедшимъ временамъ. Это не случайная черта: въ оживленіи прошлаго и духовномъ возсоединеніи съ нимъ Бунинъ видитъ какъ бы расширеніе или, какъ онъ выразился, „умноженіе" нашей собственной жизни. Такъ, осматривая „Могилу въ скалѣ", въ Нубіи, на Нилѣ, „увидѣвъ на полу преддверія въ тѣни"—„живой и четкій слѣдъ ступени", онъ восклицаетъ:

Тотъ мигъ воскресъ. И на пять тысячъ лѣтъ
Умножилъ жизнь, мнѣ данную судьбою.

---

[1]) Зачеркнуты авторомъ даже такого рода строки, которыми заканчивалось въ прежнихъ изданіяхъ стихотвореніе „Печаль":

... Мы всѣ бездомны,
Всѣ безпріютны, но смотримъ вдаль.

И въ этой обобщенной формулѣ Бунину показалось излишней субъективная нотка „мы", и онъ выпустилъ полторы строчки.

Пріемы поэзіи Бунина, тѣ способы выявленія душевной эмоціи во внѣшнихъ формахъ, которые мы назвали его первою манерою, отличаются чрезвычайной простотой и отчетливостью. Онъ въ нихъ несомнѣнный реалистъ, но не въ смыслѣ детальнаго изображенія предметовъ во всестороннемъ описаніи. Реалистъ-художникъ, Бунинъ не только экономенъ, но почти скупъ на детали, ограничиваясь не многими, но мѣткими и выразительными штрихами; онъ также и импрессіонистъ по умѣнью передавать впечатлѣнія, красочныя и звуковыя, отъ предметовъ и явленій; онъ не чуждъ порой символизма, поскольку символы присущи образному поэтическому мышленію. Образность языка—одно изъ безусловныхъ достоинствъ поэзіи Бунина. Сравненія у него, быть можетъ, не такъ часты, но всегда оригинальны и мѣтки. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

(„Бушуетъ полая вода“) Вдругъ капля, какъ шляпка гвоздя,
Упала—и сотнями иголъ
Затоны прудовъ бороздя,
Сверкающій ливень запрыгалъ...
...И солнечный лучъ, какъ живой,
Зажегъ задрожавшія блестки,
А лужи налилъ синевой.

(„Лѣсная дорога“) ...И кружева тѣней по лошадямъ скользятъ.

(„Оттепель“) ...а бѣлыя березы
Роняютъ тихій дождь своихъ алмазныхъ слезъ
И улыбаются сквозь слезы.

(„Изъ дневника) ...Въ концѣ аллей есть старая калитка,
Подъ нею лужа зеркаломъ чернѣетъ,
...и на кусты
И на жнивье лунный свѣтъ ложится,
Какъ льняные бѣлые холсты.

(„Ракета“) ...Стремительно порывъ ее (ракету) вознесъ...
Но мигъ одинъ—и въ темное забвенье
И медленно ихъ тихое паденье.

(„Плачь ночью“) Уже текутъ алмазы крупныхъ слезъ
Звѣзды слезами текутъ съ небосклона ночного.
Плачетъ Господь, рукава прижимая къ очамъ.

По поводу сравненій и метафоръ въ стихотвореніяхъ Бунина позволю себѣ выписку изъ одного его частнаго письма: „Сравненія, всяческія одушевленія должны диктоваться величайшимъ чувствомъ мѣры и такта, никогда не должны быть натянуты, пусты, „красивы“ и т. п. Я почти всегда очень точно говорю то, что говорю, и до смерти буду учиться этому“. Этими словами автора прекрасно опредѣляются и тѣ качества, которыя несомнѣнно присущи его образнымъ выраженіямъ, и общее направленіе, въ которомъ поэтъ развивался, все усовершенствуя технику въ своихъ произведеніяхъ.

Простота и, такъ сказать, обыденность описываемыхъ предметовъ и явленій у поэта иногда такъ сливаются съ будничнымъ

обиходомъ жизни, что если выхватить нѣсколько стиховъ отдѣльно отъ цѣлаго, можетъ зародиться сомнѣніе: да поэзія ли это? Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ описанія наступленія осени въ старинной усадьбѣ. Выписываемъ стихи въ строку: „Двери на балконѣ уже давно заклеены къ зимѣ; двойныя рамы, топленныя печи—все охраняетъ ветхій домъ отъ стужи. А по саду пустому кружитъ вѣтеръ и, листья подметая по аллеямъ, гудитъ въ березахъ старыхъ"... Чудесная проза. Но перечитайте, и вы почувствуете музыкальный ритмъ, который вамъ подскажетъ, какъ эту прозу разбить на стихи. А верните отрывокъ къ цѣлому,—и общее поэтическое настроеніе—„Изъ дневника"—уже съ несомнѣнностью доказываетъ, что это все настоящіе стихи. Опытъ легко умножить. Вотъ еще примѣръ: „Стоитъ въ лугу холщевая кибитка, и бродитъ кляча въ путахъ. Ни души нѣтъ на лугу,—цыганъ въ кибиткѣ дремлетъ, и дѣвочка-подростокъ у дороги сидитъ себѣ одна и равнодушно, съ привычной скукой, смотритъ на закатъ... Она слѣдитъ въ безлюдьи за холоднымъ, печальнымъ солнцемъ, тѣнью отъ холма и алой пылью, вѣющей съ дороги изъ-подъ копытъ кобылы"... Развѣ не проза? Бунинъ, однако, съ большой виртуозностью дѣлаетъ изъ этой прозы стихи, которые чувствуются, какъ таковые, только въ связи съ общимъ настроеніемъ описанной картинки („Бродяги"). Такихъ примѣровъ можно бы набрать много (ср. стихотворенія „Въ Москвѣ", „Сѣнокосъ" и т. д.). Но, какъ бы Бунинъ не щеголялъ этой виртуозной простотой, придающей характеръ такой естественной непринужденности стихамъ, она все-таки и на самомъ дѣлѣ стоитъ на грани чистой прозы, конечно, художественной прозы. Переходъ Бунина къ повѣствовательной литературѣ кажется вполнѣ нормальнымъ и естественнымъ, если принять во вниманіе это свойство его стихотворной рѣчи. И какъ прозаикъ Бунинъ имѣетъ довольно сложную и длинную исторію, развиваясь въ особомъ направленіи, которое мы ниже попытаемся намѣтить. Другихъ сторонъ техники поэтическаго языка Бунина мы здѣсь не будемъ касаться, какъ спеціальной отрасли стихосложенія. Можетъ представиться спорнымъ и высказанное мнѣніе объ обыденности рѣчи, какъ переходной стадіи отъ стиховъ къ прозѣ. Развѣ реформа Пушкина, именно сблизившаго языкъ поэзіи съ ежедневнымъ разговорнымъ языкомъ, писавшимъ стихи такъ, что они кажутся естественной рѣчью, несмотря на скованность риѳмой, размѣромъ и ритмомъ, не величайшее достиженіе генія поэзіи? Развѣ приподнятость стиля, необычность оборотовъ, особенность выраженій не служитъ показателями отошедшаго и осужденнаго поэтическаго языка, которымъ не надлежитъ пользоваться, и опыты возрожденія этого стараго стиля не подтверждаютъ ошибочность этихъ пріемовъ? Такъ-то оно такъ. Но Пушкинъ никогда не прозаиченъ, хотя онъ и сталъ писать стихи языкомъ прозы, т. е. обыденнымъ, ежедневнымъ языкомъ. Иногда простая перестановка словъ, эпитетъ, а главное музыка ритма васъ сразу охватываютъ, зажигаютъ искрой поэтическаго

вдохновенія, и вы чувствуете, что стихи все-таки стихи. Бунинъ умѣетъ такъ же писать, но не въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и образцахъ, которые переходятъ въ прозу.

Въ современной поэзіи есть два направленія: одно изъ нихъ стремится порвать всѣ путы кованной, размѣренной, подчиненной своимъ законамъ стихотворной рѣчи. Упраздняя размѣръ (метрику), отбрасывая риѳму, распространяя принципъ vers libre на полную произвольность структуры стихотворенія, поэты этого направленія, даже не доходя до эксцессовъ футуристовъ, пытаются создать какой-то видъ поэзіи, законы которой еще не поддаются формулировкѣ. Другіе, соблюдая традиціонныя правила стихотворенія, варьируютъ стиль, вносятъ внутреннія риѳмы, щеголяютъ изысканностью образовъ, виртуозностью отдѣлки, музыкальностью, „напѣвностью“ строкъ и яркостью красокъ. Королемъ поэтовъ второго направленія безспорно являлся у насъ Бальмонтъ. Бунинъ занимаетъ серединное мѣсто между обоими теченіями. Онъ не новаторъ, но во многомъ новъ. Онъ не „модернистъ“, но во многомъ „модернъ“. Онъ въ то же время, какъ уже было указано, преемникъ и послѣдователь традиціонной поэзіи классической у насъ школы, по завѣтамъ Пушкина. Онъ и „свой“, самъ по себѣ, комбинируя реализмъ съ импрессіонизмомъ, законченную чеканку сонета съ свободной формой неопредѣленнаго облика стихотворенія, на грани между поэзіей и прозой.

Разборъ переводовъ Бунина иностранныхъ поэтовъ не входитъ здѣсь въ нашу задачу. Лонгфелло, Теннисонъ, Байронъ—главные поэты, которыхъ Бунинъ любовно и умѣло переводилъ по-русски. Критика отмѣчала нѣкоторые пропуски въ переводахъ изъ Байрона, но въ общемъ Бунинъ все же близко держится оригинальнаго текста и даетъ русскій текстъ, почти эквивалентный по качествамъ стиха оригинальному тексту. Это большая заслуга для русскаго просвѣщенія. Слѣдя чужую мысль и подыскивая ей подходящія выраженія по-русски, Бунинъ проявляетъ большую объективность въ заботѣ о точности передачи и умѣнье вживаться въ чужіе образы, дѣлая ихъ какъ бы своими. Естественно, что онъ искалъ родственныхъ себѣ по духу поэтовъ и близкихъ его натурѣ настроеній. И между всѣми иностранными поэтами едва ли не всего ближе и какъ бы адекватнѣе ему Лонгфелло. Ихъ сближаетъ много родственныхъ чертъ.

Въ области повѣствовательной литературы Бунинъ прошелъ самостоятельную эволюцію, позднѣйшую его развитія, какъ поэта. Хотя мы и отмѣтили, что переходъ къ художественной прозѣ у него вполнѣ естественный, въ виду нѣкоторыхъ свойствъ его поэзіи, но развивался онъ медленно, съ повалкомъ. Судя по первымъ очеркамъ, собраннымъ въ отдѣльномъ томѣ въ 1903 году, трудно было предугадать будущаго автора „Суходола“, „Въ деревнѣ“, „Чаша жизни“

и др. Бунинъ шагнулъ далеко, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его прозѣ, которая за послѣдній періодъ дѣятельности выдвигается на первый планъ, какъ бы заслоняя поэта, ставшаго скупымъ на стихотворенія, пробиваются черты новаго отношенія къ міру, далеко не столь оптимистическаго и жизнерадостнаго, какъ въ стихотвореніяхъ прежнихъ лѣтъ. Насколько строго самъ Бунинъ позднѣйшаго времени относится къ очеркамъ ранняго времени,—мы можемъ судить по тѣмъ передѣлкамъ, которымъ подверглись въ новомъ изданіи (приложеніе къ „Нивѣ"), нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ. Приведемъ одинъ примѣръ переработки. Въ изданіи 1903 года есть разсказъ подъ названіемъ „Фантазеръ". Автора, повидимому, поразилъ встрѣтившійся ему типъ мелкопомѣстнаго дворянина, оставшагося рано сиротой и воспитаннаго полоумной теткой, старой дѣвой. Едва начавъ военную службу, онъ вышелъ въ отставку, поселился въ деревнѣ и всю жизнь провелъ „въ мечтахъ", не зная и не считаясь съ запросами дѣйствительности. „Фантазеромъ" его прозвалъ предводитель дворянства, добавивъ во время закуски въ буфетѣ дворянскаго собранія: „отживающій свое время типъ". Жилъ „въ мечтахъ", состарился и умеръ одинокій, никому не нужный, словно частица окружавшей его „безмолвной природы", съ которой онъ сознавалъ свое кровное родство. Въ новомъ изданіи очеркъ названъ: „На хуторѣ" [1]). Схема осталась прежняя, но цѣлый рядъ поправокъ.

Есть поправки стилистическія, есть и пропуски, иногда довольно значительные. Стилистическія поправки въ такомъ родѣ:

„Фантазеръ" [2]):	„На хуторѣ":
Поле загадочно молчало.	Поле молчало, лежало въ блѣдной темнотѣ.
Капитонъ Иванычъ былъ одинъ. Одинъ по обыкновенію...	Капитонъ Иванычъ былъ одинъ—какъ всегда.
Смутное—и хорошее и тоскливое—чувство волновало Капитона Иваныча.	
Онъ не хотѣлъ ужинать.	Капитонъ Иванычъ не сталъ ужинать.
Ему хотѣлось куда-то пойти....	Ему хотѣлось куда-то пойти и т. д.
Развѣ перепеловъ ловить? Но заря уже прошла.	
...Да и не за перепелами хочется пойти... Куда же?	Да и что перепела?
И отъ этой глубины и мягкой темноты звѣздной безконечности ему стало легче. Хотя что-то волновало его, поднимались тревожныя мысли о смерти, о прожитомъ,—въ сущности на нихъ былъ отвѣтъ. Онъ ощущалъ въ себѣ другое	И отъ этой глубины и мягкой темноты звѣздной безконечности ему стало легче. „Ну, такъ что же. Тихо прожилъ—тихо и умру, какъ въ свое время высохнетъ и свалится листъ вотъ этого кустика"... Очертанія полей едва-едва обозначались теперь въ почномъ сумракѣ. Сумракъ

[1]) Другой разсказъ ранняго времени тоже вошелъ въ новое собр. соч. съ измѣненнымъ заглавіемъ, вмѣсто „Тарантелла"—„Учитель".

[2]) Курсивомъ въ первомъ столбцѣ обозначены пропущенныя во второй редакціи фразы, а во второмъ—добавленныя.

настроеніе, другой голосъ, который говорилъ: „Ну, такъ что же? Все это было во вѣки вѣковъ и всегда будетъ. Тихо прожилъ—тихо и умру, какъ въ свое время высохнетъ и свалится листъ вотъ съ этого кустика... Фантазеръ, отживающій свое время".—А кругомъ уже совсѣмъ стемнѣло. Очертанія полей едва-едва обозначались въ ночномъ сумракѣ. Сумракъ сталъ гуще, и звѣзды, казалось, сіяли теперь еще выше. Отчетливѣе слышался рѣдкій крикъ перепеловъ. Свѣжѣе пахло травою. Но та же теплота разливалась кругомъ, такъ же все баюкало и задремывало... И когда онъ поднялъ голову, онъ чувствовалъ только одно—благодатное вѣяніе лѣтней ночи, родной ему съ дѣтства. Она разсѣяла несвойственныя ему тревожныя мысли. Онъ всталъ и легко и свободно вздохнулъ полной грудью. Одно онъ ясно сознавалъ теперь—свое кровное родство съ этой безмолвной природой, одно сожалѣлъ всей душой—далекую молодость...

сталъ гуще и звѣзды, казалось, сіяли выше. Отчетливѣе слышался рѣдкій крикъ перепеловъ. Свѣжѣе пахло травою. Онъ легко, свободно вздохнулъ полной грудью. Какъ живо чувствовалъ онъ свое кровное родство съ этой безмолвной природой.

1892 года.

Дата поставлена во второй редакціи, но это вводитъ въ заблужденіе, ибо въ 1892 году Бунинъ писалъ иначе, чѣмъ въ 1915 году, когда заново перередактировалъ свой разсказъ. Юный Бунинъ былъ болѣе экспансивенъ; больше непосредственности чувствовалось въ его воспріятіи и воспроизведеніи явленій жизни. Нужно ли было заглаживать слѣды пройденной эволюціи? А вотъ еще довольно значительный пропускъ, который мы позволимъ себѣ возстановить цѣликомъ. Рѣчь идетъ о полоумной теткѣ, у которой воспитывался „фантазеръ". Въ первой редакціи приведены нѣкоторыя бытовыя подробности объ ея житьѣ-бытьѣ:

Капитонъ Иванычъ „помнилъ, какъ она заболѣла „тоскою", какъ къ ней приводили знахаря, который твердилъ надъ нею: „Тоска, тоска, иди во темные лѣса,—тамъ твои мѣста". Какъ ее водили къ угоднику въ Задонскъ... Изъ Задонска она вернулась уже совсѣмъ „блаженной" и, какъ ястребъ, начала слѣдить за нравственностью своихъ дѣвокъ, которыя цѣлый день гремѣли въ „дѣвичьей" своими коклюшками, неизвѣстно для кого плетя кружево. По ночамъ она на-распѣвъ читала псалтырь, выкрикивала въ [illegible]омъ азартѣ молитвы собственнаго сочиненія, а иногда съ рыданіями падала [illegible] иконами. Ей казалось, что въ нее вселяется „Змій Едемскій и Іерусалимс[illegible]томъ вскакивала, блѣдная, съ распущенными волосами, въ ужасѣ кричала на весь домъ... Какъ сумасшедшія, вскакивали дѣвки; зажигалась трещащая сальная свѣча и начинались успокаиванія „матушки-барышни"... Жуткое впечатлѣніе производилъ тогда старый помѣщичій домъ среди глубокой осенней ночи. Впрочемъ, въ этомъ же домѣ когда-то звучалъ „Полонезъ Огинскаго"...

Вмѣсто всего приведеннаго отрывка въ новой редакціи коротко сказано: „помнилъ и „полонезъ Огинскаго“.... Быть можетъ, автору показалось неудобнымъ надѣлять Капитона Иваныча такими детальными воспоминаніями о своей теткѣ; быть можетъ, онъ нашелъ, что этотъ разсказъ отвлекаетъ вниманіе читателя отъ главнаго дѣйствующаго лица. Но мы все-таки не убѣждены, что онъ поступилъ правильно, зачеркнувъ эту страницу съ колоритными бытовыми чертами минувшихъ временъ. Есть, впрочемъ, еще одно возможное и наиболѣе вѣроятное объясненіе данному пропуску: приведенный отрывокъ развитъ въ цѣлое повѣствованіе о тетѣ Тонѣ, тоже рѣшившейся разсудка вслѣдствіе несчастной любви старой дѣвы, въ разсказѣ „Суходолъ“. Приведенъ и тотъ же заговоръ: „Ты иди, тоска, во темны лѣса,—тамъ твои мяста“, но приведенная полностью и вся сцена съ „колдуномъ“—знахаремъ Климомъ—драматизирована. Тема „Суходола“ такимъ образомъ зрѣла въ душѣ автора еще съ 1892 года и вылилась въ окончательную форму лишь черезъ девятнадцать лѣтъ. Въ широкой формулѣ эта тема сводится къ описанію „великой помѣщичьей бѣдности“, по преимуществу, однако, въ средѣ мелкомѣстныхъ дворянъ, и одной изъ причинъ этого оскудѣнія Буниннъ видитъ въ „гибельномъ обособленіи истинно славянской души“ разоряющихся и вымирающихъ помѣщиковъ отъ „души-общечеловѣческой“. Другая параллельная тема, по преимуществу занимающая Бунина,—это вырожденіе деревни и судьба полуинтеллигентныхъ выходцевъ изъ народа, мѣщанъ, прасоловъ, мелкихъ торговцевъ, близкихъ еще деревнѣ. Лишь въ немногихъ разсказахъ позднѣйшаго времени выставлены типы интеллигентовъ и то въ экзотической обстановкѣ дѣйствія.

Буниннъ, какъ беллетристъ, несомнѣнно вышелъ изъ школы Чехова, или, какъ говорится, находился „подъ знакомъ“ творчества Чехова. Онъ также описываетъ „маленькихъ“ людей среди мелочной жизни, слѣдитъ за угасаніемъ помѣщичьяго быта, передаетъ отрывочныя эпизодическія встрѣчи, видитъ отрицательныя свойства „мужиковъ“, подвергаетъ строгой чеканной отдѣлкѣ свои очерки, всегда художественно обработанные. Конечно, послѣдователь не во всемъ преемникъ, но, между прочимъ, усвоенное Буниннымъ отъ Чехова отразилось въ тѣхъ чертахъ, которыя онъ особенно выдвигаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ отошедшемъ великомъ писателѣ. „По-моему, написавъ разсказъ, слѣдуетъ вычеркивать его начало и конецъ,—приводитъ онъ слова Чехова.—Тутъ мы, беллетристы, всего больше времъ... И короче, какъ можно короче надо говорить“. Буниннъ записываетъ послѣднюю фразу курсивомъ. „Садиться писать нужно тогда, когда чувствуешь себя холоднымъ, какъ ледъ“, записалъ онъ другую фразу Чехова, дѣлая при этомъ лишь оговорку: „Но, конечно, это была совсѣмъ особая

холодность"... Далѣе онъ выдвигаетъ въ немъ черту — „чувства личной свободы", которымъ и Бунинъ надѣленъ въ большой степени. Наконецъ, по поводу отношенія Чехова къ нѣкоторымъ московскимъ издательствамъ, особенно гнавшимися за новшествами въ литературѣ, приводитъ его шутку, что эти „Скорпіоны" и имъ подобныя модернистскія фирмы напоминаютъ ему одну вывѣску, видѣнную имъ въ Таганрогѣ: „Заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ"... Заканчивается очеркъ цитатой ultra-пессимистическаго характера изъ одного стихотворенія Леконта-де-Лиля: „Я завидую тебѣ въ твоемъ спокойномъ и мрачномъ гробу, завидую тому, чтобы освободиться отъ жизни и избавиться отъ стыда мыслить (la honte de penser) и ужаса быть человѣкомъ"...

Эта цитата въ устахъ Бунина знаменательна. Чеховъ врядъ ли бы подъ ней подписался, онъ, увѣровавшій въ возможность свѣтлаго будущаго, хотя бы и „черезъ двѣсти, черезъ триста лѣтъ". Еще менѣе сочувствовалъ бы ей Пушкинъ: „Я жить хочу, чтобы мыслить и страдать". Бунинъ не такой писатель, чтобы привести случайно вспомнившіеся ему стихи для того лишь, чтобы эффектно закончить статью. Поэтъ, прославлявшій радость бытія въ своихъ стихотвореніяхъ, совсѣмъ иначе отнесся къ жизни, когда сталъ воспроизводить ее въ очеркахъ, навѣянныхъ окружающей дѣйствительностью.

Указаніе на довольно раннее проявленіе у него черты пессимизма мы находимъ въ одномъ очеркѣ изъ дѣтскихъ воспоминаній: „У истока дней" [1]). Авторъ сообщаетъ о своемъ безотрадномъ дѣтствѣ: „Въ глуши, на хуторѣ, заброшенные, забытые, жили мы тогда: мать, Надя, нянька Дарья, большая, властная старуха, я и мой воспитатель,—если можно только назвать такъ этого страшаго человѣка, похожаго на Данте,—человѣка безъ рода, [illegible]мени, уже много лѣтъ скитавшагося по мелкимъ помѣщика[illegible]аго ихъ дѣтей и нигдѣ не уживавшагося". Первое воспо[illegible] ребенка— это поразившая его загадочность зеркальныхъ отраженій, и одновременно съ тѣмъ, какъ онъ убѣдился, отодвинувъ дощечку и поскобливъ ртуть, что за зеркаломъ ничего нѣтъ,—и, однако, тѣмъ таинственнѣе отраженія,—онъ впервые ощутилъ другую тайну,— тайну смерти, такъ какъ умерла его сестра Надя,—„И отъ попытокъ моихъ разгадать жизнь,—грустно заканчиваетъ авторъ,—остается одинъ слѣдъ: царапина на стеклѣ, намазанномъ ртутью".

Не тутъ ли кроется ключъ къ уразумѣнію раздвоенности облика Бунина-поэта и повѣствователя? Какъ поэтъ, онъ не пытается „разгадать жизнь" и ограничивается ея отраженіемъ, какъ въ зеркалѣ. Онъ только любуется ею, поэтому прославляетъ радость жизни и, какъ было указано, приходилъ къ выводу, что „печаль и радость—равно прекрасны въ вѣчной жаждѣ жить", „не надо ду-

[1]) Сб. „Золотое дно", 19. К. П.

мать въ радости и горѣ" и пр. Какъ прозаикъ, онъ не довольствуется отраженіями, захотѣлъ „думать" и „поцарапалъ стекло, намазанное ртутью". Но за нимъ ничего не нашелъ. Дѣйствительно, осталась только царапина и большой неразгаданный вопросъ. Пустота ничѣмъ не наполнена: нѣтъ бога, нѣтъ „во имя", нѣтъ конкретнаго положительнаго идеала, и жизнь представилась ему, по формулѣ Леконта-де-Лиля,—„la honte de penser et l'horreur d'être un homme".

Агностицизмъ привелъ Бунина къ какому-то предпочтенью, мы сказали бы даже, подбору отрицательныхъ явленій въ той области, гдѣ раньше искали по преимуществу положительныхъ чертъ. Въ такомъ родѣ большинство его разсказовъ о простомъ народѣ. Но нужно имѣть въ виду, подъ какимъ угломъ зрѣнія авторъ вообще наблюдаетъ жизнь. Напомню еще одно мѣсто въ разсказѣ „Астма", кажется, одномъ изъ первыхъ болѣе крупныхъ произведеній автора. Разсказъ по темѣ очень несложный: землемѣру, страдавшему астмой, померещилось въ одну изъ его поѣздокъ по степи, что за нимъ гонится большая бѣлая лошадь, въ которой онъ усмотрѣлъ символъ смерти; и дѣйствительно, вскорѣ затѣмъ землемѣръ умеръ. Ощущенія и переживанія этого пораженнаго астмой человѣка прекрасно описаны; галлюцинаціи его возбуждаютъ какую-то жуть, и въ кошмарныхъ предчувствіяхъ близкой смерти ему открывается такой выводъ: „что отвѣтитъ Богъ въ шумѣ бури? Онъ только напомнитъ безумцу его ничтожество, напомнитъ, что пути Творца неисповѣдимы, грозны, радостны (?), и развернетъ бездну величія Своего, скажетъ только одно: Я—Сила и Безпощадность. И ужаснетъ великой красотой проявленія этой силы на землѣ, гдѣ отъ вѣка идетъ кровавое состязаніе за каждый глотокъ воздуха, и гдѣ безпомощнѣй и несчастнѣй всѣхъ—человѣкъ".

Добро, любовь, красота, стремленія человѣка къ истинѣ, къ свѣту къ справедливости, общему благу,—словомъ, всѣ идеалистическіе порывы души и трансцендентные кумиры человѣчества осѣкаются объ эту формулу: „Я—Сила и Безпощадность". Вся жизнь—„лишь кровавое состязаніе за каждый клочокъ воздуха" и человѣкъ „безпомощнѣе и несчастнѣе всѣхъ". Отсюда его постоянныя паденія, проступки, гибель. Не за что ухватиться и не во что вѣрить. Иногда же въ самомъ несчастьѣ неожиданно почерпается какая-то своеобразная и странная сила, примиряющая съ жизнью. Характеренъ въ этомъ отношеніи разсказъ „Преступленіе". Рѣчь идетъ о мужикѣ Ермилѣ, лѣсномъ сторожѣ. Мужикъ этотъ,—„какъ многіе изъ тѣхъ, что никогда не видѣли добра ни отъ Бога, ни отъ начальника, ни отъ родного брата,—давно мечталъ быть отъ людей подальше". Много обидъ онъ вытерпѣлъ на своемъ вѣку и отъ людей и отъ жены и ушелъ въ лѣсъ караульщикомъ. И вотъ задумалъ онъ злое дѣло: припасъ ружье, приноровилъ, какъ выстрѣлить черезъ отверстіе въ окошко, не будучи замѣченнымъ, и самъ сталъ рас-

пускать слухи, будто у него есть денежки,—авось кто польстится, придетъ, и онъ его застрѣлитъ. Точно паукъ, разставляющій сѣти. Пришло на Святкахъ двое изъ деревни попугать ряжеными его, шутки ради, и одного изъ нихъ Ермилъ уложилъ на мѣстѣ. Послѣ суда его приговорили къ покаянію въ монастырѣ. И что же? „Не было человѣка работящѣе его,—сообщаетъ намъ авторъ въ концѣ разсказа.—Какъ чисто мелъ онъ дворъ, какъ ловко кололъ дрова, какъ усердно таскалъ воду въ братскую кухню. И монастырскимъ понравился онъ. Съ ними и остался, отбывъ покаяніе, „прижился къ Богу". Но въ монахи постричься не пожелалъ: „Нѣтъ, я дюже преступный", говорилъ онъ съ удовольствіемъ.—Выходитъ такъ, что все же Ермилъ отлично сдѣлалъ, что убилъ человѣка: онъ снялъ съ себя всю тяготу своей неудачливой жизни, примирился и съ Богомъ и съ людьми. Убійство явилось искупительной жертвой. Нельзя сказать, чтобы эта мораль была убѣдительна, но съ точки зрѣнія міросозерцанія Бунина она пріемлема: въ этомъ и „ужасъ быть человѣкомъ", что надо на комъ-нибудь сорвать зло, накипѣвшее въ сердце за всякія неудачи, чтобы освободиться отъ гнетущаго чувства обиды.

Жертва, умилостивительная, столь же безсмысленная и жестокая, какъ убіеніе святочнаго гостя, приносится высшимъ силамъ. Объ этомъ разсказано въ очеркѣ-легендѣ: „Илья-Пророкъ" [1]). Каковы люди, таковы и боги ихъ. Конечно, Бунинъ можетъ сослаться на то, что въ излагаемой имъ легендѣ есть отголосокъ какого-нибудь древняго мифа, родственнаго по значенію съ „Поликратовымъ перстнемъ". Но вѣдь онъ передаетъ его въ устахъ современнаго мужика и въ пріуроченіи къ современному крестьянскому быту. Грубымъ утилитаризмомъ проникнуты отвѣты мужика Семена явившемуся къ нему Ильѣ-Пророку съ требованіемъ себѣ жертвы: Семенъ старшаго сына отстоялъ, ибо онъ—„кормилецъ-поилецъ при старости". Урожай спасъ, загодя запродавъ рожь на корню. А маленькой дочки-трехлѣтки не пожалѣлъ, самъ предложилъ взять ее жертвой—„...Анфиску убей, хоть и жалко намъ будетъ ее, да вѣдь что же исдѣлаешь. Все не съ малымъ смѣнить". И Илья убиваетъ молніей Анфису; схоронилъ ее Семенъ и „съ тѣхъ поръ жилъ счастливо". По человѣчеству дорого купилъ Семенъ свое счастье, но ему жертва показалась сравнительно легкой: что дѣвка! Вѣдь не станетъ она его при старости кормить, поить.

Ѣдкой ироніей проникнутъ и разсказъ подъ заглавіемъ „Хорошая жизнь". Ведется онъ отъ лица женщины, начинающей свое повѣствованіе словами: „Моя жизнь хорошая была, я, чего мнѣ желалось, всего добивалась"... И вотъ оказывается, что эта рѣдкая „удача" въ жизни достигнута вереницей несчастій, жертвъ, грубыхъ,

[1]) Сб. „Іоаннъ Рыдалецъ", стр. 11—15, К. П., пропущено въ оглавленіи.

безсердечныхъ поступковъ, заканчивающихся даже изгнаніемъ изъ дома единственнаго сына, чтобы пристроиться вторымъ бракомъ за вдовца-лавочника: „человѣкъ пожилой и кредитный, состоятельный". „Съ этимъ мужемъ до того я ладно вѣкъ свѣковала,— продолжаетъ разсказчица, довольная, что, собравшись съ духомъ, „порѣшила съ сыномъ" и выгнала его,—прямо рѣдкость по новѣйшему времени.— И не помню ничего,—все въ родѣ какъ въ одинъ день сходится, до того мы захозяйствовались". Такъ прошло двадцать лѣтъ и впереди — продолженіе того же—„хозяйствованія" и мирная кончина отъ старости или болѣзни... Бывать-то бываютъ, конечно, и такія „хорошія жизни", какъ изложенная авторомъ исторія съ рѣдкой выдержкой и безстрастіемъ, но, прослушавъ повѣствованіе, опять вспомнишь слова де-Лиля: „l'horreur d'être un homme".

При безпомощности и незадачливости человѣка, вообще, онъ неминуемо гибнетъ, если не обладаетъ твердой волей, оборотливостью и, главное, отсутствіемъ всякой жалостливости къ другимъ, неумнымъ и неумѣлымъ въ практической жизни людямъ. Однако, есть у Бунина одинъ разсказъ, который, какъ бы независимо отъ намѣренія автора, сохраняющаго въ изложеніи свое обычное холодноватое безпристрастіе, возбуждаетъ въ читателѣ любовь-жалость къ выставленному лицу. Разсказъ названъ опять-таки иронически — „Веселый дворъ". И все-то дѣло въ томъ, какъ обитательница этого двора, совсѣмъ обнищавшая старуха Анисья, по прозванью „Ухватъ", наголодавшись и намучившись вдосталь, пошла умирать къ своему безпутному сыну Егору, нанявшемуся караулить лѣсъ одного помѣщика. Пришла, не застала сына, достала образокъ, легла на лавку и померла. Только и всего. Но описаніе томительнаго путешествія пѣшкомъ голодной старухи въ лѣсъ, за много верстъ, ея послѣднія предсмертныя размышленія и ощущенія—это мастерскія страницы художественнаго перевоплощенія въ чужой и чуждый психическій міръ. Хорошъ и разсказъ „Сверчокъ". Но въ томъ же сборникѣ, открывающемся „Суходоломъ", гдѣ такъ же ярко и правдиво переданы переживанія бывшей крѣпостной сироты Натальи, въ полномъ смыслѣ рабыни своихъ господъ, ея безрадостная, но стойкая и какимъ-то своимъ содержаніемъ наполненная жизнь, есть разсказъ—„Ночной разговоръ", полный такихъ „зоологическихъ" ужасовъ, что даже въ изложеніи Бунина-пессимиста онъ представляется исключительнымъ по подбору отрицательныхъ чертъ. Въ праздничный вечеръ на Успенье пять работниковъ, послѣ плотнаго ужина, завалились спать на сѣновалѣ, но насѣкомыя разогнали сонъ, и вотъ они по-очередно разсказываютъ со своеобразнымъ смакованіемъ о совершенныхъ ими убійствахъ. Начинаетъ бывшій солдатъ, Пашка, убившій на Кавказѣ крестьянина-грузина, который пытался убѣжать. Слѣдомъ длинно повѣствуетъ пожилой мужикъ Ѳедотъ о томъ, какъ онъ человѣка убилъ „изъ-за козы". Третій, Иванъ, пожалѣвшій не о человѣкѣ, а

о козѣ—„за что ее-то убили“,—разсказываетъ какъ мужики поймали озорнаго быка у барина Мусина и съ живого содрали шкуру. Опять Пашка вспоминаетъ, какъ во время бунта мужиковъ стражники дали залпъ, и одна пуля попала въ ребенка; мать осталась жива, а отецъ, схвативъ убитаго,—„и давай барина по головѣ этимъ ребенкомъ мертвымъ охаживать“... Смѣются. И еще Федотъ, поссорившись съ сосѣдомъ, хватилъ его по головѣ брускомъ отъ косы, „а онъ и на земь... лежитъ, икаетъ“; и потомъ его вскрывали, а Ѳедотъ съ любопытствомъ смотрѣлъ, „сидя въ пунькѣ подъ стражей“, какъ его анатомировали, и повѣтствуетъ объ этомъ подробно... Слушавшій эти разсказы гимназистъ не выдержалъ и сбѣжалъ съ сѣновала. Да и какъ тутъ не сбѣжать. Такую кунсткамеру ужасовъ выставилъ авторъ, словно въ какомъ-нибудь Musée Grevin. Авторъ пошелъ по направленію нашумѣвшей въ послѣ революціонный періодъ у насъ книжки Родіонова: „Наше преступленіе“. Сборникъ Бунина тоже вышелъ послѣ революціи и, конечно, отражаетъ до извѣстной степени настроеніе момента, послѣ погромовъ усадебъ, бунтовъ, кровавыхъ столкновеній, когда не разъ пробуждался первобытный звѣрь въ человѣкѣ, мстящій за прежнія долгія обиды и притѣсненія. Оспаривать правдоподобность и возможность переданныхъ разсказовъ—совершенно безплодно. Такіе отдѣльные случаи несомнѣнно бывали. Играетъ тутъ роль и атавизмъ крѣпостничества, къ которому яркія иллюстраціи приведены въ „Суходолѣ“. Но въ подборѣ и накопленіи этихъ ужасовъ художникъ словно утратилъ чувство мѣры, что съ Буниным рѣдко бываетъ. Слышится какое-то субъективное раздраженіе, и ни однимъ штрихомъ не намѣчены иныя свойства разсказчиковъ: картина густо проложена одной черной краской.

Свои итоги наблюденій деревни Буниъ подводитъ въ самомъ крупномъ по размѣрамъ и едва ли не болѣе всего обдуманномъ и выдержанномъ произведеніи: „Деревня“. Главными дѣйствующими лицами разсказа выставлены не крестьяне, не „мужики“, а внуки крѣпостного крестьянина, получившаго вольную, сыновья торговца, „мелкаго шибая“, тоже занимавшіеся торгашествомъ, два брата Красовы—Тихонъ и Кузьма, мѣщане. Ихъ-то исторію съ лѣтописной обстоятельностью повѣствуетъ Буниъ. Разсказъ, который могъ бы въ равной мѣрѣ быть озаглавленъ „Мѣщане“ вмѣсто „Деревня“, захватываетъ и революціонные годы послѣ Японской войны, но въ общемъ подчеркиваетъ только полную неподготовленность, „недоразвитость“ и тѣхъ, которые выступали случайными участниками движенія. Въ одномъ случаѣ взбунтовавшіеся крестьяне ограничились требованіемъ выдать имъ ветчины и потомъ изъ-за этой ветчины томились по тюрьмамъ и высылались въ мѣста, болѣе или менѣе отдаленныя.

Если Чеховъ послѣ произведеннаго имъ опыта жизни въ деревнѣ, въ Мелиховѣ, которое, по его признанію, „въ беллетристическомъ отношеніи послѣ „Мужиковъ“ уже истощилось“ и потеряло для него цѣну, писалъ А. С. Суворину (въ 1897 г.): „Прихожу все болѣе къ заключенію, что человѣку порядочному и не пьяному можно жить въ деревнѣ только скрѣпя сердце, и блаженъ русскій интеллигентъ, живущій не въ деревнѣ, а на дачѣ“ (т. V, 61—62), то Бунинъ распространилъ это положеніе и на полуинтеллигентныхъ самоучекъ, по происхожденію и дѣловымъ сношеніямъ еще связанныхъ съ деревней. Изъ братьевъ Красовыхъ, болѣе умный и дѣловой Тихонъ презиралъ и ненавидѣлъ деревню всей душой. Кузьма только силился ненавидѣть (185). Но въ концѣ концовъ и у Кузьмы ненависть одержала верхъ, и онъ переѣхалъ къ брату жить въ городъ. Необходимо для оцѣнки міропониманія Бунина учесть всѣ отрицательныя стороны деревни, которыя выставлены авторомъ, какъ итогъ, повидимому, многолѣтнихъ наблюденій. Онъ выводитъ ихъ не отъ себя, а съ точки зрѣнія мѣщанъ Красовыхъ, какъ сказано, рано отошедшихъ отъ строя крестьянской жизни и только отчасти случайно вновь на время связавшихъ свою судьбу съ обиходомъ деревни: Тихонъ Красовъ разбогатѣлъ, купилъ у обнищавшаго помѣщика Дурново хуторъ Дурновку, около полутораста десятинъ, и такимъ образомъ самъ оказался баріномъ въ усадьбѣ, гдѣ раньше его предки были крѣпостными господъ Дурново. Тихонъ, не прерывая торговыхъ дѣлъ, вскорѣ счелъ нужнымъ посадить въ Дурновкѣ своего брата Кузьму, съ которымъ помирился послѣ временной размолвки. Презрительное отношеніе Тихона къ деревенскимъ мужикамъ имѣетъ опредѣленное основаніе: вѣдь самъ онъ сумѣлъ выйти въ люди, нажиться, стать господиномъ надъ равными, почти что баріномъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ. Какъ всѣ кулаки—умный и разсчетливый, въ мѣру плутъ, съ растяжимой совѣстью, исключительно дѣловитый, Тихонъ достигъ матеріальнаго благосостоянія и былъ бы вполнѣ доволенъ своей судьбой, если бы его не преслѣдовала незадача съ дѣтьми; болѣзненная жена рожала только мертвыхъ младенцевъ; одного ребенка отъ посторонней связи заспала мать; другая полюбившаяся Тихону чужая жена, по прозвищу Молодая, произвела выкидышъ. И Тихону предстояло уже на склонѣ дней продолжать копить богачество неизвѣстно для кого. Пока что, онъ рѣшилъ сдѣлать одно „доброе дѣло“ и овдовѣвшую Молодую выдалъ замужъ, соблазнивъ сомнительнаго поведенія парня обѣщаніемъ заплатить за свадьбу и дать кой-что въ приданое невѣстѣ. Собственно къ этому сводится вся фабула разсказа.—Кузьма развился въ совсѣмъ другомъ направленіи, чѣмъ братъ. Онъ рано сталъ почитывать книжки, сочинять стихи и вообще проявлялъ наклонности къ умствованію, договорившись и до политической платформы, при чемъ, конечно, избралъ себѣ самую легкую, ни къ чему не обязывающую кличку „анар-

Ночлегъ.

Міръ — лѣсъ, ночной
пріютъ птицъ.

Брамины.

Въ вечерній часъ тепло во мракѣ лѣса
И въ теплыхъ водахъ меркнетъ свѣтъ зари.
Пади во мракъ зеленаго навѣса —
И, пріютясь, замри.

А раннимъ утромъ, бѣлымъ и росистымъ,
Взмахни крыломъ, среди листвы шурша,
И растворись, исчезни въ небѣ чистомъ —
Вернись на родину, душа!

Ив. Бунинъ

Индійскій океанъ
Мартъ 1911 г.

Автографъ Ив. А. Бунина.

хиста", не будучи вполнѣ въ состояніи пояснить значеніе этого термина. Въ жизни ему не повезло, какъ и полагается „идеалисту", и предложеніе его брата „матеріалиста", сумѣвшаго сколотить себѣ копейку, поселиться въ Дурновкѣ—явилось весьма кстати, когда Тихонъ, уже почти старикъ, за 50 лѣтъ, рѣшительно не зналъ, что предпринять. Въ разномъ направленіи оба брата дѣлаютъ свои помѣтки „на черной доскѣ" при наблюденіи деревни: Тихонъ подавленъ „картиной великой нищеты и великаго убожества, споконъ вѣку владѣвшихъ и городомъ этимъ и всѣмъ уѣздомъ его. Господи, Боже, что за край. Черноземъ на полтора аршина, да какой! А пяти лѣтъ не проходитъ безъ голода" и т. д. [1]) (23). Въ постоянныхъ заботахъ по торговымъ дѣламъ онъ высказываетъ замѣчаніе: „Не до леригіи намъ, свиньямъ. Поживи-ка у деревни, похлебай-ка кислыхъ щей" (69). „Своего собственнаго языка не знаемъ" (73), повторяетъ онъ слова Кузьмы, вполнѣ соглашаясь съ ихъ правильностью. „У насъ всѣ враги другъ другу,—разсуждаетъ про себя Тихонъ.—Завистники, сплетники, другъ у друга разъ въ годъ бываютъ, сидятъ по своимъ закутамъ, мечутся, какъ угорѣлые, когда нечаянно заѣдетъ кто, кидаются комнаты прибирать... Да что—ложки варенья жалѣютъ гостю. Безъ упрашиваній гость лишняго стакана не выпьетъ" (80) и т. п. Глубоко презирая въ особенности всѣхъ дурновцевъ, онъ на короткій часъ увлекся Молодой, безцеремонно овладѣвъ ею, въ надеждѣ имѣть ребенка. Къ правамъ ея мужа онъ относился совершенно индиферентно. Позже, заподозрѣвъ, что Молодая отравила своего мужа послѣ одной грубой шутки, которую съ ней сыграли заѣзжіе парни, Тихонъ рѣшилъ,—собственно неизвѣстно почему, словно изъ-за того же чувства презрѣнія,—выдать ее замужъ за лодыря и шалопая Дениску, вполнѣ убѣжденный, что парень ничего не стоитъ. Знала цѣну Денискѣ и Молодая и все-таки пошла за него, чтобы жить по-людски, съ мужемъ, при своемъ хозяйствѣ, хотя весьма сомнительно, чтобы хозяйство это осуществилось. А Тихонъ, формально будто бы облагодѣтельствовавшій Молодую, уже совсѣмъ разстается съ деревней, нелѣпой свадьбой какъ бы окончательно ее заклеймивъ.

Кузьма, въ противоположность Тихону, какъ указано, нахватался кое-какихъ свѣдѣній изъ книжекъ и разговоровъ; онъ характерный полуинтеллигентъ и, между прочимъ, рекомендуетъ себя брату, получивъ отъ него приглашеніе поселиться въ Дурновкѣ: „Я, братъ,—какъ бы это тебѣ сказать?—странный русскій типъ... Ты вотъ, вижу, гордишься, что ты русскій, а я, братъ, охъ, далеко не славянофилъ; много баять не подобаетъ, но скажу одно: не хвалитесь вы, за ради Бога, что вы—русскіе. Дикій мы народъ, сонный, расхлябистый"... Однако, несмотря на это общее отрицательное отношеніе къ свойствамъ своего народа, конечно, вычитанное

[1]) Ср. разсказъ „Золотое дно".

изъ книжекъ, Кузьма, въ споръ съ нѣкіимъ Балашкинымъ („базарный вольнодумецъ и чудакъ, старикъ-гармонистъ"), наперекоръ послѣднему заявляетъ, что русскій народъ—„величайшій народъ", и что „Платонъ Каратаевъ—признанный типъ этого народа" (107). Въ понятіяхъ Кузьмы царитъ изрядный сумбуръ, однако онъ отчетливо видитъ всѣ изъяны „народа", котораго по его же словамъ нѣтъ „лютѣе", и хоть на всемъ свѣтѣ нѣтъ и „голѣе насъ, зато и нѣту охальнѣе на эту самую голь. Чѣмъ подлѣе уязвить: бѣдностью. „Чортъ, тебѣ лопать нечего"... И въ концѣ концовъ, Кузьма, видя кругомъ и нищету, и безпомощность, и невѣроятную дикость, и звѣроподобіе, доходитъ до такихъ крайнихъ выводовъ о „гніеніи деревни", что даже Тихонъ его осаживаетъ: „Ну, ужъ ты ни въ чемъ мѣры не знаешь. Самъ же долбилъ—несчастный народъ, несчастный народъ, а теперь—животные".—„Да, долблю и буду долбить,—подхватываетъ Кузьма,—но у меня умъ за разумъ зашелъ. Ничего теперь не понимаю: не то несчастный, не то... Да ты послушай: вѣдь ты же самъ его ненавидишь. Вы оба другъ друга ненавидите", и т. д. (204). Уголокъ деревни, показанный намъ сквозь призму наблюденій Тихона и Кузьмы, представляетъ, конечно, мало отраднаго. Но вѣдь это случайныя явленія: Сѣрый, Яковъ, Дениска, Коза, Молодая, Кошель, Однодворка—все это не типы, а бѣглые силуэты на второмъ планѣ рисунка. Деревня, конечно, очень эволюціонирована за послѣднюю четверть вѣка, многое пошло на минусъ, но кое-что и на плюсъ. Быть можетъ, въ опредѣленной мѣстности средней полосы Россіи, кажется, въ Орловской губерніи, гдѣ Бунинъ, главнымъ образомъ, черпалъ матеріалъ своихъ наблюденій [1]), примѣры Дурновки не рѣдкость,—они не характерны для общаго „типа" крестьянина новѣйшей формаціи, какъ отошло теперь и пьянство—прежній повальный недугъ сельскаго на[illegible]нія. Грубость, невѣжество, безпечность, лѣнь отъ пассивности, [illegible]внодушіе къ жизни отъ неумѣнія жить, плутоватость отъ непониманія значенія честности, какъ необходимаго цемента всякой общественной организаціи,—все это есть въ деревнѣ, какъ вліяютъ на нее несомнѣнно и дурные примѣры свыше и отсутствіе правильнаго культурнаго руководства, довѣрія къ самодѣятельности, поддержки въ самостоятельныхъ починахъ; конечно, много есть уродливыхъ явленій въ современномъ обиходѣ деревни. Нужда на первомъ планѣ, и отсюда порою довольно низменный и ограниченный утилитаризмъ въ воззрѣніяхъ. Но замѣчаніе Балашкина: „Вши съѣли твоего Ка-

[1]) Локальный колоритъ въ разсказахъ Бунина подчеркивается частыми діалектизмами,—выраженіями, заимствованными изъ мѣстнаго говора, не вошедшими въ общелитературный языкъ и даже не всегда понятными. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько такихъ выраженій, которыя мы отмѣтили въ „Деревнѣ" и „Суходолѣ": ливенки, жамки, форноса, глухомань, вощa, зарьяли, жожку срѣзать, котна, каюкъ, „все до шпента объѣлозили", настырный, жильни, пунька, засвирбѣло, очашникъ, гамонъ, гребовать, акатникъ и т. п.

ратаева. Не вижу тутъ идеала" — подчеркиваетъ лишь убогость обстановки жизни. Въ характеристикѣ типическихъ духовныхъ свойствъ группы людей или цѣлаго слоя общества—все дѣло въ степени обобщенія выдающихся чертъ „умопостигаемаго характера". Бунинъ не даетъ синтеза явленій, а подчиняется эмпирическимъ частностямъ. Его наблюденія цѣнны; фигурки Тихона и Кузьмы выписаны любовно и съ проникновеніемъ, выпукло и красочно, и въ общемъ получается содержательный разсказъ, не очень занимательный самъ по себѣ, съ чисто беллетристической точки зрѣнія, но важный какъ документъ жизни въ опредѣленный историческій моментъ, не столько о самой деревнѣ, какъ о мѣщанахъ въ деревнѣ и объ ихъ отношеніи къ сельскому быту.

Въ послѣднемъ сборникѣ разсказовъ Бунина 1913—1914 гг.— „Чаша жизни"—есть очеркъ, подъ названіемъ „Весенній вечеръ", въ которомъ разсказывается, какъ загулявшій мужикъ ни съ того ни съ сего убилъ нищаго, вырвавъ у него ладанку, въ которой зашиты были деньги, и потомъ, внезапно протрезвѣвъ, ушелъ въ поле и далеко отшвырнулъ эту ладанку въ темные взметы... Какой смыслъ этого нелѣпаго поступка или, вѣрнѣе, совокупности нелѣпыхъ поступковъ: безпросвѣтное пьянство, убійство, бросаніе денегъ? Бунинъ предоставляетъ судить объ этомъ читателямъ. Нѣсколько странное впечатлѣніе производитъ сцена, когда мужикъ, пригрозившій нищему, что онъ его убьетъ, если тотъ не отдастъ добровольно скопленныхъ денегъ, идетъ на улицу, выдираетъ камень изъ фундамента избы, возвращается съ нимъ, а нищій все стоитъ, зная, что его сейчасъ убьютъ, и даже не помышляя о бѣгствѣ, словно не вѣря, что мужикъ приведетъ въ исполненіе свою угрозу. Однако, съ пьянымъ шутки плохи. А пьяный разсказывалъ, что онъ уже двѣ лошади пропилъ, прокучиваетъ остатки и умолялъ дать ему деньги, тогда онъ „навѣкъ человѣкомъ станетъ". Эта мечта овладѣла закутившимъ человѣкомъ; отпоръ раздражилъ, довелъ „до грѣха", потомъ все съ хмелемъ соскочило, и проснулась совѣсть. Только и всего: въ подвыпитьѣ всякая блажь лѣзетъ въ голову, и мысль сразу переходитъ въ дѣйствіе. Но дѣйствуетъ не человѣкъ, а „вино", какъ любятъ выражаться въ деревнѣ. Угаръ прошелъ, и человѣкъ едва отдастъ себѣ отчетъ въ томъ, что сдѣлалъ, ибо вѣдь „отъ ней всѣ качества". Бунинъ подошелъ къ философіи Толстого. Онъ вновь въ мужикѣ и человѣка обрѣлъ.

Обрѣлъ онъ его и въ бѣдномъ рикшѣ на островѣ Цейлонѣ, въ разсказѣ, знаменательно озаглавленномъ „Братья". Въ описаніи ощущеній и переживаній возницы-рикши и его трагической смерти Бунинъ поднялся до чрезвычайнаго мастерства и затѣмъ, въ быстромъ переходѣ къ передачѣ мыслей высококультурнаго англичанина, послѣ ѣзды на рикшѣ отплывающаго стремительно на русскомъ пароходѣ

въ Европу, онъ дастъ параллельную картину разочарованности въ жизни, не по тѣмъ вполнѣ реальнымъ поводамъ, которые привели бѣднаго рикшу къ самоубійству, а по нѣкоторымъ философскимъ мотивамъ. Англичанину, заболѣвшему на островѣ Цейлонѣ, кажется, что вся жизнь обвѣяна страшнымъ, „а мы разучились чувствовать страхъ. Бога, религіи въ Европѣ давно уже нѣтъ; мы, при всей своей дѣловитости и жадности, какъ ледъ холодны и къ жизни и къ смерти: если и боимся ея, то только разсудкомъ, или же остатками животнаго инстинкта. Иногда мы даже стараемся внушить себѣ эту боязнь, увеличить ее — и все же не воспринимаемъ, не чувствуемъ въ должной мѣрѣ того непонятнаго и ужаснаго, чѣмъ полна человѣческая жизнь"... Такъ разсуждаетъ богато одаренный природой и культурой „братъ" бѣднаго рикши, и оба приходятъ почти къ одинаковымъ выводамъ о томъ, что не стоитъ жить. Рикша купилъ ядовитую змѣю и покончилъ счеты съжизнью; философствующій англичанинъ потушилъ электричество и остался одинъ въ темной каютѣ,—только и всего. Конецъ странный. Бунинъ любитъ такъ озадачивать. Однако, въ размышленіяхъ англичанина, „полковника англійской арміи", почувствовавшаго сколько есть страшнаго въ „нестрашномъ", — нетрудно распознать тему, родственную съ тезисомъ Короленко въ разсказѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ „Нестрашное". Конечно, и фабула, и положеніе, и выводы иные, но что заставляетъ англичанина стремиться „чувствовать страхъ?" Источникъ этой жажды страха—идеалистическія потребности души, желаніе согласовать свои дѣйствія съ велѣніями совѣсти, быть вполнѣ честнымъ съ собою. Англичанинъ, между прочимъ, вспоминаетъ, что, какъ участникъ бурской кампаніи, приказывая стрѣлять изъ пушекъ, онъ „убивалъ людей сотнями" и вотъ не только не страдаю, не схожу съ ума, что я убійца, но даже не думаю о нихъ никогда". „А звѣри, дикари думаютъ?" спросилъ капитанъ. „Дикари вѣрятъ, что такъ надо, а мы нѣтъ", сказалъ англичанинъ и замолчалъ. Страшись итти въ разрѣзъ съ велѣніями совѣсти—таковъ смыслъ „болѣзни" англійскаго полковника. Думай о тайнахъ жизни и смерти, ощущай страхъ передъ величіемъ невѣдомаго, стремись проникнуть въ эти тайны. Бунинъ все болѣе утверждается на пути стать не только наблюдателемъ жизни, но и мыслителемъ о жизни и, развиваясь въ этомъ направленіи, онъ въ окончательномъ итогѣ своей дѣятельности найдетъ, быть можетъ, нѣчто большее, чѣмъ „царапину на стеклѣ, намазанномъ ртутью"...

Мы не будемъ разбирать другихъ разсказовъ послѣдняго сборника Бунина: число ихъ, вѣроятно, быстро умножится, ибо авторъ еще идетъ въ гору и едва переступилъ половину жизненнаго пути. Онъ началъ свою дѣятельность беллетриста разсказомъ „Перевалъ",

имѣющимъ символическое значеніе: „ночь давно, а я все еще бреду по горамъ къ перевалу, бреду подъ вѣтромъ, среди холоднаго тумана... Какъ ночь, надвигались на меня горести, страданія, болѣзни, измѣны любимыхъ и горькія обиды дружбы... И, скрѣпивши сердце, опять бралъ я въ руки свой странническій посохъ. А подъемы къ новому счастью были высоки и трудны, ночь, туманъ и буря встрѣчали меня на высотѣ, жуткое одиночество охватывало на перевалахъ... Но идемъ, идемъ". Это бодрое и настойчивое стремленіе впередъ, поддерживавшее его четверть вѣка, должно служить залогомъ и дальнѣйшаго успѣшнаго роста и развитія. Поскольку онъ опредѣлился теперь, Буниnъ по качествамъ отдѣлки письма, добросовѣстной работѣ художника, умѣлому рисунку и зоркому глазу, по праву занимаетъ выдающееся положеніе среди современныхъ поэтовъ и беллетристовъ.

СОДЕРЖАНІЕ II ТОМА.

I.

Переоцѣнка всѣхъ цѣнностей.

(1890-ые годы).

(Окончаніе).

Стр.

Ѳ. Сологубъ. *Біографическая справка. Анастасіи Чеботаревской* 9
Ѳедоръ Сологубъ. *А. Г. Горнфельда* 11
Е. Чириковъ. *Ред.* 65
Е. Н. Чириковъ. *А. Б. Лермана* 75
Піонеры марксизма. *В. А. Базарова* 90
А. Волынскій. *Проф. С. А. Венгерова* 121
Библіографія новѣйшей русской литературы. Составилъ *А. Г. Фомина* . . . 137
Подробное оглавленіе первой части 203
Списокъ иллюстрацій на отдѣльныхъ листахъ I части 206

II.

Синтетическій модернизмъ и богоискательство.

(Начало XX вѣка).

Этапы нео-романтическаго движенія. *Статья вторая.* Проф. *С. А. Венгерова* . . . . . .
X. Беллетристика 80-хъ годовъ 209
XI. Публицистика 80-хъ годовъ 224
Леонидъ Андреевъ. *Автобіографическіе матеріалы. Ред.* 241
Леонидъ Андреевъ. *Л. С. Коловскаго* 251
Иннокентій Анненскій. Проф. *П. П. Митрофанова* 281
Ю. Балтрушайтисъ. *Автобіографическая справка* 297
Юргисъ Балтрушайтисъ, какъ лирическій поэтъ. *Вячеслава Иванова* . . . 301
Александръ Блокъ. *Автобіографическая справка* 312
Александръ Блокъ. *Валерія Брюсова* 320
И. Буниnъ. *Автобіографическая замѣтка* 331
Ив. А. Буниnъ. *О. Д. Батюшкова* 342

Иллюстраціи на отдѣльныхъ листахъ.

Стр.

1. Ѳ. К. Сологубъ. *Съ портрета Б. Кустодіева.* (Въ краскахъ). 32
2. Автографъ Ѳ. С[illegible]уба 48
3. Евгеній Николаевичъ Чириковъ. *Съ фотографіи. Меццотинто-гравюра* . . 80
4. Георгій Валентиновичъ Плехановъ. *Съ фотографіи* 97
5. Изъ „Исторіи русской общественной мысли" Г. В. Плеханова. *Автографъ* . 104
6. Петръ Бернгардовичъ Струве. *Съ фотографіи* 112
7. А. Волынскій (Акимъ Львовичъ Флексеръ). *Съ фотографіи. Меццотинто-гравюра* 128
8. Андреевъ, Бунинъ, Горькій, Скиталецъ, Телешовъ, Чириковъ, Шаляпинъ (группа) 140
9. Леонидъ Николаевичъ Андреевъ. *Съ портрета В. Сѣрова. Меццотинто-гравюра* 241
10. Иннокентій Ѳедоровичъ Анненскій. *Съ фотографіи* 281
11. Юргисъ Казиміровичъ Балтрушайтисъ 297
12. Александръ Александровичъ Блокъ. *Съ портрета К. Сомова.* (Въ краскахъ.) 321
13. Иванъ Алексѣевичъ Бунинъ. *Съ фотографіи* 337
14. „Ночлегъ". *Автографъ Ив. Бунина* 360

Орнаментація изданія – обложка, заставки, концовки и буквы—А. М. Арнштама.

JAN 18 1999

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY